UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00876830 1

Evarnitsky - Yavornitsky, Dmitry Ivanovich
III

Д. И. Эварницкій.

14 357

ИСТОРІЯ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

"PRAVOSLAVNI WOSTOK"
L' Orient Orthodoxe
BUCAREST

Istoriya zaporozhskikh Kozakov

Томъ первый.

Второе исправленное и дополненное изданіе.

2. ispr. i dop. izd.

"PRAVOSLAVNI WOSTOK"
L' Orient Orthodoxe
BUCAREST

UNIVERSITY OF TORONTO

МОСКВА.
Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.
1900.

617647
29.8.55

DK
508
.7
E837
v.1

„PRAVOSLAVNI WOSTOK"
L' Orient Orthodoxe
BUCAREST

Посвящаю память

дорогаго родителя

Ивана Акимовича Яворницкаго

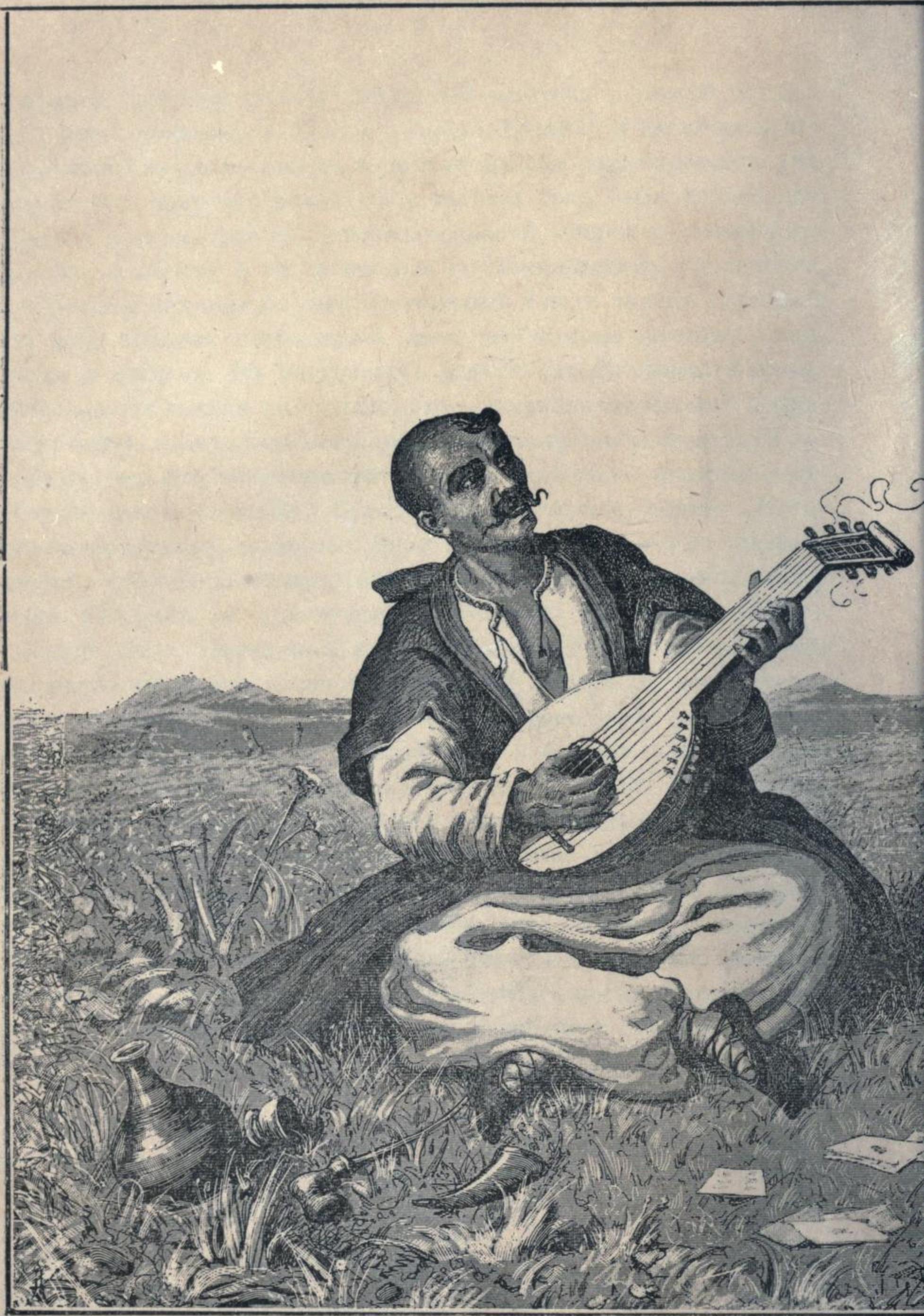
1828—1885.

„PRAVOSLAVNI WOSTOK"
L'Orient Orthodoxe
BUCAREST

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ основаніе настоящаго труда легло шестнадцатилѣтнее изученіе жизни и военныхъ дѣяній запорожскихъ козаковъ, прославившихъ себя безсмертными подвигами въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество. Вся „Исторія запорожскихъ козаковъ“, по плану автора, выйдетъ въ четырехъ томахъ, при чемъ первый томъ посвященъ исключительно изображенію внутренняго быта запорожской общины, второй, третій и четвертый томы посвящены фактическому изложенію событій козацкихъ дѣяній, начиная съ конца XV и кончая второю половиной XVIII вѣка. Главнымъ пособіемъ при изображеніи судебъ Запорожья, помимо печатныхъ источниковъ, южно-русскихъ лѣтописей, польскихъ хроникъ и различныхъ мемуаровъ, для автора служили писанные документы, разбросанные во многихъ мѣстахъ Россіи по государственнымъ архивамъ и частнымъ хранилищамъ (въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Архангельскѣ, Соловецкомъ монастырѣ), такъ или иначе касающіеся жизни и военныхъ подвиговъ запорожскихъ козаковъ. Но кромѣ архивныхъ матеріаловъ въ основаніе „Исторіи“ легло и многолѣтнее изученіе авторомъ топографіи запорожскаго края: изученію топографіи края авторъ всегда придавалъ очень важное значеніе, и потому прежде чѣмъ взяться за изображеніе историческихъ судебъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, онъ много разъ объѣзжалъ всѣ мѣста бывшихъ Сичей, много разъ плавалъ по Днѣпру, спускался черезъ пороги, осматривалъ острова, балки, лѣса, шляхи; вмѣстѣ съ этимъ посѣщалъ кладбища, изучалъ церковныя древности, записывалъ козацкія пѣсни, народныя преданія, вскрывалъ погребальные курганы и обозрѣвалъ всѣ, болѣе или менѣе, значительныя частныя и общественныя собранія запорожскихъ древностей. Во всемъ этомъ онъ руководился исключительно любовью къ запорожскимъ козакамъ, зародившеюся у него еще съ очень ранняго дѣтскаго

возраста, когда отецъ его, „грамотѣй-самоучка“, читалъ ему безсмертное произведеніе Гоголя „Тарасъ Бульба“ и заставлялъ шестилѣтняго мальчика рыдать горькими слезами надъ страшною участью героя повѣсти. Впечатлѣніе дѣтства такъ было сильно, что привело автора, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сперва къ пѣшему хожденію, а потомъ и къ поѣздкамъ по запорожскимъ урочищамъ; эти поѣздки изъ года въ годъ повторялись и подъ конецъ сдѣлались для него столь-же необходимы, какъ необходимы человѣку пища, питье и воздухъ. Въ настоящемъ изданіи авторъ старался исправить прежнія ошибки и дополнить трудъ по вновь открытымъ архивнымъ матерьяламъ, главнымъ образомъ въ трехъ московскихъ архивахъ—архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, юстиціи и отдѣленіи главнаго штаба. Кромѣ того настоящее изданіе „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ имѣетъ передъ первымъ то преимущество, что оно дополнено совершенно новыми данными, добытыми авторомъ во время продолжительнаго пребыванія его въ Средней Азіи. Вызванный въ Туркестанскій край для исключительнаго завѣдыванія мѣстной археологіей, авторъ „Исторіи“ усмотрѣлъ большую связь, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, между жизнью туземцевъ Средней Азіи и бытомъ запорожскихъ козаковъ. Эта связь и отмѣчена имъ въ „Исторіи“ при второмъ ея изданіи. По примѣру прежнихъ изданій, авторъ нашелъ нужнымъ иллюстрировать и настоящее изданіе, чтобы сдѣлать его полезнымъ не только для людей, интересующихся одной исторіей, но и для людей, которые пожелали-бы художественно изобразить тотъ или другой моментъ изъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ. Въ этомъ случаѣ онъ пользовался между прочимъ альбомами извѣстнаго художника Ильи Ефимовича Рѣпина.



Запорож

Ригельману.

Границы вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ.

Границы вольностей запорожскихъ козаковъ въ разное время и отъ различныхъ обстоятельствъ постоянно мѣнялись. Отсюда опредѣлить съ точностью предѣлы земли низовыхъ козаковъ довольно затруднительно, а иногда, при отсутствіи какихъ бы то ни было на этотъ счетъ указаній, и совершенно невозможно. Первыми указателями въ этомъ вопросѣ являются малороссійскіе лѣтописцы; но наиболѣе достовѣрные и точные изъ нихъ ограничиваются въ данномъ случаѣ слишкомъ общими указаніями: „Поляки, принявъ въ свою землю Кіевъ и малороссійскія страны въ 1340 году, спустя нѣкоторое время, всѣхъ живущихъ въ ней людей обратили въ рабство; но тѣ изъ этихъ людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владѣть мечомъ и не признавали надъ собой рабскаго ига, тѣ, не вынесши гнета и порабощенія, стали самовольно селиться около рѣки Днѣпра, ниже пороговъ, въ пустыхъ мѣстахъ и дикихъ поляхъ, питаясь рыбными и звѣриными ловлями и морскимъ разбоемъ на бусурманъ. Польскій король Сигизмундъ I (1507—1548) прежде всѣхъ даровалъ козакамъ въ вѣчное владѣніе землю около пороговъ, вверхъ и внизъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, чтобы они, ставъ въ чолѣ, не позволяли татарамъ и туркамъ нападать на русско-польскія земли. За Сигизмундомъ I король Стефанъ Баторій (1576—1586), кромѣ давняго стариннаго складового города Чигирина, далъ въ пристанище низовымъ козакамъ городъ Трехтемировъ съ монастыремъ, для постояннаго жительства въ немъ въ зимнее время“ [1]).

---

[1]) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 81, 21, 22.

Къ сожалѣнію, грамота короля Стефана Баторія, на пожалованіе запорожцамъ означенныхъ земель и городовъ, въ подлинникѣ не дошла до насъ; копія же съ грамоты, сильно подверженная сомнѣнію въ цѣломъ ея видѣ, ничего не прибавляетъ къ тому, что сказано было по этому поводу малороссійскимъ лѣтописцемъ: „Надаетъ его королевское величество (1576 года, августа 20 числа) козакамъ низовымъ запорожскимъ вѣчно городъ Терехтемировъ съ монастыремъ и перевозомъ, опричь складового стариннаго ихъ запорожскаго города, Чигирина, и отъ того города Терехтемирова на низъ по-надъ Днѣпромъ рѣкою до самаго Чигирина и запорожскихъ степей, къ землямъ чигиринскимъ подошедшихъ, со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами, хуторами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а въ ширь отъ Днѣпра на степь, доколѣ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились“ [1]).

Съ тою же неопредѣленностью границъ вольностей запорожскихъ козаковъ встрѣчаемся мы и шестьдесятъ-восемь лѣтъ спустя послѣ смерти польскаго короля Стефана Баторія, когда запорожцы изъ-подъ власти Польши перешли подъ протекцію Россіи, заодно съ малороссійскими козаками и ихъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ царской грамотѣ на этотъ счетъ говорится лишь, что запорожскіе козаки будутъ пользоваться прежними правами и привиллегіями, каковы даны были имъ отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ [2]). Впрочемъ, годъ спустя послѣ этого, въ 1655 году, 15 января, запорожскіе козаки получили будто бы универсалъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, дошедшій до насъ также въ копіи и также сильно подверженный въ общемъ его видѣ сомнѣнію, впервые опредѣлявшій болѣе или менѣе точно границы вольностей запорожскихъ козаковъ: „А теперь такъже владѣть имъ стариннымъ городкомъ запорожскимъ, Самарь называемымъ, съ перевозомъ и съ землями въ верхъ Днѣпра по рѣчку Орель, а въ низъ до самыхъ сте-

---

[1]) Миллеръ, О малороссійскомъ народѣ, Москва, 1846, 43.
[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, 1, 178.

пей ногайскихъ и крымскихъ, а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровые и Буговые, какъ изъ вѣковъ бывало, по очаковскіе улусы, и вверхъ рѣки Буга по рѣку Синюху, отъ Самарскихъ же земель черезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще до гетмана козацкого Предслава Ланцкоронскаго козаки запорожскіе свои зимовники имѣли, и то все, чтобы не нарушимо во вѣки при козакахъ запорожскихъ осталось [1])". Показаніе приведенной копіи гетманскаго универсала оправдывается лишь тождественнымъ показаніемъ границы вольностей запорожскихъ козаковъ на западной окраинѣ по бучачскому миру, заключенному въ 1672 году, 18 октября, въ Галиціи: по этому миру польскій король Михаилъ Вишневецкій уступилъ турецкому султану Мухаммаду IV всю Подолію и Украйну, а пограничною чертой владѣній запорожскихъ козаковъ опредѣлена была рѣчка Синюха, впадающая въ Бугъ съ лѣвой стороны [2]).

Тою же неопредѣленностью отличаются показанія границъ вольностей запорожскихъ козаковъ и въ 1681 году, когда шелъ вопросъ о бахчисарайскомъ перемиріи между Россіей и Турціей: въ то время южною границею между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями татаръ опредѣлялись рѣки Днѣпръ и Бугъ: „Въ перемирные годы отъ рѣки Буга и до помянутаго рубежа рѣки Днѣпра турки не должны были строить новыхъ городовъ и возобновлять старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ, оставить ихъ впустѣ и не принимать перебѣжчиковъ; крымскимъ, очаковскимъ и бѣлогородскимъ татарамъ кочевать со своими стадами по обѣ стороны Днѣпра (и по сей и по той сторонѣ Днѣпра быть берегу и землямъ салтанова величества турскаго), на степяхъ около рѣчекъ, запорожскимъ и городовымъ козакамъ, промышленнымъ людямъ для рыбной ловли, звѣриной охоты и соленаго промысла Днѣпромъ и всѣми степными рѣчками обѣихъ сторонъ Днѣпра до самаго устья Чернаго моря плавать вольно" [3]). Въ 1686 году Польша, заключая тринадцатилѣтнее

---

[1]) Миллеръ, О малороссійскомъ народѣ, Москва, 1846, 43.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 127.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 613, 623.

перемиріе съ Россіей и уступая ей Кіевъ, Смоленскъ и другіе города, въ тоже время отказывалась и отъ всего Запорожья: „Внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кодака, и тотъ городъ Кодакъ, и запорожскій Кошъ, городъ Сѣчю, и даже до Чернаго лѣсу и до Чернаго жъ моря, со всѣми землями и съ рѣками и съ рѣчками и всякими принадлежащими землями, чѣмъ владѣли изстари запорожцы“ [1]).

Съ 1687 года у запорожскихъ козаковъ открывается споръ съ козаками пограничнаго полтавскаго полка гетманскаго регимента изъ-за обладанія мѣстностью между Орелью и Самарою. Споръ этотъ тянулся на пространствѣ времени всего XVIII столѣтія и впервые возникъ при гетманствѣ Самойловича. Запорожцы по справедливости считали область между Орелью и Самарою принадлежащею низовому войску. Уже самый характеръ мѣстности не даетъ основанія относить мѣста вдоль лѣваго берега Орели къ полтавскому полку: дѣло въ томъ, что отъ лѣваго берега Орели сразу начинаются степи, рѣзко отличающія Гетманщину отъ такъ называемаго Низа. Тутъ сама природа положила рѣзкую грань, и эта грань дѣлалась естественной границей, за которую войско гетманскаго регимента никогда не проникало. Перейти Орель и засѣсть вдоль ея лѣваго берега, въ открытой степи,—это уже было подвигомъ, на который способны были только запорожцы. Но отъ запорожцевъ обыкновенно требовали, чтобъ они представили документальныя данныя на владѣнія землями отъ рѣки Орели непосредственно и далѣе. Но у кого же въ тѣ поры были на рукахъ такія данныя? Запорожцы ссылались на универсалы литовско-польскихъ королей о дарованіи козакамъ земель и представляли копіи съ универсаловъ. Но у нихъ спрашивали не копій, а подлинниковъ. Но такое требованіе легко было предъявить, но не легко было въ тѣ времена безконечныхъ войнъ, ведшихъ за собой всеобщее истребленіе, его исполнить. Запорожцы справедливо указывали на то, что войско „изстари“ владѣло землей отъ Орели до Самары и далѣе. И не было основія имъ не вѣрить, такъ какъ въ началѣ историческаго существо-

---

[1]) Акты, изданные археографической экспедиціей, 1836, IV, № 290, 430.

ванія козачества степи отъ рѣчки Орели были своего рода „bonnum nullius“, ничье благо, которое впервые и досталось запорожцамъ по праву пѣрваго займа. Такимъ образомъ съ западной стороны Гетманщины границей вольностей запорожскихъ козаковъ въ XVII вѣкѣ считалась рѣка Орель.

Въ концѣ этого-же столѣтія, по карловицкому миру, заключенному въ 1699 году, 26 января, между Австріей, Венеціей, Турціей и Польшей, послѣдняя получила обратно Украйну, Каменецъ и Подолію, а запорожское войско западною границею своихъ владѣній попрежнему должно было считать рѣчку Синюху, впадающую въ Бугъ [1]). Столь же мало данныхъ представляетъ для рѣшенія вопроса о предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ и трактатъ 1700 года о тридцатилѣтнемъ перемиріи между Россіей и Турціей; здѣсь находятся указанія лишь относительно южной границы запорожскихъ владѣній. „Поднѣпровскіе городки всѣ разорить, мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султанской сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половинѣ между Очаковомъ и Кызыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, быть около того поселенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостцою, селу приличному, а вида городовой крѣпости и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества, а отъ Перекопа и отъ края моря перекопскаго до перваго новаго азовскаго городка (Міюсскаго) землямъ быть праздными“ [2]). По этому трактату „барьеромъ“ между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями ногайскихъ татаръ признаны были земли отъ рѣки Большой-Берды до города при устьѣ рѣки Міюса, гдѣ она впадаетъ въ Азовское море, и отъ рѣки Міюса, къ рѣкѣ Дону [3]); ниже этого „барьера“ запорожцамъ воспрещалось переходить на морскія косы, лиманы и озера для рыбной ловли.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 127

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, XIV, 302.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 152,

Только въ „межевой записи“ 1705 года, 22 октября, между Россіей и Турціей, учиненной у рѣки Буга русскимъ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ и турецкимъ пашей Эффенди-Кочъ-Мегметомъ, мы впервые встрѣчаемся съ точнымъ и болѣе или менѣе подробнымъ опредѣленіемъ границъ запорожскихъ вольностей, но и то съ одной лишь югозападной стороны, отъ рубежа Польши. „Початокъ границъ отъ польскихъ концовъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ коммисарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ коммисарскихъ обозовъ паки рѣкою Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется потурецки Великій-Конаръ [1]), и отъ Великаго-Конара полемъ черезъ Еланецъ, который потурецки называется Енгулою, гдѣ впадаетъ Великій-Ингулъ [2]); потомъ перешедши Великій-Ингулъ, полемъ до рѣчки Висуни, а Висунь поперекъ перешедъ, полемъ до Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ, черезъ бродъ Бекеневскій, который отъ кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ оная впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тѣмъ кончится граница“ [3]). Впрочемъ, въ этой же самой записи сдѣлана оговорка, что „подданные его царскаго величества вольно могутъ ходить на Лиманъ и на Черное море для всякихъ своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія“.

Такъ опредѣлялась югозападная граница запорожскихъ вольностей.

Что касается юговосточной границы, то она опредѣлялась по тому же трактату слѣдующимъ образомъ: „Начавъ отъ вершины рѣки Конскихъ водъ, отъ обоихъ сторонъ поставили по одному кургану, а отъ тѣхъ кургановъ прямою линіею разстояніемъ четверть часа по одному жъ кургану, оттуда тою жъ линіею въ томъ же разстояніи еще

---

[1]) Какъ справедливо думаетъ Ястребовъ, до балки Большаго-Сухаго-Ташлыка: Объяснительная записка къ картѣ Елисаветградской провинціи 1772 года въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, XIV.

[2]) Явная ошибка: здѣсь разумѣется рѣчка Сухой Еланецъ, но она впадаетъ не въ Ингулъ, а въ рѣку Бугъ.

[3]) Полное собраніе законовъ, томъ IV, статья 2077, страница 324.

по одному кургану, а при западной вершинѣ рѣки Большой Берды также по одному кургану, отъ вершины рѣки Конскихъ водъ до западной вершины рѣки Большой Берды, разстояніемъ всего три четверти часа и между помянутыми рѣками къ полуденной сторонѣ вся земля осталась къ оттоманскому имперію; съ полуночной же стороны вся земля всероссійскому имперію, а отъ развилины рѣки Большой Берды даже до новаго города, который имѣется въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Міюсъ въ Азовское море впадаетъ, во всемъ быть непремѣнно по соглашенію того года трактата и конвенціи о границахъ, рѣка же Конскія воды даже до впаденія въ Днѣпръ вмѣсто знаковъ граничныхъ утверждена: отъ впаденія же Конскихъ водъ внизъ рѣка Днѣпръ между обоихъ имперій оставлена, въ помянутыхъ же рѣкахъ подданнымъ обоихъ имперій безъ нарушенія пользоваться позволяется. И потому начало границъ есть отъ вершины рѣки Конскихъ водъ, а конецъ у новаго города, который при впаденіи рѣки Міюсъ въ Азовское море состоитъ“ [1]).

Съ 1709 по 1733 годъ запорожскіе козаки жили на земляхъ татарскихъ, сперва на границѣ русскихъ владѣній съ татарами, по рѣчкѣ Каменкѣ, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, въ 30 верстахъ выше города Кызыкерменя, а потомъ гораздо ниже русско-татарской границы, въ урочищѣ Алешкахъ, за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой стороны Днѣпра. То было время, когда запорожскіе козаки, съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ во главѣ, желая видѣть „свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не только въ ненарушимыхъ, лечь и въ расширенныхъ и размноженныхъ вольностей квѣтнучую и изобилуючую, отдалися въ оборону найяснѣйшого короля его милости шведского, Карла XII“ [2]). Тогда они поплатились за то лишеніемъ своихъ вольностей въ предѣлахъ Россіи и перешли въ подданство турецкаго султана и крымскаго хана. Но это продолжалось, однако,

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла правительствующаго сената по малороссійской экспедиціи, 1742—1752, №130/1857.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 318.

въ теченіе двухъ лѣтъ. По несчастному для Петра I, въ 1711 году, прутскому миру, Россія должна была уступить Турціи большой уголъ земли, начиная снизу отъ Азова и идя вверхъ къ сѣверу до половины теченія рѣки Орели, отсюда поворотивъ подъ тупымъ угломъ до устья той же рѣки Орели, изливающейся въ Днѣпръ; отъ устья Орели, перейдя Днѣпръ, вверхъ по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до мѣстечка Крылова; отъ мѣстечка Крылова, поворотивъ отъ сѣвера къ югу, по верховьямъ рѣкъ Ирклея, Ингульца, Ингула и до верховья рѣчки Выси; отъ рѣчки Выси по рѣчкѣ Синюхѣ и до устья ея при рѣкѣ Бугѣ. Отдавъ туркамъ этотъ огромный уголъ земли, Петръ I въ то же время долженъ былъ собственными силами разорить устроенныя русскими въ запорожскихъ вольностяхъ крѣпости Новобогородицкую, при устьѣ Самары, Кодацкую, на правомъ берегу Днѣпра, противъ перваго порога, и Каменный-Затонъ, ниже Никитина, и обязался не безпокоить запорожскихъ козаковъ, „отнять отъ нихъ руку свою и не вступаться въ нихъ“ [1]). Тогда запорожцы de jure сдѣлались вновь обладателями прежнихъ своихъ вольностей: они раскинули свои зимовники или хутора по очаковской сторонѣ, отъ Переволочной до самаго Буга, и по крымской, отъ рѣки Самары до Азовскаго моря. На этомъ пространствѣ они могли заниматься охотой, не заводя, однако, осѣдлостей. [2]).

Но съ 1734 года запорожскіе козаки снова перешли подъ власть Россіи. Тогда, послѣ побѣдъ русскихъ полководцевъ, Миниха и Ласси, надъ турками и татарами, въ соучастіи съ запорожскими козаками, между Россіей и Турціей заключенъ былъ въ 1739 году, 18 сентября, бѣлградскій миръ [3]), а въ 1740 году, 4 ноября, учиненъ былъ особый „инструментъ“ при рѣкѣ Великомъ-Ингулѣ русскимъ уполномоченнымъ Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ и турецкимъ коммисаромъ Мустафою-беемъ-Селихтаромъ-Кятибы съ двумя товарищами. По этому „инструменту“ владѣнія запорожскихъ козаковъ опредѣлялись съ западной

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 302; Брикнеръ, Исторія Петра Великаго, Спб., 1882, II, 488.

[2]) Мышецкій, Исторія, 21—23; Генеральная карта де-Боксета 1751 года.

[3]) Записки графа Миниха, Санктъ-Петербургъ, 1874, 53.

стороны прямою линіей отъ устья Синюхи и до устья Берды въ Азовское море слѣдующимъ образомъ. „Прибывъ въ близость рѣки Буга, коммисары державы оттоманской, для лучшей способности, по общему согласію, немедленно перешедъ оную рѣку, стали лагеремъ при берегѣ оной, и отъ обѣихъ сторонъ, поставя между лагерей по одной палаткѣ для конференціи, и по нѣсколькихъ конференціяхъ, спорахъ и разсужденіяхъ, наконецъ наилучшимъ образомъ между собою согласились и постановили на основаніи инструментовъ, данныхъ отъ опредѣленныхъ коммисаровъ обѣихъ сторонъ въ 1705 году, то есть по турецки 1118 года, и такъ постановлена граница слѣдующимъ образомъ: что начало сихъ границъ отъ окончанія польскихъ границъ[1]) и идетъ внизъ рѣкою Бугомъ, разстояніемъ черезъ шесть часовъ отъ Ташлыка, то есть Великаго Конара [2]), и будучи то мѣсто Конаръ само собою знатно, того ради не разсуждено занужно тутъ знаковъ чинить, но рѣшено обще, согласно плану, вмѣсто знака быть; а отъ Конара ведена граница полемъ прямою линіей, и въ разстояніи отъ онаго въ десяти верстахъ, перешедъ рѣку Гарбузену, постановлены два знака, съ россійской стороны квадратной, а съ турецкой круглой, а оттуда, не будучи согласшены, какъ продолжить до окончанія вышереченное дѣло, потому стали лагиремъ при рѣкѣ Мертвыхъ-Водахъ и держали многія конференціи и споры о разграниченіи границъ, понеже въ вышеупомянутомъ инструментѣ 1705 года написано, что граница да будетъ разграничена чрезъ устье рѣки Еланца, впадающей въ Великій-Ингулъ, но експеріенція показала, что оная впадаетъ въ Бугъ, и тако вмѣнилось вмѣсто Еланца устье рѣки Грамоклей, впадающей въ Великій-Ингулъ, въ чемъ затрудненіе нашлось, ибо подданные державы оттоманской нужду въ лѣсѣ, который по берегу той рѣки Грамоклей находитца, имѣютъ и прежними временами пользовались... И потому отъ вышеписанныхъ двухъ знаковъ, перешедъ Гарбузенку, тою-же

---

1) Отъ устья рѣки Кодыми, гдѣ и теперь находится мѣстечко Конецполь.

2) Таже балка Большой-Сухой-Ташлыкъ, ниже р. Корабельной, свыше 40 верстъ отъ конца польской границы.

линіею до рѣки Мертвыхъ-Водъ, разстояніемъ отъ знаковъ двѣнадцать верстъ, а по переходѣ Мертвыхъ-Водъ постановлено два знака, а отъ тѣхъ знаковъ линіею къ старому мечету, на рѣкѣ Солонѣ (ой) стоящему, въ разстояніи 17½ верстъ, и при ономъ мечетѣ съ лѣвой стороны постановлено два знака; и потомъ перешедъ линіею реченную рѣку и въ разстояніи 7 верстъ, такожъ де перешедъ черезъ рѣку Еланецъ, постановлены два жъ знака; а оттуда линіею разстояніемъ 21 версту отъ стараго мечета, который при берегѣ рѣки Грамоклей, и съ лѣвой стороны того мечета постановлено два знака и напротивъ тѣхъ, перешедъ рѣку Грамоклею, сдѣлано оной два жъ знака, а отъ тѣхъ знаковъ идетъ граница по берегу оной рѣки Грамоклеи даже до рѣки Великаго-Ингула, оставляя лѣсъ весь, по берегу тоя рѣки Грамоклей стоящей (ій), державѣ оттоманской, потому подлѣ реченного лѣса еще въ двухъ мѣстахъ сдѣланы знаки да еще при переходѣ рѣки Великаго-Ингула два-жъ знака, и при тѣхъ, перешедъ тую рѣку Ингулъ, напротивъ постановлено два жъ знака, а отъ тѣхъ, идучи къ Бекенескому броду, въ разстояніи 39 верстъ, перейдена рѣка Исунь и сдѣлано два-жъ знака; а оттуда идетъ граница черезъ Малый-Ингулъ на Бекенеской бродъ, который, какъ въ трактатѣ 1705 года гласитъ, въ разстояніи 10 часовъ отъ Кезикерменя; и отъ того брода идетъ граница полемъ прямо на устье рѣки Каменки, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ въ разстояніи четырехъ миль отъ реченного Кезикерменя“ [1]).

Съ восточной стороны владѣнія вольностей запорожскихъ козаковъ оставались въ предѣлахъ межевой записи 1705 года: начавъ отъ рѣки Конки, впервые впадающей въ Днѣпръ, противъ Каменнаго-Затона и Плетеницкаго лимана, далѣе вверхъ по ея теченію и отсюда, поворотивъ съ запада на востокъ, по степи прямою линіей по-надъ вершинами рѣчекъ Токмака, Бердинки, Средней-Берды, Крайней-Берды, до рѣчки Большой-Берды, и наконецъ по теченію этой послѣдней до самаго устья ея, впадающаго въ Азовское мо-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малороссійской экспедиціи, 1742—1752, № $^{130}/_{1857}$.

рс[1]). Однако, и для опредѣленія границъ вольностей запорожскихъ козаковъ съ восточной стороны потребовалась также особая коммиссія съ русской и турецкой стороны. По новому „инструменту“, учиненному въ 1742 году русскимъ уполномоченнымъ княземъ Василіемъ Аникитичемъ Репнинымъ и турецкимъ коммисаромъ пашею Хаджи-Ибрагимомъ-Капыджи, границы вольностей запорожскихъ съ восточной стороны опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: „Начавъ отъ вершины рѣки Конки, съ обѣихъ сторонъ поставили по одному кургану; отъ тѣхъ кургановъ прямою линіей разстояніемъ четверть часа—по такому же кургану; оттуда тою же линіей и въ томъ же разстояніи еще по одному кургану; при западной вершинѣ рѣки Большой-Берды также по одному кургану; отъ вершины рѣки Конки до западной границы Большой-Берды разстояніемъ всего три четверти часа; между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, вся земля отошла къ оттоманской имперіи; а съ полуночной стороны вся земля отошла къ россійской имперіи; а отъ равнинъ къ рѣкѣ Большой-Бердѣ и до новаго города (Міюсскаго), находящагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Азовское море впадаетъ рѣка Міюсъ, во всемъ быть безъ перемѣны по трактату и конвенціи о границахъ 1700 года, рѣка же Конка, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, утверждается вмѣсто пограничныхъ знаковъ и оставляется обѣими отъ впаденія ея внизъ рѣки Днѣпра; въ помянутыхъ рѣкахъ дозволяется пользоваться подданнымъ обѣихъ имперій безъ нарушенія. И по тому разграниченію начало границъ отъ вершины рѣки Конки, и конецъ у новаго города, который стоитъ при впаденіи рѣки Міуса въ Азовское море“ [2]).

Пограничный „инструментъ“ 1740 года, учиненный между Россіей и Турціей, далъ возможность русскому правительству провести за рѣкою Самарою такъ называемую „новую украинскую линію“ земляныхъ укрѣпленій, болѣе удобную по своей краткости, нежели „старая украинская линія“, для прикрытія Украйны отъ набѣговъ со стороны татаръ и бо-

---

[1]) Смотри генеральную карту де Боксета и Капниста 1751 года.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II, 735.

лѣе близкую для предпринятія покоренія Крыма, для нападеній на турецкую крѣпость Очаковъ и для дѣйствія русской флотиліи на Черномъ морѣ.[1]) Но для запорожскаго войска установленіе пограничной черты съ востока и проведеніе „новой украинской линіи“ съ сѣвера на первыхъ порахъ не только не принесло пользы, а, напротивъ того, причинило немало бѣдствій и разореній вслѣдствіе столкновенія съ ближайшими къ нимъ сосѣдями, донскими козаками.

Установленная съ восточной стороны граница между владѣніями запорожскихъ и донскихъ козаковъ показалась для тѣхъ и для другихъ не вполнѣ опредѣленною, и потому между ними уже въ 1743 году начались распри, продолжавшіяся до 1746 года и ознаменовавшіяся съ обѣихъ сторонъ грабежами, разбоями и даже смертоубійствами. По поводу возникшихъ въ 1743 году споровъ между запорожцами и донцами имѣется въ дѣлахъ правительствующаго сената малороссійской экспедиціи огромное дѣло, написанное болѣе чѣмъ на 500 листахъ. Въ 1743 году запорожцы подали жалобу на имя императрицы Елизаветы Петровны на донскихъ козаковъ за то, что послѣдніе съ восточной границы запорожскихъ вольностей чинятъ запорожскому войску „не малыя обиды, выгоняютъ рыболовныхъ и болоховныхъ[2]) козаковъ изъ Калміуса и Міуса рѣчокъ и изъ прочихъ мѣстъ“. По этой жалобѣ запорожскаго войска велѣно было послать указъ изъ военной коллегіи къ донскому войску и „накрѣпко“ ему подтвердить, „дабы донскіе козаки имъ, запорожцамъ, въ ловленіи въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ рыбы, звѣря, никакого препятствія и обиды отнюдь не чинили подъ тяжкимъ штрафомъ“. Въ силу такого опредѣленія отъ запорожскаго войска и кошеваго атамана Константина Малашевича посланъ былъ „на рѣчку Міюсъ, для разъѣздовъ и для правосудей между съѣзжими людьми“ на Міюсѣ и другихъ мѣстахъ, полковникъ Кишинскій, который, пріѣхавъ на мѣсто, сталъ изгонять оттуда донскихъ козаковъ и жечь ихъ шиши (т. е. шалаши) вмѣстѣ съ имуществомъ. Тогда и донское войско со своимъ атаманомъ Даниломъ

---

[1]) Записки графа Миниха, С. Петербургъ, 1874, 56.

[2]) „Болоховные козаки, кои звѣрей ловятъ“.

Ефремовымъ подало жалобу им-ѣ Елизаветѣ Петровнѣ на запорожскихъ козаковъ. „По справкѣ съ указами предковъ Вашего Императорскаго Величества, писали донцы, никогда запорожского низового войска козаки, кромѣ того, яко по способности къ ихъ сторонѣ лежащія мѣста, въ Молочныя-Воды для добычи, въ Берды для соли, они не въѣзжали, а въ вершинахъ Калміусскихъ звѣриныя ловли малыми частьми обще нашего донского войска съ козаками отправляли и самимъ Калміусомъ, Калчиками, Еланчиками, особливо Міюсомъ и Темерникомъ, морскими Бѣлосарскою, Кривою, также протчими косами, не владѣли, кромѣ тѣхъ развѣ, которые для воровства изъ Сѣчи прихаживали и назывались оные по здѣшнему обыкновенію харцызами т. е. дѣйствительными ворами". По всему тому донское войско просило государыню удалить запорожцевъ со всѣхъ означенныхъ мѣстъ, а рыбными и звѣриными ловлями дозволить имъ пользоваться только „противъ прежняго внутри границы Вашего Императорскаго Величества, яко то по способности къ ихъ сторонѣ вокругъ Днѣпра и впадающею въ Азовское море рѣчкою Бердою". „А ежели оной высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости надъ нами всеподданнѣйшими показано не будетъ, то уже донское войско во всеконечное оскорбленіе и крайнюю обиду притти можетъ, ибо какъ и всему свѣту извѣстно, что никогда запорожскіе козаки надъ донскими, какъ нынѣ видимо, команды не имѣли и разъѣздами своими войско донское не охраняли, паче же никакихъ правосудей между съѣзжими людьми на Міюсѣ и въ другихъ мѣстахъ не чинили". Но запорожцы, „ссылаясь на высочайшіе указы, а также на ордера генерала Михаила Леонтьева и князя Василія Рѣпнина, которыми имъ якобы дозволено было, при разграниченіи съ турками, владѣть отъ Днѣпра морскими косами и впадающими въ Азовское море разными рѣчками, такожъ степными мѣстами отъ вершины Берды до старой границы, яко то: Міюса, Бѣлаго камня и Темерника", продолжали производить звѣриныя и рыбныя ловли на означенныхъ мѣстахъ, дѣлать разъѣзды и содержать караулы и чинить суды между людьми пріѣзжавшими туда для промысловъ.

Для разбора спорнаго дѣла назначенъ былъ сперва комендантъ крѣпости св. Анны Вырубовъ, которому велѣно

было высочайшимъ указомъ споръ между донскими и запорожскими козаками „въ рѣкахъ, лѣсахъ и степныхъ мѣстахъ и въ протчихъ угодьяхъ разобрать по сущей справедливости по имѣющимся у них ъдокументамъ (ежели есть), буде же иногда письменныхъ документовъ нѣтъ, то съ обоихъ сторонъ старыми и знающими старшиною и козаками и отвесть запорожцамъ для довольствія, для рыбныя и звѣриныя ловли, такожъ степи и прочія угодья, тѣ, которыми они напредь сего, будучи подъ россійскою державою, владѣли, а въ рыбныя и звѣриныя ловли и въ степи и въ протчія угодья, принадлежащія донскому войску, отнюдь не въѣзжали.“ Однако, комендантъ Вырубовъ частію вслѣдствіе наступившей въ то время зимы, частію вслѣдствіе „повѣтренной болѣзни“ въ Константинополѣ, а потомъ вслѣдствіе невозможности покинуть крѣпость безъ коменданта и, наконецъ, вслѣдствіе неожиданной смерти не могъ совершить разграниченія между владѣніями запорожскихъ и донскихъ козаковъ. Тогда, послѣ смерти Вырубова, размежеваніе границъ возложено было на подполковника Бильса, стоявшаго лагеремъ при рѣкѣ Темерникѣ. Согласно высочайшему указу, Бильсъ потребовалъ къ устью Міюса представителей съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ съ планами границъ. Но плановъ, какъ и слѣдовало ожидать, не оказалось ни съ той, ни съ другой стороны. Исчезновеніе плановъ запорожцы объясняли такъ: „Хотя у насъ, войска, изъ древнихъ лѣтъ у прежнихъ нашихъ антицессоровъ объ вышеписанныхъ степяхъ, лѣсахъ, рѣчкахъ и протчихъ угодьяхъ, письменные документы имѣлись, однако, когда Мазепа на Украинѣ за гетмана находился, то требовалъ оныхъ для нѣкоторой своей пользы въ переписку, кои когда отъ войска древнихъ нашихъ антицессоровъ даны, то онъ ни подлинныхъ и ни копій со оныхъ и не прислалъ, почему нѣтъ у насъ, войска, тѣхъ документовъ и не имѣетца, а хотя и нынѣ имѣются, однако не грамоты, но съ копій копіи, россійскимъ деалектомъ писанныя въ силѣ заключенія вѣчнаго мира и инструментовъ, съ упоминаніемъ между протчимъ о степяхъ и протчихъ по Азовскому морю лежащихъ угодьяхъ за справкою порутчика Александра Никифорова.“ Вслѣдствіе такого заявленія со стороны запорожскаго войска, а равно и вслѣдствіе подоб-

наго же заявленія о неимѣніи документовъ со стороны донского войска подполковнику Бильсу „и основанія къ размежеванію взять было не съ чего“. Тогда подполковнику Бильсу ничего другого не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ показанію старожиловъ.

„Въ 1745 году, октября 7 дня, мы, опредѣленные къ размежеванію между донскимъ и запорожскимъ войсками, въ рѣкахъ, лѣсахъ, и въ протчихъ мѣстахъ войска донского нижеподписавшіеся старожилы, старшины и козаки даемъ сію скаску по присяжной должности въ томъ, что когда блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество Государь Петръ Великій изволилъ взять въ 698 году городъ Азовъ, тогда Лютенская крѣпость, которая за турками была, для непропуску изъ Черкаскаго въ море судами, отдана была во владѣніе войску донскому и протчія рѣчки и угодья, а именно: рѣчки Чюленки, донской и морской, Бѣлый камень, Санбекъ и Черепаха и по всѣмъ косамъ отъ города Троицкаго даже до Бердъ и впадающія въ море косами, яко то: Петрушиною тубою, Золотою лучкою, Бѣглицкою, Міюскою, Кривою, Еланчицкою, Калміускою, Бѣлосарайскою даже и до Бердъ на всѣхъ вышеписанныхъ косахъ и рѣчкахъ наши козаки войска донского рыбными ловлями довольствовались и добывались, такожъ и по верхамъ отъ рѣчки Міюса до Крынки рѣчки, которая впала въ Міюсъ, рѣчки Еланчикъ Малый, Еланчикъ Большой впали жъ въ море, по оной вершинѣ имѣются лѣса съ пристечками; рѣчка Міюсъ устьемъ въ море впала, такожъ и на оной вершинѣ лѣса имѣютца, на которыхъ рѣчкахъ войска нашего козаки капканами звѣрей лавливали; рѣчка Волненская впадаетъ въ Калміусъ, на верхахъ оной рѣчки нашъ козакъ Григорій Шавыревъ съ товарищами добывались звѣрми, и лѣса тамъ имѣютца; рѣчка Калецъ впала въ Калміусъ къ морю, Зеленая балка впала жъ въ море; рѣчка Берда, гдѣ нынѣ граница положена между россійскою и отоманскою имперіями его сіятельствомъ господиномъ генералъ лейтенантомъ, уполномоченнымъ границъ камисаромъ и кавалеромъ, что нынѣ генералъ аншефтъ, князь Васильемъ Никитичемъ Рѣпнинымъ; и по всѣхъ вышеписанныхъ рѣчкахъ и косахъ войска нашего донского козаки, какъ рыбною ловлею, такъ

и звѣриною довольствовались и по верхамъ оныхъ рѣчекъ наши калмыки юртовые кочевали, даже до самого моря, еще жъ когда при жизни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Величества Государя Петра Великаго изъ города Троецкаго ежегодно хаживали два Его Величества корабля за солью къ рѣкѣ Бердамъ и намъ, войску донскому, козакамъ не запретно брать соли было повелѣно, а запорожцамъ соль брать было не велѣно, но точію оные тайнымъ образомъ бирали, такожъ малороссійскимъ козакамъ, маркѣ, тентерамъ, купцамъ и протчимъ людямъ брать же соль, кромѣ насъ войска донского, было запрещено; въ прежнія времена наши войсковые табуны на Бердахъ хаживали такожъ по рѣчкамъ Калчику, Калміусу, Еланчикахъ, Міюсу, Крынкахъ и по морскимъ косамъ: Бѣлосарайской и протчихъ вѣдомства нашего козаки рыбу лавливали, гдѣ прежнихъ рыболовныхъ становъ знаки имѣлись, развѣ иногда нынѣ ихъ самовольствомъ запорожцовъ заглажены; а ко оному войску запорожскому принадлежатъ рѣки: Днѣпръ, Самара, Волчья, Ялы Большіе и Малые, Ганчолъ, Москóвка и протчія, впадающія въ Днѣпръ рѣки и рѣчки, да и по тѣмъ верхамъ наши козаки звѣрей лавливали и копканы ставливали, по вышеписаннымъ впадающимъ въ Азовское море рѣчкамъ, по устьямъ, козаки рыбу лавливали, а по ихъ верхамъ, какъ и выше означено, звѣрей бивали и владѣли мы тѣми рѣками, лѣсами, степями и протчими угодьями безпрепятственно, на которыхъ наши козачьи и калмыцкіе табуны напередъ сего хаживали даже до Бердъ и не токмо въ лѣтнее время, но и чрезъ всю зиму въ пазбѣ находились и владѣли мы отъ самого взятья города Азова даже до вступленія ихъ самовольно запорожцевъ въ здѣшніе мѣста, не имѣя ни какова къ тому права, точію назадъ тому третій годъ, прежде оные запорожцы въ оныя мѣста только для однихъ разбоевъ ѣзживали, что отъ нихъ и нынѣ чинитца по ихъ своевольной отвагѣ“.

„1745 году, октября 9 дня, мы, опредѣленные къ размежеванію между донскимъ и запорожскимъ войсками въ рѣкахъ, лѣсахъ и въ прочихъ мѣстахъ, войска запорожскаго низоваго старожилы, старшины и козаки даемъ сію скаску въ томъ, что при жизни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его

Императорскаго Величества Государя Петра Великаго состоящія мѣста отъ рѣки Бердъ и до самого Бѣлого каменя во владѣніи было войска запорожского низового, яко-то: рѣки, лѣса, степи, морскіе косы и протчія угодьи, а именно: рѣка Берда, балка Зеленая, балка Комышеватая, Бѣлосарская коса, противъ ея пресной лиманъ, балка Самарина, балка Зенцова, рѣка Калміюсъ, балка Красный ярокъ, коса Заборунская, балка Корогодова, коса Безыменная, рѣчка Грузкой Еланчикъ, Кривая коса, Средній Еланчикъ, Сухой Еланчикъ, рѣка Міюсъ и при ней коса Семеновская, коса Беглицкая, коса Золотая, туба Петрушина и иныя рѣки, балки и косы впали въ Азовское море, а въ вышеписанные рѣки впали жъ рѣчки и балки, а именно: въ рѣку Берды—Береснеговатая, Каратень, Карапашъ; въ рѣку Калміюсъ — Сухая Волноваха, Мокрая Волноваха, Береснеговатая, балки Дубовая, Столовая, Вербовая, Чертецкая, Терноватая, рѣчка Калецъ, а въ оную впали—Калчикъ, балки Груская, Осиковатая въ рѣчку Грузкой Еланчикъ, балка Росошь въ Средній Еланчикъ, такожъ впала балка Росошь въ рѣку Міюсъ, балка Носова, рѣчка Саромоцкая (?), рѣчка Некленовка, балка Кринка Сухая, Кринка Великая и по вышеписаннымъ рѣчкамъ, балкамъ, степямъ и морскимъ косамъ владѣли и довольствовались рыбною и звѣриною ловлями безпрепятственно мы, войскомъ запорожскимъ, отъ самаго взятья города Азова даже до отдачи Азова въ турецкое владѣніе, еще жъ когда блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество Государь Петръ Великій изволилъ построить города на Таганрогу Троицкое, на Міюсѣ Семеновское и Павловское, въ которыхъ городахъ были и жительство имѣли войска запорожскаго низоваго козаки, въ Семеновскомъ при полковникѣ жъ Ивану Бѣлошапкѣ 300 человѣкъ, а войска донского въ эти времена никого какъ для рыбныхъ, такъ и для звѣриныхъ ловель не бывало и никогда оные въ то время въ вышеписанные мѣста ни за чѣмъ не въѣзжали и во владѣніе имъ того дано не было, и для того вышеписанные мѣста надлежатъ подлинно войску запорожскому низовому, какъ то и напредь сего по вышеписанному нашему объявленію мы, войскомъ запорожскимъ, тѣми мѣстами владѣли и довольствовались

и въ томъ объявляемъ самую сущую правду по присяжной должности; буде же мы неправы что объявляемъ, то повинны по Ея Императорского Величества указомъ непременного штрафа безъ опущенія, въ чемъ и подписуемся. Вмѣсто старшинъ Ивана Ѳедоровича, Григорья Кононовича, старожилыхъ козаковъ Петра Омелницкаго, Степана Рѣшетила, Костя Мелашевича, Ивана Тонконога, Василья Бородавки, по ихъ велѣнью, писарь куреня поповичевского Андрѣй Осиповичъ сынъ Шафрановъ руку приложилъ".

Чтобъ прекратить споръ между запорожцами и донскимъ войскомъ, рѣшили обратиться къ „инструменту", учиненному въ 1740 году между Россіей и Турціей, и разсмотрѣть, въ какихъ именно мѣстахъ установлена была граница „съ восточной и полуденной стороны".

Но пока объ этомъ происходила переписка между сенатомъ и коллегіей военныхъ дѣлъ, тѣмъ временемъ споръ между запорожцами и донцами продолжался, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались грабежи, насилія, поджоги и убійства съ той и другой стороны; продолжались также и жалобы правительству съ обѣихъ сторонъ.

Окончательное прекращеніе споровъ по этому дѣлу произошло лишь въ 1746 году, 19 сентября, при посредствѣ подполковника Андрона Коробина.

„По силѣ Ея Императорскаго Величества указу велѣно донскимъ козакамъ во владѣніи своемъ имѣть земли, рѣки и лѣсныя угодьи, а именно: отъ рѣки Калміуса Еланчикомъ, Кринкою, Міюсомъ, Темерникомъ даже до рѣки Дону и всѣми впадающими въ нихъ рѣчками, балками и косами и оныхъ вершинами и со всякими угодьи, состоящими по разграниченію 1714 года, которыя мѣста намъ, нижеподписавшимся донскимъ старшинѣ и козакамъ отъ вышеозначенного подполковника Андрона Коробина и отведены, а помянутой рѣки Калміуса, по силѣ высокоправительственного Е. И. В. сената указу, велѣно между донскими и запорожскими козаками быть границею."

„Войска запорожского низового старшины, опредѣленные для разграниченія, Якимъ Бѣлой, Иванъ Рябой, Иванъ Похила, Григорій Лантухъ, такожъ бывшіе при томъ козаки дали сію подписку въ томъ, что по силѣ Е. И. В.

указу велѣно запорожского войска козакамъ во владѣніи своемъ имѣть земли, рѣки и лѣсныя угодья, а именно: отъ Днѣпра рѣкою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Калчикомъ и Калміусомъ и протчими, впадающими въ нихъ рѣчками и надлежащими къ тѣмъ рѣкамъ косами и балками и всякими угодьи по прежнею 1714 года границу, которыя мѣста намъ, нижеподписавшимся запорожского войска старшинѣ и козакамъ отъ вышеозначенного г-на подполковника Коробина и отведены, а помянутой рѣчки Калміусу, по силѣ высокоправительственного Е. И. В. сената указу, велѣно между донскими и запорожскими войсками быть границею; того ради мы, опредѣленные къ разграниченію войска запорожского старшины и козаки симъ накрѣпко обязуемся, чтобъ намъ, войска запорожского козакамъ, рыбными и звѣриными промыслами въ водахъ и въ лѣсахъ и въ степяхъ довольствоваться помянутыми отведенными, по силѣ указу, мѣстами безъ всякаго спору и впредь нашему войску запорожскому, кромѣ Калміуса, до другихъ рѣкъ, Еланчика, Міюса, Темерника и протчаго, такожъ въ степи за Калміусъ, кромѣ сосѣдственныхъ необходимыхъ и добропорядочныхъ дѣлъ или нуждъ, отнюдь не ѣздить и донскимъ козакамъ никакихъ обидъ и притѣсненій не чинить подъ опасеніемъ жесточайшаго Е. И. В. гнѣва и изтязанія“ [1]).

Въ слѣдъ за этимъ учинена была „поставленнымъ гранямъ и складеннымъ курганамъ“ опись на пограничной чертѣ. „Отъ войска донского—на усть рѣки Калміюсу высыпанный земляной курганъ на поду и на ровномъ мѣстѣ, которой отстоитъ отъ моря, гдѣ оная рѣчка гирломъ впала, прямою чертою 59 косыхъ сажень, а отъ рѣки Калміуса 10 сажень. На Осиковой балкѣ, на высокомъ бугрѣ, выкладенъ изъ каменю высокій курганъ, разстояніемъ отъ устья оной балки 309 саж., а отъ рѣки Калміюса прямою чертою 90 саж. На балкѣ, называемой Груской, при устьѣ высыпанъ, на высокомъ бугрѣ, курганъ, снизу выкладенъ камнемъ, а сверху закрытъ землею, разстояніемъ отъ устья оной

---

1) За неграмотностью старшинъ подписалъ войсковой писарь Анисимъ Семеновичъ Кривецкій.

балки 148 саж., а отъ Калміуса прямою чертою 36 саж. и 2 аршина. При вершинахъ Калміуса поставлены, отъ самой вершины прямою чертою даже до границы 1714 года, дубовыя грани, повыше вершины, на отложинѣ, четвертая грань, разстояніемъ отъ вершины, гдѣ стоитъ столбъ, 461 саж. и 2 аршина, которые осыпаны землею и на нихъ надпись, вырѣзанная нынѣшняго 1746 года. Отъ войска запорожского: при вершинахъ Калміуса поставлены, отъ самой вершины, прямою чертою до границы 1714 года три дубовые грани, напротивъ поставленныхъ. Отъ войска донского вышеписанныхъ тѣхъ же граней столбъ противъ столба прямо и между оными гранями, донскими и запорожскими, въ ширину межа 6 саж. и 2 аршина. А разстояніемъ оныя грани, какъ донскія, такъ и запорожскія, отъ границы 1714 года, гдѣ стоятъ 2 кургана, одинъ россійской имперіи, второй турецкой, отъ выкопанныхъ около ихъ ямъ состоитъ до первыхъ граней 1 саж., отъ первыхъ до вторыхъ граней 306 саж. и 2 аршина, отъ вторыхъ до третьихъ граней 392 сажени". [1]).

Одновременно съ тѣмъ, когда запорожцы вошли въ пограничныя пререканія съ донцами, они также подали жалобу императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и на поляковъ за то, что поляки, „лежащій отъ войска запорожского степъ и рѣчки, взявъ отъ Мертвыхъ водъ, къ своей поляческой границѣ принимаютъ и говорятъ, що будто ихъ граница по Мертвіи воды."

На такую жалобу послѣдовало рѣшеніе „выслать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для опредѣленія, какая и въ коихъ мѣстахъ между Польшей и Запорожьемъ положена граница и сдѣланы опись и планъ, планъ и опись подать въ сенатъ, а польскому двору пристойнымъ образомъ представить, чтобъ поляки, живущіе близъ запорожцевъ, никакихъ имъ обидъ и озлобленій, въ противность мирныхъ трактатовъ, не чинили, въ границы россійскія не мѣшались".

По наведенной справкѣ оказалось, что еще въ 1686 году, по 3-ему пункту вѣчнаго мира между польскою короною

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малор. экспедиціи, 1742—1752, №130/1857.

и имперіей царскаго величества, постановлена была граница съ западной стороны, отъ запорожскихъ владѣній: „Внизъ рѣки Днѣпра, что именуется Запороги, живущіе въ Сѣчѣ и въ Кайдакѣ и въ иныхъ мѣстахъ по Заднѣпрію обрѣтающіеся козаки въ какихъ они тамъ островахъ и поселеніяхъ своихъ отъ Сѣчи вверхъ Днѣпра по усть рѣки Тясмины, которая впадаетъ въ Днѣпръ, имѣютъ быть по тому ихъ вѣчному договору во владѣніи и въ державѣ ихъ царского величества такожъ вѣчно со всѣми при нихъ будучими стародавными волностями и мѣстами, гдѣ они, запорожцы, великое удовольствованіе какъ въ лѣсахъ, такъ и въ звѣриныхъ и рыбныхъ ловляхъ и соляныхъ промыслѣхъ добычи себѣ получали изстари. А отъ устья р. Тясмины рубежъ имѣетъ быть вверхъ, въ полѣ, прямою чертою веденъ, не заимуя Чигирина, къ лѣсу, которой называется Черной, въ сторону ихъ царского величества имѣть надлежитъ въ вѣчныя времена“ [1]).

Въ то самое время, когда запорожцы вели споръ за пограничныя владѣнія съ восточной и западной стороны, въ это же время они подали петицію им-цѣ Елизаветѣ Петровнѣ на самовольное построеніе русскими комендантами на рѣкѣ Самарѣ трехъ перевозовъ и на вторженіе начальниковъ полтавскаго полка въ предѣлы запорожскихъ вольностей, съ сѣверной стороны, отъ рѣки Самары: „Издавна никто перевозовъ нигдѣ у вольностяхъ нашихъ войсковыхъ не держалъ, яко теперь построено въ Усть-Самари чрезъ Днѣпръ и по рѣкѣ Самари въ двоихъ мѣстахъ починенно (т.-е. построено) Усть-Самарской крѣпости комендантами два перевози (ы), а третій при Старой-Самари закупчиками содержуется, и старосамарцы упоромъ въ вольность нашу самарскую и въ протчіе мѣста наши мѣшаются и пустошатъ“. Независимо отъ этого полтавскій полковникъ Кочубей,ославъ въ Старую-Самарь своего сотника Нестеренка, „притязалъ Старую-Самарь до полку полтавского“. А по какому указу онъ это дѣлаетъ, запорожцамъ неизвѣстно, но можно надѣяться, что „панъ полковникъ Кочубей схоче и у вольности наши самарскіе утручать-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; тоже дѣло, 1742—1752, 130/1857.

ся; толко жъ старосамарци сего текущого мая 26 дня (1743 года) намъ, атаману кошевому (Константину Малашевичу) и до всего войска, доношеніе подали, прося внемъ, что не хотятъ до полку полтавского голдовать, но до насъ, войска, затимъ что поблизу нашихъ войсковыхъ вольностей просятъ сѣножатій и поля пахарного, то ми (=мы), атаманъ кошевой, вся войсковая старшина, курѣнніе войсковіе атаманы и все войско, прошенія и доношенія ихъ не простирая, что подъ команду войска нашего, а Вашего Им-го Величества вѣрноподданныхъ рабовъ и слугъ смиренно дерзнули всемъ (=въ семъ) милости проситъ (=просить): пожалуйте насъ, войско, не повелѣтъ (=повелѣть) старосамарцевъ до полку полтавского голдовати, то кромѣ и не наша самарская волность будетъ".

Въ виду такой жалобы со стороны запорожцевъ велѣно было отъ имени им-цы Елизаветы Петровны послать указы объ Усть-Самарскомъ перевозѣ въ кіевскую губернскую и войсковую канцеляріи для того, чтобы получить въ сенатѣ немедленный отвѣтъ о томъ, когда, по какому указу построены существующіе нынѣ въ Усть-Самарѣ перевозы, кому и за какую цѣну они отданы въ пользованіе, чей былъ въ Старой-Самарѣ напредъ сего „перевозъ, кѣмъ онъ содержался, кому нынѣ, за какую сумму и по какому указу отданъ; если же онъ вновь построенъ, то когда и по какому указу, а къ запорожскому войску въ это же время написать, что, по разсмотрѣніи, къ нимъ о томъ грамота будетъ прислана. Кромѣ того велѣно было доставить изъ кіевской губернской и войсковой канцелярій въ сенатъ свѣдѣнія о томъ, какое число малороссіянъ поселилось въ Старой-Самарѣ, по какому указу, когда и откуда они вышли.

Однако, послѣ этого прошелъ цѣлый годъ и, запорожцы, не получивъ на свою просьбу никакого удовлетворенія, вновь написали (мая 5 дня, 1744 года) императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ жалобу: „Понеже какъ войску, въ перевозахъ нашихъ войсковыхъ послѣдовало немалое препятствіе про (=чрезъ) перевозъ, учрежденій (=учрежденный) при слободѣ Старой-Самарѣ закупчиками, и старосамарскіе жители у волности наши войсковые улѣзаютъ футорами, то мы, войско, вѣрные Вашего Императорскаго Величества раби и слуги, падши до стопъ Вашего Величества, покорно просимъ:

пожалуй, Всемилостивѣйшая Государыня и мати, повели Всемилостивѣйшимъ В. В. указомъ тамо при Старой-Самарѣ закупчикамъ перевозу и никому не имѣть и старосамарскимъ жителямъ у волности наши не улазитъ (=улазить) футорами, ибо испрежде хотя слобода Старая Самара сидѣла, то тамъ жадного (=ни одного) перевозу не бывало, и старосамарцы у волности наши не мѣшивались".

Между тѣмъ пришли отвѣты въ сенатъ отъ кіевскаго генералъ-губернатора, Михаила Леонтьева, и отъ генеральной войсковой канцеляріи въ отвѣтъ на царскій указъ.

Генералъ-губернаторъ Леонтьевъ писалъ слѣдующее. У запорожскихъ козаковъ содержится на ихъ коштъ перевозъ черезъ Днѣпръ при Кодакѣ, а черезъ рѣку Самару еще въ 1736 году устроили перевозъ находящіяся въ Усть-Самарской крѣпости ландмилицкія команды, а переправы дѣлали на казенныхъ судахъ, безъ взиманія перевознаго; въ 1743 году, въ облегченіе ландмилицкой командѣ, перевозъ отданъ былъ отъ него, генералъ-губернатора, на откупъ старосамарскимъ жителямъ, козакамъ Ивану Довбышу съ Никифоромъ Донсковымъ да Степаномъ Тендетникомъ за 80 рублей въ годъ, при чемъ велѣно было Довбышу брать со старосамарскихъ шинкарей и съ проѣзжающихъ людей покухонныя деньги и платить въ казну эти деньги по третямъ, изъ коихъ треть денегъ прислана въ кіевскую губернскую канцелярію и записана въ приходъ; ноября же 22 дня того же года усть-самарскій подполковникъ Кожинъ представилъ кіевскому генералъ-губернатору, что запорожскій полковникъ Головко построилъ самовольно мостъ, близъ Самарскаго Николаевскаго монастыря, вверхъ по Самарѣ, въ 30 верстахъ отъ Усть-Самары, для пропуска черезъ него всякихъ торговыхъ людей, и черезъ тотъ мостъ, оставя откупной перевозъ, стали направляться всѣ проѣзжавшіе люди. И тогда генералъ-губернаторъ, въ виду бывшей въ Константинополѣ „опасной болѣзни" и въ виду того, чтобы кто-нибудь не проѣхалъ тайно, безъ паспорта изъ Крыма въ Россію, велѣлъ этотъ мостъ „разметать", но потомъ, по представленію кошевого атамана, свое приказаніе отмѣнилъ и оставилъ мостъ „для однихъ запорожскихъ нуждъ, а купеческихъ и другихъ чиновъ людей отнюдь пропускать воспретилъ; а февраля 9 дня тѣже Дов-

бышъ и Тендетникъ и сверхъ того старосамарскій сотникъ Максимъ Зубъ просили генералъ-губернатора о томъ, чтобы вышеписанный въ Старой-Самарѣ черезъ оную Самару перевозъ отдать имъ на откупъ по 80 рублей и на слѣдующіе 1744, 1745 и 1746 годы.

Съ своей стороны генеральная войсковая канцелярія доносила слѣдующее. Усть-Самара приписана была къ полтавскому полку въ то время, когда по указу правительствующаго сената велѣно было всѣ заднѣпровскія мѣста, состоящія въ россійской границѣ, приписать къ полтавскому полку; въ то время въ генеральную канцелярію подалъ прошеніе нѣжинскій полковой хорунжій Василій Грива съ товарищами, прося дать ему на 5 лѣтъ на откупъ Усть-Самарскій перевозъ съ уплатой 250 рублей въ годъ; и не смотря на то, что у запорожцевъ, кромѣ Усть-Самарскаго перевоза, сдѣланъ былъ для переѣзда купечества „твердый“ мостъ на рѣкѣ Самарѣ, не смотря на то, что въ лѣтнее время у нихъ имѣется свободный переѣздъ черезъ Самару, при урочищѣ Песчаномъ, хорунжій Грива съ товарищами сверхъ прежней откупной за Усть-Самарскій перевозъ цѣны наддаютъ въ годъ 170 рублей, и того ради оной перевозъ ему, Гривѣ, съ товарищи до указу на откупъ отданъ на одинъ годъ, а впредь тотъ Усть-Самарскій перевозъ въ откупъ ли отдавать или опредѣлить вѣрныхъ сборщиковъ, канцелярія требовала (особаго) указу. Тогда, по опредѣленію сената, Усть-Самарскій перевозъ и отданъ былъ на откупъ „охочимъ людямъ“.

Что касается сенатскаго запроса о томъ, сколько, когда, откуда и по какому указу поселилось въ Старой-Самарѣ малороссіянъ, то на это изъ канцелярій, кіевской губернской и войсковой генеральной, послѣдовалъ такой отвѣтъ, что въ Старую-Самарь въ разное время вышли и поселились изъ Малой Россіи козаки, козачьи и посполитовые подсусѣдки; изъ польской заграницы посполитые; изъ Запорожья бывшіе запорожскіе козаки, поселившіеся и жившіе въ Старой-Самарѣ въ разное время, съ 1731 по 1744 годъ. Въ 1738 году, апрѣля 25 дня, по ордеру бывшаго фельдмаршала Миниха, дано было позволеніе козацкому атаману Барану съ обывателями перейти къ самарскому редуту, вверхъ по рѣкѣ Самарѣ, гдѣ прежде городъ былъ, и

отвести ему, подъ пушечною обороною, мѣсто для поселенія. Въ 1741 году, по ордеру бывшаго генералиссимуса Брауншвейгъ-Люнебургскаго, велѣно было дать позволеніе малороссійскимъ обывателямъ, жившимъ при Усть-Самарскомъ ретраншементѣ, а также козакамъ посполитымъ, имѣвшимъ желаніе перейти для поселенія къ самарскому редуту. Въ силу такого распоряженія въ 1742 году вышло и поселилось въ Старой-Самарѣ изъ полковъ полтавскаго—133, кіевскаго — 1, переяславскаго—2, гадячскаго—3, миргородскаго—14, нѣжинскаго—2, лубенскаго—2, прилуцкаго - 1, слободско-ахтырскаго—2; изъ Стараго Кодака—6, изъ Новаго Кодака—20, изъ Сѣчи—12, изъ польской области—21; всего 219 человѣкъ. Въ 1744 году поселилось въ Старой - Самари: малороссійскихъ козаковъ—120, козачьихъ подсусѣдковъ—8, малороссійскихъ посполитыхъ—187, посполитыхъ подсусѣдковъ—17, заграничныхъ людей—56, запорожскихъ козаковъ—47, запорожскихъ козаковъ, въ подсусѣдкахъ живущихъ—4; всего 439 человѣкъ [1]).

Послѣ всѣхъ собранныхъ справокъ послѣдовалъ 1744 года, августа 23 дня, такой высочайшій указъ: „Старосамарскій перевозъ, ежели въ немъ дальней нужды нѣтъ и безъ него въ проѣздѣ обойтиться можно, уничтожить и впредь ему не быть и на откупъ того перевозу не отдавать и ни въ какой оброкъ не класть и старосамарцамъ, чтобъ они въ волности ваши запорожскія не мѣшались, запретить, напротиву тоже вамъ, войску запорожскому, всѣмъ подданнымъ нашего И. В. и иностраннымъ купцамъ въ проѣздахъ никакихъ обидъ не показывать же". „А полтавскому полковнику наикрѣпчайше предложено: ежели въ Самарской ихъ войсковой волности угодіи напредь сего были въ ихъ, запорожскихъ козаковъ, владѣніи, то и нынѣ отъ оныхъ тѣхъ угодій не отдѣляно бъ, токмо

---

[1]) Изъ запорожскихъ козаковъ названы: Дегтярь, Донецъ, Таранъ, (Антонъ, Семенъ и Стецько), Лобода, Баранъ, Садило, Кравець, Иванченко, Шкурта, Стуконосъ, Гаркуша, (Тарасъ и Иванъ) Лебединъ, Шовковый, Молитва, Даниленко, Нечитайло, Лыбинъ, Швець, Рѣзникъ, Горобець, Швець, Жила, Плакущій, Савченко, Мовчанъ, Саламасный, Щербина, Барабашъ, Волошинъ, Носъ, Довбышъ (Иванъ), Тѣлный, Бровка, Корецкій, Житный, Козелъ, Ѳедченко, Воронко, Якименко, Шулга, Щербопянъ, Чорный, Сирота, Тыхоступъ, Калниболоцкій, Лысый и Мошка.

ежели отъ Усть-Самарской крѣпости на какіе государевы строеніи и воинскимъ людямъ на дрова будетъ надобенъ, лѣсъ оной брать не запрещать безъ излишества, а не на продажу, и кромѣ того никого въ тѣ самарскія угодья не допускать и лѣсъ пустошить запретить указами“ [1]). Самая крѣпость Старой-Самары опредѣлена была запорожскому войску и впослѣдствіи въ 1762 году разорена была самими запорожцами. Въ 1746 году велѣно было поселить на границѣ Украйны девять ландмилицкихъ полковъ; для чего опредѣлялось взять отъ юго-восточной границы Украйны внутрь линіи на 40, и за линію на 30 верстъ земли; тогда украинцы, перешагнувъ Орель, заняли здѣсь на 30 верстъ къ востоку отъ лѣваго берега ея луговыя мѣста, завели хутора и селенія, между прочимъ слободу Куриловку, основанную китай-городскимъ сотникомъ Семеновымъ, которую потомъ запорожцы, занявъ орельскія мѣста войсками, перенесли въ другое мѣсто и назвали ее, по имени кошевого Петра Калнишевскаго, Петровскою или Петриковскою [2]). Съ этихъ поръ вновь начался продолжительный и ожесточенный споръ между старосамарцами съ одной стороны и запорожцами съ другой.

Въ 1752 году, октября 5 дня, запорожскіе козаки подали жалобу на высочайшее имя императрицы Елизаветы Петровны, что полтавскій полковникъ Горленко представилъ гетману графу Кириллу Разумовскому, будто бы старосамарцы владѣли обѣими сторонами рѣки Самары, со всѣми ея лѣсными и другими угодіями, начиная отъ устья ея и дальше вверхъ на 50 верстъ и болѣе, и просилъ гетмана тѣ земли у запорожскихъ козаковъ отобрать. Запорожскіе козаки, напротивъ, доказывали, что хотя старосамарскіе жители въ тѣхъ вольностяхъ и лѣсъ рубили, и сѣно косили, и рыбу ловили, и землю пахали, и пчелу разводили, но дѣлали то по дозволенію войска запорожскаго и самарскихъ полковниковъ за извѣстную, отбираемую отъ нихъ въ пользу войска, десятину [3]). По такой жалобѣ отъ запорож-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малороссійской экспедиціи 1742–1752, № $^{130}/_{1857}$.

[2]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 53.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 47.

скихъ козаковъ потребовали подлинные документы на право владѣнія ихъ вольностей. Тогда кошевой атаманъ Данило Стефановъ Гладкій, 1753 года, октября 6 дня, отправилъ въ войсковую малороссійскую генеральную канцелярію копію съ универсала гетмана Богдана Хмельницкаго, 1655 года, и съ указа императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года, и просилъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, чтобы и онъ, „по силѣ того гетмана Богдана Хмельницкаго универсалу“, подтвердилъ собственнымъ универсаломъ права запорожцевъ на владѣемыя ими земли. Но гетманъ Разумовскій, на основаніи однихъ копій съ крѣпостныхъ документовъ, а болѣе всего на основаніи копіи съ универсала Хмельницкаго, никѣмъ не засвидѣтельствованныхъ, исполнить просьбу запорожцевъ отказался. Онъ потребовалъ, чтобы запорожцы, а съ ними вмѣстѣ и старосамарцы, представили подлинные документы, выслали депутатовъ отъ войска, назначили слѣдователей съ той и другой стороны и законно указали, „по какія точно мѣста владѣніе запорожского войска должно простираться, и какими землями старосамарскіе жители испрежде владѣли и нынѣ имъ владѣть надлежитъ“ [1]). Созванные по этому поводу запорожскіе старожилы также подтвердили, что войско запорожское издавна владѣло угодьями по Самарѣ до рѣчки Орели, почему Кошъ вновь просилъ черезъ гетмана императрицу Елисавету Петровну, „чтобъ полтавскому полку въ Самарѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ владѣніе, по силѣ означеннаго 1746 года правительствующаго сената указа, отказать и туда въ Самарь ни за чѣмъ тому полку и старосамарскимъ жителямъ мѣшаться не велѣть“ [2]). На эту просьбу запорожскихъ козаковъ послѣдовалъ въ 1756, августа 10 дня, слѣдующій отвѣтъ: „Хотя войско запорожское просило объ отказѣ старосамарскимъ жителямъ во владѣніи самарскими мѣстами и о дачѣ тому запорожскому войску на всѣ владѣемыя ими изъ давнихъ временъ земли и угодья грамоты, то понеже о всѣхъ владѣемыхъ ими, запорожцами, земляхъ и угодьяхъ, кромѣ выше реченныхъ въ 1746

---

1) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 78.
2) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 132, 133.

году опредѣленныхъ мѣстъ, въ нашемъ правительствующемъ сенатѣ точнаго извѣстія и описанія нѣтъ, а грамоты 1688 и универсалы 1655 годовъ, на которые они, запорожцы, ссылаются, какъ здѣсь, въ малороссійскихъ дѣлахъ, такъ и въ Москвѣ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не нашлося, такожъ хотя отъ запорожского войска въ 1752 году отъ 5 октября писано, что когда гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ подъ всероссійскую державу поддался, въ то время еще напредь и послѣ того войско запорожское рѣкою Днѣпромъ отъ Переволочной и впадающими въ обѣ стороны въ оную рѣку Днѣпръ всѣми рѣчками и другими угодьями, а паче рѣчкою Самарою и имѣющимися въ оной лѣсами, степями и прочими угодьями владѣли, а малороссійскіе жители якобы никогда тою землею не владѣли, то оное войско запорожское представляетъ весьма напрасно, и имъ, запорожцамъ, толь многихъ земель, какъ они пишутъ, даже по самую Переволочну присвоивъ, допустить не слѣдуетъ, ибо когда гетманъ Богданъ Хмельницкій съ народомъ малороссійскимъ подъ высоковластную державу россійской имперіи въ подданство пришелъ, въ то время всѣ города, села и деревни и оное войско запорожское состояли въ одной дирекціи гетманской и между Малою Россіею и войскомъ запорожскимъ границъ не было, но гдѣ имѣлись незанятыя поселеніемъ пустыя земли и лѣсныя угодья, тамъ какъ запорожскимъ, такъ и малороссійскимъ козакамъ въ пристойныхъ мѣстахъ пасѣки держать, рыбу и звѣрей ловить было невозбранно, а къ Сѣчи запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало“ [1]).

Въ 1752—1753 году границы вольностей запорожскихъ козаковъ также значительно сократились, вслѣдствіе отдачи нѣкоторой части ихъ подъ поселенія вышедшихъ въ Россію сербовъ и румынъ. Сперва, въ 1752 году, явились въ Россію сербы съ Иваномъ Хорватомъ и отъ-Куртичемъ во главѣ; они заняли сѣверозападную окраину запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ называемую Новую-Сербію съ крѣпостью св. Елисаветы, названною въ честь имени

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 136, 137.

императрицы Елисаветы Петровны, состоявшую изъ правильнаго шестиугольника и имѣвшую вмѣстѣ съ внѣшними укрѣпленіями до 6 верстъ въ окружности. Новосербамъ даны были лучшія земли теперешней Херсонской губерніи по рѣчкамъ Тясьмину, Выси, Синюхѣ, и степи, верстъ 60 южнѣе, между Бугомъ и Днѣпромъ. Цѣлью поселенія новосербовъ была охрана окраины русскихъ земель отъ запорожцевъ и татаръ. Охрана эта состояла въ томъ, что новосербы строили рядъ земляныхъ шанцевъ и фарпостовъ, въ которые сажали милицію, наблюдавшую за всякимъ движеніемъ козаковъ и татаръ. Такъ, въ Тресагахъ, на рѣчкѣ Выси, у польской границы, устроена была пятиугольная крѣпость, а разныя другія селенія укрѣплены были четыреугольными шанцами и названы вмѣсто русскихъ именъ именами крѣпостей австрійской военной границы: Ольховатка—Панчовымъ, Нестеровка—Вершацомъ, Стецовка—Шолмошемъ, Андрусовка—Чонградомъ, Плахтіивка—Зимунемъ и т. п. Для того, чтобы предупредить набѣги запорожцевъ и татаръ на Новосербію и дальше, поселенцы ставили на высокіе курганы обвязанные соломой шесты и, при первыхъ признакахъ опасности, зажигали ихъ огнемъ и тѣмъ самымъ ставили жителей въ оборонительное положеніе [1]).

Въ слѣдъ за сербами Ивана Хорвата и отъ-Куртича пришли въ Россію, въ 1753 году, изъ Австро-Венгріи славяносербы съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ де-Прерадовичемъ во главѣ; они заняли сѣверовосточныя окраины запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ-называемую Славяносербію съ крѣпостью Бахмутомъ, получившею названіе отъ рѣчки Бахмута, притока Сѣвернаго-Донца. Тогда отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ съ одной стороны, въ сѣверовосточномъ углу, участокъ земли, заключенный между рѣчками Сѣвернымъ-Донцомъ, Бахмутомъ и Луганью, и съ теченіемъ времени все пространство земли почти до самой вершины лѣваго притока Днѣпра, Самары; а съ другой, въ сѣверозападномъ углу, отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ большой учас-

---

[1]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, Спб., 1839, 170.

токъ земли, начиная отъ устья рѣчки Кагарлыка [1]) и идя далѣе прямою линіей до верховья рѣчки Турьей, а отъ верховья рѣчки Турьей по устье рѣчки Каменки, лѣваго притока рѣки Ингула; отъ устья рѣчки Каменки на устье рѣчки Березовки, лѣваго притока того-же Ингула; отъ верховья Березовки на вершину рѣчки Омельника [2]) и отсюда внизъ по рѣчкѣ Омельнику до самого устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, отступя отъ польскихъ границъ на 20 верстъ [3]).

Въ тоже время, въ 1752 году, апрѣля 20 дня, у запорожскихъ козаковъ отдѣленъ былъ еще участокъ земли отъ рѣчки Омельника внизъ къ рѣчкѣ Самоткани для поселеній тѣхъ-же новосербовъ. „Хотя къ Днѣпру на нѣкоторое небольшое разстояніе въ число тѣхъ опредѣленныхъ мѣстъ (новосербскихъ) рѣчка Самоткань и не пришла, но уже къ вѣчному поселенію тѣхъ обывателей границей ихъ владѣній, для живого рубежа, положена по самую рѣчку Самоткань, рѣчки же Бешка въ новосербскомъ и козачьемъ, а Верблюжка почти вся въ слободскомъ поселеніяхъ состоятъ.“ Въ силу этого указа всѣ запорожскіе зимовники, находившіеся по лѣвому берегу рѣки Самоткани, велѣно было, въ виду прекращенія ссоръ, воровства, грабительствъ и разбоевъ со стороны запорожскихъ гайдамакъ, перенести на другія удобныя мѣста, въ запорожскихъ-же дачахъ состоящія [4]).

Къ двумъ поселеніямъ, Новосербіи и Славяносербіи, въ тоже время, въ 1752 году, 20 дня, по именному указу императрицы Елизаветы Петровны, прибавилось еще и третье, на границѣ вольностей запорожскихъ козаковъ, поселеніе слободскаго малороссійскаго полка. Опредѣленіемъ сената, отъ 18 августа 1752 года, велѣно было водворить это поселеніе слободскаго малороссійскаго полка въ той-же сѣверозападной окраинѣ запорожскихъ земель, на 20 верстъ ниже новосербской границы, „учредить ихъ козаками такъ, какъ слободскіе полки состоятъ, и быть въ вѣдомствѣ крѣ-

---

[1]) Теперь Херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда.
[2]) Теперь Херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда.
[3]) Карта де-Боксета 1751 года; грамота Разумовскому 1751 года, 9 сент.
[4]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 134—136.

пости святыя Елизаветы коменданта“ [1]). А указомъ 1756 гооа, іюня 16 дня, на имя коменданта крѣпости святой Елизаветы Глѣбова, за слободскимъ малороссійсскимъ полкомъ утверждались рѣчки—Самоткань, Бешка и Верблюжка, запорожцамъ же велѣно было владѣть по границу 1714 года, а всѣ запорожскія земли приказано было снять и положить на карту; но такъ какъ послѣднее не было исполнено, „то положена была только черта границы тогдашней Новосербіи и поставлены, въ немаломъ отдаленіи, подаваясь къ Сѣчи, компанейскихъ и малороссійскихъ полковъ фарпосты“. [2]) Въ 1758 году по снимку геодезиста Семена Леонтьева сѣверозападная граница вольностей запорожскихъ козаковъ, со стороны поселенія слободскаго малороссійскаго полка, ограничивалась чертой, начиная отъ устья рѣки Чернаго-Ташлыка, притока рѣчки Синюхи, потомъ вдоль рѣчки Сугаклея - Камышеватаго, праваго притока рѣки Ингула, далѣе черезъ рѣку Ингулъ, лѣвый притокъ Ингула, рѣчку Аджамку, между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки, и кончая прямою линіей у лѣваго берега рѣки Днѣпра [3]). Въ слѣдующемъ году, марта 17 дня, сдѣлано было запорожскимъ козакамъ „крѣпкое подтвержденіе—изъ селеній Новосербіи уходящихъ козаковъ отнюдь не принимать“. Возникшіе пограничные споры между запорожцами и поселенцами слободскаго малороссійскаго полка заставили русское правительство выслать въ 1760 году, января 19 дня, геодезиста Ивана Исленьева, для размежеванія запорожскихъ земель, но запорожцы нашли въ размежеваніи Исленьева нѣкоторыя невѣрности, подали о томъ письменное прошеніе и тѣмъ удержали высланнаго геодезиста отъ дальнѣйшихъ его дѣйствій. Въ 1763 году для размежеванія границъ между владѣніями запорожскихъ козаковъ и поселянъ слободскаго малороссійскаго полка высланы были запорожскіе депутаты, но, за спорами, противники вновь не пришли ни къ какому соглашенію [4]).

Спустя три года, въ 1766 году, границы вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись со всѣхъ сторонъ слѣ-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб , 1888, 192, 144.

[2]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 35.

дующимъ образомъ. „Земли запорожскихъ козаковъ, состоящія большею частію изъ пустой и дикой степи и простирающіяся въ окружности около 1700 верстъ, распространяются отъ Сѣчи по правой сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизыкерменю до рѣки Каменки, гдѣ начинается турецкая граница, къ Очакову, около 100 верстъ. Отъ устья этой рѣки Каменки земли идутъ по рѣкѣ Бугу черезъ рѣчки Ингулецъ, Висунь, Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солоную, Мертвоводъ, Гарбузинку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной границѣ съ турецкою областію, болѣе 160 верстъ. Съ другой стороны Сѣчи земли шли вверхъ по Днѣпру до устья рѣки Самоткани, потомъ по рѣчкѣ Самоткани и черезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣчки Буга, разстояніемъ болѣе 550 верстъ. Съ лѣвой стороны рѣки Днѣпра земли запорожскихъ козаковъ идутъ отъ устья рѣки Конки вверхъ по Днѣпру мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, потомъ вверхъ по Самарѣ до рѣки Конки, далѣе вдоль Конки до устья ея въ Днѣпръ ниже Каменнаго-Затона,что противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскіе козаки содержатъ черезъ Днѣпръ перевозъ на крымской дорогѣ; въ этой окружности болѣе 850 верстъ“ [1]).

Въ 1768 году, когда пограничные фарпосты украинской линіи „сведены были въ самую черту“, запорожцы вновь подняли вопросъ о неправильномъ захватѣ ихъ земель новосербами и требовали новаго размежеванія границъ. А спустя два года, когда учрежденъ былъ постъ изъ запорожскихъ козаковъ въ слободѣ Желтой, для защиты поставщиковъ провіанта во время турецкой войны, запорожцы захватили эту слободу въ свои руки, устроили въ ней паланку, а около нея постепенно забрали нѣкоторыя другія селенія съ ихъ людьми, и потомъ объявили, что и Елисаветградская провинція поселена на ихъ собственной землѣ [2]).

Съ 1772 по 1774 года на картѣ Елисаветградской провинціи владѣнія вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись линіей, начиная отъ устья рѣчки Мигейскаго-Ташлыка,

---

[1]) Чернявскій въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 80.

[2]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1847, 54.

впадающаго въ Бугъ съ лѣвой стороны, и кончая устьемъ рѣчки Самоткани, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, границей, установленной въ 1764 году; на южной границѣ отъ рѣки Буга ниже Мигейскаго-Ташлыка черезъ Гарбузинку, Мертвоводъ, Солоную, Еланецъ, Ингулъ, понадъ правымъ берегомъ Доброй, черезъ Висунь, Ингулъ и къ устью рѣчки Каменки, впадающей въ Днѣпръ выше Кизыкерменя“ [1]).

На сѣверовостокѣ и юговостокѣ въ это же время, въ 1772 году, запорожскіе козаки показывали границу своихъ вольностей слѣдующимъ образомъ. „Отъ вершины Орели, съподъ крѣпости Тройчатой, до вершины Береки, а оною прямо по-надъ линіей противъ Петровской крѣпости въ Донецъ упавшей на устье оной (т. е. отъ вершины Береки до устья ея), въ которую Береку впадаютъ рѣчки Бритай и Камышеватая; отъ устья рѣчки Береки прямо Донцемъ до Тавалскаго байрака по зовемой новой чертѣ Княжемъ Косоговымъ рвомъ, дѣланной до Теплянскаго Святогорскимъ монастыремъ владѣемаго лѣса; оттоль же по той чертѣ Голой долиной на гору до урочища Сѣрковой могилы, гдѣ нынѣ фарпостъ состоитъ; отъ той могилы въ Сухой-Торецъ на Сѣркову гатку; отъ гатки до урочища рѣчки Бычка, зовемого нынѣ Клибыною; чрезъ оный же Бычокъ въ Кривой-Торъ на Песчаный бродъ и черезъ вершину рѣчки Кринки на пограничныя поблизу Міуса двѣ могилки, отъ могилокъ чрезъ Міусъ на вершину Морскаго Чулека; отъ Чулека на устье Темерника, впадающаго въ рѣку Донъ, до граничныхъ могилъ“ [2]).

Въ 1774 года, послѣ мира Россіи съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи, 10 іюля, владѣнія запорожскихъ козаковъ увеличились съ одной стороны, по лѣвому берегу Днѣпра, большимъ участкомъ земли противъ бывшей турецкой крѣпости Кинбурна, а съ другой стороны, по правому берегу Днѣпра, тѣмъ угломъ земли, который находится между устьями рѣкъ Каменки и Буга и рѣчки Ташлыка.

Тогда границы запорожскихъ владѣній установлены бы-

---

[1]) Ястребовъ, Объяснительная записка Елисаветград. провинціи, 1885.

[2]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, 1890, 325.

ли въ такихъ граняхъ: по лѣвой сторонѣ Днѣпра, пограничная линія шла, начиная снизу вверхъ отъ мыса Кинбурна, отдѣляющаго Черное море отъ днѣпровскаго лимана, по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра мимо Збурьевскаго кута до урочища Голаго перевоза и нарочно насыпаннаго съ углями, при перевозѣ, кургана, разстояніемъ 75 верстъ. Отъ этого кургана, отъ юга къ западу, на твердую землю прямою линіею 3 версты и 194 сажени до стоявшаго на дорогѣ кургана отъ этого второго кургана, отъ юга къ западу, прямою линіей, длины 7 верстъ и 290 саженъ до третьяго нарочно насыпаннаго съ углями кургана; отъ этого третьяго кургана, отъ юга къ западу, прямою линіей, длины 5 верстъ 116 саженъ на случившійся курганъ Мезарлы-Тепе; отъ кургана Мезарлы-Тепе, повернувъ отъ запада къ сѣверу, прямою линіей черезъ Копъ-Кую или Каменный-Колодезь до Чернаго моря, длиною 28 верстъ, до нарочно насыпаннаго у берега кургана; берегомъ же Чернаго моря отъ повторяемаго колодца до Кинбурна 46 верстъ, чѣмъ и замыкалась вся окружность земли къ Кинбурну.

Въ соотвѣтствіе этому, на правомъ берегу Днѣпра пограничная линія шла по рѣкѣ Бугу отъ Гарда или отъ устья рѣчки Ташлыка при Гардѣ, тамъ, гдѣ лежалъ камень для означенія границы, до самаго устья Буга при урочищѣ Скелевскомъ-Рогѣ, ниже Семенова Рога, и отсюда вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ рѣчка Каменка. Соединеніе водъ Днѣпра и Буга дѣлало живую границу между владѣніями турецко-татарскими и запорожскими. Разстояніе отъ Гарда или отъ прежней границы при устьѣ впадающей въ Бугъ незначительной рѣчки Ташлыка, по лѣвому берегу Буга до Скелевскаго-Рога—179 верстъ, и исключая разные повороты, слѣдуя по дорогѣ, также не прямой линіей, 130 верстъ. Отъ пограничнаго камня при Гардѣ или рѣчкѣ Ташлыкѣ граница шла внутрь земли чрезъ рѣчку Гарбузинку на сдѣланные нарочно при ней два кургана, отъ юга къ востоку, разстояніемъ 10 верстъ и 20 саженъ; отъ тѣхъ кургановъ на урочище Сагайдакъ [1]) при

---

[1]) „Сагайдакъ“ значитъ лукъ: каменный берегъ фигурою лука вышелъ, потому отъ татаръ тѣмъ урочище зовется.

рѣкѣ Мертвоводѣ чрезъ рѣчку Гарбузинку, отъ юга къ востоку, длиною 10 верстъ и 150 саженъ, а перейдя Сагайдакъ, къ рѣчкѣ Солоной на Каменную мечеть, отъ юга къ востоку, длиною 10 верстъ и 80 саженъ, до нарочно насыпанныхъ кургановъ; отъ кургановъ черезъ рѣчки Солоную и Еланецъ, отъ юга къ востоку, на Аргамаклы-Сарай („Дворецъ на Громоклеѣ"), длиною 27 верстъ и 450 саженъ, до двухъ кургановъ; и тою-же линіею черезъ рѣчку Аргамаклы (Громоклею), надъ которой насыпаны два кургана; отъ Сарая разстоянія 2 версты и 50 саженъ. А всего по этой линіи 30 верстъ, и отъ всѣхъ кургановъ по-надъ берегомъ внизъ этой рѣчки Аргамаклы, отъ юга къ востоку, длина 4 версты и 320 саженъ, на такіе-же два кургана; отъ двухъ кургановъ по тому-же направленію отъ юга къ востоку, на два новыхъ кургана, длины 5 верстъ и 150 саженъ; отъ этихъ двухъ кургановъ къ рѣкѣ Ингулу на такіе-жъ два кургана, отъ юга къ востоку, длиною 5 верстъ; отъ этихъ кургановъ черезъ рѣку Ингулъ на два кургана въ томъ-же направленіи, длиною 1 верста и 350 саженъ; а отъ этихъ кургановъ степнымъ подомъ къ вершинѣ рѣчки Доброй, въ томъ-же направленіи, длиною 35 верстъ и 400 саженъ, гдѣ на случившемся тутъ большомъ курганѣ выкладены камнемъ два малые кургана, подобные граничнымъ; и отъ того большого кургана въ томъ же направленіи, черезъ рѣчку Вулсунъ (Висунь) на сдѣланные граничные два кургана, длиною 5 верстъ и 300 саженъ; а отъ тѣхъ кургановъ до Бѣлыхъ-Криницъ, отъ юга къ востоку, длиною 16 верстъ 450 саженъ; а отъ Криницъ 28 верстъ черезъ рѣчку Ингулецъ, въ томъ же направленіи, на курганъ, который случился передъ устьемъ Каменки, не доходя версты [1]); а на самое устье Каменки до Днѣпра отъ тѣхъ Криницъ, въ томъ-же направленіи, разстояніемъ 49 верстъ, чѣмъ и оканчивалась граница угла степи. По землѣ, дѣлая отъ Гарда длины 193 версты и 225 саженъ; а весь округъ угла сте-

---

[1]) „Отъ сихъ Криницъ объявляли запорожцы граничный курганъ отъ юга къ востоку длиною 40 верстъ и 350 саженъ, а отъ него уже къ устью Каменки тожъ на курганъ, отъ юга къ востоку, длиною 8 верстъ и 150 саж., но какъ при тѣхъ курганахъ не видно знаковъ граничныхъ, какіе есть въ прочихъ мѣстахъ, то и граница отъ Криницъ назначена прямо на устье Каменки".

пи, считая по берегамъ Днѣпра обоихъ лимановъ и Буга, составлялъ 524 версты и 475 саженъ [1]).

Выше показанныхъ пунктовъ, Мезерлы-Тепе и устья Каменки, граница вольностей запорожскихъ козаковъ оставалась прежняя. Съ восточной стороны она шла рѣкою Конкою и другими рѣчками, составлявшими новую границу Россіи съ Турціей, параллельно „новой“ днѣпровской линіи, учрежденной въ 1770 году съ ея семью крѣпостями, начиная Александровской крѣпостью и кончая при устьѣ Берды крѣпостью Петровской. Съ западной стороны, отъ Польши, владѣнія запорожскихъ козаковъ ограничивались рѣчкою Синюхою, отъ устья которой теченіе Буга внизъ составляло границу россійской имперіи съ турецкой [2]).

Наканунѣ паденія Сичи границы вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Отъ рѣчки Бахмута ниже „старой“ украинской линіи, учрежденной въ 1733 году и тянувшейся отъ устья рѣки Орели къ верховью Сѣвернаго-Донца до рѣки Буга, въ длину 600 верстъ, отъ устья Бердъ до „старой“ украинской линіи, въ ширину 350 верстъ; на востокѣ съ Землей Войска Донскаго; на югѣ и западѣ съ землей турецкой—Очаковомъ и Крымомъ, а противъ Кубани—по Азовское море [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что запорожскіе козаки часто выходили за предѣлы своихъ вольностей, считая границы собственныхъ владѣній гораздо шире указанныхъ трактатами и постановленіями; такъ, на западѣ они полагали границею своихъ вольностей рѣку Случъ—„оце знай, ляше, де твое, а де наше“, на востокѣ рѣки—Чабуръ, Ею и Кубань [4]); въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области они жили даже осѣдло, какъ видно изъ указа императрицы Елизаветы Петровны, отъ 11 іюля, 1745 года, въ построенныхъ ими „шишахъ, не малыми ватагами“, и занимались рыбною ловлею [5]).

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 166, 171—173.
2) Записки одес. общ. исторіи и древ., VII. 173 прим. 30, 176; XI, 225.
3) Калачовъ, Архивъ историч. и практическ. свѣдѣній, Спб., 1861, 5.
4) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 152.
5) Фелицинъ, Кубанскія областны вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890.

Взятыя въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ, вольности запорожскихъ козаковъ въ примѣненіи къ современной географіи составляли всю Екатеринославскую губернію съ ея девятью уѣздами: екатеринославскимъ, верхнеднѣпровскимъ, новомосковскимъ, александровскимъ, павлоградскимъ, бахмутскимъ, славяносербскимъ, ростовскимъ [1]) и маріупольскимъ, и значительную часть Херсонской по рѣку Бугъ съ ея тремя уѣздами: херсонскимъ, александрійскимъ и елисаветградскимъ, исключая тѣхъ, которые находятся по правую сторону Буга: одесскаго, ананьевскаго и тираспольскаго; кромѣ того, къ запорожскимъ вольностямъ принадлежала нѣкоторая часть днѣпровскаго уѣзда теперешней Таврической губерніи, близъ города Алешекъ, и небольшой участокъ земли, 60 верстъ длины, при 66 верстахъ ширины, Харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, съ центральнымъ селеніемъ Барвинковой-Стѣнкой.

---

1)Ростовскій уѣздъ въ 1889 году отошелъ къ Землѣ Войска Донскаго.

Гидрографія, топографія и климатъ запорожскаго края.

Запорожскіе козаки занимали огромное пространство степей, прилегающихъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра въ его нижнемъ теченіи, отъ восточной границы польско-литовскаго королевства и южной окраины владѣній малорусскаго и слободскаго козачества до рѣки Буга съ одной стороны и вдоль праваго берега рѣчки Конки и до рѣчки Калміуса, впадающей въ Азовское море, съ другой. На этомъ пространствѣ степей имѣлось нѣсколько большихъ и малыхъ рѣкъ съ ихъ многочисленными притоками и рукавами или, какъ говорилось у запорожцевъ, съ степными рѣчками и низовыми вѣтками. Однѣ изъ этихъ рѣкъ протекали въ западной половинѣ запорожскихъ вольностей, другія въ восточной; рѣки западной части принадлежали къ бассейну Чернаго моря; рѣки восточный половины принадлежали къ бассейну Азовскаго моря. Изъ рѣкъ Черноморскаго бассейна извѣстнѣйшими были Днѣпръ и Бугъ рѣки.

Днѣпръ—это священная и завѣтная для запорожцевъ рѣка; въ козацкихъ думахъ онъ называется „Днипромъ-Славутою“ [1], въ козацкихъ пѣсняхъ — „Днипромъ-братомъ“, на лоцманскомъ языкѣ—„Козацкимъ-шляхомъ“. Въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ Днѣпръ начинался съ одной стороны выше рѣчки Сухого-Омельника, съ другой—отъ устья рѣчки Орели, и протекалъ пространство земли въ 507 верстъ, имѣя здѣсь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; въ предѣлахъ-же запорожскихъ козаковъ онъ характеризовался и всѣми особенностями своего теченія—порогами, заборами,

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 217.

островами, плавнями и холуями. Всѣхъ пороговъ въ немъ при запорожскихъ козакахъ считалось девять—Кодацкій, Сурской, Лоханскій, Звонецкій, Ненасытецкій, иначе Дидъ-порогъ, Волниговскій, иначе Внукъ-порогъ, Будиловскій, Лишній и Вильный.

Самый большой и самый страшный изъ всѣхъ пороговъ—порогъ Неясытецкій или Ненасытецкій, названный, по однимъ, отъ птицы неясыти, въ старину водившейся здѣсь, по другимъ, отъ словъ „ненасыщаться“, потому что онъ никогда не насыщается человѣческими жертвами несчастныхъ пловцовъ. Это - родоначальникъ и всѣмъ порогамъ порогъ, Дидъ-порогъ. Страшнымъ дѣлаютъ его и самое движеніе въ немъ воды, и тѣ громадные вѣковѣчные камни, которые частію торчатъ среди самаго порога, частію невидимо сокрыты на днѣ его, частію, отдѣляясь отъ береговъ рѣки, выступаютъ далеко въ средину ея. Рѣка Днѣпръ, свободно и плавно несущая свои воды выше Ненасытеца, дойдя до этого порога и встрѣтивъ здѣсь несокрушимыя препятствія въ видѣ лавъ, скалъ, грядъ и мысовъ, съ непостижимой силой ударяется въ разныя стороны, бѣшено бросается съ одного камня на другой, вслѣдствіе этого страшно волнуется, высоко вздымаетъ огромные валы пѣны или серебристаго „бука“, разбивается неисчислимыми милліонами водяныхъ брызгъ, разлетается въ разныя стороны цѣлыми потоками водяной пыли, выкручиваетъ между скалъ бездонныя пучины и всѣмъ этимъ производитъ такой страшный шумъ и стонъ, который слышится уже на далекомъ разстояніи отъ порога и который наполняетъ собой весь воздухъ, поглощая и крикъ птицъ, и голоса людей, и всякій другой звукъ. Тутъ все сливается въ одинъ отчаянный гнѣвный ревъ рѣки; тутъ всякая мысль человѣка замираетъ отъ трепета, а всѣ чувства его застываютъ отъ страха. Но тутъ же самая холодная душа и та невольно почувствуетъ потребность въ молитвѣ и невольно ощутитъ близость всесильнаго Творца. Издали кажется, какъ будто бы въ рѣкѣ семьсотъ тысячъ огромныхъ водяныхъ мельницъ безпрерывно стучатъ и переливаютъ воду черезъ свои колеса. „Винъ такъ меле, що ажъ небо гремыть, що ажъ земля трусытця“!.. Картина поистинѣ страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ поистинѣ могучая и величественная, неподдающаяся ника-

кому описанію и никакой кисти; для изображенія ея, говоря арабской пословицей, языку недостанетъ словъ, а воображенію красокъ. Особенно величественнымъ и особенно чарующимъ кажется Ненасытецъ съ высоты птичьяго полета праваго берега рѣки въ большой разливъ воды, когда вся поверхность его засеребрится бѣлой жемчужной пѣной букомъ, а громадные, изъ-подъ воды торчащіе камни покроются множествомъ гнѣздъ мѣстныхъ птицъ крячковъ, безпрестанно снующихъ надъ порогомъ, ярко блистающихъ своими перьями на южномъ солнышкѣ, поминутно трепещущихъ маленькими крылышками и жалобно оглашающихъ воздухъ своимъ свистомъ и чиликаньемъ; когда порогъ, точно какой нибудь могучій титанъ, на вѣки прикованный къ скаламъ и тщетно рвущійся на свободу, порою и реветъ, и стонетъ, и высоко вздымаетъ свои воды, а порою такъ обрывается и такъ стихаетъ, что становятся слышными даже переливы его воды, идущіе съ камня на камень, скользящіе съ лавы на лаву и дающіе возможность мѣстнымъ жителямъ тѣмъ самымъ предугадывать перемѣну погоды. Безъ сомнѣнія здѣсь, у этого завѣтнаго порога, въ виду его огромныхъ скалъ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъи по самому руслу, и по берегамъ Днѣпра, въ виду высокихъ могилъ, поднимающихся въ степи съ обѣихъ сторонъ рѣки и невольно наводящихъ на многія о прошлыхъ судьбахъ человѣчества грустныя думы; здѣсь, въ виду этого грознаго, дикаго и завѣтнаго порога, часто сиживали и часто любовались съ высокаго мыса на мчавшіяся по скатамъ скалъ и на кипящія волны рѣки истинные цѣнители красотъ природы, мечтатели въ душѣ, поэты въ рѣчахъ, художники въ пѣсняхъ, запорожскіе козаки, всегда жившіе съ природой душа въ душу, лицомъ къ лицу. Любо имъ было смотрѣть на бѣшеную быстроту воды въ Ненасытецѣ; досчаная барка пробѣгала все пространство его, двѣ слишкомъ версты, въ четыре минуты, а лѣсной плотъ—съ небольшимъ въ одну минуту...

Отъ пороговъ отличаются въ Днѣпрѣ заборы. Заборы—тѣже гряды дикихъ гранитныхъ скалъ, разбросанныхъ по руслу Днѣпра, какъ и гряды пороговъ, но только не пересѣкающія рѣку сплошь отъ одного берега до другаго, а занимающія часть ея, по преимуществу съ праваго берега рѣки, и такимъ образомъ оставляющія съ другаго берега

свободный для судовъ проходъ. Всѣхъ заборъ считалось въ Днѣпрѣ въ предѣлахъ запорожскихъ козаковъ 91, но изъ нихъ большихъ, искони извѣстныхъ заборъ, было шесть — Волошинова, Стрѣльчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская.

Отъ заборъ отличаются камни, одиноко торчащіе то тамъ, то сямъ среди рѣки или у береговъ ея; изъ множества камней, разбросанныхъ по Днѣпру, самыхъ извѣстныхъ было семь—Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и далеко ниже ихъ, на всемъ Днѣпрѣ въ границахъ земли запорожскихъ козаковъ, считались 265 большихъ и малыхъ острововъ, изъ коихъ самыхъ извѣстныхъ было двадцать четыре—Великій, Романовъ, Монастырскій, Становой, Козловъ, Ткачевъ, Дубовый, Таволжанскій, Перунъ, Кухаревъ, Лантуховскій, Гавинъ, Хортица, Томаковка, Стукаловъ, Скарбный, Скалозубъ, Коженинъ, Каиръ-Козмакъ, Тавань, Бургунъ, Тягинка, Дѣдовъ и Сомовъ [1]).

Почти все береговое пространство Днѣпра, исключая порожистаго, одѣто было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожскимъ козакамъ и лѣсъ, и сѣно, и множество дичи, и множество звѣрей. Плавни эти представляли собой, какъ и теперь представляютъ, низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ рѣчками, вѣтками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множествомъ большихъ и малыхъ озеръ и поросшую густымъ, высокимъ и непроходимымъ камышемъ. Изъ всѣхъ плавенъ въ особенности знаменита была плавня Великій-Лугъ, начинавшаяся у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяженіи около 100 верстъ, на томъ-же берегу, внизъ по Днѣпру, противъ урочища Паліивщины, выше Рога—Микитина. Для запорожца, не знавшаго въ средѣ суровыхъ товарищей своихъ „ни нѣньки риднѣнькой, ни сестры жалибнѣнькой, ни дружины вирненькой“, всю родню

---

[1]) О порогахъ, заборахъ, камняхъ и островахъ см. наше сочиненіе „Вольности запорожскихъ козаковъ“, Спб., 1898, 58—122.

составляли Сичь да Великій-Лугъ: „Сичь—мате, а Великій-Лугъ—батько, оттáмъ треба й умирáти“; запорожецъ въ Великомъ-Лугу чувствовалъ себя что въ необозримомъ морѣ: тутъ онъ недоступенъ былъ „ни татарину-бусурманину, ни ляху поганому“. Самое русло Днѣпра нерѣдко загромождено было такъ-называемыми хóлуями или карчами, т. е. подводными пнями деревьевъ, росшихъ по берегамъ рѣки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множествѣ обрушивавшихся на дно Днѣпра.

Рѣка Бугъ также именовалась „славною“ рѣкою у запорожскихъ козаковъ; она принадлежала имъ своимъ нижнимъ теченіемъ отъ балки Большаго-Сухаго-Ташлыка до устья лимана, около 180 верстъ длины по прямому направленю. На этомъ пространствѣ Буга имѣлось—21 порогъ съ самымъ большимъ Запорожскимъ порогомъ; нѣсколько заборъ, нѣсколько отдѣльныхъ скалъ съ огромнѣйшими—Совой, Брамой, Пугачемъ и Протычанской; нѣсколько острововъ, каковы: Кременцовъ, Андреевъ и Гардовый, на коемъ была церковь, разрушенная, по преданію, козакомъ-ренегатомъ Саввою Чалымъ; нѣсколько пещеръ, изъ коихъ наиболѣе извѣстна Кузня—пещера, противъ селенія Мигіи, на лѣвомъ берегу рѣки; нѣсколько косъ, какъ напримѣръ: Жабурная, Осницкая, Павлова, Балабанова, Кривая, Ожаровская, Русская и Волошская, и нѣсколько береговыхъ мысовъ, каковы: Семеновъ и Скелеватый [1]).

Обѣ эти рѣки, Днѣпръ и Бугъ, питались своими рѣчками и вѣтками, приливавшими къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ къ обоимъ берегамъ. Изъ множества притоковъ Днѣпра съ правой стороны наиболѣе извѣстные были: Сухой-Омельникъ, Мокрый-Омельникъ, Домоткань, Самоткань, Сура, Грушевка, Томаковка, Базавлукъ и Ингулецъ съ его знаменитымъ притокомъ Желтыми-Водами [2]). Изъ множества притоковъ Днѣпра съ лѣвой стороны наиболѣе извѣстные были: Орель съ боковыми Богатой и Берестовкой; Самарь, „кроткая своимъ теченіемъ“, съ боковою Волчьей, состоящею изъ Ганчула и Янчула; Вороная, Осокоров-

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ. С.П.Б., 1898, 141—146.

[2]) Что Желтыя-Воды притокъ Ингульца, въ томъ убѣждаетъ насъ Мышецкій, 7.

ка, Московка-Сухая, Московка-Мокрая, Конка, Бѣлозерка, Рогачикъ, Лопатиха, пять рѣчекъ Каирокъ, Сомова и Янушева. Изъ множества вѣтокъ Днѣпра съ правой стороны наиболѣе извѣстныя были: Ведмирка, Лѣсная, Тарасъ, Бугай, Днѣприще, Орлова, Подпильная, Павлюкъ, Скарбная, Сысина, Колотовская, Коловоротъ, Царева, Дармамовка, Омеловая, Космаха, Козацкая, Бургунка, Тягинка, Ингульская, Кошевая, Ольховка, Корабельная, Бѣлогрудова и Солонецкая. Изъ множества вѣтокъ Днѣпра съ лѣвой стороны наиболѣе извѣстныя были: Подпильная, Паньковка, Домаха, Кушугумъ, Рѣчище, Музурманъ, Плетениха, Темрюкъ, Конка, Святая, Метелиха, Лободиха, Бристана, Бабина, Татарка, Царевская, Евпатиха, Гребениха, Волошка, Шавулиха, Чаплинка, Костырская, Дурицкая, Таванская, Гниловодъ, Хруловая, Голубова, Алексѣева, Кардашинская, Маслова, Борщева, Солонецкая и Збурьевская [1]).

Изъ нѣсколькихъ притоковъ рѣки Буга съ лѣвой стороны наиболѣе извѣстные были: Синюха, Мигійскій-Ташлыкъ, Корабельная, Ташлыкъ, Еланецъ, Мертвоводъ и Ингулъ съ главнѣйшими притоками его: Аджамкой, Сагайдакомъ, Грузской, Сугаклеей, Березнеговатой и Громоклеей.

Изъ рѣкъ же Азовскаго бассейна запорожскимъ козакамъ принадлежали: Торецъ, Бахмутъ, Луганъ, Калміусъ, Кальчикъ и три рѣчки Берды, параллельно одна другой текущія съ сѣвера на югъ и впадающія непосредственно въ Азовское море.

Кромѣ рѣкъ, рѣчекъ и вѣтокъ въ запорожскомъ краѣ было не мало озеръ, гирлъ, лимановъ и прогноевъ. Изъ озеръ, гирлъ и лимановъ вдоль обоихъ береговъ Днѣпра считалось 465, вдоль лѣваго берега рѣки Орели—300, по обоимъ берегамъ рѣки Самары—24. Изъ первыхъ особенно извѣстны были: Червоный лиманъ, противъ Червоной или Лысой горы, выше Рога Микитина; Великія-Воды, противъ устья рѣчки Базавлука, 6½ верстъ длины, 50 саженъ ширины и 2 аршина средней глубины; Плетеницкій лиманъ, выше перваго впаденія рѣчки и вѣтки Конки въ Днѣпръ противъ Плетеницкаго-Рога, 4 версты длины; Бѣлозерскій

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 127—173.

лиманъ, у лѣваго берега Днѣпра, ниже Плетеницкаго лимана, 5 верстъ длины и около 3 ширины; Хруловой или Чернечій лиманъ, противъ вѣтки Фроловской, ниже Корсунскаго монастыря, до 4 верстъ длины; Кардашинскій лиманъ, до 5 верстъ длины, противъ острова Потемкина; Солонецкія озера на островѣ Погорѣломъ; гирла Збурьевское и Бѣлогрудовское; лиманы Днѣпровскій и Бугскій и множество безымянныхъ соляныхъ озеръ около Днѣпровскаго лимана; кромѣ того, за правымъ берегомъ рѣчки Кальчика извѣстно было Бѣлосарайское озеро, а на Бердянской косѣ нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ [1]).

Изученіе гидрографіи запорожскаго края приводитъ къ тому заключенію, что край этотъ былъ далеко не маловоднымъ: центръ его прорѣзывался большой и многоводной рѣкой Днѣпромъ со множествомъ ея озеръ, а восточныя и западныя окраины изрѣзаны были въ разныхъ направленіяхъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, прогноевъ и ериковъ, которые, подобно жиламъ въ живомъ организмѣ, несли свои прѣсныя, горькія и соленыя воды по безмѣрнымъ степнымъ равнинамъ запорожскаго края. Обиліе водъ въ своемъ краѣ козаки характерно выражали словами пѣсни:

„Зъ-устя Днипра̀ тай до вершины—
Симсо́тъ ричо́къ ще й чотыри“.

„Рѣчекъ въ сей землѣ, хотя по обширности ея и не весьма, однако довольно“ [2]). Особенность этихъ рѣчекъ состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ обыкновенно текутъ долинами отъ 1 до 8 верстъ ширины и рѣдко бываютъ окаймлены лѣсомъ; большею частью берега ихъ поросли камышемъ и травой, что объясняется свойствомъ самой почвы, по которой несутъ свои воды степныя рѣчки; при рѣчкахъ были и болота, но они часто высыхали въ знойное и сухоелѣто.

При всемъ томъ климатъ въ землѣ запорожскихъ козаковъ нельзя назвать влажнымъ; напротивъ того, нужно назвать его сухимъ, мало влажнымъ и нерѣдко даже вреднымъ для мѣстной растительности края. „Климатъ этой страны зависитъ отъ пояса, въ которомъ находятся степи, отъ сосѣд-

---

1) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, 189—200.
2) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 183.

ства холмистыхъ странъ на сѣверѣ, обширныхъ степей на востокѣ, морей на югѣ и возвышенностей на западѣ, въ частности отъ направленія балокъ, байраковъ и враговъ на самыхъ степяхъ запорожскихъ“ [1]). Сухость климата запорожскаго края происходитъ отъ шести причинъ: во-первыхъ, отъ возвышеннаго положенія, (до 150 футовъ) степи надъ уровнемъ моря, по которому нижніе слои морскаго воздуха, вообще умѣряющіе лѣтній зной и зимнюю стужу, не имѣли такого вліянія на обширный край запорожскихъ козаковъ; во-вторыхъ, отъ открытаго положенія всего края, ни съ какой стороны не защищеннаго высокими горами; въ-третьихъ, отъ отсутствія большихъ лѣсовъ, задерживающихъ у себя влагу и умѣряющихъ до извѣстной степени климатъ всякой мѣстности; въ-четвертыхъ, отъ сосѣдства сухихъ и вредныхъ вѣтровъ, восточнаго и сѣверовосточнаго, дующихъ здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ, уносящихъ съ собою всякую влагу, сушащихъ траву, лѣсную растительность и иногда вырывающихъ хлѣбъ вмѣстѣ съ корнемъ; въ-пятыхъ, отъ мелководья и незначительной величины рѣчекъ, текущихъ здѣсь крайне медленно, большею частью плесами, въ лѣтнее время совершенно пересыхающихъ, покрывающихся болотными растеніями, очень часто гніющихъ и порождающихъ всякаго рода заразы, оттого нерѣдко имѣющихъ вредное вліяніе на мѣстныя произрастенія и совсѣмъ не умѣряющихъ сухости воздуха, какъ это въ особенности бывало въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей, паланкѣ калміусскаго вѣдомства [2]); наконецъ, въ-шестыхъ, отъ присутствія въ запорожскомъ краѣ множества балокъ и враговъ, принимающихъ въ себя главную массу весенней и дождевой воды и не дающихъ возможности ей застаиваться на открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ и постепенно просачиваться подъ почву.

Все пространство земли, занимаемое запорожскими козаками, носило характеръ по преимуществу степной. Запорожская степь имѣла своеобразную особенность: „открытая, безмолвная, усѣянная природными холмами, искусствен-

---

1) Штукенбергъ, Статистическіе труды, Спб., 1858, XXXV, 37.

2) Александровичъ, Краткій обзоръ Маріупольскаго у., Маріуполь 1887, 10.

ными курганами, прорѣзанная оврагами и долинами, она иногда поражала глазъ прекрасною игрою зелени, иногда казалась изсушенною палящими лучами солнца" [1]). По характеру самой поверхности, по климату и растительности вся запорожская степь была далеко неодинакова: сѣверная окраина ея болѣе холмиста и болѣе возвышенна; южная окраина болѣе ровная и болѣе склонна къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; сѣверная окраина болѣе влажна и болѣе производительна; южная, чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ безводнѣе и тѣмъ бѣднѣе растительностью; въ сѣверной окраинѣ балки многочисленнѣе, глубже и богаче растительностью, въ южной—балки малочисленнѣе, покатистѣе и бѣднѣе растительностью; наконецъ, сѣверная окраина запорожскихъ вольностей не такъ подвержена знойнымъ лучамъ солнца; южная наиболѣе подвержена страшному дѣйствію палящаго солнца, нерѣдко истребляющаго здѣсь, напримѣръ, при продолжительномъ бездождіи, всякую растительность, страшно накаляющаго степной воздухъ и производящаго глубокія въ землѣ расщелины. Отъ того южная окраина запорожскихъ степей, въ особенности теперешняя херсонская равнина, по преимуществу носила названіе у польскихъ и русскихъ писателей прошлыхъ вѣковъ „Дикаго поля", [2]) „Пустополя", „Чистополя". На этомъ „Дикомъ полѣ" спасительными оазисами были лишь немногія рѣки да нѣкоторыя балки, по берегамъ и склонамъ которыхъ удерживалась иногда и въ знойное, сухое и безводное лѣто лѣсная и травяная растительность.

Характерное явленіе запорожскихъ степей составляютъ такъ называемыя балки, овраги и байраки. Балками называются здѣсь болѣе или менѣе глубокія долины съ отлогими берегами, покрытыя травой, иногда лѣсомъ, и служащія естественными жолобами для стока водъ изъ степныхъ открытыхъ мѣстъ въ рѣки, рѣчки, озера, лиманы, прогнои и ерики; на языкѣ геологовъ балками называются мертвые, недѣйствующіе, покрытые лѣсною или травяною растительностью, овраги; оврагами-же называются

---

[1]) Штукенбергъ, Статистическіе труды, Спб. 1858, XXXV, 40.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 509, 571.

дѣйствующія балки, съ крутыми, обнаженными берегами обрушивающимися отъ весеннихъ и дождевыхъ разливовъ и потому пропускающими воды въ слой своей подпочвы; байраками называются тѣже овраги, но покрытые непремѣнно лѣсомъ, болѣе или менѣе густымъ и высокимъ.

Балки всегда представляли, какъ и теперь представляютъ, мѣстный типъ запорожской области; при довольно значительной длинѣ, иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ, онѣ нерѣдко доходятъ до 150 футовъ глубины и всегда имѣютъ направленіе къ морю, Черному или Азовскому [1]). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ балки, овраги и байраки имѣли значеніе, какъ первые пункты постепенной колонизаціи обширной, дикой и пустынной степной равнины: „по симъ угодьямъ запорожское войско владѣло и промыслы свои имѣло“, т. е. въ балкахъ или около балокъ заводились сперва бурдюги, потомъ зимовники и, наконецъ, села семейныхъ и несемейныхъ запорожцевъ. Первое мѣсто въ этомъ случаѣ, разумѣется, занимали балки по обѣимъ берегамъ Днѣпра, затѣмъ балки по берегамъ его притоковъ, большихъ и малыхъ, и, наконецъ, балки по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Всѣхъ балокъ, овраговъ и байраковъ въ степяхъ запорожскихъ козаковъ было поистинѣ необозримое число, точно звѣздъ въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Изъ множества ихъ можно назвать лишь главнѣйшія балки обоихъ береговъ Днѣпра, начиная отъ верхней границы вольностей запорожскихъ козаковъ и кончая нижними. По даннымъ XVII и XVIII вѣковъ такихъ балокъ у праваго берега Днѣпра было 95 и у лѣваго—36 [2]). Изъ первыхъ наиболѣе извѣстныя были: Звонецкая, Тягинская, Будиловская, Лишняя, Старо-Кичкасская, Хортицкая, Лютая, Золотая, Дурная, Мѣловая, Пропасная, Верхняя-Солонецкая, Средняя и Нижняя—Солонецкая. Изъ вторыхъ наиболѣе извѣстныя были: Лоханка, Тягинка, Дубовая, Таволжанская, Лишняя, Кичкасская, Бабина, Гипетуха, Широкая и Валивала. Изъ степныхъ балокъ наибольшею извѣстностью пользовались: Дубовая или Гайдамацкая, пада-

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ: Екатеринославская г., Спб. 1863, VI, VII.

[2]) О балкахъ см. Вольности запорожскихъ козаковъ, 201, 213.

ющая въ лѣвый притокъ Ингульца, Саксагань, теперь противъ усадьбы хутора Дубовой-Балки умершаго владѣльца Александра Николаевича Поля, Екатеринославской губерніи, верхнеднѣпровскаго уѣзда, и балка Княжіе-Байраки, того-же уѣзда, начинающаяся отъ лѣваго притока Ингульца, Желтыхъ Водъ, и падающая въ правый притокъ Днѣпра, Мокрый-Омельникъ. Общее направленіе послѣдней балки—съ югозапада на сѣверовостокъ; все протяженіе ея—15 верстъ; наибольшая глубина при устьѣ ея, почти 60 саженъ прямого отвѣса. По преданію, эта балка получила свое названіе отъ какого-то князя Вишневецкаго, изсушившаго всѣ водные источники въ собственной землѣ, чтобы уморить своихъ крестьянъ жаждой, и томившаго ихъ даже долго послѣ своей смерти[1]). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ балка Княжіе-Байраки пріобрѣла большую извѣстность, какъ мѣсто первой битвы гетмана Богдана Хмельницкаго на Желтыхъ Водахъ съ поляками въ 1648 году, 8 мая.

Недостатокъ лѣса также составлялъ характерное явленіе запорожскаго края. Лѣса здѣсь росли только по мѣстамъ низменнымъ, наиболѣе влажнымъ или же наиболѣе суглинистымъ и супесчаннымъ т. е. по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ, по рѣчнымъ островамъ, склонамъ балокъ, овраговъ, пригорковъ; всѣ другія мѣста представляли изъ себя безлѣсную равнину, покрытую въ лѣтнее время травой, въ зимнее замурованную снѣгами. Изъ данныхъ прошлыхъ вѣковъ видно[2]), что лѣса въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ шли по правому и по лѣвому берегамъ Днѣпра, иногда подъ рядъ, иногда съ большими промежутками, отсюда далѣе къ югозападу до Буга и къ юговостоку до Азовскаго моря. Изъ тѣхъ же данныхъ видно, что изъ всѣхъ окраинъ вольностей запорожскихъ козаковъ сѣверовосточная окраина, паланки т. е. протовчанская, орельская и самарская, теперешній новомосковскій и частью павлоградскій уѣзды, Екатеринославской губерніи, по справедливости считались самыми лѣсистыми паланками всего Запорожья

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 229.
[2]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 263.

Вдоль праваго берега Днѣпра лѣса начинались около рѣчекъ Мокраго и Сухого Омельниковъ и шли, то сплошь, то прерываясь, до вѣтки Дремайловки и ниже ея; все это громадное пространство земли, до 400 верстъ въ одну линію, составляло около 30,000, приблизительнаго счета, десятинъ лѣса. Кромѣ того на западъ отъ праваго берега Днѣпра лѣса встрѣчались по рѣчкамъ Сурѣ, Базавлуку, притокамъ Ингульца: Зеленой, Каменочкѣ, Терновкѣ и Саксагани; по Ингульцу, Бешкѣ, Аджамкѣ, Березовкѣ, между Березовкой и долиной Темной, гдѣ росъ „Соколиный“ лѣсъ, до 400 десятинъ земли; между верховьемъ Ингула и Тарговицей, по Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаклейчику, Мертвоводу, Чачаклеѣ, Громоклеѣ, Кагарлыку, Терновой, по Бугу у Песчанаго брода, Виноградной-Криницы и Семенову-Рогу; по балкамъ Глубокой, падающей въ Желтыя Воды, Княжимъ-Байракамъ, гдѣ росъ дремучій и непроходимый лѣсъ; по Дубовой или Гайдамацкой балкѣ, падающей въ Саксагань, гдѣ и теперь стоятъ гигантскіе столѣтніе дубы [1]). Наконецъ, къ западной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ примыкали еще лѣса Черный и Чута [2]), о которыхъ въ 1748 году говорилось: „владѣло-ли имъ войско запорожское прежде сего или нѣтъ, о томъ запорожскіе козаки не знаютъ; а была въ прежніе годы отъ кошеваго атамана Сѣрка въ ономъ лѣсу пасѣка, тому назадъ лѣтъ около 80“ [3]); тутъ же были Нерубай и Кругликъ лѣсъ, „о которомъ также не было извѣстно, владѣло-ли имъ войско запорожское или нѣтъ“ [4]). Черный лѣсъ и Чута нѣкогда составляли одинъ сплошной лѣсъ и служили продолженіемъ знаменитаго въ исторіи гайдамакъ Мотронинскаго лѣса, Кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда; они пересѣкались лишь двумя рѣчками, Ирклейцемъ, отдѣлявшимъ кіевское воеводство отъ „дикаго поля“, и Ингульцемъ, идущимъ отъ кіевской границы къ правому берегу Днѣпра. Черный лѣсъ въ настоящее время находится въ 35 верстахъ отъ Елисаветграда, близъ селенія Водянаго, Чута, близъ Красноселья,

---

[1]) Подробности о лѣсахъ въ сочиненіи Вольности козаковъ, 243—268.
[2]) На тюркскомъ „чута“ или „чита“ означало имя страны.
[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса. 1852, 74.
[4]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 74.

Нерубай лѣсъ близъ Федваря [1]), Кругликъ около Цыбулева. Взятые всѣ вмѣстѣ эти четыре лѣса въ настоящее время составляютъ 18,677 десятинъ густолиственнаго лѣса, состоящаго главнымъ образомъ изъ дуба, потомъ клена, береста, осины, орѣшника и др. [2]); въ немъ водились волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы, даже медвѣди, и множество птицъ разныхъ видовъ и родовъ. Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Черный, Чута, Нерубай и Кругликъ лѣса играли ту важную роль, что въ нихъ часто скрывались запорожцы отъ преслѣдованія татаръ, турокъ и поляковъ; тутъ-же находили себѣ пристанище православные монахи отъ притѣсненія католиковъ, и страшные гайдамаки, поднимавшіе оружіе на защиту своихъ человѣческихъ правъ противъ ненавистныхъ имъ поляковъ; гайдамаки особенно любили Черный и Чуту лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка въ этомъ случаѣ сложился даже особый терминъ — „утикъ до Чорного лису“ значило сдѣлался гайдамакою. Черный лѣсъ очень часто служилъ мѣстомъ, гдѣ собирались татары, козаки и поляки или какъ союзники, выступавшіе противъ московскихъ войскъ, или какъ противники, выходившіе на поле битвы между собой. Оттого неудивительно, почему народныя преданія говорятъ о существованіи въ этихъ лѣсахъ подземныхъ погребовъ, о сокрытыхъ въ нихъ скопищахъ кладовъ, о страшныхъ голосахъ, слышимыхъ по ночамъ между деревьевъ лѣса, о сѣдыхъ усатыхъ запорожцахъ, одѣтыхъ въ красное, какъ огонь, платье и, съ трубками въ зубахъ, сидящихъ на грудахъ золота, въ глубокой думѣ, въ подземныхъ пещерахъ и т. п.

Если мы сведемъ къ общему данныя о лѣсахъ западной окраины вольностей запорожскихъ козаковъ и исключая изъ этой окраины Черный и Чуту лѣсъ, какъ кажется, не принадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ, то увидимъ, что эта окраина не отличалась лѣсною растительностью и была степной по преимуществу. „Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ

---

1) Списокъ населенныхъ мѣстъ; Херсонская губ., Спб., 1868, II. XXXVII.
2) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, С.-Петербургъ, 1898, 268.

мѣстами ростутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками“ [1]).

Соотвѣтственно правому, шли лѣса и по лѣвому берегу Днѣпра; здѣсь начало ихъ у устья рѣки Орели, а конецъ у днѣпровскаго лимана. Все это пространство земли заключало въ себѣ около 6,200 десятинъ лѣса, въ однихъ мѣстахъ шедшаго сплошь, въ другихъ съ большими перерывами; сверхъ этого по лѣвому берегу Днѣпра находился знаменитый Великій-Лугъ, тянувшійся безпрерывно на протяженіи около 100 верстъ длины при 25 верстахъ наибольшей ширины, а ниже его знаменитая Геродотова Гилея, тянувшаяся съ большими перерывами, около 180 верстъ, до города Алешекъ. Какъ въ Великомъ-Лугу, такъ и въ Гилеѣ росли громадныя деревья съ преобладаніемъ дуба надъ другими породами деревьевъ; о величинѣ деревьевъ здѣсь можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ дубамъ, которые находятся теперь въ Великомъ-Лугу: дубы эти свидѣтельствуютъ, что настоящіе днѣпровскіе лѣса только ничтожная пародія тѣхъ исполинскихъ лѣсовъ, которые нѣкогда своею могучею головой осѣняли широкій Днѣпръ.

Кромѣ лѣсовъ, имѣвшихся по обоимъ берегамъ Днѣпра, такіе же лѣса росли по островамъ этой рѣки. Всѣхъ острововъ на рѣкѣ Днѣпрѣ въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ считалось 265, и изъ нихъ большинство покрыто было лѣсомъ чаще всего лозой, шелюгомъ, рѣже осокорями и еще рѣже дубами.

Къ сѣверовостоку и юговостоку отъ лѣваго берега Днѣпра, въ паланкахъ протовчанской, орельской, калміусской, самарской, теперешнихъ уѣздахъ новомосковскомъ, павлоградскомъ, бахмутскомъ и александровскомъ, лѣса росли также болѣе по берегамъ рѣкъ, по склонамъ балокъ и байраковъ; въ этой области самыми лѣсистыми мѣстами были берега рѣкъ Орели и Самары. Орельскіе лѣса служили границей между вольностями запорожскихъ и владѣніями украинскихъ козаковъ; въ предѣлахъ запорожскихъ коза-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

ковъ они шли узкою полосой по лѣвому берегу Орели [1]), начиная отъ впаденія въ нее рѣчки Богатой и кончая устьемъ ея, что составляло на протяженіи ста сорока двухъ верстъ около 5, 690 десятинъ лѣса. Преобладающей породой въ орельскихъ лѣсахъ былъ дубъ, достигавшій здѣсь свыше шести аршинъ въ окружности, до одного аршина съ десятью вершками въ діаметрѣ; кромѣ дуба, росли берестъ, ясень, кленъ, верба, дикія яблони и дикія груши. Къ востоку отъ орельскихъ лѣсовъ, на разстояніи прямою линіей около пятидесяти верстъ, по обоимъ берегамъ рѣки Самары, росли самарскіе лѣса; это—главная заповѣдная роща запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Самарскіе лѣса тянулись на протяженіи 182 верстъ при 20 верстахъ наибольшей ширины и, по справедливости, считались у запорожцевъ „знатными“, „несходимыми“ и „невидимыми“ лѣсами, въ своемъ родѣ „муромскими дебрями“. „Рѣка Самара, писалъ въ 1637 году французскій инженеръ Бопланъ, замѣчательна чрезвычайнымъ богатствомъ въ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ этомъ съ окрестностями Самары“ [2]). Въ 1675 году, во время предполагавшагося похода на Крымъ московскаго ополченія, подъ предводительствомъ князя Григорія Ромодановскаго, и козацкаго войска, подъ начальствомъ гетмана Ивана Самойловича, рѣшено было идти „ниже посольской дороги на Самару для того, чтобы войску въ водахъ и дровахъ утружденія не было“ [3]). Въ 1682 году московскіе послы Никита Зотовъ и Василій Тяпкинъ сообщали, что на всѣхъ вершинахъ рѣкъ Орели и Самары и въ степяхъ близъ нихъ „суть великія дубравы, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши“ [4]). Въ 1766 году очевидецъ секретарь Василій Чернявскій писалъ, что изъ самарскихъ лѣсовъ запорожскіе козаки не только строили всѣ свои дома и зимовники, но въ 1756 году, послѣ бывшаго въ Сичи пожара, обратившаго большую часть ея въ пепелъ, всѣ козацкіе курени, купеческіе и мастеровые

---

[1]) Лѣса по правому берегу Орели принадлежали гетманскимъ козакамъ.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 18, 19.
[3]) Акты южной и западной Россіи, томъ XII, страницы 145, 155.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отд. .II. 573.

дома сызнова построили и „всегда на согрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляли“ [1]). Самарскіе лѣса состояли изъ деревьевъ самыхъ разнообразныхъ породъ— ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орѣшника съ преобладаніемъ, однако, какъ и на Орели, дуба. Между деревьями, особенно вблизи рѣчекъ, были обширные луга, сѣнокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимой травой; по лугамъ паслись дикія козы, кабаны, туры, въ чемъ убѣждаютъ насъ и въ настоящее время находимые здѣсь турьи рога. То, что сказано было о самарскихъ лѣсахъ 250 лѣтъ тому назадъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, почти тоже можно сказать о нихъ и въ настоящее время. Не смотря на варварское обращеніе мѣстныхъ владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все-же поражаютъ человѣка даже и въ настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ и теперь ростутъ сосны, имѣющія въ обхватѣ 6, дубы 9, а вербы 10 аршинъ. Что же тутъ было въ далекомъ прошломъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ гигантскимъ дубамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ на днѣ русла рѣки Самары. Такихъ дубовъ можно видѣть цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близъ села Вольнаго. Въ настоящее время самарскіе лѣса тянутся на протяженіи около 100 верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, съ нѣкоторыми, однако, перерывами, начиная отъ того мѣста, гдѣ Самара принимаетъ въ себя рѣчку Волчью, близъ уѣзднаго города Павлограда и кончая выше мѣстечка Игрени, при устьѣ ея.

Ниже рѣки Самары имѣлись еще лѣса по рѣчкѣ Московкѣ, падающей въ Днѣпръ ниже пороговъ [2]).

Къ востоку отъ Самары шли небольшіе лѣса по рѣчкамъ Нижней-Терсѣ, Соленой, Волчьей, Ганчулу, Янчулу, Мокрымъ-Яламъ, Бахмуту, Калміусу, Кальчику, по склонамъ Азовскаго моря и по нѣкоторымъ степнымъ оврагамъ и пустошамъ. Изъ всѣхъ этихъ лѣсовъ самые большіе были

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 85.

[2]) Сборникъ военно-истор. матеріаловъ, СПБ, 1899, в. XI, ч. II, 151.

дибривскіе, на рѣчкѣ Волчьей, гдѣ считалось всего лѣсу до 425 десятинъ, съ преобладаніемъ дуба надъ другою лѣсною растительностью; потомъ бахмутскіе, имѣвшіе до 100.000 десятинъ протяженія, но едва-ли, однако, принадлежавшіе запорожскимъ козакамъ, и наконецъ, такъ называемый Леонтьевскій буеракъ, у южной границы теперешняго славяносербскаго уѣзда, нѣкогда составлявшій съ сосѣдними лѣсами Земли Войска Донскаго одну сплошную лѣсную дачу. Остальные лѣса всѣ вмѣстѣ составляли около 400 считанныхъ десятинъ и большею частью были мелкой породы, „чагары и тальники".

Изъ общаго обзора лѣсовъ въ запорожскомъ краѣ слѣдуетъ прямой выводъ тотъ, что земли, доставшіяся запорожскимъ козакамъ, носили характеръ по преимуществу степной: на пространствѣ степей длины въ 425 верстъ и ширины въ 275 верстъ или на 11,000,000 приблизительнаго счета десятинъ земли какихъ-нибудь 800, 000 приблизительнаго счета десятинъ лѣса слишкомъ недостаточно для того, чтобы давать цѣлой странѣ характеръ лѣснаго края [1]). Впрочемъ, нельзя умолчать и о томъ, что во время запорожцевъ лѣсовъ было больше, нежели теперь, и въ началѣ историческаго существованія козаковъ больше, чѣмъ въ концѣ. Причинами уменьшенія количества лѣснаго пространства были здѣсь чисто случайныя явленія: пожары и истребленія лѣса татарами, поляками, русскими во время большихъ походовъ, мѣстными обывателями во время построенія городовъ, при существованіи Запорожья новосербами, славяносербами и слободско-украинскимъ войскомъ, а послѣ паденія Запорожья мѣстными обывателями Новороссіи. Причины истребленія лѣса отчасти указаны были еще въ прошломъ столѣтіи: „Оттого, что боръ нѣсколько кратъ горѣлъ, а наипаче отъ татарскаго въ ономъ зимованія и безъ разбору порубленія, всѣ знатные лѣса гораздо рѣдки стали. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ—Самарѣ, Конкѣ и Калміусѣ—лѣса крайне разорены не только огрѣваніемъ отъ стро-

---

[1]) Количество десятинъ земли разсчитано по картѣ де-Боксета 1751 года, а количество десятинъ лѣса взято по книгѣ Д. И. Эварницкаго: Вольности запорожскихъ козаковъ, 243, 268; вычисленіе производилъ профессоръ математик и . И. Шохоръ-Троцкій .

гости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ и вывозомъ въ свои аулы немалаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ, заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, привозили. Сіи дикіе и голодные народы около зимовниковъ и на лугахъ выбиваютъ травы и истравляютъ сѣно, разоряютъ молодой лѣсъ, чрезъ всю зиму крадутъ и грабятъ все, что только могутъ..., заготовленный къ строенію лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревьевъ. Одинъ изъ мурзъ, прошедшею весною (1765 года), забравъ найденный при нѣкоторыхъ зимовникахъ заготовленный на строеніе лѣсъ, на сорока возахъ, съ пятьюдесятью вооруженныхъ татаръ самъ до своихъ ауловъ проводилъ, отбивая козаковъ въ провозѣ препятствовать хотящихъ“ [1]). Не мало также истребили лѣса новосербы, славяносербы и козаки слободско-украинской линіи, преимущественно съ 1752 по 1769 годъ [2]), а также первые поселенцы Новороссіи, послѣ паденія Сичи, при постройкѣ разныхъ городовъ—Елисаветграда, Бахмута, Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы, Севастополя, Алешекъ, Никополя и др. Сами помѣщики, получившіе послѣ запорожцевъ земли въ Новороссіи, частью даромъ, частью за ничтожную плату казнѣ, также много извели лѣсовъ или вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, или-же вслѣдствіе дробленія большихъ лѣсныхъ участковъ на малые, достававшихся нѣсколькимъ лицамъ сразу и вновь раздѣлявшихся ими на другіе мелкіе участки и за ничтожностью ихъ истреблявшихся до основанія [3]).

Относительно флоры лѣсной въ странѣ вольностей запорожскихъ козаковъ нужно сказать то, что здѣсь росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, какое явленіе происходитъ, можетъ быть, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣ-

---

1) Чернявскій въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 84, 85, 89, 90.
2) Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1851, 35, стр. 29, сец. 204.
3) Журналъ государственныхъ имуществъ, 1855, февраль, 167, 169, 170.

то, вѣтренная и непостоянная погода въ запорожскихъ земляхъ обусловливали и произрастаніе здѣсь извѣстныхъ видовъ древесной растительности, изъ коихъ господствующими были: липа, кленъ, вязъ, дубъ, берестъ, иначе илимъ, грабъ, ясень, осокорь, верба, шелковица, яблонь, груши, вишня, дуля, калина, ива, ольха, береза, сосна, орѣшникъ, черноклен̈ъ, серебристый тополь, глодъ, боярышникъ, кизилъ, кожевенное дерево, желтинникъ, крушина, жостеръ, таволга, (sipiraca crenata), бузина, лоза, яворъ, (чинаръ, ложноклен̈ъ, нѣмецкій кленъ), барбарисъ, гордовое дерево и другія [1]).

Находясь у Азовскаго и Чернаго морей, занимая положеніе съ одной стороны между Турціей и Крымомъ, съ другой—между Польшей, Украйной и Великороссіей, земли запорожскихъ козаковъ неминуемо должны были пропускать черезъ себя главнѣйшіе пути къ означеннымъ морямъ изъ названныхъ странъ и отъ ихъ центральныхъ городовъ. Изъ этихъ путей одни шли по Днѣпру и его притокамъ, другіе—по степи вдоль или поперекъ ея балокъ и овраговъ; первые—рѣчные пути, вторые—сухопутные. Главный рѣчной путь начинался отъ верхнихъ границъ вольностей запорожскихъ козаковъ, выше праваго притока Днѣпра, Сухаго-Омельника, и выше лѣваго, рѣки Орели, и оканчивался противъ устья рѣки южнаго Буга; это—часть того знаменитаго пути „изъ варягъ въ Царьградъ“, которымъ нѣкогда ходили наши предки, еще будучи язычниками, въ Византію съ торговыми и завоевательными цѣлями на своихъ однодревыхъ ладьяхъ или моноксилахъ. Сухопутные пути составляли такъ-называемые шляхи, т.-е. большія торговыя или битыя дороги, тянувшіяся вдоль и поперекъ запорожскихъ земель и выходившія далеко за границу ихъ. Изъ послѣднихъ самыми извѣстными были: Муравскій шляхъ, шедшій по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейна, и Черный, шедшій по водораздѣлу между Бугомъ и Днѣпромъ, съ ихъ боковыми второстепенными вѣтвями.

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 18; Срединскій, Матеріалы для флоры Новороссійскаго края, Одесса, 1872; Акинфіевъ. Растительность города Екатеринослава, Екатеринославъ, 1889.

Муравскій шляхъ, получившій свое названіе, по болѣе вѣроятному передъ другими объясненію, отъ травы муравы [1]), шелъ изъ глубины Россіи, отъ Тулы, мимо Курска, Бѣлгорода, въ слободскую Украйну, потомъ черезъ Орель въ Запорожье; въ Запорожьѣ черезъ рѣку Самару, Волчьи-Воды и Конку; ниже Конки выходилъ за предѣлы козацкихъ вольностей и тянулся до самаго Перекопа [2]). Муравскій шляхъ у русскихъ считался „способнѣйшимъ, прямѣйшимъ, гладкимъ и ровнымъ путемъ изъ Руси къ татарамъ“; у козаковъ онъ именовался „отвѣчнымъ, безкрайнымъ“ шляхомъ; о немъ запорожцы говорили: „лежитъ—га́ся простягла́ся, а якъ уста́не, то й не́бо доста́не“. Въ предѣлахъ Запорожья онъ шелъ на протяженіи 200 верстъ и на этомъ пространствѣ пролегалъ по безлюдной и дикой степи, гдѣ, кромѣ небольшаго жилья на Самарѣ, до XVIII вѣка не было ни городовъ, ни селъ, ни хуторовъ, ни заѣзжихъ дворовъ; зато по обѣимъ сторонамъ его въ обильное дождями лѣто росла такая густая высокая трава, что за ней не было видно ни человѣка, ни воловъ: какъ идетъ, бывало, чумакъ по шляху, то отъ него только и видно, что „высокая шапка та довгій батигъ“; а кругомъ стоитъ, какъ море, сѣдой усатый ковыль, низко нагибающійся то въ одну, то въ другую сторону отъ легкаго дуновенія степнаго вѣтерка; свернетъ возъ съ дороги, то и не выплутаетъ изъ густой травы своихъ колесъ. Немудрено, поэтому что, путешественники, слѣдовавшіе изъ Россіи черезъ Запорожье въ Крымъ или Татарію, останавливались на ночлегъ въ открытой степи и подъ открытымъ небомъ, спускаясь или на склонъ какой-либо балки, или на берегъ какой-нибудь рѣки; неудивительно также и то благоразумное опасеніе, съ которымъ путники шли по этому шляху: такъ, московскіе послы, Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ, шедшіе въ 1681 году въ Крымъ, повернувъ отъ Сумъ къ Муравскому шляху, взяли съ собой для охраны 600 человѣкъ рейтаръ и украинскихъ козаковъ [3]). Къ этимъ неудобствамъ движенія по Муравскому шляху присоединялось еще и то, что путеше-

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ Спб., 1898, 235.

[2]) Подробности о Муравскомъ шляхѣ смотри въ томъ-же сочиненіи.

[3]) Записки одес. общества ист. и древ. II, отдѣл. II, III, 572—573.

ственникамъ часто приходилось или идти въ бродъ чрезъ встрѣчавшіяся на пути рѣчки, или же самимъ мостить гати и по нимъ переправляться съ одного берега на другой. Муравскій шляхъ былъ обыкновенной дорогой, по которой татары врывались въ Украйну: „А ходятъ изъ Крыма татаровя по сей лѣвой сторонѣ Днѣпра на Муравскіе шляхи, не переходя Днѣпра, украинскіе пороги". По Муравскому шляху не разъ и запорожскіе козаки дѣлали свои набѣги на Крымъ [1]). Въ XVII вѣкѣ, послѣ возведенія погра́ничныхъ укрѣпленныхъ городовъ въ слободской Украйнѣ, татары уже старались избѣгать Муравскаго шляха: „Крымскіе люди Муравскою и Изюмскою соймою противъ крѣпостей не пойдутъ" [2]). Изъ боковыхъ вѣтокъ Муравскаго шляха извѣстны были: Крымскій или Чумацкій, отдѣлявшійся отъ Муравскаго у Волчьихъ-Водъ, шедшій вдоль лѣваго берега Днѣпра по-надъ Великимъ Лугомъ, потомъ поворачивавшій отъ Днѣпра въ степь и доходившій до города Перекопа; Изюмскій, сходившійся съ Муравскимъ „у верха рѣки Орели", и Калміусскій, сходившійся съ Муравскимъ у Конскихъ-Водъ.[3]).

Черный-польскій или Шпаковъ шляхъ, у турокъ Чорна-Ислахъ [4]), получившій свое названіе отъ Чернаго лѣса, по которому онъ проходилъ, начинался въ глубинѣ Польши и шелъ отъ Варшавы на Кознище, Пулавы, Маркушевъ, Люблинъ, Жолкѣевъ, Львовъ, мимо Умани, на Тарговицу, черезъ рѣчку Синюху и отсюда въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ черезъ рѣчки Ольшанку, Кильтень, вдоль Малой-Выси, на Великую-Выську, надъ вершинами Костоватой и Бобринца, потомъ водораздѣломъ между Ташлыкомъ и Мертвоводомъ до устья самаго Ташлыка къ Бугу, наконецъ, за Бугъ до шляху Керванъ-Іоль, т. е. Караванной дороги. По этому шляху проѣзжали „разные купецкіе люди" изъ польской области, жиды, поляки въ турецкую область, Крымъ, Бѣлоградъ на Днѣстрѣ, Очаковъ и въ россійскую запорожскую Сѣчь, и

---

1) Акты южной и западной Россіи XI, 15; XII, 101, 102.
2) Акты южной и западной Россіи, томъ X., стр. 414.
3) Подробности въ нашемъ трудѣ Вольности козаковъ, 224.—243.
4) Шермуа, Набѣгъ крымскихъ татаръ на Польшу въ 1653 году.

изъ турецкой области и изъ иныхъ мѣстъ греки, армяне, волохи ѣхали въ Польшу съ съѣстными и питейными припасами, виноградными винами, сукнами и другими товарами [1]).

Кромѣ Чернаго шляха, по западной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ шли еще шляхи: Крюковскій, отъ Крюкова вдоль праваго берега Днѣпра, мимо пороговъ, на Кичкасъ, потомъ на Крымскій или Чумацкій шляхъ. Крымскій отъ Китай-города на Романково, вдоль рѣчки Базавлука, потомъ черезъ Базавлукъ съ праваго на лѣвый берегъ его, до станціи Степной, отсюда черезъ Днѣпръ, его притоки Святую-Горькую-Воду, Бѣлозерку, Рогачикъ и наконецъ въ Татарію; это была „дорога, по которой купцы шли прямо въ Крымъ“ [2]). Переволочанскій отъ Переволочны на Саксагань, Базавлукъ, Солоную, въ Новую Сичь и потомъ съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра до Крымскаго шляха. Микитинскій отъ Мишурина-Рога на Коржевы могилы, Базавлукъ, Солоную, Чортомлыкъ, Микитино, черезъ Днѣпръ и на Крымскій шляхъ. Кызыкерменскій отъ Кременчуга на Желтое, Курячью-Балку, Недайводы, водораздѣломъ Саксагани и Ингульца, на Кривой-Рогъ, вдоль Ингульца, черезъ Давыдовъ-Бродъ, въ Кызыкермень, черезъ Днѣпръ и на Крымскій шляхъ. Кромѣ того, между Микитинскимъ и Кызыкерменскимъ шляхами были еще Коржевъ и Саксаганскій шляхи [3]).

Въ югозападной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ пролегали три шляха—Гардовый или Королевскій, Сичевой-высшій и Сичевой низшій. Гардовый шляхъ получилъ свое названіе отъ Гарда на Бугѣ; онъ-же носилъ названіе Королевскаго, какъ думаютъ, отъ того, что на немъ польско-литовскій король Янъ Альбрехтъ въ 1489 году одержалъ побѣду надъ татарами и турками [4]). Онъ выходилъ изъ Подоліи, шелъ черезъ Бугъ по одному изъ каменныхъ мостовъ, построенныхъ Витовтомъ на этой рѣкѣ [5]), потомъ входилъ въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей. XIV, 336.
2) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 245.
3) Подробности смотри въ томъ-же сочиненіи, 245—247.
4) Ѳедоръ Карловичъ Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, 1, 156.
5) Списокъ населенныхъ мѣстъ, херсонская губер. Спб., 1868, XXVIII.

и тутъ тянулся на протяженіи 300 верстъ, отличаясь замѣчательною прямизной, до устья рѣчки Каменки, гдѣ была Каменская Сичь, и до турецкаго города Кызыкерменя, а оттуда къ Таванскому перевозу и далѣе въ Крымъ [1]). Сичевой-высшій шляхъ также шелъ отъ Гарда при Бугѣ на Бѣлоновку и потомъ тянулся вверхъ до Сичи на рѣчкѣ Подпильной. Сичевой-низшій шелъ параллельно высшему, также отъ Буга на Балацково и до Сичи на Подпильной [2]).

Между послѣдними трактами по рѣчкамъ Ингульцу, Саксагани, Ингулу до Балацкаго разбросаны были запорожскіе зимовники, а ниже Балацкаго не было вовсе зимовниковъ; только въ лѣтнее время, когда запорожцы садились вдоль Днѣпра и Буга до самыхъ лимановъ, для рыбныхъ ловель и звѣриныхъ гоновъ, тогда только здѣсь появлялись временныя запорожскія жилища; съ турецкой-же стороны по всѣмъ мѣстамъ отъ Сичи до Гарда, между Днѣпромъ, Бугомъ и лиманомъ, вовсе не было никакихъ селеній; на всемъ пространствѣ этихъ двухъ трактовъ и на далекомъ разстояніи отъ нихъ была одна дикая степь; лѣсовъ тутъ почти не было, кромѣ лѣса на Громоклеѣ, впадающей въ Ингулъ, выше Балацкаго, гдѣ росъ лѣсной байракъ, около мили въ длину, да на рѣкѣ Ингульцѣ, около Балацкаго, и у рѣки Буга, въ видѣ малыхъ терновниковъ и чащъ. Польскіе купцы шли въ Гардъ черезъ крѣпость Архангельскъ, Цыбулевъ и другіе русскіе города и селенія; изъ Гарда они продолжали путь или въ Сичь или въ Очаковъ; въ послѣднемъ случаѣ купцы переправлялись черезъ Бугъ, выше Гарда около версты; въ этомъ мѣстѣ переправы стояла запорожская застава изъ 80 человѣкъ съ особымъ полковникомъ во главѣ, безъ вѣдома котораго никто не смѣлъ ни переѣзжать изъ земель запорожскихъ козаковъ на турецкую сторону, ни изъ земель турецкихъ на запорожскую сторону [3]). Для полной безопасности проѣзжавшихъ по степямъ Запорожья пограничными полковниками давался особый знакъ, перначъ, который путеше-

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 249.
[2]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 249.
[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 75.

ственники обязаны были хранить во время ихъ поѣздки и предъявлять по требованію запорожскому товариществу или кому-либо изъ его старшинъ.

Путешественники, купцы и торговцы, проѣзжавшіе черезъ земли запорожскихъ козаковъ прямыми или боковыми шляхами, неминуемо встрѣчались съ большими или малыми рѣками и неминуемо должны были или переѣзжать ихъ въ бродъ, при незначительной водѣ, или переправляться на лодкахъ, паромахъ и плотахъ, при значительной водѣ, особенно въ рѣкѣ Днѣпрѣ; въ послѣднемъ случаѣ съ проѣзжавшихъ запорожцы взимали извѣстную плату, составлявшую главнѣйшій источникъ ихъ войсковыхъ доходовъ.

Изъ всѣхъ днѣпровскихъ переправъ и бродовъ историческую извѣстность пріобрѣли у запорожскихъ козаковъ слѣдующіе 22: Кременчуцкій бродъ и Успская переправа, у Карменчика, и ниже ихъ Гербедееская; Мишуринорогская, противъ Мишурина-Рога, Романковская, противъ села Романкова; Будилово-Таволжанская, противъ порога Будиловскаго и заборы Таволжанской; Крарійская или Кичкасская, получившая свое названіе или отъ армянскаго князя Кискаса II, послѣ котораго намехскіе армяне приходили въ 1602 году въ Кіевъ на помощь русскимъ противъ поляковъ [1]), или отъ тюркскаго корня „köч-köч„—„проходи“, „иди прочь“, въ смыслѣ пункта, откуда начиналась переправа [2]); Микитинская или Каменно-Затонская, противъ Микитина-Рога, на правомъ берегу Днѣпра и Каменаго-Затона на лѣвомъ; Бѣлозерская, Рогачицкая и Каирская, противъ Бѣлозерки, Рогачика и Каирки, лѣвыхъ притоковъ Днѣпра; Носоковская, противъ острова Носоковки; Каменская, противъ мѣста бывшей Каменской Сичи; Таванская, называемая у турецкаго историка Найимы переправою Диванъ-Гечиди, у острова Тавани и города Кызыкерменя; Дремайловская и Козацко-Каменская, близъ устьевъ рѣкъ Дремайловки и Козацкой-Каменки; Бургунская, противъ острова Бургунки; Тягинская, близъ устья рѣчки

---

1) Глинка, Обозрѣніе исторіи армянскаго народа, Москва, 1883, II, 290.
2) Никольскій, Южный Край, Харьковъ, январь, 31, 1891 года.

Тягинки; Высшій перевозъ на двѣ версты ниже впаденія Ингульца въ Днѣпръ, въ теперешней Перевизкѣ, урочищѣ села Фалѣевки, имѣнія Н. Н. Комстадіуса; Веревчина и Бѣлозерская, близъ впаденія этихъ рѣчекъ въ Днѣпръ [1]).

Обыкновенно купеческіе караваны пользовались перевозами черезъ рѣки только въ лѣтнее время, съ конца іюля и до половины сентября; въ другое же время „ватага на перевозъ не ишла, но шла на мостъ и броды“ [2]) вслѣдствіе поднятія весной и осенью уровня водъ въ рѣкѣ.

Изъ бродовъ и переправъ рѣки Буга извѣстны были слѣдующія девять переправъ и бродовъ: Витовтовъ бродъ, ниже устья Синюхи; Мигійскій перевозъ, противъ Мигійскаго Ташлыка; Песчаный перевозъ, на три версты выше Гарда; Гардовой перевозъ, у самаго Гарда; Кременецкій бродъ, на шесть верстъ ниже Гардоваго; Безыменный перевозъ, на двѣ версты ниже Кременецкаго; Чартайскій бродъ, противъ рѣчки Чарталы; Овечій бродъ, на восемь верстъ ниже Чартайскаго; Соколанскій перевозъ, противъ селища Соколанъ. Выше Буга былъ бродъ Синюхинъ, черезъ рѣчку Синюху.

Кромѣ переправъ и бродовъ черезъ Днѣпръ, Бугъ и Синюху были еще два „шляховые„ брода черезъ рѣку Ингулъ; нѣсколько бродовъ черезъ рѣчки Мертвоводъ, Гарбузинку, Ингулецъ, гдѣ извѣстны были Давыдовъ бродъ на 60 верстъ выше устья Ингульца, и Бекеневскій или Бѣлый бродъ, нѣсколько ниже Давыдова; далѣе черезъ рѣчки—Каменку, Бешку, притоки Ингульца, рѣку Орель, гдѣ извѣстенъ былъ Стешинъ бродъ на пути Муравскаго шляха; черезъ рѣчку Волчью, Злодійскій бродъ, семь бродовъ черезъ рѣку Самару: Песчаный, Калиновъ, Вольный, Гришкинъ, Кочереженскій, Терновскій и Чаплинскій [3])

---

[1]) Подробности о переправахъ въ нашимъ трудѣ Вольности коз., 253—258.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей. XIV, 393.
[3]) Подробности о бродахъ въ нашемъ трудѣ Вольности козаковъ, 235—241.

Производительность земли, флора, фауна и времена года въ землѣ вольностей запорожскихъ козаковъ.

По силѣ и степени производительности край вольностей запорожскихъ козаковъ можетъ назваться въ одно и то-же время и изумительно богатымъ, и изумительно бѣднымъ; все зависѣло здѣсь не столько отъ рѣчныхъ и ключевыхъ водъ, сколько отъ атмосферной и дождевой влаги: въ дождливое лѣто растительность здѣсь достигала невѣроятныхъ размѣровъ, урожай получался баснословный; въ знойное и сухое время растительность погибала, неурожай влекъ за собою страшныя бѣдствія. Вотъ отчего у разныхъ писателей такъ различно описывается край вольностей запорожскихъ козаковъ: по однимъ—это богатѣйшая и счастливѣйшая страна, по другимъ—это дикая, безводная, выжженная солнцемъ, лишенная всякой растительности пустыня. Даже у одного и того-же писателя, только въ различное время года, запорожскій край часто изображался совершенно различно.

Наиболѣе плодородныя мѣста были здѣсь по низменностямъ или по такъ называемымъ подамъ рѣкъ Днѣпра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименѣе плодородныя мѣста были въ бугогардовской и калміусской паланкахъ, близъ рѣкъ Буга и Калміуса. Отецъ исторіи, Геродотъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х., описываетъ страну скиѳовъ, часть которой впослѣдствіи принадлежала запорожскимъ козакамъ, въ такихъ словахъ: „Земля у нихъ ровная, изобилуетъ травой и хорошо орошена; число протекающихъ черезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Четвертая рѣка, Борисѳенесъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳ-

скими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго Нила. Изъ прочихъ же рѣкъ Борисѳенесъ наиболѣе прибыльная: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходную рыбу въ большомъ изобиліи, вода на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахотныя поля или растетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенесѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антокаями и идущія на соленіе“ [1]). Гораздо позже Геродота, въ XVI вѣкѣ по Р. Х., современникъ запорожскихъ козаковъ описываетъ богатство ихъ страны въ такихъ чертахъ: „Въ этой странѣ, приднѣпровскихъ степяхъ, трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ, и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ“ [2]). Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края, каковы: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др., водилось множество рыбы и раковъ: въ Орели, въ одну тоню рыбаки вытаскивали до 2000 рыбъ, около фута наименьшей величины; въ Самоткани и смежныхъ съ нею озерахъ водилось такое количество рыбы, что она отъ собственнаго множества умирала, портила воду и заражала воздухъ; въ Домоткани водилось множество раковъ, иногда до 9 дюймовъ длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ и за свое богатство прозвана козаками святою рѣкою [3]); окрестности Самары запорожскіе козаки называли обѣтованною Палестиной, раемъ божіимъ на землѣ, а всю землю около рѣки—землей

---

[1]) Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 320.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, томъ I, 604.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832. 15—19.

"дуже гарною, кветнучею и изобилующею", самый городъ Самарь – „истинно новымъ и богатымъ Іерусалимомъ" [1]).

Въ концѣ того же вѣка московскіе послы Никита Моисеевичъ Зотовъ и Василій Михайловичъ Тяпкинъ въ томъ же родѣ описываютъ мѣста по рѣкамъ Орели и Самарѣ: „Тамъ звѣря и птицъ, и рыбъ множество... Водъ и конскихъ кормовъ, и рыбъ и птицъ, также звѣрей, которыхъ Господь Богъ благословилъ людямъ въ пищу, тамъ довольно" [2]). Въ XVIII вѣкѣ, очевидецъ, участникъ русско-турецкихъ войнъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, Христоформъ Манштейнъ, изображаетъ богатство запорожскихъ степей въ такихъ словахъ: „Земля та есть прекраснѣйшая въ Европѣ; но великій ущербъ, что не населена по причинѣ недостатка лѣса и воды; ибо часто случается, что, идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой рѣчки, что и принуждаетъ возить съ собой всегда дрова и воду для варенія пищи изъ стана въ станъ, по неизвѣстности найти ихъ впереди; возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобы давать пить ратникамъ во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дѣло: въ каждомъ полку должно имѣть оныхъ отъ осьми до десяти, и по стольку-же толстыхъ досокъ, изъ которыхъ дѣлали мосты для перехода пѣхоты и легкихъ повозокъ, а военные помосты употребляли только для большихъ и тяжелыхъ фуръ и конницы... Чтобъ дать понятіе о плодородіи сихъ земель, довольно сказать, что травы ростутъ тамъ выше человѣка самаго великорослаго. Находится тутъ спаржа въ великомъ множествѣ, и травовѣдцы находятъ также нѣкоторый родъ особливой травы, которую турки и татары употребляютъ на дѣланіе своихъ свѣтильниковъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ татары выжигаютъ траву на степи; ибо какъ они не умѣютъ косить и сушить сѣно, то травы сами собой высыхаютъ отъ большихъ жаровъ, бывающихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, почему принуждены ихъ жечь, безъ чего старая, сухая заглушила бы совсѣмъ молодую. Татары часто также выжи-

---

[1]) Θеодосій, Самарскій пустынно-николаевскій мон., Екатер., 1873, 8.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отд. II, III, 573.

гаютъ траву, чтобъ лишить непріятелей конскаго корма; и ежели при таковыхъ случаяхъ не возьмутъ предосторожности отъ сего пожара, то весь станъ подвергается опасности сгорѣть. Для избѣжанія сего графъ Минихъ отдалъ приказъ, чтобъ на каждой повозкѣ имѣть большое помело для тушенія пожара. Надобно также взрывать землю шириною на два фута около стана рвомъ, и симъ средствомъ прекращать огонь отъ опасности дальнѣйшаго распространенія пожара. Всякой дичи, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, тетерекъ, глухихъ тетеревей и прочей въ тамошнихъ мѣстахъ много; воинство ловятъ ихъ руками множество, а кромѣ того столько тамъ перепелокъ, что каждый день похода можно имѣть ихъ сколько хотятъ“ [1]). Въ концѣ тогоже XVIII вѣка о запорожскихъ мѣстахъ писалось въ Москву: „Мѣста имѣютъ они—запорожскіе козаки—изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и приморскихъ заливовъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Берды, и близъ Очаковскаго лимана и въ оном по договору съ турками за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова“ [2]). Въ это-же время точными донесеніями о занятіяхъ запорожскихъ козаковъ сообщалось, что хлѣбъ, засѣваемый ими, давалъ урожай превосходный—рожь и пшеница въ 9 и 10, просо въ 30 и 40 разъ противъ посѣяннаго [3]). Уже послѣ паденія Запорожья, оффиціальныя данныя представляли богатство бывшихъ земель запорожскихъ вольностей въ такихъ краскахъ: „Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопоросшія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая, очевидно, труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ—рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ

---

[1]) Христоформъ Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 211—214.
[2]) Архивъ свѣдѣній, относящ. до Россіи Калачова, С.-Петербургъ, 1861, 6.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 169, пр. 19; 185.

огородныхъ овощей арбузы отмѣнно сладкіе и великіе [1]), красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота, и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый, и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу. Воздухъ здѣсь благорастворенный; вода въ рѣкахъ и озерахъ сладка и здорова къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако, въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся; дикія птицы въ большомъ количествѣ“ [2]). Сама императрица Екатерина II писала въ 1787 году, 12 мая, о бывшихъ запорожскихъ вольностяхъ слѣдующее: „Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; намъ сказывали, что мы наѣдемъ на жары, несносныя человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтеръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ“ [3]).

Наконецъ, въ началѣ XIX вѣка о бывшихъ запорожскихъ земляхъ писалъ французскій маркизъ де-Кастельно слѣдующее: „Новороссія очень обширна, и между различными частями ея мы встрѣчаемъ чувствительную разницу. Воздухъ здѣсь вообще превосходенъ, за исключеніемъ болотныхъ мѣстъ... Различенъ воздухъ степей отъ воздуха береговъ моря и Крымскихъ горъ. Степной воздухъ можно назвать самымъ чистымъ во всей Европѣ; холодъ зимою здѣсь бываетъ,

---

[1]) Въ мѣстечкѣ Котовкѣ, Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, авторъ настоящаго труда видѣлъ въ 1889 году арбузъ вѣсомъ пудъ и три фунта.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 290, 291, 302.

[3]) Сочиненія императрицы Екатерины II, изд. Смирдина, III, 344.

безъ сомнѣнія, очень чувствителенъ, но вѣтеръ не такъ порывистъ, какъ на берегахъ моря; нерѣдко снѣгъ не выпадаетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, между тѣмъ, какъ смежныя страны на востокъ и на западъ бываютъ ими покрыты. Это непостоянно: но какая-же точка земнаго шара не терпитъ измѣненій?.. Зимы въ Новороссіи сравнительно мягче, чѣмъ въ Сѣверной Франціи; это не должно казаться страннымъ. Отъ Одессы до 60° широты нѣтъ горъ, и когда сѣверные вѣтры постоянно дуютъ, все на пути подвержено ихъ вліянію, между тѣмъ другіе вѣтры дѣлаютъ температуру Новороссіи теплою, соотвѣтственно ея географическому положенію. Въ этой, незащищенной отъ холода странѣ зима бываетъ суровѣе, чѣмъ въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ, находящихся на одинаковой съ ней широтѣ... Весна начинается въ апрѣлѣ и уже черезъ 10—15 дней земля бываетъ покрыта зеленью. Въ это время года тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ степь пестрымъ ковромъ; чудное благоуханіе носится въ воздухѣ, и путешественникъ могъ бы придти въ полный восторгъ отъ всего окружающаго, если бы его не удручала мысль о недостаткѣ рабочихъ рукъ для этой роскошной почвы.

Видъ степи мѣняется отъ большей или меньшей засухи; травы достигаютъ здѣсь высоты 3 футовъ; на черноземѣ мнѣ случалось ихъ видѣть даже 7 футовъ высоты. Благодаря глубинѣ дѣвственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности здѣсь необычайна. Густота травы предохраняетъ почву отъ жгучихъ лучей солнца, а росы бываютъ такъ обильны, что проникаютъ въ землю раньше, чѣмъ солнце успѣетъ ихъ высушить. При засухѣ травы рѣдѣютъ, но первый дождь заполняетъ новыми всѣ тѣ промежутки; такимъ образомъ животныя постоянно снабжаются свѣжимъ кормомъ. Испаренія большихъ травъ нисколько не вредны; при восходѣ и заходѣ солнца между холмами образуется туманъ, но деревни, расположенныя въ низменныхъ мѣстахъ, ничуть не страдаютъ отъ этого.

Во время жаровъ дуетъ обыкновенно сѣверный вѣтеръ, но онъ не умѣряетъ жары, теряя свою свѣжесть при прохожденіи громаднаго пространства, накаленнаго солнцемъ; лѣтняя долгота дней увеличивается по мѣрѣ приближенія

къ полюсу, почему можно заключить, что въ Новороссіи лѣтомъ бываетъ жара сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ точкахъ земного шара, находящихся на одинаковомъ градусѣ. Часто случается нѣсколько дней подъ рядъ 17—20° градусовъ жары; но я никогда не видалъ, чтобъ термометръ поднимался выше 26¼ градусовъ, и подобная температура продолжалась не долѣе одного дня; 25 градусовъ обыкновенно наивысшая температура[1]). Измѣненія происходятъ всякую недѣлю. Одинъ европеецъ сказалъ: „жаркое солнце Новороссіи—не наше". Дѣйствительно, здѣсь можно вполнѣ безопасно предоставить себя всей силѣ солнечныхъ лучей; работники, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію ихъ, не прекращаютъ своихъ работъ; каменьщикъ распѣваетъ пѣсни, бѣля стѣны, расположенныя на югъ и отражающія горячія лучи; каменотесъ засыпаетъ въ іюлѣ въ часы отдыха, положивъ часто обнаженную голову на свою работу. И это происходитъ на одномъ градусѣ широты съ Женевой, Маконе, Гере, Рошель, гдѣ улицы бываютъ пусты отъ 2 до 4 часовъ дня. Въ Одессѣ вѣтеръ препятствуетъ иногда выходу на улицу, но солнце—никогда. Осень самое лучшее время года въ этихъ мѣстахъ. Весна продолжается недолго; переходъ отъ холода къ теплу совершается быстро; но прекрасная осень замѣняетъ кратковременную весну; степь сохраняетъ зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля такъ пересыхаетъ, что плугъ съ трудомъ идетъ по ней: пашутъ шестью-восьмью волами заразъ... Въ другихъ странахъ клочекъ безплодной земли, обремененный налогами, отстаивается съ оружіемъ въ рукахъ, призывается законъ на помощь, изъ-за него ведутся въ судахъ тяжбы, стоющія громадныхъ издержекъ; здѣсь же превосходная почва предоставляется или совсѣмъ даромъ, или на легкихъ условіяхъ трудолюбивымъ людямъ, могущимъ обогатиться почти безъ всякихъ усилій: стоитъ только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена лѣса, исключая сѣверной части Екатеринославской губерніи и южной—Крыма. Но въ безлѣсныхъ частяхъ Новороссіи

---

[1]) Съ этимъ согласиться никакъ нельзя: въ новороссійскихъ степяхъ въ лѣтнее время, особенно въ началѣ августа, температура иногда доходитъ до 40°; въ 1890 году въ Новомосковскѣ было 50° по Реомюру. Д. Э.

жители употребляютъ вмѣсто топлива высокія, сухія травы, называемыя бурьяномъ, и высушенный на солнцѣ коровій и овечій навозъ, –все это даетъ прекрасное и дешевое топливо“ [1]).

Неудивительно, послѣ всѣхъ приведенныхъ описаній, почему въ воспоминаніяхъ теперешнихъ стариковъ страна вольностей запорожскихъ козаковъ представляется такою богатой и цвѣтущей страной. Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ не мало и преувеличеній, объясняющихся свойствами человѣческой натуры все прошлое представлять въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее; но все-же въ общемъ они имѣютъ большую долю правды, особенно если взять во вниманіе сходство разсказовъ стариковъ съ описаніями очевидцевъ прошлыхъ вѣковъ и сходство повѣствованій, записанныхъ въ разныхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго, концахъ бывшихъ вольностей запорожскихъ.

„Приволье у нихъ такое было, говоритъ 116-лѣтній старикъ Иванъ Игнатьевичъ Россолода, что теперь подобнаго не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь такъ, что воленъ, да недоволенъ, а тогда было такъ, что и воленъ и всѣмъ доволенъ. Не даромъ же говорятъ: какъ жили мы за царицей, ѣли паляницы, а какъ стали за царя, то не стало й сухаря. Теперь, если сказать, какъ оно когда-то было, такъ и не повѣрятъ. Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Вотъ тутъ, гдѣ теперь у насъ церковь [2]), здѣсь была такая высокая тирса, какъ вотъ эта палка, что у меня въ рукахъ: какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ: издалека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ. А что уже до пыріёвъ, ковыля, муравы, орошка, кураевъ и бурунчуковъ, то какъ войдешь въ нихъ, такъ только небо да земля и видны, – въ этихъ травахъ дѣти теряются бывало. Вотъ она поднимется вверхъ, выростетъ да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая ростетъ; какъ запалишь ее огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Пойдешь косить, ко-

---

[1]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3-e vol., Paris, 1820, par le Marquis de Castelnau, 285 и др.

[2]) Въ селѣ Чернышовкѣ или Красногригорьевкѣ, Екатеринославскаго уѣзда.

сою травы не отвернешь; погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь ихъ; загонишь воловъ въ траву,--только рога мрѣютъ. Выпадетъ-ли снѣгъ, настанетъ-ли зима, никакой нужды нѣтъ: хоть какой будетъ снѣгъ, а травы надолго не закроетъ. Пустишь себѣ коней, коровъ, овецъ, то они такъ пустопашъ и пасутся, только около отаръ и ходили чабанцы; а какъ загонешь овецъ въ траву, то онѣ межъ ней точно муравьи,—только вечеромъ и увидишь; зато уже тогда около нихъ работы--тирсу выбирать, которая поналѣзетъ имъ въ во́лну!.. А что ужъ межъ той травой да разныхъ ягодъ, то и говорить нечего: вотъ это бывало какъ выйдешь въ степь да какъ разгорнешь траву, то такъ и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелась, овражковъ да гусеницы, тогда и не слышно было. Вотъ какія травы были! А пчелы той? а меду? Медъ и въ пасѣкахъ, медъ и въ зимовникахъ, медъ и въ бурдюгахъ—такъ и стоитъ въ липовыхъ кадкахъ: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего отъ дикихъ пчелъ; дикая пчела вездѣ сидитъ: и на камышахъ, и на вербахъ; гдѣ буркунъ—въ буркунѣ, гдѣ трава—въ травѣ; за ней и прохода не было: вырубываютъ, бывало, дупла, гдѣ она сидитъ. А лѣса того? Бузины, свѣдины, вербы, дуба, грушъ—множество. Грушъ, какъ понападаетъ съ вѣтокъ, такъ хоть бери грабли да горни въ валки: такъ и лежатъ на солнцѣ, пока не попекутся. Сады когда цвѣтутъ, то какъ будто сукномъ покрываются;такъ патока съ нихъ и течетъ. А толщина деревьевъ? Вербы, такъ ей-Богу, десять аршинъ въ обхватѣ... Земля свѣжѣе была, никто ее не насиловалъ такъ, какъ теперь, снѣга лежали большіе, и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо. А звѣрей? а птицъ? Волки, лисицы, барсуки, дикія козы, чокалки [1]), виднихи—такъ одинъ за другимъ и бѣжатъ, такъ и пластаютъ по степи. Волковъ такая сила была, что ихъ кіями избивали, а изъ кожи сапоги да кожанки дѣлали. А ежей тѣхъ, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикія свиньи, такія жирныя да здоровыя;онѣ больше по плавнямъ шныряли. Вотъ это какъ увидишь въ плавнѣ какую-нибудь свинью, то скорѣе бро-

---

[1]) „Тотъ-же волкъ, только злѣе волка“; замѣчаніе разсказчика.

сайся на дерево, а то хрю-хрю, чмакъ-чмакъ! да до тебя, да такъ рыломъ и претъ! Выставитъ морду впередъ да и слушаетъ, не идетъ-ли кто; какъ увидитъ человѣка, сейчасъ же до него, товкыцъ рыломъ! Свалитъ съ ногъ, тогда и давай рвать... Были и дикія лошади; онѣ ходили цѣлыми табунами,—косяка по три, по четыре, такъ и ходятъ... А что уже птицы было, такъ, Боже великій! Утокъ, лебедей, дрохвъ, хохотвы, дикихъ гусей, дикихъ голубей, лелекъ, журавлей, тетерокъ, куропатокъ—такъ хо-хо-хо! Да все плодющія такія! Одна куропатка выводила штукъ двадцать пять птенцовъ въ мѣсяцъ, а журавли, какъ понаведутъ дѣтей, то только ходятъ да крюкаютъ. Стрепетовъ сѣльцами ловили, дрохвъ волоками таскали, а тетеревей, когда настанетъ гололедица, дрюками били. И какая-жъ сила той птицы была? Какъ поднимется съ земли —солнце застелетъ; а какъ сядетъ на дерево—вѣтокъ не видно: одинъ комъ виситъ, а какъ спустится на землю, то земля, точно полъ въ хатѣ, такъ и зачернѣетъ. Лебеди, бывало, какъ заведутся биться между собой, то поднимутъ такой крикъ, что батько выскочитъ изъ бурдюга и давай стрѣлять изъ ружья, чтобъ поразгонять ихъ, а они какъ подхватятся вверхъ, то только порось-порось-порось!... Теперь нѣтъ и того множества рыбы, что была когда-то. Вотъ эта рыба, что теперь ловятъ, такъ и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы до осетры за все отвѣчали; въ одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не такъ было; тогда и зимы теплѣе были, нежели теперь,—это уже кацапы своими лаптями понаносили намъ холода, а въ то время его не особенно было слышно. Оттого тогда и сѣна мало кто запасалъ, развѣ только на то время, когда думали идти въ походъ, для верховыхъ лошадей. Тогда и урожаи лучше были,—хоть сѣяли немного, а родило достаточно: какъ четыре мѣшка посѣетъ, такъ триста копенъ нажнетъ, — нужно было однихъ жнецовъ восемь человѣкъ, чтобы снять все до Покрова. Батюшка мой, и гдѣ оно все то подѣвалось? И очамъ своимъ не вѣрю! Вотъ тутъ, гдѣ теперь стоитъ наша Чернышовка, тутъ ни одной хаты не было, одно только отцовское приволье, а теперь гдѣ тотъ и народъ набрался и когда онъ все позаводилъ? Теперь и вода перемѣряна и земля пе-

рерѣзана, а что до лѣса, то и говорить нечего: что на сани, что на полудробки, что на олѣйницы, что то на то, та на сё, да такъ все и повырубили. Гдѣ пряменькое, хорошее да крѣпкое деревцо, то его сейчасъ же и истребятъ. А тутъ, какъ пошелъ еще по лѣсу рогатый скотъ, то и пней не осталось, а и что уцѣлѣло, то само позасыхало и попропадало. Да и самъ скотъ ходитъ точно неживой. Какъ вырубили лѣса, пошла на села мошка; за ней теперь и свѣта божьяго не видно, а бѣдному скоту и отдыха нѣтъ: весь облитый кровью такъ и ходитъ. Теперь дайте вы вотъ этой свиньѣ; что ходитъ, кусокъ хлѣба, то она издохнетъ отъ него. А отчего? Оттого, что не привыкла ѣсть!.. Да все теперь перевелось: гадюкъ меньше стало,—повыорали; въ болотахъ и жабъ не слышно,—повыздыхали; да и болота теперь есть-ли“ [1]).

„Когда-то тутъ [2]), повѣствуетъ другой старикъ Семенъ Герасименко, по плавнямъ да по скаламъ, было столько волковъ, лисицъ, зайцевъ да дикихъ свиней, что за ними и не пройдешь. Дикіе кабаны были пудовъ въ десять, а то и больше вѣсомъ; едва шесть человѣкъ на сани положатъ. Тутъ было такое множество звѣрей, что изъ города присылали верховыхъ, человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, чтобы разгонять ихъ. Такъ гдѣ тебѣ? За ними гоняются по степи, а они въ плавни бѣжатъ. Ѣздили съ ружьями да саблями по плавнямъ и все жгли камыши; такъ уже тогда немного напугали ихъ, а то просто страшно и выдти. Рыба, такъ та, сердечная, даже задыхалась отъ множества, а раковъ штанами ловили. А что до птицы, то и говорить нечего. Какъ подешь на охоту, то домой несешь ее какъ будто на коромыслѣ. Стрепета, огари [3]), лебеди такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Травы высокія-превысокія росли, по самую грудь, а то и выше; а роса по травѣ точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь штаны да подбери сорочку, а то какъ намокнутъ, то и не дотянешь. Какъ идешь по травѣ въ постолахъ, то вода только чвыркъ-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, II, 6—9.

[2]) Въ Херсонскомъ уѣздѣ, около Берислава и города Херсона.

[3]) Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся, anas rutila.

чвыркъ! Лѣсъ росъ густой да высокій: грушъ, калины, дикаго винограду --не пролѣзешь. Ночью страшно было и ходить. А урожаи были такіе, о которыхъ теперь и не слышно. Да и дешевизна въ то время какая была: пудъ проса десять копѣекъ, пудъ пшеницы сорокъ копѣекъ, да и то еще дорого".

„Тутъ тѣхъ звѣрей, тутъ тѣхъ птицъ [1]), разсказываетъ третій старикъ Евдокимъ Косякъ, такъ видимо-невидимо было: такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Пріѣхали мы со своею панею въ эти мѣста, гдѣ теперь Наковальня,—она отошла ей по наслѣдству,—пріѣхали мы да и смотримъ, а тутъ ни хатки, ни куреньца, одна степь да ковыль. Что тутъ дѣлать? „А что дѣлать? Руби камышъ, копай дернъ да дѣлай курень". Давай я рубить камышъ, давай копать дернъ. Нарубилъ, поставилъ, обсыпалъ землей; вотъ хижина и готова. Ну что-жъ теперь ѣсть? А ѣсть ужъ, что хочешь, то и ѣшь: есть и птица, есть и звѣрь степной. „Да что мнѣ, говоритъ паня, та птица да звѣрь степной? Ты поѣзжай да поймай дикаго поросенка!" Ну, что-жъ, поросенка, такъ и поросенка! Сажусь на коня, беру въ руки длинный кнутъ и ѣду къ рѣчкѣ, гдѣ была берлога дикихъ свиней. Вотъ пріѣду и жду, пока свиньи пойдутъ пастись въ степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчась же туда; схвачу поросенка да и уходить; да ужъ бѣгу, да ужъ бѣгу, сколько есть духу, а оно кричитъ, какъ бѣшенное. И что-жъ вы думаете? Какъ почуютъ гаспидовы свиньи, да ко мнѣ! Такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ подъ ноги коню; да такъ бѣгутъ до самаго куреня, и если бы не длинный кнутъ, то и разорвали бы. Вотъ какъ оно было въ старину! Совсѣмъ не такъ, какъ теперь! Теперь хоть бы и на счетъ урожая. Развѣ въ старину онъ такой бывалъ? Куды вамъ! У нашей пани было семь человѣкъ семейства, а она больше тридцати саженъ никогда не сѣяла. Вотъ это, бывало заволочетъ прямо противъ куреня, посѣетъ пшеницу и ждетъ. Такъ она, какъ уродитъ, то и стебля не видно: одинъ колосъ почти, да такой толстый, точно веретено. Вотъ такіе хлѣба были, а травы, такъ и говорить нечего. За травою и земли не видно: лежитъ поверхъ замли, точно шуба или

---

[1]) Въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи.

рядно. Тогда, видишь, мало кто косилъ ее, такъ она поднимется вверхъ да снова и впадетъ, да такъ и лежитъ, точно рядно; а росла такая, что человѣка верхомъ на лошади не видно“ [1]).

Такимъ образомъ и писатели прошлыхъ вѣковъ и старожилы нашихъ дней всѣ почти одинаково говорятъ о тѣхъ богатствахъ страны, какія достались на долю запорожскихъ козаковъ. У нѣкоторыхъ писателей прошлыхъ вѣковъ страна вольностей у козаковъ запорожскихъ называлась страной, текущей „млекомъ и медомъ“, а у самихъ козаковъ именовалась „раемъ божіимъ на землѣ“. Прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетри для птицъ, необозримыя степи для звѣрей, глубокіе лиманы и многочисленныя озера для рыбъ дѣлали запорожскій край привлекательнымъ, а самое житье въ немъ привольнымъ и заманчивымъ:

„Вдоволь всего было тамъ:
И звѣря прыскучаго.
И птицы летучія,
И рыбы пловучія;
Вдоволь было тамъ
И травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку“.

Плодородіе земли запорожскихъ козаковъ, конечно, много зависѣло прежде всего отъ самой почвы ея: въ сѣверной части земля запорожскихъ вольностей состояла изъ сочнаго чернозема отъ 4 вершковъ до 1½ аршина, въ низменностяхъ отъ 2 до 3 аршинъ глубины, ежегодно удобрявшагося густой и высокой травой, быстро созрѣвавшею и тутъже на мѣстѣ падавшею [2]); въ южной и особенно въ восточной части земля запорожскихъ козаковъ состояла изъ незначительнаго слоя чернозема съ подпочвой песчаной, глинисто-солонцоватой, кромѣ пологихъ мѣстъ близъ рѣчныхъ долинъ и балокъ, гдѣ почва считалась достаточно доброкачественной. „Земля въ этомъ округѣ — южной окраинѣ запорожскихъ вольностей—исключая близъ рѣкъ песчаныхъ косъ, кучугуровъ и каменныхъ береговъ, вообще черна и сверху на два фута и глубже влажна, а ниже двухъ футовъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 122, 206.
[2]) См. между прочимъ Штукенберга Статистическіе труды, Спб., 1858, 44

глиниста, желтовата, и вся способна къ плодородію; только на высокихъ горахъ отъ жаровъ трава скоро высыхаетъ, отчего тамъ и хлѣбопашествомъ заниматься нельзя, остаются годными для земледѣлія однѣ балки, пологія мѣста и близъ балокъ низменности при рѣкахъ; чтобы получить траву на тѣхъ горахъ, надо ее каждую осень выжигать особенно старательно“ [1]). Земля въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей, паланкѣ калміусской, состоитъ изъ чернозем-наго слоя отъ 12 вершковъ до 2 аршинъ, а у самаго Азовскаго побережья до 4 аршинъ глубины; впрочемъ, эта окраина запорожскихъ вольностей, особенно южная часть ея, отъ крѣпости св. Димитрія и до крѣпости Петровской [2]), по справедливости считалась сравнительно менѣе плодородной, чѣмъ другія: почва здѣсь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черноземна, въ общемъ же камениста и наполнена различныхъ минераловъ — желтосѣрой щелочной глины, известняка, каменнаго угля, желѣзной руды, порфира, графита, коалина, окаменѣлыхъ пальмъ и папортниковъ, что въ своемъ родѣ хотя и составляло богатство, но этимъ богатствомъ запорожцы не умѣли, да и не могли, пользоваться, считая его, напротивъ того, вреднымъ для себя, мѣшавшимъ произростанію травъ [3]).

На всемъ пространствѣ запорожскихъ степей водилось множество всякого рода звѣрей и птицъ, а въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ множество разнаго рода рыбъ и раковъ. Изъ звѣрей въ большомъ количествѣ водились волки, лисицы, зайцы, дикія кошки, олени, лани [4]), бабаки, сурки „необыкновенной величины“ дикіе кабаны, медвѣди, лоси, близъ рѣчки Домоткани и въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ [5]); сайги, барсуки, горностаи [6]), хорьки, рѣчные бобры и куницы, до сихъ поръ еще попадающіяся въ самарскихъ лѣсахъ [7]), первобытные туры, водившіеся въ Литвѣ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 224.

[3]) Александровичъ, Обзоръ маріупольскаго уѣзда, Маріуполь 1884, 18.

[4]) Объ оленяхъ упоминаетъ Гюльденштедъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

[5]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, 54; Мышецкій, Исторія о козакахъ, 77.

[6]) Экономическія примѣчанія къ Верхнеднѣпровскому уѣзду, Екатеринославской губерніи, № 1 стр. 1.

[7]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1889 № 36; 1840, № 14. неоф

и Польшѣ до XVI вѣка [1]), отъ которыхъ и теперь еще находятъ близъ самарскихъ лѣсовъ разной величины рога; наконецъ, выдры, сугаки и дикіе кони. Выдра, по татарски каборга, по запорожски видниха, звѣрь рѣчной, во множествѣ водившійся преимущественно въ водахъ Великаго-Луга; съ виду онѣ похожи на кошку, но гораздо толще и длиннѣе ея; ноги у нихъ короткія, при концѣ широкія и, какъ у гусей, съ перепонками; хвостъ чрезвычайно длиненъ и пушистъ; шерсть у молодыхъ сѣрая, у старыхъ черноватая, всегда пушистая, лоснящаяся и какъ бы бросающая отъ себя искры [2]). Сугаки, т.е. особой породы дикія козы, водились въ самарскихъ лѣсахъ, у днѣпровскихъ пороговъ и въ Великомъ-Лугу; это животное высокое, тощее, быстроногое и тонконогое, съ двумя бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, нѣжною и, подобно атласу, гладкою во время линянія и нѣсколько грубоватою каштановаго цвѣта въ обыкновенное время, шерстью; оно не имѣетъ носовой кости, и въ замѣнъ того длинную переднюю губу, которая мѣшаетъ ему ѣсть и заставляетъ его щипать траву, постоянно пятясь назадъ; мясо его на вкусъ не уступаетъ козлятинѣ [3]).

Дикіе кони или такъ называемые тарпаны, также были обыкновеннымъ животнымъ въ степяхъ запорожскихъ казаковъ. „Они, говоритъ очевидецъ Бопланъ, ходили табунами отъ 50 до 60 головъ и не рѣдко заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи; мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины; впрочемъ, на мой вкусъ не такъ пріятно. Дикую лошадь усмирить невозможно, она полезна для мясного ряда. Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги; копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми—ибо ихъ никто не обрѣзываетъ—и

---

[1]) Труды VI археол. съѣзда. Къ исторіи домашнихъ животныхъ, 26—28.

[2]) Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 28; Эварницкій, Запорожье, II, 122.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, 92; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 605; Списокъ населенныхъ мѣстъ; Херсонская губернія, 1868, II, XXXVII.

не дозволяютъ лошади быстро скакать“ [1]). Въ XVIII вѣкѣ множество дикихъ лошадей водилось въ мѣстности по лѣвой сторонѣ рѣки Ингула[2]). Видѣвшій ихъ въ это время, хотя гораздо выше новороссійскихъ степей, русскій академикъ Самуилъ Гмелинъ, описываетъ ихъ въ такомъ видѣ: „Самыя большія дикія лошади величиной едва могутъ равняться съ самыми малыми домашними лошадьми. Голова у нихъ, въ разсужденіи прочихъ частей тѣла, чрезвычайно толста, уши весьма остры и бываютъ такой же величины, какъ у домашнихъ лошадей, или долги почти какъ у осла, и опущены внизъ; глаза у нихъ огненные; грива весьма коротка и курчава; хвостъ у иныхъ густъ, у иныхъ рѣдокъ, однако, всегда короче, нежели у домашнихъ лошадей. Цвѣтомъ похожи на мышей, и сей признакъ примѣченъ на всѣхъ, находящихся въ сихъ мѣстахъ дикихъ лошадяхъ, хотя, впрочемъ, писатели упоминаютъ только о бѣлыхъ и пепелистыхъ. Однако, цвѣтъ на брюхѣ у многихъ сходствуетъ съ пепелистымъ, а ноги, начиная отъ колѣна до копыта, черны. Шерсть на нихъ весьма долга и столь густа, что при осязаніи болѣе походитъ на мѣхъ, нежели на лошадиную шерсть. Они бѣгаютъ съ несказанною скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ домашней доброй лошади. При малѣйшемъ шумѣ приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ. Каждое стадо имѣетъ предводителя, жеребца, который идетъ впередъ, а другіе ему слѣдуютъ. Дикій жеребецъ весьма падокъ до домашнихъ кобылъ, и если онъ можетъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то конечно, не упуститъ случая и уведетъ ихъ съ собою, при чемъ иногда загрызетъ противника, т. е. домашняго жеребца. Ловящіяся всегда тенетами, живыя дикія лошади съ великимъ трудомъ бѣгаютъ и, по большей части, спустя годъ по потеряніи свободы, умираютъ„ [3])

На языкѣ запорожскихъ козаковъ дикіе кони назывались „тарпанами“; они водились въ различныхъ степныхъ мѣстахъ, и въ 1745 году нѣкоторые изъ запорожцевъ ѣздили

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 93.
[2]) Записки одес. общества истор. и древ. VII, 187.
[3]) Путешествіе отъ Петербурга до Черкасъ, Спб., 1771, 1, 71.

на рѣчку Солоную „стрѣлять тарпановъ“; а въ 1745 году „для стрѣлянія дикихъ лошадей ѣздили запорожскіе козаки на рѣчку Ялы“ [1]).

Въ наше время дюди, видѣвшіе дикихъ лошадей, прибавляютъ къ сдѣланному описанію слѣдующее: „Дикія лошади изъ себя небольшія, но довольно толстыя и очень крѣпкія, на масть мышастыя. Мой отецъ и ловилъ ихъ, такъ что же? Онѣ или убѣгутъ, или подохнутъ, потому что не могутъ жить въ неволѣ,—по степи имъ бѣгать, это такъ. Вотъ это, бывало, ѣдетъ по шляху человѣкъ кобылою, а дикія лошади пасутся. То сейчасъ же дикій жеребецъ выскочитъ на могилу и нюхаетъ, чѣмъ тотъ человѣкъ ѣдетъ, кобылою или конемъ. Какъ почуетъ, что кобыла, такъ и пиши, человѣче, что пропалъ: побьетъ оглобли, поломаетъ возъ и захватитъ съ собой кобылу. И сколько по той дорогѣ колесъ, ободьевъ, оглобель да драбинъ отъ возовъ валялось; то все шкода дикихъ жеребцовъ“ [2]). Пойманный въ 60-хъ годахъ въ Новороссіи дикій конь имѣлъ, по точному описанію, росту 1 аршинъ и 14 вершковъ; шерсть мышастая, грива и хвостъ черные, густые; глаза выпуклые, большіе, горящіе огнемъ; по всей спинѣ, отъ гривы къ хвосту, черная полоса; голова нѣсколько увеличенная, ноздри расширенныя, плотное на крѣпкихъ ногахъ тѣлосложеніе; „онъ держитъ себя гордо и на свободѣ и подъ верхомъ, скоро бѣжитъ рысью въ запряжкѣ и шибко скачетъ въ галопъ подъ верхомъ; выносливъ въ ѣздѣ и добронравенъ въ упряжкѣ... не теряетъ тѣла какъ въ конюшнѣ, такъ и въ табунѣ, всегда полный и круглый, бодрый и игривый“ [3]). Въ послѣдній разъ видѣли косякъ дикихъ лошадей, числомъ шесть головъ, въ 1866 году, въ вѣковыхъ тирсахъ Херсонской губерніи, въ заградовской степи князя Кочубея [4]). Въ настоящее время дикія лошади продолжаютъ существовать въ Средней Азіи [5]).

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав.-го сената по малорос. экспедиціи, 1742—1752, № 130—1857; Записки одесс. общ. ист. и древн., XIV, 608.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II. 217.

[3]) Іосифъ Шатиловъ, Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884, 5.

[4]) Іосифъ Шатиловъ, Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884. 5.

[5]) Труды шестаго археологическаго съѣзда, Москва, 26—28.

Изъ птицъ въ степяхъ вольностей запорожскихъ козаковъ водились: бабы-птицы „съ такими огромными шеями, что онѣ могутъ въ своихъ зобахъ, какъ будто въ садкѣ, держать живую рыбу и доставлять ее оттуда себѣ въ пищу“ [1]); лебеди, гуси, утки, дрохвы, стрепеты, колпицы, бакланы, журавли, аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястреба, чайки, соловьи, стрижи, галки, сороки, вороны, чижи, щеглы, кулики, жаворонки, подорожники и другія болѣе простыя птицы; изъ домашнихъ птицъ пѣтуховъ было больше, чѣмъ куръ, потому что пѣтухи пѣніемъ своимъ замѣняли козакамъ часы [2]). Большинство изъ названныхъ звѣрей и птицъ служили предметомъ охоты для запорожцевъ и составляли нѣкоторый источникъ частнаго и войсковаго дохода.

Изъ рыбъ въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ вольностей запорожскихъ козаковъ извѣстны были: бѣлуга, иногда до трехъ саженъ длины; осетры, севрюга, стерлядь, сомы, сазаны, иначе коропы, судаки или сула, окуни, щука, тарань, скумбрія, вырезубъ, рыбецъ, бычки, камбала, иначе полурыбица, язи, чилики, марена, лещи, сельди, бѣлизна, сабли, плотва, караси, раки и проч. Для рыбной ловли запорожскіе козаки располагались зимой въ особыхъ заводахъ, лѣтомъ во временныхъ тростниковыхъ шалашахъ, по берегамъ рѣкъ, озеръ и лимановъ.

Изъ насѣкомыхъ извѣстны были въ степяхъ вольностей запорожскихъ козаковъ: пчелы, особенно много разводимыя козаками, сверчки, муравьи, тараканы, пауки и другія; изъ пресмыкающихся — гадюки, ужи, желтопузики, т. е. желтобрюхи и проч. [3]).

Изъ произведеній растительнаго царства извѣстны были: виноградъ, яблоки, груши, вишни, тернъ, калина, барбарисъ, жежевика, дикій чай, шалфей, персики, водяные орѣхи, капуста, цикорій, горчица, спаржа, дикая морковь,

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 43.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, 78; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187; Экономическія примѣчанія къ Верхнеднѣпровскому уѣзду, Екатеринославской губерніи, № 1, стр. 1, въ екатеринославской губернской чертежной.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII. 187.

хрѣнъ, пастернакъ, артишоки, которыхъ особенное множество росло по Бугу, около Гарда между скалъ [1]), пырей, ковыль, катранъ, бурьянъ, богородичная трава, чеберъ, бедринецъ, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, везилъ, пижма, лобода, репейникъ, крапива, полынь, лопухъ, тюльпанъ, васильки, мята, ромашка, гвоздика, капуста заячья, вязникъ, бронколь и другія [2]); кромѣ того, по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ и болотъ росъ очеретъ или камышъ; изъ грибовъ извѣстны были шампиньоны [3]).

Представленныя въ такомъ привлекательномъ и заманчивомъ видѣ у однихъ писателей, вольности запорожскихъ козаковъ изображаются въ совершенно противуположномъ характерѣ у другихъ. Многіе, покидая свою родину гдѣнибудь на Украйнѣ, въ Польшѣ и Россіи, убѣгая за пороги Днѣпра и разсчитывая тамъ на полученіе богатой добычи, напротивъ того, теряли тамъ нерѣдко да́же то, что несли съ собой на Низъ. Оттого и поется въ козацкихъ пѣсняхъ:

„Днипре брате, чимъ ты славенъ,
Чимъ ты красенъ, чимъ ты ясенъ—
Чи крутыми берегами,
А чи жовтыми писками,
Чи своими козаками?
Ой, я славенъ бурлаками,
Низовыми козаками,
На Нызъ идуть—гроши несуть,
А зъ Нызу йдуть тай воши бьють.
По-пидъ лавью рыбу плавлють,
Пидъ прыпичкомъ горшки ставлють,
На пичъ добро выгружають.“

„Разсказъ Папроцкаго, говоритъ Кулишъ, выразительными чертами рисуетъ мѣстность, гдѣ гнѣздилось запорожское козачество. Становится понятнымъ, почему она называлась „дикими полями“, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустощаемыя саранчей, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ риско-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170, 187.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78,
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170, 187.

валъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбой и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдержать только человѣкъ съ желѣзной натурой. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли. Козакъ-сиромаха было давнишнею народною поговоркою на Украйнѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда—эти два понятія всегда имѣли близкое родство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

„Козакъ—душа правдыва,
Сорочки не мае“ [1]).

Особенно страшны были запорожскія степи людямъ, не свыкшимся съ ними, не знавшимъ всѣхъ свойствъ и условій степной жизни. „Гетманъ Самойловичъ во время переговоровъ съ дьякомъ Украинцевымъ о союзѣ съ Польшею противъ Крыма, въ 1679 году, совѣтовалъ царю не нарушать мира съ крымцами, надѣясь на Польшу, ибо, по его словамъ, поляки, при всемъ своемъ желаніи быть вѣрными царю, какъ только попадутъ въ стень и испытаютъ ея прелести, то не выдержатъ, измѣнятъ и перейдутъ на сторону хана, лишь бы не вести войны тамъ, гдѣ могли ее переносить только свыкшіеся съ нею сыны степей, козаки“ [2]). Выражаясь такъ, гетманъ Самойловичъ разумѣлъ крымскія степи, но совершенно тоже нужно сказать и о степяхъ запорожскихъ. Бопланъ, жившій въ XVII вѣкѣ на Запорожьѣ, отмѣчаетъ главные недостатки запорожскихъ степей—недостатокъ соли и воды [3]). И точно, въ запорож-

---

[1]) Кулишъ, Вѣстникъ Европы, 1874, I8, 530.
[2]) Русовъ, Русскіе тракты, Кіевъ, 1876, 72.
[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны. 1832, 94, 95.

скихъ степяхъ рѣдко можно было встрѣтить прѣсную воду; большею частію тамъ была вода горькая и соленая. Манштейнъ, бывшій въ Запорожьѣ въ началѣ XVIII вѣка, считаетъ бѣдствіями степей отсутствіе подножнаго корма въ осеннее время, холодныя ночи и несносныя стужи среди лѣта, страшную пустынность края, отсутствіе воды и лѣса для топлива [1]). У польскихъ писателей прошлыхъ вѣковъ вся земля запорожскихъ козаковъ характерно называлась „Дикимъ-полемъ“, иногда „Чисто-полемъ“, „Пусто-полемъ“. Тѣмъ-же именемъ называются запорожскія степи и у германскаго посланника Эриха Ласоты; послѣдній даетъ названіе „Дикаго поля“ [2]) сѣверозападной окраинѣ запорожскихъ вольностей отъ рѣки Суры, праваго притока Днѣпра, на сѣверъ и на югъ [3]). На картѣ XVII вѣка Typus generalis Ukraine“ „Дикимъ-полемъ—campus desertus inhabitatus — называется все пространство степей, отъ лѣваго берега Ингульца до рѣки Днѣпра [4]). Малороссійскіе лѣтописцы, польскіе писатели и западно-европейскіе путешественники прибавляютъ къ названнымъ недостаткамъ степей запорожскаго края страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютую стужу, вслѣдствіе открытой ничѣмъ не защищенной мѣстности, зимой; жестокіе вѣтры, повальныя болѣзни, всеобщій моръ, часто посѣщавшіе запорожскій край, саранча, комары, мошка, черви и хищные волки-сироманьци, свирѣпствовавшіе въ открытыхъ степяхъ и своимъ дикимъ воемъ наводившіе ужасъ на постоянныхъ жителей и случайныхъ путешественниковъ—все это дѣлало едва доступнымъ для обитанія край запорожскихъ козаковъ. Многія изъ названныхъ бѣдствій—засуха, повальныя болѣзни, моръ, саранча—повторялись нерѣдко изъ года въ годъ и были истиннымъ бичемъ для низовыхъ обитателей. Иногда, происходя даже гдѣ-нибудь на Украйнѣ, эти бѣдствія чувствительно отзывались и въ Запорожьѣ, какъ, напримѣръ, въ 1637, 1638, 1645—1650, 1677, 1686, 1710, 1748 и 1749 годахъ.

---

[1]) Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 140, 210.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 509, 511.

[3]) Путевыя записки, 53; планъ Россіи 1770 года Устрялова.

[4]) Въ публичной библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

Въ 1575 году лѣто въ запорожскихъ степяхъ было настолько жаркое, что отъ страшнаго зноя трава въ степи повыгорѣла и вода въ рѣкахъ повысохла; осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, во многихъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ даже овцы переходили въ бродъ, а на днѣпровскомъ Низу, у Микитина перевоза и рѣчки Чортомлыка, высохли всѣ плавни, такъ что татары свободно переправлялись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и свободно нападали на становища запорожскихъ козаковъ [1]). Въ 1583 году въ степяхъ запорожскихъ свирѣпствовала саранча. Самуилъ Зборовскій, владѣлецъ города Злочева, львовского повѣта, шедшій въ это время съ отрядомъ польской шляхты по Днѣпру для соединенія съ запорожскими козаками съ цѣлью предпринять общій походъ противъ крымскаго хана, встрѣтилъ ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ тучи саранчи, отъ которой у него пало до 300 лошадей и много попухло людей [2]). Въ 1637 году на Украйнѣ былъ страшный неурожай; весной этого года три мѣсяца не было дождя; рожь рвали съ корнемъ и за диво было видѣть хоть одинъ сжатый снопъ; въ Петровку жито продавалось по 20, даже 24 злотыхъ, просо и гречиха по 12, овесъ по 8 злотыхъ; трудно было человѣку дожить до новины; тогда исполнилось пророчество Исаіи, что кто сто мѣръ посѣялъ, тотъ едва одну взялъ [3]). Въ 1638 году также былъ недородъ; вообще этотъ годъ былъ тугой на Украйнѣ; посѣянный хлѣбъ съѣлъ червь, оттого озими было очень мало, и если бы не яровой хлѣбъ, гречка и просо, то люди поумирали бы отъ голода [4]). Въ этомъ же году Запорожье посѣтила и моровая язва. Она началась сперва въ турецкой крѣпости Очаковѣ, потомъ оказалась на Малышевскомъ острову, ниже пороговъ; изъ Запорожья прошла на Украйну, изъ Украйны прошла въ Польшу.

Появленіе этой страшной болѣзни связано было съ русско-турецкими войнами, которыя въ то время происходили на низовьяхъ Днѣпра и Перекопа. Начальникъ русской

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церквей, Екатеринославъ, 1876, 30.
[2]) Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, СПБ., 1874, 1, 116.
[3]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 77, 78.
[4]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 78.

арміи, фельдмаршалъ гр. Минихъ, бралъ всѣ мѣры для того, чтобы прекратить движеніе страшной болѣзни. Между прочимъ онъ выписалъ въ армію нѣсколькихъ докторовъ и лекарей, такъ какъ докторъ пограничныхъ госпиталей, Телсъ Пустихлонъ, самъ человѣкъ въ здоровьѣ своемъ былъ весьма слабъ. Слѣдствіемъ этой болѣзни было между прочимъ то, что въ запорожской Сичи осталось очень мало регулярной команды (1). Въ 1645 и 1646 годахъ подъ-рядъ Украйну страшно опустошала саранча, причинившая народу неисчислимыя бѣдствія [2]). Въ 1648 году былъ „незначный приморокъ“ на людей: „люди бардзо упадали“; того-же года былъ неурожай вслѣдствіе бездождія въ теченіе трехъ весеннихъ мѣсяцевъ; только яровые хлѣба были хороши, чѣмъ и спаслись люди отъ голода [3]); того-же года во всей Украйнѣ было страшное множество саранчи, причинившей великія бѣдствія людямъ, пожравшей хлѣбъ и траву, такъ что негдѣ было и косить сѣна; къ тому-же зима была слишкомъ продолжительна, во время которой нечѣмъ было и скота кормить; та саранча зазимовала на Украйнѣ и весной снова явилась и „такъ великую дорожнету учинила“ [4]). Въ 1649 году былъ большой неурожай; уродила лишь падалица отъ ржи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли таборы; яровой хлѣбъ сняли руками; въ этомъ-же году было страшное множество саранчи, съѣвшей хлѣбъ, и не менѣе того мышей; никто не зналъ примѣра, чтобы когда-либо было столько мышей, какъ въ этотъ годъ; отъ этого была большая дороговизна на хлѣбъ, соль и сѣно [5]). Въ 1650 году, тотчасъ послѣ праздника Рождества Христова, рожь продавалась по два злотыхъ съ излишкомъ, а потомъ по копѣ, а въ апрѣлѣ того-же года осьмина ржи по четыре злотыхъ, осьмина проса по 3 и по 10, яровое по 3 и овесъ по 2 злотыхъ [6]). Въ 1663 году въ Запорожьѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, заставившее

---

1) Сборникъ военно-истор. матеріаловъ,СПБ.1899, в. XI, ч. II. 341, 419, 429.
2) Бопланъ, Описаніе Украйны, СПБ., 1832, 85—89.
3) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 79. 80.
4) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, 17.
5) Хмельницкая лѣтопись, 81; Самовидца, 22.
6) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, стр. 81.

московскихъ ратныхъ людей съ Григоріемъ Косаговымъ во главѣ, оставить Сичь и уйти въ города на Украйну [1]. Въ 1673 году, въ концѣ мѣсяца ноября, въ Сичи открылось моровое повѣтріе, которое отозвалось потомъ по всей Украйнѣ и произвело тамъ большія бѣдствія. Заразу завезъ въ Запорожье торговый человѣкъ изъ Каменецъ-Подольска, пріѣхавшій въ Сичь съ сыномъ и братомъ и привезшій съ собой разные товары; у него сдѣлалъ покупку козакъ Пинчюкъ, черезъ два или три дня послѣ покупки умершій съ сыномъ „канархистомъ“ наглою смертію въ сичевой церкви. Отътого козака заразились два куреня, шкуринскій и васюринскій; запорожцы поспѣшили отдѣлить зараженные курени отъ здоровыхъ, а привезенный товаръ сложить въ особое помѣщеніе и закрыть; тѣмъ не менѣе зараза усиливалась: скончался купецъ съ братомъ и сыномъ, а за ними стали умирать и сичевые козаки [2]). Въ 1677 году была великая снѣгами и морозами зима: снѣга и морозы продолжались почти до святаго Георгія, такъ что у людей не только сѣна, но и соломы хватать не стало. Въ 1678 году, послѣ всеѣдной, выпали превеликіе снѣга, отъ которыхъ пало много татаръ и ихъ коней, приходившихъ на Запорожье и Украйну [3]). Въ 1680 году была страшная суша и спека солнечная, отъ которой повысыхали воды и травы, развелись черви, поѣвшіе бобы, капусту, горохъ, коноплю, гречиху и переходившіе съ одной нивы на другую; въ это же время въ турецкомъ городѣ Кызыкерменѣ открылось моровое повѣтріе, первою жертвою котораго былъ кызыкерменскій бей со всѣмъ домомъ своимъ; изъ Кызыкерменя моровое повѣтріе перешло осенью въ Сичь запорожскую и тамъ причинило великія бѣдствія [4]). Въ 1686 году на Украйнѣ появилось множество черныхъ червяковъ, величиною въ гусеницу, причинившихъ страшный вредъ коноплѣ и другимъ въ этомъ родѣ растеніямъ, кромѣ хлѣба; они цѣлыми стадами ползали по дорогѣ и черезъ ворота въ городъ, изъ города на огороды, не боясь дождей и мокраго лѣта.

---

1) Акты южной и западной Россіи, V, 155.
2) Акты южной и западной Россіи, XI, 335, 339.
Сборникъ лѣтописей южн. и зап. Руси, Кіевъ, 1888, 31.
4) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій южной Руси, Кіевъ, 1851, II, 500

Въ 1688 году, 8 августа, въ Запорожье и Украйну налетѣла въ страшномъ количествѣ саранча, покрывшая все войско князя Василія Голицына, шедшее противъ татаръ; она повернула было внизъ по-надъ Днѣпромъ, но потомъ явилась близъ городковъ (то есть близъ Украйны); далѣе отъ Донца вновь явилась въ безчисленномъ множествѣ и укрыла все войско, но отсюда повернула въ татарскія степи. Эта саранча истребила всю рожь и яровой, еще неспѣлый, хлѣбъ и оттого „учинила великую дорожнету“; отъ ея смрада падали лошади и рогатый скотъ, поѣдавшіе ее съ травой; также пропадали куры, гуси, утки и индѣйки. Въ это-же время въ Запорожьѣ свирѣпствовала страшная чума, отъ которой умерло много народа [1]). Въ слѣдующемъ году, 9 августа, саранча все еще продолжала свирѣпствовать въ запорожскомъ краѣ [2]). Въ 1690 году весной въ бывшемъ запорожскомъ городкѣ Самарѣ или Новобогородицкой крѣпости открылся великій моръ людей: поумирало много народа великороссійскаго званія, скончался и самъ воевода крѣпости. Изъ Самары моръ распространился и по другимъ мѣстамъ запорожскаго края; вслѣдствіе этого малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа предписалъ компанійскимъ и пѣхотнымъ полковникамъ, бывшимъ въ походѣ противъ татаръ, чтобы они у запорожскихъ промышленниковъ не только рыбы не покупали, но и ихъ самихъ къ себѣ не допускали [3]). Въ то-же время на Украйнѣ около Стародуба явилась саранча; она налетѣла сюда 9 августа и отсюда бросилась частію въ Литовскій край, частію въ Польшу, частію же осталась на зиму около Нѣжина, Чернигова и Стародуба; она шла широкой полосой, захватила окраину московской земли по-за городомъ Свинскимъ, испортила всю Комарницкую волость, сожрала озимый и яровой хлѣбъ и была причиной такой дороговизны, что осьмина ржи и овса стоила по три злотыхъ; отъ смрада ея кони, рогатый скотъ, куры и гуси хворали и издыхали, потому что вмѣстѣ съ травой пожирали и саранчу; даже само мя-

---

[1]) Самовидецъ, 133, 149, 150, 164, 174; Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 334.

[2]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 35.

[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 238.

со ихъ смердѣло саранчей [1]). Въ 1710 году на Украйнѣ свирѣпствовала страшная моровая язва; она началась сперва въ Кіевѣ, а потомъ распространилась и по прочимъ малороссійскимъ городамъ; въ это же время налетѣла отъ моря на Украйну великая саранча, поѣвшая хлѣбъ и траву [2]). Въ 1738 году открылась въ Яссахъ и Букарестѣ моровая язва; отсюда она перешла въ Каменецъ-Подольскъ, Баръ, Могилевъ, захватила Украйну [3]), перешла въ Очаковъ и на Кинбурнъ, поглотила многихъ козаковъ на Запорожьѣ, полегшихъ своими костьми на кладбищѣ Новой Сичи и черными могилами сразу увеличившихъ эту и безъ того мрачную обитель. Въ 1748 и 1749 годахъ на Украйнѣ свирѣпствовала страшная саранча, для истребленія которой брались такія же рѣшительныя мѣры, какъ противъ чумы [4]). Въ 1750 году страшная чума опустошила почти все Запорожье [5]). Въ это время Кошъ предписалъ жечь имущество и келіи зачумленныхъ иноковъ Самарско-Николаевскаго монастыря; тогда предана была пламени келія настоятеля монастыря, іеромонаха Прокла, умершаго отъ чумы; вмѣстѣ съ его имуществомъ сожжено было множество документовъ, относящихся къ исторіи этого монастыря, и біографія перваго настоятеля обители, іеромонаха Паисія [6]). Эта чума продолжала свирѣпствовать потомъ въ 1755 и въ 1756 годахъ въ тѣхъ-же самарскихъ мѣстахъ [7]). Въ этомъ же 1755 году была очень суровая зима, отъ которой не мало погибло у татаръ рогатаго скота, а овецъ несмѣтное число [8]). Въ 1759 году было неурожайное лѣто въ Запорожьѣ; послѣ него настала холодная и бурная осень, а послѣ пасмурной осени наступила съ конца октября глубокая и холодная зима: снѣга завалили запорожскія степи;

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, 1878, 302; Сборникъ лѣтописей 1888, 50.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, страницы 178, 179.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія III, 171; Манштейнъ, Записки, I, 327.

[4]) Замѣчанія, до Малой Россіи относящіяся, Москва, 1848, 44, 45.

[5]) Ѳеодосій, Матеріалы для историко-статистическаго описанія, Екатеринославъ, 1880. I, 334; Записки одесск. общ. ист. и древн., XIV, 477.

[6]) Ѳеодосій, Самарской-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 7.

[7]) Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 47; Записки одес. общ. ист. и древн. VI, 304.

[8]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 618, 619.

стужа, морозъ и порывистые вѣтры довершали лютость зимы; такіе холода упорно держались до февраля слѣдующаго 1760 года, и въ это время погибло множество людей и еще болѣе того скота [1]). Въ наступившій 1760 годъ на запорожской рѣкѣ Самарѣ вновь открылась чума. „Появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердецъ и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (заставѣ) іеромонахъ-начальникъ, внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія въ школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, возвысилъ къ дѣтямъ-запорожцамъ голосъ свой, яко трубу, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ, Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же. Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новый—Кодакъ на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ наглой смерти, святителя Христова Николая [2]). Въ 1768 году, съ половины мѣсяца января, началась страшная „хуртовина“ или „пурга“, продолжавшаяся весь февраль до начала марта; отъ этого въ Запорожьѣ погибло много людей и скота болѣе половины всей численности [3]). Такою же стужею от-

---

[1]) Θеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 35.
[2]) Θеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 33.
[3]) Θеодосій, Матеріалы для ист-ст.—опис. Екатеринославъ, 1880. I, 335.

личалась зима и въ 1769 году; въ это время татары, сдѣлавшіе набѣгъ на Новосербію, потеряли отъ холода 30,000 лошадей [1]). Въ 1770 году въ запорожскомъ краѣ былъ повсемѣстный неурожай и голодъ, а въ Кіевѣ открылась чума [2]). Въ 1771 году, въ январѣ мѣсяцѣ, въ Запорожьѣ открылась моровая язва; уже въ мартѣ мѣсяцѣ отъ этой язвы опустѣли села Романково, Кодакъ, Самара и Перещепино; въ октябрѣ мѣсяцѣ обезлюдѣли многіе славяносербскіе шанцы; въ это время добычею страшной смерти сдѣлались въ Елисаветградѣ правитель духовныхъ дѣлъ, священникъ Василій Логовикъ, въ Бахмутѣ Семенъ Башинскій, въ Таганрогѣ Михаилъ Парафацкій, въ Азовѣ Георгій Хрещатицкій и Михаилъ Алексѣевъ, въ конномъ козацкомъ полку Павелъ Григорьевъ и многіе другіе [3]). Наконецъ въ 1772 году, весной, въ Запорожьѣ было страшное и разорительное наводненіе, а лѣтомъ открылаеь повсемѣстная чума [4])

Страшныя бѣдствія, которыя приходилось испытывать козаку, застигнутому въ дикихъ степяхъ запорожскаго края, художественно обрисованы въ народной думѣ „О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ-подъ Азова“, въ которой представлено, какъ два брата ѣдутъ на коняхъ черезъ восточныя степи Запорожья, а третій, пѣшій—пѣхотинецъ, спѣшитъ-поспѣшаетъ за конными братьями, напрасно молитъ ихъ взять его съ собой, потомъ теряетъ ихъ изъ виду, добирается до Савуръ-могилы и тутъ въ страшныхъ мукахъ погибаетъ отъ голода и жажды.

Изъ-пидъ го́рода, спидъ Азо́ва то невели́ки тума́ны устава́ли.
Якъ три браты́ ридне́ньки,
Якъ голу́боньки сыве́ньки,
Изъ го́рода, изъ Азо́ва, зъ тя́жкои нево́ли
У зе́млю хрестія́ньску до ба́тька, до ма́тери, до ро́ду утика́ли·
Два бра́та ки́нныхъ
А тре́тій братъ, ме́ньшій, пи́ша-пишаны́ця,
За ки́нными брата́ми угоня́е,

---

[1]) Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares, 1781, II 153, 154.
[2]) Θеодосій, Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, II, 336.
[3]) Θеодосій, Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, II. 336.
[4]) Тамъ же, II, 338; Григорій Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва 47.

На бу́ле каму́ння,
На сыре́ коріння
Свои́ ни́жки коза́цьки-молоде́цьки побива́е;
Кро́вью слидъ залива́е,
И до ки́нныхъ бра́тикивъ слова́ми промовля́е:
„Бра́тики мои ридне́ньки,
Голу́боньки сыве́ньки,
До́бре вы учините,
Мене́ найме́ньшого бра́та мижъ ко́ни возьми́те.
И въ зе́млю христія́нську, до отця́ до ма́тери, до ро́ду надвези́те,
И ти браты́ тее зачува́ли,
Слова́ми промовля́ли:
Бра́тику мы́лый,
Голубоньку сы́вый,
Ра́ди бъ мы тебе́ мижъ ко́ни узя́ти,
И бу́де насъ Азовська орда́ выгоня́ти,
Бу́де въ пень сикти-рубати,
И бу́де намъ велы́ку му́ку завдава́ти.
И те́е промовля́ли,
Ви́дтиль побига́ли...
Тоди ме́ньшій братъ на Саву́ръ-моги́лу збигае,
Слова́ми промовля́е,
Слёза́ми облыва́е:
Поби́ло мене́ въ по́ли три недо́ли:
Пе́рша до́ля безхли́бье,
Дру́га до́ля безви́дье,
А тре́тя—бу́йный ви́теръ въ по́ли побива́е,
Би́дно́го козака́ зъ нигъ валя́е.
Тоди меньшій братъ на Саву́ръ-моги́лу зихожа́е,
Голо́вку сво́ю коза́цьку склоня́е,
Ба́тько́ву- ма́тчину моли́тву спомина́е.
Отъ рука́ми не ви́зьме,
Нога́ми не пи́де,
И я́сными очи́ма на не́бо не згля́не,
Кругомъ взира́е,
Тя́жко вздыха́е:
„Го́лово моя́ коза́цькая!
Бува́ли мы у зе́мляхъ туре́цькихъ,
У ви́рахъ бусурме́нськихъ;
А тепе́ръ прыпа́ло на безхли́бьи погиба́ти,
Девя́тый день хлиба въ уста́хъ не ма́ю,
На безви́ддьи, на безхли́бьи погибаю!“
Тутъ те́е промовлявъ... Не чо́рна хма́ра налитала,
Не бу́йніи ви́тры війнули,
Якъ душа коза́цька-молодецька зъ ти́ломъ розлуча́лась.
Тоди́ сы́ви зозу́ли налита́ли,
У голова́хъ сида́ли, жа́либно кува́ли,
И якъ ри́дни се́стры оплака́ли,

Тоди вовки-сыромáньци набигáли,
И орлы́ чорнокрыльци налитáли,
Въ голóвкахъ сидáли,
Зъ лóба чóрни óчи выдырáли,
Бúле тúло одъ жóвтои кóсти одрывáли,
Жóвту кисть по-пидъ зелéными яворáми розношáли,
И комышáми укрывáли,
И жалибненько квилúли-проквыляли:
Тожъ воны козáцькiи похорóны одправляли [1]).

О другихъ бѣдствіяхъ запорожскаго края, саранчѣ, разнаго рода насѣкомыхъ, особенно комарахъ, слѣпняхъ и мошкахъ, этихъ „крылатыхъ шпилькахъ запорожскихъ омутовъ“, и зимнихъ стужахъ даютъ подробныя и весьма любопытныя описанія современники-очевидцы, каковы: инженеръ Бопланъ и баронъ Тоттъ. „Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ, говоритъ Бопланъ, напоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Египетъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ этотъ терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или шесть миль въ длину, и на двѣ или три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкесіи, Бессы и Мингреліи восточнымъ и юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или въ два, туча поднимается и летитъ далѣе по

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорусскаго народа, Кіевъ, 1874, I, 106—133.

вѣтру. Въ это время изчезаетъ свѣтъ солнца, и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Дома, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выгнать эту незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ отворятъ дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно и тоже время. На улицѣ она кидалась въ лицо, садилась на носъ, щеки, брови, даже падала въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы поневолѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги; поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ ея полетъ; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную

до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ этого умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того же времени отходитъ недалеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный сѣверозападный вѣтеръ вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ этотъ бичъ по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ объ этомъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною съ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ“ [1]).

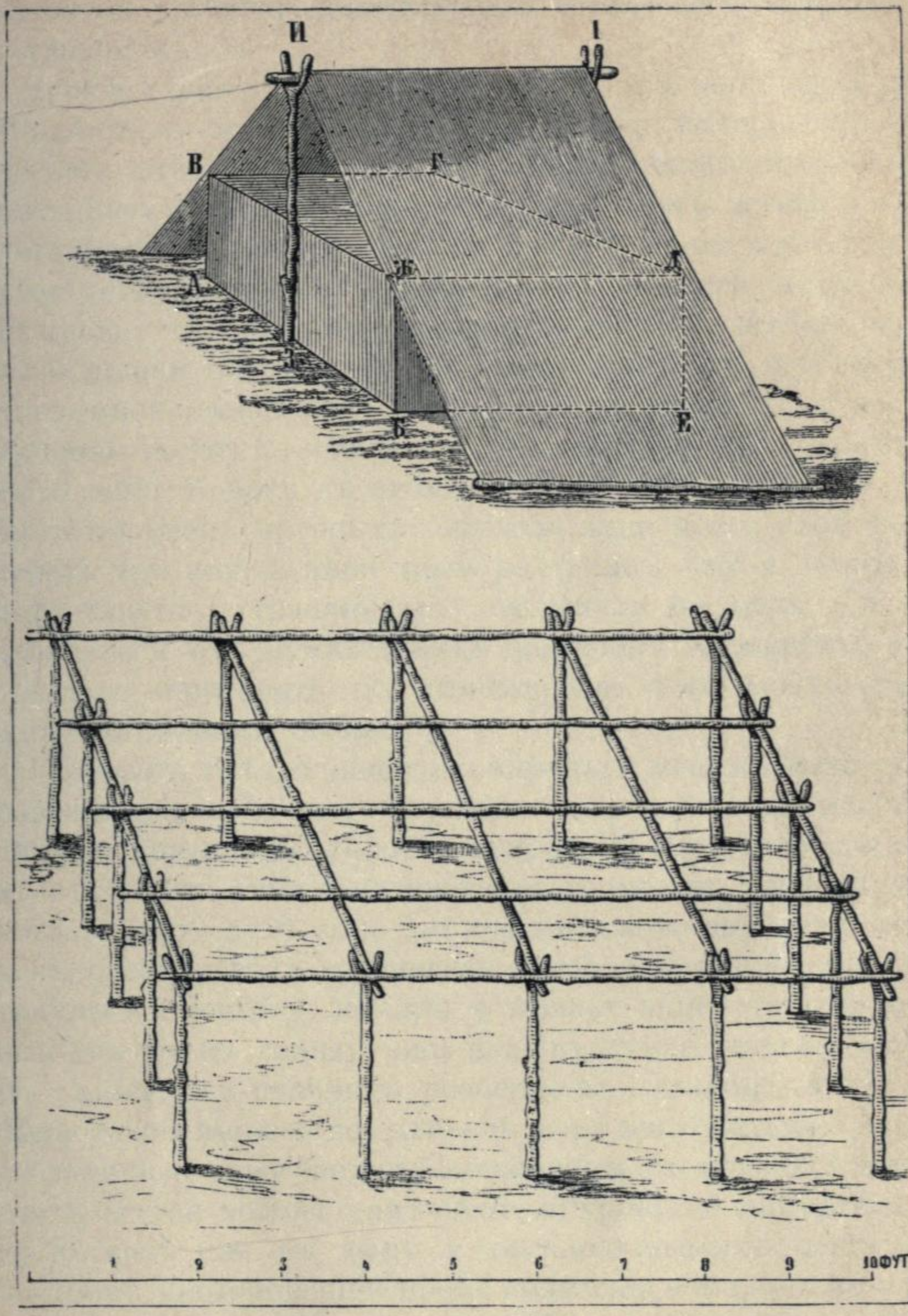
Почти въ тѣхъ-же краскахъ рисуетъ степи ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и степи запорожскихъ козаковъ, и авторъ записокъ о туркахъ и татарахъ, баронъ де-Тоттъ. „Эти насѣкомыя, говоритъ онъ, налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается, и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается земледѣльцамъ-ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія“ [2]).

Въ 1748 и 1749 годахъ для истребленія на украинскихъ степяхъ саранчи введены, были такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. „Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами по-

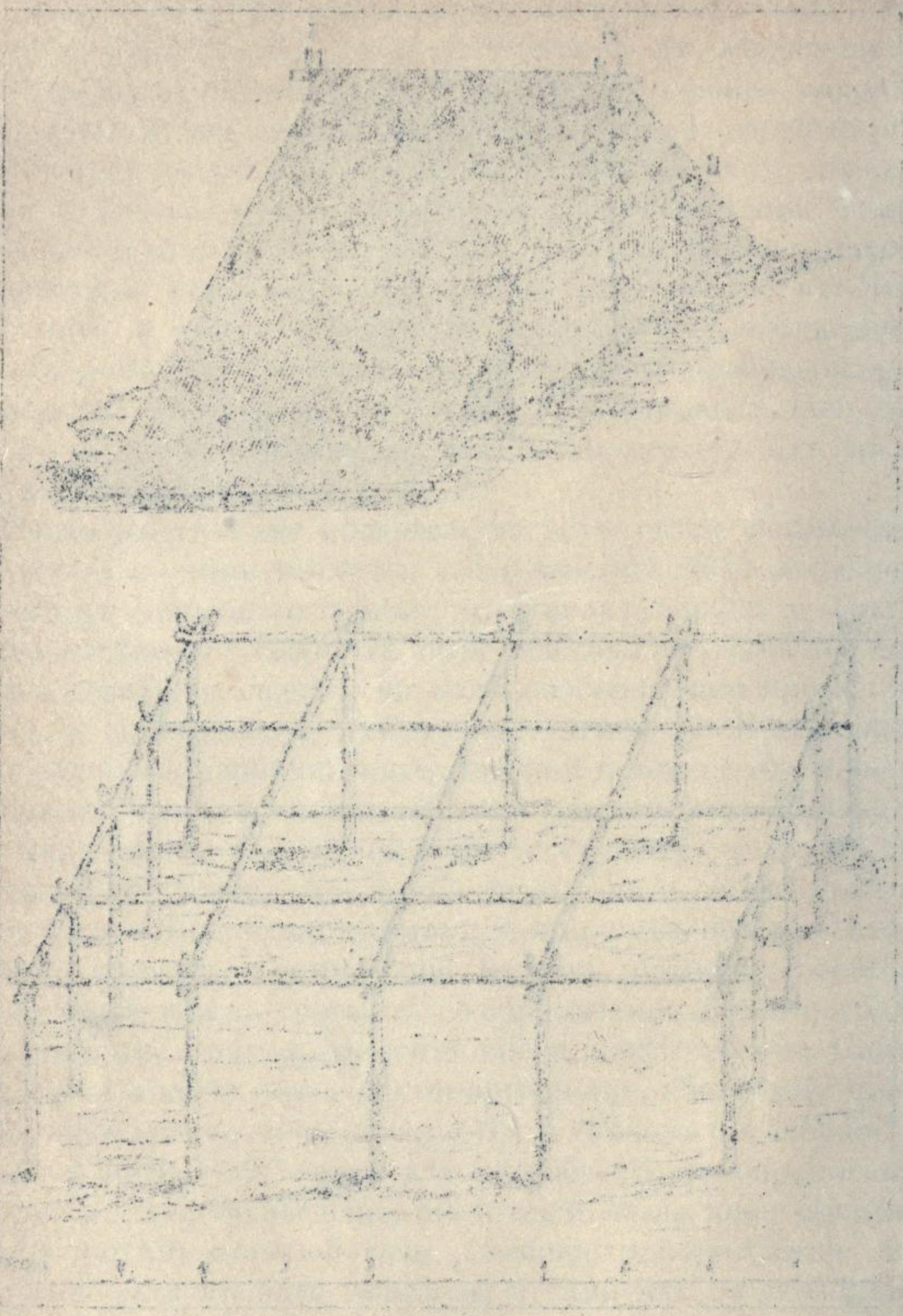
---

[1]) Бошланъ, Описаніе Украйны, Санктпетербургъ. 1832, 85—89.

[2]) Memoires du baron de Tott sur le turcs et les tartares, 1781, II.



Козацкій пологъ для защиты отъ комаровъ.



бивая. Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось“ [1]).

Кромѣ саранчи, не малыя бѣдствія причиняли жителямъ Украйны, въ особенности же Запорожья, мошка и комары. „Берега днѣпровскіе, говоритъ Бопланъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ; утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ; опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ; для этого нужно содержать постоянный огонь“ [2]).

Главнымъ гнѣздилищемъ комаровъ и мошекъ были днѣпровскія плавни и многочисленные острова съ ихъ непроходимыми камышами, болотными травами и густыми лѣсами; въ открытыя степи они доходили только въ томъ случаѣ, когда вѣтеръ дулъ отъ Днѣпра въ какую-либо изъ четырехъ странъ свѣта вольностей запорожскихъ: если вѣтеръ тянулъ къ востоку, комары и мошки шли туда-же; если онъ тянулъ къ западу, они шли въ ту-же сторону и т. д. Въ самыхъ же плавняхъ, особенно въ Великомъ-Лугу, ихъ было такое множество, что они нерѣдко буквально заѣдали телятъ и даже коровъ; попавшійся въ плавни рогатый скотъ всегда ходилъ тамъ облитый кровью и спасался только въ водѣ или въ дыму у раскладываемыхъ пастухами костровъ. Обыкновенное время появленія комаровъ въ плавняхъ Днѣпра—половина апрѣля; конецъ—6 августа, на Спаса, или 15, на Пречистую; оттого на этотъ счетъ приднѣпровскіе жители сложили слѣдующее четырехстишіе:

---

[1]) Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія, Москва, 1848, 44, 45.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктпетербургъ, 1832, 84.

Прыйшóвъ Спасъ, прошáвъ комарúный басъ;
А якъ прúйде Пречиста, вúзьме комаря нечиста.
Якъ прúйде Спасъ, увирветця комарúный басъ,
А въ Пречúсту якъ загрáють, то й цымбáлы поховáють.

Изъ многихъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края не послѣднее мѣсто занималъ и страшный холодъ въ зимнее время. У Боплана находимъ въ этомъ отношеніи нѣсколько строкъ, весьма ярко рисующихъ бѣдственное положеніе путника, застигнутаго въ зимнее время въ открытой степи Украйны сильнымъ морозомъ и стужей; еще въ большей мѣрѣ эти слова можно примѣнить къ запорожскому краю, въ этомъ краѣ, не защищенномъ ни горами, ни лѣсами, представляющемъ изъ себя безпредѣльную равнину, особенно сильно чувствовались и лѣтній зной, и зимняя стужа.

„Хотя Украйна, говоритъ Бопланъ, лежитъ подъ одинаковой широтой съ Нормандіей, однакожъ стужа въ ней суровѣе нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ этихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зарождается антоновъ огонь, и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь же мучительную, какъ болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. Вереды бываютъ сперва въ горошину, но черезъ нѣсколько дней, иногда черезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается. Два изъ моихъ знакомыхъ лишились такимъ образомъ самаго чувствительнаго органа.

Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро, — смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется

и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпенѣніе; въ это время сильная дремота клонитъ его ко сну. Если дадутъ вамъ заснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники разбудятъ васъ, жизнь ваша спасена. Случалось и мнѣ стоять на порогѣ смерти: я засыпалъ отъ холода, но слуги мои, крѣпкіе тѣлосложеніемъ и привычные къ стужѣ, нѣсколько разъ расталкивали меня соннаго. Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣка не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и охватываетъ поясницу; всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности его раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; самъ же замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отчего болѣзнь эта столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни не исцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Въ 1646 году, когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и освобожденія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2.000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли описанною нами мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей, хотя онѣ и покрѣче насъ: во время похода пало ихъ болѣе 1.000, въ томъ числѣ шесть лошадей подъ кухнею ге-

нералъ-лейтенанта Потоцкаго, бывшаго впослѣдствіи коронным гетманомъ и кастеляномъ краковскимъ. Стужа захватила насъ близъ рѣки Мерлы, впадающей въ Днѣпръ. Въ Украйнѣ защищаютъ себя отъ оной единственно тѣмъ, что укутываются въ теплую одежду и запасаются разными вещами, предохраняющими отъ холода. Что касается меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьею шубой; лицо же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ также и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ. Этими предосторожностями, съ божьею помощью, я избавился отъ несчастій, мною описанныхъ. Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода“ [1]).

Такова характеристика вольностей запорожскихъ козаковъ у разныхъ писателей. О климатѣ и температурѣ этого края въ общемъ можно сказать слѣдующее. Зима здѣсь непостоянна и кратковременна: она устанавливается только въ декабрѣ и продолжается три мѣсяца—декабрь, январь, февраль; морозы обыкновенно бываютъ 10, рѣдко доходятъ до 20 и еще рѣже до 30 градусовъ по Реомюру; снѣга неравномѣрны: то очень глубокіе, то совсѣмъ ничтожные, и болѣе собираются въ балкахъ, байракахъ и оврагахъ, чѣмъ въ открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ; частыя зимнія вьюги или такъ-называемыя „пурги“ и „хуртечи“, при неудержимомъ сѣверовосточномъ или восточномъ вѣтрѣ, бываютъ причиною гибели и людей, и скота; стужи, вслѣдствіе открытаго положенія мѣстности, чувствуются гораздо сильнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, защищенныхъ природою: 10-градусные холода въ Запорожьѣ, что 20 градусовъ въ Бѣлоруссіи. Весна начинается или съ конца марта или съ начала апрѣля; весеннихъ ночныхъ заморозковъ въ степи не бываетъ; травы обыкновенно снимаются въ концѣ апрѣля, рѣже въ началѣ мая; фрукты, овощи и хлѣбныя растенія

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб.,1832, 95—99.

поспѣваютъ въ іюлѣ и началѣ августа; грозы лѣтомъ очень часты; въ срединѣ іюня прекращается ночная роса; весь іюль и особенно начало августа часто проходятъ совсѣмъ безъ дождя, отчего степи теряютъ всякую прелесть и превращаются въ сухую, выжженную обнаженную и пыльную равнину; въ половинѣ августа жары достигаютъ такой степени, что человѣку и животнымъ становится не въ моготу переносить знойную температуру и неумолимо палящіе лучи южнаго солнца; средняя температура лѣта въ іюнѣ и іюлѣ—отъ 15 до 20 градусовъ, въ августѣ—отъ 26 и болѣе, по Реомюру; наибольшая температура—до 45 и иногда, хотя весьма рѣдко, до 50 градусовъ; въ сѣверной окраинѣ и средней полосѣ температура обыкновенно бываетъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ восточной и особенно южной; дожди идутъ большею частью тучковые и нерѣдко столь сильные, что своими потоками сносятъ хлѣбъ, огородную растительность и даже мелкій скотъ и легкія постройки, особенно въ мѣстахъ низменныхъ и глубокихъ; со второй половины августа начинаетъ садиться роса и перепадать дождики, отчего степь постепенно начинаетъ зеленѣть и принимаетъ нарядный и веселый видъ. Осень начинается съ конца сентября, вообще же сентябрь и иногда начало октября считаются здѣсь самымъ пріятнымъ временемъ года; съ конца же сентября здѣсь наступаютъ иногда туманы, нерѣдко продолжающіеся періодически осенью, зимой и весной; рѣки здѣсь обыкновенно замерзаютъ въ ноябрѣ и остаются закованными льдомъ до марта. Сѣверовосточные и восточные вѣтры приносятъ здѣсь холодъ, зной и засуху, южные и югозападные—тепло, дождь и влагу; изъ всѣхъ окраинъ вольностей запорожскихъ, въ ближайшихъ къ морю и къ большимъ рѣкамъ, каковы Днѣпръ и Бугъ, климатъ мягче и влажнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Но каковы бы ни были удобства или неудобства края, для запорожскихъ козаковъ онъ представлялся обѣтованною страной, завѣтной Палестиной, не смотря на весь ужасъ его пустынности, лѣтняго зноя, зимней стужи, страшнаго безводья, губительнаго вѣтра. И чѣмъ страшнѣе казался этотъ край другимъ, тѣмъ привлекательнѣе онъ былъ запорожскимъ козакамъ. Многимъ уже одинъ Днѣпръ казался страшнымъ какъ по своей дикости, такъ и по своей

малодоступности. Такимъ дикимъ и малодоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ его заливы, гирла, рѣчки, вѣтки, озера, болота, такъ и его многочисленные острова, карчи, заборы и пороги. По сказанію Боплана, въ концѣ своего теченія Днѣпръ имѣлъ едва исчислимое множество острововъ, покрытыхъ такою густой травой, такимъ непролазнымъ камышомъ и такими непроходимыми и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья рѣки за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины, островъ. Когда однажды турки, преслѣдуя запорожцевъ, проникли изъ Чернаго моря на своихъ галерахъ до самой сичевой скарбницы, то, поднявшись выше устья Днѣпра, они запутались въ цѣломъ архипелагѣ острововъ и совершенно потерялись, какъ въ безконечномъ лабиринтѣ съ его многочисленными ходами и переходами, въ неисчислимыхъ вѣткахъ и непролазныхъ камышахъ рѣки; тогда запорожцы, бросившись на лодкахъ между камышей и деревьевъ, потопили нѣсколько турецкихъ галеръ, истребили множество людей и такъ напугали своихъ враговъ, что они никогда потомъ не поднимались выше четырехъ или пяти миль отъ устья Днѣпра вверхъ [1]). Поляки только въ 1638 году впервые проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами и придавали этому знакомству чрезвычайно важное значеніе [2]).

Но что значатъ эти острова и вѣтки въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видалъ пороговъ, кто не пытался переправляться черезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ и представить всѣхъ ужасовъ плаванія по немъ. При видѣ страшной пучины, клокочущей въ днѣпровскихъ порогахъ, кровь леденѣетъ въ жилахъ человѣка... Уже издали можно узнать близость пороговъ по тому страшному шуму и стону воды, которая, вливаясь въ промежутки между камней пороговъ, сильно пѣнится, яростно бросается съ камня на камень и какъ бы съ ожесточеніемъ стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, точно желая

---

1) Боплант, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 26.

2) Кулишъ, Отечественныя записки, 1864, 54, примѣчаніе 2.

поглотить все своимъ теченіемъ, схватить, увлечь и унести все своей неудержимой и сокрушающей силой. Особенно страшны бываютъ пороги въ то время, когда на Днѣпрѣ схватится такъ называемая полоса вѣтра. „Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ—сѣверовосточный—самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно вліяніе его; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его"—сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческомъ вѣтрѣ, и эти же слова можно примѣнить къ внезапному порыву вѣтра на Днѣпрѣ. Этотъ порывъ внушаетъ опасность даже и безстрашнымъ днѣпровскимъ лоцманамъ: они отваливаютъ отъ берега съ барками и плотами только въ самую тихую погоду, когда вода въ Днѣпрѣ стоитъ какъ зеркало и когда она не шелохнетъ ни одной своей струей; но и среди такого затишья нерѣдко и совершенно неожиданно схватываются порывы вѣтра, и тогда пловцамъ остается одно спасеніе—надежда на Бога [1]). Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, сине-голубое и безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво. Не проходитъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ дико завылъ порывистый вѣтеръ, и въ мигъ вся поверхность воды зловѣще зачернѣла, быстро заволновалась и закипѣла своею бѣлой, жемчужной пѣной. Страшнѣе всего бываетъ въ такихъ случаяхъ Днѣпръ въ ночное время!..

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, необозримыхъ плавенъ, неисчислимыхъ заборъ, подводныхъ карчей и дикихъ пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать только опытный пловецъ; среди его лѣсистыхъ острововъ, топкихъ болотъ, среди невылазныхъ и непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его рѣчную долину. Но вотъ эта-то неприступность Днѣпра, эта-то дикость мѣстъ, этотъ страхъ пустынной безлюдности и привлекали низо-

---

[1]) Афанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ южную Россію, Спб., 1863, I, 87.

выхъ молодцовъ, никѣмъ и ничѣмъ не устрашимыхъ запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, дремучихъ и вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ „поляхъ“, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ, здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище и всеобъемлющую колыбель. „Сичь—мате, а Великій Лугъ—батько!.. Степъ та воля—козацька доля!..“ Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-поработителя, ни власть короннаго гетмана, ни даже грозные универсалы польско-литовскихъ королей; здѣсь-же молодцамъ ни по чемъ были ни татары, ни турки, ни лѣтній зной, ни зимній холодъ, ни страшное безводье, ни губительная засуха, ни дикій звѣрь, ни степная „пожежа“.

„Ой, по̀лѐмъ, по́лемъ Кылыимськимъ,
Та шляхомъ бытымъ Гордыинськимъ
Ой, тамъ гулявъ козакъ Голо́та,
Не боитця винъ ни огня, ни мечà, ни третёго болота“.

Число и порядокъ запорожскихъ Сичей.

Владѣя обширными степями, отходившими на громадное пространство къ востоку и западу отъ рѣки Днѣпра, запорожскіе козаки при всемъ томъ центромъ своихъ вольностей всегда считали рѣку Днѣпръ: на Днѣпрѣ или близъ Днѣпра они постоянно устраивали свою столицу, Сичь. Названіе козацкой столицы—„Сича, Сичь, Сѣча, Сѣчь“—безъ сомнѣнія, произошло отъ слова „сѣкти“, „высѣкать“, въ смыслѣ рубить и, слѣдовательно, имѣетъ одинаковый корень съ великорусскимъ словомъ „засѣка“. Доказательствомъ тому служатъ дошедшіе до насъ документы прошлыхъ вѣковъ, показывающіе ходъ постепенной колонизаціи новыхъ днѣпровскихъ степныхъ мѣстъ, шедшей изъ старой Малороссіи на Низъ. Колонизація эта выражалась прежде всего тѣмъ, что піонеры новой земли, избравъ для своего поселенія уединенную лѣсную трущобу, совсѣмъ недоступную или мало доступную для набѣговъ степныхъ наѣздниковъ, *выстякали* среди нея лѣсъ, и здѣсь, на расчищенной лѣсной мѣстности, гдѣ оставались только пни отъ вырубленныхъ деревьевъ, заводили свой поселокъ [1]). Естественно думать, что и запорожская Сичь такимъ же путемъ возникла и отъ этого именно получила свое названіе. Но усвоенное названіе въ мѣстности лѣсной, оно, въ силу обычая всѣхъ вообще колонизаторовъ, называть новыя мѣста именами своихъ митрополій, пріурочивалось и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вовсе не было лѣса и гдѣ даже не было никакой надобности въ очисткѣ мѣста отъ лѣсной растительности. Напротивъ того, случалось, что избранное мѣсто для устройства въ немъ Сичи нужно было даже укрѣплять искусственно; для этой цѣли вырубывали гдѣ-нибудь вблизи намѣченна-

---

[1]) Кіевская Старина, 1888, XXIII, № 11, 43—45.

го для Сичи мѣста толстыя деревья, заостряли ихъ сверху, осмаливали снизу и, подобно частоколу, вколачивали вокругъ какого-нибудь острова или мыса правильной подковой, какъ это можно было видѣть при раскопкѣ Чортомлыцкой Сичи. Въ послѣднемъ случаѣ козацкая столица могла получить названіе „Сичи“ и отъ того, что обставлялась вокругъ высѣченными въ лѣсу деревьями. Мнѣніе о томъ, что названіе Сичи произошло отъ слова „сѣкти“ въ смыслѣ разить, потому что запорожцы „главною своею задачею поставляли сѣчь головы врагамъ“, кажется слишкомъ искусственнымъ объясненіемъ и потому неправдоподобнымъ [1]). Въ переносномъ смыслѣ слова Сичь была столицею [2]) всего запорожскаго козачества, центромъ дѣятельности и управленія всѣми войсковыми дѣлами, резиденціей всѣхъ главныхъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ низового козачества.

Рядомъ со словомъ „Сичь“ ставилось слово „Кошъ“, иногда называвшійся „вельможнымъ запорожскимъ Кошемъ“. Это слово несомнѣнно заимствовано извнѣ: оно взято отъ татаръ, какъ слова--„козакъ“, „атаманъ“, „асаулъ“, „чаушъ,“ „чабанъ“. Но что означало слово кошъ, на этотъ счетъ также существуетъ нѣсколько объясненій. „Для удобства исполненія пастушескихъ обязаностей, замѣчаетъ ученый Хартахай, татары часто прибѣгали къ союзамъ. Во главѣ союза являлся человѣкъ, у котораго было собственное стадо и который кромѣ того прославился какъ хорошій распорядитель, удачно размножающій свой скотъ. Съ такимъ человѣкомъ всѣ охотно вступаютъ въ союзъ. Этотъ союзъ имѣетъ слѣдующую организацію. Во главѣ его стоялъ основатель, а члены его считались вкладчиками. Десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по 1000 овецъ, составляютъ одно сводное, подъ общимъ названіемъ кхошъ. Такъ какъ съ 10.000 овецъ неудобно производить кормленіе на одномъ мѣстѣ, то весь кхошъ раздѣлялся на малыя стада въ тысячу и менѣе овецъ. При каждомъ полномъ стадѣ находилось по три человѣка; они извѣстны подъ именемъ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 528.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 437; Записки одес. общ. ист. и древн., XIV, 488.

чабановъ. Тотъ, который отличался наибольшею расторопностію, дѣлался непосредственнымъ начальникомъ чабановъ своднаго стада и получалъ титулъ одамана. Главное управленіе всѣми отдѣльными стадами сосредоточивалось въ кошѣ. Тамъ живетъ начальникъ союза и верховный правитель коша" [1]). Запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ объясняетъ слово „кошъ" иначе: кочуя зиму и лѣто по степи, запорожскіе козаки, для защиты пастуховъ отъ холодныхъ вѣтровъ и дурной погоды, употребляли коши; коши эти подобились палаткамъ; они обшиты были вокругъ полостями и, для удобства передвиженія съ мѣста на мѣсто, устроены были на двухъ колесахъ; въ срединѣ ихъ дѣлалась кабыця для огня, у которой грѣлись и просушивались отъ непогоды пастухи [2]). Оба эти объясненія примиряетъ профессоръ Григорьевъ. „Кошъ, по его словамъ, означаетъ всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ, или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ, и цѣлый лагерь... Поэтому кошемъ называлась, по заимствованію отъ татаръ, и главная квартира запорожскаго войска, состоявшаго изъ людей неосѣдлыхъ, готовыхъ всегда переноситься съ мѣста на мѣсто" [3]). Возможно еще и такое объясненіе: у татаръ есть слово „кышъ"—зима; отъ этого слова есть производное слово „кышлакъ"—временное для зимы поселеніе. Запорожцы могли отъ этихъ словъ создать себѣ слово „кошъ" въ смыслѣ постояннаго помѣщенія для войска. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что у нихъ было въ употребленіи слово „кышло" въ смыслѣ селенія. „Отъ тутъ саме було запорожске кышло"—и теперь говорятъ жители приднѣпровья.

Слова „Сичь" и „Кошъ" запорожцы употребляли или безразлично, или различая одно отъ другаго: обыкновенно подъ словомъ „Сичь" разумѣлась постоянная столица, постоянное ядро козаковъ, постоянный центръ всего козачества, и притомъ у себя дома; тогда какъ слово „Кошъ" чаще всего понималось въ смыслѣ правительства,

---

[1]) Хартахай, Вѣстникъ Европы, 1866, 81, 217.
[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 33.
[3]) О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Казань, 1861, 87, прим. 69.

иногда въ смыслѣ временнаго мѣста для пребыванія козаковъ, военнаго лагеря, ставки, etat major, даже въ смыслѣ козацкаго табора. Въ актахъ 1663 года говорится, что кошевой Иванъ Сѣрко и воевода Григорій Косаговъ устроили „коньми“ кошъ, пошли противъ татаръ и учинили бой; въ томъ же году татары устраивали на Украйнѣ, подъ Крыловымъ, собственный кошъ, т. е. временную ставку [1]).

Иногда слова „Кошъ“ и „Сичь“ ставились одно вмѣсто другого съ одинаковымъ понятіемъ постояннаго мѣстопребыванія запорожскихъ козаковъ. Оттого въ дошедшихъ до насъ документахъ запорожскаго архива встрѣчаемъ такія подписи: „Данъ съ Коша при Бугѣ“ [2]), т. е. съ временнаго лагеря при Бугѣ. „Писанъ съ Коша надъ Кисловкою“; „Съ Коша съ Козулина изъ Запорожья“; „Съ Коша съ Волынки“; „Съ Коша съ Чортомлыка“ [3]). „Данъ съ Коша Сѣчи запорожской“, „Данъ на Кошу Сѣчи запорожской“, т.-е. съ постояннаго мѣста при Сѣчи запорожской; „Писана Кошу“ [4]), т.-е. писано въ ставкѣ при постоянной Сичи; „Запорожскій Кошъ“, т.-е. запорожская Сичь, при этомъ годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто постоянной, напримѣръ, Новой Сичи [5]).

Вопросъ о числѣ, порядкѣ и топографіи запорожскихъ Сичей затрогивался не разъ въ нашей исторической литературѣ, главнымъ образомъ на страницахъ журнала „Кіевской Старины“ и, повидимому, давно долженъ считаться рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ. Но именно данныя архива, вновь нами открытыя, и заставляютъ насъ выдвинуть снова этотъ вопросъ.

Прежде всего напомнимъ общеизвѣстный порядокъ запорожскихъ Сичей, какъ онъ представленъ у историка запорожскихъ козаковъ XVIII вѣка, князя Мышецкаго. Это были Сичи: Сѣдневская, Каневская, Переволочанская, Хортицкая, Томаковская, Микитинская, Чортомлыцкая, Алеш-

---

1) Акты южной и западной Россіи, V, 148, 169.
2) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 315.
3) Акты южной и западной Россіи, IV, 60; V, 228; VII, 337; VIII, 181, 182; XI,86, 481, 483, 407; XII, 115, 134; XIII, 106 169, 439, 442.
4) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I. 36, II, 39–37, 561.
5) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 26.

ковская, Каменская и Подпиленская или Новая [1]). Князь Мышецкій первый установилъ такую преемственность запорожскихъ Сичей, и отъ него она перешла къ лѣтописцу Ригельману [2]), а отъ Ригельмана къ историку Малой Россіи Бантышъ-Каменскому. Первый историкъ Малой Россіи Бантышъ-Каменскій, при перечисленіи запорожскихъ Сичей, повторяетъ Ригельмана и Мышецкаго, съ тою лишь разницею, что онъ первую Сичь ставитъ не въ Сѣдневѣ, а въ Каневѣ, такъ какъ Сѣднево, какъ находящееся возлѣ города Чернигова, очевидно, показалось историку слишкомъ удаленнымъ отъ Запорожья, чтобы считать его запорожскою Сичью [3]).

Напомнимъ, затѣмъ, что всѣ запорожскія Сичи существовали не въ одно и то же время, а смѣнялись преемственно, одна за другой, и что причиной перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое были—частію топографскія соображенія, какъ напримѣръ, большія удобства одной мѣстности по сравненію съ другой; частію такія бѣдствія, какъ чума или „наглая смерть“, которая заставляла козаковъ бросать зараженныя мѣста и искать другихъ, представлявшихъ лучшія удобства въ гигіеническомъ отношеніи; частію, наконецъ, такія событія, какъ такъ называемая измѣна запорожцевъ русскому царю, за которую они поплатились разореніемъ старой Сичи и принуждены были искать себѣ мѣста для Сичи подъ владычествомъ иностранныхъ государей [4]).

Представляя порядокъ запорожскихъ Сичей на основаніи указаній князя Мышецкаго, мы, однако, должны сказать, что такое указаніе не оправдывается ни общими соображеніями, то первоисточниками. Что касается общихъ соображеній, то первыя три мѣста. Сѣднево, Каневъ и Переволочна, не могутъ именоваться запорожскими Сичами уже потому, что они находятся въ Старой Малороссіи и удалены на слишкомъ громадное разстояніе отъ Запорожья.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852, 9.

[2]) Лѣтописное повѣствованіе, Москва 1847, I, 2.

[3]) Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, II, 8.

[4]) Эварницкій, Число и порядокъ запорожскихъ Сичей, Кіевская Старина, 1884.

Первыми центральными мѣстами поселенія запорожскаго козачества были острова на Днѣпрѣ, Хортица и Томаковка. Но даже и эти острова въ актахъ и у писателей XVI вѣка не называются мѣстами запорожскихъ Сичей; первое козацкое поселеніе, возникшее здѣсь, именуется „замкомъ“, „городкомъ“, или просто „островомъ“, „мѣстомъ, гдѣ живутъ—мѣшкаютъ“ козаки. Термина „Сичь“, или „Кошъ“ въ это время въ актахъ мы не встрѣчаемъ, изъ чего слѣдуетъ, что онъ сложился позже, но историки, въ родѣ князя Мышецкаго, перенесли этотъ терминъ съ болѣе поздняго времени на болѣе раннее. Въ 1556 году знаменитый вождь низовыхъ козаковъ, князь Димитрій Вишневецкій, отправляясь на войну съ татарами, вышелъ изъ предѣловъ кіевскаго воеводства и, спустившись ниже пороговъ, расположился на островѣ Хортицѣ. Разсчитывая открыть отсюда постоянные набѣги на мусульманъ, Вишневецкій устроилъ на островѣ Хортицѣ земляной городокъ. Въ 1557 году Вишневецкій извѣщалъ московскаго царя Ивана Васильевича о томъ, что, отъѣхавъ отъ польскаго короля, Сигизмунда-Августа. онъ „поставилъ среди Днѣпра, на Хортицкомъ островѣ, противъ Конскихъ-Водъ, у крымскихъ кочевищъ, городъ“. „Тогожъ мѣсяца (сентября) пріѣхалъ къ царю и великому князю Івану Васильевичу всеа Русиі отъ Вишневецкаго князя Димитрія Ивановича бити челомъ Михаилъ Есковичъ, что его государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ, и на Днепрѣ на Хортицкомъ острову городъ поставилъ противъ Конскихъ водъ у крымскихъ кочевищъ“[1]. Во всѣхъ послѣдующихъ сообщеніяхъ то московскому царю Ивану Васильевичу, то польскому королю Сигизмунду - Августу, князь Вишневецкій нигдѣ не называетъ козацкую крѣпость на Хортицѣ „Сичью“, а именуетъ „городомъ“ [2]. Въ 1559 году польскій король Сигизмундъ-Августъ, сообщая о намѣреніяхъ московскаго царя, писалъ изъ Кракова въ Вильну своимъ панамъ - радамъ: „Князь великій московскій замокъ будовати хочеть на вро-

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонову списку, С II Б, 1891, VII, 272.

[2]) Акты южной и западной Россіи I, II, 148, 151, 152, 155—157; Русская лѣтопись по Никонову списку, СПБ, 1791, VII, 266, 272—275, 293, 298.

чыщи. Монастырищахъ, межъ замкомъ нашимъ Черкасы и островомъ Хортицею“ [1]). Въ универсалѣ 1568 года тогоже короля Сигизмунда - Августа, обращенномъ къ низовымъ козакамъ, мѣсто, гдѣ живутъ козаки, также не называется Сичью: „Подъданнымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ украйныхъ, безъ росказаня и вѣдомости нашое господарское и старостъ нашихъ украйныхъ, зъехавши на низу на Днепре, въ полѣ и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ“ [2]).

Такъ, ни въ русскихъ, ни въ польскихъ актахъ половины XVI столѣтія мы не встрѣчаемъ термина „Сичь“ въ приложеніи къ острову Хортицѣ.

Тоже нужно сказать и относительно польскихъ хронистовъ XVI вѣка, жившихъ въ то время, когда происходили событія на островѣ Хортицѣ: „Есть и другой островъ, пишетъ Мартынъ Бѣльскій, называемый Хорчика, на которомъ Вишневецкій передъ этимъ жилъ и татарамъ вредилъ, такъ что они не смѣли чрезъ него такъ часто къ намъ вторгаться“ [3]). Въ 1583 году Самоилъ Зборовскій, приглашенный низовыми козаками въ качествѣ вождя для похода противъ турокъ и татаръ, спустился отъ города Канева и, направившись внизъ по Днѣпру, дошелъ до пороговъ. Польская дружина его, испугавшись козаковъ, наполовину разбѣжалась. „Но самъ вождь, говоритъ польскій писатель того же XVI столѣтія, Папроцкій, не испугался и, пройдя послѣдніе изъ нихъ, благополучно присталъ къ большому и великому острову Хортицѣ, на которомъ до его прихода подвизался знаменитый вождь, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій“ [4]).

Въ самомъ концѣ XVI вѣка, т. е. въ 1594 году, посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, ѣхавшій къ запорожцамъ мимо Хортицы на островъ Базавлукъ и ведшій путевой дневникъ, говоритъ объ островѣ Хортицѣ слѣдующее: „Іюля 4 дня прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, называемыхъ Московками и направились ниже къ Малой-

---

1) Акты южной и западной Россіи, II, 151.
2) Архивъ юго-западной Россіи, I, ч. III, № 3.
3) Sbior pisarzow polskiech, Czesc szósta, tom XVIII, Warszawa, II, 21—31.
4) Paprocki, Panosza rycersztwa polskiego, Krakow, 1584, 103—112.

Хортицѣ; здѣсь стоялъ замокъ, который построенъ около 30 лѣтъ впередъ Вишневецкимъ и опять разрушенъ турками и татарами“ [1]).

Писатель половины XVII вѣка, французскій инженеръ Бопланъ, прожившій на Украинѣ 17 лѣтъ и оставившій послѣ себя крайне любопытное сочиненіе „Описаніе Украйны“, объ островѣ Хортицѣ писалъ слѣдующее: „Этотъ островъ довольно значителенъ и возвышенъ; берега почти повсюду обрывисты и потому мало доступны; онъ занимаетъ не менѣе двухъ миль въ длину и полумили въ ширину, особенно въ верхней своей части, такъ какъ весь онъ постепенно суживается и понижается по направленію къ западу. Онъ никогда не подвергается наводненіямъ, покрытъ дубовымъ лѣсомъ и представляетъ прекрасное мѣсто для поселенія, которое могло бы служить сторожевымъ укрѣпленіемъ противъ татаръ. Книзу отъ Хортицы русло рѣки сильно расширяется.“ [2])

Итакъ всѣ указанія XVI и начала XVII вѣка не называютъ поселенія козаковъ на островѣ Хортицѣ Сичею, а именуютъ его „городомъ“ или „замкомъ“, какое названіе мы и должны оставить за этимъ центральнымъ мѣстомъ перваго поселенія на Низу запорожскихъ козаковъ.

Тоже самое нужно сказать и относительно острова Томаковки. „Есть и третій такой (островъ на Днѣпрѣ), говоритъ Мартынъ Бѣльскій; онъ называется Томаковка, на которомъ большею частью низовые козаки мѣшкаютъ (т. е. проживаютъ), такъ какъ это было для нихъ самое лучшее укрѣпленіе“. [3]) „Островъ Томаковка такъ обширенъ замѣчаетъ Папроцкій, что на немъ можно проживать двадцати тысячамъ людей и не малому количеству коней. На немъ имѣется большое обильное рыбой озеро. Это было мѣсто, гдѣ проживали низовые козаки“ [4]). „Томаковка, говоритъ Бопланъ, представляетъ островъ около 1/3 мили въ діаметрѣ, почти круглый и возвышенный въ видѣ полушарія, весь покрытый лѣсомъ... въ общемъ островъ очень кра-

---

[1]) Tagebuch des Erich Lassota, Halle, 1866, 224.
[2]) Мельникъ, Мемуары, Кіевъ, 1896, II, 317.
[3]) Kronika polska M. Bielskiego, Warszawa, 1836, 193.
[4]) Panosza rycerstwa polskiego, Krakow, 1584, 103, 112.

сивъ, но я могъ ознакомиться только съ характеромъ его берега; расположенъ онъ ближе къ русской, нежели къ татарской сторонѣ. Хмельницкій избралъ его мѣстомъ убѣжища, когда ему угрожалъ плѣнъ; здѣсь начали собираться козаки, готовясь къ возстанію въ маѣ 1648 года, и отсюда выступили въ походъ, кончившійся одержанною ими 26 мая побѣдою у Корсуня“ [1]).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы должны отвергнуть показаніе князя Мышецкаго, жившаго въ половинѣ XVIII вѣка и писавшаго, очевидно, свою исторію о козакахъ запорожскихъ по преданіямъ, относительно мѣстонахожденія запорожскихъ Сичей въ Сѣдневѣ, Каневѣ и Переволочнѣ, а также относительно наименованія острововъ Хортицы и Томаковки запорожскими Сичами.

Терминъ „Сичь“ или „Сѣчь“, нужно думать, сложился только въ началѣ XVII столѣтія. Указаніе на это мы находимъ въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ (1584—1620) польскаго гетмана Станислава Жолкевскаго. Въ письмѣ 1614 года Жолкевскій пишетъ панамъ ротмистрамъ и поручникамъ: „На этихъ дняхъ долженъ получиться отвѣтъ съ Низу, какъ пожелаютъ поступить Сѣчовцы („Sieczowcy“), подчинятся ли они постановленіямъ назначенныхъ его королевскою мосцью комиссаровъ, или будутъ сопротивляться“ [2]). Изъ тѣхъ же писемъ узнаемъ, что запорожскіе или низовые козаки жили на Низу Днѣпра, откуда дѣлали нападенія на турецкія владѣнія. Турецкій султанъ, не стерпѣвъ козацкихъ нападеній, отправилъ противъ нихъ въ 1616 году Ибрагимъ-пашу съ войскомъ, который „снесъ домки, взялъ пару пушекъ и нѣсколько челновъ“ козацкихъ, оберегаемыхъ нѣсколькими сотнями запорожцевъ; при чемъ бывшіе на ту пору запорожцы, не будучи въ состояіни противиться турецкой силѣ, ушли [3]).

Въ наименованіи низовыхъ козаковъ „сичовцами“ нельзя не видѣть имени „сѣчь“, но былъ ли такой терминъ уже

---

[1]) Мельникъ, Мемуары. Кіевъ, 1896, II, 317, 318.
[2]) Pisma Stanisława Żołkiewskiego, Lwow, 1861, 421.
[3]) Pisma Stanisława Żołkewskiego, Lwow, 1681, 305.

въ 1616 году въ приложеніи къ центральному мѣсту нахожденія запорожцевъ, объ этомъ Жолкевскій въ своихъ письмахъ нигдѣ не говоритъ [1]).

Въ южнорусскихъ лѣтописяхъ терминъ „Сичь“ впервые встрѣчается въ 1647 году и связывается съ урочищемъ Микитино, Микитинъ-Рогъ, на правомъ берегу Днѣпра (теперь мѣстечко Никополь, Екатеринославской губерніи и Екатеринославскаго уѣзда, освященное пребываніемъ на немъ гетмана Богдана Хмельницкаго): „Заразъ по Воскресеніи Христовомъ гетманове коронніи висилаютъ войска немаліе водою Днѣпромъ у чолнахъ, насадивши посполу (т.-е. пополамъ) зъ козаками и пѣхоту нѣмецкую... приказавши онимъ, жеби (т.-е. чтобы) ишли просто (т.-е. прямо) на Запорожье, до Сѣчи зносити Хмельницкого“ [2]).

Такъ говоритъ лѣтописецъ Самовидецъ, жившій въ XVII вѣкѣ и бывшій свидѣтелемъ всѣхъ событій времени гетмана Богдана Хмельницкаго.

Лѣтописецъ начала XVIII вѣка (1720 года), Самойло Величко, также называетъ Микитино, или Микитинъ-Рогъ запорожскою Сичею, когда говоритъ о бѣгствѣ въ 1647 году къ запорожцамъ Богдана Хмельницкаго, о пребываніи его у запорожцевъ, о выходѣ его изъ Микитина на встрѣчу полякамъ и о посылкѣ имъ въ Сичь низовому войску различныхъ подарковъ въ благодарность за оказанныя ему запорожцами услуги. „Где (на Украйнѣ) нѣкоторое время прожившн и съ добрыми молодцами козаками обознавшись, отъѣхалъ съ ними на Низъ, до Сѣчи запорожкой“. „Старшого сина своего Тимоша зъ собою узявши, рушилъ спѣшнымъ крокомъ зъ Субботова, по свѣтаню, со всею компаніею своею въ намѣреній путь свой, на Низъ, Сѣчи запорожкой“. „И такъ Хмельницкій съ козаками, при немъ находящимися, въ Днепровскіе острова, наипервѣе въ островъ називаемій Бучки, а потомъ въ Микитинъ Рогъ, прибылъ и тамъ запорожскихъ козаковъ 300 человѣкъ зосталъ, коимъ про себе все подробно пересказалъ“. Эта Сичь находилась „въ нѣсколькихъ миляхъ“ („килько миль“) отъ

---

[1]) Pisma Stanislawa Żołkewskiego, Lwow, 1861,271,351,394.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 8, 9.

острова Томаковки и имѣла „обширнѣйшій майданъ и фортеціи“ [1]).

Документальныя данныя, если не брать во вниманіе указанія Величка 1647 года, впервые говорятъ о запорожской Сичѣ въ 1659 году, „Надежда на Бога, что онъ (рѣчь о гетманѣ Выговскомъ) вскорѣ не будетъ, понеже не съ чимъ итти, имѣетъ при себѣ султана нурадына, а съ нимъ только 5000 татаръ, а козаки отнюдь не хотятъ итти, только въ Запороги, въ Сѣчи, уходятъ“. Около этого же времени, а именно въ 1657 году, впервые становится извѣстнымъ въ актахъ и терминъ запорожскій „Кошъ“ [2]).

Отвергнувъ указаніе князя Мышецкаго относительно названія острова Хортицы „Сичью“, мы, при всемъ томъ, должны признать этотъ островъ, самый большой на всемъ протяженіи Днѣпра, ниже пороговъ, первымъ центральнымъ мѣстомъ поселенія запорожскаго козачества. Но гдѣ же находится этотъ островъ, и что онъ представляетъ изъ себя?

Островъ Хортица—самый большой и самый величественный изъ всѣхъ острововъ на протяженіи всего Днѣпра. Онъ извѣстенъ былъ уже многимъ древнимъ историкамъ и писателямъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго (905—959) онъ называется островомъ св. Григорія, получившимъ свое названіе, какъ думаютъ, отъ Григорія, просвѣтителя Арменіи, нѣкогда пріѣзжавшаго въ Россію по Днѣпру [3]); въ русскихъ лѣтописяхъ онъ именуется Хортица, Хортичъ, Кортицкій, Городецкій, Ортинскій, Интрскій островъ [4]); у Эриха Ласота и у Боплана Хортица [5]); въ Книгѣ большого чертежа Хиртица [6]); у польскаго хрониста Мартына Бѣльскаго Хорчика [7]); у Василія Зуева и князя Мышецкаго Хортицъ [8]); на атласѣ Днѣпра

---

1) Лѣтопись, 1848, I, 13, 29, 32—43, 44, 49, 51, 75; IV, 309.
2) Акты южной и западной Россіи, XV, 376; также IV, 69,; XV, 85.
3) Ѳедоръ Карловичъ Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, II, 289.
4) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 187, 205, 208 226 и др.
5) Путевыя записки, 30; Описаніе Украйны, СПБ., 1832, 24.
6) Книга Большого чертежа, Москва, 1846, 100.
7) Zbior pisarzow polskich, Czese szosta, XVIII, Warszawa, 1832, 191—193.
8) Путешественныя записки, Спб. 1786, 261; Исторія, Одесса, 1852, 68.

1786 года адмирала Пущина Хитрицкій островъ [1]; у Ригельмана Хордецкій островъ [2].

Свое названіе островъ Хортица получилъ, по объясненію профессора Бруна, отъ слова „хортъ“, что значитъ борзая собака, которую наши предки, славяне-язычники, останавливаясь на островѣ, ниже пороговъ, во время плаванія по Днѣпру „изъ Варягъ въ Царьградъ“, могли приносить въ жертву своимъ богамъ [3]. „Прошедъ Крарійскій перевозъ [4]), они —руссы—причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе кладутъ куски хлѣба и мяса, и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ же бросаютъ жребій, убивать ли птицъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ“ [5]. Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы впервые упоминается подъ 1103 годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, шелъ походомъ противъ половцевъ: „И поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ Протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ“ [6]. Изъ русскихъ же лѣтописей узнаемъ, что на островѣ Хортицѣ съѣзжались всѣ главные русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ, къ рѣчкѣ Калкѣ: „Придоша къ рѣцѣ Днѣпру и въидоша въ море: бѣ бо людей тысящи, и въидоша въ Днѣпръ и возведоша пороги и сташа у рѣки Хортицѣ на броду, у Протолчи“ [7]).

Въ XVIII вѣкѣ (1736—1740) князь Семенъ Мышецкій сообщалъ о Хортицѣ, что, во время польско русской войны 1630 года вождь запорожскихъ козаковъ, Сагайдачный, построилъ на этомъ островѣ фортецію или окопъ [8]), а въ 1738

---

[1]) Императорская С.-Петербургская публичная библ., Т, IV, 268.
[2]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847, I, 20.
[3]) Брунъ, Примѣчаніе къ Путевымъ запискамъ Ласоты, Одесса, 85
[4]) Теперь переправа Кичкасъ, выше острова Большой Хортицы.
[5]) De administrando imperio, caput IX, punctum 74— 77, Боннское.
[6]) Лѣтопись по Ипатскому списку, С.-Петербургъ, 1871, 183.
[7]) Лѣтопись по Ипатскому списку, С.-Петербургъ, 1871, 445—496.
[8]) Явная хронологическая ошибка: Сагайдачный умеръ 1622 г., 10 апрѣля.

году, во время русско-турецкой войны, на немъ сдѣланъ былъ русскими войсками большой ретраншементъ, со многими редутами и флешами, и что противъ него очень долго стояла русская армія и флотилія, ушедшая изъ-подъ Очакова [1]). Что указаніе Мышецкаго имѣетъ за собой вѣроятіе, это видно изъ того, что противъ острова Большой Хортицы и теперь есть урочища, связанныя съ именемъ Сагайдачнаго: у лѣваго берега Днѣпра есть урочище „попилище“ Сагайдака и „лижко“ Сагайдака на „Середней скелѣ“. Но дѣлалъ ли при томъ Сагайдачный укрѣпленія на островѣ Большой Хортицѣ, объ этомъ никто другой, кромѣ Мышецкаго, не говоритъ и не подтверждаетъ его словъ. Какъ кажется, на пребываніе Сагайдачнаго на Хортицѣ намекаетъ лишь историкъ Устряловъ, говоря, что запорожцы въ началѣ XVI столѣтія, имѣя свою Сичь, оставили ее здѣсь, а потомъ въ 1620 году возобновили на томъ-же мѣстѣ и вновь покинули [2]). О пребываніи на островѣ Хортицѣ того-же гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго говоритъ также Григорій Спасскій: „Первыми поселенцами острова Хортицы были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII столѣтія гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести земляным окопомъ и деревяннымъ тыномъ или засѣкою, отъ чего, можетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе Сѣчи, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ на другія мѣста до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія“ [3]). Но откуда Спасскій взялъ это указаніе, остается совершенно неизвѣстнымъ. Относительно сооруженія на островѣ Хортицѣ русскими войсками земляныхъ укрѣпленій, помимо свидѣтельства Мышецкаго, имѣются и другія указанія, изъ которыхъ видно, что эти сооруженія возведены не въ 1738 году, какъ показываетъ авторъ исторіи о козакахъ, а въ 1736 году: „Въ бывшую русскихъ съ турками войну, въ 1736 году, на островѣ Хортицѣ былъ построенъ знатный ретраншементъ съ линіями *поперекъ острова* [4]), гдѣ и строеніе военныхъ судовъ производилось, но лѣсъ къ тому изъ

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 68.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 150, примѣчаніе 37.
[3]) Книга Большого чертежа, Москва, 1846, 258, прим. 125.
[4]) Въ такомъ точно видѣ онъ сохранился и до настоящаго времени.

дальнихъ мѣстъ сверху Днѣпра доставлялся, по притчинѣ имѣющихся на Днѣпрѣ, выше сего острова, въ 60 верстахъ при Кодацкомъ ретраншементѣ, начавшихся пороговъ, кои внизъ продолженіемъ десять только верстъ до того острова не дошли“ [1]).

Цѣль сооруженія названныхъ укрѣпленій на островѣ Хортицѣ объясняетъ очевидецъ и участникъ русско-турецкихъ войнъ 1736—1738 годовъ, Христофоръ Манштейнъ, такъ: „Во время похода и полевыхъ дѣйствій 1736 года графъ Минихъ свободное сообщеніе съ Украйной сохранялъ слѣдующимъ образомъ: коль скоро войско за границу россійскую выступало на нѣкоторое отдаленіе, то онъ приказывалъ въ извѣстномъ разстояніи дѣлать небольшія земляныя укрѣпленія, такъ что ежели мѣстоположеніе въ разсужденіи дровъ и воды позволяло, одно отъ другого не далѣе было одной или двухъ миль... Въ каждомъ изъ сихъ укрѣпленій оставляли одного чиновника и отъ 10 до 12 человѣкъ ратниковъ или драгунъ и до 30 козаковъ, а въ большихъ отъ 400 до 500 строевого войска и около толикаго же числа козаковъ подъ начальствомъ штабъ-офицера. Сіи разсыпанныя войска должны были препровождать гонцовъ и заготовлять сѣно въ запасъ... Крѣпостцы весьма полезны были еще для обозовъ, къ войску слѣдовавшихъ: они тутъ находились въ безопасности отъ всякаго непріятельскаго нападенія и обыкновенно въ одной которой-либо изъ нихъ останавливались для ночлега“ [2]).

Дѣлалъ-ли на островѣ Хортицѣ, кромѣ Миниха, укрѣпленія козацкій предводитель Яковъ Шахъ, извѣстный сподвижникъ Ивана Подковы, дѣйствовавшій въ концѣ XVI столѣтія, на это нѣтъ прямыхъ и достовѣрныхъ указаній, если не считать указаніе автора лубочной „Исторіи Малороссіи“, Суворова [3]).

Такова краткая исторія острова Хортицы. Упомянутый выше посолъ германскаго имератора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, ѣхавшій въ 1594 году по Днѣпру къ запорожскимъ коза-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 173.
[2]) Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 214—215.
[3]) Исторія Малороссіи въ трехъ частяхъ, Москва, 1874, I, 71.

камъ съ цѣлью привлечь ихъ къ союзу для борьбы съ турками, указываетъ на существованіе, ниже пороговъ, на Днѣпрѣ, двухъ острововъ съ названіемъ Хортицы, Большой Хортицы и Малой; на Малой Хортицѣ Ласота видѣлъ „замокъ“ козацкій, сооруженный передъ тѣмъ княземъ Д. И. Вишневецкимъ противъ татаръ и брошенный имъ черезъ татаръ же. Возникаетъ вопросъ: гдѣ же искать этотъ островъ Малую Хортицу и остатки замка, сооруженнаго княземъ Вишневецкимъ?

Въ настоящее время есть только одинъ островъ съ названіемъ Хортицы; другого острова съ этимъ же названіемъ мѣстные жители вовсе не знаютъ. Однако, возлѣ высокаго и скалистаго острова Хортицы имѣются два небольшихъ островка,—одинъ въ такъ называемомъ Рѣчищѣ, т.-е. Новомъ Днѣпрѣ, и другой въ Старомъ Днѣпрѣ. Первый островъ, называемый Розстёбинымъ, песчаный, низменный, не можетъ быть принятъ за Малую Хортицу, потому что онъ, какъ заливаемый въ весеннее время водой, негоденъ для постояннаго житья. Второй островъ, называемый въ настоящее время Канцерскимъ островомъ, отъ нѣмецкой колоніи Канцеровки, стоящей на степи, противъ острова, никогда не заливается водой, потому что онъ скалистъ, достаточно высокъ, и чрезъ то вполнѣ годенъ для постояннаго поселенія. На немъ остались слѣды древнѣйшихъ земляныхъ укрѣпленій, относимыхъ къ XVI столѣтію спеціалистами военно-инженернаго дѣла, какъ напримѣръ полковникъ Е. З. Корбутъ, осматривавшій въ 1887 году эти укрѣпленія.

Вотъ этотъ-то Канцерской островъ съ древними земляными укрѣпленіями и былъ принятъ мной еще въ 1887 году за островъ Малую Хортицу.

Иначе посмотрѣлъ на это дѣло Л. В. Падалка, напечатавшій въ журналѣ „Кіевская Старина“ статью „Къ вопросу о существованіи запорожской Сѣчи“.

„Вопросъ о времени возникновенія, а также о мѣстѣ первой запорожской Сѣчи, говоритъ онъ, является однимъ изъ наименѣе выясненныхъ вопросовъ козацкаго періода южнорусской исторіи. Прослѣдимъ прежде всего положеніе даннаго вопроса въ наиболѣе важныхъ трудахъ по южнорусской исторіи. Максимовичъ, впервые поставившій изученіе южнорусской исторіи на научную почву, изслѣдуя общій

вопросъ о происхожденіи запорожскаго козачества, не коснулся занимающаго насъ вопроса. Въ историческихъ трудахъ Костомарова также не выдвинуты вопросы ни о времени возникновенія запорожской Сѣчи, ни о мѣстахъ ея пребыванія. Антоновичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по южнорусской исторіи, строго придерживаясь источниковъ въ изложеніи о первыхъ временахъ запорожскаго козачества, говоритъ лишь о Запорожьи и запорожской общинѣ, не упоминая о запорожской Сѣчи. Отмѣчая въ 4-мъ десятилѣтіи 16 вѣка основаніе княземъ Д. И. Вишневецкимъ перваго козацкаго поселка на низовьяхъ Днѣпра, Антоновичъ называетъ этотъ населенный пунктъ не запорожскою Сѣчью, а Хортицкимъ укрѣпленіемъ... Далѣе Скальковскій, на основаніи письменныхъ актовъ, хотя и называетъ въ своемъ трудѣ (Исторія Новой Сѣчи) Сѣчью старую Сѣчь на Чертомлыкѣ, но на ряду съ этимъ онъ допускаетъ существованіе запорожской Сѣчи и на островѣ Хортицѣ еще „въ героическій періодъ запорожской общины“... „Къ позднѣйшему времени относится разработка занимающаго насъ вопроса, предпринятая г. Эварницкимъ, въ цѣломъ рядѣ статей и монографій по исторіи Запорожья. Спеціально этотъ вопросъ разсматривается названнымъ авторомъ въ его трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“, гдѣ насчитывается восемь мѣстъ, занимаемыхъ въ разное время запорожскими Сѣчами“ [1]).

Высказавъ такое замѣчаніе и отвергнувъ нѣкоторыя частности нашихъ указаній относительно порядка запорожскихъ Сичей, Л. В. Падалка обращается къ источникамъ, относящимся къ исторіи запорожскихъ козаковъ конца XVI столѣтія, и останавливается на дневникѣ Эриха Ласоты.

На основаніи указаній Эриха Ласоты онъ устанавливаетъ два факта: вопервыхъ, тотъ фактъ, что Ласота проѣзжая мимо Хортицы, не называетъ ее Сичью; вовторыхъ, тотъ фактъ, что Ласота знаетъ два острова Хортицы, Большую и Малую.

Но гдѣ же эти острова?

Что касается Большой Хортицы, то о мѣстонахожденіи

---

[1]) Кіевская Старина, 1894, май, 258—260.

ея не можетъ быть и вопроса: она находится ниже порогов Днѣпра и переправы Кичкаса, противъ пристани города Александровска, Екатеринославской губерніи, имѣетъ 25 верстъ въ окружности и принадлежитъ теперь нѣмцамъ-колонистамъ.

Но что касается острова Малой Хортицы, то ее надо искать, по словамъ г-на Падалки, не въ теперешнемъ островѣ Канцерскомъ, а выше острова Большой Хортицы, даже выше Кичкаса.

„Есть достаточное основаніе, говоритъ онъ, пріурочивать островъ Малую Хортицу къ высокому выступу праваго берега на мѣстѣ крутого поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ. Вотъ это основаніе: Нынѣшній „степокъ“ колоніи Кичкасъ, находящійся на этомъ мѣстѣ, имѣетъ весьма существенные признаки былого острова: 1) со стороны противоположной Днѣпру названный выступъ примыкаетъ къ довольно глубокой ложбинѣ, огибающей его съ западной и югозападной сторонъ. 2) Отмѣченная ложбина усѣяна камнями различной величины, большею частью гладышами, напоминающими русла высохшихъ рѣкъ. И, наконецъ, въ 3) весьма важнымъ даннымъ для выясненія занимающаго насъ вопроса является плотина, загораживающая съ сѣверной стороны вершину этой ложбины отъ напора воды изъ Днѣпра; уровень воды въ Днѣпрѣ у этой плотины настолько высокъ, что и теперь, если бы устранить плотину, при весеннемъ половодьи, „степокъ“ колоніи Кичкасъ былъ бы отрѣзанъ значительнымъ протокомъ отъ праваго берега. Очевидно, что лѣтъ 300 назадъ, при болѣе высокомъ среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, огибающая „степокъ“ ложбина была дномъ днѣпровскаго протока. Къ этому мѣсту пріурочивать Малую Хортицу побуждаетъ также общее топографическое устройство данной мѣстности. Отмѣченный „степокъ“ въ восточной и сѣверовосточной части значительно возвышается надъ окрестностями, достигая такой же высоты, какъ и возвышенная часть сосѣдняго острова Большой Хортицы“ [1]).

Принимая съ должнымъ вниманіемъ замѣчанія Л. В. Падалки, мы при всемъ томъ должны сказать, что они не соот-

---

[1]) Кіевская Старина, 1894, май, 261, 262.

вѣтствуютъ истинѣ: островъ Малую Хортицу надо все-таки отождествлять съ островомъ Канцерскимъ, а не съ урочищемъ „степокъ“, который выше Кичкаса.

Для этого мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи три доказательства: вопервыхъ, указаніе Ласоты; вовторыхъ, сравнительныя топографическія данныя возлѣ Канцеровки и „степка“ и, втретьихъ, рукописные планы урочищъ бывшаго Запорожья, хранящіеся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и до сихъ поръ никому изъ южно-русскихъ историковъ не попадавшіе въ руки.

Къ этимъ доказательствамъ я и обращаюсь.

Для точнаго и подлиннаго указанія мѣстонахожденія острова Малой Хортицы нужно обратиться прежде всего къ дневнику Эриха Ласоты и притомъ не къ русскимъ его переводамъ (г-на Бруна и г-жи Мельникъ), а къ нѣмецкому подлиннику, и тогда легко можно увидѣть, что подъ Малой Хортицей нужно разумѣть самый ближайшій къ Большой Хортицѣ островъ, въ данномъ случаѣ Канцерской, а не какой-то отдаленный „степокъ“ и притомъ не островъ, а выступъ берега, на 6 верстъ выше острова Большой Хортицы. Въ подлинникѣ на этотъ счетъ у Ласоты читаемъ слѣдующее:

„Іюля 4 дня прошли мимо двухъ рѣчекъ, называемыхъ Московками и впадающихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны; до острова Хортицы (т. е. Большой) 1 миля; островъ этотъ, лежащій на русской сторонѣ, имѣетъ двѣ мили въ длину. И направились ниже къ Малой Хортицѣ, который также смеженъ (zunegst - смежно, подлѣ) съ тѣмъ островомъ (т. е. Большой Хортицей). Здѣсь стоялъ замокъ, который построенъ около 30 лѣтъ Вишневецкимъ и опять разрушенъ турками и татарами. У этого (bei—у, возлѣ) острова (т. е. Малой Хортицы) впадаютъ въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и отъ которыхъ оба острова получили свое названіе. Къ вечеру мы переправили вплавь нашихъ лошадей на русскую сторону, которыя паслись на островѣ, потомъ поплыли также сами и на берегу провели ночь“.[1])

---

[1]) Den 4 Juli fur zwei Wasserlein Mockobky g·nent so zur Tatterischen seiten in Nepr komomen, bis an die Jnsell Chorticza, 1 Mill. Nach der leng dieser Jn-

Изъ приведеннаго мѣста видно прежде всего то, что Малая Хортица находилась „смежно“ или „подлѣ“ Большой Хортицы. „Смежно“ или „подлѣ“ Большой Хортицы, въ Старомъ Днѣпрѣ, есть высокій и скалистый островъ съ остатками древнихъ земляныхъ укрѣпленій, Канцерской, которому ближе всего и должно быть Малою Хортицею. Если же относить Малую Хортицу за теперешнюю колонію Кичкасъ, т. е., на 6—7 верстъ отъ Большой Хортицы, то тогда едва ли можно сказать „смежно“. Затѣмъ въ подлинномъ текстѣ дневника Ласоты показано, что „у (bei) Малой Хортицы“ впадали въ Днѣпръ три рѣчки Хортицы, а эти Хортицы (Верхняя, Средняя и Нижняя), по плану рѣки Днѣпра Ислень-ева 1779 года впадаютъ въ Старый Днѣпръ тамъ, гдѣ теперешній островъ Канцерской (Средняя Хортица какъ разъ противъ Канцерскаго острова). Слѣдовательно „степокъ“ выше Кичкаса здѣсь остается совершенно не при чемъ, такъ какъ онъ стоитъ чуть ли не на 7 верстъ выше трехъ рѣчекъ Хортицъ.

Таково наше первое доказательство, опровергающее мнѣніе г. Падалки.

Другое доказательство — въ сравнительномъ удобствѣ мѣстности острова Канцерскаго съ мѣстностью „степка“. И Канцерской островъ, и „степокъ“ оба находятся на правомъ берегу Днѣпра, но разница въ ихъ положеніи громадная: противоположный берегъ „степку“, лѣвый, чрезвычайно высокій, доминирующій надъ правымъ берегомъ и съ него татары отлично могли видѣть, что дѣлается въ стану у козаковъ, а они именно съ лѣваго берега Днѣпра, который и назывался „татарскимъ“, всегда дѣлали набѣги къ козакамъ. Другое дѣло островъ Канцерской: это настоящее орлиное гнѣздо, низко сидящее у праваго берега Днѣп-

---

sell an der Reissischen seiten, 2 Mill. Und unterhalb der kleinen Chorticza so auch eine Fusell zunegst daran (darauf das schloss gestanden, so etwan for dreissig Jahren der Wissnioweczki, gebawet, undt fon Turken und Tattern wider umb zerstort worden, angelendet), bei dieser Jnsel rinnen fon der Reissischenseiten, drei Wasserlein, so alle Corcicza genennet werden, in Nepr, undt haben wir unser Pferd, so alda in der Insel auf der Weldtgewesen, hiniber auf die Reissische Jeiten geschwemmet,auch selbst hernach gefahren, und alda am Ufer über Nacht geblieben“ (Tagebuch des Erich Lassota, Halle, 1866, 224).

ра, защищенное громаднымъ островомъ Большой Хортицей и глубокимъ русломъ рѣки, Старымъ Днѣпромъ. Такимъ образомъ и здѣсь выходитъ, что Малая Хортица не „степокъ", а именно Канцерской островъ.

Наконецъ, третьимъ и самымъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что Канцерской островъ и Малая Хортица есть одинъ и тотъ же островъ, служитъ указаніе двухъ рукописныхъ плановъ конца XVIII вѣка, находящихся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ, въ папкѣ подъ названіемъ „Екатеринославная губернія". На одномъ изъ этихъ плановъ (№17), сочиненномъ геодезистомъ Иваномъ Елагинымъ и изображающемъ специально островъ Большую Хортицу и за нимъ другой островъ, теперешній Канцерской, противъ этого послѣдняго написано: „Планъ запорожской верфи, которая стоитъ венеральной картѣ, такъ и всемъ (=въ семъ) планѣ подъ литерою В". На другомъ планѣ (№18), носящемъ названіе „Карты частей рѣки Днѣпра и Азовскаго моря", противъ теперешняго острова Канцерскаго поставлена надпись: „Запорожская верфь или Малая Хортица".

Кромѣ названныхъ плановъ, находящихся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣется еще планъ, находящійся въ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей и носящій названіе: „Генеральной ланкарты отъ Кіева по реке Днепру до Ачакова і по степи до Азова... сочиненной із разныхъ картъ въ 1745 году". На этомъ планѣ, противъ теперешняго острова Канцерскаго, такъ-же поставлено: „Запорожская верфь или Малая Хортичь".

Покончивъ съ вопросомъ о томъ, гдѣ искать Большую и Малую Хортицу, мы возвратимся къ вопросу о послѣдовательномъ порядкѣ запорожскихъ Сичей.

Послѣ Хортицы и Томаковки центральными поселеніями запорожскаго козачества были Микитино и въ слѣдъ за тѣмъ Чортомлыкъ. Микитино, какъ мы видѣли, именуется у малороссійскихъ лѣтописцевъ первою Сичью запорожскихъ козаковъ. Но эта Сичь не была столь популярна, какъ Чортомлыцкая, находившаяся при устьѣ рѣчки Чортомлыка, впадающей въ рѣчку Днѣпръ, съ правой стороны, ниже Микитина—Рога.

О Чортомлыцкой Сичи мы имѣемъ подробное описаніе отъ

половины XVII вѣка: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ въ сажень; съ поля отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, въ валу устроены пали и бойницы, и съ другой стороны, отъ устья Чортомлыка и отъ рѣки Скарбной по валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землей. А въ томъ городѣ башня съ поля; мѣрою кругомъ 20 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомлыкъ и на Скарбную 8 фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойница, а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чертомлыка сто жъ саженъ, да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкъ и впали тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную, которая течетъ позади города подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строилъ этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ“. (Актъ писанъ 1672, слѣдовательно Чортомлыцкая Сичь возникла въ 1652 году) [1].

Другія данныя указываютъ, что внутри Чортомлыцкой Сичи стояли курени съ окнами, имѣвшими особыя „квартирки“, то-есть форточки, и обращенными на сичевую площадь, а внѣ Сичи, на берегу рѣчки Чортомлыка, стояла такъ называемая „греческая изба“, быть можетъ, одна изъ „торговыхъ коморъ“, гдѣ временно помѣщались иностранные послы, пріѣзжавшіе къ запорожцамъ [2]. Какъ кажется, эта же самая Чортомлыцкая Сичь одно время перемѣщалась съ Чортомлыцкаго Рога куда-то въ открытую степь; по крайней мѣрѣ, въ 1663 году объ ней писалось, что Сичь „нынѣ у запорожцевъ на полѣ и крѣпости вокругъ нея нѣтъ никакой“ [3]. Такое перенесеніе могло быть сдѣлано лишь на нѣкоторое время и въ виду вторженія какихъ-либо непріятелей въ Запорожье, подобно тому, какъ въ 1677 году,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 12, № 5.

[2]) Акты, южной и западной Россіи, XI, № 5, 12, 351; Величко, Лѣтопись, II, 360.

[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 143; Записки одес. общ. ист. и древ., XIV, 290.

въ виду опасности прихода турокъ, запорожцы намѣревались сжечь эту самую Чортомлыцкую Сичь и уйти на острова; а въ 1679 году съ Чортомлыка они перенеслись на урочище Лободиху, между Днѣпровскихъ острововъ [1]). Сколько вмѣщала въ себѣ Чортомлыцкая Сичь народа, неизвѣстно; но въ 1672 году объ ней говорилось, что тамъ однихъ кузнецовъ 100 человѣкъ, постоянно въ Сичи живущихъ [2]).

Кромѣ сказаннаго о Чортомлыцкой Сичи акты 1659, 1664, 1673 года свѣдѣтельствуютъ, что въ ней существовала церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы. Рѣшеніе о построеніи церкви на Чортомлыкѣ постановлено было запорожцами еще въ 1652 году на Романковомъ курганѣ во время общей войсковой рады; завѣдываніе надъ работами возложено было на двухъ іеромонаховъ Самарско-Николаевскаго монастыря, спасшихся отъ татаръ, вслѣдствіе чего постройка храма продолжалась всего лишь около полугода съ марта по сентябрь мѣсяцъ, и наканунѣ храмового праздника церковь была освящена и открыта богослуженіемъ [3]). Въ 1664 году, однако, объ этой самой церкви кошевой Иван Щъербина писалъ гетману Ивану Брюховецкому, что она, волею божіей внезапно отъ пожара сгорѣла, такъ что духовенство сичевое не успѣло выхватить изъ нея и церковной утвари, оттого кошевой просилъ гетмана прислать въ сичевую церковь тріодь постовую, апостолъ и кадильницу, въ противномъ случаѣ въ наставшій постъ не по чѣмъ будетъ и службу божественную править. О томъ-же просили запорожцы, черезъ сичевого посланца Стефана Астраханскаго съ товарищами, и царя Алексѣя Михайловича. По челобитью запорожцевъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1673 году отправилъ въ новую церковь Чортомлыцкой Сичи, на имя кошевого атамана Лукьяна или Лукаша Андреева 12 книгъ Четь-Минеи [4]). Въ 1676 году кошевой атаманъ Иванъ Сирко изъ Чортомлыка хотѣлъ перенести

---

1) Акты южной и западной Россіи, XIII, 196; V, 155.
2) Акты южной и западной Россіи, XI, 13.
3) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церквей, Екатеринославъ, 1876, 35.
4) Акты южной и западной Россіи, V, 228; XI, 355, 259.

Сичь на островъ Томаковку или Городище, въ виду нашествія татаръ. Онъ велѣлъ даже „прочищать“ островъ на Городищѣ, чтобы перевестись туда со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, но это намѣреніе не осуществилось, потому что непріятели, татары, не осмѣлились напасть на Чортомлыцкую Сичь [1]).

Видимо эту самую Чортомлыцкую Сичь посѣтили въ 1682 году московскіе послы, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и стольникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ, когда ѣхали въ Крымъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ татарами и турками: „Марта въ 21 день пришли мы къ Запорожью, на рѣку Базавлукъ, не дошедъ до Сѣчи около десяти верстъ. На рѣкѣ Базавлукѣ насъ встрѣтили съ видимою радостью запорожскій войсковой асаулъ, съ небольшимъ числомъ козаковъ, высланныхъ по приказу кошевого атамана Ивана Стягайла; козаки перевезли насъ въ липахъ (лодкахъ) на свою сторону. Отъ рѣки Базавлука мы пошли къ Сѣчи и, не дошедъ до нея за пять верстъ, божіею милостью ночевали безопасно въ открытой степи; съ нами ночевалъ и войсковой асаулъ съ козаками. На слѣдующій день, 22 марта, передъ обѣдомъ, мы пришли въ Сѣчу и стали на лугу, передъ городомъ, а потомъ, обмѣнявшись послами съ кошевымъ, пришли въ самый городъ Сѣчь, и прежде всего направились въ храмъ божій воздать молитву Господу. Придя въ церковь пресвятой Богородицы, мы отслужили молебное пѣніе за государское многолѣтнее здравіе“ [2]).

Близъ Чортомлыцкой Сичи стоялъ Чортомлыцкій островъ, но гдѣ именно онъ находился, на то указаній не имѣется. Объ этомъ островѣ извѣстно лишь то, что бывшій въ Сичи въ 1674 году самозванецъ Лжесимеонъ Алексѣевичъ просилъ Ивана Сирка о томъ, чтобы кошевой далъ ему 200 человѣкъ козаковъ, съ которыми самозванецъ намѣревался уѣхать на островъ Чортомлыкъ и оттуда писать донскимъ козакамъ [3]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 688, 821.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II, 645.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XI, 562.

Нужно думать, что посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, бывшій у запорожцевъ въ „лагерѣ“, въ 1594 году, подъ островомъ Базавлукомъ, о которомъ онъ говоритъ нѣсколько разъ, разумѣлъ островъ близъ рѣчки Чортомлыка, гдѣ впослѣдствіи возникла Чортомлыцкая Сичь. „Девятаго мая мы пришли къ острову, называемому Базавлукъ, при Чортомлыкѣ, одномъ изъ рукавовъ Днѣпра, около 2 миль. Здѣсь находился тогда полевой лагерь (Feldlager)“. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что Чортомлыцкое Днѣприще начинается на 1½ версты ниже теперешняго острова Чортомлыка и имѣетъ 4—5 верстъ длины, то отсюда можно придти, вопервыхъ, къ такому заключенію, что островомъ Базавлукомъ назывался у козаковъ XVI вѣка островъ — плавня между Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ и рѣкой Базавлукомъ; а, вовторыхъ, что „лагерь“[1]) козаковъ въ то время былъ не вдалекѣ отъ мѣста Чортомлыцкой Сичи. Въ самой рѣкѣ Базавлукѣ есть въ настоящее время одинъ только островъ Дѣвичій; но онъ сидитъ такъ низко, что большею частью въ году залитъ водой, а въ лѣтнее время до того влаженъ, что на немъ вовсе и жить невозможно. Слѣдовательно, Ласота, говоря о Базавлуцкомъ островѣ, не могъ разумѣть теперешній Дѣвичій островъ, на Базавлукѣ, а скорѣе разумѣлъ тотъ островъ, который находился между устьемъ Чортомлыка и началомъ Подпильной. Подтвержденіемъ того, что подъ островомъ Базавлукомъ нужно разумѣть островъ близъ рѣчки Чортомлыка, можетъ, кромѣ этого, служить и то, что въ началѣ XVIII вѣка сами запорожцы подъ Базавлукомъ разумѣли также не какой-нибудь островъ среди рѣки Базавлука, а именно островъ—плавню у рѣчки Чортомлыка, (т.-е. при томъ же Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ Ласоты). Такъ, мы имѣемъ отъ 1733 года нѣсколько подлинныхъ архивныхъ документовъ, писемъ запорожскихъ козаковъ къ кіевскому генералъ-губернатору, графу фонъ-Вейсбаху, представленій русскаго резидента Неплюева изъ Константинополя въ Петербургъ, а также обращеній крымскаго хана и турецкаго султана къ русской императрицѣ Ан-

---

[1]) Проф. Брунъ и г-жа Мельникъ почему-то переводятъ слово „Feldlager“ словомъ „Сѣчь“; но Feldlager значитъ „полевой лагерь“, а не Сѣчь.

нѣ Ивановнѣ о томъ, что запорожцы, оставивъ крымскія владѣнія, самовольно ушли на „островъ Базавлукъ“ и тамъ сѣли своимъ Кошемъ. А этотъ Кошъ, какъ извѣстно, основанъ не на островѣ среди рѣки Базавлука, а на вѣткѣ Подпильной, у Чортомлыцкаго Днѣприща. [1]).

Основанная въ 1652 году, Чортомлыцкая Сичь просуществовала до 1709 года, когда была разрушена великороссійскими войсками, предводимыми полковниками Петромъ Яковлевымъ и Игнатомъ Галаганомъ, ренегатомъ—запорожцемъ. Запорожцы героически защищавшіе свою матку—Сичь, но обманутые полковникомъ Галаганомъ, обѣщавшимъ, отъ имени русскаго правительства, прощеніе товариществу, бѣжали изъ предѣловъ Россіи въ предѣлы Турціи и Крыма.

Послѣ этого начинается большая путаница въ показаніяхъ относительно того, гдѣ запорожцы жили Сичами послѣ разоренія ихъ Чортомлыцкой Сичи. Однако, эта путаница разрѣщается тѣми новыми данными, которыя намъ посчастливилось открыть въ московскихъ архивахъ и которыя относятся ко времени пребыванія запорожцевъ Сичами отъ 1709 по 1734 годъ, т.-е. за все то время, когда запорожцы, выражаясь словами козацко-народной пѣсни, „тулялысь по туркамъ та по каулкамъ.“

Въ отдѣленіи архива главнаго штаба въ Москвѣ, въ дѣлахъ князя Г. А. Потемкина, взятыхъ имъ изъ архива послѣдней запорожской Сичи, послѣ ея разоренія, имѣется между прочимъ „подлинная записка“ кошевого атамана Ивана Малашевича, 1734 года, 29 мая, о томъ, „много ли число лѣтъ войско запорожское низовое подъ крымскою протекціею мешкало и в коликих мѣстцех Кошемъ своимъ, чи то Сѣчью, сѣденіе имѣло“. Записка эта гласитъ, что, послѣ разоренія Чортомлыцкой Сичи великороссіянами, запорожцы, мая 12 числа, 1709 года, избѣжавъ смерти отъ московскаго войска, ушли изъ Чортомлыка и соединились со своимъ же войскомъ, бывшимъ при гетманѣ Мазепѣ и королѣ Карлѣ XII, а затѣмъ „удались“ къ Алешкамъ и

---

1) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, малороссійскія дѣла, 1734 и 735 года, связка 69, № 6. См. III томъ нашей Исторіи запорожскихъ козаковъ, стр. 573—577.

Кардашину, надъ рѣкою Конкою, и завели тамъ себѣ Сичь. Тамъ жили они 19 лѣтъ, но потомъ, послѣ происшедшаго между ними „раскола“, избрали себѣ кошевымъ атаманомъ Ивана Гусака и съ нимъ вновь бросились къ бывшей Чортомлыцкой Сичи, гдѣ прожили два года; однако, вынужденные оставить Чортомлыкъ, они спустились снова книзу и сѣли надъ рѣчкою Каменкою, выше Кызыкерменя. Въ Каменкѣ прожили четыре года и потомъ, марта 18 числа, 1734 года, рушившись оттуда, поселились надъ рѣчкою Подпильною, выше Базавлука.[1])

Этотъ документъ воспроизведенъ былъ два раза въ печати—въ журналѣ „Кіевская Старина“ и въ третьемъ томѣ нашей „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ и, казалось бы, долженъ разъ навсегда покончить споръ о томъ, гдѣ именно и сколько времени жили запорожцы, находясь подъ протекціей Крыма съ 1709 по 1734-й годъ.

Однако, мы имѣемъ еще одинъ документъ на этотъ же счетъ, находящійся въ архивѣ юстиціи въ Москвѣ. Это показаніе полтавскаго жителя Данила Красноперича, который „былъ въ Мазепиной измѣнѣ и пойманъ въ мѣстечкѣ Крыловѣ“[2]).

Данило Ивановъ Красноперичъ, сынъ полтавскаго атамана и судьи, разсказываетъ, что послѣ разгрома запорожцевъ, бывшихъ при Мазепѣ и Карлѣ XII подъ Полтавой, они бѣжали сперва на Днѣпръ въ урочища Глухія (sic); тамъ прожили около года, а потомъ уже перешли на рѣчку Кардашину и на ней построились куренями. На урочищахъ Глухихъ и на рѣчкѣ Кардашинѣ, вмѣстѣ съ запорожцами, жилъ и Данило Красноперичъ со своимъ отцомъ Иваномъ Красноперичемъ. Проживъ „зъ годъ“ на Глухихъ и „съ восемь лѣтъ“ на Кардашинѣ, Красноперичъ съ отцомъ оставилъ запорожцевъ и ушелъ въ „Польшу“, въ городъ Крыловъ.

Такимъ образомъ показаніе Данила Красноперича прибавляетъ къ первому то, что запорожцы, бѣжавъ изъ Чортомлыцкой Сичи, поселились сперва на урочищахъ Глу-

---

[1]) Дѣла кн. Потемкина-Таврическаго, опись 194, связка 181.

[2]) Дѣла правит. сената по молорс с. экспедиціи, 1734 года, № частный 106, № общій 1833, № дѣла 40, стр. 618—636.

хихъ, а потомъ уже спустились къ Кардашину или, что тоже къ Алешкамъ. Но гдѣ же эти урочища Глухія? Красноперичъ объ этомъ не говоритъ и заставляетъ насъ самихъ искать эти урочища. Есть три урочища съ этимъ названіемъ у Днѣпра: одно—Глухой лиманъ въ такъ называемомъ Великомъ—Лугу, противъ Хортицы, Чортомлыка и отчасти Микитина; но здѣсь запорожцы не могли осѣсться послѣ разгрома Чортомлыцкой Сичи: Глухой лиманъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, почти противъ Чортомлыцкой Сичи, слѣдовательно у самыхъ границъ Россіи, отъ которыхъ они должны были бѣжать, какъ можно дальше. Были еще съ этимъ названіемъ урочища, нѣсколько выше Алешекъ и Кардашина, это—гирло Глухое—высшее и гирло Глухое—низшее, также на лѣвомъ берегу Днѣпра, но уже въ предѣлахъ крымскаго ханства.[1]) Туда-то запорожцы, очевидно, и направились, послѣ разгрома Чортомлыцкой Сичи. Вотъ почему Красноперичъ, называя Глухія урочища, называетъ ихъ не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ: въ самомъ дѣлѣ, тамъ было не одно, а два гирла Глухихъ. Красноперичъ прожилъ въ Глухихъ урочищахъ, какъ самъ говоритъ, около года и около 8 лѣтъ на Кардашинѣ и потому о дальнѣйшихъ передвиженіяхъ запорожцевъ на Чортомлыкъ и Каменку знать не могъ, но это могъ знать кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ.

О Сичи послѣдней, на рукавѣ Днѣпра Подпильной, или Сичи Новой, просуществовавшей съ 1734 по 1775 годъ, мы имѣемъ достаточно данныхъ, заключающихся какъ въ дошедшихъ до насъ планахъ, такъ и въ сохранившихся описаніяхъ. Кромѣ того въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣется для топографіи Новой Сичи безцѣнный документъ,—подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе Сичи, сдѣланное запорожскимъ войсковымъ писаремъ Иваномъ Чугуевцемъ и относящееся къ 1766 году.

Это описаніе появилось вслѣдствіе пограничныхъ споровъ между запорожцами и татарами и состоитъ изъ десяти (или около этого) писанныхъ листовъ, имѣетъ видъ докладной записки, представленной запорожскимъ войскомъ на усмотрѣніе правительства.

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ, 1898, 195, 192.

Личность Ивана Чугуевца—крайне интересна; это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ запорожцы называли „доками“. Повидимому, никому другому, какъ именно ему принадлежитъ составленіе той знаменитой поздравительной рѣчи, которою „витали“ запорожцы им-у Екатерину II при восшествіи ея на престолъ.

Если авторъ этой рѣчи Иванъ Чугуевецъ, то неудивительно, что его записка о состояніи Новой Сичи носитъ характеръ такой обстоятельности, такой точности и даже такой стильности. Прежде всего Чугуевецъ опредѣляетъ величину всей территоріи запорожскихъ владѣній, потомъ подробно отмѣчаетъ топографію Сичи; далѣе говоритъ о ближайшихъ сосѣдяхъ запорожцевъ, татарахъ, и тутъ же подробно отмѣчаетъ мѣста стоянки и количество населенія татарскихъ ордъ—джедишкульской, по лѣвому берегу Днѣпра, отъ Тавани вверхъ до рѣки Конскихъ-Водъ; джамбуйлуцкой, отъ Тавани внизъ къ Кинбурну; джедисанской, по правому берегу Днѣпра, отъ рѣчки Каменки за рѣку Бугъ; буджацкой, или бѣлогородской, за Бугомъ, между устьями Днѣпра и Дуная. Далѣе, Чугуевецъ говоритъ о рѣчкахъ запорожскаго края, горахъ, озерахъ, урочищахъ, рыбахъ, птицахъ, лѣсахъ, звѣряхъ и т. д.

Возвратившись въ 1734 на родныя пепелища, запорожцы сѣли „ладно и крѣпко“ своимъ Кошемъ въ такъ называемомъ Красномъ Кутѣ, между правымъ берегомъ вѣтки Подпильной и лѣвымъ рѣчки Базавлука, отдѣлявшимъ въ то время собой кодацкую паланку отъ паланки ингульской, въ настоящее время служащей раздѣльною линіей между Екатеринославскою и Херсонскою губерніями. Здѣсь они устроили такъ называемую *Новую, Подпиленскую, Краснокутовскую Сичь*, просуществовавшую съ 1734 до 1775 годъ. Новая Сичь расположена была, по точному опредѣленію указанныхъ данныхъ прошлаго столѣтія, на 20 верстъ ниже Микитина перевоза; подъ 47 градусомъ и 31 минутой отъ петербургскаго меридіана широты и подъ 4 градусомъ и 4 минутами долготы. Она стояла на правомъ берегу вѣтки Подпильной, въ томъ именно мѣстѣ ея, гдѣ эта вѣтка даетъ отъ себя луку или дугообразный извивъ, противъ такъ называемой Великой плавни, по которой, съ юга, встрѣчно Сичи, текла вѣтка Старая-Сысина, а съ востока, отъ мѣста бывшей

Чортомлыцкой Сичи, несла свои воды вѣтка Скарбная: „Подпи́льна—ма́те Днипра́, бо вона́ Сы́сею ко̀рме, а Ска́рбною зодяга́е ёго̀“. Мѣсто для Новой Сичи выбрано было во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Нужно взглянуть на Подпиленскую Сичь по направленію отъ сѣвера къ югу, на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ издали, чтобы видѣть, на сколько удобно она расположена была въ стратегическомъ отношеніи. Сичь сидѣла въ низкой котловинѣ, защищенная съ востока, юга и запада громаднѣйшей плавней въ 26 тысячъ десятинъ, которая изрѣзана пятьюдесятью вѣтками, ериками и заточинами, шестьюдесятью большими, не считая множества малыхъ, озерами и представляла изъ себя сплошной и непроходимый лѣсъ, въ которомъ человѣкъ, мало знакомый съ мѣстностью, могъ потеряться точно въ безконечномъ лабиринтѣ, и который тянулся на сотни верстъ вправо и влѣво отъ Сичи и на десятки верстъ прямо отъ нея къ югу. Подъ прикрытіемъ такихъ плавенъ запорожцы могли быть совершенно безопасны отъ своихъ близкихъ и исконныхъ враговъ, татаръ и турокъ.

Устройство Новой Сичи представлялось въ такомъ видѣ. Сичь раздѣлялась на три части—кошъ внутренній, кошъ внѣшній и цитадель.

Внутренній кошъ, называвшійся иначе замкомъ или крѣпостью, по виду представлялъ изъ себя совершенно правильную форму круга въ 200 саженъ окружности; черезъ самый центръ внутренняго коша шла обширная, гладко выровненная и всегда въ большой чистотѣ содержащаяся площадь, на которой происходили войсковыя рады по разнымъ вопросамъ первой важности; въ восточномъ концѣ внутренняго коша, на той-же войсковой площади, возвышалась одноглавая „изрядная“ деревянная церковь безъ ограды, крытая тесомъ, основанная, во имя Покрова пресвятой Богородицы, въ 1734 году, при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Малашевичѣ, и снабженная богатѣйшею церковною утварью, ризницей и „уборомъ“, лучше которыхъ во всей тогдашней Россіи трудно было сыскать[1]). Въ нѣкоторомъ отдале-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, прим. 42; Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 39. 41.

ніи отъ церкви стояла большая высокая колокольня, также деревянная, съ тесовою, въ два яруса, крышей и съ четырьмя окнами для пушекъ, чтобы отстрѣливаться отъ непріятеля и салютовать изъ орудій въ большіе праздники—Крещенія Господня, Пасхи, Рождества и Покрова. Близъ сичевой церкви выдѣлялись: пушкарня или артиллерійскій „большой обширности“ цейхгаузъ съ большимъ и глубокимъ подваломъ, въ которомъ хранились пушки, ружья, боевая аммуниція, и который съ тѣмъ вмѣстѣ служилъ войсковой тюрьмой или секвестромъ для содержанія разныхъ преступниковъ; далѣе, войсковая скарбница или „замокъ“ для войсковой казны и козацкаго добра, всегда оберегавшаяся особымъ дозорцею по наряду отъ войска; затѣмъ, особое жилище для сичеваго духовенства и отдѣльный „станокъ“ или помѣщеніе, около десяти футовъ величины, для кошевого атамана, на которомъ всегда развѣвалось бѣлое знамя въ случаѣ пребыванія кошеваго въ Сичи и съ котораго снималось оно въ случаѣ отсутствія его[1]); наконецъ, вокругъ всей площади, на подобіе подковы, расположены были тридцать восемь куреней и возлѣ куреней—куренныя скарбницы и частные домики войсковой или куренной старшины.

Внѣшній кошъ отдѣленъ былъ отъ внутренняго особымъ валомъ, на самой срединѣ котораго, съ юга на сѣверъ, устроены были широкія ворота съ высокою изъ дикаго камня, у лѣвой половины ихъ „баштою“, снабженною пушками и боевыми снарядами; ворота вели изъ внутренняго кошa во внѣшній и всегда охранялись особыми часовыми [2]), такъ называемыми „вартовыми“ козаками. Внѣшній кошъ назывался иначе форштатомъ, т. е. предмѣстьемъ, гассанъ-

---

[1]) Срезневскій, Украинская старина, Харьковъ, 1832, 114; Рондо, Кіевская Старина, 1889, ноябрь, 445; Мышецкій, однако, говоритъ (48), что кошевой жилъ въ общемъ со своими козаками куренѣ. Быть можетъ, это противорѣчіе можно согласить тѣмъ, что въ одно время кошевой жилъ обще съ козаками, въ другое отдѣльно отъ нихъ; такъ, въ актѣ 1677 года говорится, что кошевой Сирко жилъ въ своемъ куренѣ, стоявшемъ противъ церкви,—нужно думать, въ томъ, къ которому онъ былъ приписанъ, а въ томъ куренѣ у него была особая коморка, въ которой онъ принималъ посланца гетмана Самойловича, козака Золоторя: Акты южн. и зап. Рос. XIII, 43.

[2]) Устное повѣствованіе запорожца Никиты Коржа, Одесса, 1842, 41.

базаромъ, т. е. торговымъ базаромъ, слободой запорожскихъ козаковъ, и занималъ 200 саженъ въ длину и 70 саженъ въ ширину; на немъ было до 500 куренныхъ козачьихъ домовъ и домовъ торговцевъ и мастеровыхъ—кожевниковъ, сапожниковъ, портныхъ, плотниковъ, слесарей, „шабельныхъ мастеровъ“, умѣвшихъ сабли дѣлать [1]); кузнецовъ, умѣвшихъ кромѣ своего дѣла приготовлять порохъ для войска; всѣ эти люди, „по ихъ козацкому манеру и обыкновенію“, свои работы исполняли платно и числились въ куреняхъ наравнѣ съ прочими козаками [2]); кромѣ дворовъ тутъ же имѣлось 100 „торговыхъ коморъ“, нѣсколько торговыхъ рядовъ и простыхъ ятокъ, въ которыхъ продавались хлѣбъ, мука, крупа, мясо, масло и проч., и сверхъ того нѣсколько шинковъ съ виноградным̀ъ виномъ, горилкою, пивомъ, медомъ и другими напитками. Лавки, ряды и шинки или составляли собственность войска и только арендовались купцами, или же лично принадлежали купцамъ,—пріѣзжимъ малороссіянамъ, грекамъ, армянамъ, татарамъ, жидамъ, полякамъ; торговые люди, также какъ и мастеровые, если только они были православные, причислялись къ куренямъ и жили, какъ настоящіе сичевые козаки, но строевой службы не отбывали „ради своего ремесла“ [3]). Для надзора за порядкомъ и добросовѣстною продажею товаровъ въ Сичи слѣдили базарный атаманъ и войсковой кантаржей, т. е. хранитель образцовыхъ вѣсовъ и мѣръ, жившіе въ особо устроенныхъ для нихъ помѣщеніяхъ. Внѣшній кошъ, также какъ и внутренній, запирался широкими воротами, стоявшими отъ запада къ востоку, параллельно Подпильной, а не отъ юга къ сѣверу, встрѣчно ей, какъ во внутреннемъ кошѣ.

Цитадель, или такъ называемый Новосѣченскій ретраншементъ, устроена была въ юговосточномъ углу внѣшняго коша и представляла изъ себя небольшой четыреуголь-

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 294.

2) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48, 81.

3) Новый географическій словарь Щекатова и Максимовича, Москва, 1788, II, 7—44. По смыслу описанія 1774 года выходитъ, какъ будто „торговыя лавки“ находились не во внѣшнемъ кошѣ, а во внутреннемъ, но это неправоподобно. Записки одес. общ. ист. и древ. VII, 176, пр. 42, XIV, 290.

никъ, около 85 саженъ длины и до 50 саженъ ширины, съ небольшими воротами во внѣшній кошъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ кошемъ, она окопана была глубокимъ рвомъ и обнесена высокимъ земляным валомъ. Основаніе цитадели положено было въ 1735 году, по распоряженію русскаго правительства, съ видимою цѣлію защищать запорожскихъ козаковъ отъ татаръ и турокъ, но въ дѣйствительности съ цѣлью „исправнѣйшаго производженія тамошнихъ дѣлъ и смотрѣнія пропусковъ за границу, а наипаче для смотрѣнія за своевольными запорожцами, дабы ихъ хотя нѣкоторымъ образомъ воздерживать и отъ времени до времени въ порядокъ приводить“[1]). Запорожцы вполнѣ понимали настоящую цѣль построенія Новосѣченскаго ретраншемента и выражали это образно словами: „Засила намъ москòвська болячка на печинкáхъ!..“ Въ цитадели устроены были—комендантскій домъ, офицерскія, инженерныя и артиллерійскія помѣщенія, пороховые погреба, солдатскія казармы и гауптвахта; въ ней всегда стояли двѣ съ 6-ю орудіями роты солдатъ изъ крѣпостныхъ батальоновъ кіевскаго гарнизона, назначавшіяся по воинскому штату въ крѣпость св. Елизаветы и отсюда посылавшіяся въ Новосѣченскій ретраншементъ; здѣсь они жили подъ начальствомъ коменданта, русскаго штабъ-офицера, присылавшагося въ Сичь также изъ Кіева, по распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора [2]).

Съ внѣшней стороны все мѣсто Новой Сичи окопано было рвомъ и обведено общимъ земляным, довольно высокимъ, валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался двумя концами въ вѣтку Подпильную; по валу стоялъ высокій частоколъ, сдѣланный изъ толстыхъ бревенъ, сверху заостренныхъ и снизу осмоленныхъ смолой.

Къ западу отъ Сичи, за общимъ рвомъ, вдоль вѣтки Подпильной, тянулись запорожскіе зимовники или „хаты [3]), а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Сичи стояла „Базавлуцкая сѣчевая башта“ [4]); къ юговостоку отъ нихъ, черезъ Под-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб.. 1888, 124, VIII.

[2]) Записки одесскаго общества ист. и древн., IV, 469; VII, 176, пр. 42

[3]) Такъ названы на картѣ де-Боксета. Записки од. об. ист. и др. IV, таб. XI.

[4]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла правительств. сената по малороссійской экспедиціи, 1742—1752., № $^{857}/_{180}$.

пильную, чернѣли волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенные около Сичи во время бывшей русско-турецкой войны въ 1736 году [1]). Наконецъ, противъ внутренняго коша, на берегу Подпильной, устроена была рѣчная пристань, куда приходили изъ Чернаго моря лиманомъ, Днѣпромъ, Павлюкомъ и вѣткою Подпильною, козацкія чайки, греческія и турецкія суда съ разною бакалеей, а уходили назадъ нагруженныя разнымъ сырьемъ [2]). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы пристань возлѣ Новой Сичи считалась у козаковъ особенно удобной для подхода большихъ судовъ. Въ 1755 году переводчикъ Семеновъ, состоявшій при Никитинской заставѣ на Днѣпрѣ, отправилъ въ Кіевъ „проэктъ о приставаніи морскихъ судовъ при Никитинской заставѣ“ и писалъ по этому поводу слѣдующее: „Суда, которыя приплываютъ изъ Бѣлаго (т. е. Мраморнаго) моря съ виномъ, деревяннымъ масломъ, хлопчатою бумагою и разною бакаліею, такъ же и изъ стоящихъ по берегамъ Чернаго моря разныхъ городовъ, т. е. изъ Варны, Месемвріи, Киліи, Очакова и прочихъ мѣстъ, приплывъ въ Очаковъ, слѣдуютъ вверхъ по рѣкѣ Днѣпру, а проплывъ Днѣпромъ, не доходя Каменнаго-Затона, противъ Никитинской заставы, не больше какъ 4 версты, оставляютъ большой стержень Днѣпра и поворачиваютъ на лѣвую руку, гдѣ текъ прежде Днѣпръ, который нынѣ засыпанъ пескомъ. Въ полую воду, до 20-го, много до 30 іюня оныя суда ходить могутъ: они плывутъ Днѣпромъ, означенною повороткою, верстъ шесть, потомъ, вступя въ рѣчку Подпильную, плывутъ до Сичи верстъ девять, пристаютъ противъ Новосѣченскаго ретраншемента, повыше Сичи, и спѣшатъ торгомъ своимъ всѣми мѣрами, потому что ежели пробудутъ до іюля, то за мелью не могутъ выдти на большой Днѣпръ. А ежели они пристанутъ въ Никитинскую заставу, то страху имъ отъ мели не будетъ никакого и могутъ все лѣто торговать безопасно“ [3]).

Съ сухопутной стороны къ Новой Сичи проложены были два шляха—одинъ на Микитино и Хортицу, другой въ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, 469.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, пр. 42.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 626.

Украйну на Переволочну. Неподалеку отъ Сичи было еще какое-то мѣсто, которое называлось Зологъ Сѣчи, въ которомъ совершенно свободно жило въ 1750 году разныхъ „набродныхъ“ козаковъ около 800 человѣкъ, доброконныхъ и довольно вооруженныхъ, собиравшихся сдѣлать набѣгъ на Польшу [1]).

Въ настоящее время, по всѣмъ мѣстамъ бывшихъ запорожскихъ „замковъ“ и Сичей уцѣлѣло много остатковъ старины, начиная съ острова Хортицы и кончая рѣчкой Подпильной.

Островъ Большая Хортица имѣетъ въ окружности 24½ версты и заключаетъ въ себѣ 2547 десятинъ и 325 квадратныхъ саженъ земли и принадлежитъ нѣмцамъ—колонистамъ колоніи Jnsel Chortiz. Наибольшая высота его въ сѣверовосточномъ углу, при среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, доходитъ до 25 саженъ. Юговосточная часть острова представляетъ изъ себя низменную плавню, изрѣзанную рѣчками, озерами, ериками, лиманами, затопленную весной водами и покрытую небольшимъ лѣсомъ. Еще не такъ давно здѣсь былъ очень большой лѣсъ, теперь срубленный до основанія: по плану 1798 года на всемъ островѣ считалось „лѣсу дровяного, дубоваго, кленоваго, березоваго и терноваго 310 десятинъ, 150 квадр. саженъ“; по плану 1875 года—222 десятины и 405 саженъ, а по плану 1888 года—402 десятины“. Здѣсь преобладаетъ древесная растительность такъ называемой мягкой породы—осокорь, ива, шелковица, верба, разныхъ породъ лоза, между которой ростетъ высокая и густая трава, скрывающая въ себѣ дикихъ гусей, утокъ, дупелей, коростелей и другихъ птицъ; въ плавняхъ имѣется много озеръ—Лозоватое, Прогной, Домаха, Карасево, Подкручное, Головковское, Осокорово и др., которыя изобилуютъ рыбой и раками. Сѣверовосточная половина острова представляетъ изъ себя степную равнину, въ одинъ уровень съ материкомъ, подходящимъ въ этомъ мѣстѣ къ обоимъ берегамъ Днѣпра; въ сѣверовосточной же оконечности острова, такъ называемой Высшей-Головы, въ лѣвомъ берегу Хортицы, есть естественная пещера, правильнѣе гротъ,

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 487.

носящая названіе Зміевой. Пещера эта возвышается отъ воды въ Днѣпрѣ, при среднемъ уровнѣ ея, болѣе чѣмъ на полторы сажени; внутри представляетъ изъ себя углубленіе, на подобіе узкаго корридора, длины болѣе трехъ аршинъ, высоты двѣ сажени, ширины около двухъ аршинъ; ниже пещеры идетъ глубокая яма, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, по всему своему основанію усыпанная пескомъ и набитая колючей травкой „якирьцями“. Свое названіе пещера, по преданію, получила отъ змія, жившаго здѣсь при запорожскихъ козакахъ. „Онъ никого не трогалъ, и козаки не боялись его. Бывало, разсказываютъ, ночью змій тотъ какъ засіяетъ—какъ засіяетъ, то такъ и освѣтитъ Днѣпръ. Говорятъ, онъ и не каждую ночь показывался, а такъ въ мѣсяцъ разъ, или недѣли въ три разъ, и все около пещеры, которую мы и теперь называемъ Зміевой“ [1]).

Берега острова Хортицы изрѣзаны двѣнадцатью балками, получившими свои названія частію еще отъ запорожцевъ, частію-же отъ теперешнихъ обитателей его, нѣмцевъ-колонистовъ. Таковы: Музычина, Наумова, Громушина, Генералка, Широкая, Корнетовская, Корніева, Липовая, Сапожникова, Шанцевая, Дубовая, Совутина, изъ коихъ послѣдняя получила свое названіе отъ запорожца Совуты, жившаго въ пещерѣ балки и выходившаго на свѣтъ божій, подобно совѣ, только по ночамъ. Между балками по берегамъ острова есть нѣсколько огромныхъ гранитныхъ скалъ, изъ коихъ особенно замѣчательны Думна и Вошина скели. Преданіе объясняетъ, что на первую запорожцы влѣзали для своихъ думъ [2]), а на вторую забиралась запорожская „голота“, чтобы бить на ней въ своихъ штанахъ вшей. Кромѣ балокъ и скалъ противъ сѣверозападной окраины острова Хортицы замѣчательно еще урочище Царская пристань: въ 1739 году здѣсь построена была „отъ россіянъ запорожская верфь“, а въ 1790 году здѣсь останавливались „царскіе“ плоты съ разнымъ лѣсомъ, посылавшимся отъ русскаго правительства нѣмцамъ-колонистамъ во время ихъ

---

[1]) Екатеринославскаія губернскія вѣдомости, 1889 года, 8 апрѣля.

[2]) Въ настоящее время у нѣмцевъ она называется Мартыновой, отъ нѣмца Мартына.

переселенія въ бывшія запорожскія земли; въ 1796 году здѣсь заложена была адмираломъ де-Рибасомъ екатеринославско-днѣпровская верфь для сооруженія судовъ, имѣвшихъ перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь. По всему этому пристань и получила названіе Царской [1]).

Отъ пребыванія на островѣ Хортицѣ запорожскихъ козаковъ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, сохранились въ настоящее время четыре кладбища въ сѣверозападной части острова; но точно ли указываемыя преданіемъ кладбища относятся ко времени запорожскихъ козаковъ, этого, безъ основательной раскопки ихъ, съ положительностью утверждать нельзя. Кромѣ четырехъ кладбищъ на островѣ Большой Хортицѣ сохранились еще земляныя укрѣпленія, временъ Миниха, называемыя мѣстными нѣмцами „Schanzengraben“, которыя занимаютъ большое пространство въ сѣверной оконечности острова и тянутся по самой срединѣ его и состоятъ изъ 20 траншей и 21 редута, въ коихъ каждая сторона равняется шести саженямъ длины.

Что касается острова Малой-Хортицы, то она, по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была гораздо меньше, нежели въ настоящее время и представляла собой скалу съ укрѣпленіями. Отъ праваго берега, Днѣпра шелъ „тиховодъ“, заливавшійся въ устье балочки, что противъ острова. Этотъ „тиховодъ“ служилъ пристанью для запорожскихъ козаковъ, куда они заводили свои байдаки; одно время здѣсь ставили и царскія суда. Если покопать землю, то тамъ можно и въ настоящее время найти остатки запорожскихъ и царскихъ суденъ, а изъ воды можно достать ружья, сабли, разнаго рода желѣзо [2]). Малая-Хортица находится въ такъ называемомъ Рѣчищѣ или Старомъ Днѣпрѣ, на двѣ съ половиной версты ниже сѣверозападнаго угла Большой Хортицы, въ одной верстѣ отъ Царской пристани, и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой, давшимъ поводъ адмиралу Пущину назвать въ

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 67; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 438; Брунъ, Черноморье, Одесса 1880, II, 865.

[2]) Подробности объ укрѣпленіяхъ на островѣ Хортицѣ см. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, 1, 217, 232.

1786 году и самый островъ Вырвой. По своему положенію онъ дѣлится на двѣ половины: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, недавняго сравнительно происхожденія, и возвышенную, на востокѣ, поросшую травой. Всей земли подъ Малой-Хортицей 12 десятинъ и 1,200 квадратныхъ саженъ. Западный и южный края острова отлоги, восточный и уголъ сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны, до семи саженъ высоты отъ уровня воды при средней ея нормѣ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія вдоль сѣверной, южной и западной окраинъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпанными около нихъ валами, отъ двухъ до трехъ саженъ высоты. Въ общемъ укрѣпленія Малой-Хортицы имѣютъ видъ подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная пятьдесятъ шесть саженъ съ пропускомъ, въ три сажени, для въѣзда; внутри укрѣпленій выкопаны двадцать пять ямъ, по которымъ въ настоящее время ростутъ грушевыя деревья. По опредѣленію спеціалистовъ военнаго дѣла, укрѣпленія Малой-Хортицы представляютъ изъ себя такъ-называемый реданъ съ флагами, закрытой горжей и траверсами, направленный вверхъ и внизъ противъ теченія для защиты Днѣпра; по внѣшнему виду онъ дѣйствительно похожъ на „замокъ“ или „городъ“, какъ его называютъ Эрихъ Ласота и русскія лѣтописи.

Обѣ Хортицы, Большая и Малая, послѣ паденія запорожской Сичи, дарованы были въ 1789 году нѣмецкимъ выходцамъ изъ Данцига; въ то время, какъ и теперь, ихъ было 18 хозяевъ, т. е. земельныхъ собственниковъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что у нѣмцевъ—колонистовъ, по закону майората, послѣ смерти отца вся земля поступаетъ старшему его сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, нажитымъ отцомъ; если-же отецъ желаетъ обезпечить и другихъ своихъ сыновей землей, то онъ пріобрѣтаетъ ее для нихъ на сторонѣ. Оттого на островѣ Хортицѣ считалось въ 1789 году 18 хозяевъ, считается столько же и въ настоящее время.

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, 1, 217.

Въ настоящее время какъ на самыхъ островахъ, Большой и Малой Хортицѣ, такъ и въ рѣкѣ Днѣпрѣ около нихъ находятъ разные предметы древности, оставшіеся отъ запорожскихъ козаковъ. Одинъ разъ какъ-то въ Старомъ-Днѣпрѣ, противъ колоніи Канцеровки, найдено было семнадцать длинныхъ, хорошо сколоченныхъ, лодокъ; въ другой разъ въ Новомъ-Днѣпрѣ, ниже Совутиной скели, найдено было цѣлое судно, нагруженное пулями и ядрами, а противъ устья балки Куцой въ Старомъ-Днѣпрѣ найдено было другое судно съ уцѣлѣвшею на немъ пушкою; въ томъ-же Старомъ-Днѣпрѣ открыли третье судно и въ немъ нашли небольшую, кривую, поржавленную, съ отдѣланною въ серебро ручкою саблю. Но всѣ эти суда какъ были, такъ и остались въ водѣ и по настоящее время. На самыхъ островахъ въ разное время находили мѣдныя и желѣзныя пушки, ядра, бомбы, пули, свинецъ, особенно послѣ дождя и вѣтра: „Тогда охотникамъ не нужно было покупать свинцу, а нужно было только выждать, пока пройдетъ дождь да поднимется вѣтеръ; послѣ того идти и собирай, сколько угодно“. Находили также ружья, кинжалы, кольчуги, разнаго рода металлическіе стрѣлки, замки, пуговицы, бляхи, кувшины, всевозможныя монеты, человѣческіе съ остатками одежды и пробитыми отъ стрѣлъ черепами скелеты; а на одномъ островѣ, противъ Кичкаса, теперь смытомъ водой, и на большихъ скалахъ Столбахъ, нашли какъ-то цѣлые склады оружій. „Прежде на Хортицѣ, разсказываютъ древніе старики-нѣмцы, можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые каждодневно навѣщаютъ для этого нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ [1]), гдѣ ихъ плавятъ и потомъ изъ нихъ выливаютъ разныя новыя вещи. Ядра и бомбы подбираютъ русскія бабы: онѣ идутъ у нихъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите ли въ старые годы Днѣпръ былъ уже, чѣмъ теперь, и шелъ онъ

---

[1]) Фабрика земледѣльческихъ орудій Леппа, въ семи верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Верхней-Хортицѣ, Екатеринос лавскаго уѣзда.

ближе къ Вознесенкѣ [1]), нежели къ острову; оттого Хортица была шире; но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Вознесенки, и подаваться направо, ближе къ острову, сталъ размывать его, выносить изъ него разныя вещи... Въ старину, бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только и не увидишь: тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песку ребра, проросшія высокой травой и отъ времени и воздуха сдѣлавшіяся, какъ воскъ желтыми. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы сварить что-нибудь или спечь—наткнешься, на гвоздь или кусокъ желѣза; захочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклоняешься, смотришь—черепъ человѣческій, прогнившій, съ дырками, сквозь который трава повыросла, а на травѣ цвѣты закраснѣлись; нужно тебѣ спрятаться отъ кого-нибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда и натыкаешься на большой мѣдный казанъ, или черепяную чашку, или еще что-нибудь въ этомъ же родѣ“ [2]).

Островъ Томаковка, могъ быть названъ, по одному объясненію, отъ татарскаго слова „тумакъ“ т. е. шапка, потому что въ общемъ, по своему очертанію, онъ имѣетъ большое сходство съ шапкой; по другому объясненію, отъ слова „тамакъ“—горло, устье, потому что стоитъ при устьѣ нѣсколькихърѣчекъ. Другія его названія—островъ Бучки, Буцкій, Днѣпровскій и Городище. Въ старину, по разсказамъ старожиловъ, онъ былъ покрытъ огромнымъ лѣсомъ; по окраинамъ его росли высокія груши, а на самой срединѣ „гойдався высокій-превысокій дубъ“. Эти разсказы совершенно совпадаютъ съ свидѣтельствомъ Боплана. Положеніе острова Томаковки въ стратегическомъ отношеніи весьма удобно: онъ стоитъ среди низменной плавни и со всѣхъ сторонъ охватывается рѣками и рѣчками. Съ юга и юго-запада къ нему подходитъ Рѣчище, которое взялось изъ правой вѣтки Днѣпра, Бугая, подъ селомъ Гологрушевкою, и течетъ отъ востока къ западу на протяженіи десяти верстъ, концомъ своего теченія касается острова Томаковки и потомъ па-

---

[1]) Село на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ острова Хортицы.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, 241—244.

даетъ ниже острова въ Чернышовскій лиманъ. Съ востока надъ островомъ извивается рѣка Ревунъ, которая отдѣляется отъ Рѣчища у юговосточнаго угла острова, идетъ вдоль восточнаго берега острова, слѣва принимаетъ въ себя рѣчку Ревунча, до четырехъ саженъ ширины; затѣмъ, дойдя до средины острова, самъ Ревунъ раздѣляется на двѣ вѣтви: главная вѣтвь, съ тѣмъ-же названіемъ Ревуна, идетъ далѣе на сѣверъ вдоль самаго острова; другая направляется вправо плавнями и принимаетъ здѣсь названіе Быстрика или Ревунца; отойдя немного къ востоку отъ острова, этотъ Быстрикъ или Ревунецъ принимаетъ въ себя степную рѣчку Томаковку, которая, взявшись далеко сѣвернѣе острова, пробѣгаетъ степью шестьдесятъ верстъ черезъ земли крестьянъ и различныхъ владѣльцевъ и подъ конецъ соединяется съ Быстрикомъ противъ сѣверной окраины острова, подъ выселкомъ отъ села Чернышовки, Матней, у самаго двора крестьянина Ивана Николаевича Пшеничнаго. Съ сѣвера вдоль острова Томаковки идутъ тотъ-же Быстрикъ, принимающій въ себя рѣчку Томаковку и опять соединяющійся съ вѣткой Ревуномъ, и тотъ-же Ревунъ, выходящій изъ Рѣчища. Съ запада къ Томаковкѣ примыкаетъ большой лиманъ Чернышовскій, принимающій въ себя съ одной стороны, при посредствѣ Гнилой, вѣтку Ревунъ, а съ другой вѣтку Рѣчище. Ко всему этому, между означеныими рѣчками и островомъ, къ Томаковкѣ примыкаютъ еще три большія озера: Соломчино, на югѣ, Калиноватое, на юговостокѣ, и Спичино, на сѣверѣ.

Рѣчки и вѣтки, охватывающія островъ Томаковку, особенно Рѣчище, и довольно глубоки, и достаточно широки даже въ настоящее время: по Рѣчищу могутъ свободно ходить небольшія суда, а въ полую воду и суда большихъ размѣровъ. По наблюденіямъ старожиловъ, въ прежнее время всѣ рѣчки были уже, чѣмъ теперь, но зато несравненно глубже и быстрѣе, нежели въ настоящее время: „теперь онѣ позанесены иломъ да позамулены“. Самый островъ съ южной стороны, тамъ гдѣ къ нему подходитъ Рѣчище, представляется въ настоящее время пустыннымъ и голымъ: берега его отвѣсны, обрывисты, обнажены и состоятъ изъ красной глины, ежегодно на большое про-

странство обрушивающейся въ рѣку послѣ полой воды. Здѣсь наибольшая высота острова—семь саженъ. Съ восточной стороны берегъ острова постепенно понижается, мало-по малу переходитъ въ отлогій, покрытый степной травой и окаймленный цѣлой аллеей дикихъ грушъ; почти на самой срединѣ восточнаго берега въ островъ вдается небольшой загибъ, на подобіе искусственно вырѣзаннаго серпа луны. Здѣсь почва острова черноземна, весьма удобна для посѣва хлѣба. Отъ средины острова восточный берегъ становится совершенно обнаженнымъ и только въ самомъ концѣ, къ сѣверовостоку, постепенно покрывается грушевыми деревьями, зато здѣсь-же обнаруживаются известковые камни. Съ сѣверной стороны весь берегъ острова отлогъ, покрытъ степной и болотистой травой, по мѣстамъ окаймленъ грушами. Съ западной стороны берегъ острова также отлогъ, покрытъ травой, грушами, вербами, кое-гдѣ обнаруживаетъ пни тополей, вишенъ и терновника, а въ нижнемъ концѣ своемъ представляетъ изъ себя богатыя залежи известняка съ морскими ракушками очень большого калибера. Къ двумъ берегамъ острова Томаковки, восточному и южному, примыкаютъ обширныя плавни, идущія до самаго Днѣпра на семь верстъ, покрытыя густой травой—„кукотиной", поросшія толстыми вербами, осокорями, шелковицей, густою лозой, и въ весеннее время сплошь заливаемыя водой.

Вся окружность острова Томаковки равняется шести верстамъ, а вся площадь ея—тремъ стамъ пятидесяти десятинамъ. Поверхность острова, кромѣ описанныхъ окраинъ, лишена всякой растительности, какъ древесной, такъ и травяной, что происходитъ отъ вкоренившагося обычая крестьянъ села Чернышовки вывозить для пастьбы на островъ Томаковку свой скотъ—лошадей, коровъ, свиней—и оставлять ихъ здѣсь безъ всякаго призора на все лѣто, предоставляя имъ самимъ бродить до самой осени по острову и истреблять всякую на немъ растительность до основанія. Оттого здѣсь зачастую можно встрѣтить такую тощую свинью, которая представляетъ изъ себя нѣчто подобное двумъ доскамъ, сложеннымъ вмѣстѣ; мѣстные старики о такой свиньѣ говорятъ, что она вовсе разучилась ѣсть: „Бросьте ей кусокъ хлѣба, она съѣстъ, но непремѣнно.

здохнетъ, потому что не привыкла ѣсть; по временамъ она только чавкаетъ, чтобъ не забыть вовсе, какъ ѣдятъ".

Слѣды пребыванія запорожскихъ козаковъ на островѣ Томаковкѣ сохранились и по настоящее время, въ видѣ небольшаго укрѣпленія, расположеннаго у южной окраины его, формы правильнаго редута. Редутъ этотъ состоитъ собственно изъ трехъ траншей: восточной, 49 саженъ длины; западной, 29 саженъ длины, и сѣверной, 95 саженъ длины, со входомъ въ послѣдней на 45-ой сажени, считая по направленію отъ востока къ западу; вмѣсто южной траншеи служитъ берегъ самаго острова; южные концы восточной и западной траншеи, отъ дѣйствія весеннихъ водъ, обратились уже въ глубокіе обрывы, но верхніе концы этихъ траншей сохранились вполнѣ; по нимъ ростутъ столѣтнія дикія груши; такія-же груши ростутъ по сѣверной траншеѣ, вдоль всего ея протяженія. Наибольшая высота каждой изъ траншей—три съ половиной сажени. Центръ всего укрѣпленія взволнованъ небольшими холмиками и изрытъ ямами; послѣднія—дѣло рукъ кладоискателей, которые ищутъ какого-то огромнаго клада, зарытаго будто бы на островѣ Томаковкѣ. Кромѣ того, въ сѣверовосточномъ углу укрѣпленія есть пять небольшихъ могилокъ, въ которыхъ погребена семья крестьянина Ѳеодора Степановича Заброды, жившаго на островѣ Томаковкѣ, въ качествѣ лѣснаго сторожа казенныхъ плавенъ, болѣе 25 лѣтъ.

Близъ укрѣпленія находятся различнаго рода запорожскіе пережитки—рыболовные крючки, желѣзные гвозди, разная металлическая и глиняная посуда, мелкія серебряныя монеты, чугунныя и оловянныя пули и т. п. Отъ запорожскаго укрѣпленія надо отличать незначительный земляной квадратъ, въ югозападной окраинѣ острова, сдѣланный для питомника молодыхъ деревьевъ и для стоговъ сѣна названнымъ крестьяниномъ Забродою. Кромѣ укрѣпленія, отъ запорожскихъ козаковъ на островѣ Томаковкѣ сохранилось еще кладбище, находящееся близъ восточной окраины острова, за большимъ курганомъ, стоящимъ почти въ центрѣ острова. Еще не такъ давно, въ 1872 году, одинъ изъ любителей старины, протоіерей мѣстечка Никополя, Іоаннъ Карелинъ, видѣлъ на островѣ Томаковкѣ кладбище съ

нагробными песчаниковыми крестами, на которыхъ сдѣланы были надписи, указывавшія на сокрытыхъ подъ -ними запорожцевъ [1]). Въ настоящее время ни одинъ изъ этихъ крестовъ не уцѣлѣлъ: всѣ они разобраны крестьянами для фундаментовъ подъ дома и амбары. Наконецъ, въ южной оконечности острова Томаковки, почти противъ самой средины ея, указываютъ еще на лехъ, т. е. погребъ, выкопанный будто бы также запорожскими козаками. По словамъ старожиловъ, лехъ имѣлъ болѣе трехъ саженъ длины, начинался отъ вѣтки Рѣчища и шелъ далеко вверхъ. Въ настоящее время онъ находится въ срединѣ обвала, занимающаго цѣлую квадратную десятину земли у южной оконечности острова и образовавшагося отъ дѣйствія весеннихъ водъ, которыя, просасываясь въ глубину земли, дѣлали въ ней рвы и обваливали ее. Пролѣзть въ этотъ лехъ нѣтъ никакой возможности за множествомъ змѣй, которыя водятся здѣсь. Особенное множество бываетъ ихъ тутъ весной: тогда однѣ изъ нихъ висятъ надъ пещерой, другія выглядываютъ изъ боковъ, а третьи ползаютъ и извиваются по дну ея. „Тутъ этой погани и не пройдешь: съ гадюкою и ѣшь, съ гадюкой и пьешь, съ гадюкою и спишь. Вотъ это ляжетъ пастушекъ, или кто тамъ другой на островѣ спать, а она, подлая, уже и подобралась подъ человѣка и спитъ съ нимъ,—одной, проклятой, видишь-ли, холодно лежать; въ прежнія времена онѣ кишма кишѣли на островѣ; какъ настанетъ, бывало, пора косить траву, то прежде всего косари берутся за колья, чтобы выбить гадюкъ, а потомъ уже косятъ траву„ [2])

Бывшая Микитинская Сичь въ 1667 году, по договору поляковъ съ русскими, въ Андрусовѣ именуется перевозомъ [3]); въ 1668 году она называется пустою, старою Сичею запорожскою, „на томъ (правомъ) боку бывшею“ [4]); съ 1734 года Микитино сдѣлалось уже селомъ; въ 1753 году въ оффиціальныхъ актахъ оно называлось

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 448.
2) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 292.
3) Записки одесскаго общества ист. и древ., VI, 525.
4) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 62.

Микитинской заставой [1]). Въ это время въ Микитинской заставѣ, кромѣ коренныхъ жителей, имѣли мѣстопребываніе и должностныя отъ Сичи лица: шафарь и подшафарій, писарь и подписарій, которые отбирали у проѣзжавшихъ людей черезъ Микитинскую переправу деньги, доставляли ихъ въ общую войсковую скарбницу и вели о томъ приходо-расходныя книги. Здѣсь-же была таможня, содержались караульные козаки, пограничный коммисаръ отъ московскаго правительства для разбора споровъ между запорожцами съ одной и татарами съ другой стороны. Сверхъ того, въ Микитинѣ жилъ толмачъ или переводчикъ, знавшій, кромѣ русскаго и малорусскаго языковъ, турецкій и татарскій и снабжавшій всѣхъ, ѣхавшихъ въ Крымъ и далѣе за-границу, билетами на турецкомъ и татарскомъ языкахъ.

Впрочемъ, какова бы ни была роль Микитина, но оно, какъ селеніе, было въ то время и далеко нелюдно, и далеко небогато: въ немъ считалось всего лишь до 40 хатъ семейныхъ жителей [2]) и до 150 должностныхъ козаковъ, кромѣ причислявшихся къ нему 300 зимовниковъ, находившихся въ степи. Въ такомъ видѣ и оставалось Микитино до 1775 года, того роковаго въ исторіи Запорожья года, когда козаки, потерявъ свое политическое бытіе, частію ушли къ туркамъ, частію-же остались на родинѣ и наполнили собой разныя села семейныхъ запорожцевъ, жившихъ по отдаленнымъ отъ Сичи зимовникамъ. Тогда-то и Микитино возросло въ своей численности. Въ 1764 году оно вошло въ составъ селъ учрежденной тогда Новороссійской губерніи; въ 1778 году [3]), по волѣ князя Григорія Потемкина, въ то время всесильнаго новороссійсскаго генералъ-губернатора, Микитино было переименовано изъ мѣстечка въ уѣздный городъ Никополь (отъ греческихъ словъ „Νικάω“ и „πόλις“, т. е. городъ побѣды), но спустя годъ, изъ уѣзд-

---

1) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 64, 68, 70.

2) По другимъ свѣдѣніямъ „до 20 жилыхъ запорожскихъ избъ“. Записки одесскаго общества исторіи и древиостей, VII, 175.

3) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова; по другимъ свѣдѣніямъ Никополь объявленъ былъ городомъ въ 1782 году: Записки одес. общ. исторіи и древностей, IX, 524 и далѣе.

наго города вновь обращено въ мѣстечко, какимъ остается и до сихъ поръ.

Въ настоящее время Никополь—торговое, промышленное и довольно многолюдное мѣстечко (болѣе 2.000 жителей), имѣющее пять школъ, почтовое отдѣленіе, телеграфную станцію, аптеку, четыре церкви и болѣе сотни большихъ лавокъ. Оно раздѣляется на концы—Микитинку, Долголевку, Лапинку,—и среднюю часть, собственно Никополь.

Первая церковь въ Микитинѣ, какъ мы видѣли, существовала уже въ 1648 году, но это была походная церковь [1]). Въ 1748 году, въ Микитинѣ у запорожскихъ козаковъ существовала уже постоянная деревянная церковь, но она скоро была уничтожена пожаромъ. Тогда запорожцы соорудили вмѣсто сгорѣвшей новую церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы, также деревянную съ одною „банею“, т. е. куполомъ, по примѣру „крыжовой“ или католической церкви, съ иконостасомъ, „увязаннымъ на полотнѣ“. Когда построена была въ Микитинѣ эта вторая церковь—неизвѣстно; но въ 1774 году она называлась „изрядною“ деревянною церковью, а въ 1777 году считалась уже обветшавшей и въ ней „хотя сего 1777 года, января 23 дня, по опредѣленію словенской консисторіи, преосвященнымъ Евгеніемъ, архіепископомъ словенскимъ подтвержденному, и опредѣленъ былъ священникъ Петръ Рассевскій, но нынѣ означенная Никитская свято-Покровская церковь остается безъ священниковъ праздною [2])“.

Въ 1796 году вмѣсто третьей обветшалой церкви въ Микитинѣ построена была четвертая, также деревянная, съ такою-же колокольней, придѣланной къ ней въ 1806 году. Въ 1858 году въ Никополѣ построена и другая церковь, каменная, съ каменною-же колокольней, пристроенной въ 1856.

Въ настоящее время въ мѣстечкѣ Никополѣ отъ бывшей запорожской Сичи не осталось никакого слѣда. Не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во время сильнаго раз-

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтописъ событій, Кіевъ, 1848, I, 52, 74.

[2]) Θеодосій, Матеріалы для историко-статистическаго опис., Екатеринославъ, 1880, I, 64; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 524; VII. 175.

лива полой воды, мѣсто Сичи, все ея кладбище и стоявшая на ней часовенка отрѣзаны были отъ берега водой и унесены внизъ по теченію Днѣпра, самая-же рѣчка Подпильная, на которой стояла Сичь, размыта была сильнымъ напоромъ воды и, годъ отъ году расширяясь, превратилась въ широкую рѣку Орлову, которую теперь принимаютъ многіе за настоящій Днѣпръ, по которой идутъ въ лѣтнее время пароходы и которая течетъ какъ разъ по-надъ самымъ Никополемъ [1]). Оттого мѣсто бывшей Микитинской Сичи можно возстановить только по разсказамъ старожиловъ. Изъ этихъ разсказовъ видно, что Сичь и при ней кладбище находились ровно на 350 саженъ ниже теперешней пароходной пристани Никополя, у праваго берега Днѣпра, противъ того мѣста, гдѣ теперь стоятъ въ немъ водяныя мельницы, иначе говоря, противъ двора крестьянина Василія Ходарина, живущаго почти у самаго берега рѣки. На мѣстѣ запорожской церкви стояла, еще не такъ давно, деревянная часовенка, высоты въ четыре сажени и кругомъ въ одну сажень. Ниже часовенки шла черезъ Днѣпръ старая козацкая переправа, извѣстная у запорожцевъ подъ именемъ Микитинской. Въ этомъ-же мѣстѣ изъ Днѣпра просачивалась небольшая вѣтка Подпильная. Возлѣ церкви было кладбище, занимавшее въ длину до 70, въ ширину до 100 саженъ и помѣщавшееся по теперешнему противъ двора крестьянина Ѳедора Рыбакова. Но все это, отъ напора весенней воды въ 1846 году, пошло внизъ по теченію Днѣпра. Самый берегъ рѣки Днѣпра, ежегодно обрушивающійся въ воду, обнажаетъ цѣлыя кучи козацкихъ костей, валяющихся въ небреженіи по песку; тутъ-же часто торчатъ полусгнившіе дубовые гробы, скрывающіе въ себѣ одни жалкіе остовы нѣкогда доблестныхъ и неустрашимыхъ рыцарей, низовыхъ козаковъ; между скелетами часто попадаются мѣдные крестики, иконки, пуговицы, кольца, а иногда и штофы, наполненные „оковытою“, безъ которой запорожецъ не могъ, очевидно, обойтись и на томъ свѣтѣ.

Отъ прошлыхъ временъ въ Никополѣ сохранились земляныя укрѣпленія, въ видѣ валовъ и рвовъ, находящіяся

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 524.

близъ кладбищенской церкви, верстъ на пять отъ Днѣпра, по направленію къ югозападу. Они начинаются, съ южной стороны, у двора крестьянина Никиты Петренка, идутъ вдоль дворовъ крестьянъ Павла Сидоренка, затѣмъ Семена Гребенника, Ѳедора Вязового и Григорія Дорошенка; отсюда до вѣтряныхъ мельницъ имѣютъ пропускъ для въѣзда и потомъ снова начинаются отъ вѣтренки крестьянина Дмитрія Хрипуна, поворачиваютъ къ востоку и идутъ въ огородъ караима Мардохая Бабаджана, далѣе тянутся черезъ загонъ Ивана Бабушкина, огородъ Прокофія Демуры, дворъ Ѳедора Безриднаго и ниже послѣдняго теряются. Въ общемъ эти укрѣпленія имѣютъ видъ правильнаго круга и обнимаютъ собой очень большое пространство земли, въ 750 саженъ длины и 500 саженъ ширины, захватывая собой всю базарную площадь Никополя и довольно большое число крестьянскихъ дворовъ. Трудно сказать съ полною точностью, къ какому времени относятся данныя укрѣпленія; но едва-ли они насыпаны жолнерами польскаго гетмана Потоцкаго, для наблюденія за дѣйствіями козаковъ, во время пребыванія ихъ въ Микитинской Сичи, какъ думаетъ Карелинъ [1]). Это предположеніе не имѣетъ полнаго основанія, такъ какъ гетманъ Потоцкій, отправляя за Хмельницкимъ легкій отрядъ („залогу“) въ 800 человѣкъ къ Микитинской Сичи, вовсе не имѣлъ цѣлью устраивать лагерь противъ Сичи, а только изловить бѣглеца и доставить его въ Польшу; тѣмъ болѣе что Хмельницкій, узнавъ о высылкѣ этого отряда, оставилъ Сичь и спустился ниже къ лиману; отрядъ послѣдовалъ за нимъ, но потомъ, убѣжденный самимъ-же Хмельницкимъ, перешелъ въ его сторону [2]). Такимъ образомъ, здѣсь не было ни времени, ни возможности гетману Потоцкому сооружать земляныхъ укрѣпленій; да и странно допустить мысль, чтобы запорожскіе козаки позволили полякамъ насыпать крѣпость всего лишь на разстояніи какихъ-нибудь пяти верстъ отъ самой столицы ихъ вольностей, Сичи. Остается согласиться съ свидѣтельствомъ князя Мышецкаго, который говоритъ, что

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 525.

[2]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, С.-Петербургъ, 1884, I,252.

имѣющійся у Микитина ретраншементъ сдѣланъ отъ россіянъ въ прежніе годы, какъ хаживали Крымъ воевать [1]).

Отъ времени запорожскихъ козаковъ въ Никополѣ уцѣлѣло нѣсколько вещественныхъ памятниковъ, въ видѣ построекъ, вещей церковнаго и домашняго обихода, письменныхъ документовъ. Изъ построекъ интересны два запорожскихъ домика, одинъ, сооруженный въ 1746 году „стараніемъ Максима Калниболотскаго“, теперь собственность еврея Тиссена; другой, сдѣланный въ 1751 году „рабами божіими куреннымъ атаманомъ Онуфріемъ Назаровичемъ и Гавриломъ Игнатовичемъ“, собственность Ксеніи Панченковой; затѣмъ одинъ запорожскій курень, съ надписью, „Построинъ курѣнь полтавскій, 1763 года іюня 6 дня“: собственность Анны Степановны Гончаровой. Домики перенесены въ Никополь изъ села Покровскаго, гдѣ была послѣдняя Сичь, а курень построенъ былъ, по преданію, въ самомъ Никополѣ. Изъ другихъ вещей запорожскихъ интересны—мѣдная пушка, стоявшая до 1888 года въ оградѣ соборной церкви, и желѣзный крестъ съ той церкви, въ которой, по преданію, молился Богданъ Хмельницкій; въ самой церкви—икона креста съ частицею Животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель, отдѣланная серебряною „шатою“ въ 1747 году коштомъ кошевого атамана Павла Козелецкаго; четыре хоругви съ различными изображеніями; пять иконъ, изъ коихъ икона Николая, сооруженная козакомъ Антономъ Супою, икона Варвары, написанная трудами Михаила Рѣшетняка, иконы Спасителя и Богоматери въ серебряныхъ шатахъ, по семь съ половиной четвертей высоты и по пяти четвертей ширины, стоявшія на хорахъ церкви, гдѣ существовалъ особый престолъ, во имя чудотворца Николая, и бывшія здѣсь мѣстными иконами; икона съ изображеніемъ Богоматери, святителя Николая, архангела Михаила и цѣлой группы молящихся запорожцевъ съ атаманомъ во главѣ; послѣдніе представлены въ ихъ натуральномъ костюмѣ и при оружіи, съ открытыми безъ шапокъ головами и длинными на головахъ „оселядцами“. По преданію, здѣсь представленъ кошевой атаманъ Петръ Ива-

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 10, 69.

новичъ Калнишевскій съ товариществомъ, обращающійся съ молитвой къ Богоматери о защитѣ козаковъ въ виду грозившей имъ бѣды отъ Москвы, наканунѣ паденія Запорожья; оттого изъ устъ атамана къ уху Богоматери протянута молитва: „Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла“; на что Богоматерь, склонивши свое ухо къ запорожцамъ, отвѣчаетъ: „Избавлю и покрыю люди моя“. Далѣе сохранился небольшой кипарисовый въ серебряной оправѣ напрестольный крестъ, пожертвованный козакомъ Лавриномъ Горбомъ; великолѣпное, въ серебряномъ окладѣ, по малиновому бархату, евангеліе, московской печати, вѣсомъ безъ трехъ фунтовъ два пуда; плащаница изъ краснаго по краямъ и чернаго по срединѣ бархата, съ тѣломъ Спасителя, кованнаго серебра, пожертвованная въ 1756 году козакомъ тимошевскаго куреня Иваномъ Гаркушею, цѣнностью въ 1200 рублей; двѣ ризы, одна изъ сплошной золотой парчи, кромѣ серебрянаго оплечья, съ изображеніемъ Покрова Богоматери, стоимостью въ 1000 рублей; другая изъ красной парчи, кромѣ оплечья изъ зеленаго бархата съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія, стоимостью въ 700 рублей; безподобный, единственный въ своемъ родѣ и потому безцѣнный аналой, сдѣланный изъ арабскаго дерева „абоносъ“ (т. е. чернаго дерева), отдѣланный черепахою, слоновою костью, перламутромъ, сверху стянутый буйволовой кожей и оканчивающійся на концахъ вверху двумя змѣиными головками; по преданію, онъ достался запорожцамъ отъ цареградскаго патріарха въ то время, когда они были подъ властью турокъ въ періодъ времени отъ 1709 по 1734 годъ, и когда лишены были, за переходъ на сторону шведскаго короля Карла XII, возможности сообщаться съ русскою православною церковью и потому получали себѣ священниковъ изъ Константинополя. Затѣмъ сохранились еще два серебряныхъ подсвѣчника съ надписью: „Чистаго серебра 4 ф., 79 зол.“ „Чистаго серебра 4 ф. 68 зол.“ Кромѣ того двѣ серебряныя вызлощенныя кружки, одна вмѣстимостью до четырехъ стакановъ, по преданію принадлежавшая кошевому атаману Ивану Дмитріевичу Сирку; другая, нѣсколько меньше, съ шестью вставленными въ нее саксонскими монетами, 1592—1985

годовъ, и съ именами Христіана, Іоганна, Георга и Августа, добытая, по преданію, запорожскими козаками у саксонскаго генералъ-маіора Вейсенбаха въ 1746 году, когда запорожцы посланы были въ Польшу для поимки гайдамакъ. Сохранились еще два портрета, писанные съ живыхъ запорожцевъ, братьевъ Якова и Ивана Шіяновъ, бывшихъ послѣ паденія Сичи ктиторами въ церкви Никополя и до самой смерти ходившихъ въ запорожскомъ одѣяніи. Наконецъ, уцѣлѣли: золотая медаль, данная за храбрые подвиги въ 1788 году при Очаковѣ запорожскому полковнику Коленку; шелковый, зеленаго цвѣта, запорожскій поясъ, пять съ половиной аршинъ длины; небольшой желѣзный молотокъ съ выбитымъ на немъ 1751 годомъ и росписка кіевскаго архіепископа Рафаила, 1740 года, о посланной въ Сичь, къ церкви Покрова пресвятой Богородицы, церковно-богослужебной книги, служебника [1]).

На мѣстѣ бывшей Чертомлыцкой Сичи въ настоящее время стоитъ часть деревни Капуливки, какъ ее называютъ крестьяне, или Капыловки, какъ ее именуютъ оффиціально, Екатеринославской губерніи и уѣзда. Она отстоитъ отъ мѣстечка Никополя, бывшей Микитинской Сичи, ровно на 20 верстъ и приписана къ селу Покровскому, мѣсту бывшей послѣдней Сичи. Изъ Никополя въ Капуливку ведетъ старый запорожскій шляхъ, начинающійся тотъ-же часъ за Никополемъ и оканчивающійся почти у самой деревни. Это превосходная, гладкая и совершенно открытая дорога, съ правой стороны окаймленная цѣпью, слѣдующихъ одинъ за другимъ, на разстояніи около четверти версты, высокихъ кургановъ, а съ лѣвой охваченная широкой рѣкой Днѣпромъ съ его вѣтками и заточинами, за которой, по топкимъ болотамъ, тянется густой и высокій лѣсъ, поросшій зеленой травой Цѣпь кургановъ постепенно подается отправа клѣву, а вмѣстѣ съ курганами подается и широкій шляхъ, который подъ конецъ прямо приводитъ къ мѣсту бывшей Чортомлыцкой Сичи. Кромѣ кургановъ, указателями пути въ Чортомлыцкую Сичь служатъ еще такъ называемыя мили, т. е. четырехъ-гранные, вытесанные изъ цѣльнаго

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 44—55.

Запорожскій козакъ изъ „Вооруженія Россіискихъ войскъ“

камня столбы, кверху нѣсколько съуживающіеся, которые ставились здѣсь въ 1787 году, во время проѣзда по Новороссіи императрицы Екатерины II.

На полторы версты выше деревни Капуливки, среди открытой мѣстности, господствующей надъ безграничнымъ пространствомъ степи, стоитъ длинное земляное укрѣпленіе, такъ называемый сомкнутый редутъ съ траверсами внутри. Южная линія этого редута имѣетъ 1,250 саженъ, сѣверная — 780, восточная—380 и западная—700 саженъ. Время сооруженія этого редута правдоподобнѣе всего отнести къ первой половинѣ XVIII вѣка, къ эпохѣ русско-турецкихъ войнъ, согласно указанію князя Мышецкаго, утверждающаго, что на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ была Старая Сѣча, русскими построенъ былъ въ 1738 году редутъ [1]).

Ниже укрѣпленія, уже въ самой деревнѣ Капуливкѣ, въ огородѣ крестьянъ Семена Кваши и Ивана Коваля, уцѣлѣли два каменныхъ креста надъ могилами козаковъ Семена Тарана, умершаго въ 1742 году, и Ѳедора Товстонога, скончавшагося въ 1770 году, 4 ноября [2]); послѣдній былъ атаманомъ щербиновскаго куреня въ 1766 и 1767 годахъ, прославилъ себя на войнѣ 1769 и 1770 годовъ, вернулся съ похода .тяжело раненый и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Кромѣ этихъ двухъ крестовъ сохранились еще кресты козаковъ Данила Борисенка, умершаго въ 1709 году, 4 марта, Семена Ко(=валя), умершаго въ 1728 году, и намогильный камень надъ могилою знаменитаго кошеваго атамана, Ивана Дмитріевича Сирка, умершаго въ 1680 году; послѣдній находится въ огородѣ крестьянина Николая Алексѣевича Мазая и имѣетъ слѣдующую надпись: „*Р. Б. 1680 августа 1 преставися рабъ божъ Іоанъ Сърько Дмитрови атаманъ кошовий войска запорожского за его ц. п. в. Федора Алексѣевича: Память праведнаго со похвалами*“ [3]). Ниже деревни Капуливки, на старомъ или запорожскомъ кладбищѣ, уцѣлѣли еще четыре намогильныхъ креста, подъ коими покоится прахъ козаковъ.

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 69.
[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 67, 68.
[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1888, II, 68.

Со стараго запорожскаго кладбища при деревнѣ Капуливкѣ открывается великолѣпная переспектива на мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сичи. Мѣсто это представляетъ изъ себя небольшой островокъ, утопающій среди роскошной зелени и деревьевъ, точно плавающій среди восьми рѣчекъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ. Но чтобы хорошо разсмотрѣть мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сичи, нужно отъ кладбища спуститься внизъ, пройти небольшое разстояніе по прямой улицѣ, потомъ подъ прямымъ угломъ заворотить направо въ переулокъ и переулкомъ добраться до берега рѣки Подпильной. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза довольно возвышенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлогій, песчаный спускъ къ рѣкѣ, усѣяный множествомъ мелкихъ рѣчныхъ ракушекъ и мѣстами покрытый громадными осокорями и вѣковѣчными вербами. Затѣмъ, ниже спуска, черезъ рѣку, открываются необозримыя сплошныя плавни, мѣстами затопленныя водой, мѣстами покрытыя травой, но въ томъ и въ другомъ случаѣ поросшіе густымъ, преимущественно мягкой породы, лѣсомъ, т. е. осокоремъ, вербой, шелковицей, ивой и шелюгомъ. Съ востока и запада этотъ лѣсъ тянется необозримо длинной полосой, съ сѣвера на югъ онъ простирается на протяженіи 15 верстъ, отъ лѣваго берега Подпильной до праваго берега Днѣпра. Здѣсь-то, въ виду вѣковѣчнаго лѣса, при сліяніи восьми рѣчекъ, стоитъ небольшой, но возвышенный и живописный островокъ, кругомъ окаймленный молодыми деревьями и сверху покрытый высокимъ и непролазнымъ бурьяномъ. На этомъ островѣ была знаменитая Чортомлыцкая Сичь. Мѣстоположеніе острова, при всей его живописности, кажется однакожъ, какимъ-то пустыннымъ, наводящимъ уныніе и тоску на душу человѣка: отъ него вѣетъ чѣмъ-то далекимъ-далекимъ, чѣмъ-то давно и безвозвратно давно минувшимъ. Островъ стоитъ пустыремъ: на немъ нѣтъ и признаковъ человѣческаго жилья,—одинъ вѣтеръ низовой свободно гуляетъ да шевелитъ верхушками высокой травы, а кругомъ тишина, точно на днѣ глубокой могилы... Глядя на этотъ унылый островъ, невольно вспоминаешь то время, когда здѣсь кипѣла жизнь, и какая жизнь? Жизнь во всемъ разгулѣ, во всемъ широкомъ просторѣ: тутъ и бандуры звенѣли, и пѣсни звонко разливались, тутъ-же и ли-

хіе танцоры кружились такимъ вихремъ, отъ котораго пыль поднималась столбомъ, земля звенѣла звономъ... А теперь гробовое безмолвіе, мертвая тишина,—такая тишина, точно въ сказочномъ царствѣ, заколдованномъ темною, страшною и неодолимою силою... Теперь лишь одни жалкіе намеки на то, что когда-то жило здѣсь полною, открытою, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемою жизнью...

На островѣ повсюду, но въ особенности, близъ рѣчки Чортомлыка, видны остатки пережитой жизни: черепки посуды, рвы, канавы, могилы, отдѣльныя кости, полные скелеты людей. По правому берегу Чортомлыка нѣкогда было обширное кладбище, частію скрывшееся теперь подъ деревнею, частію обрушенное весеннимъ теченіемъ рѣчки: Чортомлыкъ, разливая свои воды, ежегодно подмываетъ свой правый берегъ и выноситъ изъ него иногда гробы съ козацкими костьми, иногда цѣлые человѣческіе остовы, чаще же всего съ длинными чубами или безъ чубовъ козацкіе черепа, разное платье, всякаго рода оружіе, оловянныя пули, цѣлые куски свинцу, большіе круги дроту и т. п. Все это валится или на дно рѣки, или остается на берегу ея и тутъ, грустно сказать, попирается ногами проходящихъ людей и животныхъ и нерѣдко смѣшивается съ костьми и мясомъ дохлыхъ лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ. И мѣстнымъ жителямъ нѣтъ никакого дѣла до того, что здѣсь нѣкогда жили великіе защитники Христовой вѣры и русской народности, кровью своею поливавшіе землю, костьми своими засѣвавшіе нивы; нѣтъ между ними такого человѣка, который, собравъ черепа и кости доблестныхъ воиновъ, схоронилъ бы ихъ въ землѣ, какъ святыню... Напротивъ того, находятся такіе, которые и днями и ночами разрываютъ запорожское кладбище, ища въ немъ какихъ-то баснословныхъ кладовъ, будто-бы сокрытыхъ запорожцами въ глубокихъ могилахъ. Тамъ стихія, а тутъ человѣческая жадность къ золоту и мертвымъ не даютъ покоя!..

Самое мѣсто, на которомъ была нѣкогда славная и грозная Чортомлыцкая Сичь, представляется въ настоящее время въ такомъ видѣ. Чортомлыцкій-Рогъ, отдѣленный въ 1709 году отъ материка, превратился теперь въ небольшой островъ, принадлежащій къ имѣнію великаго князя

Михаила Николаевича и стоящій противъ деревни Капуливки, въ двадцати верстахъ отъ Никополя. Весь этотъ островокъ, кромѣ нѣсколькихъ камней у восточнаго берега, состоитъ изъ песку и раздѣленъ на двѣ неравныя половины: возвышенную на сѣверѣ и низменную на югѣ. Первая заключаетъ въ себѣ 1,050 квадратныхъ саженъ, вторая—двѣ десятины и 1,200 квадратныхъ саженъ. Но собственно только сѣверную половину и можно назвать островомъ, такъ какъ она никогда не затопляется водой. Островъ по своимъ окраинамъ имѣетъ неодинаковую высоту: на сѣверѣ онъ возвышенъ, до четырехъ саженъ высоты, на югѣ низокъ, не выше трехъ-четырехъ футовъ отъ уровня воды; сѣверная половина острова крута и окаймлена высокими рѣчными деревьями, южная половина отлога и покрыта болотистой и луговой травой. На возвышенной половинѣ острова отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранились въ настоящее время два рва съ валами и пять ямъ, изъ коихъ три ямы находятся въ сѣверовосточномъ углу. передъ рвами, а двѣ на западной сторонѣ, за рвами. Рвы расположены одинъ подлѣ другого, на разстояніи около сажени, и идутъ сперва съ сѣверовостока на югозападъ, на протяженіи 14 саженъ; потомъ, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ на юговостокъ и идутъ на протяженіи 15 саженъ, имѣя высоты до четырехъ, глубины до трехъ саженъ. Что касается низменной половины острова, то это есть собственно такъ-называемая плавня: возвышаясь надъ уровнемъ рѣчной воды едва двумя или тремя футами, она въ самый незначительный подъемъ рѣкъ покрывается водой; на ней ростутъ прекрасныя высокія и вѣтвистыя деревья, а между деревьевъ разбросаны громадныя каменныя глыбы. Вокругъ всего острова, и возвышенной и низменной его половинъ, сходятся вмѣстѣ семь вѣтокъ и одна рѣчка: съ сѣвера Подпильная, съ востока Гнилая, въ старыхъ картахъ называемая Прогноемъ, и Скарбная; съ юга Павлюкъ и прорѣзъ Бейкусъ, выходящій изъ Скарбной и впадающій въ Павлюкъ; съ запада тотъ-же Павлюкъ и та-же Подпильная; кромѣ того Скарбная принимаетъ въ себя вѣтки Лапинку и Скаженую, идущія къ ней по направленію отъ сѣверовостока къ югозападу, а вѣтка Подпильная—рѣчку

Чортомлыкъ, бѣгущую къ ней прямо съ сѣвера и дающую названіе самой Сичи.

Тщательный осмотръ теперешняго Чортомлыцкаго острова приводитъ къ заключенію, что на немъ помѣщались только главныя постройки Сичи: церковь, войсковая и куренныя скарбницы, зданіе для духовенства и самые курени; но послѣдніе приходились въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь рѣчка Чортомлыкъ касается своимъ устьемъ начала вѣтки Подпильной. Раскопки острова даютъ богатый матеріалъ для бытовой исторіи запорожскихъ козаковъ. Здѣсь находятся—всевозможнаго рода посуда превосходной работы, глиняныя трубки разныхъ цвѣтовъ и украшеній, подковы, шкворни, пряжки, поддоски, подпруги сѣдельныя, пистолеты, сабли, пули, машинки для литья пуль, копья, грузила для рыбныхъ снастей, пороховницы, чернильницы, бруски, котлы и т. п. При раскопкѣ-же вала на островѣ найдены остатки толстыхъ, заостренныхъ обугленныхъ паль, разставленныхъ вдоль западнаго берега острова и служащихъ указателемъ того, какъ нѣкогда укрѣплена была Сича: окопанная высокимъ валомъ, она сверхъ того осторчена была кругомъ высѣченными въ лѣсу дубовыми бревнами и представляла изъ себя въ истинномъ смыслѣ слова Сичь. Къ этому нужно прибавить естественныя укрѣпленія: съ крымской стороны— непроходимыя плавни со множествомъ озеръ и вѣтокъ; съ польской стороны—глубокая и болотистая рѣчка Чортомлыкъ и ниже Чортомлыка, на 18 верстъ къ западу, вѣтвистая и длинная рѣка Базавлукъ.

На мѣстѣ Алешковской Сичи въ настоящее время отъ пребыванія запорожскихъ козаковъ сохранилось очень немного вещественныхъ памятниковъ, чтобы не сказать ничего. Большинство жителей Алешекъ даже и не знаетъ о томъ, что на мѣстѣ ихъ городка нѣкогда была запорожская Сичь. Въ мѣстной церкви не сохранилось никакихъ остатковъ старины; не сохранилось также точно никакихъ остатковъ и отъ самой Сичи Алешковской: мѣстонахожденіе ея можно возстановить лишь со словъ старожиловъ. По разсказамъ старожиловъ, Ѳеоктиста Горбатенка, Василія Кирiяша, Аѳанасія Плохого и Даніила Бурлаченка, Алешковская Сичь оставалась вцѣлѣ до тѣхъ поръ, пока, по

распоряженію правительства, въ виду опасности городу быть занесеннымъ песчаными кучугурами, заодно съ городскими предмѣстьями, она не была разорана и засажена лозой и краснымъ шелюгомъ. Это было въ 1845 году. На сколько помнятъ названные старики, Сичь находилась противъ впаденія въ Конку, вѣтку Днѣпра, рѣчки Лазнюка и заключала въ себѣ всего лишь двѣ десятины земли; по внѣшнему виду она представляла изъ себя правильный четыреугольникъ, съ канавами и валами до двухъ аршинъ высоты, съ редутами по угламъ и съ воротами въ двѣ сажени ширины у сѣверной окраины четыреугольника. Во всю длину Сичи лежала ровная и гладкая, точно метлой сметенная, площадь до 40 саженъ ширины. Когда старики были еще мальчиками, то они находили на мѣстѣ Сичи различныя мелкія монеты—копѣйки, пары, левы, а вмѣстѣ съ монетами разное оружіе, больше всего копья съ четырьмя углами. „Вотъ это, какъ подуетъ, бывало, большой вѣтеръ и на Сичи поднимется песокъ, то мы и кричимъ одинъ другому черезъ плетень: „А пойдёмъ, Василь, или тамъ Данило, на городокъ копійки собирать!“ Да и бѣжимъ туда.“ Кромѣ денегъ и оружія находили и другія вещи — серебряные крестики, восковыя свѣчи въ гробахъ, куски смолы, круги дроту, свинцовыя пули, разную глиняную посуду, особенно кувшины или „куманы“. „Много чего приходилось видѣть на той Сичи; какъ-то наткнулись мы на цѣлыхъ пятнадцать гробовъ, и гробы тѣ совсѣмъ непохожи на наши,—они какъ будто имѣли сходство съ лодками съ урѣзанными носами. Приходилось видѣть и человѣческія головы: онѣ какъ тыквы валялись. А покойники лежали такъ, какъ и у насъ кладутъ.“ Сколько помнятъ старики, Сичь съ давнихъ поръ покрыта была въ лѣтнее время травой, оттого на нее часто гоняли мальчики пасти телятъ; но потомъ ее стали, мало-по-малу, заносить пески изъ сосѣднихъ кучугуръ. Въ 1845 году была „драная“ зима: въ то время снѣгу почти не было, за то страшные вѣтры почти всю землю „ободрали“. „Вотъ это поднимется вѣтеръ и начнетъ рвать землю: рветъ-рветъ, сыплетъ-сыплетъ пескомъ да досыплется до того, что и изъ города вылѣзти некуда, — кругомъ кучугуры песку, точно горы намурованы. Тогда вышелъ приказъ разорать окрестности

города Алешекъ, а въ томъ числѣ и мѣсто бывшей Сичи, и засадить ихъ краснымъ шелюгомъ, который имѣетъ свойство своими корнями укрѣплять сыпучую почву и тѣмъ самымъ удерживать на мѣстѣ песокъ; такъ какъ вблизи Алешекъ въ то время шелюга нигдѣ не было, то его пришлось возить изъ отдаленнаго отъ города селенія Вознесенки". По разсказамъ тѣхъ-же стариковъ, въ устьѣ рѣчки Лазнюка у запорожцевъ была пристань, а на берегу рѣчки Чайки, въ мѣстѣ теперешней пароходной пристани, стояла церковь, сдѣланная изъ камыша [1]); близъ церкви отведено было кладбище и тутъ-же выкопана была криница, въ которой никогда не замерзала вода.

На 250 саженъ восточнѣе отъ мѣста бывшей Алешковской Сичи, на 1½ версты выше теперешняго города Алешекъ, въ настоящее время находится небольшое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ длинныхъ, полузасыпанныхъ пескомъ канавъ съ высокими валами и представляющее изъ себя въ общемъ форму бастіона съ тупыми углами, обращеннаго воротами на южную сторону и примѣненнаго къ характеру мѣстности. Ошибочно было бы приписывать сооруженіе этого укрѣпленія запорожскимъ козакамъ въ виду свидѣтельства запорожскаго историка первой половины XVIII вѣка, князя Мышецкаго, категорически утверждающаго, что запорожцамъ, жившимъ въ Алешковской Сичи, отнюдь не дозволялось ни въ самой Сичи, ни въ другихъ какихъ бы то ни было мѣстахъ строить „фортификаціоннаго укрѣпленія" [2]). Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что земляныя укрѣпленія близъ Алешекъ были устроены русскими войсками во время войны съ турками въ 1773 и 1774 годахъ [3]).

На мѣстѣ Каменской Сичи въ настоящее время стоитъ усадьба Консуловка или Разоровка, умершаго владѣльца Михаила Ѳедоровича Огаркова, Херсонскаго уѣзда, близъ села Мѣлового съ одной стороны и Бизюкова монастыря—

---

[1]) Историческія данныя говорятъ, что въ Алешковской Сичи была походная, т. е. полотняная или деревянная съ полотнянымъ иконостасомъ церковь. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25, пр. 36.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 179, пр. 53.

съ другой. Мѣсто Каменской Сичи, послѣ уничтоженія Запорожья, досталось сперва помѣщику Байдаку, отъ него перешло консулу Разоровичу, отъ консула Разоровича—владѣльцу Константинову, отъ Константинова—Эсаулову, а отъ Эсаулова, въ 1858 году, по купчей, досталось Огаркову. Отъ втораго владѣльца, консула Разоровича, усадьба и теперь называется Консуловкой или Разоровкой. Мѣсто Сичи приходилось какъ разъ у устья балки Каменки, съ лѣвой стороны ея. Въ старые годы по балкѣ Каменкѣ протекала довольно большая рѣчка того-же имени, которая бралась отъ рѣки Малаго-Ингульца въ степи и шла на протяженіи ста верстъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по теперешнему на полтораста верстъ ниже экономическаго двора владѣльца, иначе противъ лѣвой вѣтки Днѣпра, Козацкаго-Рѣчища и села Большихъ или Нижнихъ-Каиръ, расположеннаго по лѣвому берегу Днѣпра. Теперь эта рѣчка Каменка имѣетъ не больше шести верстъ длины въ обыкновенное время года, въ жаркое-же лѣто и того меньше. По лѣвому берегу ея расположена усадьба Михаила Ѳедоровича Огаркова, Консуловка, а по правому, черезъ рѣку, усадьба Ивана Прокофьевича Блажкова, съ хуторомъ Блажковкой, состоящимъ изъ восьми дворовъ.

Балка Каменка, какъ по своей дикости, такъ и по живописности береговъ, очень своеобразна: при относительно низкомъ руслѣ она имѣетъ высокіе берега, усѣянные громадными глыбами дикихъ камней, мѣстами покрытыхъ зеленымъ мхомъ, мѣстами перевитыхъ плющевыми деревьями, дикимъ виноградомъ, мѣстами поросшихъ колоссальными вѣковѣчными дубами. Отъ всего этого по берегамъ балки Каменки и у русла ея можно видѣть такіе причудливые гроты, окутанные густой, едва проницаемой чащей всякаго рода растительности, какихъ не выдумать и самой разнообразной фантазіи человѣка. Недаромъ эта мѣстность такъ восхищала и восхищаетъ разныхъ туристовъ и путешественниковъ нашего времени, посѣщавшихъ низовья Днѣпра. „Здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, между этими угрюмыми скалами, говоритъ Афанасьевъ-Чужбинскій, любитель природы просидѣлъ бы нѣсколько часовъ, предавшись безпечнымъ думамъ, и можетъ, быть, надолго сохранилъ бы въ памяти оригинальный дикій пейзажъ изъ странствій по ни-

зовью Днѣпровскому. А если этотъ странникъ малороссъ, думы его будутъ стараться проникнуть смыслъ одной страницы изъ русской исторіи„ [1]).

Изъ двухъ береговъ правый берегъ рѣчки Каменки живописнѣе лѣваго, особенно близъ самаго устья рѣки. Весь этотъ берегъ, вообще высокій, подъ конецъ еще больше того возвышается; массивнѣйшія скалы, точно разбросанныя вдоль береговъ рѣчки какою-то гигантскою рукой, то отдѣляются отъ берега, то выступаютъ изъ него, затѣняясь густолиственными дубами и декорируясь разными кустарниковыми растеніями; при самомъ устьѣ рѣчки природа какъ бы дѣлаетъ послѣднее усиліе и выдвигаетъ громаднѣйшую скалу, саженъ сорокъ или пятьдесятъ высоты, носящую названіе горы Пугача, отъ дикихъ птицъ пугачей, вьющихъ здѣсь свои гнѣзда; у горы Пугача рѣчка дѣлаетъ крутой загибъ съ сѣвера на югъ и отсюда мчитъ свои воды въ Козацкое-Рѣчище, идущее параллельно правому берегу Днѣпра и потомъ сливающееся съ нимъ ниже устья Каменки. Здѣсь нѣтъ ни громадныхъ дубовъ, ни массивныхъ скалъ, ни дикой величественной горы Пугача, но зато здѣсь вдоль самаго берега рѣчки, поднимается, въ видѣ длинной канвы, рядъ молодыхъ, картинно вытянувшихся, вербъ, которыя становятся тѣмъ чаще, чѣмъ ближе рѣчка Каменка подходитъ къ вѣткѣ Козацкому-Рѣчищу. Подъ конецъ своего теченія рѣчка Каменка раздѣляется на два самостоятельные рукава. И въ то время, когда одинъ рукавъ ея, отдѣлившись отъ общаго русла, отходитъ къ правому берегу и, поворотивъ съ сѣвера на югъ у Пугача горы, сливается съ Козацкимъ-Рѣчищемъ, въ это самое время другой рукавъ рѣчки, отдѣлившись отъ общаго русла, отходитъ къ лѣвому берегу Каменки и отсюда, поворотивъ съ сѣвера на югъ, сливается съ тѣмъ-же Козацкимъ-Рѣчищемъ, протянувшимся здѣсь на четыреста саженъ длины. Такимъ образомъ, вся рѣчка въ общемъ представляетъ собой какъ-бы подобіе вилъ; рукояткѣ которыхъ будетъ соотвѣтствовать вершина ея, а двумъ рожкамъ—два устья ея. Въ пространствѣ между двумя устьями рѣчки стоитъ прекрасный

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ Южную Русь, Спб., 1863, I, 248.

островъ, называющійся на планахъ XVIII вѣка Коженинымъ, теперь именующійся Каменскимъ [1]) и принадлежащій по частямъ тремъ сосѣднимъ владѣльцамъ—Огаркову, Блажкову и Полуденному.

Само Козацкое-Рѣчище имѣетъ также своеобразный характеръ. Это—совершенное подобіе панорамы, устроенной самою природою изъ воды, зеленой травы и молодого лѣса; правый берегъ Рѣчища имѣетъ видъ сплошной, очень высокой и по мѣстамъ почти отвѣсной стѣны, лѣвый берегъ кажется живой канвой, состоящей изъ длиннаго ряда зеленыхъ, кудрявыхъ, развѣсистыхъ осокорей и тонкой, низко нагибающейся къ водѣ, лозы.

На сколько можно судить по руинамъ бывшей Каменской Сичи, она занимала небольшой уголокъ между правымъ берегомъ Козацкаго-Рѣчища и лѣвымъ берегомъ Каменки, саженъ на 100 выше устья Каменки, и представляла изъ себя неправильный треугольникъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ, основаніемъ на сѣверъ, вершиною на югъ. Вся величина этой Сичи, по всѣмъ четыремъ линіямъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 115 саженъ длины съ востока, 66 саженъ съ сѣвера, 123 сажени съ запада, 36 саженъ съ юга. Самая-же форма Сичи представляется въ такомъ видѣ: по срединѣ ея, съ сѣвера на югъ, идетъ площадь, ширины у сѣверной окраины шесть саженъ, у южной три сажени, а по обѣимъ сторонамъ площади тянутся курени и скарбницы, числомъ сорокъ; одинъ рядъ этихъ куреней идетъ вдоль Козацкаго-Рѣчища съ выходами на западъ, а три ряда идутъ отъ степи, встрѣчно Каменкѣ, съ выходами и на востокъ и на западъ; между послѣдними тремя рядами, также какъ и между первыми, тянется отъ сѣвера къ югу площадь, равная и по длинѣ, и по ширинѣ первой. Каждый изъ куреней имѣетъ 21 аршинъ длины и 12 аршинъ ширины. Слѣдовъ отъ церкви не осталось да и не могло остаться никакихъ такъ какъ въ Каменской и Алешковской Сичахъ у запорожскихъ козаковъ были не постоянныя, а временныя походныя церкви [2]). Вся Сичь

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб. 1890, 109.

[2]) Исторія о козакахъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 25, прим. 36.

обнесена была каменной оградой, отъ которой въ настоящее время сохранились только кое-гдѣ небольшіе дикіе камни. За этой оградой, у сѣверной окраины Сичи, уцѣлѣли еще семь небольшихъ круглыхъ ямъ: три къ востоку, четыре къ западу, приспособленныхъ, повидимому, къ стратегическимъ цѣлямъ и носившихъ у запорожскихъ козаковъ названіе волчьихъ ямъ. Южная окраина Сичи, также за оградою ея, тамъ, гдѣ сходятся Каменка и Козацкое-Рѣчище, отдѣлена небольшою канавою, идущею отъ востока къ западу, ниже которой, съ наружной стороны, тянется рядъ небольшихъ холмиковъ, числомъ девять, въ томъ же направленіи, какъ и канава. Пространство земли, ниже канавы къ югу, до мѣста сліянія Каменки съ Козацкимъ-Рѣчищемъ, носитъ названіе Стрѣлки; здѣсь тянется рядъ холмовъ, числомъ восемь, въ направленіи съ сѣвера на югъ, параллельно Козацкому-Рѣчищу, но перпендикулярно канавѣ, отдѣляющей южную окраину Сичи. Быть можетъ, эти послѣдніе холмы служили у запорожскихъ козаковъ базисами для пушекъ или, по крайней мѣрѣ, пунктомъ для наблюденія и охраны Сичи съ юга, подобно тому, какъ она ограждена была волчьими ямами съ сѣвера.

Въ ста шагахъ выше Сичи, къ сѣверу, распюложено было большое козацкое кладбище, на которомъ въ настоящее время сохранилось всего лишь четыре каменныхъ песчаниковыхъ креста, и то лишь одинъ изъ нихъ въ цѣльномъ видѣ, остальные въ разбитыхъ кускахъ. На цѣльномъ крестѣ сдѣлана надпись, прекрасною церковною полувязью, слѣдующаго содержанія: *„Во имя отца и сына и святаго духа. Зде почиваетъ рабъ божій Константинъ Гордѣевичъ атаманъ кошовый славнаго войска запорожского и низового, а куреня платнѣровского: преставися року 1733 мая 4 числа.“* Изъ надписей на кускахъ другихъ крестовъ видно, что тутъ-же погребенъ былъ кошевой атаманъ Василій Ерофеевичъ, умершій въ 1731 году, мая 23 дня [1]), и два какихъ-то простыхъ козака, Яковъ и Ѳедоръ. Смотря на множество могилъ, оставшихся на кладбищѣ Каменской

---

[1]) Быть можетъ, это Василій Гужъ, бывшій кошевымъ въ 1725 году.

Сичи, можно думать, что здѣсь было довольно большое кладбище, а на немъ и довольно большое число крестовъ, что подтверждаетъ и бывшій владѣлецъ мѣста Каменской Сичи, Н. И. Вертильякъ, приходившійся родственникомъ, по женской линіи, послѣднему кошевому атаману, Петру Ивановичу Калнишевскому. „Не болѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ [1]), кладбище бывшей на рѣкѣ Каменкѣ Сѣчи запорожской усѣяно было крестами и надгробными памятниками съ надписями; даже крѣпостные валы сохранили обшивку свою изъ тесаннаго камня. Теперь все это истреблено. На кладбищѣ остается только четыре креста. Одинъ изъ нихъ вовсе безъ надписи [2]), на другомъ стерлась она такъ, что ее нельзя разобрать; зато надписи двухъ остальныхъ обогащаютъ насъ весьма важными свѣдѣніями относительно исторіи Запорожья: первая опредѣляетъ годъ смерти кошевого атамана Кости Гордіенка, о которомъ въ „Исторіи послѣдняго Коша“ г-на Скальковскаго сказано, что неизвѣстно, гдѣ онъ умеръ. Вторая дополняетъ списокъ кошевыхъ новымъ неизвѣстнымъ именемъ Василія Ерофѣева“ [3]).

На мѣстѣ Новой или Подпиленской Сичи въ настоящее время отъ запорожскихъ козаковъ также сохранилось нѣсколько остатковъ старины—на кладбищѣ, въ церкви и въ частныхъ домахъ.

На бывшемъ запорожскомъ кладбищѣ уцѣлѣло четыре намогильныхъ песчаниковыхъ креста съ надписями, открывающими имена погребенныхъ подъ ними козаковъ. Подъ однимъ покоится прахъ козака Ивана Чапли, умершаго въ 1728 году, 4 сентября; подъ другимъ—прахъ Даніила Борисенка, умершаго въ 1729 году, 4 мая; подъ третьимъ прахъ Ивана Каписа, умершаго въ 1779 году, мѣсяца декабря; на четвертомъ крестѣ сдѣлана надпись, гласящая о смерти кошевого атамана Степана Гладкаго, умершаго въ 1747 году и погребеннаго подъ церковью пр. Богородицы въ Сичи, хотя намогильный крестъ въ память его поставленъ былъ на общемъ кладбищѣ: „*Зде поставленні (ый) крестъ*

---

[1]) Николай Ивановичъ Вертильякъ писалъ эти слова въ 1744 году.

[2]) См. 1-е примѣчаніе къ Запорожью Эварницкаго, II, 118.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 607.

Церковныя мѣста, крѳстъ Никитинской сичѳвой церкви, памятникъ Гладкаго.

благородия его пана Стефана атамана бывшого кошевого куреня уманского но онъ положенъ ест по (=подъ) церквою пресвятї богородицы преставися вроку 1747 у маю 13." Кромѣ намогильныхъ крестовъ отъ запорожскихъ козаковъ сохранились еще на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, у мѣстныхъ крестьянъ, четыре сволока отъ козацкихъ жилищъ — одинъ отъ запорожскаго куреня съ надписью 1710 года, 24 мая, у крестьянина Корнія Забары; другой отъ будинка кошевого атамана Якима Игнатовича, 1746 года, у крестьянина Клима Пироговскаго; третій отъ будинка же кошевого Василія Сыча, 1747 года, у крестьянина Митрофана Чорнаго, и четвертый отъ домика козака Григорія Комышана, 1765 года, у священника Георгія Ващинскаго. Уцѣлѣлъ также—желѣзный крестъ съ сичевой церкви, находящійся въ экономическомъ дворѣ мѣстнаго владѣльца, великаго князя Михаила Николаевича, и нѣсколько вещей въ мѣстной церкви: антиминсъ, 1754 года, чаши, кресты, иконы, ризы, епитрахили, евангелія, богослужебныя книги, блюда, тарелки, чарочки, бокуны или стасидіи, т. е. мѣста для стоянія или сидѣнія старшины въ церкви, аналои, фонари, кадила, орлецы, хоругви, деревянная лопаточка для поминовенія умершихъ и, наконецъ, цѣлый иконостасъ, превосходной византійской живописи, сложенный на хорахъ.

Изъ дошедшей до насъ *неполной* описи вещей покровской церкви Новой Сичи видно, какимъ богатствомъ она отличалась: въ ней были — два большихъ напрестольныхъ лихтаря (подсвѣчника); одинъ крестъ съ мощами; четыре серебряныхъ лампады съ серебряными позлащенными дощечками; двадцать разныхъ иконъ на мѣдныхъ бляшкахъ, отдѣланныхъ серебромъ; пятьдесятъ серебряныхъ позлащенныхъ разнаго „сорта" коронъ; четыре серебряныхъ вызолоченныхъ креста, между коими три съ серебряными ланцюжками (цѣпочками); два кипарисныхъ, отдѣланныхъ въ серебро, креста; два серебряныхъ, вызолоченныхъ дуката; два куска червонцевъ въ лому; одинъ кусокъ золота; одинъ слитокъ серебра, вѣсомъ 24 фунта; тринадцать нитокъ мелкаго и три нитки крупнаго жемчуга съ красными кораллами на мѣстной иконѣ Богоматери; пятнадцать, съ двумя большими и съ двумя малыми червонцами, нитокъ мелкаго жемчуга и шесть нитокъ съ красными монистами

Церковныя мѣста, крестъ Никитинской сичевой церкви, памятникъ Гладкаго.

благородия его пана Стефана атамана бывшого кошевого куреня уманского но онъ положенъ ест по (=подъ) церквою пресвяті богородицы преставися вроку 1747 у маю 13.“ Кромѣ намогильныхъ крестовъ отъ запорожскихъ козаковъ сохранились еще на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, у мѣстныхъ крестьянъ, четыре сволока отъ козацкихъ жилищъ — одинъ отъ запорожскаго куреня съ надписью 1710 года, 24 мая, у крестьянина Корнія Забары; другой отъ будинка кошевого атамана Якима Игнатовича, 1746 года, у крестьянина Клима Ширговскаго; третій отъ будинка же кошевого Василія Сыча, 1747 года, у крестьянина Митрофана Чорнаго, и четвертый отъ домика козака Григорія Комышана, 1765 года, у священника Георгія Ващинскаго. Уцѣлѣлъ также—желѣзный крестъ съ сичевой церкви, находящійся въ экономическомъ дворѣ мѣстнаго владѣльца, великаго князя Михаила Николаевича, и нѣсколько вещей въ мѣстной церкви: антиминсъ, 1754 года, чаши, кресты, иконы, ризы, епитрахили, евангелія, богослужебныя книги, блюда, тарелки, чарочки, бокуны или стасидіи, т. е. мѣста для стоянія или сидѣнія старшины въ церкви, аналои, фонари, кадила, орлецы, хоругви, деревянная лопаточка для поминовенія умершихъ и, наконецъ, цѣлый иконостасъ, превосходной византійской живописи, сложенный на хорахъ.

Изъ дошедшей до насъ *неполной* описи вещей покровской церкви Новой Сичи видно, какимъ богатствомъ она отличалась: въ ней были — два большихъ напрестольныхъ лихтаря (подсвѣчника); одинъ крестъ съ мощами; четыре серебряныхъ лампады съ серебряными позлащенными дощечками; двадцать разныхъ иконъ на мѣдныхъ бляшкахъ, отдѣланныхъ серебромъ; пятьдесятъ серебряныхъ позлащенныхъ разнаго „сорта“ коронъ; четыре серебряныхъ вызолоченныхъ креста, между коими три съ серебряными ланцюжками (цѣпочками); два кипарисныхъ, отдѣланныхъ въ серебро, креста; два серебряныхъ, вызолоченныхъ дуката; два куска червонцевъ въ лому; одинъ кусокъ золота; одинъ слитокъ серебра, вѣсомъ 24 фунта; тринадцать нитокъ мелкаго и три нитки крупнаго жемчуга съ красными кораллами на мѣстной иконѣ Богоматери; пятнадцать, съ двумя большими и съ двумя малыми червонцами, нитокъ мелкаго жемчуга и шесть нитокъ съ красными монистами

крупнаго на меньшей иконѣ Богоматери; десять нитокъ жемчуга съ шестью пуговицами; пятьдесятъ нитокъ простаго мониста изъ крупныхъ и мелкихъ коралловъ съ двумя червонцами и кусокъ янтаря; сто-пятьдесятъ-три разнаго калибера червонцевъ на четырехъ ланцюжкахъ, въ числѣ коихъ десять большихъ; сто-двадцать книгъ разнаго наименованія, богослужебныхъ, нравственныхъ, и историческихъ; двадцать-восемь фелоней изъ парчи, разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ; двѣнадцать подризниковъ; двадцать-восемь паръ поручей; двѣнадцать епитрахилей; семьдесятъ - семь стихарей; девять поясовъ; пятьдесятъ - семь платковъ шелковыхъ и на бѣломъ полотнѣ гаптованныхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ; одиннадцать напрестольныхъ облаченій; шесть паръ воздуховъ; три аналойчатыхъ покрова; два куска парчи; два куска штофа; два куска гарнитуры; двадцать-восемь штукъ мѣдной посуды, отъ котловъ до мисокъ; тринадцать штукъ оловянной посуды [1])

„Между церквами новороссійскаго края, замѣчаетъ архіепископъ Гавріилъ, наибольшая была покровская, что въ Сѣчи запорожцевъ, по великому числу находившихся тамъ драгоцѣнныхъ вещей. Преосвященный Евгеній, архіепископъ славянскій, докладывалъ святѣйшему синоду, чтобъ дозволено было взять нѣсколько утвари церковной изъ села Покровскаго въ славянскую архіерейскую ризницу... Синодъ предписалъ тогда потребовать дикиріи, трикиріи, посохъ, умывальницу съ блюдомъ и орлецы“ [2]).

„Сія церковь (въ Сичи) сохраняла въ себѣ, замѣчаетъ Александръ Писчевичъ, неоцѣненныя богатства. Однихъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднимаемо было четырьмя человѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы“ ([3]).

Кромѣ перечисленныхъ остатковъ запорожской старины, сохранившихся на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, уцѣлѣли еще земляныя укрѣпленія въ видѣ рвовъ и высокихъ, боль-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 535—538.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 104—106.
[3]) Кіевская Старина, 1884, апрѣль, VIII, 127.

ше двухъ саженъ высоты, валовъ. Въ общемъ эти укрѣпленія представляютъ изъ себя нѣсколько неправильный четыреугольникъ, протянувшійся вдоль праваго берега рѣчки Подпильной и состоящій всего лишь изъ трехъ линій: съ восточной стороны, по направленію отъ сѣвера къ югу, встрѣчно Подпильной, идетъ наклонная линія 100 саженъ длины; съ сѣверной окраины, по направленію отъ сѣверовостока къ югозападу, идетъ неправильная ломаная линія, подъ тупымъ угломъ, на протяженіи 220 саженъ; съ западной стороны, по направленію отъ сѣвера къ югу, подъ прямымъ угломъ, идетъ совершенно правильная линія, на протяженіи 70 саженъ длины до самой Подпильной; основаніемъ-же для всей этой фигуры укрѣпленій, съ южной стороны, служитъ сама рѣчка Подпильная. Таковъ видъ уцѣлѣвшихъ укрѣпленій извнѣ. Внутри укрѣпленій, съ восточной стороны, по направленію отъ сѣвера къ востоку, уцѣлѣлъ какой-то ровъ, идущій въ видѣ наклонной линіи, на протяженіи 74 саженъ длины, прямо къ Подпильной; а у праваго берега рѣки, противъ самой средины укрѣпленій, сохранились рвы, отдѣлявшіе отъ внѣшняго коша внутренній; они начинаются у самаго берега рѣки, идутъ сперва отъ юга къ сѣверу, потомъ подъ тупымъ угломъ поворачиваютъ отъ востока къ западу и оканчиваются такъ называемымъ „оступомъ“ или бухтой, служившей у запорожцевъ пристанью, называвшейся Царской, куда они заводили свои чайки и каюки. Длина рвовъ послѣдняго укрѣпленія имѣетъ всего лишь 110 саженъ, по прямой линіи съ небольшимъ пропускомъ на сѣверной линіи, очевидно для воротъ.

Къ сказанному объ уцѣлѣвшихъ укрѣпленіяхъ на мѣстѣ бывшей Новой Сичи нужно прибавить еще то, что на сѣверной линіи его сохранились, кромѣ того, три редута и пропускъ для широкихъ воротъ, ведшихъ во внѣшній кошъ, а у югозападнаго конца, уже за рѣчкой Подпильной, уцѣлѣло такъ называемое городище, имѣющее видъ совершенно отдѣльнаго укрѣпленія, обнесеннаго четырьмя глубокими „бакаями“ или канавами: съ запада 74 сажени, съ востока 130 саженъ, съ сѣвера 80 и съ юга въ 40 саженъ, до трехъ саженъ въ каждой сторонѣ глубины. Въ послѣднемъ укрѣпленіи, „городищѣ“, по разсказамъ старожиловъ,

у запорожцевъ стояли хаты и погреба; тутъ-же они будто-бы хоронили и своихъ покойниковъ. Сообщеніе изъ Сичи черезъ Подпильную съ „городищемъ“ не представляло тогда никакихъ затрудненій, потому что черезъ рѣчку къ городищу велъ мостъ. Въ настоящее время это городище представляетъ изъ себя совершенно ровную, какъ будто нарочно утрамбованную или убитую цѣпами площадь, въ самой срединѣ которой стоитъ вѣковая развѣсистая груша, а съ трехъ сторонъ—южной, западной и восточной—высятся громаднѣйшія вербы и еще громаднѣе вербъ осокори, между которыми переплелся непролазный терновникъ. Можетъ быть, это „городище“ и есть тотъ „Зологъ (или Залогъ Сичи.)“ о которомъ сказано было выше, что онъ вмѣщалъ въ себѣ около 800 человѣкъ „набродныхъ“ козаковъ.

По всѣмъ уцѣлѣвшимъ укрѣпленіямъ, кромѣ городища, разбросаны въ настоящее время хаты крестьянъ села Покровскаго. Оттого, чтобы измѣрить всѣ укрѣпленія Новой Сичи и чтобы составить себѣ представленіе объ общей ихъ схемѣ, нужно проходить черезъ многіе огороды, лазить черезъ плетни, заглядывать подъ сараи, идти черезъ сады, подниматься на крыши крестьянскихъ хатъ, и тогда только можно услѣдить направленіе всѣхъ валовъ и насыпей. Многое, разумѣется, изъ того, что сохранялось вцѣлѣ лѣтъ сорокъ и даже двадцать тому назадъ, теперь уже разрушено и едва узнаваемо, а многое даже и совсѣмъ истреблено. Однако, остатки старины и теперь очень часто находятся, и всего больше человѣческіе скелеты: задумаетъ-ли крестьянинъ выкопать яму для какой-нибудь постройки, или разровнять мѣсто для сада, или просто вспахать землю для посѣва, онъ непремѣнно найдетъ если не черепъ, то кости рукъ или ногъ человѣка. Даже дѣти, играя въ грядки и вскапывая палочками землю, находятъ часто человѣческіе черепа и безъ всякой боязни надѣваютъ ихъ себѣ на головы,—такъ ужъ они привыкли къ подобнаго рода находкамъ „Впервые, когда я здѣсь поселился, говоритъ мѣстный священникъ, отецъ Андрей Барышпольскій, то я никакъ не могъ завести у себя деревьевъ въ палисадникѣ: что посажу, а они и засохнутъ, что воткну въ землю, а они и пропадутъ. Долго я не могъ понять, отъ чего это

происходитъ; наконецъ, однажды я сталъ копать землю въ палисадникѣ и тутъ подъ первымъ слоемъ ея увидѣлъ множество человѣческихъ костей и между ними страшную массу лягушекъ; я былъ положительно пораженъ этимъ, но тогда-же понялъ, отчего у меня не принимались деревья. Удаливъ кости и очистивъ мѣсто отъ лягушекъ, я вновь насадилъ нѣсколько деревьевъ, и съ тѣхъ поръ они растутъ превосходно“ [2]).

Помимо скелетовъ на мѣстѣ бывшей Новой Сичи находятъ и множество разныхъ вещей: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, куски свинцу, круги дроту, кувшины, кафли, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перстни, тарелки, кубки, цѣлыя бочки смолы, слои угля, склады сухарей, кучи пшеницы, гудзыки, пряжки, бубенцы, мониста на дроту, деньги, трубки-носогрійки, или такъ называемыя люльки-буруньки (отъ турецкаго „бурунъ“—носъ), разрисованныя разными „фигурами“ и окрашенныя разными красками, наконецъ, найдены даже двѣ лодки, открытыя въ вѣткѣ Сысиной и въ 1890 году вытащенныя изъ воды [1]).

Послѣ уничтоженія Запорожья, въ 1775 году, на мѣстѣ бывшей Новой Сичи возникло село Покровское, населенное разными выходцами изъ старой Малороссіи. Въ 1777 году, по распоряженію новороссійскаго губернатора Матвѣя Васильевича Муромцева, Покровское объявлено было премьеръ-маіоромъ Иваномъ Максимовичемъ Синельниковымъ городомъ Покровскомъ съ „провинціальной канцеляріей и славянскимъ духовнымъ правленіемъ“ при немъ; но потомъ, уже въ слѣдующемъ, 1778 году, Синельниковъ получилъ приказаніе перевести провинціальную канцелярію изъ Покровскаго въ бывшее селеніе Никитино съ переименованіемъ послѣдняго въ Никополь [3]), а Покровскому велѣно было дать наименованіе мѣстечка. Съ 1784 года Покровское становится слободой; въ настоящее время это об-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 195.

[2]) Эварницкій, Запорожскія лодки: Одесскій листокъ, 1890 года, № 100, 2.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, владѣльца села Любимовки, Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда.

ширнѣйшее и многолюднѣйшее село Екатеринославской губерніи и уѣзда; послѣ паденія Сичи оно отдано было, по указу императрицы Екатерины II, вмѣстѣ съ бывшей Чортомлыцкой Сичью, теперешней деревней Капуливкой, и Базавлукомъ, вмѣстѣ составлявшими 200,000 десятинъ земли, генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому; отъ князя Вяземскаго, по купчей 1802 года, перешло къ Николаю Ивановичу Штиглицу; по смерти Николая Ивановича Штиглица перешло въ родъ брата его, барона Любима Штиглица; изъ рода барона Штиглица, по купчей 1861 года, перешло къ великому князю Михаилу Николаевичу.

Составъ, основаніе и число славнаго запорожскаго низового товарищества.

Запорожскіе козаки, живя въ Сичи безъ женъ и безъ поколѣнія, а между тѣмъ ежегодно, даже иногда ежедневно уменьшаясь въ своемъ числѣ отъ войны, болѣзней и старости, всякими мѣрами старались пополнить свою убыль и увеличить составъ своего войска. Отсюда понятно, почему козаки принимали въ свое общество всякаго приходившаго къ нимъ и бравшаго на себя нѣкоторыя обязательства, необходимыя для поступленія въ Сичь. Лица, близко стоявшія къ запорожскимъ козакамъ и оставившія о нихъ разныя воспоминанія, одинаково свидѣтельствуютъ, что въ Сичи можно было встрѣтить всякія народности, чуть-ли не со всего свѣта выходцевъ, какъ-то: украинцевъ, поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ, великоруссовъ, донцевъ, болгаръ, волоховъ, черногорцевъ, татаръ, турокъ, жидовъ, калмыковъ, грузинъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и англичанъ [1]). Но главный процентъ приходившихъ въ Сичь давала, разумѣется, Украйна. „Всѣ они, говоритъ очевидецъ XVII вѣка, Яковъ Собѣскій, произошли изъ Россіи (т. е. Великороссіи и Малороссіи), хотя есть много между ними обезславленныхъ дворянъ изъ Малой и Великой Польши, также нѣсколько германцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, изгнанныхъ за про-

---

[1]) Георги, Описаніе всѣхъ, обитавшихъ въ Россіи народовъ, Спб., 1790, IV, 358; Вероника Кребсъ, Уманская рѣзня, Кіевъ, 1879, 33; Записки о Хотинской войнѣ Якова Собѣскаго, Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, 25 ноября; Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77; Записки одесск. общ. исторіи и древностей, XIV, 453.

ступки“ [1]) „Запорожскіе козаки, замѣчаетъ академикъ XVIII вѣка Іоганнъ Георги, были безпотомственные потомки черкасскихъ (т. е. украинскихъ) козаковъ, на Днѣпрѣ поселившихся“ [2]). Тоже подтверждаетъ и англичанинъ Клавдіусъ Рондо въ 1736 году [3]). „Въ Запорогахъ живутъ ихъ же братья козаки, переходя изъ городовъ для промысла, а иной, который пропьетца или проиграетца“. „Ежегодно, какъ изъ Малороссіи, такъ и изъ польскихъ разныхъ мѣстъ ѣздятъ въ запорожскую Сѣчь разные купецкіе люди не малыми обозами для купечества, т. е. для покупки соли и рыбы, со многими работниками, изъ которыхъ, усмотря тамошнее своеволіе и безмѣрное пьянство, многіе изъ тѣхъ рабочихъ тамо остаются“ [4]). Мотивы, которые заставляли многихъ искать пріюта себѣ въ дикомъ Запорожьѣ, были весьма различны: въ Сичь шли люди „и по доброй волѣ и по неволѣ“. Тутъ были тѣ, которые отъ женъ бѣжали, отца и мать покидали, съ-подъ пана втикали [5]); тутъ были и кровно обиженные, не нашедшіе себѣ на родинѣ никакого удовлетворенія, не имѣвшіе насущнаго куска хлѣба для пропитанія; тутъ были всѣ натерпѣвшіеся отъ тяглыхъ повинностей, всѣ оскорбленные и униженные за свою вѣру и народность, всѣ перенесшіе варварскія пытки, жестокія истязанія за человѣческія права, за свое существованіе; тутъ были и тѣ, которые чувствовали въ себѣ „волю огненную, силу богатырскую“, которые носили въ груди своей „тоску лютую,“ „горе-злосчастіе“; тутъ были и „самосбройцы польскіе“, и „ускоки задунайскіе“ и „западные люди, чуждые русскимъ, маловѣдомые“. Всѣ такіе находили радушный пріемъ въ Запорожьѣ; находили здѣсь широкій пріютъ и тѣ, которыхъ привлекла воля, добыча, молодечество, слава. „Волю имѣемъ за дражайшую вещь, потому что видимъ, рыбамъ, птицамъ, также и звѣрямъ, и всякому созданію есть оная ми-

---

[1]) Черниговскія губернія вѣдомости, 1849, 25 ноября.

[2]) Описаніе всѣхъ въ Россіи народовъ, Спб., 1790, IV, 347.

[3]) Кіевская Старина, 1889, № 11, ноябрь 445, 446.

[4]) Акты южной и западной Россіи, IV, 57; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 481.

[5]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, II, 5.

ла“ [1]). „Сичь-мàте, а Велы́кій-Лугъ бàтько, оттàмъ трѐба й проживати , тамъ-же трѐба и вмирати“. Кромѣ всего этого приходили, разумѣется, въ Сичь и разные преступники, осужденные на казнь злодѣи, дезертеры, всякіе проходимцы, но они въ общемъ не давали дурной окраски запорожскому товариству и, по справедливому замѣчанію В. П. Коховскаго, не могли имѣть разлагающаго вліянія на козаковъ, вслѣдствіе строгости запорожскихъ законовъ, смертельно каравшихъ преступниковъ, провинившихся въ Сичи[2]). Отъ польскаго правительства не разъ предъявлялись требованія въ Кошъ, какъ это было, напримѣръ, послѣ сейма въ 1590 году, не принимать въ войско запорожское осужденныхъ и приговоренныхъ къ смерти [3]). Самимъ полякамъ, послѣ сейма въ 1635 году, запрещено было ходить съ запорожцами въ море и дѣлать заодно съ ними морскіе походы [4]). Но все это было напрасно,и многіе изъ подданныхъ Рѣчи-Посполитой часто наполняли собой запорожское войско.

Какимъ образомъ въ частности составлялось войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ, на то у насъ имѣется нѣсколько подлинныхъ указаній. „Родился я въ Литвѣ, въ воеводствѣ новгородскомъ, отъ дому шляхетскаго. Отецъ мой въ молодыхъ лѣтахъ отдалъ меня въ службу къ полковнику Галисевичу, у котораго служилъ я цѣлый годъ и отошелъ надлежаще. А потомъ былъ въ службѣ у его милости господина Солдогуба, чрезъ три недѣли, а послѣ присталъ до его милости господина Мокроновскаго, съ которымъ пріѣхавши до Кіева, ушелъ отъ него. Когда-же по Кіеву шатался, подмовили меня козаки сичевые, съ которыми, сѣвши въ дубъ, поѣхалъ до Сѣчи, и пріѣхавши присталъ въ курень каневскій, гдѣ и названо меня Иваномъ Ляхомъ“. „Родился я на Украйнѣ, въ самый день Ивана Купала, какого года—не знаю; мой отецъ Сидоръ Пересунька воспитывалъ меня до 9 лѣтъ, т. е. училъ работать да Богу молиться. Послѣ взяли меня въ Сѣчь, гдѣ я при панѣ коше-

---

1) Акты южной и западной Россіи, VI, 204.
2) Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 80—85.
3) Volumena legum, a 1590 v. II, f., 1329; С.-Петербургъ.
4) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 81.

вомъ былъ молодикомъ, а въ 20 лѣтъ меня взяли и записали въ войско. Въ войскѣ назвали меня Журбою, ибо я все молча работалъ, а послѣ за то, что на чатѣ проглядѣлъ, какъ поляки нашу добычу отняли, назвали меня Иваномъ Прислипою“ [1]). „Я уроженецъ Новыхъ-Кодакъ, куда зашли мои предки изъ Гетьманщины. Въ Кодакахъ занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею, а иногда и звѣриною охотою: ибо во время Запорожья вездѣ надъ Днѣпромъ, съ обѣихъ сторонъ, были сильные и густые лѣса, и разнаго рода дикихъ звѣрей множество. Проживши при родителяхъ до 7 лѣтъ, взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ отцомъ въ Сѣчь, гдѣ онъ былъ старшиною, а зимовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ, гдѣ нынѣ я проживаю и въ той самой хатѣ, которую крестный отецъ мой выстроилъ, и которая хата до сего времени существуетъ... Крестный отецъ мой былъ отъ юности не женатъ; съ молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ послушаніи у крестнаго моего отца, какъ въ Сѣчѣ при куренѣ, такъ и въ зимовникѣ по его хозяйству... Я былъ очень рѣзвъ и проворенъ: однажды, ѣдучи изъ Новыхъ-Кодакъ въ Сѣчь и проѣзжая мимо высокой могилы, мы взбѣжали на ея вершину и, побѣгавъ нѣсколько минутъ, стали спускаться. Товарищи пошли по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти прямо, но курганъ очень былъ крутъ, а трава сухая, я оступился, упалъ и покатился внизъ, какъ кубарь или коржъ. „Коржомъ, коржомъ свалывся“! закричали козаки, и съ того дня всѣ меня звали Никитою, по прозвищу Коржомъ. Мой крестный отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ: „нехай буде и Коржъ“ [2]). „Родился онъ, козакъ Василій Перехристъ, въ польской области, губерніи чигринской, въ мѣстечкѣ Чигринѣ, отъ евреина Айзика, и въ 1748 году, будучи тамъ по купечеству войска запорожскаго низового козакомъ куреня пластунивскаго Яковомъ Каваленкомъ его Перехриста оттоль съ Чигрина, съ добровольнаго его въ Сѣчь запорожскую желаніе привезено, гдѣ въ Сѣчи буду-

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса 1885, I, 261.

2) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 58.

чимъ въ то время начальникомъ Кіево-Межигорскаго монастыря, іеромонахомъ Пафнутіемъ Ямпольскимъ; при чемъ были воспріемники войска запорожскаго низового товарищества куреней кущевскаго Лавринъ Горбъ, дядьковскаго Гаврило Шарый и пластунивскаго Иванъ Макаровъ, въ церкви сичевой Покрова пресвятой Богоматери окрещенъ и, выконавши въ той церкви на вѣрность ея императорскаго величества присягу, въ войскѣ запорожскомъ въ кущовскомъ куренѣ служилъ“ [1]).

Кромѣ взрослыхъ, безпрерывно приходившихъ въ Сичь, немало попадало туда и дѣтей мужского пола: однихъ изъ нихъ сами отцы приводили въ Сичь, чтобы научить ихъ тамъ военному искусству; другихъ козаки хватали на войнѣ и потомъ усыновляли въ Сичи; третьихъ, особенно круглыхъ сиротъ, они брали вмѣсто дѣтей; четвертыхъ, чаще всего „небожей“ или „сыновцовъ“, т. е. племянниковъ, выпрашивали у родителей; пятыхъ просто приманивали къ себѣ гостинцами и ласками и потомъ тайно увозили въ Сичь [2]).

Но всякому, кто бы онъ ни былъ, откуда бы и когда бы ни пришелъ въ Запорожье, доступъ былъ свободенъ въ Сичь при слѣдующихъ *пяти* условіяхъ: быть вольнымъ и неженатымъ человѣкомъ, говорить малорусскою рѣчью, присягнуть на вѣрность русскому царю, исповѣдывать православную вѣру и пройти извѣстнаго рода ученіе. По первому обязательству требовалось, чтобы поступавшій въ Сичь былъ дворяниномъ, поповичемъ, козакомъ, татариномъ, туркомъ, вообще всѣмъ, чѣмъ угодно, но не крестьяниномъ, и кромѣ того неженатымъ человѣкомъ [3]). Впрочемъ, это условіе часто обходилось, такъ какъ всякій могъ назвать себя и вольнымъ, и безсемейнымъ; за то разъ принятый въ Сичь, козакъ долженъ былъ вести строго цѣломудренную жизнь и карался смертною казнью, если вводилъ въ Сичь женщину, не исключая матери и сестры. По второму обязательству требовалось, чтобы поступившій въ

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I. 261.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 17; Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 6.

[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 50, 79.

Сичь, если онъ не былъ русскимъ, забылъ свою природную рѣчь и говорилъ козацкою, т. е. малороссійскою рѣчью [1]); это условіе никогда и никѣмъ не нарушалось. По третьему обязательству поступавшій въ Сичь долженъ былъ присягнуть вѣрно, неизмѣнно и до конца своей жизни служить русскому престолу и принести о томъ присягу въ церкви передъ престоломъ Божіимъ [2]). По четвертому обязательству поступавшій въ Сичь долженъ былъ непремѣнно исповѣдывать православную вѣру, признавать ея догматы, соблюдать посты, знать символъ вѣры и молитву Господню; если онъ былъ католикъ или лютеранинъ, долженъ принять православіе; если-же онъ былъ жидъ или магометанинъ, долженъ былъ креститься торжественно въ „греко-россійскую“ вѣру [3]). По пятому обязательству поступавшій въ Сичь долженъ сперва присмотрѣться къ порядкамъ войсковымъ, изучить пріемы сичевого рыцарства и потомъ уже записываться въ число испытанныхъ товарищей [4]), что могло быть не раньше, какъ по истеченіи семи лѣтъ [5]).

Само собою разумѣется, что всѣ эти условія сложились въ болѣе позднее время, какъ это видно, напримѣръ, изъ третьяго условія, которое могло явиться только съ принятія подданства Россіи со стороны запорожскаго войска. Въ болѣе раннее время, нужно думать, для поступленія въ Сичь требованія были гораздо проще, если только были какія-нибудь въ то время требованія.

Принявшій всѣ пять условій свободенъ былъ отъ всякихъ другихъ, какихъ бы то ни было, требованій: у него не спрашивали ни вида, ни билета, ни ручательства: „того батькú, ни отцы не знали, тай прáдиды не чувáли“ [6]). Впрочемъ, преданія и нѣкоторыя историческія свидѣтельства утверждаютъ, будто-бы поступавшихъ въ Сичь подвергали еще особаго рода искусу, именно испытывали

---

[1]) Яковъ Собѣскій, Черниговскія губер. вѣдом., 1849, 25 ноября.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77.
[4]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса 1885, I, 77.
[5]) Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.
[6]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1852, 51.

степень ихъ находчивости и смѣлости. „Какъ сманятъ, бывало, запорожцы къ себѣ въ Сичь какого-нибудь парня изъ Гетманщины, то сперва пробуютъ, годится-ли онъ въ запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу: „Смотри же ты, вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипѣла. А мы пойдемъ косить. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ“. Возьмутъ косы и пойдутъ какъ будто бы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежатъ. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышатъ, да не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ въ слезы: „Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ да при матери! О, бѣдная моя головушка! Кой чортъ занесъ меня къ этимъ запорожцамъ!“ А они лежатъ въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: „Нѣтъ, это не нашъ!“ Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: „Ступай себѣ къ нечистому! Намъ такихъ не надо!“ А который молодецъ удастся расторопный и смѣтливый, тотъ, взошедши на курганъ, крикнетъ два раза: „Эй, панове молодцы, идите кашу ѣсть!“ и какъ не откликнутся, то онъ: „Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! Буду я и одинъ ѣсть кашу!“ Да еще передъ отходомъ пріударитъ на курганѣ гопака: „Ой, тутъ мнѣ погулять на просторѣ!“ И, затянувши на всю степь козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда запорожцы, лежа на травѣ, и говорятъ: „Это нашъ!“ и, взявши косы, идутъ себѣ къ куреню. А онъ: „Гдѣ васъ чортъ носилъ, панове! Звалъ я васъ, звалъ и охрипъ, да потомъ, чтобы не простыла каша, началъ самъ ѣсть“. Переглянутся между собою запорожцы и скажутъ ему: „Ну, чура́, вставай! полно тебѣ быть хлопцемъ: теперь ты равный намъ козакъ“. И принимаютъ его въ товариство“ [1]). Изъ историческихъ свидѣтелей Бопланъ и Шевалье утверждаютъ, будто бы у козаковъ существовалъ обычай принимать въ свои круги только того, кто про-

---

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Спб., 1856, I, 286—288.

плывалъ [1]) всѣ пороги противъ теченія Днѣпра [2]). Но это свидѣтельство кажется неправдоподобнымъ по двумъ причинамъ: съ одной стороны потому, что едва-ли запорожцы, всегда нуждавшіеся въ пришлыхъ людяхъ для увеличенія своихъ силъ, могли предъявлять имъ подобныя требованія, а съ другой стороны и потому, что проплыть всѣ пороги, хотя бы даже въ лодкѣ, противъ теченія рѣки, на разстояніи 65 верстъ, въ большую полую воду, нѣтъ никакой возможности ни теперь, ни тѣмъ болѣе въ то время; плыть-же въ порогахъ противъ теченія рѣки въ малую воду, лавируя у самыхъ береговъ, нѣтъ никакого геройства, а только вопросъ въ нѣсколькихъ недѣляхъ времени.

Были-ли случаи непринятія козаками кого-либо въ Сичь, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, сказать нельзя; нѣкоторое основаніе полагать это даетъ лишь одна изъ козацкихъ думъ, дошедшихъ до нашего времени, гдѣ жена, проклиная своего мужа, ушедшаго въ Сичь, говоритъ:

„Ой, щобъ тебе покара́ли та три недо́ли:
Пе́рша недо́ля—щобъ пидъ тобо́ю добрый кинь прыста́въ,
Дру́га недо́ля—щобъ ты козаки́въ не догна́въ,
Тре́тя недоля—щобъ тебе́ козаки́ не злюбы́ли
И въ кури́нь не пусты́ли“.

Принятый въ число запорожскихъ козаковъ прежде всего записывался въ одинъ изъ 38 сичевыхъ куреней, въ тотъ или другой изъ нихъ, смотря по собственному его выбору, и тутъ-же при записи въ курень перемѣнялъ свою родовую фамилію на какое-нибудь новое прозвище, часто весьма мѣтко характеризующее его съ внѣшней или внутренней стороны. Таковы были фамиліи: Семи-Палка, Сторча-Усъ, Стрѣляй-Баба, Рогозяный-Дидъ, Не-Рыдай-мене-мате, Шматъ, Шкода, Часныкъ, Лысыця, Ворона, Жайворонокъ, Коза, Бабакъ, Барабанъ, Башмакъ, Штыря и т. п. Одинъ козакъ прозванъ былъ товарищами Бараномъ за привычку, разбушевавшись въ пьяномъ видѣ, не отворять иначе дверей въ шинкахъ, какъ вышибая ихъ голо-

---

[1]) Нужно думать, разумѣется, не иначе, какъ въ лодкѣ.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, 21; Скальковскій, I, 226, вып. I.

вой [1]). Эта перемѣна фамиліи дѣлалась въ виду того, чтобы скрыть прошлое новопоступившаго въ Сичь: часто на запросъ русскаго или польскаго правительства, нѣтъ-ли въ Сичи какого-нибудь Иванова или Войновича, запорожскій Кошъ отвѣчалъ, что такихъ лицъ въ Сичи нѣтъ, а есть Задерыхвистъ или Загубы-колесо, поступившіе въ число козаковъ приблизительно въ то время, о которомъ спрашивали московскіе или польскіе люди. „На Запорожьѣ никого не выдаютъ, а говорятъ, если они одного выдадутъ, тогда и всѣхъ насъ Москва (русскіе) по одному разволокутъ“ [2]). Перемѣнивъ имя и приписавшись къ куреню, новичекъ затѣмъ приходилъ въ самый курень и тутъ куренный атаманъ, при собраніи бывшихъ на тотъ случай козаковъ, отводилъ ему мѣсто въ три аршина длины и два ширины и при этомъ говорилъ: „Вотъ тобѝ и домовы́на [3])! А якъ умрѐшъ, то зро́бымъ ще коро́че“ [4]).

Поступивъ въ Сичь, новичекъ, однако, дѣлался настоящимъ козакомъ лишь тогда, когда выучивался козацкой регулѣ и умѣнью повиноваться кошевому атаману, старшинѣ и всему товариству. Для отношенія козаковъ между собою брался въ разсчетъ не возрастъ, а время поступленія ихъ въ Сичь: кто вступалъ раньше, тотъ имѣлъ преимущество передъ вступившимъ позже, оттого послѣдній называлъ перваго „батькомъ“, а первый послѣдняго „сынкомъ“, хотя-бы батьку было 20, а сынку 40 лѣтъ [5]).

Такъ составлялось войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ.

При всемъ видимомъ и дѣйствительномъ разнообразіи состава запорожскаго войска, оно все-же составляло одну цѣлую и нераздѣльную общину, благодаря главнымъ началамъ, легшимъ въ основаніе строя всей общины низо-

---

[1]) Записки одес. общ. исторіи и древностей, XIV, 496, 501 502, 606 608, 613, 694 704, 708, 713; Кіевская Старина, 1883, V, 270 294, 796.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 345. 354.

[3]) Ироническая игра слова: „домовы́на“—отъ корня „домъ“ на малорусскомъ значитъ „гробъ“ или „домъ“ для покойника.

[4]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, 1, 82.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

выхъ козаковъ. Эти начала—свобода, равноправность, братство, товарищество, православная вѣра, безженность, борьба съ невѣрными, освобожденіе изъ плѣна христіанскихъ невольниковъ и защита слабыхъ противъ сильныхъ; поглощая идею племенной и національной особности войска запорожскаго, эти начала сплачивали его въ одну цѣльную, нераздѣльную и грозную для сосѣдей силу. Взятое въ цѣломъ составѣ, запорожское войско дѣлилось на сичевыхъ и зимовныхъ козаковъ. Первые, собственно, и составляли настоящій цвѣтъ козачества: это были люди или вовсе безбрачные или, по крайней мѣрѣ, порвавшіе свои брачныя узы; изъ нихъ отличившіеся на войнѣ или долго служившіе въ войскѣ, очень сильные и хорошо сложенные люди, и притомъ главнымъ образомъ природные украинцы, назывались „лыцарствомъ“ или „товариствомъ“[1]). Только товариство имѣло право выбирать изъ своей среды старшину, получать денежное и хлѣбное жалованье, участвовать въ дѣлежѣ добычи, вершить всѣ дѣла войска. Оно жило въ Сичи, по куренямъ, раздѣлялось на „старшее и меньшее“ товариство“ [2]) и составляло въ собственномъ смыслѣ войско или рыцарство.

Отъ этого рыцарства и товариства рѣзко отличалось сословіе семейныхъ козаковъ; семейные козаки также допускались въ Запорожье, но они не смѣли жить въ Сичи, а лишь вдали отъ нея, въ запорожскихъ степяхъ. Для проживанія семейныхъ козаковъ въ Запорожьѣ, по балкамъ, луговинамъ, берегамъ рѣкъ, лимановъ и озеръ, заведены были или цѣлыя слободы, или отдѣльные зимовники и хутора [3]). Жившіе въ нихъ козаки занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, торговлею, ремеслами и промыслами, и черезъ то назывались не „лыцарями“ и „товарищами“, а подданными или посполитами сичевыхъ козаковъ, „зимовчаками“, „сиднями“, „гниздюками“. Но всѣ вмѣстѣ взятые, сичевики и зимовчаки, составляли одно войско „арматное стадо“,

---

[1]) Кіевская Старина, 1889, № 11, 446; Журналъ мин. пр., 1837, авг., 492.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V, 143; XI, 113.

[3]) Акты первой половины XVIII в. различаютъ зимовники отъ хуторовъ; но въ чемъ собственно состояло отличіе тѣхъ и другихъ, неизвѣстно: Сборникъ военно—историческихъ матеріаловъ, Спб., 1899, вып. XI, ч. II, 4.

именовавшее себя оффиціально „славнымъ низовымъ запорожскимъ войскомъ и товариствомъ“, или пространнѣе: „Войско днѣпровое, кошевое, верховое, низовое и все будучее на поляхъ, на лугахъ, на полянкахъ, и на всѣхъ урочищахъ морскихъ, днѣпровыхъ и полевыхъ, и морской кошевой атаманъ, старшина и чернь“ [1]). Московскіе люди неоффиціонально называли запорожцевъ иногда низовыми козаками или низовиками [2]).

Составившись въ цѣлое войско „сами собой“, запорожскіе козаки сами-же собой, „по своему умоположенію, и завели у себя собственные порядки“ [3]). „Они считаютъ, что всякія государственныя учрежденія имъ не принадлежатъ, а исполняютъ что-либо только тогда, когда ласковостью къ тому бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ“. Впрочемъ, нужно сказать, что они никогда „не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политическія и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить смѣлости говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время. когда имъ что-нибудь предпринять“; вообще, „родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ такою вольностью, черезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ“ [4]). Въ основѣ порядковъ запорожскаго „умоположенія“ лежала община, громада, міръ, товариство. Это товариство представляло собой такое-же „народоправство“ на югѣ Россіи, но только въ болѣе широкой степени развитія, какое представляло собой „народоправство“ во Псковѣ и въ Новгородѣ, на сѣвѣрѣ Руси; что дѣлалъ вѣчевой колоколъ на сѣверѣ, то дѣлали литавры на югѣ: и вѣчевой колоколъ и литавры своими звуками созывали народъ безъ различія званія и со-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 259, 402, 610; XII, 99, 100, 112, 444, 462, 477, 537; XIII, 439.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 821.

[3]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 44.

[4]) Архивъ историческихъ свѣдѣній Калачова, Спб,. 1861, 8, 11.

стоянія, на площадь для рѣшенія самоважнѣйшихъ вопросовъ страны, подобно тому, какъ рѣшаютъ въ настоящее время свои дѣла свободные граждане швейцарскихъ кантоновъ или американскихъ штатовъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой общины была рада (отъ слова „радиться“—совѣщаться), т.е. войсковой совѣтъ, народное вѣче. На этой радѣ могли присуствовать всѣ безъ исключенія сичевые козаки, начиная отъ войсковой старшины и кончая простой „сиромашней“, или простолюдьемъ, чернью“ [1]). Здѣсь господствовало полнѣйшее равенство между всѣми членами общины: каждый пользовался одинаковымъ правомъ голоса, каждый могъ отвергать мѣропріятія другого и взамѣнъ того предлагать собственные планы и соображенія; но зато, что рѣшено было большинствомъ голосовъ на радѣ, то было необходимо и обязательно для всѣхъ. Запорожская община доходила до полнаго идеала равенства, невѣдомаго ни въ древнемъ мірѣ, ни въ среднихъ, ни въ новыхъ вѣкахъ; господствовавшее здѣсь начало равенства проходило вездѣ: во время общихъ собраній, при выборахъ войсковыхъ старшинъ, при управленіи сичевомъ, при управленіи паланочномъ, во всѣхъ запорожскихъ школахъ, при общей трапезѣ [2]), при раздѣлѣ имущества и въ частной жизни по куренямъ. Ни знатность рода, ни сословное происхожденіе, ни старшинство лѣтъ не имѣли въ Сичи никакого значенія; одни личныя достоинства, т. е. храбрость, опытъ, умъ, находчивость, брались въ разсчетъ. Такимъ образомъ въ запорожской общинѣ терялась всякая единичная личность, какъ бы она ни была важна и показна; тутъ всѣ дѣла рѣшались сообща: „У насъ не одного пана кощового порада до листовъ бываетъ, лечъ всего войска запорожскаго единогласная: що кгди скажемъ въ листу доложити, того а не панъ кошовій, а не писарь безъ езволенія нашего переставити сами собой неповинни“ [3]). Общиною, товариствомъ рѣшались вопросы о мирѣ и розмирѣ; товариствомъ раздѣлялись по лясамъ всѣ земли, лѣса, угодья, всѣ рыбныя ловли, всѣ

---

[1]) Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 2,; Исторія Мышецкаго, 37.

[2]) „А столъ и нищу имѣютъ всякой старшина со своими козаками обще“. Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852.

[3]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III ,175.

соляныя мѣста; товариствомъ выбирались и низлагались всѣ должностныя лица въ Сичи и въ цѣломъ Запорожьѣ; товариствомъ наказывались виновные въ проступкахъ и карались уличенные въ преступленіяхъ; товариствомъ писались всякіе отвѣты на указы, грамоты, ордера, посланія и письма, присылавшіяся въ Сичь отъ разныхъ державныхъ особъ и властныхъ лицъ, вступавшихъ въ сношенія съ запорожскими козаками.

Въ силу этого общиннаго принципа самая высшая власть въ Запорожьѣ, власть кошевого атамана, безъ всего товарищества, безъ цѣлой громады, не могла ни на что рѣшиться и не могла ничего сдѣлать. Такъ, когда въ 1757 году малороссійскій гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій сдѣлалъ запросъ у кошевого атамана Григорія Ѳедорова, почему онъ отпустилъ явившихся къ нему гайдамакъ, то кошевой письменно отвѣчалъ, что „онъ, кошевой, явившихся гайдамакъ забрать самъ собою и отослать по командѣ своей не могъ, ибо они, гайдамаки, за присягою приняты, по согласію всего общества, а безъ согласія общаго по тамошнему (т. е. запорожскому) обычаю ничего чинить самому ему, кошевому, невозможно“. Въ такомъ-же духѣ отвѣчалъ въ 1746 году кошевой атаманъ Василій Григорьевичъ Сычъ корсунскому губернатору въ Польшѣ, жаловавшемуся въ Сичь на воровъ, ограбившихъ его: „Куренные атаманы, со всѣхъ куреней собравшись, кошевого не послушались и грабителей не отыскали.“ Такой-же отвѣтъ далъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій одному русскому офицеру, желавшему считаться въ числѣ запорожскихъ товарищей: такъ какъ всего запорожскаго войска не было въ данное время на лицо, то самъ кошевой, своею волею, не могъ исполнить просьбы офицера [1]). Значеніе общины, товарищества, громады у запорожскихъ козаковъ выражалось даже внѣшнимъ образомъ, на ордерахъ, письмахъ и респонсахъ, отправляемыхъ въ разныя мѣста изъ Сичи; на нихъ всегда въ самомъ концѣ дѣлалась подпись: „Атаманъ кошевый войска запорожского низового съ товариствомъ“; въ такомъ же тонѣ и начиналась всякая бу-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой—Сѣчи, Одесса, 1885, I, 83, 84.

мага: „До насъ дошелъ листъ“, „Мы войско“, „По обычаю нашему въ общей радѣ нашей всѣмъ въ слухъ читали“.

Достигшая своего полнаго развитія въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, запорожская община съ половины XVIII столѣтія постепенно стала ограничиваться со стороны русскаго правительства, особенно въ правахъ выбора запорожскими козаками войсковой старшины. По этому поводу изданъ былъ рядъ царскихъ указовъ, по которымъ постановлялось, чтобы „запорожцы, не описався и не истребовавъ на то дозволенія, запорожскую старшину отъ ихъ чиновъ отставлять и другихъ на ихъ мѣста опредѣлять собою самовольно отнюдь не дерзали, опасаясь высочайшаго его императорскаго величества гнѣва и тяжкаго истязанія и наказанія“ [1]). Однако, запорожскіе козаки далеко не всегда повиновались требованіямъ русскаго правительства на этотъ счетъ и почти до самаго конца политической жизни своей „самовольно“ выбирали и „самовольно“ низвергали всю свою войсковую старшину. Оттого весь обширный запорожскій край, съ половины XVII столѣтія ставшій подъ верховное владычество Россіи, въ дѣйствительности всегда управлялся собственнымъ товариществомъ.

Весь составъ войска запорожскаго низового раздѣлялся на старшину въ ея низшихъ и высшихъ стадіяхъ, юныхъ молодиковъ, только-что готовившихся сдѣлаться настоящими козаками, сичевую массу, такъ называемую „сиромашню, простонародье, чернь“ и запорожское поспольство, жившее внѣ Сичи, по зимовникамъ. Въ составъ войска не входили „наймиты“ или „аргаты“; наймитами или аргатами (отъ греческаго слова „ἐργάτης“, передѣланнаго по-турецки въ „эргатъ“) назывались поденьщики или работники, нанимавшіеся временно къ козакамъ на какую-либо работу, за извѣстную плату [2]).

Кромѣ настоящихъ козаковъ въ составъ „славнаго низового товарíщества“ входили иногда такія лица, которыя ни по званію, ни по общественному положенію никогда къ нему не принадлежали и числились только номинально

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб , 1888, 144, 201.
[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, XXVII, 85.

въ числѣ запорожцевъ. Дѣлалось это частію изъ честолюбія называться низовымъ рыцаремъ, частію изъ искренней любви къ „славному“ войску, частію изъ-за того, чтобы застраховаться отъ грабежей запорожцевъ или заручиться послушаніемъ и вѣрностью ихъ; частію-же и вслѣдствіе предложенія самихъ козаковъ, которые приписывали къ себѣ сановныхъ людей въ знакъ особаго отличія ихъ передъ другими, подобно тому, какъ многіе западно-европейскіе города давали права гражданства знатнымъ путешественникамъ [1]). Лица эти—сановныя, облеченныя высокою властью особы, большею частію русскаго, иногда польскаго званія. Архивные сичевые документы сохранили намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ особъ; таковы: артиллеріи поручикъ Иванъ Глѣбовъ, статскій совѣтникъ Петръ Веселицкій, малороссійскій генеральный подкоморій и бунчуковый товарищъ Павелъ Кочубей, астрономической экспедиціи начальникъ Христоформъ Эйлеръ, генералъ-аншефъ графъ Петръ Панинъ, генерелъ-аншефъ Иванъ Глѣбовъ, генералъ-аншефъ Петръ Девьеръ, генералъ-поручикъ графъ Андрей Остерманъ, генералъ-маіоръ князь Александръ Прозоровскій, польскій коронный гетманъ графъ Ксаверій Браницкій, генералъ-маіоръ князь Григорій Потемкинъ [2]). Послѣдній, говорятъ, прозывался у запорожскихъ козаковъ Грыцькомъ Нечосою: онъ носилъ на головѣ, по тогдашней модѣ, большой парикъ, напудренный и высоко взбитый, а запорожцы воображали себѣ, что онъ никогда не чешется, оттого и прозвали его Нечосою. Къ числу названныхъ лицъ нужно причислить и аптекаря Шика, жившаго въ городѣ Кременчугѣ и принятаго въ число запорожскихъ козаковъ при кошевомъ атаманѣ Петрѣ Калнишевскомъ. За принятіе въ низовое товариство Шикъ подарилъ братству серебряный кубокъ цѣною въ 50 рублей, а взамѣнъ того получилъ шубу на лисьемъ мѣху [3]).

Какъ входъ въ Сичь, такъ и выходъ изъ нея вовсе не былъ затруднителенъ: „На Запорожьѣ говорятъ, что они

---

[1]) August Wilgelm Hupel, fon den Kosaken, Riga, 1790, 208.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 96.
[3]) Кіевская Старина, 1893, мартъ, 426.

войско вольное,—кто хочетъ, приходитъ по волѣ, и отходитъ по волѣ“ [1]). Опредѣленнаго срока для пребыванія въ Сичи поступившему въ нее не полагалось: всякъ могъ выходить изъ нея, когда ему было угодно. Уходилъ козакъ изъ Сичи, если у него являлось желаніе служить въ какомъ-либо изъ украинскихъ городовъ; уходилъ козакъ, когда задумалъ жениться и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ; уходилъ и тогда, когда ему просто надѣла жизнь въ Сичи или, какъ говорили сичевики, когда онъ „зажúривъ одъ козáцкого хлúба“. Впрочемъ, ушедшій изъ Сичи, вновь могъ быть принятъ въ нее, если изъявлялъ на то свое желаніе, вернувшись назадъ и хвативши гдѣ-нибудь „шúломъ пáтоки“ или „узнáвши, по чемъ кившъ лúха“. Несмотря, однако, на такую свободу прихода въ Сичь и отхода изъ нея, порядокъ дѣйствій въ ней никóгда отъ того не нарушался, и въ этомъ полнѣйшемъ своеволіи заключалось все основаніе далекой славы запорожской Сичи, какъ лона для всѣхъ по волѣ и поневолѣ приходившихъ въ нее. При отходѣ изъ Сичи также не давалось никакихъ пропускныхъ билетовъ, кромѣ двухъ случаевъ: во-первыхъ, когда козаки желали ѣхать въ Польшу или въ Малороссію „для торговыхъ или другихъ какихъ нуждъ“,—такіе брали паспорта за подписью кошевого атамана и съ приложеніемъ войсковой печати для свободнаго проѣзда по чужимъ городамъ и селамъ [2]); во-вторыхъ, когда происходили войны между русскими, турками, татарами и поляками; въ такомъ случаѣ, „въ виду немаловажныхъ заграничныхъ обстоятельствъ“, чтобы избѣжать всякаго рода шпіонства со стороны враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „быть безотлучной во всякой готовности“, выѣздъ изъ Сичи холостымъ козакомъ безъ письменнаго вида отъ войсковой канцеляріи, а женатымъ безъ видовъ отъ паланочныхъ полковниковъ строго воспрещался [3]). Иногда уходившимъ изъ Сичи давались аттестаты въ виду поступленія ихъ на службу въ украинскіе полки; образцы такихъ аттестатовъ, въ значительномъ количествѣ, до-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 345.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 18.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 205, 206.

шли до насъ: въ нихъ прописывается имя, отчество, фамилія и названіе куреня извѣстнаго козака, его служба въ разъѣздахъ, партіяхъ, посылкахъ, секретныхъ развѣдываніяхъ, походахъ и сраженіяхъ, отмѣчаются находчивость, усердіе къ службѣ, честное исполненіе возлагавшихся на него порученій и готовность „не щадитъ своего живота“ [1]).

Какъ великъ былъ составъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, опредѣленно сказать нельзя; нельзя именно съ одной стороны потому, что запорожцы весьма неохотно дѣлились съ посторонними людьми свѣдѣніями о всякихъ порядкахъ въ Сичи,—вся ихъ жизнь для чужестранцевъ составляла такъ-называемые „войсковые секреты“; съ другой стороны нельзя потому, что въ самой Сичи не было или, по крайней мѣрѣ, сами запорожцы говорили, что не было никакихъ журналовъ, никакихъ списковъ, куда-бы вписывались имена приходившихъ новичковъ въ Сичь и отходившихъ изъ нея старыхъ козаковъ [2]). Кромѣ того, трудно опредѣлить число всего запорожскаго войска еще и потому, что многіе изъ козаковъ-зимовчаковъ вовсе не являлись въ Сичь по нѣскольку лѣтъ и совсѣмъ не были извѣстны войсковой старшинѣ, а на счетъ нѣкоторыхъ сичевыхъ козаковъ и сама старшина находилась въ полномъ невѣдѣніи и не могла сказать въ извѣстное время, живы ли они или безвѣстно пропали во время отдѣльныхъ походовъ на враговъ, часто предпринимавшихся безъ вѣдома Коша. Оттого всѣ показанія о численности запорожскаго войска, даже на пространствѣ одного какого-нибудь вѣка, слишкомъ разнорѣчивы. Сами запорожцы, какъ это и естественно, слишкомъ преувеличенно говорили на счетъ численности всего своего войска: „У насъ, що лоза, то козакъ, а где байракъ, то тамъ по сто, по двѣсти козакъ“; малороссійскіе лѣтописцы высказывались на этотъ счетъ въ томъ-же тонѣ: „Рече старѣйшій слово, и абіе сколько треба воинства, аки трава соберутся“ [3]). Болѣе или менѣе опредѣленныя данныя на счетъ численности запорожскихъ

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 311, 320, 340—343.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, 17.

[3]) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.

козаковъ даютъ намъ слѣдующія указанія. Въ 1534 году всѣхъ запорожскихъ козаковъ считалось не болѣе 2.000 человѣкъ, а въ 1535 году около 3.000 человѣкъ [1]). Въ 1594 году иностранцы насчитывали у нихъ 3.000, а они сами показывали 6.000 человѣкъ [2]). Въ 1657 году всего сичевого войска считалось 5.000 человѣкъ. Въ 1663 году стряпчій Григорій Косаговъ писалъ въ Москву, что запорожскіе козаки всѣ разбѣжались по городамъ, и въ Сичи осталось всего лишь 200 человѣкъ [3]). Въ 1675 году кошевой атаманъ Иванъ Сирко, задумавъ большой походъ на Крымъ, собралъ 20.000 человѣкъ запорожцевъ и съ ними „несчадно струснулъ“ Крымъ и счастливо возвратился въ Сичь [4]). Но это число кажется слишкомъ преувеличеннымъ. Въ 1727 году Христофоръ Манштейнъ опредѣлялъ всю численность войска запорожскаго отъ 12.000 до 15.000 человѣкъ [5]). Въ 1732 году сами запорожцы показывали, что у нихъ „добрыхъ и вооруженныхъ воиновъ“ наберется до 10.000 человѣкъ, а въ 1735 году сообщали, что о „числѣ всего войска подлинно никакъ показать нельзя, потому что оно ежедневно прибываетъ и убываетъ“, но надѣются собрать хорошо вооруженныхъ 7.000 человѣкъ [6]). Въ 1736 году въ „репортиціи генералитету и полякамъ подъ командою генерала фельдмаршала гр. фонъ-Миниха при турецкой и татарской границахъ „число строевого запорожскаго войска“ показано 6.000 человѣкъ [7]). Въ 1755 году кошевой атаманъ Филиппъ Ѳедоровъ рапортомъ показывалъ, что во всемъ „компутѣ“ или составѣ, со стариками и женщинами по зимовникамъ, войска запорожскаго наберется 27.000 человѣкъ [8]); а переводчикъ Семеновъ съ Никитинскаго перевоза сообщалъ въ Кіевъ, что въ субботу первой недѣли великаго поста пріобщалось болѣе 3400 человѣкъ запорож-

---

1) Зеделлеръ, Обозрѣніе исторіи военнаго искусства, Спб., 1843, II, 244.
2) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 33, 36 49.
3) Акты южной и западной Россіи, IV, 57, V, 140, 141.
4) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851 II, 358—364.
5) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва 1823, I, 28.
6) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX 75, 90.
7) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, СПБ, 1897, выпускъ X, часть. I, 7, 76.
8) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885 I, 28.

цевъ, на второй недѣли болѣе 2.000 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть отправилась внизъ на рыбный промыселъ. Въ 1762 году, 20 января, составленъ былъ реестръ о томъ, сколько войска запорожскаго было въ присягѣ государю императору Петру Ѳедоровичу и въ этомъ реестрѣ рядовыхъ козаковъ оказалось 3245 человѣкъ, канцеляристовъ и строителей войсковыхъ—30 человѣкъ, старшины войсковой—5 человѣкъ, куренныхъ атамановъ—38 человѣкъ, довбышъ и пушкарь—2 человѣка, духовнаго чина—10 человѣкъ [1]). Въ 1762 году, по случаю вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, присягнуло на вѣрность ей 20.281 человѣкъ запорожскихъ козаковъ [2]). Въ 1766 году секретарь Василій Чернявскій опредѣлялъ число всѣхъ запорожцевъ, „кои во всей землѣ, къ Сѣчѣ принадлежащей, живутъ и къ отправленію воинской службы способны и надежны, выключая старыхъ, дряхлыхъ и малолѣтнихъ“, около 10.000 человѣкъ [3]). Въ 1769 году готоваго къ походу противъ турокъ войска запорожскаго козаковъ было 12.249 человѣкъ; кромѣ того 2.000 человѣкъ козаковъ оставалось въ Сичи и по паланкамъ до 3.000 человѣкъ „въ водяномъ караулѣ на лодкахъ“, а всего 17.249 человѣкъ [4]). Около 1774 года число запорожцевъ „военныхъ и пѣшихъ людей“ считалось 40.000, но въ походъ шло 14.000 человѣкъ, прочіе-же оставались около имуществъ и собственныхъ домовъ, всѣхъ-же было до 100.000 человѣкъ [5]). Въ 1775 году въ вѣдомости генералъ-маіора Петра Текели показано всѣхъ жителей въ запорожской землѣ, т. е. козаковъ и посполитыхъ, мужчинъ и женщинъ, 59.627 [6]). Въ томъ-же году въ манифестѣ императрицы Екатерины II говорилось, что запорожцы обогатились 50.000 пришлыхъ къ нимъ семей и что по паденіи Сичи ушло 6.000 человѣкъ запорожцевъ за Дунай, жившихъ передъ тѣмъ въ отдаленныхъ запорожскихъ зимовникахъ [7]). Запорожецъ Никита Коржъ и быв-

---

1) Записки одесс. общ. исторіи и древностей, XIV, 621, 665.
2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 28.
3) Въ Исторіи козаковъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 82.
4) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 52.
5) Калачовъ, Архивъ практическихъ свѣдѣній, Спб., 1861, II.
6) Дашковъ, Сборникъ антроп. статей I, Москва, 1866, 133.
7) Чтеніе московскаго общества исторіи и древн., 1848, № 6, 47.

шій священникъ низовыхъ козаковъ Григорій Кремянскій, во время уничтоженія Сичи, опредѣляютъ число войска въ 40.000 человѣкъ [1]). Въ настоящее время глубокіе старики, вспоминая о запорожцахъ, говорятъ: „ёго сы́ла, того́ запо́рожця, була́ тяжённа“ [2]). Разумѣется, если взять во вниманіе то, что кромѣ постоянныхъ жителей въ Сичи и въ паланкахъ, къ запорожцамъ приходили еще на время разные „своевольные“ люди, особенно въ виду какого-нибудь предпріятія или похода на враговъ, то его сила могла быть дѣйствительно „тяжённа“. Но въ быкновенное время силы этой не было видно: приходившіе въ Запорожье козаки только приписывались въ курени, но очень немногіе жили при нихъ,—они расходились больше по зимовникамъ, плавнямъ, рыбнымъ заводамъ, звѣринымъ ловамъ [3]), въ самой-же Сичи оставались преимущественно старые дряхлые старики. Въ общемъ, сравнивая приведенныя цифровыя данныя, можно сдѣлать касательно численности войска запорожскаго низового такое заключеніе: въ пору наибольшаго разцвѣта одного строевого войска запорожскихъ козаковъ могло быть отъ 10.000 до 12.000, а вмѣстѣ съ обывателями зимовниковъ и слободъ, до 100.000 человѣкъ.

Сравнивая отдѣльныя окраины запорожскихъ вольностей между собою, находимъ, что гуще всего населены были самарская и протовчанская паланки: въ первой число зимовниковъ или семействъ, по отрывычнымъ даннымъ XVII вѣка, доходило до 1.158, а во второй въ тоже время до 1.100 зимовниковъ [4]).

Затѣмъ слѣдовали мѣста между правымъ берегомъ Днѣпра и верховьями рѣкъ Ингульца, Ингула, по теченію двухъ Омельниковъ, Домоткани и Мокрой-Суры, въ кодацкой паланкѣ: по Мокрой-Сурѣ, напримѣръ, число зимовниковъ, въ 1755 году, доходило до 52, а въ 1760 году—до 841. Далѣе шли мѣста по среднему и нижнему теченію Ингульца, Ингула и Буга въ паланкахъ ингульской и бугогардовской: здѣсь въ 1772 году показано зимовниковъ по Ингулу 17,

---

1) Устное повѣствованіе, 11; Зап. одес. общ. ист. и древ., VI. 645.
2) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., II, 6.
3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.
4) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, 1, 33—41.

Ингульцу 11, Громоклеѣ 11, Днѣпру 14, Бугу 7, Мертвоводу 4, Еланцу 5, Сухому-Еланцу 1, Куцому Еланцу 1, а всего 71 зимовникъ [1]).

Кромѣ того по тѣмъ-же рѣкамъ и балкамъ имѣлось загоновъ для рогатаго скота и овецъ 5 да нѣсколько рыбныхъ заводовъ, при которыхъ въ зимнее время устраивались землянки, а въ лѣтнее—шалаши; число этихъ землянокъ и шалашей распредѣлялось такъ: въ гирлахъ и у лимана землянокъ 17, шалашей 15, по Бугу землянокъ 11, шалашей 39, по Ингулу землянокъ 2, шалашей 4, по Ингульцу землянокъ 4, шалашей 1, а всего землянокъ 34, шалашей 59 [2]).

Менѣе всего населены были восточныя окраины Запорожья, калміусская и прогноинская паланки.

Количество населенности извѣстной паланки объясняется частію удобствами или неудобствами самыхъ мѣстъ, частію большею или меньшею близостью къ татарскимъ кочевьямъ и открытымъ границамъ: восточная окраина запорожскихъ вольностей граничила съ аулами ногайскихъ татаръ и защищена была незначительною рѣчкою Конкою, оттого и менѣе была населена, въ оправданіе пословицы: „не строй свѣтлицы на границѣ“; сѣверная и западная окраины были удалены отъ татаръ на громадное пространство степей, а южная была ограждена широкою рѣкою Бугомъ и пѣшею командою козаковъ; такъ, въ 1774 году на южной границѣ запорожскихъ вольностей стояло 700 человѣкъ козаковъ; кромѣ того, въ лѣтнее время для промысла здѣсь содержалась команда въ 500 человѣкъ да въ Александровскомъ шанцѣ [3]) 200 конныхъ человѣкъ [4]). Сѣверная окраина запорожскихъ вольностей, богатая лѣсомъ, орошенная двумя хорошими рѣчками, Орелью, Самарою, и множествомъ озеръ, которыхъ по одному лѣвому берегу Орели было до 300, защищенная плавнями и порогами Днѣпра, удаленная на огромное пространство отъ татар-

---

[1]) Въ 1760 году въ одной ингульской паланкѣ показано 219 куренныхъ козаковъ; тамъ-же, 37.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182.

[3]) На мѣстѣ теперешняго города Херсона.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182.

скихъ ауловъ, по справедливости, считалась самою богатою и самою безопасною окраиной запорожскихъ вольностей и потому гуще всѣхъ была населена.

Число всѣхъ селеній и зимовниковъ, находившихся по балкамъ, байракамъ и оврагамъ вольностей запорожскихъ козаковъ, опредѣляется у разныхъ писателей и свидѣтелей различно: въ исторіи князя Мышецкаго всѣхъ зимовниковъ насчитывается до 4.000 [1]); въ запискахъ академика Гюльденштедта по однимъ берегамъ Днѣпра показано 30 селеній [2]); въ вѣдомости генералъ-маіора Петра Текели въ 1775 году—15 деревень и 1.601 зимовникъ [3]), а въ исторіи Скальковскаго, по документамъ сичеваго архива, показано 64 селенія, 3.415 хатъ [4]).

---

1) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 81, 82.
2) Güldenstedt, Reisen durch Russland, S.-Petersburg, 1787, II, 110, 111.
3) Дашковъ, Сборникъ антроп. и этнограф. статей, I, прил. I.
4) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 32—40.

Войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья.

Войско запорожское низовое, во всемъ его составѣ, имѣло два дѣленія—войское и территоріальное. Въ войскомъ отношеніи запорожская община дѣлилась на тридцать-восемь куреней; въ территоріальномъ отношеніи—сперва на пять, потомъ на восемь паланокъ. Когда и кѣмъ уставлено было такое дѣленіе, сказать нельзя, за неимѣніемъ на то документальныхъ данныхъ. На этотъ счетъ имѣемъ лишь указаніе историка Мацѣевскаго, который говоритъ, что войско запорожское раздѣлилось „на курени, селенія и околицы“ при гетманѣ Евстафіи Рожинскомъ, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія (1514—1534). Но такое указаніе, какъ неосновательное ни на какихъ матеріальныхъ данныхъ, не заслуживаетъ довѣрія. Курени находились въ самой Сичи. Число ихъ, сколько помнятъ историки запорожскихъ козаковъ, всегда было 38; всѣ они носили разныя названія, большею частью заимствованныя или отъ атамановъ-основателей ихъ или отъ городовъ — метрополій, откуда вышли первые запорожцы, или же отъ званія большинства козаковъ, составившихъ впервые курень. Названія этихъ куреней сохранились до нашего времени въ синодикѣ 1714 года, въ исторіи Мышецкаго, въ разныхъ бумагахъ сичеваго архива и на могильныхъ крестахъ запорожскихъ кладбищъ. Таковы: пашковскій, кущевскій, кисляковскій, ивановскій, конеловскій, сергіевскій, донской, крыловскій, каневскій, батуринскій, поповичевскій, васюринскій, незамайковскій, неправильно называемый езамшевскій, ирклѣевскій, щербиновскій, титаровскій, шкуринскій, кореневскій, неправильно называемый куреневскимъ, роговскій, корсунскій, калниболотскій, уманскій, иначе гуманскій, деревянковскій, стебліивскій-низшій, стебліив-

скій-высшій, жереловскій или джереловскій, переславскій, полтавскій, мышастовскій, менскій, неправильно называемый минскимъ, тимошевскій, величковскій, левушковскій, пластуновскій, дядьковскій, брюховецкій, ведмедовскій и платнѣровскій [1]). По свидѣтельству Писчевича десять куреней составляли одну четвертую часть Сичи, которая носила названіе пиріи, и имѣла особую скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая одной пиріи [2]).

Названіе „курень“ усвоено козацкому жилищу отъ слова „курить„, т. е. „дымить“, и имѣетъ въ своемъ основаніи одинаковое значеніе съ тмутараканскимъ словомъ „курями“, упоминаемыми въ игоревой пѣснѣ [3]) и великорусскимъ словомъ „курная“ изба. Еще и теперь можно видѣть такіе курени, т. е. курныя жилища по берегамъ Днѣпра, особенно противъ его пороговъ, гдѣ ютятся рыбаки ранней весной или поздней осенью; но въ Сичи, по крайней мѣрѣ Новой, курени уже не были курными жилищами: однако разъ усвоенное названіе оставалось за ними и тогда, когда оно потеряло свое первоначальное значеніе.

По внѣшнему виду каждый курень представлялъ изъ себя длинную казарму, обыкновенно 44 аршина длины и 5 аршинъ ширины, [4]); онъ строился изъ рубленнаго и рѣзаннаго дерева, обыкновенно привозимаго въ Сичь изъ Самары или Великаго-Луга [5]); имѣлъ 4 большихъ квадратныхъ окна въ длинной стѣнѣ, одну низкую дверь съ полукруглой перекладиной и рѣзными, окрашенными въ зеленую и красную краску, по бокамъ дверей, лутками въ поперечной или такъ называемый причолочной стѣнкѣ [6]); по одному окну съ каждой стороны дверей на той-же причолочной стѣнкѣ; наверху драневую, въ три яруса, крышу и надъ крышей три высокихъ съ покрышками „дымаря“ или трубы [7]).

Во внутреннемъ устройствѣ запорожскіе курени, по одному описанію, имѣли два отдѣленія, одно большое, другое

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, I, 106 107; Мышецкій, Исторія, 1852, 34 — 36.
[2]) Кіевская Старина, 1884, январь, VIII, 126, 127.
[3]) Максимовичъ, Полное собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, томъ I, стр. 839.
[4]) Записки одес. об. ист. и древ. IV, табл. XI; Эварницкій, Запорожье, II, 45.
[5]) Бопланъ, Описаніе Украйны, 18; Устное повѣствованіе Коржа, 1842, 37.
[6]) Такой курень сохранился въ Никополѣ у купчихи А. С. Гончаровой.
[7]) На планѣ де-Боксета, 1752; у Ригельмана изображено нѣсколько иначе.

Запорожскія куренныя печати.

ский-высшій, мерчанскій или скарговскій, переяславскій, полтавскій, хорольскій, миргородскій, неправильно называемый миргородскимъ, гоголевскій, зимовскій, лубенскій, прилуцкій, нѣжинскій, ичнянскій, ведмедовскій и другіе. Высшимъ десятью куренями, или четвертую часть Сичи, которая имѣла особую скарбницу, гдѣ хранилась казна, принадлежавшая одной пирѣ *), „Курень" усвоенъ козацкому жилищу отъ слова „курить", т. е. „дымить", и имѣетъ въ своемъ основаніи значеніе тождественное съ монгольскимъ словомъ „курень", упоминаемымъ въ Игоревой пѣснѣ **) и великорусскимъ словомъ „курная" изба. Еще и теперь можно видѣть курныя избы до береговъ Днѣпра, гдѣ всѣхъ избъ въ Сичи, по крайней мѣрѣ Новой, курени уже не были курными жилищами, но названіе осталось за ними и тогда, сохранивъ свое первоначальное значеніе.

Каждый курень представлялъ изъ себя длинную казарму, обыкновенно изъ одного этажа, и состоялъ изъ трехъ ***); онъ строился изъ рубленнаго и рѣзанаго, привозимаго изъ Слободы Самары, лѣса, имѣлъ довольно квадратныхъ окна съ деревянной ставней, одну низкую дверь съ полукруглой перекладиной и рѣзными, окрашенными въ зеленую и красную краску, по бокамъ дверей, ставнями въ поперечной плоскости, привязанной ставней ****); по одному окну съ каждой стороны дверей на той-же ставнѣ; наверху драненую, въ три ската крышу и надъ крышей три высокихъ съ четырехскатною „шамаря" изъ трубы. По внутреннему устройству запорожскіе курени, какъ и нынѣшніе, одни съ другими, одно большимъ, другое

*) Шафонскій, Запорожье, I, 108, 109; Чтеніе, Шафонскій, Исторія, 1852, 34—36. Русская Старина, 1884, январь, 126, 127.

**) Максимовичъ, Полное собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, томъ I, стр. 839. Записки объ исс. и древ. Т., часть XI; Эварницкій, Запорожье, II, 45. Гоголь, Опытное Украйны, 18, Краткое повѣствованіе Бюлер. 1842, 37.

***) Такой курень сохранился въ Николаѣ у купчихи А. С. Говзеровой.

****) Въ планѣ Гебельмана, 1752; у Ригельмана изображено нѣсколько иначе.

Запорожскія куренныя печати.

меньшее; въ большемъ жили козаки, приписанные къ куреню, ихъ старшина и иногда кошевой атаманъ; въ меньшемъ жили куренной кухарь и его помощники; здѣсь были кухня и хлѣбопекарня [1]).

По другому описанію каждый курень представлялъ изъ себя большую избу, безъ комнатъ и перегородокъ, съ равными ей сѣнями, отдѣленными собственно отъ куреня „перемежной“ стѣной, съ дверью для входа и съ большой изразцовой „грубой“, т. е. печкой для топки, пропущенной чрезъ стѣну изъ сѣней въ „кимнату“. Внутри куреня, во всю длину его, отъ порога до покутя, ставилось „сырно“, т. е. столъ, на подобіе монашескихъ трапезъ, изъ одной толстой доски, больше трехъ четвертей аршина ширины, положенной во всю длину на вкопанныхъ въ землю столбахъ и прибитой къ нимъ желѣзными гвоздями; вокругъ сырна ставились узкія скамьи, а вдоль стѣнъ, съ трехъ сторонъ, настилался изъ толстыхъ досокъ на столбахъ помостъ или накатъ, замѣнявшій козакамъ постели; на немъ могло спать отъ тридцати до „полчвартаста“ человѣкъ [2]), во всемъ-же куренѣ могло вмѣститься до 600 человѣкъ козаковъ [3]). На „покути“, т. е. красномъ углу, прибиты были иконы разныхъ святыхъ, тутъже висѣла богатая лампадка, всегда зажигавшаяся куренемъ въ большіе праздники, и ниже лампадки стояла „карнавка“, т. е. кружка для опусканія въ нее денегъ послѣ обѣда козаками на закупку провизіи къ слѣдующему дню. Къ потолку прицѣплялось большое паникадило; по стѣнамъ куреня развѣшивалось разное оружіе, а подъ потолкомъ, на „перемежныхъ“ стѣнахъ протянутъ былъ рѣзной сволокъ съ вырѣзанными крестомъ по срединѣ, годомъ построенія куреня и именемъ куреннаго атамана-строителя. Посреди сѣней устраивалась „кабыця“, т. е. очагъ, длины 5 аршинъ и болѣе, для варенія кушанья; черезъ кабыцю изъ куреня въ сѣни проходилъ конецъ сволока, на которомъ вбивались желѣзныя цѣпи съ крючьями для

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 23.

2) Записки одес. общ. ист. и древн., VI, 646; Величко, Лѣтопись, II, 360.

3) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 36; Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № II, 445.

навѣшиванія на нихъ большихъ желѣзныхъ казановъ, въ коихъ варилась пища козакамъ [1]). Въ куреняхъ ни имущества, ни продовольствія держать не полагалось.

Близъ каждаго куреня ставилась куренная скарбница, или небольшой абмаръ, въ которомъ козаки отдѣльнаго куреня хранили свое „сбижжа́“, т. е. разнаго рода имущество, и рядомъ съ скарбницею другіе дома для жилья козаковъ, которые увеличивались по мѣрѣ увеличенія числа товарищей и тѣсноты куреня [2]); при куреняхъ возводились иногда и частные домики войсковой старшины; послѣдніе по внѣшнему виду напоминали тѣ-же курени, только въ меньшемъ размѣрѣ, а по внутреннему устройству приближались къ теперешнимъ хатамъ зажиточныхъ украинскихъ крестьянъ. Самый типичный изъ нихъ, сохранившійся до нашего времени, имѣетъ 18 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и 3 аршина высоты; онъ срубленъ изъ дерева, имѣлъ небольшія, круглыя, „якъ тарилочки“, окна; раздѣлялся большими сѣнями на двѣ половины: свѣтлую и черную, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, раздѣлялась на двѣ: свѣтлая половина имѣла „кимнату“ съ изразцовой „грубой“ и опочивальню, отдѣленную отъ кимнаты глухою стѣной,— обѣ съ отдѣльными для каждой выходами въ сѣни; черная половина имѣла кухню и кладовую, отгороженныя одна отъ другой глухою стѣной и также съ отдѣльными для каждой выходами въ сѣни; отъ одной и до другой наружной стѣны черезъ перемежную стѣну протянутъ былъ сосновый сволокъ съ вырѣзаннымъ на лицевой сторонѣ его изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями—копьемъ, тростью, голгоѳой, именемъ строителя и годомъ построенія [3]).

У запорожскихъ козаковъ слово „курень“ употреблялось въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ жилья и въ смыслѣ сотни, полка, самостоятельной части войска, „всегда мобилизованной, поставленной на походную ногу“. Если говорилось „козакъ незамайковскаго куреня“, то это значило или

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., VI, 546; Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1841; Эварницкій, Запорожье, Спб; 1888, II, 45.

[2]) Географическій словарь Максимовича и Щекатова, Москва, 1788, II, 7—46.

[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 44, 45.

то, что козакъ жилъ въ незамайковскомъ куренѣ, или то, что онъ причисленъ былъ къ незамайковскому куреню, но могъ жить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, въ слободѣ, деревнѣ, зимовникѣ одной изъ паланокъ запорожскихъ вольностей. Большинство козаковъ только числилось въ Сичи по куренямъ, но въ куреняхъ оставалась одна десятая часть всего войска, прочіе-же, особенно лѣтомъ, то за рыбой, то за конями, то за дикимъ степнымъ звѣремъ, то въ разъѣздахъ, то въ бекетахъ, то въ Великомъ-Лугу, то на „осе-ляхъ“—вездѣ были разсѣяны, какъ пчелы на душистыхъ травахъ; зимой-же многіе изъ нихъ уходили и въ „города“, т. е. въ Гетманщину, чтобы повидаться съ родными или подманить кого-либо изъ молодыхъ „до Сичи“.

„Паланка“ въ буквальномъ смыслѣ слова съ турецкаго на русскій значитъ небольшая крѣпость; въ переносномъ смыслѣ слова этимъ означалось у запорожцевъ центральное управленіе извѣстной части территоріи, самое управленіе, а чаще всего вѣдомство или, говоря нашимъ языкомъ, уѣздъ запорожскихъ вольностей; центромъ всякой паланки былъ дворъ съ разными постройками, огражденный кругомъ палисадникомъ [1]). Когда впервые земля запорожскихъ козаковъ раздѣлена была на паланки, за неимѣніемъ данныхъ, сказать нельзя; есть, правда, предположеніе, будто бы это дѣленіе было введено съ 1734 года, послѣ возвращенія запорожцевъ изъ-подъ власти крымскаго хана въ Россію, но насколько это справедливо, утверждать нельзя [2]). До 1768 года всѣхъ паланокъ въ Запорожьѣ было пять—бугогардовская, перевизская, иначе ингульская, кодацкая, самарская и калміусская; съ 1768 года прибавилось еще двѣ паланки—орельская и протовчанская, а впослѣдствіи—третья, прогноинская; начало послѣдней, впрочемъ, положено было еще въ 1735 году, когда въ „Прогнояхъ, т. е. у соленыхъ озеръ, на Кинбурскомъ полуостровѣ находящихся, учрежденъ былъ шестой постъ для защиты людей, изъ Запорожья и Малой Россіи приходившихъ за солью или для рыболовства на лиманѣ [3]). Къ самому концу суще-

---

[1]) Чернявскій, Въ Исторіи о козакахъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 81.

[2]) Григорій Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 45.

[3]) Чернявскій, Въ Исторіи Мышецкаго, 81; Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, I, 31.

ствованія Запорожья число названныхъ паланокъ увеличилось еще барвѣнковской и лычковской паланками.

Итакъ, подъ конецъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, всѣхъ паланокъ въ козацкой территоріи, имѣвшей 1.700 верстъ въ окружности, было десять, причемъ три изъ нихъ находились у праваго берега Днѣпра, а семь у лѣваго. *Бугогардовская* паланка занимала пространство степей между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ Ингульца съ одной стороны, и рѣкою Днѣпромъ и новосербскою границей съ другой; она находилась въ теперешнихъ уѣздахъ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ, Херсонской губерніи. Центромъ этой паланки былъ Гардъ на рѣкѣ Бугѣ; кромѣ того въ ней имѣлись зимовники—въ Соколахъ, Вербовомъ, Балацкомъ, Мигіи, Корабельномъ, Вовковомъ, Харсютиномъ и Громоклеѣ. *Ингульская*, иначе Перевизская, паланка расположена была вдоль лѣваго берега рѣки Ингульца, въ сѣверной части теперешняго Херсонскаго уѣзда. Центромъ ея была или такъ называемая Перевизка у праваго берега Днѣпра, на 2 версты ниже устья Ингульца и на 2½ версты ниже усадьбы владѣльца села Фалѣевки Н. Н. Комстадіуса; или же селеніе Каменка, при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ, гдѣ была Каменская Сичь; кромѣ того въ ней имѣлись селенія и нѣсколько зимовниковъ: Кваково, Бѣлыя-Криницы, Давыдовъ-Бродъ, Блакитная, Шестерня, Пономарева, Кривой-Рогъ, Мѣловое, Золотая-Балка, Осокоровка, Терновка, Ракова и другія. *Кодацкая* паланка находилась между Днѣпромъ, рѣкою Базавлукомъ и верховьемъ Ингульца съ одной стороны и рѣчкою Тясьминомъ или, съ 1752, новосербскою пограничною чертою съ другой, въ теперешнихъ уѣздахъ Екатеринославскомъ и Верхнеднѣпровскомъ. Центральнымъ мѣстомъ ея былъ городъ Новый-Кодакъ; кромѣ того въ ней имѣлись села и зимовники: Старый-Кодакъ, Волошскіе хутора, Половица, Микитино, Кичкасъ, Бѣленькое, Тарасовка, Медовецъ, хуторъ Грязного, Кемлыковка, Набоковка, Тарамское, Карнауховка, Тритузное, Романково, Бородаевка, Мишуринъ-Рогъ, Коммиссаровка, Лиховка и Томаковка. *Самарская* паланка расположена была по обоимъ берегамъ рѣки Самары, вверхъ отъ лѣваго берега Днѣпра, въ теперешнихъ уѣздахъ Новомосковкомъ, Павлоградскомъ

и частью Александровскомъ Екатеринославской губерніи. По опредѣленію документа 1750 года, самарская паланка стояла въ товщѣ Самарской, надъ рѣчкою Самарчикомъ [1]). Центромъ ея былъ городъ Самарь, иначе Новоселица и Новоселовка, теперешній городъ Новомосковскъ; кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Чапли, Песчаная-Самарь, Переметовка, Каменка, Сокольскій редутъ, Бригадировка, Ревовка, Бардаковка, Адамковка, Пышневка, Войсковое, Чернечье и другія. *Орельская* паланка находилась между рѣкой Орелью и Самарою, въ восточной части теперешняго Новомосковскаго и западной Павлоградскаго уѣздовъ. Центральнымъ мѣстомъ ея была Козырщина; кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Чаплинская Каменка, Гупаловка, Прядивка, Калантаевка, Пушкаревка и Бабайковка, отчисленная сюда въ 1770 году отъ паланки протовчанской. *Протовчанская* паланка по теченію рѣчекъ Протовчи и Орели, въ теперешнемъ Новомосковскомъ уѣздѣ. Центральнымъ поселеніемъ ея было Лычково; кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Перещипино, Котовка, Чернетчина, Петриковка, Китай-Городъ, Могилевъ, Кильчень, теперешняя Голубовка, Куриловка, Плёса, Черноуховка, Васильковое, Грузиновка, Полковничья, Судіевка, Сердюковка, Шуглѣевка, или Шульговка, Климовка, Семенчиновка, Балабановка, Горбулевка, Половнищино, Проданивка, Галушковка, Одаровка, Цегловатая, Сирковка и Лебединцы; сверхъ того хутора надъ Царичанкою и Маячками и въ урочищахъ Щуровомъ и Бабенковкѣ [2]). *Калміусская* паланка находилась между Волчьей, Калміусомъ и Азовскимъ моремъ, въ теперешнихъ уѣздахъ Александровскомъ, Бахмутскомъ и Маріупольскомъ. Центромъ ея было поселеніе у самаго устья рѣчки Калміуса при впаденіи ея въ Азовское море, гдѣ нѣкогда стояло городище Домаха, а съ 1779 года построенъ городъ Маріуполь [3]). Кромѣ того въ ней извѣстны были два селенія: Ясеноватое и Макарово, и 28 зимовниковъ: въ Лозовомъ оврагѣ на Терсѣ, Широкомъ на Каменкѣ, въ балкахъ Холодной, Сухой, яру Поповомъ, овра-

---

1) Записки одесскаго общества ист. и древ., XIV, 470.

2) Списокъ населенныхъ мѣстъ; Екатеринославская г., X, XVI, XVII.

3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 201; III 293.

гѣ Чернухиномъ, байракѣ Каменномъ, оврагѣ Шолковомъ яру, Глубокомъ, оврагѣ Государевомъ, балкѣ Желѣзной на Кривомъ-Торцѣ, яру Холодовомъ при Сѣверномъ-Донцѣ и Луганчикѣ, яру Желѣзномъ при Сѣверномъ-Донцѣ, балкахъ Крутилкѣ, Долгой, Морозовой и Крутой, урочищѣ Бобровомъ, яру Хорошемъ на Лугани, балкѣ Мечетной на Міусчикѣ, балкѣ Зайцевой надъ моремъ, урочищѣ Подгорыни, балкѣ Кленовой надъ Кальцемъ, рѣчкѣ Дубовой, Бѣлосарайскомъ лиманѣ, рѣчкѣ Бердѣ и въ балкѣ Свитоватой [1]). *Прогноинская* паланка находилась на лѣвомъ берегу днѣпровскаго лимана, противъ урочища Прогноева [2]), на 35 верстъ выше оконечности косы Кинбурнской, въ теперешнемъ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Центромъ ея былъ Прогноинскъ; здѣсь стоялъ передовой запорожскій постъ, наблюдавшій за движеніемъ татаръ въ Крыму и турокъ въ Очаковѣ и охранявшій всѣхъ посланцевъ, солепромышленниковъ и торговцевъ, ѣхавшихъ черезъ южную окраину запорожскихъ вольностей въ Очаковъ, Прогной и Крымъ. Озера въ прогноинской паланкѣ запорожцы считали собственнымъ достояніемъ и вывозили отсюда множество соли на Запорожье, Украйну и Польшу, обходя, такимъ образомъ, крымскую, хотя и чистую, но слишкомъ дорогую соль.

Въ архивныхъ документахъ 1772 и 1774 годовъ имѣются указанія на существованіе у запорожцевъ еще двухъ паланокъ—барвѣнковской и лычковской: „1774 года, сентября 25 дня, по произвожденію полкового старшины Неживаго отъ целого войска полковымъ старшиною опредѣленъ (онъ) въ бывшую барвѣнковскую паланку на командованіе“ [3]).

---

1) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, II, 39, 43, и др. Эварницкій, Вольности з. к., 201—233, Скальковскій, Исторія, I, 39.

2) Прогной—гнилыя озера съ соленою, занесенною изъ моря водой, дающею осадки соли по мѣрѣ испаренія въ нихъ воды.

3) Отдѣленіе архива главнаго штаба въ Москвѣ, 1787—1789 годъ, опись 194, св. 184, стр. 264; также Эварницкаго Вольности, 1898, 337.

печать Комиссара Малашевича 1734 г.

печать Самарской паланки 1750 г.г.

1750 г.г.

печ. Кодацкой паланки 1750 г.г.

печать Кодацкой паланки 1770 г.г.

1770 г.г.

1770 г.г.

1768 г.

печать Бугогардовой паланки 1740 г.г.

печать Калмиусской паланки 1760 г.г.

Паланочныя печати по Скальковскому.

Войсковыя, куренныя и палаточныя рады запорожскихъ козаковъ.

У каждаго народа свои нравы и свои обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи. Народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, находитъ исполненіе своихъ обычаевъ въ культѣ, [illegible] тя и болѣе развитый, чѣмъ первобытный, [illegible] здавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, [illegible] даніями, считаетъ свои обычаи непреложными [illegible]. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить [illegible] го-либо обычая значитъ потерять честь и [illegible] ко на себя, но и на весь свой родъ и даже [illegible] щество, среди котораго онъ живетъ, вѣчно [illegible] ное безславіе. Запорожскіе козаки, съ ихъ [illegible] устройствомъ, основывающемся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей козацкой общины ихъ [illegible] обычай: по обычаю они не допускали въ Сичь [illegible], по обычаю производили судъ и расправу по обычаю [illegible] на курени и [illegible], по обычаю собирались въ [illegible] время на общія рады или совѣщанія. Общія или войсковыя рады происходили у запорожскихъ козаковъ обыкновенно въ опредѣленные дни — 1 января каждаго новаго года, 1 октября, въ храмовой праздникъ Сичи, Покрову, на 2-ой или на 3-ій день „[illegible]", то-есть св. Пасхи, а сверхъ того во всякій день и во всякое время по желанію товарищества или простой „спромы". Рада у запорожскихъ козаковъ была высшимъ административнымъ, законодательнымъ и судебнымъ органомъ; приговоръ рады былъ приговоромъ всего войска и, какъ такой, былъ обязателенъ для всѣхъ членовъ козацкой общины. На войсковыхъ радахъ обсуждались важнѣйшіе вопросы

Полученныя печати по Скальковскому.

Войсковыя, куренныя и паланочныя рады запорожскихъ козаковъ.

У каждаго народа свои нравы и свои обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи; народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, возводитъ исполненіе своихъ обычаевъ въ культъ; народъ, хотя и болѣе развитый, чѣмъ первобытный, но еще не создавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, живущій только преданіями, считаетъ свои обычаи непреложнымъ закономъ. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить отъ какого-либо обычая значитъ потерять честь и навлечь не только на себя, но и на весь свой родъ и даже на самое общество, среди котораго онъ живетъ, вѣчную поруху и вѣчное безславіе. Запорожскіе козаки, съ ихъ общественнымъ устройствомъ, основывающемся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей козацкой общины ихъ лежалъ обычай: по обычаю они не допускали въ Сичь женщинъ, по обычаю производили судъ и расправу по обычаю раздѣлялись на курени и паланки, по обычаю собирались въ извѣстное время на общія рады или совѣщанія. Общія или войсковыя рады происходили у запорожскихъ козаковъ обыкновенно въ опредѣленные дни—1 января каждаго новаго года, 1 октября, въ храмовой праздникъ Сичи, Покрову, на 2-ой или на 3-ій день „великодня“, то-есть св. Пасхи, а сверхъ того во всякій день и во всякое время по желанію товарищества или простой „сиромы“. Рада у запорожскихъ козаковъ была высшимъ административнымъ, законодательнымъ и судебнымъ органомъ; приговоръ рады былъ приговоромъ всего войска и, какъ такой, былъ обязателенъ для всѣхъ членовъ козацкой общины. На войсковыхъ радахъ обсуждались важнѣйшіе вопросы

жизни запорожскаго войска: о мирѣ и „розмирѣ“, [1]) о походахъ на непріятелей, о наказаніи важныхъ преступниковъ, о раздѣлѣ, „по лясамъ“ земель и угодій, и, наконецъ, о выборѣ войсковой старшины. Раздѣлъ земель и выборъ старшины происходили у запорожскихъ козаковъ непремѣнно каждый новый годъ и дѣлалось это слѣдующимъ образомъ.

Еще за нѣсколько дней до наступленія новаго года всѣ козаки, находившіеся въ зимовникахъ, на рѣчкахъ, озерахъ, степяхъ и плавняхъ и занимавшіеся тамъ кто домашнимъ хозяйствомъ, кто рыбною ловлею, кто звѣриною охотою—всѣ спѣшили, въ виду предстоящаго дѣлежа земель и выборовъ старшины, въ столицу своей козацкой общины, Сичь. Въ самый день перваго января новаго года они поднимались на ноги особенно рано, тотъ-же часъ умывались холодною водой, выряжались въ самое лучшее платье—штофные узорчатые кафтаны, красные съ широкими вылетами жупаны, сафьяновые „червоные чоботы“, высокія суконныя шапки, пестрые шолковые пояса, вооружались дорогими саблями, пистолетами, кинжалами, ятаганами, и спѣшили, по звону колоколовъ, въ сичевую церковь Покрова пресвятой Богородицы. Отслушавъ сперва заутреню, а потомъ и обѣдню, на тотъ случай съ особеннымъ торжествомъ и великолѣпіемъ совершавшіяся, козаки, по окончаніи божественной службы, выходили изъ церкви и спѣшили въ курени къ обѣду. Придя въ курень, они молились на иконы, поздравляли одинъ другого съ праздникомъ, потомъ снимали съ себя на время дорогое верхнее платье и садились за общій столъ. Отобѣдавъ чѣмъ Богъ послалъ и достаточно выпивъ ради большого праздника „шумной ракіи“ [2]), козаки вставали изъ-за стола, молились Богу, благодарили своего атамана, куренного кухаря, кланялись одинъ другому, снова одѣвались въ дорогое платье и потомъ выходили со всѣхъ куреней на площадь. Въ этотъ моментъ на сичевой площади раздавался оглушительный выстрѣлъ изъ самой большой пушки: таковъ былъ козацкій обычай. Тогда, по звуку пушки и по приказу ко-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 440.

[2]) Турецкое слово „раки“, что значитъ на русскій языкъ водка.

шевого атамана и всѣхъ низовыхъ козаковъ, войсковой довбышъ выносилъ изъ своего куреня всегда хранившіяся при немъ литаврныя палки, затѣмъ съ палками шелъ въ церковь, бралъ оттуда постоянно находившіеся въ ней, между всѣми войсковыми клейнотами, литавры, выходилъ изъ церкви на площадь и билъ въ литавры для сбора козаковъ на раду, сперва одинъ разъ „мелкою дробью“. На бой литавръ прежде всего являлся войсковой асаулъ; онъ также входилъ въ сичевую церковь, бралъ оттуда большое войсковое знамя, иначе стягъ, корогву или прапоръ, выносилъ его на площадь и ставилъ около церкви. Тутъ довбышъ снова билъ въ литавры, но уже два раза, также „мелкою дробью“. На его бой спѣшили, точно пчелы на медъ, козаки на радную или вѣщевую площадь, къ тому случаю гладко выровнянную и тщательно усыпанную пескомъ. За простыми козаками выступала на площадь сичевая старшина: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой асаулъ, послѣ войсковой старшины тридцать-восемь куренныхъ атамановъ и нѣсколько человѣкъ войсковыхъ „служителей“; каждый изъ войсковой старшины несъ знакъ своего достоинства: кошевой—большую палицу или булаву, судья—большую серебряную печать, писарь—перо и серебряный каламарь или чернильницу, асаулъ—малую палицу, куренные атаманы—трости; вся старшина была съ открытыми головами, безъ шапокъ, „бо на той часъ шлà на плòщадь, нàче на сýдне мúсто“. Довбышъ, завидя идущую старшину, отдавалъ ей честь боемъ въ литавры. Между тѣмъ старшина, выйдя на средину, становилась на площади въ одинъ рядъ, другъ подлѣ друга, по старшинству своихъ чиновъ, и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся „славному низовому товариству“. Товариство становилось за куренными атаманами, кругомъ церкви, зачиная правымъ флангомъ отъ кошевого, кончая лѣвымъ флангомъ у войскового асаула, въ общемъ образуя огромный кругъ или козацкое коло. Иногда при полномъ войсковомъ сборѣ, не вмѣстясь въ самомъ городкѣ Сичи, нѣкоторая часть товариства влазила на курени и колокольни, становилась у канавы, поднималась на валы и растягивалась даже далеко вдоль рѣчки. Какъ и старшина, всѣ козаки, до единаго, были безъ шапокъ и

на поклоны старшины отвѣчали поклонами. Передъ началомъ самой рады на площадь являлся настоятель сичевой церкви и служилъ молебенъ. Послѣ окончанія службы, кошевой атаманъ объявлялъ собравшемуся товариству о цѣли открывшейся рады.

— Паны молодцы! Теперь у насъ новый годъ; надлежитъ намъ, по древнему нашему обычаю, произвести раздѣлъ между товарищами всѣхъ рѣкъ, озеръ, урочищъ, звѣриныхъ доходовъ и рыбныхъ ловель.

— Да, слѣдуетъ, слѣдуетъ! Будемъ дѣлить, какъ искони у насъ заведено, по лясамъ, по жребію [1]).

Послѣ этихъ словъ выступалъ впередъ войсковой писарь, который заблаговременно расписывалъ по куренямъ всѣ угодья на маленькихъ ярлыкахъ, клалъ въ шапку всѣ эти ярлыки, встряхивалъ ихъ руками и предлагалъ куреннымъ атаманамъ подходить къ шапкѣ и разбирать ярлыки. Атаманы подходили и разбирали, писарь прочитывалъ и, что какому куреню доставалось, тѣмъ онъ и владѣлъ въ теченіе всего года, до новаго раздѣла; тутъ споровъ и пререканій не бывало: атаманы благодарили старшину и становились на свои мѣста. Соблюдалось лишь правило, что сперва получали землю курени, потомъ войсковая старшина, за ней духовенство и, наконецъ, женатое населеніе запорожскихъ вольностей: вездѣ холостое товариство пользовалось преимуществомъ въ правахъ владѣнія на земныя угодья предъ женатымъ сословіемъ; лица, непринадлежащія къ войску, рѣдко получали землю въ Запорожьѣ.

Такъ дѣлилась вся земля запорожскихъ козаковъ отъ устья рѣки Самары до верховья рѣки Конки и отъ порожистой части Днѣпра до устья Буга. Этотъ ежегодный по жребію дѣлежъ земли происходилъ въ виду неодинаковаго богатства запорожскихъ урочищъ: одни изъ нихъ были слишкомъ изобильны, другія—слишкомъ бѣдны. Поэтому, чтобы долговременное владѣніе богатыми угодіями не возбуждало зависти и не подавало повода къ раздорамъ въ средѣ товариства, ихъ дѣлили каждый годъ по жребію. Въ

---

1) Слово „лясы“ одинаковаго [корня съ нѣмецкимъ „Loos“, что значитъ жребій и, вѣроятно, перешло къ козакамъ черезъ поляковъ.

такомъ случаѣ всякъ доволенъ былъ доставшимся ему угодьемъ и не думалъ завидовать товарищу, которому, по счастью, доставался лучшій жребій. Полагаютъ также, что этотъ ежегодный дѣлежъ земель стоялъ въ зависимости и отъ большей или меньшей опасности со стороны непріязненныхъ запорожцамъ сосѣдей, такъ какъ всякъ желалъ получить себѣ угодье подальше отъ южной границы, чтобы быть въ безопасности отъ татаръ [1]).

Послѣ дѣленія угодій довбышъ вновь билъ въ литавры, и козаки вновь прибывали въ Сичь, собираясь иногда до пяти тысячъ человѣкъ и болѣе. Тутъ кошевой атаманъ опять обращался съ рѣчью къ сичевому товариству.

— Паны молодцы! У насъ сегодня новый годъ; не желаете ли вы, по старому обычаю, перемѣнить свою старшину и вмѣсто нея выбрать новую.

Если товариство довольно было своею старшиною, то въ такомъ случаѣ на предложенный кошевымъ вопросъ отвѣчало:

— Вы—добрые паны, пануйте еще надъ нами!

Тогда кошевой, судья, писарь и асаулъ кланялись козакамъ, благодарили ихъ за честь и расходились по куренямъ. Если-же товариство было недовольно за что-нибудь на свою старшину, то тогда, послѣ вызова кошевого, объявляло ему, чтобы онъ отнесъ свою булаву или палицу къ знамени и положилъ-бы ее на шапку. А когда товариство при этомъ открывало за кошевымъ еще какую-нибудь вину или допущенную имъ завѣдомую несправедливость, то въ такомъ случаѣ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, кричало:

— Покинь, скурвый сы́ну, свое кошёвье, бо ты вже козацкого хлиба наився! Иди соби геть, негодный сы́ну, ты для насъ неспособенъ! Положи свою булаву, положи!..

Кошевой немедленно повиновался: онъ бросалъ на землю свою шапку, сверхъ шапки клалъ палицу, кланялся всему товариству, благодарилъ его за честь, которую оно оказывало ему въ теченіе года, и уходилъ съ площади въ свой курень. Послѣ ухода кошевого тоже должны были дѣлать, по солидарности съ кошевымъ, судья, писарь и асаулъ, хо-

---

1) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 106.

тя-бы къ нимъ товарищество и не обращалось со словомъ укора. Впрочемъ, послѣднимъ, если кто-либо изъ нихъ былъ угоденъ козакамъ, товарищество кричало, чтобы они „не скидывали съ себя своего чина“, и тѣ должны были безпрекословно повиноваться и стоять на площади. Иногда, прежде чѣмъ отпустить старшину съ площади, товарищество требовало отъ нея отчета въ разныхъ дѣйствіяхъ и предлагало ей разные вопросы. Въ результатѣ, однако, рѣдко старшина оказывалась виновною: пользуясь своею властью всего лишь одинъ годъ и имѣя въ виду въ концѣ года отчетъ, она рѣдко дѣйствовала по собственному произволу, больше-же по желанію всего войска, и потому рѣдко оказывалась виновною. Если-же, вопреки этому, старшина изобличалась въ какихъ-либо преступленіяхъ противъ всего войска, то она казнилась за то смертію.

Послѣ удаленія старой старшины приступали къ избранію новой. При этомъ выступали на сцену чисто народныя начала: ни куренные атаманы, ни кто другой изъ „властныхъ“ лицъ не имѣли въ этомъ случаѣ никакого рѣшающаго значенія: всѣмъ дѣломъ руководила простая чернь, такъ-называемая „сиромашня“. Естественно, что при этомъ поднимались ссоры, пререканія и раздоры, тѣмъ болѣе, что многіе въ этотъ день, праздника ради, иногда черезъ край хватали „пьянаго зилля“—горилки. Спорили прежде всего о томъ, кого именно выбрать въ кошевые атаманы—каждый курень выставлялъ своего кандидата и настаивалъ на выборѣ именно его, а не другого кого. Споры длились иногда по нѣскольку часовъ. Всѣ кандидаты, имена которыхъ выкрикивались на площади, должны были тотъ-же часъ оставлять площадь и уходить въ свои курени, чтобы своимъ личнымъ участіемъ не помогать избранію. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, останавливались на одномъ изъ всѣхъ выкрикиваемыхъ кандидатовъ. Тогда изъ среды товарищества отдѣлялись десять или больше того человѣкъ козаковъ и шли въ тотъ курень, гдѣ сидѣлъ выбранный въ кошевые козакъ. Пришедшіе объявляли избранному волю всего товарищества и просили его принять предлагаемую ему честь. Если избранный станетъ отговариваться, то двое изъ пришедшихъ козаковъ берутъ его подъ руки, двое или трое пихаютъ сзади, нѣсколько человѣкъ толкаютъ въ бока и

ведутъ на площадь, приговаривая: „Иды, скурвый сыну, бо тебе намъ треба, ты теперь нашъ батько, ты будешь у насъ паномъ“. Такъ приводили избраннаго въ раду; тутъ вручали ему палицу и объявляли желаніе всего войска видѣть его кошевымъ атаманомъ. Избранный, однако, по древнему обычаю, долженъ былъ сперва два раза отказаться отъ предлагаемой ему чести и только послѣ третьяго предложенія бралъ въ руки палицу. Тогда войско приказывало довбышу пробить честь новому кошевому атаману, а старые сичевые козаки, „сивоусые диды, славные низовые лыцари“, поочередно подходилп къ нему и сыпали на бритую голову его песку или мазали макушку головы грязью, если на ту пору случалась дождливая погода, въ знакъ того, чтобы онъ не забывалъ о своемъ низменномъ происхожденіи и не стремился-бы къ возвышенію надъ всѣмъ товариствомъ. Кошевой долженъ былъ кланяться на всѣ четыре стороны и благодарить товариство за честь, на что товариство отвѣчало ему крикомъ: „Будь, пане, здоровый та гладкій! Дай тоби, Боже, лебедыный викъ, а журавлыный крыкъ!“ Тѣмъ избраніе кошевого и оканчивалось. Въ тотъ-же день перваго января и такимъ-же порядкомъ происходило избраніе судьи, писаря, асаула и куренныхъ атамановъ, съ тою только разницею, что войсковому судьѣ при избраніи вручали печать, войсковому писарю—чернильницу, а войсковому асаулу—жезлъ. Второго января избирали довбыша, потомъ слѣдующихъ за нимъ чиновъ: пушкаря, писаря, кантаржея и другихъ.

Далеко, однако-же, не всегда такъ мирно и такъ скоро оканчивались выборы новой старшины. Иногда, при общемъ голосованіи спорящіе въ концѣ-концовъ раздѣлялись на двѣ половины: одну составляли такъ называемые нижніе курени, а другую такъ называемые верхніе курени, и каждая сторона, желая видѣть кошевымъ атаманомъ своего кандидата, не признавала другого. Тогда начинался споръ, за споромъ слѣдовала ссора, за ссорой драка, а во время драки происходили иногда и смертоубійства. Противники въ своемъ ожесточеніи доходили до того, что даже бросались на курени, разоряли ихъ, ломали все на своемъ пути и наносили другъ другу великія обиды и большіе убытки. Въ это время кандидаты той и другой стороны

немедленно оставляли площадь и скрывались въ свои курени, сидя на запорахъ. Но это не спасало ихъ отъ толпы. Такъ, козаки одной какой-либо стороны вскакивали въ курень, гдѣ сидѣлъ ихъ кандидатъ, тащили его на площадь и объявляли кошевымъ. Но противная сторона и слышать не хотѣла о выбранномъ кандидатѣ; самъ избранный отказывался отъ такой чести, не хотѣлъ идти на площадь и упирался ногами. Но его сторонники не успокаивались: они толкали его въ шею, пихали въ спину, били кулаками подъ бока, и когда онъ все еще упирался ногами, рвали на немъ платье, выщипывали на головѣ чупрыну, мяли ему всѣ ребра, и могло статься, что все-таки противная сторона не признавала его своимъ кошевымъ атаманомъ и выгоняла вонъ съ площади. Въ подобныхъ случаяхъ, разумѣется, перевѣсъ оставался всегда за болѣе сильной стороной.

Бывало иногда и такъ, что уже послѣ общей войсковой рады часть козаковъ возмущалась и не признавала старшины, уже избранной всею радой; тогда одни изъ недовольныхъ брали насильно котлы вмѣсто войсковыхъ литавровъ, били по нимъ вмѣсто палокъ полѣнами и старались собрать на площадь новую раду; другіе бросались къ куренямъ старшинъ, называли ихъ собаками, неспособными ни какому панованію, перечисляли все, что знали или слышали о нихъ дурного, и съ крикомъ приказывали имъ идти на площадь; третьи хватали лежавшія на столикѣ среди площади кошевскую и судейскую палицы и вручали ихъ новымъ, наскоро выбраннымъ, лицамъ. Однажды во время выбора войсковой старшины въ Сичи произошли такіе крики, драки и смятенія, что козаки, недовольствуясь площадью вскочили въ церковь, гдѣ служилась вечерня, и тамъ перебили одинъ одного до крови, такъ что священникъ, видя такое смятенье, снялъ съ себя епитрахиль и, не дослуживъ вечерни, ушелъ изъ церкви, а іеромонахъ, начальникъ сичевой, запечаталъ и самую церковь. Въ такихъ случаяхъ противъ бунтовщиковъ выступали куренные атаманы; они дѣйствовали сперва словами, а когда слова не помогали, прибѣгали къ палкамъ, но разъяренные козаки избивали куренныхъ атамановъ, а сами бросались къ куреню кошевого, выбивали въ немъ окна, бросали въ сре-

дину его, въ стѣны и на крышу обрубки, дрючья, кирпичи и камни. Видя бѣду, кошевой, а по нёмъ и другія лица старшины, прятались въ чужіе курени, а иногда даже переодѣвались въ монашеское платье, подвязывали себѣ бороды и спасались бѣгствомъ изъ Сичи.

Иногда страсти, при выборахъ войсковыхъ старшинъ, разгорались до того, что запорожская „сиромашня“ пускалась даже на грабежъ разнаго добра „базарныхъ“, т. е. торговыхъ и ремесленныхъ людей, жившихъ въ предмѣстьѣ Сичи. „Сиромашня“, завидовавшая богатству торговыхъ и ремесленныхъ людей, во время избранія старшины дѣлала между собою стачку, съ цѣлью нападенія на „базарныхъ людей“. Пользуясь всеобщей безурядицей, она неожиданно нападала на нихъ, разгоняла изъ предмѣстья, бросалась на ихъ лавки и шинки, вытаскивала оттуда товары, выпускала изъ бочекъ напитки и забирала все, что попадалось подъ руку. „Базарные люди“ старались защищать свое добро. Они въ свою очередь составляли стачку, вооружались ружьями, дубинами, становились у сичевой колокольни и старались не впускать „сиромашню“ въ свое предмѣстье, простаивая иногда по днямъ и по часамъ у воротъ, ведшихъ изъ самой Сичи въ ея предмѣстье. Но „сиромашня“ не унималась. Тогда противныя стороны схватывались между собой, и нерѣдко дѣло доходило до жестокихъ дракъ и смертоубійствъ. Кошевой атаманъ, судья, писарь и асаулъ всѣми мѣрами старались унять враждовавшихъ, обращаясь къ нимъ, однако, не лично, а черезъ куренныхъ атамановъ и старыхъ „сивоусыхъ“ козаковъ. Послѣдніе, дѣйствуя частію палками, частію увѣщаніями, отвращали подъ конецъ „сиромашню“ отъ хищныхъ намѣреній и водворяли спокойствіе въ Сичи.

Когда-же дѣло шло не о выборѣ войсковой старшины, а о другомъ какомъ-либо вопросѣ, напримѣръ, походѣ козаковъ противъ непріятелей, тогда рады принимали нѣсколько иной характеръ противъ описаннаго. По обыкновенію козаки собирались на сичевую площадь и располагались въ коло; если при этомъ въ Сичи находился посолъ отъ какого-либо государя, приглашавшій козаковъ въ походъ, то посла также допускали въ коло, сперва давали ему аудіенцію, потомъ отбирали отъ него письменныя условія на

счетъ предполагаемаго похода и просили оставить коло; послѣ ухода посла изъ кола читали вслухъ оставленныя имъ грамоты; по прочтеніи-же грамотъ кошевой громко требовалъ отъ каждаго высказать свое мнѣніе; козаки сперва молчали; за вторичнымъ воззваніемъ они по обыкновенію раздѣлялись на два кола: одно коло составляли старшины, другое—чернь. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь или отказывалась отъ предложенія посла, или принимала его; если она принимала, тогда, въ знакъ согласія, подбрасывала вверхъ свои шапки, затѣмъ устремлялась къ старшинѣ и требовала отъ нея полнаго согласія во всемъ съ собою. Въ случаѣ отказа со стороны старшины, чернь разгорячалась и грозила или бросить всѣхъ въ воду, или вовсе утопить въ рѣкѣ. Старшина, боясь противорѣчить сильной, могущественной и разъяренной черни, невольно соглашалась съ принятымъ рѣшеніемъ ея. Тогда изъ среды всего товарищества козаки избирали 20 депутатовъ, которые составляли особое маленькое коло; это коло долго совѣщалось между собой и подъ конецъ приглашало къ себѣ посла; когда посолъ являлся на приглашеніе, 20 депутатовъ вмѣстѣ съ посломъ садились на землю среди большого кола и открывали между собою переговоры. Послѣ окончанія переговоровъ, войсковые асаулы обходили вокругъ все большое коло и излагали всѣмъ результаты соглашеній между 20 депутатами и посломъ. Послѣ этого чернь снова отдѣлялась, снова собиралась въ особое коло, совѣщалась между собой и выражала свое согласіе громкими восклицаніями и бросаніемъ вверхъ шапокъ. Тогда рада считалась оконченной; посолъ выходилъ изъ кола, и въ честь его били въ барабаны, трубили въ трубы, десять разъ стрѣляли изъ пушекъ и ночью пускали ракеты. Однако, на этомъ рады не оканчивались. Въ тотъ-же вечеръ нѣкоторыя безпокойныя головы, соединившись съ зажиточными козаками, напримѣръ охотниками и владѣльцами челновъ, ходили изъ куреня въ курень и своими замѣчаніями объ отдаленности похода, опасности пути и разныхъ случайностяхъ войны смущали войсковую чернь и собирали новую раду утромъ слѣдующаго дня. На происшедшей радѣ чернь приходила къ противоположному рѣшенію прошлаго дня и немедленно сообщала о томъ послу, находив-

шемуся въ особомъ помѣщеніи Сичи. Посолъ старался разувѣрить козаковъ во всѣхъ опасностяхъ войны и обѣщалъ большія награды за понесенные въ походѣ труды. Съ своей стороны о томъ-же хлопотали и войсковые старшины козаковъ: они просили, всячески уговаривали ихъ не отказываться отъ лестныхъ и выгодныхъ предложеній, чтобы не подвергнуться вееобщему позору и посмѣянію за отказъ въ похвальномъ предпріятіи противъ враговъ Христовой вѣры. Но когда и послѣ этихъ увѣщаній козаки стояли на своемъ рѣшеніи, тогда кошевой, разгнѣвавшись, складывалъ съ себя званіе атамана и выходилъ вонъ изъ кола, объявляя, что онъ не желаетъ оставаться вождемъ людей, не дорожащихъ войсковою честью, козацкою славою и добрымъ именемъ. Съ уходомъ кошевого расходилось и коло. Однако, послѣ обѣда собиралась третья рада. Но какъ многіе не хотѣли идти на радную площадь добровольно, то асаулы загоняли ихъ кіями. Собравшись на третью раду, козаки прежде всего отправляли депутацію къ кошевому и просили его вновь принять надъ ними начальство; кошевой послѣ долгихъ отказовъ подъ конецъ соглашался и являлся вновь на площадь. Тутъ козаки излагали свои письменныя условія къ приглашавшему ихъ въ походъ государю и эти условія отсылались въ помѣщеніе посла съ просьбой на нихъ отвѣта. Посолъ, прочитавъ условія и найдя ихъ вполнѣ цѣлесообразными, являлся въ коло, объявлялъ свое согласіе на всѣ предложенные козаками пункты и въ заключеніе вручалъ имъ подарокъ въ нѣсколько тысячъ золотомъ въ открытомъ полѣ, по срединѣ котораго развивалось знамя государя, отъ коего пріѣзжалъ посолъ въ Сичь. Козаки, получивъ деньги, разстилали по землѣ нѣсколько татарскихъ кобеняковъ или плащей, обыкновенно носимыхъ ими, высыпали на нихъ деньги и приказывали нѣкоторымъ изъ старшинъ сосчитать ихъ. Послѣ этого посолъ выходилъ изъ кола, а рада все еще долго не расходилась съ площади. Въ заключеніе происходило еще нѣсколько радъ, послѣ которыхъ товарищество, въ полномъ собраніи, торжественно прощалось съ посломъ, благодарило его за понесенные имъ труды, дарило шубою и шапкою, выбирало собственныхъ пословъ, писало письмо къ иноземному, почтившему своимъ вниманіемъ запорожцевъ, го-

сударю и вмѣстѣ съ пріѣзжимъ посломъ отправляло изъ Сичи.

Ежегодная смѣна старшины происходила, конечно, въ видахъ гарантіи политической свободы въ средѣ запорожскихъ козаковъ; такъ понимало это и само сичевое товариство; но лица, не принадлежавшія къ запорожской общинѣ, объясняли это тѣмъ, что, часто смѣняя кошевыхъ, запорожскіе начальные козаки соблюдали будто бы свою личную выгоду, такъ какъ русскій дворъ обязанъ былъ дѣлать всякому новому кошевому подарокъ 7.000 рублей, которые онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между начальными козаками для расположенія ихъ въ свою пользу [1]). Но такое объясненіе не заслуживаетъ довѣрія уже по одному тому, что такой суммы денегъ русское правительство никогда не давало даже на все запорожское войско; кромѣ того, часто случалось, что запорожцы въ теченіи одного года смѣняли нѣсколько человѣкъ кошевыхъ, чѣмъ могли бы ввести правительство въ неисчислимые расходы. Нужно думать, что въ данномъ случаѣ одинъ какой-нибудь случай подалъ поводъ иностранцу обобщить его и считать постояннымъ.

Смѣна старшины среди года объяснялась частію личнымъ нерасположеніемъ къ ней запорожскаго товариства, большею-же частію уклоненіемъ съ ея стороны отъ военныхъ походовъ, когда того желало все войско. Наскучивъ мирнымъ бездѣйствіемъ въ Сичи, козаки кричали, что кошевой съ старшиною „обабывся“, т. е. облѣнился, сдѣлался „ганчиркою“, т. е. тряпкою, и потому избѣгаетъ опасностей войны, поэтому нужно выбрать было новаго кошевого, который бы почаще водилъ козаковъ на бой.

Кромѣ общихъ войсковыхъ радъ у запорожскихъ козаковъ были еще рады „до куреней“, называвшіяся у нихъ обыкновенно сходками [2]). Куренныя сходки происходили тогда, когда старшина и атаманы не желали собирать общей рады; тогда къ куреню кошевого собирались куренные атаманы, и совѣщаніе происходило только между избранными лицами; большею частію это бывало тогда, ког-

---

[1]) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 27.

[2]) Самарско-Николаевскій мон., Екатеринославъ, 1876, 104.

да дѣло шло о какихъ-нибудь незначительныхъ походахъ, о пограничныхъ разъѣздахъ или же о секретныхъ и экстренныхъ дѣлахъ, требовавшихъ большой тайны и немедленнаго исполненія. Примѣромъ такой частной сходки можетъ служить секретная рада Богдана Хмельницкаго тотчасъ по прибытіи его въ Запорожье изъ Украйны: явившись въ Сичь, Хмельницкій сперва долго совѣщался у кошевого и войсковой старшины; здѣсь онъ изложилъ причины, побудившія его бѣжать изъ Польши, и только послѣ этой частной сходки собрана была общая войсковая рада.

Наконецъ, были сходки еще по паланкамъ; но онѣ касались совсѣмъ мелкихъ вопросовъ и происходили между женатыми козаками, жившими большею частью хозяйственными интересами вдали отъ Сичи, по слободамъ и отдѣльнымъ зимовникамъ; по дѣламъ же, касавшимся всего войска, козаки-зимовчаки отправлялись въ Сичь и тамъ принимали участіе въ общихъ войсковыхъ радахъ [1]).

---

[1]) Источниками для настоящей главы были: Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, Одесса, 1852, 36—43; Записки о Россіи Манштейна, Москва, 1832, I, 27; Новый географическій словарь Максимовича и Щекатова, Москва, 1788, II, 7—46; Три книги Хотинской войны Якова Собѣскаго, Данцигъ, 1646; Сборникъ матеріаловъ Эварницкаго, Спб., 1888, 143; Записки Эриха Ласоты, Одесса, 1873, 32, 33, 36—38, 45, 46; Записки одес. общ. ист. и древн., XIV, 423, 457.

Административныя и судебныя власти въ запорожскомъ низовомъ войскѣ.

Состоя подъ верховною протекціей сперва польскаго, потомъ русскаго правительства, временно подъ покровительствомъ крымскаго хана, запорожскіе козаки во все время своего историческаго существованія управлялись собственнымъ, обыкновенно каждогодно смѣнявшимся и непремѣнно неженатымъ, начальствомъ. Полный штатъ начальственныхъ лицъ у запорожскихъ козаковъ, по различнымъ источникамъ, опредѣляется различно: 49, 118, 149 человѣкъ [1]). Послѣдовательно степень этихъ начальниковъ представляется въ такомъ, приблизительномъ, порядкѣ: войсковые начальники—кошевой атаманъ, судья, асаулъ, писарь, и куренные атаманы; войсковые служители—подписарій, булавничій, хорунжій, бунчужный, перначный, подъасаулій, довбышъ, поддовбышъ, пушкарь, подпушкарный, гармашъ, толмачъ, шафарь, подшафарь, кантаржей, и канцеляристы; походные и паланочные начальники—полковникъ, писарь, асаулъ, подписарій, подъасаулій. Когда впервые опредѣлился составъ запорожскихъ властей, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, указать нельзя; полагаютъ лишь, что чинъ кошевого существовалъ уже въ XVI вѣкѣ, тогда какъ чина войсковаго писаря въ это время еще не было [2]). Но такого указанія принять нельзя въ виду того, что самое слово „Кошъ“ становится извѣстнымъ, какъ мы видѣли, по документальнымъ даннымъ, около начала XVII столѣтія.

---

[1])Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 33; Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 55—58.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорусскаго народа, Кіевъ, 1874, I, 227, 243.

Первыя четыре изъ перечисленныхъ должностныхъ лицъ, именно кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой асаулъ и войсковой писарь, составляли собственно такъ называемую войсковую старшину; къ нимъ иногда причисляли куренныхъ атамановъ и старыхъ козаковъ, бывшихъ старшинъ, но уступившихъ, или добровольно или противъ воли, свои званія другимъ; остальныя названныя лица составляли или „младшую старшину“, „войсковыхъ служителей“, или-же паланочныхъ и перевозныхъ старшинъ; въ мирное время войсковая старшина управляла административными и судебными дѣлами войска, въ военное время предводительствовала козаками, уступая свое мѣсто въ Сичи наказной старшинѣ, но по окончаніи войны вновь принимая свои права.

Кошевой атаманъ соединялъ въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и духовную власть. Въ военное время кошевой былъ „главнымъ командиромъ“, „фельдмаршаломъ„ войска и дѣйствовалъ какъ совершенно неограниченный диктаторъ: онъ могъ выбросить непослушнаго за бортъ лодки или же на шеѣ съ веревкой тащить его за тяжелымъ обозомъ; въ мирное время онъ былъ “конституціоннымъ владыкою„ Запорожья и потому управлялъ всею областью козацкихъ вольностей съ ихъ паланками, селеніями, зимовниками и бурдюгами; исполнялъ роль верховнаго судьи надъ всѣми провинившимися и преступниками, и потому наказывалъ виновныхъ за проступки и опредѣлялъ казнь злодѣямъ за преступленія; считался верховнымъ начальникомъ запорожскаго духовенства и потому принималъ и опредѣлялъ духовныхъ лицъ изъ Кіева въ сичевую и паланочныя церкви, оставлялъ или возвращалъ ихъ назадъ, смотря по поведенію и способностямъ каждаго. Соединяя въ своихъ рукахъ такую обширную власть, кошевой атаманъ „властенъ былъ надъ жизнью и и смертью каждаго изъ казаковъ“ [1]), и хотя указомъ 1749 года, 13 марта, русскаго правительства строго воспрещались въ Сичи смертные приговоры, но кошевые атаманы

---

[1]) Записки о Хотинской войнѣ Якова Собѣскаго: Черниг. губ. вѣд., 1879, 2 ноября, 2, 9, 16 декабря; Архивъ Калачова до Россіи относящійся, Спб., 1861 9 пунктъ 13.

игнорировали подобныя приказанія и всегда подписывали смертные приговоры ворамъ и злодѣямъ, какъ это видимъ изъ многихъ примѣровъ: такъ, въ 1744 году повѣшенъ былъ въ Сичи козакъ Иванъ Покотило; въ 1746 году забитъ кіями въ Самарѣ козакъ Сухій; въ 1746 году повѣшены три козака въ Сичи и одинъ козакъ, Павло Щербина, въ самарской паланкѣ; въ 1770 году казненъ козакъ Зима въ протовчанской паланкѣ; первые шесть козаковъ казнены по предписанію кошевого Павла Козелецкаго, послѣдній, седьмой, по опредѣленію кошевого Петра Калнишевскаго [1]).

Обязанности кошевого состояли въ томъ, что онъ утверждалъ выбранныхъ на радѣ всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ чиновъ, узаконялъ распредѣленіе „по лясамъ“ земли, покосовъ, рыбныхъ ловель, звѣриныхъ уходовъ, раздѣлялъ военную добычу, войсковые доходы, царское жалованье, принималъ новыхъ лицъ въ Сичь, отпускалъ старыхъ козаковъ изъ Сичи, выдавалъ аттестаты заслуженнымъ товарищамъ, посылалъ ордера паланочной старшинѣ, входилъ въ дипломатическія сношенія съ сосѣдними государствами: русскимъ, польскимъ, крымскимъ, турецкимъ и отдаленнымъ германскимъ, принималъ королевскіе универсалы, царскіе указы, гетманскіе ордера. Оффиціально кошевой титуловался „Мосце пане атамане кошовый“; „господине кошевой“ „Его вельможность панъ кошовый атаманъ“; „Его благородіе панъ кошовый атаманъ“; неоффіціально назывался „батькомъ, панъ-отцомъ, вельможнымъ добродіемъ“; въ знакъ своего достоинства, при общественныхъ собраніяхъ, онъ держалъ въ рукѣ металлическую или за неимѣніемъ металлической, въ экстренныхъ случаяхъ, тростниковую булаву; въ церкви имѣлъ особое мѣсто, бокунъ или стасидію, рѣзного дерева, выкрашенную зеленой краской; на время отсутствія изъ Сичи назначалъ себѣ замѣстителя, называвшагося „намѣстникомъ атамана“ или „наказнымъ“ атаманомъ [2]), „кошевымъ товарищемъ“ [3]); послѣд-

---

[1]) Кіевская Старина, 1866, мартъ, 617; Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 63, прим. 1.

[2]) Величко, Лѣтопись, I, 75, 167, 183, 306, II, 295, 489, 561; III, 373; Эварницкій, Запорожье, Спб.. 1888, I, 86; 11, 189.

[3]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго: Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, 2 ноября, 2, 9, 12 декабря; Самоилъ Величко, Лѣтопись со-

ній могъ быть иногда даже во время пребыванія настоящаго кошевого въ Сичи [1]).

Но при всей своей силѣ кошевой атаманъ, однако, не былъ неограниченнымъ властелиномъ запорожскаго войска: не имѣя ни особеннаго помѣщенія, ни отдѣльнаго стола, называясь иногда даже уменьшительнымъ именемъ—Богданко, Петрусь, Калнышъ, кошевой былъ въ дѣйствительности только старшимъ между равными, „батькомъ“ для всѣхъ козаковъ, оттого имѣлъ больше моральное, чѣмъ дисциплинарное право. Власть его ограничивалась отчетомъ, временемъ и радой. Каждый кошевой ежегодно, 1 января, во время выбора войсковой старшины, долженъ былъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, касавшихся войска; при этомъ, если во время отчета за кошевымъ открывалось какое-либо преступленіе противъ войска, какое-либо неправильное рѣшеніе суда, какой-нибудь незаконный поступокъ противъ завѣтныхъ преданій запорожскихъ, то его даже казнили смертью [2]).

Есть извѣстіе, что первый предводитель козацкій, Предславъ Ландскоронскій, былъ казненъ за то, что имѣлъ намѣреніе привести козаковъ въ строгое повиновеніе [3]).

Въ 1739 году былъ убитъ козаками на крымской сторонѣ Днѣпра, противъ острова Хортицы, кошевой атаманъ Яковъ Тукало [4]).

Затѣмъ каждый кошевой избирался только на одинъ годъ, по истеченіи котораго на мѣсто его становился другой; исключенія дѣлались лишь для весьма немногихъ, особенно выдающихся и популярныхъ, лицъ, каковы: Иванъ Сирко, Константинъ Гордіенко, Иванъ Малашевичъ и Петръ Калнишевскій, изъ коихъ первый былъ кошевымъ атаманомъ въ теченіи 15 лѣтъ, а послѣдній въ теченіи 10 лѣтъ; но и тутъ все-таки кошевые оставались въ своей должно-

---

бытій, Кіевъ, 1855, III, 442; Акты южн. и зап. Рос., V, 150; X1, 355, 354, 339; XII, 112, 138, 821; XIII, 106.

1) Акты южной и западной Россіи, XII, 100.

2) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 28; Записки одес. общ, исторіи и древностей, XIV, 456.

3) Рукописное сказаніе о гетманахъ ажъ до Богдана Хмельницкаго.

4) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 12, примѣчаніе 11.

сти не на всю жизнь, а каждый годъ вновь избирались и вновь утверждались на общей радѣ всѣхъ козаковъ. Наконецъ, каждый кошевой былъ въ зависимости отъ рады, то-есть отъ совѣта всего "низового запорожского товарищества" или, говоря московскимъ и польскимъ языкомъ, отъ „черни" и „простонародья" козацкаго: „Кошевой у нихъ какъ безпорядочно избирался не голосами, а крикомъ и киданіемъ шапокъ на избираемаго, то также и лишался своей власти по прихоти непостоянной черни" [1]).

Безъ общей рады всего запорожскаго войска кошевой атаманъ ничего не могъ и ничего не смѣлъ предпринять: „У насъ не едного пана кошового порада до писання листовъ бываетъ, лечъ всего войска нашего запорожского единогласна: що кгди скажетъ въ листу доложити, того а нѣ панъ кошовій, а нѣ писаръ безъ езволенія нашего переставляти сами собой неповинни" [2]).

Кошевой не имѣлъ права даже распечатывать самолично писемъ, присылавшихся на его имя откуда-либо въ Сичь. Оттого когда въ 1676 году пріѣхалъ въ Запорожье посланецъ гетмана Самойловича, Карпъ Надточій, и вручилъ письмо гетмана кошевому Сирку въ куренѣ, то Сирко не принялъ этого письма наединѣ, а велѣлъ вынести его на раду и тамъ вручить себѣ [3]).

Оттого-же на всѣхъ ордерахъ и письмахъ, посылавшихся куда-либо отъ имени кошевого изъ Сичи, всегда дѣлалась подпись не одного кошевого, а со всей старшиной и войскомъ: „Атаманъ кошовый, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ войска низового запорожского товариствомъ", „Атаманъ кошовый, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска его царского пресвѣтлого величества низового запорожского"; „Атаманъ кошовый войска запорожского зъ атаманнею и зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ"; „Атаманъ кошовій зо всѣмъ, низовимъ войска запорожского товариствомъ"; "Атаманъ кошовый зо всѣмъ войска ни-

---

1) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго: Черн. губерн. вѣд., 1849, 25 ноября.

2) Величко, Лѣтопись Кіевъ, 1855, III, 175.

3) Акты южной и западной Россіи, XII, 549.

зового запорожского товариствомъ“; „Атаманъ кошовый зъ атаманнею и зо всѣмъ старшимъ и меншимъ Днѣпровонизовымъ войска запорожского товариствомъ“; „Атаманъ кошовій войска низового запорожского, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ“; „Ея Императорскаго Величества войска запорожского низового атаманъ кошовій (имя рекъ) свойскомъ, старшиною и товариствомъ“; „Атаманъ кошевой (имя рекъ) стовариствомъ“; „Атаманъ кошевой и товариство“ [1]).

Въ словесныхъ сношеніяхъ съ козаками кошевой обращался съ ними не повелительно, а отечески или товарищески, называя ихъ „дитками, братчиками, панами-молодцами, товарищами“; такъ, выслушавъ какую-нибудь бумагу на войсковой радѣ, кошевой обращался съ рѣчью къ товариству: „А шо будемъ робыты, паны-молодци?“ „Братія моя милая, атаманы молодцы, войско запорожское низовое, днѣпровое, какъ старый, такъ и молодой“ [2]). Если случалось рѣшать какое-либо важное войсковое дѣло, то кошевой атаманъ созывалъ все товариство на общее собраніе и, принявъ важный и вмѣстѣ почтительный видъ, входилъ съ открытою головой на опредѣленное мѣсто среди радной площади, становился подъ войсковое знамя, кланялся нѣсколько разъ собранію и, стоя во все время рады, держалъ къ товариществу рѣчь, или осуждая какое-нибудь преступленіе, или смиренно прося у войска какой-либо въ свою пользу благосклонности. Козаки слушали его съ большимъ вниманіемъ, а потомъ громко высказывали каждый свое мнѣніе и, въ случаѣ несогласія съ кошевымъ, показывали это своимъ голосомъ и разными тѣлодвиженіями; въ случаѣ же находили требованіе кошевого несообразнымъ или просто мало основательнымъ, то совсѣмъ не покорялись его волѣ и лишали всеобщаго уваженія [3]).

Какъ на Украйнѣ гетманъ, такъ въ Запорожьѣ кошевой атаманъ имѣлъ при „боку“, особенно во время военныхъ

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, 1, 185, 312, 356; II, 35, 100, 226, 345, 382, 396, 472, 493, 500, 543; III, 58, 176; Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 312, 317, 318, 324, 325, 327, 328, 333, 338.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 351, 354.

[3]) Записки о хотинской войнѣ Собѣскаго: Черниг. губ., вѣд; 1849.

походовъ, нѣсколько человѣкъ, отъ 30 до 50, слугъ, выполнявшихъ обязанности адъютантовъ при „власной“ особѣ кошевого; это были такъ называемые молодики, джуры или хлопцы, слуги-товарищи, исполнявшіе такую же роль при кошевомъ, какую исполняли пажи при важной особѣ какого-нибудь рыцаря. Во время войны 1769 года въ строевыхъ козацкихъ реестрахъ показано нѣсколько человѣкъ молодиковъ „при пану кошевому“ [1]); впрочемъ, эти же молодики прислуживали не только кошевому, но и другимъ лицамъ войсковой старшины, по два или по три при каждомъ; по словамъ англичанина Рондо, большею частію въ хлопцы или слуги сичевыхъ козаковъ попадали молодые люди изъ поляковъ [2]).

Судя по этимологическому значенію, слово „джура“ или „чура“ значитъ плѣнникъ; съ такимъ значеніемъ оно употребляется у арабовъ; у средне-азіатскихъ сартовъ „джура“ значитъ „невольникъ, рабъ“ [3]). Но что это были не простые слуги при кошевомъ и другихъ старшинахъ, видно изъ самыхъ обязанностей, на нихъ возлагавшихся: „молодики должны были Богу добре молиться, на конѣ репьяхомъ сыдити, шаблею отбиватьця, списомъ добре колоты и изъ рушныци зорко стриляти.“ Впрочемъ, слово „молодикъ“ иногда означало въ Сичи и просто молодой человѣкъ [4]).

Жизнь кошевого атамана, какъ и прочихъ старшинъ, нисколько не отличалась отъ жизни остальныхъ козаковъ: онъ пребывалъ всегда въ томъ самомъ куренѣ, въ которомъ состоялъ и раньше до избранія своего на должность кошевого; столъ и пищу имѣлъ въ томъ же куренѣ, обще съ козаками [5]); даже платье получалъ изъ общаго войскового скарба [6]). Такъ было искони вѣковъ и только подъ конецъ историческаго существованія Запорожья войсковая старшина стала обзаводиться собственны-

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 93, пр I.

2) Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.

3) Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1884, I, 140, II, 40.

4) Акты южной и западной Россіи, XI, 354, Записки одес. общ. исторіи древн., XIV, 498.

5) Акты южной и западной Россіи, XII, 550; XIII, 424, 434.

6) Акты южной и западной Россіи, IX, 607.

ми домами въ Сичи и имѣть отдѣльный столъ для себя, а въ XVIII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, кошевые атаманы стали жить уже въ особыхъ домахъ, которые выстраивались среди площади „города“; тамъ же стояли особые дома для войскового судьи и писаря. Въ 1755 году у отставного кошевого атамана Якима Игнатовича имѣлся гдѣ-то, нужно думать, внѣ Сичи, „свой дворъ“. „Былъ я, пишетъ переводчикъ съ Никитинской заставы Семеновъ, у стараго кошевого, у Якима, и сказалъ ему, что ѣду въ Никитину заставу, пришелъ проститься, и сталъ ему говорить, для чего онъ не ѣдетъ въ свой дворъ второй годъ, ибо тамъ спокойнѣе будетъ; онъ сказалъ, что боится туда ѣхать, чтобъ его тамъ непріятели его своею компаніею не задавили до смерти.“ [1]) Главными источниками дохода кошевого атамана были: участокъ земли, дававшійся ему войскомъ при общемъ раздѣлѣ земныхъ угодій между козаками, каждаго новаго года; царское жалованье —70 рублей въ годъ; часть пошлины за перевозы черезъ рѣки; часть пошлины съ товаровъ, именно „кварта“, т. е. ведро отъ всякой „куфы“ или бочки привозимыхъ въ Сичь горилки и бѣлаго вина, часть муки, крупы и крымскихъ или турецкихъ товаровъ—„по товару отъ всякой ватаги“; судебная вира, т. е. плата за раскованіе преступника отъ столба и „нѣкоторый малый презентъ“ отъ всякихъ просителей; часть военной добычи отъ всякой малой партіи козаковъ, отправлявшихся на какіе-либо поиски; случайныя приношенія отъ шинкарей, брагарниковъ, мясниковъ и калачниковъ медомъ, пивомъ, бузою (брагою), мясомъ и калачами. Кромѣ всего этого на праздникъ Рождества Христова и святой Пасхи кошевой получалъ такъ-называемый „ралецъ“, т. е. подарокъ, по двѣ или по три пары лисицъ и большихъ калачей, отъ шинкарей, купцовъ и мастеровыхъ: они собирались тремя отдѣльными партіями, являлись съ поклономъ къ кошевому и подносили ему свои дары; за это кошевой долженъ былъ угощать ихъ, пока схотятъ, холодною горилкою и медомъ. Въ эти-же дни кошевой поилъ

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 года, январь, 127; Записки одес. общ. ист. и др; XIV, 618.

и угощалъ у себя въ куренѣ всю старшину, куренныхъ атамановъ и простыхъ козаковъ. Наконецъ, кошевому атаману шли еще нѣкоторыя изъ приблудныхъ, пойманныхъ на степи, лошадей: онѣ держались въ теченіе трехъ дней и, если по истеченіи этого времени, къ нимъ не отыскивался хозяинъ, поступали въ собственность войсковой старшины, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и кошевого.

Войсковой судья былъ вторымъ лицомъ послѣ кошевого атамана въ запорожскомъ войскѣ; какъ и кошевой атаманъ, онъ избирался на войсковой радѣ изъ простаго товарищества. Судья былъ блюстителемъ тѣхъ предковскихъ обычаевъ и вѣковѣчныхъ порядковъ, на которыхъ зиждился весь строй козацкой жизни; въ своихъ рѣшеніяхъ онъ руководствовался не писаннымъ закономъ, какъ совсѣмъ не существовавшимъ у запорожскихъ козаковъ, а преданіями или традиціями, должно быть, занесенными изъ Украйны въ Запорожье, переходившими изъ устъ въ уста и освященными временемъ многихъ вѣковъ. Обязанностію войскового судьи было судить виновныхъ скоро, право и нелицепріятно; онъ разбиралъ уголовныя и гражданскія дѣла и произносилъ судъ надъ преступниками, представляя, однако, окончательный приговоръ суда рѣшать кошевому атаману или войсковой радѣ. Войсковой судья иногда замѣнялъ особу кошевого, подъ именемъ „наказнаго кошевого атамана“, исполнялъ должность казначея и артиллеріи начальника при войсковомъ „скарбѣ и арматѣ“. Внѣшнимъ знакомъ власти войскового судьи была большая серебряная печать, которую онъ обязанъ былъ держать при себѣ во время войсковыхъ собраній или радъ и прикладывать къ бумагамъ, на которыхъ постановлялось рѣшеніе всей рады [2]). Судья, какъ и кошевой атаманъ, не имѣлъ ни особаго жилища, ни отдѣльнаго стола, а жилъ и питался обще съ козаками своего куреня. Главнымъ доходомъ судьи было царское жалованье—70 рублей въ годъ

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48—51.

[2]) До насъ дошло много бумагъ сичевого архива, на которыхъ послѣ подписи кошевого атамана слѣдуетъ выпуклая, сдѣланная посредствомъ сильнаго нажима, печать съ воиномъ по серединѣ; кромѣ того была и сюргучная печать съ такимъ же воиномъ.

и часть пошлины за перевозы черезъ рѣки; кромѣ того, онъ получалъ, какъ и кошевой, ведро водки или бѣлаго вина отъ каждой привозимой въ Сичь куфы, „по товару“ отъ всякой ватаги, одного коня изъ приблудившихся лошадей, выкупъ за „отбитіе“ преступника отъ столба, „малый презентъ“ отъ всякаго просителя, часть добычи отъ каждой партіи, извѣстное количество меду, пива, бузы, мяса и калачей отъ сичевыхъ шинкарей, брагарниковъ, мясниковъ и калачниковъ, наконецъ, рождественскій и пасхальный ралецъ [1]).

Войсковой писарь, какъ и кошевой атаманъ и войсковой судья, выбирался товариществомъ на общей радѣ и завѣдывалъ всѣми письменными дѣлами запорожскаго войска. Такъ, онъ разсылалъ приказы по куренямъ, велъ всѣ счета приходовъ и расходовъ, писалъ, иногда по совѣщанію съ монахами, бумаги къ разнымъ государямъ и вельможамъ отъ имени всего запорожскаго войска [2]), принималъ всѣ указы, ордера, листы и цидулы, присылавшіеся отъ разныхъ царственныхъ, властныхъ и простыхъ лицъ въ Сичь, на имя кошевого атамана и всего низового войска. У запорожскихъ козаковъ обязанности войскового писаря исполняло одно лицо, но при немъ, въ качествѣ помощника, состоялъ выборный войсковой подписарій и сверхъ того иногда нѣсколько человѣкъ „канцелярскихъ разнаго званія служителей“ [3]). Настоящей канцеляріи, въ видѣ особаго учрежденія, для писаря въ Запорожьѣ не полагалось, и всѣ письменныя дѣла отправлялись при „квартирѣ“ (т. е. курені) писаря [4]). Обязанность писаря считалась въ Запорожьѣ столь важной и отвѣтственной, что если-бы кто другой, вмѣсто него, осмѣлился писать отъ имени Коша кому-либо или принимать письма, присылаемыя на имя писаря, того безъ пощады казнили смертью [5]). Значеніе войскового писаря въ Запорожьѣ было очень велико: многіе изъ войсковыхъ писарей вліяли на настроеніе всего войска;

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48—51.
2) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго, Черн. губ., в., 1849.
3) Въ 1775 году число ихъ показано 20: Скальковскій, I, 57.
4) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 47.
5) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 28.

многіе держали въ своихъ рукахъ всѣ нити политики и общественной жизни своего времени; оттого роль войсковыхъ запорожскихъ писарей сравниваютъ съ ролью генеральнаго секретаря или даже военнаго министра въ наше время. Вліяніе войсковыхъ писарей тѣмъ сильнѣе было въ Запорожьѣ, что большинство изъ нихъ оставалось на своихъ должностяхъ въ теченіе многихъ лѣтъ безсмѣнно. Такъ, извѣстно, что въ теченіе 41 года, отъ 1734 по 1775 годъ, въ войскѣ запорожскомъ смѣнилось всего лишь четыре человѣка въ званіи войскового писаря. [1]). Но при всемъ своемъ дѣйствительномъ значеніи, войсковой писарь, однако нигдѣ и ни въ чемъ не старался показывать свою силу; напротивъ того, онъ всегда держалъ себя ниже своего положенія. Оттого на всѣхъ бумагахъ, исходившихъ отъ войскового писаря, мы нигдѣ не встрѣчаемъ его единоличной первоначальной подписи: обыкновенно писарь, въ концѣ каждой бумаги,—подписывалъ извѣстную формулу: „Атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ низовимъ войска запорожского товариствомъ“; далѣе, если кошевой былъ грамотный, то онъ собственноручно подписывалъ свою фамилію; если же онъ былъ неграмотенъ, то вмѣсто него писалъ его фамилію писарь, часто при этомъ необозначая того, что онъ подписываетъ „вмѣсто неграмотнаго“ кошевого и съ его согласія или приказа. На бумагахъ, исходившихъ отъ имени запорожскаго войска, очень рѣдко можно встрѣтить имя и фамилію писаря: „Писарь войска запорожского низового Андрей Тарасенко“, или „Иванъ Глоба“. Внѣшнимъ знакомъ достоинства войскового писаря была въ длинной серебряной оправѣ чернильница—каламарь, отъ восточнаго слова „калямъ—тростникъ“; [2]) при войсковыхъ собраніяхъ, писарь затыкалъ свой каламарь за поясъ, а гусиное перо, обыкновенно находившееся въ длинной трубкѣ тогоже каламаря, извлекалъ изъ трубки и закладывалъ за правое ухо [3]). Жизнь и содержаніе войскового писаря во всемъ были схожи съ жизнью

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.

2) Восточные люди писали не перомъ, а тростникомъ, очиненнымъ на подобіе карандаша, который они обмакивали въ мокрую тушь.

3) Такъ изображенъ писарь у Ригельмана; приложенія рисунковъ.

и содержаніемъ войскового судьи, т. е. онъ получалъ 50 рублей казеннаго жалованья и тѣ-же приношенія отъ бочекъ водки, товаровъ, судебной пени и т. п.

Войсковой асаулъ, такъ-же, какъ кошевой атаманъ, судья и писарь, избирался общею радою изъ простыхъ козаковъ низового товарищества; обязанности войскового асаула были очень сложны: онъ наблюдалъ за порядкомъ и благочиніемъ между козаками въ мирное время въ Сичи, въ военное въ лагерѣ; слѣдилъ за исполненіемъ судебныхъ приговоровъ по рѣшенію кошевого или всей рады, какъ въ самой Сичи, такъ и въ отдаленныхъ паланкахъ войска; производилъ слѣдствія по поводу разныхъ споровъ и преступленій въ средѣ семейныхъ козаковъ запорожскаго поспольства; заготовлялъ продовольствіе для войска на случай войны, принималъ хлѣбное и денежное жалованье и, по приказу кошевого, раздѣлялъ его сообразно должности каждаго старшины; охранялъ всѣхъ проѣзжавшихъ по степямъ запорожскихъ вольностей; защищалъ интересы войска на пограничной линіи; посылался впереди войска для развѣдки о непріятеляхъ; слѣдилъ за ходомъ битвы во время сраженія; помогалъ той или другой сторонѣ въ жаркія минуты боя. Оттого мы видимъ, что въ 1681 году войсковой асаулъ, съ нѣсколькими козаками, охранялъ московскихъ пословъ во время ночлега ихъ на рѣкѣ Базавлукѣ [1]); въ 1685 году, по просьбѣ кызыкерменскаго бея, онъ сгонялъ съ Низу Днѣпра до Сичи козаковъ, занимавшихся здѣсь уводомъ татарскихъ лошадей и причинявшихъ другія „шкоды“ татарамъ [2]); въ 1765 году онъ посылался отъ Сичи къ Днѣпру и Орели для охраненія запорожской границы и козацкихъ зимовниковъ отъ русской линейной команды; въ 1757, 1758, 1760 годахъ асаулъ, съ большими командами, преслѣдовалъ въ степи „харцызовъ“ и гайдамакъ [3]). Оттого же понятно, почему войскового асаула разные мемуаристы и историки называютъ „поручикомъ“ [4]), „древнимъ архонтомъ афинскимъ“ [5]), правой рукой и правымъ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II 646.
[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 552.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.
[4]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 36.
[5]) Корнелій Крюйсъ, Разысканія о Донѣ: В. Е., 1824. № 53, 64.

глазомъ кошевого, и сравниваютъ его должность съ должностью министра полиціи, генералъ-адъютанта при фельдмаршалѣ [1]). Въ Хивѣ асаулами называются придворные офицеры, на обязанности которыхъ лежитъ вводить просителей въ ханскій дворецъ во время такъ называемыхъ арзовъ, т. е. публичныхъ аудіенцій [2]). При дворѣ коканскаго хана асаулами назывались должностныя придворныя лица, которыя посылались ханомъ въ отдаленные кишлаки (селенія) для провѣрки за правильностію дѣйствій народныхъ казіевъ или судей. Въ Коканѣ существовалъ обычай, что всякій человѣкъ, недовольный рѣшеніемъ судьи, обращался съ жалобой на него къ самому хану или его беку; въ такомъ случаѣ, для разслѣдованія дѣла, посылалось придворное лицо, асаулъ. На обязанности асаула лежало сдѣлать предварительное дознаніе, чрезъ окольныхъ лицъ, въ справедливости претензіи истца, передать приказъ хана казію о новомъ разборѣ дѣла, доставить на судъ, въ случаѣ надобности, отвѣтчика, слѣдить все время за ходомъ новаго судебнаго разбирательства и содѣйствовать приведенію въ исполненіе рѣшеніе казія [3]). Чинъ асаула существовалъ и у монголовъ, но что онъ означалъ, неизвѣстно; у татаръ, по словамъ арабскаго писателя Абуль-Махасена, асаулъ означалъ начальника гвардіи [4]). Внѣшнимъ знакомъ власти запорожскаго войскового асаула была деревянная трость, на обоихъ концахъ скованная серебряными кольцами, къ концамъ утолщенная, по срединѣ нѣсколько спущенная, которую онъ обязанъ былъ держать во время войсковыхъ собраній. Жизнь и доходы войскового асаула были такіе-же, какъ и войскового писаря; но жалованья онъ получалъ 40 рублей въ годъ. Въ помощники войсковому асаулу выбирался войсковой подъасаулій, а на случай войны войсковой обозный, вѣдавшій артиллерію и войсковое продовольствіе и раздѣлявшій всѣ труды асаула [5]).

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.

2) Вамбери, Путешествіе въ Среднюю Азію, Спб., 1865, 66, 67, 166.

3) Саттаръ-ханъ, Краткій очеркъ коканскаго ханства, Ташкетъ, 1893.

4) Труды восточ. отдѣленія археол. общества, Спб., 164, 440, 458.

5) Въ запискахъ Якова Собѣскаго асаулами называются четыре лица послѣ кошевого атамана, составлявшія штатъ войсковыхъ совѣтниковъ.

Всѣ четыре названныя лица—кошевой, судья, писарь и асаулъ—составляли запорожскую войсковую старшину, вѣдавшую военныя, административныя, судебныя и даже духовныя дѣла всего запорожскаго низового войска; слѣдовавшія за ними должностныя лица только помогали главнымъ и исполняли ихъ волю и приказанія. Не довольствуясь управленіемъ края изъ Сичи, войсковая старшина не разъ отправлялась вовнутрь козацкихъ вольностей по городамъ, селамъ и зимовникамъ, чтобы на самыхъ мѣстахъ сдѣлать такое или иное распоряженіе, сообразно нуждамъ и потребностямъ населенія: или уравнять повинности, или освободить отъ податей, или раздѣлить угодья, или разобрать ссоры и наказать преступниковъ. Какъ происходили эти поѣздки, видно изъ походныхъ журналовъ сичевого архива, сохранившихся до нашего времени. Лучшимъ образчикомъ такого журнала можетъ служить журналъ 1772 года: „Его вельможность, атаманъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій, панъ судья войсковой Николай Тимофѣевичъ, панъ писарь войсковой Иванъ Яковлевичъ Глоба, бывшій войсковой судья, Андрей Артемьевичъ Носачъ, начальникъ церквей, отецъ Владиміръ Сокальскій съ дьякономъ и войсковая канцелярія походная, февраля 28 числа, 1772 года, въ четвертокъ, до восходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго старшины, войскового асаула, Василія Андреевича Пишмича. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали и, заночевавъ черезъ всю ночь, онымъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальнѣйшій путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣденное время въ зимовникъ Пишмичевъ [1]). Коимъ встрѣчею будучи приняты весьма хорошо, пановъ и при панахъ бывшихъ, принимано, какъ-то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою нескудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши, поѣхали, и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца поспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ По-

---

1) Теперь село Письмичевка, Екатеринославскаго уѣзда, на рѣчкѣ Комышеватой Сурѣ, притокѣ Мокрой-Суры.

пасныхъ буеркахъ козаками новокодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми, съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать икъ козацкому городу, тогда во-первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ священники со діаконы, при башнѣ, что отъ войскового дворца, для встрѣчи со крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того священники уже разобравшись со священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ войсковой дворецъ къ пану кошевому приходили и, хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ панъ кошевой съ паномъ пысаремъ, панъ же судья съ Андреемъ Артемовичемъ у Кондрата Сѣверскаго, а отецъ начальникъ съ дьякономъ у священника Василія Алексѣева квартирами стали. И ходили 25 числа въ субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акаѳистъ, а по акаѳистѣ пѣто умиленную пѣснь „О, всепѣтая Мати“ и другія. А когда акаѳистъ совсѣмъ совершился, начата отцемъ Ѳедоромъ Ѳомичемъ (кодацкимъ настоятелемъ) служба божія. А по службѣ панъ кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь изъ Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и намѣстника Григорія Порохню, звалъ и по нѣсколько чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ Полтавцу кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей панъ кошевой опочивши, ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ, и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуемая была отцемъ начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ пану судьѣ. Пообѣдавши-жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру іерея Ѳедора, гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И панъ кошевой въ своей до вечерняго звона бывъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни жъ къ іерею Василію вечеряти и въ гости до іерея Артема ходилъ, у коего и пѣвчими былъ забавленъ; а оттуда, нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ. И отъ 27 февраля за прощеніе принялись. Въ суб-

боту сообщались (пріобщались св. тайнамъ) всѣ паны. Отъ субботы до вторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ, 6 числа, марта, о полдень, взялись въ обратный маршъ: панъ кошевой, панъ судья и отецъ начальникъ, кои коль скоро въ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 2 пушекъ, и козаки съ прапоромъ до Попасныхъ (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы-же противу 7 числа марта невдаль Стефана Васильевича зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой ночевали. Авось либо и въ Сѣчь попадемъ".

Изъ подобнаго-же журнала узнаемъ, что такой-же объѣздъ войсковой старшины съ цѣлью административною, судебною и хозяйственною совершенъ былъ ею и въ 1774 году. [1])

Послѣ запорожской войсковой старшины слѣдовали куренные атаманы, называемые просто „отамання", числомъ 38, по числу куреней въ запорожской Сичи. Званіе куренныхъ атамановъ, какъ нужно думать, идетъ съ тѣхъ поръ, когда установлено было дѣленіе всего войска на курени. Должность куреннаго атамана, какъ и другія, была выборная; въ куренные избирался человѣкъ расторопный, храбрый, рѣшительный, иногда изъ бывшей войсковой старшины, а большею частію изъ простыхъ козаковъ; выборъ куренного атамана извѣстнаго куреня составлялъ частное дѣло только этого куреня и исключалъ вмѣшательство козаковъ другого куреня. Куренные атаманы прежде всего исполняли роль интендантовъ въ Сичи; прямою ихъ обязанностію были доставка провизіи и дровъ для собственнаго куреня и храненіе денегъ и имущества козаковъ въ куренной скарбницѣ; оттого у куреннаго атамана всегда находились ключи отъ скарбницы, которые въ его отсутствіе никто не смѣлъ брать, если на то не было разрѣшенія отъ куреннаго. Куренные атаманы заботились о козакахъ своего куреня, какъ отцы о собственныхъ дѣтяхъ и, въ случаѣ какихъ-либо проступковъ со стороны козаковъ, винов-

---

[1]) Кіевская Старина, 1886, мартъ, XIV. 605—607.

ныхъ наказывали тѣлесно, не испрашивая на то ни у кого разрѣшенія [1]). „Въ куренѣ старшій былъ атаманъ куренной, а по немъ кухарь; ежели козаки прошкодятъ, то атаманъ и кухарь, осудя оныхъ, говорятъ: а, подайте кіúвъ на сýчихъ сынúвъ! и виноватыхъ бьютъ кіями“ [2]). Любимыхъ куренныхъ атамановъ запорожскіе козаки слушались иногда больше, чѣмъ кошевого или судью, и потому часто черезъ куренныхъ атамановъ кошевой атаманъ въ трудныхъ и опасныхъ вопросахъ или случаяхъ дѣйствовалъ и на настроеніе всего войска; такимъ образомъ куренные атаманы служили какъ-бы посредниками между значною старшиною и простымъ товариществомъ, а иногда и орудіемъ въ рукахъ кошевого, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣло требовало немедленнаго рѣшенія всего войска, а войско, въ цѣломъ составѣ, или уклонялось дать свой скорый отвѣтъ, или-же вовсе не было согласно на предложеніе кошевого. Отдавая полную дань уваженія куреннымъ атаманамъ, запорожскіе козаки едва-ли считали должность куреннаго необходимымъ условіемъ для полученія должности кошевого [3]); по крайней мѣрѣ, историческихъ данныхъ на то никакихъ не имѣется; можно лишь думать, что это было въ большинствѣ случаевъ, но не составляло непремѣннаго условія. Неспособныхъ, пьяницъ, небрежныхъ или просто не съумѣвшихъ понравиться козакамъ куренныхъ атамановъ козаки немедленно сбрасывали и даже иногда казнили смертью: „Едного же старѣйшаго въ куренѣ имѣютъ, въ воинскихъ дѣлехъ воина искуснѣйшаго, и того почитаютъ и повинуются ему, аки найвишому, по кошовомъ атаманѣ, началу; но и старѣйшины ихъ живутъ купно съ опаствомъ, аще бо бы чѣмъ-нибудь ихъ оскорбилъ надъ право, то абіе бѣднѣ и безчестнѣ предаютъ ихъ смерти“ [4]). Кромѣ прямыхъ обязанностей куренные атаманы въ числѣ 17 человѣкъ, ежегодно отправлялись изъ Сичи въ столицу за полученіемъ царскаго денежнаго и хлѣб-

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 44.
2) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.
3) Такъ думаетъ Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 70.
4) Григорій Грабянка, Лѣтопись презѣльной брани, Кіевъ, 1854,, 19.

наго жалованья; въ военное время они всегда оставались при своихъ куреняхъ „на господарствѣ“[1]), и вмѣсто нихъ шли, „аки командиры“, наказные куренные атаманы, которые выступали всегда во главѣ своихъ куреней и показывали примѣръ храбрости и неустрашимости для простыхъ козаковъ; во время похода всякій курень имѣлъ свою хоругвь, и козакъ, носившій эту хоругвь, назывался хорунжимъ. Главнымъ доходомъ куренныхъ атамановъ было царское жалованье—по 27 рублей на каждаго, кромѣ тѣхъ 17 атамановъ, которые ежегодно отправлялись въ столицу за жалованьемъ и зато сверхъ опредѣленныхъ 27 получали по 18 рублей на человѣка [2]); кромѣ того, куренные атаманы получали отъ козаковъ, ѣздившихъ на добычи „по ласкѣ“, что каждый захочетъ дать; деньги-же, которыя они собирали за лавки и избы на базарахъ, отдававшіяся въ наемъ шинкарямъ и крамарямъ, также сборъ отъ котловъ и отдававшихся въ наемъ куренныхъ дубовъ или лодокъ, они обращали на потребности куреней, чтобы они ни въ чемъ не нуждались [3]).

Послѣ войсковой старшины и куренныхъ атамановъ слѣдовали такъ называемые „батьки“, или „старики“, „сивоусые диды“, „знатные радцы“ [4]), т. е. бывшіе войсковые запорожскіе старшины, или оставившіе свои должности по старости лѣтъ и по болѣзни, или уступившіе ихъ другимъ послѣ войсковой рады. Опытность, прославленная отвага, отчаянное удальство въ молодые годы—давали имъ право на громадный нравственный авторитетъ въ средѣ запорожскаго войска. Это были столбы всего низового войска, носители всѣхъ его преданій и строгіе исполнители козацкихъ обычаевъ: они отрезвляли и усмиряли не знавшихъ никакой узды, при полномъ равенствѣ товарищества, молодыхъ козаковъ; они даже часто шли противъ воли „власной“ старшины, не исключая самого пана кошевого, когда видѣли въ чемъ-либо нарушеніе съ его стороны предковѣчныхъ порядковъ запорожской общины. На рáдной

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 71,
[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 76, 130, 159, 172, 186.
[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 51.
[4]) Акты южной и западной Россіи, XI, 351, 356.

площади „сивоусые“ дѣды занимали мѣсто тотчасъ послѣ войсковой старшины; въ совѣщаніяхъ по куренямъ—тотчасъ послѣ куренныхъ атамановъ; во время войны начальствовали надъ отдѣльными отрядами и даже иногда надъ самыми полковниками; при отправкѣ „листовъ“ отъ сичевого товарищества приписывались тотчасъ послѣ имени кошевого атамана, а послѣ смерти пользовались такою честью, что, при ихъ погребеніи, одинъ разъ палили изъ пушекъ, „а изъ мелкаго ружья болѣе, нежели по другимъ простымъ козакамъ“ [1]).

Въ ордерахъ запорожскаго Коша и въ посланіяхъ отъ разныхъ лицъ на имя Коша старики выставлялись наравнѣ съ войсковою старшиною и куренными атаманами. „Въ наступающій 1765 годъ, писалъ изъ Петербурга кошевой атаманъ Григорій Ѳедоровъ въ Сичь своему замѣстителю, Павлу Головатому, вы не сдѣлайте того, чтобы отъ правленія уволняться... Чтобъ же войско вамъ перемѣну въ нынѣшнемъ плачевномъ времени не захотѣло дѣлать, хотя я и не надѣюсь, я писалъ о томъ старикамъ“. На этомъ-же самомъ письмѣ сдѣлана была надпись судьи: „Сія карта получена отъ пана кошевого 6 декабря, на другой день объявлена на сходкѣ атаманамъ въ присутствіи стариковъ. Затверждено—со всѣмъ по сему исполнить“. Въ 1774 году князь Григорій Потемкинъ, упрекавшій запорожскаго депутата Антона Головатаго въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ запорожскаго Коша, получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ: „Кошевой и старшина тому не причиною, а дѣлается сіе отъ общества; кошевому и старшинамъ кучатъ старики, атаманы и войско“ [2]).

За войсковою старшиной слѣдовали войсковые служители—довбышъ, пушкарь, толмачъ, кантаржей, шафарь, канцеляристы и школьные атаманы.

Войсковой довбышъ, „добошъ“, политаврщикъ, вѣдалъ войсковыми литаврами, которыми онъ призывалъ козаковъ на рады, общія и частныя, 1 января каждаго новаго года, 1 октября, на Покровъ пресвятой Богородицы, въ извѣст-

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 43.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 90, 91.

ные дни марта или апрѣля, на праздникъ Воскресенія Христова, наконецъ въ виду походовъ на враговъ или во время пріема важныхъ особъ въ Сичи. Кромѣ этой прямой обязанности войсковой довбышъ иногда исполнялъ обязанности другихъ чиновъ, особенно полицейскихъ: такъ, онъ снималъ съ осужденныхъ преступниковъ платья и приковывалъ ихъ къ позорному столбу на площади [1]), привозилъ изъ паланокъ въ Сичь разныхъ „харцызовъ“, присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ, побуждалъ посполитыхъ къ скорѣйшей уплатѣ податей и немедленному пріѣзду, въ виду походовъ, изъ зимовниковъ въ Сичь, наконецъ, взыскивалъ въ пользу войска пошлины и перевозы черезъ рѣки [2]). За исполненіе своихъ обязанностей довбышу давалась „особливая великая всякій годъ плата“ [3]), но, какъ видно изъ росписи войскового жалованья 1768 г., не больше, однако, трехъ рублей въ годъ. Въ помощь войсковому довбышу давался выборный поддовбышъ.

Войсковой пушкарь завѣдывалъ всею войсковою запорожскою артиллеріей, т. е. пушками, мортирами, порохомъ, дробью, свинцомъ, ядрами и пулями; кромѣ того онъ выполнялъ должность смотрителя войсковой тюрьмы, потому что подъ его надзоромъ находились преступники, ожидавшіе суда и временно содержавшіеся при войсковой пушкарнѣ, или осужденные и приговоренные къ тюремному заключенію; наконецъ, войсковой пушкарь ежегодно выѣзжалъ изъ Сичи, обыкновенно весной, для пріема провіанта, свинцу и пороху, присылавшагося изъ Москвы въ Сичь. Содержаніе войсковому пушкарю, какъ и довбышу, давалось изъ царскаго жалованья—„особливая великая плата“, какъ видно изъ документа 1768 года, три рубля въ годъ. Въ помощь войсковому пушкарю выбирался войсковой подпушкарь и нѣсколько человѣкъ гармашей или канониров, искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ пушекъ и рушницъ.

Войсковой толмачъ исполнялъ должность войскового переводчика и обязанъ былъ знать иностранные языки на-

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1853, 42 ,49.
2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 72.
3) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 51.

ходившихся въ сношеніи съ запорожскими козаками или проѣжавшихъ черезъ ихъ землю народовъ, каковы: поляки, турки, татары, греки, армяне, молдаване и др.: толмачъ визировалъ ихъ виды, предъявлялъ имъ требованія отъ запорожскаго Коша, служилъ посредникомъ между ними и запорожскими козаками; читалъ присылавшіяся въ Сичь грамоты иностранныхъ государей; какъ человѣкъ, знающій разные языки, войсковой толмачъ нерѣдко посылался секретно Кошемъ для развѣдыванія дѣлъ на границы запорожскихъ вольностей и даже въ непріятельскій станъ.

Войсковой кантаржей (отъ турецкаго „кантар“ — вѣсы, у поляковъ kantorży, kantorżysta, прикащикъ, сѣделецъ,) былъ хранителемъ войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ, служившихъ нормою для вѣсовъ и мѣръ всѣхъ жившихъ въ Сичи торговцевъ и продавцевъ. Имѣя при себѣ войсковые вѣсы и мѣры, кантаржей вмѣстѣ съ этимъ обязанъ былъ собирать доходы въ пользу войска съ привозимыхъ въ Сичь товаровъ, продуктовъ, разной бакалеи, водки, вина и дѣлить ихъ на товарищество, старшину и церковь. Такимъ образомъ должность войскового кантаржея можно сравнить съ министромъ государственныхъ имуществъ какого-нибудь небольшого западно-европейскаго княжества нашихъ временъ; онъ жилъ въ особомъ помѣщеніи на базарной площади.

Войсковые шафари (отъ польскаго zsafarz — экономъ, ключникъ, келарь, домоправитель, по малорусскому выговору шапáрь), числомъ четыре, иногда и больше, съ подшафаріями, обязаны были собирать доходы въ пользу войска, но не въ Сичи, а на главныхъ черезъ Днѣпръ, Бугъ и Самару перевозахъ—Кодацкомъ, Микитинскомъ, Бугогардовскомъ, Самарскомъ и др; съ проѣзжавшихъ купцовъ, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ всякаго званія и народностей; они вели приходо-расходныя книги, содержали при себѣ козацкія команды, иногда имѣли команды пограничныхъ коммиссаровъ, и строго слѣдили за порядкомъ при движеніи грузовъ черезъ переправы.

Войсковые канцеляристы, раздѣлявшіеся на старшихъ и младшихъ, иначе собственно канцеляристовъ и подканцеляристовъ, писарей и подписаріевъ, составляли, повидимому, цѣлый штатъ, доходившій иногда до 20 человѣкъ,

какъ можно видѣть изъ документа 1755 года [1]) и бывшій, конечно, въ непосредственномъ подчиненіи отъ войсковаго писаря.

Войсковые школьные атаманы, числомъ два, одинъ для школяровъ старшаго, другой для школяровъ младшаго возраста; оба они выбирались и свергались самими-же школярами, оба хранили на рукахъ школьную сумму и заботились о продовольствіи и жизненныхъ удобствахъ своего юнаго и дѣтскаго товарищества.

Къ войсковымъ „служителямъ“ принадлежали еще булавничій, бунчужный и хорунжій. На рукахъ перваго находилась булава кошевого, на рукахъ втораго—войсковые бунчуки, а на рукахъ третьяго—хоругвь, или войсковое знамя, которое онъ носилъ на войну; запорожскому бунчуковому товарищу соотвѣтствуетъ хивинскій таксобай, придворный при особѣ хана чиновникъ, держащій, вмѣсто знамени, лошадиный хвостъ [2]). Кромѣ войскового хорунжаго, были и куренные, хорунжіе 38 человѣкъ, по числу куреней въ Сичи.

Въ числѣ войсковыхъ „служителей“ были еще такъ называемые чауши, т. е. посланцы, но объ обязанностяхъ и значеніи ихъ въ запорожскомъ войскѣ намъ ничего неизвѣстно.

Самую низшую степень чиновъ въ рангѣ запорожскаго низового войска составляли громадскіе атаманы, наблюдавшіе за порядкомъ и благочиніемъ между запорожскимъ посполь-ствомъ по паланкамъ въ слободахъ и зимовникахъ [3]), войсковой табунщикъ и войсковой скотарь, смотрѣвшіе за общественными стадами лошадей и коровъ войска запорожскаго, и, наконецъ, овечьи пастухи или такъ называемые чабаны. Послѣдніе три, именно табунщикъ, скотарь и въ особенности чабаны, составляли своеобразный типъ людей, своею оригинальностью выдѣлявшійся изъ всѣхъ козацкихъ званій запорожскаго войска. „Въ обычаѣ было у нихъ, что всякій козакъ, а особливо табунщикъ, скотарь и ча-

---

[1]) Скальковскій, Исторія о казакахъ запорожскихъ, Одесса, 1885, I, 51.

[2]) Вамбери, Путешествіе въ среднюю Азію, СПБ, 1865, 185.

[3]) Ѳеодосій, Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 116.

банъ, опоясывались ременнымъ поясомъ и черезъ плечо навѣшивали гаманъ кожанный, украшенный разными мѣдными, серебряными и золотыми блестками, пуговицами, въ коемъ гаманѣ носили кресало, кремень и губку (трутъ) въ запасъ, для всякаго случая, а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всенепремѣнно; швайку для починки лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохраненія въ цѣлости ложки, что́ почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость: то и не козакъ, кто по обычаю сему не поступаетъ, такого почитали за самаго нерадиваго и неисправнаго пастуха. Ибо, напримѣръ, сказать, когда пастухъ или чабанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего коша до другого—сосѣдняго коша по надобности и, пришедши туда, если застанетъ, что пастухи обѣдаютъ или вечеряютъ, то говоритъ имъ: „Хлибъ да силь, паны молодцы!„ А они отвѣчаютъ ему: „Имо́, да свій, а ты у по́рога постій!“ „Ни, бра́тци, давайте и мини мисто!„ отвѣчаетъ гость и вынимаетъ заразъ свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе чабаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорятъ: „Отъ козакъ дога́дливый и испра́вный! Вечеря́й, бра́тчику, вече́ряй!„ и даютъ ему мѣсто и привѣтствуютъ дружески. Если-же который звычая сего не знаетъ, съ того смѣются и называютъ олухомъ. Когда-же пастухъ пришедшій или другой какой-либо гость не застанетъ ни обѣда, ни вечери, въ какое бы ни было время, то тотъ часъ атаманъ коша, поздоровкавшись съ гостемъ по обычаю, приказываетъ кухарю своему варить тетерю, мамалыгу или мылай и, накормивши гостя, спрашиваетъ, зачѣмъ пришелъ„[1]).

Непосредственно за сичевой старшиной слѣдовала походная старшина и паланочная; она выше стояла войсковыхъ служителей, но дѣйствовала внѣ Сичи и потому должна быть разсматриваема послѣ нихъ. Походную старшину составляли—полковникъ, называвшійся иначе сердюкомъ, асаулъ и писарь; они дѣйствовали или въ военное время, при сухопутныхъ и морскихъ походахъ, или въ мирное при поимкѣ гайдамакъ и харцызовъ или разбойниковъ, въ осо-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 32, 33.

бенности-же въ передовой стражѣ, выставлявшейся на границахъ запорожскихъ вольностей; во всѣхъ случаяхъ полковникъ былъ начальникомъ извѣстной части войска, располагалъ нѣсколькими отрядами запорожскихъ козаковъ, непремѣнно съ асауломъ и писаремъ [1]).

Паланочную старшину („до паланки“) составляли—полковникъ, или сердюкъ, асаулъ, писарь, подъасаулій и подписарій, т. е. „три пана и три пидпанка“ [2]); оттого у полковниковъ существовала формула подписей на бумагѣ: „Полковникъ NN зъ старшиной“ [3]). Въ паланочную старшину выбирались люди заслуженные, ежегодно, однако, смѣнявшіеся послѣ войсковой рады; въ началѣ ихъ было пять, потомъ восемь или десять, по числу паланокъ во всемъ Запорожьѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ въ своей дистанціи особую команду надъ козаками, жившими по слободамъ и зимовникамъ, посылалъ разъѣзды на пограничныя линіи для развѣдыванія о положеніи дѣлъ у непріятелей и обо всемъ сообщалъ точныя и подробныя свѣдѣнія въ Сичь [4]); кромѣ того одинъ изъ нихъ ежегодно отправлялся въ столицу, Москву или Петербургъ, за полученіемъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Власть паланочнаго полковника была въ его области очень велика: онъ замѣнялъ въ своемъ районѣ особу кошевого атамана и потому нерѣдко, какъ и кошевой, наказывалъ и даже казнилъ смертью преступниковъ. Его власть простиралась и на проѣзжавшихъ лицъ черезъ паланку: онъ дозволялъ имъ въѣздъ въ вольности запорожскихъ козаковъ и для безопасности давалъ имъ особый знакъ, называвшійся перначомъ. Внѣшнимъ знакомъ достоинства паланочнаго полковника былъ носимый имъ за поясомъ металлическій перначъ, которымъ онъ иногда „билъ смертнымъ боемъ по головѣ провинившагося въ чемъ либо козака [5]). На содержаніе всего „паланочнаго панства“ шла „особливая великая плата всякой годъ“.

---

1) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 76, 130, 159, 172, 186.
2) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 13.
3) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ, 1890, 334.
4) Василій Чернявскій, Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 81.
5) Записки одесскаго общества исторіи древн., XIV, 379.

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ.

Какъ въ выборѣ войсковой старшины и раздѣлѣ земель, такъ и въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожцы руководились не писанными законами, а „стародавнимъ войсковымъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ“. Въ то время, какъ малороссійскіе козаки, даже со времени гетмана Богдана Хмельницкаго, отдѣлившись отъ Польши, производили судъ и расправу, за неимѣніемъ собственнаго законодательнаго статута, по польскимъ законамъ, т. е. по литовскому статуту и по нѣмецкому магдебургскому праву, запорожцы не признали этихъ законовъ, какъ не согласныхъ съ духомъ малороссійскаго народа, и замѣнили писанные польскіе законы „здравымъ разсужденіемъ и введенными обыкновеніями“. Но писанныхъ законовъ отъ запорожцевъ нельзя было и ожидать прежде всего потому, что община козаковъ слишкомъ мало имѣла за собой прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ къ систему и выразить на бумагѣ; затѣмъ писанныхъ законовъ у запорожскихъ козаковъ не могло быть еще и потому, что вся историческая жизнь ихъ была наполнена почти безпрерывными войнами, не позволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ собственной жизни; наконецъ, писанныхъ законовъ запорожскіе козаки даже старались избѣгать, опасаясь, чтобы они не измѣнили ихъ вольностей [1]). Оттого самыя наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ всего больше касались уголовныхъ и имущественныхъ преступленій. Это – общее правило для всѣхъ народовъ, стоявшихъ

---

[1]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 39.

и стоящихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія: прежде всего человѣку нужно оградить свою личность и свое имущество, а потомъ уже думать о другихъ болѣе сложныхъ сочетаніяхъ общественной жизни. Оттого-же у запорожцевъ за такое преступленіе, какъ воровство, влекущее за собою въ благоустроенномъ государствѣ штрафъ или лишеніе свободы преступника, опредѣлялась смертная казнь: „У нихъ за едино путо или плеть вѣшаютъ на деревѣ“ [1]). Обычай, взамѣнъ писанныхъ законовъ, признавался, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, и русскимъ правительствомъ, начиная со времени царя Алексѣя Михайловича и кончая временемъ императрицы Екатерины II, т. е. отъ начала и до конца исторической жизни Запорожья подъ державою Россіи [2]).

Нельзя сказать при этомъ, однако, чтобы запорожскіе судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ исключительно обычаемъ, дозволяли себѣ произволъ и допускали волокиту дѣлъ: и незначительное число запорожскаго товарищества, и чисто народное устройство его, и полнѣйшая доступность всякаго члена козацкой общины къ высшимъ начальникамъ дѣлали судъ въ Запорожьѣ простымъ, скорымъ и правымъ въ полномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ; обиженный и обидчикъ словесно излагали передъ судьями сущность своего дѣла, словесно выслушивали рѣшеніе ихъ и тутъ-же прекращали свои распри и недоразумѣнія, причемъ, передъ судьями были одинаково равны — и простой козакъ, и значный товарищъ.

Дошедшіе до насъ акты, касающіеся судебныхъ козацкихъ дѣлъ, показываютъ, что у запорожцевъ признавались—право перваго займа (jus primae occupationis), право договора между товарищами, право давности владѣній, — послѣднее, впрочемъ, допускалось только въ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ городахъ; оно касалось не пахотныхъ земель и угодій, бывшихъ всеобщимъ достояніемъ козаковъ, а небольшихъ при домахъ огородовъ и усадебныхъ мѣстъ; признавался обычай увѣщанія преступни-

---

1) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 19.

2) Акты южной и западной Россіи, VI, 178—180; Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, СПБ, 1888, 189.

ковъ отстать отъ худыхъ дѣлъ и жить въ добромъ поведеніи; допускались слѣдствія „по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ“ во всякое время, кромѣ постныхъ дней первой седмицы; практиковались предварительныя заключенія преступниковъ въ войсковую тюрьму или пушкарню и пристрастный судъ или пытки; наконецъ, дозволялась порука всего войска и духовныхъ лицъ за преступниковъ, особенно если эти преступники выказывали себя раньше съ выгодной для войска стороны или почему-либо нужны были ему.

Тѣже акты и свидѣтельства современниковъ даютъ нѣсколько примѣровъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства у запорожскихъ козаковъ. Изъ преступленій гражданскаго судопроизводства важнѣйшими считались дѣла по неправильной денежной претензіи, неуплатному долгу, обоюднымъ ссорамъ, разнаго рода шкодамъ или потравамъ, дѣла по превышенію опредѣленной въ Сичи на продажу нормы товаровъ.

Изъ преступленій уголовныхъ самымъ большимъ считались: убійство козакомъ товарища; побои, причиненные козакомъ козаку въ трезвомъ или пьяномъ видѣ; воровство чего-либо козакомъ у товарища и укрывательство имъ краденой вещи [1]): „особливо строги были за большое воровство, за которое, ежели только двумя достовѣрными свидѣтелями въ томъ докажутся, казнятъ смертію“ [2]); связь съ женщиной и содомскій грѣхъ въ виду обычая, запрещавшаго бракъ сичевымъ козакамъ; обида женщинѣ, когда козакъ „опорочитъ женщину не по пристойности“, потому что подобное преступленіе „къ обезславленію всего войска запорожскаго простирается“ [3]); дерзость противъ начальства, особенно въ отношеніи чиновныхъ людей русскаго правительства [4]); насилія въ самомъ Запорожьѣ или въ христіанскихъ селеніяхъ, когда козакъ отнималъ у товарища лошадь, скотъ и имущество; дезертерство, т. е. самовольная отлучка козака подъ разными предлогами въ степь во вре-

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 57, 58.
[2]) Корнелій Крюйсъ, Отечественныя Записки, 1824, № 54, 67.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 161.
[4]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.

мя похода противъ непріятеля; гайдамачество, т. е. воровство лошадей, скота и имущества у мирныхъ поселенцевъ украинскихъ, польскихъ и татарскихъ областей и проѣзжавшихъ по запорожскимъ степямъ купцовъ и путешественниковъ; приводъ въ Сичь женщины, не исключая матери, сестры или дочери; пьянство во время походовъ на непріятеля, всегда считавшееся у козаковъ уголовнымъ преступленіемъ и ведшее за собой строжайшее наказаніе [1]).

Строгіе законы, по замѣчанію Всеволода Коховскаго, объясняются въ Запорожьѣ тремя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что туда приходили люди сомнительной нравственности; во-вторыхъ, тѣмъ, что войско жило безъ женщинъ и не пользовалось смягчающимъ вліяніемъ ихъ на нравы; въ-третьихъ, тѣмъ, что козаки вели постоянную войну и потому нуждались для поддержанія порядка въ войскѣ въ особо строгихъ законахъ [2]).

Судьями у запорожскихъ козаковъ была вся войсковая старшина [3]), т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой асаулъ; кромѣ того, довбышъ, куренные атаманы, паланочный полковникъ и иногда весь Кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ [4]); оттого рѣшеніе суда Кошомъ иногда сообщалось особой бумагой, на которой писалось: „Съ повелѣнія господина кошеваго атамана (такого-то), войсковой писарь (такой-то)“. Но настоящимъ оффиціальнымъ судьей въ Запорожьѣ былъ войсковой судья; однако, онъ только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ окончательно своихъ опредѣленій, что предоставлялось войскомъ только кошевому атаману. Войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ; иногда извѣщалъ осужденныхъ, о судебныхъ рѣшеніяхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, жившихъ не въ самой Сичи, а въ паланкахъ, т. е. отдаленныхъ отъ Сичи округахъ или станахъ. Войсковой асаулъ выполнялъ роль слѣ-

---

[1]) Бошланъ, Описаніе Украйны, С-Петербургъ, 1832, 63.
[2]) Коховскій, Опыты изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб. 1862, 117.
[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.
[4]) Записки о хотинской войнѣ Собѣскаго, Черниг. г. в., 1846.

дователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ кошевого атамана и всего Коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей. Войсковой довбышъ былъ помощникомъ асаула, и приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ западной Европѣ „Prêvot“; онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни, или на войсковой радѣ. Куренные атаманы, весьма часто исполнявшіе роль судей среди козаковъ собственныхъ куреней, имѣли при куреняхъ такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ [1]). Наконецъ, паланочный полковникъ, съ его помощниками — писаремъ и асауломъ, жившій вдали отъ Сичи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управлявшій сидѣвшими въ степи, въ особыхъ хуторахъ и слободахъ, козаками [2]), во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сичевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также исполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ различныя, смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались: приковываніе ланцюгами или желѣзомъ къ деревянному столбу, стоявшему среди площади, за воровство впредь до предстоявшей преступнику казни [3]); заключеніе преступника, окованнаго цѣпями, въ войсковую пушкарню; въ пушкарню иногда сажали и подъ „честный караулъ“ иностранцевъ, какъ напр., татаръ, заподозрѣнныхъ въ воровствѣ коней и отводимыхъ въ пушкарню впредь до разслѣдованія дѣла [4]); привязываніе къ пушкѣ на площади за оскорбленіе начальства [5]), за убійство человѣка, не принадлежавшаго къ запорожской общинѣ [6]) и особенно за денежный долгъ: если козакъ будетъ долженъ козаку и не захочетъ или не будетъ въ состояніи

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 43.
2) Василій Чернявскій, Описаніе запорожской Сѣчи, Одесса, 1852, 82.
3) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.
4) Акты южной и западной Россіи, VI, 200.
5) Записки одесск. общ. ист. и древн., XIV, 311.
6) Записки одесск. общ. ист. и древн., XIV, 319, 579, 607.

уплатить ему долгъ, то виновнаго приковываютъ къ пушкѣ на цѣпь, запиравшуюся замкомъ, и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока или онъ самъ не заплатитъ своего долга, или кто другой не поручится за него [1]); приковывались къ пушкѣ иногда и не одни воры, но и убійцы, но это дѣлалось въ видѣ временнаго наказанія, до наступленія суда [2]). Подобный способъ наказанія, но лишь за воровство, существовалъ у татаръ, изъ чего можно заключить о заимствованіи его козаками у мусульманскихъ сосѣдей [3]). Далѣе, практиковалось сажаніе на деревянную кобылу, за воровство, о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до нашего времени письма запорожскаго Коша: „Мы того человѣка приковали было х кабылицѣ за свое злое дѣло, т. е. за злодѣйство, что многія въ куренѣ вещи покралъ; а того не вѣдаемъ, кто ему замокъ на шеѣ разбилъ“ [4]). Затѣмъ допускалось, хотя и рѣдко, битье кнутомъ, чаще кіями подъ висѣлицей за воровство и гайдамачество „будучи сами великіе воры въ разсужденіи стороннихъ, они жестоко наказываютъ тѣхъ, кто и малѣйшую вещь украдетъ у своего товарища“ [5]). Также допускалось, хотя рѣдко, поврежденіе членовъ „изломленіемъ одной ноги на сходкѣ“ за нанесеніе ранъ въ пьяномъ видѣ ножомъ [6]); „за большія вины переламливали руку и ногу“ [7]); было въ употребленіи разграбленіе имущества, за самовольное превышеніе таксы противъ установленной въ Сичи нормы на продажу товаровъ, съѣстныхъ и питейныхъ продуктовъ [8]); опредѣлялась иногда и ссылка въ Сибирь, вошедшая, впрочемъ, въ употребленіе только въ послѣднія времена историческаго существованія запорожскихъ козаковъ въ предѣлахъ Россіи, при императрицѣ Екатеринѣ II. Кромѣ всего этого, преданія столѣтнихъ стариковъ указываютъ еще на одинъ видъ судебныхъ наказаній у запорож-

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 58.

2) Акты южной и западной Россіи, VI, 189.

3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 486.

4) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, іюля 19, св. 79/a, № 4.

5) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1885, I, 163. Записки од. об. ист. и древ., XIV, 420.

6) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.

7) Манштейнъ, Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 30.

8) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25, 26.

скихъ козаковъ,—сѣченіе розгами [1]); но такъ какъ современные акты о томъ не говорятъ, то нужно думать, что подобнаго рода наказаніе, если только оно въ самомъ дѣлѣ было, допускалось только какъ единичное явленіе, потому что оно мало гармонировало съ честью запорожскаго „лыцаря". Наконецъ, въ случаяхъ обоюдной ссоры допускалась, по преданію, и дуэль [2]).

Казни, какъ и наказанія, также опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ разныя, смотря по роду преступленій, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Самою страшною казнью было закапываніе преступника живымъ въ землю; это дѣлали съ тѣмъ, кто убивалъ своего товарища: убійцу клали живого въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ и обоихъ закапывали землей; впрочемъ, если убійца былъ храбрый воинъ и добрый козакъ, то его освобождали отъ этой страшной казни и въ замѣнъ того опредѣляли штрафъ [3]).

Но наиболѣе популярною казнью у запорожскихъ козаковъ было забиваніе у позорнаго столба кіями; къ позорному столбу и кіямъ приговаривались лица, совершившія воровство или скрывшія уворованныя вещи, позволившія себѣ прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ, учинившія побои, насилія, дезертерства. Въ 1751 году два козака Василь Похилъ и Василь Таранъ, посланные съ пакетами къ очаковскому сераскеръ-пашѣ, утопили вслѣдствіе ледохода на рѣкѣ Днѣпрѣ, по которой они плыли въ Очаковъ, пашпорты свои и пакеты кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, за что, по возвращеніи въ Сичь, были „жестоко наказаны кіями [4]). Позорный столбъ всегда стоялъ на сичевой площади близъ сичевой колокольни; около него всегда лежала связка сухихъ дубовыхъ бичей съ головками, называвшихся кіями и похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ для молотьбы хлѣба. Эти кіи у запорожцевъ въ данномъ случаѣ служили тѣмъ же, чѣмъ служили у великоруссовъ кнуты. Если одинъ козакъ украдетъ что-либо, даже очень маловажное, у другого, въ самой-ли Сичи или въ паланкѣ и потомъ

---

1) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 1—5.
2) Кулишъ, Записки о Южной Руси, С.-Петербургъ, 1856, I, 302, 303.
3) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57.
4) Записки одесскаго общества исторіи. и древн., XIV 502.

будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на сичевую площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, на площади до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи, причемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго; другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его; третьи предлагаютъ ему деньги; четвертые, захвативши съ собой горилку и калачи, поятъ и кормятъ его всѣмъ этимъ, и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить, ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать. „Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешъ пить, то будемъ тебе, скурвого сына, бить!“ кричали проходившіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то пристающіе къ нему козаки тогда говорятъ: „Теперь-же, брате, дай мы тебе трохи попобьемъ!“ Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи козаки упорно отвѣчаютъ: „За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поили, що намъ тебе треба попобить!“ Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу преступнику и уходили. За ними являлись другіе; за другими третьи и т. д. Въ такомъ положеніи преступникъ оставался сутки, а иногда и пять сутокъ къ ряду, по усмотрѣнію судей. Но обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ одни сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско. Случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались послѣ такого наказанія въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ сотоварищей деньги [1]). Иногда наказаніе кіями замѣняло собою смертную казнь; въ такомъ случаѣ у наказываемаго отбирали скотъ и движимое имущество, при чемъ одну часть скота отдавали на войско, другую — паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество виновнаго женѣ и дѣтямъ его, если только онъ былъ женатымъ человѣкомъ.

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ Одесса, 1825, 57—58; Манштейнъ, Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, 1, 30.

Откуда заимствованъ запорожцами этотъ родъ наказанія кіями,—неизвѣстно; извѣстно лишь, что наказаніе палками существовало и у монголовъ: у монголовъ палками били высшіе низшихъ за мелкое воровство, опредѣляя до ста и менѣе ударовъ [1]). Тоже самое было и у татаръ, у которыхъ преступникъ, уличенный въ воровствѣ, не заслуживающемъ смертной казни, присуждался къ нѣкоторому числу палочныхъ ударовъ, соразмѣрно цѣнѣ украденнаго и обстоятельствамъ, сопровождавшимъ воровство [2]).

Рядомъ съ позорнымъ столбомъ практиковались у запорожцевъ шибеница и желѣзный гакъ; къ нимъ присуждались за „великое“ или нѣсколько разъ повторяемое воровство [3]).

Шибеницы или висѣлицы ставились въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей надъ большими дорогами или шляхами и представляли изъ себя два столба съ поперечной перекладиной наверху и съ веревочнымъ сильцомъ, т.е. петлей, на перекладинѣ; для того, чтобы совершить казнь, преступника сажали верхомъ на лошадь, подводили подъ висѣлицу, набрасывали на шею его петлю, лошадь быстро прогоняли вонъ, и преступникъ оставался висѣть на петлѣ. Передаютъ, что отъ шибеницы, по запорожскому обычаю, можно было избавиться, если какая-нибудь дѣвушка изъявляла желаніе выдти за преступника замужъ. Если это преданіе справедливо, то, очевидно, подобный обычай допускался въ виду постояннаго стремленія запорожцевъ всячески увеличить свою численность, при существовавшей безженности сичевыхъ, но при обычаѣ семейной жизни у паланочныхъ козаковъ. На этотъ счетъ очевидцы приводятъ такой случай. Однажды вели какого-то преступника на казнь; на встрѣчу ему вышла, подъ бѣлымъ покрываломъ, дѣвушка, изъявившая желаніе выдти за него замужъ. Преступникъ, приблизившись къ дѣвушкѣ, сталъ просить ее снять съ лица покрывало. Дѣвушка сняла. Тогда осужденный, видя передъ собой урода, обезображеннаго оспой,

---

1) Труды восточ. отдѣл. археол. общ., СПБ, 1864. 416, 417.

2) Марко Поло, Путешествія, Москва, 1863, 187.

3) Мышецкій, Исторія, 57; Манштейнъ, Записки, 1, 30; Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, 171.

всенародно заявилъ: „Якъ ма́ты (имѣть) таку́ дзюбу (рябого урода) вести́ до шлюбу (вѣнца), лепше на шы́беныци дать ду́бу„ [1]).

Желѣзный гакъ или желѣзный крюкъ (съ нѣмецкаго Haken—крюкъ) таже висѣлица, но съ замѣною петли веревкой съ острымъ стальнымъ крюкомъ на концѣ; преступника, осужденнаго на гакъ, приводили къ висѣлицѣ, продѣвали подъ ребра острый крюкъ и оставляли его въ такомъ положеніи висѣть до тѣхъ поръ, пока на немъ не разлагалось тѣло и не разсыпались кости, на страхъ ворамъ и злодѣямъ; снять трупъ съ висѣлицы отнюдь никому не дозволялось подъ угрозою смертной казни [2]). Желѣзный гакъ практиковался у поляковъ и, безъ сомнѣнія, отъ нихъ заимствованъ и запорожскими козаками [3]); поляки въ свою очередь могли заимствовать гакъ у татаръ; по крайней мѣрѣ, сажаніе на колъ—распространенная казнь на востокѣ, и въ Бухарѣ она уничтожена была только спустя нѣсколько лѣтъ со времени завоеванія этого ханства русскими, т. е. послѣ 1868 года.

Острая паля или острый колъ—это высокій, деревянный столбъ съ желѣзнымъ шпицемъ наверху. Для того, чтобы посадить на острую палю преступника, его поднимали нѣсколько человѣкъ по круглой лѣстницѣ и сажали на колъ; острый конецъ кола пронзалъ всю внутренность человѣка и выходилъ между позвонками на спину. Запорожцы рѣдко, впрочемъ, прибѣгали къ такой казни, и о существованіи ея у нихъ говорятъ только преданія глубокихъ стариковъ; за то поляки очень часто практиковали эту казнь для устрашенія козаковъ: запорожцы называли смерть на острой палѣ „столбовой“ смертью: „такъ уме́ръ покійныкъ мій ба́тько, такъ и я умру́ пото́мственною стовпо́вою сме́ртью“. Народныя преданія говорятъ, что когда поляки возводили на колъ запорожцевъ, то они, сидя на нихъ, издѣвались надъ ляхами, прося у нихъ потянуть люльки и потомъ, покуривши, обводили своихъ жестокихъ враговъ мутными глазами, плевали имъ „межи́-очи“, проклинали ка-

---

1) Никита Коржъ, Устное повѣствованіе, Одесса, 1842, 25.
2) Тамъ-же, 24; Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 445.
3) Малороссійская лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, стр. 218.

толическую вѣру и спокойно умирали „столбовою смертью“. Острая паля практиковалась и у татаръ, отъ которыхъ, вѣроятно, и была заимствована запорожцами [1]).

Для всѣхъ описанныхъ казней у запорожскихъ козаковъ не полагалось вовсе палачей; когда-же нужно было казнить какого-либо преступника, то въ этомъ случаѣ приказывали казнить злодѣя злодѣю-же; если-же въ извѣстное время въ наличности оказывался только одинъ злодѣй, то его оставляли въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не отыскивался другой; тогда новый преступникъ казнилъ старшаго [2]).

Архивные документы 1700 года говорятъ еще, что у запорожцевъ допускалось иногда бросаніе человѣка въ рѣку: „насыпавъ за пазуху песку, посадить его въ рѣку Чортомлыкъ [3]). Но такіе случаи были рѣдки и допускались только при всеобщемъ негодованіи войска противъ какого-нибудь ненавистнаго всѣмъ козакамъ человѣка.

Очевидецъ судебныхъ порядковъ у запорожскихъ козаковъ ста-четырехъ-лѣтній старикъ, запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Права запорожскія, по которымъ они судили и рѣшали тяжебныя дѣла, суть слѣдующія. Когда случалось, примѣрно сказать, что два козака промежъ собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаютъ, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно или другую какую-нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ помириться, то оба, купивши на базарѣ по калачу, идутъ позываться въ паланку, къ которой принадлежатъ, и, положивши калачъ на сырно (столъ), становятся возлѣ порога, кланяются низехонько судьямъ [4]) и говорятъ: „Кла̀няемось, пано̀ве, хли́бомъ и со́лью“. Судьи начинаютъ спрашивать: „Якѐ ваше до́ло, пано̀ве молодцо́“? Тогда обиженный говоритъ первый, указывая на своего товарища: “Отъ, пано̀ве, якѐ наше до́ло: оцѐй менѐ оби́дывъ, отъ стилько-то шко̀ды мино́ своимъ скотомъ зробывъ и не

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646; XI, 482.

2) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1848, IV, 83.

3) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1700 годъ, январь, св. 4, № 27.

4) Очевидно, здѣсь разумѣются паланочные полковникъ, писарь и асаулъ.

хоче минú уплатúть и попòвныть, що слúдуе за спашъ сина и за выбой хлúба". Судьи обращаются къ обидчику. „Ну, брáтику, говори, чи правда то, що товарищъ на тѐбе кáже?" На что обидчикъ отвѣчаетъ: „Та що жъ, панòве? Те все правда, що я шкòду зробúвъ моёму сусúду и не отрикàюсь, но не мòжу его удовольствовать за тымъ, що винъ лúшне одъ мене трѐбуе, и шкòды не мáе стилько". Выслушавъ ихъ, паланка посылаетъ отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, ежели жалоба оказывалась справедлива, судьи говорили обидчику: Нý, що-жъ ты, брáтику, согласенъ-ли заплатить шкоду двоему сосѣду или нѣтъ?" Обидчикъ тогда опять кланяется судьямъ и возражаетъ: „Та що-жъ, панство, лúшне винъ зъ мене трѐбуе, я несогласенъ уплатыть, въ воли вашей". Судьи долго обѣ стороны уговариваютъ примириться, и если тяжущіеся согласны, то паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ. Если-же обидчикъ упрямится и не примирится въ паланкѣ то ихъ отсылаютъ въ Сичь. Когда тяжущіеся пріѣдутъ въ Кошъ, то другъ у друга спрашиваютъ: „А въ чій же куринь попереду пойдемъ". Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: „Ходимъ, брате, до нашего куриня". „Ну, добре, ходимъ и до вашего куриня", отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень, являются оба къ атаману (куренному) и говорятъ ему: „Здоровъ, батьку!" „Здоровы булы, паны молодцы!" отвѣчаетъ атаманъ, „сидайте". „Та ни, батьку, николи сидити, мы дило до тебе маемъ". „Ну, говорите, яке ваше дило?" спрашиваетъ атаманъ, и тогда обиженный разсказываетъ все происшествіе, и свою обиду и то, какъ они судились въ паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика, какого онъ куреня и, узнавъ, закричитъ на хлопцевъ: „Пидите лишь такого-то куреня атамана попросите до меня". Когда этотъ атаманъ явится и усядется, то первый атаманъ его спрашиваетъ: „Чи це вашого куреня козакъ?" Второй атаманъ, справившись о томъ у козака, получаетъ въ отвѣтъ: „Такъ, батьку, нашего куреня". Послѣ чего дѣло опять разсказывается, и атаманы говорятъ другъ другу: „Ну що, брате будемъ робыть съ сими козаками?" а второй атаманъ обращается къ нимъ: „Такъ васъ уже, братчики, и паланка судила?" „Судыла, батьку", отвѣчаютъ они и кланяются.

Атаманы уговариваютъ тяжущихся. „Помиритесь, удовольствуйте тутъ-же одинъ другого та не мордуйте начальство“. Когда-же обидчикъ отвѣчаетъ: „Та що-жъ, батьки, коли винъ лишне требуе“, то атаманы, видя его упрямство“, говорятъ своимъ козакамъ: „Ну, теперь-же, братчики, сходимъ вси чотыре до судьи, що ще скаже судья“. „Добре“, отвѣчаютъ козаки, „обождите жъ, батьки, мы пидемъ на базаръ да купимъ калачивъ“. Такимъ образомъ, всѣ четверо отправляются къ судьѣ. Сперва входятъ атаманы и, поклонившись, говорятъ: „Здорови були, пане добродію!“ Судья отвѣчаетъ: „Здорови и вы, панове атаманы! прошу сидать“. Потомъ являются тяжущіеся козаки, кланяются судьѣ, кладутъ калачи на сырно и говорятъ: „Кланяемся вамъ, добродію, хлибомъ и силью“. „Спасибо, паны-молодцы, за хлибъ и за силь“, отвѣчаетъ судья и, обращаясь къ атаманамъ, спрашиваетъ: „Що се у васъ за козаки? яке дило маютъ?“ Одинъ изъ атамановъ разсказываетъ подробно все дѣло, рѣшеніе паланки и ихъ собственное. Тогда судья обращается къ обидчику: „Такъ якъ же ты, братчику, ришився съ симъ козакомъ, коли уже васъ судили и паланка и атаманы и я присуждаю обиженнаго подовольствовать, а ты не хочешъ того зробыть зъ упрямства, даромъ що зо всихъ сторонъ виноватъ“. Но случается, что обидчикъ несогласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прежде: „Та що-жъ, добродію, коли винъ лишне требуе“. „Такъ ты несогласенъ, братчику?“ „Ни, добродію!“ „Ну, теперь-же вы, панове атаманы, идите съ ними до кошевого, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ, рѣшеніе; ступайте съ Богомъ, панове атаманы, а вы, братци, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна“. „Да ни, добродію, мы соби купимъ на базари“. „Забирайте, забирайте“, съ гнѣвомъ повторяетъ судья, „и не держите атамановъ, бо имъ не одно дило ваше“. Наконецъ, взявъ свои калачи, козаки съ атаманами идутъ въ курень кошевого; всѣ кланяются, приговаривая: „Здорови булы, вельможный пане!“ Козаки, положивъ калачи, присовокупляютъ: „Кланяемся, вельможный пане, хлибомъ и силью“, и, остановясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются, на что кошевой отвѣчаетъ: „Здоровы, паны атаманы! спасибо, молодци, за хлибъ, за силь, а що се, па-

нове атаманы, у васъ за козаки?“ Атаманы опять разсказываютъ подробно все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: „Ну-якъ-же ты, братчику, думаешъ рѣшиться съ симъ козакомъ? васъ ришила паланка, васъ ришили атаманы, васъ ришивъ и судья войсковый, и теперь дило дошло и до мене. И я, розслухавшись, признаю, що паланка ришила ваше дило добре, которое и я утверждаю и нахожу тебе во всемъ виновнымъ. Такъ що-жъ ты мини скажешъ? Согласенъ ты обиженнаго подовольствовать?“ „Ни, вельможный пане, требуе лишне“. Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: „Такъ ты, братчику, несогласенъ?“ „Такъ, вельможный пане, несогласенъ, у воли вашей“. „Ну, добре“, вставъ и выходя изъ куреня, говоритъ кошевой; атаманы и козаки дѣлаютъ тоже и, кланяясь, говорятъ ему: „Прощай, вельможный пане!“ „Прощайте, паны-молодцы, прощайте да и насъ не забывайте“, говоритъ кошевой и, вышедъ изъ куреня, сзываетъ свою дворню: „Сторожа, кіивъ!“ Слуги бѣгутъ и несутъ кіи оберемками (т. е. связками). Тогда вельможный скажетъ: „Ну, лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и панивъ шанувати!“ „Помилуй, вельможный пане!“ возопіетъ тогда козакъ не своимъ голосомъ. „Ни, братику, нема уже помилованья, коли ты такій упрямый. Козаки, на рукахъ и на ногахъ станьте! Сторожа, быйте его добре кіями, щобъ знавъ, по чемъ кившъ лиха!“ Когда кіи начнутъ между собою разговаривать по ту и по другую сторону, виновный козакъ все молчитъ да слушаетъ, что скажутъ. И когда виновнаго уже добре употчиваютъ, т. е. дадутъ 50 или 100 кіивъ, тогда кошевой крикнетъ: „годи“! Сторожа, поднявши кіи свои на плеча, стоятъ какъ солдаты съ ружьями на часахъ, но козаки еще придерживаютъ виновнаго, дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Кошевой опять обращается къ виновному: „Послухай, братчику, якъ тебе паланка ришила и скилько обиженный требуе, заплаты ему безпреминно, да сейчасъ заплаты, при моихъ очахъ!“ Тогда виновный отвѣчаетъ: „Чую, вельможный пане, чую и готовъ все исполнить, що прикажешъ!“ Кошевой продолжаетъ: „А що це тебе выбыли, то сноси здорово, щобъ ты недуже мудрувавъ и не упрямывся. А може тоби ще прибавить кіивъ?“ Но виновный съ крикомъ и воплемъ проситъ:

„Буде зъ мене и сего, до вику не буду противиться, буду шановати панство!“ Тогда, наконецъ, кошевой угамуется и скажетъ козакамъ и сторожамъ: „Ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи подальше ховайте“ [1]).

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 13—21; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.

Одежда у запорожскихъ козаковъ.

Одежда у запорожскихъ козаковъ въ первое время была слишкомъ проста; на первыхъ порахъ своего историческаго существованія запорожскіе козаки серьезно и не могли думать о томъ, чтобы заниматься своею внѣшностью и выряжаться въ дорогія „шаты“: тогда нищета и козакъ были синонимы; къ тому времени вполнѣ могутъ быть приложимы къ состоянію козака слова малорусской пѣсни— „сыдѣть козáкъ на могы́ли тай штаны́ латáе“, или слова козацкой вирши: „козакъ—душá правды́ва—сорóчки не мáе“. Гоняясь за звѣремъ по безмѣрнымъ степямъ, глубокимъ балкамъ, непролазнымъ лѣснымъ трущобамъ, проводя ночи большею частію подъ открытымъ небомъ, высиживая по нѣсколько часовъ въ топкихъ болотахъ и густыхъ камышахъ, запорожцы были скорѣе похожи на жалкихъ оборвышей, чѣмъ на „славныхъ лыцарей“, имя которыхъ уже въ раннюю пору ихъ существованія извѣстно было въ Европѣ. Даже и въ болѣе поздній періодъ запорожской исторіи, когда у козаковъ уже вошли въ силу извѣстные обычаи и извѣстный костюмъ, многіе изъ нихъ, въ силу разнаго рода случаевъ на войнѣ или въ силу бѣдности и нищеты у себя дома, даже иногда въ силу особаго желанія шикнуть нищенскимъ убранствомъ своего костюма, часто одѣвались черезчуръ просто: „Бывало, обрѣетъ себѣ запорожецъ голову, заправитъ оселéдець свой за ухо, завяжется тряпицей, натянетъ на себя епанчу, надѣнетъ изъ свиной кожи опорки, да такъ и ходитъ себѣ; а иной поймаетъ козу, обдеретъ ее, облупитъ кожу, очиститъ отъ шерсти, одѣнется, обуетъ постолы́ изъ кожи, толщины въ вершокъ, а длины въ двѣ четверти, да и блукаетъ по степи. А другой и того лучше: или вырядится въ такіе постолы́, что въ нихъ

можно Днѣпръ переплыть, или на одну ногу натянетъ постолъ, а на другую сафьяновый сапогъ, да еще и припѣваетъ:

„Одна нога у постòли, а друга въ санья́ни—
Подывы́ся, Гàнно, якíй постилъ гàрный:
Чи сей, чи сей, чи сей, чи сей?“

Бывало и того краше: совсѣмъ голый ходитъ; тогда и выходило, какъ тамъ говорятъ: „увѐсь Хвѐсь—куды схоче, туды й скаче, нихто за нимъ не заплаче“. „Днемъ чоловикъ, а ночью звирюка“ [1]). Въ какомъ видѣ являлись иногда запорожцы домой послѣ войны, это всего лучше рисуетъ извѣстная народная дума „О Ганджѣ Андыберѣ“.

„Гей, гуля́въ козакъ-нетя́га симъ годъ ще й чоты́ри,
Та потеря́въ съ-пидъ сѐбе три кòни воронíи,
На четвертый годъ навертàе,
Козакъ нетя́га до города до Черкасъ прыбувàе,
Що на козаку́, бидному нетя́зи, три сы́ромя́зи:
Опончи́на рогозовàя,
Поясы́на хмелевàя,
Одна негòжа, а трѐтя й на хливъ не́згòжа.
А ще на козаку, бидному—нетя́зи,
Санья́нци—вы́дны пья́ты й пàльци,
Шàпка-бырка—звѐрху ду́рка,
Хутрò гòле,
Окòлицы Бигъ мàе,—
Вонà дощéмъ покры́та,
Травòю пошúта,
А вúтромъ пидбы́та:
Куды вié—туды́ й провивáе,
Молодóго козака тай прохоложáе“.

Даже въ XVIII вѣкѣ многіе запорожцы одѣвались все также просто, и часто нуждались какъ въ портныхъ, такъ и въ сапожникахъ; такъ, въ 1749 году, въ виду имѣвшихся переговоровъ татарскихъ депутатовъ съ запорожскими, маіоръ Никифоровъ, представитель русскаго правительства, просилъ послѣднихъ, „быть во всей готовности и убранствѣ, дабы передъ татарскими депутатами не гнусны могли быть“; позже, въ 1767 году, запорожскій Кошъ требовалъ отъ своихъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Петербургъ,

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1885, I, 24.

возврата шевця и кравця, т. е. сапожника и портного, взятыхъ ими изъ Сичи для собственныхъ надобностей, полагая, что они уже сшили имъ все необходимое [1]).

Вначалѣ, по свидѣтельству малороссійскаго лѣтописца, одеждой у запорожскихъ козаковъ было одно или два платья, и только потомъ, когда они повоевали турецкую и татарскую землю, только тогда они очень одобычились и сдѣлались богаты всякимъ достаткомъ [2]). Въ XVII вѣкѣ оршанскій староста Филонъ Кмита описываетъ черкасскихъ козаковъ оборвышами [3]), а французъ Дельбурку—нищими [4]). Современникъ Петра Великаго, раскольничій попъ, Иванъ Лукьяновъ, проѣзжая изъ Москвы въ Іерусалимъ черезъ Малороссію (1701-1702) и видя у Хвастова козацкую ватагу полковника Семена Палія, представилъ ее въ своемъ дневникѣ въ такихъ словахъ: „Городина то хорошая, красовито стоитъ на горѣ, острогъ деревянной кругъ жилья всего; валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ, что звѣри. По земляному валу ворота частые; а во всѣхъ воротѣхъ копаны ямы, да солома послана въ ямы; тамъ Палѣевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни въ чемъ; все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай... А того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя: всѣ козаки, Палѣевщина, и свадьбы покинули; а все голудба безпорточная; а на иномъ и клока рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы и лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое; что такихъ уродовъ отроду не видали; у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного“ [5]). Въ той-же мѣрѣ и вполнѣ справедливо можно приложить описаніе попа Лукьянова и къ запорожскимъ козакамъ; сами запорожцы говорили о себѣ: „У насъ про-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885,I, 270.
[2]) Григорій Грабянка, Лѣт. дѣйствія презѣльной войны, Кіевъ, 1854, 19.
[3]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 175.
[4]) Anecdotes de Pologne ou memoires secrétes du régne de Jean Sobieski.
[5]) Путешествіе въ святую землю Ивана Лукьянова, Москва, 1862, 15.

клята мате ма—ни сорочки, ни штанивъ—одна проклята сирома“ [1]). „На нихъ ни чобитъ, ни штанивъ, ни сорочки не було: а на иншому сами рубци высятъ; мовъ той цыганъ иде—пьятами свите“ [2]). „Запорожецъ якъ надивъ сорочку, такъ увесь годъ и не скида іи, поки сама не спаде съ плечъ, и иде банитьця, штанивъ не скида: „не годытся“—„каже“. По свидѣтельству очевидца, запорожцы „ни одежды, ни рубахъ почти до сносу не перемѣняли, а мыть и совсѣмъ не знали“ [3]). Впрочемъ, это свидѣтельство относится не столько къ сичевымъ козакамъ, сколько къ промышленникамъ и степнымъ зимовчакамъ, которые были столь бѣдны или столь заняты своими работами, что должны были довольствоваться бѣльемъ до сносу его.

Съ теченіемъ, однако, времени съ одной стороны богатыя удачи на войнѣ, съ другой и самое развитіе жизни многое измѣнило въ понятіяхъ и обстановкѣ запорожскихъ козаковъ: разбивъ татаръ или турокъ, пограбивъ пановъ или жидовъ, козаки, возвращаясь въ Сичь, привозили съ собой множество денегъ, платьевъ и дорогихъ матерій. Дошедшія до насъ на этотъ счетъ свѣдѣнія показываютъ, что именно изъ одежды добывали себѣ запорожскіе козаки на войнѣ; это—шубы, кафтаны, шаровары, рубашки, шапки, сапоги, чекмени, барашковыя шкуры и т. п. [4]); тогда довольство добычи выражалось у запорожцевъ тѣмъ, что они рвали шелковую и китайчатую матерію на куски и обертывали этими кусками вмѣсто онучъ ноги. Въ народной думѣ о козакѣ Голотѣ [5]) разсказывается, какъ этотъ герой, убивъ богатаго татарина, надѣлъ на себя его дорогое платье, чоботы, кафтанъ и бархатный шлыкъ, и въ такомъ видѣ въ Сичи гулялъ и Киліимское поле выхвалялъ [6]). Лѣтописецъ Величко передаетъ, что когда запорожцы шли съ Хмельницкимъ на войну, то мало у кого по два коня было и многіе въ „подлыхъ“ одеждахъ одѣты были, а послѣ битвъ у каждаго

---

1) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 51.
2) Кіевская Старина, Кіевъ, 1883, томъ V, страница 763, 764.
3) Записки одесскаго общества и древностей, VII, 185, пр. 67.
4) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 19—21.
5) Въ XVII вѣкѣ былъ какой-то козакъ Андрей Голота: Акты, XIII, 702.
6) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 170.

товарища оказалось по трое, четверо и пятеро коней; у многихъ эти кони были въ богатыхъ рондахъ (т. е. конскихъ уборахъ); много нашлось у каждаго товарища и одежды, такъ что когда запорожское войско одолѣло ляховъ при Желтыхъ-Водахъ и въ Корсунѣ, а потомъ сѣло на коней и рушило дальше за Хмельницкимъ, „то увидѣвши зъ стороны альбо зъ горы якой оное, можно было сказать, же то суть ниви, красноцвѣтущимъ голендерскимъ, альбо влоскимъ макомъ засѣянніи и проквѣтнувшіи“ [1]). Кромѣ войны запорожцы получали также платье и матеріи для платья—золото, шелковыя ткани, соболи, сукна, — въ видѣ подарковъ отъ польскихъ королей и московскихъ царей [2]).

Изъ тѣхъ-же свидѣтельствъ узнаемъ, что у запорожцевъ однообразной одежды никогда не было; что нерѣдко во время войны они одѣвались въ такое платье, въ какое одѣтъ былъ непріятель, и что походная ихъ одежда вообще была бѣдна, зато домашняя, парадная, очень роскошна.

Первыя указанія объ одеждѣ запорожскихъ козаковъ находимъ въ путевыхъ запискахъ XVI вѣка германскаго посла Эриха Ласоты. Ласота говоритъ, что у запорожцевъ были въ употребленіи татарскіе кобеняки—Kepenikh—или мантіи, составлявшія главное ихъ одѣяніе, и тутъ-же прибавляетъ, что главный начальникъ козаковъ, отпуская посла изъ Сичи, далъ ему въ подарокъ кунью шубу и мѣховую изъ черныхъ лисицъ шапку [3]). Въ XVII вѣкѣ находимъ указанія объ одеждѣ козаковъ въ сочиненіи французскаго инженера Боплана. Бопланъ говоритъ о рубахахъ, шароварахъ, шапкахъ и кафтанахъ, сдѣланныхъ изъ толстаго сукна и составлявшихъ повседневное одѣяніе козаковъ [4]). Однако, указанія эти слишкомъ общи и мало опредѣленны. Въ XVIII вѣкѣ, по словамъ польскихъ писателей, запорожскіе козаки носили шаровары широкимъ съ золотымъ галуномъ вмѣсто опушки, суконные съ откидными рукавами полукунтуши, бѣлые шелковой матеріи жупаны, шелковые съ золотыми кистями пояса и вы-

---

1) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 71, 72.
2) Акты южной и западной Россіи, VI, 200; IX, 549; XII, 591.
3) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 45, 46.
4) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1882, 64.

сокія шапки съ смушковыми околышами сѣраго цвѣта и краснымъ шелковымъ вершкомъ, оканчивающимся золотой кисточкой [1]). Русскіе источники XVIII вѣка не знаютъ у запорожцевъ одежды, такой какъ полукунтуши: они знаютъ названія для верхней одежды жупанъ и для нижней каптанъ или кафтанъ. Въ 1745 году одежда куреннаго атамана васюринскаго куреня, Грицка Манчапраса, пограбленнаго донскими козаками, состояла изъ жупана, цѣной въ 4 рубля, кафтана китаеваго—въ 3 рубля, ярмолука — въ 1 рубль и 12 коп., пояса шелковаго въ 1 рубль и 2 коп., рушницы—въ 3 рубля ([2]). Одѣяніе козака Никифора Донца, взятаго подъ арестъ запорожцами въ орельской паланкѣ, состояло изъ жупана суконнаго, кафтана китайчатаго, шапки червоной, пояса зеленаго шелковаго. Въ 1747 году одѣяніе и имущество козака щербиновскаго куреня Артема Дужки составляли — жупанъ тонкій маковый, съ шнуркомъ серебрянымъ, цѣною въ 6 рублей и 50 к., жупанъ синій—въ 4 рубля, каптанъ блакитный—въ 3 рубля, поясъ покутелевый зеленый—въ 2 рубля, поясъ зеленый добрый—въ 2 рубля и 50 коп., шапка - въ 1 рубль, чоботы сапьяновые красные—въ 1 рубль и 40 к., сорочка—въ 30 к., штаны—въ 25 к.; кромѣ того, байбаракъ—7 рублей, убранне(=ніе) синяго сукна—2 р. и 50 к., двѣ кульбаки—2 р. 50 к., свита бѣлая—65 к. ,бурка - 50 к., рушница „повина“ — 5 рублей, пологъ 90 коп., свинецъ — 30 коп., порохъ — 25 коп., два потника — 40 коп., шесть сальниковъ (безъ цѣны). У другого козака тогоже щербиновскаго куреня одѣяніе и имущество состояло изъ каптана блакитнаго—3 рубля, чоботъ сапьяновыхъ—1 р. 10 к., пояса червонаго — 1 руб. 50 к., кульбаки — 2 руб. 50 коп., боклага доброй горилки—50 копѣекъ. Въ 1749 году у запорожскаго козака Грицька Трута пограблены были татариномъ: лошадь—30 рублей, кафтанъ китаевый—6 руб., шуба волчья, крытая зеленымъ лавочнымъ сукномъ—20 рублей, шаровары сукна блакитнаго—3 руб., сапоги красные—1 руб. 50 к., пара пистолетовъ—4 рубля. Въ 1751 году у козака Оста-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 267.

[2]) Архивъ минис. юстиціи; дѣла правител. сената по малорос. экспедиціи, 1742—1752, № $^{130}/_{1857}$.

на Панчохи татары отбили въ степи кафтанъ китаевый зеленый, свиту простую бѣлую, поясъ съ ножнами и ножомъ, шаровары простыя суконныя, платокъ, шитый шелковый [1]). Можно къ этимъ указаніямъ прибавить множество другихъ. Но уже и этихъ достаточно для того, чтобы съ увѣренностью утверждать, что одеждой для запорожцевъ были жупаны, сдѣланные изъ сукна разныхъ цвѣтовъ, и каптаны, изъ шелковой матеріи разныхъ цвѣтовъ. Эти названія „жупанъ“ и „кафтанъ“ и слѣдуетъ принять за правильныя названія, употреблявшіяся у запорожцевъ, и избѣгать другихъ, которыя выдуманы позднѣйшими историками и писателями, писавшими о запорожцахъ на основаніи смутныхъ источниковъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія современникъ запорожскихъ козаковъ, 112-лѣтній запорожецъ Никита Коржъ, называетъ одежду запорожскихъ козаковъ каптанъ, черкеску, саетовыя яркихъ цвѣтовъ шаровары, ширины 4 аршина, сафьяновые цвѣтные сапоги, шалевый поясъ, шапку кабардинку изъ рѣчного звѣря каборги или виднихи, иначе выдры, обложенную накрестъ позументомъ и, наконецъ, косматую шерстяную, для ненастнаго времени, бурку, называвшуюся у поляковъ вильчурой. Такое одѣяніе, по словамъ Коржа, запорожцы носили и у себя въ Сичи, и въ походахъ, во время войны ([2]).

Въ этихъ названіяхъ запорожскаго одѣянія есть новое названіе „черкеска“, которое соотвѣтствуетъ документально-оффиціальному названію „жупанъ“. Другой запорожскій баянъ, 116-лѣтній старикъ Иванъ Игнатовичъ Россолода, также употребляетъ въ описаніи запорожской одежды названія „каптанъ„ и „черкеску“, подъ которой онъ разумѣлъ жупанъ. Но при всемъ томъ въ данномъ случаѣ предпочтительно удержать названія документальныя „жупанъ“ и „кафтанъ“, нежели названія, воспроизводимыя по воспоминаніямъ. Академикъ Василій Зуевъ, жившій въ XVIII вѣкѣ, говоритъ, что необходимымъ платьемъ у запорожскихъ козаковъ были рубашки и шаровары; это платье было самое

---

[1]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., XIV, 374, 380, 383, 393, 412, 445, 500.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 27.

обыкновенное у нихъ; они носили его безъ перемѣны до тѣхъ поръ, пока оно не распадалось на мелкіе лоскутья, а чтобы избавить себя отъ мытья и безпокойства насѣкомыхъ, напитывали его рыбьимъ жиромъ и вывяливали на солнцѣ. Впрочемъ, кромѣ этого необходимѣйшаго платья, запорожцы, по словамъ того-же Зуева, носили хорошее суконное платье, бархатныя шапки, шелковые кушаки и сафьяновые сапоги [1]).

Лица, жившія гораздо позже Никиты Коржа и Василія Зуева и также видѣвшія запорожцевъ, описываютъ одѣяніе ихъ такими словами: „Жупаны у нихъ были синіе и дѣлались изъ такого хорошаго сукна, что оно никогда не линяло; отвороты на рукавахъ (ихъ звали прежде „закаврашами“) красные и поясъ красный, а шаровары синія китайчатыя на очкурѣ. Вотъ такой самый жупанъ былъ и у моего отца: сине-темный, а закавраши зеленые, застегивался онъ до самаго верха посредствомъ гапликовъ; воротничекъ въ немъ былъ тоненькій въ два пальца и на воротничкѣ два крючечка и двѣ бабки; гаплички шли отъ верха каптана до самаго пояса и такъ густо были усажены, что за ними не было видно и крючечковъ. Какъ у кого, поясъ былъ зеленый или другой какой, но мой батько всякій разъ носилъ красный, и ему это очень шло; звалъ онъ свой жупанъ каптанкомъ; рукава въ немъ были узенькіе и на концахъ застегивались крючечками при самой рукѣ. Также точно одѣвался и дѣдъ“ [2]). Конечно, это былъ собственно не жупанъ, а каптанъ, носимый запорожцами ниже жупана, и очевидецъ, описывавшій одѣяніе запорожскаго козака, справедливо замѣтилъ, что его батько называлъ такой жупанъ „каптанкомъ“. Всякій кафтанъ дѣлался въ подолѣ ряснымъ, „карваши“ въ немъ приставлялись изъ бархатной матеріи, клинья „повинны быть въ цѣлости“ и должны пришиваться до подпашниковъ между собкомъ и передами, шился онъ весь зеленымъ шелкомъ, непремѣнно съ боковыми „гаманками“ [3]).

Однако, и эти перечисленія платья неполны; дошедшіе до насъ письменные документы въ числѣ запорожскаго

---

[1]) О бывшихъ промыслахъ у зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, 6.
[2]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1886, томъ XV, страница 700.
[3]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб. 1890, 109.

одѣянія называютъ еще суконныя широкія киреи и короткія юбки, на манеръ турецкихъ куртокъ [1]), а старинныя картины представляютъ, кромѣ того, запорожскихъ козаковъ въ короткихъ курткахъ изъ кожи, называемыхъ кожанками [2]).

Самое ясное и самое наглядное представленіе о запорожскомъ одѣяніи даютъ дошедшія до насъ гравюры, иконы, знамена и портреты козаковъ прошлаго вѣка. Таковы три гравюры въ приложеніяхъ къ сочиненію Ригельмана „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“, гдѣ представленъ выборъ войсковой старшины и два изображенія запорожскихъ козаковъ; запорожцы одѣты здѣсь въ широкія шаровары, длинные каптаны, низкія шапки и косматыя бурки [3]). Двѣ иконы, одна въ публичномъ одесскомъ музеѣ древностей, другая въ церкви села Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сичь. На первой представлена группа запорожцевъ, молящихся передъ Богоматерью и одѣтыхъ въ красныя нижнія каптаны и верхніе темно-зеленые съ откидными рукавами жупаны, широкія, низко опущенныя, краснаго цвѣта шаровары, опоясанныхъ разноцвѣтными, съ наборами и безъ наборовъ, поясами, и обутыхъ въ красные съ острыми носками сапоги. На другой иконѣ представлены два запорожца, стоящіе на колѣняхъ и одѣтые въ нижніе узкаго покроя каптаны и въ верхніе, очень широкіе, жупаны, похожіе на киреи [4]). Большое войсковое знамя, хранящееся въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, на которомъ запорожцы изображены въ разноцвѣтныхъ каптанахъ (безъ верхнихъ жупановъ), шелковыхъ поясахъ, разныхъ видовъ шапкахъ — низкихъ придавленныхъ и высокихъ остроконечныхъ, съ барашковымъ околышемъ и суконнымъ или шелковымъ вершкомъ, въ широкихъ шароварахъ и непремѣнно съ длинной хусткой, т. е. платкомъ у пояса вдоль шароваръ. Портреты запорожскаго полковника Афа-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 271.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 58.

[3]) Гравюра, приложенная къ сочиненію „Вооруженія россійскихъ войскъ“ кажется, нѣсколько утрирована.

[4]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 58 ,192.

насія Ѳедоровича Колпака и двухъ незначныхъ запорожцевъ, Ивана и Якова Шіяновъ, писанные масляными красками почти во весь ростъ съ натуры и находящіеся первый въ Самарскомъ пустынно-николаевскомъ монастырѣ, близъ города Новомосковска, Екатеринославской губерніи, два другіе въ одесскомъ публичномъ музеѣ древностей. Здѣсь представлены запорожцы съ открытыми головами, съ шапками или подъ мышкой, или въ рукѣ, въ красныхъ жупанахъ, шелковыхъ штофныхъ съ узорами каптанахъ, широкихъ краснаго шелка поясахъ и сафьяновыхъ красныхъ или желтыхъ сапогахъ [1]). Эти портреты всего вѣрнѣе передаютъ костюмъ запорожскихъ козаковъ; къ нимъ можно прибавить лишь то, что́ хранится въ собственномъ собраніи автора настоящаго труда, и немного изъ того, что находится въ другихъ частныхъ собраніяхъ запорожскихъ древностей по части одѣянія. Запорожское платье собственнаго собранія состоитъ изъ двухъ нижнихъ одѣяній, такъ называемыхъ каптановъ, бураковаго [2]) и краснаго цвѣта, на человѣка большого и малаго, роста; оба они длиною нѣсколько ниже колѣнъ; оба имѣютъ по два уса назади, какъ кафтаны или черкески кубанскихъ козаковъ, и шелковыя бабки на коротенькихъ шелковыхъ снуркахъ спереди; оба имѣютъ на концахъ рукавовъ небольшіе отвороты изъ темнаго бархата, прикрѣпленные къ рукаву металлическими крючками; оба въ плечахъ довольно широки и въ перехватѣ довольно узки; наконецъ, оба подбиты клѣтчатой китайчатой матеріей. Достоинство покроя этихъ каптановъ состоитъ въ томъ, что они даютъ полную свободу человѣку махать рукой впередъ и назадъ, нисколько не стѣсняя его движеній. Къ этимъ-же каптанамъ имѣются и пояса, одинъ изъ шелковаго персидскаго сырца, ширины двѣ съ половиной четверти [3]), длины одиннадцать аршинъ, бураковаго цвѣта, съ позолоченными концами, длины въ три четверти каждый конецъ, съ шелковыми плетеными снурками, длины въ аршинъ, при-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб.. 1888, I, 100; II, 62, 64.

[2]) Буракомъ называютъ на югѣ то, что на сѣверѣ называютъ свеклой.

[3]) Для опоясыванія онъ складывался втрое изнанкою въ средину.

крѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса; другой также изъ шелка, такой-же ширины, семь аршинъ длины, лиловаго цвѣта, съ посеребренными концами и шелковыми снурками на концахъ; третій такой-же ширины и такой-же длины, но безъ позолоты на концахъ, изъ великолѣпной шелковой матеріи съ цвѣтами и узорами, подобно матеріямъ шалей и потому называемый шалевымъ. Въ такіе пояса запорожцы вкладывали деньги, письма, огнива, нюхательные рожки и тому подобныя мелкія вещи. Такъ дѣлаютъ современные туземцы нашихъ средне — азіатскихъ владѣній, изъ чего можно заключить о заимствованіи запорожцами этого обычая у татаръ. Каптанъ и два первыхъ пояса добыты у внука запорожца, крестьянина села Лапинки, Екатеринославскаго уѣзда, Мокія Лося, хранившіеся у него отъ дѣда по настоящее время безъ всякой передѣлки [1]). Теперь эти каптаны и пояса находятся въ частномъ музеѣ собирателя козацкихъ древностей Георгія Петровича Алексѣева въ Петербургѣ. Къ этому описанію остается только сказать нѣсколько словъ о кожаныхъ поясахъ; нѣсколько кожаныхъ запорожскихъ поясовъ находится въ собраніи древностей Александра Николаевича Поля, въ Екатеринославѣ; длина ихъ не больше той, какая необходима для того только, чтобы охватить животъ, но внѣшняя отдѣлка самая разнообразная, изъ различныхъ металлическихъ накладокъ, подобно черкескимъ поясамъ на Кавказѣ.

Сто-шестнадцати-лѣтній старикъ, Иванъ Игнатовичъ Россолода, самъ запорожецъ, родившійся на отцовскомъ зимовникѣ, часто видѣвшій своего отца въ запорожскомъ одѣяніи, долго хранившій потомъ это одѣяніе у себя и годъ тому назадъ скончавшійся въ селѣ Чернышовкѣ, Екатеринославскаго уѣзда, описываетъ запорожское одѣяніе такими словами.

„Ходили запорожцы хорошо, одѣвались и роскошно и красиво; головы они, видите-ли, брили; обрѣютъ да еще и мыломъ намажутъ, чтобы, видишь, лучше волосы росли; одну только чупрыну оставляли на головѣ, длины, вѣроятно, съ аршинъ, черную да курчавую. Заправитъ ее

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 68, 70.

замотаетъ раза два или три за лѣвое ухо, да и повѣситъ [1]), она и виситъ у него до самаго плеча; да такъ за ухомъ и живетъ... А иной возьметъ да перевяжетъ свою чупрыну ленточкой, закрутитъ ее на лбу, такъ и ляжетъ спать, а утромъ какъ встанетъ, да какъ распуститъ ее, такъ она сдѣлается точно хвостъ у овцы. То все на выхвалку. Дивчата косы отращиваютъ, а запорожцы чупрыны. А если уже черезчуръ длинная выростетъ, тогда козакъ замотаетъ ее сперва за лѣвое ухо, а потомъ проведетъ по-за затылкомъ на правое ухо, да такъ и ходитъ. Бороды тоже брили, только одни усы оставляли и ростили ихъ долгіе-предолгіе. Вотъ это какъ нафабритъ ихъ, какъ начернитъ да какъ расчешетъ гребнемъ, такъ хоть онъ и старый будетъ козакъ, а такой выйдетъ козарлюга, что только хить-хить! Страшно долгіе усы отрощали! Иной возьметъ ихъ обѣими руками, подниметъ вверхъ да и позакладаетъ на самыя уши, а они еще ниже ушей висятъ. Вотъ какіе они были усари! Правда, у нѣкоторыхъ были и маленькіе усы—такъ, какъ у кого какой волосъ росъ, а только усы они очень любили... Вотъ это какъ запорожецъ чупрыну замоталъ, усы расчесалъ, тогда уже одѣвается въ свое платье. А платье было у нихъ на дроту [2]), на ватѣ, на шелковыхъ снуркахъ да на пуговицахъ, изъ тонкаго сукна разныхъ цвѣтовъ; тотъ надѣнетъ голубое, тотъ зеленое, тотъ красное,—кто какого пожелаетъ; только сорочки были собственнаго рукодѣлія, потому что бумажной ткани они тогда не знали. На голову надѣвали высокую острую шапку, со смушковымъ околышемъ, въ четверть ширины, съ суконнымъ краснаго или зеленаго цвѣта дномъ [3]), въ полторы четверти высоты, на ватѣ, съ золотыми перекрестами, съ серебряной

---

[1]) Чупрына отъ слова „чубъ“, а слово „чубъ“ отъ персидскаго слова „чобъ“, что значитъ „гроздь, кисть, пучокъ“. Чупрына носилась непремѣнно за лѣвымъ ухомъ: „какъ всѣ знаки достоинствъ и отличій,—объяснялъ бывшій запорожецъ Антонъ Головатый великому князю Константину Ивановичу,—сабля, шпага, ордена и другіе, носятся съ лѣваго бока, то и чупрына, какъ знакъ удалого у храбраго козака, должна быть обращена также къ лѣвой сторонѣ“: Современникъ, 1847, № 7 т. X, отд. II, 17.

[2]) Дротъ вставлялся въ средину: „сколько хочешь, столько й бей, а не пробьешь“.

[3]) Краснымъ вершкомъ, называвшимся у нѣкоторыхъ „солодкимъ дномъ“.

китицей на самомъ верху и съ крючкомъ для китицы,— пристегивать, чтобы не моталась. Околышъ шапки часто служилъ козаку вмѣсто кисета или кармана: туда онъ иногда клалъ табакъ, огниво, люльку или рожокъ съ табакомъ; особенно люльку: какъ вынулъ изо рта, такъ и заткнулъ ее за околышъ. Шапки больше всего дѣлались по куренямъ: какой курень, такая и шапка, такой и цвѣтъ на ней. Прежде чѣмъ надѣть на себя шапку, козакъ заматываетъ свою чупрыну за ухо и потомъ уже надѣваетъ шапку на голову; какъ надѣлъ шапку, то онъ уже и козакъ; это—самое первое и самое главное одѣяніе козака. Потомъ уже надѣваетъ каптанъ, длины до колѣнъ цвѣтной съ травами, узорами и разводами, съ пуговицами, на шелковыхъ снуркахъ, съ двумя сборами назади, съ двумя крючками для пистолетовъ на бокахъ, и съ небольшими отворотами изъ бархата на концахъ рукавовъ, пристегиваемыхъ желѣзными крючками. Застегнетъ каптанъ пуговицами, завяжетъ поясомъ, и готовъ. А пояса дѣлались или изъ шали, или изъ турецкаго и персидскаго шелка, широкіе и долгіе, не такіе, что теперь парубки носятъ, которые они заматываютъ на срединѣ живота и завязываютъ узломъ, а такіе, какъ напримѣръ, монахини дѣлаютъ попамъ: длины аршинъ десять или больше того, а ширины четверти полторы, а то и совсѣмъ двѣ; концы на нихъ золотились и серебрились, а къ самымъ краямъ привязывались шелковые снурочки. Когда надо было козаку опоясаться, то онъ привяжетъ поясъ снуркомъ къ гвоздю, да и качается кругомъ, такъ и намотаетъ весь поясъ на себя. Потомъ снурки завяжетъ или позади себя на спинѣ, или на боку, а позолоченные концы оставитъ спереди, на животу, да такъ и ходитъ, какъ истый лыцарь. Пояса были разныхъ цвѣтовъ: зеленые, красные, голубые, коричневые. Кромѣ долгихъ поясовъ, носили запорожцы и короткіе, сдѣланные изъ кожи или волоса; на нихъ сзади нашивались китицы, а спереди крючки, пряжки, ремни для кинжаловъ, сабель и люлекъ. Вотъ какъ надѣлъ запорожецъ красный каптанъ, опоясался поясомъ, навѣсилъ на себя кинжалъ, приладилъ саблю, тогда онъ надѣваетъ черкеску или жупанъ. Это уже одежда просторная и долгая, почти до самыхъ косточекъ, съ широкими ру-

кавами, такъ какъ будто подризникъ у попа или то платье, что архіерейскіе пѣвчіе надѣваютъ по городамъ. Жупанъ уже былъ другого цвѣта, чѣмъ каптанъ; если каптанъ красный, то жупанъ голубой или синій; онъ тоже былъ на сборахъ и на снуркахъ, гаптованъ золотомъ, съ разными золотыми позументами, пуговицами, по подолу, по концамъ рукавовъ и по прорѣхамъ роздеръ, съ гапликами, съ тонкимъ дротомъ въ срединѣ и съ широкими-преширокими рукавами или, какъ тамъ говорятъ, роздерами или роспорами [1]). Роспоры эти дѣлались какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгибалась рука по локтю, четверти полторы или двѣ въ длину; внизъ за роспорами шелъ уже сшитый рукавъ до самаго конца. Въ такіе рукава просовывали руки или прямо черезъ концы ихъ, или черезъ роспоры, что по срединѣ рукавовъ. Когда руки просовывались прямо черезъ концы рукавовъ каптана, то тогда изъ—подъ нихъ выдавались бархатные отвороты черкески и на каждой рукѣ выходило по два рукава; а когда руки просовывались черезъ роспоры, тогда выходило, будто на каждой рукѣ козака надѣто по четыре рукава: два лежатъ, а одинъ сзади „метляется“. Тѣ, что „метлялись“ сзади, можно было заложить за спину и вмѣстѣ связать. Отъ этого и выходило, что какъ ѣдетъ, бывало, запорожецъ верхомъ съ завязанными рукавами, то кажется, какъ будто на спинѣ его придѣланы крылья; по тѣмъ-то крыльямъ и узнаютъ запорожца. Поверхъ черкески иногда надѣвалась кирея,—это совсѣмъ долгое одѣяніе; по самыя пятки, сдѣланное или изъ кожи, или изъ волны, безъ рукавовъ, похожее на плащъ.

Вотъ какая у нихъ была одежда! Такая одежда, что онъ одной сорочки не продастъ за сто рублей; какъ идетъ по улицѣ, такъ какъ будто весь убранъ звѣздами или цвѣтами. До этой широкой и просторной одежды приставали широкія и просторныя шаровары, суконныя, нанковыя, кожаныя, съ обѣихъ сторонъ съ карманами,—и тутъ карманъ, и тутъ карманъ,—оба обложенныя по краямъ сверху золотыми позументами, разныхъ цвѣтовъ, а больше всего си-

---

[1]) То, что у поляковъ извѣстно было подъ названіемъ вылётовъ.

няго цвѣта, матни въ штанахъ дѣлались такія, что до самой земли касались: какъ идетъ козакъ, то и слѣдъ за собой мететъ. Къ шароварамъ пригонялись долгіе очкуры, шелковые или шерстяные, съ золотыми китицами на обоихъ концахъ. Холоши шароваръ носились поверхъ голенищъ,—не такъ, какъ теперь дѣлаютъ, что вкладываютъ ихъ въ сапоги, а поверхъ сапогъ; онѣ привязывались къ голенищамъ серебряными подвязками или шелковыми снурками съ золотыми и серебряными китицами на концахъ, а самыя подвязки привязывались такъ, что отъ нихъ видны были только китицы. Какъ идетъ запорожецъ, то такъ и видишь, какъ тѣ китицы изъподъ шароваръ мотаются. Подъ шаровары уже надѣвались сафьяновые чоботы, желтые, зеленые, красные, съ золотыми, серебряными и мѣдными подковками, съ узенькими носками; отъ сапогъ виднѣлись одни носки или каблуки,—такъ запорожцы напускали на нихъ низко свои шаровары [1]): издали кажется, точно баба въ юбкѣ стоитъ; какъ идетъ козакъ, точно парусъ распускаетъ; а ширина такая, что въ иныя шаровары можно штукъ тридцать арбузовъ вложить; какъ двѣнадцать аршинъ матеріи, то такія шаровары называются „рясны́ми“, а какъ пятнадцать—называются шароварами „зъ достàтку“ [2]).

„Бывало, каждый годъ пріѣзжаютъ запорожцы въ Смилу на ярмарку, человѣкъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на запорожцѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ пальца въ три шириною, сѣрый или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, горитъ, какъ огонь, просто глаза ослѣпляетъ, а сверху черкеска съ вылётами, или синяя или голубая; штаны суконные синіе, широкіе—такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ—такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ, бывало, запорожецъ шапку

---

[1]) На портретахъ Колпака и братьевъ Шіяновъ шаровары, однако, не такъ низко опущены.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 20—24

вверхъ и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало, идетъ запорожецъ, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается. Только шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — и пошелъ, и пошелъ!“ [1]).

„Богатые костюмы запорожцевъ, при поѣздкахъ ихъ на Украйну, по справедливому замѣчанію Коховскаго, иногда были не болѣе, какъ роскошный étalage товаровъ въ магазинѣ для приманки покупателей. Многіе, прельщаясь запорожскою роскошью, шли въ свою очередь искать добычи и славы и увеличивали собой запорожское войско и его значеніе“ [2]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что самыя дорогія платья запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита. Платья изъ шелковой штофной съ узорами матеріи, подобной матеріямъ шалей, назывались у запорожцевъ шалѣвыми; платья изъ польскаго и англійскаго суконъ назывались саѣтами, отъ польскаго слова „sajeta“ съ тѣмъ-же значеніемъ; платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазинными отъ тюркскаго слова „кырымызы“—красный или „кермезъ“—краска, по нѣмецки крушенина, добывавшаяся изъ небольшого дерева въ степяхъ Бухары [3]); наконецъ платья изъ аксамита назывались аксамитными. Аксамитъ—это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ, почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова „ἑξάμιτον“, составленнаго изъ двухъ словъ „ἓξ“—шесть и ἱματιον„—одежда, откуда латинское “examitum„, нѣмецкое “samet„, нижнелужицкое “samot„. Аксамитомъ называлась золотая или серебряная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и различныхъ цвѣтовъ узорами, подобно парчѣ, шитая золотыми и серебряными петлями. Аксамитъ добывался главнымъ образомъ изъ Византіи и у древнихъ русскихъ шелъ на церковныя облаченья,

---

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Санктъ-Петербургъ, 1856, I, 140.
[2]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 164.
[3]) Костенко, Средняя Азія, Санктъ—Петербургъ, 1871, 102.

одежды князей и богатыхъ бояръ[1]),а у запорожцевъ главнымъ образомъ на нижнее платье, каптанъ.

Нѣтъ сомнѣнія. что покрой одежды запорожскихъ козаковъ, въ особенности высокихъ шапокъ, широкихъ шароваръ, длинныхъ кафтановъ и широкихъ поясовъ, восточнаго происхожденія и заимствованъ ими отъ татаръ и турокъ. Это заимствованіе шло или путемъ подражанія, или путемъ захвата, во время набѣговъ, или путемъ покупки, или путемъ пожалованія со стороны высшихъ татарскихъ и турецкихъ властей запорожскимъ козакамъ. Такъ, изъ оттоманской исторіи турецкаго исторіографа Наймы мы знаемъ, что въ 1653 году крымскій ханъ Исламъ-Герай пожаловалъ козацкимъ старшинамъ въ даръ суконные кафтаны [2]). Изъ исторіи татаръ хивинскаго хана XVII вѣка Абулъ-Газиса - Багадура узнаёмъ, что кармазинный цвѣтъ особенно былъ распространенъ въ Средней Азіи: красные кармазинные кафтаны носились самими ханами, особенно во время выѣздовъ и торжественныхъ церемоній. По замѣчанію одного ученаго XVIII вѣка, у всѣхъ татаръ красный цвѣтъ предпочитался всѣмъ другимъ цвѣтамъ: принцы, мурзы и знатныя татарскія женщины скорѣе не будутъ имѣть рубахъ, нежели красныхъ кафтановъ; самые простые люди и то старались имѣть кафтаны если не кармазиннаго достоинства, то обыкновеннаго сукна, но непремѣнно красные; наши сибирскіе инородцы имѣютъ особенную страсть къ кафтанамъ краснаго цвѣта и потому по всему азіатскому сѣверу съ кускомъ краснаго сукна можно сдѣлать въ четверо больше, нежели съ деньгами [3]) Въ общемъ запорожская одежда имѣла то достоинство, что не стѣсняла движеній человѣка и была приспособлена къ жаркому климату страны.

---

1) Труды московскаго археологическаго общества, т. IV, вып. I, 31.
2) Шермуа, Набѣгъ татаръ. Ж. М. Н. Пр., 1832, IV, 5.
3) Родословная о татарахъ, СПБ, 1727, II, 219, 220.

Вооруженіе у запорожскихъ козаковъ.

Запорожскій козакъ и воинъ, запорожскій козакъ и „лыцарь“—это такія понятія, которыя никогда не отдѣлялись одно отъ другого: если говорили о козакѣ, то разумѣли, что онъ непремѣнно воинъ; если говорили о сичевикѣ, то понимали, что онъ непремѣнно „лыцарь“. Вся жизнь запорожскихъ козаковъ состояла въ борьбѣ съ поляками, турками и татарами, отчасти съ волохами и москалями. Такое положеніе дѣлало запорожцевъ весьма опытными людьми въ военномъ дѣлѣ и распространяло объ нихъ славу далеко за предѣлами Запорожья, между западно-европейскими королями и императорами. Само собою разумѣется, что козаку, какъ воину, кромѣ личныхъ качествъ и боевой школы, нужно было имѣть и соотвѣтствующія оружія для того, чтобы побѣждать непріятеля. Можно съ увѣренностью сказать, что у запорожцевъ имѣлись въ распоряженіи всѣ типы боевого оружія, какія только были въ употребленіи въ свое время у поляковъ, турокъ, татаръ, москалей, волоховъ, сербовъ, черногорцевъ.

Историческія и археологическія данныя указываютъ, что изъ оружія у запорожскихъ козаковъ были въ употребленіи „огнистой стрѣльбы“—гарматы (или арматы), можжиры (иначе моштиры или мортирки), гакивныци, рушницы, (иначе самопалы, они же мушкеты, пищали), наконецъ, пистоли или пистолеты; кромѣ оружія „огнистой стрѣльбы“ были орудія „рукопашнаго боя“—списы или копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, демешки, иначе клинки или кинжалы, ножи, якирьци или рогули [1]).

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 340, 335, 343, 124, 45, 201, 345, 144, 185, 193, 56; Записки одесск. общ. исторіи и древностей, XIV, 475.

Запорожския пушки 1, 2, 3, 4, 5 мортира 6, ядра 7, собран

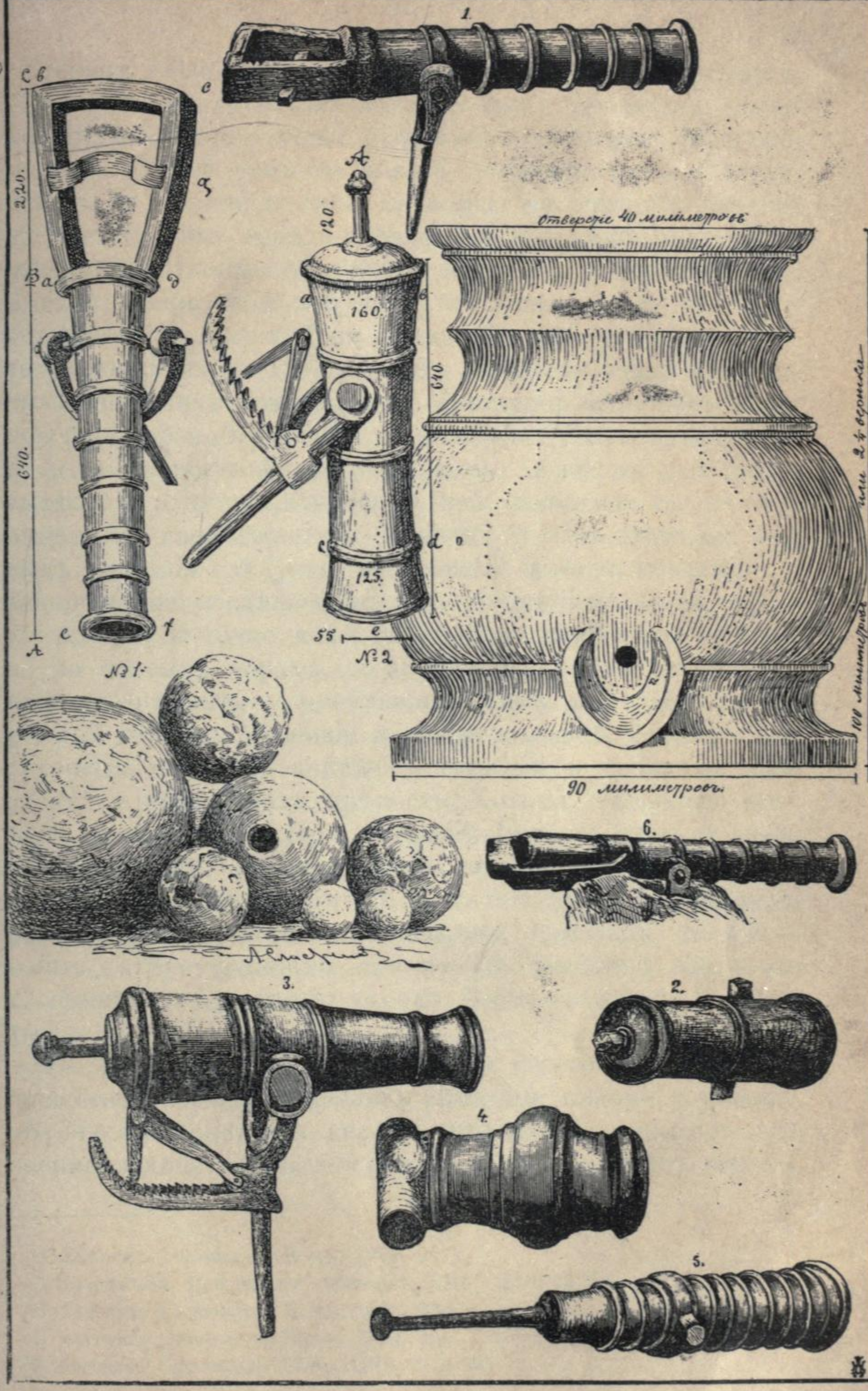
Вооруженіе у запорожскихъ козаковъ.

Запорожскій козакъ и воинъ, запорожскій козакъ и „лыцарь“—это такія понятія, которыя никогда не отдѣлялись одно отъ другого: если говорили о козакѣ, то разумѣли, что онъ непремѣнно воинъ; если говорили о сичевикѣ, то понимали, что онъ непремѣнно „лыцарь“. Вся жизнь запорожскихъ козаковъ состояла въ борьбѣ съ поляками, турками и татарами, отчасти съ волохами и москалями. Такое положеніе дѣлало запорожцевъ весьма опытными людьми въ военномъ дѣлѣ и распространяло объ нихъ славу далеко за предѣлами Запорожья, между западно-европейскими королями и императорами. Само собою разумѣется, что козаку, какъ воину, кромѣ личныхъ качествъ и боевой школы, нужно было имѣть и соотвѣтствующія оружія для того, чтобы побѣждать непріятеля. Можно съ увѣренностью сказать, что у запорожцевъ имѣлись въ распоряженіи всѣ типы боевого оружія, какія только были въ употребленіи въ свое время у поляковъ, турокъ, татаръ, москалей, волоховъ, сербовъ, черногорцевъ.

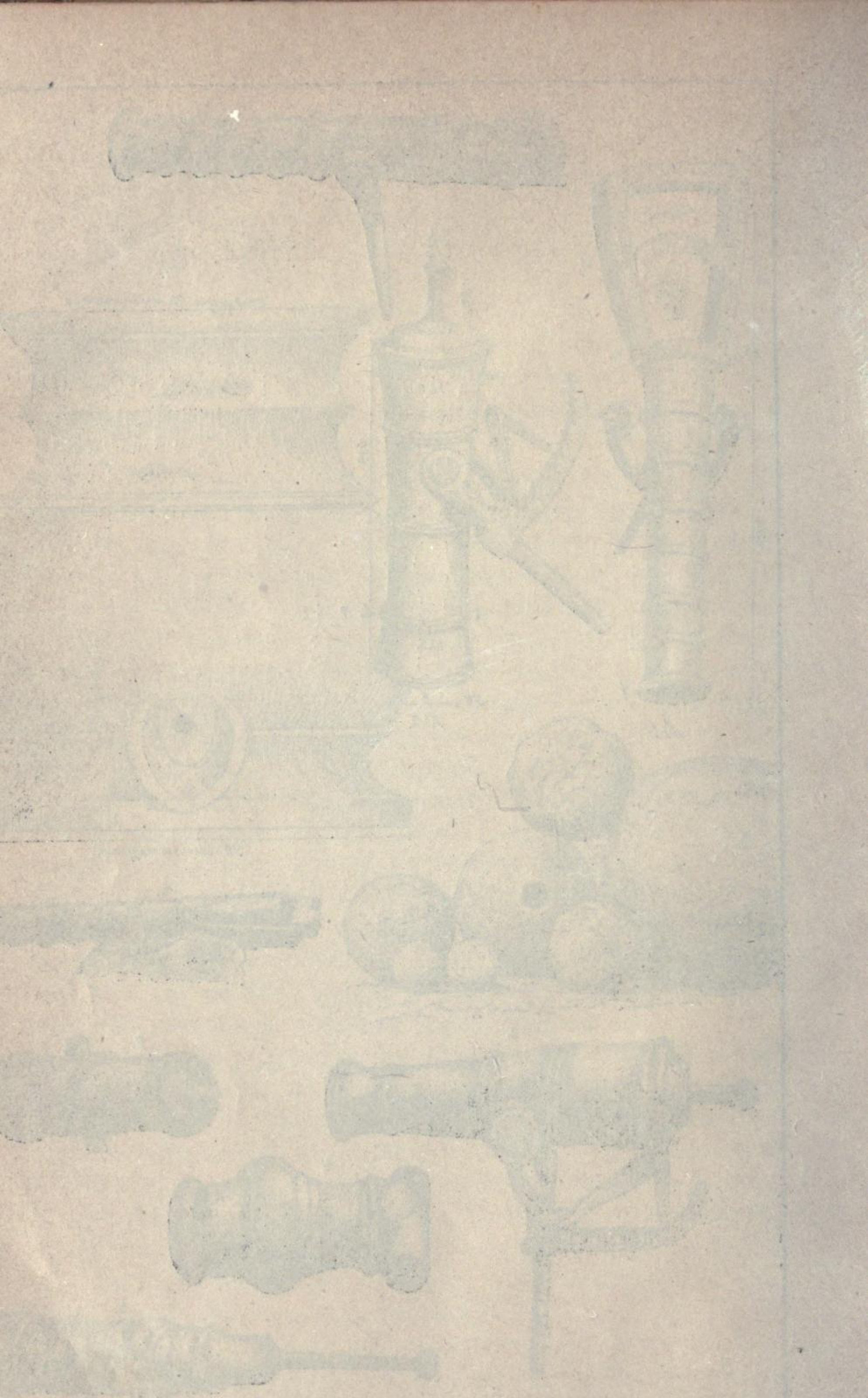
Историческія и археологическія данныя указываютъ, что изъ оружія у запорожскихъ козаковъ были въ употребленіи „огнистой стрѣльбы“—гарматы (или арматы), можджиры (иначе моштиры или мортирки), гакивницы, рушницы (иначе самопалы, они же мушкеты, пищали), наконецъ, пистоли или пистолеты; кромѣ оружія „огнистой стрѣльбы“ были орудія „рукопашнаго боя“—списы или копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, демешки, иначе клинки или кинжалы, ножи, якирьци или рогули [1]).

---

[1]) Дѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 340, 335, 343, 124, 45, 201, 345, 144, 185, 193, 56; Записки одесск. общ. исторій и древностей, XIV, 475.



Запорожскія пушки 1, 2, 3, 4, 5, мартиры 6, ядра 7, собранія А. Н. Поля.



Первыя лѣтописныя указанія о запорожскихъ арматахъ, т. е. пушкахъ, относятся къ 1516 году: „Жили они (запорожцы) на Днѣпровскихъ островахъ и временемъ (т. е. временами) лѣтомъ рыбною ловлею упражднялись, которую безъ соли сушили и оною питались; на зиму-жъ въ ближайшіе къ нимъ города сходили. А при кошѣ и пушкахъ невеликихъ (коихъ у турковъ и татаръ, разоряя ихъ города и замки, себѣ добували) нѣсколько сотъ человѣкъ оставляли“ [1]). Дальнѣйшія указанія о запорожскихъ арматахъ относятся къ 1557 году. Въ это время одинъ изъ первыхъ козацкихъ вождей, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, воюя съ турками на низовьяхъ Днѣпра, взялъ турецкую крѣпость Асламъ—Кермень, людей въ ней всѣхъ вырѣзалъ, а пушки, бывшія въ ней, захватилъ съ собой и вывезъ въ свой городокъ Хортицу [2]). Изъ этихъ же первыхъ указаній слѣдуетъ, что первыя арматы, попавшія къ запорожцамъ и сдѣлавшіяся ихъ достояніемъ, были турецкія арматы. И точно, воюя съ турками, запорожцы не только на первыхъ порахъ, но и впослѣдствіи не разъ добывали себѣ арматы у мусульманъ. Такъ, въ 1572 году коронный гетманъ Мелецкій и вождь козацкій Темрюкъ Пятигорецъ, во время войны съ турками и волохами, „достали“ у нихъ, близъ крѣпости Хотина, нѣсколько знаменъ и арматъ. [3]). При Стефанѣ Баторіи, королѣ польскомъ, козаки, „воюя турковъ, арматъ и военныхъ припасовъ сами себѣ добули“ [4]). И въ послѣдующіе годы запорожскіе козаки часто одобычивались арматами во время войнъ съ мусульманами: при городѣ Чигиринѣ они взяли 27 арматъ, а при взятіи города Азова захватили 4 арматы [5]).

Что запорожцы въ первые годы своего историческаго существованія одобычивались арматами именно у турокъ, это вполнѣ понятно и вполнѣ естественно: началомъ ихъ военныхъ дѣйствій была борьба съ мусульманскимъ міромъ,

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 32 д.
[2]) Эварницкій, Исторія зап. козаковъ, СПБ, 1895, II, 25.
[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 334.
[4]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 214.
[5]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 283, 295.

къ которой впослѣдствіи прибавилась борьба съ польскимъ, а потомъ борьба и съ великороссійскимъ міромъ. Выходя изъ Украйны на низовья Днѣпра сперва „легкимъ ходомъ“ ,козаки не могли въ то время тащить съ собой тяжелыхъ орудій и если „добывали“ ихъ, то „добывали“ на самомъ „низу“ у турокъ. „Пушекъ запорожцы у себя не имѣютъ, а пользуются только тѣми, кои внезапными нападеніями съ кораблей и галеръ у турокъ взяли“ [1]). Когда запорожцы выходили на своихъ чайкахъ въ открытое море и схватывались съ турецкими галерами, то они, по словамъ современниковъ, всегда старались суда пустить на дно моря, а орудія захватить на свои чайки; такимъ способомъ однажды запорожцы перевезли съ Сичь болѣе 100 мѣдныхъ орудій [2]).

Но гдѣ были турки, тамъ находились и татары: сталкиваясь съ татарами даже чаще, нежели съ турками, запорожцы отбивали у нихъ кромѣ добычи также арматы, если у татаръ оказывались при этомъ какія-либо арматы. Чаще всего это было во время нападенія запорожцевъ на самый Крымъ, ибо, отправляясь въ походъ, татары, ведшіе хищническій способъ войны—настичь непріятеля, ограбить его и убѣжать,—рѣдко брали съ собой въ походъ тяжелыя орудія. „Запорожское войско ходили (sic) подъ Перекопъ и тамъ подъ Бѣлымъ моремъ (т. е. Гнилымъ моремъ или Сивашомъ) вежу виняли (т. е. башню разобрали) и арматъ путкъ осмъ узяли и иніе рѣчи (вещи) и ясиру“ [3]). „Живучи оные за крымцами (1709—1734 гг.), нѣкоторые ихъ козацкіе рыболовы нечаянно на крымской сторонѣ, въ отмытомъ отъ полой воды берегѣ рѣки Днѣпра, въ урочищѣ Карайтебенѣ, усмотрѣли одну пушку малую и пришедъ объ оной объявили кошевому, на что кошевой, взявъ нѣсколько козаковъ, пришедъ оную пушку вырывать стали, и въ томъ мѣстѣ нашли ихъ числомъ 50; которыя пушки взявъ и содержали въ одномъ зимовникѣ потаенно, не объявляя объ нихъ никому, опасаясь, дабы та-

---

1) Вице-адмиралъ Крюйсъ, Отечественныя записки, 1824, 54, 68.
2) Боплант, Описаніе Украйны, 66; Мышецкій, Исторія, 8.
3) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 334, 335.

тары отъ нихъ оныхъ пушекъ не отобрали; а какъ пришли, въ подданство россійской имперіи, то оныя пушки роздали по своимъ козацкимъ куренямъ, которые нынѣ у нихъ, на ихъ военныхъ дубахъ, имѣются“ (1).

Кромѣ этого, предпринимая не разъ походы, въ теченіе XVI столѣтія, также въ страны, зависѣвшія въ политическомъ отношеніи отъ Турціи, какова, напримѣръ, Молдавія, запорожцы добывали себѣ и тамъ арматы 2). Съ наступленіемъ войнъ между козаками и поляками запорожцы стали одобычиваться арматами и у поляковъ. У самихъ поляковъ арматы, первѣе всего мѣдныя, по мнѣнію генералъ-лейтенанта Н. Е. Бранденбурга, стали выливаться не ранѣе XV столѣтія 3). По крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVI столѣтія въ Польшѣ арматы были столь рѣдки, что имъ знали счетъ, знали, сколько находилось арматъ въ каждой изъ польскихъ крѣпостей. Козаки и здѣсь, „опановавъ“ какую-нибудь польскую крѣпость, старались „опановать“ и польскія арматы. Въ 1586 году первый вождь, поднявшій козаковъ противъ поляковъ, Криштофъ Косинскій, побѣдивъ пановъ подъ Бѣлой-Церковью, Кіевомъ и нѣкоторыми другими городами, забралъ у побѣжденныхъ порохъ, арматы и другое оружіе 4). Позднѣе, при взятіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ города Корсуня, захвачено было козаками арматъ большихъ 41, а при городѣ Збаражѣ арматъ большихъ 50 5).

Къ концу XVI столѣтія у запорожскихъ козаковъ арматы считались уже необходимою принадлежностью войска, и потому когда къ нимъ прибылъ въ 1594 году посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, то они „салютовали его множествомъ пушечныхъ выстрѣловъ“ 6).

Съ переходомъ Запорожья, въ 1654 году, изъ-подъ власти Польши во власть Москвы, запорожское войско стало получать, время отъ времени, въ видѣ пожалованія, отъ московскаго царя арматы московскаго издѣлія. Когда именно

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 26.
2) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 334, 335.
3) По мнѣнію проф. Бершадскаго даже не ранѣе половины XVI столѣтія.
4) Эварницкій, Исторія зап. козаковъ, СПБ, 1845, II, 90, 95,
5) Павлищевъ, Польская анархія, СПБ, 1878, I, 259.
6) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 30, 51.

впервые запорожское войско получило московскую артиллерію, этого, за неимѣніемъ указаній, сказать нельзя. Правдоподобно, однако, допустить предположеніе, что вывозъ московской артиллеріи въ Запорожье начался около 1659 года, когда у запорожцевъ и великороссовъ начались первыя совмѣстныя дѣйствія противъ гетмана Ивана Виговскаго, измѣнившаго Москвѣ, и противъ поляковъ, принявшихъ сторону Виговскаго. Первыя документальныя извѣстія о московской артиллеріи относятся только къ 1661 году, когда наказный гетманъ Якимъ Сомко обратился къ московскому царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о присылкѣ запорожскому войску московскихъ пушекъ [1]); однако, были ли высланы, по той просьбѣ, въ Запорожье пушки или нѣтъ, документальныхъ данныхъ о томъ не имѣется. Опредѣленныя указанія о существованіи въ Запорожьѣ московской артиллеріи относятся лишь къ 1672 и 1673 годамъ: „Въ Сѣчѣ имѣется пушечнаго наряда: одна пушка мѣдная ломовая и къ ней 100 ядръ, вѣсомъ въ восемь гривенокъ ядро; 11 пушекъ полевыхъ и къ нимъ 100 ядръ, вѣсомъ по четыре, по три и по двѣ гривенкѣ ядро; 2 мѣдныхъ и 3 желѣзныхъ пищалей и къ нимъ 200 ядеръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и по полугривенкѣ ядро; 2 мѣдныхъ и 3 желѣзныхъ затинныхъ пищалей и къ нимъ по 200 ядеръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и по полугривенкѣ ядро; къ тѣмъ пушкамъ всѣмъ, кромѣ того, дѣлаютъ желѣзныя и свинцовыя ядра... Пороху, пушечнаго и ручного, всего съ присланнымъ вмѣстѣ, 350 пудовъ, свинцу 300, фитилю около 30 пудовъ“. Кромѣ самой Сичи московскою артиллеріей снабжена была, хотя и въ меньшемъ количествѣ, крѣпость Кодакъ [2]). Въ виду предстоявшей большой войны русскихъ и запорожцевъ съ турками и татарами запорожцы въ слѣдующемъ, 1673 году, получили новый запасъ московской артиллеріи: пушки ломовыя, гранаты, ракеты, сипоши и трубы [3]). Въ 1746 году запорожцы, черезъ посредство своего полковника Кирилла Данилова, обратились съ прось-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, V, 94.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 12—15.
[3]) Акты южной и западной Россіи XI,13, 14.

бой къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о пожалованіи имъ артиллеріи вмѣстѣ съ присылкой войскового жалованья и боевыхъ запасовъ. Въ виду такой просьбы велѣно было навести въ столицѣ справки по сенатскимъ и коллегіальнымъ отпискамъ, высылалась ли когда-либо изъ столицы въ Запорожье артиллерія, а также приказано было справиться, сколько имѣлось въ самой Сичи собственныхъ войсковыхъ пушекъ. По справкѣ оказалось въ Сичи: пушекъ мѣдныхъ противъ полковыхъ на колесахъ, походная 1, на станку 1, имѣющихся въ запасѣ растрѣлъ на станкахъ 2, къ стрѣльбѣ вовсе негодныхъ 1; чугунныхъ пушекъ 1, итого: мѣдныхъ 5, чугунныхъ 1. По той же справкѣ оказалось, что литье артиллеріи производятъ только малороссійскіе козаки, въ городѣ Глуховѣ, „подъ смотрѣніемъ войсковой генеральной канцеляріи на ихъ собственномъ коштѣ, а запорожскому войску артиллеріи отпуску напредъ сего не бывало“ [1]).

Лѣтописныя и актовыя данныя указываютъ, что арматы у запорожскихъ козаковъ, по матерьялу, раздѣлялись на спѣжовыя, т. е. мѣдныя, и желѣзняки, т. е. желѣзныя; по величинѣ на потужныя, т. е. большія, и малыя или непотужныя; еще иначе арматы назывались муроломными, т. е. стѣнобитными, полевыми и крѣпостными; къ арматамъ полагались большія и малыя гранаты, пульки арматныя, большія и малыя [2]).

Вся наличная артиллерія, имѣвшаяся у запорожцевъ въ Сичи, разставлялась, на сколько объ этомъ можно судить по письменнымъ указаніямъ и по сохранившимся планамъ Сичи, частію на сичевой площади, близъ куреней, частію по валу, окружавшему Сичь, частію у брамы или главныхъ воротъ, изъ предмѣстья, или хассанъ-базара, во внутреннюю крѣпость, а большею частію хранилась въ вой-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав.-го сената по малор. экспедиціи, 1742—1752,, г., № 130/1857.

[2]) Лѣтопись Самовидца, 124, 144, 183, 193, 56, 237, 339, 345. Записки одесск. общ. ист. и древн. XIV, 399. Лѣтописецъ Величко знаетъ еще орудія картаны, т. е. дальнобойныя пушки, съ которыми приходили въ 1678 году турки для осады Чигирина (Лѣтопись, II, 413); но у запорожскихъ козаковъ, повидимому, этого термина не было.

сковомъ цейхаузѣ, называвшемся войсковою пушкарнею. Для завѣдыванія артиллерійскимъ дѣломъ въ Сичи назначалось особое лицо, называвшееся войсковымъ пушкаремъ и имѣвшее у себя одного помощника и особаго канонира; называвшагося гармашомъ.

Сохранившіяся до нашего времени арматы запорожскихъ козаковъ имѣютъ четыре вида: мортиры, мѣдныя пушки, желѣзныя кованныя и чугунныя. Образцы всѣхъ этихъ пушекъ имѣются въ частныхъ коллекціяхъ и общественныхъ музеяхъ козацкихъ древностей [1]). Мортира мѣдная представляетъ изъ себя мѣдную ступку, длины 100, ширины 90 и отверстіе 40 миллиметровъ. Пушка мѣдная состоитъ изъ мѣднаго ствола длины 5, толщины 4 четверти, отверстіе 1 четверть, со шпилемъ съ глухой стороны, длины $1^1/_2$ четверти. Пушка желѣзная состоитъ изъ желѣзной кованой трубы, скрѣпленной осьмью желѣзными кольцами или обручами и открытой съ обоихъ концовъ; къ одному изъ этихъ концовъ (откуда заряжаютъ) придѣланы желѣзныя скобы, въ которыя вкладывался желѣзный для заряда ящикъ. Длина трубы 640 миллиметровъ, длина самаго ящика 240 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки 880 миллиметровъ; ширина ящика съ верхняго конца 175, съ нижняго 110 миллиметровъ, внутренній діаметръ трубы 60 миллиметровъ, толщина стѣнокъ трубы по 20 миллиметровъ. Судя по слишкомъ примитивному устройству желѣзныхъ и кованныхъ пушекъ, можно думать, что изъ всѣхъ видовъ запорожскихъ арматъ, эта пушка была собственнаго, т. е. сичевого, производства. Пушка чугунная состоитъ изъ чугуннаго ствола съ хвостомъ и подстановкою для прицѣла; длина ствола 640, длина хвоста 120 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки 760 миллиметровъ, діаметръ при хвостѣ 160, при дулѣ 125 миллиметровъ, діаметръ самаго дула 55 миллиметровъ.

Объ оружіи другого вида „ огнистаго и рукопашнаго боя“, бывшемъ въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ, имѣются самыя разнообразныя указанія, какъ туземнорус-

---

1) Въ Одессѣ въ Общественномъ музеѣ: въ с. Фалѣевкѣ, Херсонской губерніи, у землевладѣльца Н. Н. Комстадіуса и въ г. Екатеринославѣ у А. Н. Поля.

скія,такъ и иностранныя. Такъ, въ козацкой думѣ о Ѳедорѣ Безродномъ, конца XVI столѣтія, говорится, что когда козаки „хова́ли“ Ѳедора Безроднаго, то они саблями землю копали и изъ семипяденныхъ пищалей стрѣляли [1]). Яковъ Собѣскій, отецъ извѣстнаго польскаго короля Яна Собѣскаго, въ началѣ XVII столѣтія говоритъ, что будто бы многіе изъ запорожскихъ козаковъ не употребляли сабель, но ружьями владѣли всѣ [2]). Быть можетъ, Яковъ Собѣскій говоритъ о какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ, когда на извѣстномъ разстояніи нельзя было употребить въ дѣло сабель, или же разумѣетъ слишкомъ небольшое число козаковъ, даже, можетъ быть посполитыхъ, случайно попавшихъ въ составъ запорожскаго войска, которые могли не имѣть при себѣ сабель; вообще же говоря, сабля считалась однимъ изъ самыхъ необходимыхъ оружій запорожца. Въ томъ же XVII столѣтіи французскій инженеръ Боплань писалъ о запорожцахъ, что изъ оружія у нихъ въ употребленіи—фальконеты, ядра, порохъ, пищали и сабли: каждый козакъ, отправляясь въ походъ, бралъ одну саблю, двѣ пищали и шесть фунтовъ пороху, при чемъ тяжелые боевые снаряды складывалъ въ лодку, а легкіе оставлялъ при себѣ. Пищали, по замѣчанію Боплана, были обыкновеннымъ оружіемъ у козаковъ, изъ которыхъ они очень мѣтко стрѣляли [3]).

Малороссійскій лѣтописецъ Григорій Грабянка XVII вѣка изъ вооруженія у запорожскихъ козаковъ называетъ самопалы, сабли, списы, стрѣлы и обухи, т. е. боевые молотки или келепа [4]). Малороссійскій лѣтописецъ Самойло Величко XVIII вѣка говоритъ, что когда въ 1648 году въ запорожскую Сичь на Микитиномъ—Рогѣ прибылъ Богданъ Хмельницкій съ сыномъ Тимоѳеемъ, то запорожцы привѣтствовали его выстрѣломъ изъ мушкетовъ, а когда онъ выходилъ изъ Сичи для войны съ поляками, то они его снабдили собственной арматой и клейнодами [5]). Исто-

---

1) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, I, 250, 254.
2) Записки о хотинской войнѣ: Черниговскія губ. вѣд., 1849, 25, ноябр. 16.
3) Боплань, Описаніе Украйны. С.Петербургъ, 1832. 64, 8.
4) Малороссійкая лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1854, 20.
5) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 52.

рикъ запорожской Сичи, князь Семенъ Мышецкій, въ половинѣ XVIII вѣка говоритъ, что въ войскѣ запорожскомъ, какъ у стараго, такъ и у малаго, имѣлось огненное оружіе, рушницы или флинты, пистолеты, холодное оружіе — копья и сабли, а свинецъ и порохъ покупались въ Польшѣ [1]). Наконецъ, малороссійскій списатель второй половины XVIII вѣка, Стефанъ Лукомскій, упоминаетъ еще о гакивницахъ, бывшихъ въ употребленіи у запарожскихъ козаковъ [2]), и представлявшихъ собой, какъ можно думать, длинныя крѣпостныя рушницы, повидимому, соотвѣтствовавшія великорусскимъ, такъ называемымъ, затиннымъ пищалямъ. Названіе свое этотъ родъ оружія могъ получить или отъ слова „гакать“, т. е. стрѣлять, или отъ слова „гакъ“, т. е. крючекъ, на которомъ это оружіе подвѣшивалось къ стѣнѣ крѣпости.

Послѣ арматъ и гакивницъ важнѣйшимъ оружіемъ у запорожскихъ козаковъ были рушницы (правильнѣе ручницы отъ слова „рука“) или ружья, у богатыхъ козаковъ съ дорогими ложами, оправленными серебромъ съ насѣчками и чернью, стрѣлявшія посредствомъ положеннаго на полку пороха и прилаженнаго къ полкѣ и къ курку кремня. Изъ сохранившагося до нашего времени реестра вещамъ послѣ „умертвія“ нѣкоей Анны Морозовой 1762 года видно, что у козаковъ различались рушницы малыя и рушницы „большія восьмерикъ“ [3]). А въ реестрѣ 1747 года вещамъ запорожскаго козака Дужка значится рушница „новина“, но что означалъ этотъ терминъ — неизвѣстно [4]). Дошедшія до нашего времени свѣдѣнія отъ половины XVIII в. относительно цѣнъ на предметы вооруженія у запорожцевъ указываютъ, что рушница стоила отъ 2 до 5, иногда до 8 рублей, каковая цѣна по тогдашнему времени составляла большія деньги. По единогласному свидѣтельству современниковъ, запорожцы дѣйствовали рушницами въ совершенствѣ, стрѣляя изъ нихъ на довольно значительномъ разсто-

---

1) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.
2) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 335.
3) Изъ архивныхъ документовъ собственнаго собранія.
4) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 412, 498.

яніи и очень мѣтко попадая въ цѣль [1]). На сколько можно судить по лѣтописнымъ и документальнымъ указаніямъ, рушницы иначе назывались самопалами и мушкетами. Что самопалъ, мушкетъ и рушница—разныя названія для одного и того же оружія, это видно изъ сопоставленія однихъ и тѣхъ же мѣстъ, но у различныхъ лѣтописцевъ. Въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“ читаемъ: „При Стефанѣ Баторіи, королѣ польскомъ, въ томъ же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроены, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ короговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицеръ съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленый, и рогъ при боку“ [2]). Въ „Собраніи историческомъ“ о томъ же самомъ читаемъ: „1576 году король польскій, Стефанъ Баторій, видя козаковъ противъ турковъ и татаръ толь славную храбрость и отвагу, привелъ ихъ въ лучшій порядокъ: гетмана имъ за старшину опредѣлилъ, знамя, булаву, бунчукъ и печать съ войсковымъ гербомъ пожаловалъ, то есть: стоитъ рицерь, мушкетъ на правомъ плечѣ держитъ“ [3]). Итакъ, изъ этихъ сопоставленій очевидно, что въ глазахъ лѣтописцевъ прошлыхъ вѣковъ самопалъ и мушкетъ было одно и тоже оружіе. Съ другой стороны, на основаніи иныхъ лѣтописныхъ указаній, можно заключить, что мушкетъ и рушница также — одно и тоже оружіе. Такъ, лѣтописецъ Величко во всѣхъ четырехъ томахъ своей обширной лѣтописи нигдѣ не употребляетъ слова „рушница,“ а вмѣсто него всегда употребляетъ слово „мушкетъ“ [4]). Если допустить, что мушкетъ было отличное отъ рушницы оружіе, то тогда нужно допустить й то, что козаки, сражаясь съ непріятелями въ теченіи около ста лѣтъ, вовсе не знали рушницъ, а знали только мушкеты. Если между рушницей и мушкетомъ и могла быть какая-нибудь разница, то разница не по существу, а по достоинству: рушницей могло быть ружье собственнаго издѣлія, а мушкетъ загранич-

---

1) Самовидецъ, 354, 355, Бопланъ, Описаніе Украйны, 8, Nordberg, Histoire de Charles XII, á la Haye, 1748, II, 291.

2) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 214.

3) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 350.

4) Лѣтопись, I, 48—54, II, 163, 361, 381 и др.

наго, т. е. болѣе совершеннаго издѣлія. Такимъ образомъ естественно допустить, что рушницы, самопалы и мушкеты—разныя названія для одного и того же оружія. „Въ ту воинскую дорогу, въ которую, милость твоя, прибираешся, писали въ 1676 году запорожцы гетману Самойловичу, и насъ не забудь вспомощи хлѣбомъ, дабы, видя такую отъ милости твоей ссуду, допомогли тому воинскому дѣлу своимъ обычаемъ, саблею и самопаломъ". „Объявляемъ вашей милости, писали запорожцы въ 1657 году гетману Ивану Виговскому, о всемъ, какъ есми писали въ первомъ писмѣ нашемъ, что не отрекаемся христіанства, а нѣ жъ всякіе бунты всчинаемъ, но тѣ всѣ перебравшися, увязаны, или половина, въ которыхъ нѣтъ ни самопала, ни порошня и одежи не спрашивай" [1]. Изъ послѣднихъ указаній можно вывести еще и то заключеніе, что подъ „самопаломъ" козаки иногда могли разумѣть вообще всякое ручное огнестрѣльное оружіе, т. е. рушницу и пистоль, какъ подъ словомъ „армата" они иногда разумѣли пушки, мортиры и гакивницы.

Въ такомъ же видѣ, только гораздо меньше размѣрами, были у запорожцевъ и пистоли, т. е. пистолеты [2]. Каждый козакъ имѣлъ при себѣ четыре пистоля, причемъ два изъ нихъ носилъ за поясомъ, а два въ кожаныхъ кобурахъ („кубуръ" — съ татарскаго на русскій чехолъ, футляръ), пришитыхъ снаружи къ шароварамъ [3]. Пули для пистолей, судя по находимымъ въ настоящее время образцамъ на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сичей, были величиной въ воробьино яйцо, и для отливки такихъ пулекъ существовали особыя формы, о которыхъ сохранилось указаніе въ письмахъ запорожскаго войска [4], и образцы которыя также находятся на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ

---

1) Акты южной и западной Россіи, IV, 60, XII, 635.

2) По словамъ очевидца, по пяти четвертей длины, съ „просторыми" дулами.

3) Такъ запорожцы изображены на большомъ войсковомъ знамени, хранящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ, и на гравюрѣ Ригельмана „Изображеніе запорожскаго козака", № 25. Устное повѣствованіе Коржа, 1842, 29.

4) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малор. экспедиціи, 1742—1752, № 130/1857.

Сичей. Стрѣльба изъ рушницъ и пистолей называлась у запорожцевъ „дробною стрѣльбой“ или „дробнымъ ружжомъ“ въ отличіе отъ „арматной стрѣльбы“. Ружьями да пистолями, какъ и саблями, запорожскіе козаки любили особенно щеголять, почему, придавая имъ дорогую оправу и украшенія, всегда старались держать ихъ въ большой чистотѣ, отъ чего и сложился у нихъ терминъ для ручного оружія „ясная зброя“: „Оружіе у нихъ, говоритъ очевидецъ, все было убрано въ золото да въ серебро; на оружіе они все богатство свое покладали: то и не козакъ, коли у него скверное оружіе“ [1]). Изъ отрывочныхъ указаній, сохранившихся отъ 1745 года до нашего времени, видно, что рушница куренного атамана запорожскаго войска цѣнилась въ половинѣ XVIII вѣка отъ 3 до 6 рублей, каковую сумму нужно если не утроить, то во всякомъ случаѣ удвоить противъ нашего времени. Такая цѣнность рушницы покажется тѣмъ болѣе высока, если мы скажемъ, что въ это время (въ 1742 году) каждому рядовому козаку, ѣздившему, въ качествѣ депутата, изъ Сичи въ столицу для поздравленія императрицы Елизаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ, выдано было на обратный путь, отъ Петербурга до Сичи, по 3 рубля на человѣка [2]).

Самый матерьялъ для огнестрѣльнаго оружія, т. е. порохъ, большею частію былъ у запорожцевъ не собственнаго производства, и доставлялся въ Сичь частію изъ Польши, частію изъ Украйны, частію изъ Турціи, а большею частью (съ 1654 года) изъ Москвы. Впрочемъ, есть указаніе и на то, что запорожцы и сами дѣлали порохъ, но этотъ порохъ не отличался хорошими качествами, и кромѣ того онъ приготовлялся изъ селитры, привозимой въ Сичь украинскими козаками [3]).

Изъ орудія „рукопашнаго“ боя на первомъ мѣстѣ стояли сабли и списы.

Сабли употреблялись у запорожскихъ козаковъ не осо-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, СПБ., 1888, II, 24.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малорос. экспедиціи, 1742—1752 г., № 130/1857.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 3; Мышецкій, Исторія, 56.

бенно кривыя [1]) и не особенно длинныя, около 5 четвертей средней длины, но зато весьма доброкачественныя и весьма острыя: „Якъ рубне кого, то такъ надвое и розсиче,—одна половина головы сюды, а друга сюды“. Рукоятки сабель нерѣдко обкладывались чешуйчатою кожею морскихъ рыбъ и оканчивались головкой какой-нибудь птицы или звѣря; лезвія имѣли нерѣдко золотую насѣчку и вкладывались въ деревянныя, обшитыя кожей или обложенныя металломъ, „пыхвы“ (отъ слова „пихать“) или ножны. Реестръ вещей 1762 года умершей пани Анны Морозовой между другимъ козацкимъ оружіемъ называетъ „шаблю подъ мѣдью красной“. Обыкновенно сабли носились у лѣваго бока и привязывались посредствомъ двухъ колецъ, одного ближе къ ручкѣ, другого ближе къ концу, узенькимъ ремнемъ подъ поясъ, которымъ былъ опоясанъ козакъ [2]). Сабля считалась столь необходимымъ оружіемъ для козака, что въ пѣсняхъ козацкихъ она всегда называется „шаблею — сестрицею, ненькою — ридненькою, дружиною—панночкою молоденькою“.

„Ой, панночко наша шаблюка!
Зъ бусурманомъ зустривалась,
Не разъ, не два цилувалась“.

Какъ истинный „лыцарь“, запорожецъ саблю предпочиталъ всякому другому оружію, особенно рушницѣ, и называлъ ее „чеснымъ оружіемъ“. Какъ „чесное оружіе“, ее и употреблять нужно было только противъ честныхъ воиновъ, а противъ такого „бусурманскаго народа“, какъ татары, надобно было дѣйствовать „не саблями, а плетьми“ [3]).

Списы или копья также были въ большомъ употребленіи у запорожскихъ козаковъ: „козакови безъ ратыща, якъ дивчины безъ намыста“ — говорили обыкновенно въ Запорожьѣ. Изъ сохранившихся до нашего времени козацкихъ копій видно, что они состояли собственно изъ желѣзнаго копья, различныхъ формъ и различной величины (около 5 вершковъ, иногда нѣсколько больше, иногда

---

[1]) Въ противуположность турецкимъ, которыя были очень кривы.
[2]) См. Лѣтопись Ригельмана, Москва, 1847, приложеніе № 26.
[3]) Акты южной и западной Россіи X11, 342.

нѣсколько меньше), и деревяннаго древка, которое называлось ратыщемъ (отъ слова „рать“) [1]) и которое дѣлалось изъ тонкаго и легкаго дерева, въ пять аршинъ длины, нерѣдко окрашиваемаго спирально и наискось красною и черною красками. На нижнемъ концѣ такого ратыща провертывались насквозь двѣ, одна ниже другой дырочки для продѣванія въ нихъ тонкаго ремешка, надѣваемаго всадникомъ на ногу для поддержанія ратыща въ вертикальномъ положеніи и для легкости перевозки его на конѣ. Что ратыща и копья не одно и тоже—это видно изъ дошедшихъ до насъ описей такого рода: „Ногайцы, напавши ночной порой, порѣзали (козаковъ) и имущество ихъ побрали, яко то: ратыщъ изъ списами четыре“... „Гайдамаки, напавши на караульніхъ козаковъ перевязали (ихъ) и лошадей ихъ съ кулбаками шесть, ратищъ зъ списами“ три взяли [2]). По словамъ очевидца, на нѣкоторыхъ ратищахъ дѣлалась еще, немного выше копья, желѣзная перепонка для того, чтобы проткнутый копьемъ непріятель сгоряча не просунулся по копью до самыхъ рукъ козака и не схватился съ нимъ въ рукопашную; ибо часто случалось, что иному „ворогу“ и животъ распорятъ, а у него и кровь не брызнетъ; онъ даже и не замѣчаетъ того и попрежнему продолжаетъ лѣзть въ драку; такого горяча „ворога“ можно было отстранить отъ себя, проткнувъ его копьемъ и задержавъ перепонкою. Иногда тѣже списы служили у запорожскихъ козаковъ готовымъ матерьяломъ для сооруженія мостовъ въ виду встрѣчавшагося на пути болота: когда запорожцы дойдутъ бывало до какого-нибудь топкаго мѣста, то сейчасъ же кладутъ, одинъ за другимъ, два ряда копій—въ каждомъ ряду копье, одно вдоль, другое поперекъ, и по тѣмъ копьямъ, какъ по мосту, переходятъ болото; пройдя черезъ одинъ рядъ копій, они сейчасъ же становятся на другой и снимаютъ первый, изъ котораго мостятъ третій рядъ, такъ и перебираются черезъ все болото. Списы или копья несомнѣнно заимство-

---

1) Что „списъ“ и „ратыще“ различались у запорожцевъ, на это указываютъ ихъ собственныя письма: „списъ зъ ратищемъ цѣна рубль“. Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малор. экспедиціи, 1742—1752, № 130/1857.

2) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV. 498, 711.

ваны запорожцами отъ татаръ, такъ какъ это оружіе извѣстно было татарскимъ козакамъ, которые пріобрѣли извѣстность на русскомъ югѣ гораздо раньше появленія тамъ русскихъ козаковъ. Уже Тамерланъ въ собственной автобіографіи говоритъ о копьяхъ, бывшихъ въ употребленіи у татаръ [1]). Затѣмъ извѣстный путешественникъ Марко Поло, XIII вѣка, ѣздившій въ Великую Монголію, также изъ татарскаго оружія называетъ копья [2]).

Кромѣ сабель и копій изъ „рукопашнаго“ оружія извѣстны были запорожцамъ еще такъ называемые келепа, т. е. чеканы или боевые молотки. Это ручное оружіе, состоявшее изъ деревянной, въ одинъ аршинъ длины, ручки съ желѣзнымъ на одномъ изъ концовъ ручки молоткомъ, имѣвшимъ съ одной стороны тупой обушокъ, а съ другой острый носокъ. На другомъ концѣ деревянной ручки келепа, свободномъ отъ молотка, дѣлались двѣ небольшія, на извѣстномъ разстояніи, дырочки для ремневой петли, посредствомъ которой келепъ надѣвался на руку, при изгибѣ локтя, а, можетъ быть, и на луку сѣдла. Какъ боевое оружіе, келепа употреблялись у русскихъ, напримѣръ, у „воровскихъ“ козаковъ Стеньки Разина, одновременно съ этимъ у турокъ, въ XVII вѣкѣ [3]) и у малороссійскихъ козаковъ: „Сегожъ де, государь, числа (3 сентября, 1658 года), въ ночи, пришли въ Крупецъ изъ Глухова, черкасы (т. е. черкасскіе козаки) пѣши и его, драгуна Ваську, били и мучали: битъ онъ чеканомъ по головѣ, и рука правая отшиблена“ [4]). Въ народно-козацкихъ думахъ также говорится о келепѣ, какъ о обоевомъ оружіи:

„А козáкъ козáчій звы́чай знáе,
Кéлепомъ по рéбрахъ торкáе.“

По объясненію военнаго историка Зеделлера, келепа употреблялись запорожскими козаками для разбиванія непріятельскихъ доспѣховъ. По мнѣнію В. Коховскаго, келепа

---

1) Автобіографія Тимура, переводъ Лыкошина, Ташкетъ, 1892.

2) Путешествіе Марко Поло, Москва, 1863, 182.

3) Сказаніе Сахарова, т. II, Путешествія, 216; А. Поповъ, Матеріалы для исторіи Разина, Москва, 1857, 24. Множество келеповъ или чекановъ находится въ музеѣ Соловецкаго монастыря, видѣнныхъ мной лично въ 1887 году.

4) Акты южной и западной Россіи, IV, 140.

служили у запорожцевъ какъ вспомогательное оружіе и употреблялись въ рѣдкихъ случаяхъ, при невозможности стрѣльбы, именно „когда воюющіе перемѣшивались въ рукопашномъ бою до такой степени, что опасно было стрѣлять, во избѣжаніе нанесенія вреда своимъ же“ [1]). Объясненія Зеделлера и Коховскаго можно соединить въ одно, т. е. можно допустить, что иногда запорожскіе козаки употребляли келепа для разбиванія доспѣховъ; иногда же, можетъ быть, чаще всего для пораженія непріятелей въ рукопашномъ бою. Во всякомъ случаѣ келепа не были знакомъ атаманскаго достоинства, какъ это утверждалъ извѣстный южно-русскій археологъ Н. Н. Мурзакевичъ.

Келепъ или чеканъ, какъ боевое оружіе, извѣстенъ былъ и полякамъ: такъ, въ 1620 году шляхтичъ Пекарскій ранилъ польскаго короля Сигизмунда III, при входѣ его въ костелъ, чеканомъ. Во время корсунскаго погрома поляковъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ числѣ оружія козакамъ досталось и нѣсколько „обуховъ оправныхъ“, т. е. келеповъ [2]). Но и къ полякамъ и къ козакамъ это оружіе несомнѣнно занесено было съ востока. Еще на такъ называемой серебряной столовой вазѣ, найденной на берегу рѣки Прута и относимой къ 1 вѣку по Р. Х., и на вазѣ съ изображеніемъ персидскаго царя Дарія, представлены воины съ боевыми молотками, похожими точь въ точь на келепа [3]). Келепа, какъ холодное ручное оружіе, съ давнихъ временъ употреблялись киргизами и трухменцами средней Азіи [4]). Объ употребленіи татарами келепа, какъ боевого оружія, упоминаетъ также въ своей автобіографіи Тамерланъ [5]). Лучшіе образцы восточныхъ келеповъ собраны въ коллекціи средне-азіатскихъ оружій бывшаго начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта А. Н. Куропаткина; на туземномъ языкѣ они извѣстны подъ именемъ батовъ, и ими туземцы старались въ рукопашномъ бою поражать нашихъ солдатъ въ грудь.

---

[1]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб, 1862, 100.
[2]) Павлищевъ, Польская анархія, СПБ, 1878. I, 114, 259.
[3]) Русскія древности гр. Толстого и Кондакова, СПБ, 1889, I, 77, 87.
[4]) Левшинъ, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, СПБ, 1832, III, 49.
[5]) Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ, 1892.

Образцами козацкихъ келеповъ могутъ служить тѣ многочисленные келепа, которые въ разное время были находимы на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сичей и которые большею частью попали въ частныя коллекціи козацкихъ древностей [1]).

Въ числѣ другихъ вооруженій были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ еще такъ называемыя якирьцú или рогульки, извѣстныя у великороссовъ подъ именемъ желѣзныхъ или троицкихъ чесноковъ, которыми въ смутное время монахи Троицко-сергіевской лавры защищались противъ поляковъ. Якирьцú имѣютъ подобіе птичьей лапы съ тремя передними пальцами, которыми она ступаетъ по землѣ, и четвертымъ заднимъ, въ видѣ отростка, который не достаетъ до земли. Видимо якирьцú дѣлались изъ одного продолговатаго куска желѣза, который расщеплялся съ одного конца на три отдѣльныя части, а съ другого конца оставался не расщепленнымъ и такимъ образомъ представлялъ собой подобіе маленькаго якоря, но не съ тремя, а съ четырьмя зацѣпками и не пригнутыми, какъ у якоря, а прямыми и очень острыми, какъ птичьи пальцы [2]). Якирьцú употреблялись въ древнее время у русскихъ [3]), поляковъ [4]), и затѣмъ у запорожскихъ козаковъ и татаръ. Назначеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы ранить копыта лошадямъ; для этого запорожцы, имѣя въ виду замедлить ходъ непріятельской кавалеріи, разбрасывали въ извѣстныхъ мѣстахъ, на степи, цѣлые возы якирьцúвъ, и тѣмъ нерѣдко причиняли дѣйствительно большой вредъ непріятельскимъ конямъ: какъ ни положить якирець, а все одинъ рожокъ его будетъ торчать вверхъ и непременно вонзится въ копыто.

Лѣтописныя данныя указываютъ еще на употребленіе запорожскими козаками стрѣлъ, вкладывавшихся въ сагайдаки, нужно думать, въ подражаніе татарамъ и туркамъ. Въ 1574 году часть козаковъ Свѣрчовскаго была вооруже-

---

[1]) Каковы, напр., коллекціи Г. П. Алексѣева и А. Н. Поля въ г. Екатеринославѣ.

[2]) Рисунокъ якирьця см. Эварницкій, Запорожье, II, 25.

[3]) Филаретъ, Описаніе харьковской епархіи, Москва, 1848, IV. 3.

[4]) Поповъ, Изборникъ хронографовъ, Москва, 1857, 132.

на луками и стрѣлами, которыми она очень мѣтко поражала татаръ и турокъ [1]). На „Вѣршахъ“, сочиненныхъ по случаю смерти и погребенія гетмана Петра Сагайдачнаго ректоромъ кіевскихъ школъ Кассіаномъ Саковичемъ, гетманъ Сагайдачный представленъ сидящимъ верхомъ на конѣ и вооруженнымъ лукомъ со стрѣлами (за плечами) и сагайдакомъ, повѣшеннымъ съ праваго бока всадника [2]). Въ 1648 году, запорожцы, какъ разсказываетъ лѣтописецъ Самойло Величко, выряжая Богдана Хмельницкаго изъ Сичи на войну съ поляками, дали ему конныхъ охотниковъ мушкетеровъ и сайдакеровъ. Въ 1675 году запорожцы, по словамъ того же Величка, поражая въ самой Сичѣ янычаръ, дѣйствовали мушкетами, списами, саблями и луками [3]). Въ 1699 году вице-адмиралъ Корнелій Крюйсъ писалъ о запорожскихъ козакахъ, что они употребляли луки и стрѣлы, которыми очень мѣтко стрѣляли [4]). Въ козацкихъ виршахъ, дошедшихъ до нашего времени на старыхъ лубочныхъ картинахъ съ изображеніемъ запорожскихъ гайдамакъ, лукъ и стрѣлы также считаются необходимою принадлежностью вооруженія козака.

„Якъ натягну лукъ я, брязну тытывою,
То мусыть утикаты ханъ крымськый зъ ордою“.

Сагайдакъ или саадакъ есть татарское слово и съ татарскаго на русскій значитъ „дикій козелъ“ или „кожа съ дикаго козла“ для обшиванія того помѣщенія, куда вкладывались стрѣлы. Онъ употреблялся запорожцами для той же цѣли, какъ и у татаръ, т. е. для храненія въ немъ стрѣлъ, и носился посредствомъ ремня за плечами. Сагайдаки добывались запорожцами главнымъ образомъ у татаръ, на что указываютъ дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства [5]). Такъ, извѣстный полковникъ Семенъ Палій получилъ въ 1699 году между прочимъ въ подарокъ отъ буджацка-

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1875, 340.

[2]) Кіевлянинъ, 1850, III, 151; перепечатано у Антоновича и Беца, Историческіе дѣятели югозападной Россіи, Кіевъ, 1883, въ приложеніи на первомъ рисункѣ.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, I, 53, II, 361.

[4]) Корнелій Крюйсъ, Отечественныя записки, 1854, окрябрь, №54, 68.

[5]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, СПБ, 1888, 19.

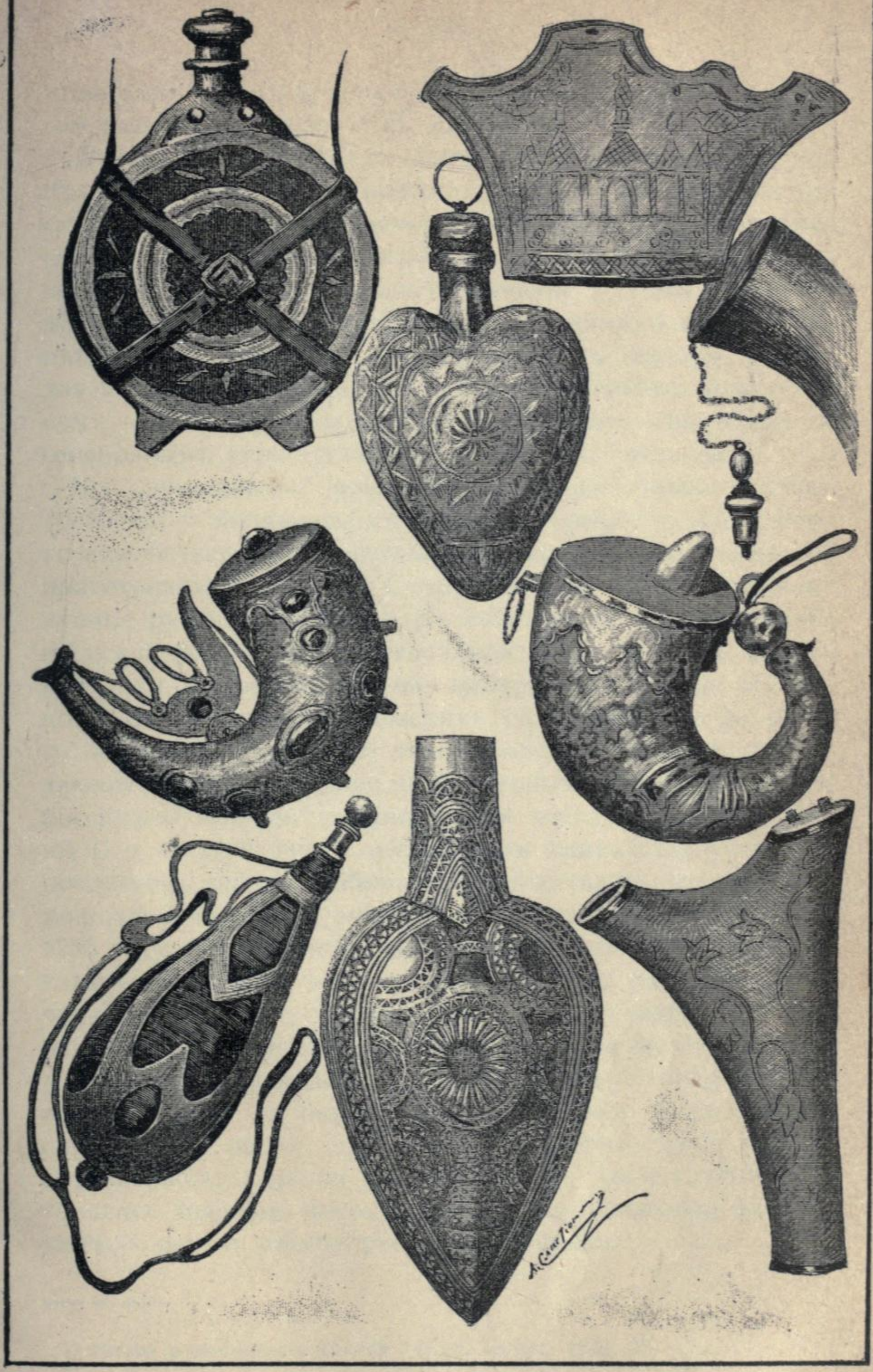
го, сераскера „сѣдло съ тебенками, лукъ и стрѣлъ добрыхъ два десятка“ (1).

Ко всему описанному вооруженію запорожскихъ козаковъ надо прибавить еще слѣдующія: демешки или дамасскіе клинки 2), кинжалы, ножи, панцыри и колчуги, бывшіе также въ употребленіи у запорожцевъ. Относительно употребленія козаками панцырей имѣется лѣтописное указаніе, относящееся къ 1572 году, когда предводитель козацкій Свѣрчовскій, помогая Ивонѣ въ добываніи молдавскаго престола, вооружилъ своихъ козаковъ для борьбы съ турками и волохами „огнистымъ оружіемъ и панцырями“. Тутъ же имѣтся указаніе и на то, что нѣкоторая часть козаковъ была снабжена рогатинами 3). На ношеніе козаками панцырей имѣются также указанія, относящіяся къ 1678 году: полтавскій полковникъ Прокопъ Левенецъ во время чигиринскихъ войнъ козаковъ съ турками былъ подстрѣленъ непріятелемъ „зъ янчарки и зъ коня впадлъ, но нешкодливе для панциру“ 4). Что касается кольчугъ, то нахожденіе ихъ на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сичей также указываетъ на употребленіе ихъ запорожскими козаками, хотя это употребленіе не было столь обыкновенно, какъ у поляковъ.

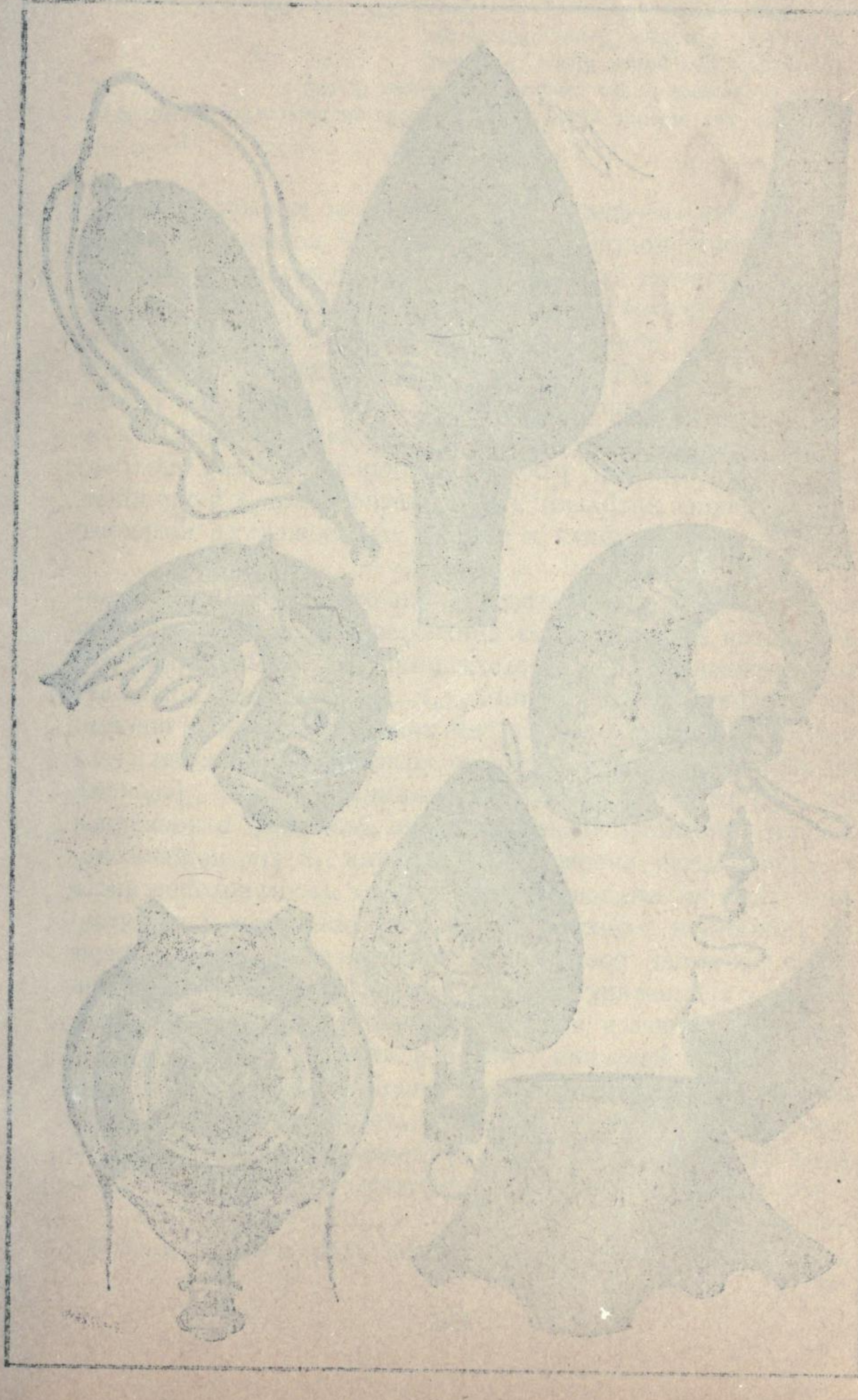
Для ношенія пороха и пуль у запорожскихъ козаковъ употреблялись натруски, для патронъ лядуки 5), а для кремней особыя сумки 6). Кромѣ того, для пороха же употреблялись рога, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ указаніе на войсковой печати, данной козацкому войску королемъ Сигизмундомъ I или Стефаномъ Баторіемъ, гдѣ изображенъ козакъ съ мушкетомъ, копьемъ и рогомъ за поясомъ, такъ и письменныя свидѣтельства, дошедшія до нашего времени. Лядунки употреблялись запорожцами разныхъ матеріаловъ и разныхъ видовъ: костяныя, металлическія, кожаныя, въ видѣ тыквы, сердецъ—фляжекъ и т. п. Онѣ во множествѣ сохра-

---

1) Архив. мин. иностр. дѣлъ; мал. дѣла, 1699 годъ, августа 29, св. 107, № 38.
2) На существованіе ихъ указываетъ Величко: II, 432.
3) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 340.
4) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851 II 464.
5) Записки одесск. общества ист. и древн., XIV, 380, 498.
6) Акты южной и западной Россіи, XI, 358.



Запорожскія пороховницы собранія А. Н. Поля.



нились до нашего времени и наполняютъ собой частные музеи собирателей козацкихъ древностей.

Наконецъ, кромѣ всего описаннаго, запорожцы употребляли еще кожаныя съ пряжками череса, которые они носили, по словамъ современника, на груди (sic), наполняя въ два или три ряда патронами съ пулями и порохомъ, подобно патронташамъ нашего времени [1]). Такіе череса отдѣлывались нерѣдко серебряными съ чернью бляхами и обвѣшивались большимъ, обложеннымъ въ серебро, рогомъ для пороха, стальнымъ съ отворкою мусатомъ или огнивомъ, сафьяновымъ для пуль гаманóмъ или мѣшечкомъ съ серебрянымъ черкесскимъ снуркомъ или гайтаномъ.

Все „рукопашное“ или холодное оружіе, бывшее въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ, было только отчасти несобственнаго приготовленія, большая же часть его приготовлялась въ самой Сичи, гдѣ жили для той цѣли искусные ружейные мастера. Но собственное ручное оружіе не исключало и привознаго: привозилось оно изъ Крыма и Турціи, привозилось и изъ центральной Россіи. На нѣкоторыхъ саблях ъ запорожскихъ, сохранившихся до нашего времени, имѣются по лезвію золотыя насѣчки, составляющія стихъ изъ корана; на нѣкоторыхъ вычеканенъ гербъ россійской имперіи съ иниціалами императрицы Екатерины II и съ двуглавымъ орломъ надъ ними. Нѣкоторые изъ предметовъ оружія добывались запорожцами помимо добровольной купли, несомнѣнно и путемъ захвата. Такъ, въ 1750 году тайная ватага запорожцевъ, напавъ въ степи на татаръ и заколовъ ихъ, забрала себѣ все ихъ добро—200 червонцевъ, тысячу рублей денегъ, 2 бугасовыхъ кафтана, байбаракъ крымскихъ смушковъ, покрытый бугасомъ, 3 турецкихъ сабли, изъ коихъ одна была подъ серебромъ, три янчарки, одну съ рогомъ и шабельтасомъ, подъ серебро оправленную вязню, одни часы серебряные, пару чоботъ сафьяновыхъ, 2 шапки и 6 лошадей [2]). Такіе случаи повторялись довольно часто и всегда они доставляли охотникамъ большую добычу восточнаго оружія.

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 29.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 712.

Запорожскіе козаки владѣли своимъ оружіемъ съ изумительнымъ искусствомъ, такъ что, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, и „найлучшій польскій гусаринъ и рейтаринъ примѣренъ имъ быти не можетъ“ [1]).

Соотвѣтственно вооруженію самого козака дѣлался „рондыкъ“, или „ронзыкъ“ т. е. уборъ его боеваго коня: у богатаго запорожца на коня надѣвалась узда съ „байракомъ“ или мундштукомъ и лакированными ременными поводами, чапракъ алаго цвѣта, по краямъ обшитый галунами, орчакъ [2]) или кульбака [3]), т. е. сѣдло на красномъ бархатѣ съ серебряными галунами, съ подвѣшанными по бокамъ его, на пряжкахъ, подтебеньками, т. е. кожанными полами или лопастями, иногда тисненными и расписными [4]); спереди сѣдла привѣшивались два кобура для двухъ пистолетовъ [5]), сзади навязывались ременные торока [6]) для привѣшиванія къ нимъ мѣшка, сумы или вьюка для вещей или какой-либо поклажи, самый вьюкъ покрывался краснымъ сафьяномъ. Иногда въ торока вязались и плѣнные враги, по примѣру татаръ, которые дѣлали это еще въ 1283 году: „начаша бесурмане вязати головы боярскія къ торокомъ, а руки вкладоша въ судно“ [7]). Въ реестрѣ козацкой збруи 1762 года пани Анны Морозовой называются также „сѣдло крымское, тебенки крымскія и подушечки сѣдельныя“ крымскія. Наконецъ, для походной ѣзды необходимы были запорожскимъ козакамъ и плети, называемыя у нихъ то малахаями, „подъ серебромъ“, то „ногаями руки малой“ и сохранившіяся до нашихъ временъ въ частныхъ собраніяхъ козацкихъ древностей [8]).

Въ общемъ о вооруженіи запорожскихъ козаковъ нужно сказать, что все низовое войско было вооружено огнестрѣльнымъ и холоднымъ ручнымъ оружіемъ; въ частнос-

---

1) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854 21.
2) Орчакъ—восточное слово, по-русски значитъ черкесское сѣдло.
3) Кульбака отъ татарскихъ словъ „кол“—рука и „баг“—завязка, ремень.
4) Отъ татарскаго „тебенекъ, тебеньки“—кожаныя лопасти.
5) Акты южной и западной Россіи, XI, 368.
6) Отъ татарскаго „терки“, что значитъ на русскомъ языкѣ ремни.
7) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, С.-Петербургъ, 1872, 457.
8) Записки одесск. общ. ист. и древн. XII, 393, 613.

ти пѣхотный козакъ имѣлъ мушкетъ, саблю и списъ, конный козакъ имѣлъ мушкетъ, саблю, списъ и четыре пистолета, изъ коихъ два носилъ за поясомъ, а два въ кобурѣ у передней луки сѣдла; порохъ и пули пѣшій носилъ въ чересѣ вокругъ пояса, конный—въ лядункѣ черезъ плечо; къ этому нужно прибавить кинжалы, ятаганы, ножи, топоры, стрѣлы, дротики, и триноги для спутыванія лошадей. Въ своемъ вооруженіи запорожскіе козаки превзошли даже западную Европу. „Вспомнимъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ В. П. Коховскій, что въ описываемое время въ войскахъ европейскихъ ручное огнестрѣльное оружіе не было такъ распространено. Особенно примѣчательно на Запорожьѣ то, что тамъ мушкетъ не исключалъ копья, которое замѣняло собой штыкъ, въ западной же Европѣ мушкетеры были отдѣлены отъ пикинеровъ, отчего происходило весьма важное неудобство въ бою, такъ какъ воинъ имѣлъ или одно оборонительное оружіе, или одно наступательное“ [1]).

---

[1]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 99.

Запорожскіе войсковые клейноды.

Клейнодами или клейнотами, съ нѣмецкаго „Kleinod“, польскаго „Kleinot“—драгоцѣнная вещь или драгоцѣнность, назывались у запорожскихъ козаковъ войсковые знаки, регаліи или аттрибуты власти, при которыхъ происходили у нихъ большія или малыя рады и которые употреблялись старшинами, сообразно должности каждаго изъ нихъ. Но что же именно разумѣлось подъ этими войсковыми знаками въ частности? На этотъ вопросъ прежде всего даетъ отвѣтъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко. Подъ 1648 годомъ, апрѣля 9 дня, у него сказано слѣдующее: „По якой елекціи (послѣ прибытія Богдана Хмельницкаго на Сичь Никитинскую и объясненія его съ запорожцами), заразъ отъ кошевого посланъ до скарбницѣ войсковой писарь сѣчовій, зъ нѣсколькома атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взявши тамъ и принесши въ раду клейноти войсковіи, тіи пре́то посланніи въ скарбницѣ бывши и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до рады и вручили ихъ заразъ Хмельницкому. Клейноти зась именно были тіи: короговъ королевская, златописанная, барзо красная; бунчукъ, тожъ велце модній, зъ позлоцѣстою галкою и древцемъ, булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать сребная войсковая и котли новіи мѣдніи великіе зъ добошемъ; къ тому тежъ и три штуки арматъ полевыхъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль (т. е. пуль), зъ арматами и пушкарами“ [1]). Въ болѣе позднее

---

[1]) Лѣтопись Самоила Величка, Кіевъ, 1848, I, 51. См. также у Самовидца, Кіевъ, 1878, 130.

Знамена, бунчукъ, литавры въ Екатеринодарѣ.

время, а именно во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ клейнодами у запорожцевъ разумѣлись булава, знамя, бунчукъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости [1]). Спеціальный историкъ запорожскихъ козаковъ, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, находившійся въ Сичи съ 1736 по 1740 годъ, считаетъ принадлежностью кошеваго не булаву, а палицу, „въ которой кошеваго вся честь состоитъ“ [2]). Такъ-же изображенъ кошевой атаманъ и въ лѣтописи Ригельмана, въ ея приложеніяхъ къ четвертой части [3]). Описаніе выборовъ запорожской старшины въ 1749 году указываетъ, что кошевой атаманъ, выходя на площадь, бралъ съ собой длинныя жалованныя, серебромъ оправленныя трости, судья—войсковую печать, писарь большую серебряную чернильницу, а асаулъ—простую безъ оправы палку [4]).

Впервые клейноды пожалованы были войску запорожскому еще въ XVI вѣкѣ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ знаки особаго вниманія со стороны польскаго правительства къ низовымъ козакамъ. „Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля польскаго козаки въ лучшій еще строй учинени... Видя у козаковъ мужество великое изъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана и присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву и на печати гербъ, рицерь съ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и всякихъ военнихъ припасовъ“ [5]).

Въ XVII вѣкѣ, а именно въ 1677 году, кошевой атаманъ Иванъ Сирко жаловался на войсковой радѣ московскому посланцу, Василію Перхурову, о томъ, что онъ не имѣетъ у себя ни знамени, ни булавы, а потому козаки и не слушаются его, какъ атамана; оттого Сирко просилъ черезъ Перхурова его царское пресвѣтлое величество, царя Ѳеодора Алексѣевича, о пожалованіи запорожскому войску положенныхъ клейнодовъ. Но этой просьбой запорожцы возбудили негодованіе гетмана, Ивана Самойловича, нетерпѣвшаго ихъ за неповиновеніе ему, и потому не полу-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 183.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., Одесса, 185, 37.
[3]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Москва, 1847.
[4]) Изъ архивныхъ документовъ собственнаго собранія.
[5]) Лѣтопись событій Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854, 21.

чили того, чего такъ настойчиво добивались. „Запорожцы, писалъ поэтому поводу Самойловичъ въ Москву, новое нѣчто затѣваютъ: они посланцевъ своихъ послали къ вамъ, великому государю, прося себѣ знамени на Запорожье; а понеже того никогда не бывало, такъ и нынѣ не годится имъ о томъ вашего государского престола утруждати: понеже отъ васъ, великого государя, во вся времена, какъ стало войско запорожское подъ православною и счастливою обороною, единому регименгарю, кто ни буди гетманомъ, есть знамена запорожскія, булава и знамя, давати обыклось, за которыми то знаками все войско запорожское на службу вашу государскую должно ходити". Вообще, просьба запорожцевъ объ исходатайствованіи себѣ войсковыхъ клейнодовъ приводила Самойловича въ негодованіе, тѣмъ болѣе, что они, не дождавшись царскаго опредѣленія, сами себѣ сдѣлали войсковые клейноды [1]). Преемникъ гетмана Самойловича, гетманъ Иванъ Мазепа, самъ отправилъ, въ 1698 году, въ даръ запорожскому войску знамя съ изображеніемъ на немъ Покрова пр. Богородицы и литавры и сверхъ того обѣщалъ исхлопотать для войска у великаго государя „особливое военное знамя" [2]). Въ 1708 году царь Петръ Алексѣевичъ пожаловалъ запорожскому войску клейноды—знамя, бунчукъ, литавры и трости кошевому атаману и войсковому судьѣ [3]). Затѣмъ запорожцы были пожалованы войсковыми клейнодами, по ходатайству графа Миниха [4]), въ 1736 году отъ императрицы Анны Іоанновны и въ 1743 году отъ императрицы Елизаветы Петровны. О пожалованіи запорожцамъ войсковыхъ клейнодовъ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной сохранилось дѣло правительствующаго сената по малороссійской экспедиціи. „Требованные отъ запорожскаго кошевого атамана войсковые клейноты, нынѣ (т. е. 1736 года, 2 сентября) здѣсь въ отдѣлку пришли и къ вамъ (т. е. къ фельдмаршалу графу фонъ-Миниху) отсылаются; а какіе имянно, о томъ при семъ реестръ приложенъ, исъ котораго

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 195, 507.

[2]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малор. дѣла, 1698, св. 105, № 29.

[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 104.

[4]) Сборникъ военно-историческихъ-матеріаловъ, СПБ, 1897, в. X, ч. I, 117, 13.

вы усмотрите, что посоха или трости, съ которою атаманъ до войскового суда и въ совѣты ходилъ, отсюду (т. е. изъ Петербурга) не послано, за тѣмъ что такой натуралной трости здѣсь не нашлось; а можете вы на такой посохъ приказать тамо удобнѣе къ тому дерево, какое у нихъ, запорожцевъ, употребляется, сыскать и на оной посланные отсюду наболдашникъ и наконечникъ серебряные положить. Еще жъ, по извѣстію, отъ васъ присланному, не достаетъ въ число помянутыхъ клейнотъ пары литавръ, которыхъ такожъ де готовыхъ не сыскано, а вновь дѣлать безъ образца невозможно было, понеже неизвѣстно было, какіе у запорожцевъ литавры употребляются; того ради потребно вамъ, освѣдомясь о томъ, велѣть такіе литавры сыскать у малороссійской старшины и у полковниковъ и оные у нихъ за заплату денежную взять, а въ запасъ посланъ указъ нашъ къ генералу лейтенанту князю Борятинскому, велено и ему таковыхъ литавръ готовыхъ въ Глуховѣ искать или вновь сдѣлать и къ вамъ переслать. И всѣ тѣ клейноты имѣете вы кошевому атаману съ посланною при семъ же нашею грамотою, которой содержаніе усмотрите вы исъ приложенной копіи, какимъ образомъ заблагоразсудите, отдать".

Это писано было 2 сентября, 1736 году, а ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого, октября 2 дня, реляціей графа фонъ Миниха сообщено было въ С. Петербургъ: „По силѣ Вашего Им-го Величества всемилостивѣйшаго указу присланные войску запорожскому клейноты сего числа съ надлежащею церемоніею и съ пушечною пальбою войска запорожскаго кошевому атаману Малашевичю съ прибывшими съ нимъ куренными атаманы, при присутствіи обрѣтающагося здѣсь генералитета, при грамотѣ отданы быть имѣютъ, чему оные запорожцы, видя таковую Вашего Вел-ва милость, весьма рады и всеподданнѣйшее свое Вашему Величеству за то приносятъ благодареніе".

Въ 1743 году запорожское войско обратилось съ просьбой о пожалованіи клейнодовъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: „Понеже милостію божіею, писали запорожцы, покойная императрица Анна Іоанновна пожаловала клейнотами, то есть, ручною булавою, бунчукомъ и пѣрначомъ, болшою хоругвою, праперами, литаврами и тростью, то руч-

ная булава, бунчукъ, пѣрначъ, хороговъ болшая вовся обветшалась, а литаври годами бившими походами всѣ до тростинъ попортились, и то, даби Вашему Императорскому Величеству при нашемъ запорожскомъ войску въ вѣчность память была, таковими клейнотами якъ покойная им-а Анна Іоанновна насъ пожаловала, покорно просимъ“. Правительствующій сенатъ снесся по этому поводу съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ для того, чтобы знать, какіе именно сдѣланы были для запорожскаго войска клейноды и въ какую цѣну они обошлись [1]). Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣтила на такой запросъ сенату слѣдующее: „По тому ея Императорского Величества указу болшой хорогви іли знамю, по примѣру, каково запорожцамъ въ 1736 году было послано, нынѣ вколлегіи іностранныхъ дѣлъ здѣланъ рисунокъ, которой прежде для прав-го сената подается при семъ. Прежнее знамя писано было на гродетурѣ, средина желтаго, а каймы бѣлаго цвѣта; а прапоры, іли значки, таѳтяные із желтой таѳты крестами, о чемъ такожъ і о другихъ при томъ къ нимъ, запорожцамъ, прежде посланныхъ клейнотахъ и в какую цѣну оные стали, явствуетъ все імянно в приложенной копіи с расходной того 1736 году записи“.

Изъ приложенной записи видно, по какимъ цѣнамъ пріобрѣтался самый матеріалъ для сооруженія клейнодовъ: торговому иноземцу Николаю Гречу за гродетуръ на знамя, за 6 аршинъ и ¾ желтаго да за 6 аршинъ бѣлаго по рублю по 50 к. за аршинъ, всего 10 руб. 12 коп. Портному мастеру Степану Волкову за шитье того знамени рубль и 50 к. Торговому человѣку Ильѣ Никифорову за 8 книжекъ битаго золота для росписанія на знамени большого титула Ея Им-го Величества и другихъ фигуръ по рублю, по 80 коп. за книжку, всего 14 руб. 40 коп. Золотописцу Андрею Лопову на краски, клей и кисти 2 руб. 50 коп. Серебрянаго дѣла мастеру иноземцу Готфриду Гильдебранту за употребленное въ дѣло булавы, пернача, къ бунчуку рукоятки и къ трости набалдашника съ наконечникомъ серебра

---

[1]) Малороссія и Запорожье и ихъ дѣла съ 1722 по 1787 годъ, т. е. до упраздненія малороссійской коллегіи, были въ веденіи правительствующаго сената и коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

вѣсомъ всего за три фунта, 51 ½ золотниковъ по 15 копѣекъ золотникъ, всего 50 рублей и 92 коп. Ему же Гильдебранту на позолоту булавы и къ бунчуку рукоятки 5 червонныхъ, пять червонныхъ транспортъ. Гранильнаго дѣла мастеру Ивану Володимірову за покупные у него каменья въ булаву, за 10 яхонтовъ крупныхъ, изъ которыхъ одинъ красноватый, а девять лазоревыхъ граненыхъ, за 135 яхонтовъ и лаликовъ [1]) негранеными, за 52 изумрудиковъ зеленыхъ граненыхъ да за 30 искръ яхонтовыхъ и другихъ, за все 13 рублей. Иноземцу Генриху Оксману за граненье изъ онаго каменья 35 яхонтиковъ и лаликовъ по 5 копѣекъ отъ каждаго, всего 1 рубль 75 коп. Иноземцу жъ золотыхъ дѣлъ мастеру Антону Шнаутсу за купленные у него и вставленные въ булаву каменья, сверхъ употребленныхъ первой покупки, четырехъ крупныхъ яхонтовъ за одинъ, побольше, лазоревый яхонтъ и за сорокъ, поменьше, красныхъ и лазоревыхъ же яхонтовъ зеленыхъ изумрудовъ, за все 50 рублей. Вышепомянутому серебряныхъ дѣлъ мастеру Гильдебранту отъ дѣла вышеписанныхъ серебряныхъ четырехъ штукъ и отъ позолоты булавы и къ бунчуку рукоятки и за то, что онъ платилъ за вставку въ булаву каменьевъ, за работу, 60 рублей. Столяру Ивану Теифанову за сдѣланную къ перначу рукоятку изъ орѣховаго дерева 1 рубль. Купеческому человѣку Гаврилу Ремезову за 3 лоскута парчи золотой и серебряной къ бунчуку, мѣрою 8 аршинъ, 9 рублей. Купеческому человѣку Петру Кичигину за 6 вершковъ серебряной широкой сѣтки къ бунчуку жъ, вѣсомъ полъ-третья золотника по 30 коп. за золотникъ, всего 75 коп. Торговаго иноземца Фермана прикащику Стегельману за тафту на 4 значка за 9 аршинъ съ четвертью бѣлой да на нашивку на тѣхъ же значкахъ крестовъ за 1 аршинъ съ четвертью жъ желтой по девяносто коцѣекъ за аршинъ, всего 9 руб. 45 коп. Портному мастеру Степану Волкову за шитье 3 значковъ 1 рубль. И того съ расписками 5 червонныхъ, 234 рубля и 39 копѣекъ. Далѣе слѣдовалъ расходъ на пяльцы, въ которыхъ было писано знамя, на холстъ, шелкъ, нитки, бѣ-

---

[1]) На древнерусскомъ языкѣ лалы означали рубины.

лые изъ лошадиныхъ хвостовъ волосы, на ящикъ сосновый для знамени и значковъ, на упаковочную бумагу и клеенку, на перевозы, извощиковъ, мостовое—въ общемъ 5 рублей, 68 копѣекъ, а всего вмѣстѣ 5 червонныхъ, 240 рублей и 7 копѣекъ [1]).

Въ 1763 году, 6 февраля, по восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, запорожскому войску, какъ видно изъ полнаго собранія россійскихъ законовъ, также пожалованы были войсковые клейноды, то-есть: булава, знамя, бунчукъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости [2]). О пожалованіи запорожскому войску клейнодовъ данъ былъ прав-у сенату высочайшій указъ, а отъ сената предписано было 11 числа, того же мѣсяца февраля, объ изготовленіи ихъ на казенный счетъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ [3]). Въ дѣлахъ князя Потемкина—Таврическаго, находящихся въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба, имѣется реестръ (безъ обозначенія года) „клейнодамъ“, посланнымъ изъ Петербурга въ Запорожье. Въ этомъ реестрѣ значатся: 1) Знамя съ изображеніемъ св. креста, россійскаго герба и съ титулами Ея императорскаго Величества, писанными на гродетурѣ. 2) Булава серебряная вызолоченная съ каменьями. 3) Перначъ серебряный съ деревянною рукояткою. 4) Бунчукъ съ серебряною рукояткою, въ которой конскіе съ хвоста волосы, обшитые парчею и сѣткою. 5) Четыре значка тафтяные бѣлые съ желтыми крестами. „Оные клейноты положены въ ящикахъ двухъ: въ первомъ—знамя и значки, во второмъ—булава, перначъ, бунчукъ и набалдашникъ къ трости, съ наконечникомъ, и оные запечатаны печатью коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ [4]).

Наконецъ, въ 1829 году, 6 августа, какъ это видно изъ дѣла второго тома, 1-го отдѣленія временной коммиссіи инспекторскаго департамента [5]), въ числѣ трофеевъ, при-

---

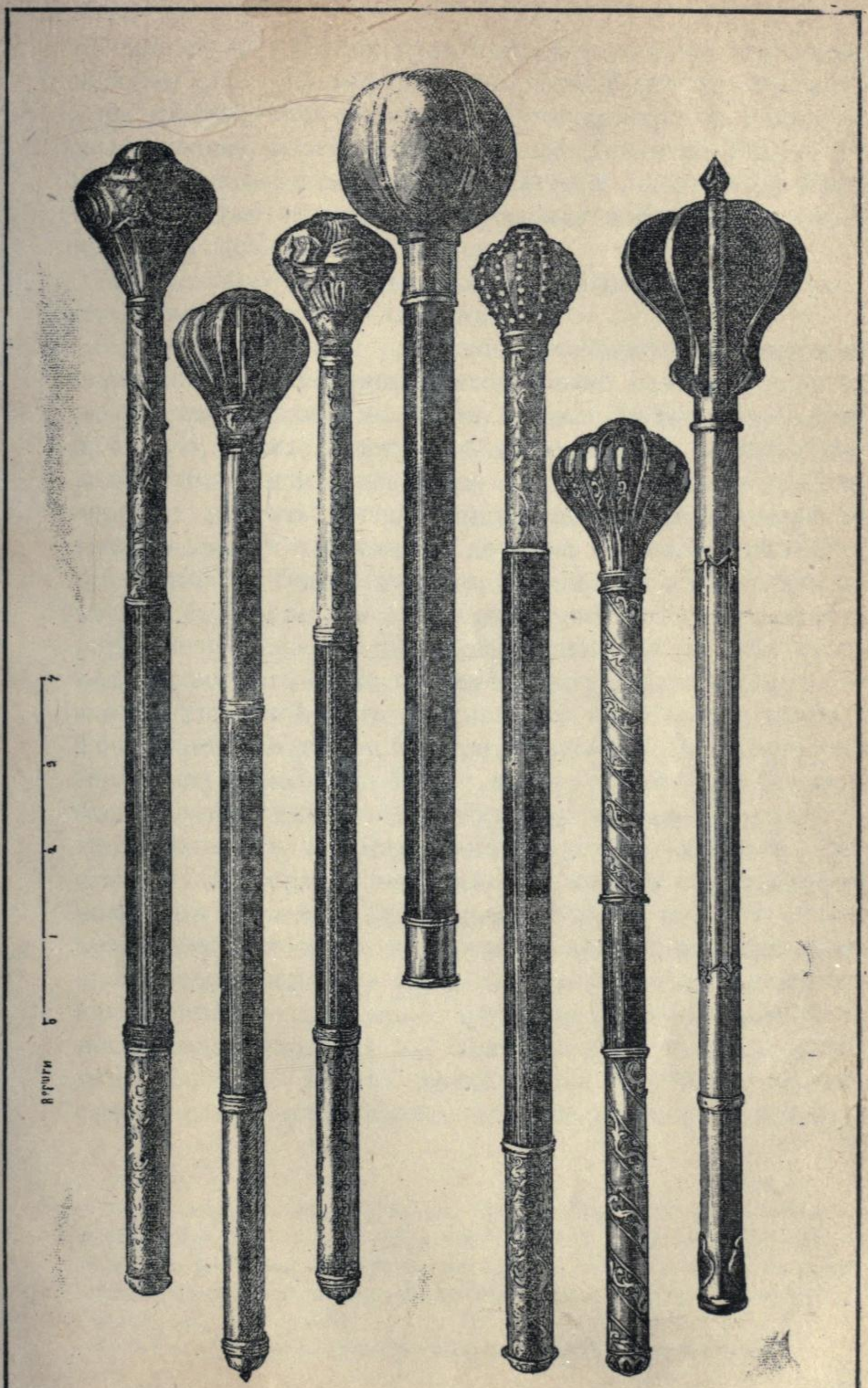
1) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав. сената по малорос. экспедиціи, съ 1742 по 1752 годъ, № частный 130, № общій 1857.

2) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, СПБ, 1888, 183.

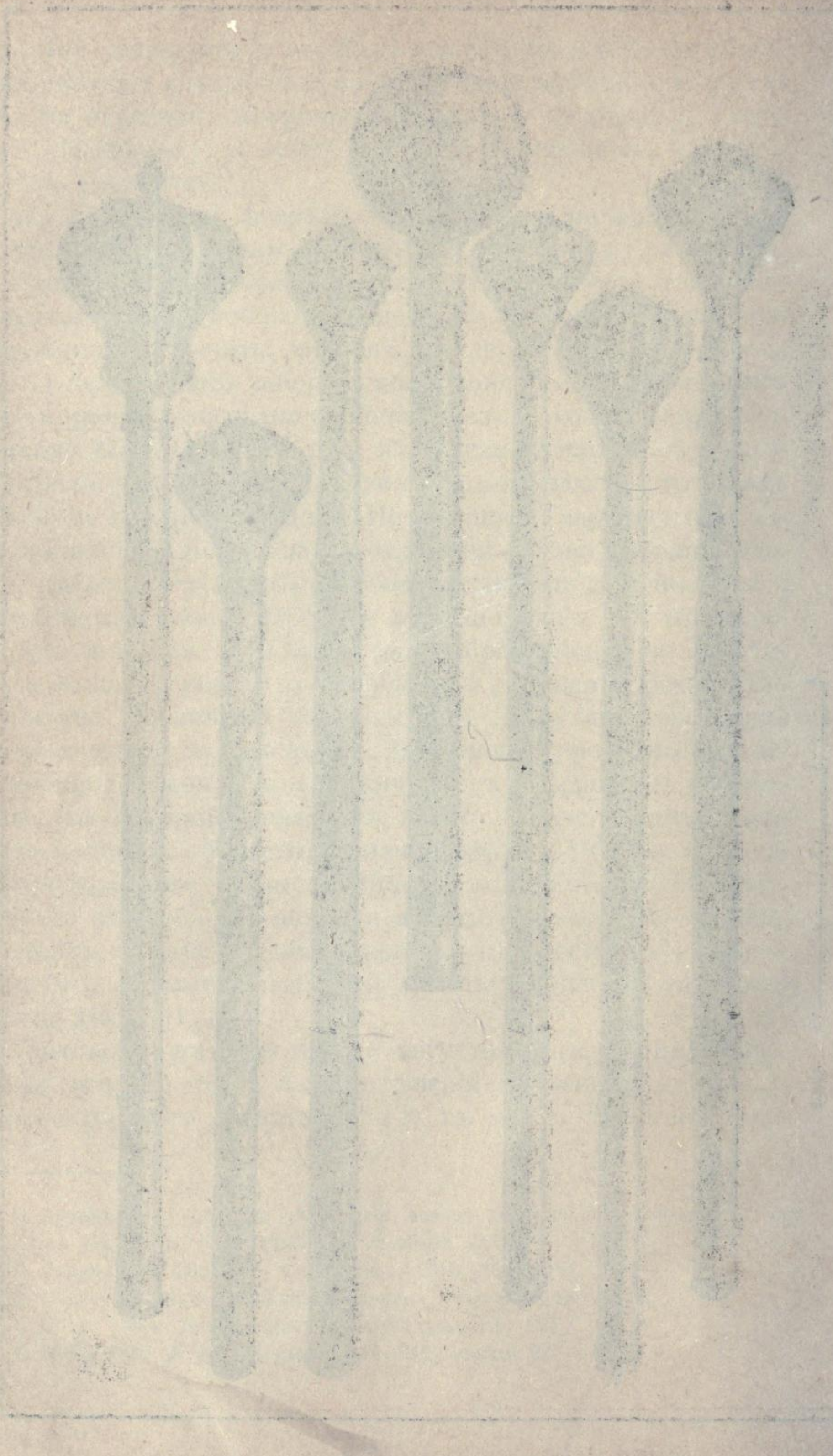
3) Полное собраніе россійкихъ законовъ, статьи 11748, 11846.

4) Опись 194-я; бумаги запорожскаго Коша, стр. 221.

5) 1830—1828, № 1, страницы 1, 71, 105, связка 997.



Булавы и перначи въ Екатеринодарѣ.



везенныхъ изъ С-Петербургскаго арсенала въ соборную церковь Спаса Преображенія въ Петербургѣ же, заключались трофеи—одна булава, два бунчука и три знамени, принадлежавшія „переведенному изъ-за Дуная въ Россію кошевому, впослѣдствіи русской службы полковнику, Гладкому“, взятые при занятіи русскими войсками турецкой крѣпости Исакчи въ 1828 году.

Что же такое представлялъ собой каждый знакъ запорожскихъ войсковыхъ клейнодовъ?

Булавой назывался „сквозной“ серебряный позлащенный шаръ, иногда унизанный драгоцѣнными камнями, т. е. бирюзой, изумрудами, яхонтами, лалами, надѣтый на металлическую, иногда золотую съ яхонтовыми и изумрудными „искорками“, или деревянную орѣховую „черезъ полоску черную“ рукоять, гладко выструганную, окрашенную въ темную краску и имѣющую до трехъ съ половиной четвертей длины [1]). Теперь дознано, что употребленіе булавы извѣстно было уже въ самыя отдаленныя отъ насъ доисторическія времена, въ концѣ неолитической эпохи и въ началѣ бронзоваго вѣка; современники троянской войны уже знали ихъ, потому что онѣ найдены были при раскопкахъ Трои; жители Кавказа, Сибири, Финляндіи, Западнаго края знали ихъ задолго до Р. Х.; затѣмъ послѣ Р. Х. употребленіе булавы сдѣлалось извѣстнымъ татарамъ, черезъ татаръ полякамъ, а чрезъ поляковъ и запорожскимъ козакамъ [2]). Знаменемъ, хоругвью или корогвою и прапоромъ назывался шелковый ярко-краснаго цвѣта платокъ съ изображеніемъ на немъ въ срединѣ или бѣлаго польскаго орла,когда запорожцы были за польскимъ королемъ, или двуглаваго русскаго орла, когда запорожцы перешли къ московскому царю, а по бокамъ — Спасителя и архангела Михаила. Въ то время, когда въ Сичи, на войсковой радѣ, вычитывалась царская грамота, то запорож-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 767. Яковъ Собѣскій въ своемъ сочиненіи „Три книги о хотинской войнѣ“ говоритъ, что атаманская булава дѣлалась изъ тростника. Разумѣется, это возможно было или тогда, когда запорожцы простоту считали выше всякаго богатства и блеска, или, въ крайнихъ случаяхъ, во время войны.

[2]) Труды московскаго археологическаго общества, 1885, X, 1—7.

цы прежде всего бросали на землю шапки, на шапки клали войсковое знамя, и потомъ уже слушали царское слово [1]). Бунчукомъ называлась простая, окрашенная въ черную краску палка, длины четыре съ половиной аршина, на верхній конецъ которой набивался мѣдный, иногда, позолоченый шаръ, а подъ самый шаръ вкладывались крашеные бѣлые и черные волосы изъ конскаго хвоста съ четырьмя или шестью косами поверхъ волосъ. Судя по названію, бунчукъ заимствованъ козаками у турокъ: „Оной у нихъ значитъ вмѣсто знамя или знака военнаго. Сей знакъ побѣду туркамъ даровалъ. Когда обратилися они на сраженіи въ бѣгство, лишась большого штандарта, то предводитель ихъ, отрубивъ саблею своею у коня хвостъ, привязалъ оный къ копію своему, собралъ паки войска и одержалъ надъ непріятелемъ побѣду“ [2]). Печать войсковая — круглой формы, сдѣлана изъ серебра съ изображеніемъ козака въ остроконечной шапкѣ на головѣ, въ кафтанѣ съ пуговицами по груди, съ саблей и пороховницей при боку, съ ружьемъ черезъ лѣвое плечо, съ копьемъ, „стоящимъ предъ рицеромъ, воина бодрствующаго знаменующимъ“, и съ надписью по краямъ съ лицевой стороны: „Печать славного воіска запорозкого нізового“, или „Печать войска ея імператорского величества запорожского низового“. Печати паланочныя или куренныя—серебряныя круглыя или четыреугольныя съ изображеніями львовъ, оленей, коней, луны, звѣздъ, коронъ, копій, сабель и луковъ. Перначъ, иначе шестоперъ или жезлъ [3]), таже булава, только меньшихъ размѣровъ, съ серебрянымъ или желѣзнымъ шаромъ на верхнемъ концѣ палки, съ вертикальными вырѣзками вдоль шара, или-же съ особыми, въ видѣ желѣзковъ отъ копій, возвышеніями, насаженными поперекъ шара, иногда съ шестью перьями надъ шаромъ. Въ документѣ 1671 года, кромѣ булавы, бунчука и печати, къ войсковымъ клейнодамъ причисляется еще „камышина“, но какое она имѣла значеніе, документъ не объясняетъ [4]). Перначи, какъ и булавы, употребля-

---

1) Акты южной и западной Россіи, XIII, 424.
2) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, II, 133.
3) Акты южной и западной Россіи, XI, 125.
4) Акты южной и западной Россіи, IX, 354.

лись также въ очень древнія времена: желѣзные и бронзовые перначи извѣстны были осетинамъ и сванетамъ до Р. Х. отъ V до VII вѣка; особенно много ихъ было въ Сванетіи, которая можетъ считаться родиной перначей; затѣмъ они встрѣчались у татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, какъ знакъ начальственной власти; потатарски „буздыханъ“ или „буздычанъ“—воеводскій жезлъ, у котораго яблоко набито было острыми гвоздями и который вмѣстѣ означалъ и булаву и перначъ [1]). Литаврами назывались сперва желѣзные, а потомъ серебряные котлы съ натянутою на нихъ кожею и съ деревянными палочками для удара по кожѣ и извлеченія изъ нея звука. Значки—знамена куреней или сотенъ. Трости—обыкновенныя палки, толстыя, гладко выструганныя, выкрашенныя подъ орѣхъ, съ обоихъ концовъ оправленныя серебромъ и съ тупымъ желѣзкомъ на концѣ. Значеніе тростей одинъ изъ сохранившихся до нашего времени архивныхъ документовъ объясняетъ такъ: „посохъ или трость, съ которою атаманъ до войскового суда и въ совѣты ходитъ“ [2]). Откуда заимствовали запорожцы трости—неизвѣстно; но нельзя не сказать о томъ, что трости были въ употребленіи при дворѣ крымскаго хана: когда русскій инженеръ-поручикъ Шемаевъ представлялся въ 1752 году крымскому хану, то „егда онъ былъ приведенъ передъ диванъ, какъ къ нему вышли два булекъ-баши съ тростьми серебряными, на встрѣчу и повели его въ мамбей-диванъ [3])“.

Каждый изъ клейнодовъ составлялъ принадлежность только извѣстнаго лица запорожской старшины. Булава давалась кошевому; она держалась имъ въ правой рукѣ во время войсковыхъ радъ, отсюда сложилась малороссійская пословица: „до головы́ трѐба булавы́“; знамя или хоругвь жаловалось всему войску, но носилось хорунжимъ; бунчукъ—кошевому, но носился бунчужнымъ или бунчуковымъ товарищемъ, державшимъ его во время походовъ надъ головою атамана, чтобы давать знать сражавшимся коза-

---

[1]) Труды московскаго археологическаго общества, 1885, X, 1—7.

[2]) Архивъ министерства юстиціи, дѣла правительствующаго сената по малороссійской экспедиціи, съ 1742—1752 годъ, № частный 130, № общій 1857.

[3]) Записки одес. общ. ист. и древн., XIV, 541.

камъ, куда ведетъ ихъ предводитель; войсковая печать—войсковому судьѣ; куренная или паланочная печать—куренному атаману или паланочному полковнику; перначъ или жезлъ—полковнику, который носилъ его у себя за поясомъ и иногда вручалъ его проѣзжавшему черезъ запорожскія степи путнику для полной его безопасности въ пути; литавры—всему войску запорожскому, но въ особое вѣдѣніе довбыша или политаврщика; значки для всѣхъ тридцати осьми запорожскихъ куреней,но въ вѣдѣніи значковыхъ товарищей; трости—войсковому асаулу. Всѣ эти клейноды, исключая „палокъ до литавръ“, хранились запорожцами или въ сичевой покровской церкви [1]), или въ войсковой скарбницѣ, откуда выносились только по особому приказу кошевого атамана въ виду общей или частной рады; литаврныя палки находились всегда въ куренѣ войсковаго довбыша.

Изъ дошедшаго до насъ, къ сожалѣнію въ очень попорченномъ видѣ, одного архивнаго документа видно, что въ запорожскомъ войскѣ былъ установленъ обычай, по которому старшины и полковники съ командами не менѣе 500 человѣкъ, назначаемые на должность, получали отъ Коша войсковые перначи. Кромѣ того каждый полковникъ, вступивши въ свою обязанность, по обычаю, долженъ былъ соорудить на свой коштъ знамя и держать его во все время управленія паланкой, и когда онъ бывалъ въ объѣздахъ по паланкѣ, то оно предшествовало ему. Знамя служило знакомъ до... ва, [2]), а перначъ означалъ власть. Если, по обстоятельствамъ, паланочный полковникъ смѣнялся другимъ, то смѣняемый передавалъ новому, на его мѣсто вступающему, войсковой перначъ, и со знаменемъ отправлялся въ Сичь, передавалъ его въ свой курень атаману, самъ же являлся къ кошевому. Полученное знамя хранилось въ куренѣ, и въ праздничные дни, когда войсковыя знамена распускались у кошевого атамана, то и курени выставляли свои знамена. Одно полковничье знамя, сохранявшееся на Кубани до 1845 года, имѣло два поля: первое, теперь жел-

---

1) Записки одес. общ. ист. и древн, XIV, 458.

2) Можетъ быть „достоинства.“

тое, было изъ желтой и красной нитки, плотнаго стариннаго гарнитура съ отливомъ; второе поле голубое; на немъ были буквы П. С. Р. Н. М. и другія, неизвѣстно что собой означавшія. Перначи, кромѣ старшинъ, давались, какъ можно понять изъ отрывковъ тогоже дѣла, еще и табунщику запорожскаго войска, который, оберегая войсковыхъ лошадей, находился во власти подъ командою козаковъ [1]).

Запорожскіе войсковые клейноды въ отдѣльности, по частямъ, можно видѣть прежде всего въ частныхъ музеяхъ нашихъ южно-русскихъ собирателей древностей, какъ напримѣръ: въ Екатеринославѣ А. Н. Поля; въ Котовкѣ, Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда, Г. П. Алексѣева; въ Качановкѣ, Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, В. В. Тарновскаго; затѣмъ можно видѣть ихъ въ одесскомъ музеѣ исторіи и древностей, въ музеѣ московской оружейной палаты, въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ въ Петербургѣ и въ собраніи с.-петербургскаго императорскаго Эрмитажа.

Музеи частныхъ лицъ еще ждутъ своего описанія; музеи одесскій и московскій уже описаны; въ числѣ прочихъ древностей описаны и запорожскіе клейноды, но древности преображенскаго собора, императорскаго Эрмитажа далеко не всѣ приведены въ извѣстность. Такъ, между прочимъ, неизвѣстны и находящіеся въ нихъ запорожскіе войсковые знаки.

Въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ [2]), надъ боковыми дверьми, съ правой стороны, размѣщены, по рисунку архитектора Стасова, слѣдующіе запорожскіе войсковые знаки: двадцать куренныхъ знаменъ, на простыхъ деревянныхъ древкахъ; три бунчука, длины каждый четыре съ половиной аршина; одна серебряная булава, три съ половиной четверти длины; одинъ серебряный позлащенный жезлъ, три четверти аршина длины. Внизу подъ каждымъ изъ этихъ знаковъ сдѣлана на табличкѣ соотвѣтствующая

---

[1]) Выписка изъ полуистлѣвшаго дѣла кубанскаго войскового архива о хранившемся при ейскомъ окружномъ дежурствѣ черноморскаго войска знамени съ надписью 1771 года. См. Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ, 1898, 384.

[2]) На Спасской улицѣ съ Литейнаго проспекта.

надпись: „Бунчукъ запорожской Сѣчи и знамена»; «Булава запорожской Сѣчи»; «Жезлъ запорожской Сѣчи». Кромѣ клейнодовъ, въ томъ-же преображенскомъ соборѣ находятся еще восемь запорожскихъ паникадилъ, риза съ епитрахилемъ, шитая золотомъ и серебромъ, серебряная позлащенная кадильница, серебряный позлащенный крестъ и одно евангеліе, въ великолѣпной серебряной позлащенной оправѣ, печатанное въ Москвѣ, въ 1825 году. Всѣ эти вещи перешли въ преображенскій соборъ въ 1829 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ во время войны русскихъ съ турками. Онѣ принадлежали запорожцамъ, жившимъ на Дунавцѣ, подъ верховенствомъ турокъ, послѣ разоренія послѣдней Сичи императрицею Екатериною II въ предѣлахъ Россіи. Въ происшедшую между русскими и турками войну (1828—1829) нѣкоторая часть запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ во главѣ, перешла на сторону русскаго царя и вывезла съ собою значительную часть своего сичеваго добра, а въ томъ числѣ, очевидно, и находящіеся въ преображенскомъ соборѣ названные клейноды и церковныя вещи.

Въ императорскомъ Эрмитажѣ находятся семнадцать запорожскихъ значковъ и одно войсковое знамя, хоругвь или корогва. Это знамя сдѣлано изъ шелковой ярко-красной матеріи и имѣетъ въ длину три аршина и четыре вершка, а въ ширину два аршина и четыре съ половиной вершка. Съ лицевой стороны на немъ сдѣланы изображенія: въ срединѣ большаго двуглаваго орла со звѣздами надъ нимъ и вокругъ него съ правой стороны—Спасителя, благословляющаго козаковъ на брань, съ семнадцатью звѣздами кругомъ него, съ лѣвой стороны—архангела Михаила съ огненнымъ мечомъ въ правой рукѣ. По краямъ знамени сдѣлана золотыми буквами по церковно-славянски надпись: «Сіе знамя въ войско ея императорскаго величества запорожское низовое здѣлано коштомъ пѣхоты воюющей тогожъ войска по Черному морю такожъ по рѣкамъ Днѣпру и Дунаю». Ниже двуглаваго орла, Спасителя и архангела Михаила изображено большое военное судно или такъ называемый трехъ-мачтовый, двухъ-дечный корабль, съ каютными люминаторами, двухъ-ярусной руб-

Запорожцы со знамени въ Эрмитажѣ

кой, 14 большими и 6 малыми люками для морскихъ пушекъ, низкой кормой, военнымъ флагомъ, якорнымъ значкомъ, тремя высокими мачтами для трехъ парусовъ, двумя веревочными лѣстницами и тремя развѣвающимися флагами на каждой изъ мачтъ.

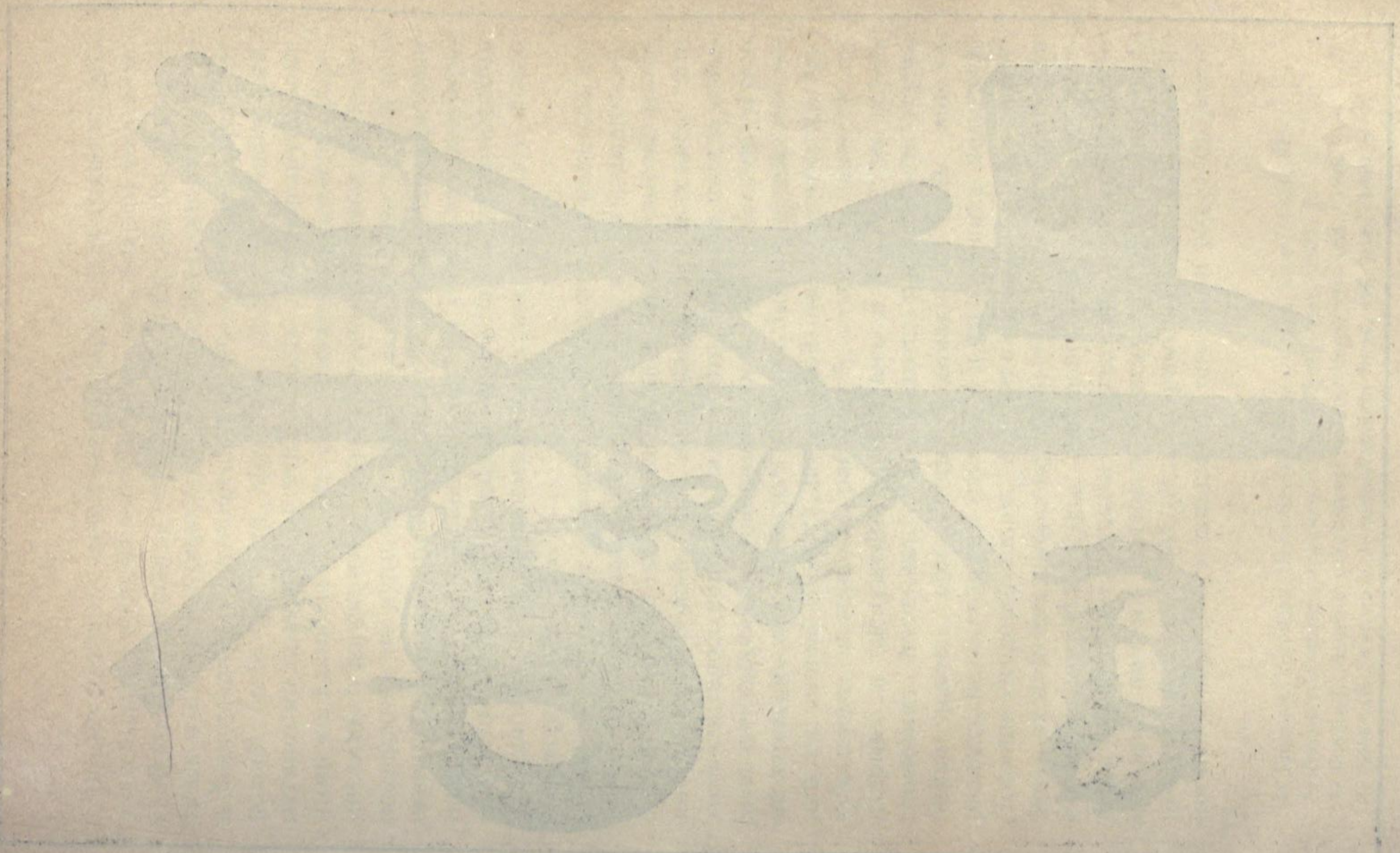
Характеристика запорожскаго козака.

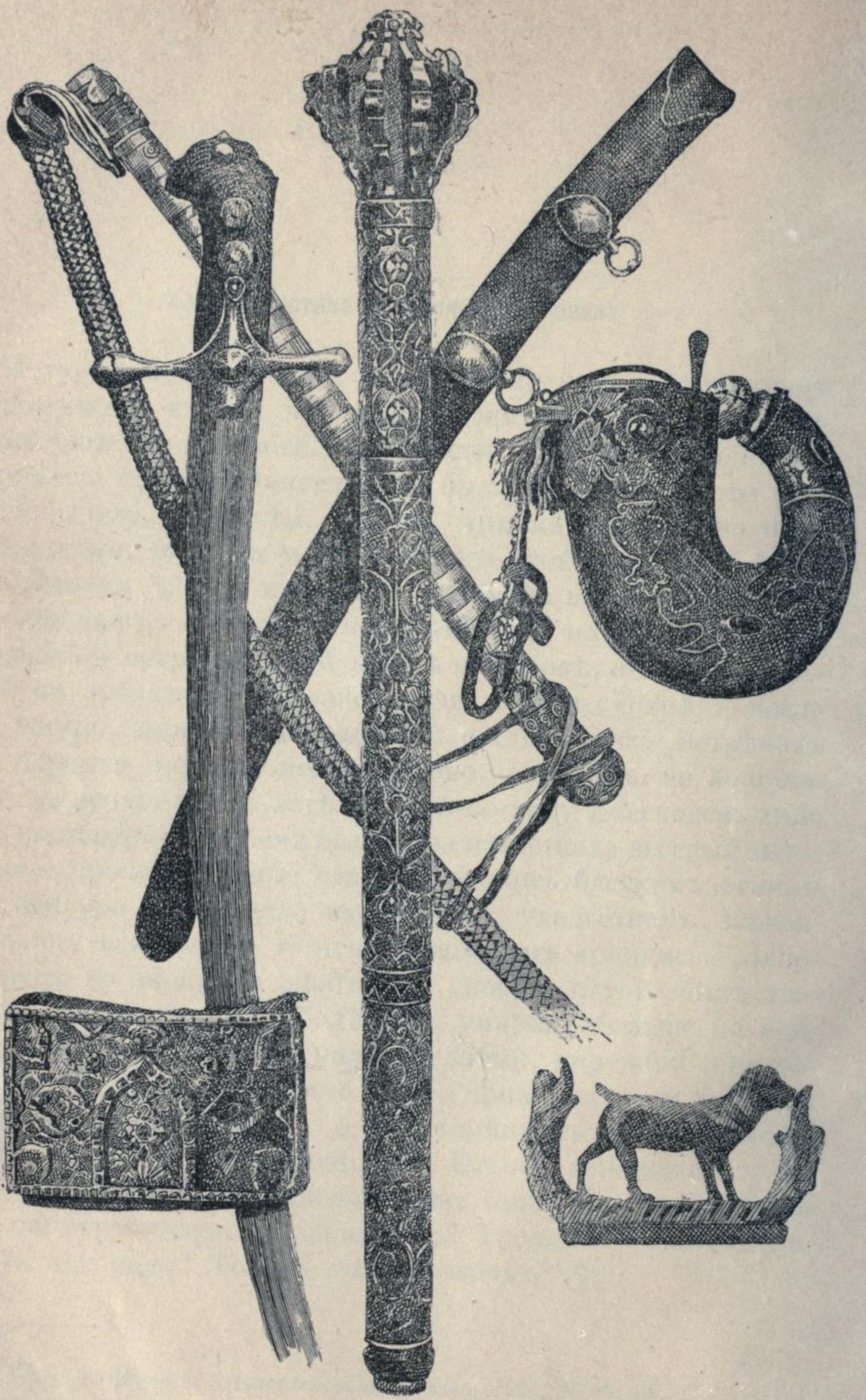
И по внѣшнему виду, и по внутреннимъ качествамъ запорожскіе козаки въ общемъ представляли собой характерные типы своей народности и своего времени. По описанію современниковъ, они были большею частію роста средняго, плечисты, статны, крѣпки, сильны, на видъ полнолицы, округлы и отъ лѣтняго зноя и степной спеки смугловаты [1]). Съ длинными усами на верхней губѣ, съ роскошнымъ оселедцемъ или чупрыной на темени, въ барашковой остроконечной шапкѣ на головѣ, вѣчно съ люлькой въ зубахъ, истый запорожецъ всегда смотрѣлъ какъ-то хмуро, внизъ изъ-подлобья, постороннихъ встрѣчалъ на первыхъ порахъ непривѣтливо, отвѣчалъ на вопросы весьма неохотно, но затѣмъ мало-по-малу смягчался, лицо его постепенно во время разговора принимало веселый видъ, живые проницательные глаза загорались блескомъ огня, и вся фигура его дышала мужествомъ, удальствомъ, заразительною веселостью и неподражаемымъ юморомъ. „Запорожецъ не зналъ ни „цобъ“ ни „цабе“, оттого былъ здоровъ, свободенъ отъ болѣзней, умиралъ больше на войнѣ, чѣмъ дома. Теперь народъ слабый, порожній и недолговѣчный: какъ девяносто лѣтъ прожилъ, то и дорожки подъ собой не видитъ, а въ старину въ сто лѣтъ человѣкъ только въ силу вобрался. Оттого запорожцы жили и весело и долго. А молодцы какіе были! Онъ сѣлъ на коня—не струснувсь, не здвигнувсь! Тронулъ ногами—и пошелъ и пошелъ! Только пыль столбомъ“ [2]).

---

[1]) Корнелій Крюйсъ, Отечественныя Записки, 1824, № 54, 61.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 29.





Перначъ, сабля, пороховница, два кресала, нагайка.

Во внутреннихъ качествахъ запорожскаго козака замѣчалась смѣсь добродѣтелей и пороковъ, всегда, впрочемъ, свойственная людямъ, считающимъ войну главнымъ занятіемъ и главнымъ ремесломъ своей жизни: жестокіе, дикіе и безпощадные въ отношеніи своихъ враговъ, запорожскіе козаки были добрыми друзьями, вѣрными товарищами, истинными братьями въ отношеніяхъ другъ къ другу, мирными сосѣдями къ своимъ соратникамъ по ремеслу, украинскимъ и донскимъ козакамъ; хищные, кровожадные, невоздержные на руку, попирающіе всякія права чужой собственности на землѣ ненавистнаго имъ ляха или презрѣннаго бусурмена, запорожскіе козаки у себя считали простое воровство какой-нибудь плети или пута страшнымъ уголовнымъ преступленіемъ, за которое виновнаго казнили смертною казнью [1]).

Свѣтлую сторону характера запорожскихъ козаковъ составляли — ихъ благодушіе, нестяжательность, щедрость, безкорыстіе, постоянство въ дружбѣ, столь высоко цѣнимой въ Запорожьѣ, что, по козацкимъ правиламъ, грѣхомъ считалось обмануть даже чорта, если онъ иногда попадалъ сичовикамъ въ товарищи; кромѣ того, свѣтлыми чертами характера запорожскихъ козаковъ были—высокая любовь ихъ къ личной свободѣ, по которой они предпочитали лютую смерть позорному рабству [2]); глубокое уваженіе къ старымъ и заслуженнымъ воинамъ и вообще ко всѣмъ „военнымъ степенямъ“ [3]); простота, умѣренность и изобрѣтательность, при нуждѣ, въ домашнемъ быту, или въ разныхъ безвыходныхъ случаяхъ и физическихъ недугахъ. Добывая скудную пищу, говоритъ о запорожцахъ очевидецъ, охотой или рыболовствомъ, удаленные отъ сношенія съ городами, незнакомые или вовсе или мало съ домашнимъ хозяйствомъ, чуждые невоздержанія и роскоши, запорожцы ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ оружія, и представляли изъ себя рѣдкій примѣръ во всемъ умѣренности [4]). Такъ, отъ лихорадки они пили водку съ золой

---

[1]) Григорій Грабянка, Лѣтопись презѣльн. брани, Кіевъ, 1854, 91.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 7.
[3]) Собѣскій, Записки о хотинской войнѣ: Черн. губ. вѣд., 1849.
[4]) Собѣскій, Записки о хотинской войнѣ; Черн. губ. вѣд., 1849.

или ружейнымъ порохомъ, полагая на чарку пѣннаго вина ползаряда пороха; для заживленія ранъ прикладывали къ больнымъ мѣстамъ растертую со слюной на рукѣ землю, а при неимѣніи металлической посуды для варки пищи ухитрялись варить ее въ деревянныхъ ковшахъ, подбрасывая безпрерывно, одинъ за другимъ въ ковшъ, накаленные на огнѣ камни, пока не закипала налитая вода въ посудѣ [1]).

Въ отношеніи къ захожимъ и заѣзжимъ людямъ запорожскіе козаки всегда были гостепріимны и страннолюбивы: „Сей обычай былъ у запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и къ постороннимъ людямъ, и наблюдали сію страннолюбія добродѣтель строго и неупустительно“ [2]). „Въ Запорожьѣ всякій желающій явиться въ курень можетъ жить и ѣсть съ ними безъ всякихъ разспросовъ или благодарности за гостепріимство“ [3]). „Тамъ никто, бывало, не смѣетъ сказать старому человѣку: „ты даромъ хлѣбъ ѣшь“. Пріѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копье, повѣсь янчарку (саблю) и лежи себѣ хоть три мѣсяца,—пей и ѣшь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу; а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если-же кто скажетъ: „даромъ хлѣбъ ѣшь“, то козаки тотъ часъ и накинутся: „а, ты уже закозаковался, сякой-такой сынъ!“ „Я служилъ два года въ Бериславѣ, и оттуда невдалекѣ были запорожскіе рыбные заводы. Бывало, какъ придешь на заводъ, то запорожцы не спрашиваютъ, что̀ ты за человѣкъ, а тотъ часъ: „дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ“. А когда поѣшь, то еще ложись отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: „Кто ты таковъ? не ищешь-ли работы?“ Ну, скажешь имъ: „ищу“. „Такъ и у насъ есть работа, приставай къ намъ“. Пристанешь, бывало, на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь“ [4]).

Наравнѣ съ гостепріимствомъ и страннолюбіемъ запо-

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 82.
[2]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, 1842, 32.
[3]) Англичанинъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 445.
[4]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Спб., 856, I, 151, 111.

рожскіе козаки ставили личную честность какъ у себя, на Запорожьѣ, такъ и на войнѣ въ отношеніи враговъ православной вѣры. „Хотя въ Сичи, говоритъ на этотъ счетъ католическій патеръ Китовичъ, жили люди всякаго рода— бѣглые и отступники отъ всѣхъ вѣръ —, однако тамъ царствовали такая честность и такая безопасность, что пріѣзжавшіе съ товарами или за товарами или по другимъ какимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска потерять съ головы своей. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены. Всякое преступленіе противъ чьей-либо честности, гостя или сичевого жителя, немедленно наказывалось смертью“ [1]).

„У насъ надъ усе́ честь и слава, військова́я спра́ва,—
Шобъ и себе́ на смихъ не дати, и вороги́въ пидъ ноги топтаты“.

На войнѣ запорожскій козакъ отличался всегда умомъ, хитростью, умѣньемъ у непріятеля „выиграть выгоды, скоропостижно на него напасть и нечаянно заманить“ [2]), изумлялъ врага большою отвагою, удивительнымъ терпѣніемъ и рѣдкою способностію переносить крайнія лишенія и ужасы смерти: „Нашъ врагъ, пишетъ полякъ Симонъ Окольскій, умѣетъ выдерживать татарскія атаки, привыкъ переносить жажду и голодъ, зной и стужу, онъ неутомимъ въ нападеніяхъ. А на морѣ что дѣлаетъ? Посреди волнъ легкими чайками своими нападаетъ на суда, искусныя въ чужеземныхъ оборотахъ, и побѣждаетъ всѣ ихъ военныя хитрости“ [3]). О храбрости запорожскихъ козаковъ турецкій султанъ сказалъ: „Когда окрестныя панства на мя возстаютъ, я на обидвѣ уши сплю, а о козакахъ мушу единимъ ухомъ слушати“ [4]). А лѣтописецъ козацкій на этотъ счетъ замѣчаетъ: „Въ мирѣ жити никогда не хощутъ, но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ будетъ, то самовольно идутъ на помощь инимъ царствамъ, и малія ради користи великую нужду подіймутъ, море перепливати дерзаютъ въ еднодревскихъ суднахъ“ [5]). Сами запорожцы о своей храбрости го-

---

[1]) Opis obyczajow i zwyczajow, Posnan, 1840. II, 214.
[2]) Крюйсъ, Отечественныя Записки, 1824, № 54, X, 61.
[3]) Отечественныя Записки, С.-Петербургъ, 1864, X, 331.
[4]) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.
[5]) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.

ворили: „Мы всегда тепло, храбро и мужественно страны поганыхъ разоряли и опустошали“ [1]) и на угрозы со стороны кичливаго султана заполнить Сичь войскомъ турецкимъ смѣло и вызывающе отвѣчали: „Вiйська твоегò не боимòсь — будемъ бытьця зъ тобою землею й водою“ [2]). „Они вояки великiе были. Бывало, отецъ мой какъ начнетъ разсказывать про ту удаль запорожцевъ да про баталiи ихъ съ турками, татарами или поляками, такъ страшно слушать его. Вотъ это въ лѣтнее время, вечеромъ, какъ станетъ прудиться около кабыцы да какъ скинетъ съ себя сорочку, такъ жутко смотрѣть на него: все тѣло, точно рѣшето, пошматовано да побито пулями, а на плечахъ да на ногахъ такъ мякоть и мотается. Страшные вояки были! А только у себя, на Сичи, никого не трогали, исключая однихъ жидовъ: жидамъ иногда таки плохо приходилось отъ запорожцевъ. Если только услышатъ, что жиды гдѣ-нибудь прошкодили, то уже бережись, а иначе какъ „нагрюкаютъ“ котораго-нибудь, то тутъ ему „й ка́пець!“ У запорожцевъ такая и поговорка на этотъ счетъ сложилась: „А, нумо, паны-молодцы, кукиль зъ пшеныци выбырать!“...

Для того, чтобы напугать или устрашить врага, запорожцы нерѣдко сами распускали о своей силѣ и непобѣдимости невѣроятные разсказы и заставляли вѣрить въ то другихъ. Говорили, напримѣръ, что между ними всегда были такъ называемые „характе́рники“, которыхъ ни огонь, ни вода, ни сабля, ни обыкновенная пуля, кромѣ серебряной, не брали. Такiе „характе́рники“ могли отпирать безъ ключей замки, плавать въ лодкахъ по полу, какъ по морскимъ волнамъ, перебираться черезъ рѣки на суконныхъ войлокахъ или рогожевыхъ циновкахъ, брать въ голыя руки каленыя ядра, видѣть за нѣсколько верстъ вокругъ себя посредствомъ особыхъ „верцаделъ“, жить на днѣ рѣкъ, влазить и вылазить изъ туго завязанныхъ и даже зашитыхъ мѣшковъ, „перекидаться“ въ котовъ, превращать людей въ кусты, всадниковъ въ птицъ, влазить въ обыкновенное ведро и плыть въ немъ подъ водою сот-

---

1) Акты южной и западной Россiи, XIII, 438.

2) Эварницкiй, Очерки по исторiи з. к., СПБ, 1889, 69.

ни, тысячи верстъ [1]). Много говорили запорожцы и о силѣ своихъ богатырей. Богатыри у нихъ были такіе, какимъ равныхъ нигдѣ не было. Они толстѣйшія желѣзныя полосы, что снопы въ полѣ, вокругъ шеи ляховъ скручивали; они страшно тугіе луки, надъ которыми въ Польшѣ нѣсколько человѣкъ напрасно силились, играючи натягивали. У нихъ въ Сичи между другими богатырями жилъ Васюринскій козарлюга; то былъ такой силачъ, что когда онъ причащался, то 4 человѣка поддерживали священника, чтобы онъ не упалъ отъ одного духа богатыря, потому что онъ только дохнетъ, и отъ того дыханія человѣкъ съ ногъ упадетъ. А когда разоряли Сичь, такъ тамъ былъ такой силачъ, который однимъ дыханіемъ могъ-бы убить человѣка. Какъ подошелъ онъ къ причастію, не затаивъ дыханіе, то священникъ едва съ причастіемъ не упалъ навзничь. „Кто ты таковъ, старче?“—„Что-жъ, батюшка, я такой-то“. „Изыди же изъ сего града, а то узнаютъ о тебѣ, то погибнешь“ [2]).

Война для козака была столь же необходима, какъ птицѣ крылья, какъ рыбѣ вода. Безъ войны козакъ—не козакъ, безъ войны лыцарь не лыцарь. Козакъ не столько не боялся, а любилъ войну. Онъ заботился не только о томъ, чтобы спасти себѣ жизнь, сколько о томъ, чтобы умереть въ бою, какъ умираютъ истые рыцари на войнѣ, т. е. чтобъ о немъ сказали: „Умúвъ шáрпаты, умúвъ и вмéрты не скыгляче“. „Отъ козáли, неначе воно боляче́, якъ шкуру зъ живóго чоловика здираю́ть, а воно́ мовъ комашня кусае“...

По врожденнымъ качествамъ, присущимъ истому малороссу, запорожцы отличались умѣніемъ мастерски разсказывать, умѣли подмѣчать смѣшныя стороны у другихъ и передавать ихъ въ шутливомъ, но ни для кого не обидномъ, тонѣ. „Обычаи у запорожцевъ чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большею частію на насмѣшку похожи“ [3]). Этой чертой характера запорожскихъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье II, 153; Коржъ, Устное повѣствованіе, 22 23; Кулишъ, Записки о южной Руси, I, 79,

[2]) Кулишъ, Записки о южной Руси, С.-Петербургъ, 1856; I, 141, 167.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 20.

козаковъ отчасти объясняются и тѣ странныя прозвища, которыя они давали приходившимъ въ Сичь новичкамъ: Гнида, Пивторикожуха, Непійпиво, Неижмакъ ,Лупыносъ, Загубыколесо, Задерыхвистъ, Держихвистъ-пистолемъ и т. п. Человѣка малаго роста они, по свойству своего юмора, называли Махиной, человѣка большого роста—Малютой, шибенника—Святошею, лѣниваго—Доброволею, неуклюжаго—Черепахою; кто у нихъ сжегъ курень, тотъ Палій; кто схожъ съ лепешкою, тотъ Коржъ; кто высокъ, прямо держится, тотъ Толкачъ и т. п. [1]). „Они всѣхъ поднимаютъ на смѣхъ: Украйна, у нихъ не Украйна, а Польша; люди тамъ не люди, а недолюдки, мажутся тамъ не святымъ муромъ, а гусинымъ жиромъ [2]).

Въ свободное отъ походовъ время запорожскіе козаки любили, лежа на животахъ, побалагурить, послушать разсказы другихъ, держа при этомъ въ зубахъ коротенькія люлечки, такъ называемыя „носогрійки“ или люльки-буруньки [3]), и попыхивая изъ нихъ дымкомъ. Люлька для козака первое дѣло: запорожецъ принесетъ на Великъ-день паску изъ церкви, поставитъ ее на столъ, а самъ скорѣй за трубку: „А, ну-те, сынкы́, берúтця за люлькы́, нехáй пáска постóе, а просяты катъ не вúзьме“, шутливо говорятъ о запорожскихъ козакахъ ихъ потомки. Люлька для запорожца—родная сестра, дорогая подруга его: онъ какъ сѣлъ на коня, заразъ-же запалилъ люльку да такъ верстъ шесть, а то и больше все смалитъ и смалитъ и изо рта ее не выпускаетъ. У запорожцевъ кромѣ того, что каждый козакъ имѣлъ у себя люльку, а то была еще „обчискá“ люлька, очень большихъ размѣровъ, обсаженная монистами, дорогими камнями, разными бляхами, иногда исписанная надписями, въ родѣ „козацька-люлька—добра думка“; изъ такой люльки потягивало цѣлое общество или собраніе, когда обдумывало какое-нибудь предпріятіе или замышляло противъ кого-нибудь походъ [4]). Люльки, однако, не исключали и употребленія нюхательныхъ рожковъ: нюха-

---

1) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 34—36.
2) Кулишъ, Записки о южной Руси, С.-Петербургъ, 1856, I, 161.
3) „Бурунька“ отъ татарскаго слова „бурунъ“, что значитъ „носъ“.
4) Эварницкій, Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, II, 14; I, 59.

ри были преимущественно старые дѣды, которые, избѣгая слишкомъ большой затраты времени около люльки, предпочитали ей рожокъ съ табакомъ: „Пóкы ію́ налóжишъ, пóкы ію́ запáлышъ, пóкы ію́ накры́ишъ та пóкы ію́ насмóкчишся, ерыты́чои душú, а тó смыкъ-дёргъ! утéръ нóса тай готóвъ!..“ А нѣкоторые употребляли и то и другое: „Люлька душу услаждáе, а рижокъ мóзокъ прочищáе“.

Будучи въ душѣ поэтами и мечтателями, запорожцы всегда выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для своихъ временныхъ и вѣчныхъ жилищъ, влѣзали на высокія скалы, уединялись въ лѣсныя пущи, поднимались на большіе курганы и съ высоты птичьяго полета любовались ландшафтами и предавались тихимъ думамъ и возвышеннымъ размышленіямъ. Будучи высокими цѣнителями пѣсенъ, думъ и родной музыки, запорожцы любили послушать своихъ баяновъ, слѣпцовъ-кобзарей, нерѣдко сами складывали пѣсни и думы и сами брались за кобзы, бывшія у нихъ любимымъ музыкальнымъ инструментомъ. Кобзарь, тотъ-же французскій труверъ, нѣмецкій мейстерзингеръ, сербскій слѣпчакъ-пьевакъ, всегда былъ желаннымъ гостемъ у нихъ, потому что онъ „всюды вѣштаетця и дóлю спивáе“. Кромѣ того кобзарь у запорожцевъ былъ хранителемъ завѣтныхъ козацкихъ преданій, живописатель „лыцарскихъ подвиговъ“, иногда первый лѣкарь больныхъ и раненыхъ, иногда освободитель невольниковъ изъ плѣна, иногда поджигатель къ военнымъ походамъ и славнымъ подвигамъ низовыхъ молодцовъ. Кобза, по понятію козаковъ, выдумана самимъ Богомъ и его святыми, и отчего она и была у нихъ въ такой чести. Для одинокаго запорожца, часто скитавшагося по безлюднымъ степямъ, не имѣвшаго возможности въ теченіи многихъ дней ни до кого промолвить слова, кобза была истинною подругою, дружиною вѣрною, которой онъ повѣрялъ свои думы, на которой разгонялъ свою печаль—тугу.

„Струны мои золотіи, грàйте жъ мени зты́ха.
Нехàй козàкъ нетя́жыще та забу́де а лы́хо.“

Какъ дорога была кобза для запорожскаго козака, видно изъ той козацкой думы, гдѣ говорится, какъ запорожецъ, умирая одинокимъ въ дикой степи отъ „безвиддя и безхлибья“, въ самыя послѣднія минуты своей жизни об-

ращается къ кобзѣ и называетъ ее „дружиною вирною, бандурою малёванною“ и въ горѣ спрашиваетъ ее:

„А дежъ мини́ тебе́ ди́ты?
А чи у чи́стому по́ли испали́ты?
И попиле́ць по ви́тру пусты́ты?
А чи на моги́ли положы́ти?“

Темными сторонами характера запорожскихъ козаковъ было то, что многіе изъ нихъ любили прихвастнуть своими военными подвигами, любили пустить пыль въ глаза передъ чужими, щегольнуть своимъ убранствомъ и оружіемъ [1]); кромѣ того, они отличались легкомысліемъ и непостоянствомъ, хотя и называли себя въ письмахъ и посланіяхъ къ царямъ или королямъ „вѣрнымъ войскомъ его королевскаго или царскаго величества“; на этотъ счетъ объ нихъ можно сказать, что они были „гульливы, какъ волна, непостоянны, какъ молва“. Еще больше того запорожцы отличались своею безпечностью и лѣнью; недаромъ же на ихъ счетъ сложена была какимъ-то піитою вирша:

„Се козакъ запоро́жець, не объ чимъ не ту́же:
Якъ люлька е й тютюне́ць, то ёму й байдуже,
Винъ те ти́лько й знае—
Коли́ не пье, такъ вошi бье, а всежъ не гуля́е!“

Большимъ недостаткомъ запорожскихъ козаковъ была также ихъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ: „Въ пьянствѣ и бражничествѣ, говоритъ очевидецъ, они старались превзойти другъ друга, и едва-ли найдутся во всей христіанской Европѣ такіе беззаботныя головы, какъ козацкія. Нѣтъ въ свѣтѣ народа, который могъ бы сравниться въ пьянствѣ съ козаками: не успѣютъ проспаться и вновь уже напиваются“ [2]). Сами о себѣ запорожцы на этотъ счетъ говорили:„ У насъ въ Сичи нòровъ—хто отче-нашъ знае, той въ ра́ньци вставъ, умыетця тай ча́рки шука́е“.

„Ой, Сичь-ма́те ой, Сичь-ма́те,
А въ тій Сичи́ до́бре жи́ты:
Ой, ти́лькы спа́ты, спа́ты та лежа́ти,
Та гори́лочку кружа́ти“.

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 8.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 5, 7.

Оттого въ думахъ козацкихъ всякая корчма называется „княгиней“, а въ той „княгинѣ много козацкаго добра загы́не, и сама она неошатно ходитъ и козаковъ подъ случай безъ свитóкъ водитъ„. Настоящій запорожецъ не спроста пилъ горилку, а съ разными прибаутками да съ присказками, въ родѣ: “Чоловикъ не скотина, билышъ видра не выпіе„; “Розступись, душа козацька, обилью„; “Вонзимъ копьія́ въ души своя“. Водку онъ называлъ горилкою, а чаще всего оковытою, т. е. водою жизни (aqua vitae) и обращался къ ней, какъ къ живому существу. “Хто ты?„ – “Оковыта!„ “А зъ чого ты?„—“Изъ жита!„ “Звидкиля́ ты?„—“Изъ неба!„ “А куда ты?„—“Куды треба!„ “А билетъ у тебе е?„—„Ни, нема!“ „Такъ оттутъ же тоби й тюрьма!“... Водка для запорожскихъ козаковъ столь была необходима, что они безъ нея не отправлялись даже въ столицу по войсковымъ дѣламъ первой важности. Такъ, въ 1766 году въ Петербургѣ проживали нѣсколько человѣкъ запорожцевъ съ кошевымъ атаманомъ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ во главѣ; козаки поиздержались, поистратились; недостало у нихъ собственной водки въ столицѣ; тогда кошевой черезъ посредство президента малороссійской коллегіи, графа П. А. Румянцева, отправилъ въ Сичь старшину Антона Головатаго для привоза въ столицу изъ Сичи кошевому и старшинѣ „для собственнаго ихъ употребленія, 50 ведеръ вина горячаго“ [1]).

Только во время военныхъ походовъ запорожскіе козаки избѣгали пьянства, ибо тогда всякаго пьянаго кошевой атаманъ немедленно выбрасывалъ за бортъ чайки [2]). Не одобрялось также пьянство и въ средѣ „начальныхъ лицъ“; если кошевой и сичевая старшина замѣчали этотъ недостатокъ у кого-либо изъ служащихъ лицъ, то предостерегали его особыми ордерами на этотъ счетъ и приказывали ему строго исполнять ордера и не „помрачаться проклятыми люлькою и пьянствомъ„ [3]). Вообще, всякое пьянство запорожскій Кошъ считалъ порокомъ и хотя часто безуспѣшно, но все-же боролся съ этимъ зломъ, строго запрещая

---

[1]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1889, № 1, 225.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 7, 63.

[3]) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій м., Екатеринославъ, 1873, 105.

особенно тайные шинки, какъ „истинный притынъ“ всякихъ гайдамакъ и харцызовъ [1]). Впрочемъ, придаваясь разгулу и бражничеству, запорожскіе козаки, однако, не были похожи на тѣхъ жалкихъ пьяницъ, которые пропивали свои души въ черныхъ и грязныхъ кабакахъ и которые теряли въ нихъ всякій образъ и подобіе созданій божіихъ: лыцарь даже и въ попойкахъ оставался лыцаремъ. Предаваясь широкому и неудержимому разгулу, козакъ тѣмъ самымъ выказывалъ особаго рода молодечество, особый взглядъ на жизнь человѣка, вообще напрасно обременяющаго себя трудомъ и заботами и совершенно непонимающаго истиннаго смысла жизни—существовать для веселья и радости. Однако, смотря на жизнь съ точки зрѣнія веселья и радости, запорожецъ не былъ чуждъ и мрачныхъ думъ: въ основѣ характера козака лежала всегда двойственность: то онъ очень веселъ, шутливъ и общителенъ, то онъ грустенъ, молчаливъ, угрюмъ и недоступенъ. Эта двойственность вытекала, конечно, изъ самаго склада жизни запорожскаго козака: не имѣя у себя въ Сичи ни роду, ни племени—„винъ изъ рыбы родомъ, одъ пугача плодомъ“, отрѣзанный отъ семьи, видя постоянно грядущую въ очи смерть, козакъ, разумѣется, смотрѣлъ на все безпечно и свой краткій вѣкъ старался усладить всякими удовольствіями, доступными ему въ Сичи; съ другой стороны тоска по далекой родинѣ, оставленнымъ на произволъ судьбы дорогимъ роднымъ, а, можетъ быть, и милой козацкому сердцу „коханкѣ“, чорствость одинокихъ товарищей, думы о грядущей безпомощной старости—заставляли не разъ козака впадать въ грустныя размышленія и чуждаться всякаго веселья.

„Козакови—якъ тому бидному сиромаси:
Ненька стара, жинкы нема, а сестра малая,
Чомъ же въ тебе, козаченьку, сорочки не мае?
Ой, сивъ пугачъ на могыли, та якъ „пугу!“ тай „пугу“!
Гей, пропадати козакови та въ темномъ лугу“!..
Та въ темномъ лугу!“...

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 204.

Домашняя жизнь запорожскихъ козаковъ въ Сичи, зимовникахъ и бурдюгахъ.

Жизнь запорожскихъ козаковъ въ самой Сичи и жизнь въ зимовникахъ и бурдюгахъ значительно разнилась одна отъ другой. Въ Сичи жили неженатые козаки: сичевые козаки, по своей жизни и по чистотѣ нравовъ, говоритъ очевидецъ, считали себя мальтійскими кавалерами, и оттого въ Сичь отнюдь не допускали женщины, будетъ-ли то мать, сестра или посторонняя женщина для козака [1]). „Запорожскимъ козакамъ не позволяется быть женатыми внутри ихъ жилищъ (въ Сичи), а которые уже женаты, должно, чтобы жены ихъ жили въ близкихъ мѣстахъ, куда ѣздятъ они къ нимъ временно; но сіе надобно дѣлать такъ, чтобы не знали старшины“ [2]). Этотъ обычай безженства соблюдался такъ строго у запорожскихъ козаковъ, что изъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, дошедшихъ до нашего времени отъ сичевыхъ козаковъ, имѣется лишь одно, раскрывающее грѣхъ козака противъ седьмой заповѣди [3]). Въ одной изъ дошедшихъ до насъ козацкихъ пѣсенъ шутливо разсказывается даже, что запорожцы такъ мало были свѣдущи въ распознаваніи женщинъ, что не могли отличить „дивчины“ отъ „чапли“.

„Сла́вни хло́пци запоро́жци
Викъ звикува́ли, ди́вкы не выда́ли,
Якъ забачи́ли на боло́ти ча́плю,
Ота́манъ ка́же: „отто́, бра́тци, ди́вка!“
Осау́лъ ка́же: „що я й женыхався!“
А кошовы́й ка́же: „що я й повинча́вся!“

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 16.
[2]) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 29.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 78.

Запрещеніе ввода женщины въ Сичь распространялось не только на запорожцевъ, но и на постороннихъ лицъ, постоянно или временно проживавшихъ въ козацкой столицѣ. Такъ, когда въ 1728 году, во время русско-турецкихъ войнъ, въ Сичь пріѣхалъ русскій подполковникъ Глѣбовъ съ собственной женой и нѣкоторыми другими женщинами, то козаки обступили жилище Глѣбова и требовали выдачи имъ находящихся тамъ женщинъ, „дабы каждый имѣлъ въ нихъ участіе“ [1]). Подполковникъ съ большимъ трудомъ могъ отговорить запорожцевъ отъ нанесенія ими жестокаго позора женщинамъ, и то не иначе, какъ выставивъ имъ нѣсколько бочекъ горилки. Но и послѣ этого онъ принужденъ былъ немедленно удалить свою жену изъ Сичи, въ виду новаго смятенія козаковъ [2]). „Самый древній и самый строго сохраняемый обычай у запорожскихъ козаковъ, замѣчаетъ французъ Лезюръ, былъ тотъ, который исключалъ, подъ страхомъ быть казненнымъ, появленіе въ Сичи женщины; отступленіе отъ этого обычая никогда не проходило безнаказанно, и въ этомъ случаѣ удивительнѣе всего то, что эта оригинальная республика устроилась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было, по преданію, царство амазонокъ“ [3]). Запрещеніе ввода женщины въ Сичь тѣмъ строже соблюдалось у запорожцевъ, что у нихъ было всеобщее вѣрованіе, коль скоро ступитъ въ Сичь нога женщины, тогда конецъ жизни всему Запорожью.

Обычай безженности запорожскихъ козаковъ можетъ быть объяснимъ прежде и естественнѣе всего военнымъ положеніемъ ихъ. Постоянно занятый войной, постоянно въ погонѣ за врагомъ, постоянно подвергаясь разнаго рода случайностямъ, запорожецъ не могъ, разумѣется, и думать о мирной семейной жизни:

„Мени зъ жи́нкою не возы́тьця,
А тютюнъ та люлька
Козаку́ въ доро́зи знадобы́тця“.

---

1) Разумѣется, это нужно понимать только, какъ угрозу, чтобы удалить изъ Сичи женщинъ, потому что за преступленіе козацкой заповѣди виновныхъ карали смертью.

2) Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 30.

3) Histoire de cosacs, tom I, page 290.

Но кромѣ этого безсемейную жизнь запорожскихъ козаковъ обусловливалъ и самый строй ихъ воинскаго порядка: товарищество требовало отъ каждаго козака выше личнаго блага ставить благо общества; въ силу этого военная добыча запорожскихъ козаковъ дѣлилась между всѣми членами товарищества поровну, недвижимое имущество козаковъ въ принципѣ составляло собственность всего войска. Но чтобы совершенно выполнить долгъ козацкой жизни, нужно было отказаться отъ всѣхъ семейныхъ обязательствъ, такъ какъ, по евангельскому слову, только „неоженившійся печется о Господѣ, оженившійся о женѣ“.

Такимъ образомъ жизнь запорожскаго козака—своего рода аскетизмъ, до котораго онъ дошелъ опытомъ, а не заимствовалъ извнѣ: „лы́царю и лы́царьска честь: ему́ тре́ба воюва́ти, а не биля́ жи́нкы пропада́ти“. Но чтобы облегчить трудности своей одинокой доли, чтобы имѣть, если не спутницъ, то спутниковъ жизни, запорожскіе козаки часто прибѣгали у себя къ такъ называемому побратимству. Съ одной стороны сичевой козакъ, какъ человѣкъ, имѣвшій душу и сердце, чувствовалъ потребность кого-нибудь любить, „до кого-нибудь прыхылитися“; но любить женщины онъ не могъ, нужно было, слѣдовательно, „прыхылятся“ до такого-же „сиромы“, какъ и онъ самъ. Съ другой стороны си́чевой козакъ, который или самъ нападалъ, или отъ другихъ ждалъ нападенія, нуждался въ вѣрномъ другѣ и неразлучномъ сотоварищѣ, который могъ бы во́время подать ему помощь или устранить отъ него непредвидѣнную опасность. Нуждаясь съ этой стороны другъ въ другѣ, два козака, совсѣмъ чужіе одинъ другому, приходили къ мысли „побрататься“ между собой съ цѣлью заботиться, вызволять и даже жертвовать жизнью другъ за друга, если въ томъ случится надобность. А для того, чтобы дружба имѣла законную силу между побратимами, они отправлялись въ церковь и здѣсь, въ присутствіи священника, давали такого рода „завѣщательное слово“: „Мы, нижеподписавшіеся, даемъ отъ себ есіе завѣщаніе передъ Богомъ о томъ, что мы—братіи, и съ тѣмъ, кто нарушитъ братства нашего соузъ, тотъ передъ Богомъ отвѣтъ да воздастъ передъ нелицемѣрнымъ судею нашимъ Спасителемъ. Вышеписанное наше обѣщаніе вышеписанныхъ Федоровъ

(два брата Федоръ да Федоръ) есть: дабы другъ друга любить, не взирая на напасти со стороны нашихъ либо прыятелей, либо непрыятелей, но взирая на миродателя Бога; къ сему заключили хмельнаго не пить, братъ брата любить. Въ семъ братія росписуемось“ [1]). Послѣ этого побратимы дѣлали собственноручные значки на завѣщательномъ словѣ, слушали молитву или подходящее случаю мѣсто изъ евангелія, дарили одинъ другого крестами и иконами, троекратно цѣловались и выходили изъ церкви, какъ бы родными братьями до конца своей жизни.

Запорожскіе побратимы напоминаютъ киргизскихъ досовъ Средней Азіи. Киргизскіе досы при заключеніи дружбы сталкиваются голыми грудьми, на которыя положены обнаженныя сабли или ножи. У досовъ все общее, кромѣ женъ. Досъ никогда и ни въ чемъ не можетъ отказать своему досу. По народному понятію, досы—одинъ человѣкъ; если одинъ изъ досовъ попадетъ въ рай, то и другой будетъ тамъ-же [2]).

Итакъ, въ Сичи жили исключительно неженатые козаки, называвшіе себя, въ отличіе отъ женатыхъ, лыцарями и товарищами. Здѣсь часть изъ нихъ размѣщалась по тридцати осьми куренямъ, въ самой Сичи, а часть внѣ ея, по собственнымъ домамъ; сообразно съ этимъ, часть питалась войсковымъ столомъ, часть собственнымъ [3]), но въ общемъ жизнь тѣхъ и другихъ была одинакова.

Обыденная повседневная жизнь запорожскихъ козаковъ въ Сичи складывалась слѣдующимъ образомъ. Козаки поднимались на ноги съ восходомъ солнца, тотъ-же часъ умывались холодной ключевой или рѣчной водой, затѣмъ молились Богу и послѣ молитвы, спустя нѣкоторое время, садились за столъ къ горячему завтраку. Время отъ завтрака до обѣда козаки проводили разно: кто объѣзжалъ коня, кто осматривалъ оружіе, кто упражнялся въ стрѣльбѣ, кто чинилъ платье, а кто просто лежалъ на боку, попыхивалъ изъ люльки-носогрѣйки, разсказывалъ о собственныхъ подвигахъ на войнѣ, слушалъ разсказы другихъ и

---

1) Кіевская Старина, 1887, томъ XIX, октябрь, 383—384.
2) Туркестанскія Вѣдомости , 1873 года, 23 октября, №42.
3) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 53.

излагалъ планы новыхъ походовъ. Ровно въ 12 часовъ куренной кухарь ударялъ въ котелъ, и тогда, по звуку котла, каждый козакъ спѣшилъ въ свой курень къ обѣду. Обѣдъ приготовлялся въ каждомъ куренѣ особымъ кухаремъ или поваромъ и его помощниками, небольшими хлопцами, на обязанности которыхъ лежало приносить воду въ курень и держать въ чистотѣ котлы и посуду: „посуду—котлы, ложки, корыта очень чисто держутъ и чище какъ себя, а паче одежды“ [1]). Пища готовилась въ большихъ мѣдныхъ или чугунныхъ котлахъ, навѣшивавшихся, при помощи желѣзныхъ крючковъ, на кабицѣ въ сѣняхъ каждаго куреня, и варилась три раза въ день на все наличное число козаковъ куреня, за что платилось кухарю по два рубля и по пяти копѣекъ съ каждаго козака въ годъ, т. е. 9 рублей и 50 копѣекъ при 150 человѣкахъ средняго числа козаковъ въ каждомъ куренѣ. Къ столу, который позапорожски назывался „сырномъ“, обыкновенно подавались: соломаха или саломатъ, т. е. ржаная мука, густо сваренная съ водой [2]); тетеря, т. е. ржаная мука или пшено, не очень густо сваренное на квасу, и щерба́—таже рѣдко сваренная мука на рыбьей ухѣ [3]). Очевидецъ Василій Зуевъ касательно пищи запорожцевъ говоритъ, что у нихъ употреблялись тетеря и братко́; тетерею называлась пшенная кашица, въ которой, во время кипѣнія, прибавлялось кислое ржаное тѣсто; въ крутомъ видѣ тетеря ѣлась съ рыбьей ухой, жиромъ, молокомъ или просто водой; братко́—таже пшенная кашица съ примѣсью, вмѣсто кислаго ржаного, тѣста пшеничнаго или другого какого-либо прѣснаго [4]). Если-же козаки, сверхъ обыкновенной пищи, желали полакомиться мясомъ, дичиной, рыбой, варениками, сырниками, гречаными съ чеснокомъ галуш-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185, пр. 67.

[2]) Мышецкій, Исторія, 52; Грабянка соломахой называетъ житное квашенное, рѣдко сваренное тѣсто: Лѣтопись, 19; Бопланъ соломахой называетъ тѣсто, распущенное въ водѣ, смѣшанное съ просомъ, кисловатое на вкусъ: Описаніе Украйны, 63.

[3]) У татаръ щербою называлось просо съ масломъ и кислымъ молокомъ: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 486.

[4]) О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786, 5.

ками, или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ, то для этого они составляли артель, собирали деньги, на нихъ покупали продовольствіе и передавали его куренному кухарю. Кромѣ названныхъ кушаньевъ, козаки употребляли еще рубцы, свинину„—свинячу голову до хрину та локшину на перемину“, мамалыгу—тѣсто изъ проса или кукурузы, которую ѣли съ брынзой, т. е. соленымъ овечьимъ сыромъ, или съ пастремою, т. е. высушеной на солнцѣ бараниной, и загребы—коржи, которые назывались такъ, потому что клались въ натопленную печку и загребались золой и горячими угольями [1]).

Провизія для пищи или доставлялась каждому куреню послѣ раздѣла царскаго хлѣбнаго жалованья, или покупалась на общественныя деньги всего куреня, всегда хранившіяся въ куренной скарбницѣ подъ вѣдомствомъ куреннаго атамана.

Войдя въ курень, козаки находили кушанья уже налитыми въ „ваганки“, или небольшія деревянныя корыта, и разставленными въ рядъ по краямъ сырна, а около ваганковъ разные напитки—горилку, медъ, пиво, брагу, наливку—въ большихъ деревянныхъ коновкахъ съ привѣшанными къ нимъ деревянными коряками или михайликами. Прежде чѣмъ сѣсть за сырно, товарищи становились въ рядъ другъ подлѣ друга, крестились на иконы, читали молитву о насущномъ хлѣбѣ и потомъ уже разсаживались вдоль стола на узкихъ скамьяхъ, предоставляя всегда мѣсто въ переднемъ углу, подъ образами, около лампадки и карнавки, непремѣнно куренному атаману. Жидкая пища бралась ложками, твердая руками; рыба подавалась на особомъ желѣзномъ стяблѣ, представлявшемъ собой родъ плоскихъ ваганковъ съ небольшой шейкой для процѣживанія чрезъ нее ухи [2]), и непремѣнно головой атаману—какъ онъ голова, то ему и начинать съ головы: „сей обычай, до рыбы касающійся, по всѣмъ куренямъ и зимовникамъ одинаковъ былъ“ [3]); печенаго хлѣба къ столу не

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 31 37.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1852, 38. Относительно „стябла“ Зуевъ даетъ такое объясненіе: запорожскіе рыболовы, отобравъ луч-

подавали; его употребляли больше тѣ, которые жили въ предмѣстьѣ Сичи собственными домами или въ паланкахъ собственными зимовниками [1]). Кушанья запивались разными напитками посредствомъ металлическихъ чарокъ, а чаще всего посредствомъ деревянныхъ михайликовъ, вмѣстимостью отъ трехъ до пяти и даже больше обыкновенныхъ нашихъ рюмокъ: „а у инчого такій коря́къ, шо въ нёму можно и мызѐрного жидка́ утопи́ти“; „а якъ у яко̀го така̀ чарка, шо й соба́ка не переско̀че“. Отобѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ, козаки вставали отъ стола, крестились на иконы, благодарили сперва атамана, потомъ куренного кухаря: „Спасы́би, бра́тику, що ты нагодува́въ козаку́въ!“ Затѣмъ бросали каждый по шагу, т. е. по мелкой монетѣ, а по желанію и больше того, въ карнавку для закупки провизіи къ слѣдующему дню и, наконецъ, выходили изъ куреня на площадь [2]). На собранныя деньги кухарь покупалъ необходимую провизію къ слѣдующему дню, при чемъ, если оставленныхъ въ карнавкѣ денегъ оказывалось мало, то куренной атаманъ долженъ былъ додать кухарю изъ куренныхъ доходовъ. Время отъ обѣда до ужина проводилось въ тѣхъ-же занятіяхъ. Вечеромъ, по заходѣ солнца, козаки вновь собирались въ курени; здѣсь они ужинали горячимъ ужиномъ; послѣ ужина одни тотъ-же часъ молились Богу и потомъ ложились спать, зимой въ куреняхъ, лѣтомъ и въ куреняхъ и на открытомъ воздухѣ; другіе собирались въ небольшія кучки и посвоему веселились: играли на кобзахъ, скрипкахъ, ваганахъ, лирахъ, („релля́хъ“), басахъ, цымбалахъ, козахъ, свистѣли на сопилкахъ, свисту-

---

шей рыбы, послѣ лова, сразу варили очень большое количество ея; вынутая и сложенная „на образъ клѣтокъ“, она представляла собой квадратную кучу, вышиною въ колѣно: „сіе называлось у нихъ варить рыбу на стябло и составляло обыкновеннѣйшее для рыбной артели варево:“ Мѣсяцесловъ, 1786, 5.

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, 52, 53. Никита Коржъ, однако, говоритъ, что хлѣбы приготовлялись въ большихъ печахъ особыхъ отдѣленій, особо отъ кureней построенныхъ, гдѣ жили куренные повара; отсюда можно думать, что хлѣбы были въ употребленіи и у сичевыхъ козаковъ: Устное повѣствованіе, 37.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, 53; Лѣтопись Грабянки, 19; Устное повѣствованіе Коржа, 36—38.

нахъ,—однимъ словомъ, на чемъ попало, на томъ и играли, и тутъ-же танцовали.

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ наиболѣе любимымъ и оттого наиболѣе распространеннымъ инструментомъ у запорожскихъ козаковъ была, безъ сомнѣнія, кобза. Кобза (потюркски „кабы́зъ, кобы́зъ, кобо̀зъ,“) несомнѣнно занесена къ запорожцамъ съ востока, такъ какъ она и до сихъ поръ въ большомъ распространеніи у туземцевъ Средней Азіи. У киргизовъ кабызомъ называется музыкальный инструментъ, нѣсколько схожій со скрипкою; онъ не имѣетъ верхней деки и состоитъ изъ выдолбленнаго полушара съ выпускомъ внизу и ручкой вверху; къ ручкѣ прибиваются желѣзныя побрякушки, которыя приводятся въ движеніе во время игры; къ такому кабызу полагается двѣ изъ конскихъ волосъ струны и изъ такихъ же волосъ самый незатѣйливый смычокъ; играютъ на такомъ кабызѣ, поставивъ его между колѣнъ и водя по струнамъ смычкомъ. Подобные кабызы можно видѣть въ Ферганѣ, Бухарѣ и Хивѣ. Перейдя изъ Азіи въ Запорожье, кобза въ новомъ отечествѣ значительно видоизмѣнилась. Запорожская кобза—это довольно сложный музыкальный инструментъ, строго отличающійся какъ отъ „панскаго“ торбана, такъ и отъ „старчачей“ лиры. Она состоитъ изъ верхняка, т. е. деки, круглаго голосника или резонатора, овальнаго широкаго низа, короткой ручки (грифа), оканчивающейся шейкой съ загибомъ въ лѣвую сторону; имѣетъ 12 струнъ, изъ коихъ одна половина (числомъ 6) собственно струны, а другая (также 6) приструнки; часть струнъ кышкови (кишочныя), часть сухозло̀тыци (обмотанныя канителью) [1]).

Подъ звуки музыки, особенно той-же кобзы, запорожцы любили потанцовать. А танцуютъ, бывало, такъ, что противъ нихъ никто на всемъ свѣтѣ не вытанцуетъ: весь день будетъ музыка играть, весь день и будутъ танцовать, да еще и приговаривать:

„Грай-грай! Отъ закыну за́разъ но́гы ажъ за сы́ну,
Щобъ свитъ здывува́вся, яки́й коза́къ вда́вся“.

Если музыка перестанетъ играть, то они заберутъ въ руки скамьи, съ одного конца возьмется одинъ, а съ друго-

---

[1]) Кіевская Старина, 1892, февраль, 382—383.

го другой, станутъ другъ противъ друга и танцуютъ [1]). Третьи просто пѣли пѣсни безъ пляски и музыки; четвертые забирались въ курени, садились въ нихъ по уголкамъ, зажигали свѣчи и играли тамъ въ карты, а чтобы не безпокоить свѣтомъ спящихъ товарищей, сверху прикрывали себя своими кафтанами [2]). То была игра въ „чупрундырь“, во время которой побѣдившій столько разъ таскалъ за чубъ побѣжденнаго, сколько у послѣдняго оставалось на рукахъ очковъ въ картахъ. Кромѣ картъ играли запорожцы и въ кости, причемъ ставкою были не только деньги, но и добыча и плѣнные татары [3]).

Въ дни большихъ праздниковъ, напримѣръ Рождества Христова и св. Пасхи, запорожскіе козаки въ теченіи цѣлой недѣли ходили поздравлять съ праздникомъ къ кошевому, судьѣ, писарю и асаулу, приносили имъ подарки, подчивались и угощались у нихъ разными напитками и во время угощеній стрѣляли изъ пушекъ [4]). Въ дни тезоименитствъ высокихъ особъ русскаго императорскаго дома, по окончаніи божественной службы и молебнаго пѣнія, духовные и свѣтскіе чины великороссійскаго и малороссійскаго званія, какіе случались на ту пору въ Сичи, также войсковыя старшины и куренные атаманы собирались всѣ въ куренѣ кошевого атамана, принимались здѣсь „со всякою учтивостью“ и пили по чаркѣ горилки [5]). Но особенно торжественно встрѣчали запорожцы день 6-го января каждаго новаго года. Въ этотъ день, съ ранняго утра, всѣ козаки, пѣхота, артиллерія и кавалерія, собирались на площадь передъ церковью и стояли здѣсь рядами по куренямъ, безъ шапокъ, до окончанія божественной службы; всѣ были одѣты въ лучшія платья, вооружены лучшимъ оружіемъ; надъ каждымъ куренемъ развѣвались особыя раскрашенныя знамена, которыя держали хорунжіе, сидя на огненныхъ и прекрасно убранныхъ коняхъ. По окончаніи божественной литургіи изъ церкви выходилъ настоятель съ крестомъ въ

---

1) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 14, 15.
2) Самоилъ Величко, Лѣтопись презѣльной брани, Кіевъ, 1851, II, 360.
3) Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., I, 100.
4) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 50, 51.
5) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С-Петербургъ, 1888, 49.

рукѣ, за нимъ попарно шли іеромонахи съ евангеліями, иконами, всѣ въ дорогомъ облаченіи; за духовенствомъ стройно, рядами съ развѣвающимися корогвáми и тяжелыми пушками двигались козаки; за козаками масса простого народа, а всѣ вмѣстѣ высыпали на средину Днѣпра, на Іордань. Тутъ всѣ становились рядами и слушали службу. Когда архимандритъ въ первый разъ погружалъ крестъ въ воду, то козаки въ одинъ выстрѣлъ залпомъ ударяли такъ громко и сильно, что отъ того удара земля стонала, а зрители покрывались дымомъ, застилавшимъ всѣхъ, подобно тьмѣ, и не позволявшимъ видѣть другъ друга; успокоившись на нѣсколько минутъ, давъ время пройти дыму, а настоятелю еще два раза погрузить крестъ въ воду, козаки вновь стрѣляли и на этотъ разъ палили столько, сколько кому угодно было [1]).

Въ обыкновенные праздничные дни запорожскіе козаки нерѣдко развлекали себя кулачными боями: для этой цѣли они собирались вечеромъ на сичевую площадь, раздѣлялись на двѣ лавы или партіи, изъ коихъ одна составлялась изъ верхнихъ, другая изъ нижнихъ куреней, и вступали въ бой; въ этихъ бояхъ они нерѣдко ожесточались до того, что наносили другъ другу страшныя увѣчья и даже одинъ другого убивали [2]).

Описанное времяпровожденіе запорожскихъ козаковъ отличалось сравнительно скромнымъ характеромъ съ тѣмъ временемъ, когда они возвращались домой изъ военныхъ походовъ. „Сичь умѣла только пить да изъ ружей палить“, мѣтко выразился о запорожскихъ козакахъ безсмертный Гоголь. И это совершенно справедливо. Сичевые козаки, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, имѣли такую вольность, что никакихъ работъ не исполняли, но всегда гуляли и пили, и такъ до конца свою жизнь проводили [3]). Оттого и поется въ ихъ пѣсняхъ:

„Бурла́че коза́че, дурны́й ро́зумъ ма́ешъ,
Дурны́й ро́зумъ маешъ—до́лю проклина́ешъ;

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 42, 43.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55; Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб , 1832, 69.

Не такъ вы́нна до́ля, вы́нна жъ твоя во́ля:
Шо ты зарабля́ешъ, то все пропыва́ешъ,
А шо загорюешъ, то все прогайнуешъ“.

Сичевой козакъ отнюдь не хлѣборобъ и не торгашъ; обрабатывать землю, за безпрерывною войной, онъ не могъ; заниматься торговлей считалъ низкимъ дѣломъ для себя, оттого слово „крамарь“, т. е. мелкій торгашъ, у него было даже браннымъ словомъ, обиднымъ для „лыцарской“ чести... На старыхъ картинахъ прошлаго столѣтія, дошедшихъ до насъ съ различными подписями, читаемъ:

„Мене́ якъ хочешъ называй, на все позволяю,
Абы не звавъ ты крамаремъ, бо за те полаю“.

При такомъ воззрѣніи на честь, сичевому козаку оставалось одно дѣло—война, а въ мирное время веселье да широкій разгулъ, по пословицѣ „во́ля та отва́га або́ медъ пье́, або́ кандалы́ тре́“. Этимъ запорожцы весь міръ удивляли. Особенно большое веселье бывало у нихъ послѣ возвращенія изъ военныхъ походовъ. Тогда козаки, прибывъ въ Сичь, въ теченіи нѣсколькихъ дней ходили по улицамъ, „тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали“ [1]), водили за собой огромную толпу музыкантовъ и сичевыхъ пѣвчихъ-школяровъ, вездѣ разсказывали о своихъ военныхъ подвигахъ и удачахъ, неустанно танцовали и въ танцахъ выкидывали всевозможныя фигуры; за ними несли въ ведрахъ и котлахъ различнаго рода „пьяные напитки“, какъ-то: горилку, пиво, медъ, наливку, варену, представлявшую собой смѣсь водки, меду, сушеныхъ фруктовъ, преимущественно изюма, винограда, грушъ, яблокъ, вмѣстѣ сваренныхъ съ инбиремъ и другими въ этомъ родѣ пряностями. Въ это время всякаго, кто бы ни ѣхалъ и кто бы ни шелъ, будь то знакомый или совсѣмъ невѣдомый человѣкъ, гулявшіе рыцари приглашали въ свою компанію и угощали напитками и закусками, и плохо тому, кто осмѣлится отказаться отъ предлагаемаго даровaго угощенія: того изругаютъ ругательски и съ позоромъ прогонятъ вонъ. Отъ сичевыхъ козаковъ не отставали и зимовчаки-козаки: они распродавали

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 364 377.

въ это время собственную добычу—товары, рыбу, звѣрей, птицъ и, зараженные общимъ весельемъ, также гуляли и веселились, т. е. „пили и музы́ки водили“. Въ теченіи нѣсколькихъ дней подобнаго гулянья козаки пропивали и всѣ добытыя ими на войнѣ деньги, и всю захваченную у непріятеля добычу и даже подъ конецъ входили въ долги. Этимъ веселымъ настроеніемъ козаковъ отлично пользовались сичевые шинкари и крамари: они покупали у гулявшихъ всякое добро за дешевую цѣну, а потомъ продавали его въ другое время тѣмъ-же козакамъ съ большимъ барышомъ; впрочемъ, часть полученнаго барыша и они должны были нерѣдко пропивать вмѣстѣ съ гулявшими козаками.

Пропивъ деньги, добычу, набравъ и въ долгъ всякой всячины, козаки подъ конецъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ, чтобы продлить свое веселье, ибо „не на те козакъ пье, шо е, а на те, шо буде“. Дѣло въ томъ, что въ Сичи существовалъ особаго рода обычай, по которому дозволялось грабить имущество шинкарей, крамарей или мясниковъ, слишкомъ повышавшихъ цѣны на свои товары противъ установленной войскомъ нормы. Пользуясь этимъ правомъ, пропившіеся козаки, собравшись въ числѣ около ста или болѣе человѣкъ, бросались на имущества виновныхъ и все, что находили у нихъ — продукты, деньги, водку, платье,—брали себѣ; больше всего, разумѣется, набрасывались они на горилку: разбивъ бочку или высадивъ въ ней дно, козаки или выливали водку прямо на улицу, или забирали ее во что попало и продолжали пить. [1]).

Отдаваясь полному разгулу въ минуты всеобщаго веселья, особенно послѣ счастливыхъ походовъ на непріятелей, запорожцы, однако, не забывались до того, чтобы ставить пьянство и разгулъ въ достоинство приличному козаку и особенно состоявшей на службѣ старшинѣ. Отъ 1756 года, 28 января, до насъ дошелъ „крѣпкій приказъ“ кошевого атамана Григорія Ѳедорова Лантуха съ товариществомъ самарскому полковнику Ивану Водолазѣ за то, что онъ, „по своему безумію, помрачившись проклятыми люлькою и

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 54.

пьянствомъ, войсковые универсалы презрѣлъ и грабительство учинилъ, чего ради въ Кошѣ войска запорожскаго низового опредѣлено: „за таковіе безразсудніе поступки и войсковыхъ универсаловъ презрѣніе, его, яко недобраго сына, зрепремандовать“ [1]).

Какъ бы то ни было, но въ общемъ домашняя жизнь сичевыхъ козаковъ была слишкомъ проста и скромна. „Въ запорожской черни снисканіе богатства ни мало не уважалось: почитая нужды свои въ одномъ токмо, воинскомъ и промышленномъ орудіяхъ, не знали они роскоши ни въ платьѣ, ни въ украшеніи, ниже въ самой пищѣ, которую хозяинъ и хлопецъ имѣлъ всегда одну и всегда почти одинаковую“ [2]). „Запорожцы, по козацкой пословицѣ, якъ малú диты: дай багáто—все зъидя́ть, дай мало—довóльни будуть“. На простоту и воздержность въ жизни запорожцы смотрѣли, какъ на одну изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ причинъ ихъ непобѣдимости въ борьбѣ съ врагами: только тотъ, кто побѣдилъ въ себѣ свои излишнія потребности, въ состояніи побѣдить и непріятеля.

Скромность жизни запорожскихъ козаковъ сказывалась во всемъ и вездѣ: когда они ѣздили въ Петербургъ, въ 1755 году, то на кошевого, двухъ старшинъ и нѣсколькихъ козаковъ во время всей дороги, трехмѣсячной жизни въ столицѣ и угощенія знакомыхъ, издержали всего лишь 60 рублей и горько жаловались на дороговизну столичной жизни въ письмахъ, адресованныхъ въ Сичь; когда они угощали крымскихъ и русскихъ чиновниковъ, во время размежеваній пограничныхъ земель, въ 1764 году, то израсходовали для этой цѣли всего лишь 17 р. 33 к., хотя, по приказу Коша, отпускали все по требованію коммисаровъ и депутатовъ; когда они отправлялись въ походъ, то забирали съ собой нѣсколько горшковъ тетери, толокна, то-есть крутo сваренной каши, пастрёмы, то-есть высушенной и завяленной баранины [3]). Свидѣтелемъ простоты жизни сичевыхъ козаковъ былъ генералъ Петръ Абрамовъ Текели, разру-

---

1) Θеодосій, Самарскій Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 105.
2) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, 4—5.
3) Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, I, 1885 275.

шившій, по повелѣнію императрицы Екатерины II, запорожскую Сичь. Платя за зло добромъ, запорожцы предложили генералу отобѣдать съ ними; генералъ принялъ предложеніе, но долженъ былъ ѣсть кушанья изъ деревяннаго корыта и деревянною ложкой; генералу, обратившему вниманіе на такую простоту жизни козаковъ, запорожцы отвѣчали: „Хоть съ корыта, такъ досыта, а хочъ съ блюда, то до худа“ [1]), или, по другой версіи: „У насъ хоть съ корыта, такъ досыта, а вы съ блюда, за те худы“. Богатство и роскошь у запорожскихъ козаковъ, по справедливому замѣчанію историка Скальковскаго, выражались тѣмъ, что у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, преимущественно войсковыхъ старшинъ, имѣлись серебряныя чарки, посудцы, хрустальные креденцы для водки, добываемые ими на войнѣ или получаемые въ подарокъ въ столицѣ. Побывавъ въ столицѣ, одаренные тамъ вельможами, а иногда и самой царицей, запорожскіе старшины, по возвращеніи въ Сичь, иногда мѣняли свои кожухи на полушелковые и бархатные кафтаны, свои кабардинки на соболевыя шапки, деревянныя „черпала“ на серебряныя ложки, а самодѣлковыя „михайлыки“ на дорогія чарки; но все это относилось преимущественно къ старшинѣ, масса-же запорожскаго войска, по замѣчанію тогоже историка, держалась первобытной простоты, и вся роскошь ея выражалась въ обиліи рыбы, варениковъ, сырниковъ, галушекъ, мяса, горилки, меду, пива, подчасъ венгерскаго и крымскаго вина, но всего больше любимаго напитка вареной [2]).

Совсѣмъ иначе складывалась жизнь козаковъ-зимовчаковъ, жившихъ въ степи по зимовникамъ. Зимовниками въ Запорожьѣ назывались небольшіе хутора или фольварки, при которыхъ „жители имѣли скотъ и проживали съ нимъ всегда, а при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержали“; въ каждомъ зимовникѣ полагалось двѣ-три хаты для людского жилья и разныя хозяйственныя постройки для домоводства; хаты строились иногда изъ рубленнаго дерева, иногда изъ плетенаго хворосту или лозы, обмазанной глиной

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса 1842, 48, 49.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885. I, 275.

и сверху покрытой камышомъ; въ срединѣ каждая хата имѣла „кимна́ту“ и особый чуланъ или коморку; хаты ставились среди большого двора, обнесеннаго кругомъ или плетнемъ или частоколомъ; во дворѣ дѣлались разныя хозяйственныя постройки: скотные сараи, амбары, стайни или конюшни, лёхи или погреба, амшаники или зимнія помѣщенія для пчелъ [1]). По оффиціальному описанію 1769 года подъ зимовникомъ разумѣлась усадьба, въ которой было „хатъ три, одна съ кимнатами и двѣ коморы съ лёхомъ и стайнею рубленными; загородь, четыре двора частокольные изъ добраго рѣзаннаго дерева, досчаные. Близъ же одного зимовника мельница двокольная (на два поста-ва) и со всѣмъ въ ней хлѣбнымъ и прочимъ припасомъ. Въ ономъ зимовникѣ разной муки 13 да пшона 4 бочекъ, жита засѣковъ большихъ 2, и со всею экономическою посудою и вещьми. Овецъ 1.200, лошадей 127, изъ коихъ верховыхъ 12, кобылъ 85, неуковъ-лошаковъ разнолѣтнихъ 30, рогатаго скота—воловъ 120, быковъ разнолѣтнихъ 120, коровъ лучшихъ зъ гурта 54, остальныхъ скотинъ не считано [2]). Зимовники рѣдко строились однимъ хозяиномъ, а большею частью тремя-четырьмя; у каждаго хозяина зимовника было по 3—4 или по 5—6 козаковъ и при нихъ по 10 молодиковъ, а надъ всѣми „господарь“, т. е. управитель; въ зимнее время они были многолюднѣе, чѣмъ въ лѣтнее: зимой въ нихъ много приходило на прокормъ разнаго люда изъ городовъ, жившихъ подолгу въ зимовникахъ; въ лѣтнее-же время такой людъ оставался въ зимовникахъ недѣлю или двѣ, потомъ уходилъ изъ одного въ другой, изъ другого въ третій зимовникъ [3]). Зимовники разбросаны были большею частію по берегамъ рѣкъ, по островамъ, балкамъ, оврагамъ и байракамъ; въ нихъ жили или семейные запорожцы, или люди, зашедшіе изъ Украйны, Литвы и Польши, или холостые, оставившіе свою сичевую службу, „абшитованные“ старшины, абшиты, удалявшіеся въ степь со своею челядью, хлопцами, мальцами и найми-

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и др., VII, 182, пр. 63; XIV, 369; Устн. пов. Коржа, 12.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 199.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182, пр. 63.

тами [1]). Оффиціально зимовные козаки назывались сиднями или гнѣздюками, въ насмѣшку баболюбами и гречкосіями; они составляли поспильство, т. е. подданное сословіе собственно сичевыхъ козаковъ. Турки называли запорожцевъ, живших хуторами по границѣ между Запорожьемъ и владѣніемъ Оттоманской имперіи, почему-то именемъ „черунъ„ [2]). Гнѣздюки призывались на войну только въ исключительныхъ случаяхъ по особому выстрѣлу изъ пушки въ Сичи или по зову особыхъ гонцовъ-маштралировъ отъ кошевого атамана, и въ такомъ случаѣ, не смотря на то, что были женаты, обязаны были нести воинскую службу безпрекословно; въ силу этого, каждому женатому козаку вмѣнялось въ обязанность имѣть у себя ружье, копье и „прочую козачью збрую“, а также непремѣнно являться въ Кошъ „для взятья на козацство войсковыхъ приказовъ“. [3]); кромѣ воинской службы, они призывались для карауловъ и кордоновъ, для починки въ Сичи куреней, возведенія артиллерійскихъ и другихъ козацкихъ строеній [4]). Но главною обязанностью гнѣздюковъ было— кормить сичевыхъ козаковъ. Это были въ собственномъ смыслѣ слова запорожскіе домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ея; разводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ, заготовляли сѣно на зимнее время, устраивали пасѣки, собирали медъ, садили сады, воздѣлывали огороды, охотились на звѣрей, занимались ловлею рыбы и раковъ, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовыя станціи и т. п. [5]). Главную массу всего избытка зимовчани доставляли въ Сичь на потребу сичевыхъ козаковъ, остальную часть оставляли на пропитаніе самихъ себя и своихъ семействъ. Сохранившіеся до нашего времени сичевые архивные акты показываютъ, что̀ и въ какомъ количествѣ доставлялось изъ зимовниковъ въ Сичь: такъ, въ 1772 году, 18 сентября, послано было изъ

---

[1]) Устное повѣст. Коржа, 1842, 21, 22; Записки одес. общ. ист. и др., XIV, 397.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., XIV, 399.

[3]) Ѳеодосій, Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 109.

[4]) Чернявскій, въ Исторіи князя Мышецкаго, 83; Коржъ, 22.

[5]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 22.

паланки при Барвенковской-Стѣнкѣ восемь воловъ, три быка, двѣ коровы съ телятами и т. п. [1]).

При постоянномъ сношеніи сичевыхъ козаковъ съ козаками-зимовчаками между тѣми и другими выработались особаго рода условные пароли, термины и пріемы. Сичевые козаки, пріѣзжавшіе въ зимовникъ, не слѣзая съ коней, должны были прежде всего три раза прокричать: „Пугу! пугу! пугу!“. Хозяинъ, услышавъ крикъ, отвѣчалъ пріѣхавшимъ два раза: „Пугу! пугу!“ Пріѣхавшіе на этотъ двукратный отвѣтъ снова кричали: „Козакъ зъ лугу!“ Хозяинъ, недовольствуясь этимъ, черезъ окно спрашивалъ: „А зъ якого лугу, чи зъ Велыкого, чи зъ Малóго? Якъ зъ Велыкого, йды до кругу!“ Всмотрѣвшись во всадниковъ и убѣдившись, что то дѣйствительно сичевые козаки, хозяинъ зимовника, кричалъ имъ: „Вьяжите коней до ясель та просимо до госпóды!“ Тогда изъ хаты выскакивали хозяйскіе хлопцы и вводили козацкихъ коней въ конюшни, а самимъ гостямъ указывали ходъ до „господы“, т. е. до хаты. Гости сперва входили въ сѣни, клали тамъ на „тяжахъ“, т. е. на кабицѣ, свои ратища, затѣмъ изъ сѣней вступали въ хату, тамъ прежде всего молились на образа, потомъ кланялись хозяину и говорили: „Отамане, товариство, ваши головы!“ Хозяинъ, отвѣчая на поклонъ поклономъ, говорилъ: „Ваши головы, ваши головы“. Потомъ просилъ садиться пріѣхавшихъ гостей по лавкамъ и предлагалъ имъ разныя угощенія—напитки и кушанья, при чемъ обыкновеннымъ кушаньемъ была тетеря: если случался скоромный день, то варилась „тетеря до молока“; если же случался постный день, то варилась „тетеря до воды“. Погулявъ и весело и довольно нѣсколько дней, гости, собираясь въ отъѣздъ, благодарили ласковаго хозяина за угощеніе словами: „Спасыби тоби, батьку, за хлибъ, за силь! Пора уже по куренямъ разъизжаться до домивки; просымо, батьку, и до насъ, колы ласка“! „Прощайте, паны-молодци, та выбачáйте: чимъ багати, тимъ и ради! Прóсымо не погнúватьця“. Послѣ этого гости выходили изъ хаты, хлопцы подавали имъ накормленныхъ, напоенныхъ и осѣд-

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 323.

ланныхъ лошадей, и сичевики, вскочивъ на своихъ коней, уносились отъ зимовника [1]).

Еще проще была жизнь козаковъ по бурдюгамъ. Бурдюгами, отъ татарскаго слова „бурдюгъ“, что значитъ вывороченная цѣликомъ шкура животнаго, просмоленная и употребляемая какъ сосудъ для жидкости, у запорожскихъ козаковъ назывались одиночныя, безъ всякихъ обыкновенныхъ прибавочныхъ построекъ, землянки, кое-гдѣ разбросанныя по безлюдной и глухой степи запорожскихъ вольностей; въ нихъ жили совершенно одинокіе козаки, искавшіе полнѣйшаго уединенія и отъ бурной сичевой, и отъ тяжелой семейной хуторской жизни. Бурдюги дѣлались слишкомъ просто и незатѣйливо: въ выкопанной въ землѣ ямѣ ставились четыре стѣны изъ плетня, вокругъ стѣнъ нагорталась земля, сверху дѣлалась крыша, а все это вмѣстѣ снаружи обмазывалось глиной и кизякомъ, и обставлялось кураемъ; въ стѣнахъ пропускались отверстія для небольшихъ, круглыхъ, какъ тарелочки, окошечекъ, застекленныхъ зеленымъ и рябенькимъ съ камешками стекломъ и состоящихъ изъ круглой рамки въ четыре щепочки. Внутри бурдюга не было ни печки, ни дымаря: печку замѣнялъ мечетъ, на которомъ хлѣбъ пекли, да кабиця, на которой пищу варили; оба дѣлались изъ дикаго камня, легко накалялись, оттого скоро согрѣвали бурдюгъ и въ зимнее время совершенно заставляли забывать и жестокій холодъ, и страшныя вьюги. Въ нѣкоторыхъ бурдюгахъ встрѣчалась изрѣдка кое-какая обстановка, въ видѣ скамей, оружія, размалеванныхъ подъ золото образовъ и недорогихъ килимовъ [2]). Бурдюги никогда не замыкались и потому всегда и для всѣхъ были открыты. Когда хозяинъ бурдюга уходилъ куда-нибудь въ степь, то онъ, мало того, что оставлялъ незапертымъ свой бурдюгъ, а еще клалъ на столѣ продукты для пищи. Оттого, кто хотѣлъ, тотъ и заходилъ въ бурдюгъ. Вотъ это бродитъ, бывало, какой-нибудь человѣкъ по степи и захочется ему ѣсть. Видитъ онъ, стоитъ бурдюгъ; сейчасъ-же забрался въ него, нашелъ тамъ казанъ,

---

1) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 30—31.

2) „Килимъ“—персидское слово, по-русски значитъ „коверъ“.

пшено, сало или рыбу, выкресалъ огня, развелъ „багаття“, сварилъ себѣ обѣдъ, сѣлъ и съѣлъ его; а послѣ обѣда напился воды да еще легъ и отдохнулъ. А придетъ хозяинъ, то онъ встрѣтитъ гостя, точно отца, ибо только и родни ему на широкой степи, что захожій человѣкъ. Если же гость не успѣетъ увидѣться съ хозяиномъ бурдюга, то, поѣвъ, напившись и отдохнувши, онъ дѣлаетъ маленькій крестикъ изъ дерева, ставитъ его среди бурдюга, чтобъ зналъ хозяинъ, что у него былъ захожій человѣкъ, да тогда и идетъ съ Богомъ, куда ему надо [1]).

Проводя молодые годы своей жизни въ кругу сичевыхъ козаковъ, среди пирушекъ, веселья и разгула, а еще больше того въ жестокой и упорной борьбѣ съ непріятелями различныхъ вѣръ и народностей, запорожецъ, подъ конецъ, видя приближеніе грядущей во-очію старости и чувствуя себя уже болѣе неспособнымъ ни къ войнѣ, ни къ разгульной жизни, нерѣдко уходилъ „въченьци“, т. е. въ монахи какого-нибудь ближайшаго или дальняго монастырей—Самарскаго, Мотронинскаго, Межигорскаго, Аѳонскаго, и тамъ оканчивалъ послѣдніе дни своей жизни. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что бывшій кошевой атаманъ Филиппъ Ѳедоровъ, „подякувавъ Сичь за панство“, удалился въ 1754 году въ Самарско-Николаевскій монастырь и умеръ тамъ въ 1795 году ста одного года отъ рожденія. Большею частью уходилъ запорожецъ изъ Сичи внезапно и безъ всякой огласки: никто не зналъ, когда онъ исчезалъ и гдѣ дѣвался; только какъ-нибудь случайно открывали какого-нибудь схимника въ пустынѣ, въ лѣсу или въ береговой пещерѣ, питавшагося тамъ одной просфорой, подвизавшагося въ постѣ и молитвѣ, переносившаго съ необыкновенною твердостью всяческія невзгоды, но потомъ умиравшаго и оставлявшаго въ своемъ убѣжищѣ, между рубищами, выданный изъ Коша запорожскаго аттестатъ такому-то козаку, за участіе его въ неоднократныхъ походахъ противъ непріятелей.

Но иногда этотъ уходъ „въ ченьцú“ дѣлался торжествен-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, С.-Петербургъ, 1888, II, 17, 18.

но, на виду у всѣхъ, и сопровождался гомерическимъ весельемъ и грандіозной попойкой. Это называлось „прощаніемъ козака съ свѣтомъ“. Въ этомъ случаѣ старый запорожецъ, отправлявшійся въ монастырь „спасатися“, прежде всего выряжался въ самое дорогое платье, и навѣшивалъ на себя блестящее оружіе; затѣмъ набивалъ всѣ свои карманы и свой кожаный чересъ [1]) чистыми червонцами, нанималъ музыкантовъ, закупалъ нѣсколько бочекъ „пьяного зилья“, а до того „зилья“ полные возы всякой провизіи, и отправлялся въ какой-нибудь монастырь, чаще всего въ Межигорскій Спасо-Преображенскій въ Кіевѣ „спасатыся“ [2]). Музыка ударяла „веселои“, и компанія трогалась въ путь. Тутъ всякъ, кто изъявлялъ свое желаніе провожать прощальника до монастыря, пилъ, ѣлъ на его счетъ и танцовалъ; впереди всѣхъ на прекрасномъ боевомъ конѣ несся самъ прощальникъ „сивоусый“; нерѣдко и онъ сходилъ съ коня, пилъ, ѣлъ и пускался „на-въ-присядки“. Всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ онъ приглашалъ въ свою компанію, угощалъ напитками и предлагалъ всевозможныя закуски. Если онъ увидитъ на своемъ пути возъ съ горшками, немедленно подскакиваетъ къ нему, опрокидываетъ его вверхъ колесами, и вся веселая компанія его тотчасъ подбѣгаетъ къ горшкамъ, пляшетъ по нимъ и разбиваетъ въ дребезги. Если онъ завидитъ возъ съ рыбой, также подскакиваетъ къ нему и опрокидываетъ вверхъ колесами, а всю рыбу разбрасываетъ по площади и приговариваетъ: „Ижьте, люде добри, та поминайте прощальника!“ Если онъ наскочитъ на „перѣкупку“ съ бубликами, то также забираетъ у нея всѣ бублики и раздаетъ ихъ веселой компаніи. Если попадется ему лавка съ дегтемъ, онъ тотъ-же часъ скачетъ въ бочку съ дегтемъ, танцуетъ въ ней и выкидываетъ всевозможные „выкрутасы“. За всякій убытокъ или шкоду платитъ потерпѣвшимъ червонцами, разбрасывая ихъ вокругъ себя „жменями“.

---

1) Чересъ (отъ слова „черезъ, чрезъ“)—кожаный, толстый, на подкладкѣ, шириною въ ладонь, поясъ для храненія денегъ, или застегивавшійся пряжкою, или замыкавшійся замкомъ: Записки моск. археол. общ., 1874, т. IV, в. III, матеріалы, 28.

2) Межигорскій монастырь въ 18 верстахъ вверхъ отъ Кіева, на правомъ берегу рѣки Днѣпра.

Такъ добирается прощальникъ со своей компаніей до самаго монастыря; тутъ компанія его останавливается у стѣнъ святой обители, а самъ онъ кланяется собравшемуся народу на всѣ четыре стороны, проситъ у всѣхъ прощенія, братски обнимается съ каждымъ, и, наконецъ, подходитъ къ воротамъ монастыря и стучитъ въ нихъ:

— Кто такой?

— Запорожець!

— Чесо ради?

— Спасатися!

Тогда ворота отпираются, и прощальника впускаютъ въ обитель, а вся его веселая компанія, съ музы́ками, горилка́ми, пива́ми и меда́ми остается у ограды монастыря. Самъ же прощальникъ, скрывшись за стѣной монастыря, снимаетъ съ себя чересъ съ оставшимися червонцами, отдаетъ его монахамъ, сбрасываетъ дорогое платье, надѣваетъ грубую власяницу и приступаетъ къ тяжелому, но давно желанному „спасенію“ [1]).

Свята бра́ма одчинилась—,
Козака́ впусты́лы,
И зновъ бра́ма зачины́лась,
На викъ зачины́лась
Козакови“...

Не всѣ, конечно, изъ престарѣлыхъ запорожцевъ оканчивали свою жизнь въ монастыряхъ; большинство умирало тамъ, гдѣ жило, причемъ, если козакъ умиралъ въ Сичи то его хоронили на особо отведенномъ при каждой Сичи кладбищѣ; если онъ умиралъ въ зимовникѣ или бурдюгѣ, его хоронили гдѣ-нибудь на склонѣ глубокой балки, у устья рѣки, близъ живописнаго озера или среди открытой и возвышенной степи; нерѣдко надъ могилой умершаго насыпали большой курганъ „для памяти знатнаго человѣка“ [2]), оттого и до сихъ поръ поется въ козацкихъ пѣсняхъ:

„Винъ взявъ соби́ за жи́ночку,
Высо́кую моги́лочку, зеле́ную доли́ночку“.

---

1) Обычай прощанія съ свѣтомъ запорожца художественно воспроизведенъ въ извѣстномъ сочиненіи П. А. Кулиша Чорна Рада, Спб., 1860, 90—94.

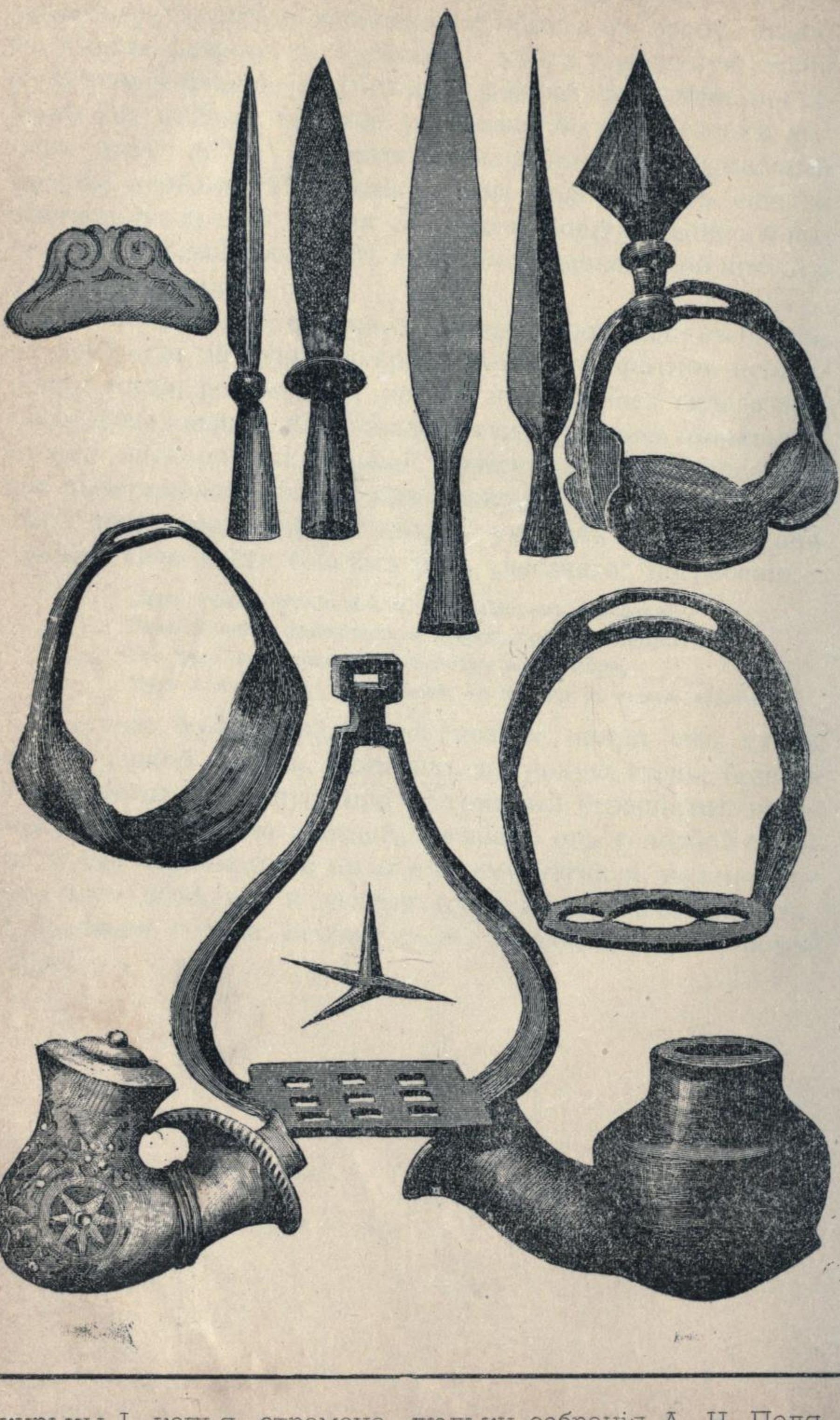
2) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78.

Умершихъ хоронили въ полномъ козацкомъ убранствѣ: жупанѣ, каптанѣ, сапьянахъ, шапкѣ и при оружіи, въ сосновыхъ, дубовыхъ и вербовыхь гробахъ; въ гробъ ставили иногда фляжку съ горилкою, клали черепяную люльку и приговаривали при этомъ: „А ну́-мо, това́риши, поста́вимъ ёму пля́шку горилки у го́ловы, бо покійнычокъ любо́въ таку́ іи!“... Поверхъ могилы выводили каменный крестъ, нерѣдко сдѣланный самимъ покойникомъ еще за живота; на крестѣ дѣлали соотвѣтствующую надпись и выставляли бѣлый флагъ, въ знакъ безукоризненной чистоты умершаго рыцаря.

Большею частью, однако, запорожцы погибали въ бояхъ, на морѣ или на сушѣ, во время походовъ противъ непріятелей; тогда, разумѣется, козаку приходилось складывать свою „головоньку“, гдѣ попало; если случались товарищи, то они на́скоро выкапывали могилу саблями, землю изъ нея вычерпывали полами или шапками и хоронили умершаго товарища; если-же козакъ умиралъ одинъ, то онъ слагалъ свои кости совсѣмъ безъ „честнаго“ погребенія:

„Якъ козака ту́ркы вбы́ли, пидъ я́воромъ положи́ли,
Пидъ я́воромъ зелене́нькимъ лежитъ коза́къ молоде́нькій;
Его тило почорни́ло, а видъ ви́тру поструши́ло,
Надъ нимъ ко́ныкъ зажуры́вся, по коли́но въ зе́млю вбы́вся“.

Еще того хуже приходилось козаку, когда онъ, уходя изъ турецкой неволи, попадалъ въ дикую степь, безводную и безплодную пустыню и, томимый страшнымъ голодомъ и мучительною жаждой, погибалъ отъ голодной смерти; тогда чернокрылые орлы очи ему клевали, волки степные мясо объѣдали и желтыя кости по шляхамъ таскали, а козацкая голова, между глазъ, травой-муравой проростала.



Якирцы I. копья, стремена, люльки собранія А. Н. Поля.

Церковное устройство у запорожскихъ козаковъ.

Отличительною чертою характера запорожскихъ козаковъ была ихъ глубокая религіозность; черта эта объясняется самымъ складомъ жизни ихъ: ничто такъ, говорятъ, не развиваетъ въ человѣкѣ религіознаго чувства, какъ постоянная война. „Кто въ Севастополѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился... Вѣра въ промыслъ Божій есть единственный якорь спасенія во всѣхъ случаяхъ, какъ ни казалась бы неизбѣжною опасность, какъ бы ни близко была смерть. Сколько разъ приходилось слагать въ памяти молитвы, которымъ въ самомъ раннемъ возрастѣ обучала мать. Такъ на полѣ брани онѣ припоминались и перечитывались со всею точностію“ [1]). Такъ говорили непосредственные участники знаменательной севастопольской войны 1854, 1855, 1856 годовъ; такъ могли съ полнымъ правомъ говорить о себѣ и запорожскіе козаки XV, XVI, XVII, XVIII вѣковъ. Оттого при всей патріархальной простотѣ и при всей видимой разгульной жизни запорожскіе козаки всегда отличались глубокою религіозностью и искренностью, чуждою всякаго ханжества, набожностью. Защита предковской вѣры и православной церкви составляла основу всей ихъ жизни: на этой почвѣ, даже забывъ свою національную вражду, они никогда не могли забыть оскорбленія своей святыни. Такъ, живя „на степяхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ“ и пользуясь протекціей крымскаго хана, они открыто поносили, даже проклинали татаръ, за сожженіе ими козацкой святыни, Самарско-Николаев-

---

[1]) Сборникъ рукописей о севастопольской оборонѣ, Спб., 1872, II, 456; III, 45.

скаго монастыря; въ это-же время, въ 1710 году, находясь въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, запорожскіе козаки, заключая договоръ съ украинскими козаками, въ первомъ пунктѣ поставили вопросъ о православной вѣрѣ: такъ какъ между тремя богословскими добродѣтелями вѣра первенствуетъ, то съ вѣры святой православной и надо начинать всякое дѣло соглашенія; народъ козацкій съ давнихъ поръ, во все время пребывая „ненарушимо“ въ православной вѣрѣ, никогда не колебался иновѣріемъ; онъ началъ войну, вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, „опричь правъ и вольностей войсковыхъ, за вѣру святую православную“, а по окончаніи той войны, не за инымъ чѣмъ и въ „протекцію государства московскаго удался“, какъ только для самаго „единовѣрія православнаго“; посему и новый гетманъ украинскій, Филиппъ Орликъ, обязанъ стараться и твердо стоять на томъ, чтобы „никакое иновѣріе въ Малую Россію ни отъ кого не было впроваженo“, чтобы иновѣрцамъ жить на Украйнѣ, а болѣе всего „зловѣрію жидовскому“, никогда не было дозволено и чтобы „вѣра единая восточнаго исповѣданія, за помноженіемъ хвалы Божіей, церквей святыхъ и цвѣченія въ наукахъ вызволённыхъ, яко кринъ въ терніи, межъ окрестными иновѣрными панствами, процвѣтала [1]). Также, живя подъ верховенствомъ польскаго правительства и пользуясь разными благами Рѣчи-Посполитой, запорожцы всею своею козацкою душою ненавидѣли ляховъ за то, что они были католиками, гонителями православной вѣры и распространителями уніи; слово „католи́къ“ даже сдѣлалось браннымъ словомъ на языкѣ козаковъ. Подъ вліяніемъ истинно религіознаго чувства, многіе изъ запорожскихъ козаковъ, чуждаясь веселой, шумной и вольной жизни, въ Сичи, уходили въ дремучіе лѣса, береговыя пещеры, рѣчныя плавни и тамъ, живя между небомъ и землей, „спасались о Христѣ“; на этомъ поприщѣ являлись истинные подвижники, высокіе молитвенники и ревностные исполнители заповѣдей евангельскихъ и преданій апостольскихъ, каковы, напримѣръ, войсковой асаулъ Дорошъ, простой козакъ Семенъ Ко-

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 320—322.

валь и другіе [1]). Многіе созидали въ своихъ зимовникахъ часовни, устраивали скиты, воздвигали молитвенныя иконы, отдѣляли въ собственныхъ жилищахъ особыя „божницы“, помѣщали въ нихъ иконы въ дорогихъ шатахъ и богатыхъ, кіотахъ, ставили передъ ними, неугасимыя лампады, зажигали отъ собственныхъ трудовъ восковыя свѣчи, курили дорогимъ ѳиміамомъ и, нерѣдко, будучи грамотными, пѣли акаѳисты, произносили молитвы, читали житія святыхъ и тѣмъ привлекали къ себѣ неграмотныхъ, но набожныхъ и усердныхъ въ христіанской вѣрѣ другихъ своихъ сотоварищей. Многіе, особенно изъ войсковой старшины, какъ напримѣръ, Малашевичъ, Калнишевскій, Колпакъ, Третьякъ, Рудь, Шульга и другіе, держали при себѣ греческихъ и славянскихъ монаховъ, пользовались ихъ добрыми совѣтами и старались жить, согласно указаніямъ этихъ носителей слова божія. Многіе, какъ напримѣръ, іеромонахъ Паисій, монахъ Поликарпъ, козаки Андрей Хандалей, Филиппъ Раздора и другіе, посвящали всю свою жизнь единственно выкупу изъ далекой неволи несчастныхъ христіанъ, съ опасностію жизни проникали въ страшный городъ Кафу, теперешнюю Ѳеодосію, торговавшій „человѣческою неволею“, пробирались въ самую столицу крымскихъ хановъ, Бахчисарай, и даже въ резиденцію турецкихъ султановъ, Константинополь; тутъ, скитаясь подъ видомъ мусульманскихъ нищихъ, слѣпцовъ, калѣкъ и убогихъ, собирали свѣдѣнія о несчастныхъ невольникахъ христіанскихъ и, то выкупали ихъ на свободу за деньги, то тайкомъ уводили изъ неволи „на я́сни зо́ри, на ты́хи воды, у край весе́лый, мижъ мыръ хреще́ный“. Многіе жили лишь для того, чтобы отбивать христіанскій „ясырь“ у хищныхъ татаръ, ежегодно уводимый тысячами, даже десятками тысячъ изъ Украйны въ далекія области Малой Азіи, Индіи, Египта и другихъ отдаленныхъ странъ; они залегали по глубокимъ балкамъ, прятались по сторонамъ проѣзжихъ дорогъ, скрывались по чащамъ густыхъ лѣсовъ и, зорко подстерегая татарскіе отряды, внезапно нападали

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 60; Матеріалы, Екатеринославъ, 1880,1, 492.

на нихъ, отнимали изъ рукъ дикихъ враговъ несчастныхъ невольниковъ, которыхъ потомъ на собственный счетъ лѣчили, давали одежду, снабжали продовольствіемъ и возвращали на родину; этими подвигами заслужили историческую извѣстность въ особенности козаки Хижнякъ, Шульга и Рудь, изъ коихъ послѣдній за свои высокіе христіанскіе подвиги получилъ награду въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и основалъ слободу Николаевку-Рудеву на рѣчкѣ Нижней-Терсѣ, въ бывшей паланкѣ самарской.

Побуждаемые тѣмъ-же религіознымъ чувствомъ, запорожскіе козаки два раза въ каждомъ году мирнаго времени отправлялись пѣшкомъ „на прощу“, т. е. на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ монастыри: Самарскій [1]), Мотронинскій, Кіевопечерскій, Межигорскій, Лебединскій и Мошенскій: въ первый разъ осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, послѣ обычныхъ лѣтнихъ занятій—рыболовства, коневодства, скотоводства, овцеводства и звѣроловства, въ другой разъ передъ постомъ на масляницу; въ послѣднемъ случаѣ благочестивые паломники оставались въ святыхъ обителяхъ весь постъ до Пасхи и въ теченіи этого времени говѣли, исповѣдывались и пріобщались. Святость монашеской жизни и сознаніе всей суеты собственной жизни въ Сичи заставляли многихъ козаковъ навсегда оставаться въ этихъ монастыряхъ [2]) и даже уходить въ именитые монастыри дальнихъ странъ, каковы—греческій Афонъ и молдавская Драгомирна, „гдѣ большая часть монашествующихъ была отъ россійскаго роду, наипаче-же отъ православно-именитыя страны запорожскія“ [3]). Иногда-же въ монастыри притекали козаки по особо важнымъ случаямъ, когда давали, напримѣръ, обѣтъ послужить Богу и инокамъ за спасеніе своей жизни отъ явной смерти: такъ въ „Тератургимѣ“ кіевопечерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, жившаго въ началѣ XVII вѣка, разсказывается случай, какъ запорожцы, застигнутые однажды страшною бурею на Черномъ морѣ, обратились съ горячею молитвою къ Богу объ отвращеніи отъ нихъ грозившей бѣды, за что обѣщали по-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 92.

[2]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, I ,275, 281.

[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса 1885, I, 138.

служить нѣсколько дней инокамъ святой Кіевопечерской обители и, когда опасность миновала, дѣйствительно сдержали свой обѣтъ, исполняя черныя работы въ монастырѣ въ теченіи двухъ недѣль [1]). Въ силу того-же религіознаго чувства запорожскіе козаки старались держать себя какъ можно дальше отъ раскольниковъ и жидовъ; оттого за все время своего болѣе, чѣмъ двухъ-сотъ-лѣтняго историческаго существованія они не знали въ своей средѣ ни раскола, ни лжеученія и всячески старались объ искорененіи жидовскаго „зловѣрія“.

Другія черты общей и частной жизни запорожскихъ козаковъ даютъ много примѣровъ истинно религіозной жизни ихъ. Такъ, напримѣръ, нигдѣ съ такимъ уваженіемъ не относились къ духовенству, какъ въ Запорожьѣ: умный, образованный и благочестивый архимандритъ Владиміръ Сокальскій въ самый рѣшительный моментъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, во время атакованія Сичи русскими войсками. въ 1775 году, своимъ вліяніемъ и авторитетомъ подѣйствовалъ на нихъ не поднимать оружія даже и противъ москаля: „Онъ хотя и недругъ, но все-же православной вѣры человѣкъ“. „Знавъ, панъ-отче що сказать!“... Въ обыкновенное время усердіе запорожскихъ козаковъ къ духовнымъ лицамъ простиралось до того, что Кошъ не только содержалъ ихъ на войсковой счетъ и не только щедро одѣлялъ, но даже особымъ ордеромъ на имя громадскихъ атамановъ приказывалъ раздавать овечью вóлну между семействами зимовчаковъ для пряжки ея на десятки и потомъ пряжу отсылать на сукно „къ одѣянію въ Самарскомъ монастырѣ послушниковъ и служителей, въ немъ находящихся“ [2]). Постоянныя посѣщенія божественныхъ службъ и всякихъ славословій запорожскими козаками, особенно людьми преклоннаго возраста, богатыя подачи инокамъ, частыя отписыванія козаковъ, въ виду близкой кончины, имущества въ пользу церкви и духовенства [3]), въ особенности-же безчисленныя пожертвованія и различнаго рода вклады, которые дѣлали запорожскіе ко-

---

[1]) Τερατουργήμα Athanasiu Kalnofoiskiego, Кіевъ, 1638, 166.

[2]) Θеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 161.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтіевича Коржа, Одесса, 1842, 40.

заки въ монастыри, сичевыя и приходскія церкви, русскія и греческія обители деньгами, книгами, церковными облаченіями, сосудами, иконами, крестами, хоругвями, плащаницами, привѣсками, золотыми и серебряными слитками, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, дорогими тканями, богатыми кораллами—все это свидѣтельствуетъ о большомъ усердіи запорожцевъ къ храму божію и чтимымъ православною церковью праздникамъ. Такъ, въ 1755 году запорожскій Кошъ, отправляя своего полковника въ Москву за получкою царскаго жалованья, сдѣлалъ ему порученіе заказать московскимъ мастерамъ серебряное паникадило 5 пудовъ вѣсомъ, 2 аршина вышиной; за спѣшнымъ отъѣздомъ полковника паникадило было сдѣлано въ Глуховѣ за 3.000 рублей, сумму громадную по тогдашнему времени, особенно если вспомнимъ, что все жалованье войска опредѣлялось тогда 4.660 рублями; объ этомъ паникадилѣ запорожцы писали гетману Кириллу Разумовскому, что оно обошлось имъ „въ немалой суммѣ“ и просили его дать для перевозки его изъ Глухова въ Сичь „для береженія на случай нападательства въ пути“ десять „оружейныхъ“ козаковъ [1]). Въ 1774 году запорожскій Кошъ для начальника сичевыхъ церквей, Владиміра Сокальскаго, возведеннаго, по волѣ императрицы Екатерины II, въ санъ архимандрита, сдѣлалъ дорогую митру, наперсный крестъ и опредѣлилъ выдать ему 300 рублей ежегоднаго жалованья, что составляло на наши деньги до 3.000 рублей; а черезъ годъ послѣ этого запорожскіе козаки хлопотали о томъ, чтобы „устроить въ своей покровской сичевой церкви золотые сосуды, искуснѣйшей и великолѣпнѣйшей работы“, подобно сосудамъ въ кіевопечерской обители. Не совмѣщая представленія о величіи божественнаго храма съ простою деревянною церковью въ Сичи, запорожскіе козаки рѣшили-было построить въ своей столицѣ каменную церковь изъ мрамора и тесоваго камня, взятыхъ ими въ развалинахъ старыхъ мечетей татарскихъ городовъ, но не суждено было тому исполниться вслѣдствіе паденія самаго Запо-

---

[1]) Изъ архива малороссійской коллегіи при харьковскомъ ун., № 1817, 1762 г., 31 іюля.

рожья. Усердіе запорожскихъ козаковъ къ храмамъ божіимъ и благотворительности простиралось далеко и за предѣлы ихъ вольностей. Такъ, въ кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ запорожскіе козаки содержали на свой счетъ больницу и шпиталь [1]). Послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій на собственный коштъ построилъ (1768) каменную церковь, во имя Петра и Павла, въ Межигорскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, двѣ деревянныя церкви въ городѣ Лохвицѣ (1763), въ честь Рождества Богородицы, съ дорогимъ въ 10.000 рублей иконостасомъ, и въ Ромнахъ (1764), во имя Покрова Богородицы, съ рѣзнымъ многоярусным позлащеннымъ иконостасомъ и съ богатыми въ серебряныхъ позлащенныхъ „раковинахъ“ или „шатахъ“ иконами; кромѣ того одну, также деревянную, во имя св. Троицы, церковь (1773) въ селѣ Пустовойтовкѣ, мѣстѣ собственной родины, куда вложилъ евангеліе въ 500 рублей стоимостью съ собственноручною на немъ подписью [2]). Тотъ же кошевой, по обѣту, посылалъ вклады въ церковь Гроба Господня въ Іерусалимѣ— чаши, дискосы, лжицы, звѣздицы, всѣ сдѣланные изъ серебра, снаружи позлащенныя. Войсковой судья Василій Тимофѣевичъ соорудилъ на собственный коштъ церковь во имя святаго великомученика Пантелеймона въ Кіевѣ, на Подолѣ Межигорскаго дворца, и на собственный-же коштъ содержалъ ее. Другіе козаки дѣлали вклады церковными вещами въ тотъ-же Межигорскій монастырь; такъ, кошевой Иванъ Бѣлицкій и какой-то запорожецъ Василій пожертвовали два серебряныхъ напрестольныхъ креста, а Ѳедоръ Лантухъ принесъ въ даръ, въ 1763 году, книгу Минеи [3]); козаки Софронъ и Тимоѳей Острый пожертвовали, въ 1769 году, два серебряныхъ креста съ собственными на нихъ надписями [4]). Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій, въ 1762 году, особою грамотою благодарилъ запорожскихъ козаковъ за усердіе къ храмамъ божіимъ въ Кіевѣ и просилъ позволенія собирать милостыни между запорожцами на

---

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 275.
[2]) Кіевская Старина, 1892, XXXVII, май, 225—275.
[3]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 285.
[4]) Филаретъ, Черноморская Николаевская пустынь, Харьковъ, 1856, 17.

благолѣпіе храма св. Софіи кіевской. Іеромонахъ Григорій св. Аѳонскаго монастыря приносилъ благодарность Кошу за „многія милости“ и извѣщалъ о благополучномъ возвращеніи своемъ изъ поѣздки по запорожскимъ мѣстамъ на святую гору. Архимандритъ Константинъ „царской и патріаршей“ греческой обители выражалъ глубокую признательность запорожскимъ козакамъ за присылку ими церковной утвари, облаченій и 2.500 рублей денегъ на монастырскія нужды [1]). Въ 1774 году, наканунѣ паденія Сичи, запорожцы послали архимандриту Межигорскаго монастыря, Иларіону, богато убранную, по малиновому бархату, митру [2]). Кромѣ перечисленныхъ примѣровъ почти каждый изъ простыхъ козаковъ, или избавившись отъ смерти на войнѣ, или излѣчившись отъ болѣзни дома, дѣлалъ посильный вкладъ въ храмъ божій серебряными крестиками, кружками, кубками, чарками, а болѣе всего металлическими подобіями сердецъ, рукъ, ногъ, глазъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ страдалъ, какъ больной человѣкъ; эти изображенія навѣшивались, при помощи цѣпочекъ или ленточекъ, на различные образа въ церквахъ и монастыряхъ, и въ безчисленномъ множествѣ сохранились до нашего времени. Кромѣ того, всякій умиравшій козакъ, если онъ имѣлъ икону, медаль, слитокъ золота, серебра и т. п., все это отписывалъ въ церковь и завѣщалъ вѣшать на иконостасѣ въ избранномъ имъ самимъ мѣстѣ.

Помимо отмѣченныхъ фактовъ религіозности запорожскихъ козаковъ, на это-же указываютъ и другія черты ихъ характера—обычай не казнить преступниковъ подъ великій постъ, начинать всякое важное дѣло послѣ молитвы, носить при себѣ „тѣльный“ крестъ съ изображеніемъ Покрова пресвятой Богородицы, архистратига Михаила, Николая чудотворца, вѣра въ спасительную силу этого креста во время „походовъ и баталій“; обычай записывать имена убитыхъ на брани въ синодики или помянники [3]), наконецъ, особое уваженіе къ людямъ, „письмо священное читающимъ

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 136—140.

[2]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, I, 283.

[3]) Въ синодикѣ Нехворощанскаго монастыря въ 1714 году записано 700 именъ запорожскихъ козаковъ: Эварницкій, Запорожье I, 107.

и другихъ ему научающимъ". Такъ, въ извѣстной козацкой думѣ „О бурѣ на Черномъ морѣ" разсказывается, что запорожскіе козаки никакъ не соглашались бросить въ море, какъ жертву для успокоенія разъяренной стихіи, Олексія Поповича, не смотря на искреннее желаніе послѣдняго:

„Ой, козаки́, па́ны-молодцы́, до́бре вы чини́те,—
Само́го мене́, Олексія Поповыча, визьми́те,
До моéи шы́и ка́минь биле́нькій прывьяжи́те,
Очи мо́и коза́цьки молоде́цьки черво́ною кыта́йкою запни́те,
У Чо́рне мо́ре самого́ мене́ спусти́те".
—„Ей, Олексію Попо́вычу, сла́вный лыцарю и пысарю!
Ты жъ свяге́ письмо́ чита́ешъ
И насъ, про́стыхъ козаки́въ, на все добро́ навча́ешъ,
Про шо жъ ты одъ насъ грихи́въ бо́льше ма́ешъ?"

Вспомнимъ, наконецъ, и тотъ военный кликъ, съ которымъ запорожскіе козаки обращались къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ и по происхожденію, жителямъ украинскихъ городовъ, передъ началомъ всякихъ походовъ, чтобы яснѣе видѣть, какое значеніе имѣла религія во всей жизни этихъ высокихъ поборниковъ предковской вѣры и истинныхъ рыцарей православной русской церкви: „Кто хочетъ за вѣру христіанскую быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти—приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь" [1]). Сами о себѣ запорожцы на этотъ счетъ говорили: „Отъ древнихъ временъ мы, войско запорожское, никакого иного намѣренія не имѣли, токмо единаго тогожде единомыслія и стоянія противъ непріятелей за сохраненіе церквей святыхъ и за цѣлость всего православнаго христіанскаго народа будучи, всегда радѣтельно и храбро во всѣхъ нашихъ походахъ, гдѣ Богъ по милости своей подати изволилъ, великій промыселъ на бусурманъ чинили и радѣти не переставали... Перси свои кровію непріятельскою обагряли, за вѣру православную заставляясь и славу безсмертную заробляя" [2]).

Однако, служа и душой и рукой православной вѣрѣ, за-

---

[1]) Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 68.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 444, 438.

порожскіе козаки вовсе не углублялись ни въ какія тонкости богословскаго и катехизическаго ученія,—они больше придавали значенія непосредственной вѣрѣ, основанной скорѣе на чувствѣ, нежели на разумѣ, и, живя въ постоянной военной тревогѣ, нерѣдко, въ силу, однакожъ, необходимости, удовлетворяли своимъ религіознымъ потребностямъ не такъ, какъ было должно, а какъ было возможно. Такъ, застигаемые много разъ неминуемою смертью во время походовъ по Черному морю и не имѣя при себѣ священника, передъ которымъ могли-бы покаяться въ своихъ грѣхахъ, они, по выраженію козацкой думы, „исповѣдывались Богу, Черному морю и своему атаману кошовому“. Эти обстоятельства нерѣдко навлекали на запорожцевъ несправедливые упреки въ безвѣріи и равнодушіи ихъ къ религіи. Такъ, извѣстный кіевскій митрополитъ XVII вѣка, Петръ Могила, называлъ печатно запорожскихъ козаковъ „ребеллизантами“, т. е. людьми неистовыми въ вѣрѣ, отступниками; православный панъ Адамъ Кисель, того-же вѣка, отзывался о нихъ, какъ о людяхъ „никакой вѣры — religionis nullius“; уніатскій митрополитъ Рутскій именовалъ ихъ людьми „безъ религіи—sine religione“, а думные дьяки московскіе 1594 года трактовали ихъ передъ посломъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихомъ Ласотою, „людьми, неимѣющими страха божія“ [1]). Въ наше время нѣкоторые изъ изслѣдователей южно-русской исторіи, въ особенности П. А. Кулишъ, тенденціозно умаляя заслуги запорожскихъ козаковъ передъ родною вѣрою и православною церковью, низводятъ ихъ въ этомъ отношеніи чуть-ли не на степень дикихъ варваровъ: они указываютъ примѣры хищничества со стороны козаковъ въ отношеніи православныхъ церквей и высшихъ духовныхъ лицъ, находятъ примѣры недовѣрія ихъ къ монахамъ, въ виду военныхъ походовъ [2]), выставляютъ на видъ существовавшее между ними суевѣріе считать вредоноснымъ для военнаго счастія

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1873, книга II, 269; Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1878, III, 6.

[2]) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1878, февраль, 201; Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 543.

присутствіе священника въ ихъ войскѣ [1]), а также приводятъ, какъ доказательство полнаго равнодушія запорожцевъ къ церкви, извѣстную, обыкновенно поющуюся на малорусскихъ свадьбахъ, пѣсню, въ которой шутливо говорится, что запорожцы такъ одичали, будто не въ состояніи различить „попа отъ козла, а церкви отъ скирты“.

„Слáвни хлóпци запорóжци
Викъ звикувáли—попá не выдáли,
Якъ забачúли тай у пóли цáпа,
Отаманъ кáже: „оцé, брáтци, шишъ, шишъ!“
Осавýлъ кáже: „що я й причащався!“
Слáвни хлóпци запорóжци
Викъ звикувáли, цéркви не выдáли;
Якъ забачúли тай у пóли скы́рту,
Отаманъ кáже: „отó, брáтци, цéрква!“
Осавýлъ кáже: „я въ ій сповидáвся“.

Но въ этихъ отзывахъ слышатся частію непониманіе истинной сущности жизни запорожскихъ козаковъ; частію такъ называемыя общія мѣста; частію представленія о вѣрующемъ человѣкѣ, какъ о такомъ, который долженъ жить по колокольному звону, согласно идеальной монашеской жизни, и всѣ свои отношенія къ Богу выражать постомъ и внѣшними знаками безъ участія сердца; частію - же неправильныя заключенія отъ единичныхъ и случайныхъ фактовъ къ общимъ явленіямъ. Такъ, если въ 1637 и 1638 годахъ запорожскіе козаки скрывали отъ духовенства цѣль своихъ походовъ, то это дѣлалось по свѣжему примѣру доноса одного православнаго монаха польскому правительству о замыслахъ козаковъ противъ поляковъ; но этотъ случай приводить, какъ примѣръ безбожности запорожскихъ козаковъ, такъ же странно, какъ упрекать всякій военный совѣтъ въ наше время о намѣренномъ сокрытіи всѣхъ плановъ войны въ виду предстоящей кампаніи.

Много разъ намъ случалось проѣзжать по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ, много разъ намъ приходилось видѣть мѣста столицы этихъ „низовыхъ рыцарей“, а также мѣста бывшихъ слободъ и зимовниковъ ихъ, и много разъ намъ приходилось убѣждаться, что сичевые

---

1) Археографическій сборникъ, С.-Петербургъ, I, 265.

козаки въ выборѣ мѣстъ для построенія своего „кишла“ руководились не только стратегическими соображеніями, но и художественнымъ, въ особенности-же религіознымъ чувствомъ. Стоитъ только бѣгло взглянуть на мѣста бывшихъ запорожскихъ Сичей и на различныя вещи церковнаго обихода, уцѣлѣвшія до насъ отъ времени запорожскихъ козаковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выискавъ какой-нибудь величественный островъ среди Днѣпра или высмотрѣвъ какой-нибудь возвышенный „рогъ“, т. е. мысъ на берегу рѣки, устроивъ въ немъ внѣшній, а изъ внѣшняго отдѣливъ внутренній кошъ, запорожскіе козаки выбирали въ послѣднемъ самое красивое и самое открытое мѣсто и на немъ прежде всего возводили церковь, чаще всего во имя Покрова пресвятой Богородицы, а потомъ уже сооружали другія, необходимыя для жилья, постройки. „Пусть красуется храмъ божій въ небесной высотѣ и пусть святыя молитвы несутся объ насъ прямо отъ земли до престола Господа Бога“. Въ самыхъ тяжкихъ положеніяхъ и печальныхъ событіяхъ церковь всегда составляла главнѣйшую заботу сичевыхъ козаковъ: когда въ 1709 году запорожскіе козаки бѣжали отъ „москаля“, то прежде всего захватили съ собой церковное добро.

Первая церковь, сколько объ этомъ можно думать, не имѣя, однако, на то прямыхъ указаній, существовала у запорожскихъ козаковъ около 1576 года, именно около того времени, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ имъ „городъ Терехтемировъ съ монастыремъ и перевозомъ да старинный же городокъ Самарь съ перевозомъ и землями въ гору Днѣпра по рѣчку Орель“ [1]). Старинный городъ Самарь или Старая-Самарь находился на правомъ берегу рѣки Самары, въ шести верстахъ выше впаденія ея въ рѣку Днѣпръ, какъ разъ противъ теперешняго села Одинковки или Куликова, Екатеринославской губерніи, Новомосковскаго уѣзда. Хотя изъ королевскаго универсала не видно, чтобы въ Старой-Самари въ 1576 году была церковь, но предположить „старинный“ городъ безъ церкви такъ-же

---

[1]) Академикъ Миллеръ думаетъ, однако, что городъ Самарь запорожцы получили позже, уже при Богданѣ Хмельницкомъ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

трудно, какъ старое имѣніе безъ какого бы то ни было жилья для владѣльца.

Такъ или иначе, но запорожскіе козаки, имѣя главнымъ центромъ своихъ поселеній городъ Старую-Самарь, уже около 1576 года обратили свое вниманіе на вѣковой дремучій лѣсъ, „дубовую товщу“, находившуюся въ 26 верстахъ выше города и здѣсь, на обширномъ островѣ, между рѣкою Самарою и ея рукавомъ Самарчикомъ, устроили первую въ своихъ вольностяхъ, а по теперешнему во всей Екатеринославской губерніи, небольшую деревянную церковку „съ шпиталемъ, звоницею и школою при ней“, во имя святителя и великаго чудотворца Николая, снабдили ее церковною утварью, богослужебными книгами, ризницей и выписали для юной церкви іеромонаховъ изъ кіевскаго монастыря, а въ 1602 году устроенную церковь обратили въ Самарско-Николаевскій-Пустынный монастырь и ввели въ немъ богослуженіе по чину греческаго Афонскаго монастыря [1]).

Съ этого времени и начинается исторія церкви въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго низового. Съ тѣхъ поръ запорожскіе козаки, заботясь о святости православной вѣры, разновременно въ теченіи всей своей исторической жизни устроили у себя около 44 церквей, не считая нѣсколькихъ часовенъ, скитовъ и молитвенныхъ иконъ, и открыто выступили на борьбу съ врагами за предковскую вѣру. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка такими врагами русской вѣры и народности объявило себя польское правительство и католическое духовенство. Тогда противъ насилій со стороны католическаго духовенства и гоненій польскаго правительства подняли свой голосъ именно запорожскіе козаки: въ 1632 году на общей войсковой радѣ, публично и торжественно, они рѣшили удалить изъ своей среды всѣхъ католиковъ, жившихъ среди низового православнаго товарищества; они не сдѣлали католикамъ никакого насилія, напротивъ того, выдѣлили изъ войскового скарба часть принадлежавшаго имъ добра, но велѣли имъ немедленно оставить предѣлы запорожскихъ вольно-

---

[1]) Θеодосій, Самарско-Николавскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 6.

стей. Однако, католики, можетъ быть, не желая разстаться съ вольною жизнью; можетъ быть, не желая возвращаться къ ненавистнымъ порядкамъ своей отчизны, рѣшились принять православную вѣру и навсегда остаться въ Запорожьѣ [1]).

Вмѣстѣ съ запорожцами выступилъ на защиту предковской вѣры и народныхъ правъ знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій. Онъ нашелъ пріютъ у запорожскихъ козаковъ въ ихъ Сичи на Микитиномъ-Рогѣ, получилъ отъ нихъ военную и денежную помощь и въ 1648 году, 8 мая, впервые нанесъ врагамъ православной вѣры полякамъ страшное и роковое пораженіе въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, на рѣчкѣ Желтыхъ-Водахъ, впадающей въ рѣку Ингулецъ [2]), теперешняго Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Въ этомъ-же году, послѣ побѣды надъ поляками при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ, Хмельницкій прислалъ на сичевую церковь въ Микитиномъ-Рогѣ и ея священнослужителей 300 талеровъ подарокъ [3]). Такъ микитинская церковь была второю послѣ самарско-николаевской въ запорожскомъ краѣ; нужно думать, однако, что эта вторая церковь была не постоянная, а временная, подвижная.

Послѣ цѣлаго ряда битвъ, послѣдовавшихъ за первыми пораженіями поляковъ, запорожскіе козаки, въ 1654 году, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками и народомъ, поступили въ подданство русскаго царя, и тогда ихъ православная церковь нашла защитниковъ въ лицѣ высшихъ іерарховъ русской церкви. Въ это время, именно въ 1656 году, въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, въ селеніи Старомъ-Кодакѣ, устроена была третья церковь, во имя архистратига Михаила. Церковь эта была походная, привезенная изъ запорожской Сичи и устроенная, по распоряженію Коша, для учрежденной впервые въ Старомъ-Кодакѣ береговой стражи изъ охочихъ козаковъ-лоцмановъ; при ней былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [4]).

---

[1]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 33.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 7.
[3]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 74.
[4]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 71.

Въ наставшую, послѣ присоединенія Украйны и Запорожья къ Россіи войну русскихъ съ поляками и ихъ союзниками, турками и татарами, запорожскіе козаки принимали самое дѣятельное участіе, воюя противъ недруговъ православной христовой вѣры. За это имъ жестоко отомстили полудикіе крымцы: въ отсутствіе запорожцевъ они прошли съ огнемъ и мечомъ изъ края въ край все Запорожье, испепелили козацкія жилища, разорили главныя ихъ займища, захватили съ собой массу всякаго добра и, что всего дороже было для запорожскихъ козаковъ, истребили огнемъ главную святыню ихъ, только-что возникшій Самарско-Николаевскій монастырь. Съ невыразимою грустью возвращались запорожцы послѣ трудныхъ походовъ въ свои родныя мѣста; видъ страшныхъ разрушеній, оставленныхъ повсюду татарами, въ особенности же въ Самарскомъ монастырѣ, наполнилъ негодованіемъ ихъ сердца; они не могли забыть разрушенія святыни татарами даже спустя 55 лѣтъ послѣ того, когда сами жили подъ протекціей крымскаго хана.

Занявъ родныя пепелища, запорожскіе козаки въ мартѣ 1659 года, послѣ общей войсковой рады на Романковомъ курганѣ, выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ теперь село Романково, Екатеринославкаго уѣзда, рѣшили построить, четвертую по счету церковь, на новой своей Сичи, Чортомлыцкой, во имя Покрова пресвятой Богородицы. Церковь эта была окончена въ сентябрѣ, а богослуженіе въ ней начато перваго числа октября, въ день храмового праздника Сичи. Вслѣдъ за построеніемъ церкви въ Сичи запорожскіе козаки взялись за возобновленіе разрушенной татарами церкви въ Самарскомъ монастырѣ: скоро на мѣстѣ сгорѣвшей маленькой церкви явилась большая и лучшая, попрежнему „съ шпиталемъ, звоницей и школой“; въ 1672 году она была торжественно освящена и вслѣдъ затѣмъ открыта богослуженіемъ. Спустя 5—6 лѣтъ послѣ этого, въ періодъ времени отъ 1677 по 1678 годъ, къ рѣкѣ Самарѣ хлынула съ одной стороны масса православныхъ поселенцевъ Заднѣпровья, нестерпѣвшихъ страшныхъ насилій со стороны польскихъ властей, съ другой—масса козаковъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Черкасъ, Канева и Чигирина послѣ разоренія ихъ во время русско-турецкой и русско-козацкой

войнъ; и тѣ другіе между прочимъ были поселены близъ Самарско-Николаевскаго монастыря [1]).

Конецъ XVI столѣтія и начало XVII во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятны были для православной церкви запорожскаго края: это время въ исторіи низовыхъ козаковъ ознаменовано было большими смутами и тревогами: въ 1679 году турецкія войска приходили на Запорожье и ниже Сичи „смуровали“ для себя двѣ крѣпости; тогда запорожцы принуждены были уйти изъ Сичи въ луга; съ 1687 года открылись крымскіе походы князя Василія Голицына, продолжавшіеся по 1689 годъ; тогда русскія войска шли черезъ вольности запорожскихъ козаковъ и устроили тамъ, въ Старой-Самарѣ, базисъ для отраженія татаръ, такъ называемую Новобогородицкую крѣпость, послужившую поводомъ къ недовольству и открытому бунту со стороны запорожцевъ на русское правительство, видѣвшихъ въ построеніи крѣпости посягательство на ихъ собственную свободу; въ 1692 и 1693 году на Украйнѣ дѣйствовалъ бывшій канцеляристъ Петрикъ, поднявшій все Запорожье и Крымъ противъ украинскихъ старшинъ и гетмана Ивана Мазепы; въ 1694 году запорожскіе козаки ходили подъ крымскій городъ Перекопъ; въ слѣдующемъ году принимали участіе въ азовскихъ походахъ Петра противъ турокъ, а въ 1701 году ходили походомъ къ городамъ Минску и Пскову противъ шведовъ [2]). Наконецъ, ко всему этому запорожскіе козаки въ это-же время испытали ужасныя бѣдствія отъ засухи, неурожая, саранчи и мора [3]). Все это, вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, благопріятно отозваться на положеніи возникшей церкви въ запорожскомъ краѣ. Отсюда неудивительно, почему за весь этотъ періодъ историческаго существованія козаковъ къ четыремъ возникшимъ церквамъ—самарской, микитинской, старокодацкой и чортомлыцкой—прибавилась лишь одна, въ запорожскомъ селеніи Лычковомъ, на лѣвомъ берегу Орели, въ 55 верстахъ отъ Самарско-Николаевскаго монастыря, существовавшая уже въ 1706 году [4]).

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 36
[2]) Лѣтопись Самовидца, 148, 172—175, 184, 192, 195, 202, 204.
[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 149, 162, 164, 174, 178 и др.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы Екатеринославъ, 1880, I, 324.

Но еще болѣе неблагопріятнымъ временемъ для запорожской церкви былъ періодъ времени отъ 1709 по 1734 годъ. Въ 1709 году запорожскіе козаки, съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ во главѣ, увлеченные примѣромъ малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы, оставили подданство русскому царю и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Фортуна военнаго счастья оказалась на сторонѣ русскаго царя, и запорожцы жестоко поплатились за свои разсчеты: Сичь ихъ была „зруйнована“, а вмѣстѣ съ ней и сичевая покровская церковь разрушена; другія церкви хотя и остались нетронутыми, но духовенство разошлось отъ нихъ частію въ Бѣлградъ, частію въ Кіевъ, и только нѣкоторая часть его осталась на своихъ мѣстахъ и оплакивала печальную участь своего войска. Между тѣмъ запорожскіе козаки, уходя „на поля татарскія, кочевья агарянскія“, успѣли захватить съ собой лишь походныя церкви, „холщевыя и клеенчатыя“, напоминавшія собой палатки изъ складныхъ ширмъ [1]), а духовенства своего на первыхъ порахъ совсѣмъ лишились: къ нимъ приходили духовныя лица изъ Польши, Аѳона, Іерусалима и Константинополя, надъ которыми настоятелемъ былъ архимандритъ Гавріилъ, родомъ грекъ, поставленный греческимъ архіереемъ; только съ 1728 года греческаго архимандрита смѣнилъ русскій священникъ Дидушинскій. Вообще, въ теченіи времени отъ 1709 по 1734 годъ запорожскіе козаки особенно часто входили въ сношеніе съ греческимъ духовенствомъ: они нѣсколько разъ посылали отъ себя денежные подарки цареградскому патріарху и въ свою очередь не разъ отъ него получали дорогіе подарки. Таковы, напримѣръ, тѣ великолѣпныя, златотканныя ризы и превосходной работы, арабскаго дерева, съ инкрустаціей аналой, по преданію, принадлежавшій знаменитому проповѣднику Іоанну Златоусту, которыя и въ настоящее время хранятся въ соборной церкви Никополя, мѣстѣ бывшей нѣкогда Микитинской Сичи.

Въ это самое время, покинутая запорожцами главная святыня ихъ края, Самарско-Николаевскій монастырь, въ те-

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 39.

ченіе восьми лѣтъ оставалась въ запустѣніи. Къ счастью, однако, для него въ то время всѣмъ краемъ, отъ рѣки Самары вверхъ, завѣдывалъ миргородскій полковникъ, энергичный и находчивый, Даніилъ Павловичъ Апостолъ съ сыномъ Павломъ Даниловичемъ. Въ 1717 году Апостолъ воспользовался приходомъ изъ Заднѣпровья въ оставленныя запорожцами мѣста ста человѣкъ козаковъ, гонимыхъ поляками за православную вѣру, поселилъ ихъ близъ Самарскаго монастыря и обязалъ всячески заботиться о возстановленіи запорожской святыни. Въ слѣдующемъ году къ первымъ выходцамъ изъ-за Днѣпра пришли вторые; полковникъ Апостолъ воспользовался и новыми пришельцами: онъ поселилъ ихъ въ урочищѣ Могилевѣ, на правомъ берегу рѣки Орели, впадающей въ Днѣпръ, на 90 верстъ выше рѣки Самары. Въ 1721 году въ Самарскій монастырь прибыло пять монаховъ изъ Трехтемировскаго кіевской епархіи монастыря; вслѣдъ за монахами явился въ Самарскую обитель, по распоряженію Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ качествѣ настоятеля, іеромонахъ Іоанникій, съ нѣсколькими монахами, съ цѣлью возстановленія покинутаго запорожцами монастыря. По зову Іоанникія къ стѣнамъ обители стали собираться православные христіане, жившіе по Самарѣ, и всѣми средствами содѣйствовать благимъ начинаніямъ настоятеля. Но къ несчастью для обители, въ это время, въ 1730 году, сюда бѣжалъ проходимецъ Епифаній Яковлевъ, бывшій монахъ Козелецкаго монастыря, потомъ обманомъ получившій санъ епископа въ турецкомъ городѣ Яссахъ, по прибытіи въ Россію заключенный въ Переяславскій Михайловскій монастырь, а потомъ изъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря, по истеченіи нѣкотораго времени, бѣжавшій, съ нѣсколькими приверженцами-раскольниками, въ Самарско-Николаевскій монастырь. Правда, здѣсь онъ былъ скоро пойманъ и вслѣдъ затѣмъ немедленно отправленъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ впослѣдствіи и умеръ, раскаявшись въ своихъ грѣхахъ; но тѣмъ не менѣе открытіе въ Самарскомъ монастырѣ такого человѣка, какимъ былъ Епифаній, смутило истинно вѣрующихъ козаковъ и на нѣкоторое время задержало работы по возведенію и устройству обители. Зато въ это-же время, около 1730 года, явился въ Самарскій монастырь изъ

слободы Малой-Терновки бывшій войсковой асаулъ Дорошъ; это былъ человѣкъ благочестивый, даже аскетъ, подвижникъ, весьма свѣдущій въ священномъ писаніи и въ тоже время, поистинѣ, смиренный христіанинъ. Полюбивъ всѣмъ сердцемъ обитель и пустынную мѣстность ея, онъ поселился здѣсь навсегда, завелъ большую пасѣку и устроилъ на берегу Самары, противъ злосчастнаго мѣста, Чернечьяго-Пекла, похоронившаго однажды въ своей бездонной ямѣ переплывавшихъ въ бурную погоду рѣку нѣсколько человѣкъ монаховъ, каменную каплицу съ иконою святителя и великаго чудотворца Николая, къ каплицѣ пригласилъ іеромонаха Самарскаго монастыря и тутъ предался молитвеннымъ подвигамъ и добрымъ дѣламъ: деньгами, добываемыми отъ продажи меду, помогалъ бѣднымъ людямъ и братіямъ монастыря, а молитвами и еженедѣльными субботними панихидами испрашивалъ у Бога спасенія душамъ утонувшихъ въ Чернечьемъ-Пеклѣ монаховъ. Въ своемъ уединеніи Дорошъ дожилъ до глубокой старости и послѣ кончины, въ 1756 году, погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ; въ каплицу его, еще долго послѣ смерти устроителя ея, стекались благочестивые люди и возносили здѣсь молитвы къ Богу; въ 1769 году она была разрушена татарами, и главнѣйшая ея святыня, икона святителя Николая, спустя нѣкоторое время, найдена была на дубовомъ пнѣ въ лѣсу и поставлена сперва въ церкви монастыря, потомъ въ ризницѣ, наконецъ, снова въ церкви, гдѣ и теперь находится, привлекая къ себѣ массу благочестивыхъ богомольцевъ, больныхъ и немощныхъ людей, чающихъ получить спасеніе отъ своихъ недуговъ у святого образа [1]).

Въ 1734 году наступила новая эра въ исторіи запорожскихъ козаковъ: въ этомъ году, въ самомъ началѣ мѣсяца марта, запорожскіе козаки, прощенные императрицей Анной Іоанновной, вновь возвратились подъ россійскую державу и привезли съ собой архимандрита Гавріила, священника Дидушинскаго, множество греческихъ монаховъ и іереевъ. Избравъ мѣсто для новой Сичи на рукавѣ Днѣпра, Подпильной, запорожскіе козаки первымъ дѣломъ сво-

---

[1]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 41, 60, 62.

имъ поставили устройство церкви въ Сичи во имя Покрова пресвятой Богородицы. Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій, черезъ посредство кіевскаго военнаго губернатора графа Вейсбаха, всегда покровительствовавшаго запорожцамъ, прислалъ имъ, 3 апрѣля, 1734 года, свое благословеніе „на основаніе Коша и церкви святой Покровы“. Въ тоже время въ Сичь прибылъ, по рекомендаціи черниговскаго епископа Иродіона Жураховскаго, бывшаго архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря, іеромонахъ Павелъ Маркевичъ; владыка рекомендовалъ іеромонаха Павла низовому товариству въ качествѣ начальника запорожскихъ церквей. Запорожцы, привыкшіе уважать все, что исходило изъ Межигорскаго монастыря, не смотря на то, что уже имѣли у себя достойнѣйшихъ лицъ, архимандрита Гавріила и священника Дидушинскаго, послушались совѣта владыки и рѣшили принять іеромонаха Павла въ качествѣ настоятеля всѣхъ запорожскихъ церквей; а самому владыкѣ написали письмо, въ которомъ просили его передать братіи Межигорскаго монастыря, „ижбы они изволили въ надѣи пребывать, же мы ихъ по совѣту всѣхъ нашихъ войсковыхъ куренныхъ атамановъ и прочихъ стариковъ, не чуждаемся и благоволимъ за настоятелей духовныхъ себѣ принять, токмо намъ до весны почекаютъ, за кимъ на семъ нашемъ нынѣшнемъ новопоселеніи Е. И. В. много мощною державою, кошемъ утвердимся“ [1]).

Въ выборѣ начальника церквей запорожскіе козаки не ошиблись: энергичный іеромонахъ Павелъ скоро окончилъ церковь въ Сичи и съ тѣми-же рабочими, то-есть сичевыми мастерами, отправился къ Самарскому монастырю и скоро привелъ въ порядокъ и полное благоустройство эту высокую святыню всего запорожскаго края; въ сичевой и монастырской церквахъ онъ установилъ монастырскій чинъ богослуженія, ввелъ соотвѣтствующую всѣмъ православнымъ храмамъ организацію и открылъ при церквахъ школы для обученія взрослыхъ козаковъ и „молодиковъ“. Вскорѣ послѣ этого, во время наставшей отъ 1736 по 1737 годъ русско-турецкой войны, іеромонахъ Павелъ

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 131.

„збудовалъ“ двѣ новыхъ деревянныхъ церкви, въ слободѣ Старомъ-Кодакѣ и Ненасытецкомъ-Ретраншементѣ, для стоявшихъ тамъ русскихъ войскъ и запорожскихъ козаковъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ, около 1740 года, къ двумъ новымъ церквамъ прибавилась третья въ селѣ Романковѣ; это было послѣ того, когда въ селѣ Ярославкѣ, Черниговскаго намѣстничества, козелецкаго округа, явился самозванецъ, полякъ Иванъ Миницкій, выдававшій себя за царевича Алексѣя Петровича. Тогда въ Козельцѣ, Ярославкѣ, Басанкѣ и другихъ мѣстахъ произошло возмущеніе, послѣ чего многіе бѣжали отъ наставшихъ вслѣдъ за возмущеніемъ бѣдъ въ запорожскія вольности, къ Романкову кургану и Кодаку; тогда одна партія пришедшихъ козаковъ, съ какимъ-то священникомъ Ѳеодоромъ во главѣ, основала первую церковь во имя Успенія пресвятой Богородицы, въ урочищѣ Романковѣ [2]).

Послѣ бѣлградскаго мира, установившаго точныя и опредѣленныя границы между вольностями запорожскихъ козаковъ съ одной стороны и кочевьями степныхъ татаръ съ другой, особенно-же послѣ объявленнаго русскимъ правительствомъ въ 1741 году повелѣнія „принимать и селить въ заднѣпровскихъ россійскихъ земляхъ выходящихъ изъ польскихъ мѣстъ малороссіянъ и бѣглецовъ великороссіянъ“, въ вольностяхъ запорожскихъ козаковъ появилось нѣсколько новыхъ слободъ, каковы: Андреевка, Усть-Самара, Островъ-Затонъ, Ненасытецкій-Ретраншементъ, Биркусскій-Редутъ, Мишуринъ-Рогъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ впослѣдствіи возникли церкви, а при церквахъ явились іеромонахи и священники. Въ свою очередь и запорожскій Кошъ нашелъ нужнымъ призвать своихъ козаковъ къ заселенію окраинъ собственныхъ владѣній въ кодацкой, самарской и прогноинской паланкахъ; тогда, позову Коша, явились семейные запорожцы, которые основали новыя слободы, устроили въ нихъ церкви и къ церквамъ пригласили іеромонаховъ и священниковъ. Такъ, въ концѣ первой и въ началѣ второй половины XVIII вѣка въ числѣ

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 44.
[2]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 44.

населенныхъ слободъ съ церквами и духовенствомъ въ паланкахъ—кодацкой, самарской и протовчанской значились: Новый-Кодакъ, Новоселица, Каменка, Ревовка, Гупаловка, Шуглѣевка, теперь Шульговка, Карнауховка, Томаковка, Письмичевка, Кильчень, Пышневка, Козырщина, Перещепино, Калантаевка, Сердюковка и Николаевка-Рудевка, кромѣ извѣстныхъ раньше селъ и при нихъ церквей Стараго-Кодака, Романкова и Могилева [1]). Къ этимъ церквамъ нужно прибавить еще двѣ церкви—въ ингульской паланкѣ, при урочищѣ Перевизкѣ, и въ калміусской паланкѣ, при устьѣ Берды; послѣдняя церковь существовала уже въ первой половинѣ XVIII вѣка, такъ какъ въ 1754 году она уже была „старая, обветшавшая“ [2]).

Ревнуя о благочестіи и чистотѣ своихъ храмовъ и православной предковской вѣры, запорожскіе козаки связали себя въ это время клятвеннымъ обѣтомъ не принимать въ свою среду никого, кромѣ православно-русскихъ людей, а пришельцевъ другихъ націй и другихъ религій допускать къ себѣ лишь послѣ принятія ими во всей цѣлости ученія православной христіанской церкви; жидамъ-же и раскольникамъ совсѣмъ воспретили жить, какъ въ Сичи, такъ и въ зимовникахъ вольностей козацкихъ; къ раскольникамъ причислялись съ одной стороны соратники запорожцевъ, донскіе козаки, которыхъ они считали приверженцами неосмысленнаго лжевѣрія, съ другой стороны раскольники, поселившіеся около крѣпости св. Елизаветы, по верховьямъ рѣки Ингула. Послѣдніе на столько тревожили запорожскихъ козаковъ, что въ 1767 году они просили черезъ своихъ депутатовъ русское правительство объ удаленіи ихъ отъ русскихъ границъ, „понеже въ войску низовому, по жительству ихъ на границахъ, уставъ таковъ, чтобъ въ войскѣ запорожскомъ и на принадлежащей ему землѣ иновѣрнымъ не быть и не жить“ [3]).

Одновременно съ этимъ на общей войсковой радѣ сдѣлано было нѣсколько важныхъ распоряженій, касающихся положенія запорожскаго духовенства, церкви и школы.

---

[1]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви 1876, 46, 51.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 135.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 123.

Такъ, въ 1766 году установлена была опредѣленная норма платы за совершеніе священнодѣйствій и исправленіе различнаго рода требъ, опредѣлено было выдавать извѣстную „роковщину“ или ругу на благоустройство церквей и содержаніе духовенства какъ при сичевой церкви и Самарскомъ монастырѣ, такъ и при церквахъ приходскихъ запорожскаго поспольства; рѣшено было принимать антиминсы и святое мvро, всегда необходимое для помазанія православныхъ христіанъ, постоянно поступавшихъ въ Запорожье и въ лоно православной церкви, также для вновь возводимыхъ церквей и часовенъ, только изъ кіевской митрополіи черезъ посредство Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; постановлено было завести при церквахъ самарской, сичевой и почти всѣхъ приходскихъ школы для обученія въ нихъ мальчиковъ грамотѣ, письму, закону божію, молитвамъ, и устроить шпитали для опредѣленія въ нихъ старыхъ, убогихъ, калѣкъ, и нищихъ [1]); наконецъ, признано необходимымъ принимать въ Самарско-Николаевскій монастырь, сичевую и приходскія церкви монаховъ, священниковъ и церковниковъ только изъ одного Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Начало второй половины XVIII вѣка особенно благопріятно было для развитія церкви въ предѣлахъ Запорожья: въ то время императрица Екатерина II издала повелѣніе „пребывающимъ уже жителямъ запорожскихъ земель дать жизнь порядочную и спокойную, а остальныя запорожскія обширныя и безлюдныя степи заселить способнымъ христіанскимъ народомъ, къ земскому хозяйству и къ военной службѣ равно устроеннымъ“ [2]). Но чтобы вполнѣ достигнуть этого, Екатерина II нашла нужнымъ открыть въ запорожскихъ земляхъ губернію съ уѣздами и двумя главными провинціями; открытіе послѣдовало 22 марта, 1764 года, и эта губернія названа Новороссійскою. Въ объявленную губернію привлечены были разные поселенцы, большею частію „изъ славянорусскаго православнаго народа“. Узнавъ о такомъ распоряженіи русскаго правительства, запорожская войско-

---

[1]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 56, 57.
[2]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 67.

вая старшина съ своей стороны стала стремиться къ тому, чтобы заселить дикія мѣста своихъ вольностей и пріохотить новыхъ поселенцевъ къ воздѣлыванію земли. Дѣйствительно, населеніе запорожскаго края съ этого времени значительно увеличилось; вмѣстѣ съ населеніемъ увеличилось число слободъ и зимовниковъ, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ слободъ и зимовниковъ увеличилось число православныхъ церквей и приходовъ. Около 1760 года, по желанію Коша, въ городѣ Самарчикѣ учреждено было такъ называемое „Старо-кодацкое духовное намѣстническое правленіе“, первымъ и главнымъ священникомъ котораго, такъ называемымъ „крестовымъ намѣстникомъ“, былъ Григорій Ивановичъ Порохня [1]). Въ 1768 году въ Сичь прибыло нѣсколько монаховъ изъ малорусскихъ, великорусскихъ и греческихъ монастырей за сборомъ милостыни; но запорожскій Кошъ запретилъ этотъ сборъ на два года, имѣя въ виду въ теченіе этого времени собрать возможно большую сумму денегъ и на нихъ возвести и благоустроить новыя церкви въ землѣ собственныхъ вольностей [2]).

Съ этого времени и до момента паденія Сичи въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ насчитывалось, по отрывочнымъ даннымъ, дошедшимъ до нашего времени, 44 церкви, 13 часовенъ, 2 скитка и одна молитвенная икона, въ слѣдующихъ 53 селеніяхъ и урочищахъ: Деріевкѣ, Тройницкомъ, Мишуриномъ-Рогѣ, Омельникѣ, Калужинѣ, Днѣпрово-Каменкѣ, Бородаевкѣ, Домоткани, Романковѣ, Каменскомъ, Карнауховкѣ, Новомъ-Кодакѣ, Звонецкомъ, Томаковкѣ, Чувилиномъ, Шолоховомъ, Полозовомъ, Житловой-Саксагани, Желтой, Зеленой, Панчохиномъ, Орликѣ, Лелековкѣ, Кисляковкѣ, Гардѣ, Каменкѣ, Ревовкѣ, Бригадировкѣ, Куриловкѣ, Петриковкѣ, Шульговкѣ, Могилевомъ, Бабайковкѣ, Гупаловкѣ, Котовкѣ, Лычковомъ, Старосамари, Новосамари, Кильчени, Кочережкахъ, Петровскомъ, Дмитровкѣ, Малой-Терновкѣ, Рудевкѣ, Межирѣчьѣ, Лозовомъ, Андреевкѣ, Подгорнемъ, Чернухинѣ, Кагальникѣ, Усть-Міусѣ, Усть-Бердѣ и Шангирейскомъ ретраншементѣ.

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 137.
2) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 307.

Церковь въ урочищѣ Деріевкѣ, на Серетовкѣ, нижней половинѣ теперешняго села Деріевки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, существовала, во имя Вознесенія Господня, уже въ 1740 году; съ 1755 года эта церковь находилась въ вѣдомствѣ кобеляцкой протопопіи и полтавскаго духовнаго правленія, а съ 1756 года въ ближайшемъ вѣдѣніи „намѣстника всѣхъ заднѣпровскихъ церквей и приходовъ“, священника слободы Днѣпрово-Каменки, Артемія Зосимовича; въ годину татарскаго нашествія на запорожскій край, въ 1768 и 1769 годы, при общемъ бѣгствѣ жителей въ лѣса и ущелья, церковь слободы Деріевки какимъ-то чудомъ уцѣлѣла на мѣстѣ, „заступленіемъ Всевышняго спасенія“; видимо уже въ то время она считалась ветхою, такъ какъ въ 1775 году жители селенія Деріевки, переименованнаго въ то время въ государственную слободу, стали хлопотать о построеніи здѣсь новой церкви; эта церковь была окончена уже послѣ паденія Сичи въ 1784 году [1]). Изъ древнихъ вещей въ церкви слободы Деріевки сохранились въ настоящее время лишь четыре богослужебныхъ книги, всѣ печати XVIII вѣка [2]). Въ урочищѣ Тройницкомъ, теперь селѣ Куцеволовкѣ, первая церковь была перевезена изъ мѣстечка Келеберды, Полтавской губерніи, и устроена во имя святителя Николая чудотворца въ 1756 году [3]). Изъ древнихъ вещей въ церкви этого села въ настоящее время сохранились пять богослужебныхъ книгъ, одна серебряная чаша и одинъ серебряный дискосъ, пожертвованный козакомъ Антономъ Синявскимъ; кромѣ того въ этой-же церкви уцѣлѣло нѣсколько документовъ съ 1756 года [4]). Въ Мишуринѣ-Рогѣ при запорожскихъ козакахъ существовали двѣ церкви: одна, во имя Симеона и Анны, основанная въ 1736 году, другая, во имя Преображенія Господня, основанная въ 1757 году [5]). Изъ древнихъ вещей въ первой церкви сохранилось семь книгъ, восемнадцать иконъ стариннаго письма, два колокола и

---

1) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 191.
2) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, 1, 15.
3) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880 1, 206.
4) Эварницкій, Запорожье С.-Петербургъ, 1888, 1, 16.
5) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 197.

двѣ чаши, изъ коихъ одна куплена въ 1760 году козакомъ Григоріемъ Гречинымъ, другая священникомъ Василіемъ Попельницкимъ [1]). Въ урочищѣ Омельникѣ, теперь слободѣ Лиховкѣ, церковь основана въ 1754 году, во имя св. Троицы, главнымъ вкладчикомъ, фундаторомъ и попечителемъ, священникомъ Писаревскимъ, по благословленію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго [2]). Изъ древнихъ вещей въ этой церкви сохранились крестъ, рѣзной работы, въ серебряной оправѣ, 1756 года, чаша серебряная позлащенная, пожертвованная въ 1757 году козакомъ корсунскаго куреня Павломъ Константиновичемъ, серебряная чарочка и три запорожскихъ пояса, изъ коихъ два персидскаго шелковаго сырца, а третій—шалевой матеріи съ превосходными узорами [3]). Въ селѣ Калужиномъ церковь основана въ 1754 году, во имя Успенія Богоматери, стараніемъ священника Ѳедора Иллича или Ильина. Изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились чаша, дискосъ и звѣздица, серебряные, позлащенные, вкладъ Лаврентія Ленца-Сухурскаго, 1639 года, взятые изъ какой-то другой церкви и пожертвованные въ церковь села Калужина священникомъ Ѳедоромъ Ильинымъ; два евангелія 1759 года и семь церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, апостолъ, купленная въ 1760 году и пожертвованная калужинскимъ козакомъ Василіемъ Алексѣенкомъ [4]). Въ слободѣ Днѣпрово-Каменкѣ церковь существовала уже въ 1755 году во имя святителя Николая [5]). Изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились: кадило, увѣшанное бубенцами, оловянное блюдо съ татарскою надписью: „хозяинъ его (т. е. блюда) Хаджи Али“, очевидно добытое запорожцами у татаръ, три чаши, четырнадцать богослужебныхъ книгъ, три евангелія, изъ коихъ одно пожертвовано козакомъ Андреемъ Топчіемъ въ 1756 году, нѣсколько древнихъ церковныхъ документовъ; кромѣ того внѣ церкви, за оградой, сохранился намогильный крестъ надъ прахомъ запорож-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, 1, 20.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 211.
[3]) Эварницкій, Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, 1, 23.
[4]) Эварницкій, Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, 1, 24.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 186.

скаго козака Мартюка, поставленный въ 1748 году [1]). Въ слободѣ Бородаевкѣ церковь устроена во имя Покрова пресвятой Богородицы въ 1756 году, съ разрѣшенія кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго; до построенія церкви, въ урочищѣ Бородаевкѣ жилъ монахъ Дороѳѣй, пришедшій сюда изъ разоренной послѣ 1709 года Чортомлыцкой Сичи; онъ читалъ здѣсь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ хуторянамъ молитвы, акаѳисты, псалтырь и четь-минéи [2]). Изъ древнихъ вещей въ церкви села Бородаевки сохранились четыре евангелія, изъ коихъ одно пожертвовано въ 1761 году козакомъ запорожской Сичи, калниболотскаго куреня, Семеномъ Латышомъ, другое — въ 1773 году козакомъ запорожскаго низового войска, куреня нижне-стебліивскаго, Лукьяномъ Бѣлымъ, на поминъ души „собственнаго“ брата, козака того-же куреня Павла Носа; третье—въ 1789 году козакомъ куреня крыловскаго Ильей Васильевымъ, и четвертое—въ 1754 году жителемъ слободы Бородаевки, Аѳанасіемъ Шекеренкомъ; кромѣ того чаша и дискосъ, пожертвованные войсковымъ пушкаремъ Иваномъ Смолой, двѣ богослужебныхъ книги, три иконы, двѣ хоругви и нѣсколько древнихъ церковныхъ документовъ [3]). Въ слободѣ Домоткани первая церковь устроена въ 1756 году по благословенію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, во имя св. архистратига Михаила [4]). Изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились евангеліе, двѣ иконы, святителя Николая и Господа Вседержителя, и двѣ хоругви [5]).

Въ селѣ Романковѣ, теперешняго Екатеринославскаго уѣзда, у праваго берега Днѣпра, первая церковь устроена была около 1740 года, на Романковомъ курганѣ, во имя святителя Николая [6]); она сдѣлана была на колесахъ, могла передвигаться съ мѣста на мѣсто и по внѣшнему виду походила „на хливыну“; вторая по времени церковь

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, 1, 26.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 216.
[3]) Эварницкій, Запорожье, Спб., 1888, 1, 28, 29.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 278.
[5]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888. 1, 29.
[6]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екат., 1876, 47.

построена здѣсь въ 1766 году на такъ называемой Заборѣ, нижней окраинѣ села, къ востоку отъ настоящей, на четверть версты отъ праваго берега Днѣпра, въ центрѣ тогдашняго сельца Романкова; она сдѣлана была изъ сосноваго дерева, покрыта гонтомъ, на видъ была очень низка, „прысадкувата, печерычкою“, съ некрашенными стѣнами, однимъ куполомъ; при ней стояла деревянная колокольня, до 15 саженъ высоты, съ пятью башнями, крытая гонтомъ, также некрашенная; на каждой изъ четырехъ сторонъ колокольни стоялъ ангелъ на жестяномъ съ петлями, какъ бываетъ въ дверяхъ, прутѣ, съ трубой, вставленной въ лѣвую руку ангела и приложенной ко рту; на средней башнѣ поставленъ былъ апостолъ Андрей съ крестомъ въ правой и со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ сдѣлана была надпись: „на сихъ горахъ процвѣтаетъ благодать Божія“; при движеніи вѣтра всѣ четыре ангела поворачивались изъ стороны въ сторону отчего трубы ихъ издавали звуки: „вúтеръ двѐри ганя́е, а воно́ й гра́е“. Изъ древнихъ вещей въ церкви села Романкова хранятся три рѣзныхъ въ серебряной оправѣ креста, одинъ пожертвованный въ 1758 году козакомъ Сичи запорожской, куреня шкуринскаго, Мартыномъ Шкурою, другой—въ 1777 году козакомъ сергѣевскаго куреня Лескомъ Чернымъ, третій —козакомъ Алексѣемъ Гнѣдымъ; тріодь постная, пожертвованная въ 1762 году козакомъ куреня титаровскаго Ильей Харкуномъ; кромѣ того одно евангеліе, одна книга Симфоніи и одна книга Маргаритъ [1]).

Въ селѣ Каменскомъ первая церковь устроена была въ 1750 году, во имя Рождества Богородицы [2]). Изъ древнихъ вещей здѣсь сохранилась чаша серебряная, позлащенная, пожертвованная въ 1777 году бывшимъ войсковымъ старшиной Лукьяномъ Ивановичемъ Великимъ; напрестольный крестъ, рѣзной, въ серебряной оправѣ, и серебряныя гробницы, сооруженныя въ 1779 году бывшимъ войсковымъ старшиной Макаромъ Ногаемъ; блюдо для всенощнаго бдѣнія и шесть церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, Спб., 1888, 1, 35—37.

[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 77.

одна, книга дѣяній, куплена въ 1757 году братьями Саввою, Иваномъ и Антономъ, козаками запорожской Сичи, куреня брюховецкаго; другая, минея, куплена въ 1759 году козакомъ кущевскаго куреня Федоромъ Бабкою; третья, октоихъ, куплена въ 1769 году козакомъ куреня ведмедовскаго, Яковомъ Безруковымъ, а четвертая, аѳалогіонъ, куплена козакомъ куреня тимошевскаго, Евстафіемъ Пестомъ [1]).

Въ селѣ Карнауховкѣ церковь основана въ 1773 году, во имя св. великомученицы Варвары. До построенія церкви, во время свирѣпствовавшей въ запорожскомъ краѣ моровой язвы 1771—1772 годовъ, жители Карнауховки соорудили сперва себѣ икону св. Варвары по внушенію монаха Ивана Кайдаша, молились передъ ней денно и нощно, прося отвращенія отъ страшной смерти. Въ это-же время они дали обѣтъ, по миновaніи общественнаго бѣдствія, устроить у себя церковь во имя заступницы св. Варвары, и когда бѣда миновала, то они изложили свою просьбу въ запорожскій Кошъ на имя кошевого атамана Петра Калнишевскаго; въ этой просьбѣ женатые козаки села Карнауховки писали, что они имѣютъ большую нужду въ сооруженіи собственной церкви, въ виду неудобства сообщенія весеннимъ временемъ съ церквами сосѣднихъ селеній, Новаго-Кодака и Каменского. Въ свою очередь Кошъ обратился за разрѣшеніемъ постройки церкви въ слободѣ Карнауховкѣ къ кіевскому митрополиту Гавріилу; святительская грамота не замедлила послѣдовать, и церковь, устроенная о пяти главахъ, была освящена два года спустя послѣ основанія (1773—1775), а просуществовала до 1858 года [2]). Первыми священниками въ ней были козаки куреня каневскаго, Василій Трофимовичъ Удовицкій и Іеремія Васильевичъ Леонтовичъ. Изъ древнихъ вещей въ церкви слободы Карнауховки сохранились четыре евангелія, на одномъ изъ коихъ сдѣлана надпись: „Мѣсяца марта 29 числа 1775 года сотворенная вновь въ Карнауховкѣ церковь Свято-Варваринская освящена священникомъ старо-кодацкимъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 38, 39.

[2]) Ѳеодосій, Матеріалы истор.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 82.

Григоріемъ Порохнею соборне по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила перваго. Тояжъ церкви первый настоятель священникъ Удовицкій. Второй настоятель священникъ Іеремія Леонтовичъ". Изъ надписей на другихъ евангеліяхъ видно, что одно изъ нихъ въ 1774 году „отмѣнилъ" [1]) козакъ каневскаго куреня Карпъ Дурдука, другое—въ 1771 году новокодацкій житель, Иванъ Ризниченко, третье—въ 1785 году бывшій запорожскій козакъ Власъ Ивановичъ Кривой; кромѣ того сохранились двѣ серебряныя позлащенныя чаши съ дискосомъ, звѣздицей и лжицей, изъ коихъ одну „отмѣнилъ" въ 1775 году козакъ каневскаго куреня Романъ Строцинскій, другую—рабъ божій Стефанъ Самсика; серебряная позлащенная дарохранительница, серебряный напрестольный крестъ, пожертвованный въ 1775 году козакомъ Власомъ Кривымъ, два рѣзныхъ, въ серебряной оправѣ, напрестольныхъ креста, изъ коихъ одинъ принесенъ въ даръ въ 1771 году стараніемъ куренного атамана каневскаго куреня Ефрема Ивановича, другой сооруженъ въ томъ-же году коштомъ козака Якима Мякого [2]).

Въ мѣстечкѣ Новомъ-Кодакѣ церковь существовала уже въ 1645 году [3]), во имя святителя Николая, въ 1750 году, называвшаяся соборною церковью, съ двумя священниками, Никифоромъ и Тимоѳеемъ при ней; въ 1768 году при ней было уже четыре священника, въ 1770 году—пять, въ 1771 году—шесть, а въ 1773 году—семь и четыре дьякона; въ 1774 году на мѣсто одного изъ семи умершаго священника рукоположенъ былъ запорожскій полковой старшина Стефанъ Чемерисъ. Потребность въ такомъ количествѣ священниковъ для Новаго-Кодака самъ кошевой Петръ Калнишевскій объяснялъ частію большою численностію населенія въ этомъ „городѣ", гдѣ въ то время была полко-

---

[1]) Терминъ „отмѣнилъ" постоянно употреблялся у запорожскихъ козаковъ; по объясненію Адама Олеарія, русскіе XVII вѣка куплю иконъ никогда не называли куплею, а мѣною на деньги: Подробное описаніе, Москва, 1870, 111. У современныхъ намъ раскольниковъ также никогда не говорится купить образъ, а вмѣсто того употребляется слово вымѣнить.

[2]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 40—43.

[3]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 47.

вая резиденція, т. е. мѣстопребываніе полковника, асаула, писаря, подписарія и толмача, куда, какъ въ мѣсто, стоявшее у переправы черезъ Днѣпръ, на битомъ и людномъ шляху, пріѣзжало множество „разнаго званія чиновъ“, всякаго рода промышленниковъ и множество козаковъ то изъ Польши, Украйны, Россіи въ Сичь, то обратно изъ Сичи въПольшу, Украйну и Россію; частію-же объяснялъ обширнымъ и слишкомъ разбросаннымъ райономъ новокодацкаго прихода, простиравшагося отъ 15 до 40 верстъ въ одну линію: Новому-Кодаку принадлежали хутора и зимовники между Старымъ-Кодакомъ и Ненасытецкимъ-Ретраншементомъ съ одной стороны, Романковымъ и Каменскимъ съ другой [1]).

Въ 1770 году въ соборной николаевской церкви Новаго-Кодака обрѣлась новоявленная икона Богоматери, подобіемъ чудотворной ахтырской, мѣрою въ полъ-аршина и три вершка высоты, полъ-аршина съ вершкомъ ширины, съ ликомъ, писаннымъ на липовой склеенной пополамъ доскѣ красками, сильно потемнѣвшими отъ бывшаго въ церкви пожара. Икона эта сперва стояла въ церковномъ притворѣ старой николаевской церкви, потомъ перешла въ ризницу; изъ ризницы поступила въ пономарню, а изъ пономарни въ алтарь новой николаевской церкви, гдѣ помѣщена была въ особомъ кіотѣ за престоломъ. Разнеслись слухи, что икона творитъ чудеса; слухи эти дошли до Сичи; тогда запорожскій Кошъ сдѣлалъ предписаніе поставить эту икону въ новомъ кіотѣ, на виду всѣхъ, за лѣвымъ клиросомъ. Икону поставили; скоро на нее повѣшено было молящимися болѣе 20 серебряныхъ привѣсокъ, а самъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій соорудилъ для нея, въ 1772 году, серебряную шату съ надписью: „Сія шата сдѣлана къ Богоматери въ Ново-Кодацкую церковь въ цѣну сто шестьдесятъ одинъ рубль двадцать пять копѣекъ, коштомъ его вельможности пана кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго 1772 года, декабря 30 дня, а вѣсу въ ней три фунта, 21 лотъ“. Впослѣдствіи, однако, эта икона была взята изъ Новаго-Кодака преосвященнымъ Евгеніемъ и перенесена въ ризницу полтавска-

---

[1]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 29.

го Крестовоздвиженскаго монастыря; отсюда она потомъ перевезена въ городъ Екатеринославъ и изъ Екатеринослава отправлена въ Самарско-Николаевскій монастырь. Изъ древнихъ вещей, сохранившихся до настоящаго времени въ церкви Новаго Кодака, отъ времени запорожскихъ козаковъ, достойны вниманія слѣдующія: икона святителя Николая, въ серебряной ризѣ, „отмѣненная“ въ 1772 году войска запорожскаго низового куреня деревянкинскаго войсковымъ судьей Николаемъ Тимофѣевымъ; напрестольный рѣзной работы въ серебряной оправѣ крестъ, пожертвованный атаманомъ незамайковскаго куреня Стефаномъ Чубомъ; напрестольный крестъ сплошной серебряный съ финифтью—козакомъ Леонтіемъ Лефсиномъ; евангеліе, принесенное въ даръ въ 1764 году бывшимъ судьей запорожскаго войска Григоріемъ Якимовичемъ Лабуровскимъ; серебряный трикирій, сдѣланный коштомъ козака пластуновскаго куреня Самойла Комлика; большое серебряное блюдо, сдѣланное коштомъ козака каневскаго куреня Максима Комлика; двѣ ризы, изъ коихъ одна краснаго бархата съ кованнымъ серебрянымъ оплечьемъ, съ изображеніемъ святителя Николая, другая, шитая золотомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста; наконецъ, двѣ церковно-богослужебныя книги и одинъ козацкій поясъ краснаго и персидскаго сырца [1]).

Въ крѣпости, теперь селѣ Старомъ-Кодакѣ, первая церковь была походная, во имя архистратига Михаила, перевезенная въ 1656 году изъ Сичи запоржской іеромонахомъ кіевскаго Межигорскаго монастыря; при этой церкви существовалъ и домъ для церковниковъ [2]). Въ 1748 году вмѣсто походной церкви въ Старомъ-Кодакѣ устроена была постоянная, по благословенію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, во имя того же архистратига Михаила; въ 1768 году при этой церкви состояли три священника, а въ 1772 году къ ней опредѣленъ былъ изъ діаконовъ четвертый священникъ, на мѣсто-же его посвященъ былъ въ діаконы козакъ запорожского низового войска Павелъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 47—51.
[2]) Записки одес. общ. исторіи и древн., VII, 174, пр. 13.

Порошенко [1]). Изъ древнихъ вещей въ церкви Стараго-Кодака отъ запорожскихъ козаковъ сохранились—серебряная чаша, даръ козака Ивана Кравчины; ковчегъ, даръ Семена Бардадима, 1761 года; копье для вынимания частицъ просфоры, мирница деревянная, напрестольный крестъ на серебряной подставѣ, два вѣнца бѣлой жести, два серебряныхъ ставника, одинъ аналой, одинъ фонарь со слюдой вмѣсто стеколъ, четыре церковно-богослужебныя книги, изъ коихъ одна, октоихъ, пожертвована въ 1752 году жителемъ кодацкимъ Ивахномъ, другая, трофолой, подарена козаками каневскаго куреня Яковомъ Лепетою да Петромъ Плясуномъ; наконецъ, два красныхъ шелковыхъ, персидскаго сырцу, пояса по 10 аршинъ длины и по двѣ четверти аршина каждый ширины [3]).

Въ урочищѣ Звонецкомъ, теперь селѣ Звонецкомъ, противъ четвертаго порога, Звонецкаго, устроена была въ 1737 году часовня съ походнымъ антиминсомъ начальникомъ запорожскихъ церквей, іеромонахомъ Павломъ Маркевичемъ для жившихъ тамъ запорожскихъ козаковъ и стоявшихъ лагеремъ русскихъ войскъ; впослѣдствіи на мѣстѣ часовни сооружена была деревянная церковь [3]). Изъ древнихъ вещей отъ запорожскихъ козаковъ въ церкви села Звонецкаго уцѣлѣло до нашего времени—евангеліе московской печати 1755 года, плащаница и три иконы: жизнь Іисуса Христа, вѣнчаніе Богоматери Спасителемъ, Богомъ Отцомъ и св. Духомъ, Богоматерь съ младенцемъ, Іисусомъ и Іоанномъ Крестителемъ.

Въ урочищѣ Займищѣ, теперь слободѣ Томаковкѣ, впервые, въ 1745 году, устроена была усердіемъ мѣстныхъ жителей небольшая деревянная часовня и къ ней опредѣленъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря; впослѣдствіи, уже послѣ паденія Запорожья, здѣсь возникла небольшая деревянная церковь [4]). Въ оврагѣ Чувилиномъ, при теперешнемъ селѣ Сурскомъ-Клевцовомъ, въ періодъ времени отъ 1750 по 1768 годъ, устроена была запорож-

---

[1]) Θеодосій Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 72.
[2]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 114.
[3]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 148.
[4]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 116.

скими козаками часовня, съ иконою святителя Христова Николая, и къ ней опредѣленъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [1]). Въ урочищѣ Шолоховомъ, теперь селѣ того-же имени, устроена была въ 1740 году, запорожскими козаками часовня, съ иконою Покрова пресвятой Богородицы, при которой безотлучно жилъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [2]). Въ зимовникѣ козака Гордѣя Полоза, на рѣкѣ Ингульцѣ, въ 1754 году, существовала „слесарной работы божница“, въ которой стоялъ образъ Христа Спасителя, писанный на полотнѣ; въ то время татары напали на зимовникъ Полоза, разрушили божницу, а образъ, „малеванный на полотнѣ Спасителя Господа нашего Іисуса Христа порвали и, потоптавъ ногами, на землю бросили“ [3]).

Въ урочищѣ Житловой-Саксагани, теперь слободѣ Алферовкѣ, въ 1742 году, козакъ Андрей Неплюй устроилъ въ своемъ зимовникѣ походную церковь во имя пресвятой Богородицы и пригласилъ для священнослуженія въ ней іеромонаха Самарско-Николаевскаго монастыря, Афанасія. [4]). Въ вершинѣ рѣчки Желтой, теперь мѣстечкѣ Анновкѣ, около 1760 года, на зимовникѣ запорожца Андрея Вертебнаго, существовала часовня, куда собирались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ числѣ 200 человѣкъ, родные, знакомые, челядь и наймиты Андрея Вертебнаго, чтобы помолиться Господу Богу и поучиться закону божію и добрымъ житейскимъ правиламъ у іеромонаха Павла [5]). Въ запорожскомъ займищѣ Зеленомъ, теперь селѣ того-же имени, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, первая церковь устроена была, во имя Петра и Павла, въ періодъ времени отъ 1750 по 1755 годъ; въ то время приходъ зеленской петропавловской церкви простирался болѣе, чѣмъ на 50 верстъ въ окружности и былъ истиннымъ оазисомъ среди дикой и пустынной мѣстности, между рѣчекъ Желтой и Зеленой. Изъ древнихъ вещей въ этой церкви хранятся нѣсколько церковно-бого-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 136.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 162.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса I, 136, пр. 2.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 221.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 230.

служебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, постная тріодь, принесена въ даръ въ 1757 году козакомъ запорожской Сичи, куреня платнѣровскаго, Яковомъ Павловичемъ Даніліенкомъ [1]).

Въ зимовникѣ запорожскаго войскового старшины Семена Панчохи, теперь слободѣ Саксагани названнаго уѣзда, въ 1740 году, устроена была часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы; эту часовню часто посѣщалъ священникъ Дидушинскій, возвратившійся, вмѣстѣ съ запорожцами, изъ-подъ власти крымскаго хана, въ 1734 году, и училъ вѣрующихъ слову божію и молитвамъ [2]). Въ слободѣ Орликѣ, иначе Екатерининскомъ шанцѣ, теперь Ольвіополѣ, Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда, первая церковь, во имя св. великомученицы Варвары, существовала уже въ 1760 году; во время нашествія татаръ на слободу эта церковь была сожжена; тогда на мѣстѣ сожженной церкви слобожане построили въ 1774 году новую, для которой иконостасъ и антиминсъ привезены были изъ походной запорожской церкви [3]). Въ урочищѣ Лелековкѣ запорожца Лелеки, теперь селѣ Лелековкѣ, названной губерніи и уѣзда, первая церковь основана, во имя св. Троицы, въ 1766 году, какъ это видно изъ словъ, вырѣзанныхъ на дубовыхъ косякахъ церковныхъ дверей.

Въ селѣ Кисляковкѣ на Бугѣ, теперешней Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда, первая церковь устроена, во имя Спаса, въ 1772 году. По своей архитектурѣ, это было очень капитальное сооруженіе: стѣны ея сдѣланы изъ дикаго камня, около трехъ аршинъ толщины; колокольня построена изъ того-же камня отдѣльно отъ церкви, но не съ западной, какъ принято строить въ настоящее время, а съ юговосточной стороны. По внѣшнему виду она представляетъ изъ себя четыреугольную, нѣсколько удлиненную башню въ два этажа, съ нѣсколькими амбразурами, съ двумя, одна противъ другой, съ востока на западъ, дверьми и двумя, также одна противъ другой, камерами внутри. Въ общемъ зданіе колокольни расположе-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 238.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 268.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 147.

но такимъ образомъ, что одна дверь ея стоитъ направленіемъ вдоль рѣки Буга, а другая—вдоль Днѣпровскаго лимана; отсюда очевидно, что она приспособлена была архитекторомъ для боевыхъ цѣлей, на случай нападенія со стороны татаръ. Изъ всѣхъ церквей въ бывшихъ вольностяхъ запорожскихъ козаковъ церковь въ Кисляковкѣ въ своемъ родѣ единственная, какъ потому, что она построена изъ камня, такъ и потому, что она была приспособлена къ стратегическимъ цѣлямъ. Изъ древнихъ вещей въ ней хранились—одна серебряная позлащенная чаша, два малыхъ серебряныхъ ковчега рѣзной работы, нѣсколько хоругвей, крестовъ, кадильницъ, столиковъ, шестнадцать церковно-богослужебныхъ книгъ и нѣсколько другихъ вещей [1]).

Въ Гардѣ на рѣкѣ Бугѣ первая походная церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы, существовала уже въ 1742 году; она устроена была на островѣ Гардовомъ среди Буга, какъ это видно изъ плана 1742 года инженера де-Боксета [2]). Въ 1747 году эта церковь была разорена ногайскими татарами, и „освященный антиминисъ, якъ безцѣнное сокровище, увезенъ былъ“ изъ церкви [3]). Впослѣдствіи она вновь была возобновлена, и въ 1758 году въ эту церковь запорожскіе козаки сдѣлали вкладъ: 14 зеренъ жемчугу, проданнаго потомъ за 15 рублей, три серебряныхъ позлащенныхъ кубка, изъ которыхъ одинъ имѣлъ крышку и на крышкѣ крестъ, нѣсколько кусковъ штофной матеріи разныхъ цвѣтовъ на священническія ризы и три копы денегъ; весь этотъ вкладъ неизвѣстно гдѣ былъ дѣтъ бугогардовскимъ полковникомъ, на котораго вкладчики и приносили свою жалобу въ означенномъ году кошевому атаману. Въ 1772 году на гардовую церковь опредѣлено было изъ „гардовой добычи“, т. е. отъ рыбныхъ ловель и перевозовъ, 19 рублей и 40 копѣекъ, да изъ добычи очаковской—73 рубля, 46 левовъ и 80 паръ. Гардовая церковь, какъ пограничная, постоянно подвергалась нападенію со стороны поляковъ, татаръ, турокъ, а одно время подвергалась нападенію даже со стороны собственнаго козака,

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 149.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, табл. XI.

[3]) Записки одесск. общ. исторіи и древностей, XIV, 446, 451.

ренегата Саввы Чалаго. Въ гардовую церковь, какъ въ пограничную запорожскихъ владѣній, часто приходили разнаго рода монахи и священники; по этому поводу запорожскій Кошъ въ 1772 году писалъ бугогардовскому полковнику Сухинѣ ордеръ, въ которомъ приказывалъ ему и бугогардовскому іеромонаху Никону — всѣхъ „шатающихся, гробы печатающихъ, проповѣдующихъ и другія требы исправляющихъ монаховъ“ къ тому не допускать, а безпашпортныхъ въ ихъ монастыри отсылать [1]). Послѣ уничтоженія Сичи, въ 1775 году, гардовая церковь была взята молдавскимъ гусарскимъ полкомъ; по просьбѣ полковника этого полка, Василія Степановича Звѣрева, и съ дозволенія генералъ-маіора Петра Абрамовича Текели она поставлена была въ Екатерининскомъ шанцѣ, гдѣ еще не было въ то время церкви, хотя уже назначенъ былъ священникъ Григорій Лабѣнскій; эта церковь была богата церковною утварью: она имѣла серебряныя кадила, кипарисные, окованные золотомъ и серебромъ кресты, серебряные лихтари и другія дорогія вещи [2]).

Въ слободѣ Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Новаго-Кодака, теперешняго Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, церковь, во имя Преображенія Господня, существовала уже въ 1745 году [3]); по отзыву современниковъ, эта церковь была „какъ снѣсарско гарно отдѣлана, такъ и малярско иконами богато украшена“; въ это время при ней было четыре священника и два діакона; въ 1768 году, послѣ того, какъ эта церковь, „допущеніемъ судьбы“, сгорѣла, въ Каменкѣ временно поставлена была походная калміусская церковь; въ 1772 году жители Каменки обратились съ просьбой въ Кошъ о дозволеніи имъ построить новую церковь на мѣстѣ сгорѣвшей; Кошъ, въ свою очередь, отнесся съ просьбой къ кіевскому митрополиту Евгенію, въ которой излагалъ, что постоянная церковь въ Каменкѣ не могла быть воздвигнута вскорѣ послѣ пожара, потому, что въ то время настала война съ крымцами; теперь-же, когда война близится къ концу и

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 134, 135.
2) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 339.
3) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, 1870, 11, 47.

жители Каменки, по извѣщенію самарскаго полковника съ старшиною, успѣли приготовить и дерево и плиты, нарочно посылая за матеріаломъ въ самый Кіевъ, Кошъ усердно просилъ его высокопреосвященство ниспослать свое благословеніе на постройку новой церкви въ Каменкѣ; одновременно съ этимъ и о томъ-же самомъ просило митрополита и правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи; на обѣ просьбы послѣдовало разрѣшеніе, и новая церковь была заложена въ Каменкѣ въ 1773 году, 21 іюля, въ день св. Симеона юродиваго [1]).

Въ селѣ Бригадировкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, тогоже уѣзда, церковь существовала, уже въ 1756 году, во имя Покрова пресвятой Богородицы, какъ видно изъ надписи на колоколѣ въ селѣ Лычковомъ. Рядомъ съ церковью села Бригадировки въ одно и тоже время существовала церковь, во имя Георгія Побѣдоносца, въ селѣ Куриловкѣ; но какъ оба села, а вмѣстѣ съ ними и обѣ церкви, стояли „на мочернетомъ“ мѣстѣ, среди песчаныхъ кучугуръ, и каждую весну были заливаемы полой водой изъ Днѣпра, то запорожскій Кошъ рѣшилъ перенести обѣ церкви въ другія села, бригадировскую въ Лычково, а куриловскую въ Петриковку; тогда нѣкоторая часть изъ прихожанъ и весь причтъ церковный также перешли въ новыя селенія, нѣкоторая-же часть осталась на мѣстѣ прежнихъ поселеній и изъ бывшихъ селъ, Бригадировки и Куриловки, образовали одно селеніе Елизаветовку [2]).

Въ селѣ Петровкѣ, теперь слободѣ Петриковкѣ, первая церковь возникла лишь въ 1772 году, во имя Георгія Побѣдоносца, перенесенная изъ Куриловки; но такъ какъ эта церковь скоро сдѣлалась ветхою, то жители и мѣстный причтъ села Петровки, и духовное правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи просили разрѣшенія у кіевскаго митрополита Гавріила построить новую церковь въ Петровкѣ; разрѣшеніе послѣдовало въ 1773 году [3]). Памятникомъ усердія запорожскихъ козаковъ въ селеніи Петри-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 319,—321.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 405.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы ист. стат. оп., Екатеринославъ, 1880, I, 328.

ковкѣ остался престолъ, окованный сверху чистымъ серебромъ. Въ селѣ Шуглѣевкѣ, теперь Шульговкѣ, близъ устья рѣки Орели, церковь, во имя Успенія пресвятой Богородицы, существовала уже съ 1745 года [1]). Въ селѣ Ревовкѣ церковь существовала въ томъ-же, 1745 году [2]). Въ селѣ Могилевѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Орели, въ 1720 году существовала часовня; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сюда собирались мѣстные и окольные хуторяне для молитвы и богослуженій; службу божію совершали здѣсь монахи Самарско-Николаевскаго монастыря, исполнявшіе въ тоже время различныя требы и поучавшіе народъ правиламъ доброй жизни; въ 1745 году вмѣсто часовни здѣсь устроена была уже церковь [3]). Видимо эта церковь существовала до 1772 года, такъ какъ въ этомъ году кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій съ войсковою старшиною и товариствомъ, а вслѣдъ за кошевымъ и правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи, обратились съ просьбой къ кіевскому митрополиту Гавріилу дозволить жителямъ села Могилева построить церковь во имя Воскресенія Господня на средства, предоставленныя имъ старшиною войсковымъ асауломъ Сидоромъ Бѣлымъ; въ этой просьбѣ они сообщали, что лѣсъ и плитовые камни уже пригнаны по Днѣпру людьми, нарочно отправлявшимися для этого въ Кіевъ; разрѣшеніе не замедлило послѣдовать, и церковь заложена была въ 1773 году, 12 мая [4]).

Въ селѣ Бабайковкѣ, на Протовчахъ, церковь, во имя святителя Николая, заложена была въ 1773 году, съ благословенія кіевскаго митрополита Гавріила, вслѣдствіе отношенія полковника войска запорожскаго на Протовчахъ въ Кошъ, послѣ просьбы кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго съ войсковою старшиною и товариствомъ и представленія духовнаго правленія старокодацкой духовной намѣстніи [5]). Въ селѣ Гупаловкѣ при рѣчкѣ Заплавкѣ, лѣваго притока рѣки Орели, церковь существовала уже

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.
[2]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.
[3]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы ист. стат. оп., Екатеринославъ, I, 340—343.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 333.

въ 1745 году [1]); въ 1773 году послѣ первой основана была вторая церковь, во имя Іоанна Предтечи, по представленію въ Кошъ полковника Аѳанасія Ѳедоровича Колпака, по просьбѣ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго съ войсковою старшиной и товариществомъ и по ходатайству духовнаго правленія старокодацкой крестовой намѣстніи. Первымъ священникомъ въ этой церкви былъ запорожскій козакъ Павелъ Неживой, долгое время служившій церковникомъ при сичевой покровской церкви [2]).

Въ селеніи Котовкѣ, на правомъ берегу рѣки Орели, противъ озеръ Кислаго, Долгенькаго и Продайкова, первая деревянная церковь, во имя Преображенія Господня, основана была въ 1774 году, 5 октября, послѣ представленія кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и донесенія генералъ-фельдмаршала и главнокомандующаго первою россійскою арміей, графа Петра Александровича Румянцева митрополиту кіевскому и галицкому Гавріилу; въ 1775 году къ строющейся церкви въ селѣ Котовкѣ рукоположенъ былъ священникомъ козакъ войска запорожскаго низового, куреня кисляковскаго, Иванъ Андреевичъ Высота, восемнадцать лѣтъ прожившій въ числѣ церковниковъ при сичевой церкви и потому „въ сраженіяхъ не бывшій и никого на войнѣ не убившій“ [3]). Изъ древнихъ вещей въ настоящее время въ церкви Котовки сохранились серебряная позлащенная чаша, деревянный кипарисный въ серебряной оправѣ крестъ, „отмѣненный“ въ 1775 году рабомъ божіимъ Андреемъ, три евангелія, изъ коихъ одно въ сплошномъ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, два въ бархатной отдѣлкѣ съ серебряными окладами по угламъ, и четырнадцать церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, тріодь постная, куплена какимъ-то козакомъ Симеономъ въ 1775 году [4]).

Въ селѣ Лычковомъ первая церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы, существовала уже въ 1706 году; во время набѣга татаръ, 1737—1738, церковь эта, однако,

---

[1]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церк., Екат., 1870, 47.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 337.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 346.
[4]) Эварницкій, Очерки по исторіи зап. коз., Спб., 1890, 126.

была сожжена, и тогда на мѣстѣ ея устроена была часовня, въ которую назначенъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для отправленія въ ней богослуженія. Но въ 1772 году въ селѣ Лычковомъ сооружена была вторая церковь; церковь эта, какъ сказано было выше, перенесена въ Лычково изъ села Бригадировки, стоявшаго на очень неудобномъ мѣстѣ, между лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра и его притока, рѣчки Орели „Будучи на низкомъ очень къ Днѣпру и песковатомъ мѣстѣ учреждена, каждой весны полонною водой обливается, такъ что во время весенняго залива въ церковь бродятъ водою, съ лѣтняго времени окружена оная же церковь кучугурами и пескомъ; отъ песку аппаратовъ церковныхъ да и самыхъ божественныхъ таинъ уберечь никакъ (не) можно, при томъ же и церковь, причиною нетвердости земли и раздавшагося подъ ней песку, на одну сторону повернулась, такъ что и дверей съ одной стороны отворить насилу можно. И мы (т. е. войсковая старшина) разсудили запристойнѣе сей церквѣ перенесенной быть здѣшнихъ вольностей—изъ села Бригардировки—въ село Лычково, какъ мѣсто, ради сооруженія церкви, не низкое и не песковатое, но со всѣми удобствами самопристойнѣйшее“ [1]). Въ настоящее время отъ запорожскихъ козаковъ въ церкви села Лычкова хранятся—два колокола, одно евангеліе и шесть церковно-богослужебныхъ книгъ съ характерными надписями, сдѣланными на нихъ. Колоколъ бо̀льшій безъ надписи принесенъ въ даръ въ слободу Бригадировку въ 1756 году кошт̀омъ лычковскихъ козаковъ Павла Брехаря, Ѳомы и Ивана Чернаго; колоколъ меньшій съ надписью 1756 года принесенъ въ даръ тѣми-же лицами; евангеліе кіевской печати 1753 года принесено въ даръ Аѳанасіемъ Емельяновымъ Сенюковымъ; цвѣтословъ, пожертвованный въ 1764 году козаками кисляковскаго куреня Иваномъ и Аврамомъ Мовчанами; житія Іоанна Дамаскина, Варлаама пустынножителя и Іосифа Лидійскаго, московской печати 1680 года, съ двумя превосходными гравюрами, исполненными начальникомъ русской школы живописи, называвшейся „царской

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I. 325.

школою", второй половины XVII вѣка, Симономъ Ушаковымъ; изъ нихъ одна изображаетъ „миръ", въ видѣ женщины, стоящей на головѣ барашка съ цвѣтами въ рукѣ; другая представляетъ „брань", въ видѣ воина съ копьемъ и мечемъ въ рукѣ и со шлемомъ на головѣ; подъ фигурами означено имя гравера: „Начерталъ Симонъ Ушаковъ 1680", а внизу книги, на правомъ листѣ, сдѣлана по-польски надпись: „1773 (т. е. года) Miesionca Apryla 11 Wydalem lescarbcu Cerhiewica". Кромѣ этого, въ церкви села Лычкова сохранилось нѣсколько другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ—поученія епископа Ильи Минятія, московской печати 1759 года; бесѣда Іоанна Златоустаго той же печати 1768 года, и, наконецъ, книга трофолой, купленная козакомъ войска запорожскаго низового, куреня донского, Даниломъ Махиновскимъ, въ 1754 году [1]).

Въ городѣ Самарѣ, называвшемся иначе Самарью, Самарчукомъ, Самарчикомъ, Новою-Самарою, Новоселицей, Новоселовкой, теперь городомъ Новомосковскомъ, первая церковь построена была скоро послѣ того, „какъ запорожскіе козаки вернулись изъ-подъ туръ-царя", т. е. послѣ 1734 года; по преданію, это была небольшая деревянная церковка, передѣланная изъ простой хаты съ выведеннымъ на ней вторымъ верхомъ, крытая камышемъ и увѣнчанная простымъ желѣзнымъ крестомъ. Какъ кажется, объ этой самой церкви говорится въ „настольной грамотѣ" кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго 1760 года [2]). За время существованія этой церкви въ городѣ Самарѣ, около 1760 года, учреждено было духовное намѣстническое правленіе, именовавшееся „старокодацкимъ запорожскимъ правленіемъ"; главнымъ священникомъ его, „крестовымъ намѣстникомъ", назначенъ былъ Григорій Ивановичъ Порохня; въ то время при духовномъ намѣстничествѣ состояло семь священниковъ, частію исправлявшихъ требы, частію присутствовавшихъ въ намѣстническомъ правленіи [3]). Въ 1773 году старая церковь въ городѣ Самарѣ оказалась

[1]) Эварницкій, Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 133.
[2]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 69.
[3]) Θеодосій, Матеріалы, ист. стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 307.

уже довольно ветхой, и потому рѣшено было воздвигнуть новую вмѣсто старой, обветшавшей церкви.

О построеніи новой церкви въ городѣ Самарѣ сохранились и письменныя данныя, и изустныя преданія. Преданія говорятъ, что, рѣшивъ построить вмѣсто старой новую церковь, запорожскіе козаки, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили, что въ сооружаемомъ храмѣ не должно быть ни одного желѣзнаго гвоздя, потому что „не годится въ храмѣ Спасителя, распятаго на крестѣ и прибитаго къ нему желѣзными гвоздями, вбивать въ дерево желѣзные гвозди, а нужно въ бревна вставлять деревянныя тыбли и на нихъ крѣпить основу церкви“. Вслѣдъ за тѣмъ тѣже преданія разсказываютъ, какъ происходилъ совѣтъ о построеніи новой церкви. Дѣло было въ лѣтній воскресный день, послѣ обѣдни: у ктитора Якова Андреевича Легкóго собрались въ саду, подъ развѣсистой цвѣтущей яблоней, паланочный сердюкъ, асаулъ, подъасаулій, писарь, подписарій, шафарь самарскаго перевоза, протопопъ мѣстнаго города, нѣсколько священниковъ, начальникъ Самарско-Николаевскаго монастыря и нѣсколько почетныхъ обывателей города. На раду приглашенъ былъ мастеръ, Якимъ Погребнякъ, уроженецъ села Водолагъ, Харьковской губерніи; почетные „батькú“ сперва недовѣрчиво отнеслись къ мастеру, который былъ человѣкъ непоказный и вдобавокъ къ тому рыжій. Но потомъ, когда мастеръ „намалювалъ“ въ самомъ саду на дорожкѣ фигуру церкви, „батькú“ повѣрили его опытности и рѣшили строить храмъ „на девять баштъ или куполовъ, на три башты въ рядъ со всѣхъ четырехъ сторонъ“; при чемъ, однако, „батькú“ долго не могли понять того, что хотя верхъ церкви будетъ изъ четырехъ сторонъ и на каждой сторонѣ будетъ по три башты, но всѣхъ баштъ выйдетъ не 12, а 9: „батькú“ забывали, что четвертая сторона входила въ счетъ баштъ, бывшихъ въ счету въ трехъ первыхъ сторонахъ, отчего и выходило всѣхъ баштъ не 12, а 9. „Погребняку трудно было батькàмъ объяснить разсчетъ, на основаніи котораго ювелиръ одной византійской императрицы, дѣлая ей крестъ, умудрился украсть изъ него нѣсколько данныхъ ему драгоцѣнныхъ камней. Онъ ихъ расположилъ такъ, что число ихъ, считая по продольной и поперечной части креста, по каждой

порознь, и потомъ сложенное вмѣстѣ, выходило вѣрно, а на самомъ дѣлѣ было меньше“ [1]). Когда, въ концѣ концовъ, это было понято, то „батькú“ заключили съ мастеромъ контрактъ, на основаніи котораго онъ обязывался устроить въ Самарѣ деревянный соборъ о девяти баштахъ кругомъ, за что паланка должна была выдать ему 2.000 рублей; послѣ совершенія контракта мастеръ изъ договорной суммы добровольно уступилъ 24 рубля на поминъ собственной души. Уже было заключено условіе, уже прошло нѣсколько времени, уже приближалась пора и приступать къ постройкѣ собора, какъ вдругъ мастеръ усумнился въ собственномъ искусствѣ и убѣжалъ въ самарскіе камыши; тамъ онъ скрывался до тѣхъ поръ, пока однажды, во снѣ, не явился ему сѣдой старичекъ, Николай чудотворецъ, и не показалъ на дѣлѣ, какъ нужно строить задуманный храмъ. Мастеръ очнулся отъ своего видѣнія, тотъ же часъ сдѣлалъ изъ „оситнягу“ модель церкви, потомъ явился въ городъ, разсказалъ „батькáмъ“ о своемъ видѣніи и послѣ того приступилъ къ постройкѣ церкви. Храмъ заложенъ былъ по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила Розанова въ 1773 году, какъ значится въ старой „Описи имущества“, хранящейся въ настоящее время въ церкви Новомосковска, а не въ 1775 году, 2 іюня, какъ показываетъ издатель „Матеріаловъ для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи“ [2]). Главный престолъ храма былъ посвященъ Живоначальной Троицѣ, боковой правый—апостоламъ Петру и Павлу, боковой лѣвый—святителямъ Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому. Блюстителями построенія храма были—отставной запорожскій судья Антонъ Головатый и кошевой атаманъ Иванъ Чепига. Вся церковь, кромѣ каменнаго фундамента, сооружена была изъ дубоваго и сосноваго лѣса, доставленнаго изъ сосѣдняго самарскаго лѣса и сложеннаго при помощи тыблей, т. е. шиповъ между бревнами, и замковъ, т. е. особо вырѣзанныхъ связей по концамъ бревенъ. Храмъ оконченъ былъ, кромѣ боковыхъ иконостасовъ, въ 1778 го-

---

[1]) Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 59.

[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 309.

ду и въ этомъ-же году, 13 мая, былъ освященъ проѣзжавшимъ по епархіи преосвященнымъ Евгеніемъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Θеоктистомъ. Въ 1780 году, 30 августа, освящены были мѣстнымъ протопопомъ Григоріемъ Порохней и боковые придѣлы храма. Общая стоимость постройки собора, кромѣ колокольни, обошлась въ 16.785 рублей и 71 копѣйку.

Самарскій соборъ, по красотѣ, великолѣпію и „смѣлой до дерзости“ постановкѣ считался у козаковъ чудомъ на все Запорожье; архитектура его, однако, проста: мастеръ не далъ ей ни колоннъ, ни внѣшнихъ украшеній; снаружи онъ обшилъ его шелевкой и по шелевкѣ побѣлилъ бѣлою краскою; куполъ окрасилъ зеленою ярью; внутри росписалъ стѣны и своды картинами религіознаго содержанія, а иконостасъ возвелъ до сводовъ и украсилъ его великолѣпной рѣзьбой съ разными фестонами и завитками и превосходною живописью въ византійскомъ академическомъ стилѣ XVI и XVII вѣковъ, а также нѣкоторыми экземплярами голландской и фламандской кисти, мѣстами наложивъ на него серебряныя, позлащенныя шаты, мѣстами-же отдѣлавъ тончайшею инкрустаціей. Высота храма 31 сажень, объемъ 58 саженъ. При соборѣ впослѣдствіи поставлена была отдѣльно колокольня съ колоколами, изъ коихъ самый большій вѣсомъ 262 пуда и 24 фунта, цѣною въ 7.220 рублей; около колокольни построены были два дома и тутъже выкопанъ былъ колодезь съ деревяннымъ навѣсомъ надъ нимъ, а вокругъ всей церкви сдѣлана была ограда, окрашенная бѣлою краскою. Близъ западной двери повѣшено было чугунное „било“ съ украшеніями наверху, въ видѣ двухъ лошадиныхъ головъ и съ какими-то въ срединѣ, на подобіе буквъ, углубленіями, издававшее пріятный серебристый звукъ отъ удара по немъ деревяннымъ молотомъ. За постройку грандіознаго храма мастеру Якиму Погребняку выданъ былъ самарскою запорожскою старшиною аттестатъ, хранящійся и понынѣ въ томъ-же храмѣ Новомосковска; тутъ-же находилась и первоначальная модель его изъ „ситнягу“, только недавно распавшаяся отъ времени.

Изъ древнихъ вещей запорожскаго времени въ Самарскомъ соборѣ сохранились слѣдующія: картины, иконы, шесть евангелій, пять напрестольныхъ крестовъ, двѣ чаши,

три дискоса, плащаница, двѣ ризы, подризникъ, дарохранительница и антиминсъ. Изъ картинъ замѣчательна картина, изображающая собой страшный судъ; здѣсь представлены демоны, огни, кипящіе со смолой котлы, орудія пытки и вмѣстѣ съ ними люди, раздѣленные по сословіямъ, начиная съ архіереевъ и кончая простыми мирянами; изъ иконъ наиболѣе интересна икона собора апостоловъ, „отмѣненная“ козакомъ батуринскаго куреня Иваномъ Терещенкомъ въ 1774 году, апрѣля 18 дня; изъ шести евангелій одно печати 1748 года, другое — 1750, пожертвованное козакомъ Лаврентіемъ Плихою, третье—1759, пожертвованное Иваномъ Андреевичемъ Серебреникомъ, и четвертое того-же года, пожертвованное козакомъ Иваномъ Прудкимъ, пятое—1763 и шестое—1773 года, всѣ шесть московской печати; изъ пяти крестовъ четыре пожертвованы общимъ коштомъ войска запорожскаго (1771, 1772, 1774, 1775) и одинъ принесенъ въ даръ тремя козаками—атаманомъ Булахомъ, Иваномъ Неклесою и Иваномъ Булахомъ; изъ трехъ чашъ одна пожертвована запорожцемъ Иваномъ Чумакомъ въ 1754 году, другая—козакомъ Федоромъ Колотнечею въ 1766 году, а третья—общимъ коштомъ запорожскаго войска; изъ трехъ дискосовъ первый пожертвованъ общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1761 году, второй—козакомъ Федоромъ Колотнечею въ 1763 году, третій—общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1772 году; изъ остальныхъ вещей дарохранительница пожертвована общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1768 году; риза первая куплена священникомъ Михайловымъ въ 1763 году, риза вторая пожертвована общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1764 году, подризникъ принесенъ въ даръ козакомъ Стефаномъ Прилукою въ 1758 году и, наконецъ, антиминсъ шелковый, освященный архіепископомъ Евгеніемъ въ 1779 году, февраля 14 дня, данный 1780 года, августа 14 дня [1]).

Въ городѣ Старой-Самари, стоявшемъ въ шести верстахъ выше устья рѣки Самары, впослѣдствіи называвшемся Новобогородицкой крѣпостью и Усть-Самарскимъ ретраншементомъ, въ настоящее время совсѣмъ несуществующемъ,

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, Спб., 1888, I, 71—73.

церковь существовала съ очень давнихъ поръ, какъ кажется, еще въ XVI столѣтіи, но когда именно она впервые тамъ была устроена, въ точности неизвѣстно; извѣстно лишь, что въ 1767 и 1771 году здѣсь была церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы; церковь эта была деревянная, „нѣсколько въ стѣнахъ поврежденная“, построена коштомъ предковъ приходскихъ людей на отведенной подъ церковь землѣ, утварью, облаченіемъ и книгами въ достаточномъ количествѣ снабжена и „къ лучшему исправленію ея при ней доволенъ коштъ имѣется“. При этой церкви состоялъ сперва одинъ священникъ, Іоаннъ Гамалѣя, а потомъ, по представленію самарскаго полковника Игната Пшеничнаго и по просьбѣ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и духовнаго правленія старокодацкой крестовой намѣстніи, посвященъ былъ другой священникъ Ѳедоръ Ластовицкій. Послѣ паденія Запорожья старосамарская покровская церковь перенесена была въ ближайшее къ Старой-Самари село Одинковку; вещи-же изъ нея частію отосланы были въ Самарско-Николаевскій монастырь, частію унесены были ушедшими на Кубань козаками, частію-же сохранились въ теперешней церкви села Одинковки, Куликовѣ тожъ [1]). Въ Одинковкѣ извѣстны— древняя дарохранительница, сдѣланная изъ низкопробнаго серебра, два деревянныхъ рѣзныхъ креста и одинъ образъ святителя Николая Чудотворца съ надписью: „Сей образъ перешелъ въ церковь изъ запорожской Богородицкой крѣпости 1796 года“; къ сожалѣнію, ликъ образа весь реставрированъ.

Въ слободѣ Кильчени, теперь Голубовкѣ, на рѣчкѣ Кильчени, въ бывшемъ зимовникѣ двухъ запорожскихъ козаковъ, Василія Сухины и Гавріила Моторнаго, въ 1745—1760 годахъ, устроена была часовня для молитвъ и пѣснопѣній, при которой состоялъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря; послѣ паденія Запорожья здѣсь поселился бывшей запорожской Сичи, ирклѣевскаго куреня, козакъ Иванъ Голубъ, прожившій до того времени болѣе девяти лѣтъ въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ въ подвигахъ

---

[1]) Ѳеодосій, Историч. обзоръ церкви, 1876, 70; Матеріалы, I, 304, 448.

молитвы и поста; его стараніями въ слободѣ Кильчени устроена была церковь во имя Успенія Божіей Матери, въ 1791 году; съ этого-же времени слобода Кильчень стала именоваться слободой Голубовкой въ честь фундатора ея, Ивана Голуба [1]).

Въ селѣ Кочережкахъ, на рѣкѣ Самарѣ, издавна устроенъ былъ Сергіевъ скитокъ Самарскаго монастыря; при немъ постоянно жили нѣсколько человѣкъ монаховъ и запорожскихъ козаковъ; на обязанности этихъ монаховъ и козаковъ лежало заботиться объ удобствахъ проѣзжавшихъ по самарской паланкѣ и переправлявшихся черезъ кочереженскій бродъ въ рѣкѣ Самарѣ купцовъ, промышленниковъ и вообще всякихъ путешественниковъ; около 1750 года здѣсь возникла слобода Кочережки, которую часто посѣщалъ въ свое время извѣстный колонизаторъ, распространитель православія и фундаторъ многихъ въ посамарскомъ краѣ церквей, священникъ Кириллъ Тарловскій, называвшійся современниками „дикимъ попомъ“; пріѣзжая въ Кочережки, Кириллъ Тарловскій поучалъ народъ слову божію и потомъ внушилъ ему мысль о построеніи церкви при селѣ; мысль его была принята, но церковь въ Кочережкахъ открыта была въ 1778 году, уже послѣ паденія Запорожья [2]).

Въ селѣ Петровскомъ, теперь Балабино-Петровскомъ, на лѣвомъ рукавѣ Днѣпра, Кушугумѣ, около 1740 года, существовала часовня; при ней жилъ постоянно іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря, исправлявшій церковныя требы; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ часовнѣ въ Петровкѣ сходились мѣстные и окрестные обыватели и возносили здѣсь свои молитвы къ милосердому Богу [3]).

Въ слободѣ Дмитріевкѣ на рѣкѣ Самарѣ, теперь селѣ того-же имени Павлоградскаго уѣзда, существовалъ скитокъ Самарско-Николаевскаго монастыря, съ нѣсколькими монахами при немъ; въ воскресные и праздничные дни сюда собирались мѣстные и окрестные обыватели, слушали

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы для истор. стат. описанія, I, 431.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 164.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 265.

божественныя службы, учились слову божію и добрымъ порядкамъ въ жизни; сюда-же пріѣзжалъ нерѣдко „дикій попъ“ Кириллъ Тарловскій: проживая здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, онъ училъ народъ слову божію и вмѣстѣ съ нимъ возносилъ молитвы Господу Богу; въ свою очередь, „дикаго попа“ часто навѣщалъ здѣсь азовскій губернаторъ В. А. Чертковъ [1]).

Въ урочищѣ рѣчки Малой-Терновки, теперь мѣстечкѣ Юрьевкѣ, Павлоградскаго уѣзда, существовала часовня, въ которой молился великій подвижникъ, старецъ Дорошъ, бывшій асаулъ войска низового запорожскаго; святость жизни этого подвижника, безъ сомнѣнія, привлекала очень много православныхъ козаковъ въ этотъ скитъ; впослѣдствіи, съ 1766 года, сюда сталъ пріѣзжать „дикій попъ“, наставлять добру христіанъ и возносить вмѣстѣ съ ними теплыя молитвы къ Богу [2]).

Въ зимовникѣ запорожца Николая Петровича Рудя на рѣчкѣ Нижней-Терсѣ, теперь слободѣ Николаевкѣ-Рудевкѣ, названнаго уѣзда, въ 1754 году, сооружена была походная церковь, во имя святителя Николая, взятая изъ Самарско-Николаевскаго монастыря, по просьбѣ и ходатайству Николая Петровича Рудя; при этой церкви Рудь, содержалъ іеромонаха Самарскаго монастыря, Самуила, совершавшаго богослуженіе и поучавшаго христіанъ слову божію и молитвамъ; въ годину татарскаго лихолѣтья 1768 и 1769 годовъ церковь въ слободѣ Николаевкѣ была истреблена, а жители спаслись бѣгствомъ въ сосѣднемъ Самарскомъ монастырѣ; новая церковь построена была лишь въ 1785 году, послѣ паденія Запорожья, племянникомъ осадчаго Рудя, Николаемъ Алексѣевичемъ Рудемъ [3]).

Въ урочищѣ Межирѣчьѣ, между двумя рѣчками Волчьей и Самарою, теперь селѣ Межирѣчьѣ названнаго уѣзда, въ 1745 году, имѣлась чисовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы и при ней іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для молитвъ, пѣснопѣній и по-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 473.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 515.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 523.

ученія христіанъ слову божію и добрымъ порядкамъ жи зни [1]).

Въ оврагѣ Лозовомъ, теперь слободѣ Подгородней, того-же уѣзда, 1750 и 1765 году, была устроена часовня съ иконою архистратига Михаила и къ ней вызванъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для молитвъ, славословій и поученій [2]).

Въ урочищѣ Андреевкѣ на рѣчкѣ Волчьей, теперь слободѣ Андреевкѣ, Бахмутскаго уѣзда, въ 1757—1768 годахъ, устроена была часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы и къ ней вызванъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для совершенія богослуженія и молитвословій [3]).

Въ селѣ Подгороднемъ, прежнемъ городѣ Донецкомъ, теперь городѣ Славяносербскѣ, въ 1740 году, имѣлась походная церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы и при ней содержался іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для совершенія богослуженій и поученія христіанъ слову божію и добрымъ дѣламъ [4]).

Въ урочищѣ Чернухиномъ и Поповомъ-Яру, при теперешнемъ селѣ Чернухинѣ, Славяносербскаго уѣзда, имѣлась икона святителя Николая Чудотворца и при ней содержался священникъ для молитвъ и пѣснопѣній; черезъ это урочище пролегалъ шляхъ изъ Сичи къ Дону и Кагальнику; для проѣзжавшихъ по шляху при Чернухиномъ урочищѣ устроена была постоянная станція, гдѣ они могли найти для себя и своихъ коней разнаго рода продовольствіе, кормъ и продолжительный отдыхъ; а для того, чтобы проѣзжавшіе, кромѣ того, имѣли возможность удовлетворить здѣсь и своимъ религіознымъ потребностямъ, запорожскій Кошъ распорядился при Чернухиной станціи соорудить икону святителя Николая и къ ней опредѣлить священника [5]).

Въ урочищѣ Кагальникѣ при впаденіи Дона въ Азов-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 533.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 539.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 47.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 87.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 104.

ское море, теперь слободѣ Кагальникѣ, Ростовскаго уѣзда, въ 1750 году, имѣлась походная церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы, и при ней содержался іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря; въ 1768, году во время татарскаго лихолѣтья, жители Кагальника нашли убѣжище въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго; по минованіи бѣды, жители Кагальника возвратились къ развалинамъ родныхъ пепелищъ и тогда при ихъ походной церкви явился вмѣсто іеромонаха священникъ Кириллъ Остролуцкій, родомъ изъ Острога-Луцкаго на Волыни, питомецъ кіевской духовной академіи [1]).

Въ урочищѣ устья рѣки Міуса, при впаденіи ея въ Азовское море, близъ Таганрога, въ теперешней слободѣ Николаевкѣ, Ростовскаго уѣзда, въ 1769 году, 500 душъ семейнаго запорожскаго козачества, по распоряженію Коша, основали три слободы—Николаевскую, Троицкую и Покровскую, и общими силами, въ средней слободѣ, Троицкой, устроили часовню и къ ней пригласили изъ Таганрогской крѣпости священника Никифора Ѳеодорова [2]).

Въ урочищѣ устья рѣчки Берды, центрѣ калміусской паланки, церковь, существовала уже въ первой половинѣ XVIII вѣка; въ 1754 году паланочный полковникъ Андрей Порохня писалъ въ запорожскій Кошъ, что старая церковь въ калміусской паланкѣ уже обветшала и что на мѣсто ея слѣдуетъ возвести новую, для чего необходимо доставить въ паланку необходимое количество строевого лѣса изъ самарской „товщи“; въ свою очередь, Кошъ сообщилъ о необходимости построенія новой церкви въ калміусской паланкѣ кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому, испрашивая у него на то благословенія; владыка прислалъ въ Сичь святительскую грамоту и походный антиминсъ, а вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ отправить туда старую походную церковь, хранившуюся въ Сичи отъ времени пребыванія запорожскихъ козаковъ подъ протекціей Крыма, и отдалъ распоряженіе поставить ее въ паланкѣ для совершенія богослуженія до окончанія новой церкви [3]).

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 210.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 215.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 135.

У Шангирейскаго ретраншемента, на крымской сторонѣ, церковь походная устроена была запорожскимъ полковникомъ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ запорожскими козаками, противъ татаръ и турокъ, начиная съ 1771 года и далѣе [1]).

Кромѣ перечисленныхъ 40 церквей, въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ было еще 7, но когда онѣ возникли, кѣмъ построены, на то нѣтъ никакихъ точныхъ указаній; извѣстно лишь, что въ половинѣ XVIII вѣка существовали церкви въ селеніяхъ: Письмичевкѣ, Пышневкѣ, Козырщинѣ, Перещепинѣ, Калантаевкѣ, Сердюковкѣ [2]) и Половицѣ. Въ послѣдней церковь, во имя Успенія, существовала въ 1774 году, какъ это видно изъ надписи на жертвенникѣ, сохранившемся въ настоящее время въ церкви слободы Гупаловки, Александровскаго уѣзда: „Сей жертвенникъ издѣланъ коштомъ Сѣчи запорозкой куреня щербынѣвского, козакомъ Иваномъ Гергелемъ снѣсарскою работою. А малярскою работою коштомъ куреня титаревского Иваномъ Кривимъ 1774 год(а), которимъ да будетъ вѣчная память". Впрочемъ, изъ надписи на жертвенникѣ не видно, чтобы онъ принадлежалъ именно церкви слободы Половицы, но объ этомъ говорятъ преданія глубокихъ стариковъ [3]).

И такъ, мы нашли въ предѣлахъ запорожскихъ козаковъ, по отрывочнымъ документальнымъ даннымъ, всѣхъ церквей 47; если-бы до насъ дошелъ вцѣлѣ весь запорожскій сичевой архивъ, тогда церквей въ Запорожьѣ оказалось бы гораздо больше показаннаго числа; но уже и этого достаточно, чтобы не смѣть сказать, что запорожцы представляли изъ себя скопище людей „безъ никакой религіи".

Послѣ общаго очерка развитія церкви въ запорожскомъ краѣ, необходимо сказать о самомъ устройствѣ ея, объ отношеніи пастырей къ пасомымъ и, наоборотъ, пасомыхъ къ пастырямъ, о матеріальномъ бытѣ запорожскаго духовенства, объ усердіи запорожцевъ къ храмамъ

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 136.

[2]) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 50.

[3]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1887, №№ 24, 25 и 27.

божіимъ и особенной страсти ихъ къ торжественному богослуженію и, наконецъ, о наиболѣе чтимыхъ ими святыхъ и церковныхъ праздникахъ.

Запорожскіе козаки всегда считали свою церковь независимою въ отношеніи высшей духовной русской іерархіи; поэтому, хотя они и обращались за разрѣшеніемъ разныхъ церковныхъ вопросовъ и за присылкою въ собственныя церкви духовенства къ кіевскимъ митрополитамъ, но все-же въ церковныхъ дѣлахъ Запорожья ставили рѣшенія своего Коша выше власти кіевскаго митрополита, межигорскаго архимандрита и собственныхъ церквей начальника. Но такая церковная автономія, естественно, не могла нравиться русскому правительству, и потому, со времени присоединенія запорожскихъ козаковъ къ Россіи, послѣ 1734 года, русское правительство, постепенно прибирая къ рукамъ запорожцевъ, старалось лишить ихъ, между прочимъ, и церковной автономіи. Первый случай представился къ тому въ 1759 году, по поводу пріѣзда въ Сичь милетійскаго епископа Анатолія Мелеса. Анатолій Мелесъ, прибывъ въ Россію сперва въ санѣ архимандрита и въ качествѣ собирателя подаяній въ пользу Аѳонскаго георгіевскаго монастыря, а потомъ въ санѣ епископа и въ качествѣ уполномоченнаго отъ турецкихъ славянъ, желавшихъ переселиться въ южную Россію, объѣзжая слободскую Украйну и Новороссію, явился и въ Сичь и совершилъ тамъ нѣсколько торжественныхъ богослуженій по чину архіерейскому. Но, совершая литургію, онъ на ектеніяхъ или вовсе исключалъ имя мѣстнаго высшаго іерарха, кіевскаго митрополита Арсенія, или произносилъ его весьма „неправильно и непристойно“. Синодъ осудилъ его за это, но сенатъ, въ виду важности пріѣзда греческаго епископа въ Россію, взялъ его подъ свою защиту; запорожцы также оказали ему свое покровительство и рѣшили не отпускать его отъ себя; тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1760 года Анатолій Мелесъ былъ низложенъ и лишенъ сана. Тогда въ Сичь посланъ былъ царскій указъ, въ которомъ войску запорожскому „наикрѣпчайше повелѣвалось, дабы они никакихъ духовныхъ лицъ, кромѣ указно опредѣленныхъ отъ епархіальнаго своего архіерея, отнюдь не принимали и не держали и безъ дозволенія его никого къ священнослуженію допускать

отнюдь не дерзали“ [1]). Тѣмъ не менѣе, запорожскіе козаки все-же считали свою церковь зависимою только отъ собственнаго Коша, а не отъ русскаго правительства. На этомъ основаніи въ 1769 году, во время русско-турецкой войны, они не хотѣли, не смотря на приказаніе фельдмаршала графа П. А. Румянцева, поставить въ зависимость бывшихъ въ походѣ запорожскихъ іеромонаховъ отъ оберъ-священника всей дѣйствующей арміи. На этомъ-же основаніи послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, принявъ отъ Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря іеромонаха Германа, „человѣка столь хорошаго житія, что онъ можетъ и проповѣди говорить,“ другого, присланнаго въ то-же время и тѣмъ-же монастыремъ, іеромонаха Кошмана, за то, что онъ „непорядочно“, т. е. безъ позволенія Коша, уѣзжалъ въ Кіевъ, велѣлъ немедленно отослать его въ Межигорскій монастырь. Оттого, числясь парафіей кіевскаго митрополита, запорожская церковь даже московскому патріаршему престолу подлежала лишь номинально, и въ дѣйствительности была въ безусловномъ вѣдѣніи одного запорожскаго Коша [2]).

Нравственная зависимость запорожской церкви признавалась войскомъ только отъ кіевскаго Межигорскаго монастыря. Съ самаго начала своего историческаго существованія, т. е. около 1576 года, сичевая церковь составляла парафію Трехтемировскаго кіевской епархіи монастыря; но потомъ, послѣ опустошенія этого монастыря, въ эпоху польско-козацкихъ войнъ, въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, она стала считаться зависимой въ духовномъ отношеніи отъ кіевскаго Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря [3]). Но видимо связь эта сичевой церкви съ Межигорскимъ монастыремъ на первыхъ порахъ была непродолжительна: по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVII вѣка запорожскіе козаки хлопотали о приписке своей церкви къ Кіево-Межигорскому монастырю. Такъ, отъ этого времени до насъ дошло два письма, кошевого Ивана Сирка и кошевого Григорія Иваники, по

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 132, 133.

[3]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 275.

поводу вновь установившихся отношеній между Межигорскою обителью и сичевою церковью. Кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сирко въ 1676 году писалъ въ Межигорскую Спасо-Преображенскую обитель письмо, въ которомъ просилъ игумена монастыря прислать въ Сичь, на правый клиросъ, кого-либо изъ монастырскихъ уставщиковъ, потому что „свѣцкіе панове дьяки“ съ одной стороны неспособны къ церковному дѣлу, съ другой—не умѣютъ цѣнить „ласки войсковой“ и спокойно проживать въ Сичи; въ тоже время кошевой извѣщалъ, что войско запорожское рѣшило посылать свой доходъ въ ту обитель, въ которой объ немъ молятъ милостиваго Бога и при которой находится шпиталь для недужныхъ козаковъ, т. е. обитель Межигорскаго Спаса [1]). Въ 1683 году кошевой Григорій Иваника съ судьей Меченкомъ, писаремъ Константіевичемъ, асауломъ Цесарскимъ, куреннымъ Стягайломъ и Олексіенкомъ, атаманами Яковомъ и Павломъ и всѣмъ товариствомъ низовымъ опредѣленнѣе выражали свои отношенія къ Межигорскому монастырю; они писали на этотъ счетъ слѣдующее письмо: „Такъ какъ намъ, всему войску запорожскому, били письменно челомъ наши духовные отцы, честный господинъ отецъ Василій Васьковскій, игуменъ кіевскій Межигорскій, со всѣмъ соборомъ и съ братіей своей [2]), прося утвердить письменнымъ обѣщаніемъ всего войска на потомные часы и лѣта, чтобы теперь и на будущее время присланные священники изъ ихъ общежительнаго кіевскаго Межигорскаго монастыря, а не изъ другой какой-либо святой обители службы божія въ церкви святой нашей запорожской Покрова пресвятой Богородицы совершали и всѣ надлежащія правила на спасеніе войску отправляли и духовными отцами товариству были, и чтобы парафія наша запорожская всегда въ ихъ обладаніи находилась. И мы, все войско, въ теченіи не малаго времени видя, на сколько пристойно иноческое и общежительное житіе отцовъ кіевскихъ межигорскихъ, находя чинъ ихъ монастырскій похвалы достойнымъ, считая его ко спасенію людей

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 125.

[2]) Письмо передаемъ въ оборотахъ современной намъ рѣчи.

полезнымъ, привѣтнымъ и страннолюбивымъ, имѣя и въ войскѣ и въ церкви нашей служителей его не мало и видя порядокъ въ церкви св. Покровы постоянный, отправленіе церковныхъ службъ по монастырску (=чину) и всѣмъ тѣмъ утѣшаясь, мы, войско, послѣ всего этого, единодушно и хорошо между собою посовѣтовавшись, ту челобитную вышесказанныхъ отцовъ приняли и въ скарбницу войсковую спрятали, а на ихъ желаніе согласились, чтобы церковь запорожская св. Покровы и вся парафія наша всегда за ними оставалась на потомные часы, чтобы при св. Покровѣ неотмѣнно священнодѣйствовали лица изъ монастыря общежительнаго кіевскаго Межигорскаго и войску запорожскому богомольцами и духовными отцами были. При этомъ ставимъ своимъ условіемъ, чтобы монастырь на то святое дѣло прислалъ людей способныхъ и статечныхъ: двухъ священниковъ, діакона и уставщика. Изложенную нашу войсковую согласную волю симъ нашимъ войсковымъ подписомъ и печатью теперь и навсегда на потомные часы подтверждаемъ. Въ заключеніе желаемъ и просимъ, чтобы никто на вѣчныя времена не нарушилъ и не отмѣнилъ ни нашей воли войсковой, слѣдовавшей за волей божіей, ни нашего постановленія, чтобы войсковое слово, вовсе непротивное волѣ божіей, напротивъ славу божію возвеличивающее, было всегда поважно, статечно, и, якъ скала, неподвижно“ [1]).

Кіево-Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь пользовался у запорожскихъ козаковъ особеннымъ вниманіемъ передъ прочими кіевскими монастырями именно потому, что онъ былъ на положеніи ставропигіальнаго монастыря, т. е. стоялъ въ непосредственной зависимости отъ патріаршаго всея Россіи престола и былъ изъятъ изъ вѣдомства русскаго православнаго синода и мѣстнаго митрополита, что вполнѣ гармонировало съ стремленіемъ запорожцевъ сдѣлать свою церковь независимою въ отношеніи къ митрополіи. Нельзя сказать, чтобы стремленіе запорожскихъ козаковъ сдѣлать свою церковь парафіей Межигорскаго монастыря вездѣ встрѣчало полное сочувсвіе: другіе

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 127.

монастыри и даже само высшее духовное начальство въ Кіевѣ вовсе не хотѣли уступить запорожскія церкви одной Межигорской обители. Такъ, въ 1686 году кіевскій митрополитъ Гедеонъ издалъ было повелѣніе подчинить всѣ церкви войска запорожскаго низового кіевской митрополичьей каѳедрѣ, исключивъ всякое касательство братіи Межигорскаго монастыря къ запорожскимъ козакамъ. Тогда межигорскій игуменъ Ѳеодосій Васьковскій вызвалъ свою братію изъ Запорожья черезъ посланнаго туда нарочно монаха Тарасія и въ то-же самое время черезъ другихъ лицъ, Иродіона, Филарета и Гавріила, жаловался всероссійскому патріарху за притязаніе кіевскаго митрополита на запорожскую паству. Узнавъ о распоряженіи митрополита Гедеона, запорожцы написали письмо игумену Межигорскаго монастыря, Ѳеодосію Васьковскому, въ которомъ, удивляясь немилости и нерасположенію его къ себѣ за отзывъ изъ Сичи братіи монастыря, въ то-же время доказывали, что церковь запорожская не подлежитъ власти кіевскаго митрополита и что они, запорожцы, будутъ бить челомъ великимъ государямъ, святѣйшему патріарху и его милости гетману Ивану (Мазепѣ), чтобы они оказали свою милость войску запорожскому и оставили церковь запорожскую на прежнемъ основаніи; въ заключеніе-же объявляли, что не будетъ церковь божія запорожская отлучена отъ монастыря Межигорскаго общежительнаго, пока будетъ течь вода въ Днѣпрѣ и стоять войско запорожское низовое на землѣ. Въ Москвѣ приняли сторону запорожскихъ козаковъ и игумена Ѳеодосія, и грамотою, данною въ 1688 году, 5 марта, патріархомъ Іоакимомъ на имя игумена Ѳеодосія, церковь запорожская вновь сдѣлана была парафіей Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря: „Церковь божію въ Сѣчи запорожской будучую, имѣющуюся въ полной и исправной патріаршей власти, поручить единственному вѣдѣнію Межигорскаго монастыря, съ утвержденіемъ древняго обычая, чтобы войско низовое получало свое духовенство только изъ этой обители“[1]).

Связь запорожскихъ козаковъ съ Кіево-Межигорскимъ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ прекращалась лишь

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 127—129.

на время отъ 1709 по 1734 годъ, когда они находились подъ протекціей крымскаго хана и турецкаго султана— „ходили по туркамъ та по каулкамъ“; въ то время запорожцы пользовались духовенствомъ частію изъ Константинополя, частію изъ Аѳона, частію же изъ православныхъ мѣстъ Польши; но съ возвращеніемъ козаковъ подъ россійскую державу, въ 1734 году, связь ихъ съ Межигорскою обителью не прекращалась до самаго паденія Сичи.

Каждый изъ козаковъ запорожскаго низового войска считалъ своею обязанностью, въ мирное время, два раза побывать „у Межигорскаго Спаса“: запорожскіе козаки дѣлали большіе денежные вклады въ эту обитель, снабжали ее драгоцѣнною утварью—чашами, крестами, евангеліями, дарили богатѣйшими облаченіями [1]), возводили на собственный коштъ церкви и обширныя постройки, какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и внѣ, на дачахъ его, они посылали въ монастырь цѣлые возы рыбы, соли, мѣховъ, вина, отправляли братіи въ подарокъ рабочій скотъ и отличныхъ породистыхъ лошадей, а многіе изъ нихъ и сами, послѣ бурной, исполненной всяческихъ военныхъ приключеній жизни, оканчивали свои дни въ стѣнахъ этой священной и завѣтной для нихъ обители. Братія монастыря, „имѣя большое поможеніе изъ Запорожья“ [2]), всегда помнили благодѣянія запорожскихъ козаковъ и не иначе называли ихъ, какъ „ктиторами“ и „фундаторами“ Межигорской Спасо-Преображенской обители.

Взамѣнъ всѣхъ благодѣяній со стороны запорожскихъ козаковъ Кіево-Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь постоянно посылалъ изъ числа своей братіи въ Запорожье начальниковъ для всего запорожскаго духовенства, настоятелей для Самарско-Николаевскаго монастыря, іеромонаховъ, священниковъ, дьяконовъ, чтецовъ и пѣвцовъ для сичевой и приходскихъ церквей, антиминсы и святое мvро для новыхъ церквей и поступавшихъ въ лоно православной сичевой церкви дотолѣ неправославныхъ христіанъ.

---

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 283, 284, 285.

[2]) Филаретъ, Черноморская Николаевская пустынь, Харьковъ, 1856, 28.

Для собственно сичевой церкви Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь ежегодно присылалъ, обыкновенно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, двухъ іеромонаховъ, одного дьякона и одного или двухъ уставщиковъ; кромѣ того, при сичевой церкви имѣлись и пономари, какъ это видно изъ синодика Нехворощанскаго Заорельскаго монастыря 1714 года, на одной изъ страницъ котораго сдѣлана приписка: „Родъ паламаря сѣчового Ивана Гаркущи“ [1]). Въ 1762 году, весь штатъ сичевого духовенства состоялъ изъ 10 человѣкъ: сѣчевой церкви начальникъ, Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахъ Владиміръ, іеромонахъ Георгій, уставникъ іеромонахъ Леонидъ, іеромонахи: Иларій, Иліодоръ, іеродіаконы: Товія, Виссаріонъ, монахъ Антипа, Кіево-Софійскаго монастыря іеромонахъ Діонисій, іеродіаконъ Салафаилъ [2]). Всѣ духовныя лица, присылавшіяся изъ Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ Сичь, кромѣ монаховъ, отправляемыхъ въ Самарско-Николаевскій монастырь, могли оставаться, подобно свѣтской войсковой старшинѣ, на своихъ мѣстахъ только одинъ годъ, отъ сентября одного года и до сентября другого; исключенія изъ этого общаго правила дѣлались лишь для весьма немногихъ, особенно достойныхъ лицъ, и то „съ войсковой ласки“, а не по желанію кіевскаго монастырскаго начальства. Нужно думать, что такая частая смѣна духовныхъ лицъ въ Сичи дѣлалась въ виду того, чтобы не давать духовенству возможности глубоко пускать корни въ землѣ запорожскихъ козаковъ и тѣмъ гарантировать войску общественную свободу со стороны притязаній духовной власти; оттого духовныя лица не имѣли никакой правительственной власти въ средѣ запорожцевъ: „напротивъ того, сами войсковой старшинѣ повинны бывали и дѣлали все по повелѣнію ихъ“ [3]) и вообще не смѣли вмѣшиваться въ какія бы то ни было мірскія дѣла, исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ наказаніи въ церкви на случай учиненія кѣмъ-либо изъ козаковъ неважныхъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, I, 107.

[2]) Записки одесскаго общ. исторіи и древностей, XIV, 655.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 45.

правонарушеній [1]). Что касается бѣлаго духовенства, назначавшагося въ приходскія церкви вольностей запорожскихъ козаковъ, то для того, чтобы имѣть право служить въ запорожскомъ войскѣ, оно сперва являлось къ начальнику запорожскихъ церквей, потомъ приносило присягу на вѣрность Кошу и только послѣ этого получало извѣстные приходы и паству [2]). Отъ духовныхъ лицъ, присылавшихся въ Сичь, требовалось прежде всего безбрачіе, вслѣдствіе чего Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь всегда назначалъ къ сичевымъ козакамъ монаховъ, кромѣ приходскихъ церквей, куда могло быть посылаемо и семейное духовенство; затѣмъ отъ духовныхъ особъ требовались начитанность въ словѣ божіемъ, краснорѣчіе, голосистость, особенно отъ дьяконовъ, и трезвость; самъ начальникъ запорожскихъ церквей долженъ былъ каждый воскресный и праздничный день говорить проповѣди, непремѣнно наизусть на малороссійскомъ языкѣ [3]); не подходившихъ къ этимъ требованіямъ запорожскіе козаки тотъ-же часъ высылали изъ Сичи; вполнѣ подходившихъ оставляли у себя и оказывали имъ большое уваженіе.

Въ важныхъ церковныхъ случаяхъ, напримѣръ, при построеніи новыхъ церквей, запорожскій Кошъ, насколько видно изъ множества документовъ XVIII вѣка, обыкновенно обращался за благословеніемъ непосредственно къ кіевскому митрополиту, на что послѣдній отвѣчалъ сичевому товариству духовными грамотами. Послѣ учрежденія въ Запорожьѣ такъ называемаго намѣстническаго правленія, около 1760 года, сношенія Коша съ митрополитомъ нѣсколько осложнились: помимо Коша, митрополиту писало и духовное намѣстническое правленіе за подписью „крестоваго намѣстника“. Нужно думать, что эта процедура придумана была именно въ виду того, чтобы поставить запорожскую церковь въ непосредственную зависимость отъ русскаго митрополичьяго престола, къ чему правительство стремилось уже съ половины XVIII вѣка, когда особымъ указомъ „крѣпчайше“ повелѣвалось запорожскимъ козакамъ, „дабы они впредь

---

1) Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1884, № 11, 446.
2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 130.
3) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 46.

безъ дозволенія епархіальнаго своего архіерея никого къ священно-служенію допускать отнюдь не дерзали“ [1]).

Содержаніе сичевому и вообще всему запорожскому духовенству давалось частію изъ войскового жалованья, присылавшагося ежегодно въ Сичь изъ русской столицы, частію отъ продажи церковныхъ свѣчъ, отъ сборовъ за перевозы, отъ всякихъ ловель, торговыхъ лавокъ, питейныхъ доходовъ—шестая бочка отъ привозимыхъ въ Сичь вина и водки [2]), а больше всего отъ щедрыхъ подаяній, духовныхъ завѣщаній и военной добычи: у запорожскихъ козаковъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ было во всеобщемъ обычаѣ передъ смертью давать часть своего достоянія въ церковь „на поминъ козацкой души“; также точно было у нихъ въ обычаѣ, послѣ возвращенія изъ военныхъ походовъ, дѣлить свою добычу на три части и первую часть „отъ всякаго меча и весла“ отдавать въ монастыри и церкви собственнаго и чужого края, какъ это поется въ дошедшихъ до насъ козацкихъ думахъ:

„Сриброˊ, злато на три частиˊ паёвáли:
Пéршу часть брáли, на церквиˊ покладáли,
На святóго Межиˊгорьского Спáса,
На Трехтемиˊровськiй монастиˊрь,
На святýю сичóвую Покрóву давáли,—
Котóри дáвнимъ козáцькимъ скáрбомъ будувáли,
Щобъ за ихъ вставáючи и лягáючи
Милосéрдного Богá благáли,
А другу часть помíжъ собóю паёвáли,
А трéтю часть брáли,
Очеретáми сидáли,
Пилиˊ та гуляˊли“.

Обезпечивъ свое духовенство въ матеріальномъ отношеніи болѣе, чѣмъ достаточно, запорожскій Кошъ тѣмъ самымъ, однако, не исключилъ права у духовныхъ лицъ брать вознагражденіе съ мірянъ за совершеніе таинствъ и исправленіе разныхъ требъ, но ограничилъ лишь взиманіе платы разъ навсегда установленною нормою. По этой нормѣ за сорокоустъ бралось 4 рубля, за вѣнчаніе достаточно-состоятель-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162.

[2]) Θеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 56; Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 45, 46, 49.

ныхъ — 1 рубль, средне-состоятельныхъ — 60 коп., малосостоятельныхъ—40 коп., за субботникъ—50 коп., за похороны большія со службой—30 коп., за похороны малыя безъ службы—15 копѣекъ, за похороны младенцевъ—5 копѣекъ, за освященіе хаты—30 копѣекъ, за панихиду, поминальный обѣдъ, поминаніе въ великій постъ и чтеніе акаѳиста—по 20 копѣекъ, за молебенъ—10 копѣекъ, за крещеніе—5 копѣекъ, за молитву надъ кухликами и за записку въ метрику по 5 копѣекъ, за исповѣдь, молитву предъ Рождествомъ, Пасхой и за освященіе пасокъ по 1 коп. [1]).

Отступленія, которыя позволяло себѣ на этотъ счетъ запорожское духовенство отъ постановленій Коша, немедленно пресѣкаемы были въ самомъ корнѣ ихъ. Такъ, въ 1765 году донесено было въ Кошъ, что самарскіе священники дозволили себѣ разнаго рода „здирства“ въ отношеніи своихъ прихожанъ, взимали за бракосочетаніе болѣе 3 рублей, продавали для церквей свѣчи, только сверху обмазанныя воскомъ, въ срединѣ-же состоявшія изъ одного валу и потому „негодныя ни къ горѣнію, ни къ церковному дѣлу, ни къ чтенію“. Усматривая, что отъ высокой таксы за бракосочетаніе „простонравные народы могутъ сходиться и творить беззаконныя бракосочетанія“, а отъ поддѣлки церковныхъ свѣчъ „грѣшно передъ Богомъ и зазрительно совѣсти“, запорожскій Кошъ особымъ ордеромъ того-же года, 22 января, приказывалъ, черезъ самарскаго полковника Алексѣя Коцыря, немедленно пресѣчь то злоупотребленіе и въ крайнемъ случаѣ отсылать желающихъ вѣнчаться отъ приходскихъ священниковъ въ Самарскій монастырь, какъ то изстари дѣлалось [2]).

Богослуженіе у запорожскихъ козаковъ совершалось каждый день „неотмѣнно“ по монашескому чину восточной православной церкви; церковь, по крайней мѣрѣ, сичевая, всегда отличалась благолѣпіемъ, дорогою ризницей и богатѣйшею церковною утварью, превосходнѣе которой, по замѣчанію очевидца, во всей тогдашней Россіи едва-ли можно было встрѣтить. И точно: царскія врата въ церкви

---

1) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 16.

2) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 117.

послѣдней Сичи были вылиты изъ чистаго серебра, иконы горѣли золотыми шатами, а лики иконъ писаны были лучшими византійскими художниками, священническія ризы кованы чистѣйшимъ золотомъ, священныя книги обложены массивнѣйшимъ серебромъ съ драгоцѣнными камнями [1]). Во время богослуженія запорожцы держали себя въ высшей степени чинно и благопристойно: чтобы не нарушать тишины, войдя въ церковь, они размѣщались соотвѣтственно чинамъ, по разнымъ мѣстамъ: простые козаки рядами среди церкви, старшины, т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, асаулъ и нѣсколько почтенныхъ стариковъ за особыми мѣстами, такъ называемыми бокунами или стасидіями, великолѣпной рѣзной работы, окрашенными ярко-зеленой краской, стоявшими съ обѣихъ сторонъ у стѣны, раздѣлявшей церковь на двѣ половины. При чтеніи евангелія всѣ козаки приходили въ движеніе, стройно выпрямлялись во весь ростъ, брались за ефесы сабель и вынимали лезвія до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности защищать оружіемъ слово божіе отъ враговъ Христовой вѣры; на ектеніяхъ во время богослуженія поминались особы императорской фамиліи, члены правительствующаго сената, весь синклитъ и за нимъ по именамъ—кошевой, судья, писарь и асаулъ.

При богослуженіи запорожцы особенно любили пышность и торжественность, для чего содержали цѣлый хоръ пѣвчихъ, какъ старшаго возраста, такъ и младшаго. Для той-же цѣли они пользовались иногда случайнымъ пріѣздомъ въ Сичь какого-нибудь архіерея и приглашали его совершать богослуженіе въ сичевой церкви во всемъ торжественномъ архіерейскомъ чинѣ. Такой случай представился имъ однажды во время проѣзда по слободско-украинскимъ и запорожскимъ мѣстамъ греческаго епископа Анатолія Мелеса; по просьбѣ запорожцевъ онъ нѣсколько разъ совершалъ богослуженіе въ сичевой церкви, и это крайне восхищало всѣхъ козаковъ: „Зрѣлищемъ архіерейскаго служенія все простонародное запорожское войско весьма до-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 29; Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 85; II, 48--51, 191—193.

вольствовалось. По пограничности сего города (Сичи), яко пріѣзжихъ и иностраннаго народа довольно было, въ прославленіи божіемъ, въ похваленіи знатная польза пріобрѣтена была“ [1]). Запорожцы, увлеченные торжественностію архіерейскаго служенія, предложили епископу Анатолію навсегда остаться въ Сичи и даже исходатайствовали сенатскій указъ объ удержаніи его у себя [2]), и только потомъ, когда Анатолій Мелесъ осужденъ былъ святѣйшимъ синодомъ на немедленную высылку за-границу, отпустили его изъ Сичи, одаривъ богатыми подарками и снабдивъ деньгами.

Кромѣ повседневной литургіи, у запорожскихъ козаковъ всегда служились соборныя панихиды и нарочитые сорокоусты по умершимъ воинамъ какъ въ сичевой, такъ и въ приходскихъ запорожскихъ церквахъ [3]); сверхъ того школьники особо читали по нимъ псалтирь и звонили въ колокола [4]). Для вѣчнаго поминовенія имена убитыхъ козаковъ заносились въ синодикъ или вписывались на особой табличкѣ, въ видѣ продолговатой деревянной лопаточки, которую дьяконъ держалъ передъ престоломъ божіимъ, вычитывая по ней имена павшихъ на брани защитниковъ Христовой вѣры [5]).

Помимо всего сказаннаго о церковномъ устройствѣ въ Запорожьѣ нельзя не отмѣтить еще одной особенности между козаками: у запорожскихъ козаковъ, какъ людей воинскаго званія, извѣстные святые и извѣстные праздники пользовались особымъ уваженіемъ предъ прочими; таковы: Покровъ пресвятой Богородицы, архистратигъ Михаилъ и Николай Чудотворецъ. Въ честь Покрова пресвятой Богородицы всегда устраивали церковь въ самой Сичи; этотъ праздникъ имѣлъ двойное значеніе для запорожскихъ козаковъ: подъ покровомъ Богоматери запорожцы не боялись ни вражьяго огня, ни грозной стихіи, т. е. бури морской;

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 145.

[2]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 282.

[3]) Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 366.

[4]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 143.

[5]) Такая лопаточка недавно еще была въ церкви села Покровскаго, основаннаго на мѣстѣ бывшей запорожской Новой Сичи.

подъ Покровомъ Приснодѣвы они оставались дѣвственниками и свято выполняли главнѣйшій девизъ своей жизни защиту православной вѣры и безбрачіе. Архистратигъ Михаилъ, главнѣйшій „изъ безплотныхъ силъ воинъ“, былъ невидимымъ руководителемъ запорожцевъ на войнѣ, возвѣщалъ имъ своей трубой побѣды и давалъ знакъ къ отступленіямъ. Святитель и великій чудотворецъ Николай, издавна пользовавшійся у русскихъ людей, какъ покровитель всѣхъ „плавающихъ, странствующихъ и путешествующихъ“ [1]), невидимо сопутствовалъ запорожскимъ козакамъ въ ихъ морскихъ путешествіяхъ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ во время страшныхъ бурь на Черномъ морѣ, которое такъ часто носило ихъ чайки то къ Синопу и Трапезонту, то къ Аккерману и самому Царюгороду. Со второй половины XVIII вѣка большимъ уваженіемъ сталъ пользоваться еще праздникъ въ честь святаго Андрея Первозваннаго, какъ перваго, по преданію, насадителя въ странѣ приднѣпровской истинной и православной Христовой вѣры, возвѣстившаго свѣтъ на томъ-же пути славнымъ низовымъ рыцарямъ, подвизавшимся въ тѣхъ-же мѣстахъ за святость вѣры, чистоты церкви и цѣлость русскаго народа.

---

[1]) Герберштейнъ, Записки о Московіи, Спб., 1866, 65.

Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь [1]).

Въ ряду описанныхъ запорожскихъ святынь первое мѣсто занимаетъ Самарскій Пустынно - Николаевскій монастырь. Самарско-Николаевскій монастырь—замѣчательнѣйшая святыня и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ подвижниковъ, и по исключительному его положенію: въ немъ возникла первая для всего запорожскаго, а теперешняго екатеринославскаго и херсонскаго, края, церковь; въ немъ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастырская школа; изъ него вышли первые апостолы вѣры и благочестія на весь край необозримой пустыни; въ немъ хранится множество дорогихъ вкладовъ нашихъ именитыхъ предковъ; въ немъ почиваютъ кости замѣчательныхъ дѣятелей южно-русскаго края и великихъ постниковъ и молитвенниковъ православной христіанской церкви. Оттого святыня эта имѣетъ и должна имѣть свою исторію. Годъ основанія Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря въ точности неизвѣстенъ; но, на сколько можно судить по отрывкамъ документовъ и по дошедшимъ до насъ преданіямъ, начало ему положено было скоро послѣ 1576 года, когда польско-литовскій король Стефанъ Баторій даровалъ козакамъ старый городъ Самарь, съ мона-

---

[1]) Для исторіи Самарскаго монастыря мы располагаемъ четырьмя сочиненіями: Историческая записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ архіеп. Гавріила, Одесса, 1838; Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь еписк. Ѳеодосія, Екатеринославъ, 1873; Топографическое описаніе Самарско-Николаевскаго монастыря въ Запискахъ одесскаго общ. ист. и др., XII, 472; Церковные памятники Г. П. Надхина, Москва, 1878. Къ этому нѣсколько документовъ въ Историческихъ матеріалахъ А. А. Андріевскаго, Кіевъ, 1882, II, 65.

стыремъ и перевозомъ [1]). На двадцать - пять верстъ выше устья рѣки Самары, лѣваго притока Днѣпра, среди дремучаго, вѣковѣчнаго и непроходимаго дубоваго лѣса, между рѣкою Самарою и ея рукавомъ Самарчикомъ, раскинулся огромный низменный и совершенно ровный островъ; на немъ шныряли цѣлыя стаи дикихъ птицъ, бродили цѣлые табуны разнаго рода звѣрей и тутъ же росла густая, высокая и сочная трава; между травой блестѣли чистыя, какъ стекло, озера, наполненныя множествомъ рыбы, раковъ и всякаго рода лѣсныхъ и водяныхъ пернатыхъ. На этомъ-то острову, Богъ вѣсть откуда, около 1576 года, водворились два какихъ-то монаха-отшельника. Предаваясь молитвамъ, воздерживаясь отъ пищи и питія, они дальше своего убѣжища никуда не выходили и никого, кромѣ неба да лѣса, дикихъ звѣрей да пугливыхъ птицъ, не видали. Но, вѣроятно, уединенное мѣсто среди дремучаго лѣса манило къ себѣ не однихъ отшельниковъ: видимо оно влекло къ себѣ и тѣхъ, кому нужно было скрываться отъ преслѣдованія со стороны властей и кто занимался не молитвами и подвигами, а промышлялъ грабежомъ да кровавымъ разбоемъ. Такъ, вскорѣ послѣ водворенія скромныхъ подвижниковъ на острову, въ самарскомъ лѣсу, явились такъ называемые каменники, т. е. разбойники, жившіе дотолѣ въ каменныхъ пещерахъ по берегамъ Днѣпра, противъ его пороговъ. Блуждая по самарскому лѣсу, они случайно набрели на монаховъ и, найдя избранныя ими мѣста во всѣхъ отношеніяхъ удобными для уединенной и безопасной жизни, упросили монаховъ принять ихъ въ свое сообщество, за что стали доставлять имъ пищу, приносить воду и помогать въ работахъ. Такъ прошло нѣсколько времени; монахи возносили свои молитвы къ Богу, каменники трудились за подвижниковъ и подъ конецъ даже построили имъ небольшую келійку, но во все время своего совмѣстнаго житья съ благочестивыми иноками пришельцы тщательно скрывали отъ нихъ свое званіе и свой промыселъ. Спустя, однако, нѣкоторое время, монахи узнали страшную тайну своихъ незванныхъ благодѣтелей и немедленно рѣшились отъ нихъ бѣжать. Разбойники, провѣдавшіе объ этомъ,

---

[1]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

удержали монаховъ, можетъ быть изъ боязни, чтобы они не предали ихъ въ руки правосудія, а можетъ быть и въ видахъ того, чтобы ихъ молитвами испросить у Бога прощеніе за свои великія злодѣянія. Такъ монахи волею-неволею должны были оставаться жить съ разбойниками. Но какъ воръ воруетъ до поры, до времени, такъ и разбойники: уже давно прослышали объ ихъ злодѣяніяхъ запорожцы, давно уже слѣдили за ними козацкіе разъѣзды и, наконецъ, преступники были открыты. Но можно себѣ предоставить удивленіе запорожцевъ, когда они вмѣстѣ съ разбойниками открыли и монаховъ! Однако, недоумѣніе ихъ скоро разъяснилось, и запорожцы, схвативъ злодѣевъ, предоставили полную свободу дѣйствій отшельникамъ и даже даровали имъ разныя льготы и обставили возможными удобствами жизни. Мало того, запорожская старшина, узнавъ объ открытіи въ самарскомъ лѣсу отшельниковъ, велѣла на мѣстѣ ихъ жилища построить маленькую крѣпостцу съ погребами и тайными ходами, потомъ при крѣпостцѣ соорудить небольшую деревянную церковцу, во имя святителя и великаго чудотворца Николая, при церковцѣ поставить „шпиталь“ и нѣсколько жилыхъ построекъ для раненыхъ, недужихъ, престарѣлыхъ и „зубожалыхъ“ запорожцевъ. Впослѣдствіи къ построенной церковцѣ отведены были „властные грунты“, т. е. нѣкоторое количество лѣса, пахотной земли и сѣнокоса и въ 1602 году вызванъ былъ къ новой обители изъ кіевскаго Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ качествѣ настоятеля, іеромонахъ Паисій, родомъ волохъ, человѣкъ начитанный въ священномъ писаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣвшій „раны залѣчивать и больнымъ помогать“. Прибывъ къ возникшей обители, іеромонахъ Паисій скоро возвелъ ее на степень монастыря, добылъ для него ставропигію отъ одного изъ вселенскихъ патріарховъ, нужно думать, константинопольскаго, на основаніи того, что сама Валахія, родина Паисія, находилась въ церковной зависимости именно отъ константинопольскаго патріарха; затѣмъ установилъ общія для монашествующей братіи правила, устроилъ общую для всѣхъ трапезу и ввелъ иноческій уставъ въ богослуженіи. Такимъ образомъ, уже въ это время для запорожскихъ козаковъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь сдѣлался за-

вѣтною святынею, палладіумомъ всего края. „Это – рай божій по землѣ, это—истинная Палестина, это—истинно новый Іерусалимъ!“ говорили они въ своемъ умиленіи, взирая на святую обитель и на высокіе подвиги ея иноковъ, куда подъ старость и сами нерѣдко удалялись на покой, предаваясь молитвѣ и духовнымъ подвигамъ.

Однако, возникнувъ такъ быстро и такъ скоро благоустроившись, Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь въ теченіе XVII вѣка испыталъ много внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ и отъ того много разъ и внутренне и внѣшне измѣнялся: во время наставшихъ между Россіей и Польшей войнъ, послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи въ 1654 году и даже послѣ окончанія этихъ войнъ въ 1667 году Андрусовскимъ перемиріемъ, когда запорожскіе козаки очутились въ двойной зависимости и отъ московскаго царя, и отъ польскаго короля, Самарско-Николаевскій монастырь не разъ былъ ограбляемъ и разоряемъ поляками и ихъ союзниками, татарами и турками [1]). Но въ 1670 году московскій царь Алексѣй Михайловичъ, по просьбѣ кошевого атамана Михайла Ханенка, особою грамотою выразилъ свое благоволеніе и готовность защищать запорожскихъ козаковъ отъ ихъ враговъ и тѣмъ самымъ призвалъ къ дѣятельности братію Самарско-Николаевскаго монастыря. Тогда юная обитель, благодаря усердію запорожцевъ и московскихъ ратниковъ, стоявшихъ на границѣ русскихъ владѣній и „союзно, братерски“ помогавшихъ козакамъ, скоро оправилась отъ постигшихъ ее бѣдъ: обитель была возобновлена и въ ней построена была новая церковь; тогда вмѣсто воплей и стоновъ въ немъ вновь раздалось радостное хвалебное пѣніе и понеслась живая молитва къ Богу. Но въ самомъ концѣ XVII вѣка на Самарско-Николаевскій монастырь вновь обрушились бѣды: въ 1688 году его посѣтилъ русскій князь Василій Васильевичъ Голицынъ; сдѣлавъ здѣсь небольшой вкладъ „въ пятнадцать рублевъ“, князь Голицынъ, въ виду наступательныхъ дѣйствій Россіи на Крымъ, построилъ, по общему совѣту съ гетманомъ Иваномъ Мазепой, близъ монастыря въ Старой-Самарѣ, такъ называемую Новобогородицкую крѣпость. Запорож-

---

[1]) Какъ, напримѣръ, въ 1654 году и раньше въ 1635 году.

скіе козаки, видя въ этомъ стѣсненіе своихъ козацкихъ правъ, вмѣстѣ съ братіей Самарскаго монастыря, открыто высказали свое негодованіе и противъ Мазепы, и противъ Голицына. Такъ какъ недовольство прежде всего вышло изъ Самарско-Николаевскаго монастыря, то князь Голицынъ поступилъ съ братіей его, какъ съ бунтовщиками и крамольниками: русскія войска, „облегли великимъ облежаніемъ“ монастырь, забрали многихъ иноковъ его и подвергли ихъ пыткамъ и истязаніямъ. Въ тоже время гетманъ Мазепа готовился жестоко отомстить запорожцамъ, но въ 1690 году въ окрестностяхъ Самарскаго монастыря открылось страшное моровое повѣтріе, такъ называемая „наглая смерть“, а вслѣдъ затѣмъ все Запорожье подверглось ужаснѣйшему опустошенію со стороны губительной саранчи. Это спасло запорожцевъ отъ гнѣва Мазепы; зато это-же обстоятельство, въ связи съ бездѣятельностію управлявшихъ около того времени начальниковъ монастыря, Алимпія, Созонта и Кессарія, губительно подѣйствовало на состояніе Самарско-Николаевской обители: кельи ея вновь остались безъ жильцовъ, церкви безъ богослуженія, поселки почти безъ жителей.

Въ началѣ XVIII вѣка, послѣ злосчастнаго для запорожскихъ козаковъ 1709 года и послѣ ухода ихъ изъ родныхъ мѣстъ „на поля татарскія, кочевья агарянскія“, Самарско-Николаевскій монастырь испыталъ такія бѣдствія, какихъ ни раньше, ни послѣ не испытывалъ: запорожцы, покидая родныя мѣста, часть монастырскаго добра сожгли, часть забрали съ собой, а самую обитель поручили въ управленіе архимандриту Азовско-Предтеченскаго монастыря, Іосифу. Но это было только начало бѣдъ для Самарско-Николаевскаго монастыря: послѣ прутскаго мира въ 1711 году между Россіей и Турціей, Самарскій монастырь, вмѣстѣ съ своими лѣсами и угодьями, селами и хуторами, достался во владѣніе турокъ и сдѣлался притономъ для хищныхъ татаръ; тогда достояніе его было разграблено, святыня обращена въ пепелъ, заповѣдная роща частію сожжена, частью срублена. Такъ продолжалось до 1720 года; съ этого времени Самарскій монастырь снова, хотя и мало-по-малу, сталъ возобновляться. Тогда всѣ малороссійскіе жители отъ рѣки Самары и до рѣки Орели поручены были русскимъ

правительствомъ вѣдѣнію миргородскаго полковника, на ту пору Данила Павловича Апостола, и сына его Павла Даниловича. Апостолы безбоязненно объѣзжали эту мѣстность, заселяли ее приходившими изъ-за-Днѣпра козаками, а для самаго монастыря, послѣ того, какъ отъ него нѣсколько отодвинулись татары, выписали изъ Кіево-Межигорскго Спасо-Преображенскаго монастыря настоятеля, іеромонаха Іоанникія. Съ трудомъ Іоанникій устроилъ въ монастырѣ нѣсколько келій и въ 1732 году окончилъ троицкую церковку, открывъ въ ней по монастырскому чиноположенію богослуженіе. Къ великому благополучію монастыря, въ 1734 году запорожскіе козаки вновь возвратились на свои пепелища подъ скипетръ россійскихъ государей, и тогда монастырь быстро возникъ изъ-подъ грудъ и развалинъ. Запорожскій Кошъ ничѣмъ не дорожилъ, чтобы только поднять благосостояніе своей святыни, Самарскаго монастыря; а начальникъ всѣхъ запорожскихъ церквей, іеромонахъ Межигорскаго монастыря, Павелъ Маркевичъ, всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы возможно скорѣе возобновить и привести въ надлежащій порядокъ главныя святыни его. Въ слѣдующемъ году главный пограничный начальникъ, возводившій такъ называемую „старую украинскую линію“, генералъ-маіоръ, графъ Іоганнъ Вейсбахъ, въ видахъ политическихъ, много способстовалъ благосостоянію и укрѣпленію Самарскаго монастыря; но еще больше тому споспѣшествовалъ начальникъ русскихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ, приготовлявшійся для войны съ турками и временно стоявшій съ войсками на рѣчкахъ Кильчени и Самарѣ. Леонтьевъ смотрѣлъ на Самарскій монастырь, какъ на важнѣйшій базисъ укрѣпленій противъ турокъ въ виду открывшейся русско-турецкой войны 1735 года. Оттого вмѣстѣ съ возобновленіемъ въ монастырѣ церквей въ немъ исправлены были прежніе тайные подземные ходы, возобновлены погреба и кладовыя, и къ нимъ прибавлены новыя сооруженія, частію для склада провіанта, частію для помѣщенія больныхъ и раненыхъ. Въ наставшую войну запорожскіе козаки въ сперва побѣдили подъ стѣнами монастыря татарскаго предводителя султанъ-нурредина, потомъ разбили крымскихъ татаръ и ногайцевъ, подъ начальствомъ Фети-Гирея. Съ тѣхъ поръ, благо-

даря вниманію запорожскихъ кошевыхъ атамановъ, Ивана Малашевича и Якова Тукала, даровавшихъ монастырю „патентъ“ на начальствованіе въ Самарѣ; благодаря кошевымъ, Якиму Игнатовичу, Данилу Гладкому, Григорію Лантуху, Филиппу Ѳедорову и Алексѣю Бѣлицкому, даровавшимъ ему „на потомныя времена“ значительное количество лѣса, земли, сѣнокоса, рыбныхъ озеръ и рѣчекъ; потомъ, благодаря самому Кошу запорожскому, установившему особую „роковщину“ или „ругу“ для монастыря отъ хлѣбныхъ припасовъ, торговыхъ лавокъ, питейныхъ домовъ, рыбныхъ ловель, звѣриныхъ доходовъ, отъ раздѣла военной добычи и отъ войскового жалованья; затѣмъ, благодаря частнымъ пожертвованіямъ, какъ напримѣръ, самарскаго полковника Кирилла Красовскаго, записавшаго на монастырь прекрасный островъ Монастырскій на рѣкѣ Днѣпрѣ, противъ слободы Половицы; наконецъ, благодаря усердію и трудамъ настоятелей монастыря, особенно Терентія, Николая, Досиѳея, Фотія, Ираклія, Самоила, Владимира, Паисія,—благодаря всему этому, благосостояніе его значительно поднялось, и внутренняя организація пришла въ надлежащій порядокъ. Такъ, въ немъ введенъ былъ аѳонскій уставъ, увеличено число братіи, срублены„ витальницы“, или странноприимческіе дома, открыты школы и лѣчебницы, осажены хутора и заведены верхолазные борты, устроены дачи, мельницы и монастырскіе загоны, „установлены“ рыбныя ловли по рѣкѣ Самарѣ, ея притокамъ и тремъ озерамъ—Луковатомъ, Мазничномъ и Глушковомъ, населено цѣлое село Черпечье для подданныхъ, вотчинниковъ и прислужниковъ монастыря, людей семейныхъ и безсемейныхъ, число которыхъ дошло тогда до 500 человѣкъ обоего пола; наконецъ, сдѣлана была опись всего имущества и составлена краткая исторія монастыря. Такъ, въ половинѣ XVIII вѣка Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь сдѣлался центромъ всей сѣверной окраины запорожскихъ вольностей; у стѣнъ его завелись двѣ ярмарки—одна 9 мая, въ день святителя Николая, другая 6 августа, въ день Преображенія Господня [1]). Тогда къ нему стали стекаться изъ Малороссіи, поль-

---

[1]) Ѳеодосій, Самарскій Пустынно-Николаевскій мон., Екатеринославъ, 1873, 116.

ской и слободской Украйны, отъ тихаго Дона и изъ далекихъ великороссійскихъ губерній, Орловской и Курской, разнаго рода поломники, стали пріѣзжать изъ Сичи козаки или для говѣнья въ немъ или для того, чтобы „затвориться“ въ уеденeнныхъ кельяхъ его, или съ тою цѣлью, чтобы покончить дни свои въ мирной обители. Такъ, здѣсь доживали свой вѣкъ „подякувавшій Сичь за панство“, бывшій кошевой атаманъ Филиппъ Федоровъ, принесшій въ монастырь „капшукъ червонцевъ“ и умершій здѣсь въ 1759 году, имѣя 101 годъ отъ роду; тутъ же жили и покончили свой вѣкъ бывшій войсковой толмачъ Иванъ Швыдкій, бывшій войсковой писарь Дмитрій Романовскій, бывшій войсковой судья Моисей Сухій и многіе другіе старшины и простые козаки. Ближайшіе-же парафіяне Самарскаго монастыря, обыватели его селеній, хуторовъ и дачъ, и крестились въ монастырѣ, и учились закону божію, и вѣнчались въ немъ по особому, дарованному отъ кіевской митрополіи, праву ему, наконецъ, погребались у стѣнъ его.

Тогда благосостояніе монастыря на столько возросло, что онъ самъ не разъ приходилъ на помощь запорожскому Кошу въ годину какихъ-либо бѣдствій, напримѣръ, губительнаго пожара въ Сичи, лютой стужи зимой, когда сичевое товариство нуждалось въ строевомъ лѣсѣ на курени и зимовники и въ дровахъ „на огрѣваніе отъ стужи зимы“, или въ критическіе моменты всего войска запорожскаго, когда нужно было „поддержать войсковую славу“, прилично снабдить для дороги въ Москву представителя войска, судью Николая Касалапа; въ то время монастырь предоставилъ ему не только всѣ необходимыя для того средства, но и предложилъ собственную коляску, выписанную раньше того на счетъ войковыхъ суммъ изъ Вѣны и подаренную „вельможнымъ Кошемъ“ монастырю. Рядомъ съ матеріальною помощью Самарскій монастырь оказывалъ въ это самое время запорожскому войску и нравственную поддержку. Такъ, когда въ 1767 году на Украйнѣ поднялся страшный гонитель ляховъ и жидовъ, Максимъ Желѣзнякъ, когда все Запорожье по этому поводу пришло въ волненіе и тревожное состояніе, когда въ самой обители явились тайные поджигатели народнаго возстанія, тогда отцы и братія мона-

стыря успѣли предохранить запорожцевъ отъ опаснаго предпріятія и успокоить ихъ взволнованные умы. Также точно дѣйствовала братія монастыря и въ слѣдующемъ году, когда въ среду запорожскаго подданства проникли агенты польскихъ конфедератовъ, стремившіеся поднять низовое товарищество, вмѣстѣ съ бывшимъ кошевымъ Филиппомъ Ѳедоровымъ, проживавшемъ въ монастырѣ, противъ русскаго правительства, стать на сторону Турціи и перейти на жительство въ Крымъ, подъ непосредственную протекцію султана. Тогда настоятель монастыря, іеромонахъ Самуилъ, велѣлъ схватить польскаго эмиссара и немедленно отправить его въ Кошъ.

Въ это время мало принесли вреда Самарскому монастырю и моровая язва, и неурожайные годы, и лютыя зимы, и два страшныхъ нашествія татаръ, 1769 года, подъ начальствомъ калга-султана. Все это, безъ особенно большихъ несчастій, пережила братія монастыря, и во время наставшей первой русско-турецкой войны, при императрицѣ Екатеринѣ II, Самарскій монастырь давалъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ многимъ больнымъ и раненымъ, а объ убитыхъ на войнѣ братія его возносила теплыя молитвы у престола Божія; православная обитель не отказывала даже въ своемъ гостепріимствѣ и плѣннымъ врагамъ—татарамъ, туркамъ и ногайцамъ. Настоятель монастыря, Іессей, также усердно заботился о мусульманахъ, какъ и о собственныхъ собратьяхъ по вѣрѣ и Христу, а іеромонахъ Германъ, ученѣйшій и начитаннѣйшій въ словѣ божіемъ пастырь, бесѣдовалъ съ ними объ истинной вѣрѣ въ Бога и многихъ изъ нихъ обратилъ ко Христу. Два изъ этихъ прозелитовъ, инокъ Николай изъ турокъ и инокъ Георгій изъ татаръ, потомъ прославились своею благочестивою жизнью и заслужили себѣ всеобщую любовь кроткимъ и тихимъ нравомъ: перваго изъ нихъ называли „прозорливцемъ“ и „тайновидцемъ судебъ божіихъ“, второго—„искуснымъ врачомъ“, исцѣлявшимъ помощью цѣлебныхъ травъ болѣзни и недуги людскіе.

Въ такомъ видѣ засталъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь роковой для всего Запорожья 1775 годъ: въ этотъ годъ уничтожена была запорожская Сичь. Самарскій монастырь остался нетронутымъ, по просьбѣ архимандрита Кіево - Межигорскаго монастыря Гавріила и намѣ-

стника Самарскаго монастыря Аркадія, поданной на имя генералъ-губернатора новороссійскаго края, князя Г. А. Потемкина. Въ то время за монастыремъ числилось—одно большое село съ 50 дворами крестьянъ, называемое Чернечьимъ, четыре хутора—при рѣчкахъ Родиной, Подпильной, Лозоватой, Кильчени, пять пасѣкъ — въ Грищиномъ, Орловомъ-Кутѣ, Дикомъ-Кутѣ, Дубровкѣ и Пристѣнѣ, четыре мельницы – на рѣкѣ Самарѣ, въ урочищѣ Хащевомъ двѣ, на рѣчкѣ Самарчикѣ, противъ мѣстечка Новоселицы одна, на той же рѣчкѣ Самарчикѣ, ниже первой, тоже одна, кромѣ того одно большое озеро, Соленое, въ Дубровкѣ, съ уступомъ изъ рѣки Самары, и рѣчка Протовча съ уступами, заливами изъ Днѣпра и островомъ среди нихъ съ сѣнокосомъ. На всѣ означенные села, хутора, пасѣки, мельницы, озера и угодья Самарскому монастырю выданы были три межевыя книги, по которымъ за нимъ значилось удобной и неудобной земли 18.648 десятинъ и 2.300 квадратныхъ саженъ; за выдачу книгъ съ монастыря взыскано было 559 рублей и $45^{3}/_{4}$ копѣекъ государственныхъ пошлинъ [1]). Но это было послѣднимъ торжествомъ Самарскаго монастыря: въ 1780 году онъ лишился самостоятельности и былъ объявленъ приписнымъ къ Кіево-Межигорскому Спасо - Преображенскому монастырю. На этотъ разъ лишь одно событіе на нѣкоторое время наполнило сердца монашествующей братіи запорожской обители, — это построеніе въ 1787 году, вмѣсто стараго обветшавшаго деревяннаго собора новаго каменнаго, стараніемъ знаменитаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ „дикаго попа“, въ мірѣ дворянина Кирилла Николаевича Тарловскаго, и бывшихъ войсковыхъ запорожскихъ старшинъ: Филиппа Ѳедорова, Максима Касалапа, Ѳедора Золотаря, Ѳедора Стовбы и Ереміи Максимовича Малого. Но эта радость братіи была непродолжительна: въ 1791 году Самарскій монастырь сдѣлался „домомъ екатеринославскихъ архіереевъ“; въ 1794 году, по приказу князя Григорія Потемкина, отъ него отобрали крестьянъ, а потомъ лишили и большей части земельныхъ

---

[1]) Андреевскій, Историческіе матеріалы, Кіевъ, 1882, IV, 73; у Надхина показано 18,697 дес. и 815 кв. саженъ: Церковные памятники Запорожья, Москва, 1878, 18.

владѣній; изъ 18.648 десятинъ и 2.300 квадратныхъ саженъ оставили лишь 1.632 десятины и 1.630 квадратныхъ саженъ, а подъ конецъ и это количество десятинъ земли уменьшили до 341 десятины земли. [1)]

Въ настоящее время мѣстоположеніе Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря представляется въ такомъ видѣ: онъ стоитъ на очень ровной мѣстности, съ восточной, сѣверной и отчасти западной стороны окруженъ высокимъ дубовымъ лѣсомъ, съ южной стороны окаймленъ песчаною равниной, по которой торчатъ одни сухіе пни отъ нѣкогда росшихъ здѣсь огромнѣйшихъ дубовъ. Лицевая сторона монастыря открывается съ запада, гдѣ онъ отгороженъ отъ лѣса очень красивой деревянной оградкой съ воротами на самой срединѣ ея и съ небольшимъ, также очень красивымъ, домикомъ для пріѣзжихъ и прихожихъ богомольцевъ. За оградой среди двора бросается въ глаза высокая каменная колокольня и за ней каменная церковь,— соборъ монастыря,заложенный, во имя святителя Николая, въ 1782 году и возведенный стараніемъ „дикаго попа“ Кирилла Тарловскаго; за соборомъ слѣдуетъ другая церковь, трапезная, во имя Преображенія Господня, построенная въ 1815 году; а подлѣ трапезной третья церковь, во имя Георгія Побѣдоносца, построенная при архіерейскомъ домѣ въ 1838 году. Колокольня главной церкви построена въ одинъ годъ, 1828, съ архіерейскимъ домомъ, на мѣстѣ деревянной четырехъ-ярусной, поставленной новокодацкимъ жителемъ Карпомъ Яковенкомъ; на этой колокольнѣ виситъ большой колоколъ, 169 пудовъ и 22 фунта, сохранившійся отъ времени запорожскихъ козаковъ и стоившій имъ 8.320 рублей и 90 копѣекъ.

Въ каждой изъ трехъ названныхъ церквей уцѣлѣли до нашего времени нѣсколько остатковъ старины, памятниковъ усердія къ храмамъ божіимъ запорожскихъ козаковъ. Такъ, въ средней части главной соборной церкви бывшаго монастыря, передъ алтаремъ, съ правой стороны, стоитъ главная мѣстная святыня, икона Богоматери, та

---

1) Не имѣя новыхъ матеріаловъ для исторіи Самарско-Николаевскаго монастыря, мы представили ее въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы не повторять того, что о немъ писано.

самая, которая нѣкогда стояла въ Новомъ-Кодакѣ, откуда перевезена была въ полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, изъ Крестовоздвиженскаго монастыря—въ Екатеринославъ, изъ Екатеринослава—въ Самарско-Николаевскую обитель. На ней сдѣлана была серебряная позлащенная шата стараніемъ и коштомъ „Его вельможности пана кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго въ 1772 году, 30 декабря, вѣсомъ въ 3 фунта и 21 лотъ". Въ самомъ алтарѣ собора также хранится нѣсколько вещей запорожскаго времени, изъ коихъ замѣчательнѣйшія слѣдующія. Большой кипарисовый крестъ въ серебряной оправѣ и на серебряной подставѣ, два аршина безъ четверти высоты, „сооруженный коштомъ и стараніемъ" козака роговскаго куреня Василія Бѣлаго, въ 1783 году; другой кипарисовый въ серебряной оправѣ крестъ, сооруженный монахомъ Аврамомъ Запѣчнымъ, въ 1768 году, іюня 17 дня; третій крестъ, малый серебряный, купленный за 18 рублей рабомъ Божіимъ Василіемъ Ѳедоровскимъ, въ 1785 году; чаша серебряная, позлащенная, „наданная" товарищемъ куреня донского Захаріемъ Мартыновымъ; другая чаша, серебряная позлащенная, большихъ размѣровъ, сдѣланная коштомъ козака войска запорожскаго, куреня поповичевскаго, бывшаго кошевого атамана Алексѣя Бѣлицкаго, въ 1771 году, сентября 3 дня; ковчегъ, большой серебряный, въ аршинъ высоты, сооруженный Іереміемъ Максимовичемъ Малымъ, въ 1780 году; евангеліе большое московской печати 1735 года, купленное за отпущеніе грѣховъ товарища куреня поповичевскаго, „покойнаго Никифора, прозываемаго Рябошапка до монастыря Успенскаго Нехворощанскаго Заорельскаго", въ 1740 году; евангеліе малое, „наданное" знатнымъ товаришомъ куреня величковскаго, войска запорожскаго низового, Демьяномъ Лягушею въ 1756 году, мая 2 дня.[1])

Въ церкви Преображенія Господня, въ трапезномъ флигелѣ, отъ запорожскихъ козаковъ остались двѣ замѣчательныя вещи—евангеліе московской печати, сооруженное атаманомъ величковскаго куреня Демьяномъ Лягушею въ 1759

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 85—87.

году, ноября 20 дня, „за покойнаго Петра Гогу, и ризъ двое зеленого златоглаву“, и икона Господа Вседержителя, въ высокой тіарѣ на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державнымъ яблокомъ въ лѣвой. Въ этой иконѣ особенно интересно именно державное яблоко: на немъ представленъ лѣсъ, посреди лѣса озеро, изъ озера протянута рѣчка, черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и ко всему этому изображены три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышахъ и цѣлится въ плавающихъ по рѣчкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ какую-то пищу; около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ—„мажа“, а около рѣчки виднѣется одномачтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: онъ хотѣлъ показать, что Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, оттого и держитъ ихь въ своемъ державномъ яблокѣ.

Въ церкви Георгія Побѣдоносца уцѣлѣли икона, отмѣненная козакомъ Степаномъ Чекересомъ, и евангеліе, данное изъ Сичи архимандритомъ Гавріиломъ въ 1731 году въ монастырь Успенскій Нехворощанскій.

Кромѣ того, въ архіерейскомъ домѣ бывшаго Самарско-Николаевскаго монастыря хранятся портреты двухъ историческихъ дѣятелей запорожскаго края, такъ называемаго „дикаго попа“ Кирилла Тарловскаго, и полковника Афанасія Колпака.

Кириллъ Николаевичъ Тарловскій въ отдаленномъ прошломъ былъ полякъ; предокъ его, носившій фамилію Тарахъ-Тарловскаго, около 1587 года переселился изъ мазовецкаго округа въ Кіевъ; въ Кіевѣ, тогдашнемъ разсадникѣ всѣхъ наукъ, духовной академіи, онъ получилъ высшее образованіе; изъ Кіева переѣхалъ въ городъ Остеръ, изъ Остра въ Козелецъ, Черниговской губерніи, гдѣ, „получа осѣдлость“, женился на благородной шляхтянкѣ, Софьѣ Ходавской. Въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ этого брака, отъ протоіерея Николая и жены его Анны, произошелъ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій. Онъ также воспитывался въ кіевской духовной академіи; по окончаніи курса наукъ, сдѣлался священникомъ сперва при

козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, потомъ, по смерти отца, при козелецкой приходской николаевской церкви. Здѣсь онъ оставался до 1744 года, когда Козелецъ посѣтила императрица Елизавета Петровна. Проѣздомъ въ Кіевъ она остановилась временно въ деревянномъ дворцѣ, устроенномъ для нея на берегу рѣки Остра. Въ этомъ дворцѣ, какъ гласитъ преданіе, императрица, соблюдая строгое инкогнито, сочеталась бракомъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ, уроженцемъ села Лемешовъ, Козелецкаго уѣзда. Обрядъ вѣнчанія совершалъ отецъ Кириллъ Тарловскій. Выѣзжая изъ Козельца, Елизавета Петровна взяла съ собой въ Петербургъ и Тарловскаго; здѣсь она сдѣлала его, какъ это несомнѣнно видно изъ его „паспорта“, священникомъ при церкви „лейбъ-кампаніи корпуса“ и назначила, какъ дополняетъ преданіе, временно духовникомъ и учителемъ супруги наслѣдника русскаго престола, Петра Ѳедоровича, Екатерины Алексѣевны, впослѣдствіи императрицы Екатерины II. Въ Петербургѣ отецъ Кириллъ Тарловскій познакомился со многими особами высшаго круга и между прочимъ особенно сошелся съ В. А. Чертковымъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Азовской губерніи. Есть даже разсказъ, будто-бы Тарловскій былъ женатъ на одной изъ дочерей Черткова, которую видѣлъ еще въ Кіевѣ, будучи студентомъ и черезъ которую онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ тестя своего. Такъ или иначе, но, живя въ Петербургѣ, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій, тотчасъ послѣ смерти Елизаветы Петровны, 25 апрѣля, 1762 года, взялъ, по болѣзни, „паспортъ“ объ увольненіи отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ правомъ, однако, свободно жить въ Петербургѣ или въ епархіяхъ бѣлгородской и малороссійской и безпрепятственно совершать священнодѣйствія „впредь до выздоровленія и свободы отъ тѣхъ болѣзней“, съ вѣдома и дозволенія мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ [1]). Живя все еще въ Петербургѣ, Кириллъ Тарловскій, въ короткое царствованіе Петра III держалъ сторону императора противъ его супруги Екате-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы для историко-стат. описанія, Екатеринославъ, 1880, I, 402.

рины Алексѣевны, и потому, когда послѣдняя сдѣлалась императрицей, Тарловскій, боясь наказанія, бѣжалъ изъ Петербурга въ Кіевъ и здѣсь пристроился, въ качествѣ смотрителя, къ мельницамъ, находившимся на Днѣпрѣ и принадлежавшимъ лаврскимъ монахамъ, перемѣнивъ свою священническую рясу на монашескую. Однако, находя свое положеніе слишкомъ показнымъ и потому боясь попасть въ руки преслѣдователей, Кириллъ Тарловскій рѣшилъ бѣжать изъ Кіева въ дикія степи запорожскаго Низа, къ рѣчкѣ Самарѣ и ея знаменитымъ лѣсамъ. Бродя въ посамарскихъ мѣстахъ, онъ питался дикими плодами, спалъ на голой землѣ, укрывался монашескою рясою и однажды зашелъ въ какую-то балку, близъ теперешняго села Кочережекъ, Павлоградскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Чувствуя усталость и испытывая голодъ послѣ продолжительной ходьбы, онъ присѣлъ въ балкѣ, развелъ огонь и сталъ варить себѣ кулишъ. Но не успѣлъ онъ еще хорошенько и наладиться, какъ вдругъ передъ нимъ, точно изъ земли, выросли два всадника. Дивятся они монаху, а монахъ дивится имъ. Первый пришелъ въ себя монахъ: онъ сталъ приглашать проѣзжихъ людей присѣсть къ казанку и раздѣлить съ нимъ, что Богъ послалъ ему на тотъ разъ. Всадники охотно приняли предложеніе. Во время ужина знакомцы разговорились. Рѣчь зашла о божественныхъ предметахъ. Монахъ оказался пріятнымъ собесѣдникомъ и большимъ знатокомъ священнаго писанія. Всадники попросили монаха открыть имъ свое званіе, сказавъ о себѣ, что они запорожскіе козаки, ѣдущіе изъ степи въ Сичь. Монахъ исполнилъ просьбу козаковъ; разговоръ возобновился и затянулся на продолжительное время; подъ конецъ запорожцы стали приглашать монаха въ Сичь послужить имъ въ ихъ сичевой церкви. Монахъ впалъ сперва въ продолжительное раздумье, но потомъ объявилъ: „Быть по божьему, согласенъ передъ Богомъ помолиться о благополучіи вашего Коша“. Слѣдующимъ днемъ, чуть поднялось солнце, запорожцы, въ сопровожденіи монаха, отправились въ путь и черезъ нѣсколько дней прибыли въ Сичь. Товарищество съ восторгомъ приняло дорогого гостя, и скоро Кириллъ Тарловскій сдѣлался главнымъ священникомъ сичевой покровской церкви, и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ у козаковъ подъ

именемъ „дикаго попа“, потому что былъ открытъ случайно въ дикой степи. Уже послѣ паденія Запорожья о „дикомъ попѣ“ узналъ генералъ-губернаторъ Азовской губерніи, В. А. Чертковъ, и донесъ о немъ императрицѣ Екатеринѣ II, прося у нея отъ его имени милостиваго прощенія. Императрица, умѣвшая всегда прощать своихъ враговъ, даровала „дикому попу“ званіе „лейбъ-кампаніи священника“ во время наставшей второй турецкой войны и тогда-же пожаловала ему будто-бы около 18.000 десятинъ земли, гдѣ теперешнее село Бузовка, и около 8.000 десятинъ земли около теперешняго села Воскресеновки, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи [1]); сверхъ того она подарила ему будто-бы еще нѣсколько тысячъ десятинъ земли въ Крыму. Сдѣлавшись помѣщикомъ и не переставая быть священникомъ, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій съ этихъ поръ пріобрѣлъ извѣстность, какъ фундаторъ Самарско-Николаевскаго монастыря и колонизаторъ двухъ уѣздовъ, Новомосковскаго и Павлоградскаго, теперешней Екатеринославской губерніи. Для монастыря онъ жертвовалъ скотъ, живность, хлѣбъ, продукты, дѣлалъ въ немъ разныя постройки, возводилъ новыя зданія, а для края основывалъ хутора, деревни и села, въ чемъ находилъ себѣ помощниковъ въ лицѣ генералъ губернатора Черткова и собственнаго брата, вызваннаго имъ изъ Черниговской губерніи съ тремя сыновьями. Прежде основанія всякаго села, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій обыкновенно закладывалъ, по собственной модели, церковь, потомъ строилъ хаты, затѣмъ собиралъ поселенцевъ, давалъ каждому изъ нихъ пару воловъ, лошадь, девять овецъ, весь хозяйственный инвентарь и такимъ образомъ послѣдовательно колонизиловалъ пустынный край. Такъ, мало-по-малу, онъ частію способствовалъ основанію, частію самъ основалъ села—Бузовку, Воскресеновку, Васильевку,

---

1) Бузовка по плану 1779 года принадлежала, однако, вдовѣ поручика Марьѣ Афанасьевнѣ Сушковой; въ ней считалось, съ деревней Крамарской, 17.622 д. и 1.833 кв. саж. Отсюда преданіе о пожалованіи Тарловскому Бузовки едвали вѣроятно; Воскресеновка, по плану 1802 года, принадлежала, съ пустошью Никитинской, прапорщику Василію Ивановичу Тарловскому; въ ней считалось 8.318 д. и 561 кв. с.

Новоселку, Паньковку, Малую-Терновку, Кочережки, Межирѣчье и Булаховку [1]). Второе изъ названныхъ селъ, Воскресеновка, основано на мѣстѣ запорожскаго зимовника, существовавшаго уже въ 1745 году; Кириллъ Николавичъ Тарловскій заложилъ въ немъ первое изъ всѣхъ основанныхъ имъ селъ, населилъ его преимущественно пришлыми людьми изъ Козельца и села Лемешей, и отсюда началъ свою колонизаторскую и проповѣдническую дѣятельность: переѣзжая постоянно съ одного мѣста на другое, онъ способствовалъ основанію селъ и хуторовъ, церквей и молитвенныхъ домовъ, и распространялъ слово божіе между людьми вѣрующими, но мало свѣдущими. Изъ Воскресеновки слава о Кириллѣ Тарловскомъ распространилась слишкомъ далеко, и однажды, въ январѣ мѣсяцѣ 1774 года, къ нему явились самозванные генералы и полковники страшнаго Пугачева, Емельяновъ и Стодола, съ товарищами и освѣдомлялись у него, „гдѣ батюшка государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ III“. Въ Воскресеновку не разъ являлся къ Кириллу Тарловскому на бесѣду и азовскій генералъ-губернаторъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ [2]). Въ день храмоваго праздника, 21 сентября, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій любилъ устраивать въ Воскресеновкѣ торжественные обѣды; для этого онъ разставлялъ на протяженіи четырехъ верстъ столы, накладывалъ на нихъ разныя яства, уставлялъ различныя питія и приглашалъ къ нимъ всякаго прохожаго и проѣзжаго, больше всего изъ ближайшихъ селъ теперешней Полтавской губерніи, Орчика и Залинейной. Послѣ обѣда каждому гостю давалъ по алтыну денегъ и по руну овечьей волны и отпускалъ съ миромъ домой. Въ 1781 году Кириллъ Николаевичъ Тарловскій предпринялъ постройку на свой „собственный коштъ“ въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ каменной церкви вмѣсто старой деревянной, во имя святителя Николая, съ особымъ придѣломъ къ ней, во имя Кирика и Улиты, и отдѣльной кельи въ монастырѣ для собственнаго житья. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сдѣлалъ вкладъ

---

[1]) Первыя пять селъ новомосковскаго, послѣднія четыре павлоградскаго у.

[2]) Ѳеодосій, Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 401.

въ монастырь въ 4.000 рублей на поминъ души о здравіи Семена Гаркуши, жителя Новаго-Кодака, и за упокой Якова Сѣдловскаго, бывшаго запорожскаго атамана, жившаго въ слободѣ Новоселицѣ и скончавшагося въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ.

Въ Воскресеновкѣ и въ настоящее время сохраняется домъ „дикаго попа", въ которомъ не такъ давно жилъ родственникъ, по женской линіи, Тарловскаго, землевладѣлецъ Ѳ. И. Бѣлицкій. Въ домѣ сдѣлано четверо дверей съ тою, какъ говорятъ, цѣлью, чтобы удобнѣе было бѣжать изъ него на случай нападенія со стороны непріятелей: если нападавшіе врывались въ одну дверь, то хозяинъ бѣжалъ въ другую, а если они проникали въ другую, то онъ уходилъ въ третью и т. д. Тутъ-же хранилось нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Кириллу Николаевичу, а въ самой церкви села Воскресеновки имѣется помянникъ съ означеніемъ въ немъ года смерти и мѣста погребенія Тарловскаго. На заглавномъ листѣ этого помянника сдѣлана церковно-славянскими буквами надпись, изъ которой видно, что онъ принадлежалъ „помѣщику прапорщику Василію Ивановичу Тарловскому, слободы Воскресеновки, храму святого Воскресенія, списанъ 1794 года, мѣсяца марта дня 10". На первомъ же листкѣ текста тѣми-же буквами вверху, написано: Рωдъ свѧщенно Іерея Кирила Тарловскаго ωнъже исоздатель храма сего и представился въ самарскомъ монастирѣ въ каменной церквѣ погребенъ 1784-го года декембриѧ днѧ 4 [1]). Въ настоящее время ходитъ въ устахъ мѣстныхъ жителей разсказъ, будто бы по смерти Кирилла Николаевича Тарловскаго, его каммердинеръ, нѣкто Яшный, похитилъ всѣ документы покойнаго и впослѣдстіи выдалъ себя за Тарловскаго, отъ котораго якобы и произошли существующіе въ настоящее время въ Новомосковскомъ уѣздѣ, дворяне Тарловскіе. Но, вѣроятно, это относится къ области чистыхъ вымысловъ; правдоподобнѣе допустить мысль, что настоящіе Тарловскіе—поколѣніе брата Кирилла Николаевича, вызваннаго имъ изъ Чернигов-

---

[1]) Отсюда видно, что авторъ Самарско-Николаевскаго монастыря, Ѳеодосій, ошибался, заставляя жить Кирилла Тарловскаго еще въ 1787 году, Екатеринославъ, 1873, 60.

ской губерніи, если только вѣрить преданію, что „дикій попъ“ умеръ бездѣтнымъ.

На портретѣ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій изображенъ во весь ростъ одѣтымъ въ зеленую рясу, съ правой рукой, положенной на сердце, и съ лѣвой, опущенной на евангеліе, раскрытое на текстѣ: „Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы Твоея“. Съ правой стороны портрета изображено распятіе, за распятіемъ виднѣются окна церкви, нужно думать, самарскаго собора, возобновленнаго Тарловскимъ, а внизу помѣщено слѣдующее двустишіе:

„Тарловскаго портретъ священника Кирилла,
Щедрота коей (sic) сей храмъ сооружила“ [1]).

Другая личность, изображенная на портретѣ, хранящемся въ архіерейскомъ домѣ бывшаго Самарско-Николаевскаго монастыря, запорожскій полковникъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ. Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ происходилъ изъ малороссійскихъ старшинныхъ дѣтей и былъ владѣтелемъ двухъ зимовниковъ на лѣвомъ берегу рѣки Орели, при теперешнихъ селахъ Аѳанасьевкѣ и Колпаковкѣ, Новомосковскаго уѣзда. Съ 1745 по 1780 годъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ служилъ въ запорожскомъ войскѣ, сперва простымъ товарищемъ, потомъ атаманомъ шкуринскаго куреня, и затѣмъ полковникомъ полтавскаго пикинернаго полка; въ чинѣ полковника онъ участвовалъ въ походѣ 1771 года русскихъ противъ крымцевъ, подъ командою князя Долгорукаго, за что получилъ награду, большую золотую медаль съ бюстомъ императрицы Екатерины II для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ. Въ послѣдніе годы историческаго существованія запорожской Сичи Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ „велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями Изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній“. Въ 1775 году, послѣ паде-

---

1) О дикомъ попѣ: Ѳеодосія Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 57; его-же: Матеріалы, I, 402, 473, 515; Мацѣевича, Кіевская Старина, 1886, XIV, 821, 1887, XIX, 577; Синодикъ въ церкви села Воскресеновки; словесныя воспоминанія священника села Выше-Тарасовки, Екатеринославскаго уѣзда, Іоанна Курилина; но большинство этихъ свѣдѣній до крайности разнорѣчивы и анекдотичны.

нія Сичи, Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ получилъ въ рангъ 4.950 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Орели, при впаденіи въ нее рѣчки Богатой, гдѣ уже въ 1765 году сидѣлъ своимъ зимовникомъ [1]). На полученной ранговой землѣ Колпакъ основалъ въ 1780 году слободу, въ память своего имени, Аѳанасьевку, и соорудилъ въ ней въ 1782 году церковь во имя Успенія пресвятой Богородицы. Въ тоже время за нимъ оставленъ былъ и другой зимовникъ, принадлежавшій ему уже съ 1770 года, на которомъ онъ основалъ слободу Колпаковку и въ ней заложилъ въ 1778 году церковь, во имя сошествія св. Духа. Въ 1781 году, 31 декабря, Аѳанасій Ѳедоровичъ получилъ отставку съ чиномъ армейскаго полковника, а черезъ шесть лѣтъ послѣ этого былъ выбранъ предводителемъ дворянства Александрольскаго уѣзда, Екатеринославскаго намѣстничества [2]), при чемъ за особое усердіе по службѣ пожалованъ былъ отъ императрицы Екатерины II золотою табакеркой. Подъ конецъ жизни онъ жилъ собственнымъ домомъ въ селѣ Аѳанасьевкѣ, рядомъ съ домомъ теперешняго священника, отца Евфимія Чайкина.

Поколѣніе Аѳанасія Ѳедоровича Колпака въ настоящее время носитъ три фамиліи—Магденковыхъ, Ильяшенковыхъ и Булюбашей. По разсказамъ родственниковъ Колпака, вся его семья состояла изъ одного сына, Ивана, и двухъ дочерей, Анисьи и Надежды; изъ нихъ сынъ умеръ неженатымъ, вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади; старшая дочь вышла замужъ за помѣщика Ильяшенка, предка теперешняго владѣльца Аѳанасьевки; младшая была за помѣщикомъ Булюбашемъ, поколѣніе котораго владѣло теперешнимъ селомъ Колпаковкой. На сохранившемся портретѣ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ изображенъ во весь ростъ и представляетъ собой довольно внушительную особу. Это плечистый, коренастый мужчина, съ открытой, гладко остриженной, безъ чуба головой, съ кривой короткой саблей въ лѣвой и съ двухколѣнчатой съ набалдашникомъ палкой въ правой рукѣ; съ большой золотой медалью, отчетливо выли-

---

[1]) Юбилейный екатеринославскій листокъ, 1887, 32; Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 394, 357—359.

[2]) Александроль—теперешнее мѣстечко Нехвороща, Полтавской губерніи, Константинорадскаго уѣзда: Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 463.

таго бюста императрицы Екатерины II, надѣтой на шею при помощи широкой, голубаго цвѣта ленты; въ суконной шапкой съ барашковымъ околышемъ, перевернутой вершкомъ внизъ и вложенной подъ мышку лѣвой руки. Онъ одѣтъ въ длинный зеленаго цвѣта съ откидными рукавами кафтанъ; опоясанъ широкимъ съ застежками поясомъ; вооруженъ саблей, прикрѣпленной при помощи цѣпочки къ поясу; обутъ въ сафьяновые, свѣтложелтаго цвѣта, сапоги. Внизу портрета сдѣлана надпись: „Войска запорожского низового Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпаковъ“.

Кромѣ всего описаннаго въ бывшемъ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранилось еще шесть золотыхъ медалей съ изображеніями и надписями; изъ послѣднихъ замѣчательна слѣдующая: „Войска запорожского полковому асаулу Евстафію Кабелану за его храбрыя и мужественныя дѣла“. Вмѣстѣ съ медалями хранится трость какого-то запорожскаго кошевого атамана, украшенная драгоцѣнными камнями, съ золотою головкою и тремя рельефными купидонами. Быть можетъ, это принадлежность кошевого Филиппа Ѳедорова, окончившаго мирно свой вѣкъ въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ послѣ долгой жизни въ немъ.

Охрана границъ вольностей запорожскихъ козаковъ.

Живя вблизи татаръ, считавшихъ главнымъ своимъ занятіемъ набѣги на христіанъ, плѣненіе ихъ самихъ и захватъ ихъ имуществъ, запорожскіе козаки естественно старались принимать разныя средства для огражденія своихъ границъ и съ тѣмъ вмѣстѣ собственной свободы отъ внезапнаго вторженія хищныхъ враговъ. Такими средствами у запорожцевъ были бекеты, радуты, фигуры и могилы. Бекетами или пикетами у запорожскихъ козаковъ назывались пограничные разъѣзды вдоль восточныхъ и южныхъ границъ ихъ владѣній, особенно при днѣпровскомъ и бугскомъ лиманахъ. Здѣсь запорожскіе козаки всегда имѣли особые отряды, державшіеся близко „крымской“ черты и наблюдавшіе за всякимъ движеніемъ татаръ, чтобы немедленно увѣдомлять своихъ, когда непріятель снимался въ походъ [1]). Изъ росписи, сдѣланой запорожскими козаками въ 1767 году, по приказу графа Панина, видно, что запорожскіе бекеты стояли въ 20 постахъ: на рѣкѣ Каменкѣ, у праваго берега Днѣпра, близъ бывшей Каменской Сичи; въ урочищѣ Темномъ, противъ Новой Сичи; въ урочищѣ Лысой-Горкѣ, близъ Микитина; въ урочищѣ Городищѣ, т. е. на островѣ Томаковкѣ; въ Голой-Пристани; Тарасовкѣ; Бѣленькомъ; Хортицкомъ и Дубовомъ островахъ; въ кодацкой паланкѣ; у самаго устья Самары; въ урочищѣ Садкахъ; въ урочищахъ Вольномъ и Займахъ; въ Лучинѣ; Жуковскомъ; Богдановомъ, наконецъ, въ мѣстахъ между Орелью и Самарью, паланокъ протовчанской и самарской. Во всѣхъ этихъ 20 постахъ считалось 3.708 че-

---

[1]) Манштейнъ, Записки историческія о Россіи, 1823, I, 221.

ловѣкъ бекетовыхъ[1]). Нѣсколько позже означеннаго времени запорожскіе козаки имѣли свои пограничныя стражи въ слѣдующихъ семи пунктахъ: при рѣчкѣ Каменкѣ, гдѣ нѣкогда была Каменская Сичь; въ урочищѣ Скалозубовомъ, ниже устья рѣки Базавлука; въ урочищѣ вѣтки Темной, противъ Новой Сичи; при рѣчкѣ Осокоровкѣ и по Днѣпру, ниже Ненасытецкаго порога; при устьѣ рѣчки Ингульца, падающаго въ Днѣпръ противъ села Фалѣевки, Херсонскаго уѣзда; по рѣкамъ Ингулу и Громоклеѣ „и въ другихъ разныхъ мѣстахъ, способныхъ къ предосторожности“; кромѣ того, въ Гардѣ надъ Бугомъ „и по одному до Синюхи“. Во всѣхъ этихъ постахъ полагалось—1 войсковой старшина, 6 полковниковъ, 14 полковыхъ старшинъ, 1.510 конныхъ козаковъ, 320 пѣшихъ козаковъ, 69 служивыхъ, а всѣхъ 1.899 человѣкъ и 3.168 при нихъ лошадей [2]). Изъ данныхъ 1774 года видно, что у Кызымыса, при устьѣ Днѣпра, у запорожцевъ стояло 500 человѣкъ пѣшей команды, помѣщавшихся въ 25 землянкахъ 30 и шалашахъ; у Семенова-Рога, при устьѣ Буга, 200 человѣкъ конной команды и до 40 камышевыхъ шалашей; при Гардѣ на Бугѣ для стражи и рыбнаго промысла 500 человѣкъ въ 50 шалашахъ, 2 избахъ и 10 землянкахъ; при Александровскомъ шанцѣ, при устьѣ праваго притока рѣки Днѣпра, Ингульца—100 человѣкъ конной команды въ 10 землянкахъ и въ 3 жилыхъ „покойцахъ“ [3]). Бекеты были, повидимому, постоянной охраной границъ вольностей запорожскихъ козаковъ, хотя по временамъ они то увеличивались, то уменьшались.

Радуты — это особаго рода помѣщенія для сторожевыхъ бекетовъ; онѣ ставились вдоль лѣваго берега Днѣпра, отъ устья рѣки Орели до устья рѣки Конскихъ-Водъ, на разстояніи 10, 20, 30 верстъ, смотря по положенію мѣстности, чтобы можно было видѣть съ одной радуты другую, и представляли собою родъ заѣзжихъ дворовъ, большихъ казармъ, или сичевыхъ куреней. Снаружи онѣ покрыты были тесомъ или камышомъ, обведены обширнымъ дворомъ и ограждены деревяннымъ заборомъ; внутри представляли изъ себя

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 115.
2) Военный энциклопедическій словарь, С.-Петербургъ, 1854, V, 556.
3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, томъ VII, стр. 182.

обширныя избы безъ перегородокъ, съ сѣнями и черезъ сѣни съ небольшою каморкою; при каждой радутѣ устроена была конюшня и полагалось 50 человѣкъ козаковъ, собственно запорожцевъ и гетманцевъ; послѣдніе присылались спеціально изъ Украйны въ помощь сичевымъ козакамъ и вмѣстѣ съ послѣдними и составляли бекетъ. Начальникомъ надъ всякой радутой былъ асаулъ, командовавшій козаками и дѣлавшій въ своемъ районѣ различныя распоряженія [1]).

Фигуры — это рядъ бочекъ, извѣстнымъ образомъ установленныхъ и приспособленныхъ для сторожевыхъ цѣлей. Для каждой фугуры бралось 20 однодонныхъ, осмоленныхъ бочекъ и 1 осмоленная бочка совсѣмъ безъ дна; изъ нихъ составлялись пять рядовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ въ видѣ правильнаго круга. Сперва брали шесть бочекъ, переворачивали ихъ „настóрчь“, ставили крýгомъ одну возлѣ другой и связывали смоляными канатами; на первый кругъ такимъ-же порядкомъ ставили другой кругъ изъ пяти бочекъ; на второй кругъ — третій изъ четырехъ бочекъ, на третій кругъ—четвертый изъ трехъ, на четвертый кругъ — пятый изъ двухъ и на пятый кругъ ставили шестой изъ одной бочки безъ дна. Отъ такого расположенія въ срединѣ фигуры, отъ верху и до низу, получалось пустое пространство; это пространство поливалось смолой, а надъ самой верхней бочкой клался желѣзный прутъ съ блокомъ; на блокъ вздѣвалась длинная веревка, однимъ концомъ опущенная наружу, другимъ въ пустое пространство фигуры; къ послѣднему концу прикрѣплялся желѣзный дротъ, а на дротъ навѣшивался большой, вымоченный въ растворенной селитрѣ, клокъ мочалы или пукъ соломы. Фигуры ставились около каждой радуты на разстояніи четверти или полуверсты одна отъ другой вдоль границы [2]).

Возможно, что описанный способъ охраны границъ заимствованъ запорожскими козаками у гетманскихъ козаковъ: по крайней мѣрѣ, на Украйнѣ пограничная линія охранялась такъ называемыми фарпостами, которые состо-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 77, 80.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 78—80.

яли изъ деревянныхъ избъ съ конюшнями для „драгунскихъ лошадей“ и съ маяками изъ смоляныхъ бочекъ [1]).

Каждый изъ бекетовыхъ козаковъ, находившійся у радутъ и фигуръ, отлично обмундированъ былъ аммуниціей, вооруженъ мушкетомъ, ратищемъ, саблею и четырьмя пистолями. При каждой радутѣ полагалось отъ 5 до 10, иногда и болѣе козаковъ, а при каждой фигурѣ отъ 2 до 3 козаковъ; они разъѣзжали на верховыхъ лошадяхъ по своимъ постамъ, иногда по самымъ границамъ или по открытымъ степямъ, особенно во время покосовъ травы и жатвы хлѣбовъ. Кромѣ того, сами жители запорожскихъ степей, отправляясь на работу, всегда брали съ собой мушкеты и пистоли, и также, въ случаѣ опасности, сбѣгались въ купы для защиты отъ непріятелей. Какъ только бекетовые козаки замѣчали, что татары отдѣлялись отъ своихъ ауловъ и двигались въ походъ, тотчасъ-же подскакивали на коняхъ къ первой фигурѣ, хватали за наружный конецъ висѣвшей на ней веревки, вытаскивали изъ средины бочекъ пукъ соломы или мочалы, зажигали его огнемъ и вновь опускали въ средину фигуры; фигура тотчасъ воспламенялась и тѣмъ давала знать бекетовымъ козакамъ другихъ фигуръ о грозившей опасности. Если татары показывались близъ самыхъ бекетовъ, тогда козаки зажигали вторую фигуру, а если они переходили границу и вступали въ запорожскія земли, козаки зажигали третью. Тогда и всѣ наличныя козацкія войска и случившіеся поселяне приходили въ движеніе, скакали по направленію горѣвшихъ фигуръ и старались отрѣзать путь непріятелямъ. Опасаясь хитрости и коварства со стороны татаръ, запорожскіе козаки бросались въ погоню за ними не иначе, какъ собравшись въ таборъ, составлявшійся изъ двухъ рядовъ возовъ, замыкавшихся спереди и сзади отдѣльными 8 или 10 возами. Вооружившись ружьями, пиками, косами и всѣмъ, чѣмъ попало, одни изъ козаковъ заключались въ таборъ, другіе скакали около табора и въ такомъ видѣ быстро двигались по степи, выславъ впередъ, во всѣ четыре стороны, по одному козаку для отысканія такъ назы-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 127.

ваемой живой татарской сакмы (лошадиныхъ слѣдовъ) по травѣ; развѣдчики должны были съ точностію узнать, сколько прошло непріятеля, какое онъ взялъ направленіе и какъ давно онъ оставилъ степь. Лишь только сторожевые козаки замѣчали непріятеля, тотъ-же часъ давали условный сигналъ, и таборъ мгновенно останавливался. Тогда, если козаки раньше настигали татаръ—побѣда на ихъ сторонѣ; если-же татары раньше замѣчали козаковъ, то побѣда могла быть и въ рукахъ мусульманъ. Такимъ образомъ, въ этихъ схваткахъ все зависѣло отъ быстроты и стремительности и для счастливаго исхода ихъ, по итальянской пословицѣ, нужно было имѣть добрыя ноги и вѣрный глазъ—„bon piede, bon oche“ [1]). Для большей поспѣшности въ погонѣ за быстрымъ врагомъ, во время войны 1736—1739 годовъ, на всякій пѣхотный полкъ давалось по 200 головъ лошадей, которыхъ въ зимнее время запрягали парами въ сани и въ каждыя сани сажали по 3—4 человѣка. И при всемъ томъ не проходило ни одного года, чтобы татары не врывались на Украйну и не дѣлали въ ней страшныхъ опустошеній, особенно въ зимнее время [2]).

Могилы служили у запорожскихъ козаковъ пунктами для наблюденія за движеніями тѣхъ-же татаръ. Большинство подобныхъ могилъ существовало уже гораздо раньше появленія запорожцевъ: они заключали въ себѣ останки погребенныхъ предводителей извѣстныхъ народовъ или племенъ; такимъ образомъ, запорожскіе козаки пользовались уже готовыми земляными насыпями и только приспособляли ихъ къ своимъ стратегическимъ цѣлямъ. Несомнѣнно, однако, и то, что для тѣхъ-же цѣлей они возводили и новыя земляныя насыпи; послѣднія легко отличимы отъ доисторическихъ и даже историческихъ погребальныхъ кургановъ по валамъ и канавамъ, всегда сооружаемымъ при такихъ могилахъ, а также по небольшимъ углубленіямъ, дѣлаемымъ по срединѣ могилы. Такія могилы характерно и мѣтко называются въ народѣ „робленными“ могилами. Для сооруженія ихъ у запорожцевъ существовало

---

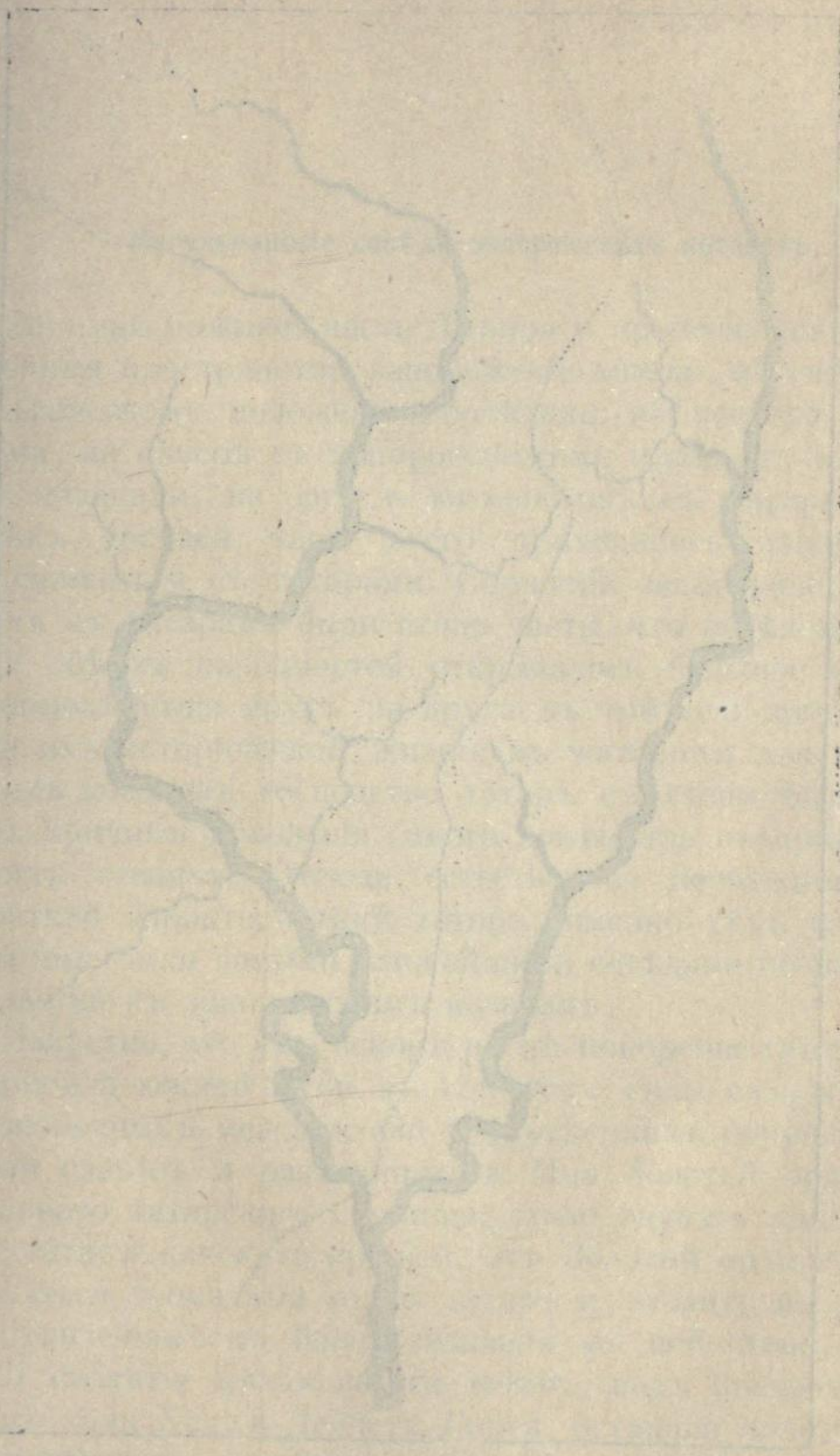
1) Бопланъ, Описаніе Украйны, 1832, 54—55; Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 78.

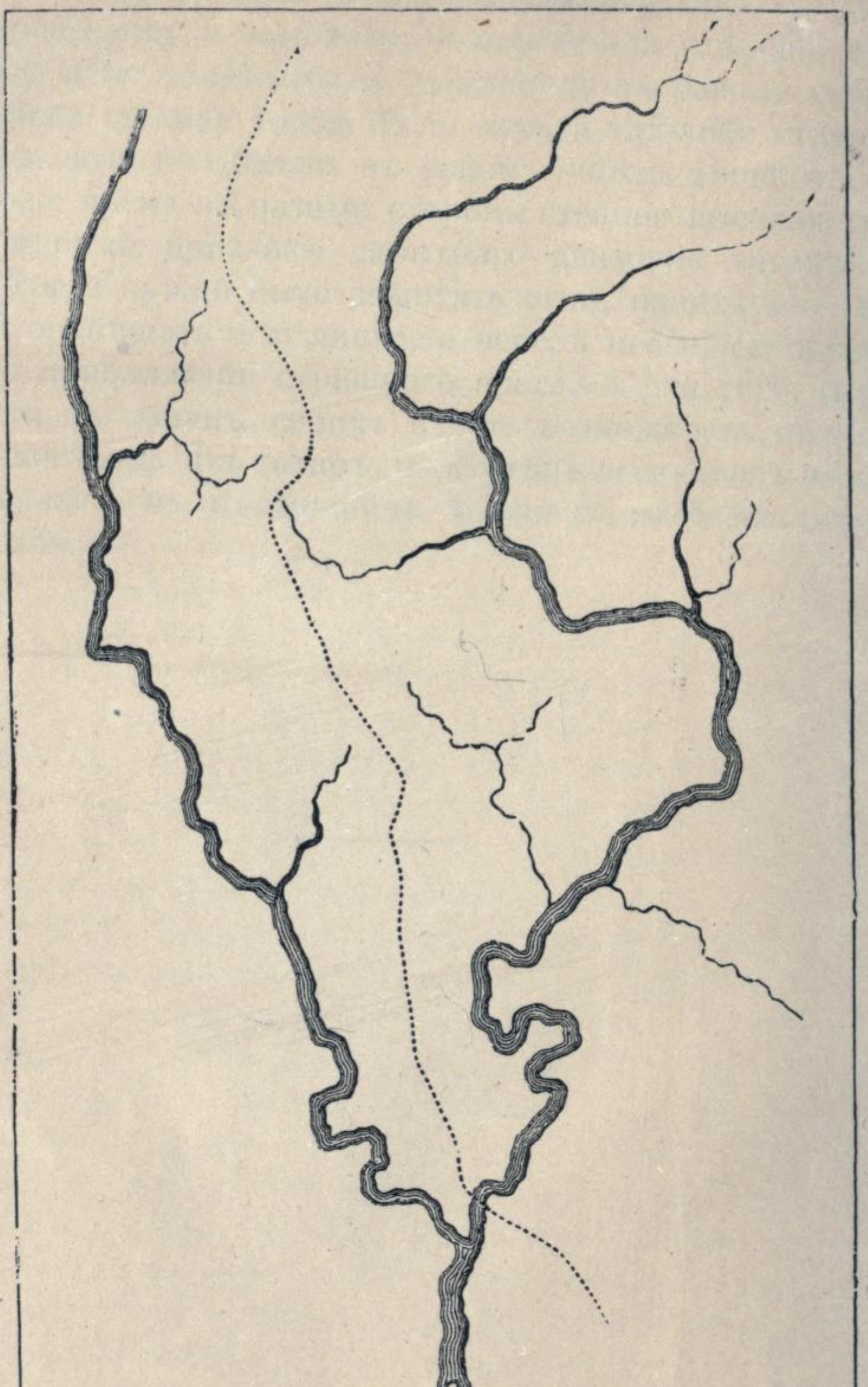
2) Манштейнъ, Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 221.

особое сословіе людей - могильниковъ, по теперешнему саперовъ, которые возводили всякія земляныя насыпи. Втащивъ на подобную могилу пушку, запорожскіе козаки залегали въ ея углубленіи и оттуда вглядывались въ далекую перспективу и замѣчали, не играетъ-ли гдѣ-либо стая вороновъ и не колеблется-ли гдѣ-нибудь въ разныя стороны высокая степная трава. Если играла гдѣ-либо стая вороновъ и если колебалась въ какомъ-нибудь мѣстѣ въ одно и тоже время въ разныя стороны степная высокая трава, то вѣрный признакъ скрытнаго движенія татаръ по степи. Тогда нужно было зажигать огни, палить изъ пушекъ и оповѣщать всю линію, а черезъ нее и всю окрестность, о приближеніи страшнаго врага. А для того, чтобы не ввести въ обманъ своихъ и дать возможность имъ отличить козаковъ отъ татаръ, на курганъ вскакивалъ всегда одинъ козакъ, въ противность татарамъ, взбѣгавшимъ на него кучею [1]).

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 82—83.





Движеніе татаръ по водораздѣламъ рѣкъ.

Мусульманскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ.

Занимая нижнюю часть Днѣпра и прилегающія къ нему степныя пространства, запорожскіе козаки, по своему географическому положенію, сосѣдили: на востокѣ съ донцами, на сѣверѣ съ малороссійскими козаками, на западѣ съ поляками, на югѣ и юго-востокѣ съ татарами. Изъ всѣхъ сосѣдей чаще всего приходилось запорожцамъ сталкиваться съ татарами. Сношенія запорожскихъ козаковъ съ татарами были столь часты, что вслѣдствіе этого для обѣихъ народностей открывалось большое поле для взаимодѣйствія другъ на друга въ той или другой области ихъ исторической жизни; въ частности для запорожскихъ козаковъ господство татаръ въ степи было одною изъ причинъ появленія самого козачества въ приднѣпровскихъ степяхъ. Отсюда естественная необходимость въ краткой характеристикѣ татаръ, именно тѣхъ изъ нихъ, которые были самыми ближайшими сосѣдями по мѣсту жительства къ запорожскимъ козакамъ.

Извѣстно, что уже вскорѣ послѣ покоренія татарами сѣверной и южной Руси, въ 1240 году, силы ихъ, вслѣдствіе безконечныхъ междоусобій и внутреннихъ неурядицъ, начали слабѣть и разъединяться. Имя Золотой орды, этого главнаго татарскаго скопища, стало звучать для самихъ-же татаръ какою-то ироніей. Отъ Золотой орды стали выдѣляться громадныя толпы татаръ и уходить по разнымъ направленіямъ въ близъ лежащія къ ней степи. Уже въ XIII столѣтіи цѣлая ватага татаръ, подъ предводительствомъ хана Хаджи-Девлетъ-Гирея, оставила Золотую орду и поселилась собственнымъ юртомъ на крымскомъ полуостровѣ. Но заразившись духомъ распрей и раздоровъ еще на родинѣ, и крымскіе татары не могли удержаться въ цѣ-

ломъ видѣ на полуостровѣ: въ 1621 году, при ханѣ Орамъ-Тимурѣ, крымцы раздвоились: одна часть ихъ осталась на полуостровѣ, а другая, подъ предводительствомъ хана Ногая, составила самостоятельную орду, ногайскую, раскинувшуюся на пространствѣ между нижнимъ Дунаемъ и Кубанью. Но, въ свою очередь, ногайская орда распалась на четыре самостоятельныя орды: джедишкульскую, джамбойлуцкую, джедисанскую, и буджацкую [1]), находившіяся, однако, въ большинствѣ случаевъ, въ мирныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и составлявшія иногда одно цѣлое между собой [2]). Эти четыре орды были въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ запорожскими козаками.

Джедишкульская или едичкульская орда [3]) кочевала по лѣвому берегу Днѣпра, отъ города Кызыкерменя, стоявшаго у праваго берега Днѣпра, вверхъ на сѣверъ до устья рѣки Конскихъ-Водъ, потомъ отъ запада на востокъ по рѣкѣ Конскимъ-Водамъ до вершины ея и до рѣчки Берды, разстояніемъ болѣе трехсотъ верстъ, „а внутрь ихъ границы на крымской степи разсѣяны они (татары) до Перекопа“. Взятыя всѣ вмѣстѣ владѣнія этой орды приходились въ теперешнихъ уѣздахъ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ, Таврической губерніи. Главная ставка джедишкульской орды находилась у лѣваго притока Днѣпра, Рогачика, близъ Конскихъ-Водъ, отъ запорожской Сичи на Подпильной верстахъ въ тридцати, а отъ запорожскихъ зимовниковъ по Конскимъ-Водамъ и по Днѣпру верстахъ въ двухъ, трехъ, пяти и девяти. Джедишкульская орда жила аулами по степи, главнымъ образомъ у рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ и въ Конскія-Воды и у степныхъ „коевъ“ или колодцевъ, на большомъ разстояніи аулъ отъ аула; всѣхъ ауловъ въ ней считалось въ 1766 году 100, а въ каждомъ аулѣ отъ 100 до 200 и болѣе кибитокъ или дымовъ, а всего 29,000 дымовъ. При всякомъ аулѣ джедишкульской орды состояли начальниками всегда

---

[1]) Въ 1625 году эти орды дѣлились еще на ногайскую, очаковскую и буджацкую: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 485, прим. 72.

[2]) Хартахай, Вѣстникъ Европы, 1866, II, іюнь, 196—197.

[3]) Отъ словъ „еди“—семь и „кулъ“или„колъ“—озеро, т. е. семиозерная орда.

наслѣдственные мурзы [1]), въ одномъ аулѣ по одному, а въ другомъ по два или по три, смотря по числу кибитокъ; надъ всѣми мурзами опредѣлялся сераскеръ-султанъ, большею частію или сынъ, или другой какой-либо ближайшій родственникъ крымскаго хана [2]).

Джамбойлуцкая орда [3]) кочевала также у лѣваго берега Днѣпра, отъ Кызыкерменя внизъ къ Кинбурну и далѣе въ степь къ востоку, въ части теперешнихъ уѣздовъ Мелитопольскаго и Бердянскаго, Таврической губерніи. Главнымъ центромъ этой орды былъ городъ Перекопъ, отъ котораго орда называлась иногда перекопскою. Джамбойлуцкая орда кочевала также аулами, аулы же состояли изъ кибитокъ или семей; всѣхъ кибитокъ въ ней считалось въ 1766 году 5.000; управлялась она рѣдко сераскерами, а большею частію каймаканами или генералъ-губернаторами, жившими всегда въ Перекопѣ [4]).

Джедисанская или едисанская орда [5]), называвшаяся ногайскою преимущественно предъ другими, кочевала по правой сторонѣ рѣки Днѣпра, отъ рѣчки Каменки за Бугъ, въ теперешнихъ уѣздахъ Херсонскомъ, Ананьевскомъ, Тираспольскомъ и Одесскомъ, Херсонской губерніи. Главнымъ центромъ этой орды былъ городъ Очаковъ, отъ котораго она называлась иногда очаковскою; это была самая многочисленная орда: въ 1766 году въ ней считалось около 40.000 кибитокъ [6]); она управлялась нѣсколькими мурзами, надъ которыми стоялъ одинъ сераскеръ изъ рода крымскихъ Гиреевъ; въ зимнее время татары этой орды сносились съ запорожскими козаками по льду рѣки Буга.

Буджацкая орда [7]), называвшаяся иначе бѣлогородскою и добруджскою, кочевала также за Бугомъ, между устьями

---

[1]) Мурзами назывались дворяне второй категоріи; это слово происходитъ отъ словъ „эмиръ-заде“, т. е дѣти князей: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 478, прим. 33.

[2]) Чернявскій, Описаніе Сѣчи 1766 г., Исторія Мышецкаго, 85—86.

[3]) Производятъ отъ слова „Джамба“ или „Эмба“—рѣка, впадающая въ Каспійское море, восточнѣе Урала; отсюда джедисанская орда—эмборѣчинская орда.

[4]) Чернявскій, Описаніе Сѣчи въ 1766 году: Исторія князя Мышецкаго, 88.

[5]) Отъ словъ „еди“—семь и „сан“—счетъ, т. е. семисчетная орда.

[6]) Чернявскій, Описаніе Сѣчи въ 1766 году: Исторія князя Мышецкаго, 88.

[7]) „Буджакъ“—татарское слово, что значитъ по русски „уголъ“.

Днѣстра и Дуная, отъ Аккермана до Килiи, въ нижней части Бессарабiи, въ цынутахъ бендерскомъ и томарскомъ, теперешнихъ уѣздахъ Аккерманскомъ, Бендерскомъ, Кишеневскомъ. Бессарабской губернiи и частiю Тираспольскомъ, Херсонской губернiи, на пространствѣ 200 верстъ длины и 150 верстъ ширины. Центральными поселенiями ея были Ганкишла, Коушаны и Аккерманъ, у польскихъ писателей и русскихъ лѣтописцевъ Бѣлгородъ или Бѣлый-Городъ. Отдѣлившись отъ крымскаго царства и поселившись въ Буджакѣ въ XVI вѣкѣ, орда эта не признавала надъ собою ни могущества турецкаго султана, ни власти крымскаго хана, имѣла собственнаго повелителя, называвшагося у турокъ беемъ, и раздѣлялась на 80 или 90 улусовъ [1]). Буджаки занимались безпрерывной войной, славились своимъ наѣздничествомъ и превосходили храбростiю даже крымскихъ татаръ: разъѣжая по своей степной равнинѣ въ числѣ 8.000 или 10.000 человѣкъ и раздѣляясь на отряды въ 1.000 всадниковъ, разстоянiемъ въ 10 или 12 миль, они постоянно гарцовали на своихъ бойкихъ коняхъ и вездѣ искали себѣ добычи. Въ 1625 году буджацкая орда могла выставить въ поле 15.000 человѣкъ, обыкновенное-же число ея восходило до 20.000 и даже до 30.000 человѣкъ [2]).

Общее число населенiя во всѣхъ четырехъ ордахъ опредѣлялось такъ: въ 1625 году—50,000 всадниковъ, въ 1705 году—60.000, въ 1766 году—въ трехъ ордахъ, кромѣ буджацкой, 65.000 кибитокъ [3]).

Непосредственное сосѣдство ногайскихъ татаръ съ запорожскими козаками заставляло тѣхъ и другихъ вступать въ такiя или иныя отношенiя другъ къ другу. Въ первое время политической жизни крымскихъ татаръ вражды между мусульманами и христiанами еще не было. На первыхъ порахъ крымскiе татары жили мирною жизнью: истощивъ свои силы во внутренней борьбѣ, они жаждали только по-

---

1) Бопланъ, Описанiе Украйны, 53; Записки Миниха, Спб., 1874, 164.

2) Записки одесскаго общества исторiи и древностей, VI, 180; Бопланъ, Описанiе Украйны, Спб., 1832, 54.

3) Записки одесскаго общества исторiи и древностей, XI, 485; Русовъ, Русскiе тракты, Кiевъ, 1876, 62; Чернявскiй, Описанiе Сѣчи 1766, у Мышецкаго, Одесса, 1852, 87—88.

коя, и другого идеала счастливой жизни, кромѣ мирнаго пастушества, не видѣли. Въ этотъ періодъ времени татары даже сблизились со славянами литовско-русскаго княжества, польскаго королевства и молдавскаго господарства. При ханѣ Хаджи-Девлетъ-Гиреѣ, царствовавшемъ въ Крыму цѣлыхъ 39 лѣтъ, дружба между славянами и татарами на столько укрѣпилась, что между ними установились даже мирныя торговыя сдѣлки. Самъ ханъ дѣлалъ вспомоществованія христіанскимъ монастырямъ. Но такое положеніе продолжалось только до 1478 года: въ это время самостоятельность крымскаго юрта окончилась, и имъ завладѣли турки. Ханомъ оставался въ Крыму прежній властитель, одинъ изъ восьми сыновей Девлетъ-Гирея, Менгли-Гирей, но онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ турецкаго султана. Уже тотчасъ послѣ этого политика крымцевъ перемѣнилась въ отношеніи христіанъ и приняла противоположный прежней политикѣ характеръ. Причиной такого поворота дѣлъ былъ, съ одной стороны, характеръ новаго хана, Менгли-Гирея, характеръ дикій, воинственный и кровожадный, а съ другой стороны тотъ фанатизмъ, который привили татарамъ покорители крымскаго юрта, турки. Отсюда и началась вражда татаръ къ запорожскимъ козакамъ. Къ этому присоединилось еще и то, очень важное, обстоятельство, что съ водвореніемъ турокъ въ бывшей греческой имперіи и съ появленіемъ ихъ на крымскомъ полуостровѣ, имъ понадобились массы невольниковъ обоего пола, особенно молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ. Невольницы необходимы были туркамъ для удовлетворенія ихъ азіатской роскоши и нѣги, а невольники-мальчики для службы въ янычарахъ и для занятія придворныхъ различнаго званія должностей, требовавшихъ особаго довѣрія. Всѣ невольники на языкѣ мусульманъ назывались ясыремъ [1]); этотъ-то ясырь и стали съ тѣхъ поръ доставлять туркамъ татары. Для татаръ, особенно ногайскихъ, которые вели кочевую жизнь, мало занимались торговлей, еще меньше того промыслами, которые не имѣли подвластныхъ народовъ для взиманія

---

[1]) „Ясырь“ съ арабскаго „эсырь“, что значитъ плѣнникъ: Труды московскаго археологическаго общества, 1883, IX, в. II и III, 216.

съ нихъ дани, скитались по дикой и безлюдной степи и представляли изъ себя орду убогихъ и полуголодныхъ дикарей, поставка христіанскихъ невольниковъ для богатыхъ, лѣнивыхъ и сластолюбивыхъ турокъ была главнѣйшимъ источникомъ пропитанія и довольства въ жизни.

Оттого главное отношеніе мусульманскихъ сосѣдей къ запорожскимъ козакамъ съ этихъ поръ стало выражаться набѣгами на козацкіяземли и черезъ нихъ на Украйну, Литву, Польшу и Россію. Желая обезопасить свои набѣги, татары построили нѣсколько городовъ у береговъ нижняго теченія Днѣпра. Такъ, около 1450 года они возвели крѣпости Кызыкермень и Джанкермень; изъ нихъ первая находилась противъ устья рѣки Ингульца [1]). Въ 1491 году они построили крѣпость Тягинь, гдѣ теперь село Тягинка, Херсонскаго уѣзда. Въ половинѣ XVI столѣтія возвели крѣпости Бургунъ, гдѣ село нынѣ Бургунка, тогоже уѣзда, и Арсланъ или Асламъ-Кермень („Усламовы, Исламовы городки“) на островѣ Тавани, противъ города Кызыкерменя, а въ 1525 году отняли у поляковъ городъ Очаковъ.

О боевыхъ средствахъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ источники того времени представляютъ намъ слѣдующія данныя. Регулярныхъ или постоянныхъ войскъ татары никогда не имѣли и для своихъ походовъ въ непріятельскія страны призывали охотниковъ. Недостатковъ въ такихъ охотникахъ между татарами никогда не было, что̀ зависѣло главнымъ образомъ отъ трехъ причинъ: бѣдности татаръ, отвращенія ихъ къ тяжелому физическому труду и фанатической ненависти къ христіанамъ, на которыхъ они смотрѣли, какъ на собакъ, достойныхъ всяческаго презрѣнія и безпощаднаго истребленія. Допуская, вмѣстѣ съ историкомъ Сѣчи Скальковскимъ [2]), общее число всѣхъ татаръ въ XVIII вѣкѣ, въ Крыму и ногайскихъ степяхъ, въ 560.000 человѣкъ обоего пола или въ 280.000 одного мужского пола, Всеволодъ Коховскій полагаетъ, что крымскій ханъ для большихъ походовъ въ христіанскія земли поднималъ почти 1/3 всего мужскаго населенія своей страны [3]). Зимой

---

1) Акты южной и западной Россіи, XIII, 457.

2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 25—29.

3) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб. 1862, 66.

татары всегда шли въ бо́льшихъ силахъ, нежели лѣтомъ; эта разница зависѣла главнымъ образомъ оттого, что лѣтомъ татары не всегда могли скрыть слѣды движенія своей конницы по высокой степной травѣ, не всегда успѣвали обмануть бдительность сторожевыхъ козаковъ и, наконецъ, лѣтомъ татары менѣе были свободны, чѣмъ зимой. Татары шли въ походъ всегда на легкѣ: они не везли съ собой ни обозовъ, ни тяжелой артиллеріи [1]). Повозокъ, запряженныхъ лошадьми, татары не терпѣли даже у себя дома, обходясь, въ случаѣ надобности, волами или верблюдами, совсѣмъ непригодными для быстрыхъ набѣговъ на христіанскія земли; для лошадей, въ сто или двѣсти тысячъ головъ, татары хотя и не могли найти достаточнаго продовольствія, но они продовольствовали ихъ степной травой даже и въ зимнее время, пріучая ихъ добывать себѣ кормъ, разбивая снѣгъ копытами [2]). Огнестрѣльнаго оружія татары не употребляли, предпочитая невѣрнымъ выстрѣламъ изъ ружей мѣткіе выстрѣлы изъ луковъ. Стрѣлами-же они такъ отлично владѣли, что, по словамъ очевидца, могли попадать на всемъ скаку въ непріятеля въ шестидесяти и даже во ста шагахъ [3]). Зато число лошадей они брали въ походъ гораздо больше, чѣмъ другіе какіе-либо степные наѣздники: всякій татаринъ велъ съ собой въ походъ отъ 3 до 5 коней, а всѣ вмѣстѣ отъ 100.000 до 300.000 головъ, что̀ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что нѣкоторыя изъ лошадей шли татарамъ въ пищу, а съ другой стороны и тѣмъ,что они ускоряли ихъ бѣгъ, давая возможность всадникамъ усталыхъ лошадей замѣнять свѣжими.

Для того, чтобы сдѣлать большой набѣгъ, татары приготовлялись къ тому извѣстнымъ образомъ и выбирали на то опредѣленное время. Въ виду большихъ набѣговъ они запасались оружіемъ, продовольствіемъ, возможно большимъ количествомъ верховыхъ лошадей и возможно легко одѣвались: рубаха изъ бумажной ткани, шаровары изъ

---

[1]) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 11.
[2]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 73.
[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 42.

нанки, сапоги сафьяновые, шапки кожаныя, иногда тулупы овчинные—составляли главное ихъ одѣяніе; вооружались только ручнымъ и притомъ холоднымъ оружіемъ, т. е. брали съ собой сабли, луки, колчаны съ 18 или 20 стрѣлами, нагайки, служившія имъ вмѣсто шпоръ, и деревянныя жерди для временныхъ шатровъ; кромѣ того, къ поясу привѣшивали ножъ, кресало для добыванія огня, шило съ веревочками, нитками и ремешками на случай надобности; затѣмъ запасались нѣсколькими кожаными, сыромятными веревками, 5—6 саженъ длины, для связыванія невольниковъ, и однимъ на каждаго человѣка нюренбергскимъ квадрантомъ, т. е. спеціальнымъ астрономическимъ инструментомъ, замѣнявшимъ собой компасъ, для опредѣленія точекъ горизонта въ безпредметной степи; кромѣ того, каждый десятокъ татаръ бралъ себѣ котелъ для варенія мяса и небольшой барабанчикъ на луку сѣдла, а каждый въ отдѣльности татаринъ бралъ свирѣль, чтобы созывать товарищей на случай надобности; привѣшивалъ деревянную или кожаную бадью, чтобы самому пить воду или, въ крайнемъ случаѣ, поить изъ нея лошадь. Знатные и богатые ко всему этому запасались кольчугами, весьма цѣнимыми, по своей рѣдкости, у татаръ. Для собственнаго продовольствія каждый татаринъ везъ на своемъ конѣ, въ кожаномъ мѣшкѣ, нѣсколько ячменной или просяной муки, которую называлъ толокномъ, и изъ которой, съ прибавкою къ ней соли, дѣлалъ напитокъ пексинетъ; кромѣ того, везъ небольшой запасъ поджареннаго на маслѣ и подсушеннаго на огнѣ, въ видѣ сухарей, тѣста; но всего больше надѣялся на конину, которую получалъ во время самаго пути, убивая изнуреннаго и негоднаго къ бѣгу, а иногда даже и совсѣмъ издохшаго, коня. Изъ конины онъ дѣлалъ разныя кушанья: смѣсь крови съ мукой, сваренной въ котлѣ, тонкіе круги мяса, пропотѣвшіе и подогрѣтые подъ сѣдломъ на спинѣ коня въ теченіи двухъ-трехъ часовъ, и большіе куски мяса, варимые съ небольшимъ количествомъ соли и съѣдаемые вмѣстѣ съ накипѣвшей отъ воды пѣны въ котлѣ.

Вообще татары старались не обременять своихъ лошадей, потому больше заботились о коняхъ, нежели о себѣ: „Коня потеряешь—потеряешь голову“, — говорили они въ этомъ случаѣ, хотя въ то-же время мало кормили сво-

ихъ лошадей въ пути, въ виду того, что будто-бы онѣ безъ пищи лучше переносили усталость. Съ тою-же цѣлью татары надѣвали на своихъ коней самыя легкія сѣдла, служившія всадникамъ для различнаго употребленія въ пути: нижняя часть, по ихъ званію тургчіо, т. е. изъ сбитой шерсти войлокъ, служилъ у нихъ ковромъ; основа сѣдла, по нашему званію ленчикъ, изголовьемъ; бурка, по ихъ званію капуджи или табунчи, шатромъ, при натягиваніи ея на воткнутыя въ землю жерди.

Татары сидѣли на своихъ коняхъ согнувшись спиной, „подобно обезьянамъ на гончей собакѣ“, потому что слишкомъ высоко подтягивали къ сѣдлу стремена, чтобы твержe, по ихъ словамъ, опираться и оттого крѣпче сидѣть въ сѣдлѣ. Сидя верхомъ, татары мизиннымъ пальцемъ лѣвой руки держали уздечку, остальными пальцами той же руки держали лукъ, а правою рукою быстро пускали стрѣлы взадъ и впередъ. Встрѣтивъ на своемъ пути рѣку, татары переплывали ее на сдѣланномъ изъ камыша плоту, который привязывали къ хвосту лошади и поверхъ котораго клали все свое движимое имущество; раздѣвшись донага, хватаясь одною рукой за гриву коня и понуждая его къ скорѣйшей переправѣ черезъ рѣку, татары другою рукой разбивали волны рѣки и быстро переправлялись съ одного берега на другой. Иногда вмѣсто импровизированныхъ плотовъ они употребляли лодки, поперекъ которыхъ клали толстыя жерди, къ жердямъ привязывали лошадей, по одинаковому числу, для равновѣсія, съ каждой стороны; внутрь лодки складывали свой багажъ, и такимъ способомъ переправлялись черезъ рѣчки. Переправы эти татары совершали всѣмъ строемъ вдругъ, занимая иногда вдоль рѣки протяженіе версты на двѣ [1]). Татарскія лошади, называемыя обыкновенно бакеманами, никогда не ковались, кромѣ лошадей знатныхъ вельможъ и нѣкоторыхъ мурзъ, да и то послѣніе подвязывали своимъ конямъ, при помощи толстыхъ ремней, вмѣсто подковъ, коровьи рога. Бакеманы большею частію были малорослы, поджары и неуклюжи, за исключеніемъ красивыхъ и сильныхъ коней знатныхъ вельможъ и благородныхъ мурзъ; зато эти

---

[1]) Иванинъ, О военномъ искусствѣ у монголо-татаръ, СПБ., 1875, 167.

самыя лошади всегда отличались замѣчательною выносливостью и непостижимою быстротою: онѣ въ состояніи были проскакать въ одинъ день безъ отдыха и безъ устали 20, 25, 30 миль, т. е. 80, 100, 120 верстъ по нашему счету [1]). Въ походѣ всякій татаринъ имѣлъ при себѣ три коня, а иногда и болѣе: на одномъ сидѣлъ, а двухъ другихъ велъ съ собой въ поводу для перемѣны въ случаѣ усталости какого-либо изъ нихъ; если какой-нибудь конь утомлялся, не могъ нести всадника и даже слѣдовать за нимъ, то такого совсѣмъ бросали въ степи до обратнаго возвращенія и обыкновенно находили его въ хорошемъ состояніи [2]). Сами всадники отличались легкостью, замѣчательнымъ проворствомъ и ловкостью во время своихъ движеній по степямъ; такъ, несясь во весь опоръ на конѣ во время преслѣдованія врагомъ и чувствуя изнеможеніе одного коня, татары на всемъ скаку перебрасывались съ одного на другого и мчались безостановочно въ дальнѣйшій путь; кони-же, освободившіеся отъ всадника, тотчасъ брали въ правую сторону и неслись рядомъ съ хозяевами, чтобы, въ случаѣ усталости второй лошади, вновь принять ихъ на свою спину.

Такимъ образомъ, запасшись вооруженіемъ, продовольствіемъ и лошадьми, татары отправлялись походомъ въ запорожскія области, а черезъ нихъ далѣе въ Польшу, Литву, Малороссію и Великороссію.

Походы татаръ, смотря по времени года, были зимніе и лѣтніе.

Зимніе походы предпринимались въ виду того, чтобы избѣжать лишнихъ затрудненій во время водныхъ переправъ и дать возможность некованнымъ лошадямъ бѣжать по мягкой снѣжной равнинѣ; для этой цѣли избиралось время около января или въ январѣ мѣсяцѣ, когда ровныя степи покрывались глубокимъ снѣгомъ и не было никакой опасности отъ гололедицы для татарскихъ лошадей: въ гололедицу татарскіе кони, незнавшіе подковъ, скользили, падали, портили себѣ ноги и оказывались безсильными противъ запорожской кавалеріи. Кромѣ гололедицы, татары избѣгали и жестокихъ степныхъ морозовъ, отъ которыхъ они гибли

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, 44; Манштейнъ, Записки, I, 220.

[2]) Манштейнъ, Историческія записки о Россіи, Москва, 1823, I, 220.

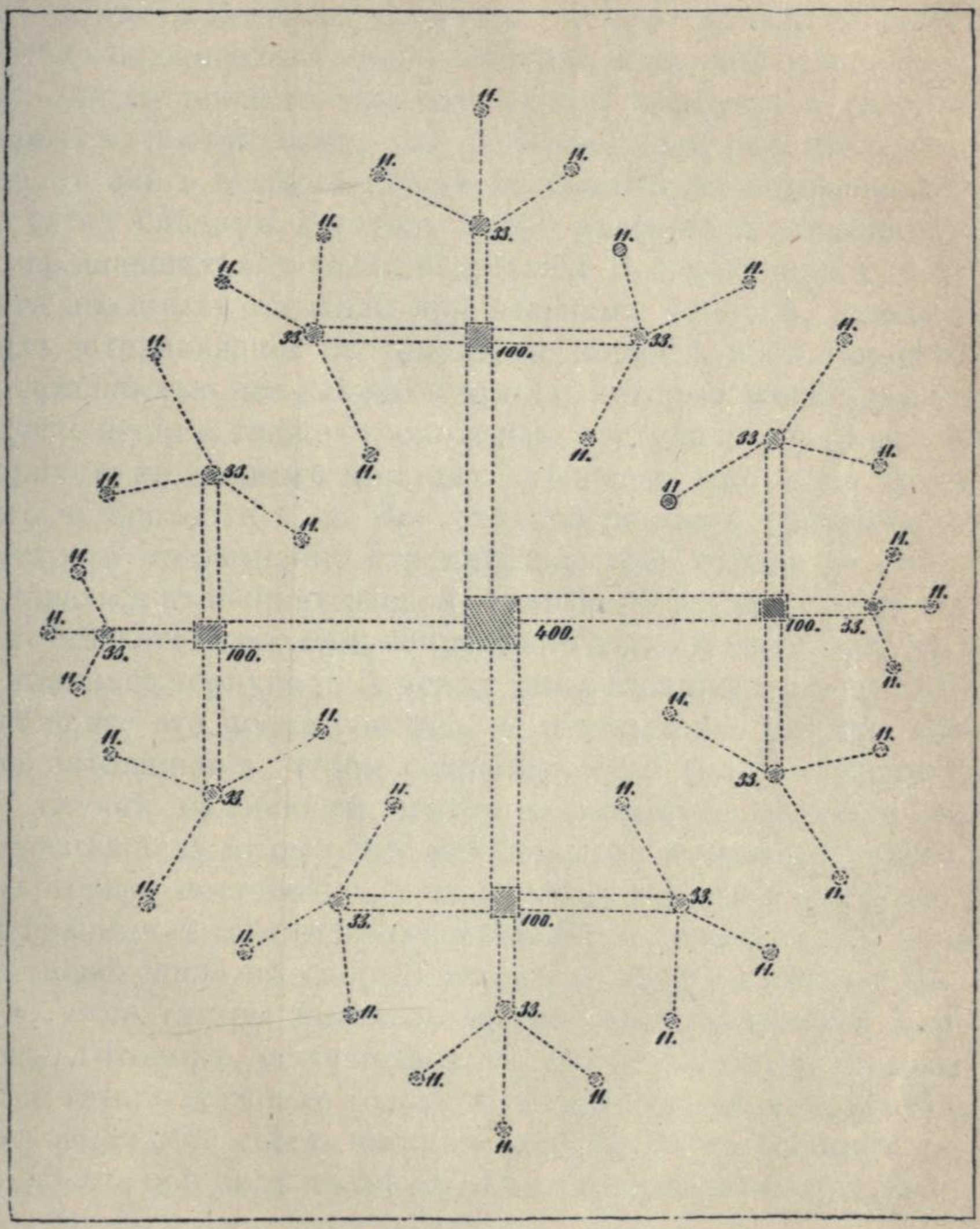
не только сотнями, а даже тысячами, и спасались въ то время единственно только тѣмъ, что разрѣзывали брюха у лошадей, влазили во внутреннось и грѣлись отъ стужи [1]). Число всадниковъ, отправлявшихся въ походъ, зависѣло отъ того, какого званія было лицо, стоявшее во главѣ похода: если шелъ самъ ханъ, то съ нимъ двигалось 80.000 человѣкъ; если шелъ мурза—50.000 или 40.000 человѣкъ. Чтобы видѣть исправность войска и избѣжать какихъ-либо оплошностей, передъ началомъ всякаго похода ему дѣлали подробный смотръ и только послѣ того позволяли выступать въ походъ. Вся масса войска двигалась не отдѣльными отрядами, а длиннымъ узкимъ рядомъ, обыкновенно въ 4 или 10 миль длины, имѣя фронтъ въ 100 всадниковъ съ 300 коней, а центръ и арріергардъ въ 800 всадниковъ или 1.000 коней, при длинѣ отъ 800 до 1.000 шаговъ. Во время наступательнаго похода, пока татары были въ собственныхъ владѣніяхъ, они шли медленно, не болѣе шести французскихъ миль въ день, хотя въ то-же время брали всѣ мѣры къ тому, чтобы возвратиться назадъ въ свои владѣнія непремѣнно до вскрытія рѣкъ, всегда губительнаго для поспѣшно уходившаго татарскаго войска, обремененнаго добычею и плѣнниками. Подвигаясь медленно впередъ, татары въ то же время брали всѣ мѣры предосторожности, чтобы обмануть сторожевыхъ козаковъ и скрыть отъ нихъ всякіе слѣды своихъ движеній; для этого они выбирали глубокія балки или низменныя лощины, впередъ отрядовъ высылали ловкихъ и опытныхъ наѣздниковъ для поимки языковъ, при ночныхъ остановкахъ не разводили огней, завязывали морды конямъ и тѣмъ не позволяли имъ ржать, а ложась спать привязывали ихъ посредствомъ аркановъ къ рукамъ, чтобы можно было, въ случаѣ внезапной опасности, сейчасъ-же поймать коня, сѣсть на него и бѣжать отъ непріятеля. При общемъ движеніи татары время отъ времени останавливались, спрыгивали со своихъ коней pour donner loisir á leurs chevaux d'uriner,—и лошади ихъ въ этомъ случаѣ такъ были выдрессированы, что тотчасъ это дѣлали, какъ только всадники сходили съ нихъ. Все это происходило „въ полчетверть“

---

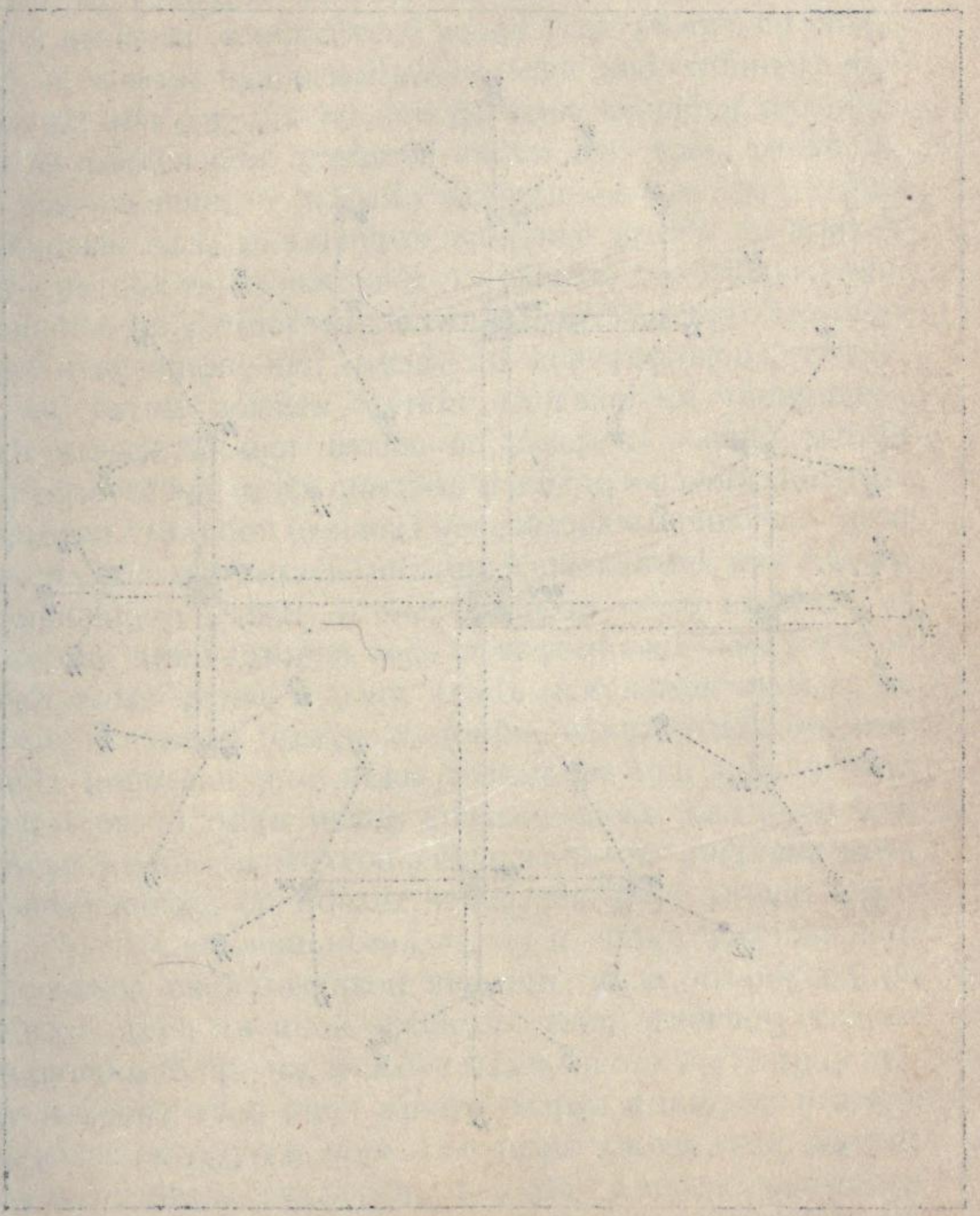
[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1847, I, 36.

часа, послѣ чего всадники снова двигались въ путь. Медленность движенія татаръ, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность ихъ въ пути, темное вооруженіе всадниковъ наводили ужасъ даже на самыхъ смѣлыхъ, но непривыкшихъ къ такому зрѣлищу, воиновъ. Особенно поражало каждаго зрителя множество татарскихъ коней: 100.000 всадниковъ вели съ собой 300.000 лошадей, т. е. каждый всадникъ имѣлъ одного коня подъ собой и двухъ при себѣ. „Не столь часты деревья въ лѣсу, говоритъ очевидецъ Бопланъ, какъ татарскіе кони въ полѣ: ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ и, приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается“.

Въ такомъ видѣ двигались татары по степямъ собственныхъ владѣній, но чѣмъ ближе подходили они къ цѣли своихъ набѣговъ, тѣмъ большія брали мѣры предосторожности: за три или за четыре мили отъ козацкой границы они выбирали самое укромное мѣсто, отдыхали въ немъ въ теченіе двухъ или трехъ дней и послѣ этого уже совсѣмъ иначе распредѣляли свое войско, какъ оно до этого времени было распредѣлено у нихъ. Собравшись въ массу, они раздѣлялись на три части: изъ двухъ частей всей численности составляли главный корпусъ, называемый обыкновенно choche, а изъ третьей части образовывали два крыла, правое и лѣвое, по восемь или по десять тысячъ всадниковъ въ каждомъ крылѣ; каждое крыло, въ свою очередь, подраздѣляли на десять или двѣнадцать пятисотенныхъ или шестисотенныхъ отрядовъ. Устроившись такимъ образомъ, татары съ возможною быстротой устремлялись въ самыя владѣнія козаковъ и тутъ неслись безъ отдыха въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, останавливаясь лишь на одинъ часъ для корма лошадей; проскакавъ форсированнымъ маршемъ миль 60 или 80, т. е. 280 или 320 верстъ отъ границы, они вдругъ устремлялись назадъ и въ это время на самомъ ходу вновь раздѣлялись: главный корпусъ ихъ постепенно отступалъ, потомъ отдѣлялъ въ передній отрядъ 500 коней и растягивался на значительное пространство, а два его фланга или крыла, удалившись отъ него никакъ не дальше 8 или 12 миль, бросались частію впередъ, частію въ сторону и тогда, если не бывали во-время открыты козаками, внезапно нападали на беззащитныхъ христі-



Разбѣги татаръ по Боплану.



анъ; тутъ, чего нельзя было взять, жгли, рѣзали, истребляли, а что можно было поднять, захватить, угнать, уносили, заарканивали, угоняли—мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ, малыхъ дѣтей, грудныхъ младенцевъ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ, козъ,—изъ скота брали все, кромѣ свиней, которыхъ они ненавидѣли, вслѣдствіе чего сгоняли въ овинъ и всѣхъ поджигали огнемъ; захвативъ возможно больше ясырю, они спѣшили къ главному своему корпусу. А главный корпусъ, растянувшись на большое пространство, легко давалъ знать о мѣстѣ своего пребыванія по оставленнымъ на снѣгу слѣдамъ, и потому скоро принималъ хищниковъ, возвращавшихся съ тяжелой добычей. Возвратившіяся съ набѣга два крыла отдыхали при главномъ корпусѣ, а вмѣсто нихъ отправлялись въ такомъ-же порядкѣ и съ такою-же поспѣшностью два свѣжихъ крыла, которыя также дѣлали опустошенія и также стремительно отступали къ главному корпусу; за вторымъ крыломъ слѣдовало третье, за третьимъ четвертое и т. д. Все это совершалось чрезвычайно быстро и чрезвычайно стремительно: оба отряда не смѣли оставаться въ непріятельской землѣ болѣе двухъ сутокъ и по истеченіи этого времени непремѣнно должны были быть уже у главнаго корпуса [1]). А между тѣмъ главный корпусъ войска во все это время совсѣмъ не пускалъ въ дѣйствіе своихъ наѣздниковъ, чтобы сохранить свои силы свѣжими и, въ случаѣ надобности, имѣть возможность отбиться отъ подоспѣвшихъ на выручку невольниковъ козацкихъ войскъ; онъ только постепенно, хотя и очень медленно отступалъ къ границамъ собственныхъ владѣній;медленность эта, однако, переходила въ скорый маршъ и даже поспѣшное бѣгство, если татары замѣчали множество собравшихся козаковъ, готовыхъ устремиться на нихъ. Въ битву съ козаками татары вступали только тогда,когда въ десять разъ превосходили ихъ своею численностію [2]); но въ большинствѣ случаевъ, при видѣ козаковъ, они стремительно отступали,

---

[1]) Манштейнъ, Записки историческія, Москва, 1823, I, 220.

[2]) М. И. Иванинъ полагаетъ, что самый строй татарскаго войска и множество заводныхъ лошадей неудобны были для сраженій и заставляли татаръ избѣгать встрѣчи съ равнымъ въ числѣ непріятелемъ: О военномъ искусствѣ монголо-татаръ, Спб., 1875, 165.

при чемъ, чтобы избѣжать преслѣдованія, удалялись не по прежней дорогѣ, а по новой, дѣлая при этомъ разные круги въ ту или другую сторону. Удалившись такимъ образомъ миль на 30 или на 40 отъ границы козацкихъ владѣній, они выбирали безопасное мѣсто, приводили тамъ себя въ порядокъ, въ теченіе недѣли отдыхали отъ грабежей, потомъ дѣлили свой ясырь, т. е. невольниковъ, скотъ, разное добро, послѣ дѣлежа садились на коней и продолжали путь до своихъ улусовъ. Страшные набѣги ихъ долго потомъ вспоминались на Украйнѣ и служили сюжетами для народныхъ пѣсенъ:

„Зажурылась Украина, що ниде прожыти:
Вы́топтала орда́ ки́ньми мане́ькіи ди́ты,—
Ой мане́ькихъ вы́топтала, велы́кихъ забра́ла,
Наза́дъ ру́ки постяга́ла, шидъ ха́на погна́ла“.

Лѣтніе походы татаръ предпринимались не такъ часто и не съ такими силами, какъ зимніе. Для этой цѣли чаще всего выбиралась средина лѣта, когда народъ украинскій выходилъ на полевыя работы и менѣе всего думалъ о какихъ бы то ни было войнахъ и набѣгахъ со стороны непріятелей. На этотъ разъ отправлялось въ походъ не семьдесятъ и не восемьдесятъ тысячъ, а тысячъ десять, максимумъ двадцать, потому что большая масса войска въ лѣтнее время легче могла быть открыта, чѣмъ въ зимнее, когда со всѣхъ степей уходило все живое, укрываясь отъ холода и стужи. По обыкновенію, прежде отправленія всей массы въ походъ, впередъ ея высылались смѣлые наѣздники для добыванія вѣстей о положеніи дѣлъ на Украйнѣ и Запорожьѣ. Смотря по этимъ вѣстямъ, татары направлялись въ ту или въ другую сторону, но въ томъ и другомъ случаѣ старались выбирать водораздѣльный путь между рѣчками, чтобы, не задерживаясь переправами, безпрепятственно совершать свои набѣги. Въ это-же время, прежде выступленія въ походъ, они назначали мѣсто для сбора послѣ перваго набѣга, не далѣе двухъ-трехъ миль отъ границы. Не дойдя за двадцать или за тридцать миль до запорожской или польской границы, татары раздѣлялись на 10 или 12 отрядовъ, по 1.000 всадниковъ въ каждомъ и, устремившись одною половиною цѣлой массы направо, а другою налѣво, растягивались своимъ фронтомъ на 10—12 миль, т. е. на одну или полторы

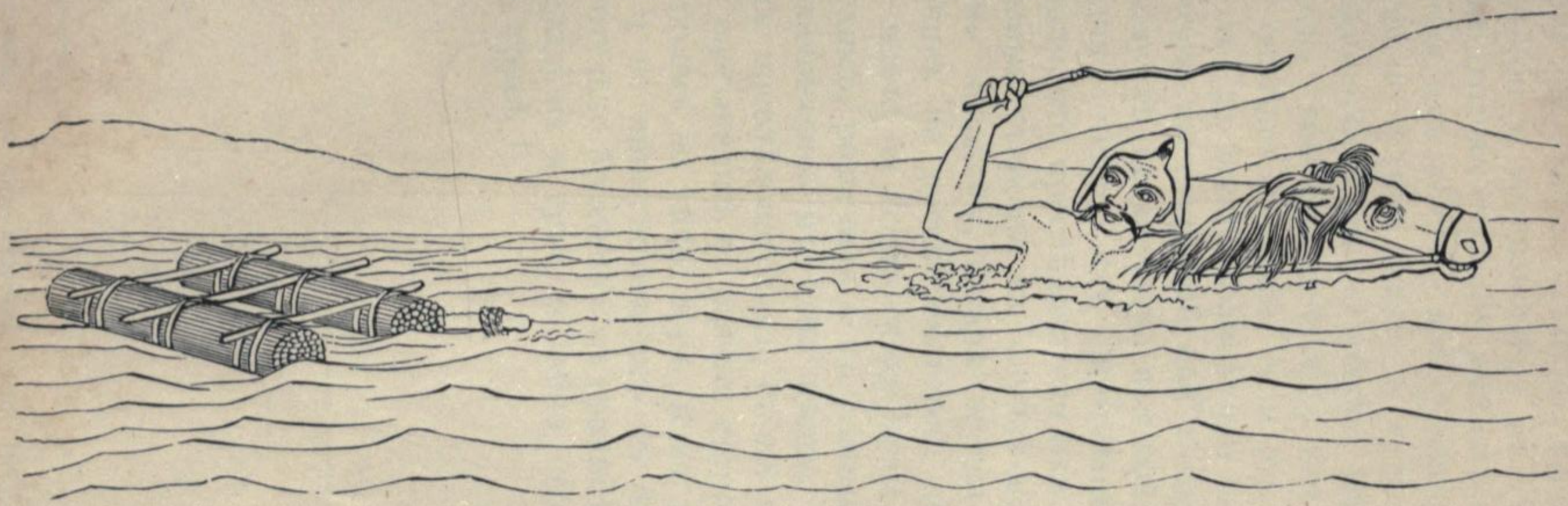
мили одинъ отрядъ отъ другого, а для удобнѣйшаго сношенія всѣхъ отрядовъ между собой, употребляли условные знаки—днемъ движеніе лошадью вокругъ [1]), ночью высѣканіе кресаломъ огня, зажиганіе тряпки огнемъ и верченіе ея вокругъ руки [2]). Раздѣлившись такими отрядами и напередъ условившись о мѣстѣ сбора, татары раннимъ утромъ бросались уже въ самыя владѣнія козацкія, тутъ описывали по степи нѣсколько круговъ, потомъ вскакивали кучками на курганы, быстро обзирали степную окрестность и немедленно возвращались къ условленному мѣсту. Между тѣмъ пограничная козацкая стража, видя кружащихся по степи татаръ, тотъ-же часъ давала знать посредствомъ зажиганія фигуръ или выстрѣловъ изъ пушекъ, стоявшихъ на курганахъ, радутнымъ козакамъ и пограничнымъ жителямъ; но жители, видя незначительное число бродившихъ по степи татаръ, не сразу брали надлежащія мѣры предосторожности. Татары прекрасно этимъ пользовались: высидѣвъ нѣсколько времени въ скрытомъ мѣстѣ, они вдругъ налетали на безпечныхъ украинцевъ, хватали, жгли, истребляли, угоняли, что было можно, съ собой, однимъ словомъ, повторяя все то, что дѣлали во время зимнихъ набѣговъ; послѣ этого быстро оставляли владѣнія христіанъ, переходили границу и, удалившись отъ нея на 6—10 миль, дѣлили свой ясырь и разбѣгались по улусамъ.

Изъ всѣхъ татаръ, предпринимавшихъ частые набѣги на христіанскія земли, самые страшные были татары буджацкой орды по своему коварству, необыкновенной хитрости и рѣдкому вѣроломству. Буджацкіе татары между прочимъ славились тѣмъ, что могли долго сидѣть въ водѣ. Они вѣрили, что если при первой сшибкѣ съ непріятелемъ сраженный пулей товарищъ ихъ падетъ головой къ врагамъ, ногами къ своимъ, то будетъ побѣда на ихъ сторонѣ; если-же онъ ляжетъ ногами къ врагамъ, а головой къ своимъ, побѣда будетъ на сторонѣ враговъ. Буджаки отправлялись въ набѣгъ иногда съ самыми незначительными силами, въ числѣ около 400 человѣкъ

---

1) Этотъ знакъ употребляется нашими козаками и называется „маякомъ“.
2) Иванинъ, О военномъ искусствѣ у монголо-татаръ, СПБ., 1875, 166.

Зная, какъ зорко слѣдили за всякимъ движеніемъ въ степи, даже за положеніемъ степной травы, сторожевые козаки, буджаки, чтобы обмануть бдительность ихъ и не притоптать высокой степной травы, поднимавшейся иногда на 2 фута высоты, прибѣгали къ слѣдующей хитрости: доскакавъ скрытно до границы своихъ владѣній, они раздѣляли всю свою силу, состоявшую изъ 400 человѣкъ, на 4 шайки, по 100 человѣкъ въ каждой, и такими шайками бѣжали въ разныя стороны: одной на востокъ, другой на западъ, третьей на сѣверъ, четвертой на югъ; пробѣжавъ полторы четверти мили отъ перваго пункта разбѣга, они вновь раздѣлялись, но уже не на 4, а на 3 шайки, по 33 человѣка въ каждой, и также скакали въ разныя стороны; пробѣжавъ полмили отъ втораго пункта разбѣга, они снова раздѣлялись на 3 шайки, по 11 человѣкъ въ каждой. Всѣ эти раздѣленія и всѣ разбѣги совершались на всемъ скаку и не болѣе, какъ въ полтора часа: отъ быстроты и бдительности зависѣлъ весь успѣхъ ихъ набѣговъ, отъ замедленія и неосмотрительности—гибель и истребленіе. Но хищники очень опытны въ своихъ маневрахъ и, по замѣчанію очевидца, такъже были знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Проскакавъ свой кругъ и высмотрѣвъ положеніе дѣлъ, каждая шайка татаръ возвращалась въ условленное мѣсто, гдѣ-нибудь въ балкѣ или лощинѣ, обильной травой и водопоемъ, обыкновенно миляхъ въ 10 или 12 отъ пункта раздѣленія, и тутъ оставалась нѣкоторое время въ выжидательномъ положеніи; слѣды-же, оставленные ими по степной травѣ, исчезали точно круги отъ брошеннаго въ воду камня. Все казалось тихо, и опасности ни откуда не предвидѣлось. А хищники между тѣмъ были на сторожѣ. Вотъ счастливый моментъ для нихъ насталъ: они бросились въ намѣченныя ими села, захватили скотъ, людей, имущество и быстро унеслись за границу козацкихъ владѣній. Однако, вѣсть объ ихъ набѣгѣ моментально разнеслась по всей сторожевой линіи; козаки увидѣли, какъ дикія степныя птицы, точно испуганныя чьимъ-либо неожиданнымъ появленіемъ, вдругъ съ крикомъ поднялись вверхъ и разлетѣлись въ разныя стороны. Тогда они поспѣшно бросались на коней, вооружались оружіемъ и спѣшили по слѣдамъ умчавшихся враговъ; замѣтивъ въ балкахъ обгло-



Переправа татаръ черезъ рѣки по Боплану.

данныя конскія кости, убѣждались, что татары близко. Но дойдя, однако, до мѣста раздѣленія татаръ и видя во всѣ стороны расходящіеся круги, козаки останавливались въ недоумѣніи и возвращались ни съ чѣмъ, не видя нигдѣ враговъ; только случайно они могли наткнуться на татаръ, во время ихъ ночлега или роздыха. Но татары, имѣя замѣчательно острое зрѣніе, и тутъ предупреждали своихъ преслѣдователей: они старались расположить свою конницу такъ, чтобы солнце было у нея за спиной, а врагу прямо-бы свѣтило въ глаза, если это столкновеніе случалось незадолго до заката солнца или скоро послѣ восхода его. Впрочемъ, на открытый бой татары рѣшались только въ томъ случаѣ, когда число ихъ войска въ десять разъ превосходило число ихъ противниковъ или когда они замѣчали, что преслѣдователи ихъ неожиданно разсѣялись въ разныя стороны; въ случаѣ-же сплошнаго напора со стороны козаковъ, татары всегда отступали. Тогда они, наскочивъ на преслѣдователей, пускали въ нихъ черезъ лѣвое плечо на всемъ скаку тучи стрѣлъ, потомъ, подобно мухамъ, разлетались въ разныя стороны; затѣмъ снова сплачивались въ одно цѣлое, снова подскакивали къ своимъ преслѣдователямъ, снова пускали тучи стрѣлъ и снова разсыпались въ разныя стороны. Такъ повторяли они свой пріемъ до тѣхъ поръ, пока не утомляли противниковъ и не принуждали ихъ къ отступленію. Послѣ того стремительно бросались къ границѣ, вступали въ собственныя владѣнія и тутъ, подобно степнымъ звѣрямъ, исчезали въ травѣ [1]).

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 47—59.

Положеніе христіанъ въ мусульманской неволѣ.

Для русскихъ, поляковъ, литовцевъ и запорожскихъ козаковъ ногайскіе татары страшны были не могуществомъ своимъ, и не открытою храбростію, а внезапными своими набѣгами, жестокими хищничествами всякаго добра и варварскими истребленіями всего живого въ земляхъ христіанъ. Ногайскіе татары не знали въ тѣ поры земледѣлія, не знали ни ремеслъ, ни промысловъ; они вели кочевой, пастушескій образъ жизни; занимаясь преимущественно скотоводствомъ и коневодствомъ, они всегда нуждались въпредметахъ первой необходимости и пропитанія, и потому при первомъ удобномъ случаѣ дѣлали набѣги на области сосѣднихъ имъ народовъ и старались хватать тамъ все, что попадалось имъ подъ руку. Сколь велико было количество христіанъ, уводимыхъ татарами въ неволю, можно видѣть изъ тѣхъ примѣровъ, когда невольники, не имѣя при себѣ никакого оружія, но, пользуясь своею превосходною противъ татаръ численностью, возставали иногда, на пути слѣдованія въ Крымъ, противъ своихъ похитителей, избивали ихъ поголовно и вслѣдъ затѣмъ возвращались на родину. Уводъ въ плѣнъ христіанъ былъ главнѣйшею цѣлью татарскихъ набѣговъ на христіанскія земли, оттого набѣги татаръ годъ отъ году принимали все большіе и большіе размѣры, но особенно усилились съ тѣхъ поръ, когда крымскіе татары, съ 1478 года, при ханѣ Менгли-Гиреѣ, подпали подъ верховное вліяніе Оттоманской Порты [1]). Не проходило почти ни одного года, чтобы татары не сдѣлали набѣга на Украйну и на сосѣднія съ нею земли: 1516, 1537, 1559, 1579, 1589, 1593, 1640,

---

[1]) Хартахай, Вѣстникъ Европы, 1866, II, іюнь, 201.

1666, 1667, 1671, 1688 годы ознаменованы въ особенности страшными набѣгами татаръ на южныя славянскія страны. Въ эти годы татары уводили въ неволю по 5000, по 8000, по 15000, по 55000, даже по 60000 человѣкъ христіанъ [1]). Въ архивныхъ, необнародованныхъ, актахъ 1698 года говорится, что въ это время татарская орда, ворвавшись въ „полѣскія страны, великіе и безчисленные убытки починя, возвратилась въ свои бусурманскія жилища въ цѣлости со всею добычею, которой съ 10,000 душъ христіанскихъ было взято“ [2]). Въ дошедшихъ до насъ письмахъ татаръ къ своимъ родственникамъ, которымъ они писали съ пути набѣговъ на Украйну, читаемъ: „Запорожскимъ черкасомъ розоренье большое, а татарамъ Господь Богъ далъ добычи большіе,— не въ которой посылкѣ таковой добычи не бывало, ни одного нѣтъ безъ ясыря, а у многихъ по два, по три, по четыре или пять ясырей... У меня 20 ясырю, у Арсланъ Газы мурзы 10 ясырю, у Капланъ мурзы 10 ясырю, у Аблы мурзы 6 ясырю, у Абдагулъ мурзы 10 ясырю, у Темерши Улана 5 ясырю, у Майли перекопскаго 4 ясырю, у всѣхъ нашихъ товарыщей ясырю по 2, по 3 есть, кромѣ Алаша, никого безъ ясырю нѣтъ“ [3]). Плѣнные христіане составляли для татаръ главный источникъ ихъ богатства и служили даже предметомъ государственныхъ налоговъ для крымскаго хана: „А новой-де ханъ крымской учалъ править на татарахъ со всякаго полоненика по 10 копъ“ [4]). Торговля невольниками развита была у татаръ на самыхъ широкихъ началахъ: татары, по замѣчанію современника, всегда были богаты невольниками, употребляли ихъ и для продажи, и для залога, и для подарковъ и во всякое время имѣли ихъ подъ руками. Если какой-либо изъ татаръ случайно и не имѣлъ въ извѣстную минуту невольника, а между тѣмъ у него спрашивали этотъ товаръ, то онъ напередъ заключалъ съ покупщикомъ контрактъ и потомъ, имѣя у себя даже одного коня, могъ доставать ему условленное число живаго товара. Татары снабжали всѣ восточные рын-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, I, 146.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1698 г., іюня 16 , св. 105, № 31.
[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 230—232.
[4]) Акты южной и западной Россіи, VI, 150—166.

ки христіанскими невольниками, такъ что корабли, приходившіе къ нимъ изъ Азіи съ оружіемъ, одеждою и лошадьми, отходили отъ нихъ съ христіанскимъ ясыремъ. Видя, какое множество каждогодно идетъ невольниковъ въ Крымъ изъ христіанскихъ странъ, одинъ мѣняла-еврей, сидѣвшій у воротъ Тавриды, спрашивалъ въ недоумѣніи у нихъ, неужели въ ихъ странахъ все еще остаются люди [1]). Изъ всѣхъ невольниковъ съ особою охотою татары старались хватать женщинъ, которыхъ называли они „бѣлымъ ясыремъ“ или „бѣлою челядью“ отъ бѣлыхъ платковъ, коими покрывали свои головы невольницы. Захваченныя въ неволю славянскія женщины шли для удовлетворенія прихоти восточныхъ деспотовъ, то-есть турецкихъ вельможъ, купцовъ и иногда самихъ султановъ.

Положеніе несчастныхъ невольниковъ, и въ пути, пока ихъ вели въ Крымъ, и въ самомъ „невиръ-царствѣ“ было поистинѣ ужасающее. Захваченныхъ въ неволю людей татары разставляли въ ряды по нѣсколько человѣкъ, связывали имъ назадъ руки сыромятными ремнями, сквозь ремни продѣвали деревянные шесты, а на шеи набрасывали веревки; потомъ, держа за концы веревокъ, окружали всѣхъ связанныхъ цѣпью верховыхъ и, подхлёстывая ногайками, безостановочно гнали по сухой, черной, выжженной солнцемъ степи; убивая на мѣстѣ слабыхъ и питая сырою и дохлою кониною живыхъ. Такъ догоняли жестокіе изувѣры несчастныхъ полоняниковъ до турецкаго города Кызыкерменя, стоявшаго у праваго берега Днѣпра [2]), и оттуда на нѣсколькихъ дубахъ, т. е. большихъ высокихъ лодкахъ, переправляли ихъ съ праваго берега на лѣвый въ татарскія владѣнія. Здѣсь гнали уже не спѣша и не спѣша добирались до рѣки Конскихъ-Водъ, къ урочищу Кара-тебень. У Кара-тебеня татары пускали своихъ лошадей въ степь на вольный попасъ, а сами приступали къ дѣлежу „ясыря“. Но прежде, чѣмъ начать дѣлежъ, они прикладывали каждому невольнику раскаленное огнемъ тавро на тѣхъ-же мѣстахъ, на которыхъ прикладываютъ его и лошадямъ, и только по-

---

1) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 2, 21—25.

2) Теперь городъ Бериславъ Херсонскаго уѣзда.

слѣ того дѣлили между собой свою добычу. Получивъ въ неотъемлемую собственность невольника или невольницу, каждый татаринъ могъ обращаться съ ними, какъ съ собственною вещью; въ этомъ случаѣ особенно печальна была участь женщинъ: сластолюбивые мусульмане, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, дѣвицъ насиловали при родителяхъ, а женъ при мужьяхъ [1]). Тутъ не одна женщина оплакивала свой позоръ и не одна дѣвушка теряла свое дѣвичье „вѣно“

„Пидъ явóромъ зеленéнькимъ
Съ татарыномъ молоденькимъ“.

„И безчеловѣчное сердце, говоритъ очевидецъ, тронется при прощаніи мужа съ женой, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а звѣрскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей; однимъ словомъ, совершаютъ тысячи неистовствъ“ [2]).

У Конскихъ-Водъ татары раздѣлялись на двѣ главныя массы: ногайцы шли на Кинбурнъ, крымчаки на Перекопъ. Дойдя до своихъ мѣстъ, татары открывали торгъ невольниками, продавая ихъ отъ самой высокой до самой низкой цѣны, смотря по товару: иногда брали цѣлую кучу золота за одну невольницу, иногда красную феску или пару пистолетовъ за цѣлый десятокъ невольниковъ. Когда невольниковъ выводили на площадь для продажи, то ихъ ставили гуськомъ, одного за другимъ, точно „журавлей въ полетѣ“, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и такими партіями продавали съ публичнаго торга; при этомъ продавецъ очень громко выкрикивалъ, что выставленные рабы—самые новые, простые, нехитрые королевскаго (т. е. польскаго, литовскаго и украинскаго) народа, а не московскаго, считавшагося въ Крыму хитрымъ, коварнымъ, способнымъ къ побѣгамъ и потому сравнительно дешевымъ. При покупкѣ выведенные невольники тщательно осматривались покупщиками, начиная съ внѣшняго вида и кончая сокровенными частями тѣ-

---

1) Marcina Bielskiego, Kronica, Sanok, 1866, I, 533.
2) Боплант, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 52.

ла: требовалось, чтобы у раба или рабы зубы не были рѣдки и черны, чтобы на тѣлѣ не было рубцовъ, бородавокъ, шишекъ и другихъ недостатковъ. Однако, ловкіе продавцы иногда надували самыхъ строгихъ оцѣнщиковъ живаго товара: лучшій товаръ, дѣвушекъ и мальчиковъ, они выводили послѣ тщательнаго ухода за ними, предварительно откормивъ ихъ, набѣливъ, нарумянивъ и одѣвъ въ дорогой шелкъ. Особенно высоко цѣнились у татаръ красивѣйшія дѣвушки: „онѣ покупались иногда на вѣсъ золота и тутъ-же на мѣстѣ съ барышомъ перепродавались". Главнымъ мѣстомъ торговли невольниками былъ крымскій городъ Кафа, теперешняя Ѳеодосія, съ 1475 года непосредственно принадлежавшій Турціи, имѣвшій въ себѣ артилерію и сильный гарнизонъ изъ янычаръ, кавалеристовъ и „двухъ видовъ" милиціи. Но кромѣ Кафы невольники продавались въ городахъ—Карасубазарѣ, Тузлери, Бакчисараѣ и Хазлевѣ, передѣланномъ порусски въ Козловъ и называвшемся погречески Евпаторіей. Здѣсь всегда жили турки, арабы, жиды, греки, армяне, покупавшіе невольниковъ, платившіе дань за право торговли крымскому хану и турецкому пашѣ, жившему въ Кафѣ[1]). Въ Кафѣ можно было всегда встрѣтить массу, иногда до 30.000 человѣкъ, христіанскихъ невольниковъ, то вновь приводимыхъ на рынокъ, то отправлямыхъ въ далекія страны на корабляхъ. „Этотъ городъ, ненасытная и беззаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ въ удобномъ для морской торговли мѣстѣ". Проданные невольники развозились въ отдаленныя царства—Грецію Турцію, Палестину, Сирію, Анатолію, Турцію и продавались народамъ „чернаго племени"—сарацынамъ, персіянамъ, индійцамъ, арабамъ, сирійцамъ, ассиріянамъ. И тутъ во время пути несчастнымъ приходилось испытывать всякаго рода мученія: съ однимъ судномъ ихъ поднимали такое множество, что отъ тѣсноты они не могли ни двигаться, ни прилечь на полъ: стоя принимали пищу и стоя спали; отъ такой тѣсноты и изнурительной поѣздки невольники цѣлыми массами болѣли и цѣлыми массами умирали; послѣднихъ, безъ лишнихъ церемоній, немедленно сбрасывали

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 52.

въ глубокія волны моря. Такъ везли ихъ недѣлями, даже мѣсяцами, смотря по погодѣ и по разстоянію мѣста, куда они были проданы.

Во всѣхъ означенныхъ мусульманскихъ странахъ положеніе христіанскихъ невольниковъ, смотря по ихъ роду и возрасту, было различно. Мальчиковъ, захваченныхъ въ неволю, прежде всего „турчили и басурманили“, т. е. обрѣзывали и обращали въ магометанскую вѣру, а потомъ отдавали въ гвардію турецкаго султана, такъ называемый корпусъ янычаръ, и именовали ихъ „дѣтьми султана“, а по достиженіи зрѣлаго возраста иногда дѣлали полководцами, иногда придворными чиновниками. Стариковъ и немощныхъ, негодныхъ къ продажѣ и работѣ, татары отдавали своимъ сыновьямъ, которые на нихъ, какъ на зайцахъ учились охотиться молодыя собаки, учились стрѣлять, убивая несчастныхъ камнями, вырывая имъ икры, подрѣзывая подколѣнки или заживо бросая въ море [1]). Женщинъ, особенно благороднаго происхожденія и, главное, красивыхъ, умѣвшихъ пѣть и играть, оставляли въ гаремахъ, призывали къ участію въ пирахъ и веселіяхъ. Самыя красивѣйшія изъ нихъ попадали даже въ султанскіе серали. Изъ послѣднихъ пріобрѣли историческую извѣстность: жена Сулеймана I, плѣнная русинка, поповна изъ галицкаго Рогатина, Росса или Роксолана, по-турецки Хурремъ, т. е. радостная († 1558); жена Османа III, Миликлія, русская плѣнница простаго рода; мать Османа III, извѣстная своею набожностію, „одна изъ святѣйшихъ женщинъ, чистая какъ Марія, мудрая какъ сабейская царица, умѣренная, какъ Азіа, сестра Моисея, и благочестивая какъ Раабія Адуйе“, умершая въ 1766 году, 80 лѣтъ отъ роду [2]). Она „была до того богомольна, что не вставала съ софы на землю, не совершивъ омовенія рукъ, и прочитывала въ ночь 1500 разъ 112-главу корана“. Взрослые невольники сперва дѣлались кастратами, т. е. скопцами, потомъ клеймились на лбу и на щекахъ, сковывались желѣзными цѣпями и въ такомъ видѣ отдавались на общественныя работы турецкой столицы и другихъ

---

[1]) Герберштейнъ, Записки о Московіи, С.-Петербургъ, 1866, 144.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I,237.

городовъ. Днемъ они безпрестанно изнывали отъ тяжкихъ работъ подъ страшно палящими лучами знойнаго восточнаго солнца, ночью томились въ подземныхъ темницахъ, а жизнь свою поддерживали гнилымъ, покрытымъ червями, отвратительнымъ даже для собакъ, мясомъ дохлыхъ животныхъ [1]). Особенно печально было положеніе тѣхъ невольниковъ, которые попадали въ Фецъ и Марокко. „Самыя тяжелыя работы, возлагаемыя въ Европѣ на злодѣевъ, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя терпятъ много честныхъ людей въ этомъ новомъ Египтѣ. Плѣнные, запираемые каждый вечеръ, раннимъ утромъ выводились на работу жестокими надсмотрщиками, которые осыпали ихъ ударами и проклятіями. Одни работали преимущественно надъ постройками, которыя воздвигалъ императоръ... Другіе работали въ конюшняхъ, мололи руками на мельницахъ. Варвары надсмотрщики наказывали немедленно всякій малѣйшій промахъ, малѣйшую невнимательность. Они часто настолько безчеловѣчны, что отказывали несчастнымъ плѣннымъ во времени съѣсть кусокъ хлѣба. Уже утомленныхъ днемъ, они часто тащили ихъ ночью на новую работу, съ оскорбительными криками... Что окончательно возмущаетъ природу, такъ это то, что часто людей прятали на ночь въ подземныя круглыя тюрьмы, около пяти локтей въ діаметрѣ и три локтя глубины. Туда спускали ихъ по веревочной лѣстницѣ, которую принимали потомъ и накладывали на отверстіе желѣзную ляду. Пища ихъ неутѣшительнѣе. Имъ не давали ничего на пропорцію, кромѣ фунта чернаго печенья изъ ячменной муки и немного оливы. Голодъ заставляетъ многихъ изъ нихъ рисковать скакать съ очень высокихъ стѣнъ, единственно за тѣмъ, чтобы собрать дикихъ луковицъ на мавританскомъ кладбищѣ. Платьемъ служила для рабовъ обыкновенно рубаха изъ грубой шерсти съ капюшономъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она-же служила имъ головнымъ покровомъ, сорочкой и штанами. Башмаковъ давали по четыре пары на 18 мѣсяцевъ, хотя известка и тяжелая ежедневная работа портили ихъ въ гораздо болѣе короткое время. Были примѣры, что императоры убивали

---

[1]) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 2—3.

многія сотни плѣнныхъ христіанъ, и дѣлали это или для забавы, или потому, что находили ихъ недостаточно исполнительными“ [1]).

Но самое ужасное положеніе было тѣхъ взрослыхъ мужчинъ-невольниковъ, которые попадали на турецкія суда кадриги или галеры, называвшіяся у запорожскихъ казаковъ каторгами [2]). Здѣсь ихъ было не меньше, какъ и на общественныхъ работахъ въ городахъ: „На всѣхъ военныхъ судахъ турокъ, пишетъ православный сербъ Юрій Крижаничъ, не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія“. Галерою называлось большое морское судно на три паруса, два тента, три большихъ и четыре малыхъ пушекъ, для 450 человѣкъ средняго числа людей экипажа, съ 25 или 30 скамьями для гребцовъ [3]). „Это было первобытное латинское судно вродѣ того, какое можно видѣть на колоннѣ Траяна; вѣка внесли въ него мало усовершенствованій. Вообразите себѣ плоское, длинное, очень узкое, очень низкое двухмачтовое судно, длиною почти 50 метровъ, шириною 10 метровъ, идущее въ одно время и на веслахъ, и на парусахъ. Гребцы, въ числѣ около 300, сидѣли прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и загражданшихъ палубу на половину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамьѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверхъ палубы. Лѣвыя скамьи отдѣлялись отъ правыхъ проходомъ, — узкимъ помостомъ, служащимъ для перехода съ задней части въ переднюю. Въ этомъ проходѣ, болѣе возвышенномъ, нежели скамьи, прогуливался галерный приставъ („башá турецькій, басурманскій, недовирокъ хрестіянській“), съ кнутомъ въ рукѣ (въ думахъ „съ червоною таволгою“),

---

[1]) Histoire des Etats Barbaresques, traduite de l'anglois, Paris, 1757, II, 277—281.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V, 186; XIII, 569, 600, 615.

[3]) Въ одномъ изъ неизданныхъ архивныхъ документовъ 1698 года относительно турецкой каторги говорится: „А во всякомъ катаржномъ суднѣ садитца самыхъ гребцовъ, кромѣ боевыхъ людей, по полтораста человѣкъ, а къ одной лопатѣ посажено по 5 человѣкъ“. Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла; 1698, іюня 16, св. 105, № 31.

управляя невольниками, прикованными подъ его ногами. Волны постоянно хлестали галерныхъ невольниковъ, прикованныхъ къ очень низкой палубѣ и обнаженныхъ во всякую погоду до пояса. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода своей галеры. Они не знали никакого отдыха, даже въ праздники, не имѣя никогда права протянуться, перемѣнить мѣсто, уйти на минуту отъ этой холодной скамьи. Единственно возможный отдыхъ былъ для нихъ тогда, когда корабль входилъ въ гавань для поправокъ или для того, чтобы запастись съѣстными припасами. Тогда позволялось нѣсколькимъ каторжникамъ, не всѣмъ безъ различія, но привилегированнымъ, дворянамъ, потому что въ числѣ галерныхъ невольниковъ были и дворяне,—работать въ гавани надъ земляными и очистительными работами“ [1]).

Прикованные желѣзными цѣпями къ судну, христіанскіе плѣнники рѣдко могли когда-либо воспользоваться удобной минутой и бѣжать съ каторги. Изъ такихъ случаевъ можно указать только на два извѣстныхъ во второй половинѣ XVII вѣка: козакъ Василій Коломійченко былъ взятъ въ полонъ, когда кошевой Иванъ Сирко ходилъ съ Ханенкомъ подъ турецкій городъ Бѣлгородъ (въ 1669 году). Пробылъ онъ на каторгѣ 6 лѣтъ и бѣжалъ въ Волошскую землю къ какому-то господину; этотъ господинъ снова продалъ Коломійченка туркамъ; пробывъ нѣкоторое время въ полонѣ, Коломійченко вновь ушелъ изъ Турціи и прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ былъ въ то время Юрій Хмельницкій; тутъ онъ прожилъ семь недѣль и затѣмъ добрался счастливо до Чигирина [2]). Помѣщикъ Родіонъ Лукьяновъ изъ города Рыльска Новгородъ-Сѣверскаго былъ взятъ въ полонъ крымцами подъ городомъ Чудновымъ и отправленъ въ турскую землю на каторгу; въ 1666 году онъ бѣжалъ изъ каторги въ Венецію, изъ Венеціи—въ Австрію, изъ Австріи—въ Польшу, и изъ Польши—на Украйну, въ городъ Кіевъ [3]).

---

[1]) Loiseleur, Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, Paris, 1863, 257.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 615.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VI, 82.

О положеніи христіанскихъ невольниковъ въ самой столицѣ Турціи, Константинополѣ, даютъ, указанія нѣкоторые акты конца XVII вѣка, дошедшіе до нашего времени. Въ одномъ изъ такихъ актовъ, подъ 1678 годомъ, разсказываетъ нѣкій челядникъ Яковлевъ, сопровождавшій московскаго посла Афанасія Парасукова въ Константинополь, слѣдующее: „Вышелъ я, Ѳедоръ Яковлевъ, съ однимъ янычаниномъ на рынокъ, а съ рынка пошелъ къ берегу моря, за моремъ увидѣлъ какой-то дворъ, а на морѣ большія суда, и сталъ допрашивать янычанина, что за дворъ и за суда такія. Янычанинъ отвѣтилъ на это: „Что за моремъ дворъ, то тюрьма, а что на морѣ суда, то каторги, а въ той тюрьмѣ и въ каторгахъ все русскіе невольники и украинскіе жители... Тѣ всѣ невольники сидятъ въ тюрьмѣ, а въ тюрьму къ нимъ никого не пропускаютъ, и видѣться съ ними никому не позволяютъ“. Сильно заинтересованный такимъ отвѣтомъ, Ѳеодоръ Яковлевъ потомъ какимъ-то образомъ пробрался въ запрещенное мѣсто и, увидя тамъ христіанскихъ невольниковъ, сталъ переписывать ихъ по именамъ. Но „каторжный“ приказчикъ, увидя въ рукахъ Яковлева роспись и не имѣя права, однако, отобрать ее у него, сталъ за то бить невольниковъ; тогда невольники стали просить Яковлева отдать приказчику роспись и тѣмъ укротить его ярость. Когда Яковлевъ отдалъ роспись, то приказчикъ немедленно разорвалъ ее на нѣсколько частей и клочки ея побросалъ въ море. Послѣ этого Яковлевъ, выйдя изъ тюрьмы, сталъ ходить по улицѣ и, увидя тамъ какого-то поляка, сталъ спрашивать у него, не знаетъ ли онъ въ Царьградѣ какой-нибудь церкви, гдѣ бы пѣли не погречески, а порусски: ему хотѣлось быть въ церкви въ свѣтлое Христово Воскресеніе, но онъ погречески не зналъ, а потому о русской церкви и спрашивалъ. На это полякъ ему отвѣтилъ, что благочестивая церковь, гдѣ служатъ поукраински, есть только одна въ тюрьмѣ, у невольниковъ; но въ ту церковь пускаютъ только мѣстныхъ, всѣми знаемыхъ, людей, незнаемыхъ же людей никого туда не допускаютъ; поэтому, если у него есть какой-нибудь знакомый изъ мѣстныхъ жителей, то съ нимъ онъ можетъ пробраться въ ту церковь; но и то стараясь, чтобы его не опознали; въ противномъ случаѣ онъ можетъ навсегда остаться въ тюрьмѣ; но

если ужъ ему непремѣнно хочется побывать въ церкви, то безопаснѣе будетъ не на Пасху, а на Ѳоминой недѣлѣ... Послѣ этого Ѳедоръ Яковлевъ взялъ съ собой своего знакомаго янычанина, отправился на Ѳомину недѣлю къ морю и, переплывъ его, пошелъ въ тюрьму, оставивъ янычанина въ лодкѣ. Прійдя къ тюрьмѣ, Яковлевъ вошелъ во дворъ и тутъ въ недоумѣніи остановился, какъ ему попасть въ церковь. Къ своей радости онъ увидалъ тутъ свѣчника со свѣчами и тотчасъ подошелъ къ нему; взявъ у него свѣчу, онъ тутъ же спросилъ его, куда ему пройти въ церковь. Войдя въ церковь, Яковлевъ увидѣлъ тамъ, въ числѣ другихъ невольниковъ изъ города Лодыжина, нѣсколькихъ запорожцевъ и своего знакомаго Ивана Суслу. Послѣ обѣдни Сусла взялъ Яковлева къ себѣ въ избу и тамъ долго съ нимъ разговаривалъ. Послѣ разговора Сусла призвалъ начальнаго человѣка, стоявшаго на караулѣ, и Яковлевъ сталъ потчивать его, чтобы получить отъ него пропускъ со двора тюрьмы. Начальный человѣкъ, удовольствованный угощеніемъ и подаркомъ семи талеровъ, „спустилъ“ Яковлева со двора. Такъ трудно было проникнуть къ христіанскимъ невольникамъ въ тюрьму въ столицѣ Турціи, Константинополѣ [1]).

Поразительно трогательно описано бѣдствіе христіанскихъ невольниковъ, попавшихъ на турецкія галеры, въ народной козацкой думѣ „Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ“.

„Що на Чо́рному мо̀рю,
Потре́би ца̀рськiй,
Грома́ди коза́цькiй,
Тамъ мно́го вiйська пона́жено,
У тры ряды́ бу́дныхъ, бища́сныхъ нево́льныкивъ поса́жено,
По-два та по-три до ку́пы поско́вано,
По-дво́е кайда́нивъ на но́гы покла́дено,
Сыро́ю сырыцею наза́дъ ру́кы повья́зано.
Тоди́ бу́дни, бища́сни нево́льныки на коли́на упада́ли,
Въ го́ру ру́кы пидiйма́лы, кайда́нами брязча́ли,
Го́спода мылосе́рдного прохали́ та блага́ли:
„Го́споди мылосе́рдный! создай зъ не́ба я́сне со́нце-ма́те,
Неха́й будуть кайда́ны коло́ нигъ опада́ти,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 602.

Сырая́ сыры́ця коло́ рукъ ослаба́ти,
Хай мы бу́демъ, бі́дни, бищáсни невольныкы,
У чужій земли́ хочъ ма́ле число́ поле́гкости соби́ ма́ти".
Те́е воны́ промовля́ли.
Ажъ ось баша̀ туре́цькій бусурма́нськiй,
Недо́вирокъ хрестія́нськiй,
По ры́нку винъ похожа́е,
Винъ самъ до́бре те́е зачува̀е,
На слу́гы свои́, на ту́ркы-яныча́ры, зо́ зла гука́е:
Кажу́ я вамъ, ту́ркы яныча́ры, до́бре́ вы дба́йте:
Изъ ря́ду до ря́ду захожа́йте,
По тры пучкы́ терны́ны та черво́ноы та́волгы набира́йте,
Бі́дного нево́льныка тры́чи въ одни́мъ ми́сци затына́йте".
Тоди́ туркы-яныча́ры изъ ря́ду до ря́ду захожа́ли,
По тры пучкы́ терны́ны и черво́ноы та́волгы у ру́кы бра́ли,
По-тры́чи въ одни́мъ ми́сци бі́дного нево́льныка затына́ли,
Ти́ло коза́цьке молоде́цьке коло́ жо́втои кости́ обрыва́ли,
Кровъ хрестія́ньску неповы́нно пролыва́ли".

Еще трогательнѣе изображаетъ положеніе христіанскихъ невольниковъ въ землѣ турецкой извѣстный ученый XVII вѣка, архимандритъ Іоанникій Галятовскій. Эта неволя, говоритъ онъ, и египетскую неволю, и египетскія работы, и вавилонско-ассирійское плѣненіе и римское отъ готъ низложеніе превосходитъ. Если-бы эти люди, которые тамъ терпятъ, предвидѣли свои бѣды, то они тысячекратно пожелали-бы умереть, нежели сносить ихъ. По истинѣ это подобно тому, когда человѣкъ находится при смерти и жизнь его уже прекращена смертію, но онъ все еще находится многое время въ томленіи; онъ еле живъ, но уже издыхаетъ,—въ такомъ положеніи и христіанинъ, находящійся у турокъ. Турки вымучиваютъ превеликую дань у невольниковъ, и если христіане не имѣютъ чѣмъ заплатить, потому что дань всегда бываетъ велика, иногда навѣсятъ на чрево ихъ оковы и въ такомъ видѣ, связанные по рукамъ и по ногамъ, они ходятъ отъ дверей къ дверямъ, призываютъ проклятаго Магомета и обращаются вездѣ съ просьбами; если-же ничего и ни откуда не достанутъ, тогда такихъ бьютъ по подошвамъ великими „костурами" (дубинами) и даже до смерти убиваютъ, а дѣтей ихъ за оброкъ берутъ и въ тяжкую неволю продаютъ. Если турки злословятъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, то христіане принуждены всегда молчать; а

когда христіанинъ вздумаетъ хоть одно слово изректи на славу Спасителя нашего, такого, противъ его воли, насильно обрѣзываютъ; а если невольникъ осмѣлится сказать что-либо противное о Магометѣ, то таковаго немедленно сожигаютъ. Нѣкоторые изъ турокъ, такъ-называемые мончаны, т. е. перекупщики или барышники, послѣ войны мусульманъ съ христіанами, покупаютъ себѣ плѣнныхъ христіанъ, набираютъ на одну цѣпь по 50 или 60 человѣкъ и въ такомъ видѣ гонятъ ихъ впереди себя, какъ скотъ, до своихъ предѣловъ. Затѣмъ этихъ несчастныхъ, по разсмотрѣнію и по своей волѣ, принуждаютъ къ тому, на что кто способенъ; если-же какіе-либо изъ нихъ окажутся почему-либо имъ непріятны, то такихъ впрягаютъ въ ярма по два человѣка и орютъ ими землю. Женитьбы плѣнникамъ не запрещаютъ, но когда родители состарѣются, то, оставивъ ихъ дѣтей, самихъ родителей выгоняютъ изъ домовъ и продаютъ въ вѣчную неволю; оттого знающіе это вовсе избѣгаютъ женитьбы. Но еще горче положеніе плѣнныхъ ученыхъ и людей духовнаго званія и вообще тѣхъ людей, которые не привыкли къ тяжелой ручной работѣ; такихъ особенно мучатъ, бранятъ и изнуряютъ, а поганскіе юноши влачатъ ихъ по землѣ, по грязи, зимой-же по песку, камнями и кольями погоняютъ и многимъ раны наносятъ. Особенно жалостно бываетъ, когда плѣнникъ подвергается болѣзни: тогда, пока онъ живъ, его не оставляютъ въ пути и въ самой тяжкой болѣзни несчастнаго подгоняютъ ногайкою и заставляютъ продолжать путь; если-же онъ не будетъ въ состояніи вовсе идти, то его привязываютъ за руки и за ноги вдоль лошади лицомъ внизъ и въ такомъ видѣ везутъ; если-же онъ умираетъ, то его бросаютъ въ ровъ или долину на снѣденіе орламъ или воронамъ. Находятся многіе изъ нашихъ, которые тайнымъ бѣгствомъ уходятъ изъ неволи: удобнѣе всего бѣжать тѣмъ, которые живутъ въ Европѣ (т. е. въ Европейской Турціи), потому что имъ ненужно переправляться черезъ рѣки, на которыхъ переправа можетъ быть опаснѣе, нежели на узкомъ Геллеспонтѣ. Обыкновенно невольники уходятъ лѣтомъ во время жатвы, когда можно спрятаться въ хлѣбѣ и прокормиться; они идутъ даже ночью, потому что предпочитаютъ лучше быть съѣденными отъ лѣсныхъ звѣрей, нежели воз-

вращаться къ своимъ господамъ. Тѣ-же, которые рѣшаются бѣжать изъ Малой Азіи, идутъ по узкому Геллеспонту между Сосѳенъ и Авиндона, которые теперь называются Богозассоровы, т. е. городки тѣсныхъ месетовъ, они берутъ съ собой топоры и веревки, потому что сѣкутъ деревья и вяжутъ плоты, но не имѣютъ никакой пищи, кромѣ соли, которою притрушиваютъ нѣкоторыя зелья; ѣдятъ и коронки, т. е. чилú (рыба чилики?); питаясь этимъ и взирая на солнце небесное, они пускаются въ море, добираются до полуночныхъ областей и, если погода имъ благопріятствуетъ, то въ 4 дня переходятъ море; если-же поднимется противный вѣтеръ, то они или погибаютъ, или приносятся вновь къ азіатскимъ берегамъ; оттого больше пропадаютъ въ пути, нежели возвращаются въ отечество. Въ такихъ бѣдахъ одни изъ нихъ утопаютъ, другихъ звѣри разрываютъ и пожираютъ, третьихъ пастухи поганскіе побиваютъ, а четвертые, послѣ долгаго блуканія, отъ голода умираютъ. Бѣглецамъ особенно благопріятствуютъ греки и армяне: они помогаютъ имъ въ бѣгствѣ, одѣваютъ въ свое платье и съ венеціанскихъ кораблей отправляютъ, и хотя сами за то лютыя казни терпятъ и имѣній лишаются, однако, оказываютъ милосердіе бѣглецамъ и сочувствуютъ имъ, за что сподобляются отъ христіанъ благодѣяній и любви, когда послѣдніе приходятъ въ Римъ или Кампостелію до апостольскихъ гробовъ. Турки для возвращенія несчастныхъ бѣглецовъ прибѣгаютъ къ волшебнымъ пріемамъ и чарованіямъ и тѣмъ назадъ ихъ возвращаютъ; дѣлаютъ-же это такимъ образомъ: пишутъ на хартіи, на терминкѣ, имя бѣглеца и вѣшаютъ это надъ мѣстомъ пребыванія бѣглеца; потомъ волшебными словами и заклинаніями наводятъ на бѣглеца такой страхъ, такія страшныя мысли и ужасные фантастическіе призраки, какъ, напримѣръ, лютыхъ львовъ и другихъ звѣрей, страшныхъ змѣй, несущихся на нихъ, или пѣнящееся противъ нихъ страшными волнами море, великую рѣку или озеро, или непросвѣтную на многіе дни тьму,—и такими страхами принуждаютъ ихъ возвращаться назадъ [1]).

---

[1]) Рукопись „Лебедь“ 1679 года въ Императорской публич. библіотекѣ; отдѣленіе Толстовскихъ рукописей, II, 26; стр. 157—163. Выдержка сдѣлана вольно.

Въ высшей степени интересенъ и поучителенъ разсказъ одного полоняника, бывшаго кишенскаго козака, Ефима Гаврилова, ходившаго, въ 1689 году, подъ Кызыкермень для загона татарскихъ коней, тамъ полоненнаго татарами и потомъ цѣлыхъ десять лѣтъ рвавшагося изъ далекихъ странъ въ родную Украйну. Захваченный подъ турецкимъ городомъ Кызыкерменемъ, Ефимъ Гавриловъ привезенъ былъ въ самый городъ и въ ту же ночь проданъ былъ въ Крымъ къ одному татарину, въ деревню Охмечъ. Проживъ у того татарина всю зиму, Ефимъ Гавриловъ бѣжалъ отъ него великимъ постомъ, шелъ 5 дней и когда былъ уже у Перекопа, то тутъ былъ настигнутъ погоней и привезенъ къ прежнему своему хозяину, который продалъ его за Бахчисарай, въ село Кашекіумъ. Въ томъ селѣ Ефимъ Гавриловъ прожилъ два года на работѣ, потомъ бѣжалъ къ Черному морю, на Балакну, къ корабельной пристани, но на пути былъ пойманъ и отданъ на корабль. На кораблѣ Ефимъ Гавриловъ прибылъ въ Царьградъ, прожилъ тамъ 2 мѣсяца и былъ проданъ за Бѣлое (Мраморное) море подъ городъ Магалычъ, къ пашѣ, по имени Цапу. Проживъ мѣсяцъ у того паши, ушелъ съ тремя полоняниками изъ его села, шелъ 4 недѣли пустымъ мѣстомъ и пришелъ въ турецкій городъ Чандаръ, но тамъ былъ пойманъ и сидѣлъ въ оковахъ два мѣсяца, пока въ тотъ городъ не явился паша Цапъ, который всѣхъ трехъ бѣглецовъ выкупилъ за 50 ефимковъ, отвезъ ихъ въ свое село и держалъ всю зиму „въ великомъ мученіи“. Весной Ефимъ Гавриловъ съ тѣми же полоняниками снова ушелъ и прибѣжалъ къ городу Дерменяжи, но тамъ изловили ихъ караульщики и отдали городскому воеводѣ Магомету, у котораго они просидѣли цѣлый мѣсяцъ, скованные желѣзомъ. Отъ воеводы Ефимъ Гавриловъ, въ ночное время, снова бѣжалъ изъ-подъ караула, шелъ 15 дней и дошелъ до какого-то села, но тамъ былъ пойманъ, привезенъ къ приказчику Мустафѣ и прожилъ въ его селѣ скованнымъ 1 мѣсяцъ. Отъ Мустафы онъ былъ взятъ къ прежнему воеводѣ Магомету, который, оковавъ его, билъ и мучилъ его, но когда Ефимъ Гавриловъ отъ тѣхъ побоевъ заболѣлъ, то онъ освободилъ его отъ желѣзъ и продалъ за 90 ефимковъ пашѣ Генжу, посланному отъ турецкаго султана для сбора разныхъ по-

боровъ. Съ нашой Ефимъ Гавриловъ ходилъ 3 лѣтнихъ мѣсяца, потомъ посланъ былъ въ его отчину, жилъ въ той отчинѣ до Петрова дня, послѣ чего бѣжалъ и шелъ полтретья мѣсяца и пришелъ къ заставѣ, которая поставлена для поимки бѣглыхъ полоняниковъ, на той заставѣ былъ пойманъ и скованъ оковами. Тамъ было большое число полоняниковъ и отъ великой нужды и голода 12 человѣкъ изъ нихъ при Ефимѣ Гавриловѣ умерли. Отъ той заставы Ефима Гаврилова послали въ какую-то деревню, гдѣ онъ жилъ до великаго поста. Изъ деревни послали его для продажи въ западную сторону, въ городъ Кушакшатеръ, и продали какому-то хозяину, который его и билъ и постоянно на работу посылалъ. Прожившъ у того хозяина лѣто, Ефимъ Гавриловъ отъ него бѣжалъ, шелъ два мѣсяца и пришелъ къ городу Манцу и жилъ въ деревнѣ въ неволѣ полтретья года и изъ той деревни снова бѣжалъ, шелъ два дня и пришелъ въ турецкій городъ Смирну подъ Бѣлымъ моремъ, къ корабельной пристани, на голландскій корабль. Изъ Смирны на томъ кораблѣ онъ пришелъ въ Испанію и оттуда прибылъ въ городъ Амстердамъ, а изъ Амстердама, наконецъ, добрался въ 1700 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Россію, въ городъ Архангельскъ. „И въ голландской землѣ и идучи моремъ на кораблѣ, его, Юшку, за полонное терпѣніе, кормили и поили и провозу съ него не взяли“ [1]).

Менѣе интересна, но все же очень поучительна была судьба другихъ русскихъ полоняниковъ, родного брата извѣстнаго полковника Семена Палія, Петра Иванова Палія, и двоюроднаго брата тогоже полковника Палія, Петра Иванова Чеснока. Петръ Ивановъ Палій, житель города Хвастова, былъ посланъ полковникомъ Паліемъ съ татарскими языками къ гетману Мазепѣ, но между Кіевомъ и Хвастовымъ взятъ въ 1697 году въ полонъ бѣлогородскими татарами и отправленъ въ городъ Килію, что на Дунаѣ, въ Бѣлогородчинѣ; въ Киліи онъ пробылъ одну недѣлю и потомъ проданъ былъ цареградскому турчину Ардабашѣ;въ

---

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, малороссійскія дѣла; 1689 г., связка 5, № 56.

Царьградѣ пробылъ 2 года и проданъ былъ Ардабашей нѣкоему турчину Магмету въ турецкій городъ Кастылихъ [1]), „который стоитъ на Черномъ морѣ, отъ Царягорода водянымъ путемъ дней съ семь ходу“. У Магомета полоняникъ также прожилъ два года и самъ ушелъ къ турецкимъ разбойникамъ, „которые въ то число были близко города“, и съ ними ходилъ подъ турецкій городъ Багдадъ „и другіе города и на араповъ черныхъ“. Было же ихъ всѣхъ, разбойниковъ, около 50 человѣкъ, а разбивали они торговыхъ людей и тѣхъ, которые ходятъ къ пропасти Магметовой“. И былъ полоняникъ у разбойниковъ вмѣсто челядника 4 года, а потомъ хотѣлъ было отъ нихъ уйти, но разбойники продали его въ турецкій городъ Эрдышъ нѣкоему Булыкпашѣ. У Бубыкпаши онъ пробылъ около полугода и отъ него ушелъ „въ Куртустанскую землю“ турецкаго жъ владѣнія, а черезъ ту землю пробрался въ персидскую землю, въ городъ Иреванъ; изъ города Иревана пробрался въ Шемаху, а изъ Шемахи въ русскій городъ Астрахань. А всего странствованія его было 8 лѣтъ. Такой же участи подвергался и двоюродный братъ полковника Палія, Петръ Ивановъ Чеснокъ, уроженецъ города Борзны, который былъ взятъ татарами подъ Васильковымъ, проданъ за 120 левовъ въ городъ Килію, оттуда въ Царьградъ турчину Ардабашѣ и далѣе на востокъ, пространствовавъ по турецкимъ и персидскимъ городамъ всего 12 лѣтъ [2]).

---

[1]) По другому показанію Кастымулда.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; книга малор. приказа, 1697 года, кн. 77, стр. 277—289.

Христіанскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ.

Послѣ татаръ и турокъ чаще всего приходилось запорожцамъ сталкиваться съ поляками: поляки сосѣдили съ запорожскими козаками съ западной стороны и съ этой же стороны чаще всего предпринимали походы на „Дикія поля“; отсюда же и запорожцы устремлялись на Польшу для борьбы съ ненавистнымъ паномъ, фанатичнымъ кседзомъ и алчнымъ жидомъ. Причины вражды запорожскихъ козаковъ съ поляками шли съ давнихъ поръ и коренились въ самыхъ порядкахъ, общественныхъ и частныхъ, Польши: событія второй половины XIV, XVI и XVII вѣковъ литовско-польскаго государства ясно раскрываютъ намъ причины ненависти южноруссовъ вообще и запорожцевъ въ частности къ полякамъ. Для того, чтобы понять эти причины, необходимо бросить бѣглый взглядъ на исторію Литвы и Польши съ половины XIV вѣка.

Никогда Литва не достигала такого могущества, сказавшагося территоріальнымъ расширеніемъ ея владѣній, какъ со второй половины XIV вѣка. Отвоевавъ у русскихъ князей (въ 1239 году) полоцкое княжество, захвативъ въ слѣдъ затѣмъ княжества туровское, пинское, витебское, кіевское съ сѣверской и подольской землей, наконецъ,присвоивъ себѣ (въ 1377 году) часть волынской области, въ тоже время отразивъ въ рѣшительной битвѣ въ прибугскихъ степяхъ, на Синихъ-Водахъ, нашествіе татарскихъ ордъ, Литва къ концу XIV вѣка расширилась на столько, что въ руки ея князей достался обширнѣйшій западнорусскій край со включеніемъ такъ называемыхъ „Дикихъ полей“ или теперешнихъ новороссійскихъ степей, отъ границы кіевскаго княжества далѣе внизъ по Бугу и нижнему Днѣпру до са-

маго Чернаго моря [1]). Обогатившись такими обширными пріобрѣтеніями, Литва начала группировать ихъ возлѣ себя, и тутъ открылось широкое поле для взаимодѣйствія между побѣдителями и побѣжденными въ разныхъ сферахъ общественной и частной жизни. Многіе литовско польскіе историки и изслѣдователи [2]) единогласно утверждаютъ, что русское населеніе, вошедшее въ составъ великаго литовскаго княжества, превосходило литовцевъ въ умственномъ, нравственномъ и культурномъ отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ же историковъ и изслѣдователей удостовѣряютъ, что русскіе, превосходя во многихъ отношеніяхъ литовцевъ, въ тоже время отличались полною умѣренностью и терпимостью въ отношеніи своихъ покорителей. При такихъ свойствахъ русскаго населенія весьма естественно, что оно, хотя и было покорено литовцами, имѣло громадное во многихъ отношеніяхъ вліяніе на литовцевъ. Это вліяніе выразилось въ русскомъ языкѣ, русской вѣрѣ, русскихъ обычаяхъ и русской культурѣ, которые весьма охотно усвоялись литовцами. Ведя самую ожесточенную войну со всѣми западными христіанами, изгоняя отъ себя западныхъ проповѣдниковъ, избивая до смерти францисканскихъ монаховъ, литовцы въ этоже самое время спокойно принимаютъ все русское и не только не противятся этому, а какъ бы сами ищутъ того. Русскіе, сдѣлавшись подданными великаго литовскаго княжества, строятъ въ немъ города и замки, снабжаютъ ихъ своей артилеріей и выступаютъ въ качествѣ весьма искусныхъ артиллеристовъ. Польскіе и нѣмецкіе лѣтописцы единогласно утверждаютъ, что съ этого времени литовцы, въ борьбѣ съ ихъ врагами, крестоносцами, мѣняютъ вооруженіе, мѣняютъ самый способъ войны, строятся по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства, разбиваютъ укрѣпленные непріятелькіе лагери, ведутъ весьма искусно осадныя работы, и всѣмъ этимъ они обязаны русскому войску, вошедшему въ составъ литовскихъ войскъ. Кромѣ постановки военнаго дѣла русскіе принимаютъ участіе въ управленіи и образованіи великаго литовскаго княжества:

---

[1]) Антоновичъ, Монографіи, Кіевъ, 1885, I, 127.

[2]) Какъ напр. Ярошевичъ, Рогальскій, Кибургъ, Элли и др.

такъ, они занимаютъ разныя общественныя должности, требовавшія извѣстнаго образованія или простой грамотности; устраиваютъ для литовскихъ дѣтей училища и обучаютъ ихъ грамотѣ. Кромѣ того, русскіе ведутъ торговлю внѣшнюю—мѣхами, медомъ, воскомъ, хлѣбомъ, лѣсными матеріалами, ведутъ торговлю внутреннюю—главнымъ образомъ спиртными напитками, насаждаютъ въ разныхъ мѣстахъ ремесла, наполняютъ собой хоры музыкантовъ, лютнистовъ и флейтистовъ, при дворахъ великихъ князей литовскихъ.

Не встрѣтивъ вражды со стороны литовскаго населенія, Русь, войдя въ составъ Литвы, мало нашла въ ней для себя чуждаго и въ самой сферѣ государственнаго строя. Въ описываемое время власть великаго князя въ Литвѣ находилась въ рукахъ Гедиминовичей и была наслѣдственна въ этомъ родѣ, но вопросъ о томъ быть ли на престолѣ тому или другому князю, т. е. старшему или младшему, зависѣлъ частью отъ завѣщателя князя, частью отъ личности и настойчивости искателя престола, а частью отъ воли нѣсколькихъ князей, желавшихъ видѣть на престолѣ того или другого претендента. Съ половины XIV вѣка одинъ изъ литовскихъ князей, Ольгердъ Гедиминовичъ, настойчиво сталъ проводить во внутреннемъ строѣ великаго литовскаго княжества русское начало о происхожденіи и значеніи великокняжеской власти и о раздѣленіи литовско-русской земли между всѣми членами Гедиминова рода. Такой порядокъ вещей, такъ называемый удѣльный строй, слишкомъ извѣстенъ былъ русскому населенію въ собственныхъ княжествахъ; встрѣтясь съ нимъ въ Литвѣ, русское населеніе не испытало на себѣ существенныхъ перемѣнъ, и пока въ Литвѣ существовалъ удѣльный порядокъ, все измѣненіе для югозападной Руси состояло, во-первыхъ, въ томъ, что на главныхъ столахъ русскихъ княжествъ былъ родъ не русскій, а литовскій; вовторыхъ, что во внѣшней политикѣ русскія княжества должны были дѣйствовать заодно съ Литвой и, втретьихъ, что политическая гегемонія принадлежала коренному литовскому, а не русскому племени [1]). Тоже было и въ административномъ и

---

[1]) Любавскій, Областное дѣленіе, Москва, 1893, 7, 27, 28.

судебномъ управленіяхъ края: и здѣсь русскія области не подверглись коренной ломкѣ. Когда югозападныя русскія области вошли въ составъ великаго литовскаго княжества, то помимо особы великаго князя съ его удѣльными стремленіями онѣ встрѣтили въ Литвѣ всѣ должности и въ административно-судебной сферѣ совершенно такія же, какія видѣли у себя: должности намѣстниковъ „повѣтовъ“ или, военныхъ, гражданскихъ и судебныхъ начальниковъ, должности тіуновъ, или сборщиковъ разныхъ оброковъ и податей, управителей дворцовыхъ хозяйствъ [1]), назначавшихся сперва пожизненно, а потомъ смѣнявшихся по „волѣ“ великихъ князей, или „по колеѣ“, т. е. по очереди. Не произошло никакой ломки и тогда, когда высшія и среднія сословія русскія столкнулись съ таковыми же литовскими. Въ русскихъ лѣтописяхъ знатный классъ литовскій именуется „князьями“ [2]), въ литовскихъ и прусскихъ хроникахъ онъ же называется классомъ „nobiles, reguli, potentiores, prepotentes“ [3]), т. е. знатными, властными, всевластными, владѣвшими землей, имѣвшими право суда надъ мелкими владѣльцами своего участка, признававшими надъ собой верховнымъ судьей только великаго князя и зато обязанными доставлять извѣстное число вооруженныхъ воиновъ на собственный счетъ для защиты отечества. Ниже „князей“ или „знатныхъ“ стояли „бояре“ или „земяне“, т. е. классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, получившихъ участки земли, вмѣстѣ съ сельскимъ населеніемъ и правомъ суда надъ нимъ, частію изъ рукъ самихъ великихъ князей, частію изъ рукъ крупныхъ землевладѣльцевъ и зато обязанныхъ нести военную службу, въ случаѣ надобности. Выступая на войну, они отъ каждаго участка выставляли собственнаго начальника отряда, хоружаго, и сами, по роду службы, раздѣлялись на панцырныхъ или полевыхъ и путныхъ или замковыхъ бояръ или земянъ. И здѣсь для русскихъ ничего не было чужого: древнѣйшіе русскіе и западнославянскіе источники показываютъ, что у русскихъ

---

[1]) Шайноха, Ядвига и Ягайло, Москва, 1882, II, 262.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, СПБ, 1871, 492.

[3]) Byłocwiec, Rzut oka na Rossya, Warszawa (s. a.); Dusburg, Chronicon Prussiae, Francofort—Jena, 1769.

издавна были термины „князья“ для высшаго сословія и „бояре“ для средняго [1]), откуда естественно допустить, что литовцы и тутъ сдѣлали заимствованіе у русскихъ, какъ позаимствовали они у нихъ много другихъ терминовъ и понятій, соединенныхъ съ подобными названіями. На сколько можно судить по отдѣльнымъ грамотамъ великихъ литовскихъ князей и по возросшему числу южнорусскихъ городовъ со времени присоединенія югозападныхъ областей къ Литвѣ, положеніе и средняго южнорусскаго сословія, т. е. мѣщанъ или обитателей городовъ, нисколько не ухудшилось противъ того, когда это сословіе находилось подъ властью природныхъ южнорусскихъ князей. Торговля въ городахъ развивалась на свободныхъ началахъ и не была поставлена ни въ какія стѣснительныя рамки со стороны правительства великаго литовскаго княжества. И такъ какъ, кромѣ торговли, занятіе мѣщанъ составляли въ то время еще ремесла и промыслы, то мѣщане и здѣсь пользовались полною свободой. Такою же свободой пользовалось въ великомъ литовскомъ княжествѣ и низшее населеніе покоренныхъ Литвой русскихъ югозападныхъ областей. Низшій югозападный русскій классъ жилъ дотолѣ на общинныхъ началахъ и пользовался такъ называемыми копными судами, ведшими свое начало изъ глубокой древности. Но при постепенномъ и сильномъ развитіи великокняжеской власти на югѣ Руси сельскія общины должны были значительно сократиться, такъ какъ чисто демократическое начало, на которомъ они были основаны, не могло нравиться русскимъ князьямъ, стремившимся къ самодержавію. Однако, съ повсемѣстнымъ упадкомъ княжеской власти въ западнорусскихъ городахъ съ XII вѣка сельскія общины значительно усилились и выработали извѣстныя для себя правила. Въ XIII—XIV вѣкѣ общины эти обыкновенно составлялись изъ

---

[1]) Терминъ „бояре“ въ „Русской правдѣ“ XI вѣка. Терминъ „земане“ существовалъ въ XI—XII вѣкѣ у чеховъ: „Населеніе Чехіи въ XI—XII в. составлялось изъ землевладѣльцевъ и неимѣющихъ собственности; первые носили названіе zemane или dêdici и причислялись или къ дворянамъ или къ крестьянамъ; всѣ zemane принимали участіе въ сеймахъ и владѣли землей наслѣдственно“. Justin Gajsler, Rys dziejòw creckich, Warczawa, 1888, I, 80. Тоже у Палацкаго Geschichte Böhmen и у Тотека „Исторія чешскаго королевства“.

нѣсколькихъ селеній съ однимъ какимъ-нибудь центральнымъ селеніемъ, въ которомъ крестьяне „простого стану“, имѣвшіе осѣдлость и достигшіе совершеннолѣтія, собирались въ „копы“, или „купы“, т. е. громады, и рѣшали на этихъ копахъ самые важные вопросы времени: открытіе преступленій, суды и наказанія преступниковъ, вознагражденія обиженнымъ, огражденіе законовъ, и т. п. Со всѣми такими порядками сельское населеніе западнорусскихъ областей и вошло въ составъ великаго литовскаго княжества. [1]).

Такимъ образомъ ни въ теченіе времени отъ половины XIII вѣка, ни въ теченіе XIV вѣка до самого 1386 года правительство великаго литовскаго княжества, захвативъ разными способами области югозападной Руси, совсѣмъ не стремилось къ тому, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить выработанные вѣками порядки въ городахъ и селеніяхъ западнорусскихъ областей. Напротивъ того, до рокового 1386 года литовскій народъ подчинялся русской культурѣ въ ея различныхъ проявленіяхъ, и государство литовско-русское шло къ полному объединенію и полному сліянію въ одно политическое тѣло.

Но вотъ наступилъ 1386 годъ, и 18-го числа мѣсяца февраля этого года произошло роковое для Литвы, южной Руси и Польши событіе, такъ называемая польско-литовская династическая унія. Великій князь литовскій Ягелло женился на юной королевѣ польской, Ядвигѣ, и черезъ этотъ бракъ два дотолѣ чуждые по плоти, языку и вѣрѣ народа, соединились въ одно государство, которое названо было Рѣчь-Посполита (Rzecz pospolita—Общее дѣло).

При вопросѣ объ уніи 1386 года между Литвой и Польшей не можетъ быть и рѣчи ни о національномъ единствѣ между поляками и литовцами, ни о народныхъ симпатіяхъ между тѣми и другими, и напрасно, поэтому, твердятъ многіе изъ польскихъ историковъ и изслѣдователей, какъ, напримѣръ, Лелевель, Бантке и Нарбутъ [2]), будто бы актъ 1386 года былъ результатомъ взаимнаго тяготѣнія одного государства къ другому: населенія Литвы и Польши съ незапамятныхъ

---

[1]) Иванишевъ, О древнихъ сельскихъ общинахъ, Кіевъ, 1863, 1 - 9.

[2]) Histoire de Pologne, Paris, 1844; Dzieje narodu polskiego, Wroclaw, 1835; Dzieje starozytne narodu litewskiego, Wilno, V, 1839.

временъ отличались между собой національною рознью, не сознавали никакого между собой единства и не чувствовали никогда взаимной склонности. Унія 1386 года Литвы и Польши устроена была ради династическихъ интересовъ того и другого государства и ради предотвращенія опасности, грозившей Польшѣ со стороны Литвы, и если кому-либо изъ литовцевъ она была желательна, то прежде всего великому литовскому князю Ягеллу, а потомъ высшему литовскому сословію, не пользовавшемуся въ Литвѣ такими широкими привиллегіями, какъ высшій классъ въ Польшѣ, и потому желавшему добиться того же положенія у себя въ Литвѣ черезъ унію [1]).

Какъ бы то ни было, но событіе 1386 года, касавшееся собственно Литвы и Польши, вмѣстѣ съ тѣмъ коснулось и западнорусскихъ областей, вошедшихъ въ составъ Литвы, а теперь вмѣстѣ съ Литвой вошедшихъ въ составъ Польши. Уже въ виду самой уніи великій князь литовскій Ягелло на краковскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1382 году, далъ польскимъ магнатамъ четыре обязательства, изъ которыхъ первое состояло въ томъ, что великій князь, вмѣстѣ съ братьями и родственниками, боярами и земянами, долженъ былъ принять католическую вѣру, а послѣднее состояло въ томъ, что великій князь обязался соединить литовскія и русскія земли на вѣчныя времена съ польскою короной [2]). Съ этого времени открылось широкое вліяніе со стороны Польши на Литву и на западнорусскія области въ различныхъ сферахъ ихъ дальнѣйшей совмѣстной исторической жизни. Въ юго-западной Руси съ этихъ поръ, т. е. со времени литовско-польской династической уніи, начали устанавливаться совершенно иные порядки, нежели тѣ, въ которые она успѣла стать въ отношеніи Литвы. Не смотря на все стараніе литовцевъ удержать за собой самостоятельность во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, они все-таки въ концѣ концовъ должны были во многомъ поступиться въ пользу поляковъ; послѣдніе, во чтобы то ни стало, стремились ассимилировать себѣ, и въ правахъ и въ учрежденіяхъ, ли-

---

[1]) Кояловичъ, Литовская церковная унія, СПБ, 1859, 1861.

[2]) Шайноха, Ядвига и Ягелло, Москва, 1882, II, 36, 37, 44.

товцевъ, дѣйствуя на полуязыческую, полуварварскую Литву своею гражданственностью. Вліяніе Польши на Литву и вмѣстѣ съ Литвой на югозападную Русь началось уже при великомъ князѣ Ягеллѣ и особенно при его преемникахъ и сказалось въ половинѣ XV вѣка въ образѣ правленія, составѣ сословій, администраціи, судѣ и судоустройствѣ, правахъ и обязанностяхъ разныхъ классовъ. Виновникомъ всѣхъ происшедшихъ перемѣнъ былъ прежде всего самъ Ягелло, который, во чтобы то ни стало, хотѣлъ обладать рукой юной и прекрасной королевы польской, Ядвиги, и потому даровалъ еще ранѣе состоявшейся уніи польскимъ панамъ слишкомъ широкія права и вольности. Потомъ Ягелло перенесъ эти права и на литовское дворянское сословіе: уже тотчасъ послѣ польско-литовской династической уніи нѣкоторые изъ литовцевъ, а именно тѣ, которые приняли крещеніе по католическому обряду, получили привиллегіи, которыя сравняли ихъ съ польскими панами. Въ слѣдъ за тѣмъ, когда противъ короля Ягелла поднялся сынъ Кейстута, знаменитый Витовтъ съ литовскими панами, то Ягелло, желая отвлечь отъ своего противника пановъ, сравнялъ, на городельскомъ сеймѣ 1413 года, литовское дворянство (barones et nobiles terrae Litvaniae) во всѣхъ правахъ съ польскимъ. Это опредѣленіе не касалось только схизматиковъ и невѣрныхъ (non schismatici vel alii infideles), т. е. исключало людей православной вѣры и людей языческой вѣры. Послѣ уніи 1386 года Ягелло процарствовалъ болѣе 40 лѣтъ и во все это время заботился о тѣсномъ союзѣ литовцевъ и поляковъ, стараясь сравнять тѣхъ и другихъ во всѣхъ правахъ и считая это средство единственнымъ способомъ для удержанія за своимъ потомствомъ наслѣдственнаго государства. Благодаря такому образу дѣйствій, уже при Ягеллѣ въ литовскомъ княжествѣ установились прочно сеймы, появились могущественные магнаты, развилась мелкопомѣстная шляхта. Но все это, взятое вмѣстѣ, рѣзко измѣнило весь порядокъ вещей, какъ въ самой Литвѣ, такъ и въ принадлежавшихъ ей западнорусскихъ областяхъ.

Прежде всего перемѣна произошла въ положеніи самого князя-короля. Съ этого времени центральная власть въ литовско-польскомъ королевствѣ оказалась въ крайне не-

нормальномъ положеніи: одно и тоже лицо, взявшее въ свои руки верховную власть, въ одно и тоже время было и ограничено и неограничено въ своихъ дѣйствіяхъ: какъ король Польши, литовскій великій князь былъ вполнѣ ограниченный государь; какъ великій князь литовскій, онъ дѣйствовалъ сперва самостоятельно. Скоро, однако, послѣ соединенія Литвы съ Польшей и въ самой Литвѣ центральная власть начала расходиться между королемъ, сеймами и радой литовскихъ пановъ. Уже въ концѣ XIV вѣка въ литовско-польскомъ королевствѣ вполнѣ правильно организовались сеймы, раздѣлившіеся впослѣдствіи на палату посольскую и палату сенатскую, имѣвшіе сперва въ своихъ рукахъ власть законодательную и административную, а потомъ захватившіе власть руководства политическими дѣлами и, подъ конецъ, мало-по-малу перетянувшіе къ себѣ власть государя всей страны. Съ половины XV вѣка является „Panowie rada litowska“, составившаяся изъ крупныхъ и родовитыхъ пановъ литовскихъ и совершенно ограничивавшая власть великаго князя въ Литвѣ.

Выразителями центральной княжеско-королевской власти явились новые чины—гетманъ, канцлеръ, подскарбій и маршалокъ. Изъ нихъ гетманъ, какъ терминъ и какъ понятіе, было заимствовано литовцами отъ нѣмцевъ (на нѣмецкомъ Hautmann значитъ начальникъ, капитанъ) во время гусситскихъ войнъ чеховъ съ нѣмцами, въ которыхъ литовцы и южноруссы принимали участіе въ союзѣ съ чехами противъ нѣмцевъ. Великій гетманъ является въ литовско-польскомъ королевствѣ съ аттрибутами высшей военной власти уже въ 1493 году и представляетъ собой какъ бы военнаго министра, но съ правами верховнаго судьи, высшаго административнаго лица въ мѣстахъ нахожденія войска, главнаго начальника надъ крѣпостями въ странѣ и и неограниченнаго диктатора съ правами „меча“, т. е. смертной кары, въ военное время. Канцлеръ представлялъ особу министра внутреннихъ дѣлъ, хранителя большой и малой государственныхъ печатей, посредника въ сношеніяхъ высшей власти въ странѣ съ иностранными послами, посредника сношеній подданныхъ съ государемъ, перваго голоса на „радѣ пановъ литовскихъ“. Подскарбій—это тотъ же министръ финансовъ, собиравшій, черезъ особыхъ

чиновниковъ—коморниковъ, подати, недоимки и штрафы; онъ же начальникъ монетнаго двора и иниціаторъ чеканки монетъ для всей имперіи. Маршалокъ—тоже, что министръ полиціи и министръ двора, наблюдавшій за исполненіемъ правительственныхъ распоряженій и за благочиніемъ въ государствѣ, объявлявшій высшія повелѣнія государя, наблюдавшій за дѣйствіями провинціальныхъ маршалковъ.

Въ областномъ управленіи теперь являются новыя должностныя лица—старосты, подстаросты, воеводы, державцы, хотя въ общемъ и съ прежнимъ объемомъ власти, какъ намѣстники и тіуны, но зато съ тою разницею, что эти лица непремѣнно должны быть люди католической вѣры: на городельскомъ сеймѣ 1413 года было опредѣлено назначать на такія должности только католиковъ—„scilicet fidei catolicae cultores“.

Всѣ эти, вновь возникшіе, порядки въ литовско-польскомъ королевствѣ касались и западнорусскихъ областей и были для нихъ дотолѣ неслыханными. Но больше всего казались неожиданными для населенія югозападныхъ областей два постановленія сеймовыя 1386 и 1413 годовъ: по постановленію 1386 года ограничены были браки православныхъ: литовецъ-католикъ могъ жениться только на католичкѣ и не смѣлъ жениться на православной русской; по постановленію 1413 года схизматики лишались одинаковыхъ правъ съ литовско-польскимъ дворянствомъ. Этими двумя постановленіями сразу опредѣлена была рѣзкая грань между литовцами и русскими: если до соединенія съ Польшей литовцы подчинялись русской культурѣ и если литовско-русское государство того времени шло къ полному объединенію, то теперь литовцы, постепенно окатоличиваясь и постепенно ополячиваясь, становятся во враждебное отношеніе къ русскому населенію и его православной вѣрѣ. Съ этихъ поръ русскіе стали испытывать на себѣ, такъ сказать, двойное вліяніе, со стороны Литвы и со стороны Польши. И если это вліяніе дѣйствовало подавляющимъ образомъ на дворянское сословіе Руси, то тѣмъ губительнѣе оно сказалось на сословіяхъ мѣщанскомъ и крестьянскомъ.

Мѣщане, т. е. жители русскихъ городовъ, до перехода Руси къ Литвѣ и отъ Литвы къ Польшѣ составляли городскія общины съ самоуправленіемъ, самосудомъ и об-

щественными землями, каковы—поля, луга и лѣса вокругъ городовъ, которыми они пользовались по своему усмотрѣнію, безъ вмѣшательства центральной власти. Но теперь весь этотъ порядокъ совершенно измѣнился: самосудъ былъ устраненъ и вмѣсто того главнымъ судьей становился великій князь или король, а потомъ литовско-польское можновладство. Вслѣдствіе этого явились новыя отношенія общины городовъ къ центральной власти: открывается цѣлый рядъ столкновеній между общинами и разными великокняжескими намѣстниками, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе примѣры, занесенные въ Новгородскую лѣтопись уже въ концѣ XIV вѣка [1]). Чтобы прекратить такое явленіе, правительство литовско-польскаго королевства въ концѣ того же XIV столѣтія (въ Подоліи) и въ половинѣ XV вѣка (на Волыни и Кіевскомъ княжествѣ) даровало городамъ самоуправленіе, основанное на такъ называемомъ нѣмецкомъ или магдебургскомъ правѣ съ его должностными чинами фохтовъ, ратмановъ, бурмистровъ, ландвойтовъ и другихъ. Но между древнимъ общиннымъ правомъ и и новымъ магдебургскимъ была громадная разница: по общинному праву въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ могли принимать участіе всѣ совершеннолѣтніе и имущественные граждане; по магдебургскому праву только избранные городскимъ обществомъ представители. Къ тому же магдебургское право ограничивалось только городскими стѣнами (intra muros) и не распространялось на территорію внѣ стѣнъ, вслѣдствіе чего большая часть земельныхъ угодьевъ, принадлежавшая городамъ, отпала отъ нихъ. При всемъ томъ, такъ какъ за городами все еще оставалась нѣкоторая часть земли и такъ какъ всякій земельный участокъ, по основнымъ литовскимъ правамъ, долженъ былъ доставлять извѣстный контингентъ войска, то города, неся эту повинность, терпѣли большой уронъ въ своемъ благосостояніи. Кромѣ того, при постепенно усиливавшемся преобладаніи дворянства въ литовско-польскомъ королевствѣ надъ другими сословіями, вся тяжесть государственныхъ податей ложилась на сословія среднія и низшія и

---

[1]) Новгородская лѣтопись, СПБ, 1888, 380, 388, 389.

тѣмъ самымъ подрывала развитіе торговли и промышленности, какъ главныя занятія горожанъ. Наконецъ, нѣмецкое или магдебургское право съ чуждыми для русскаго уха терминами фохтовъ, ратмановъ, бурмистровъ и ландвойтовъ и съ его стѣснительными для торговцевъ и промышленниковъ правилами ѣздить только по намѣченнымъ трактамъ—per vias insolitas atque iusuetas—большею частію окольнымъ и потому наиболѣе дорогимъ для купцовъ, но зато выгоднымъ для придорожныхъ владѣльцевъ, взимавшихъ съ торговцевъ разныя „мыта“, также страшно затрудняло торговыя операціи во всѣхъ городахъ западнорусскихъ областей [1]).

Еще въ болѣе печальномъ положеніи оказалась, со времени литовско-польской династической уніи 1386 года, сельская община съ ея копными судами. Съ переходомъ Руси подъ власть литовско-польскаго королевства общинныя земли западно-русскихъ областей, съ теченіемъ времени и мало-по-малу, одна за другой, частію были присоединены къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, частію подарены церквамъ и монастырямъ. Литовско-польскіе короли, подавляемые властью магнатовъ, не могли поощрять развитія русскихъ сельскихъ общинъ и старались распространить въ подвластныхъ имъ русскихъ земляхъ нѣмецкое право, а народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнить засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ. Хотя въ теченіи XVI столѣтія, по литовскимъ статутамъ 1529, 1566 и 1588 годовъ, копные суды, какъ принадлежность русскихъ сельскихъ общинъ, и признаются литовско-польскимъ правительствомъ, но зато сельскія общины, въ это время приходятъ въ совершенный упадокъ, такъ какъ они оказались „въ полномъ противорѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властью помѣщиковъ и не соотвѣтствовали тому состоянію, въ какое были поставлены въ это время крестьяне“ [2]). Постепенно сельскіе общинники были лишены всѣхъ дотолѣ своихъ свободныхъ правъ, правъ поземельной собствен-

---

1) Линниченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши, Кіевъ, 1884, I, 184.

2) Иванишевъ, О древнихъ сельскихъ общинахъ, Кіевъ, 27.

ности, правъ собственнаго суда и вмѣсто того отданы были на судъ, даже, въ случаѣ надобности, на казнь, всевластнымъ литовско-польскимъ панамъ и въ концѣ концовъ низведены были до положенія безправныхъ и безличныхъ рабовъ. Съ другой стороны, такъ какъ на сельскомъ населеніи лежала по прежнему обязанность доставлять за пользованіе землей извѣстное число вооруженныхъ войскъ и такъ какъ крестьяне не всегда могли исполнить эту повинность, то польско-литовское правительство стало отдавать сельскіе участки земли отдѣльнымъ лицамъ, и этимъ, съ другой стороны, положило начало обезземелію крестьянъ, которое шло хотя и не столь скоро, но все же съ возраставшею прогрессивностью и составляло одну изъ язвъ искусственно созданнаго литовско-польскаго королевства.

Въ такомъ-то положеніи оказались области юго-западной Руси послѣ того, какъ онѣ, послѣ уніи 1386 года, очутились подъ властью Польши. Нельзя, конечно, отрицать того, что Польша, въ означенное время, стояла выше по своей цивилизаціи не только Литвы, но и юго-западной Руси, но для русскихъ эта цивилизація не только не была полезною силою, напротивъ того, по особенной враждебности ко всему русскому, она была силой вредною. Цивилизація эта была слишкомъ узка и не имѣла основы истинной гуманности. Это та цивилизація, которая поощряетъ съ одной стороны, и во что бы то ни стало, насильственное сохраненіе типа разнузданнаго, своевольнаго и всевластнаго шляхтича; съ другой стороны допускаетъ усиленное, и во что бы то ни стало, стремленіе къ совершенному уничтоженію индивидуальности низшаго сословія въ самой Польшѣ и всѣхъ сословій безъ исключенія, кто не полякъ и не католикъ, въ югозападныхъ областяхъ Руси. Не признавая по отношенію къ населенію югозападныхъ русскихъ областей ни правъ, ни уваженія человѣческой личности, ни свободы совѣсти, эта польская цивилизація не только не способствовала сліянію Польши съ Русью, какъ способствовала русская гражданственность къ сліянію Литвы съ Русью, а, напротивъ того, встала по истинѣ китайской стѣной между Русью и Польшей и послужила причиной самой ожесточенной вражды между русскими и поляками.

Такая вражда еще болѣе усилилась, когда черезъ 183 го-

да польско-литовской династической уніи, т.-е. въ 1569 году, іюля 5 дня, стараніемъ и волею польскаго короля Сигизмунда II Августа, состоялась между Литвой и Польшей, въ городѣ Люблинѣ, такъ называемая политическая или люблинская унія.

По люблинской уніи вся южная Русь, т. е. Украйна (нынѣшнія Кіевская и Полтавская губерніи), Волынь и Подолія отдѣлены были отъ Литвы и присоединены непосредственно къ Польшѣ. Украйна или древняя кіево-переяславская Русь приняла это присоединеніе съ Польшею въ одну Рѣчь-Посполитую, на правахъ людей равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными: „Iako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi“, какъ сказано было въ актѣ „pacta convencta“. Для управленія вновь составившимся государствомъ учреждены были три равноправныхъ гетмана: польскій, литовскій и русскій; они имѣли права королевскихъ намѣстниковъ и верховныхъ военачальниковъ; на содержаніе свое первые два гетмана получили деревни, а послѣдній—украинскій городъ Черкасы. Но этотъ актъ оказался актомъ не равенства, а актомъ величайшаго насилія со стороны Польши надъ Литвой и Украйной: „Къ Польшѣ присоединяются литовскія земли, которыя никогда ей не принадлежали; присоединяются насильственно, по распоряженію короля Сигизмунда - Августа и польскихъ государственныхъ чиновъ; присоединяются, не смотря на протесты представителей Великаго княжества Литовскаго и полную несостоятельность историческихъ титуловъ, на которыхъ основываютъ поляки свои притязанія. Только традиціонная приверженность къ великокняжескому дому и уваженіе къ святости присяги остановили литовцевъ отъ фактическаго сопротивленія этимъ распоряженіямъ того самого великаго князя, который три года тому назадъ, при изданіи литовскаго статута 1566 года, приносилъ торжественную присягу въ томъ, что земель Великаго княжества не только не уменьшитъ, но еще всячески ихъ будетъ увеличивать и пріумножать“ [1]) Таково было въ сущности значеніе люблинской уніи для Литвы. Чѣмъ же была

---

[1]) Бершадскій, Литовскій статутъ, СПБ, 1893, 57.

эта унія для юго-западной Руси? Для южной Руси она была актомъ величайшаго насилія и вмѣстѣ источникомъ величайшаго бѣдствія, ознаменовавшагося гибелью безчисленнаго числа людей, разлитіемъ не рѣкъ, а цѣлаго моря человѣческой крови. Что сулила унія южной Руси, это можно было видѣть уже изъ самой формулы акта присоединенія Руси къ Польшѣ, которая гласила: „Кіевъ былъ и есть глава и главный городъ Русской земли, а Русская земля вся съ давнихъ временъ присоединена, вмѣстѣ съ другими членами, къ коронѣ польской нашими предками, королями польскими“ [1]). Постановленіе сейма „jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi“, соблюдавшееся польскимъ правительствомъ до нѣкоторой степени въ отношеніи русскаго сословія дворянъ, для людей недворянскаго происхожденія тотъ же часъ оказалось мертвою буквою: все простое народонаселеніе Украйны было отдано въ безусловную собственность польско-литовскихъ, или ополяченныхъ русскихъ пановъ, князей и бояръ, владѣвшихъ имъ до этого времени только на ограниченныхъ правахъ.

Что касается украинскаго козачества, то новое польско-литовское правительство не могло даже и найтись, къ какому сословію его причислить. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ того времени юридически существовало только три сословія: 1) шляхтичей, 2) хлоповъ и 3) мѣщанъ. Первое изъ этихъ сословій, шляхетское, пользовалось безконечными правами, какъ въ отношеніи собственной личности, такъ и въ отношеніи государственнаго своего положенія; второе сословіе, хлопское, находилось въ полной и безпрекословной зависимости отъ перваго и, наконецъ, третье сословіе, мѣщанское, пользовалось очень ограниченными правами: правомъ личной свободы и сословной независимости, но и то лишь въ тѣхъ немногихъ городахъ, которымъ предоставлено было магдебургское право. Изъ этого очевидно, что козацкое сословіе Украйны съ его независимымъ строемъ и выборнымъ началомъ не соотвѣтствовало ни одной изъ указанныхъ категорій: козаковъ нельзя было причислить ни къ шляхетству, ни къ мѣ-

---

1) Volumina legum, t II, f. 760.

щанству, ни тѣмъ болѣе къ хлопству. Причисленіе козаковъ къ шляхтѣ невозможно было вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія самихъ-же шляхтичей, которые слишкомъ дорожили своими исключительными правами и всегда отрицательно относились ко всѣмъ homines novi, которымъ король намѣревался даровать шляхетскія права. Къ мѣщанству козаковъ невозможно было причислить потому, что само мѣщанское сословіе въ Польшѣ не было туземнымъ учрежденіемъ; оно возникло вслѣдствіе магдебургскаго права и обнимало собой лишь ничтожную долю польскаго народонаселенія; кромѣ того, ни занятія, ни самое мѣстопребываніе мѣщанъ нисколько не соотвѣтствовали занятію и мѣстопребыванію козаковъ. Наконецъ, причисленіе козаковъ и къ хлопству также невозможно было: такая мѣра могла бы возбудить со стороны украинскаго козачества, уже нѣсколько разъ звонившаго своею саблею за личную свою свободу, поголовное возстаніе противъ поляковъ [1]).

Такъ, малороссійскіе козаки вовсе оказывались лишними въ польско-литовскомъ королевствѣ. Король Сигизмундъ-Августъ, виновникъ политической уніи, такъ и смотрѣлъ на козаковъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ, какъ на людей лишнихъ. Правда, Сигизмундъ-Августъ немногимъ изъ украинскихъ козаковъ, тѣмъ, которые составляли незначительныя села въ сѣверной части кіевскаго и волынскаго воеводствъ, даровалъ шляхетскія права. Правда также, король не хотѣлъ совершеннаго уничтоженія и всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не получили этихъ правъ шляхты, но все-же онъ крайне не сочувствовалъ всему украинскому козачеству и вовсе не желалъ покровительствовать его дальнѣйшему росту. Правительство Сигизмунда-Августа нуждалось въ козакахъ лишь во время войны, но войну Польша того времени вела на сѣверѣ, куда козаки шли весьма неохотно. Съ турками и ихъ вассалами, крымцами, Польша въ то время старалась держаться на мирной ногѣ. Поэтому козаки оказывались не только излишними, а даже вредными для польскаго правительства, такъ какъ они не-

---

[1]) Антоновичъ, Архивъ юго-западной Руси, I, часть 3, Кіевъ, 1863, XXXII.

рѣдко пополнялись людьми, въ высшей степени безпокойными, людьми буйными, не осѣдлыми, отличавшимися безнаказанностью, не плативши ми долговъ и повинностей, людьми провинившимися предъ закономъ, но которыхъ „не по чемъ было сыскивать“. Даже пограничные воеводы, старосты и другіе урядники смотрѣли на нихъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ. У каждаго изъ воеводъ или старостъ были собственные козаки, составлявшіе низшую степень привиллегированныхъ служебниковъ и всегда готовыхъ на всякаго рода предпріятія. Вообще, король Сигизмундъ-Августъ допускалъ козаковъ только въ качествѣ польской пограничной стражи; другія же дѣйствія ихъ онъ всячески старался парализовать. Отсюда цѣлый рядъ его грозныхъ универсаловъ противъ козаковъ: „Многократно прежде писали мы тебѣ, говоритъ король уже въ 1540 году справцѣ кіевскаго воеводства, князю Коширскому, обнадеживая тебя нашею милостію и угрожая наказаніемъ, и приказывали, чтобы ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ козаковъ нападать на татарскіе улусы; вы же никогда не поступали сообразно нашему господарскому приказанію, не только не удерживали козаковъ, но и ради своей выгоды сами давали имъ позволеніе. Сего ради посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича; мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ козаковъ переписать въ реестръ и доставить оный намъ. Приказываемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ козакамъ непремѣнно записаться въ реестры и послѣ того никакимъ образомъ не выступать изъ нашихъ приказаній, а тѣхъ, кто осмѣлится впередъ нападать на татарскіе улусы, хватать и казнить, либо къ намъ присылать“ [1]). Въ 1557 году король Сигизмундъ-Августъ похвалилъ князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго за его подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить то, что Вишневецкій предлагалъ ему—содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ на островѣ Хортицѣ замкѣ. Напротивъ того, Сигизмундъ-Августъ требовалъ отъ Вишневецкаго, чтобы тотъ старался не допускать своихъ козаковъ къ нападенію на области турецкаго султана, съ которымъ,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, I, 110.

какъ и съ крымскимъ ханомъ, у поляковъ былъ заключенъ вѣчный миръ [1]). Въ 1568 году Сигизмундъ-Августъ снова громилъ козаковъ: „Маемъ того вѣдомость, писалъ онъ, ижъ вы на местцахъ помененыхъ (на низу, на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ), свовольне живучи, поданнымъ цара турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, великіе шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ нашихъ отъ непріятеля въ небезпечество приводите... Про то приказуемъ вамъ... съ поля, зъ низу и зо всихъ уходовъ до замковъ и местъ нашихъ ажбы вышли, а где бы ся которые зъ васъ о сесь листъ и росказане наше господарское недбаючи, того ся важилъ: ино мы старостамъ нашимъ тамошнимъ Украйнимъ науку нашу дали, што они зо всими вами непослушними росказаня нашего чинити мають; такъ ижъ яко нарушите ли покою посполитого, караня срокгого (строгаго) не увойдете“ [2]). Въ 1572 году король Сигизмундъ-Августъ поручилъ коронному гетману, Юрію Язловецкому, выбрать лучшихъ изъ украинскихъ козаковъ на королевскую службу. Выбранные козаки получали изъ королевской казны жалованье; они были изъяты изъ-подъ власти старостъ и подчинены непосредственно коронному гетману; для разбирательства же споровъ между осѣдлыми жителями и козаками опредѣленъ былъ козацкій старшій, нѣкто Янъ Бадовскій, бѣлоцерковскій шляхтичъ. Старшій имѣлъ право судить и карать подданныхъ, освобождался отъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, кромѣ случаевъ насилія и убійствъ; дома старшаго, его грунты, огороды были изъяты изъ замковаго и мѣщанскаго присуда; съ старшаго не полагались подати, если бы онъ вздумалъ въ своемъ домѣ имѣть для продажи водку, пиво, медъ и проч; только въ военномъ отношеніи старшій подчинялся коронному гетману [3]).

Отрицательное отношеніе короля къ козакамъ слишкомъ было извѣстно и всѣмъ полякамъ. Въ 1575 году татары сдѣлали большой набѣгъ на Польшу, въ отмщеніе ей, какъ говоритъ польскій лѣтописецъ Бѣльскій, за походъ Сверчовскаго въ Молдавію (такъ называемая война Ивони). Та-

---

1) Акты южной и западной Россіи, II, 148.
2) Архивъ юго-западной Россіи, I, ч. 3-я, 4—6.
3) Акты южной и западной Россіи, II, 176.

тары вторгнулись въ Подолье и проникли до самой Волыни. На пространствѣ сорока миль въ длину и двадцати въ ширину остались цѣлыми одни замки да панскіе дворы, снабженные пушками. Лѣтописецъ Оржельскій насчитываетъ до 35 тысячъ плѣнныхъ людей, до 40 тысячъ захваченныхъ лошадей, до полумилліона рогатаго скота и безъ счету угнанныхъ овецъ. Тогда поляки поспѣшили обвинить въ этомъ набѣгѣ татаръ на Украйну козаковъ. Паны винили козаковъ въ томъ, что они не только накликаютъ на Польшу бѣдствія войнъ, но что они даже умышленно пропускаютъ татаръ черезъ Днѣпръ, чтобы потомъ отбивать у нихъ награбленную добычу. Послѣ этого памятнаго года въ Польшѣ сильно говорили о козакахъ, какъ о вредномъ сословіи для цѣлаго государства, подлежащемъ уничтоженію. „Что отецъ съ матерью собрали по грошу, то безразсудный сынокъ пропуститъ чрезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ уже, когда неоткуда взять, боясь околѣть съ голоду, слышишь о немъ, или очутился на Низу и грабитъ турецкихъ чабановъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ у прохожихъ лукошки“. Провинившимся предъ закономъ шляхтичамъ, выставлявшимъ свои заслуги въ запорожскомъ войскѣ, съ цѣлью заслужить снихожденіе предъ судомъ,— польскіе государственные сановники говорили: „Не на Низу ищутъ славной смерти, не тамъ возвращаютъ утраченныя права: каждому разсудительному человѣку понятно, что туда идутъ не изъ любви къ отечеству, а для добычи“ [1])

Такова была политика Сигизмунда-Августа въ отношеніи украинскихъ козаковъ и таковъ взглядъ на козачество того польскаго общества, которое было пропитано идеями короля. Преемникъ Сигизмунда-Августа [2]), Стефанъ Баторій (1576—1586) въ отношеніи украинскаго козачества пошелъ по пути своего предшественника. Вся разница политики Баторія отъ политики Сигизмунда-Августа состояла лишь въ большей рѣшительности и обдуманности. Стефанъ

---

[1]) Кулишъ, Польск. колон. юго-зап. Руси: Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 499.

[2]) „По Жигмонтѣ второмъ Августѣ былъ Генрихъ Валенскій, албо Еракузъ, онъ царствовалъ четыре мѣсяца, 1574 года“. Лѣтопись Самоила Величка, Кіевъ, 1848, I, 22.

Баторій задумалъ слить всю южную Русь въ одинъ политическій составъ съ Польшею. Но тутъ, какъ разъ на порогѣ своихъ плановъ, король встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны южно-русскаго козачества: козаки составляли прочный оплотъ русской народности и надежную защиту православія противъ другихъ народностей и другихъ вѣроученій. Обладая политическою самостоятельностію, они самовольно выбирали себѣ старшину, самовольно объявляли войны или заключали миръ, самовольно увеличивали число своихъ собратьевъ и самовольно дѣлали различныя въ войскѣ распоряженія. Такимъ образомъ сила украинскаго козачества была велика. Но эту-то силу Баторій и рѣшился ослабить и даже вовсе уничтожить. „Если козаки нападутъ на татарскіе улусы, писалъ король въ 1578 году въ Турцію, то это навѣрное будетъ безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ того, желали-бы истребить, но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во-первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и съѣстные припасы; во-вторыхъ, не дозволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ, и въ-третьихъ, присылать старшихъ козаковъ на королевскую службу [1])“. Стефанъ Баторій началъ свое дѣло ослабленія, или въ дальнѣйшей перспективѣ совершеннаго уничтоженія, украинскихъ козаковъ постепенно и мѣрами, повидимому, не только не благопріятными, а напротивъ того, очень благодѣтельными для самихъ-же козаковъ. Также, какъ и Сигизмундъ - Августъ, Баторій рѣшился одной, самой незначительной, части козаковъ даровать шляхетскія права, а другую, огромное большинство, низвести на степень простаго крѣпостнаго народонаселенія. Шляхетскія права, были предоставлены только 6.000 козаковъ, остальная-же масса козачества, доходившая до 35.000, отчислялась въ простые селяне и ремесленники; 6.000 козаковъ внесены были въ королевскій

---

[1]) Кулишъ, Польская колонизація юго-западной Руси, Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 501.

реестръ или списокъ, освобождались отъ всякихъ податей, получали отъ правительства жалованье, пользовались правами на владѣніе своими прежними землями, свободнаго выбора старшинъ и самосуда и получали войсковые клейноды—бунчукъ, булаву, войсковую печать и королевское знамя. Всѣ 6.000 реестровыхъ козаковъ управлялись назначеннымъ отъ короля гетманомъ, имѣвшимъ свое мѣстопребываніе въ городѣ Трехтемировѣ, и раздѣлены были на шесть полковъ—черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Каждый полкъ находился подъ начальствомъ сотника и его сотеннаго помощника, асаула [1]). Раздѣляя козаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ, Стефанъ Баторій имѣлъ въ виду, чтобы со временемъ только внесенные въ реестръ остались козаками, а всѣ нереестровые сдѣлались-бы крѣпостными или поступили подъ управленіе королевскихъ старостъ; даже реестровые, получая отъ правительства жалованье и находясь въ распоряженіи главнокомандующаго польскихъ войскъ, должны были сдѣлаться только наемнымъ войскомъ Рѣчи-Посполитой. Однако, Стєфанъ Баторій не нашелъ сочувствія въ своихъ реформахъ: сами польскіе дворяне упорно отказывались принять въ свое сословіе 6.000 новыхъ членовъ, а потому ни къ участію при избраніи королей, ни къ посылкѣ своихъ депутатовъ на сеймъ козаки не были допущены. Послѣ этого реестровые и нереестровые козаки, соединившись съ простымъ классомъ посполитыхъ, стали отстаивать силою свои права. Но не добившись ничего и утерявъ прежнія положенія, данныя Стефаномъ Баторіемъ, недовольные козаки стали собираться цѣлыми купами и бѣжать на Запорожье. „Напрасно повѣрялось панамъ и ихъ дозорцамъ ловить и заковывать гультаевъ, бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній и возвращать ихъ на мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ-же казнить жестокою смертію. Пока Запорожье со всѣми днѣпровскими островами и приднѣпровскими трущобами не было во власти пановъ, нельзя было задушить козачества. Бѣжавшій народъ находилъ себѣ

---

[1]) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 21.

первое пристанище на Низу въ козачествѣ“ [1]). При всемъ этомъ, пока живъ былъ Стефанъ Баторій, онъ все-же, какъ искусный политикъ, умѣлъ ладить съ козаками. Но вотъ съ 1588 года польскую корону принялъ Сигизмундъ III. Опасаясь турокъ, Сигизмундъ III рѣшилъ всячески парализовать военныя дѣйствія козаковъ противъ мусульманъ. Извѣстны его мѣры на этотъ счетъ. „Козаки должны находиться подъ начальствомъ короннаго гетмана, отъ котораго должны быть поставлены ихъ начальники. Они дадутъ присягу, что безъ воли гетмана не будутъ воевать ни на морѣ, ни на сушѣ, и не примутъ никого въ свое сотоварищество. У гетмана долженъ храниться козачій реестръ; осужденные на казнь не могутъ быть приняты въ козаки; козаки не могутъ никуда отлучаться безъ воли старшины; управители частныхъ имѣній должны удерживать крестьянъ отъ бѣгства на днѣпровскіе острова, наказывать тѣхъ, кто возвращается съ добычею или кто продаетъ порохъ, селитру, оружіе или даже жизненные припасы козаку“ [2]). Но не смотря на всѣ эти и подобныя имъ распоряженія польскаго правительства, козаки не оставляли въ покоѣ турокъ: съ половины XVII столѣтія морскіе набѣги запорожскихъ козаковъ на турецкія владѣнія становились все чаще и чаще и годъ отъ году значительнѣе. Къ тому-же и само польское правительство вдругъ перемѣнило свой тонъ въ отношеніи козаковъ: въ 1620 году, ведя войну съ турками, оно стало нуждаться въ помощи козаковъ; послѣдніе, забывъ недавнія притѣсненія со стороны поляковъ, стали подъ знамена короннаго гетмана и рѣшили войну въ пользу Польши. Однако, въ благодарность за это на состоявшемся послѣ войны 1620 года хотинскомъ договорѣ козакамъ было объявлено, чтобы они съ этихъ поръ не смѣли разгуливать по Черному морю и нападать на мусульманскія владѣнія. „Польское правительство, видя, что распри съ Турціей, возбуждаемыя козаками, грозятъ наводнить Польшу разрушительными полчищами восточныхъ народовъ, почло необходимымъ прекратить навсегда мор-

---

1) Костомаровъ, Южная Русь и козачество: Отечественныя Записки, 1870, I, II, 59.

2) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 70.

скіе козацкіе набѣги“ [1]). Но козакамъ безъ войны нельзя было существовать: по выраженію лѣтописца, „козаку воевать, что соловью пѣть“. Какъ-же, однако, воевать, когда польское правительство рѣшительно воспретило всякую войну козакамъ? Что тогда оставалось дѣлать? Тогда естественно оставалось малороссійскимъ и вмѣстѣ съ ними запорожскимъ козакамъ обратить свое оружіе противъ тѣхъ, которые запрещали имъ войну съ мусульманами. Отсюда и понятна та вражда, которую питали запорожцы къ польскому правительству.

Къ этой главной причинѣ вражды козаковъ къ полякамъ присоединилось множество и другихъ, не менѣе важныхъ причинъ. Безспорно, что въ ряду этихъ другихъ причинъ главнѣйшее мѣсто занимала такъ-называемая религіозная унія, введенная на Украйнѣ въ 1595 году, на брестскомъ сеймѣ. Унія введена была на Украйнѣ стараніемъ и волею польскаго короля Сигизмунда III-го, преемника Стефана Баторія. Шведъ родомъ, католикъ по вѣроисповѣданію, питомецъ заклятаго, фанатическаго врага православія и русской народности, іезуита Скарги, поклонникъ хитраго и властолюбиваго папы Климента VIII, Сигизмундъ съ какою-то лихорадочною поспѣшностью взялся за введеніе на Украйнѣ уніи, предложенной втайнѣ ему римскимъ владыкою. „Унія была изобрѣтеніемъ римскаго папы Климента VIII. Это измѣненіе религіи было предпринято изъ выгодъ чисто частныхъ. Конечно, папамъ пріятно было-бы, властвуя умами и совѣстью всей Европы, владѣть въ то-же время и всѣми богатствами и всѣмъ оружіемъ ея. Но такъ какъ православные слишкомъ твердо держались праотеческой вѣры, то Климентъ VIII изобрѣлъ средство, не уничтожая ни одной изъ вѣръ, соединить обѣ воедино; это соединеніе онъ назвалъ уніей“ [2]). По этой уніи православные люди Украйны присоединялись къ католической церкви, ни въ чемъ не нарушая своей вѣры и своихъ обычаевъ, но признавая лишь верховнымъ главой, въ духов-

---

1) Костомаровъ, Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею: Отечественныя Записки, 1856, IX, 197.

2) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 76.

номъ отношеніи, римскаго папу. Вскорѣ, однако, оказалось, что введенная на Украйнѣ унія была лишь мостомъ, чрезъ который папа стремился провести въ православную Украйну католическую вѣру. Украинцы скоро увидѣли, куда направлены цѣли католическаго духовенства и скоро сознали, что ихъ вѣрѣ наносится страшная обида. „Обида православію была главною, самою чувствительною, горшею обидою для южно-русскаго народа, при которой всѣ остальныя обиды были уже второстепенными и безъ которой всякая изъ остальныхъ бѣдъ, какъ бы она ни велика была, была-бы сносна. То была душа всего; то былъ nervus vitae. Отъ уніи Украйна потерпѣла такое горе, какого не видала московская Русь подъ игомъ татаръ, ибо процвѣтаніе православія еще со времени Владиміра для Украйны было первымъ закономъ и нерушимымъ залогомъ народнаго бытія“ [1]). Унія считалась наибольшимъ зломъ именно потому, что она подготовлена безъ участія и согласія южно-русскаго народа, своею цѣлью имѣла—искоренить его праотеческую вѣру и вводилась на Руси мѣрами безбожными, насильственными, мѣрами гвалтовными. „А що найбольше же и хвала божія въ церквахъ православныхъ отъ тѣхъ непріятелей нашихъ, отщепенцевъ и еретиковъ ляховъ, хощетъ и усиливается перемѣнити и до заблужденія Римскаго на унію обернути и гвалтовне (т. е. насильственно) преклонити“ [2]), пишетъ гетманъ Остряни́ця въ 1638 году возставшему противъ поляковъ южно-русскому народу. „Особливо Унія, за милостивымъ вашего найяснѣйшаго королевскаго величества позволенемъ—пишетъ гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный королю Сигизмунду III-му—теперь зъ Руси чрезъ святѣйшаго Θеофана, патріарха іерусалимскаго, знесенная, абы впредь въ той же Руси никогда не отновлялась и своихъ роговъ не возносила [3]).

Орудіемъ этой „богопротивной“ уніи были никто иные, какъ отцы іезуиты, „Patres Societatis Jesu“. Они помышляли не о польской коронѣ, не о величіи Рѣчи-Посполи-

---

1) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 273.
2) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 267.
3) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 267.

той, а единственно о власти римскаго первосвященника и о своей католической вѣрѣ, пришедшей въ большой упадокъ, вслѣдствіе распространившейся въ западной Европѣ реформаціи. „Іезуиты сплели сѣть, сѣть тонкую, какъ паутина и твердую, какъ сталь, и этою сѣтью опутали малодушнаго короля Сигизмунда III-го. Сама Польша уже далеко раньше этого времени окатоличилась: она была „первая западница“ изъ всѣхъ славянскихъ земель. Правда, православное христіанство и славянское богослуженіе проникло въ Польшу (изъ Чехіи) уже въ IX и X вѣкахъ, но вслѣдъ затѣмъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, оно было подавлено здѣсь католичествомъ. Такъ, уже Болеславъ, сынъ Мечислава, завелъ связь съ папою и нѣмецкими государями и, съ благословенія папы, основалъ епископство въ Познанѣ и архіепископство въ Гнѣзнѣ. Правда, что для реформаторства Польша оставляла и это послѣднее вѣроученіе, вѣроученіе католическое, но все же, съ водвореніемъ въ ней іезуитовъ въ XVI и XVII вѣкахъ, она снова соблазнилась католичествомъ, заразившись „іезуитскимъ вѣрогоненіемъ“ и мрачнымъ фанатизмомъ. Съ этого времени Польша сдѣлалась уже самою ревностною католическою страною, разсадникомъ и центромъ латинской пропаганды въ другихъ восточныхъ странахъ.

Отцы общества Іисуса открыли дѣло своей уніи слишкомъ хитро и осторожно: они начали не съ низшаго сословія, а съ сословія высшаго, южно-русскихъ князей и дворянъ, которые всегда были не чужды увлеченія польской культурой и польскимъ блескомъ. Своимъ „хитролестнымъ“ ученіемъ „западные мудрецы“ въ короткое время достигли необыкновенныхъ результатовъ: вскорѣ за введеніемъ уніи въ южной Руси послѣдовало быстрое отступленіе высшаго южно-русскаго класса отъ православной религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ русской народности. Русскіе паны и для русскаго же народа сдѣлались вполнѣ чужими и власть ихъ получила видъ какъ бы иноземнаго и иновѣрнаго порабощенія въ странѣ. Уже въ 1597 году унія сдѣлала то, что все православное русское дворянство было названо хлопами, отлучено отъ выборовъ, лишено права на воинскія и судебныя должности, на владѣнія старостъ, селъ, мѣстечекъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній;

всѣ должностныя лица изъ русскихъ замѣнены были поляками; по всей Малороссіи разставлены были польскія войска, позволявшія себѣ открытые грабежи и насилія, ходившія съ обнаженными саблями, принуждавшія въ храмѣ народъ преклонять колѣно и ударять себя въ грудь по обычаю римскому и по обычаю-же римскому читать символъ вѣры о св. Духѣ [1]). Черезъ унію нѣсколько человѣкъ не могли собраться для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ, ибо ихъ тотчасъ-же объявляли бунтовщиками, немедленно разгоняли или ловили и пытали. „Отягощенія и насилія, писали сами поляки во время литовской конфедераціи въ 1599 году, умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности...“ [2]) Такъ было уже вскорѣ послѣ введенія уніи. Что же сдѣлала на Украйнѣ унія спустя нѣсколько лѣтъ? Православныя церкви или отданы были на откупъ жидамъ [3]), т. е. обращены въ питейные дома, шинки и гостинницы [4]), или сданы были подъ мусульманскія мечети; церковныя имѣнія были отобраны; православные священники, иноки и даже игумены или вовсе замучены, или лишены своихъ парафій и изгнаны изъ своихъ мѣстъ [5]). Такъ, въ Туровѣ насильно отобраны были у православныхъ храмы съ утварью и выгнанъ православный епископъ; въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и другихъ городахъ, православнымъ даже въ шалашахъ запрещено было молиться [6]). „Въ Луцкѣ, въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились въ монастырь крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадѣльнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали

---

1) Филаретъ, Исторія русской церкви, Харьковъ, 1853, IV, 105.
2) Филаретъ, Исторія русской церкви, Харьковъ, 1853, IV, 103.
3) Памятники кіевской коммиссіи, Кіевъ, 1, отд. 2, 98—99.
4) Напр. въ Луцкѣ, Вильнѣ, Минскѣ: Филаретъ, Исторія, IV, 109.
5) Памятники кіевской коммиссіи, Кіевъ, 1, отд.. 1, 204—223.
6) Филаретъ, Исторія русской церкви, Харьковъ, IV, 109.

дома, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти [1]). „Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи“ [2]). „Повсюду святыня была поругана, иконы разбросаны, дорогія ризы и стихари шли на юбки жидовкамъ, церковная утварь—потиры, дискосы и прочее частію расхищены, частію пропиты въ шинкахъ. Наши церкви, говорили современники, монастыри, соборы большею частію уже захвачены, разорены и опустошены, притомъ съ грабежомъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіями, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и умершими. Духовныя лица наши за твердость въ православіи терпятъ разныя преслѣдованія, на нихъ нападаютъ въ собственныхъ домахъ, грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности“ [3]). Православныхъ не допускали въ городъ, запрещали имъ торговать, записываться въ цехи, хоронить по своему обряду умершихъ; священникъ не смѣлъ идти съ дарами къ больному [4]). Католическіе ксендзы, страшно глумясь надъ православными, разъѣзжали по городу въ шарабанахъ, запряженныхъ вмѣсто лошадей людьми, тогда по 20 человѣкъ и болѣе того, и склоняли народъ къ уніи; чрезъ посредство мѣстной власти они вытребовывали себѣ въ услуженіе малороссійскихъ дѣвушекъ и безчестили ихъ. Бѣдственное положеніе православнаго южно-русскаго населенія подъ игомъ Польши чрезвычайно ярко представлено въ рѣчи посла и чашника волынскаго Лаврентія Древинскаго, сказанной въ 1620 году, передъ тономъ короля Сигизмунда IV. „Кто, о, Боже живый, явственно не видитъ того, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія претерпѣваетъ древній русскій народъ въ разсужденіи благочестія своего? Начну съ Кракова. Какое распространеніе славы божьей помощью сей новоизобрѣтенной уніи является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхище-

---

[1]) Костомаровъ, Южная Русь и козачество, От. Зап., 1870, I и II, 57.
[2]) Костомаровъ, Южная Русь и козачество, От. Зап., 1870 I и II, 57.
[3]) Филаретъ, Исторія русской церкви, Харьковъ, IV, 103.
[4]) Костомаровъ, Южная Русь и козачество, От. Зап., 1870, I и II. 57.

ны, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ. Перейдемъ въ княжество литовское; тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ тоже самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ тоже учинено; монастырь Лещинскаго въ питейный домъ превращенъ; вслѣдствіе сего дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ стерво, вывозятся; народъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія святыхъ тайнъ умираетъ... Кто греческаго закона и къ уніи непреклоненъ, тотъ въ городѣ жительствовать, купечество и продажу питей производить, и въ ремесленные цехи принятъ быть не можетъ. Если же кто въ городѣ, отважившись жить, умретъ, того тѣло мертвое по обряду церковному къ погребенію препроводить, до больного съ тайнами Христовыми открыто идти невольно. Въ Вильнѣ же не вопіющее ли притѣсненіе, слыханное ли до сего? Тѣло мертвое благочетиваго когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота (ими же всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татаре) запираютъ, такъ что принужденными себя находятъ православные въ тѣ ворота, коими смрадъ и одну такую нечистоту городскую вывозятъ, мертваго своего выносить. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются; монаховъ, непреклонныхъ къ уніи, ловятъ, бьютъ, и на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища ихъ заключаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ уніею не соединены, не производятъ; но простяками и невѣждами (такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе или справедливость) въ поношеніе страны русской праздныя мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ, безъ всякой основательной причины, исторгаютъ. Коротко сказать: давно уже великія и неслыханныя притѣсненія, русскій нашъ народъ, какъ въ коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ, терпя переноситъ“ [1]). И точно, всюду производились пытки и истязанія: православныхъ жгли огнемъ, рвали у нихъ волосы, заключали въ оковы, томили голодомъ, въ глазахъ родителей сожига-

---

[1]) Павлищевъ, Польская анархія, СПБ, 1878, I, 205, 206.

ли дѣтей на угольяхъ или варили въ котлахъ, а потомъ предавали матерей мучительнѣйшей смерти; православныхъ топили, вѣшали, лишали гражданской чести (такъ называемой инфаміи), обливали въ трескучіе морозы холодною водой, запрягали въ плугъ и заставляли орать ледъ на рѣкахъ, приказывая жидамъ погонять запряженныхъ; повсюду виднѣлись висѣлицы и колья съ жертвами; повсюду слышались вопли бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ– и все это единственно за то, что они были православными [1]).

Кромѣ гнета со стороны ксендзовъ страшныя притѣсненія терпѣлъ украинскій народъ еще со стороны королевскихъ старостъ и чиновниковъ. „Владѣлецъ или королевскій староста, говоритъ самъ іезуитъ Петръ Скарга, не только отнимаетъ у бѣднаго хлопа все, что онъ зарабатываетъ, но и убиваетъ его самого, когда захочетъ, и никто ему на это не скажетъ дурного слова“. Въ 1622 году гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный писалъ королю Сигизмунду III. „А любо зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украйнѣ властной предковѣчной отчизнѣ нашей, власть, свою непослушне распростирающихъ, повѣваютъ на насъ холодныи и непріязненныи вѣтры, хотящіи славу нашу въ персть вселити и насъ въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожне наклонити. И не такъ есть намъ жалостно на пановъ преченныхъ, яко на ихъ старостовъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которые ни Бога боятся, ни премощныхъ вашего найяснѣйшаго величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ“ [2]).

Въ 1536 году, послѣ смерти Евстафія Дашковича, черкасовцы и каневцы взбунтовались противъ своего старосты Василія Тишкевича; дѣло шло, какъ можно догадываться, о доходахъ и непомѣрномъ расширеніи старостинской власти. Въ слѣдующемъ году тѣже черкасовцы и каневцы и по той-же причинѣ подняли бунтъ противъ другаго свое-

---

1) Костомаровъ, Борьба козаковъ съ Польшею, От. Зап., 1856, IX, 228.

2) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 262.

го старосты, Яна Пенька: „онъ кривды великія и утиски чинитъ и новины вводитъ“, писали обиженные королю. Эти утиски состояли въ томъ, что Пенько заставлялъ мѣщанъ работать на себя, возить дрова и сѣно, не позволялъ отправлять въ Кіевъ на продажу медъ, не давалъ ловить рыбу и бобровъ, отнималъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ днѣпровскій порогъ Звонецъ, собиралъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рожества Христова и отягощалъ ихъ поставкою подводъ [1]). Для разслѣдованія дѣла, по королевскому приказу, выѣзжалъ кіевскій воевода Андрей Немировичъ и нашелъ старосту Пенька невиновнымъ. Но и самъ слѣдователь нечистъ былъ отъ подобныхъ-же обвиненій въ своемъ воеводствѣ: въ такомъ же-духѣ жаловались королю въ 1523 году кіевскіе крестьяне и на Андрея Немировича: „Онъ оказываетъ мѣщанамъ разныя несправедливости, заставляетъ ходить съ собою въ походъ пѣшихъ, отнимаетъ у нихъ лошадей и вооруженіе и раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и наказываетъ ихъ въ случаѣ, когда плѣнный убѣжитъ, хотя-бы мѣщанинъ не имѣлъ умысла выпустить его; воевода, сверхъ того, присваиваетъ себя мѣщанскія дворища и угодія, посылаетъ мѣщанъ на черныя работы, которыя не слѣдовало возлагать на мѣщанъ“ [2]).

Такъ поступали вообще всѣ старосты или управители, завѣдывавшіе королевскими имѣніями: они страшно грабили, вымогали и томили подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, и хотя законъ предоставлялъ этимъ послѣднимъ право жаловаться на своихъ притѣснителей, но никто изъ обиженныхъ не смѣлъ о томъ и заикнуться, по свидѣтелству поляка Старовольскаго; обвиняемый всегда будетъ правъ, а потерпѣвшей обиду будетъ обвиненъ. „Получивъ какой-нибудь городъ во владѣніе отъ короля, староста старался поставить жителей его въ отношеніи себя наравнѣ въ подданными. Онъ заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ замокъ дрова; не дозволялъ имъ возить медъ въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ;

---

1) Акты южной и западной Россіи, II, 352.
2) Акты южной и западной Россіи II, 132.

безъ дозволенія старосты не могли они ѣздить и ходить въ рыбные и бобровые уходы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было добычами; половину, а иногда и все имущество безсемейнаго козака послѣ его смерти, или когда его хватали татары, бралъ на себя староста, наконецъ увеличивалъ до произвольной цифры обычную съ мѣщанъ и козаковъ подать коляду на рождественскихъ святкахъ“ [1]).

Въ королевскихъ имѣніяхъ грабили крестьянъ всѣ „господарскіе чиновники: судьи, ассесоры, экзаторы (сборщики податей), войты, бурмистры и др. „Въ судахъ у насъ говоритъ тотъ-же Старовольскій, завелись неслыханные поборы, подкупы; наши войты, лавники, бурмистры всѣ подкупны, а о доносчикахъ, которые подводятъ невинныхъ людей въ бѣду, и говорить нечего: поймаютъ богатаго, запутаютъ и засадятъ въ тюрьму, да и тянутъ съ него подарки и взятки“.

Кромѣ безграничнаго произвола старостъ или ихъ помощниковъ, дозорцевъ, кромѣ непомѣрнаго хищничества чиновниковъ, въ королевскихъ имѣніяхъ свирѣпствовали еще польскіе жолнѣры или такъ называемыя кварцяныя (наемныя) войска. „Много, продолжаетъ Старовольскій, толкуютъ у насъ о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военно-плѣнныхъ, а не тѣхъ, которые, живя подъ турецкою властію, занимаются земледѣліемъ или торговлею. Въ Турціи никакой паша не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что дѣлается въ нашихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. У насъ въ томъ только и свобода, что вольно дѣлать всякому, что вздумается, и отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь сколько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи Посполитой“ [2]). Въ одно селеніе или мѣстечко, въ продолженіи одного года, послѣдовательно одна за другой приходили 30 или 40 хоругвей польскихъ жолнѣровъ; всѣ они грабили жителей, насиловали женщинъ,

---

[1]) Польская колониз. югозап. Руси: Вѣстникъ Европы, 1874, III, 28.
[2]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеоп., Спб., 1874, V, от. II, 230.

рубили и кололи мужчинъ и дѣлали тысячу другихъ варварствъ. Обиженные не могли найти себѣ удовлетворенія даже у самаго престола, ибо само правительство Польши, при постоянномъ возвышеніи національной аристократіи, было слишкомъ слабо и подчасъ вовсе безсильно: часто кварцяное войско, составивъ такъ называемыя zwiecski (связки), съ оружіемъ въ рукахъ, принуждало короля уступать своимъ требованіямъ. Но и помимо этихъ притѣсненій со стороны королевскихъ старостъ часто и распоряженія самого короля были тягостны для жителей украинскихъ городовъ. Король Сигизмундъ III въ уставной грамотѣ къ кіевскимъ мѣщанамъ писалъ, чтобы они, сверхъ обыкновенныхъ повинностей, имѣли своихъ лошадей, обзавелись оружіемъ и ходили въ погоню за татарами [1]). Это была двойная и потому особенно тягостная повиность для мѣщанъ.

Такъ было въ королевскихъ имѣніяхъ. Еще хуже того было въ имѣніяхъ пановъ. Французскій инженеръ Бопланъ, лично посѣщавшій Польшу и Украйну, замѣчаетъ на этотъ счетъ: „Крестьяне польскіе мучатся, какъ въ чистилищѣ, а господа блаженствуютъ, какъ въ раю“ [2]). По польскому статуту 1557 года помѣщику и его управляющему предоставлено было право казнить своихъ крестьянъ смертію. Въ 1572 году издано было постановленіе, по которому крестьянамъ запрещалось жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Это неограниченное право, дарованное панамъ правительствомъ, вело къ самымъ необузданнымъ и дикимъ произволамъ помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ: „Польское право говоритъ тотъ же Бопланъ предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными; не только не было никакихъ правилъ, которые опредѣляли бы отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета“ [3]). „Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, ему вовсе не принадлежавшаго, чаще всего оставался безъ наказанія. Нѣтъ государства, говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скар-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, I, 128.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 114, 127.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 9.

га,—гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властію шляхты. Разгнѣванный земянинъ или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и его самого убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого дурного слова не потерпитъ“ [1]). Крестьяне, жившіе на землѣ помѣщика, кромѣ обыкновенной панщины исполняли множество другихъ обязанностей въ пользу пана и несли неисчислимое число мелкихъ поборовъ. Такъ, кромѣ того, что крестьянинъ самъ лично и его дѣти выполняли различныя службы у пана, кромѣ этого всякій крестьянинъ долженъ былъ три раза въ годъ—предъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ—давать такъ называемая осыпъ [2]), т. е. нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей. Кромѣ осыпа въ пользу пана шла пошлина, называемая роговое, т. е. десятая часть отъ рогатаго скота, лошадей, свиней и овецъ; панъ бралъ очковое—пошлину съ каждаго улья; бралъ подать за право пасти скотъ—спасное, за измолъ муки—сухомельщина, за право собирать жолуди—жолудное, бралъ подать отъ улова рыбы—ставщина, за звѣриную охоту—десятина, за покупку или продажу съѣстныхъ припасовъ—торговое; кромѣ всего этого панъ бралъ печенымъ хлѣбомъ, птицею, земными плодами и деньгами. Но для пановъ и этого было мало. Ѣдетъ-ли панъ на сеймъ, собирается-ли на богомолье, или затѣваетъ свадьбу—на подданныхъ непремѣнно налагается какая-нибудь новая подать. „Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у холопа куръ, барановъ, масло, колбасы, а пойдетъ хлопъ жаловаться пану — говоритъ Старовольскій—такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать такъ, какъ его слуги“... „Если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему

---

[1]) Костомаровъ, Южная Русь и козачество: Отеч. Зап. 1870, I, 51.
[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878,7.

матерію, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать „стацію“ его гайдукамъ и козакамъ... Наберетъ панъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ, и тому и другому не платитъ“[1]).

Всегдашними пособниками у пановъ въ дѣлѣ угнетѣнія крестьянъ были жиды. Ни въ какой странѣ въ средніе вѣка еврейство не достигало такихъ матеріальныхъ и нравственныхъ успѣховъ, какъ въ польско-литовской республикѣ, и нигдѣ не достигало оно въ означенное время такой силы, какъ именно въ этомъ государствѣ. Такой силѣ способствовали многія обстоятельства, частью зависѣвшія отъ самого еврейства, частью отъ той почвы, гдѣ оно развивалось. Сила самого еврейства состояла въ устройствѣ тѣхъ многочисленныхъ кагаловъ и подкагалковъ, которые уже въ началѣ XVI столѣтія централизировали въ Литвѣ и Польшѣ еврейство, опутали ихъ со всѣхъ сторонъ своею сѣтью и захватили въ свои руки главнѣйшія нити всей общественной и частной жизни. Уже въ 1514 году, при королѣ Сигизмундѣ, въ четырехъ главныхъ польско-литовскихъ городахъ, Краковѣ, Познани, Люблинѣ и Львовѣ, въ числѣ мѣстнаго еврейства стояли четыре „славянскихъ“ еврея и надъ тѣми „славянскими“ евреями стоялъ префектъ евреевъ — praefectus judeorum — брестскій еврей Михель Іозефовичъ. Къ концу того же XVI столѣтія, въ царствованіе короля Сигизмунда III (1587—1632), въ томъ же польско-литовскомъ государствѣ возникло новое, еще болѣе могущественное еврейское учрежденіе, такъ называемый синодъ раввиновъ, или „ваадъ шэлъ арба̀ арацо̀тъ“, четырехъ земель—Великой Польши, Малой Польши, Руси и Литвы. Это было такое учрежденіе, которое придало польско-литовскому еврейству“ „чрезвычайное единство, устойчивость и силу, а чрезъ это почетное значеніе внутри и извнѣ“ [2]). Въ главѣ этого синода также поставлено было одно лицо, прославленный раввинъ Мордухай Яфа, объединявшій всѣ дѣйствія мѣстнаго еврейства. Значеніе этого синода состояло въ томъ, что онъ въ одно и тоже

---

[1]) Костомаровъ, Южн. Русь и козач., Отеч. Зап., 1870, I, 53

[2]) Graetz Geschichte der Juden Leipzig, 1886—1891.

время былъ и центральнымъ правительствомъ для евреевъ, и собраніемъ верховныхъ судей и универсальнымъ банкомъ. Уже въ то время этотъ синодъ пріобрѣлъ такую силу, что „внушалъ страхъ и ужасъ христіанамъ“ [1]). Постепенно сплачиваясь и объединяясь польско-литовскіе евреи въ XVII вѣкѣ пріобрѣли несокрушимую силу въ Польшѣ. Со второй половины и до конца этого столѣтія въ Польшѣ былъ королемъ Янъ Собѣскій (1674—1696), но государствомъ правилъ не король, а его всевластная супруга Марія-Казиміра, рожденная маркиза д'Аркіанъ, прославившаяся своею жадностью, продававшая и за деньги и за подарки государственныя должности и покровительствовавшая мѣстнымъ евреямъ. Пользуясь покровительствомъ королевы, два еврея, врачъ Іона и откупщикъ Ицко Бецалъ, вполнѣ завладѣли королемъ, одинъ его тѣломъ, а другой его финансами. Янъ Собѣскій, достигши преклоннаго возраста, сдѣлался рабомъ своей жены и также былъ ей послушенъ, какъ французскій король Людовикъ XIV г-жѣ Ментенонъ. Переставъ заботиться о дѣлахъ государственныхъ, онъ заботился только о собраніи сокровищъ. Для этого онъ отдалъ на откупъ свои собственныя и королевскія имѣнія жидамъ, во главѣ которыхъ стоялъ главный таможенный откупщикъ Бецалъ. Откупщики, внеся королю денежную сумму, безъ стѣсненія грабили польскій народъ и продавали государственныя должности самымъ недостойнымъ людямъ за деньги и за различныя попустительства. Король долго находился въ полномъ невѣдѣніи относительно грабежей жидовскихъ, а республика, боясь мести со стороны жидовскаго кагала, принуждена была хранить молчаніе. Только незадолго до смерти короля, а именно на сеймѣ 1692 года, поднялась страшная буря противъ Ицка Бецала, но онъ на этотъ разъ оправдался и продолжалъ свои грабительства, охраняемый гвардіей изъ 30 „благородныхъ поляковъ“. Другой еврей, врачъ Іона, приподнесши королю неумѣренный пріемъ меркурія, ускорилъ его кончину. Но зато со смертью Яна Собѣскаго оба еврея поплатились собственною жизнію [2]).

---

[1]) Шмаковъ, Еврейскія рѣчи, Москва, 1897, XXXI.

[2]) Бандтке, Исторія польскаго государства, СПБ, 1830, 399, 407, 415—417.

Однако, при преемникѣ Яна Собѣскаго, королѣ Августѣ II (1698—1733), жиды еще больше усилились въ Польшѣ и размножились настолько, что, по свидѣтельству историка, стали препятствовать распространенію въ государствѣ ремеслъ и художествъ[1]). Сила жидовъ возросла, наконецъ, въ Польшѣ до того, что когда, послѣ смерти одного изъ польскихъ королей, возникли сильные споры о выборѣ новаго короля на избирательномъ сеймѣ, то по предложенію какого-то польскаго пана, временнымъ королемъ избранъ былъ еврей Шаулъ Валь съ правомъ назначить окончательно того, кто долженъ управлять Польшей. „Такимъ образомъ, восклицаетъ Альбертъ Конъ, еврей, предокъ лондонской фамиліи Самуэль, былъ на одну ночь королемъ Польши“ [2]).

Во все время съ конца XVI и конца XVIII вѣка главнѣйшими центрами польскаго еврейства былъ городъ Вильна. Городъ Вильна по выраженію Дрюммона, былъ настоящимъ vagina judeorum для всего западно-европейскаго міра, откуда еврейство устремлялось въ Европу. Въ концѣ XVIII вѣка, когда великая французская революція провозгласила для евреевъ полное равноправіе, тогда изъ Вильны хлынули въ западную Европу, точно въ обѣтованную землю, какъ богатые и знатные евреи, такъ и цѣлые тучи осѣдлой саранчи“ штанопродавцевъ (Hosenhändler).

Но пока объявлено было французское полноправіе, до тѣхъ поръ евреи прочно сидѣли въ Польшѣ, гдѣ для нихъ была тогда чрезчайно благопріятная почва.

Причиной могущества жидовъ въ польско-литовскомъ государствѣ были частію мягкость славянской натуры, частію продажность административныхъ лицъ польско-литовскаго правительства, а частію косность, лѣнь и мотовство польскихъ и ополяченныхъ русскихъ пановъ, отказывавшихся лично отъ управленія своими имѣніями, предававшихся вѣчно пирамъ и разгуламъ, безразсудно бросавшихъ вездѣ деньгами и оттого вѣчно нуждавшихся въ кредитѣ, а черезъ кредитъ постоянно находившихся въ рукахъ у ростовщиковъ и арендаторовъ-евреевъ. „Паны и шляхта охот-

---

1) Бандтке, Исторія государства польскаго, СПБ, 1830, II, 444.

2) Шмаковъ, Еврейскія рѣчи, Москва, 1897, XXXIII.

но отдавали еврею свои имѣнія въ аренду, ибо никто болѣе его не вносилъ имъ арендной платы, никто не обезпечивалъ имъ бо́льшихъ доходовъ и не избавлялъ ихъ такъ отъ всякихъ хлопотъ по управленію и хозяйству. Такимъ образомъ еврей въ одно и тоже время удовлетворялъ и жадности и лѣности польскаго пана. Впослѣдствіи привычка пользоваться услугами ловкаго смѣтливаго еврея внѣдрилась до такой степени, что польскій панъ безъ еврея арендатора или безъ еврея фактора сдѣлался немыслилъ. А панамъ въ этомъ случаѣ стала подражать и вся имущая шляхта“ [1]).

Такія успѣхи со стороны евреевъ отзывались, однако, страшными разореніями какъ на самихъ панахъ, такъ еще болѣе того на ихъ крѣпостныхъ людяхъ. Отъ конца XVI и до первой четверти XVII столѣтія сохранилось болѣе сотни актовъ, уясняющихъ отношенія между христіанскимъ и еврейскимъ населеніями въ различныхъ странахъ, мѣстечкахъ и селахъ юго-западной Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ показывавшихъ, что и кому именно изъ пановъ, мѣщанъ и крестьянъ стоила матеріальная опека со стороны евреевъ.

Прежде всего евреи оказались чуть ли не повсемѣстно мытниками, сборщикали податей и арендаторами. Вмѣстѣ съ этимъ евреи сдѣлались монополистами всѣхъ мытъ, таможенъ, продавцами серебряныхъ, золотыхъ и драгоцѣнныхъ вещей, владѣтелями лавокъ, шинковъ съ горилкою, пивомъ и медомъ, хозяевами лучшихъ мѣстъ въ городахъ, лучшихъ домовъ на городскихъ улицахъ и площадяхъ, хозяевами всѣхъ мѣняльныхъ лавокъ въ городѣ, представителями денежныхъ операцій и взыскателями денежной лихвы. А какъ велика была еврейская лихва, это видно изъ того, что, напримѣръ, выдавая въ долгъ на одинъ годъ 140 копъ денегъ, евреи получали 280 копъ,, или, выдая 540 грошей, черезъ годъ они получали 1080 грошей, т. е, взимали 100 % въ годъ. Захвативъ аренды, торговлю, промысла и денежныя операціи въ свои руки, евреи послѣ всего того сумѣли пробраться даже на засѣдательскія мѣста подвоеводскихъ судовъ и присутствовали тамъ или въ качествѣ арен-

---

[1]) Иловайскій, Исторія Россіи, Москва, 1899, т. IV, вып. II, 293.

даторовъ старостинскихъ замковъ и земель или даже въ качествѣ ассесоровъ суда [1]).

Опутавъ со всѣхъ сторонъ самыхъ сильныхъ и самыхъ вліятельныхъ пановъ, евреи-арендаторы, евреи-торговцы и евреи-ростовщики позволяли себѣ сплошь и рядомъ самыя беззаконныя дѣйствія и сплошь и рядомъ оставались неуловимыми для суда. Тѣже многочисленные акты, дошедшіе до нашего времени, изъ года въ годъ показываютъ, какія преступленія совершались евреями и какъ они избавлялись отъ грозившихъ имъ наказаній за преступленія.

Евреи крали разное добро у мелкихъ пановъ и крестьянъ, скупали краденыя вещи, не платили арендной платы мелкимъ землевладѣльцамъ, давали ложныя показанія въ дѣлахъ завѣдомо беззаконныхъ и завѣдомо преступныхъ, взимали съ народа больше положеннаго подати и тутъ же приносили ложную присягу въ правильности и законности сборовъ, нападали на различныя имѣнія, избивали и даже вовсе убивали не только крестьянъ, панскихъ слугъ и гайдуковъ, но даже управителей имѣніями и самихъ владѣльцевъ и тутъ же грабили имущества и отнимали различныя вещи; кромѣ всего этого нерѣдко удерживали за собой заложенное добро и цѣлыя имѣнія, не смотря на полученіе за нихъ долговъ отъ владѣльцевъ. Въ 1594 году отнято было евреемъ Хаимомъ Мошевичемъ у пана Монтовта имѣніе Полонка за ничтожный долгъ, и всѣ крестьяне этого имѣнія поступили въ распоряженіе еврея съ обязательствомъ платить ему разныя повинности: „Янкутъ Станолевичъ, подъ нимъ земли волока, рабочей ма́етности не имѣетъ никакой; Степанъ Кузьмичъ, подъ нимъ земли волока, ма́етность—одинъ волъ; Петруть Вербачъ, подъ нимъ земли волока, ма́етность его—одинъ волъ, одна кляча. Повинность тѣхъ людей, какъ они сами повѣдали, въ каждую недѣлю по два дня на работу ходить, съ каждой волоки въ годъ чиншу обязаны по 50 грошей давать, по бочкѣ жита, по бочкѣ овса, по возу сѣна, по гусяти, по куряти“. Для доказательства своей невиновности въ совершенныхъ

---

[1]) Изъ актовъ Виленскаго Центральнаго архива у Иловайскаго т. IV, вып. II, 367 – 371.

злодѣяніяхъ евреи, по обыкновенію, находили цѣлую араву соплеменниковъ, которые приносили присягу и клялись въ полной непричастности къ разбоямъ и хищеніямъ обвиняемыхъ. Въ такихъ случаяхъ даже нерѣдко защитниками злодѣевъ являлись сами паны польскіе. Такъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 1630 года, панъ Щигельскій жаловался на убійство изъ пистолета евреемъ-арендаторомъ гайдука, принадлежащаго Щигельскому, въ корчмѣ, арендованной евреемъ у пана Дольскаго, но панъ Дольскій вступился за еврея и показывалъ, что гайдука убилъ самъ Щигельскій, когда стрѣлялъ въ еврея и промахнулся [1]).

Нельзя сказать того, чтобы противъ насилія евреевъ не были принимаемы въ Польшѣ тѣ или другія мѣры: уже въ 30-хъ, 60-хъ и 90-хъ годахъ XVI столѣтія, сеймовыми конституціями запрещено было закономъ быть евреямъ мытниками, сборщиками податей и арендаторами имѣній. Но, при продажности польской администраціи, при вѣчной нуждѣ польскихъ пановъ въ деньгахъ, при необыкновенной пронырливости еврейскаго племени, въ концѣ концовъ, евреи вездѣ одолѣвали всѣ препятствія и попрежнему оставались на своихъ мѣстахъ. Тогда противъ еврейства поднималось само населеніе—крестьяне, ремесленники, мѣщане и паны, бились съ жидами, грабили ихъ имущество, разоряли жилища. Въ 1644 году въ городѣ Львовѣ три дня жители, въ союзѣ со студентами, бились съ жидами, три дня съ той и другой стороны лилась кровь, производились грабежи и насилія, но и тутъ жиды, благодаря помощи со стороны старостинской милиціи, одолѣли христіанъ и послѣ того еще съ большей силой стали угнетать ихъ. Смѣлость жидовъ тѣмъ болѣе была велика, что многіе изъ нихъ далеко не чуждались въ то время оружія и носили при себѣ сабли [2]).

Противъ жидовскаго насилія поднимали свой голосъ и разные писатели польскіе XVI и XVII вѣковъ, и отъ двухъ изъ нихъ, католическаго епископа Іосифа Верещинскаго, и неизвѣстнаго по фамиліи патріота-поэта, сохранились кра-

---

[1]) Изъ актовъ Виленскаго Центральнаго архива.

[2]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Россіи, Кіевъ, 1888, XLIV.

снорѣчивые отрывки о томъ, чѣмъ былъ еврей для польско-русскаго края въ прошлые вѣка. „Жиды, пишетъ Верещинскій, очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Они выцѣдили почти всѣ наши имѣнія, они околдовали насъ, какъ цыгане, и заразили своимъ дыханіемъ, какъ волки; разоряютъ насъ, какъ хотятъ, и всѣхъ отъ низшаго сословія до высшаго къ стыду нашему водятъ за носъ. Развѣ не жиды черезъ руки армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи Посполитой къ туркамъ и волохамъ? Развѣ не жиды черезъ посредство армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего королевства польскаго? Вѣдь на это направляетъ ихъ талмудъ... Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли бы раздавать приказанія христіанамъ; а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не держатъ въ откупѣ таможенъ, пошлинъ, чопового? Развѣ они, вопреки тому же праву, не держали у себя христіанской прислуги? Развѣ не противорѣчитъ сему праву и то, что жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Даже защитники ихъ сознаются, что не разъ испытывали на себѣ ихъ мошенничества, и все-таки своими ходатайствами способствуютъ тому, что дѣла жидовскія процвѣтаютъ“ [1]).

Еще краснорѣчивѣе описалъ жидовское всемогущество въ Польшѣ неизвѣстный авторъ сочиненія „Robak zlego sumnienia“. „Развѣ это не рай для жидовъ, когда у другихъ націй гнушаются симъ дурнымъ народомъ, а въ Польшѣ жиды у многихъ пановъ любимые люди. Кто арендаторъ въ имѣніяхъ? Жидъ. Кто чтимымъ докторомъ? Жидъ. Кто славнѣйшимъ и состоятельнѣйшимъ купцомъ? Жидъ. Кто держитъ мельницы и корчмы? Жидъ. Кто мытникомъ и таможникомъ? Жидъ. Кто наинавѣрнѣйшій слуга? Жидъ. Кто имѣетъ легчайшій доступъ къ пану? Жидъ. Кто поль-

---

[1]) Кіевская Старина, 1895, мартъ.

зуется наибольшимъ покровительствомъ, частнымъ и общественнымъ? Жидъ. Кто скорѣе добивается и выигрываетъ дѣло, хотя бы и несправедливое? Жидъ. Кто въ сеймикахъ и въ сеймахъ получаетъ наибольшее вниманіе къ своимъ дѣламъ и привиллегіямъ? Жидъ. Кто такъ счастливъ, чтобы ему всякія плутовства, увертки, предательства и другія несказанныя беззаконія благополучно сходили съ рукъ? Жидъ. Но какимъ же способомъ этотъ отверженный народъ отворилъ себѣ дверь въ такой рай? Отвѣтъ простой: у него золотой ключъ, посредствомъ котораго онъ всего достигаетъ... Горе тѣмъ панамъ, которые къ великой кривдѣ христіанскому люду и въ ущербъ католической религіи, дѣлаютъ поблажки сему вредному народу, чѣмъ только отягчаютъ свою совѣсть и обездоливаютъ своихъ подданныхъ: отдаютъ въ аренду жидамъ мѣстечки, села, таможни, мыто, мельницы, корчмы. Давно ли все это запрещено сеймовыми конституціями?. Этотъ злой народъ сидитъ на арендахъ въ городахъ и селахъ; у нихъ монополія: никакихъ потребныхъ вещей нельзя достать помимо жида... Жиды отняли торги у мѣщанъ, промыслы и заработки у ремесленниковъ; жиды арендаторы заставляютъ крестьянъ работать даже въ праздники и лишаютъ ихъ возможности посѣтить храмъ божій, жиды приходящихъ къ нимъ по дѣлу женщинъ склоняютъ къ измѣнѣ ихъ мужьямъ и развращаютъ ихъ“ [1]).

Такова была картина бѣдствій, происходившихъ отъ еврейскаго нашествія въ литовско-польскомъ королевствѣ.

Что касается Украйны, то она, войдя въ составъ сперва Литвы, а потомъ въ составъ Польши, испытала на себѣ еще еще большій гнетъ и разореніе отъ жидовскаго племени, нежели Литва и Польша. Жидовскій гнетъ на Украйнѣ сказался какъ на матеріальныхъ, такъ и на духовныхъ потребностяхъ южнорусскаго православнаго населенія. Онъ начался уже со времени соединенія Литвы, а слѣдовательно и Украйны съ Польшей, послѣ уніи 1386 года, но особенно усилился съ 1625 года, когда козаки были побиты поляками, принуждены были заключить съ ними договоръ

---

[1]) Wady staropolskie Zòzefa Czecha, rozdzial XI, Krakow, 1853.

въ Куруковѣ и дать обязательство на отбываніе всякаго рода повинностей въ пользу пановъ съ ихъ неизбѣжными арендаторами-жидами. Тогда жиды, „какъ алчная саранча, какъ ѣдкая моль“, начали цѣлыми десятками тысячъ сползаться на Украйну и захватывать все и всѣхъ въ свои цѣпкія кащеевскія руки. Опутавъ низкою лестью и рабскимъ поклонствами пановъ, жиды начали захватывать въ свои руки громаднѣйшіе панскіе майораты на Украйнѣ, стягивать въ свои бездонныя карманы всѣ богатства страны и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно давить и угнетать все то, что носило имя русскаго на Украйнѣ. Какъ арендаторамъ панскихъ имѣній, жидамъ даны были чрезвычайныя права на Украйнѣ: жидъ могъ безконтрольно распоряжаться жизнью и смертью всѣхъ крестьянъ, находившихся въ жидовской арендѣ: „Дали мы, князь Коширскій, листъ жиду Абрамку Шмойловичу. По этому арендному листу имѣетъ онъ, жидъ, право владѣть нашими имѣніями, брать себѣ всякіе доходы и пользоваться ими, судить и рядить боярь путныхъ, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежными пенями и смертью“ [1]). Такіе же листы давались жидамъ-арендаторамъ и другими знатными панами польскими, какъ, напримѣръ, княземъ Пронскимъ жиду Абрамку Турейску. Подобный способъ управленія посредствомъ арендаторовъ-жидовъ съ дарованіемъ имъ безконечныхъ правъ былъ самый распространенный на Украйнѣ, принадлежавшей польскимъ панамъ или ополяченнымъ русскимъ владѣльцамъ. А какъ велики были подати и сборы, поступавшіе съ крестьянскаго населенія въ пользу арендаторовъ-жидовъ, объ этомъ говоритъ извѣстіе XVII вѣка, попавшее на страницы малороссійской лѣтописи Величка, „о неслыханныхъ и нововымышленныхъ даняхъ“, которыя ляхи вмѣстѣ съ жидами взимали съ украинскаго народа. Это были—„дуды, повивачное, огородщизна, подымное, поголовщина, очковое, ставщина, сухомельщизна, пороховщизна, пересуды и аренды, а сверхъ того отъ всякаго скота и отъ пчелъ девятая часть, отъ рыбныхъ ловель урочное. „По толкованію самого лѣтописца, каждая изъ этихъ

---

[1]) Памятники кіевской коммиссіи, I, от. I, 88.

даней означала: дани, взимаемыя жидами, были слѣдующія — отъ игранія на дудкѣ, свирѣли, скрипкѣ и прочее 4 [1]); отъ дѣтей новорожденныхъ за повіячъ 200, отъ всякихъ садовыхъ и огородныхъ плодовъ 200, отъ каждой хаты 5, подушный окладъ 10, отъ вступавшихъ въ бракъ 6, отъ улья пчелъ 2, отъ рыболовни, изъ стодола 10, отъ вѣтряныхъ мельницъ и жернововъ 20, судные посулы, т. е. позовъ для судящихъ 20; особо за откупъ жидами церквей божіихъ, а также и всякихъ питейныхъ статей; пороговщина отъ каждаго рога волового; отъ рога коровьяго—девятая доля“ [2]). Независимо отъ этого жиды-арендаторы лишили украинскій народъ вольной охоты на звѣрей въ степяхъ, безмездной ловли рыбы въ рѣкахъ и свободного права курить вино, варить пиво и медъ.

Указанія актовыя, дошедшія отъ разныхъ годовъ XVI и XVIII вѣка до нашего времени, вполнѣ подтверждаютъ извѣстія польскихъ и малорусскихъ лѣтописцевъ относительно грабежа и насилій со стороны жидовъ-арендаторовъ православно-русскаго населенія. Эти указанія свидѣтельствуютъ также, что жиды не только накладывали свои „лабеты“ на матеріальныя, но и на духовныя потребности крестьянъ. Жидъ требовалъ плату съ православнаго за дозволеніе совершать богослуженіе въ церкви, взимая отъ 1 до 5 талеровъ; жидъ бралъ за дозволеніе обряда крещенія надъ новорожденнымъ ребенкомъ православнаго вѣроисповѣданія, отъ 1 до 5 злотыхъ; жидъ получалъ плату и въ то время, если крестьянинъ женилъ своего сына или выдавалъ свою дочь замужъ; жида нельзя было обойти и въ томъ несчастномъ случаѣ, когда у крестьянина умиралъ кто-нибудь изъ его близкихъ родныхъ, потому что ключи церковные всегда находились у того же жида и веревки отъ колоколовъ составляли собственность жида-арендатора церкви. Вообще, для совершенія какой-бы то ни было требы по обряду православія крестьянинъ долженъ былъ сперва идти въ жидовскую корчму, торговаться тамъ съ жидомъ за дозволеніе совершить

---

[1]) Нужно разумѣть грошей.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1864, IV, 301.

богослуженіе и тутъ же выслушивать самыя возмутительныя насмѣшки и ругательства надъ православіемъ [1]). Крестьянинъ не смѣлъ даже приготовить себѣ паску къ празднику свѣтлаго Христова Воскресенія: для этой цѣли жидъ предлагалъ крестьянину куличъ собственнаго, жидовскаго, печенія. И крестьянинъ принужденъ былъ повиноваться, ибо жидъ, продавъ куличъ или паску крестьянину, дѣлалъ на ней особый значекъ мѣломъ и во время освященія куличей въ церковной оградѣ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни у кого не было куличей, испеченныхъ самолично, въ противномъ случаѣ жидъ бралъ съ виновнаго тройную противъ назначенной плату.

Такъ грабили несчастныхъ людей православно-русской вѣры поляки и ихъ неизбѣжные пособники, жиды.

Но куда же дѣвалась вся масса крестьянскихъ податей, собиравшихся панами и ихъ арендаторами-жидами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно сказать нѣсколько словъ о той непомѣрной роскоши и удивительномъ мотовствѣ, какія распространились между польскими панами конца XVI и начала XVII столѣтія. Бопланъ, лично находившійся нѣкоторое время въ Польшѣ, на этотъ счетъ говоритъ: „Повседневный обѣдъ польскаго пана стоитъ больше, чѣмъ званый во Франціи“ [2]). Полякъ Добровольскій по тому же поводу замѣчаетъ: „Въ прежнія времена короли хаживали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, хочетъ отличиться отъ простого народа, чтобъ не замѣтили въ немъ овчины. Прежде, бывало, шляхтичъ ѣздилъ простымъ возомъ, рѣдко когда въ колебкѣ на цѣпяхъ, а теперь катитъ шестернею въ кочѣ, обитомъ шелковой тканью съ серебряными украшеніями. Прежде, бывало, пили доброе домашнее пиво, а теперь не то что погреба—и конюшни пропахли венгерскимъ. Прежде, бывало, четырехлѣтняго венгерскаго бочка въ сто гарнцевъ стоила десять злотыхъ, а теперь за бочку въ шестьдесятъ гарнцевъ платятъ по 150, по 200, по 400 злотыхъ и дороже того. Всѣ деньги идутъ

---

1) Костомаровъ, Борьба укр. козак. съ Польшей, От. Зап., 1856, IX, 228.
2) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 111.

на заморскія вина, на сахарныя сласти, на пирожныя и пастеты, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до ремесленника, всѣ пропиваютъ свое состояніе; потомъ входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ и думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить; заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они, какъ гарпія или саранча: одна особа въ одинъ день съѣдаетъ столько, сколько множество бѣдняковъ зарабатываютъ въ долгое время; все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно (не мучась совѣстью)“ [1]).

Вотъ нѣсколько примѣровъ могущества, богатства и роскоши польскихъ пановъ. Извѣстный ученому міру князь Константинъ Ивановичъ Острожскій владѣлъ 80-ю городами, столькимъ-же числомъ мѣстечекъ и 2.760 селами. Онъ настолько былъ богатъ, что его дворецкій за то только, что два раза въ годъ стоялъ передъ княземъ, получалъ 70,000 злотыхъ въ годъ. Князь прославилъ себя на ратномъ полѣ, давалъ роскошные пиры, сыпалъ деньгами, какъ половою, и изукрасилъ великолѣпными и обширными постройками свой городъ Острогъ. И при всемъ томъ, въ годъ смерти князя (1620) у него оказалось въ наличности 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты и 30 бочекъ ломанаго серебра; сверхъ того 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4000 кобылицъ и безчисленное множество рогатаго и мелкаго скота. Исчисленное богатство увеличилось въ тысячу разъ, когда, по смерти бездѣтнаго князя Януша Острожскаго, его майоратъ наслѣдовалъ родственный ему князь, Владиславъ Доминикъ, человѣкъ и безъ того чрезвычайно богатый. Почти такимъ-же богатсвомъ обладали князья Рожинскіе, Замойскіе, Любомирскіе, Даниловичи, Конецпольскіе, Потоцкіе, Калиновскіе и Вишневецкіе. Конецпольскіе, напримѣръ, захватили въ свои руки столько староствъ

---

[1]) Костомаровъ, Южная Русь и козачество, Отеч. Зап., 1870, 1, 51.

и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего гнѣзда, Стараго-Конецполя въ Новый-Конецполь, построенный на прибугской Украйнѣ, они, отъ одного конца государства и до другаго, на каждый ночлегъ располагались подъ собственнымъ кровомъ. Конецпольскіе на однихъ „татарскихъ шляхахъ“ владѣли 170 городами и 740 селами. Обширнѣйшія владѣнія занимали и князья Потоцкіе. Потоцкимъ принадлежали нѣжинское староство, на восточной сторонѣ Днѣпра, Кременчугъ и Потокъ. А все поднѣстріе такъ густо было заселено крестьянами Потоцкихъ, что наддиѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ хлѣборобцами Потоцкихъ. Князья Калиновскіе владѣли необозримыми пространствами земли въ Подоліи, множествомъ имѣній вокругъ Чернигова и значительною частью новгородъ-сѣверской области [1]). А князь Іеремія Вишневецкій былъ еще могущественнѣе; онъ, по выраженію графа Александра Пржездѣцкаго, „calą Polske na barkach swoich dzwigal“. Владѣнія Іереміи Вишневецкаго простирались преимущественно на той прекрасной полосѣ Украйны, у которой одинъ бокъ орошается знаменитымъ Супоемъ, а по другому течетъ „Сула серебристыми струями“. Начинаясь на Днѣпрѣ городами Чигиринъ-Дубровою, на устьѣ Сулы, и Домонтовымъ, на устьяхъ Супоя, владѣнія Вишневецкаго шли по этой самой полосѣ Украйны чрезъ всю Полтавскую губернію, захвативъ не мало засульской полосы, съ Хороломъ и Полтавою включительно, и вдавались еще въ Черниговскую губернію, почти до Конотопа. На этомъ пространствѣ Украйны, которое называлось Вишневеччиною, за княземъ Іереміею считалось 56 городовъ и селъ и въ нихъ 39.857 господарей и подданныхъ, которымъ велся счетъ не по числу душъ, а подымно и подворно, то-есть по числу хатъ и дворовъ. Одно это обезпечивало годоваго доходу около 180.000 руб. сер. (что по тогдашнему значило больше, чѣмъ таже сумма теперь). Кромѣ того, у князя Вишневецкаго было много экономическихъ хуторовъ или фольварковъ; да на рѣкахъ украинскихъ считалось за нимъ 423 мельничныхъ кола, и за каждое коло платилось ему

---

[1]) Кулишъ, польская колонизація юго-западной Руси, В. Е., 1874 г., III, 13, 14.

отъ мельниковъ ежегодно по два червонныхъ золотыхъ, что составляло около полуторы тысячи рублей серебромъ. Да во всѣхъ городахъ, селахъ и хуторахъ князя шелъ на него шинокъ. Да ко всему этому надо припомнить еще о разныхъ поборахъ хлѣбомъ, мукою, медомъ, птицею и всякою всячиною“ [1]).

Всѣ эти магнаты-владѣльцы, часто превосходившіе своими несмѣтными богатствами самого короля, не иначе себя и разумѣли, какъ государями. Они подписывались на оффиціальныхъ реляціяхъ къ королю не подданными, а вѣрными его совѣтниками. Заграничные панегиристы величали польскихъ государей королями королей, т. е. королями великихъ польскихъ пановъ, магнатовъ. На языкѣ самихъ украинцевъ всѣ эти вельможные, богатѣйшіе и сіятельнѣйшіе паны были извѣстны не иначе, какъ подъ именемъ королятъ. И польское правительство какъ-бы само способствовало такому возвеличенію своихъ магнатовъ; жалуя имъ земли, оно давало имъ при этомъ чисто королевскія права: „Дали есьмо, пишетъ Сигизмундъ I въ грамотѣ къ князю Константину Ивановичу Острожскому, дали есьмо и вечне даровали и записали замокъ Степань зъ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами путными и зъ мѣщаны, и зъ данники, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, зо всимъ правомъ и панствомъ и властью, ничего на насъ и наши наслѣдники не оставляючи“ [2]).

Обладая несмѣтными богатствами, польскіе паны и жили какъ богачи; они окружали себя баснословною роскошью, давали чисто сказочные пиры, держали въ домахъ цѣлые полки обоего пола праздной прислуги, устраивали безконечные банкеты, всякаго рода оргіи, зазывали къ себѣ по десяткамъ тысячъ гостей, раздавая имъ дорогіе подарки и разсыпая предъ ними безъ счету деньги; въ домахъ этихъ вельможъ блистало золото, драгоцѣнные камни, хрусталь и серебро; на панахъ были самые причудливые, самые дорогіе и изысканные костюмы, и ко всему этому полнѣйшее пренебреженіе: дорогая посуда часто въ дребезги разбива-

---

1) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, II, 366.

2) Кулишъ, Польская колонизація юго-западной Руси, В. Е., 1874. III, 15.

лась во время пира, а рукавами богато-роскошныхъ панскихъ кунтушей вытирались тарелки. Примѣру поляковъ подражали и русскіе паны. Они наперерывъ старались заводить у себя и такіе-же изысканные пиры, и такую-же неслыханную роскошь, и въ такихъ-же размѣрахъ попойки, усвоивая при этомъ польскіе нравы, вѣру, обычаи, вообще весь польскій образъ жизни и даже самую польскую рѣчь. Такимъ образомъ уже въ вѣкъ Сигизмунда-Августа южно-русскіе дворяне достаточно ополячились, видоизмѣнившись какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Но понятно, какимъ тяжкимъ бременемъ ложились всѣ эти дикіе разгулы польско-русскихъ пановъ на крестьянъ. Золотой вѣкъ Сигизмунда-Августа былъ золотымъ для пановъ, но желѣзнымъ для польско-русскихъ простолюдиновъ. Именно къ этому времени съ полнымъ основаніемъ можно отнести стихи:

„Clarum regnum Polonorum,
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judeorum
Et infernus rusticorum“ [1]).

Отъ всего этого страна обѣдняла, промыслы пали, производство уменьшилось, каменныя зданія превратились въ руины, между простонародьемъ распространилась крайняя бѣдность и страшная одичалость... Бѣдствія удесятерились, когда съ 1596 года малороссійскій народъ объявленъ былъ на сеймѣ „отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ и осужденнымъ на рабство“ [2]).

Такимъ образомъ обида и поруганіе православной вѣры, экономическій гнётъ со стороны польскихъ пановъ и ихъ арендаторовъ-жидовъ, насилія со стороны польскаго наемнаго войска въ украинскихъ городахъ, явное стремленіе польскаго правительства къ уничтоженію козачества — все это вмѣстѣ взятое было причиною страшной, фанатической вражды запорожскихъ козаковъ къ полякамъ. „Жидъ, ляхъ та собака — вира одинака“, говорили козаки въ своемъ ожесточеніи противъ гонителей право-

---

[1]) „Свѣтлое царство поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ и преисподній адъ для мужиковъ“.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, 1, 92.

славной вѣры и русской народности и тѣмъ самымъ опредѣляли свои чувства и отношенія къ нимъ: рѣзать, вѣшать, казнить и всячески истреблять ляховъ и неразлучныхъ съ ними жидовъ составляло одну изъ существенныхъ задачъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ, всегда питавшихъ симпатію ко всѣмъ завѣтамъ простаго украинскаго народа и всегда твердо стоявшихъ за предковскую православную вѣру и малороссійскую народность.

Вооруженныя силы и боевыя средства запорожскихъ козаковъ.

Вся масса запорожскаго низоваго товарищества, среднимъ числомъ 10.000—12.000 человѣкъ, раздѣлялась на три рода войска—пѣхоту, конницу и артиллерію. Что такое дѣленіе дѣйствительно существовало, это подтверждается источниками современными запорожскимъ козакамъ. Такъ, Бопланъ, говоря о вооруженныхъ силахъ Украйны наканунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, сообщаетъ, что у запорожцевъ было около 5.000—6.000 козаковъ пѣхоты [1]). Григорій Грабянка, говоря о боевыхъ средствахъ козаковъ, свидѣтельствуетъ, что запорожцы имѣли какъ пѣхоту, такъ и конницу [2]). Лѣтописецъ Самоилъ Величко, разсказывая о прибытіи Богдана Хмельницкаго изъ Крыма въ Сичь, передаетъ, что на Запорожьѣ собрано было 10.000 человѣкъ пѣхоты [3]). Историкъ прошлаго вѣка Симоновскій указываетъ также на существованіе у запорожцевъ пѣхоты и опредѣляетъ число ея одинаково съ показаніемъ Боплана [4]). Запорожская пѣхота выполняла троякое назначеніе у низовыхъ козаковъ: часть ея составляла гарнизонъ Сичи, такъ какъ мы видимъ, что во время прибытія Хмельницкаго въ Сичь, тамъ было 300 человѣкъ гарнизона; часть занимала посты на Днѣпрѣ (на лодкахъ) и составляла собой линейную стражу; часть или вела, въ боевое время, войны съ турками, татарами и ляхами, или же, въ мирное время, занималась рыбною и звѣриною ловлею. Полагаютъ, однако, что въ запорожскомъ войскѣ только бѣдные люди служили въ пѣхотѣ, за-

---

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 64.
2) Григорій Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.
3) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 52.
4) Симоновскій, Краткое описаніе, Москва, 1847, 5.

житочные же люди, или люди внезапно одобычившіеся на войнѣ конями, всегда переходили въ конницу [1]).

О существованіи конницы у запорожскихъ козаковъ также имѣются указанія въ источникахъ запорожской исторіи прошлыхъ вѣковъ. Въ частности изъ лѣтописи Самоила Величка мы узнаемъ, что каждый „исправный“ козакъ имѣлъ у себя по 2 лошади, а когда запорожцы возвращались съ побѣды, напримѣръ, на Желтыхъ-Водахъ и подъ Корсунемъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже по 5 коней [2]). По словамъ вице-адмирала Корнелія Крюйса, писавшаго о запорожцахъ въ 1699 году, запорожскіе козаки по преимуществу представляли изъ себя конное войско, потому что всегда имѣли дѣло съ татарами, которые „всѣ были ѣздоки на коняхъ“ [3]). Въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ козакъ безъ коня почти немыслимъ: козакъ и конь такъ же неразлучны между собой, какъ любящіе другъ друга молодые мужъ и жена. Лучшіе кони у запорожцевъ частію разводились на ихъ собственныхъ степяхъ, частію добывались у татаръ; выдержка, быстрота и порода запорожскихъ коней извѣстны были въ Польшѣ, Россіи и даже въ западной Европѣ [4]). Самый характеръ мѣстности, на которой дѣйствовали запорожцы, дѣлалъ ихъ по преимуществу конным войскомъ,—это ровная открытая степь, на которой конь столь-же необходимъ, какъ лодка на рѣкѣ: только верхомъ на конѣ можно было догнать такого неуловимаго и вездѣсущаго наѣздника, кокимъ былъ татаринъ, въ особенности буджакъ.

Артиллерія также несомнѣнно была у запорожскихъ козаковъ. По словамъ Боплана, въ Сичи было всегда множество орудій, хранившихся запорожцами въ наиболѣе скрытыхъ мѣстахъ [5]). По точному указанію Величка, въ Сичи постоянно было 50 орудій; оттого Богданъ Хмельницкій, выступая изъ Сичи противъ поляковъ, въ 1648 году, получилъ отъ запорожцевъ 3 полевыхъ орудія съ необходимымъ для нихъ запасомъ пороху и пуль [6]). Предпринимая боль-

---

1) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Хмельницкаго, Спб., 1862, 17.
2) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 50, 71.
3) Крюйсъ, Разысканія о Донѣ, Отечественныя Записки, 1824, № 54, 67.
4) О коняхъ см. въ главѣ „Хлѣбопашество и скотоводство“.
5) Боплань, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 27.
6) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 52.

шой походъ, сухопутный или плавный, запорожцы брали съ собой и артилле́рію. Въ Сичи были особые войсковые чины, такъ называемые пушкари, которые завѣдывали войсковою артиллеріей, а для самой артиллеріи имѣлось особое по́мѣщеніе, пушкарня. Конечно, воюя съ быстрымъ и неутомимымъ врагомъ, главнымъ образомъ татарами, запорожскіе козаки должны были имѣть всегда легкую и подвижную артиллерію; оттого мы и видимъ, что сохранившіяся до нашего времени такъ называемыя запорожскія арматы, рѣдко имѣютъ болѣе 6—7 пудовъ.

Раздѣляясь на пѣхоту, конницу и артиллерію, запорожцы, однако, не на столько спеціализировались, чтобы пѣхотинецъ былъ силенъ только пѣшкомъ, а конникъ только верхомъ на конѣ. У запорожцевъ часто практиковались и спѣшиваніе конницы, и дѣйствіе пѣхоты при орудіяхъ („водныхъ арматкахъ"), и дѣйствіе конницы въ пѣшемъ строю [1]). Впрочемъ, такіе-же пріемы практиковались и у поляковъ того времени; такъ, въ битвахъ Богдана Хмельницкаго часто встрѣчаемъ спѣшенную конницу, какъ у козаковъ, такъ и у поляковъ [2]).

По извѣстію многихъ писателей прошлыхъ вѣковъ, каждый запорожецъ, идя въ походъ, бралъ съ собой 5 или 6 ружей. Отсюда, если допустить въ походномъ запорожскомъ отрядѣ среднимъ числомъ 6.000 и наибольшимъ числомъ 15,000 козаковъ, то получимъ количество ружей въ въ 25.000 и 90.000. Немалое число было у запорожцевъ и передвижныхъ орудій. Такъ, если запорожцы выступали въ морской походъ въ среднемъ числѣ на 60 и въ наибольшемъ на 300 чайкахъ, и если каждая чайка вооружена была 4—6 фальконетами, то получимъ отъ 200 до 1.800 желѣзныхъ передвижныхъ фальконетовъ. Впрочемъ, нужно знать и то, что нѣкоторая часть вооруженія присылалась козакамъ нарочно изъ Украйны въ Запорожье, въ виду общихъ походовъ гетманскихъ и запорожскихъ козаковъ противъ врага [3]).

---

1) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, 1, 65.

2) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 97.

3) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 64.

Самый составъ запорожскаго войска дѣлился на полки и сотни; такое дѣленіе, какъ свидѣтельствуютъ источники, существовало уже въ началѣ XVI столѣтія. Такъ, извѣстный предводитель днѣпровскихъ козаковъ, Евстафій Дашковичъ, не разъ командовалъ съ полкомъ, состоявшимъ изъ 3 – 4 сотенъ [1]). Въ XVII вѣкъ число козаковъ въ полку опредѣлялось въ 500 человѣкъ [2]); а въ XVIII вѣкѣ, во время русско-турецкихъ войнъ, двухъ-тысячная команда запорожскихъ козаковъ, бывшая въ авангардѣ генерала Зорича, дѣлилась на четыре части, съ особымъ полковникомъ надъ каждой [3]).

Тактическою единицею войска, по точному разсчету Коховскаго, была сотня, какъ самая подходящая единица для мелкихъ схватокъ съ татарами, главнѣйшими врагами козаковъ. Такое соображеніе выводится главнымъ образомъ на основаніи цифровыхъ данныхъ объ охранѣ запорожскихъ границъ: въ 1767 году границу низовыхъ вольностей охраняли 3.644 человѣка простыхъ, кромѣ старшинъ, козаковъ; эти 3.644 человѣка раздѣлялись на 20 постовъ; отсюда въ каждомъ посту считалось среднимъ числомъ 180 человѣкъ; три раза взятая вмѣстѣ эта цифра, т. е. 540 человѣкъ, составляла одинъ полкъ [4]). Впрочемъ, по справедливому замѣчанію тогоже Коховскаго, самая сотня заключала въ себѣ гораздо больше ея настоящаго значенія: такъ, въ лѣтописи Самоила Величка онъ находитъ указаніе, что въ нѣкоторыхъ сотняхъ гетмана Богдана Хмельницкаго было по 1.000 человѣкъ.

Обще-распространеннымъ средствомъ у запорожскихъ козаковъ для защиты отъ непріятелей во время степныхъ походовъ былъ такъ-называемый таборъ. Таборомъ двигались запорожцы, когда преслѣдовали врага въ открытой степи; таборомъ выходили они на бой и таборомъ защищались отъ непріятелей. На козацкомъ языкѣ таборомъ назывался четыреугольный или круглый рядъ возовъ, извѣстнымъ образомъ установленныхъ для охраны войска,

---

[1]) Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I, прим. 74, 14.
[2]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 132.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 69.
[4]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Хмельницкаго, Спб., 1862, 132.

заключавшагося во внутрь укрѣпленія; у нѣмцевъ этотъ способъ защиты назывался вагенбургомъ. Чтобы сдѣлать таборъ, козаки ставили нѣсколько возовъ въ рядъ, смыкали ихъ колесо съ колесомъ желѣзными цѣпями, поднимали вверхъ, на подобіе копій, оглобли, дѣлали внутри, между возами, долкú, т. е. глубокія ложбины, по угламъ ставили орудія и, заключивъ въ такомъ укрѣпленіи пѣхоту, а иногда и конницу, отстрѣливались изъ него стойко и мужественно, точно изъ сильнѣйшей крѣпости. Иногда вокругъ табора запорожцы дѣлали еще канавы, валы и волчьи ямы, взбирались на самые валы и оттуда мѣтко поражали своихъ враговъ [1]). Въ устройствѣ подобныхъ таборовъ запорожскіе козаки, по свидѣтельству современника, были положительно превосходные мастера [2]). Уцѣлѣвшія до нашего времени запорожскія укрѣпленія хотя и отличаются неправильнымъ характеромъ построенія, зато изобличаютъ особенное умѣнье козаковъ приспособляться къ условіямъ мѣстности, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ тамъ, гдѣ предоставляется бо́льшая самостоятельность единицамъ, чѣмъ массамъ. Чтобы сдѣлать свои походные возы болѣе подвижными на случай внезапнаго отступленія отъ непріятелей, запорожцы придѣлывали къ нимъ спереди и сзади по одному „війю“, въ которое могли впрягать лошадей съ одной или другой стороны и потомъ бѣжать отъ враговъ въ ту или другую сторону, не поворачивая возовъ [3]). По словамъ Боплана, для татаръ запорожскіе козаки въ таборѣ совсѣмъ были непобѣдимы: онъ видѣлъ, что 500 крымцевъ не были въ состояніи одолѣть 50 козаковъ, заключившихся въ таборѣ [4]). Также мало доступны были козаки въ таборѣ и полякамъ. „Дивился не одинъ инженеръ трудамъ и изобрѣтательности грубаго хлопа, говоритъ хронистъ Симонъ Окольскій послѣ битвы въ 1638 году на Устъ-Старцѣ козаковъ съ поляками, осматривая валы, шанцы, батареи и куртины. Хотя-бы коронное войско и проникло за козацкія рвы, валы, привалки и дубовые

---

1) Ригельманъ, Лѣтопись, 38; Дневникъ Титлевскаго, 13, 14.
2) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго: Черн. губ. вѣд., 1849.
3) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 15.
4) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 54, 55.

частоколы, но еще большихъ силъ нужно было-бы на то, чтобы взять козаковъ приступомъ внутри ихъ окопъ“[1]).

Вопросъ о томъ, откуда козаки заимствовали этотъ способъ обороны, нужно считать открытымъ вопросомъ: на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ напримѣръ, профессора Кадлецъ и Антоновичъ, высказались, что этотъ способъ защиты занесенъ былъ въ Россію чехами, которые, со времени гусситскихъ войнъ поступали на службу въ войска сосѣднихъ славянскихъ странъ; самый терминъ „таборъ“ библейскаго происхожденія: чехи любили заимствовать изъ библіи топографическія наименованія (Таборъ, Сіонъ, Виѳлеемъ). Проф. Антоновичъ даже указалъ, кто могъ занести способъ защиты таборомъ изъ Чехіи въ южную Русь. Это былъ князь Ѳедько Острожскій, который побывалъ въ Чехіи, гдѣ познакомился съ чешской военной тактикой и могъ занести ее на Украйну. Профессоръ Дашкевичъ, возражая Кадлецу и Антоновичу, призналъ слово таборъ не гусситскимъ, а заимствованнымъ гусситами, можетъ быть, у мадьяръ, потому что одно польское извѣстіе, говоря о вторженіи мадьяръ въ 1383 году въ Мазовію, говоритъ о таборѣ мадьяръ.

Въ походахъ запорожцы рѣдко прибѣгали къ осадѣ городовъ, потому что осада крѣпостей была не по нимъ, а открытыя схватки, тѣ составляли славу военныхъ подвиговъ козаковъ. Изъ двухъ родовъ битвъ, конной и пѣшей, запорожцы искуснѣе были въ послѣдней: если-бы конные козаки, по замѣчанію очевидца, отличались такимъ-же искусствомъ, какъ пѣшіе въ таборѣ, то они были бы непобѣдимы, такъ какъ сотня ихъ въ таборѣ не боялась ни тысячи ляховъ, ни нѣсколькихъ тысячъ татаръ [2]). Ставъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, запорожскіе козаки, по обыкновенію, не сразу вступали съ нимъ въ бой: устроивши таборъ, окопавшись и заключившись въ него, козаки сперва открывали общую канонаду по непріятельскому лагерю, причемъ стрѣльцы, стоявшіе въ заднихъ рядахъ, безпрестанно заряжали ружья и подавали ихъ

---

[1]) Польско-козацкая война: Отечественныя Записки, 1864, IX, 525.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 8.

стоявшимъ въ переднихъ рядахъ, а эти постоянно принимали ружья и безпрерывно изъ нихъ стрѣляли въ непріятеля. Выпустивъ нѣсколько зарядовъ и обстрѣлявъ врага со всѣхъ сторонъ, козаки вслѣдъ затѣмъ высылали изъ своего табора самыхъ смѣлыхъ, ловкихъ и острыхъ на языкъ всадниковъ для такъ называемыхъ „герцовъ“, иначе „греча“, или „татарскаго танца“, т. е. отдѣльныхъ поединковъ, удалыхъ схватокъ и наѣзднических перестрѣлокъ [1]). Кружась на своихъ коняхъ передъ непріятелемъ, издѣваясь надъ нимъ, подзадоривая къ битвѣ, пуская по адресу его ѣдкія слова, козаки помахивали въ воздухѣ своими кривыми саблями, пускали въ станъ непріятельскій пули и потомъ, какъ молнія, бросались въ свой таборъ. Герцы давали возможность козакамъ высмотрѣть силы и положеніе непріятеля, но не открывали еще настоящей битвы,— это была только прелюдія къ настоящей ломовой битвѣ. Если вѣрить историку военнаго искусства у поляковъ и козаковъ, Зеделлеру, и историку Малой Россіи, Маркевичу, запорожцамъ извѣстны были очень сложные боевые пріемы: лава или развернутый строй, т. е. строй во фронтъ; батовой или трехъ-шеренговый при оборонѣ строй; тріангула, т. е. треугольникъ или острой колонны строй; сакма или соганный ходъ, т. е. въ колонну маршъ. Битву смѣшаннаго характера, своихъ и чужихъ, они называли га́ласомъ; битву отдѣльными, каждый по своему усмотрѣнію, отрядами, называли разгордіяшемъ; условный лозунгъ, для отличія своихъ отъ чужихъ, называли га́сломъ [2]); кромѣ того, партизанская война извѣстна у нихъ была подъ именемъ загоновъ.

Подзадоривъ нетерпѣливыхъ и заносчивыхъ враговъ отдѣльными схватками, козаки внезапно прекращали герцы, составляли общій планъ атаки и открывали ломовую битву. Предварительно, чтобы напугать непріятельскую конницу и нанести ей нѣкоторый вредъ, запорожскіе козаки, вы-

---

1) На существованіе у козаковъ „герца“ указываетъ лѣтописецъ Самовидецъ, Кіевъ, 1878, 41, 222.

2) Отечественныя Записки, 1864, IX, 337, 339; Эварницкій, Запорожье, I, 75; Зеделлеръ, Обозрѣніе военнаго искусства, Спб., 1843, 298; Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 9, 10.

бравъ темную ночь, подкрадывались къ непріятелямъ и пускали между ними ракеты, дававшія сразу по шести выстрѣловъ и называвшіяся „шутихами большого калибра“; эти ракеты перескакивали съ большимъ шумомъ съ одного мѣста на другое, пугали непріятельскихъ лошадей и приводили въ замѣшательство всадниковъ [1]).

Въ настоящей ломовой битвѣ запорожскіе козаки предпочитали атаку съ фланговъ и съ тылу. Съ этою цѣлью они раздѣляли всю численность своего войска на четыре части: одну оставляли въ таборѣ, другую посылали въ тылъ, а третью и четвертую на оба фланга. Бой открывали одновременно со всѣхъ четырехъ сторонъ, и если высланныя части дѣйствовали согласно съ главными силами, а враги во-время не обнаруживали козацкой хитрости, то весьма часто, если не въ большинствѣ случаевъ, исходъ битвы былъ въ пользу запорожцевъ. Такова была битва козаковъ съ поляками у Желтыхъ-Водъ и Княжаго-Байрака, разыгранная ими по всѣмъ правиламъ собственнаго военнаго искусства и уложившая на мѣстѣ почти всѣхъ ляховъ, до единаго.

Одновременно съ дѣйствіемъ въ тылъ и въ оба фланга непріятельскаго лагеря, козаки направляли свои силы и противъ фронта его: здѣсь дѣйствовала козацкая артиллерія. Громя безпрерывно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ таборъ враговъ, козаки подъ конецъ разрывали его передніе ряды, тотъ-же часъ прекращали пальбу изъ пушекъ и направляли, съ ручнымъ оружіемъ, въ непріятельскій станъ свою пѣхоту, между тѣмъ какъ конницу выдвигали противъ вражеской кавалеріи. Поражая конныхъ и пѣшихъ враговъ, козаки въ это же время всѣ усилія свои направляли на то, чтобы перебить у непріятелей обозныхъ лошадей, тѣмъ самымъ прекратить имъ путь къ отступленію и захватить въ свои руки всѣ продовольственные запасы ихъ. Если это удавалось козакамъ, то исходъ сраженія былъ въ ихъ рукахъ.

Успѣхи запорожцевъ на войнѣ, помимо личной храбрости ихъ и постояннаго занятія военнымъ дѣломъ, объясняют-

---

[1]) Зеделлеръ, Обозрѣніе военнаго искусства, Спб., 1843, II, 299.

ся въ значительной степени и знаніемъ въ совершенствѣ той мѣстности, среди которой они подвизались и дѣйствовали противъ враговъ. Что знанію мѣстности запорожцы придавали большое значеніе, это видно изъ словъ польскаго хрониста Симона Окольскаго, который говоритъ, что въ старину за знаніе степныхъ мѣстъ козаки получали въ награду полковничество или другое какое-либо старшинство [1]). Не смотря на весь страхъ дикихъ, безбрежныхъ и безлюдныхъ степей, въ которыхъ, „словно въ сухомъ морѣ, не было ни дороги, ни тропы, ни слѣду“, запорожцы знали свои вольности, какъ собственную пазуху: днемъ путь правили они по солнцу, по высокимъ могиламъ, по „кряжамъ земляным“, по большимъ балкамъ, по скрутнямъ травы, по торчащимъ одиноко среди степи деревьямъ, ночью „ухомъда слухомъ“, потеченію рѣкъ, по расположенію извѣстныхъ звѣздъ, напримѣръ, Воза, т. е. Большой-Медвѣдицы, Волосожара, т. е. Плеяды, Іерусалимъ-дороги, т. е. млечнаго пути [2]); наконецъ, по направленію вѣтра, носившаго у козаковъ, смотря по мѣсту, откуда онъ дулъ, названія то „москаля“, то „бусурмана“, то „донца“, то „ляха“. Скрываясь, будто звѣри по тернахъ и камышахъ, умѣя выть волкомъ, выкрикивать перепеломъ, питаясь всѣмъ, что только попадалось на пути, запорожскіе козаки зорко высматривали враговъ. внезапно нападали на нихъ и съ малыми силами разбивали и побѣждали множество непріятелей [3]).

Кромѣ того, счастливый исходъ большинства войнъ запорожцевъ съ непріятелемъ объясняется и тѣмъ, что они старались больше всего дѣйствовать на моральную сторону непріятеля: такъ, они всегда скрывали часть своихъ силъ и потомъ неожиданнымъ появленіемъ ихъ приводили въ изумленіе непріятелей [4]); кромѣ того, всегда старались не только поразить, но и напугать, задать страха врагу, что поставлялось даже въ подвигъ „доброму“ запорожцу.

---

[1]) Отечественныя Записки, 1864, сентябрь, книга V, 540.

[2]) Крымскіе татары и до сихъ поръ правятъ путь ночью по неподвижнымъ звѣздамъ и большимъ курганамъ: См. Автобіографію Н. Н. Мурзакевича, Спб., 1889, 228.

[3]) Краткое описаніе Малороссіи въ лѣтописи Самовидца, Кіевъ, 1878, 289.

[4]) Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 134.

Въ бою съ непріятелями, и правильнымъ строемъ и отдѣльными массами, запорожскіе козаки выказывали изумительную стойкость и мужество, и если двадцать разъ были побѣждены непріятелемъ, то все-таки двадцать первый разъ шли съ новыми силами на своихъ враговъ: „Это – гидра Украйны, у которой вмѣсто одной отрубленной головы выростало нѣсколько новыхъ„ — говорили о нихъ поляки. Запорожцы не дорожили своими головами, зная лишь одно, что „разъ родила мате, разъ и умираты“; не о головѣ думалъ козакъ, когда шелъ на войну, а о своей милой родинѣ, которую до страсти любилъ, и о своей предковской вѣрѣ, которой свято преданъ былъ; онъ думалъ и о томъ, чтобы не запятнать козацкой славы, добраго имени „лыцаря“. Да и къ чему дорожить головой, коли

Не сёгодня, такъ за́втра поля́же вона́,
Якъ у степу́ одъ ви́тру трава́,
А сла́ва не вмре́, не поля́же,
Всёму сви́ту лы́царство коза́цьке розска́же,
Та коза́цькая сла́ва,
Що по всёму сви́ту ды́вомъ ста́ла,
Що по всёму сви́ту сте́помъ розляглáсь-простяглáсь,
Та по всему́ сви́ту луговы́мъ го́миномъ роздалáсь,
Туре́ччини та тата́рщини до́брымъ лы́хомъ зна́ти далáсь,
Та́й ляха́мъ-ворога́мъ на спысъ отдалась.

Не страшна была запорожцамъ смерть на войнѣ и потому, что страшнѣе ея были му́ки, которымъ подвергали плѣнныхъ безсердечные ляхи и свирѣпые турки, т. е. саженіе на колъ, сдираніе кожи съ живыхъ, вѣшаніе за ребра на крюкъ, каторжныя работы на галерахъ, и т. п.

На войнѣ козаки были безпощадны: они не щадили ни врага, ни его жены, ни его дѣтей, и въ ожесточеніи придумывали самыя свирѣпыя казни имъ: втыкали во внутрь раскаленное желѣзо, сажали голыми на горячія сковороды, засыпали жару за голенища сапогъ, душили досками дѣтей [1]), жгли католическіе костелы, протыкали копьями иконы или рубили топорами ихъ и прострѣливали пулями, топтали ногами святыню, сѣкли передъ алтарями ксендзовъ или монаховъ, заводили въ костелы лошадей, и т. п. [2]). И съ сво-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 11—12.
[2]) Памятники кіевской коммиссіи, томъ I, часть I, 270, 276.

ей точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія своего времени они были правы: на врага Христовой православной вѣры они смотрѣли, какъ на самое нечистое животное—„жидъ, ляхъ та собака--вира одинака", потому и безпощадны были къ нимъ; къ тому-же въ тѣ времена вездѣ и повсюду съ понятіемъ войны соединялось понятіе о грабежахъ, насиліяхъ и поголовномъ истребленіи враговъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи запорожскіе козаки были только усердными дѣтьми своего вѣка.

Во время сраженія запорожцы незнатныхъ убивали, знатныхъ старались хватать въ плѣнъ, за которыхъ получали потомъ извѣстный выкупъ; лошадей, рогатый скотъ, овецъ и верблюдовъ угоняли въ свой таборъ; оружіе, платье, деньги брали въ добычу.

Отступали съ поля битвы запорожцы рѣдко; но если отступали, то дѣлали это въ большомъ порядкѣ и, благодаря своимъ легкимъ и подвижнымъ конямъ, необыкновенно быстро. Чтобы пресѣчь за собою погоню, козаки нерѣдко прибѣгали къ степнымъ пожарамъ: выждавъ удобное время, когда вѣтеръ подуетъ врагу въ лицо, они поднимали такой „палъ", отъ котораго и люди, и лошади, точно мухи отъ холода, падали въ степи.

Слабую сторону запорожцевъ, какъ воиновъ, составляли несогласіе, вражда и даже, хотя и изрѣдка, предательство, въ случаѣ неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей.

Послѣ походовъ запорожцы возвращались въ Сичь и прежде всего приносили въ сичевой церкви благодарственное молебствіе „Господу Вседержителю и пресвятой Богородицѣ"; затѣмъ дѣлали приказъ своимъ священникамъ служить сорокоусты по убіеннымъ козакамъ на войнѣ, раненыхъ помѣщали въ „шпитали", существовавшіе у нихъ при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ [1]), и отдавали ихъ на излѣченіе цирульникамъ, [2]) замѣнявшимъ въ Сичи докторовъ, опредѣляя лѣкарямъ извѣстную плату изъ общаго войскового скарба [3]); наконецъ, послѣ всего это-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, 1859, II, 247; Скальковскій, Исторія, II, 137.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 501.
[3]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 366.

го они раздѣляли захваченную добычу на двѣ большія партіи, — одну для божіихъ храмовъ, другую для себя; послѣднюю дѣлили между собой и послѣ дѣлежа или скрывали ее на островахъ и въ руслахъ рѣкъ, отведя предварительно теченіе воды въ сторону [1]), или продавали купцамъ и мелкимъ торговцамъ, или прогуливали корчмарямъ и шинкарямъ. Плѣнныхъ, захваченныхъ на войнѣ, они или отсылали въ города Малороссіи и Великороссіи, или же за извѣстный выкупъ отпускали на родину [2]); подвиги же, выказанные на войнѣ, предоставляли воспѣвать своимъ кобзарямъ, бандуристамъ и лирникамъ: „Вотъ это, бывало, какъ провоевали, такъ и пѣсню сложили,—побьютъ-ли турка, пошарпаютъ-ли ляха, сейчасъ же и пѣсню сложатъ на тотъ случай“. [3])

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 27.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, 53; Величко, Лѣтопись, II, 377, 365.
[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 30.

Сухопутные и морскіе походы запорожскихъ козаковъ.

Походы запорожскихъ козаковъ, смотря по тому, противъ кого они предпринимались, были сухопутные или морскіе: походы на сушѣ главнымъ образомъ предпринимались противъ поляковъ и рѣже противъ татаръ и турокъ, походы по рѣкамъ и морямъ почти всегда предпринимались противъ татаръ и турокъ. Въ сухопутныхъ походахъ всегда преобладала конница надъ пѣхотой; это обстоятельство обусловливалось, разумѣется, характеромъ самой мѣстности, на которой должны были дѣйствовать козаки: они вели войны въ степяхъ, гдѣ кони играли такую-же незамѣнимую роль, какъ лодки на водахъ, и гдѣ безъ коня немыслимо ни настичь врага, ни убѣжать отъ него. Оттого конь всегда необходимъ былъ для запорожскаго козака: запорожецъ постоянно долженъ былъ держаться на-сторожѣ, чтобы имѣть возможность во всякое время не только отбиться отъ наѣздника-татарина, но и быть въ состояніи догнать его, отнять у него ясырь или добычу. Сухопутные походы предпринимались запорожскими козаками большею частію весной, около Иванова дня: „Якъ прыйде весна красна, буде наша голотонька рясна“; зима—жестокій врагъ козака. Съ весной, когда зашелестятъ въ запорожскихъ лугахъ камыши да зашумитъ высокій лѣсъ, когда Днѣпръ покроетъ свои пороги водой и выйдетъ изъ береговъ, тогда къ запорожцамъ потянется все, что до весны тихо и мирно сидѣло по городамъ, селамъ и деревнямъ въ старой Украйнѣ или по отдаленнымъ зимовникамъ самого-же Низа.

Задумавъ походъ противъ непріятелей, татаръ, турокъ или поляковъ, запорожскіе козаки прежде всего условно палили въ Сичи изъ самыхъ большихъ пушекъ, затѣмъ посылали „круговую повѣстку“ козакамъ-зимовчакамъ, жив-

шимъ въ степи по хутарамъ, слободамъ и бурдюгамъ [1]). По такому зову спѣшили, точно пчелы къ своимъ ульямъ, козаки отовсюду къ сборному пункту, кто пѣшій, кто верхомъ, но всякій съ оружіемъ и продовольственными запасами. Тутъ, если дѣло шло о спѣшной оборонительной войнѣ, то есть, когда нужно было отбить внезапное нападеніе врага, отнять у него захваченный христіанскій ясырь, то козаки собирались въ походъ быстро и бросались на враговъ стремительно, не щадя ни жизни, ни силъ, и потомъ также быстро возвращались въ Сичь [2]). Если же дѣло шло о наступательномъ походѣ, и притомъ особенно большихъ размѣровъ, то запорожскіе козаки привлекали къ своимъ походамъ и малороссійскихъ козаковъ. Тогда посланцы отъ запорожской старшины отправлялись по украинскимъ городамъ и вербовали охотниковъ къ военнымъ походамъ; такіе вербовщики обыкновенно выбирали базарные или ярмарочные дни, входили въ толпу, поднимались на возы и громкимъ голосомъ кричали: „Кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти,—приставай къ намъ! Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь!“ [3]).

Собравши такимъ образомъ большое число охотниковъ къ походу, запорожская старшина открывала большую раду, на радѣ излагала „славному низовому товариству“ о причинѣ призыва къ войнѣ и объ общихъ планахъ похода, потомъ распускала всѣхъ собравшихся козаковъ на нѣсколько дней по куренямъ, зимовникамъ и слободамъ съ цѣлью дать имъ возможность запастись необходимыми принадлежностями для продолжительнаго похода—продовольственной „харчёй“, т. е. главнымъ образомъ, сушеной рыбой и вяленнымъ на солнцѣ мясомъ, далѣе боевымъ оружіемъ, тяжелыми возами, сильными лошадьми; послѣ этого вновь собирала раду и послѣ вторичной рады объявляла походъ [4]). Передъ са-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55.
[3]) Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 68.
[4]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1852, II, 373.

мымъ выходомъ изъ Сичи служили молебенъ, и потомъ давали выстрѣлъ изъ самой большой пушки, на который откликались эхомъ и широкія плавни, и вольныя степи и далекія пороги.

. . . . . .

Гей, изъ широ́кого сте́пу,
Зъ ви́льнаго роздо́лля
Вылита́ла орломъ сызымъ
Та славная воля.
Збыра́лыся козаченькы
Въ ра́ннюю денны́цю,
Злита́лыся орлыченкы,
Чу́ючи здобы́чу.
Выступа́лы козаченькы
Въ походъ о пивно́чи
Злита́лыся орлыченькы
Клюва́ть вра́жи очи.

Оригинальное зрѣлище представляла собой двигавшаяся въ то время по степной равнинѣ масса запорожскихъ всадниковъ.

„Ой, у по́ли могы́ла, широ́ка долы́на.
Сы́зый оре́лъ пролита́е:
Сла́вне вiйсько, сла́вне запори́жське,
У похо́дъ выступа́е.
Ой, у по́ли могы́ла, широ́ка долы́на,
Сызый оре́лъ пролита́е:
Сла́вне вiйсько, сла́вне запори́жське
А якъ зо́лото ся́е“.

Впереди всего войска ѣхалъ на конѣ войсковой хорунжій съ краснымъ стягомъ или хоругвью въ рукѣ; за хорунжимъ, во главѣ самаго войска, на прекрасномъ аргамакѣ, убранномъ богатѣйшей збруей, выступалъ „власный“ кошевой атаманъ, оставлявшій на время своего отсутствія изъ Сичи „наказного“ атамана [1]). За „власнымъ“ кошевымъ атаманомъ выступали послѣдовательно пѣхота, конница и артиллерія, раздѣленныя на полки и сотни съ особыми полковниками во главѣ; большинство конныхъ козаковъ, какъ и самъ кошевой часто шли по примѣру татаръ о дву-конь. Вмѣстѣ съ войскомъ шло цѣлое сословіе необходимыхъ для похода людей, куз-

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 442.

нецовъ, слесарей [1]), кашеваровъ, „маркитентеровъ“ и могильниковъ, т. е. саперовъ [2]), умѣвшихъ, въ случаѣ надобности, быстро возводить всевозможнаго вида земляныя укрѣпленія, т. е. насыпи и рвы, для защиты среди открытой степи отъ непріятелей [3]). Вмѣстѣ-же съ войскомъ двигались такъ называемые тяжары, т. е. тяжелые возы, которые служили для запорожцевъ и какъ средство для перевоза артиллеріи, нѣкоторой части вооруженія [4]) и какъ средство для перевоза раненыхъ, а также для укрѣпленія противъ непріятеля. Двигаясь цѣлымъ войскомъ, запорожцы шли всегда табором̀ъ, заключая во внутрь его пѣхоту и оставляя внѣ его конницу; для наблюденія за движеніемъ непріятелей они непремѣнно отряжали во всѣ стороны особыхъ передовыхъ козаковъ-развѣдчиковъ на версту разстоянія отъ табора. Подвигаясь очень медленно, они шли большею частью ночью, днемъ-же останавливались по глубокимъ балкамъ, большимъ байракамъ и мелкимъ кустарникамъ. Въ пути они брали самыя строгія мѣры предосторожности: не разводили огней, не курили люлекъ, не позволяли ржать лошадямъ, завязывая имъ морды платками, веревками или ремнями, старались говорить между собой сдержанно, вполголоса или даже совсѣмъ шопотомъ; для соображенія въ мѣстности брали съ собой такъ называемый нюренбергскій квадрантъ, т. е. родъ компаса.

Движеніе войска должно было происходить съ такой осторожностью, чтобы о томъ „ни сорока, ни ворона не могли ни видѣти, ни слышати“. Когда запорожцы въ такой „строгой тайнѣ“ доходили до цѣли своего похода, напримѣръ, до границъ Крыма, то тутъ они, выждавъ полночнаго времени, внезапно врывались въ самое „панство“ крымское и начинали въ немъ „грассовать“, какъ „несподиванные гости“, старались какъ можно сильнѣе „стру-

---

[1]) Хотя каждый козакъ, по замѣчанію Ласоты, могъ и безъ мастера починить себѣ оружіе.

[2]) Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ 1878, 13.

[3]) Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб. 1874, I, 152: Записки одесск. общ. ист. и древ., XIX, 397, 416.

[4]) Какъ кажется, впервые пушки приспособлены были къ лафетамъ только во второй половинѣ XVII вѣка Богданомъ Хмельницкимъ: Коховскій. Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго въ Военномъ Сборникѣ, 1862, 96—97.

хнуть“ бусурманское „панство“, какъ можно больше навести на него страху огнемъ и пожарами, чтобы потомъ какъ можно больше захватить съ собой добычи и ясыру и освободить изъ плѣна христіанскихъ невольниковъ.

Какъ совершались сухопутные козацкіе походы изо-дня-въ-день, какъ запорожцы дѣлали нападенія на непріятелей, какъ захватывали они добычу и какъ возвращались къ себѣ домой, это отчасти показываетъ дошедшій до нашего времени отъ 1769 года, октября 11 дня, рѣдкій „меморіалъ“ козацкаго похода къ Очаковской сторонѣ и къ Аккерману. Осенью, 25 сентября, изъ Коша войска запорожскаго низового вышли „въ партію“, при старшинахъ и полковникахъ, 3.100 человѣкъ козаковъ. Переправившись черезъ рѣчку Синюху, они имѣли, въ тотъ-же день, ночлегъ; слѣдующимъ днемъ перешли въ бродъ рѣку Бугъ, добрались до рѣчки Кодыми и здѣсь расположились на ночлегъ, разставивъ по курганамъ „бекеты“; слѣдующимъ днемъ, чуть свѣтъ, двинулись вверхъ по-надъ Кодымою и были въ пути до полудня; въ полдень, сдѣлавши обѣденный роздыхъ, отъ Кодыми пошли въ степь, черезъ балки къ Очаковской сторонѣ, въ низовье Буга и, дошедъ до Чарталы, ночевали. Отъ Чарталы направились къ Чачиклеѣ и тамъ довольно долго отдыхали; къ вечеру, переправившись черезъ Чачиклею, ночевали близъ этой рѣчки. Отъ Чачиклеи дошли до рѣчки Тилигула и, вслѣдствіе большого ливня, расположились здѣсь на ночлегъ, разставивши на ночь караулы. Чуть свѣтъ, стали переходить рѣку, но вслѣдствіе большой грязи переправлялись черезъ нее до половины дня. Отъ Тилигула взяли на Куяльникъ; тутъ захвативъ на пути въ добычу десять татарскихъ лошадей, прибыли въ балку, падающую въ Куяльникъ, и въ ней ночевали подъ собственнымъ карауломъ. Съ разсвѣтомъ, 1 октября, снялись съ мѣста, перешли притокъ Куяльника, Дальникъ, и около него стояли весь день; здѣсь съ „бекета“ замѣтили трехъ ногайцевъ, выслали для поимки ихъ старшину съ козаками, но высланная старшина поймать ногайцевъ не могла. Того-же вечера двинулись по-надъ Дальницкимъ лиманомъ, падающимъ въ Черное море, и шли въ ночное время степью; тутъ напали на ногайское стадо и семь человѣкъ пастуховъ при немъ; изъ пастуховъ двухъ зарѣзали, а пятерыхъ

взяли живьемъ и подвергли допросу; изъ допроса узнали, что у моря имѣлось много татарскихъ лошадиныхъ табуновъ и при нихъ небольшое число пастуховъ. Послѣ этого они бросились къ морю, всю ночь искали стадъ, хватали ихъ, а пастуховъ рѣзали. Пришедъ къ турецкому селенію Хаджибею (Одессѣ), около него ночевали и уже готовились было напасть на самое селеніе, какъ вдругъ, неожиданно узнавъ, что въ Бѣлгородъ (Аккерманъ) прибыли изъ Очакова 200 человѣкъ, бросились на турокъ. Здѣсь, видя свою малочисленность, спѣшились съ коней, вступили въ перестрѣлку, многихъ турокъ перебили, девять человѣкъ взяли въ плѣнъ, которые то отъ ранъ, то отъ сырой и холодной погоды потомъ поумирали въ пути; тутъ, во время схватки, взяли въ добычу ружья, лошадей съ уборами, два знамени, желѣзную булаву, мѣдныя литавры и „ввесь багажъ“. Послѣ этого вновь устремились на селеніе Хаджибей; наскочивъ на него, мужчинъ и женщинъ покололи, многія хаты и разныя строенія въ селеніи и около него пожгли, а добычу забрали себѣ; тутъ-же, около селенія, частью вырѣзавши, частью забравши въ плѣнъ пастуховъ, захватили 20.000 лошадей, 1.000 рогатаго скота, 4.000 овецъ и 180 верблюдовъ. Погромивъ Хаджибей, пошли отъ моря по-надъ Хаджибейскимъ лиманомъ и пришли до перваго Куяльника Кучургапскаго; переправившись черезъ него и отдохнувши, ночью перешли второй Куяльникъ и, тутъ немного отдохнувъ, направились къ третьему Куяльнику; 3 октября добрались до Тилигула, переправились черезъ него, отдохнули; потомъ дошли до Чачиклеи, ночью перешли черезъ нее и также имѣли отдыхъ; 4 октября доѣхали до устья рѣчки Чарталы и отдыхали въ теченіе ночи; наконецъ, 5-го прошли понадъ Бугомъ и переправились вмѣстѣ съ отбитымъ у татаръ и турокъ скотомъ черезъ рѣку Бугъ, выше Гарда, въ Кривомъ, подѣлавши „плавки“, и тутъ „учинили всему войску роздыхъ“ [1]).

Такимъ-же характеромъ отличались и морскіе походы запорожскихъ козаковъ. Разница состояла лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ запорожцы отправлялись въ

---

[1]) Фелицынъ, Приложеніе къ Кубанскимъ областнымъ вѣдом., 1890.

путь не на коняхъ, не съ возами и не степью, а въ большихъ лодкахъ, называвшихся у нихъ чайками (отъ татарскаго слова „каикъ“=„чаикъ“, т. е. круглая лодка), байдаками или дубами [1]), идя прямо отъ Сичи Днѣпромъ въ Черное море. Здѣсь лодка была козаку столь-же необходима, какъ въ степи конь. Лодки у запорожскихъ козаковъ были двоякаго рода—рѣчныя и морскія. Рѣчныя лодки дѣлались у нихъ для рыбной ловли и „для всякаго припасу хоромного и дровяного“ и могли вмѣстить въ себя самое большее количество пловцевъ, 10 человѣкъ [2]). Лодки рѣчныя, чайки, байдаки, или „чолны морскіе“ частію доставлялись имъ готовыми изъ Украйны или даже изъ глубины Россіи [3]), частію-же сооружались въ самой Сичи. Способъ построенія морскихъ лодокъ у запорожскихъ козаковъ не былъ особенно сложенъ: по дошедшему до насъ преданію, первоначально у нихъ были лодки, сдѣланныя изъ буйволовой кожи, для удобства перетаскиванія ихъ отъ одной рѣчки къ другой по сушѣ [4]); съ теченіемъ времени первобытныя лодки замѣнились большими чайками или дубами. Чайки эти сооружались въ особомъ мѣстѣ Сичи, называвшемся войсковою скарбницею, и по своему внѣшнему виду напоминали неаполитанскіе фелюки, испанскіе баркелонги, съ кормы и носа островатыя [5]), безъ киля и палубы, размѣровъ весьма различныхъ: длины отъ 50 до 70, ширины отъ 10 до 12, или отъ 18 до 20, высоты до 12 футовъ [6]). Основой для такой чайки служило дно, выдолбленное изъ ивоваго или липоваго бревна, длиною обыкновенно около 45 футовъ; къ этой основѣ прибивались съ обоихъ боковъ, снизу вверхъ, дубовыя доски, длины до 12, ширины до 1 фута каждая, нашивка досокъ прибавлялась до тѣхъ поръ, пока лодка не получала означенныхъ размѣровъ длины, ширины и высоты. Послѣ этого сооруженную лодку осма-

---

1) Лѣтопись Самовидца, 1878, 331, 329, 348; Акты южной и западной Россіи, XI, 358, 359; XII, 103; XIII, 305.

2) Акты южной и западной Россіи, XII, 99.

3) Акты южной и западной Россіи, XI, 260; XII, 102.

4) Зеделлеръ, Обозрѣніе исторіи военнаго искусства, Спб., 1843, II, 199.

5) Корнелій Крюйсъ, Розысканія о Донѣ, От. Зап., 1824, октябрь, 68.

6) Корнелій Крюйсъ, 68; Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 62.

ливали смолой и придѣлывали къ ней два руля или загребныя весла, одно на кормѣ, другое на носу, для того, чтобы не поворачивать ее съ одной стороны въ другую и такимъ образомъ дѣйствовать ею свободно, безъ потери лишняго времени. Затѣмъ къ бортамъ осмоленной лодки, съ наружной стороны, вдоль досокъ отъ кормы до носа, посредствомъ лыка или боярышника, привязывали пучки камыша, толщины отъ 6 до 18 футовъ, чтобы предохранить ее отъ потопленія во время морскихъ волнъ и защитить во время жаркихъ схватокъ отъ вражескихъ стрѣлъ. При каждой чайкѣ, смотря по величинѣ ея, прикрѣплялось отъ 20 до 30 и даже до 40 веселъ съ обѣихъ сторонъ; среди чайки ставилась одна мачта, а къ мачтѣ, въ случаѣ надобности, прикрѣплялся парусъ; такимъ образомъ, чайка могла идти въ одно и тоже время и на веслахъ и на парусахъ; впрочемъ, козаки, при сильномъ попутномъ вѣтрѣ всегда предпочитали идти на однихъ веслахъ и избѣгали парусовъ, которые могли выдать ихъ непріятелямъ. Ко всему этому на каждую чайку ставились съ одной стороны бочка для сухарей, длины 10 футовъ, въ поперечникѣ 4 фута, со втулкой сверху для просовыванія въ нее руки, а съ другой— 4 или 6 фальконетовъ, т. е. небольшихъ кованныхъ желѣзныхъ или мѣдныхъ пушекъ для стрѣльбы изъ нихъ по непріятелямъ. Впрочемъ, въ началѣ исторической жизни запорожскіе козаки никакихъ съ собой пушекъ во время морскихъ походовъ не возили и только подъ конецъ XVII вѣка стали снабжать чайки фальконетами, и то не большихъ размѣровъ, потому что малыя суда ихъ не могли выдерживать ни тяжелыхъ оружій, ни палубы [1]). Надъ каждой чайкой работало не менѣе 60 человѣкъ въ теченіе 15 дней; въ двѣ или три недѣли они изготовляли отъ 80 до 100 лодокъ.

Въ сооруженную такимъ образомъ лодку садилось отъ 50 до 70 козаковъ, изъ коихъ каждый имѣлъ саблю, двѣ рушницы, шесть фунтовъ пороха, достаточное количество пуль, нѣсколько для фальконетовъ ядеръ, одинъ нюренбергскій квадрантъ и необходимые жизненные припасы,

---

[1]) Корнелій Крюйсъ: Отечественныя Записки 1824, сентябрь, № 54, 68–70.

какъ-то: сухари, копченое мясо, вареное пшено или кашу и ячменную муку, изъ которой приготовлялась саламаха; спиртныхъ напитковъ возить съ собой козаки не смѣли, потому что пьяницъ въ походахъ не терпѣли, и если замѣчали кого-либо въ нетрезвомъ видѣ, тотъ-же часъ выбрасывали за бортъ лодки, „ибо трезвость считали необходимою при исполненіи своихъ предпріятій“ [1]). Походную одежду козаковъ составляла рубаха, двое шароваръ, кафтанъ толстаго сукна и шапка; хотя въ мирное время запорожцы одѣвались очень богато и нарядно, но для морскихъ походовъ обряжались въ самыя старыя ветоши, тогда какъ турки, напротивъ того, выходя на войну, одѣвались въ дорогія платья и украшались „золотыми и алмазными“ вещами [2]).

Для морскихъ походовъ выбиралось преимущественно осеннее время, особенно пасмурные дни и темныя ночи передъ новолуніемъ, когда можно было скрыть всякое движеніе противъ непріятелей. Чайки козацкія выходили прямо изъ гавани отъ Сичи и спускались по Днѣпру; онѣ такъ шли тѣсно, что гребцы едва не задѣвали другъ друга веслами; впереди всѣхъ неслась чайка кошевого атамана, на которой развѣвался атаманскій флагъ. За чайкой кошевого шли чайки каждаго куреня; на носу каждой чайки сидѣлъ „чайковой“ атаманъ. Во всю длину рѣки, на сколько хватало око, алѣли верхушки красныхъ шапокъ, блестѣли стволы самопаловъ да мелькали, словно свѣтлыя птичьи крылья, полуискривленныя загребистыя весла. Такъ доплывали запорожскіе козаки по Днѣпру до острова Тавани и до стоявшаго противъ него на правомъ берегу рѣки турецкаго города Кызыкерменя. Турки, провѣдавъ о движеніи козаковъ, брали противъ нихъ свои мѣры: они протягивали отъ крѣпости Кызыкерменя до острова Тавани, поперекъ Днѣпра, и отъ городка Ослана или Арслана до того-же острова Тавани, поперекъ рѣки Конки, въ этомъ мѣстѣ соединяющейся съ Днѣпромъ, желѣзныя цѣпи, посреди рѣки устраивали ворота, а на ворота изъ городковъ наводили пушки. Казалось,

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 63—64.

[2]) Вице-адмиралъ Крюйсъ, Отечественныя Записки, 1854, № 70—72.

всякъ, пытавшійся пройти черéзъ эти роковыя ворота, долженъ былъ неминуемо погибнуть у нихъ. Но козаки въ свою очередь брали мѣры: пользуясь темной ночи, они сваливали въ лѣсу нѣсколько высокихъ деревьевъ, прикрѣпляли къ нимъ желѣзныя цѣпи и потомъ въ стоячемъ видѣ пускали ихъ къ воротамъ, запиравшимъ проходъ по Днѣпру мимо острова Тавани. Пущенныя такимъ образомъ деревья, ударяясь въ проведенныя поперекъ Днѣпра и Конки желѣзныя цѣпи, давали знать туркамъ о движеніи козаковъ; турки поднимали тревогу, стрѣляли изъ пушекъ, но попадали не въ лодки, а въ плывшія деревья, принимая ихъ за высокія мачты. А между тѣмъ запорожцы спокойно стояли въ камышахъ у береговъ Днѣпра, выше проведенныхъ цѣпей,и ждали, когда турки истратятъ свои боевые запасы; какъ только стрѣльба прекращалась, тогда козаки бросались къ цѣпямъ, разрывали ихъ сильнымъ натискомъ и потомъ, пользуясь темнотой ночи, спокойно пробирались дальше. Такимъ-же точно образомъ, выждавъ „благополучной для себя погоды“ и никѣмъ незамѣченные, запорожцы проѣзжали мимо Очакова и Кинбурна; впрочемъ, вмѣсто днѣпровскаго лимана козакамъ приходилось иногда оттягивать свои дубы къ извѣстному имъ мѣсту Прогною, отъ котораго шелъ протокъ къ морю, и протокомъ выходить въ открытое море; чаще же всего, миновавъ благополучно всѣ турецкіе города у береговъ Днѣпра, они направлялись въ днѣпровскій лиманъ, а изъ лимана въ Черное море, гдѣ козаку „путь чистъ“, гдѣ ему и гулять не заказано и дорожки всѣ показаны [1]). Отсюда запорожцы залетали и на Тендеръ островъ („Тынъ-дерево“) [2]) и къ Азову, Хазлеве городу или Кезлеве („Козлову“, или „Тысячѣ-Очамъ“ городу); отсюда они выбирались въ Бѣлое и Круглое моря, т. е. Архипелагъ и Мраморное море; отсюда же они проникали за Тамань, въ Египетъ („Бѣлую Арапію“), заходили въ Бессарабію („Бисову

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1853, 11—13; Дневникъ Тяпкина и Зотова; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 645; VII, 178, прим. 50; Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 203, 204; Смирновъ, Крымское ханство, С. Петербургъ, 1887, 493.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малор. народа, I, 189, 202.

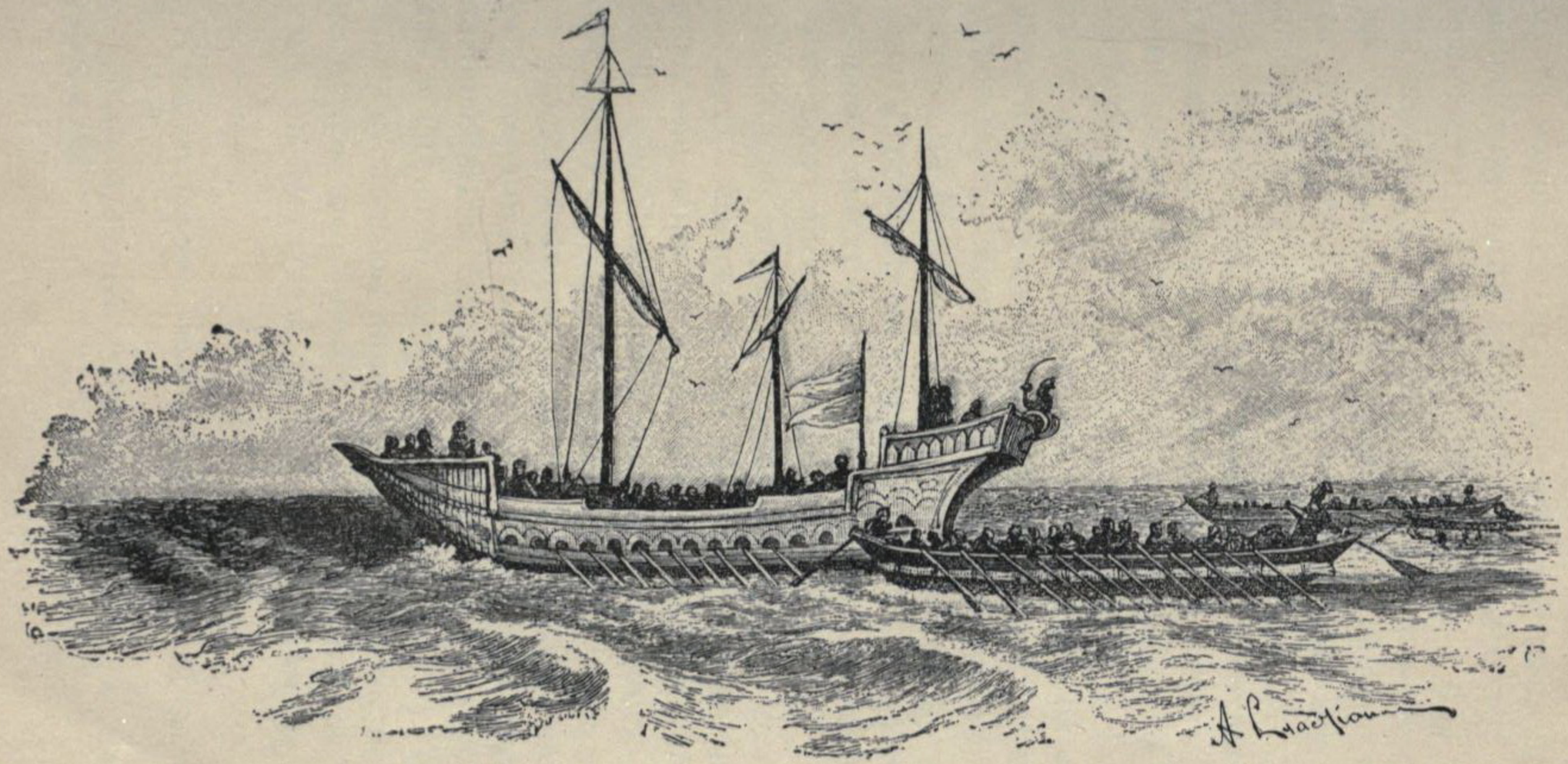
Арапію“), осмаливали крылья Аккерману или „Бѣлому городу“, выплывали въ Килію, Измаилъ и Дунай-устье, а нерѣдко и самый Царь-градъ „мушкетнымъ дымомъ окуривали“, „самому Царю городу давали пороху нюхати“; Трапезонтъ, Кафу и Варну города „выстинали“, Синопъ городъ, прекрасный мѣстоположеніемъ, замѣчательный здоровымъ климатомъ, (оттого прозванный „Мединетъ-Юль-Ушакъ“, городъ любовниковъ“), „опровергали до фундамента“.

„А въ недиленьку рано пораненько
Плыву́ть сла́вни козаче́ньки,
Плывуть човеньця́ми,
Побли́скують весельця́ми,
Вда́рыли ра́зомъ симсо́тъ самопа́ловъ
Седьми пя́девъ одъ запа́ловъ..
Була Варна, була Варна,
Зда́вна сла́вна, зда́вна сла́вна,
А козакы славнійшъ сталы,
Що въ тій Варни миста́ взя́ли,
А въ нихъ ту́ркивъ порубали“.

„Изъ того времени (отъ Сигизмунда I) козаки, найпаче запорожскіе, въ храбрость и силу произойшли, воюя часто на турковъ и въ тѣхъ войнахъ алчбѣ и жаждѣ и морозу и зною приобыкли. Да они жъ въ покои жити никогда не любятъ, но для малой користи великую нужду поднимаютъ и море было перепливать отваживаются, и суднами подъездя подъ турецкие города и разоряя оные, съ користми до Коша возвращаются, и для такихъ воинскихъ дѣлъ ихъ не возгнушались изъ высокихъ фамилій персоны быть у нихъ гетманами“ [1]). Изумительная смѣлость даже, можно сказать, дерзость, запорожскихъ козаковъ во время ихъ разъѣздовъ по Днѣпру и набѣговъ на Крымъ, мимо турецкихъ и татарскихъ крѣпостей, объясняется, конечно, отчасти жалкимъ состояніемъ этихъ крѣпостей и ихъ оборонительнаго гарнизона. Такъ, самыя лучшія изъ нихъ, Очаковъ и Перекопъ, „очи Днѣпра и Крыма“, благодаря ничтожнымъ свѣдѣніямъ турокъ въ инженерномъ искусствѣ, совершенно не выполняли своего назначенія: рвы ихъ постоянно осыпались и оставались неисправленными, замки и

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 213.



Запорожскія судна по Ровинскому и Боплану.

башни были ничтожны, пушки немногочисленны, гарнизонъ слабъ и безпомощенъ [1]).

Случалось, однако, что турки, узнавъ о проходѣ запорожцевъ мимо Тавани по Днѣпру, дѣлали оклики, разставляли для поимки ихъ въ устьѣ Днѣпра свои галеры, но и это напрасно: темнота ночи и ширина Днѣпровскаго лимана, доходящая здѣсь до десяти и болѣе верстъ, давали, возможность козакамъ ускользнуть и отъ второй стражи турецкой. Однако, вѣсть о козацкомъ походѣ быстро распространялась по всему морскому берегу и скоро доходила до самаго Константинополя. Тогда изъ столицы султана скакали гонцы во всѣ приморскія области—Анатолію, Болгарію, Румелію—и оповѣщали жителей о приближеніи страшныхъ враговъ. Запорожцы и этимъ не смущались, они выбирали какое-нибудь безлюдное, но укромное мѣсто на берегу моря, причаливали туда со всѣми своими лодками, оставляли лодки на мѣстѣ подъ охраною двухъ козаковъ и двухъ мальчиковъ на каждомъ челнѣ, а сами, вооружившись саблями, пистолетами и ружьями, внезапно бросались на первый городъ, жгли жилища, грабили имущества, истребляли жителей, и, потомъ, одобыченные разнымъ добромъ, быстро возвращались къ лодкамъ, садились въ нихъ всею массою и уходили въ море. Погулявъ нѣсколько времени по морю, они вновь выбирали себѣ укромное мѣсто, вновь высаживались на берегъ и вновь внезапно дѣлали нападеніе на какой-нибудь городъ, вновь жгли, грабили, убивали и возвращались къ лодкамъ. Такъ въ короткое время они опустошали огромное пространство морского берега, хватали по пути татарскихъ коней, садились на нихъ верхомъ, добѣгали до мѣста, гдѣ сидѣли товарищи у затопленныхъ лодокъ, забирали все свое добро и всѣхъ людей и спѣшили возвратиться въ Сичь [2]). Иногда, отправляясь въ походъ, запорожцы раздѣлялись на двѣ партіи: одна партія шла сухимъ путемъ, вдоль берега Днѣпра, верхомъ на лошадяхъ, другая шла рѣчнымъ путемъ, внизъ по

---

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, 36, 37; Коховскій, Опытъ изученія войнъ Б. Х., 79—81.

2) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, 13, 14; Бопланъ, Описаніе Украйны, 65.

теченію Днѣпра, на дубахъ; пройдя Кызыкермень, Очаковъ и Кинбурнъ, они соединялись въ одномъ мѣстѣ и потомъ дѣлали набѣгъ на турецкіе города сообща. Съ теченіемъ времени, когда турки открыли всѣ потайные ходы козаковъ и начали хватать и рубить ихъ, запорожцы придумали другой способъ обманывать турокъ: они выходили изъ Сичи на небольшихъ лодкахъ и, дойдя до Кызыкерменя, Очакова и Кинбурна, тащили ихъ нѣкоторое время сухимъ путемъ; потомъ добирались до того мѣста, гдѣ у нихъ затоплялись дубы и отсюда открывали свои опустошенія вдоль береговъ Чернаго моря; сдѣлавъ нѣсколько набѣговъ, они возвращались въ море и тутъ брали всѣ мѣры, чтобы не попасться на глаза туркамъ.

А между тѣмъ въ морѣ уже давно подстерегали козаковъ турецкія суда—гадриги, называемыя по козацки галерами или каторгами. Но запорожцы не страшились и галеръ; долговременная опытность пріучила ихъ и къ морскимъ сраженіямъ, а безпримѣрная храбрость заставляла презирать опасность отъ враговъ. Свободно разгуливая по морю, они долго оставались невѣдомы для враговъ, потому что ихъ чайки, возвышаясь надъ поверхностью воды не болѣе, какъ на 2½ фута, совсѣмъ скрывались въ морскихъ волнахъ, тогда какъ сами козаки уже на далекомъ разстояніи видѣли высокія и тяжелыя турецкія галеры. Высмотрѣвъ издали галеры, козаки, зная свою ничтожную численность, исключавшую всякое открытое нападеніе на врага, избѣгали открытаго боя и выжидали или туманной погоды, или наступленія ночи, лавируя по морю весь день до вечера и не упуская изъ виду непріятельскаго корабля. Если козаки рѣшались сдѣлать нападеніе на турецкія галеры, тогда они немедленно складывали мачты и старались расположить свои лодки такимъ образомъ, чтобы солнце къ вечеру было у нихъ за спиной. Чѣмъ скорѣе клонялся день къ вечеру, тѣмъ ближе подходили козаки къ турецкому кораблю; за часъ до захода солнца они приближались къ нему на одну милю разстоянія, а къ самой ночи подходили еще ближе того; наконецъ, дождавшись полночи, они внезапно устремлялись на непріятельскій корабль. Въ это время одна половина отважныхъ пловцовъ работала веслами, а другая, съ ногъ до головы вооруженная, бросалась въ абордажъ „тя-

желаго трирядовеесельнаго турецкаго корабля", тотъ-же часъ сцѣплялась съ нимъ, въ одно мгновеніе входила въ его середину, хватала деньги, золото, серебро, дорогія ткани, легкіе, неподвергающіеся подмочкѣ, товары, остальное добро жгла, бросала за бортъ, простыхъ людей убивала, знатныхъ брала въ плѣнъ, корабль со всѣмъ экипажемъ, какъ негодный для козаковъ, по неумѣнію ихъ владѣть морскими судами, пускала ко дну, а сама моментально возвращалась къ своимъ лодкамъ и уходила прочь [1]). Особенно страшны бывали козаки для турокъ у морскихъ береговъ: взять козаковъ у береговъ было очень трудно, потому что плавать около береговъ они были большіе мастера, а къ тому-же, если они выходили на берегъ, то здѣсь поймать ихъ было еще труднѣе: они искусно прятали свою добычу и очень быстро затопляли суда, чтобы потомъ вновь вынуть ихъ изъ воды и разгуливать по морю, туркамъ-же совсѣмъ не было никакого интереса въ козацкихъ судахъ, и они старались только хватать людей, чтобы сдѣлать ихъ невольниками [1]).

Чтобы утомить и обезсилить врага, козаки, при встрѣчѣ съ турецкими каторгами у береговъ моря, старались „крутить веремію": подойдя на возможно близкое разстояніе къ турецкому судну, они мгновенно давали залпъ изъ рушницъ и мгновенно уплывали въ открытое море; черезъ нѣсколько времени вновь подплывали къ судну, но уже съ другой стороны, вновь давали залпъ и вновь уплывали въ море; потомъ въ третій разъ, но уже съ третьей стороны; и такъ, сбивъ съ толка врага, дѣлали потомъ на него со всѣхъ сторонъ нападеніе и истребляли безъ остатка.

„Струснувъ Крымъ или Анатолію", козаки спѣшили возвратиться назадъ, въ Сичь. Турки и здѣсь брали свои мѣры противъ козаковъ: они разставляли стражу у устья Днѣпра, противъ Очакова, и тутъ поджидали своихъ враговъ. Но козаки напередъ знали всѣ планы турокъ и смѣялись надъ ними: вмѣсто того, чтобы подниматься къ самому устью Днѣпра, козаки приставали въ извѣстномъ имъ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ города Очако-

---

[1]) Боплант, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 66, 67.

ва, и по этому заливу, а потомъ по низкой лощинѣ, идущей отъ залива къ Днѣпру и заливаемой морскою водой на одну четверть мили, поднимались лодками до сухого мѣста; по сухому мѣсту лощины перетаскивали свои лодки на рукахъ, работая по 200 или по 300 человѣкъ надъ каждымъ судномъ, и такимъ образомъ черезъ два-три дня, одолѣвъ препятствія, входили уже въ Днѣпръ и потомъ поднимались до Сичи, куда привозили испанскіе реалы, арабскіе цехины, персидскіе ковры, восточную парчу, бумажныя издѣлія, шелковыя ткани, и все это дѣлили межъ собой.

Если же турки преграждали путь запорожцамъ и у низкой лощины противъ Очакова, тогда козаки избирали самую отдаленную дорогу для возвращенія въ Запорожье: они шли изъ Чернаго моря въ Керченскій проливъ, изъ Керченскаго пролива въ донской лиманъ, изъ донского лимана къ устью рѣки Міуса, по Міусу поднимались вверхъ до того мѣста, гдѣ онъ перестаетъ быть судоходнымъ; отъ этого мѣста шли небольшое разстояніе волокомъ и добирались до Волчьей-Воды, притока Самары, изъ Волчьей-Воды попадали въ Самару, изъ Самары, выше крѣпости Кодака, въ Днѣпръ. Но этотъ путь рѣдко избирался козаками; развѣ въ томъ случаѣ, когда ихъ флотилія состояла всего изъ 20 или 25 челновъ, или-же тогда, когда другіе пути были преграждены имъ турками [1]).

Не всегда, разумѣется, такъ счастливо оканчивались походы для запорожскихъ козаковъ; иногда они попадали въ такую безвыходную западню, отъ которой терпѣли громадный уронъ; особенно страшно имъ было столкновеніе съ турецкими кораблями въ открытомъ морѣ среди бѣлаго дня: тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ турокъ „челны ихъ разсыпались, какъ стая скворцовъ“, а сами козаки искали спасенія въ поспѣшномъ отступленіи къ берегу и бѣгствѣ на материкъ. Впрочемъ, нерѣдко и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ козаки все-же не теряли мужества и вступали въ бой съ непріятелями; тогда они привязывали весла къ лодкамъ и всѣми своими наличными силами да-

---

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 67, 68.

вали отпоръ туркамъ, причемъ одна половина ихъ, сидя въ лодкѣ, не трогаясь съ мѣстъ, безпрерывно палила въ турокъ изъ рушницъ, а другая безпрерывно заряжала рушницы и подавала ихъ стрѣлкамъ. Въ такомъ случаѣ они рѣдко бывали въ конецъ побѣждены, и хотя теряли до двухъ третей своихъ товарищей, но все-же остальные смѣльчаки возвращались благополучно на родину [1]).

Изъ описаныхъ козацкихъ чаекъ ни одна не сохранилась въ цѣльномъ видѣ до нашего времни. Мы имѣемъ лишь обломки одной изъ такихъ чаекъ, недавно найденные въ вѣткѣ Днѣпра, Сысиной, параллельно вѣткѣ Подпильной, противъ села Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда, противъ мѣста послѣдней по времени запорожской Сичи. Изъ двухъ найденныхъ здѣсь лодокъ большая имѣла десять саженъ длины и одну сажень глубины; она сдѣлана была безъ киля, на видъ плоскодонна, съ крутыми выгнутыми боками; дно и нижняя часть бортовъ ея (по ватеръ-линіи) состояли изъ дубовыхъ досокъ, а верхняя часть бортовъ и палуба – изъ еловыхъ; кокоры, т. е. ребра, всѣ изъ дуба; вся наружная обшивка лодки была прикрѣплена къ кокорамъ деревянными ясеневыми, въ два пальца толщины, и желѣзными, грубой кузнечной работы, съ большими шляпками, гвоздями въ такомъ порядкѣ, что черезъ два деревянныхъ гвоздя шелъ одинъ желѣзный; по бокамъ лодки сдѣланы были уключины („кочетки“) для веселъ; во всю длину лодки, отъ носа до кормы шелъ дубовый брусъ, толщиною въ пять вершковъ, сотоявшій изъ двухъ кусковъ, скрѣпленныхъ по самой срединѣ лодки; къ бортамъ лодки, вверху, прикрѣплены были желѣзные, и до сихъ поръ сохранившіеся, болты съ крючьями, очевидно для прикрѣпленія къ нимъ веревокъ отъ снастей, изъ чего можно заключить, что лодка, кромѣ веселъ, ходила на парусахъ и имѣла небольшую оснастку. Меньшая изъ лодокъ имѣла три сажени длины, два аршина глубины и до двухъ съ половиной аршинъ по самой срединѣ ширины; съ виду она похожа на баркасъ, но устройствомъ ничѣмъ не разнится отъ лодки большой [2]).

---

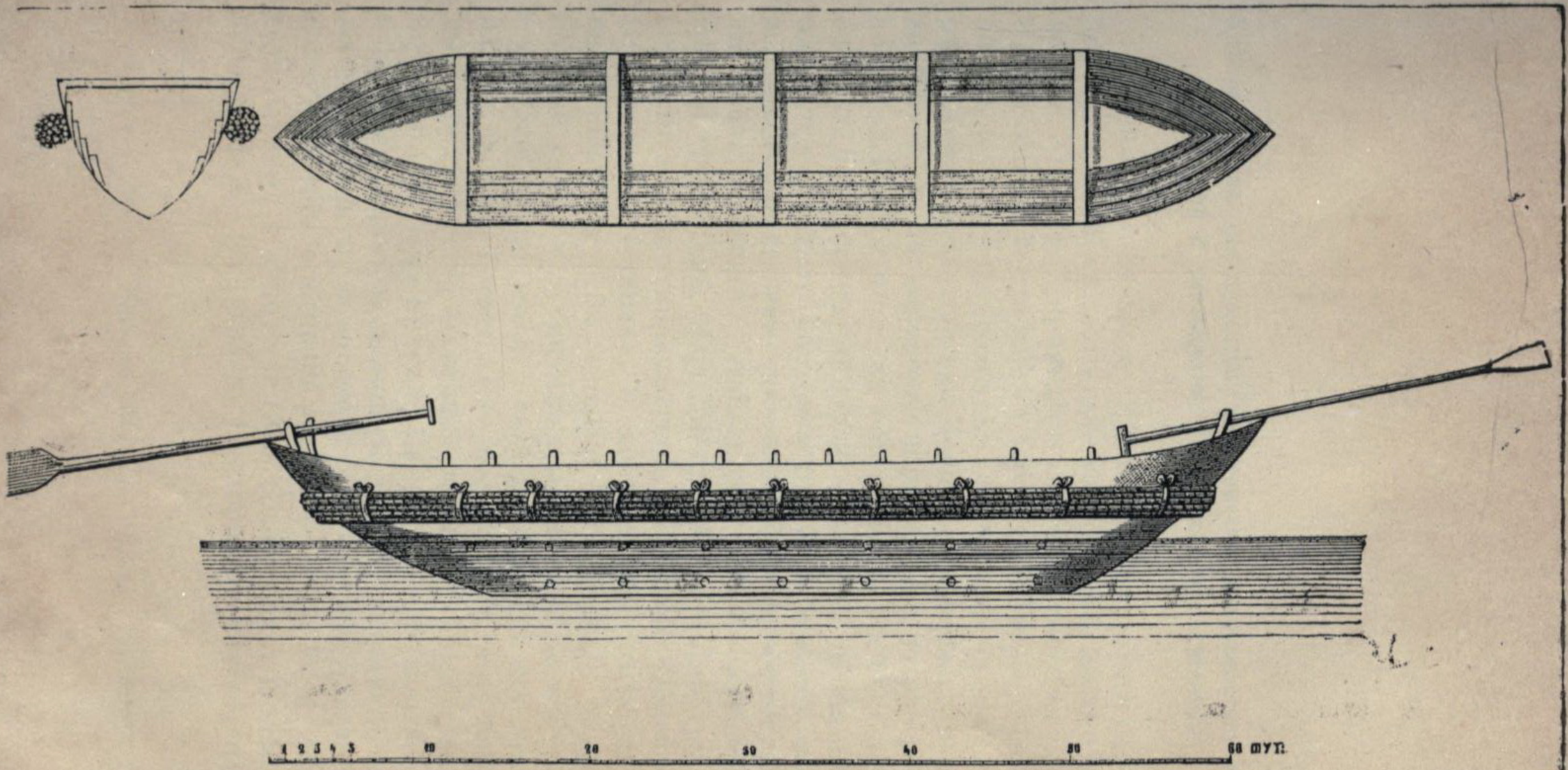
1) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб. 1832, 69.

2) Эварницкій, Одесскій листокъ, 1890, № 109, 2.

Кромѣ чаекъ, у запорожскихъ козаковъ были въ употребленіи, хотя въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, и корабли. Образецъ такого корабля представленъ на большомъ войковомъ знамени прошлаго столѣтія, дарованномъ козакамъ императрицей Екатериной II, уцѣлѣвшемъ до нашего времени и хранящемся въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ. Это—такъ называемый трехмачтовый, двухдечный корабль; съ лицовой стороны этого корабля видны: бортъ съ четырьмя каютными люминаторами, на подобіе правильныхъ кружковъ, и высокая двухъ-ярусная рубка, имѣющая видъ палатки, для помѣщенія на суднѣ главныхъ лицъ команды, съ осьмью отверстіями, на подобіе дверей, въ каждомъ ярусѣ по четыре. Въ нижнемъ декѣ корабля сдѣлано семь большихъ люковъ, въ верхнемъ декѣ—три малыхъ люка; въ соотвѣствіе этому столько-же люковъ, нужно думать, было и на другой сторонѣ, а на обѣихъ сторонахъ нижняго и верхняго дековъ судна двадцать люковъ; изъ нихъ видны концы вставленныхъ пушекъ. Сзади судна поставлена толстая, но сравнительно низкая корма съ рѣзными украшеніями и рисунками и съ однимъ военнымъ флагомъ, разрѣзаннымъ пополамъ и прикрѣпленнымъ на невысокомъ древкѣ къ кормѣ. На носу корабля положенъ якорный значекъ, къ которому прикрѣпленъ флагъ, подобный флагу на кормѣ, только меньше по величинѣ. Между кормой и носомъ поставлены три высокія мачты для трехъ парусовъ, съ двумя веревочными лѣстницами къ каждой; на каждой изъ трехъ мачтъ высится по одному развѣвающемуся флагу, такой-же формы и величины, какъ и на кормѣ. Во всемъ кораблѣ могло помѣститься, по меньшей мѣрѣ, 250 человѣкъ команды при пяти или девяти человѣкахъ начальниковъ [1]).

---

[1]) Эварницкій, Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ, Спб., 1889, 117—120.



Козацкая лодка по Боплану.

Хлѣбопашество, скотоводство, рыболовство, звѣроловство, огородничество и садоводство у запорожскихъ козаковъ.

Запорожцы занимали небольшую часть того обширнаго пространства земли, который нѣкогда, еще далеко до Рождества Христова, принадлежалъ европейскимъ скиѳамъ. Скиѳы занимали громадную область, которая представляла изъ себя четыреугольникъ съ запада на востокъ, отъ рѣки Дуная вдоль до рѣки Дона и до Азовскаго моря на 20 дней пути, и отъ Азовскаго моря, съ юга на сѣверъ столько же дней пути, т. е. въ обѣ стороны по 700 верстъ. Съ давнихъ поръ скиѳы занимались въ своей обширной странѣ коневодствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Между многочисленными скиѳскими и нескиѳскими племенами извѣстны были, скиѳы-пахари и скиѳы-земледѣльцы, жившіе у береговъ рѣкъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, въ теперешнихъ Екатеринославской, Кіевской, Подольской и Полтавской губерніяхъ, и занимавшіеся посѣвомъ хлѣба не столько для себя, сколько для продажи, разводившіе рогатый скотъ и лучшей породы лошадей, а въ особенности бѣлой масти коней для ѣзды царей и для принесенія ихъ въ жертву богамъ. Изъ нескиѳскихъ народовъ гелоны попреимуществу были земледѣльцы и употребляли въ пищу хлѣбъ [1]). Сама природа Скиѳіи способствовала началу и развитію всѣхъ названныхъ занятій человѣка: земледѣлію, скотоводству и коневодству. Уже отецъ исторіи, Геродотъ, лично посѣтившій въ 450 году до Р. Х. европейскую Скиѳію, говоритъ о тѣхъ богатствахъ, какими надѣлила природа эту страну. Плодородная глубокочернозем-

---

[1]) Геродотъ, переводъ Мищенка. Москва, 1885, 305, 307, 318, 345.

ная почва, прекрасные луга, сочныя травы, обильное орошеніе, благодатный климатъ, непосредственное сообщеніе рѣкъ съ морями, близость самихъ морей—все это должно было сдѣлать и сдѣлало Скиѳію житницей какъ для туземцевъ страны, такъ и для ихъ сосѣдей. Земля у скиѳовъ, говоритъ Геродотъ, ровная, изобилуетъ травами, хорошо орошается рѣками, число которыхъ развѣ немного меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Выпадающій въ зимнее время въ изобиліи снѣгъ весной растаетъ и даетъ рѣкамъ еще больше воды; а частые и обильные дожди, падающіе въ лѣтнее время совсѣмъ переполняютъ ихъ. Особенно богатыя мѣста у рѣки Борисѳена (т. е. Днѣпра), отличающагося чистой и вкусной водой: у береговъ этой рѣки имѣются прекрасныя пастбища для скота и далѣе отъ нихъ—превосходныя пахотныя поля [1]). Сами боги, надѣлившіе скиѳовъ такими щедротами природы, указали имъ и первый родъ занятій, пославъ съ неба имъ плугъ, ярмо, сѣкиру и чашу, что служило явнымъ для скиѳовъ указаніемъ на родъ занятій и источникъ жизни ихъ: земледѣліе и скотоводство. Тѣже богатства Скиѳіи превлекали въ нее и грековъ, которые уже, начиная съ VIII столѣтія до Р. Х., стали заводить въ ней свои колоніи, стали обрабатывать въ ней землю, засѣвать ее хлѣбомъ и тѣмъ хлѣбомъ снабжать всю Грецію. Древніе римляне, широко распространившіе свои колоніи съ западной стороны до устья Дуная, а съ восточной захватившіе въ I вѣкѣ по Р. Х. Босфорское или Понтійское царство съ его столицею Пантикапеей, также пользовались богатствами Скиѳіи, покупая въ ней хлѣбъ, скотъ и лошадей, на что между прочимъ, указываютъ многочисленныя римскія монеты, находимыя въ настоящее время въ такихъ городахъ, какъ съ одной стороны Новгородъ-Волынскій, а съ другой Кіевъ.

Такъ и природа страны, и исторія древнѣйшихъ обитателей ея опредѣлили занятія запорожскихъ козаковъ, главнымъ образомъ, хлѣбопашество, скотоводство и коневодство. Тѣже обширныя пастбища, тѣже прекрасные луга, тѣже многочисленныя водныя балки, тѣже, по мѣстамъ, по-

---

[1]) Геродотъ, переводъ Мищенка, Москва, 1885, 318, 319.

росли лѣса, по мѣстамъ густые лѣса, тѣже обширныя и глубокія залежи чернозема — все это дѣлало запорожскій край привлекательнымъ въ глазахъ земледѣльца и заставляло многихъ украинцевъ, особенно съ половины XVIII вѣка, цѣлыми массами стремиться на Низъ, искать тамъ пріюта для себя и для своихъ семействъ, возводить тамъ собственныя жилища, получать и культивировать землю. Источники не даютъ опредѣленныхъ достаточныхъ указаній на счетъ того, какой видъ землевладѣнія преобладалъ въ запорожскомъ краѣ. Но, кажется, на этотъ счетъ можно принять то общее положеніе, что въ запорожскомъ краѣ вся земельная территорія представляла собой общинную собственность, и только то, что построено было козакомъ на войсковой землѣ, составляло частную собственность. Такъ, напримѣръ, извѣстно, съ одной стороны, то обстоятельство, что сичевое товарищество владѣло разными угодьями, т. е. сѣнокосными, пашенными, рыболовными и звѣроловными мѣстами, на правахъ общинныхъ, мѣняя ихъ, по жребію, ежегодно между всѣми, безъ различія, товарищами; съ другой стороны извѣстно и то, что сичевое товарищество отдавало нѣкоторые участки земли для козаковъ-зимовчаковъ и не сгоняло ихъ съ отведенныхъ участковъ, предоставляя все, нажитое ими, добро въ ихъ личную собственность.

Какъ бы то ни было, но, владѣя обширными и богатыми землями, запорожскіе козаки, однако, по отзывамъ всѣхъ современниковъ, сравнительно мало, какъ указывала имъ самая потребность, занимались хлѣбопашествомъ: „мало между ними было такихъ художниковъ, которые бы продажею хлѣба кормили себя“; упражняясь съ дѣтства своего въ „военной экзерціи и морскихъ походахъ“ [1]), къ тому-же, имѣя бо́льшую склонность къ рыбной пищѣ и овощамъ, нежели къ хлѣбу и мясу, и не имѣя близъ своихъ вольностей обширныхъ хлѣбныхъ рынковъ и гаваней, запорожскіе козаки, не смотря на многія рѣки, богатый черноземъ, плодоносныя земли и безмѣрныя пространства степей, мало обрабатывали свои земли и вовсе не пользо-

---

[1]) Крюйсъ, Разысканія о Донѣ, Отечеств. Зап., 1824, окт., 51, 67.

вались сокрытыми въ землѣ богатствами. Впрочемъ, это и естественно. Козаку, природному воину, искони вѣковъ сподручнѣе было бороздить веслами высокія волны рѣкъ и морей, чѣмъ рѣзать косой густую траву луговъ и орать плугомъ дѣвственную почву степей; степь для козака — арена воинскихъ подвиговъ, а не поле для черныхъ работъ. Ведя почти безпрерывныя войны съ врагами, защищая Россію, Польшу и Украйну отъ разныхъ враговъ, татаръ, турокъ и поляковъ, запорожцы естественно должны были довольствоваться главнымъ образомъ извнѣ привозимыми къ нимъ предметами пропитанія. Сперва, въ періодъ зависимости Запорожья отъ Рѣчи-Посполитой, они получали хлѣбное жалованье отъ литовско-польскаго правительства, затѣмъ, въ періодъ зависимости отъ русскаго правительства, они получали хлѣбное жалованье отъ Москвы. Изъ Украйны запорожцы, помимо хлѣба, получали иногда отъ гетмановъ цѣлые возы, привозимые волами, ветчины, вина и табаку [1]). Но украинскіе „гостинцы“ присылались рѣдко и носили характеръ общепринятыхъ въ то время „поминокъ“. Доказательствомъ скудости хлѣбопашества въ Запорожьѣ служитъ челобитная кошевого атамана Григорія Ѳедорова императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1755 году, въ которой онъ писалъ, что войско запорожское низовое, „изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ [2]), да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ“ [3]). Однако, при всемъ этомъ нельзя сказать, чтобы у запорожскихъ козаковъ земля вовсе не воздѣлывалась или чтобы они совсѣмъ уклонялись отъ культуры ея: „Не всѣ изъ запорожцевъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ академикъ прошлаго столѣтія, Василій Зуевъ, занимались кровавыми промыслами (т. е. войной), а было у нихъ отчасти и хлѣбопашество, и скотоводство, и рыболовство, смотря по тому, какія кому выгоды обитаемыя ими мѣста представляли“ [4]). И точно: въ Запорожьѣ существовалъ цѣлый классъ козаковъ, называв-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 259, 656, 676.

[2]) Кошевой, очевидно, слишкомъ сильно выразился, разумѣется съ очевидною цѣлью разжалобить императрицу.

[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 181.

[4]) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ зап. коз., Мѣсяцесловъ, 1786, 2.

шихся „сиднями или гречкосіями“, которые жили по зимовникамъ, селамъ и бурдюгамъ, занимались разными хозяйственными дѣлами и между прочимъ „засѣвали свои поля разнымъ хлѣбомъ“ [1]); число этихъ зимовниковъ годъ отъ году увеличивалось, такъ что, напримѣръ, въ 1766 году считалось ихъ до 4,000, въ 1775 году 45 деревень и 1.601 зимовникъ [2]), а вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа поселковъ увеличивалось и количество обрабатывавшейся земли. Безъ сомнѣнія, всего больше обрабатывались земли въ паланкахъ самыхъ богатыхъ черноземомъ, а главное, самыхъ удаленныхъ отъ сосѣдства хищныхъ татаръ; первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимала паланка самарская, за ней слѣдовали въ постепенно нисходящемъ порядкѣ паланки—кодацкая, орельская, протовчанская, калміусская, перевизская и бугогардовская; въ послѣднихъ трехъ земля воздѣлывалась или въ самомъ ничтожномъ количествѣ, или даже вовсе не воздѣлывалась.

Земля для посѣва хлѣба, по словамъ очевидца, выбиралась преимущественно около рѣкъ или по склонамъ балокъ и по долинамъ, потому что открытая и высокая степь не всегда была къ тому удобна; всякій зажиточный запорожецъ засѣвалъ хлѣбомъ столько земли, сколько у него было рабочихъ силъ и продолжалъ эксплоатировать избранный участокъ до тѣхъ поръ, пока „обезсоченная“ земля становилась неспособною для производительности хлѣбныхъ растеній; тогда онъ оставлялъ насиженное мѣсто, выбиралъ себѣ другую рѣку или балку, строилъ здѣсь зимовникъ и вновь принимался за эксплоатацію земли. Добываемый на землѣ хлѣбъ запорожецъ обыкновенно пряталъ въ нарочно выкопанныя въ землѣ, на подобіе подземныхъ погребовъ, ямы, снаружи только одному хозяину и примѣтныя; видимо это дѣлалось съ цѣлью сохранить свое богатство отъ внезапныхъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей, татаръ. Эти ямы устраивались слѣдующимъ образомъ. Хозяева выбирали открытое и сухое мѣсто въ собственномъ зимовникѣ или около него; въ выбранномъ мѣстѣ выкапы-

---

1) Чернявскій, Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 82.
2) Дашковъ, Сборникъ антропол. и этногр. статей, М. 1868, I, 133.

вали круглую яму, съ небольшимъ отверстіемъ, чрезъ которое могъ пролѣзть одинъ или два человѣка; эту яму, гладко вымазавъ въ ней глиной полъ, стѣны и потолокъ, просушивали и предъ самою засыпкою въ нее хлѣба, жарко протапливали; давъ нѣкоторое время остыть ей отъ топлива, наполняли хлѣбомъ, отверстіе закладывали досками, а поверхъ досокъ нагортали землю; землю плотно уколачивали, непремѣнно въ уровень съ окружающею поверхностью, и такимъ образомъ сохраняли въ теченіе многихъ лѣтъ свои хлѣбные запасы. Заложенный указаннымъ способомъ хлѣбъ рѣдко портился, исключая того случая, когда въ яму, вслѣдствіе плохой укатки земли, проходила вода. Если надобность указывала открыть такую яму, то хозяева брали при этомъ нѣкоторыя мѣры предосторожности: снявъ доски, они поспѣшно уходили отъ ямы, чтобы избѣжать спертаго въ ней отъ хлѣба духа, который могъ убить на мѣстѣ неосторожнаго человѣка. Снявъ такимъ образомъ доски съ ямы, хозяева оставляли ее открытою въ теченіи цѣлой недѣли и только по истеченіи этого времени выбирали засыпанный въ нее хлѣбъ [1]). Этихъ складовъ хозяинъ касался или тогда, когда наставала въ томъ нужда, или тогда, когда онъ былъ при смерти. Въ послѣднемъ случаѣ онъ завѣщалъ ихъ или на церковь, или одному изъ своихъ работниковъ, какому-нибудь бѣднѣйшему пастуху; этотъ послѣдній, неожиданно получивъ такое богатство, часто прогуливалъ его съ товарищами, „въ поминъ души усопшаго“ [2]). Изъ всѣхъ видовъ хлѣбной растительности въ бо̀льшемъ количествѣ засѣвались у запорожскихъ козаковъ греча, ячмень, овесъ и горохъ, въ меньшемъ рожь и еще меньшемъ пшеница.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе недостаточной обработки земли, прокормиться собственными средствами, запорожскіе козаки всегда нуждались въ привозномъ хлѣбѣ и всегда дорожили хлѣбнымъ жалованьемъ Польши и Россіи. Съ какихъ поръ установлено было въ Польшѣ посылать запорожскимъ козакамъ хлѣбное жалованье, сказать съ

---

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки, Санктъ-Петербургъ, 1787, 271.

[2]) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, Спб., 2—3.

точностію нельзя; да и едва ли это жалованье высылалось регулярно: изъ отрывочныхъ лѣтописныхъ указаній можно заключить, что это были скорѣй „презенты“, время отъ времени дававшіеся запорожскому войску, смотря по его заслугѣ. Присылка хлѣбнаго жалованья запорожскимъ козакамъ изъ Москвы впервые установлена была, какъ кажется, съ 1654 года, со времени подчиненія ихъ Россіи; но опять сколько его отправлялось на первыхъ порахъ въ Сичь, также неизвѣстно. Извѣстно лишь, что въ концѣ XVII вѣка, именно въ 1693 году, когда запорожцы были за Москвой уже 39 лѣтъ, они жаловались малороссійскому гетману Ивану Мазепѣ на скудость присланнаго имъ продовольствія, — „по шесть бочокъ борошна на каждій курѣнь, зъ ласки вашея велможности, и зъ монаршей милости дорочного жалованья по алтиновъ два, албо часомъ и болѣе грошей, и сукна̀ по аршину на козака пай; чи есть то речь подобная тимъ ся презъ такъ часъ немалій уконтентовати? Ей, ни во вѣки“ [1]). Доставлялись въ Сичь главнымъ образомъ мука, крупа и пшено. Кромѣ царскаго хлѣбнаго жалованья запорожское войско иногда получало хлѣбное продовольствіе изъ кіевскаго Межигорскаго-Спасо-Преображенскаго монастыря: приглашая къ себѣ на служеніе иноковъ этого монастыря, козаки съ тѣмъ вмѣстѣ выхлопотали право у русскаго правительства вывозить изъ Кіева въ Сичь и хлѣбное продовольствіе.

Болѣе важною отраслью запорожскаго хозяйства, нежели хлѣбопашество, было скотоводство: обширныя степи Запорожья, покрытыя въ лѣтнее время высокой, сочной и густой травой, сами собой призывали запорожцевъ къ промыслу этого рода: „Тамъ сúна по колúна, свúжого пòйла по стòйло“. Безспорно, что всего больше запорожцы разводили коней; таково уже было занятіе запорожскаго козака: онъ только тогда и былъ козакомъ, когда имѣлъ коня; безъ коня онъ и не „лыцарь“; только на конѣ верхомъ съ „рáтыщемъ“ въ рукѣ онъ и былъ страшенъ врагамъ— татарамъ, туркамъ и полякамъ. „Запорожскіе козаки весь-

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III. 174.

ма прилежно наблюдали конскіе заводы, коими пользовались въ дальніе походы, для того что больше съ татарами, кои всѣ ѣздоки на коняхъ, дѣло имѣли“ [1]). Оттого во всѣхъ козацкихъ пѣсняхъ, думахъ и преданіяхъ конь вездѣ фигурируетъ вмѣстѣ съ запорожцемъ:

„Ой, ко́ню, мій ко́ню,
Де жъ ти лита, де жъ той часъ,
Якъ мы славы добували,
И якъ всюды знали насъ?“

Для запорожскаго козака конь въ полномъ смыслѣ слова составлялъ alter ego; онъ называется вѣрнымъ другомъ, неразлучнымъ товарищемъ, милымъ братомъ козака; у козака, „бу́дного сыроты́ны, чо́рна бу́рка—е́го сватъ, ша́бля й люлька—вся роды́на, сы́вый ко́никъ—є́го братъ“. Козакъ обращается съ своему коню не какъ къ безсловесному животному, а какъ къ разумному существу, во всемъ равному съ человѣкомъ; онъ проситъ его „розбыть коза́цькую ту́гу по темному лугу“, вынести его изъ тяжкой неволи, раздѣлить его радость въ побѣдѣ надъ врагомъ; онъ дѣлится съ нимъ сердечными тайнами, завѣщаетъ ему, при своей кончинѣ въ дикой степи, передать вѣсточку дорогимъ товарищамъ и близкимъ родственникамъ въ славной Сичи и далекой Украинѣ; онъ заботится о немъ, какъ о самомъ дорогомъ для себя существѣ и, въ случаѣ болѣзни коня, предлагаетъ ему и нарядныя одежды свои и несмѣтныя сокровища, сокрытыя въ землѣ, и „ясную зброю“, чтобы только конь поднялъ свою голову, распустилъ по вѣтру широкую гриву и вновь понесся съ козакомъ „шля́хомъ, ба́лками, яра́ми, непрохо́днымъ байрако́мъ“.

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ описаніямъ [2]) и находимымъ въ козацкихъ могилахъ скелетамъ, запорожскіе кони были небольшого роста, на видъ невзрачны, съ маленькими округлыми копытами, но зато, по свидѣтельству очевидцевъ, всѣ они отличались необыкновенною крѣпостію, силою, твердостью въ ногахъ, выносливостью во время продолжительныхъ походовъ, неразборчивостью въ

---

1) Корнелій Крюйсъ, Розысканія о Донѣ, Отеч. Зап., 1824, № 54, 67.
2) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.

кормѣ, замѣчательно спокойнымъ нравомъ и удивительною понятливостью: они узнавали своихъ хозяевъ по зову и на свистъ ихъ являлись изъ далекихъ мѣстъ степи. „Крикнетъ, бывало, запорожецъ на коня „ползи“, то онъ протянетъ переднія ноги впередъ, а заднія назадъ, и ползетъ, а какъ почуетъ, что козакъ уже на спинѣ, тогда поднимется и гайда; а какъ сидитъ запорожецъ на конѣ, то управляетъ имъ ногами: куда хочетъ, туда и повернетъ“ [1]). Быстрота ѣзды запорожскихъ коней даетъ поводъ малорусскимъ лѣтописцамъ называть ихъ „вѣтроногими конями“ [2]); проскакать безъ отдыха какихъ-нибудь тридцать верстъ, не видѣть никакого корма въ теченіи цѣлаго дня, для запорожскихъ коней дѣло обыкновенное. Если конь уставалъ на бѣгу, то стоило только, говорили старые козаки, торкнуть его за лѣвымъ ухомъ, и тогда онъ снова летѣлъ, какъ легкая птица. Лучшіе кони у запорожскихъ козаковъ назывались „огырями“, каковому слову придавалось значеніе великолѣпнаго, сильнаго и быстраго жеребца.

Большинство коней доставлялось запорожскимъ козакамъ изъ ихъ-же собственныхъ заводовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ документы [3]). Главнымъ мѣстомъ конскихъ заводовъ были мѣста около Ингульца, Буга и Великаго-Луга, гдѣ они или ходили „пустòпашъ“, или подъ наблюденіемъ табунщиковъ. Но кромѣ собственныхъ лошадей не малое количество ихъ добывали запорожскіе козаки и у черкесъ, турокъ, особенно-же у татаръ, то путемъ купли или мѣны, то путемъ увода изъ степей во время пастбищъ. „Оное же войско запорожское, егда услышитъ татаръ или поляковъ въ слабомъ состояніи и неосторожности, то собрався какъ изъ Сѣчи, такъ и изъ зимовниковъ, въ немалой силѣ, черезъ вольность свою нападеніе чинятъ, и отъ татаръ и отъ поляковъ часто получаютъ себѣ великую добычу, и отгоняютъ у нихъ множество лошадей и скота“ [4]). Мы имѣемъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видимъ, что за три года запорожскіе козаки увели у татаръ 1.175 головъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 26.
[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 373.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 427 и друг.
[4]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 53.

лошадей, и когда татары жаловались по этому поводу русскому правительству на запорожцевъ, то послѣдніе отвѣчали татарамъ: „Вы—купцы, а мы—войско, иди и приготовь на то мѣсто иныхъ лошадей“ [1]).

Какъ велико было у запорожскихъ козаковъ количество лошадей, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли по 700 головъ и болѣе; въ 1769 году, во время внезапнаго набѣга татаръ, запорожцы только въ двухъ паланкахъ потеряли 1.193 лошади; въ 1770 году только въ селахъ и въ деревняхъ, исключая зимовниковъ, протовчанской паланки считалось 895 головъ лошадей, 5.335 головъ рогатаго скота и 13.686 головъ овецъ [2]); однажды кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій продалъ разомъ до 14.000 головъ лошадей, а у полковника Аѳанасія Колпака татары, при набѣгѣ, увели до 7.000 коней [3]); по словамъ англичанина Клавдіуса Рондо, въ Запорожьѣ едва-ли находился одинъ козакъ, у котораго не было бы 10 или 20 штукъ коней [4]). Запорожскіе кони славились во всей восточной и даже западной Европѣ; оттого спросъ на нихъ былъ очень большой: поляки, русскіе, крымцы, турки—всѣ одинаково стремились пріобрѣсти хорошаго коня изъ запорожскихъ степей; были примѣры, что даже заграничные ремонтеры, испросивъ разрѣшеніе у русскаго правительства, пріѣзжали покупать лошадей у запорожскихъ козаковъ; цесаревичу, Павлу Петровичу, большому любителю лошадей, никакіе кони такъ не нравились, какъ запорожскіе [5]). Сами запорожцы высоко цѣнили своихъ лошадей и въ знакъ своего особаго вниманія иногда посылали въ подарокъ лучшихъ коней гетманамъ, панамъ въ Украйну и Польшу, вельможамъ и царямъ въ Москву и Петербургъ. Проживая иногда подолгу въ Петербургѣ, хлопоча по разнымъ войсковымъ дѣламъ въ столицѣ и долго не видя успѣха въ своихъ стараніяхъ, запорожскіе депутаты иногда писали въ Сичь кошевому и старшинѣ: „Покорнѣйше просимъ вашу

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 30.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 184, 195.
[3]) Надхинъ, Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 7.
[4]) Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.
[5]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 183.

вельможность и войсковую старшину прислать господину N. пару цуговыхъ или одного верхового огиря, авось либо они и наше дѣло до сенату шибче довезутъ“ [1]).

Въ такой-же мѣрѣ запорожцы занимались и разведеніемъ на своихъ степяхъ рогатаго скота: скотоводство составляло одну изъ главныхъ статей доходовъ запорожскаго войска [2]); они содержали множество коровъ и отъ „заводовъ скота получали лучшее продовольствіе“; коровы ихъ отличались плодородіемъ, такъ что молодая телка уже черезъ два года давала приплодъ; вообще, запорожскій рогатый скотъ отличался высокимъ ростомъ, силою и плодородіемъ, хотя не былъ ни особенно тученъ, ни особенно породистъ; „черкаскій“ скотъ, т. е. скотъ бывшихъ днѣпровскихъ или запорожскихъ козаковъ, и теперь славится на всѣхъ, даже столичныхъ, рынкахъ Россіи. На запорожскихъ степяхъ паслись цѣлыя необозримыя стада рогатаго скота, каждый козакъ-зимовчакъ имѣлъ по нѣскольку сотенъ, тысячъ, даже десятковъ тысячъ головъ рогатаго скота, и были примѣры, что иногда судебные штрафы уплачивались козакомъ вмѣсто денегъ рогатымъ скотомъ [3]). Впрочемъ, пользу отъ своихъ коровъ запорожцы извлекали не столь великую, какъ можно было ожидать: такъ, коровы ихъ доились только одинъ разъ по утру, и то лишь съ Петрова дня до весны, а съ весны до Петрова дня вовсе не доились; масло коровье, кромѣ потребностей для хозяина, также рѣдко приготовлялось [4]).

Въ одинаковой мѣрѣ съ коневодствомъ и скотоводствомъ развито было у запорожскихъ козаковъ и овцеводство: у иного козака было по 4.000 даже по 5.000 головъ овецъ: „рогатый скотъ и овцы довольно крупенъ содержатъ; шерсть съ нихъ снимаютъ одинъ разъ и продаютъ въ Польшу“ [5]). Изъ породъ преобладала, въ настоящее время очень рѣдкая порода, волошская; овечьи стада назывались у запорожскихъ козаковъ отарами [6]), а пастухи—чабанами,—названія, усвоен-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 183.
[2]) Архивъ Калачова, Спб., 1861; Запорожье Эварницкаго, въ концѣ XVII в., 6.
[3]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 185.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.
[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.
[6]) Отъ словъ „атъ“—трава и „ар“ съ суффиксомъ „мак“—искать.

ны отъ татаръ; чабаны, одѣтые въ сорочки, пропитанныя саломъ, въ шаровары, сдѣланныя изъ телячьей кожи, обутые въ постолы изъ свиной шкуры и опоясанные поясомъ, съ „гаманомъ“ черезъ плечо, со швайкой и ложечникомъ при боку, зиму и лѣто тащили за собою такъ называемые коши, т. е. деревянныя, на двухъ колесахъ, котыги, снаружи покрытыя войлокомъ, внутри снабженныя „кабицей“; въ нихъ чабаны прятали свое продовольствіе, хранили воду, варили пищу и укрывались отъ дурной погоды [1]).

Еще въ большей степени, нежели коневодство, было развито у запорожскихъ козаковъ рыболовство: „козакъ—внѣ войны—табунщикъ, скотарь, но особенно рыболовъ“. Рыболовство составляло первую отрасль всѣхъ промысловъ низовыхъ козаковъ и доставляло имъ необходимый и самый употребительный предметъ продовольствія, рыбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ служило источникомъ богатства для всего войска: отъ рыболовства козаки себя и одѣвали, и обували и оружіе добывали. Оттого у запорожцевъ не говорилось „ловить рыбу“, а выработался на этотъ счетъ особый терминъ „добуватысь, идти на здобычъ“.

„Днипровый, Днистровый обыдва лиманы,
Изъ ныхъ добувались, справлялись жупаны“.

Рыболовство было развито у запорожскихъ козаковъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: для рыболовнаго промысла въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей устроены были особые заводы и при нихъ курени для житья въ зимнее время и покрытые камышомъ шалаши для житья въ лѣтнее время, которыми завѣдывали особые „господари“, выборные изъ низового товарищества, также главные рыбаки, называвшіеся въ Гардѣ гардовничими (отъ слова „гардъ“, перегородка или „заколъ“ въ Бугѣ: „та рѣчка перебита у нихъ заколами, чрезъ которые люди переходить сводно могутъ“), и ихъ помощники таровничіе, управлявшіе таромъ или неводомъ. Рыболовные заводы содержались всегда компаньонами, 3—4 человѣками, называвшимися на козацкомъ языкѣ „односумами“; односумы нанимали себѣ „тафу“ или

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 23, 34.

партію въ 15 — 20 человѣкъ и съ ранней весны до поздней осени занимались рыболовнымъ промысломъ [1]). Изъ всѣхъ рыбныхъ заводовъ запорожскихъ козаковъ большею передъ другими извѣстностью пользовался Гардъ на рѣкѣ Бугѣ [2]). Гардомъ „называлось урочище, при которомъ запорожцы съ весны закладывали между имѣющимися при рѣкѣ Бугѣ большими каменьями и островомъ малыя каменья, и всю рѣку загачивали, останавливая со сторонъ, и погружая на дно ея плетни“; чрезъ это Бугъ считался лучшимъ мѣстомъ для рыбной ловли въ Запорожьѣ [3]). Съ каждою весною въ Запорожье двигались партіи промышленныхъ людей. Большею частію это были бродячіе, бездомные и безженные люди; придя на Низъ, они наполняли собой главнымъ образомъ ингульскую, калміусскую и бугогардовскую паланки и нерѣдко здѣсь оставались навсегда.

Главными мѣстами рыбныхъ ловель въ Запорожьѣ были Днѣпръ и Бугъ съ ихъ лиманами, косами и озерками; кромѣ того рѣчки Самарь, Орель, Домоткань, Самоткань; Азовское море съ его заливами и косами, каковы: Калміусская, Бердянская, Бѣлосарайская и Ейская; сверхъ того за границей запорожскихъ вольностей, — на косахъ Кинбурнѣ, Тендерѣ, на рѣкахъ — Кубани, Днѣстрѣ и Тилигулѣ [4]). Уловъ рыбы въ рѣкахъ и озерахъ настолько былъ великъ, что ею обогащались не только сами запорожцы, но и поляки, гетманцы и другіе „околичные жители“ [5]). Очевидцы передаютъ, что, напримѣръ, рѣка Самарь за множество рыбы прозвана козаками „святой“ рѣкою; что въ рѣкѣ Орели ловцы въ одну тоню вытаскивали болѣе 2.000 самыхъ большихъ рыбъ; что въ нѣкоторыхъ озерахъ было такое множество рыбы, что она отъ тѣсноты пропадала, портила во-

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей VI, 182, прим. 61, XIV, 521, 560, 573.

2) На 3 версты ниже теперешняго мѣстечка Константиновки, Елизаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Теперь здѣсь два Гарда—старый или козацкій и новый или архіерейскій; въ послѣднемъ ловили рыбу для архіерея.

3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 180, прим. 54.

4) Правильнѣе „Дели-Голь“, т. е. Бѣшеная рѣка; она начинается въ окресностяхъ города Балты, близъ деревни Поцецело, впадаетъ въ Днѣстръ.

5) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 39.

ду и заражала воздухъ; въ рѣчкѣ Домткани водилось множество раковъ, иногда въ 9 дюймовъ длины [1]); что въ одномъ Гардѣ, въ промежутокъ времени отъ 1 августа по 1 октября 1771 года, ловилось до 4.380 штукъ разной рыбы на долю одной старшины [2]).

Но изъ всѣхъ рыболовныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, самымъ лучшимъ мѣстомъ былъ Днѣпръ. Рыбная ловля производилась въ Днѣпрѣ отъ самыхъ пороговъ до самаго лимана и по лиману почти весь годъ безпрерывно, но самая лучшая ловля была весной и осенью; въ Днѣпрѣ ловилась обыкновенно рыба — карпъ, лещи, судаки, щуки, бѣлезны, вырѣзубы, тарани, чахони, спицы, рыбцы, чернухи, секреты, окуни и быки; красная рыба, у запорожцевъ называвшаяся черною, т. е. осетры, бѣлуга, чечуга, пистрюга, сомы, ловилась рѣже въ Днѣпрѣ, обыкновенно - же въ днѣпровскомъ лиманѣ; камбала, скарбія и сельдь ловились только въ днѣпровскомъ лиманѣ; лини и караси ловились въ рѣчкахъ, впадающихъ въ Днѣпръ, и въ озерахъ, близкихъ къ рѣчкамъ [3]). Первою, по вскрытіи льда, являлась красная рыба; послѣ красной изъ другихъ рыбъ первою показывалась тарань.

Очевидецъ Василій Зуевъ передаетъ драгоцѣнныя и ничѣмъ незамѣнимыя свѣдѣнія о рыбныхъ ловляхъ у запорожскихъ козаковъ. По его словамъ, главными орудіями для лова рыбы у запорожскихъ козаковъ были неводы, косяки, мережи и самоловы; кромѣ того, обыкновенныя большія и мелкія, всѣмъ извѣстныя, рыболовныя сѣти. Неводы были въ большомъ распространеніи у запорожскихъ козаковъ; они имѣли больше 200 саженъ длины, не считая веревокъ, которыя привязывались къ ихъ бокамъ и которыя были одинаковой величины или даже больше самыхъ сѣтей; употреблялись они для лова всякой рыбы и во всякое время, „а наипаче въ погоды“, въ днѣпровскомъ лиманѣ. Исключеніе дѣлалось только для крупной бѣлой рыбы: ее ловили особыми сѣтями, 50 саженъ длины и съ бо̀льшими, нежели у невода,

---

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 16, 17.

2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I 207.

3) Василій Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, 7.

ячейками; къ этимъ сѣтямъ брали другія сѣти, съ нѣсколько бо̀льшими ячейками, нежели въ первыхъ, и первыя сѣти продѣвали, на подобіе рукавовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сквозь вторыя, что́ называлось у запорожскихъ рыболововъ дѣлать „прорѣжь“; составленною такимъ образомъ сѣтью ловили въ одно время и крупную, и мелкую рыбу. Косяками назывались большія, вязаныя изъ тонкихъ веревочекъ сѣти, имѣвшія длины около 40, ширины около 3 саженъ, съ ячейками по квадратному полуаршину; къ одной сторонѣ косяка привязывали тяжелые камни, а къ другой—пуки сухой „куги“ и опускали его среди открытаго лимана въ воду; камни погружали косякъ въ воду, а „куга“, оставаясь надъ водой, заставляла держаться его стѣною на поверхности; косякъ разсчитанъ былъ для той рыбы, которая плаваетъ только на самой глубинѣ лимана; для этой цѣли, опустивъ его въ воду, оставляли на цѣлыя сутки; черезъ сутки вынимали косякъ изъ воды и забирали запутавшуюся между его ячейками рыбу; извлекши рыбу изъ ячей, ее убивали долбнями. Мережами назывались тѣ-же косяки, но только съ очень мелкими ячейками; онѣ разсчитаны были на молодыхъ осетровъ, пистрюгъ и крупной породы бѣлую рыбу. Самоловомъ называлась длинная толстая веревка, имѣвшая внизу нѣсколько камней и множество небольшихъ веревочекъ, привязывавшихся къ главной, длины семь „корховъ“ или пядей каждая, съ прикрѣпленными на концахъ ихъ острыми крючьями; а вверху имѣвшая, также на особыхъ веревочкахъ, пуки куги или поплавки для поддерживанія крючковъ въ перпендикулярномъ положеніи и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна рѣки. Самоловы разсчитаны были на большихъ бѣлугъ и осетровъ: проходя мимо висящихъ въ водѣ острыхъ крючьевъ, рыба цѣплялась сперва за одинъ изъ нихъ, начинала биться и потомъ цѣплялась за другіе [1]). Къ описаннымъ орудіямъ другіе очевидцы прибавляютъ еще одно оригинальное средство для ловли рыбы, практиковавшееся у запорожскихъ козаковъ, посредствомъ рѣчной выдры: поймавъ маленькую выдру, запоро-

---

[1]) Василій Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786, 7—10.

жецъ приручалъ ее до того, что она, подобно кошкѣ, ложилась у его ногъ и даже спала вмѣстѣ съ нимъ подъ одеждою, которою прикрывался козакъ; выростивъ такую выдру, запорожецъ употреблялъ ее для рыбной ловли: она входила въ воду, добывала тамъ рыбу и возвращалась въ ставку къ своему хозяину, продолжая дѣлать это нѣсколько разъ [1]).

Добытая рыба приготовлялась и сбывалась запорожскими рыболовами слѣдующимъ образомъ: поймавъ рыбу, запорожскіе промышленники или тотъ-же часъ сбывали ее свѣжею, или-же заготовляли въ прокъ, если ловъ ее не былъ на откупу у пришлыхъ промышленниковъ; при этомъ способъ приготовленія для красной рыбы былъ одинъ, для бѣлой—другой.

Пойманную красную рыбу прежде всего потрошили; во время потрошенія жиръ, икру и клей складывали особо, тушу особо; затѣмъ послѣднюю мочили въ лиманѣ, весной, при холодной водѣ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, лѣтомъ, при теплой водѣ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; вынувъ изъ воды, рыбу распластывали, дѣлали надрѣзы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея и „круто“ засыпали въ эти надрѣзы соль; по просоленіи „банили“ въ водѣ [2]); послѣ обмыванья вялили на солнцѣ; а иногда, кромѣ того, раскладывали ее по утрамъ на росу, чтобы не давать возможности заводиться въ ней червямъ; къ раскладыванію рыбы на росу прибѣгали даже и въ лѣтнее время, когда въ ней заводились черви. Отдѣленную отъ рыбы икру или оставляли для настоящаго употребленія, или же заготовляли въ прокъ для продажи: въ первомъ случаѣ выбирали большею частію севрюжью, бѣлужью и осетровую икру; очищали ее отъ перепонокъ посредствомъ протиранія сквозь проволочную рѣшотку и потомъ, какъ находили удобнымъ, солили каждый по своему усмотрѣнію; во второмъ случаѣ приготовляли только паисную икру, зернистой-же вовсе, по неумѣнію, не дѣлали [3]). Вынувъ икру изъ рыбы, даже

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186, прим. 70.

[2]) „Банить“ на малорусскомъ языкѣ значитъ мыть обыкновенной холодной водой.

[3]) Въ другомъ источникѣ на этотъ счетъ читаемъ: „Икры прѣсной дѣлать

не очистивъ ее, а только обсыпавъ солью, они складывали ее въ кадку отдѣльными слоями до самаго верха и на верхній слой наворачивали тяжелый гнетъ; давъ нѣсколько времени икрѣ просолѣть, вынимали отдѣльными слоями, „банили“ въ водѣ, провяливали на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока она дѣлалась твердой, и потомъ или продавали ее на мѣстѣ, или отправляли въ Очаковъ. Жиръ изъ красной рыбы вырѣзывали или ремнями, или кусками, куски солили солью и употребляли ихъ съ хлѣбомъ, подобно ветчинѣ. Клей вынимали изъ рыбы кусками, сперва провяливали его на солнцѣ, потомъ сдирали верхнюю кожицу, сбивали его въ четыреугольныя плитки и въ такомъ видѣ, безъ всякаго обвариванія, продавали.

Почти такимъ-же способомъ приготовляли и бѣлую рыбу. Поймавъ достаточное количество бѣлой рыбы, промышленники также прежде всего чистили ее, потомъ потрошили, затѣмъ распластывали, дѣлали надрѣзы и складывали въ отдѣльныя кучи, смотря по величинѣ ея: большую къ большой, малую къ малой. „Смотря на количество рыбы, на мелкость ея, нельзя не дивиться, замѣчаетъ очевидецъ, съ какимъ проворствомъ все сіе упражненіе чинится: одинъ очищаетъ отъ чешуи и подаетъ другому для потрошенія; сей кидаетъ третьему для распластанія, а четвертый карбуетъ или надрѣзываетъ на бокахъ и отбрасываетъ въ ту или другую кучу, смотря по величинѣ ихъ“. Приготовленную такимъ образомъ бѣлую рыбу солили каждую порознь, потомъ складывали въ кадки, давали нѣсколько времени отстояться, вновь вынимали изъ кадокъ, банили въ водѣ, нанизывали на веревки и развѣшивали противъ солнца, избирая для того нарочно ясные дни и вѣтреную погоду; провяливъ въ благопріятные дни рыбу въ теченіи трехъ, а въ ненастную погоду въ теченіе около семи дней, спѣшили снимать ее, стараясь избѣжать знойныхъ безъ вѣтру дней, когда рыба, скоро просохнувъ, дѣлалась крошливою. Отдѣленные отъ бѣлой рыбы жиръ и потроха сбрасывали въ общую кадку и оставляли до тѣхъ поръ, пока не окан-

---

зернисто не умѣютъ и солятъ съ мездрою, а хорошей, какъ у протчихъ, и паесной нѣтъ“. Записки од. общ., VII, 185; пр. 69.

чивали съ рыбой, занимаясь ею въ теченіи нѣсколькихъ дней; отъ продолжительнаго лежанія потроха протухали, но за то въ это время отъ нихъ отдѣлялся жиръ, нисколько не портившійся. Покончивъ съ рыбой, брались и за потроха: ихъ опрокидывали въ одинъ большой котелъ, который наливали водой, ставили на огонь и варили; проваривъ нѣсколько времени, отставляли отъ огня и снимали всплывшій на поверхность жиръ; снятый жиръ солили и отправляли для продажи; кромѣ соленаго, собирали свѣжій жиръ, но его употребляли тотъ-же часъ въ пищу [1]).

Приготовленная описаннымъ способомъ рыба или сбывалась на мѣстѣ пріѣзжавшимъ польскимъ и малороссійскимъ чумакамъ, греческимъ, турецкимъ и армянскимъ торговцамъ, или отвозилась въ Сичь, Очаковъ, Украйну и Польшу; на мѣстѣ и въ отъѣздѣ она или обмѣнивалась на хлѣбъ, съѣстные припасы, вино и пряжу, или-же продавалась за деньги. Цѣны на рыбу существовали разныя, смотря по достоинству ея: красная дороже, бѣлая дешевле: красной рыбы большой „холостой“ осетръ продавали отъ 6 до 8 гривенъ, который послѣ запорожцевъ, въ 1786 году, весной продавался отъ 2 до 3, лѣтомъ до 4 рублей; икряной осетръ продавался не свыше 40 алтынъ; бѣлуга шла всегда дешевле осетровъ; севрюга, пистрюга, молодой осетръ, бѣлужка, вообще меньшихъ размѣровъ красная рыба, продавалась сотнями, по 3 рубля и по 3 съ полтиной за каждую, тогда какъ послѣ запорожцевъ по 12 рублей за сотню. Бѣлая рыба, свѣжая или соленая, продавалась только „головами“, т. е. цѣлыми партіями, раздѣлявшимися обыкновенно на четыре сорта: въ первомъ, самомъ крупномъ сортѣ, бѣлой рыбы, какъ-то: судаковъ, лещей, вырѣзубовъ, клалось 100 штукъ рыбъ, большихъ карповъ 50 штукъ; эта голова называлась головой крошеня или крошевни; во второмъ сортѣ бѣлой рыбы клалось 200 штукъ; эта голова называлась рубанкою или рубанью, оттого, что при приготовленіи такой рыбы на брюхѣ ея дѣлались надрѣзы „для примѣты, что ихъ двѣ равняются съ одною большою“; въ

---

[1]) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786 года, 10—14.

третьемъ сортѣ клалось 500 штукъ рыбъ; эта голова называлась боковнею, потому что при приготовленіи этой рыбы вдоль или поперекъ ея боковъ дѣлались надрѣзы; въ четвертомъ сортѣ клалось 1.000 самыхъ мелкихъ рыбъ, плотвы, окуней, тарани, чахони, синьца, рыбца и др.; эта голова называлась игольной, потому что рыбу этого сорта для вывяливанія продѣвали черезъ глаза веревочками посредствомъ большихъ иглъ и въ такомъ видѣ вывѣшивали на солнцѣ. Всякая голова бѣлой рыбы цѣнилась разно, смотря по времени, обстоятельствамъ и лову; обыкновенно-же она продавалась отъ 70 копѣекъ до 1 рубля за голову; при этомъ пріѣзжавшіе покупщики торговались вообще за всякую голову и, сойдясь въ цѣнѣ, брали какую имъ было угодно голову, „потому что малое число крупной рыбы ставилось равнымъ большому количеству мелкой“; если-же дѣло шло не о продажѣ, а о мѣнѣ, то обыкновенно за бочку рыбы запорожецъ вымѣнивалъ столько же вина или съѣстныхъ припасовъ. Камбала, которая ловилась только въ устьѣ и въ лиманѣ Днѣпра мелкими сѣтями, продавалась десятками въ свѣжемъ, просольномъ и вяленомъ видѣ; сельди и скарбіи, которыя ловились въ тѣхъ-же мѣстахъ и лишь съ начала апрѣля до половины мая, продавались по тысячамъ солеными въ боченкахъ, при запорожцахъ по 6 рублей, а послѣ нихъ отъ 12 до 15 рублей за тысячу [1]).

Нѣкоторую отрасль хозяйственно-экономической статьи составляло въ Запорожьѣ также звѣроловство. При малочисленности населенія на огромномъ территоріальномъ пространствѣ въ запорожскихъ степяхъ, особенно по берегамъ рѣкъ, озеръ, по островамъ, балкамъ, оврагамъ, косамъ водилось необозримое множество всякаго рода звѣрей и птицъ. Но при всемъ томъ звѣроловство въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожцевъ, чѣмъ рыболовство: „имъ занимались токмо бѣдные, изъ коихъ никто не достигалъ довольной жизни“ [2]). Тѣмъ не менѣе, для этой цѣли у запорожскихъ козаковъ существовалъ особый классъ людей, жившихъ преиму-

---

[1]) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ, Мѣсяцесловъ, Спб. 1786 10—16.
[2]) Зуевъ, О бывшихъ промыслахъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786, 3—4.

щественно въ мѣстахъ бугогардовской паланки, имѣвшихъ отдѣльное куренное устройство и подчинявшихся отдѣльному изъ той-же среды выбранному атаману. Люди эти назывались лисичниками, потому что главнымъ предметомъ ихъ охоты была лисица, не исключавшая, впрочемъ, охоты и на другихъ пушныхъ звѣрей. Для запорожскихъ лисичниковъ важно было не столько мясо убитыхъ животныхъ, которымъ козаки вообще не дорожили, потому что любили больше рыбную, чѣмъ мясную пищу, сколько звѣриные мѣха. Мѣха эти составляли предметъ торговли, пошлины, подарковъ и одежды: они продавались московскимъ, польскимъ, украинскимъ и татарскимъ купцамъ, ими платилась пошлина въ войсковой скарбъ и сичевую церковь, они посылались въ подарокъ московскимъ царямъ и вельможамъ, особенно лисьи мѣха; изъ нихъ дѣлалась и одежда козаковъ: шкуры козъ на штаны чабанамъ, а мѣха видни́хъ на шапки запорожцевъ, ляховъ и жидовъ, и были въ большой модѣ у всѣхъ [1]). Звѣриная охота сопряжена была съ большими трудностями въ Запорожьѣ: для того, чтобы выслѣдить звѣря, особенно зимой, нужно было скитаться по безмѣрнымъ степямъ, залегать по глубокимъ балкамъ, заглядывать въ темные овраги, отыскивать норы звѣрей, копать ямы, разставлять сѣти, капканы, и иногда въ погонѣ за звѣремъ по цѣлымъ днямъ зимой терпѣть голодъ и холодъ, лѣтомъ испытывать зной и жажду „Лисичить“ ѣздили козаки на степныя рѣчки Бѣлозерку, Молочную, Грузкую, могилу Токмакъ, рѣку Каратышъ, на „великіе стоги“ на Калміусъ, рѣчку Гангулъ и другія [2]). Съ ружьями, собаками, сѣтками, капканами, и желѣзами [3]) запорожскіе ловчіе, послѣ долгихъ поисковъ, возвращались, одобыченные разными звѣриными шкурами, въ свои курени и тутъ прежде всего отдавали кожи для вычинки особому спеціалисту этого дѣла „гарбарю“, потомъ, послѣ выдѣлки, дѣлили ихъ между собою и послѣ дѣлежа продавали купцамъ на мѣстѣ или въ отъѣздѣ. Слава о богатствѣ

---

[1]) Устное повѣтствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 29.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 704, 705.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

звѣрей и дичи, объ удальствѣ запорожскихъ лисичниковъ привлекала въ Запорожье много охотниковъ изъ Украйны, Польши и Россіи; изъ послѣдней присылались иногда въ запорожскія степи охотники отъ высочайшаго двора, которымъ запорожцы всячески помогали, считая то для себя въ особую честь [1]).

Птицеловство въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ звѣроловство; по крайней мѣрѣ, оно не составляло предмета торговли и промысла въ ихъ краѣ, и если кто отправлялся стрѣлять въ степь дичь, то дѣлалъ это лишь въ крайнемъ случаѣ, когда не имѣлъ другой какой-либо пищи, особенно рыбной, для пропитанія [2]).

Пчеловодство, напротивъ того, составляло довольно значительную хозяйственно-промышленную отрасль у запорожскихъ козаковъ: „иные живутъ въ зимовникахъ, для своихъ лошадей и прочаго скота, а другіе живутъ для ловли рыбы, звѣрей и птицъ; такожъ имѣютъ многіе пчельники“ [3]). Особенно извѣстными мѣстами для пчеловодства были урочища по Днѣпру, Ингулу и Громоклеѣ, гдѣ запорожцы „изрядное количество меду добывали“ [4]). Занятіе пчеловодствомъ было въ особомъ почетѣ у запорожскихъ козаковъ: „пчола́—бо́жа мушка, а пасишныкъ—уго́дный Бо́гови чолови́къ“—говорятъ и теперь старые дѣды на Украйнѣ; причитывая разныя молитвы при постановкѣ ульевъ въ пасѣкѣ, дѣды указываютъ и на пользу отъ той „божьей мушки“: „воскъ на сви́чу, медъ на пы́щу“. Оттого многіе изъ запорожскихъ козаковъ подъ конецъ жизни часто удалялись въ пасѣки, какъ бы въ монастырь, предаваясь тамъ молитвамъ, посту и воздержанію отъ праздныхъ словъ; многіе тамъ и жизнь свою кончали; у кошевого атамана Ивана Дмитріевича Сирка была пасѣка въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ, и въ 5 верстахъ отъ Чортомлыцкой Сичи, въ Грушевкѣ [5]); подъ конецъ жизни онъ удалился въ собственную пасѣку, въ Гру-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 189.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 187.
[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 53, 81.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187.
[5]) Мышецкій, Исторія, 1852, 74; Акты южн. и зап. Рос., XIII, 194.

шевку, гдѣ и окончилъ дни своей замѣчательной жизни въ 1680 году [1]). Отъ пчеловодства запорожскіе козаки извлекали троякую выгоду: соты употребляли въ пищу, изъ меду приготовляли напитки, а изъ воску дѣлали свѣчи, какъ для сичевой церкви, такъ и для монастырскихъ и многихъ приходскихъ церквей.

Огородничество сравнительно въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ перечисленныя отрасли хозяйства; тѣмъ не менѣе оно все-же существовало у нихъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ современники [2]), и практиковалось не столько для того, чтобы извлекать изъ него выгоды, сколько для того, чтобы удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ. Изъ огородныхъ овощей запорожцы воздѣлывали капусту, огурцы. кавуны, дыни, рѣдьку, бураки, пшеничку (кукурузу), лукъ, чеснокъ, гарбузы (тыквы), табакъ и др. [3]). Послѣдній принадлежалъ къ породѣ nicotiana rustica и былъ въ употребленіи у козаковъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ малороссійскій лѣтописецъ [4]). Послѣднее обстоятельство показываетъ, что въ восточную Европу табакъ скорѣе былъ занесенъ изъ Азіи, чѣмъ изъ Америки черезъ посредство западной Европы: Америка открыта въ 1492 году; табакъ сталъ воздѣлываться въ западной Европѣ, именно впервые въ Голландіи, только около 1610 года; много времени должно было пройти, пока онъ привился въ западной, а тѣмъ болѣе въ восточной Европѣ; отсюда естественно думать, что распространителями табаку въ восточной Европѣ были именно запорожскіе козаки, усвоившіе его отъ крымцевъ [5]).

Еще въ меньшей степени, чѣмъ огородничество, развито было у запорожскихъ козаковъ садоводство; тому, разумѣется, препятствовала какъ самая почва, не вездѣ удобная къ разведенію деревьевъ въ запорожскомъ краѣ, такъ и непостоянный сухой климатъ, вредно дѣйствующій не

---

1) Величко, Лѣтопись, II, 497; Соловьевъ, Исторія Россіи, 1887, XIII, 275.
2) Чернявскій, Въ Иторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, стр. 81.
3) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.
4) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 223.
5) Кіевская Старина, 1890, XXIX, № 6, 550.

только на посаженныя, но и на природно ростущія деревья. „Садовъ нигдѣ не заведено, а содержатъ индѣ около заводовъ (рыбныхъ) дикую грушу, яблонь, либо вишеньку безъ всякаго призрѣнія“ [1]). Нельзя, однако, сказать того, чтобы запорожское войско не заботилось о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ: изъ дошедшихъ до насъ ордеровъ запорожскаго Коша 1764 и 1772 годовъ видно, что войсковая старшина усердно старалась сохранять „родючее дерево, въ пользу общую ежегодно дающее плодъ“, но при всемъ томъ въ тѣхъ-же ордерахъ говорится, что, „не страшась истязанія божія“, обыватели рубили и пустошили фруктовыя деревья, груши, яблони, и прочія „родючія деревья [2]); особенно страдала всякая лѣсная растительность у запорожскихъ козаковъ во время набѣговъ татаръ: „Татары около зимовниковъ и на лугахъ выбивали травы, истравляли сѣно, разоряли молодой лѣсъ, рубили старый лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревъ“ [3]).

Что касается домоводства, то больше всего запорожцы разводили на своихъ зимовникахъ коровъ, овецъ, свиней, воловъ и лошадей; изъ птицъ „больше гусей и утокъ, да немного куръ, но пѣтухъ, хотя и безъ курицы, при всякомъ мѣстѣ былъ: онъ пѣніемъ своимъ показываетъ имъ время по ночамъ“; вообще, птицъ запорожцы „живя безъ женъ и по лѣности своей ходить за ней“, разводили мало; наконецъ, при каждомъ жильѣ имѣли собакъ и кошекъ [4]).

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1885, I, 191, 192.
3) Чернявскій, въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 910.
4) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 87.

Торговля, промыслы и ремесла у запорожскихъ козаковъ.

Торговля у запорожскихъ козаковъ развита была на очень широкихъ началахъ, чему способствовало, какъ самое положеніе ихъ вольностей, такъ и естественные пути сообщенія: запорожцы жили на перепутьѣ между Украйной, Литвой, Польшей и Россіей съ одной стороны, Крымомъ и Турціей съ другой; кромѣ того они обладали лучшею частію того „великаго воднаго сѣвернаго пути изъ варягъ въ Царьградъ“, который искони вѣковъ извѣстенъ былъ русскимъ людямъ и который велъ къ Черному морю и отсюда въ Царьградъ и на востокъ,—это рѣка Днѣпръ съ ея широкимъ и глубокимъ лиманомъ. Оттого можно безъ преувеличенія сказать, что вся торговля Польши, Литвы, Украйны и южной Россіи XVI—XVIII вѣковъ была въ рукахъ запорожскихъ козаковъ и велась черезъ ихъ посредство. Торговля въ запорожскомъ краѣ началась уже въ концѣ XV вѣка: изъ акта 1499 года мы узнаемъ, что уже въ это время плавали внизъ по Днѣпру какіе-то козаки, добывавшіе тамъ рыбу и продававшіе ее потомъ въ Кіевѣ [1]); изъ другихъ актовъ извѣстно, что многіе изъ украинцевъ издавна имѣли обыкновеніе съ каждой весной отправляться къ порогамъ и ниже пороговъ Днѣпра, ловить тамъ рыбу, охотиться на звѣрей, потомъ осенью возвращаться въ города и продавать въ нихъ свѣжую и просольную рыбу и звѣриные мѣха [2]).

Какъ всѣ люди на свѣтѣ, такъ, разумѣется, и запорожскіе козаки на первыхъ порахъ, вступая въ торговыя сдѣл-

---

[1]) Акты западной Россіи, I, № 170.

[2]) Отечественныя Записки, 1874, V, 39.

ки съ иностранцами, особенно турками и татарами, вели нѣмую торговлю: за незнаніемъ языковъ, обѣ стороны только „помовали руками“; впослѣдствіи всѣ торговыя операціи запорожцы стали производить при посредствѣ особаго сословія людей, такъ называемыхъ толмачей, знавшихъ языки всѣхъ народовъ, съ которыми приходилось козакамъ вступать въ торговыя или другія какія-либо сношенія. Такъ же какъ и у всѣхъ народовъ, у запорожскихъ козаковъ на первыхъ порахъ торговля была преимущественно мѣновая, не исключавшая, впрочемъ, и употребленія монетъ. Пути сообщенія были также прежде всего естественные—рѣки и рѣчки, потомъ такъ называемые „отвѣчные“ шляхи, главнымъ образомъ Муравскій и Черный съ ихъ боковыми вѣтками и поперечными дорогами. Способами передвиженія по водѣ служили лодки, чайки или галеры, по шляхамъ „мажи“ или „паровицы“, т. е. большіе чумацкіе возы, и „палубцы“, такіе-же возы, но крытые сверху отъ непогоды, запряженные волами, по парѣ въ каждый возъ; въ первобытной странѣ при дальности пути, при отсутствіи всякаго удобства въ дорогѣ и при тяжести товаровъ волы никѣмъ и ничѣмъ не могли быть замѣнимы.

Какъ и всякую торговлю, такъ и торговлю въ Запорожьѣ, можно раздѣлить на два вида—морскую и сухопутную. Торговлю воднымъ путемъ запорожцы вели главнымъ образомъ съ турками и татарами, а потомъ и съ другими восточными народами, напримѣръ, греками и армянами. Средоточіемъ морской торговли были—Днѣпръ, его лиманъ, Черное море, Азовское море и Бѣлое или Мраморное море; главными мѣстами торговли были—Сичь, Очаковъ, Царьградъ. Въ Сичи для всѣхъ иностранныхъ судовъ имѣлась превосходная бухта, называвшаяся „оступомъ“; это былъ очень глубокій заливъ, врѣзавшійся въ рѣчку Подпильную, обставленный со всѣхъ сторонъ густымъ частоколомъ для защиты отъ вѣтра и вмѣщавшій въ себя всю запорожскую флотилію. Сколько прибывало изъ Турціи въ Запорожье купеческихъ кораблей, сказать не можемъ, потому что не имѣемъ на то послѣдовательныхъ и точныхъ указаній; только изъ одного документа 1746 года видно, что въ это время прибыло въ Сичь 8 судовъ, изъ коихъ 7 было гре-

ческихъ и 1 турецкое; 3 изъ этихъ суденъ пришли изъ Варны, 1 изъ Мессемвріи, 1 изъ Станкео, 1 изъ Царьграда и остальныя изъ Бѣлаго моря, т. е. Архипелага. Впрочемъ, тотъ-же документъ устами кошевого атамана Василія Григорьевича Сыча, на запросъ кіевскаго губернатора Михаила Ивановича Леонтьева, говоритъ, что вообще въ Сичь приходило иностранныхъ судовъ въ разное время разно: иногда 5, иногда 8, а иногда 10; что они, не доходя версты отъ Сичи, должны были выдерживать, подъ наблюденіемъ новосѣченскаго коменданта, двадцати-дневную обсервацію и что всѣ они входили въ сичевую бухту безданно и безпошливо [1]). Однако, въ означенномъ документѣ исчислялись лишь большія суда, о количествѣ же каботажныхъ, такъ называемыхъ томбазовъ, приходившихъ изъ Турціи въ Запорожье, указаній никакихъ не имѣется.

Торговля запорожцевъ съ турками началась съ очень раннихъ временъ и при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ для низовыхъ козаковъ. По договору 1649 года турецкаго султана „съ войскомъ запорожскимъ и народомъ русскимъ“, козаки получили дозволеніе на свободное плаваніе по Черному и Бѣлому (Мраморному) морямъ со всѣми ихъ портами, городами и островами, могли во всякое время въѣзжать въ порты, сколько угодно стоять въ нихъ и когда угодно выѣзжать изъ нихъ; могли имѣть свободныя сношенія съ купцами сухопутныхъ и рѣчныхъ городовъ по вопросамъ о продажѣ, куплѣ и обмѣнѣ; имѣли право строить въ разныхъ портахъ и городахъ собственные складочные дома; освобождались въ теченіе ста лѣтъ отъ всякой пошлины, мыта и подати, и только по истеченіи указаннаго срока обязаны были платить „небольшую тягость податей“, но и то не больше той, какую платятъ или будутъ платить турецкіе подданные. Войску запорожскому дозволялось имѣть въ Стамбулѣ собственнаго представителя купеческихъ интересовъ; отъ султана-же опредѣлялось имѣть въ одномъ изъ портовыхъ городовъ собственнаго намѣстника, на котораго возлагалась обязанность выдавать, за собственною подписью и печатью, запорожскимъ купцамъ паспорта для соб-

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, 1, 216.

ственнаго ихъ плаванія на судахъ, съ правомъ лишь взимать по одному червонцу пошлины за каждый паспортъ и приводить къ присягѣ начальниковъ судовъ въ добрыхъ намѣреніяхъ купцовъ относительно турецкой державы. Для удержанія своевольныхъ людей отъ морскихъ грабежей козакамъ вмѣнялось въ обязанность заложить нѣсколько портовыхъ городовъ, начиная отъ мѣстъ ниже пороговъ и кончая устьемъ Буга; опредѣлялось всѣхъ своевольниковъ судить у султанскаго намѣстника, безъ всякаго препятствія, однако, для торговли; рѣшено было противъ пиратовъ изъ донскихъ козаковъ выступать за-одно запорожскимъ козакамъ и турецкой охранѣ. Въ случаѣ несоблюденія какого-либо изъ условій со стороны начальника судна, наказаніе нести только начальнику безъ препятствія для дальнѣйшаго плаванія судна; въ случаѣ крушенія судна или смерти кого-либо изъ купцовъ оставшіяся вещи постановлено отдавать наслѣдникамъ или близкимъ ихъ; въ долговыхъ операціяхъ козацкимъ купцамъ имѣть такія-же права, какъ и турецкимъ; судамъ, людямъ, товарамъ и оружію козацкому оставаться неприкосновенными отъ турецкихъ подданныхъ; въ невольническомъ вопросѣ козацкимъ купцамъ свободно выкупать своихъ земляковъ и не принимать лишь на суда бѣглыхъ невольниковъ: въ такомъ случаѣ для начальниковъ обязательно, безъ вреда, однако, судну, возвращать бѣглецовъ назадъ, такъ точно, какъ для турокъ обязательно возвращать къ запорожскимъ купцамъ бѣжавшихъ съ козацкихъ суденъ работниковъ [1]).

Но такія постановленія держались только до конца XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ правильному развитію торговли запорожскихъ козаковъ съ турками мѣшали три обстоятельства: 1) бѣлградскій трактатъ Россіи съ Турціей 1739 года; 2) неблагопріятныя распоряженія для запорожской торговли крымскихъ хановъ; 3) вредныя дѣйствія русскихъ откупщиковъ сбора таможенныхъ пошлинъ, направленныя противъ запорожцевъ. По бѣлградскому трактату 1739 года, 18 сентября, Россія не могла имѣть своихъ кораблей на Черномъ

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1822, III, 444—447.

морѣ, торговлю же должна была вести на немъ только посредствомъ турецкихъ кораблей [1]). Ближайшимъ образомъ отъ этого трактата страдали запорожскіе козаки, которые могли доставлять свои товары на собственныхъ дубахъ только до турецкаго города Очакова и тутъ или продавать ихъ за деньги, или обмѣнивать партіи на партіи. Только съ 1774 года, іюля 10 дня, послѣ заключенія кучукъ-кайнарджицкаго мира Россіи съ Турціей, „когда торговля и мореплаваніе русскимъ купеческимъ кораблямъ дозволялись на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго въ Мраморное и обратно“ [2]), запорожскіе козаки не имѣли стѣсненія въ своей торговлѣ съ турками; но спустя годъ послѣ этого они совсѣмъ потеряли свое политическое бытіе. Торговлѣ запорожскихъ козаковъ съ турками нерѣдко мѣшали и крымскіе ханы. Такъ, извѣстный во второй половинѣ XVIII вѣка (1758—1764; 1768—1769) ханъ Крымъ-Гирей, войдя въ сношеніе съ очаковскимъ пашей, воспретилъ входъ большимъ турецкимъ судамъ въ Запорожье и только дозволилъ, перегрузивъ товары у Очакова, ходить къ Сичи небольшимъ рѣчнымъ лодкамъ. Тотъ-же крымскій ханъ, отдавъ въ откупъ Козловскую таможню янычаръ-агѣ, требовалъ, чтобы всѣ русскія суда, плывшія по Днѣпру къ Очакову, выгрузивъ свои товары изъ суденъ у Очакова, отправляли ихъ сухимъ путемъ въ Козловъ; тоже должны были дѣлать и суда, шедшія изъ Чернаго моря къ Очакову и отсюда къ Запорожью. Само собой разумѣется, что такія распоряженія хана страшно затрудняли торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ Турціей, и отъ 1762 года, 3-го іюля, до насъ дошло письмо запорожскаго Коша къ крымскому хану съ просьбой о пропускѣ судовъ „зъ Бѣлаго и Чернаго моря сюда въ россійскія границы, такожъ и изъ Сичи туда слѣдующія судна безъ выгрузу“, въ противномъ случаѣ запорожцы грозили воспретить всѣмъ купцамъ, козакамъ, чумакамъ и ватагамъ ѣздить изъ Запорожья въ Крымъ для покупки у татаръ соли. Но требованіе запорожскихъ козаковъ было исполнено лишь въ 1765

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 162.
2) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, XIX. 94.

году, уже при ханѣ Селимъ-Гиреѣ и послѣ протеста русскаго конеула, премьеръ-маіора Александра Никифорова. Кромѣ притѣсненій отъ крымскихъ хановъ запорожская торговля страдала и отъ русскихъ откупщиковъ сбора таможенныхъ податей. Во второй половинѣ XVIII вѣка нѣкто таможенный оберъ-директоръ Шемякинъ заключилъ контрактъ съ русскимъ правительствомъ на сборъ таможенныхъ пошлинъ и вынудилъ у него издать распоряженіе не допускать турецкіе корабли изъ Чернаго моря и Архипелага въ Запорожье; мотивомъ для такого распоряженія выставлено было неимѣніе надлежащихъ капиталовъ для торговли у запорожскихъ купцовъ. Запорожцы справедливо увидѣли въ этомъ бѣду для всего своего края и обратились съ просьбой на высочайшее имя императрицы Елизаветы Петровны; въ 1759 году отправлена была въ Петербургъ депутація отъ запорожскаго Коша, которая успѣла добиться нѣкоторыхъ для себя на этотъ счетъ облегченій [1]).

Предметами вызова со стороны запорожскихъ козаковъ въ Турцію были—мѣха, кожи, шерсть, желѣзо, полотно, пенька, канатъ, говядина, баранина, живыя овцы, хращъ, коровье и конопляное масло, рыба, икра, пшеница и пр.; нѣкоторая часть изъ этого товара шла непосредственно изъ Сичи, нѣкоторая-же черезъ Сичь изъ Украйны, Польши и Россіи. Предметами ввоза со стороны турецкихъ купцовъ въ Запорожье были—рушницы, пистоли, порохъ, пули, свинецъ, пеньковыя вожжи, заячьи бунты, пестрыя полотна, башлыки, шлеи, узды, свиты, китайчатые кафтаны, сафьяновые чоботы, овчинные тулупы, съ кармазинными вершками шапки, чинбукъ, соль, сукно, сафьянъ, бавелна, т. е. хлопчатая бумага, шелковыя матеріи—мусулбесъ, мамса, киндякъ, ваба; далѣе, китайка, снурки, галунъ, вино, сыръ, лимонный сокъ, родзинки, олива, т. е. деревянное масло, ярь, камфора, ладанъ, стекло, косы, мѣдь, ножи, бритвы, ножницы, сугачьи рога, шедшіе, вѣроятно, на козацкіе пороховницы, и разная бакалея: какъ-то: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сорочинское пшено, кофе, орѣхи [2]). Въ

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, I, 216—220.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 103; Архивъ свѣдѣній до Россіи Калачова, Спб., 1861, 6; Историческія сочиненія о Малороссіи Григо-

1759 году въ Глуховѣ у запорожскихъ депутатовъ тайный отвѣтникъ, президентъ академіи наукъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, спрашивалъ, какія въ Сичь изъ Турціи привозились вина, и тутъ-же освѣдомился: „не возможно ли съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ, да по способности и изъ Цареграда, вывозъ сдѣлать, подъ осень, на употребленіе къ столу въ домѣ ясневельможнаго гетмана, зовемой по греческу стридіи, а по здѣшнему устрицы". Бывшій при депутатахъ толмачъ объявилъ, что въ турецкихъ мѣстахъ „того предовольно". Тогда Тепловъ приказалъ отъ себя о томъ написать гетману, а запорожцамъ далъ на усмотрѣніе верхній „маслакъ", т. е. скорлупу съ одной стридіи; тотъ маслакъ депутаты отправили въ Сичь [1]).

Главные города, доставлявшіе запорожцамъ восточные товары, были—Варна, Мессемврія, Килія, Очаковъ и Константинополь.

Торговлю сухопутную вели запорожскіе козаки съ Крымомъ, Польшею, Литвою, Украйной, Великороссіей и Новосербіей.

Торговля съ Крымомъ началась съ самаго момента появленія запорожскихъ козаковъ на днѣпровскомъ Низу и имѣла самое широкое распространеніе. Оно и понятно: при всей враждебности существовавшей между козаками и татарами у нихъ было и много точекъ соприкосновенія, какъ у самыхъ близкихъ сосѣдей, находившихся въ такихъ или иныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. На первыхъ порахъ, когда крымскіе и ногайскіе татары не были еще заражены мусульманскимъ фанатизмомъ, отношенія между козаками и татарами были мирныя двухъ мирныхъ сосѣднихъ народовъ; съ принятіемъ татарами ислама и съ водвореніемъ турокъ въ Константинополѣ, отношенія между козаками и татарами сдѣлались столь враждебными, что они стремились лишь къ истребленію другъ друга; съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма у мусульманъ отношенія между козаками и татарами оставались хотя и непріязненными, но въ об-

---

рія Миллера, Москва, 1846, 55; Observations sur le commerse de la mer Noir et des pays qui la bordent, 1787, 20; Величко, Лѣтопись, II, 383; Записки одес. общ. ист. и древн., XIV, 143, 414, 529.

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 222.

щемъ приближали ихъ другъ къ другу. Во всѣхъ трехъ случаяхъ открывалось широкое поле для взаимныхъ обмѣновъ близкихъ сосѣдей между собою; избытокъ-же у однихъ и недостатокъ того-же самаго у другихъ заставляли, помимо войны, вступать сосѣдей въ различныя торговыя сдѣлки. Начавшись съ XVI вѣка, торговля запорожскихъ козаковъ съ татарами усиливалась въ теченіе XVII и особенно приняла большіе размѣры въ первой половинѣ XVIII вѣка. Стѣсненіе для торговли съ Крымомъ запорожскіе козаки встрѣтили лишь во второй половинѣ XVIII вѣка со стороны русскаго правительства, по случаю распоряженія выдавать запорожцамъ денежное жалованье не серебряною, а мѣдною монетою. Въ 1764 году, іюля 7 дня, императрица Екатерина II писала въ своемъ указѣ на этотъ счетъ слѣдующее: „По представленію находящагося въ Крыму консула, премьеръ-маіора Никифорова, въ нашъ сенатъ коллегія иностранныхъ дѣлъ объявляла, какимъ образомъ великороссійскіе и малороссійскіе купцы и запорожскіе козаки, черезъ Днѣпръ и украинскую линію, и отъ Бахмута по слабому смотрѣнію таможенъ, явно, а большею частію тайно разными вымышленными средствами въ торгахъ до Сѣчи запорожской, а отъ оной чрезъ рѣку Днѣпръ провозятъ здѣшнюю серебряную монету въ крымскую сторону, гдѣ, покупая виноградныя вина и товары, возвращаются въ Сѣчь и въ малороссійскіе полки; и сверхъ того запорожцы покупаютъ соль изъ ханскаго озера; и по точному консульскому освѣдомленію той серебряной монеты каждое лѣто до 60.000 и болѣе туда привозится, которая тамъ остается и передѣлывается въ тамошнія деньги и на ханскіе расходы употребляется, ибо другого серебра ханъ крымскій ни откуда достать себѣ не можетъ... И потому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: 1) Для пресѣченія производившаго(-ся) великороссійскими и малороссійскими купцами и запорожскими козаками чрезъ Днѣпръ и украинскую линію до Сѣчи запорожской, а оттоль чрезъ рѣку же Днѣпръ и другіе разные протоки тайнаго провоза здѣшней серебряной монеты на крымскую сторону во всѣ тамошнія мѣста, наикрѣпчайше подтвердить изданные о томъ указы, а особливо публикованный въ 1744 году, мая 11 дня, коими вывозъ проѣзжающими изъ Россіи заграницу рос-

сійской серебряной рублевой, полтинной и протчей монеты и сдѣланной всякой посуды и слитковъ накрѣпко запрещенъ... 2) Подлежащее войску запорожскому ежегодное жалованье производить отнынѣ впредь мѣдною, а не серебряною монетою изъ ближайшихъ мѣстъ къ ихъ Сѣчи, отправляя къ нимъ оное водою по рѣкѣ Днѣпру“ [1]). Само собою разумѣется, что это распоряженіе гибельно отозвалось на торговлѣ запорожскихъ козаковъ съ Крымомъ, потому что татары вовсе не хотѣли продавать козакамъ своихъ товаровъ на мѣдныя деньги; но козаковъ спасали на этотъ разъ контрабандисты, умѣвшіе провозить серебряную и золотую монету изъ Украйны на Запорожье.

Главными мѣстами торговли запорожскихъ козаковъ съ крымцами были—Сичь, Перекопъ, Кафа и Козловъ. Товары шли изъ Запорожья частію Днѣпромъ, большею-же частію сухопутьемъ по такъ называемымъ „отвѣчнымъ“ шляхамъ, Муравскому и двумъ его вѣткамъ, Изюмскому и Калміусскому; тѣмъ-же путемъ шли товары и изъ Крыма въ Запорожье. Средствами передвиженія у запорожскихъ козаковъ были—дубы, лошади и волы; у татаръ—лошади и верблюды. Предметами вывоза изъ Запорожья были—пушные товары, полотно, кожа, желѣзо, оружіе, коровье масло, табакъ и отчасти хлѣбъ; предметами ввоза изъ Крыма въ Запорожье были—сафьянъ, сафьяновая обувь, особенно такъ называемыя „папуци“, т. е. туфли или башмаки, сѣрые смушки, шелковыя ткани, особенно термалама, волошскіе орѣхи, красныя вина, иногда ослицы, мешты и бѣлые верблюды. Такъ, въ 1758 году, въ Крыму куплены были 30 верблюдовъ, доставленныхъ черезъ Запорожье въ Петербургъ для подарковъ разнымъ вельможамъ, а въ 1762 году гетманъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій просилъ запорожскую старшину купить ему въ Крыму бѣлыхъ верблюдовъ; старшина отправила отъ себя толмача Григорія Швыдкого въ Перекопъ; верблюды были куплены цѣною по 30, 40 и 50 рублей за одного или за пару—„верблюдиху и лоша“—и, какъ нужно думать, доставлены по назначенію [2]).

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 205.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 227, 228.

Но самымъ главнымъ изъ предметовъ ввоза изъ Крыма въ Запорожье была соль: мы имѣемъ указанія, что за солью на низъ, „къ морю“, козаки отправлялись уже съ половины XVI столѣтія, и особенно расширили этотъ промыселъ въ XVII столѣтіи [1]).

Торговля съ Польшей также производилась искони вѣковъ у запорожскихъ козаковъ: поляки вели торговыя операціи то непосредственно съ самими запорожцами, то черезъ посредство запорожцевъ съ турками и крымцами. Въ томъ и другомъ случаѣ польскіе пограничные помѣщики и мѣстные старосты, т. е. управители польскихъ областей и городовъ, всячески старались держаться съ запорожцами по этому поводу на мирной ногѣ. Само собою разумѣется, что и запорожскіе козаки, соблюдая собственную выгоду, оказывали большое покровительство польскимъ торговымъ людямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сами-же поляки. „Въ Сѣчи, хотя тамъ жили всякаго рода бѣглые и отступники отъ всѣхъ вѣръ, пишетъ католическій патеръ Христофоръ Китовичъ, такая скромность и такая безопасность тамъ царствовала, что пріѣзжавшіе съ товарами или по другимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска съ головы своей потерять. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены“ [2]).

Главными центрами польско-запорожской торговли были – Умань, Корсунь, Лысянка, Тарговица и др. Извѣстный въ свое время богачъ и тщеславецъ, польскій графъ Францъ Салезій Потоцкій, получивъ въ наслѣдство Умань со многими его крѣпостями, обнесъ весь городъ стѣнами и башнями и, чтобы сдѣлать его центромъ богатства и культурности, открылъ въ немъ ярмарки. Зная, какое значеніе въ этомъ случаѣ имѣли для всего приднѣпровскаго края запорожскіе козаки, Потоцкій нашелъ нужнымъ отправить отъ себя письмо съ приличнымъ подаркомъ кошевому атаману Григорію Федорову, котораго просилъ объявить запорожцамъ, когда они будутъ ѣхать въ Польшу по торго-

---

1) Архивъ югозападной Россіи, ч. VII т. I, 83; Акты южной и западной Россіи, XII, 682, XIII, 427, 428.

2) Opis obyczaiow, zwyczaiow w panowanie Augusta II. X. Kitowicza Poznan, 1840, II, 214.

вымъ дѣламъ, направляться прямо въ Умань, тамъ брать паспорты, распродавать свои товары и съ оставшимися отъ продажи идти дальше: „Какъ въ наслѣдственной моей вотчинѣ Умани, по высочайшему королевскому соизволенію и моимъ стараніемъ возобновлены торги и ярмарки, съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ торговцамъ всѣхъ пограничныхъ націй, то и прошу васъ, ясневельможный пане, цѣлому Кошу объявить, чтобы запорожцы, которые обыкновенно въ Польшу ѣздятъ по торговлѣ съ лошадьми, скотомъ, воскомъ, саломъ, мѣхами и другими товарами, отправлялись за всякими паспортами въ Умань на ярмарки; оттуда, если бы тамъ своихъ продуктовъ не распродали, могутъ съ паспортами управителя моего Уманьскаго имѣнія, пускаться и дальше, 1762 года, 18-го мая“[1]).

Торговыя фуры изъ Запорожья въ Польшу шли по главному шляху Черному или Шпакову и его боковымъ вѣткамъ.

Предметами вывоза изъ Запорожья были—лошади, рогатый скотъ, мѣха, рыба, рыбій жиръ, соль, сало, воскъ, сыръ, вязига и др. Польскіе дворяне, особенно молодежь, часто ѣздили въ Сичь, чтобы покупать тамъ верховыхъ лошадей, а польскіе купцы отправлялись туда, чтобы закупать тамъ соль, которую запорожцы собирали у лѣваго берега днѣпровскаго лимана изъ озеръ кинбурнскаго округа, особымъ способомъ заготовляли ее и перевозили въ лодкахъ съ лѣваго берега на правый къ мысу Станиславову и къ балкамъ Солонцамъ и Широкой, а оттуда возами доставляли въ Сичь, [2]). Многіе и изъ запорожскихъ козаковъ отправлялись въ Польшу для продажи своихъ товаровъ, въ особенности дорогихъ коней; въ Умани ихъ видали на ярмаркѣ въ день святаго Ивана; сюда они пріѣзжали на множествѣ возовъ, одѣтые въ короткіе жупаны изъ телячьей кожи, иногда съ подбитыми, очень богатыми матеріями; продавъ свои товары, запорожцы очень долго веселились и потомъ уѣзжали назадъ [3]). Иногда черезъ Польшу запорожскіе купцы и торговцы добирались и во

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 236.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

[3]) Вероника Кребсъ, Уманьская рѣзня, Кіевъ, 1879, 32.

Львовъ; тамъ они продавали соленую и вяленую рыбу, а вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко и самыхъ воловъ, на которыхъ привозили товары, и возвращались назадъ на одноконкахъ; нерѣдко также поднимались они къ рѣчкамъ, текущимъ въ Вислу, гдѣ продавали пшено, привозимое ими изъ Сичи [1]).

Торговыя фуры изъ Малороссіи или Великороссіи шли въ Запорожье или сухимъ путемъ по шляхамъ Черному-Украинскому, Крюковскому, Крымскому, Переволочанскому, Кызыкерменскому съ ихъ боковыми вѣтками, по Муравскому, Изюмскому и Калміусскому, или-же рѣчнымъ путемъ по Днѣпру отъ Мишурина-Рога и далѣе внутрь Запорожья до Сичи. Для сплава по Днѣпру разныхъ товаровъ у запорожскихъ козаковъ съ 1656 года существовалъ особый классъ людей, лоцмановъ, выбиравшихся изъ самыхъ смѣлыхъ козаковъ кодацкой паланки, жившихъ выше днѣпровскихъ пороговъ, свободныхъ отъ всякихъ войсковыхъ повинностей, но обязанныхъ проводить купеческія суда черезъ страшные пороги.

Главными мѣстами торговли запорожскихъ козаковъ съ малороссійскими были: Стародубъ, Миргородъ, Хоролъ, Лубны, Ромны, Опошня и другія мѣста, куда они съѣзжались чаще всего на ярмарки въ дни годовыхъ или храмовыхъ праздниковъ [2]).

Предметами торговли запорожцевъ съ Малороссіей и Великороссіей были разные съѣстные продукты, рыболовныя сѣти, нитки для неводовъ, канаты, полотно, обшивки, желѣзо, смола, пенька и колоды—для сооруженія лодокъ, вообще всякій лѣсной матеріалъ, который гнался изъ Кіева по Днѣпру въ Сичь [3]), простыя сукна, табакъ и въ особенности водка, которой тѣмъ больше продавалось на ярмаркахъ, чѣмъ больше былъ урожай хлѣба въ странѣ. Привозимые товары частію покупались въ Запорожьѣ на деньги, частію обмѣнивались на товары собственнаго и турецкаго или крымскаго производства.

---

[1]) Ambr. Grabowski, Ojczyste spominki, I, 140.

[2]) Китченко, Черниговскія губернскія вѣдомости, 1853, № 3, 23, № 4, 27, 29, № 7, 47, № 10, 71.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VI, 204; Записки одесскаго общ. истор. и древн., XIV, 598.

Въ 1755 году правительствующимъ сенатомъ затребованы были отъ запорожскаго войска свѣдѣнія о томъ, что и на какую сумму привезено было изъ Малой Россіи въ Запорожье. На этотъ запросъ Кошъ далъ такой отвѣтъ: „По вычитаніи онаго указа на сходкѣ при всей войсковой старшинѣ и куренныхъ атаманахъ, по общему нашему мнѣнію, покупныхъ въ Малой Россіи хлѣбныхъ и питейныхъ припасовъ въ Сѣчь запорожскую въ привозѣ въ одинъ годъ (было): ржаного борошна (муки)—10000 четвертей, пшеничнаго — 1000 чѣтв., пшена—5000 четв., горѣлки малороссійскихъ бочекъ—500, солодовъ ячныхъ—200, меду прѣсного малороссійскихъ ведерокъ—1000, нитокъ на рыболовныя сѣти—4000 пудовъ, полотна на рубашки—20,000 арш., хрящу—20,000 арш., китайки на кафтаны — 4000 штучекъ, сукна разнаго цвѣта—4000 аршинъ, матерій разныхъ—2000 аршинъ и прочьяго, нужнаго къ одѣянію, какъ-то: овецъ, шкуръ изъ рогатаго скота и (изъ) овецъ, простого сукна овечьей шерсти, пороху, свинцу и ружей. Противъ того собственныхъ промысловъ изъ запорожской Сѣчи въ Малую Россію въ одинъ годъ въ отпуску было: рыбы четверныхъ возовъ—1500, соли четверныхъ возовъ—2000, мягкой рухляди—лисичьихъ и волчьихъ шкуръ—4000, лошадей—1000, рогатаго скота—1000, сала свиного—до 1000 пудовъ, уповается, быть можетъ. Да особливо изъ Кіево-Межигорскаго монастыря на духовный чинъ, здѣсь въ священнослуженіи пребывающій (привезено): борошна ржаного и прочьяго—30 четвертей, пшена—10 четвертей, горѣлки—2 бочки, полотна 1000 аршинъ; отсюда (т. е. изъ Сѣчи) въ тотъ монастырь—рыбы 10 возовъ четверныхъ“ [1]).

Въ началѣ всѣ товары пропускались изъ Малороссіи и Великороссіи въ Запорожье безпошлинно, но потомъ, когда въ Переволочной и Кременчугѣ, съ 1753 года, учреждены были русскія таможни, со всѣхъ украинскихъ и запорожскихъ купцовъ, проѣзжавшихъ съ товарами, стали взимать извѣстную пошлину. Такое распоряженіе не могло понравиться запорожскимъ козакамъ, и они стали хлопотать у русскаго правительства о снятіи пошлины съ про-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., XIV, 594.

возимыхъ къ нимъ и обратно отъ нихъ товаровъ. Съ этою цѣлію въ 1756 году отправлены были въ Петербургъ депутаты отъ запорожскаго Коша; эти депутаты, находясь въ Петербургѣ, просили гетмана графа Кирилла Разумовскаго „о пропускѣ въ Сѣчь съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ и прочихъ вещей безпошлинно» [1]), но успѣли добиться въ этомъ облегченія лишь на нѣкоторое время. Въ 1760 году, января 25 дня, указомъ императрицы Екатерины II постановлено было на этотъ счетъ слѣдующее: 1) дозволялось съѣстные и питейные припасы, для собственнаго пропитанія запорожцевъ, а также всѣ товары, шедшіе на одежду, обувь и запорожскіе промыслы, именно тѣ, которые были привезены изъ-за границы и съ которыхъ уже разъ взята была пошлина, пропускать въ Запорожье безъ всякихъ пошлинъ, но зато всѣ эти товары изъ Коша заграницу, въ Польшу, Крымъ и другія чужестранныя земли, на продажу, „не отпускать отнюдь“; 2) дозволялось покупать ружья, порохъ, свинецъ и ружейные кремни „для собственнаго употребленія“, но строжайше запрещалось продавать ихъ изъ Коша заграницу; 3) за провозъ изъ Сѣчи въ Малую Россію рыбы, мягкой рухляди, за пригонъ лошадей, рогатаго скота и всего собственнаго запорожскаго продукта и промысла пошлиннаго сбора не брать; 4) съ соли, привозимой запорожцами въ Малую Россію, такъ какъ она не ихъ продуктъ, а привозная, пошлину брать; 5) также съ другихъ товаровъ, кромѣ соли, иностраннаго продукта и промысла, привозимыхъ изъ Запорожья въ Малую Россію и изъ Малой и Великой Россіи въ Запорожье пошлину брать; 6) по скольку же запорожцамъ ежегодно пропускать съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ и товаровъ изъ Малой Россіи и слободскихъ полковъ въ Сѣчь и обратно изъ Сѣчи въ Малую Россію товаровъ ихъ промысла и продукта, тому единственнаго положенія, для представленныхъ въ доношеніи коммерцъ-коллегіи и коммиссіи о пошлинахъ резоновъ, не класть; а дабы они, запорожцы, подъ своимъ именемъ постороннихъ купеческихъ товаровъ не провозили, также чтобъ и своихъ заграницу, въ Крымъ и Польшу, особ-

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 129.

ливо хлѣба и съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, въ томъ числѣ запрещенныхъ, безпошлинно не отправляли, о томъ войску запорожскому объявить, чтобъ оно того отнюдь не чинило, но поступало бы, какъ вѣрные рабы и въ томъ присягу учинило, а если пойманы будутъ съ везенными тайно заграницу товарами и припасами, то съ ними будетъ поступлено по таможенному уставу безъ всякой пощады; ѣздить же имъ, запорожцамъ, изъ Сѣчи для покупки припасовъ и товаровъ съ пашпортами отъ кошевого атамана и войсковой старшины; 7) изъ Кіево-Межигорскаго монастыря на духовный чинъ запорожской Сѣчи муки ржаной и прочихъ хлѣбныхъ припасовъ тридцать четвертей, пшена десять четвертей, хлѣбнаго вина двѣ бочки, холста тысячу аршинъ, а изъ запорожской Сѣчи въ тотъ Кіево-Межигорскій монастырь рыбы четвероконныхъ десять возовъ всякій годъ отпускать безпошлинно, ибо тотъ монастырь состоитъ внутри Малой Россіи, а соль съ пошлиною [1]). Въ 1762 году, особымъ указомъ, подтверждалось „впредь изъ Польши вина простого на продажу въ Малую Россію, въ Сѣчь запорожскую и въ Новую Сербію отнюдь не впускать, и того накрѣпко не токмо на заставахъ фарпостныхъ, но и по тайно проложеннымъ малымъ дорогамъ смотрѣть подъ опасеніемъ по указамъ штрафа неотпускного тѣмъ, кто для своей корысти въ противность сему нашему повелѣнію что учинитъ“ [2]). Естественно, что запорожскіе козаки считали наложеніе пошлины на привозимое вино и отвозимую соль, какъ на мѣру крайняго стѣсненія ихъ торговли, много разъ ходатайствовали о снятіи налоговъ, но всякій разъ безуспѣшно.

Торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ Новосербіей начались съ 1754 года. Впрочемъ, они не достигали такихъ размѣровъ, какъ торговыя сдѣлки съ Польшей и Украйной; хотя запорожскіе козаки и пріѣзжали на ярмарки въ главный центръ Новосербіи, крѣпость св. Елисаветы, но вообще торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ новосербами были ничтожны. Причиной тому служи-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162—165.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 179.

ла́ вражда между запорожскими козаками и новосербами. Самая-же вражда имѣла свое основаніе въ поселеніи новосербовъ на степи отъ рѣчки Синюхи до верховьевъ рѣки Ингула, которую запорожцы по всей справедливости и съ давнихъ временъ считали своею неотъемлемою собственностію. Жалобы съ одной стороны, неудовольствія и набѣги съ другой обостряли болѣе и болѣе отношенія между близкими сосѣдями и устраняли всякія крупныя торговыя сдѣлки между запорожцами и новосербами.

Во всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ запорожскихъ козаковъ съ сосѣдями и сосѣдей, особенно украинцевъ и поляковъ, съ запорожцами, играли первую и незамѣнимую роль такъ называемые чумаки. Чумаки въ быту Запорожья, а также и въ быту всей Украйны составляли на столько важный классъ людей, что онъ не разъ обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей южно-русской исторіи. Названіе „чумакъ“, по однимъ, происходитъ отъ слова „чумъ“, что значитъ ковшъ, которымъ путники пили воду во время своихъ далекихъ переѣздовъ; по другимъ, отъ татарскаго слова „чумак“, что значитъ извозчикъ; по третьимъ, отъ слова „чума“, потому что украинскіе торговцы, отправляясь въ Крымъ, часто заражались въ пути свирѣпствовавшей тамъ чумой и нерѣдко заносили ее въ Запорожье и Украйну; по четвертымъ, отъ того, что, идя въ дорогу, украинцы вымазывали свои штаны и сорочки, для предотвращенія отъ всякой заразы и насѣкомыхъ, въ деготь и по самому виду своему напоминали чуму [1]); наконецъ, указываютъ на слово чумакъ въ персидскомъ языкѣ, которое означаетъ дубину съ набалдашникомъ, то, что въ Малороссіи называютъ кійкомъ; отсюда выводятъ и пятое толкованіе—чумакъ—это человѣкъ, отправляющійся въ извозъ и вооружающійся на случай нападенія со стороны разбойниковъ кійкомъ. Какое изъ всѣхъ этихъ толкованій наиболѣе правдоподобно—рѣшить трудно, такъ какъ на то нѣтъ никакихъ матеріальныхъ указаній, а существуютъ только филологическія толкованія. Чумачество представляетъ собой любопытнѣйшую черту экономическаго быта какъ собствен-

---

1) Рудченко, Чумацкія пѣсни, Кіевъ, 1874, 9.

но Запорожья, такъ и всей Малороссіи: это есть зачатокъ національнаго малороссійскаго купечества, основанный на началахъ чисто товарищеской ассоціаціи. Родилось оно гораздо раньше появленія на днѣпровскомъ Низу козачества и даже было прототипомъ самаго козачества, ибо первые чумаки были и торговцы, и промышленники и съ тѣмъ вмѣстѣ воины. Начавшись едва замѣтно для исторіи, чумачество съ теченіемъ времени разрослось до обширныхъ размѣровъ; мало-по-малу чумаки выработались въ типъ здоровыхъ, крѣпкихъ, мужественныхъ и неустрашимыхъ промышленниковъ, способныхъ переносить и лѣтній зной, и недостатокъ воды, и отсутствіе корма и нападенія всякаго рода хищныхъ степныхъ наѣздниковъ. Оттого справедливо чумаковъ сравниваютъ съ бедуинами, а ихъ воловъ съ верблюдами въ дикой и пустынной Аравіи. Въ Запорожьѣ чумаки, какъ торговцы и промышленники, составляли между собой „артели“ на началахъ полной ассоціаціи или товарищества, а какъ воины, входили въ составъ низового товари́ства, платили всю прибыль отъ своихъ промысловъ въ войсковой скарбъ и возмѣщали свои убытки войсковой казной [1]).

Въ теченіе долгой исторической жизни южно-русское чумачество выработало себѣ и извѣстные пріемы для передвиженія своихъ товаровъ изъ одного мѣста въ другое по „одвичнымъ“ шляхамъ широкихъ степей. Лишь только сходилъ съ земли снѣгъ по веснѣ, лишь только показывалась травка изъ земли, лишь только заревѣли чумацкіе волы, выходя изъ-подъ навѣса послѣ долгой зимы, какъ уже заскрипѣли длинныя „мажи“, „до́бри паровы́ци“ [2]), и чумаки стали собираться на майданахъ за слободами въ длинныя „валки“. Сложивъ на немногихъ возахъ необходимую для дороги провизію или „харчи“— пшено́, хлѣбъ, сало, гречневую крупу, а также запасшись необходимыми кашеварными принадлежностями—казанами, таганами, сокирою, ложками, салотовками, чумаки „рушали“ въ далекій путь. Впереди всѣхъ шелъ возъ, запряженный самыми лучшими сѣрыми, здоровыми и жирны-

---

1) Рудченко, Чумацкія пѣсни, Кіевъ, 1874, 33.

2) Называвшіяся иногда крымскими возами: Записки одесск. общ. ист. и древн., XIV, 374.

ми, „якъ изъ воды“, волами. Для красоты и эффекта рога воловъ обкладывались иногда позолотой, убирались разноцвѣтными лентами и облѣплялись, въ праздничные дни, восковыми свѣчами. На переднемъ возу сидѣлъ самъ „батько - атаманъ, панъ - господарь“; тутъ-же, около него, помѣщался пѣтухъ, возвѣщавшій время дня и ночи чумакамъ. Атаманъ всегда шелъ впереди всѣхъ; онъ избирался всей артелью, какъ человѣкъ опытный, бывалый, знавшій всѣ пути, умѣвшій предотвратить всякія опасности. Онъ указывалъ всей валкѣ путь, поднималъ чумаковъ въ дорогу, останавливалъ валку для отдыха, опредѣлялъ ночныхъ и дневныхъ сторожей, разбиралъ ссоры между „ватажанами“ и заботился о предотвращеніи внезапныхъ нападеній со стороны разныхъ степныхъ „харцызовъ“. По атаману важнѣйшій человѣкъ былъ кухарь или кашеваръ: онъ хранилъ всѣ харчи и кашеварныя принадлежности, готовилъ „страву“ чумакамъ къ „сниданню, обиду, полудню и вечери“. Для безопасности въ пути всѣ чумаки запасались „рушницами“ и длинными „списами“, а деньги свои прятали или въ гаманахъ, т. е. кожаныхъ кошелькахъ [1]), на груди, или на колесныхъ ободьяхъ, подъ шинами.

Съ каждой весной запорожцы съ нетерпѣніемъ ждали украинскихъ или польскихъ чумаковъ; извѣщая иногда своихъ депутатовъ, находившихся по разнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, они писали: „ватагъ еще нѣтъ; ватаги уже понемногу идутъ и везутъ хлѣбъ и водку; ватагъ такое множество, что даже припасы въ Сѣчи и Никитиномъ вздорожали“ [2]). У самыхъ границъ запорожскихъ вольностей чумаковъ встрѣчала особая козацкая команда и помогала имъ переправляться черезъ рѣки, прежде всего Днѣпръ, если чумаки шли изъ Украйны, или Бугъ, если они двигались изъ областей юго-западной Польши. Переправившись черезъ Бугъ, они платили извѣстную пошлину „мостовое“, являлись въ Гардъ, брали здѣсь для безопасности въ пути и указанія дороги конвой съ войсковымъ перна-

---

[1]) Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1884, II, 32.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 224.

чемъ, войсковою печатью, прикрѣпленою къ перначу, или вообще какимъ-нибудь будзыганомъ [1]), и двигались дальше внутрь запорожскихъ вольностей, причемъ снова платили „мостовое“ за переправы на паромахъ и за переѣзды по гатямъ и мосткамъ. Вездѣ, гдѣ только проѣзжали чумаки, имъ оказывали радушный пріемъ и козаки-зимовчаки, и особенно корчмари и шинкари, у которыхъ они всегда могли найти и хорошій обѣдъ и добрую горилку для себя лично, а для своихъ воловъ и свѣжій попасъ и холодную воду изъ колодца или криницы, вырытой близъ всякаго зимовника. Смѣнивъ нѣсколько разъ конвойныхъ и за всякій разъ уплативъ имъ особый „ралецъ“, чумаки, наконецъ, добирались или до Микитина или до Кодака; тутъ они совсѣмъ отпускали конвой, вносили извѣстную плату за свой проѣздъ по запорожскимъ землямъ въ войсковую казну и на нѣкоторое время останавливались на мѣстѣ. Послѣ небольшого отдыха, тѣ, которые ѣхали на Донъ за рыбою, переправлялись черезъ Днѣпръ у Кодака и двигались дальше по восточнымъ степямъ Запорожья; а тѣ, которые ѣхали за солью, запасались въ Микитинѣ особыми ярлыками и билетами на татарскомъ и турецкомъ языкахъ отъ запорожскаго толмача, переправлялись черезъ Днѣпръ и вступали уже въ предѣлы ногайскихъ татаръ, имѣя конечною цѣлью своихъ путешествій городъ Перекопъ. До сихъ поръ чумаки шли безпечно, охраняемые запорожскимъ конвоемъ: теперь они двигались одни и потому, перешагнувъ запорожскую грань, тотъ-же часъ брали разныя мѣры предосторожности на всякій случай: для предохраненія отъ чумы вымазывали свои сорочки и штаны въ деготь, а для безопасности отъ степныхъ „харцызовъ“ заряжали рушницы и вынимали изъ возовъ острые списы; въ ногайскихъ степяхъ чумаки были всегда на-сторожѣ. Въ случаѣ внезапнаго нападенія со стороны харцызовъ, гайдамакъ и всякаго рода степныхъ хищниковъ, чумаки тотъ-же часъ дѣлали изъ своихъ возовъ таборъ и, подъ руководствомъ артельнаго атамана, отбивались отъ злыхъ людей. Испытывая иногда разныя бѣдствія отъ нападенія харцызовъ, чумаки нерѣд-

---

1) Будзыганомъ назывался вообще знакъ власти—булава, перначъ, келепъ. Кулишъ, Отпаденіе Малороссіи, Москва, 1890, II, 160.

ко терпѣли „несносныя обиды“ и отъ самихъ татаръ: татары вынуждали съ нихъ большія платы за переправы черезъ рѣчки Бѣлозерку, Рогачикъ и Каирки—отъ 5 до 30 копѣекъ мостового, а иногда брали плату и за переправу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воды совсѣмъ не было и гдѣ рѣчку переѣзжали возами, какъ сухой оврагъ; иногда у нихъ отгоняли съ пастбищъ воловъ, и требовали выкупа по рублю или по полтинѣ за голову, какъ будто за найденный въ дикой степи скотъ; иногда и совсѣмъ похищали воловъ, угоняя ихъ въ свои аулы [1]). Съ такими опасностями добирались чумаки до Перекопской башты; здѣсь крымцы давно уже поджидали чумаковъ и радовались приходу ихъ, потому что чумаки приносили большой доходъ казнѣ крымскаго хана. „Еще изъ договора Сигизмунда-Августа съ крымскимъ ханомъ въ 1540 году узнаемъ, что польскимъ и литовскимъ торговцамъ (чумакамъ) выговаривалось право свободно брать соль въ Хаджибеѣ, Перекопѣ и Кафѣ, заплативши мыто по старинѣ крымскому хану„ [2]). Поэтому ханскіе пристава не только заботились о возможно большемъ вывозѣ изъ Крыма чумаками соли, но и всякій разъ, послѣ урожая соли, заблаговременно извѣщали о томъ запорожскій Кошъ; такъ, въ 1764 году, 25 іюня, приставъ перекопскаго промысла, Баба-Иманъ, писалъ кошевому атаману, Филиппу Ѳедорову: „Благодареніе Богу, его святымъ произволеніемъ, сего году уже выстояніе свое сдѣлавъ, соль произошла обильно противу прошедшаго года: какъ обычай, сѣла хорошо. Да притомъ-же воды и травы въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно, такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ, а для скота кормовъ достанетъ. О чемъ при семъ присланный отъ меня Мустафа-баша вамъ изустно донесть имѣетъ. При чемъ посылаю вамъ въ гостинецъ одинъ сафьянъ, прошу принять его за благо. Да притомъ-же прошу прислать къ намъ возовъ два для васъ, одолжаюсь самой чистой соли на вашъ расходъ накласть. При чемъ прошу въ незамедленіи чумаковъ присылать за солью“ [3]).

---

[1]) Черняѣвскій, Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 91.

[2]) Рудченко, Чумацкія народныя пѣсни, Кіевъ, 1874, 12.

[3]) Рудченко, Чумацкія народныя пѣсни, Кіевъ, 1876, 13.

Дойдя до воротъ Перекопской башты, чумаки платили здѣсь за каждую мажу „баштового“ сбора по 70 копѣекъ и потомъ уже въѣзжали въ городъ; затѣмъ нѣсколько времени отдыхали, нагружались солью, платили за цѣлый возъ соли по 5 рублей, за половинный по 3 рубля, и возвращались назадъ; если у татаръ случалась на тафахъ рыба, покупали и рыбу и складывали ее на возахъ. Между тѣмъ запорожцы вновь поджидали чумаковъ, вновь взимали съ нихъ пошлины за переправы, паромы, мостки и гати, со своихъ, разумѣется, меньше, съ чужихъ больше, вновь оказывали имъ гостепріимство корчмари и шинкари.

Изъ Запорожья чумаки двигались, кому куда нужно было для распродажи товара. „Примѣчательно, что въ годъ до 1,000 воловыхъ возовъ оной (соли) въ Польшу отпустится; покупаютъ также и малороссіяне изъ Елисаветградской провинціи“ [1]).

Кромѣ крупной торговли съ турками, поляками, украинцами, новосербами и крымцами, запорожскій Кошъ велъ также торговлю и внутри Сичи; это была торговля по преимуществу мелочная; она производилась иногда на самой сичевой площади, а чаще всего на Крамномъ базарѣ, Хассанъ-базарѣ или сичевомъ форштатдѣ, т. е. предмѣстьѣ. Здѣсь стояло множество небольшихъ на низенькихъ столбикахъ домиковъ, дворовъ, лавочекъ, ятокъ, шинковъ, въ которыхъ и производилась всякаго рода торговля. Часть этихъ построекъ сооружена была на средства куреней и принадлежала войску, часть составляла собственность заѣзжихъ купцовъ, какъ то видно изъ дѣлъ сичевого архива; такъ, сидѣлецъ Петръ Крыловъ, задолжавшій купцу Ѳедору Попову и не могшій уплатить ему своего долга, „по базарному суду“, долженъ былъ продать свой старый дворъ, находившійся на сичевомъ базарѣ, за 2½ куфы водки, въ уплату истцу [2]).

Предметами торговли въ Сичи были—епанчи, сѣдла, стрѣлы, луки, стремена, сабли, удила, привозившіеся запорожцамъ татарами, рогатый скотъ и неспособныя къ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 242.

ѣздѣ лошади, продававшіяся на убой татарамъ запорожскими козаками.

Кромѣ торговли въ Сичи, торговля производилась и въ паланочныхъ селахъ—Каменномъ на Калміусѣ, въ Гардѣ на Бугѣ, Микитинѣ на Днѣпрѣ и др.; здѣсь также были крамные базары, шинки, лавки и заѣзжіе дворы.

Ремесла не приносили такой пользы и не были такъ широко развиты у запорожскихъ козаковъ, какъ торговля, рыболовство и скотоводство; разумѣется, ремесленники существовали и у запорожцевъ, но цехового ремесленнаго сословія, обязаннаго извѣстными повинностями войску, у нихъ не было. При самой Сичи жили разные мастеровые—котляры, пушкари, кузнецы, слесаря, сабельные мастера, сапожники, портные, плотники: всѣ они по козацкому обычаю, исполняли запорожцамъ работы за извѣстную плату, и даромъ ничего и никому не обязаны были дѣлать; жили они въ предмѣстьѣ Сичи, но приписаны были къ куренямъ, какъ и другіе козаки [1]). Внѣ Сичи извѣстны были кожевники и кузнецы: „Нѣкоторые изъ нихъ есть и художники,—выдѣлываютъ сыромятныя кожи и овчину, и при Аргамаклы (при рѣчкѣ Громоклеѣ) по способности получаютъ уголь. Изъ кузницы какъ на Ингулѣ у перевозу, для дорожнихъ людей кузница содержится, но уголья все отъ Аргамаклы получаютъ. Кромѣ того были еще бровары, которые дѣлали „вареніе пива и разсытокъ меду“ [2]).

Кромѣ людей съ названными занятіями у запорожскихъ козаковъ были также и своего рода старьевщики, какъ это видно изъ дѣлъ сичеваго архива: въ 1749 году запорожскіе козаки джереловскаго куреня поймали нѣсколько человѣкъ перекопскихъ жителей и увели ихъ съ собой въ Сичь; пріѣзжавшіе въ Сичь татары видѣли, что одинъ изъ пойманныхъ людей „на базарной площади Сичи продаетъ ветхія рубашки, такожъ и перемываетъ“, т. е. занимается мойкой бѣлья [3]).

Что касается цѣнъ на предметы первой необходимости, домашняго употребленія и военнаго быта, то на этотъ

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 47.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186; XIV. 384, 385.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 41.

счетъ имѣются лишь случайныя и отрывочныя указанія, относящіяся къ половинѣ XVIII вѣка, а именно къ 1745 году, и то въ жалобѣ запорожскаго войска на донскихъ козаковъ, пограбившихъ запорожцевъ на юго-восточной пограничной окраинѣ. Въ реестрѣ, представленномъ при этомъ отъ Копа въ правительствующій сенатъ, показаны слѣдующія цѣны: рушница безъ принадлежностей отъ 2 до 5 рублей, рушница со всѣми необходимыми къ ней припасами отъ 4½ до 6 рублей, списъ 60 коп., сѣдло 5 р. 50 к., кульбака безъ убора 2 р. 50 к., кульбака съ уборами 3 руб., уздечка 30 к., пороховой борошень 60 к., бурка новая отъ 1 р. 20 к. до 2 р., чекмень отъ 1 р. 10 коп. до 1 р. 50 коп., свитка простая 63 злотыхъ, свитка бѣлая отъ 1 р. 20 коп. до 3 р. 50 коп, свитка зеленаго сукна отъ 3½ до 6 руб., волчья шуба 20 руб., тулупъ овечій 2½ руб., шаровары 1 руб. и 3 руб., шапка 1 руб., чоботъ пара отъ 50 к. до 80, поясъ шелковый отъ 1½ р. до 2 руб., полотна одинъ аршинъ 2 и 3 копѣйки. Возъ „съ подтичами“ и чуломъ 5 рубл., возъ новый конскій 2 руб., возъ старый отъ 1 р. 20 к. до 1½ руб., хомутъ 60 коп., хомутъ новый и двѣ мазницы съ дегтемъ 1 рубль, коса 30 коп., свердло (буравъ) 24 коп., лопата желѣзная 15 коп., сѣкира 30 коп., багоръ 15 коп., ножъ 10 коп., брусокъ 7 коп., капканъ для ловли звѣрей 2 и 3 рубля, казанъ мѣдный 1½ руб., казанъ безъ обозначенія металла отъ 2½ до 4 рублей, казанъ чугунный 70 коп., триногъ желѣзный 7 коп., отоса 40 коп., ширитвасъ 40 и 43 коп., кодолъ 1000 саженей въ 10 рублей, кодолъ 10 пудовъ цѣною въ 15 рублей, салковница 15 коп., ятерь 1 руб., епанча 1 руб., куфа порожняя 1 руб., сѣтка рыбная 1½ руб., вязня 2 руб., желѣза звѣриныя 2 руб., урезы въ пять пудовъ одинъ кругъ въ 2 рубля, или одинъ пудъ въ 2 руб. Каюкъ 1 руб., лодка „маленькая“ 2½ руб., лодка подъемная 30 руб., лодка обыкновенная 3, 16 и 25 рублей, неводъ съ лодкой, казаномъ и „со всѣмъ убором“ 150 рублей, парусъ полотняный 1 р. 20 к. и 1 р. 50 коп., неводъ 26 руб., дѣлей „съ неводовъ“ пара 2 рубля, иногда сотня 12 руб., двѣ сотни 24 рубля, якорь 1½ рубля. Соли одинъ пудъ отъ 13 коп. до 50 коп.; на двадцать указаній одинъ разъ показано 13 коп. за пудъ, одинъ разъ 18 коп., три раза по 30 к., одинъ разъ 35,

одинъ разъ 40 и одинъ 50 коп., остальныя 13 указаній по 20 коп. за пудъ, каковую цѣну и слѣдуетъ признать за среднюю для пуда соли въ 1745 году. Борошно (т. е. мука) чаще всего показывается куфами, т. е. бочками, а сколько пудовъ въ куфѣ не показывается; куфа житнаго (т. е. ржаного) отъ 1 рубля до 3 рублей, большая часть цифръ стоúтъ на 3 рубляхъ; когда вмѣсто бочки обозначается четверть, отъ $1^1/_2$ рубля до 4 рублей; борошна пшеничнаго 1 куфа отъ $1^1/_2$ до 4 рублей, борошна гречанаго 1 куфа отъ $2^1/_2$ до 6 рублей; куфа пшена отъ 2 до 5 рублей; куфа горилки „доброй“ 60 рублей, горилки „оковитой“ 37 рублей, горилки „красной“ 15 рублей, куфа горилки безъ обозначенія „оковитой“ или „доброй“ отъ 20 и 25 до 40 и 50 рублей; куфа вишневки 40 рублей, куфа „вишняку“ (вѣроятно, той же вишневки) 40 рублей, куфа меду 6 руб. и 20 руб., пудъ сала 1 руб. 33 коп., двѣ сотни табаку 4 руб., куфа дегтю 8 рублей: пудъ смолы 2 рубля. Осетровъ 27 штукъ 8 рублей или 50 штукъ 17 руб., жиру осетроваго 1 пудъ 60 копѣекъ, сомовъ 200 штукъ 36 рублей, щукъ 200 штукъ 10 руб., бѣлуги 1.500 штукъ 6 рублей (одинъ разъ 1 бѣлуга 1 рубль), сулы 2.000 штукъ 20 рублей, коробовъ 8.000 штукъ 560 руб., чабака 2.000 штукъ 10 руб., 5.000 штукъ 30 рубл., 12.000 штукъ 42 рубля, 30.00 штукъ 300 рублей, селедокъ сотня 50 копѣекъ. Конь 25 руб., конь вороностроκатый 20 руб., конь съ хомутомъ 8 руб., кобыла 8 рублей, стогъ сѣна 3 рубля, коза 50 копѣекъ [1]).

Слѣдуетъ сказать, однако, то, что такъ какъ приведенный реестръ писанъ для показанія убытка, понесеннаго запорожскими козаками отъ донскихъ козаковъ, и представленъ на высочайшее усмотрѣніе, то возможно, что въ немъ цифры нѣсколько повышены, но все же цифровыя данныя его не лишены значенія и при сопоставленіи съ другими могутъ служить указаніемъ цѣнъ на предметы необходимости въ прошломъ столѣтіи въ Запорожьѣ. Впрочемъ, имѣются и такія цифровыя данныя, которыя не зависятъ отъ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малорос. экспедиціи, 1742—1752, № 130/1857.

случайныхъ показаній. Изъ этихъ данныхъ видно, что конь, по вольной цѣнѣ, продавался за 20 рублей и за 8 рублей 50 копѣекъ, кобыла за 8 и 10 рублей, двѣ пары воловъ за 28 рублей, пара воловъ „съ упряжью“ 50 рублей, а три бочки водки за 105 рублей, рушница 4 рубля, рыбы 12 головъ 12 рублей, жиру 50 окъ 5 рублей, сабля 10 рублей, купленная въ 1750 году на ярмаркѣ, въ г. Зеньковѣ; въ 1762 году кошевой атаманъ Григорій Федоровъ цѣнилъ двухъ своихъ, самыхъ лучшихъ верховыхъ коней, вороного и шпаковатаго, въ 70 рублей пара, вороного коня войскового судьи Тимофѣева въ 33 рубля, а куреннаго атамана Чабана шпаковатаго коня въ 40 рублей [1]).

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., XIV, 417, 457, 503, 658.

Доходы войска запорожскаго низового.

Главными источниками доходовъ войска запорожскаго низового, кромѣ естественнаго богатства обширнаго черноземнаго края, были: военная добыча, внѣшняя и внутренняя торговля, винная продажа, дань отъ перевозовъ, подымная подать и, наконецъ, царское хлѣбное и денежное жалованье.

Первымъ и прямымъ источникомъ доходовъ войска запрожскаго низового была военная добыча, получаемая ими на войнѣ съ турками, татарами и поляками. Отправляясь въ каждый походъ, запорожскіе козаки давали присягу передъ святымъ евангеліемъ на томъ, что ни одинъ изъ нихъ и ничего не утаитъ изъ военной добычи, а все добытое добро доставитъ въ курень для раздѣла между всѣмъ товариствомъ [1]). Возвратившись изъ похода и отдавши „хвалу всесильному Богу и молебное благодарствіе пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ“, запорожскіе козаки „дуванились“ всею добычею, конями, рогатымъ скотомъ, овцами и всѣмъ, что приводили и приносили съ собой [2]). Какъ велика была эта добыча, разумѣется, сказать нельзя, такъ какъ количество ея зависѣло какъ отъ размѣровъ похода, такъ и отъ удачи на войнѣ. По обычаю лучшую часть добычи козаки на церковь отдавали, а оставшуюся отъ этого часть между собою паевали, послѣ чего одни тотъ-же часъ прогуливали свою долю, а другіе прятали ее на черный день [3]).

Вторымъ источникомъ доходовъ войска запорожскаго низового была всякаго рода и вида торговля, внѣшняя и внут-

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 208.

2) Самоилъ Величко, Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 377.

3) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, 1. 219.

ренняя: „Запорожскіе козаки получаютъ знатную сумму отъ кущовъ, поставляя Сѣчи разные товары по Днѣпру въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также оттоль съ приходящихъ кораблей, какъ оное случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, Днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается притомъ, что турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи“ [1]). Всѣ торговцы, купцы, промышленники, отвозившіе разные товары и привозившіе ихъ въ Сичь, торговавшіе по слободамъ, деревнямъ и зимовникамъ, вносили извѣстную плату въ войсковую скарбницу или на войсковую старшину: отъ куфы муки или харчевыхъ припасовъ рубль, отъ рыбы, пойманной въ Бугѣ, три первыхъ десятка „паколи“ на полковника, писаря и асаула, находившихся при рыбныхъ заводахъ, и четыре другихъ десятка на сичевую старшину; если-же рыба была продана или утеряна раньше отдѣленія отъ нея части для чиновъ войска, то съ рыболововъ взыскивалась стоимость ея деньгами. Чтобы взимать пошлину съ торговыхъ людей, на всѣхъ запорожскихъ базарахъ присутствовали особые начальники, войсковые кантаржеи: они смотрѣли за правильностью вѣсовъ и мѣръ, назначали цѣну за привозимый товаръ и собирали пошлину съ торговцевъ въ войсковую скарбницу.

Особенно большую пошлину давали шинки; шинки чрезмѣрно были распространены въ землѣ запорожскихъ козаковъ; по вольности своей жизни всѣ запорожскіе козаки имѣли право варить медъ, пиво, брагу и заниматься продажею спиртныхъ напитковъ [2]); оттого по документамъ сичеваго архива 1770 года во всѣхъ владѣніяхъ запорожскихъ козаковъ насчитывалось больше 370 шинковъ, которые распредѣлялись такъ: въ Сичи — 73, въ паланкѣ самарской — 83, протовчанской — 78, кодацкой — 74, орельской—45, въ Микитинскомъ перевозѣ—10, въ Каменскомъ базарѣ паланки ингульской—10. Всѣ эти шинки, въ общей

---

[1]) Калачовъ, Сборникъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Спб., 1841, 6.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, IV, 81.

сложности, приносили войску 1.120 рублей въ годъ, полагая арендой платы за простой шинокъ безъ лёха 2 р. 50 к. и съ лёхомъ, т. е. походнымъ погребомъ, гдѣ можно было держать пиво и медъ, по 4 р. 50 коп. Сумма эта раздѣлялась на 45 паевъ и распредѣлялась между войскомъ слѣдующимъ образомъ: кошевому, судьѣ, писарю, асаулу, 38 куренямъ, войску, церкви, довбышу и пушкарю пополамъ— по 24 рубля и 51 копѣйкѣ съ денежкой на всякій пай [1]). Кромѣ того съ пріѣзжавшихъ въ Сичь ватагъ изъ Малороссіи, Крыма и Польши, если онѣ привозили бѣлое вино и водку, также взимали пошлину на церковь и старшину: на старшину, въ томъ числѣ довбыша и пушкаря, съ каждой куфы по рублю; сверхъ денегъ брали и такъ называемое „поставное вино“ по одному ведру, называвшемуся у козаковъ квартою, съ того, кто покупалъ вино или водку, или съ того, кто самъ продавалъ ихъ, на кошеваго, судью, писаря, асаула, довбыша, пушкаря, куренныхъ атамановъ и духовныхъ лицъ,—всего числа 7 ведеръ; только заплатившій эту двойную пошлину могъ продавать свой товаръ, но и то не иначе, какъ по объявленной Кошемъ цѣнѣ [2]).

Видную статью войсковыхъ доходовъ запорожскихъ козаковъ составляло также „мостовое“, то-есть сборъ съ проѣзжавшихъ купцовъ, торговцевъ, промышленниковъ и чумаковъ за перевозъ черезъ рѣки, рѣчки и рукава запорожскихъ вольностей: „Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ, чтобъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты, ибо во всей этой землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожней телѣги по копѣйкѣ. А также за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ перначемъ или була-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 205.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852, 48.

вою, а больше прикрѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однако-жъ хотя бъ сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и онъ долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія“ [1]). Изъ множества перевозовъ въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, особенно извѣстны были: мишуринорогскій, кодацкій, микитинскій, каменскій, кызыкерменскій—всѣ пять черезъ рѣку Днѣпръ, бугогардовскій черезъ рѣку Бугъ къ Мертвоводу; у первыхъ переправлялись преимущественно купцы малороссійскіе, ѣхавшіе изъ Украйны на Донъ или въ Крымъ, и купцы татарскіе, ѣхавшіе изъ Крыма въ Сичь и Украйну; у вторыхъ переправлялись большею частію купцы польскіе и малороссійскіе, ходившіе въ Очаковъ и обратно изъ Очакова, а также въ Запорожье и обратно. Запорожскіе козаки брали отъ всякой телѣги и отъ всякой скотины за перевозъ черезъ рѣки и дѣлили эти доходы между старшиной и всѣмъ войскомъ. Количество платы взималось въ разное время и съ разныхъ возовъ различно: съ пустаго воза въ Микитинской заставѣ по копѣйкѣ, съ нагруженнаго воза отъ 2 до 10 конѣекъ, кромѣ того за конвой до Микитина особо 8 рублей, до Кодака 12 рублей да „нѣкоторый“ ралецъ конвойному [2]); въ 1774 году за перевозъ у Микитинской заставы брали съ ѣхавшихъ въ Крымъ и обратно изъ Крыма „съ пароволовьяго воза по 60 копѣекъ, а съ дву паръ по 1 рублю и 20 копѣекъ“ [3]). Запорожскій Кошъ усиленно хлопоталъ у московскаго царя о томъ, чтобы взять въ свои руки перевозъ Переволочанскій на Днѣпрѣ, и хотя, царь Алексѣй Михайловичъ даровалъ запорожцамъ особою 1675 года грамотою половину сбора съ того перевоза, но гетманъ Иванъ Самойловичъ задержалъ ту грамоту у себя, а при преемникѣ Алексѣя Михайловича, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, совсѣмъ лишилъ ихъ права на обладанье Переволочанскимъ перевозомъ [4]). Для сбора пошлинъ у переправъ существовала особая старшина, состоявшая изъ шафарей, подшафаріевъ, писарей и под-

---

[1]) Калачовъ, Архивъ сѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 6.
[2]) Калачовъ, Архивъ свѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 7.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 175.
[4]) Акты южной и западной Россіи, XII, 98; XIII, 508.

писаріевъ. Эти сборы за переправы такъ увлекали сичевое товарищество, что оно старалось дѣлать перевозы и внѣ своихъ предѣловъ, во владѣніяхъ крымскаго хана, на рѣчкахъ Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ, Каирахъ, на Днѣпрѣ у Кызыкерменя, и собирать за нихъ мостовое [1]). Крымскіе ханы иногда давали на то свое согласіе, и запорожцы пользовались „мытомъ“ съ перевозовъ заграницей собственныхъ вольностей [2]). Трудно и даже невозможно опредѣлить съ точностію всю цифру годового дохода, получаемаго запорожскимъ Кошемъ за перевозы черезъ рѣки: это зависѣло отъ большаго или меньшаго движенія чумаковъ, торговцевъ и и куицовъ; послѣднее же, въ свою очередь, зависѣло отъ урожая соли, улова рыбы, обилія степной травы, безопасности проѣздовъ по дикимъ татарскимъ степямъ и т. д. Въ 1774 году съ іюня по январь мѣсяцъ собрано было за перевозъ въ Гардѣ 850 рублей, слѣдовательно, въ теченіе всего года гораздо свыше 1.000 рублей, но гардовый перевозъ считался самымъ незначительнымъ перевозомъ, такъ какъ въ немъ не было даже и особаго шафаря. Въ переправѣ на Переволочнѣ запорожскіе козаки, по ихъ собственному письму, писанному въ 1688 году, марта 4 дня, гетману Мазепѣ, собирали 13.000 рублей ежегодной пошлины [3]). „Сверхъ того отъ малороссійскихъ гетмановъ запорожцамъ отпускаемы были деньги, собираемыя съ Переволочанскаго перевоза, а нынѣ (1746 года) оной перевозъ на откупѣ за 1670 рублевъ“ [4]). Такъ какъ Переволочна находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, а противъ нея находился Мишуринъ-Рогъ, то очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о Переволочно-мишуринорогской переправѣ.

Немаловажную статью войсковыхъ доходовъ составляла также подать „дымовое“, взимавшаяся запорожскими козаками съ такъ называемыхъ „сидней“ или зимовчаковъ, считавшихся подданными сичевого товарищества и жившихъ въ осьми окружныхъ паланкахъ по селамъ, деревнямъ и зимов-

---

1) Медвѣдевъ, Сборникъ свѣдѣній минис. финансовъ, Спб., 1867, VI, 463.

2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 226.

3) Архивъ мин. иностр. дѣлъ, подл. акты, 1688, св. 6, № 532—514.

4) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малор. экспедиціи 1742—1752 годъ, № 130/1857.

никамъ; подать, накладывавшаяся на подданныхъ войска, была постоянная и временная: постоянная до 1758 года ограничивалась 1 рублемъ съ семьи, а съ 1758 года по 1770 годъ 1 рублемъ 50 копѣйками. При трудности исчислить все женатое населеніе запорожскаго войска, трудно, разумѣется, опредѣлить и maximum этого рода подати. Если взять за норму всего женатаго населенія по зимовникамъ 12.250 человѣкъ [1]), то получимъ, при взиманіи одного рубля съ человѣка, 12.250 рублей и, при взиманіи полутора рубля, 18.375 рублей. Временные налоги, взимавшіеся съ женатыхъ козаковъ, простирались отъ 300 до 500 рублей съ паланки, но они накладывались только въ исключительныхъ случаяхъ, когда войско поднималось большимъ походомъ на Турцію, Крымъ и Польшу, или посылало депутацію въ русскую столицу по особо важнымъ дѣламъ.

Судебный штрафъ, взимавшійся деньгами, скотомъ, лошадьми, за какой-нибудь проступокъ съ виновныхъ, также составлялъ доходъ войска запорожскаго; онъ шелъ или въ пользу всего войска, или одного куреня или войсковой старшины: „за тягчайшую вину приковываютъ къ столбу и убиваютъ его до смерти, а богатство его берутъ на войско; у нихъ всякій начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственный свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, и никому за то не отвѣтствуетъ“ [2]).

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ доходовъ войска запорожскаго низового было денежное и хлѣбное жалованье, получавшееся сперва отъ польскаго, а потомъ отъ русскаго правительства. Отъ литовско-польскаго правительства впервые назначено было денежное жалованье запорожскому войску, если вѣрить темнымъ и отрывочнымъ преданіямъ на этотъ счетъ малорусскихъ лѣтописей, въ 1576 году королемъ Стефаномъ Баторіемъ: „Тогда жъ и запорожскимъ козакамъ учредилъ атамана кошового и всѣ ихъ начали (=ы) и всѣмъ козакамъ, какъ городовымъ,

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 32—40.

2) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 58; Калачовъ. Архивъ свѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 9.

такъ и запорожскимъ, давали жалованье на годъ по червонцю и по кожуху, чѣмъ козаки долгое время были очень довольны“ [1]). Сколько потомъ давалось жалованья запорожскимъ козакамъ, прибавлялось ли оно или уменьшалось, доставлялось ли въ Запорожье, или за нимъ нужно было ѣздить въ какой-либо изъ малороссійскихъ городовъ, объ этомъ ни малороссійскіе, ни польскіе лѣтописцы ничего намъ не говорятъ. Если въ самомъ дѣлѣ такое жалованье было и назначено, то оно далеко не всегда исправно выдавалось, потому что государственная казна Рѣчи-Посполитой зачастую была пуста, такъ что часто и собственное ея, литовско-польское, войско не получало должной платы; кромѣ того, запорожское войско, часто дѣйствовавшее или не въ тактъ политическихъ разсчетовъ правительства Рѣчи-Посполитой или выступавшее враждебно противъ самой Польши, лишалось всякаго жалованья и даже навлекало на себя кару со стороны поляковъ. Только съ тѣхъ поръ, когда запорожцы вошли въ соприкосновеніе съ Москвой, они стали получать сперва случайные денежные подарки, а потомъ и постоянное, опредѣленно-установленное жалованье.

Еще въ 1620 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ прислалъ извѣстному въ то время гетману, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и кошевымъ атаманомъ низовыхъ козаковъ, Петру Конашевичу Сагайдачному „легкаго жалованья“ 300 рублей за то, что онъ, будучи за порогами Днѣпра, свою службу хотѣлъ „оказывать“ царю противъ всякихъ непріятелей царскихъ, и „нынѣ“ ходилъ на татарскіе улусы и многихъ татаръ побилъ и въ полонъ побралъ [2]). Въ 1634 году, при заключеніи поляновскаго мира Польши съ Москвой, поляки между прочими статьями требовали отъ Москвы, чтобы московскій государь ежегодно присылалъ жалованье запорожскому войску, какъ ему на то грамота дана и какъ то на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало. На это требованіе московскіе послы отвѣчали: „Козакамъ запорожскимъ какое жалованье и за какую службу давалось и ка-

---

[1]) Лукомскій въ Лѣтописи Самовидца, Кіевъ, 1878, 350, 214.

[2]) Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, Москва, 1822, III, 215.

кая у нихъ грамота есть, того не упомнимъ; думаемъ, что то могло быть, когда запорожскіе козаки великимъ государямъ служили, и теперь, если начнуть служить, то имъ государево жалованье будетъ по службѣ“ [1]).

Болѣе правильное полученіе жалованья запорожскими козаками отъ московскаго царя установилось лишь со времени присоединенія Малой Россіи къ Великой, т. е. съ 1654 года. Въ прошеніи гетмана Богдана Хмельницкаго, на имя царя Алексѣя Михайловича, состоящемъ изъ 23 пунктовъ, въ послѣднемъ пунктѣ говорится: „Также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ, чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставить“ [2]). Рѣчь идетъ „о кормѣ и порохѣ“, о чемъ гетманъ просилъ у царя для 400 человѣкъ стражниковъ, жившихъ въ городѣ Кодакѣ; о томъ же, нужно думать, просилъ Хмельницкій царя и за запорожцевъ. Въ 1654 году, марта 19 дня, уже послѣ присоединенія Малой Россіи къ Великой, малороссійскіе посланцы, прибывшіе изъ Украйны въ Москву, говорили, что изъ Украйны на Запорожье „на кошевыхъ козаковъ запасы хлѣбные, и зелье, и пульки посылаются“, а въ крѣпость Кодакъ въ это же время отправлялись арматы, зелье и хлѣбные запасы. Отъ 1661 года сохранилось отрывочное указаніе на то, что „низовые козаки въ 8 миляхъ отъ Сѣчи благодарно приняли царское жалованье“, но какъ велико было это жалованье и какимъ образомъ оно распредѣлялось между старшиной и рядовыми козаками, неизвѣстно [3]). Только отъ 1668 года есть точное указаніе на то, что въ это время запорожское войско получило отъ царя Алексѣя Михайловича жалованье 2000 рублей да суконъ разныхъ цвѣтовъ 100 связокъ нѣмецкихъ [4]). Въ 1675 году запорожскому войску выдано было царскаго жалованья, 500 червонцевъ, 150 половинокъ суконъ, 50 пудовъ свинцу и 50 пудовъ зелья, т. е. пороху, и сверхъ того запорожцевъ долженъ былъ „ссужать противъ ихъ надобья борошномъ“

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 242.
[2]) Полное собраніе законовъ россійской имперіи, I, 327.
[3]) Акты южной и западной Россіи, X, 476, V, 96.
[4]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 218.

малороссійскій гетманъ; но гетманъ, Иванъ Самойловичъ, постоянно объ этомъ „забывалъ“, и запорожцы въ 1676 году вынуждены были напомнить ему объ этомъ [1]). Въ 1682 году „для его великого государя на россійскихъ царствахъ государствованія“ выдано было запорожцамъ 50 половинокъ суконъ шиптуховыхъ, а въ 1685 году столько же половинокъ суконъ амбургскихъ. Въ 1686 году, за службу запорожцевъ, за присылку ими (въ Москву) языковъ и за то, чтобъ они не ходили на службу въ Польшу, а также не чинили перемирія съ Крымомъ, имъ выдано было 50 половинокъ амбургскихъ суконъ [2]). Въ 1687 году, ради перваго крымскаго похода князя В. В. Голицына и участія въ немъ запорожскихъ козаковъ, запорожцамъ выдано было 500 рублей жалованья [3]). Въ 1688 году, когда построенъ былъ на р. Самарѣ городъ Новобогородицкій, выдано было запорожцамъ 100 червонныхъ золотыхъ, 500 рублей денегъ да 50 половинокъ амбургскихъ суконъ. Въ 1689 году, ради втораго крымскаго похода князя В. В. Голицына, выдано было запорожцамъ 1000 рублей, а въ 1692 году имъ пожаловано было 50 половинокъ амбургскихъ суконъ. Въ 1693 году запорожцы выражали жалобу гетману Ивану Мазепѣ на то, что имъ добавочнаго жалованья „по два алтына, албо и болѣй грошей да по аршину сукна на козака“ далеко недостаточно [4]);но за то въ этом ъже году въ виду того, что ни не пристали, по прелестнымъ письмамъ и подсылкамъ, къ калгѣ-салтану и измѣнникуПетрушкѣ (т. е. Петрику) и съ ними не ходили подъ малороссійскіе города, они получили царскаго жалованья 1000 золотыхъ червонныхъ да 50 половинокъ суконъ амбургскихъ. Въ 1696 году, ради морского похода и ради построенія морскихъ судовъ, выдано было запорожцамъ жалованья царскаго 1000 рублей да хлѣбныхъ запасовъ изъ Переволочны 500 кулей, а сверхъ того на 40 струговъ выданъ былъ изъ города Брянска струговой лѣсъ да изъ Москвы посланы были на Запорожье

---

1) Акты южной и западной Россіи, VII, 49;XII, 540, 634.

2) Архивъ мин. юстиціи; дѣла пр-го сената по малор. экспедиціи, 1742—1752, № 130/1857.

3) Тамъ-же; кромѣ того Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, IV,575.

4) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 174.

для тѣхъ же струговъ смола, пенька, канаты, веревки, якори, для парусовъ холстъ, желѣзо и вновь хлѣбныхъ запасовъ изъ Переволочны 300 четвертей. Въ 1698 году, въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, послано было изъ Москвы запорожцамъ, за службу въ турецкомъ городѣ Тавани, за то, что они, по отступленіи непріятелей въ томъ городѣ сидѣли и на выручку русскихъ ходили, кошевому атаману 50 ефимковъ, писарю 30 ефимковъ, асаулу 25 ефимковъ, на войско 1500 рублей да суконъ 1100 портищъ на 2708 рублей; кромѣ того изъ полка князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго 3208 рублей; особо отъ окольничьяго Василія Борисовича Бухвостова послано было запорожцамъ въ въ городъ Тавань 573 рубля и 20 алтынъ; да тѣмъ 315 человѣкамъ, которые везли въ Москву пойманныхъ языковъ и просьбу о выдачѣ жалованья, но остались въ малоссійскихъ городахъ, выдано было денегъ и суконъ на 1102 рубля. Въ 1699 году за то, что запорожцы въ 1698 году ходили плавнымъ походомъ на низъ Днѣпра и взяли тамъ 15 человѣкъ турокъ и въ виду того, чтобы они и впредь также вѣрно служили, на посторонніе прелести и обманы не склонялись и на зазывъ въ Польшу для службы не ходили, выдано было имъ 50 половинокъ суконъ амбургскихъ.

Въ 1700 году, ноября 9 дня, къ великому государю царю и великому князю, Петру Алексѣевичу, пріѣзжали въ Москву куренные атаманы, Кирикъ Надтока да Василій Иваненко, съ 80 товарищами для челобитья объ обыкновенномъ и о прибавочномъ для войска запорожскаго низового жалованьѣ. По этому поводу наведена была справка, сколько и въ какомъ порядкѣ выдавалось доселѣ царское жалованье запорожскому войску. „А великого государя обыкновенного годового жалованья посылается къ нимъ, запорожцамъ, по всягоды: кошевому атаману 2 сукна кармазинныхъ, атласъ, камка, 2 вершка бархатныхъ, 2 пары соболей по 3 рубля пара, 2 сорока соболей по 50 рублевъ сорокъ, судьѣ, писарю, асаулу по сукну кармазину, по атласу, по вершку бархатному, по парѣ соболей по 3 рублевъ пара, по сороку соболей по 50 рублевъ пара да на все войско по 500 золотыхъ червонныхъ, по 150 половинокъ суконъ амбургскихъ, по 50 пудъ зелья, свинцу тожъ. А то великого государя жалованье посылается с столниками і с стряпчими і с подь-

ячими, а сверхъ вышеписанного обыкновенного жалованья посылано к нимъ, по ихъ челобитью, в прибавку". Послѣ такой справки послано было запорожцамъ „обыкновенное годовое жалованье со всѣмъ противъ вышеписанного", т. е. въ такомъ количествѣ и порядкѣ, какъ написано въ справкѣ, съ тою лишь разницею, что—вмѣсто суконъ амбургскихъ „изъ „казенного приказу" даны были сукна шиптуховыя. „А что они, запорожцы, били челомъ в томъ году (1700?) о прибавочномъ жаловьѣ, і в томъ имъ отказано, потому что съ турскимъ салтаномъ і с ханомъ крымскимъ учинено перемирье і воинскихъ походовъ нѣтъ, и в прошлыхъ годахъ, по его великого государя указу, посылано имъ ево великого государя прибавочное жалованье за службы і за воинскіе походы. А нынѣ что к нимъ, запорожцамъ, обыкновенного и прибавочного великаго государя жалованья послать и с кемъ, о томъ великій государь что укажетъ. А великого государя в грамотѣ на Кошъ х кошевому атаману и ко всему посполству с ними, запорожцы, писано, что ево, великого государя, жалованье за ихъ многие службы прислано к нимъ будетъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ. А в прошлыхъ годехъ всегда к нимъ, запорожцамъ, посылано ево, великого государя, жалованье з дворяниномъ да подьячимъ зимнимъ путемъ, а о готовности в ту посылку червонныхъ золотыхъ, суконъ и соболей и пороху и свинцу посыланы приказу Малой Россіи памяти по приказамъ в ноябре и в декабре мѣсяцахъ" [1]). „1700 года, декабря въ 2-ой день, великій государь і великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія і Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, пожаловалъ низового войска запорожского кошевого атамана і все посполство, велѣлъ к нимъ послать годового жалованья за ихъ службы противъ прежняго: кошевому атаману 2 сукна кармазинныхъ, отласъ, камка, два вершка бархатныхъ, двѣ пары соболей по семи рублей пара, два сорока соболей по 50 рублей за сорокъ, судьѣ, писарю, асаулу по сукну кармазину, по атласу, по вершку бархатному, по парѣ соболей по 7 рублей пара, по сороку соболей по 54 рублей сорокъ, мѣрою сукна по 5 ар-

---

[1]) „Такова выписка за справою подъячего Федота Рогова."

шинъ, отласы и камки по 10 аршинъ, вершки бархатные по полу-аршину, да на все войско 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ амбургскихъ, 50 пудъ зелья, свинцу тожъ, сукна и отласы и камка и бархатные вершки ис казенного, соболи из сибирского, зелья и свинецъ ис пушкарского приказу, червонные золотые из ратуши, и послать то ево, великого государя, жалованье на Запорожье з дворянином̀ъ да приказу Малыя Россіи подьячимъ... А что они, запорожцы, били челомъ о прибавочномъ ево, великого государя, жалованьѣ, и нынѣ с турскимъ салтаномъ и с крымскимъ ханомъ учинено перемирье и воинскихъ походовъ нѣтъ, и для того имъ прибавочного жалованья нынѣ не посылать, а в прошлыхъ годѣхъ по ево, великого государя, указу, за ихъ службы и за воинскія походы ево, великого государя, прибавочное жалованье посылано". Въ 1701 и 1702 годахъ, посланы изъ семеновскаго приказа запорожскому войску 700 золотыхъ „одинокихъ" да сверхъ того 300 золотыхъ червонныхъ взято изъ монастырскаго приказа, всего 1000 золотыхъ да по особой помѣтѣ дьяковъ Посникова, Волкова и Рудостамова, отправлено въ тужъ посылку кошевому атаману 4 пары соболей по 7 рублей пара, 4 сорока по 50 рублей сорокъ, судьѣ, писарю, асаулу по двѣ пары соболей по 7 рублей пара, по два сорока соболей, по 50 рублей сорокъ съ хвостами, взятыхъ изъ сибирскаго приказа". Въ 1703 году, февраля 11 дня, въ расходной книгѣ малороссійскаго приказа между другими малороссійскими дѣлами написано: послано въ Запороги за 6 аршинъ бархату флорентинского по 2 рубля, за 16 аршинъ камки по полтинѣ, за 80 аршинъ атласу по 22 алтына, за 50 аршинъ сукна кармазину по полтора рубля за аршинъ, за 300 половинокъ суконъ амбургскихъ по 6 рублей по 26 алтынъ; по 4 деньгú за половинку, всего 2843 рубля, 27 алтынъ и 4 деньгú. Вся эта казна отправлена была запорожскимъ посланцами, Герасимомъ Крысою да Любимомъ Ирклѣевскимъ съ 70 товарищами. А марта 16 дня, онымъ запорожскимъ посланцамъ съ товарищами дано, ради праздника Алексѣя, человѣка Божія, на харчи 6 рублей да изъ недодаточныхъ кормовыхъ къ прежней дачѣ, которая имъ давана „за ихъ вины" по 4 деньги человѣку въ день „противъ прежнихъ

пріѣздовъ запорожскихъ посланцевъ", 140 рублей, 21 алтынъ и 4 деньги. Да марта же 23 дня дано было на отпускѣ запорожскимъ посланцамъ, Крысѣ и Ирклѣевскому, по парѣ соболей, по 6 рублей пара, асаулу и писарю по парѣ соболей по 4 рубля пара, рядовымъ козакамъ, 70 человѣкамъ, по парѣ соболей по 2 рубля пара человѣку съ хвостами. Въ томъ же, 1703 году, іюня 30 дня, послано было, по указу великаго государя, въ городъ Смоленскъ 649 человѣкамъ запорожцамъ 1000 рублей [1]). Въ 1704 году, февраля 6 дня, послано было въ Сичь запорожскую годового жалованья: кошевому атаману Константину Гордѣенку со всѣмъ товариствомъ за товары деньгами, за 5 вершковъ бархатныхъ по рублю за вершокъ, за 25 аршинъ сукна кармазина по рублю, 6 алтынъ и 4 деньги, всего 30 рублей, за пять паръ соболей по 7 рублей пара, всего 35 рублей, за 5 сороковъ по 50 рублей сорокъ, всего 210 рублей, за 40 аршинъ атласу по 20 алтынъ, всего 24 рубля, за 10 аршинъ камки по 16 алтынъ и 4 деньги, всего 5 рублей, за 500 золотыхъ червонныхъ по рублю, 6 алтынъ и 4 деньги, всего 600 рублей, за 150 половинокъ амбургскихъ суконъ по 5 рублей съ полтиной, 825 рублей, итого всего вмѣстѣ 1774 рубля. Вышеозначенная казна отправлена была дворяниномъ Михайломъ Остафьевымъ да приказа Малой Россіи подъячимъ Ѳедоромъ Борисовымъ, которымъ выдано было путевыхъ отъ Москвы до малороссійскихъ городовъ и обратно на 8 подводъ—11 рублей, 25 алтынъ, 2 деньги, да на ящикъ для казны, рогожи и веревки для упаковки 1 рубль, 3 алтына и 2 деньги, да для провожатыхъ 3 человѣкъ солдатъ поденнаго корма на недѣлю по 4 деньги человѣку на день, всего 14 алтынъ. Въ 1705 году послано было запорожскому войску годового жалованья: кошевому атаману Константину Гордіенку 2 вершка бархатныхъ, 2 сукна кармазиновыхъ, атласу 10 аршинъ, камки тожъ, двѣ пары соболей по 7 рублей пара, два сорока соболей по 7 рублей пара, два сорока соболей по 50 рублей сорокъ, судьѣ, писарю и асаулу по вершку бархатному, по

---

[1]) По другой справкѣ выдано было запорожскому войску на 1703 годъ жалованья за сукна, атласы, камки и соболи и за червонцы всего 3172 рубля и 81 копѣйка.

сукну кармазину, по атласу, по сороку соболей по 50 рублей сорокъ, по парѣ соболей по 7 рублей пара человѣку да на все поспольство 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ любскихъ, мѣрою всякая половина по 23 аршина съ полу-аршиномъ въ сорочкахъ, 50 пудовъ зелья, свинцу тожъ, а напредъ сего въ такія посылки было отпускаемо мѣрою вершки по полу-аршину, сукна по 5 аршинъ, атласы и камки по 10 аршинъ. „А оныя вышеписанныя вещи покупаны изъ ратуши по нижеслѣдующей цѣнѣ: 500 золотыхъ червонныхъ цѣною по 1 рублю, 20 алтынъ и 4 деньги золотой, итого 810 рублей, амбургскихъ суконъ 108 половинокъ куплены у города да атласу 40 аршинъ, 50 пудовъ свинцу по цѣнѣ ратушной, на 729 рублей, 31 алтынъ и 2 деньги, 42 половинки суконъ амбургскихъ по 6 рублей половинка, итого 252 рубля, 5 вершковъ бархатныхъ, мѣрою по полу-аршину, цѣною по рублю вершокъ, итого 5 рублей, сукна кармазина 25 аршинъ по 1 рублю, 23 алтына, 2 деньги аршинъ, итого 42 рубля, 16 алтынъ и 4 деньги, камки 10 аршинъ по 20 алтынъ за аршинъ, итого 6 рублей, 5 паръ соболей по 7 рублей пара, итого 5 рублей, пять сороковъ соболей по 50 рублей сорокъ, итого 250 рублей, 50 пудовъ пороху по 4 рубля, 10 алтынъ пудъ, итого 250 рублей да на всѣ сукна 150 сорочекъ по 10 денегъ сорочка, итого 7 рублей, 16 алтынъ 4 деньги, а всего вмѣстѣ на 2352 рубля, 31 алтынъ и двѣ деньги [1]). Сверхъ того отъ малороссійскихъ гетмановъ запорожцамъ отпускаемы были деньги, собираемыя съ Переволочанскаго перевоза да хлѣбныхъ запасовъ по 500 бочекъ; къ тому „настоящему“ жалованью къ запорожцамъ посылалось иногда прибавочное, а когда запорожцы бывали въ воинскихъ походахъ, то имъ выдавались „особыя дачи сверхъ настоящаго жалованья, смотря по службамъ ихъ, деньгами и хлѣбными запасами, небольшимъ числомъ“. Въ 1706 году, ноября 15 дня, послано было царскаго жалованья кошевому атаману Лукьяну Матвѣеву Яковлеву и всему поспольству противъ прошлаго, 1705 года. Въ 1707 и 1708 годахъ послано было жалованье запорожскому войску противъ

---

[1]) По другому счету—на сумму 2352 рубля и 94 коп.

того же 1705 года. Кромѣ того въ 1708 году дано великаго государя жалованья запорожскимъ посланцамъ полковникамъ, Ѳедору Долбнѣ, Власу Василенку, писарю, асаулу и 84 рядовымъ козакамъ на пріѣздѣ для покупки харчей 6 рублей, поденнаго корма съ пріѣзда ихъ, отъ 19 апрѣля по 16 іюня, полковникамъ по 3 алтына и 2 деньги на день, писарю да асаулу по 2 алтына и двѣ деньги, рядовымъ по 10 денегъ человѣку на день, имъ же на отпускѣ, полковникамъ по 10 рублей, за сукна кармазины по 6 рублей, за тафты по 3 рубля, за соболи по 6 рублей, писарю и асаулу по 5 рублей, за тафты по 3 рубля, за соболи по 4 рубля, за сукна кармазиновыя по 6 рублей, рядовымъ козакамъ денегъ по 4 рубля, за сукна аглинскія по 3 рубля, за соболи по 2 рубля, на покупку въ дорогу харчей 6 рублей, въ дорогу поденнаго корма на 3 недѣли по томужъ, по чему давано на Москвѣ, кромѣ того кормовыхъ отъ Сѣвска до Москвы на 10 дней всѣмъ, по 10 денегъ на человѣка въ день, да кромѣ того имъ же давано въ Москвѣ дровъ на недѣлю по 10 возовъ, деньгами по 2 алтына и 2 деньги за возъ, на свѣчи сальныя по 10 денегъ на сутки, прогонныхъ денегъ на ямскія подводы отъ Мценска до Москвы на 56 подводъ 20 рублей, 16 алтынъ, 4 деньги, оставшимся въ малороссійскихъ городахъ 19 человѣкамъ по 4 рубля человѣку, всего 1366 рублей, 27 алтынъ, и 4 деньги. Тѣмъ же полковникамъ, Долбнѣ и Василенку, съ 88 товарищами прогоновъ до малороссійскихъ городовъ на 90 подводъ по 27 алтынъ на подводу, всего 72 рубля и 30 алтынъ, да подъ посланную въ Запороги казну, подлокотные товары, соболи и сукна 150 половинокъ, подъ золотые червонные, подъ 50 пудовъ пороху, свинцу тожъ число, дано прогоновъ до малороссійскихъ городовъ на 12 подводъ по 27 алтынъ на подводу, итого 12 рублей и 32 алтына, провожатымъ казны, московскимъ солдатамъ, кормовыхъ до Калуги на недѣлю по 4 деньги человѣку на день, итого 1 рубль, 13 алтынъ, 2 деньги, прогоны на 3 подводы, по 9 алтынъ на подводу назадъ отъ Калуги по тому-жъ, итого 1 рубль, 2 алтына и 4 деньги [1]).

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія извлечены нами изъ Архива министерства юстиціи; дѣла прав-го сената по малорос. экспедиціи, 1742—1752, № $^{130}/_{1857}$.

Таковы данныя, указывающія на то, сколько выдавалось съ конца XVII вѣка и по начало XVIII царскаго жалованья запорожскому войску. Съ 1709 по 1734 годъ выдача обычнаго годового царскаго жалованья, вслѣдствіе событій 1709 года, войску запорожскому прекратилась.

Въ 1734 году, когда запорожцы изъ-подъ власти крымскаго хана вновь перешли подъ власть русскихъ императоровъ, тогда возобновлена была имъ и выдача царскаго жалованья. Въ сенатскомъ засѣданіи 1742 года, августа 4 дня, по этому вопросу состоялось слѣдующаго рода опредѣленіе: „Онымъ запорожцамъ опредѣлено повсягодно отпускать въ годъ жалованья въ мирное время противъ того, какъ имъ въ 1734 году, при посылкѣ къ нимъ грамоты о прощеніи винъ и о пріемѣ ихъ въ подданство россійское отпущено и при учиненіи отъ нихъ, запорожцевъ, присяги выдано было, а имянно: денегъ по 4660 рублевъ изъ штатъ канторы, да сверхъ того къ нимъ же, запорожцамъ, отпускать хлѣбного жалованья, муки по 1000 четвертей, крупъ на то число по препорціи, изъ провіантской канцеляріи и кременчуцкаго магазейна, да пороху и свинцу противъ прежняго изъ канцеляріи главной артиллеріи“.

Вотъ точное и несомнѣнное указаніе о томъ, сколько именно запорожское войско получало царскаго жалованья съ 1734 года. Отсюда то указаніе, будто бы запорожцамъ, возвратившимся въ 1734 году изъ предѣловъ Крыма въ предѣлы Россіи, опредѣлено было выдавать за службу на все войско 20.000 рублей, не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ указаніямъ [1]).

Изъ того же сенатскаго опредѣленія видно, что въ томъ же 1734 году, при посылкѣ запорожцамъ первой грамоты о прощеніи ихъ вины и о принятіи въ россійское подданство, дано было имъ отъ генерала фонъ-Вейсбаха 2000 рублей да при учиненіи ими присяги на вѣрность русскому престолу въ Бѣлой-Церкви вторично—2660 рублей, итого 4660 рублей [2]).

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 45.

[2]) Изъ того же Архива мин. юстиціи, тоже дѣло 1742—1752 года, № $^{130}/_{1857}$; также Григорія Миллера Историческія сочиненія, Москва, 1846, 81.

Повидимому въ такомъ же количествѣ выдавалось царское жалованье запорожскому войску въ теченіе 1735 и 1736 года. Отъ 1737 года, февраля 2 дня, сохранился рескриптъ „о дачѣ запорожскому войску денежного жалованья, въ примѣръ прежнихъ годовъ дачъ, вдвое“ 1). Такая прибавка вызвана была тѣмъ, что въ то время открылась война Россіи съ Турціей, въ которой принимали участіе и запорожскіе козаки, вызывавшіе своими дѣйствіями большія похвалы со стороны фельдмаршала гр. Миниха. Апрѣля 19 дня означеннаго года графъ Минихъ писалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о запорожцахъ слѣдующее: „По всемилостивѣйшему В-го Им-го В-а указу велѣно кошевого атамана Малашевича и все войско запорожское низовое, за оказанныя ихъ въ бывшемъ крымскомъ походѣ вѣрныя службы и для показанія оной въ предбудущую кампанію, всемилостивѣйше наградить денежнымъ жалованьемъ съ немалою противъ прошлыхъ лѣтъ прибавкою по моему разсмотрѣнію. А понеже въ прежнихъ годахъ давано было то жалованье обрѣтающимся тамъ архимандриту, священнику и діаконамъ, которымъ и нынѣ, по моему мнѣнію, для ихъ у запорожцевъ кредиту удовольствовать тѣмъ потребно, того ради по вышеписанному В. И. В. всемилостивѣйшему указу, сберегая В-го Им-го В-а казну, противъ предложеннаго при томъ указѣ росписанія, отпущено съ присланнымъ отъ нихъ судьею и старшинами и съ однимъ нарочнымъ офицеромъ съ нѣкоторою кошевому и прочимъ старшинамъ убавкою, а именно: кошевому атаману — 600 руб., судьѣ, писарю и асаулу, каждому по 300 руб., тамошнему архимандриту—60 руб., священнику—40 руб., діаконамъ двумъ—50 рублей, которымъ они могутъ быть довольны; а куреннымъ атаманамъ и козакамъ, ради лучшаго ихъ удовольствія и поощренія къ службѣ, и дабы какъ можно наиболѣе ихъ въ походъ выступить могло, съ прибавкою, яко-то 4000 рублей; да особливо, по силѣ того-жъ В-го Им-го В-а указу, велѣно командированному туда штабъ-офицеру роздать тайнымъ образомъ куреннымъ атаманамъ 38 человѣкамъ по 30 руб., итого

---

1) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, СПБ., 1897, в. X, ч. I, 262.

1140 руб., съ напоминаніемъ, дабы они, взирая на таковую В. И. В. милость содержали себя во всякой вѣрности и прилежно старались, дабы чрезъ ихъ попеченіе въ нынѣшнюю компанію козаковъ, сколько можно, было въ походѣ наиболѣе... Да сверхъ того нашу партію, которая водою противъ татаръ посылана была и нѣсколько плѣнныхъ нашихъ отбила, присланному полковнику и асаулу съ товарищи 185 руб., да присланному для принятія вышеписаннаго жалованья бывшему судьѣ съ товарищи на ихъ пропитаніе 33 рубля, да въ бытность мою въ Кременчугѣ бывшимъ въ походѣ за татарами при послѣднемъ ихъ въ наши границы впаденіи, которые зѣло храбро себя оказывали—28 руб. Всего на оное войско запорожское и помянутымъ запорожцамъ выдано изъ здѣшняго комисаріата денежной казны 7046 рублей". По такой же точно росписи выдано было запорожскому войску жалованье и въ 1738 году: кошевому—600, судьѣ, писарю и асаулу по 300, архимандриту—60, священнику 40, дьяконамъ двумъ 50, куреннымъ атаманамъ и козакамъ—4000, да особливо „тайнымъ образомъ" чрезъ штабъ-офицера 38-ми куреннымъ 1140 рублей; не показано только никакой дачи на партію, отбившую непріятеля, да запорожскимъ посланцамъ, ѣздившимъ за жалованьемъ [1]).

Въ 1739 и 1740 году царское жалованье выдано было запорожскому войску въ количествѣ 6150 рублей, а именно: кошевому атаману—600 рублей, судьѣ, писарю и асаулу по 300 руб., обозному—100 руб., полковникамъ двумъ каждому по 100 руб., полковымъ асауламъ двумъ, каждому по 50 руб., священнику—40 руб., прапорщикамъ полковымъ двумъ человѣкамъ, каждому по 30 руб., асаулу при обозномъ—20 руб., пушкарю—15 руб., довбышу—15 руб., куреннымъ атаманамъ и козакамъ на всѣхъ 4000 рублей, итого 6150 [2]).

Съ 1742 года, по опредѣленіямъ сената отъ 4 и 21 чи-

---

[1]) Сборникъ военно-историч. матеріаловъ, Спб., 1897, в. X, ч. I, 318; в. XI, ч. II, 295.

[2]) Изъ тогоже Архива мин. юстиціи, тоже дѣло, 1742—1752, № $^{130}/_{1857}$; также Григорія Миллера Историческія сочиненія, Москва, 1846, 81.

селъ августа мѣсяца, велѣно было отпускать войску запорожскому жалованье вмѣсто червонныхъ, мягкой рухляди и товаробъ деньгами въ мирное и военное время каждогодно изъ статсъ-конторы изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по 4660 рублей, муки по 1000 четвертей, крупъ на то число по пропорціи, какъ воинскія дачи производятся изъ провіантской канцеляріи, свинцу и пороху по 50 пудовъ изъ канцеляріи главной артиллеріи [1]).

Въ 1746 году запорожцы, основываясь на томъ, что войско ихъ въ численности прибавилось, а жалованье, денежное и хлѣбное, противъ древнихъ годовъ умалено, просили императрицу Елизавету Петровну о прибавкѣ войску жалованья. Но эта просьба запорожцевъ не была уважена, и имъ отпущено было жалованье „опредѣленное“ безъ прибавки [2]). Въ такомъ же количествѣ отпущено было жалованье запорожскому войску и въ слѣдующихъ 1747—1755 годахъ [3]).

Съ 1759 года, по просьбѣ запорожскаго войска и по ходатайству гетмана графа К. Г. Разумовскаго, жалованье запорожскому войску опредѣлено было въ 6660 рублей, а мука, крупа, свинецъ и порохъ—въ прежнемъ количествѣ.

По росписи 1768 года это жалованье распредѣлялось такимъ образомъ: кошевому атаману—70 руб., судьѣ 60 руб., писарю—50 руб., асаулу—40 руб., пушкарю и довбышу—3 руб., войсковымъ канцеляристамъ—12 руб., тридцати осьми куреннымъ атаманамъ—1020 рублей или 27 рублей на каждаго, товариству всѣхъ 38 куреней—5320 рублей или по 140 рублей на каждый курень, начальнику сѣчевой церкви — 5, подначальнику — 3, іеромонахамъ—5, дьяконамъ—3, уставщику—3, свѣчкарю—1, ктиторамъ—4, школярамъ—3, пономарнѣ—10, семи старшинскимъ слугамъ по одному рублю на каждаго, всего 7 рублей, кухарямъ—2 рубля, кромѣ того подарокъ офицеру, что казну привозилъ—5 рублей, унтеръ-офицеру при немъ—2 рубля, сол-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XIV, 697.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; дѣла прав-го сената по малор. экспедиціи 1742—1752, $№^{130}/_{1857}$.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XVI, 686—695.

датамъ—5 рублей, атаманамъ, что съ жалованьемъ пріѣзжали—20 рублей, а всего 6660 рублей [1]).

Въ самомъ концѣ историческаго существованія запорожской Сичи, а именно въ 1773 году, относительно выдачи запорожскому войску денежнаго и хлѣбнаго жалованья сенатскимъ указомъ опредѣлено было слѣдующее: „Какъ именными Ея Императорскаго Величества конфирмаціями, состоявшимися на поднесенныхъ отъ сената докладахъ 1765 года сентября 15 и 1768 года іюля 25 повелѣно, по 1-му, отпускать ежегодно запорожскому войску изъ главнаго кригсъ-комисаріата денежного жалованія за провіантъ, порохъ и свинецъ противъ прежнихъ ассигнованій по 7519 рублей и 47 коп.; по 2-му, что какъ сія сумма выходитъ единственно въ жалованье и выдачу пріѣзжающимъ за тѣмъ на путевыя издержки, на кормъ и на прочее, да и тожъ недостатно, то издержанные за отпущенный провіантъ, порохъ и свинецъ деньги возвратить, да и впредь на такіе расходы до тѣхъ поръ, пока воинская коммисія о всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ положеніе сдѣлаетъ, отпускать статсъ-конторѣ изъ ея доходовъ, и потому вслѣдствіе оныхъ высочайшихъ конфирмацій произвесть изъ главнаго кригсъ-комисаріата противъ прежнихъ дачъ Ея Им-го Вел-а обыкновенное на нынѣшній 1773 годъ жалованье, а именно—денежнаго всему запорожскому войску 6660 рублей да присланнымъ за тѣмъ жалованьемъ полковнику съ товарищи, издержанныхъ ими въ дорогѣ, такожъ и на здѣшнее пребываніе 743 рубля, а всего 7415 рублей, да сверхъ того прогонныхъ денегъ на 24 подводы сколько надлежитъ. При этомъ деньги на путевые расходы выдать здѣсь же, а жалованье всему войску запорожскому велѣть отправить изъ объявленныхъ мѣстъ къ Сѣчи запорожской водой по рѣкѣ Днѣпру мѣдной монетой. Если же въ тамошнихъ мѣстахъ принадлежащихъ до комисаріата доходовъ столько на лицо состоять не будетъ, сколько въ выдачу запорожцамъ потребно, то отпустить ту сумму кіевской губернской канцеляріи“. Точно такой же указъ изданъ былъ „о выдачи хлѣбнаго жалованья, муки 1300 четвер-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 201—203.

тей, крупъ на то число по препорціи, какъ воинскія дачи производятся изъ Новосѣченскаго или изъ другихъ ближайшихъ къ тому войску магазейновъ, главной провіантской канцеляріи ассигновать въ отпускъ безъ замедленія, откуда по разсмотрѣнію оной канцеляріи, способнѣе и для казны полезнѣе будетъ“ [1]).

Если взять среднюю цифру 6.660 рублей и раскинуть ее на все запорожское войско, т. е. на 10—12 тысячъ человѣкъ средней численности, то царскаго жалованья окажется слишкомъ недостаточно даже для первой необходимости козаковъ—содержанія лошадей въ военное время. Оттого запорожцы ежегодно просили о прибавкѣ жалованья войску, жалуясь на незначительную сумму отпускаемыхъ имъ русскимъ правительствомъ денегъ и на трудныя времена жизни; но правительство или вовсе оставляло эти просьбы безъ удовлетворенія, или-же дѣлало прибавки лишь въ видѣ временнаго пособія и то лишь за особыя военныя заслуги.

Для сохраненія общей войсковой казны у запорожскихъ козаковъ существовала такъ называемая скарбница и заведена была опись, „особливый войсковій скарбець и табель войсковій“; для этой цѣли содержалась особая „неподвижная“ скрыня при сичевой церкви на рукахъ войсковаго судьи. Эту казну могли считать и расходовать старшина и куренные атаманы лишь съ общаго согласія стариковъ; безъ стариковъ-же никто ни изъ старшинъ, ни изъ куренныхъ не смѣлъ до нея касаться, въ противномъ случаѣ виновнаго казнили смертью, а все имущество его отбирали на войско, не взирая на то, будетъ-ли онъ значный или простой козакъ [2]).

Вмѣстѣ съ денежнымъ жалованьемъ выдавалось запорожскимъ козакамъ и хлѣбное жалованье, а также боевое „зелье“, т. е. свинецъ и порохъ; до 1759 года имъ отпускалось по 1.000 пудовъ муки и „по военной узаконенной пропорціи крупы“, а съ 1759 года 1.300 четвертей муки и крупы вмѣстѣ, свинцу-же и пороху по 50 пудовъ отдѣльно. Хлѣбное жалованье распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: ко-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., XIV, 703.

[2]) Фелицынъ, Кубанскія областныя вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890 года.

шевому—15 четвертей муки и 2 четверти крупъ, судьѣ—15 четвертей муки и 2 четверти крупъ, писарю—12 четвертей муки и 2 четверти крупъ, асаулу—10 четвертей муки и 1 четверть крупъ, войсковой канцеляріи—10 четвертей муки и 3 четверти крупъ, пушкарю и довбышу вмѣстѣ—6 четвертей муки, начальнику церквей—5 четвертей муки, пономарнѣ—2 четверти муки, школѣ—4 четверти муки, кторамъ сичевымъ—2 четверти муки, стадникамъ войсковымъ—2 четверти муки, 38 куренямъ по 32 четверти муки, 1 четверти и 6 четвериковъ крупъ; всего 1.300 четвертей муки и 85 четвертей крупъ [1]).

Кромѣ царскаго хлѣбнаго жалованья запорожскіе козаки получали иногда продовольственные запасы еще изъ Кіево-Межигорскаго и собственнаго Самарско-Николаевскаго монастырей. Такъ, въ 1759 году, 4 сентября, изъ монастырскихъ мельницъ по Самарѣ и Самарчику отправлено было въ Сичь, на войсковую канцелярію, по „едной бочкѣ пшона пшеничнаго да и ржаного“ на войсковыхъ, присланныхъ съ нарочнымъ изъ Сичи въ монастырь, подводахъ“ [2]). Какъ распредѣлялся свинецъ и порохъ, за неимѣніемъ указаній, намъ неизвѣстно; извѣстно лишь то, что нѣкоторую часть его получали и сичевые школяры, жившіе тѣмъ-же общиннымъ началомъ, какъ и всѣ низовые товарищи [3]). Свинцу и пороху, также какъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, слишкомъ было недостаточно для всего запорожскаго войска; оттого запорожцы частію сами дѣлали его, а большею частью, такъ какъ свой порохъ былъ плохого производства, покупали у поляковъ, украинцевъ, турокъ, татаръ, армянъ и даже жидовъ [4]).

Гдѣ и какъ выдавалось денежное и хлѣбное жалованье запорожскимъ козакамъ, объ этомъ даютъ понятіе подробные акты сичевого архива, отрывочно сохранившіеся до нашего времени. Послѣ перехода запорожскихъ козаковъ изъ-подъ власти крымскаго хана въ 1734 году въ Россію, запорожцы, по ходатайству своего благодѣтеля, кіевскаго

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 202, 203.
2) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 108.
3) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.
4) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.

генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, денежное жалованье получали лично въ Петербургѣ. Дѣлалось это такимъ образомъ. Ежегодно изъ Сичи въ столицу отправлялась депутація изъ 20 человѣкъ „знатнаго войскового товариства“—полковника, писаря, асаула, и 17 куренныхъ атамановъ; эта депутація ѣхала сперва въ Кіевъ, или (съ 1750 года) въ Глуховъ, въ Глуховѣ представлялась гетману, отъ котораго получала прогоны и дорожніе листы и потомъ уже пускалась въ Москву или въ Петербургъ. Прибывъ въ столицу, депутація размѣщалась на казенный счетъ по квартирамъ, потомъ представлялась императору или императрицѣ и, пока происходила формальность выдачи жалованья, знакомилась съ столичными вельможами, дарила ихъ привезенными изъ Сичи подарками, принимала сама отъ нихъ „презенты“, потомъ получала денежное жалованье, иногда милостивые подарки—медали, кафтаны, сукно, бархатъ, шубы; въ тоже время испрашивала листъ на хлѣбное жалованье, свинецъ и порохъ, которые отпускались, по ассигновкѣ отъ провіантской канцеляріи и отъ конторы главной артиллеріи и фортификаціи, изъ кременчугскихъ магазиновъ, и доставлялись въ Сичь казенными судами и людьми „за надлежащимъ конвоемъ“. Подъ конецъ депутація вновь представлялась ко двору, удостаивалась видѣть „высокомонаршее лицо“ и, наконецъ, уѣзжала обратно изъ столицы въ Сичь.

Такъ дѣлалось до 1751 года; съ этого года указомъ 26 ноября установившійся порядокъ полученія жалованья запорожскими козаками былъ измѣненъ. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій нашелъ [1]), что за дальнимъ разстояніемъ столицы отъ Сичи, поѣздки запорожцевъ за жалованьемъ сопрягались съ большими трудностями и потому, по его предписанію, а по рѣшенію правительствующаго сената, опредѣлено было на будущее время: „тому запорожскому войску повсегодно отпускать и ассигновать денежное жалованье стацъ-конторы изъ тамошнихъ ближнихъ мѣстъ, хлѣбное жалованье провіантской канцеляріи съ кременчуц-

---

[1]) Неизвѣстно самъ-ли лично или подъ вліяніемъ ненавистника запорожцевъ, кіевскаго генералъ-губернатора Михаила Леонтьева.

каго магазейна, порохъ и свинецъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи изъ ближнихъ же мѣстъ, и отсылать въ кіевскую губернскую канцелярію, а той канцеляріи все оное жалованье, какъ денежное и хлѣбное, такъ порохъ и свинецъ на 1751 годъ отправить и впредь повсегодно отправлять тому запорожскому войску въ Сѣчу чрезъ нарочныхъ казенными судами и людми за надлежащимъ конвоемъ и отдавать кошевому атаману и всему войску съ росписками... а присланнымъ отъ запорожцевъ въ Москву или Петербургъ нарочнымъ (т. е. депутатамъ) кормовыхъ, на питье, дрова и свѣчи, такожъ при отпускѣ имъ жалованья и прогонныхъ денегъ, то оного давать имъ не надлежитъ, для того что къ полученію оного жалованья какъ нынѣ, такъ и впредь присланныхъ отъ того войска запорожскаго уже не будетъ“ [1]). Запорожцы справедливо считали подобное распоряженіе немилостью для себя, а для всего войска страшнымъ затрудненіемъ. Затрудненіе это шло какъ отъ обычнаго въ то время волокитства и формализма дѣлъ, такъ и отъ личнаго настроенія кіескаго генералъ-губернатора; въ то время кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Михаилъ Леонтьевъ, до глубины души ненавидѣвшій запорожцевъ. На этотъ разъ онъ употребилъ отъ себя все возможное, чтобы сдѣлать непріятное запорожскимъ козакамъ: козаки получали жалованье впередъ за годъ, но прошелъ 1751 годъ, а жалованья не было; прошла и первая четверть 1752 года, а жалованье все также не было доставлено въ Сичь. Тогда запорожцы обратились съ жалобою на Леонтьева гетману графу Кириллу Разумовскому, въ которой писали, что „жалованья отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, по многократнымъ требованіямъ, къ нимъ, запорожцамъ, въ присылкѣ еще не имѣется“. Гетманъ, прочитавъ жалобу запорожцевъ, сдѣлалъ предписаніе генералъ-губернатору отпустить войску запорожскому деньги „безъ всякаго медлительства“; на это предписаніе Леонтьевъ отвѣчалъ Разумовскому, что деньги еще не получены изъ бѣлгородской канцеляріи и потому не могутъ быть выданы запорожцамъ. Такъ запорожское войско

---

[1]) Миллеръ, Историческія сочиненія о Малороссіи, Москва, 1846, 78.

ждало своего денежнаго жалованья до 21 іюня 1752 года: только въ это время прибылъ въ Сичь поручикъ Фроловъ съ 1 капраломъ и 12 солдатами на пяти подводахъ и привезъ козакамъ ихъ войсковое денежное жалованье [1]).

Еще труднѣе было получить запорожцамъ хлѣбное жалованье, порохъ и свинецъ: вмѣсто того, чтобы доставить хлѣбное жалованье въ самую Сичь казенными судами и людьми, запорожцамъ велѣно было принять его изъ кременчугскаго магазина. Запорожцы возражали, что это составляетъ для нихъ великую трудность, потому что для „привозу оного въ Кошъ надобно до 400 подводъ, коихъ въ Сѣчи запорожской взять ни откуда, къ тому же и разстояніе того магазейна отъ Сѣчи до 300 верстъ числится“ [2]). Вслѣдствіе этого они находили, что проще, удобнѣе и безъ затрудненія можно было бы получать хлѣбное жалованье въ самой Сичи изъ магазина новосѣченскаго ретраншемента, „изъ котораго и предъ симъ во всѣ почти годы оное имъ производимо было“ и въ которомъ во всякое время можно было найти 3.000—4.000 четвертей хлѣбнаго продовольствія. Но на это имъ возражалъ князь Семенъ Волконскій, занимавшій въ то время видное мѣсто по провіантской части на югѣ: онъ указывалъ запорожцамъ на кременчугскій хлѣбный магазинъ, а къ новосѣченскому приказывалъ вовсе не касаться, чтобы оставить запасы его на другіе, болѣе необходимые и экстренные случаи. Запорожцы, однако, настаивали на своемъ, и въ 1751 году сдѣлано было распоряженіе отпускать имъ хлѣбное жалованье изъ магазина новосѣческаго ретраншемента. Однако, на этотъ разъ они встрѣтили новое затрудненіе со стороны оберъ-провіантмейстера магазина: безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи онъ не желалъ выдавать запорожцамъ хлѣбнаго жалованья; только въ 1752 году, 18 сентября, запорожцы получили провіантъ изъ магазина новосѣченскаго ретраншемента за 1751 годъ. А между тѣмъ еще 24 іюля 1752 года, по просьбѣ запорожскихъ козаковъ, посланной ими гетману Разумовскому и по доношенію гетмана отъ 4 апрѣля въ колле-

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, VI, августъ, 753.

[2]) Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 79.

гію иностранныхъ дѣлъ, послѣдняя, черезъ правительствующій сенатъ, сдѣлала по этому поводу слѣдующее категорическое постановленіе: „Просятъ оны запорожцы, чтобъ для полученія для денежнаго жалованья дозволено было имъ посылать въ Москву или Санктпетербургъ по прежнему обыкновенію старшину съ 20 человѣками знатного войскового товарищества и онымъ бы по прежнему производить кормовіе и на питье, дрова и свѣчи, такожъ при отпускѣ жалованья и прогонные въ оба пути денги, которыхъ уже давать не велѣно и которое отрѣшеніе дачи они, запорожцы, почитаютъ себѣ за крайнюю обиду, чрезъ посилку же за тѣмъ жалованьемъ въ Москву или Санктпетербургъ нарочныхъ, не точію они какой трудъ, но еще высочайшую ея императорскаго величества милость признаютъ, будучи удостоиваны видѣть высокомонаршое ея императорскаго величества лицо; а хлѣбное жалованье просятъ же получать изъ новосѣчинскаго магазейна, изъ котораго и предъ симъ во всѣ почти годы оное имъ производимо было. Гетманъ при томъ же съ своей стороны представляетъ, или дозволить имъ запорожцамъ по прежнему посылать нарочныхъ, или же производить даванное число присыланныхъ денегъ, кои отрѣшени, такожъ бы о беззамедлителномъ произвожденіи денежнаго жалованья и объ отпуску хлѣбного изъ новосѣченскаго магазейна и генералу Леонтіеву подтвердить. Коллегія иностранныхъ дѣлъ разсуждаетъ, что, когда запорожцы, не ставя ни въ какой себѣ трудъ, желаютъ по прежнему присылать въ Москву или Санктпетербургъ нарочныхъ, особливо же въ такомъ ихъ не неприличномъ намѣреніи, чтобъ тѣмъ присланнымъ удостоиться представленнымъ быть предъ ея императорское величество для отданія имъ всенижайшаго и подданническаго ея величеству поклона, еже оные за высочайшую ея величества милость и авантажъ себѣ признаваютъ и тѣмъ пользоваться хотятъ, то имъ въ томъ отказать и лишить ихъ оного не надлежитъ, въ каковомъ разсужденіи на таковую присылку по прежнему нарочнымъ въ Москву или Санктпетербургъ для полученія денежнаго жалованья имъ запорожцамъ и позволить можно, токмо бъ тѣхъ присланныхъ старшины съ войсковымъ товариществомъ и служителми ихъ, то есть во всей свитѣ было не болше 20 человѣкъ

(какъ то и опредѣленіями правительствующаго сената 1742 году, августа 4 и 21 чиселъ постановлено), а правительствующему сенату чрезъ сіе коллегія иностранныхъ дѣлъ предъявляетъ, дабы соизволено было приказать надлежащее всему войску запорожскому денежное жалованье, такожъ будущимъ въ присылкѣ чинамъ съ служителми ихъ противъ прежнихъ дачъ кормовіе и на питье, дрова и свѣчи, при отпускѣ ихъ жалованные и прогонные какъ тѣмъ присланнымъ, такъ и будущимъ съ ними для препровожденія оной жалованной всему войску денежной казны въ конвоѣ, оберъ-офицеру съ солдаты, во оба пути деньги статсъ-конторѣ здѣсь, съ Санктпетербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ случится, отпускать и по писанному отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщенію выдавать онымъ, будущимъ въ присылкѣ запорожцамъ и конвойному офицеру сполна. Хлѣбное же жалованье, такожъ порохъ и свинецъ, по вышеписанному прежнему правительствующаго сената опредѣленію, казеннымъ коштомъ кіевской губернской канцеляріи въ самую Сѣчу къ нимъ запорожцамъ отправлять, а не такъ, какъ выше значитъ. Они, запорожцы, пишутъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтіевъ опредѣлилъ имъ самимъ изъ кременчуцкого магазейна хлѣбъ принимать, еже онъ, генералъ-губернаторъ, не по силѣ правительствующаго сената опредѣленія и въ напрасную имъ, запорожцамъ, тяготу учинилъ, о которомъ до самой Сѣчи казеннымъ коштомъ отправленіи, яко же и безъ замедлительномъ на 1751 годъ всего жалованья отпускѣ, буди еще оного не учинено, соизволено бъ было изъ правительствующаго сената къ оному генералъ-губернатору Леонтіеву подтвердить и притомъ ему, Леонтіеву, опредѣлить хлѣбное жалованье какъ на означенный 1751 годъ нынѣ отпустить, такъ и впредь повсягодно отпускать, по представленію запорожцевъ, не изъ кременчуцкой, но по способности изъ новосѣчинскаго магазейна“ [1]).

Это было писано въ 1752 году, 24 іюля; наступилъ 1753 годъ, и повторилась та же исторія: хлѣбнаго жалованья за 1752 годъ вновь не было получено въ Сичи. Тогда

---

[1]) Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 79, 80.

запорожця, съ кошевымъ атаманомъ Павломъ Ивановичемъ Козелецкимъ, отнеслись въ кіевскую губернскую канцелярію и просили выдать имъ хлѣбное жалованье изъ новосѣченскаго магазина; но новосѣченскій оберъ-провіантмейстеръ Смецкій указывалъ имъ на переволочанскаго коменданта, бригадира Кошелева, вѣдавшаго новосѣченскими и ближайшими къ нему хлѣбными магазинами. Запорожцы обратились къ Кошелеву. Кошелевъ сперва отказалъ имъ вовсе въ выдачѣ провіанта, а потомъ согласился, но, не зная, изъ какого именно магазина дать, обратился за рѣшеніемъ этого вопроса въ главную провіантскую канцелярію. Но вопросъ былъ разрѣшенъ указомъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи 13 января, 1753 года. Въ началѣ этого года изъ Сичи въ Петербургъ отправлена была депутація, съ полковникомъ Даниломъ Гладкимъ во главѣ, за полученіемъ денежнаго жалованья войску запорожскому. Денежное жалованье было выдано депутатамъ въ столицѣ, а о хлѣбномъ было строго предписано въ кіевскую губернскую канцелярію выдать „безъ замедленія“; депутація приняла это распоряженіе на обратномъ пути изъ Петербурга, и хлѣбное жалованье скоро было выдано [1]).

Такимъ образомъ только въ 1753 году установился опредѣленный порядокъ полученія запорожскими козаками царскаго жалованья—хлѣбнаго въ самой Сичи, а денежнаго въ Петербургѣ или Москвѣ.

Дошедшіе до насъ въ отрывкахъ архивные документы Сичи даютъ указанія, кто въ какомъ году ѣздилъ за полученіемъ жалованья и чего удостоился въ столицѣ. Въ 1753 году отправлены были полковникъ Прокофій Максимовъ, писарь Джевага, асаулъ Осипъ Рубанъ и 17 куренныхъ атамановъ; имъ выдано было войсковаго жалованья 4.660 рублей, полковнику съ товарищами на питье, дрова и свѣчи 200 рублей, на издержку путевыхъ отъ Сичи до Москвы 127 рублей, подарокъ полковнику 50 рублей, подарокъ писарю и асаулу по 36 рублей, подарокъ 17 куреннымъ атаманамъ, каждому по 18 рублей, итого 5.415 рублей; сверхъ того прогонныхъ денегъ на доставку запорожскому войску денежнаго жа-

---

[1]) Кіевская Старина, 1883, VI, августъ, 754, 755.

лованья до Сичи въ одинъ путь 141 рубль и 20 копѣекъ, да на конвойныхъ оберъ-офицера и солдатъ на четырехъ-ямскихъ подводахъ отъ Москвы до Сичи и обратно отъ Сичи до Москвы въ оба пути 51 рубль и 38 копѣекъ. Въ 1754 отправлены были за жалованьемъ въ Петербургъ полковникъ Василій Золотаревскій съ товарищами и получилъ столько-же. Въ 1756 году отправлены были полковникъ Бѣлый, писарь Андрей Семеновъ и асаулъ Иванъ Кухаревскій, съ 17 куренными атаманами, и получилъ столько-же. Въ 1759 году отправлены были полковникъ Куликовскій, писарь Иванъ Глоба и асаулъ Степанъ Холодъ съ 17 куренными атаманами, и получили обыкновенныхъ 6.660 рублей да сверхъ того 2.000 прибавки на все войско, въ остальномъ по прежнему, кромѣ недоданныхъ „изъ кіевской губернской канцеляріи въ правительствующій сенатъ изъ ямской канцеляріи справки прогоновъ 8 рублей и 80 копѣекъ по недостатку въ Москвѣ за множественнымъ разгономъ ямскихъ подводъ, за наемъ отъ Москвы до Кіева 5 рублей и 88 копѣекъ“, итого 7.429 рублей и 68 копѣекъ. Въ 1761 году отправлены были полковникъ Григорій Корсунскій, писарь Михаилъ Усъ и асаулъ Василій Пимлинъ, съ 17 куренными атаманами, и получили всего съ собственными подарками 7.415 рублей, въ томъ числѣ, по обыкновенію, войсковыхъ 6.660 рублей. Въ 1763 году отправлены были полковникъ Яковъ Близнюкъ, писарь Петръ Уманецъ и асаулъ Михайло Рудикъ съ 17 куренными атаманами и получили 7.088 рублей, потому что раньше того взяли въ Москвѣ 327 рублей, итого 7.415 рублей, въ томъ числѣ обыкновенныхъ войсковыхъ 6.660 рублей. Въ 1773 году отправлены были полковникъ Павловъ, писарь Потапенко и асаулъ Мовчанъ, съ 17 куренными атаманами, и получили всего 7.415 рублей, въ томъ числѣ обыкновенныхъ войсковыхъ 6.660 рублей [1]).

Въ началѣ все наличное жалованье выдавалось войску запорожскому золотою и серебряною монетою, но съ 1764 года одною мѣдною [2]); тщетно запорожцы хлопотали о за-

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, 76, 90, 129, 158, 171, 185, 207.
[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 203.

мѣнѣ мѣдной на серебряную или золотую, — и до конца существованія Сичи имъ выдавалось жалованье мѣдными деньгами.

Всѣ добываемые войсковые доходы, запорожскіе козаки употребляли прежде всего на общественныя дѣла—покупку боевыхъ запасовъ, съѣстного продовольствія, устройство перевозовъ, содержаніе духовенства, сооруженіе лодокъ, а потомъ и на содержаніе всей войсковой старшины. Но часть изъ войсковыхъ доходовъ расходилась и по рукамъ отдѣльныхъ личностей: считая всѣ земныя угодья и всѣ вообще доходы собственностію Коша, запорожское войско не исключало тѣмъ и частной собственности; такъ, напримѣръ, конь, оружіе, разныя сооруженія, заработанныя деньги, полученная послѣ дѣлежа добыча, наконецъ, царское жалованье, составляли личную собственность каждаго запорожскаго низового козака.

Что касается монетной единицы, то у запорожцевъ существовали деньги—турецкія, русскія и польскія: „съ кѣмъ имѣли дѣло, того имѣли и гроши“, по замѣчанію очевидца. Въ началѣ XVIII вѣка, по указанію малороссійскаго лѣтописца, у малороссійскихъ козаковъ, а слѣдовательно, и у запорожскихъ были въ обращеніи слѣдующія, кромѣ червонцевъ, монеты: левы [1]), орлянки, чвертки, полталярки, орты, тимфы, шостаки, шаги, чехи, осмаки, галаганы. Всѣ эти деньги, послѣ полтавской битвы, по распоряженію русскаго царя Петра Алексѣевича, были „выведены и выгублены“, а вмѣсто этихъ Малороссія была наполнена „русскою мѣдною, да серебряною дробною и твердою монетою, краснымъ кунштомъ изданною“ [2]).

---

[1]) Въ 1755 году пара левковъ на русскій счетъ равнялась 1 р. 20 к. Записки одес. общ. ист. и древ., XIV, 62.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 516; Архивъ минист. юстиціи; дѣла правительств. сената по малор. экспедиціи 1742—1752, № $^{130}/_{1857}$.

Грамотность, канцелярія и школа у запорожскихъ козаковъ.

Ближайшее знакомство съ исторіей, бытомъ и характеромъ запорожскихъ козаковъ даетъ полное основаніе сказать, что въ отношеніи грамотности запорожцы стояли въ одно и то же время и на очень низкой, и на очень высокой ступени. Въ то время, когда масса запорожскаго войска, жившаго по зимовникамъ, бродившая по плавнямъ, скитавшаяся со своими стадами по безмѣрнымъ степямъ, коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, иногда даже находилась въ одичаніи, въ это самое время масса сичевого войска, такъ называемаго низового товарищества, по своей грамотности и начитанности, стояла столь высоко, что превосходила въ этомъ отношеніи среднее, а можетъ быть, и высшее сословіе людей великорусскаго званія своего времени. Въ особенности это относится къ запорожцамъ XVIII вѣка: если не большинство, то многіе изъ кошевыхъ и судей, за нѣкоторыми исключеніями, были люди грамотные, собственноручно подписывавшіеся на ордерахъ и письмахъ. Мало того: читая письма, ордера и цидулки кошевыхъ, судей и другихъ старшинъ къ гетманамъ, панамъ и боярамъ, видимъ, что многіе изъ нихъ писали не только грамотно, но даже довольно обработанно и риторично; грамотность эта простиралась до того, что въ Сичи находились лица, умѣвшія сочинять латинскія вирши и духовные канты. „Между ними, говоритъ современникъ, были такіе грамотеи, что и въ лаврѣ и въ столицахъ рѣдко отыскать можно было подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчѣ было всякого народу довольно“ [1]). Это будетъ вполнѣ понятно, если

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 41.

мы вспомнимъ, что Сичь весьма часто наполнялась „ученными и недоученными спудеями“ кіевской духовной академіи, многими польскими, украинскими и иногда великорусскими панами и дворянами, умѣвшими и читать, и писать, но неумѣвшими ужиться съ порядками своей родины. Сами „московскіе люди“, утверждающіе, будто въ Сичи было правиломъ выбирать въ кошевые человѣка, „грамотѣ незнающаго“, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что нерѣдко какой нибудь войсковой старшина, считавшійся въ Сичи неграмотнымъ, но потомъ выѣхавшій изъ Запорожья на Украйну, оказывался въ дѣйствительности не только знавшимъ россійскую грамоту, но понимавшимъ „и другія науки“ [1]).

А насколько были грамотны сичевые козаки, это всего лучше можно видѣть изъ рѣчи, сочиненной запорожскимъ войсковымъ писаремъ, Иваномъ Чугуевцомъ и произнесенной имъ 9 сентября, 1762 года, въ присутствіи императрицы Екатерины II, въ Петровскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, по поводу ея восшествія на престолъ. „Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня, императрица и самодержица всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ, всеобщій и непремѣнный, долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благопоспѣшество и похвалу передъ Богомъ, а его преступленіе приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія насилія, междоусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно вся жизнь наша и все наше счастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти, Богомъ надъ нами опредѣленной, за что мы божественному его объ насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ,

---

[1]) Архивъ свѣдѣній до Россіи, Калачова, СПБ., 1861, 9, § 13.

которыхъ Онъ Самъ богами и сынами Вышняго называетъ; а паче еще то, что какъ они на высочайшемъ (=ей) ступени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, но ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы, почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себѣ пользуемъ и предъ Богомъ себя оправдаемъ (=оправдываемъ). Чего всего въ разсужденіи, когда царь небесный, Ваше Императорское Величество, на престолъ всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ, сыны и питомцы Низоваго Днѣпровскаго запорожскаго Коша, какъ притоманныя дѣти и птенцы орляго своего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истиной матери нашей о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти, Вашего Императорскаго Величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчегѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнѣмъ долгоденствіемъ да оградитъ! Господь силъ, крѣпкій во брани, свѣтъ державы твоея въ силѣ и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ, въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ, всѣхъ враговъ твоихъ подъ ноги тебѣ сокрушитъ. Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго, Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непресѣкомо пребывати на землѣ, дондеже солнце и луна пребудутъ на небеси! Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! Съ симъ искренно усерднымъ желаніемъ и вѣрноподданническимъ привѣтствіемъ священнѣйшему Вашего Императорскаго Величества лицу низовое запорожское войско являться дерзаетъ и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокомонаршимъ Вашего Цесарскаго Величества стопамъ раболѣпно повергаетъ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, главнѣйшій процентъ грамотныхъ людей давала запорожскимъ козакамъ кіевская духовная академія. Этимъ объясняется съ одной стороны частое употребленіе въ письмахъ запорожскихъ козаковъ текстовъ изъ священнаго писанія, въ родѣ слѣдующихъ: „Хто кому зле

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1841, II, 103—165.

мѣритъ, тою-же мѣрою и ему возмѣрится“; „Домъ раздѣливыйся на себе, запустѣваетъ“; „Возносяйся домъ твой зостанетъ пустъ, и въ жилищахъ твоихъ живущаго не будетъ; ею бо мѣрою мѣрилъ еси, тоею возмѣрится, по неложному глаголу евангельскому“ [1]). Съ другой стороны тѣмъ-же объясняется особенная страсть запорожскихъ грамотеевъ къ иностраннымъ и классическимъ словамъ и вычурнымъ, витіеватымъ выраженіямъ, въ родѣ слѣдующихъ: недишкреція, перспектива, респекція, зрепремандъ, спецификованный, респонсъ, сатисфакція, антецессоръ, горизонтъ, пашквиль, Киммерійскій босфоръ, Эвксинскій понтъ, Меотическое озеро, славетное гнѣздо Сѣча, журавель на купинѣ стоящъ, пава въ краснопестромъ перѣ, душепагубное езеро грѣховное, давать мѣсто плевосѣятельствамъ, впасть въ канѣкулу (т. е. бѣшенство, отъ слова „canis“—собака), отписать его превелебности, сдалека усмотрѣть перспективою своего ума, и т. п. [2])

Грамотные люди высоко цѣнились въ Запорожьѣ, потому что „они святое письмо читаютъ и темныхъ людей добру научаютъ“. Самые расторопные изъ нихъ дѣлались войсковыми писарями и нерѣдко, какъ по своему званію, такъ и по своему природному уму, играли рѣшающія роли между запорожскими козаками; прозвище „лукавая пысуля“ получилъ одинъ изъ бывшихъ войсковыхъ писарей, человѣкъ удивительно изворотливаго ума и изумительной находчивости, Антонъ Головатый. Огромное большинство войсковыхъ писарей были, разумѣется, малороссы, что видно изъ многочисленныхъ отписокъ ихъ, въ которыхъ встрѣчаются слова и выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „Велѣте разставыть по квартырамъ слободкы Мачабыловкы“; „Расположилы запорожскихъ козаковъ в Екатерынинской провинцыи винтеръ фартерамы стороною Орелы со всѣми угодіями“; „безъ причиненія в‘чемъ лыбо и малѣйшыхъ тѣмъ поселянамъ обыдъ, какъ изъ ордера его высококняжескаго сыятельства видно“; „вашего сыятельства ордеръ по на-

---

1) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 560, 471.

2) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 379, 468, 542, 552; Ѳеодосій, Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 101; Величко, Лѣтопись, II, 31, 338, 469, 558; Акты южной и западной Р., XII, 639.

носамъ пыкынерныхъ вашему сыятельству началныковъ“; „дать о себе знать Екатерынинской провинціи посмѣжно живущымъ владельцамъ таковымъ, скоими надобние чертижи слѣдоватимуть“ [1]). На одномъ черновомъ документѣ, уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ сичевого архива, сдѣлана приписка, явно изобличающая происхожденіе запорожскаго писаря: „Спробуваты пера и черныла, чи добре буде пысати“ [1]).

Но кромѣ пришлаго элемента, дававшаго запорожскимъ козакамъ большой процентъ грамотныхъ людей, въ самомъ Запорожьѣ были разсадники грамотности, школы. Запорожскія школы раздѣлялись на школы – сичевыя, монастырскія и церковно-приходскія.

Въ сичевой школѣ обучались мальчики, частію насильно уведенные козаками откуда-нибудь и потомъ усыновленные ими въ Сичи, частію самовольно приходившіе къ нимъ изъ Украйны и Польши, частію-же нарочно привозимые богатыми родителями въ Сичь для обученія грамотѣ и военному искусству и называвшіеся обыкновенно въ Запорожьѣ „молодиками“. Такихъ школьниковъ, по показанію однихъ современниковъ, находилось въ Сичи сверхъ 30 человѣкъ; по показанію другихъ до 80, изъ коихъ 30 взрослыхъ и 50 малолѣтнихъ [2]). Сичевые школьники учились чтенію, пѣнію и письму; имѣли особый, но подобный всему войску общинный строй; располагали общею школьною суммой, бывшею всегда на рукахъ старшаго, выбирали изъ собственной среды двухъ атамановъ, – одного для взрослыхъ, другого для мололѣтнихъ, и по собственному усмотрѣнію или оставляли ихъ на прежнихъ должностяхъ, или низвергали по истеченіи каждаго года; они получали доходы частію отъ „наказныхъ“ отцовъ, частію за звонъ въ колокола и чтеніе псалтири по умершимъ козакамъ, за продажу ладона въ сичевой церкви, за колядку подъ окнами у сичевого товарищества и поздравленіе его на праздники Рождества Христова, Новаго года и свѣтлаго Христова Воскресенія; сверхъ всего этого сичевые школьники по-

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 314—317.
[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 286.

лучали извѣстную долю отъ боевыхъ запасовъ—свинцу и пороху,—присылавшихся каждогодно изъ столицы въ Сичь на все запорожское низовое войско [1]).

Главнымъ учителемъ сичевой школы былъ іеромонахъ-уставщикъ, который, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей наставника, несъ на себѣ и второстепенныя: заботился о здоровьѣ мальчиковъ, выводилъ ихъ, въ случаѣ повальныхъ болѣзней, на „свѣжую воду“ въ луга, исповѣдовалъ и пріобщалъ больныхъ, хоронилъ умершихъ и обо всемъ случавшемся въ школѣ подробно доносилъ кошевому атаману и вмѣстѣ съ тѣмъ пограничному доктору [2]).

Судя по документу 1750 года, размѣръ сичевой школы далеко не соотвѣтствовалъ количеству мальчиковъ, учившихся въ ней; самый дворъ ея былъ настолько малъ, что дѣти, собранныя сюда „съ разныхъ мѣстъ всѣ въ кучѣ пребываютъ“ [3]).

Школа монастырская существовала при Самарско-Николаевскомъ монастырѣ и возникла вмѣстѣ съ первою церковью его, около 1576 года; здѣсь учились также малолѣтніе и взрослые мальчики и юноши, подъ руководствомъ самарскаго іеромонаха; предметами обученія были—грамота, молитвы, законъ божій и письмо [4]).

Школы церковно-приходскія существовали почти при всѣхъ приходскихъ церквахъ запорожскаго поспольства, т. е. подданнаго или семейнаго сословія запорожскихъ козаковъ, жившаго въ паланкахъ по слободамъ, зимовникамъ и хуторамъ. „Церковь съ звоницею, на одной сторонѣ ея шпиталь, а на другой школа составляли необходимую принадлежность всякаго православнаго прихода въ запорожскомъ краѣ“ [5]). Нѣкоторыя изъ этихъ школъ назывались спеціально „школами вокальной музыки и церковнаго пѣнія“ и предназначались для обученія мальчиковъ музыкѣ и пѣнію; подобныя школы были въ Сичѣ и въ паланкахъ; такъ, въ 1770 году такая школа переведена была изъ Си-

---

1) Мышецкій, Исторія о козакахъ, 46; Скальковскій, Исторія, I, 145.
2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 146.
3) Кіевская Старина, 1891, сентябрь, томъ XXXIV, 491.
4) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 30.
5) Ѳеодосій, Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 30, 57.

чи въ Орловщину на лѣвый берегъ рѣки Орели. „Это сдѣлано было съ тою цѣлію, чтобы среди Запорожья, въ центрѣ семейнаго козачества, поднять и возвысить церковное чтеніе и пѣніе, чтобы въ школѣ практически пріучить молодыхъ козаковъ, хлопцевъ, къ церковному пѣнію, образовать изъ нихъ чтецовъ и пѣвцовъ для всѣхъ вновь открываемыхъ церквей и приходовъ запорожскаго края. Есть много основаній предполагать, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой орловщинской школѣ былъ любимецъ кошевого Калнишевскаго, тотъ знаменитый „читака и спивака“, прежде бывшій города Переяслава святопокровской церкви дьячокъ Михаилъ Каѳизма, котораго, какъ отличнаго чтеца и пѣвца въ 1766 году, Глѣбовъ перевелъ изъ Переяслава въ Елисаветградъ и опредѣлилъ въ пѣвческую должность въ качествѣ капельмейстера“ [1]). Изъ другихъ школъ, сичевой, монастырской и приходскихъ выходили дьяконы, уставщики и писаря, всегда пользовавшіеся бо́льшимъ сочувствіемъ у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ пришлые изъ другихъ мѣстъ въ Запорожье.

Изъ всего сказаннаго о запорожскихъ школахъ видно, что въ Сичи было дѣйствительно „не безъ грамотныхъ“, какъ выразился въ устномъ отвѣтѣ Антонъ Головатый князю Григорію Потемкину. А каковъ былъ процентъ грамотныхъ на неграмотныхъ въ Запорожьѣ, можно судить по двумъ документамъ, дошедшимъ до насъ. Въ 1763 году куренные атаманы и нѣкоторые старики „дали въ Кошѣ росписку“ строго выполнять всѣ порядки внутренняго благоустройства въ своемъ войскѣ и въ знакъ того сдѣлали рукоприкладство, „хто по простотѣ крестами, а хто можетъ, письмомъ“; тогда на 13 неграмотныхъ въ одномъ куренѣ, оказалось 15 грамотныхъ [2]). Въ 1779 г., послѣ паденія Сичи, когда запорожцы присягали на вѣрность русскому престолу, то изъ 69 человѣкъ, принесшихъ присягу, 37 оказалось грамотныхъ и 32 неграмотныхъ [3]). Фактъ — въ высшей степени поучительный для тѣхъ, которые составили себѣ представленіе о запорожскихъ козакахъ, какъ о

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 385.

[2]) Фелицынъ, Кубанскія областныя вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888.

гулякахъ, пьяницахъ и грубыхъ невѣждахъ: пусть такіе люди попробуютъ найти подобный процентъ грамотности въ массѣ средняго и даже высшаго сословія, не говоря уже о низшемъ сословіи, великорусскаго народа означеннаго 1779 года.

Строго держась во всемъ простоты, больше опираясь на обычай, чѣмъ на письменное право, запорожскіе козаки держались той-же простоты и въ канцелярской процедурѣ. Такъ, по свидѣтельству современника, жившаго въ Сичи четыре года, историка князя Семена Ивановича Мышецкаго, у запорожцевъ не было ни особой канцеляріи, ни обширнаго штата служащихъ при ней: всѣ входящія бумаги принималъ войсковый писарь, которому давался помощникъ, подписарій. Изъ нѣкоторыхъ актовъ XVII вѣка можно заключить, что бумаги и письма, получавшіяся въ Сичи, иногда складывались въ войсковой скарбницѣ. Такъ, когда въ 1673 году къ запорожцамъ пріѣхалъ козакъ Зубъ, посланецъ гетмана Ивана Самойловича, и не засталъ въ Сичи кошевого Сирка, то письмо, привезенное посланцемъ на имя кошевого, запорожцы, отобравъ, спрятали до пріѣзда Сирка въ войсковую скарбницу [1]). Обязанности писаря и помощника состояли въ томъ, что они принимали и читали царскіе указы, королевскія посланія, ханскія письма низовому товариству на войсковыхъ радахъ и давали, съ согласія всего войска, отписки на разные спросы и предложенія, дѣлаемые ему тѣми или другими царственными и правительственными лицами, при чемъ всякое письменное дѣло справляли при квартирѣ или куренѣ писаря. Тѣже свидѣтели утверждаютъ, что ни журналовъ о повседневной жизни войска, ни записокъ о походахъ его запорожцы совсѣмъ не вели [2]). „Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ годъ у кнызи, а мисяцъ у неби“ — обыкновенно говорили лукавые запорожцы въ томъ случаѣ, когда отъ нихъ требовали навести справку по входящимъ книгамъ о томъ или другомъ человѣкѣ, бѣжавшемъ изъ московской или польской земли въ Запорожье. Впрочемъ, есть полное ос-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, С.Петербургъ, 339.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 46, 47.

нованіе думать, что запорожскіе козаки далеко не такъ просто вели свои дѣла, какъ представлялось это людямъ „московскаго званія“, жившимъ или случайно бывшимъ въ Сичи. Дѣло въ томъ, что, указывая на крайнюю простоту своей жизни и отсутствіе будто-бы всякой канцелярщины въ Сичи, запорожскіе козаки тѣмъ самымъ желали гарантировать такъ-называемые „войсковые секреты“; по ихъ понятію, чтобы сохранить вполнѣ политическую независимость всего козацкаго строя, нужно было держать въ строгомъ секретѣ всѣ проявленія общественной и частной жизни войска, а этого нельзя было и достигнуть, если бы они открыто заявляли о существованіи у нихъ повседневныхъ записей всего происходившаго въ Сичи. Сохранившіеся до нашего времени документы Самарско-Николаевскаго монастыря показываютъ, напримѣръ, что у запорожскихъ козаковъ имѣлись архивы какъ при главной войсковой канцеляріи, такъ и при каждой паланкѣ низовыхъ вольностей; что у нихъ велись разсчетныя записи Сичи съ монастыремъ; что у нихъ даже производилась народная ревизія [1]). Во время спора запорожскихъ козаковъ, въ 1753 году, съ старосамарцами за обладаніе самарскимъ побережьемъ, запорожцы, для доказательства своихъ правъ, обращались „къ войсковой архивѣ“, гдѣ нашли копіи съ универсала гетмана Богдана Хмельницкаго, 1655 года, и указа императрицы Елизаветы Петровны, 1746 года „на свободное Самарью и лѣсными и протчими угодіями владѣніе“ [2]). Въ 1755 году, 4 февраля, ордеромъ изъ Сичи въ самарскую паланку полковнику Ѳедору Тарану было предписано не чинить обывателямъ села Чернечьяго при Самарско-Николаевскомъ монастырѣ никакихъ обидъ и не „притягать“ обывателей и козаковъ села къ „покуховному“ сбору и ордеръ кошевской объ этомъ запрещеніи приказывалось „содержать въ сохраненіи для веденія (=вѣдѣнія) при архивѣ въ паланцѣ, и при перемѣнѣ съ рукъ на руки, съ прочими дѣлами, полковникамъ отдавать, дабы излишнихъ переписокъ и затрудненій не послѣдовало“ [3]). Въ 1769 году, октября

---

[1]) Надхинъ, Церковные памятники Запорожья, Москва, 1876, 17.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 78.

[3]) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 104.

дня, запорожскіе козаки, отправляясь въ походъ подъ Бѣлгородъ „къ Очаковской сторонѣ“, вели изо дня въ день подробный дневникъ о своихъ походахъ, съ обозначеніемъ числа всего двигавшагося войска, мѣстъ переправъ, остановокъ, схватокъ, количества захваченной добычи и послѣдовательнаго порядка возвращенія въ Сичь [1]). Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи сичевое товариство стояло на степени вполнѣ организованнаго государственно-соціальнаго общества людей, жившихъ не только интересами текущаго дня, но и интересами далекаго будущаго, на которое они всегда взирали, по ихъ собственному выраженію, „здалека перспективою своего ума“.

---

1) Фелицынъ, Историческіе документы запорожскаго сичевого архива, Екатеринодаръ, 1890.

Почтовыя учрежденія у запорожскихъ козаковъ.

Въ странѣ, существовавшей исторически болѣе двухъсотъ лѣтъ, въ странѣ, вполнѣ благоустроенной, въ странѣ, гдѣ жили люди, постоянно находившіеся въ живыхъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ державными и властными особами востока, запада, сѣвера и юга, не могло не быть такого перваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такого необходимаго на пути развитія культуры учрежденія, какъ учрежденіе почтъ. Конечно, на первыхъ порахъ въ Запорожьѣ, какъ и въ каждой странѣ, роль постоянныхъ почтарей выполняли или случайно пріѣзжавшіе въ Сичь люди, или-же экстренно посылавшіеся курьеры. Такъ, извѣстно, что кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ 1675 году, написавши письмо отъ имени всего запорожскаго товарищества на имя гетмана Петра Дорошенка, отправилъ его для передачи черезъ „случившихся на ту пору“ въ Сичи чумаковъ [1]). Извѣстно также, что и на Украйнѣ генеральный судья Кочубей, посылая доносъ на гетмана Мазепу въ Петербургъ, отправилъ его особымъ гонцомъ. Впослѣдствіи случайныхъ подателей и экстренныхъ гонцовъ замѣнили постоянные почтари.

Но какъ рано возникли собственно почтовые гоны въ Запорожьѣ, сказать этого, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя. Архивные документы даютъ указаніе на этотъ счетъ лишь съ конца XVII и съ половины XVIII вѣка. Въ 1686 году, для сношенія польскаго короля Яна Собѣскаго съ Украйной и Запорожьемъ, установленъ

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 365; Акты юж. и зап. Россіи, V, 238, 249; IX, 415; VIII, 173.

былъ почтовый пунктъ въ городѣ Бѣлой-Церкви. Оттуда гонцы посылались въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украйны и изъ Украйны въ Запорожье. Добытыя вѣсти привозились обратно въ Бѣлую-Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ (1). Въ половинѣ XVIII вѣка почтовые гоны въ Запорожьѣ учреждены были Воейковымъ и Исаковымъ командиромъ Новороссійской и Кіевской губерній и „управителемъ“ Новороссіи 2). Это было въ ноябрѣ 1768 года. Зорко слѣдя за событіями, происходившими въ то время въ Польшѣ, Крыму и Турціи и постоянно разсылая для того тайныхъ военныхъ агентовъ изъ Сичи къ русскимъ полномочнымъ представителямъ въ Крымъ, Турцію и Польшу, Воейковъ, а за нимъ и Исаковъ, нашли нужнымъ, для скорѣйшаго полученія извѣстій о дѣлахъ, происходившихъ въ названныхъ странахъ, завести въ Запорожьѣ почтовыя „станицы“. Тогда установлены были почтовые гоны въ четырехъ пунктахъ, выше сѣверо-западной окраины запорожскихъ вольностей, по шести лошадей съ проводниками въ каждомъ: Крюковѣ, у праваго берега Днѣпра, противъ Кременчуга; слободѣ Онуфріевкѣ, на рѣчкѣ Сухомъ-Омельникѣ, теперешней Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда; у южнаго конца балки Княжихъ-Байраковъ, противъ извѣстнаго въ настоящее время Шаровскаго трактира, Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, и въ селеніи Желтомъ, въ прямомъ направленіи къ востоку отъ Княжихъ Байраковъ. Убѣдившись въ необходимости почтовыхъ гоновъ, запорожцы тотъ-же часъ воспользовались намѣченнымъ трактомъ и соединили Сичь съ послѣдней станціей въ селеніи Желтомъ, на протяженіи 125 верстъ, также посредствомъ четырехъ почтовыхъ пунктовъ: отъ Сичи до лѣваго притока рѣки Базавлука, Солоной, 25 верстъ; отъ Солоной до рѣки Базавлука на Церковный мостъ, 45 верстъ; отъ Базавлука до лѣваго притока рѣки Ингульца, Саксагани на Похиловскій мостъ, 25 верстъ; отъ Саксагани до „станицы“ въ Желтомъ, 30 верстъ, и далѣе на установленныя станціи. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ устроены бы-

---

1) Архивъ Варшавской казенной палаты, стр. III, кн. VII, л. 120, 123.

2) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 245, 257.

ли почтовыя станціи, а на каждой станціи опредѣлено было содержать для разгона 6 лошадей и къ нимъ имѣть 3 козака; козаки обязаны были возить почту и разныхъ посланцевъ, съ платой по одной копѣйкѣ съ версты за одну лошадь.

Однако, заведенный порядокъ почтовыхъ гоновъ просуществовалъ на первый разъ въ Запорожьѣ весьма недолго: въ тотъ-же 1768 годъ татары огромной массой ворвались изъ Крыма въ Запорожье, разорили въ немъ множество селъ и зимовниковъ, истребили массу народа, а въ томъ числѣ многихъ почтарей съ ихъ домами и лошадьми. Но гроза скоро миновала, и тогда запорожцы, послѣдовательно, съ 1769 по 1775 годъ, устроили у себя 8 новыхъ почтовыхъ гоновъ и завели въ нихъ образцовый порядокъ.

Первый, одинъ изъ длиннѣйшихъ почтовыхъ гоновъ, шелъ на протяженіи 292 верстъ, прямо съ юга на сѣверъ, отъ Сичи въ протовчанскую паланку, оттуда черезъ рѣку Орель въ крѣпость Козловскую, и состоялъ изъ 10 почтовыхъ пунктовъ: отъ Сичи до зимовника козака Губы, у рѣчки Чортомлыка, 20 верстъ; отъ зимовника Губы до рѣки Каменоватой, 26 верстъ; отъ Каменоватой до зимовника козака Кривого,на рѣчкѣ Камышеватой-Сурѣ, 40 верстъ; отъ Камышеватой-Суры до зимовника козака Войты, на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, 50 верстъ; отъ зимовника Войты до Стараго-Кодака, 29 верстъ; отъ Стараго-Кодака до Лоцманской-Каменки, 2 версты [1]); отъ Лоцманской-Каменки черезъ Днѣпръ до центра самарской паланки, Самарчика, 30 верстъ; отъ Самарчика до зимовника козака Петра Рябого, у рѣчки Кильчени, 45 верстъ; отъ зимовника козака Рябого до слободы Лычкова, у лѣваго берега Орели, 50 верстъ; отъ Лычкова черезъ Орель въ крѣпость Козловскую, 20 верстъ. При каждой изъ названныхъ станцій полагалось по 4 лошади и по 2 козака; прогонная плата взималась по 3 деньги съ версты за 1 лошадь; жалованье почтарямъ, въ военное время, выдавалось изъ суммъ армейскихъ.

---

[1]) Въ Исторіи Скальковскаго, I, 247, вмѣсто Стараго-Кодака названъ Новый-Кодакъ, но отъ Лоцманской-Каменки до Новаго-Кодака не менѣе 17 верстъ, тогда какъ отъ Каменки до Стараго-Кодака дѣйствительно около 2 верстъ.

Второй почтовый гонъ, тянувшійся на протяженіи 127 верстъ, шелъ по тому-же направленію, только съ небольшими уклоненіями: отъ Сичи до Чортомлыка, 20 верстъ; отъ Чортомлыка до Каменоватой, 20 верстъ; отъ Каменоватой до зимовника козака Литвина, 46 верстъ; отъ зимовника Литвина до моста на Сурѣ, 20 верстъ; отъ моста на Сурѣ до Стараго-Кодака, 19 верстъ; изъ Кодака до Лоцманской-Каменки, 2 версты; отсюда, переправившись черезъ Днѣпръ, прямо на сѣверъ по указанному выше тракту до крѣпости Козловской, выше праваго берега рѣки Орели.

Третій почтовый гонъ шелъ отъ Сичи до Стараго-Кодака и отъ Кордака черезъ 9 слѣдующихъ пунктовъ: Пушкаровку, Домоткань, Бородаевку, Днѣпровскую-Каменку, Мишуринъ-Рогъ, Тройницкую, Зимунь, Потоцкую-Каменку и Крюковъ. Очевидно, этотъ почтовый гонъ установленъ былъ по тому самому козацкому шляху, который шелъ вдоль праваго берега Днѣпра и извѣстенъ былъ у запорожскихъ козаковъ подъ именемъ Крюковскаго, а у академика Василія Зуева, 1781 года, подъ именемъ „твердой и ровной чернопесчаной дороги“ [1]).

Четвертый почтовый гонъ, установленный въ 1771 году, въ разгаръ первой русско-турецкой войны, шелъ также съ юга на сѣверъ и соединялъ Запорожье съ Украйной, а черезъ Украйну съ центральной Россіей; онъ имѣлъ сперва 4 пункта, потомъ, съ 1772 года, вслѣдствіе наводненія въ рѣкѣ Самарѣ, измѣненъ и сокращенъ до 3 пунктовъ. По росписанію 1771 года онъ шелъ на урочище Жуковское, Богданово [2]), зимовникъ козака Шрама у устья рѣчки Опалихи, праваго притока Самары, и урочище Барвиничную-Стѣнку на рѣчкѣ Кильчени, близъ зимовника Петра Рябого. Здѣсь полагалось по 2 лошади и по 5 козаковъ къ нимъ съ фуражемъ и провіантомъ. По распредѣленію 1772 года этотъ гонъ шелъ на урочище Сорокъ могилъ, близъ рѣчки Вольнянки и Попасныхъ-Байраковъ, на рѣчку Малую-Терновку, правый притокъ Самары, гдѣ былъ зимовникъ

---

1) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 245.

2) Село Богдановo на рѣчкѣ Большой-Терновкѣ, правомъ притокѣ Самары, Павлоградскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

войскового писаря Глобы и Шрамовъ бродъ, въ устьѣ рѣчки Опалихи. Здѣсь полагалось по 12 лошадей и по 6 къ нимъ козаковъ.

Установивъ названные почтовые гоны, запорожскій Кошъ до 1774 года предоставлялъ обязанность почтарей на всѣхъ станціяхъ вольнымъ охотникамъ, но съ 1774 года возложилъ почтовую повинность исключительно на зимовчанъ, т. е. паланочныхъ семейныхъ козаковъ, призывая къ тому сичевыхъ товарищей только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, во время полнаго обѣдненія зимовчанъ, но и то лишь возлагая на нихъ обязанность заготовленія корма для почтовыхъ лошадей въ теченіе зимняго времени. Для этой цѣли составленъ былъ списокъ всѣхъ хатъ въ каждой паланкѣ запорожскихъ вольностей и на все число приведенныхъ въ извѣстность хатъ возложена была обязанность устроить опредѣленное число станцій. Въ списокъ внесены были хаты всѣхъ женатыхъ козаковъ, кромѣ неженатыхъ и бурлацкихъ зимовчанъ. Въ общемъ приведенный въ извѣстность списокъ далъ 1,912 хатъ; на нихъ положено было 256 лошадей и 128 почтарей.

По этому списку въ кодацкой паланкѣ насчитывалось 184 хаты, которыя должны были имѣть 13 почтарей: въ Новомъ-Кодакѣ—3, на мосту рѣчки Мокрой-Суры—3, на рѣчкѣ Камышеватой-Сурѣ, въ зимовникѣ козака Олексы Кривого—5, въ Сичи—1 и въ зимовникѣ козака Росколупы—3. Въ самарской паланкѣ насчитывалось 891 хата, которыя должны были имѣть 60 почтарей: при паланкѣ—30, при рѣчкѣ Кильчени, въ урочищѣ Барвиночной-Стѣнкѣ, близъ зимовника Петра Рябого — 4, въ урочищѣ Сорокъ могилъ—2, на рѣчкѣ Малой-Терновкѣ—2, на рѣчкѣ Опалихѣ — 2, на рѣчкѣ Каменоватой — 3, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ—3, въ перевозѣ Микитиномъ—3, въ Каменкѣ, у мѣста бывшей Каменской Сичи—7. Въ протовчанской паланкѣ насчитывалось 501 хата, которыя должны были имѣть 33 почтаря: въ Сичи—3, въ паланкѣ на рѣчкѣ Протовчей—20 и въ слободѣ Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Новаго-Кодака—10.

Потребность сношенія съ Украйной, а черезъ нее и съ Россіей, русскихъ гарнизоновъ въ отошедшихъ отъ Турціи, послѣ мира 1775 года, крѣпостяхъ: Таганрогѣ, Кинбур-

нѣ, Азовѣ, Керчи и Еникале, заставили запорожцевъ установить еще четыре почтовыхъ гона.

Первый изъ этихъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ запорожскимъ Кошемъ, по распоряженію графа Румянцева-Задунайскаго, для сообщенія между Кинбурномъ и Кременчугомъ по слѣдующимъ семи станціямъ: Петровой, Водяной, Саксагани, Каменкѣ, Базавлуку, Чортомлыку и Микитиной; отъ Микитиной черезъ Верблюжку на станціи новосербскихъ поселеній до Кременчуга. Велѣно было на всѣхъ указанныхъ семи пунктахъ учредить постоянныя жилища—въ степяхъ устроить „землянки“ или „мазанки“, для защиты отъ холода въ зимнее время, совершенно отдѣльныя отъ козацкихъ зимовниковъ, для избавленія хозяевъ отъ обременительныхъ повинностей; у обоихъ береговъ, противъ главныхъ перевозовъ, сдѣлать спеціальныя пристанища, чтобы курьеръ не имѣлъ надобности переправлять лошадей съ одного берега на другой, а могъ-бы оставить ихъ въ одной станціи и, переправившись на противоположный берегъ, найти тамъ другихъ лошадей. Разстояніе между станціями указано было не менѣе 10 и не болѣе 30 верстъ; число лошадей и почтарей полагалась по 10 на каждой станціи [1]).

Второй изъ четырехъ гоновъ установленъ былъ отъ Сичи до Голой-Пристани черезъ Александръ-Шанецъ, вдоль праваго берега Днѣпра, по слѣдующимъ 9 пунктамъ: въ Сичи; на притокѣ Днѣпра, Большой-Терновкѣ; въ зимовникѣ козака Павлюка; на рѣкѣ Ингульцѣ, въ зимовникѣ козака Головка; на рѣкѣ Ингульцѣ, въ зимовникѣ козака Шульги; на рѣкѣ Ингульцѣ, у Бѣлыхъ-Криницъ; на рѣкѣ Ингульцѣ, въ урочищѣ Городищѣ [2]); въ Александръ-Шанцѣ; на рѣчкѣ Бѣлозеркѣ и, наконецъ, у праваго берега Днѣпра, противъ Голой-Пристани; отсюда черезъ Днѣпръ съ праваго берега на лѣвый, къ самой Голой-Пристани. Самый перевозъ черезъ Днѣпръ можно было сдѣлать и не доѣзжая мѣста, противъ Голой-Пристани, какъ кажется, въ теперешнемъ урочищѣ Перевизкѣ, на $2^1/_2$ версты ниже устья

---

1) Скальковскій, Исторя Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 255.

2) Между Дарьевкой и Еленовкой, имѣніями Н. Н. Комстадіуса, Херсонскаго уѣзда.

рѣки Ингульца, на 2 версты ниже усадьбы владѣльца села Фалѣевки, Н. Н. Комстадіуса, Херсонскаго уѣзда. Здѣсь имѣлись для переправы два дуба, двѣ лодки и одинъ паромъ.

Третій изъ четырехъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ по такъ называемому Кызыкерменскому шляху, которымъ въ 1787 году возвращалась императрица Екатерина II изъ Крыма въ Россію [1]). Онъ шелъ по направленію отъ Крюкова изъ села Зыбкаго у вершины рѣчки Мокраго-Омельника на Курячью-Балку; правый притокъ Ингульца, Водяную; Кривой-Рогъ; Ингулецъ; Кисляковцы, „гдѣ былъ козакъ Окатый“; Ингулецъ, гдѣ былъ Гергельскій пришибъ; Ингулецъ, у зимовника козака Шульги; Ингулецъ, у Бѣлыхъ-Криницъ; Ингулецъ, въ Городищѣ, и наконецъ, въ Александръ-Шанцѣ. На каждой изъ этихъ станцій полагалось по 10 почтовыхъ лошадей и по 5 почтарей, а всего 100 лошадей и 50 почтарей.

Наконецъ, послѣдній изъ четырехъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ 28 апрѣля 1775 года для соединенія Полтавы черезъ крѣпость Петровскую, близъ Бердянска, у Азовскаго моря, съ завоеванными у турокъ крѣпостями, Керчью и Еникале. Онъ шелъ на Кильчень, Новоселицу, рѣчки Нижнюю-Терсу, Верхнюю-Терсу, Ганчулъ, устье Каменки, праваго притока Волчьей, крѣпость Захарьевскую, рѣчки Берды и до крѣпости Петровской.

На постройки всѣхъ станцій въ означенныхъ мѣстахъ дозволено было козакамъ вырубить необходимое количество лѣса и изъ него сдѣлать необходимыя помѣщенія для лошадей и жилья для почтарей, полагавшихся числомъ по 20, при такомъ-же количествѣ лошадей, на каждой станціи.

На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ восьми перечисленныхъ пунктовъ заведенъ былъ запорожцами строгій и образцовый порядокъ. Почту и курьеровъ приказывали доставлять отъ мѣста до мѣста „не замедля“ и „безостановочно“; лошадей почтовыхъ содержать въ полной исправности и въ случаѣ разгона ихъ, немедленно замѣнить обывательскими.

---

[1]) Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1898, 248.

На всѣхъ станціяхъ поставлены были изъ войсковыхъ канцеляристовъ особые смотрители, которые заносили въ книгу всѣ приходившіе пакеты и имѣвшіяся у курьеровъ или посланцевъ подорожнія. Для правильности дѣйствій со стороны смотрителей вмѣнялось въ обязанность полковникамъ мѣстныхъ паланокъ дѣлать повѣрки, и всякую неисправность со стороны почтарей „безпослабно“ наказывать, чему имѣемъ примѣръ отъ 1770 года, 13 апрѣля, на козакѣ Герасимѣ Совѣ, строго наказанномъ за потертую надпись на конвертѣ пакета на имя главнокомандующаго, графа П. И. Панина. За всякій проѣздъ опредѣлено было взимать извѣстную прогонную плату, какъ съ нарочныхъ курьеровъ, такъ и съ обыкновенныхъ проѣзжихъ, безъ различія, будетъ-ли то свой или посторонній человѣкъ. Безплатный проѣздъ допускался только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Это видно только на примѣрѣ козака Ивана Полонскаго, ѣхавшаго изъ Коша въ Полтаву къ главнокомандующему, князю В. М. Долгорукому, по дѣламъ войска запорожскаго, и получившаго „свидѣтельство“ на свободный проѣздъ, въ оба конца, черезъ запорожскія почтовыя станціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Границы вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Трудность опредѣленія точности границъ запорожскихъ вольностей; указанія малороссійскихъ лѣтописцевъ на границы вольностей при короляхъ Сигизмундѣ 1, Стефанѣ Баторіи и гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ 1655 года; указанія границъ въ договорахъ бучачскомъ 1672, бахчисарайскомъ 1681 и карловицкомъ 1686 годовъ и тридцатилѣтнемъ перемиріи Россіи съ Турціей 1700 года; границы вольностей по межевой записи 1705, по прутскому миру 1711, по „пограничному инструменту" 1740 и по указамъ 1746, 1751, 1752 и 1753 годовъ; опредѣленіе границъ запорожскихъ вольностей по указаніямъ 1766, 1772, 1774 и 1775 годовъ; примѣненіе запорожской территоріи къ девяти уѣздамъ Екатеринославской губерніи, тремъ Херсонской и одному Харьковской . . . . . 1—43

Гидрографія, топографія и климатъ запорожскаго края. Рѣчки черноморско-азовскаго бассейна; рѣка Днѣпръ съ его порогами, заборами, главнѣйшими островами, рѣчками и вѣтками; рѣка Бугъ съ его порогами, главнѣйшими островами и притоками; обиліе водъ запорожскаго края; отсутствіе влаги, сухость климата и причины тому; балки, овраги и байраки въ вольностяхъ запорожскихъ козаковъ; лѣса, кустарники и чагары; виновники истребленія запорожскихъ лѣсовъ; лѣсная флора въ странѣ вольностей запорожскихъ козаковъ; шляхи—Муравскій и Черный съ ихъ боковыми вѣтками и трактами; характеръ мѣстности и степень населенности вдоль протяженія шляховъ; переправы и броды черезъ главныя рѣки и рѣчки запорожскаго края . . . . . 44—68

Производительность земли, флора, фауна и времена года въ землѣ вольностей запорожскихъ козаковъ. Двойственный характеръ степной полосы вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ;богатство и изобиліе страны по Геродоту, Боплану, Тяпкину и Зотову, Манштейну, оффиціальнымъ свѣдѣніямъ XVIII вѣка, запискамъ французскаго маркиза де-Кастельно и по воспоминаніямъ теперешнихъ старожиловъ запорожскихъ мѣстъ; производительность земли, породы звѣрей, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ; виды плодовыхъ деревьевъ, огородныхъ овощей, травъ; бѣдность страны запорожскихъ вольностей по Боплану, Манштейну; зной, моръ, саранча, посѣщавшіе запорожскій край въ лѣт-

Стр.

нее время, стужа, морозы и вѣтры, свирѣпствовавшіе въ зимнее время. Картина общаго состоянія края . . . . . 69—108.

Число и порядокъ запорожскихъ Сичей. Этимологическое значеніе словъ — „Сича“ и „Кошъ“; число запорожскихъ Сичей; Хортицкое укрѣпленіе и князь Вишневецкій; остатки укрѣпленій на Хортицѣ; островъ Малая-Хортица; нѣмцы-колонисты, владѣльцы Хортицы; находки запорожскихъ древностей на островахъ и близъ нихъ; Базавлуцкій островъ и историческія данныя о немъ; Томаковское укрѣпленіе и историческія данныя о немъ; Микитинская Сичь и историческія данныя о ней; Чортомлыцкая Сичь; могила Сирка; событія, связанныя съ Чортомлыцкою Сичею отъ 1709 года и далѣе до 1736 года; остатки запорожской старины на мѣстѣ Чортомлыцкой Сичи; Алешковская Сичь и положеніе запорожцевъ подъ татарскимъ владычествомъ; Каменская Сичь и возвращеніе козаковъ въ Россію; рѣчка Подпильная и Новая Сичь съ остатками запорожской старины . . . . . 109—176.

Составъ, основаніе и число славнаго запорожскаго низового товарищества. Разнородность состава войска запорожскихъ козаковъ; свидѣтельскія показанія самихъ козаковъ о поступленіи ихъ въ Сичь; поступленіе дѣтей мужского пола къ запорожцамъ; пять необходимыхъ условій для принятія новичка въ Сичь; поступленіе въ курень и перемѣна фамиліи; понятіе о запорожской общинѣ; дѣленіе на старшину, сичевую массу, молодиковъ или пажей и поспольство; именитые товарищи запорожской общины; выходъ изъ запорожской Сичи и возвращеніе въ нее; число запорожскаго войска по годамъ, отъ 1534—1775; сравнительная степень населенности областей запорожскаго края; число всѣхъ селеній, зимовниковъ и шалашей въ запорожской территоріи . . . . . 177—198

Войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья. Дѣленіе въ войсковомъ отношеніи на 38 куреней; разныя наименованія куреней; внѣшній видъ куреней и внутреннее устройство ихъ; куренныя скарбницы и домики сичевой старшины; двоякое значеніе слова „курень“ — этимологическое и переносное; дѣленіе запорожскихъ вольностей въ территоріальномъ отношеніи — на десять паланокъ; двоякое значеніе слова „паланка“ — буквальное и переносное; названіе всѣхъ паланокъ по обѣ стороны рѣки Днѣпра; перечисленіе главнѣйшихъ селъ, зимовниковъ и урочищъ во всѣхъ паланкахъ. Примѣненіе мѣстонахожденія каждой изъ паланокъ къ теперешней географіи края . . . . . 199—206.

Войсковыя, куренныя и паланочныя рады запорожскихъ козаковъ. Значеніе обычая у запорожскихъ козаковъ; общія войсковыя рады—1 января каждаго новаго года, 1 октября и въ дни Пасхи или „Великодня“; слушаніе службы, обѣдъ и сборы на сичевой площади; выходъ старшины и простыхъ козаковъ; служеніе молебна передъ началомъ рады; рѣчь кошевого атамана къ товариству; дѣленіе земныхъ угодій и рыбныхъ ловель между козаками; выборъ войсковой старшины; схватки между высшими и низшими куренями; положе-

Стр.

ніе кандидатовъ, объявляемыхъ на должность старшинъ; схватки „сиромашни“ съ „базарными людьми“; смуты во время войсковыхъ радъ; рады частныя – куренныя и паланочныя . . . . . 207–219.

Административныя и судебныя власти въ запорожскомъ низовомъ войскѣ. Полный штатъ начальствующихъ лицъ у запорожскихъ козаковъ отъ 49 до 149 человѣкъ; войсковая старшина; власть, обязанности, жизнь и доходы кошевого атамана, войскового судьи, писаря и асаула; объѣзды старшиной запорожскихъ паланокъ; значеніе куренныхъ атамановъ и запорожскихъ „дидовъ“; обязанности довбыша, пушкаря, толмача, кантаржея, шафаря, канцеляристовъ, школьныхъ атамановъ, булавничаго, бунчужнаго, хорунжаго, чауша; громадскіе атаманы, войсковые табунщики, войсковые скотари и овечьи чабаны; походная и паланочная старшина—полковникъ, асаулъ и писарь; число и значеніе ихъ на войнѣ и въ паланкахъ; внѣшніе знаки отличія и содержаніе . . . . . 220–243.

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ. Отсутствіе писанныхъ законовъ и въ замѣнъ того громадное значеніе преданія; судъ простой, скорый и правый; права, признававшіяся войсковыми судьями: право перваго займа, договора между товарищами, давности владѣнія и др.; судъ гражданскій и уголовный; виды преступленій: убійство, побои, вторичное воровство, связь съ женщиной и др.; причина строгости законовъ; судьи у запорожскихъ козаковъ; наказанія—привязываніе къ пушкѣ на площади, битье кнутомъ подъ висѣлицей, поврежденіе членовъ, разграбленіе имущества и др.; казни закапываніе преступника въ землю, кіи, шибеница, желѣзный гакъ, острая паля; судебное разбирательство у запорожцевъ по очевидцу Коржу . . . . . 244—258.

Одежда запорожскихъ козаковъ. Одежда въ первое время историческаго существованія запорожцевъ; одежда по описанію современныхъ писателей—Кмиты, Дельбурку, Лукьянова, Ласоты, Боплана, Зуева; одежда на гравюрахъ, иконахъ, знаменахъ и портретахъ, дошедшихъ до нашего времени; одежда запорожцевъ собственнаго собранія автора; одежда по разсказу столѣтняго старика Россолоды; матеріи, наиболѣе употребляемыя запорожцами для платья; вопросъ о заимствованіи запорожцами покроя цвѣта и матерій для платья . . . . . 259—275.

Вооруженіе у запорожскихъ козаковъ. Оружія „огнистой стрѣльбы“ и „рукопашнаго боя“; арматы, ружья, пистолеты, копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, якирьци, кинжалы, ножи, панцыри; главные источники заимствованія оружія запорожцами; мѣста храненія артиллеріи въ Запорожьѣ; уборъ козацкаго коня: чапракъ, кульбака, кабуры, тороки, малахаи; превосходство запорожскаго вооруженія надъ вооруженіемъ войскъ западной Европы . . . . . 276 297.

Запорожскіе войсковые клейноды. Клейноды, т. е. войсковые регаліи и аттрибуты власти—хоругвь, бунчукъ, булава, серебряная печать, литавры, перначъ, значки, трости, куренныя печати; клейноды отъ польскихъ королей и русскихъ императоровъ, жалованные запорожцамъ; понятіе о булавѣ, знамени, бунчукѣ, войсковой печати,

Стр.

перначѣ, литаврахъ, куренныхъ значкахъ и тростяхъ; указаніе на принадлежность каждаго изъ клейнодовъ каждому изъ войсковыхъ старшинъ: булавы и бунчука—кошевому, войсковой печати—судьѣ, куренныхъ печатей—куреннымъ атаманамъ, паланочной печати—паланочному полковнику и пр.; мѣста нахожденія клейнодовъ козацкихъ въ настоящее время . . . . . 298—311.

Характеристика запорожскаго козака. Недоступность запорожца; мужество и удальство его; смѣсь добродѣтелей и пороковъ въ характерѣ козака; свѣтлыя стороны характера—благодушіе, нестяжательность, щедрость, безкорыстіе, склонность къ искренней дружбѣ, уваженіе къ заслуженнымъ воинамъ, простота, умѣренность, изобрѣтательность, гостепріимство, честность, военная доблесть и изворотливость, равнодушіе къ смерти, смѣшливость, любовь къ мечтательности, пѣснямъ и музыкѣ, въ особенности къ кобзѣ; темныя стороны характера запорожца — хвастовство подвигами, оружіемъ, убранствомъ, легкомысліе, непостоянство, безпечность, лѣнь, пьянство и бражничество дома въ Сичи, но отнюдь не во время походовъ и не при исполненіи служебныхъ обязанностей . . . . . 312—322.

Домашняя жизнь запорожскихъ козаковъ въ Сичи, на зимовникахъ и бурдюгахъ. Разница жизни сичевыхъ и зимовныхъ козаковъ: въ Сичи холостые, въ зимовникахъ женатые; причина безженности сичевыхъ козаковъ-рыцарей; побратимство сичевиковъ; будничное времяпровожденіе сичевыхъ козаковъ: завтракъ, обѣдъ, ужинъ, удовольствія, игры, занятія; времяпровожденіе въ праздники, особенно праздники Рождества, Пасхи и Крещенія; времяпровожденіе послѣ возвращенія изъ походовъ; въ общемъ скромность жизни сичевыхъ козаковъ; жизнь козаковъ-зимовчаковъ; понятіе о зимовникахъ; занятія гнѣздюковъ или сидней; условный пароль между зимовчаками и сичевиками; жизнь по бурдюгамъ; понятіе о бурдюгѣ; уходы старыхъ сичевиковъ въ монастыри; обычай прощанія съ свѣтомъ у запорожскихъ козаковъ . . . . . 323 -344.

Церковное устройство у запорожскихъ козаковъ. Отличительная черта характера запорожскихъ козаковъ—глубокая религіозность; вѣра запорожцевъ основана на чувствѣ, а не на разумѣ; напрасныя обвиненія запорожцевъ въ безбожіи; первая церковь въ Запорожьѣ старосамарская; церкви—микитинская, кодацкая, чортомлыцкая и лычковская; неблагопріятныя времена для запорожской церкви—конецъ XVI, начало XVII вѣка и періодъ отъ 1709 по 1734 годъ; благопріятное время для церквей запорожскаго края—половина XVIII вѣка; исторія церквей, часовенъ, молитвенныхъ иконъ въ Запорожьѣ съ описаніемъ оставшихся въ нихъ древностей; устройство запорожскихъ церквей, отношенія пастырей къ пасомымъ и пасомыхъ къ пастырямъ, матеріальный бытъ запорожскаго духовенства; такса за требы, страсть запорожцевъ къ храмамъ и торжественному богослуженію; наиболѣе чтимые святые и праздники у козаковъ 345—409

Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь. Значеніе Самаро-Николаевскаго монастыря для всего запорожскаго края; время основа-

Стр.

нія его; первый дѣятель его, іеромонахъ Паисій; времена бѣдствій для монастыря отъ поляковъ, отъ русской рати князя В. В. Голицына и отъ украинскаго гетмана Мазепы; злосчастное время для самарскаго монастыря 1709—1734 годы; дѣйствіе миргородскаго полковника Даніила Апостола; счастливое время для монастыря съ 1734 года; дѣятельные настоятели и благодѣтели кошевые атаманы; процвѣтаніе и паденіе монастыря; Самарскій монастырь въ настоящее время; остатки запорожскихъ древностей въ немъ; портреты замѣчательныхъ дѣятелей—полковника Аѳанасія Колпака и дикаго попа Кирилла Тарловскаго . . . . . 410—430.

Охрана границъ вольностей запорожскихъ. Запорожскіе бекеты, радуты, фигуры и могилы; понятіе о бекетахъ (пикетахъ) или пограничныхъ разъѣздахъ; роспись пограничныхъ разъѣздовъ 1767 и 1774 годовъ; понятіе о радутахъ; главныя мѣста ихъ направленія; понятіе о фигурахъ; главныя мѣста ихъ разстановокъ; посты и роль сторожевыхъ козаковъ у радутъ и фигуръ; наблюденія ихъ за движеніями татаръ и боевыя схватки съ послѣдними; понятіе о могилахъ, какъ пунктахъ для наблюденій за движеніями татаръ; отличіе могилъ сторожевыхъ отъ могилъ доисторическихъ и историческихъ погребальныхъ; сословіе козаковъ-могильниковъ; отличіе козаковъ могильниковъ и татаръ, взбѣгавшихъ на могилы . . . . . 431—436.

Мусульманскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ. Частыя сношенія запорожцевъ съ татарами и взаимодѣйствія ихъ другъ на друга; отдѣленіе орды татаръ въ XIII вѣкѣ отъ Золотой орды и поселеніе ея въ Крыму; отдѣленіе отъ крымскихъ татаръ въ XVII вѣкѣ ногайской орды; раздѣленіе ногайской орды на четыре самостоятельныя орды: джедишкульскую, джамбойлуцкую, джедисанскую и буджацкую съ указаніемъ мѣстъ ихъ поселенія; татарскія крѣпости въ низовьяхъ Днѣпра; боевыя средства татаръ; пріемъ и характеръ набѣговъ ихъ; походы зимніе; походы лѣтніе; татары буджацкіе—какъ самые воинственные и свирѣпые изъ всѣхъ степныхъ татаръ; пріемы и характеръ ихъ набѣговъ; борьба съ ними запорожскихъ козаковъ . . . 437—453.

Положеніе христіанъ въ мусульманской неволѣ. Бѣдность и нищета ногайскихъ татаръ; отсюда нужда ихъ въ набѣгахъ на Украйну и Запорожье; показанія численности увода христіанъ въ неволю изъ года въ годъ; положеніе невольниковъ на пути слѣдованія ихъ до Кызыкерменя; дѣлежъ невольниковъ у Кара-Мечети; дальнѣйшее движеніе въ Кинбурнъ и Перекопъ; продажа невольниковъ въ крымскихъ городахъ, особенно Кафѣ; положеніе невольниковъ—мальчиковъ, стариковъ, женщинъ и взрослыхъ мужчинъ; трогательное изображеніе положенія невольниковъ въ козацкой думѣ „Плачъ невольниковъ въ турецкой каторгѣ“ и сочиненіи архимадрита Іоанникія Галатовскаго „Лебедь“ . . . . . 454—470.

Христіанскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ. Причины вражды запорожцевъ съ поляками коренились въ прошлой исторіи тѣхъ и другихъ: причина политическая — послѣдовательное стремленіе польскаго правительства уничтожить украинское козачество; причина ре-

Стр.

лигіозная—введеніе на Украйнѣ „гвалтовными“ мѣрами уніи; причина экономическая—страшное притѣсненіе украинскаго народа со стороны кварцяныхъ войскъ, королевскихъ чиновниковъ, пановъ-владѣтелей и жидовъ-арендаторовъ; отсюда страшная ненависть православныхъ украинскихъ крестьянъ къ полякамъ, а чрезъ то фанатическая ненависть къ Польшѣ и запорожскихъ козаковъ . . . . . 471—519

Вооруженныя силы и боевыя средства запорожскихъ козаковъ. Пѣхота, конница и артиллерія; переходъ, въ случаѣ надобности, пѣхоты въ конницу, конницы въ пѣхоту и дѣйствіе конницы въ пѣшемъ строю; число холоднаго и огнестрѣльнаго оружія и способъ добыванія его; дѣленіе на полки и сотни; устройство табора козацкаго; боевые пріемы у запорожцевъ; любимый способъ нападенія на врага—съ фланговъ и съ тылу; причины военныхъ успѣховъ козаковъ; мужество и стойкость въ бою; безпощадное и даже свирѣпое отношеніе къ непріятелю; возвращеніе въ Сичь, хвалебное молебствіе Богу, забота о раненыхъ и убитыхъ, дѣлежъ добычи, всеобщій разгулъ и сложеніе пѣсенъ о военныхъ подвигахъ . . . . . 520—531

Сухопутные и морскіе походы запорожскихъ козаковъ. Сухопутные походы; время походовъ; вербовка украинскихъ козаковъ; картина выступленія козаковъ въ походъ; извлеченіе свѣдѣній изъ походнаго козацкаго дневника; морскіе походы; запорожскія „чайки“ и устройство ихъ; боевые и продовольственные запасы; время выступленія въ морскіе походы; пріемы козаковъ у турецкихъ крѣпостей Кызыкерменя, Очакова и мыса Кинбурна; причина смѣлости козаковъ при проходѣ ихъ мимо турецкихъ крѣпостей; набѣги на берега Анатоліи; схватки съ турецкими судами въ открытомъ морѣ; двоякій путь возвращенія козаковъ въ Сичь—Днѣпромъ и Міусомъ; остатки запорожскихъ чаекъ и снимки съ кораблей . . . . . 532—548.

Хлѣбопашество, скотоводство, рыболовство, звѣроловство, огородничество и садоводство у козаковъ. Богатство земли запорожскихъ козаковъ и способъ владѣнія ею товариствомъ и зимовчаками; степень развитія хлѣбопашества у козаковъ; обработка земли въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ и преимущественно запорожскими „сиднями“; устройство хлѣбныхъ ямъ; привозный хлѣбъ изъ Польши и Россіи въ Запорожье; коневодство у запорожцевъ; скотоводство—черкасскій скотъ, овцеводство—волошская порода, рыболовство—мѣста рыбныхъ ловель, рыболовные снаряды, сортированіе, цѣны и продажа рыбы; звѣроловство—запорожскіе лисичники; птицеводство, пчеловодство, огородничество—овощи, табакъ nicotiana rustica, садоводство и домоводство у запорожскихъ козаковъ . . . . . 549—571

Торговля, промыслы и ремесла у запорожскихъ козаковъ. Особенное развитіе торговли у запорожцевъ; пути сообщенія и средства передвиженія товаровъ; торговля морская и сухопутная; торговля морская съ турками и татарами; главныя мѣста торговли; условія торговли въ XVII и XVIII вѣкѣ; препятствія торговлѣ съ турками; предметы ввоза и вывоза; торговля съ крымцами и время наибольшаго развитія ея; препятствія для торговли съ Крымомъ; глав-

Стр.

ныя мѣста торговли; предметы ввоза и вывоза; торговля съ поляками; главныя мѣста торговли; предметы ввоза и вывоза; торговля съ Малороссіей; препятствія со стороны русскаго правительства; сословіе запорожскихъ чумаковъ; мелкая торговля въ Сичи; ремесла и промыслы . . . . . 572—596

Доходы войска запорожскаго низового. Первый источникъ доходовъ запорожцевъ—военная добыча; второй источникъ доходовъ — торговая пошлина, въ особенности пошлина съ шинковъ; „мостовое“ за переправы черезъ рѣки, рѣчки и рукава; судебные штрафы съ виновныхъ царское денежное и хлѣбное жалованье войску, отпускавшееся сперва Польшей, потомъ Россіей; число этого жалованья и распредѣленіе его между старшиной и войсковыми служителями; мѣста выдачи денежнаго и хлѣбнаго жалованья; затрудненія и непріятности, испытываемыя запорожцами при полученіи царскаго жалованья; запорожскіе полковники, отправлявшіеся ежегодно въ столицу за войсковымъ жалованьемъ; выдача жалованья козакамъ мѣдною монетою; монетная единица у запорожцевъ . . . . . 597—626

Грамотность, канцелярія и школа у запорожскихъ козаковъ. Степень грамотности между сичевыми и паланочными козаками; высокій процентъ грамотности сичевыхъ козаковъ; національность грамотныхъ сичевыхъ людей и причина ихъ любви къ церковнымъ словамъ и витіеватымъ выраженіямъ; запорожскія школы — сичевая, монастырская и церковно-приходскія; устройство сичевой школы и предметы обученія во всѣхъ запорожскихъ школахъ вообще; процентъ грамотныхъ людей въ Сичѣ на неграмотныхъ; запорожская войсковая канцелярія и ея помѣщеніе . . . . . 627—636

Почтовыя учрежденія у запорожскихъ козаковъ. Случайные курьеры запорожскіе въ первое время существованія Запорожья; почтовые гоны съ половины XVIII вѣка; почтовые пункты въ сѣверозападной окраинѣ вольностей; почтовые пункты къ сѣверной окраинѣ вольностей; почтовые пункты вдоль праваго берега Днѣпра; почтовые пункты, соединявшіе Запорожье съ Польшей Украйной и Великой Россіей; запорожскіе почтари и такса платы за прогоны; почтовые пункты отъ Сичи внизъ къ днѣпровскому лиману; строгій и образцовый порядокъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ Запорожья . . . . . 637—64

Указатель собственныхъ именъ.

А.

Абуль-Газисъ Багадуръ, хивинскій ханъ 275.
Абуль-Махасенъ, арабскій писатель 232.
Августъ II, король польскій 506; Августъ саксонскій король 158.
Авиндона, турецкій городокъ 467.
Адамовка, село 205.
Аджамка, рѣчка 37, 49, 55.
Азовское море 11, 13—20, 22, 23, 42, 44, 49, 52—54, 59, 62, 82, 205, 394, 395, 549, 561, 573.
Азовско-Предтечинскій монастырь 414.
Азовъ городъ 11, 14, 21—23, 96, 277, 541, 642.
Аккерманъ городъ 400, 440, 536, 537, 542.
Александровская крѣпость 42.
Александровскій шанецъ 197, 332, 642, 643.
Александровскъ городъ 80, 125, 205.
Алексѣевка рѣчка 49.
Алексѣевъ Георгій Петровичъ, собиратель запорожскихъ древностей 309.
Алексѣевъ Михаилъ, священникъ 96.
Алексѣенко Василій, козакъ 370.
Алешки урочище, городъ 33, 45, 57, 61, 133, 135, 163, 165.
Алешковская Сичь 112, 163, 165, 168
Алимпій архимандритъ 414.
Алферовка слобода 378.
Анатолія 458, 543, 545.
Андреевка слобода 365, 368.
Андреевъ Лукашъ, кошевой атаманъ 130.
Андреевъ островъ 48.
Андреевка крѣпость 35, 151.
Анновка мѣстечко 378.
Антипа монахъ 403.
Аргамаклы, иначе Громоклея, рѣчка 41, 593. См. Грогомоклей.
Ардабаша турокъ 469, 470.
Аркадій, намѣстникъ монастыря 419.

Арсеній кіевскій митрополитъ 397.
Арсланъ, Асламъ-Кермень, Исламовы, Усламовы городки—крѣпость 277, 442.
Архангельскъ городъ 66.
Архипелагъ море 574, 577.
Апостолъ Даніилъ Павловичъ, полковникъ, Павелъ Даниловичъ— 362, 415.
Астраханскій Стефанъ, запорожскій посолъ 130.
Астрахань городъ 470.
Афанасьевка слобода 429.
Афонъ, монастырь греческій 341, 348, 357, 361, 402.

Б.

Бабаджанъ Мардохей, караимъ 155.
Баба-Иманъ, приставъ турецкій 591.
Бабайковка село 205, 368, 383.
Бабакъ козакъ 184.
Бабенково урочище 205.
Бабина балка, рѣчка 49, 53.
Бабка Федоръ, козакъ 373.
Бабушкинъ Иванъ крестьянинъ 155.
Багдадъ городъ 470.
Бадовскій Янъ шляхтичъ 488.
Базавлукъ островъ, рѣчка 48, 49, 55 64, 115, 131—134, 136, 176, 204, 432. 638, 642.
Базавлуцкая сѣчевая башта 140.
Байдакъ помѣщикъ 166.
Балабанова коса 48.
Балабановка село 66, 204.
Балахна городъ 468.
Балацково село 66, 204.
Балта городъ 561.
Барабанъ козакъ 184.
Барабашъ козакъ 31.
Баранъ козакъ 30, 31, 184.
Барвинкова стѣнка, село 43, 339, 640, 641.
Барвинковская паланка 204.
Бардадимъ Семенъ козакъ 877,
Бардаковка село 205.
Баръ городъ 94.
Барышпольскій Андрей священникъ 174.
Басанка село 365.
Баторій Стефанъ. король польскій 285, 294, 299, 356, 410. 489, 490, 491, 492, 493, 602.
Бахмутъ крѣпость, рѣчка 35, 42, 49, 59, 61, 96, 205, 579.
Бахчисарай городъ 347, 458, 468.

Башинскій Семенъ—священникъ 96.
Башмакъ козакъ 184.
Безридный Ѳедоръ козакъ 155, 283.
Безруковъ Яковъ козакъ 373.
Безыменный перевозъ 68.
Бейкусъ рѣка 162.
Бекенескій, Бекеневскій бродъ 12, 16, 68.
Бендеры городъ 346, 440.
Берда рѣчка (Большая, Средняя и Крайняя) 11, 13, 15—17, 19 21—23, 25, 42. 43, 72, 206, 366, 395.
Бердинка рѣка 16.
Бердянская коса 50, 561.
Бердянскъ городъ 483, 643.
Березовка рѣчка 36, 55.
Берека рѣка 39.
Береснеговатая рѣчка 23, 49.
Берестовка рѣчка.
Бериславъ городъ 79, 314, 456.
Бесса 98.
Бессарабія 541.
Бецалъ Ицка еврей—откупщикъ 505.
Бешка рѣчка 36, 37, 55, 58.
Бизюковъ монастырь 165.
Бильсъ русскій подполковникъ 20, 21.
Биркусскій-Редутъ слобода 365.
Блажковъ Иванъ Прокофьевичъ помѣщикъ 166, 168.
Блакитная хуторъ 204.
Бобринецъ рѣчка 246.
Боброво урочище 206.
Богатая рѣчка 48, 59, 429.
Богатыри камни 47.
Богдановo селеніе 431, 640.
Богозассаровы городки 457.
Борзна городъ 470.
Борисенко Даніилъ, козакъ 159, 170.
Борисовъ Ѳедоръ, подъячій 609.
Борисѳенесъ (Днѣпръ) рѣка 69, 70, 550.
Бородавка Василій козакъ 24.
Бородаевка село 204, 368, 372, 640.
Борщева рѣчка 49.
Борятинскій князь генералъ-лейтенантъ 301.
Босфорское царство 550.
Брама, камень въ Бугѣ 48.
Браницкій Ксаверій графъ, коронный гетманъ 191.
Брауншвейгъ-Люнебургскій генералисимусъ 31.
Брехарь Павелъ козакъ 385.
Бригадировка село 205, 368, 382, 385.
Бристана рѣчка 49.

Бритай рѣчка 39.
Бровка козакъ 31.
Брюховецкій Иванъ гетманъ 130, 383.
Брянскъ городъ 605.
Бубыкпаша турокъ 470.
Бугай рѣчка 49, 147.
Бугогардовская паланка 203, 204.
Бугогардовскій перевозъ 240.
Бугъ рѣка 9, 12, 14, 15, 35, 38—40, 42—44, 48, 49, 54—56, 62—64. 66, 68, 87, 105, 112, 136, 197, 198, 204, 210. 240, 380, 432, 439, 471. 536, 537, 549, 556, 560, 561, 589, 598, 600.
Буджакъ 440.
Будиловская балка 53.
Будиловскій порогъ 45, 67.
Будилово-Таволжанская переправа 67.
Бузовка село 425.
Булаховка село 426.
Булахъ атаманъ, Иванъ—козакъ 390.
Булюбашъ помѣщикъ 429.
Бургунъ, Бургунка крѣпость, село, островъ, рѣчка 47, 49, 67, 442
Бургунская переправа 67.
Бурлаченко Даніилъ козакъ 163.
Бухара 253, 274, 330.
Бухарестъ городъ 94.
Бухвостовъ Василій Борисовичъ бояринъ 606.
Бучка островъ 118, 147.
Буцкій островъ 147.
Быстрикъ рѣчка 148.
Бычокъ рѣчка 39.
Бѣлая—Церковь городъ 279, 612.
Бѣлградъ—городъ 63, 64, 361, 440, 462, 537, 636.
Бѣленькое село 204, 431.
Бѣлицкая коса 21, 23.
Бѣлицкій Алексѣй кошевой атаманъ, Иванъ 95, 351, 416, 421.
Бѣлицкій Ф. И., помѣщикъ 427.
Бѣлогрудова—рѣчка 49.
Бѣлогрудовское гирло 50.
Бѣлое (Мраморное) море 141, 468, 541, 573, 574.
Бѣлозерка рѣчка 49, 63, 67, 568, 591, 601, 642.
Бѣлозерская переправа 67, 68.
Бѣлозерскій лиманъ 49.
Бѣлоновка село 66
Бѣлоруссія 104, 607.
Бѣлый Якимъ, старшина, Василій, Сидоръ—войсковой асаулъ, Лукьянъ 24, 371, 383, 420, 625.
Бѣлосарайская, Бѣлосарская коса 19, 20—23, 561.
Бѣлосарскій лиманъ 206.

Бѣлосарское озеро 50.
Бѣлошапка Иванъ запорожскій полковникъ 23.
Бѣлый бродъ (Бекеневскій) 68.
Бѣлый Камень—урочище 19, 21, 23.
Бѣлыя Криницы—зимовникъ 204, 642, 643.
Бѣльскій Мартынъ лѣтописецъ 115, 116 ,119.
Бѣшенная (Дели-Голь) рѣка 561.

В.

Валахія 412.
Валивала рѣчка 53.
Валь Шаулъ еврей 506.
Варна городъ 141, 542, 574, 578.
Варшава городъ 64.
Василенко Власъ полковникъ 611.
Васильевка—село 205, 425.
Васильевъ Илья козакъ 371.
Васильковъ городъ 470.
Васьковскій Василій священникъ, Θеодосій игуменъ 399, 401.
Васюринскій козакъ 317.
Ведмирка рѣчка 49.
Вейсбахъ, графъ, кіевскій генер.-губернаторъ 132, 415, 612, 619, 638; Вейсбахъ, саксонскій генералъ 158.
Веленскій Генрихъ польскій король 489.
Великая—плавня 136.
Великій Лукьянъ Ивановичъ, войсковой старшина 372.
Великій-Островъ днѣпровскій 47.
Великій-Лугъ 47, 48, 57, 64, 83, 101, 108, 135, 189, 200, 556.
Великія-Воды рѣка 49.
Венеція городъ 11, 462.
Вербачъ Петръ крестьянинъ 508.
Вербовая балка 23.
Вербовое село 204.
Верблюжка рѣчка 36, 37, 642.
Веревчина переправа 68.
Верещинскій Іосифъ епископъ 509, 510.
Вертебный Андрей запорожецъ 378.
Вертильякъ—помѣщикъ 170.
Верхняя-Хортица—колонія 146.
Верщацъ—крѣпость 35
Виговскій Иванъ гетманъ 280, 286.
Византія 62.
Вильна городъ 114, 498, 506
Вильный порогъ 45.
Виноградная-Криница, урочище 55.

Висла рѣка 583.
Висунь рѣка 12, 38, 39, 41.
Виссаріанъ іеродіаконъ 403.
Витовтовъ бродъ 68.
Витовтъ король 65, 476.
Вишневецкій Дмитрій Ивановичъ князь 36, 54, 114—116, 123, 124, 126, 171, 487, 499, 515, 516.
Вишневецкій Михаилъ польскій король 9.
Владиміръ іеромонахъ 403.
Воейковъ командиръ 638.
Водолаги село 387.
Водолага Иванъ, козацкій полковникъ 334.
Водяное село 55, 642, 643.
Вознесенка село 148, 165.
Войсковое село 205.
Войта запорожскій козакъ 639.
Волково село 204.
Волковъ дворянинъ, Семенъ-портной 302, 303, 606.
Волконскій Семенъ князь 621.
Волненская рѣчка 21.
Волниговскій, Внукъ-порогъ 45.
Волноваха (Сухая и Мокрая) рѣка 23.
Володиміровъ Иванъ гранильныхъ дѣлъ мастеръ 303.
Волошинова забора 47.
Волошинъ козакъ 31.
Волошка рѣчка 49.
Волошская коса 48.
Волошскіе хутора 204.
Волчьи-Воды, Волчья рѣка 22, 25, 48, 59, 60, 63, 64, 205, 393, 546.
Волынка рѣчка 112.
Волынь 395, 484, 489.
Вольное село, урочище 59, 431.
Вольнянка рѣчка 640.
Вольный бродъ 68.
Ворона козакъ 184.
Вороная рѣчка 48.
Воронова забора 47.
Воронко козакъ 31.
Воскресеновка село 425—427.
Вошива скела 143.
Выговскій гетманъ 119.
Выдубицкій монастырь 497.
Вырва уступъ 144.
Вырубовъ комендантъ 19, 20.
Высота Иванъ Александровичъ козакъ 384.
Высшая-Голова, часть острова Большой Хортицы 142.
Высь (Великая и Малая) рѣка 14, 35, 64.
Вязовой Федоръ крестьянинъ 155.

Г.

Гавинъ островъ 47.
Гавріилъ архимандритъ 361, 418, 422.
Гавриловъ Ефимъ козакъ 468, 469.
Гайдамацкая балка 53, 55.
Галаганъ Иванъ полковникъ 133.
Галисевичъ полковникъ 179.
Галиція 9.
Галушковка селеніе 205.
Галятовскій Іоанникій архимандритъ 465.
Ганчулъ, Ганчолъ, рѣчка 22, 48, 59, 568, 643.
Ганкишла село 440.
Гарбузена, Гарбузинка, рѣчка 15, 37. 39—41, 68.
Гардъ, загородка въ Бугѣ 40, 41, 65, 66, 68, 87, 204, 368, 380, 432, 537, 560—562, 589, 592, 601.
Гардовый островъ, шляхъ, перевозъ 45, 65, 68, 386.
Гаркуша Тарасъ, Иванъ, Семенъ, козаки, 31, 157, 403. 427.
Гедеонъ митрополитъ кіевскій 401.
Геллеспонтъ проливъ 466, 467.
Генералка колонія 143.
Генжъ паша 468.
Гергельскій пришибъ 643.
Георгій іеромонахъ 403, 418.
Георгъ саксонскій король 158.
Герасименко Семенъ старожилъ 79.
Гербедееская переправа 67.
Гергель Иванъ козакъ 396.
Германъ іеромонахъ 398, 418.
Геродотова Гилея—лугъ и лѣсъ 57.
Гетьманщина 10, 11, 180, 183, 203.
Гипетуха-балка 53.
Гирло Глухое (Высшее и Низшее) урочища 135.
Гладкій Данило Степановичъ, Степанъ, Осипъ Михайловичъ, кошевые атаманы, 33, 170, 305, 310, 416. 624.
Глоба Иванъ Яковлевичъ, войсковой писарь 230, 233, 625, 641.
Глубокая балка 55.
Глубокій оврагъ 206.
Глухія урочища 134, 135.
Глуховъ городъ 281, 290, 350, 578, 619.
Глухой лиманъ 135.
Глушково озеро 416.
Глѣбовъ Иванъ, поручикъ, генералъ-аншефъ 191, 394.
Гнида козакъ 318.
Гнилая рѣчка 148, 162.
Гниловодъ рѣчка 49.
Гнѣдой Алексѣй козакъ 372.
Гнѣзно городъ 495.

Гога Петръ козакъ 422.
Голая-Долина, урочище, пристань 39, 40, 431, 642.
Голицынъ Василій, князь русскій 93, 360, 413. 414, 605.
Головатый Антонъ, войсковой судья 238, 321, 388, 630, 633.
Головатый Павелъ, наказный кошевой атаманъ 238.
Головко полковникъ запорожскій 29, 642.
Головковское озеро 142.
Гологрушевка село 148.
Голубова-рѣчка 49.
Голубовка село 205, 391, 392.
Голубъ Иванъ козакъ 391, 392.
Горбулевка селеніе 205.
Горбъ Лавринъ козакъ 157, 181.
Гордіенко Константинъ кошевой атаманъ 13, 169, 170, 223, 361, 609.
Горленко, полковникъ полтавскій 32.
Горобець, козакъ 31.
Городецкій, островъ 119.
Городище, урочище 431, 642, 643.
Городыинскій шляхъ 108.
Государевъ оврагъ 206.
Гребениха рѣчка 49.
Гребенникъ Семенъ крестьянинъ 155.
Гречинъ Григорій козакъ 370.
Гречъ Николай купецъ, иностранецъ 502.
Грива Василій полковой хорунжій 30.
Григорій іеромонахъ афонскій 352.
Григорія св. островъ (Хортица) 119.
Григорьевъ Павелъ козакъ 96.
Гришкинъ бродъ 68.
Грищинъ хуторъ 419.
Гроза, камень днѣпровскій 47.
Громоклей, рѣка, село 15, 16, 38, 41, 49, 55, 66, 197, 204, 432, 569, 593.См. Аргамаклы.
Громушина колонія 143.
Грузиловка селеніе 205.
Грузкая, Груская рѣчка, балка 23, 25, 49, 568.
Грушевка хуторъ, рѣчка, 48, 569.
Грязного хуторъ 204.
Губа запорожскій козакъ 639.
Гужъ Василій Ерофеевичъ кошевой атаманъ 169, 170.
Гупаловка село 205. 366, 368, 383, 396.
Гусакъ Иванъ, кошевой атаманъ 134.

Д.

Давыдовъ бродъ, зимовникъ 65, 68, 204.
Дальникъ рѣка 536.
Дальницкій лиманъ 536.
Даниленко Яковъ Павловичъ, козакъ 31, 379,
Даниловичъ князь 515.
Даниловъ Кириллъ полковникъ 280.
Дармамовка рѣчка 49.
Данцигъ городъ 145.
Дашковичъ Евстафій гетманъ 499, 523.
Давьеръ Петръ генералъ-аншефъ 191.
Дегтярь, запорожскій козакъ 31.
Демура Прокофій крестьянинъ 155.
Держихвистъ—пистолемъ козакъ 318.
Деріевка урочище, село 368, 369.
Дерменажи городъ 468.
Джамба рѣка (Эмба) 439.
Джанкермень крѣпость 442.
Джевага войсковой писарь 624.
Диванъ-Гечиди переправа 67.
Дидушинскій священникъ 361, 363, 364, 379.
Дидъ-порогъ, Ненасытецъ 45.
Дикій Кутъ, хуторъ 419.
Дикое Поле 52, 89, 471.
Димитрія св. крѣпость 82, 395.
Діонисій іеромонахъ 403.
Дмитровка село 368, 392.
Днѣприще рѣчка 49.
Днѣпровскій островъ 147.
Днѣпровскъ городъ 206.
Днѣпровскіе лиманы 9, 50, 543, гирла 598.
Днѣпръ, рѣка 7—17, 19, 22, 24, 27, 29, 34—42, 44—50, 53—55, 57, 59, 62. 64—69, 72, 87, 89, 90, 93, 101, 104—107, 109, 114—117, 119—123, 134—137, 141—149, 154, 155, 158, 160, 164, 166, 178, 180, 184, 196, 197, 204, 210, 223, 231, 240, 250, 260, 277. 278, 371, 375, 392, 401, 411, 415—417, 424, 430, 432, 437—440, 442, 456, 600, 601, 606, 616, 489, 516, 520, 532, 538, 540—550, 561, 562, 569 572, 573, 577, 580, 283, 589, 590, 593, 598, 600, 600.
Днѣстръ, рѣка 64, 549, 561.
Добрая, рѣчка 39, 41.
Добровольскій, полякъ 514.
Доброволя козакъ 318.
Довбышъ Иванъ козакъ 29—31.
Долбня Ѳедоръ полковникъ 611.
Долгая балка 206.

Долгенькое озеро 384.
Долголевка, часть мѣстечка Никополя 153.
Долгорукій Яковъ Ѳедоровичъ князь 606.
Дольскій—панъ 509.
Домаха озеро, городище 49, 142, 205.
Доминикъ Владиславъ князь 515.
Домоткань рѣчка, слобода, урочище 48, 69, 70, 82, 196, 368, 371. 561, 562, 640.
Домонтовъ городъ 516.
Донецкій городокъ 394.
ДонецъНикифоръ козакъ 31, 264.
Донецъ—Сѣверный, рѣка 35, 39, 42, 93, 602.
Донсковъ Никифоръ козакъ 29.
Донъ, рѣка 9, 11, 24. 39, 394, 417, 549, 590, 600.
Дорошенко Григорій крестьянинъ 155, гетманъ 637.
Дорошъ войсковой асаулъ 346, 363, 393.
Драгомирна монастырь въ Молдавіи 348.
Древинскій Лаврентій посолъ 497.
Дреймайловка рѣка 55, 67.
Дреймайловская переправа 67.
Дубовая—балка, хуторъ, рѣчка, колонія 23, 53—55, 143, 206.
Дубно городъ 638.
Дубовый островъ 47. 431.
Дубровка, хуторъ 419.
Дужка Артемъ козакъ 264.
Думна скала 143.
Дунавецъ, устье Дуная 310. Дунай—Устье, 342.
Дунай рѣка 136, 195, 305, 316, 438, 440, 549, 550.
Дурдука Карпъ козакъ 374.
Дурицкая, рѣка 49.
Дурная балка 53.
Дѣвичій островъ 132.
Дѣдовъ островъ 47.

Е.

Евпатиха рѣчка 49.
Евгеній митрополитъ кіевскій 389, 390.
Египетъ 541, 550.
Ейская коса 561.
Екатерина II, императрица 73, 136, 159. 176. 195, 245, 249, 304, 336, 350. 367,418, 423, 425, 428, 430, 548, 479.
Екатерининскій шанецъ 379.
Екатеринославъ городъ 61, 269, 421.
Еланецъ-Сухой рѣка 12, 15, 16, 38, 39, 41, 49, 197.
Еланчикъ (Большой, Малый, Грузкой, Средній, Сухой) рѣка 19, 21, 22, 23, 24.

Еланчицкая коса 21.
Елизаветы св. крѣпость, Елизаветградъ 34, 37 55, 61, 96, 140, 204, 366, 586, 592, 633.
Елизаветовка село 382.
Емельяновъ, полковникъ при Пугачовѣ 426.
Еникале крѣпость 642, 643.
Енгула или Ингулъ рѣка 12.
Ескович Михаилъ посолъ кн. Вишневецкаго 114.
Ефремовъ Данило атаманъ донского войска 19.
Ея, рѣчка 42.

Ж.

Жайворонокъ козакъ 184.
Желтая слобода, рѣка 35, 368, 378, 638.
Желтыя-Воды рѣка 48, 54, 55, 263, 358, 521, 527.
Желѣзная балка 206.
Желѣзный Яръ 206.
Желѣзнякъ Максимъ 417.
Жила козакъ 31.
Житлова-Саксагань урочище 368. 378.
Житный козакъ 31.
Жолкевскій Станиславъ польскій гетманъ 117, 118.
Жолкѣевъ городъ 64.
Жуковское село 431, 640.
Жураковскій Иродіонъ 364.
Журба козакъ 180.

З.

Забара Корній, крестьянинъ 171.
Забора, часть села Романкова 312.
Заборовскій Рафаилъ, митрополитъ кіевскій 364.
Заборунская коса 23.
Заброда Ѳедоръ Степановичъ, крестьянинъ 150.
Загубиколесо козакъ 318.
Задерыхвистъ козакъ 318.
Заднѣпровье 27, 359.
Зайцева балка 206.
Займы, урочище, 377, 431.
Залинейная, село 426.
Залогъ, Зологъ Сѣчи, урочище 142, 174.
Замойскій князь 515.
Заплавка рѣчка 383.
Запороги, Запорожье 10, 26, 27, 30, 54, 60, 63, 66, 72, 89, 90, 92—96, 101, 104, 112, 124, 157, 166, 170, 175, 178, 180,

181, 196, 197, 204, 205, 210, 219, 221, 224, 243, 245—247, 276, 279, 280, 281, 288, 297, 300, 304, 313 — 315, 324, 330, 336, 338, 349, 359, 360, 367, 392, 393, 397, 402, 404, 408, 414, 418, 425, 491, 521, 522, 546, 552, 556, 561, 567—569, 573—577, 580—588, 590, 595, 600, 603, 605, 608.
Запечный Авраамъ, монахъ 421.
Захарьевская крѣпость 643.
Зборовскій Самуилъ, гетманъ 90, 115.
Збурьевская рѣчка 49.
Збурьевскій—кутъ 40.
Збурьевское гирло 50.
Звонецкая балка 53.
Звонецкій, Звонецъ порогъ 45, 377, 500.
Звонецкое урочище, село 368, 377.
Звѣревъ Василій Степановичъ, полковникъ 381.
Зеленая балка, рѣка, слобода 21, 23, 55, 368, 378.
Зеленое займище 378.
Земля Войска Донскаго 42, 60.
Зенцова балка 23.
Зеньковка мѣстечко 596.
Зима козакъ 225.
Зимунь крѣпость 35.
Злодійскій бродъ 68.
Злочевъ городъ 90.
Зміева пещера 143.
Золотая балка село 53, 204.
Золотая лучка, коса 21, 23.
Золотая орда 437.
Золотарь Ѳедоръ. войсковой старшина 138. 419.
Золотаревскій полковникъ 625.
Зоричъ генералъ 523.
Зосимовичъ Артемій, намѣстникъ монастыря 369.
Зотовъ Никита, московскій посолъ 58, 63, 71, 131.
Зубъ Максимъ сотникъ 30, 634.
Зыбкое село 643.

И.

Ибрагимъ-паша 117.
Иваненко Василій, куренной атаманъ 606.
Иваника Григорій, кошевой атаманъ 398, 399.
Ивановичъ Ефремъ, куренной атаманъ 734.
Ивахно козакъ 377.
Иванченко козакъ 31.
Ивоня, господарь молдавскій 294.
Игнатовичъ Гавріилъ, куренной атаманъ 156.
Игнатовичъ Якимъ кошевой атаманъ 171, 227, 416.

Игрень мѣстечко 59.
Измаилъ городъ 542.
Изюмскій шляхъ 64, 580.
Иларій іеромонахъ 403.
Иліодоръ іеромонахъ 403.
Илларіонъ архимандритъ 352.
Ильинъ Ѳедоръ священникъ 370.
Ильяшенко помѣщикъ 429.
Ингулъ Малый, Ингулецъ, рѣка 12, 14, 16, 38, 48, 54, 55, 65, 66, 68, 89, 166, 196, 197, 204, 358, 432, 442, 556, 642, 643. См. Енгула.
Ингулъ Великій, рѣка 12, 14—16, 36, 39, 41, 49, 55, 66, 84, 197, 366, 432, 569, 587, 593.
Ингульская паланка 203, 204.
Индія 347.
Интрскій островъ Днѣпра (Хортица) 119.
Иревань городъ 470.
Ирклѣевскій Любимъ, козакъ 608, 609, 609.
Ирклеецъ, Ирклей, рѣка 14, 55.
Исакча, турецкая крѣпость 305.
Исламъ Гирей, крымскій ханъ 275.
Испанія 469.
Исунь или Висунь, рѣка 16.

І.

Іессей настоятель монаст. 418.
Іерусалимъ 71, 351, 361.
Іоганнъ саксонскій король 158.
Іона врачъ. еврей 505.
Іосифъ архимандритъ 414.

К.

Кавказъ 269, 305.
Кабеланъ Евстафій, полковой асаулъ 430.
Кагальникъ село, урочище 368, 394, 395.
Кагарлыкъ рѣчка 36, 55.
Кадлицъ профессоръ 525.
Каирка рѣчка 49, 67, 166, 591, 601
Каиръ-Козмакъ островъ 47.
Каирская переправа 67.
Кайдашъ Иванъ монахъ 373.
Козацкая Каменка, рѣчка, переправа 67.
Козацкое-рѣчище, рѣчка 166, 168, 169.
Калантаевка село 205, 366, 396.

Калецъ рѣчка 21, 23.
Калиноватое озеро 148.
Калиновскій князь 499, 515, 516.
Калка рѣка 120.
Калміусская коса 21, 561.
Калміусская паланка 203, 205.
Калміусскій шляхъ 64, 580, 583.
Калміусъ рѣка 18, 19, 21—23, 25, 26, 44, 49, 59, 60, 69, 205, 568, 593.
Калниболотскій Максимъ козакъ 32, 150.
Калнишевскій Петръ Ивановичъ, кошевой атаманъ 32, 157, 170, 189, 191, 222, 233, 321, 347, 351, 373 — 375, 383, 384, 391, 398, 421, 556.
Калчикъ рѣка 19, 22, 23, 25, 49, 50, 59.
Кальнофойскій Аѳонасій монахъ 348.
Калужино село 368, 370.
Камарницкая волость 39.
Каменецъ-Подольскъ городъ 11, 92.
Каменка рѣка 12, 13, 16, 36 — 39, 41, 42, 66, 68, 134, 136, 166—168, 204, 205, 641, 642.
Каменка-Лоцманская село 639,640.
Каменка-Потоцкая село 640.
Каменочка рѣчка 55.
Каменнозатонская переправа 67.
Каменная мечеть, урочище 41.
Каменоватая рѣчка 639, 640.
Каменное село 593.
Каменскій базаръ 598.
Каменный Затонъ 14. 16, 38, 67, 141.
Каменный Колодецъ урочище 40.
Каменская Сичь 66, 67, 113, 165, 168, 170, 204, 641.
Кампостелія грекъ 467.
Камышанъ Григорій козакъ 171.
Камышеватая балка 23, 39.
Камяноватое село 235.
Каневская Сичь 112.
Каневъ городъ 113, 115, 117, 359.
Канцеровка, нѣмецкая колонія 123, 146
Канцерской островъ 123, 125, 127.
Карайтебень урочище 278, 456.
Карасево озеро 142.
Карасубазаръ городъ 458.
Караташъ рѣчка 25, 568.
Каратень рѣчка 23.
Кардашинская рѣчка 49, 134, 135.
Кардашинскій лиманъ 50.
Карлъ XII, король шведскій 13, 133, 157, 361.
Карнауховка село 204, 366, 368, 373.

Карогодова балка 23.
Каписъ Иванъ козакъ 170.
Капуливка, Капыловка, деревня 158 - 160, 162, 176.
Касалапъ Николай, Максимъ, войсковой судья 417 419.
Кастылихъ, Кастымулда городъ 470.
Качановка село 309.
Кашекіумъ село 468.
Кафа (Ѳеодосія) городъ 347, 458, 542, 580, 591.
Каѳизма дьячекъ 633.
Кваково зимовникъ 204.
Кваша Семенъ козакъ 159.
Кезлевъ (Хазлевъ) городъ 541.
Келеберда мѣстечко 369.
Камлыковка село 204.
Керванъ-Іоль, Караванная дорога-шляхъ 64.
Керменчикъ городъ 67.
Кессарій, архимандритъ 414.
Керчь городъ 642, 643.
Керченскій проливъ 546.
Килія городъ 141, 440, 469, 470, 542, 578.
Кіево-Межигорскій монастырь 618.
Кильчень рѣка, село 64, 205, 366, 368, 391, 392, 415, 419, 641, 643.
Кинбурнская коса 206, 642
Кинбурнскій полуостровъ 203.
Кинбурнъ, турецкая крѣпость 39, 40, 94, 136, 457, 439, 541 544, 561, 598.
Киріяшъ Василій запорожскій старожилъ 163.
Кисель Адамъ полковникъ 354.
Кисловка рѣчка 112.
Кислое озеро 384.
Кисляковка село 379, 380.
Китай-Городъ село 65, 205.
Китовичъ катол. патеръ, 315, 581.
Кичигинъ Петръ купецъ 303.
Кичкасская балка и переправа 39, 65, 67, 120, 125; Кичкасъ колонія 125, 127, 146, 204.
Кишиневъ городъ 462.
Кишинскій полковникъ 18.
Кіевъ городъ, 7, 10, 67, 94, 96, 140, 141, 179, 194, 279, 351, 361, 382, 398, 422—424, 462, 497, 500, 525, 550, 555, 572, 583, 619.
Кленовая балка 206.
Клибына урочище 39.
Климовка село 205.
Княжіе-Байраки 54, 55, 527, 638.
Княжій Косоговый ровъ 39.
Коваленко Яковъ козакъ 180.

Коваль Семенъ козакъ 159, 346.
Кодакъ, Кайдакъ крѣпость, порогъ 10, 29, 31, 45, 95, 96, 233—235, 546, 590, 600, 604, 639, 640,; Кодакъ Новый 641.
Кодацкая паланка 203, 204.
Кодацкій перевозъ 240.
Кодымь рѣчка 15, 536.
Коженинъ островъ 47, 168.
Кожинъ подполковникъ 29.
Коза козакъ 184.
Козацкая рѣчка 49.
Козій разливъ 598.
Козелецкій Павелъ, кошевой атаманъ 156, 222, 624.
Козелъ козакъ 31.
Козловская таможня 576, 639, 640.
Козловъ городъ, островъ 47, 576, 580.
Кознище городъ 64.
Козулина вѣтка 112.
Козырщина городокъ, слобода 205, 366, 396.
Коленко, запорожскій полковникъ 158.
Коловоротъ рѣчка 49.
Коломійченко Василій козакъ 462.
Колотнеча Федоръ козакъ 390.
Колотовская рѣчка 49.
Колпакъ Афанасій Федоровичъ, запорож. полков. 268, 347, 384, 396, 422, 428, 429, 430. 556.
Комликъ Самойло козакъ 376.
Коммисаровка село 204.
Комстадіусъ Н. Н. помѣщикъ 68. 204, 643.
Комышанъ Григорій козакъ 171.
Комышеватая Сура, рѣка 233.
Конаръ Великій, урочище 12, 15.
Конецпольскій гетманъ 499, 515, 516.
Конецполь мѣстечко 15, 516, (Старый и Новый).
Конка, Конскія—воды, рѣка 12, 13, 16, 17, 38, 42, 44, 49, 60, 63, 64, 114, 134 136, 164, 210, 540, 541.
Кононовичъ Григорій старшина запорожскій 24.
Конотопъ городъ 516.
Константиновка мѣстечко 561.
Константіевичъ, писарь войсковой 399.
Константиновичъ Павелъ козакъ 370.
Константинополь городъ 20, 29, 132, 157, 347, 402, 463, 464, 576.
Консуловка деревня 165, 166.
Копъ-куя урочище 40.
Корабельная рѣка 15, 49.
Корабельное село 204.
Корабель скала 47.
Корецкій козакъ 31.
Коржевъ шляхъ 65.

Коржевы могилы 65.
Коржъ Никита Леонтіевичъ запорож. старожилъ 111, 195, 231, 261, 266. 318, 560.
Коробинъ Андронъ полковникъ 24, 25.
Королевскій шляхъ (Гардовый) 65.
Корсунскій монастырь 50; Корсунскій полковникъ 625.
Корсунь городъ 117, 262, 279, 358, 521, 581, 591.
Кортицкій или Хортицкій островъ 119.
Косаговъ Григорій стряпчій 92, 112, 194.
Косинскій Криштофъ, гетманъ 279.
Космакъ рѣка 49.
Костоватая рѣчка 65.
Костырская рѣчка 49.
Косякъ Евдокимъ крестьянинъ 80.
Котовка село 205, 309, 368, 384.
Коушаны село 440.
Коцырь Алексѣй полковникъ 406.
Кочережинскій бродъ 68.
Кочережки село 368, 392, 424.
Кочубей Павелъ подкоморій, Кобучей князь 27, 191. 637.
Кошевая рѣчка 49.
Кошелевъ, бригадиръ 624.
Коширскій князь 512.
Кошманъ іеромонахъ 398.
Кошъ 33, 94, 110, 112, 114, 119, 133, 170, 185, 193, 220, 229, 238, 240, 247, 249, 255, 308, 321, 335, 338, 341, 349, 350, 352, 358, 364, 365, 368, 373, 375, 381,—384, 395, 397, 398, 404—406, 415—418, 424, 536, 542, 571, 577, 582, 584, 585, 591, 592, 594, 599, 600, 601, 604, 607.
Кравецъ козакъ 31.
Кравчина Иванъ козакъ 377.
Краковъ городъ 114, 497. 504.
Крамарская деревня 425.
Крамный базаръ 592.
Крарійская переправа 67, 120.
Красногригорьевка село 76.
Красно-кутовская Сичь 136.
Красноперичъ Данило полтавецъ 134, 135.
Красноселье село 55.
Красный-Кутъ, урочище 136.
Красный-Ярокъ, балка 23.
Красовскій Кириллъ полковникъ 416.
Кременчугскій бродъ 66. 68.
Кременчугъ городъ 65, 191, 516, 584, 642.
Кременцовъ островъ 48.
Крестовоздвиженскій монастырь 376, 421.
Кривая коса, забора 19, 21, 23, 47, 48.
Кривецкій Анисимъ Семеновичъ, войсковой писарь 25.

Кривое село 537.
Кривой Власъ Ивановичъ козакъ, Иванъ, маляръ 374, 396, Олекса 639, 641.
Кривой-Рогъ, урочище 65, 204, 643.
Кривой Торъ. Торецъ, рѣчка 39, 206.
Крижаничъ Юрій, сербъ 461.
Криницы—Бѣлыя, урочище 41.
Кринка (Великая и Сухая) 22, 23, 24, 39.
Кругликъ лѣсъ 55, 56.
Круглое море 541.
Крутилка балка 206.
Крупецъ мѣстечко 290.
Крылово, мѣстечко 14, 112, 132.
Крыловъ, городъ 134.
Крыловъ Петръ, сидѣлецъ торгашъ 592.
Крымскій шляхъ 64, 65, 583.
Крымъ-Гирей—ханъ 576.
Крымъ 18, 29, 42, 58, 63. 64, 66, 75. 88, 131, 134, 150. 206, 278. 295, 360, 395, 417, 425, 441, 454, 456, 457. 468, 520, 535, 542, 545, 572, 576, 578—580, 584, 585, 599, 600, 602, 605. 612.
Крыса Герасимъ, козакъ 608 609.
Крюковскій шляхъ 65, 583.
Крюковъ, городъ 65. 640.
Кубанская область 42.
Кубань, рѣка 42 308, 391, 438, 561.
Кузня, пещера 48.
Кузьмичъ Степанъ, крестьянинъ 508.
Куликово, село 356, 391.
Куликовскій полковникъ 625.
Куриловка, мѣстечко 32, 205, 368. 382.
Куропаткинъ генералъ-лейтенантъ 291.
Куртичъ сербъ 35, 37.
Куруковъ городъ 512.
Курячья балка 65, 643.
Кухаревъ островъ 47.
Кухаревскій, войсковой асаулъ 625.
Куцая балка 146.
Куцеволовка село 369.
Куцый Еланецъ рѣка 197.
Кушакшатеръ городъ 469.
Кушугумъ, рукавъ Днѣпра 49, 392.
Куяльникъ-Кучурганскій, рѣка 536, 537.
Кызыкерменскій-шляхъ 65, 583.
Кызыкермень-городъ 11, 13, 16, 38, 39, 65, 66, 92, 134, 439, 442, 456, 468, 540, 544, 601.
Кызымысъ, урочище 432.

Л.

Лабуровскій Григорій Якимовичъ, судья войсковой 376.
Лабѣнскій Григорій, священникъ 381.
Лазнюкъ, рѣчка 164, 165.
Лантуховскій, островъ 47.
Лантухъ Григорій Ѳедоровъ, кошевой атаманъ, Ѳедоръ 24, 334, 351, 416.
Ланцкоронскій Предславъ, гетманъ 9, 223.
Лапинка, конецъ Никополя, село—153, 269.
Ласси, русскій полководецъ 14.
Ластовскій Ѳедоръ, священникъ 391.
Латышъ Семенъ, козакъ 371.
Лебединскій, монастырь 348.
Лебединъ, козакъ 31.
Лебединцы, селеніе 205.
Левенецъ Прокопъ, полковникъ козацкій 294.
Левушковскій курень 200.
Легкій Яковъ Андреевичъ, ктиторъ 387.
Лелека запорожскій козакъ 379.
Лелековка село 368, 379.
Ленцо—Сухорскій Лаврентій 370.
Лемеши село 423, 426.
Леонидъ іеромонахъ 403.
Леонтовичъ священникъ 373, 374.
Леонтьевскій буеракъ 60.
Леонтьевъ кіевскій генералъ-губ. 19, 29, 415, 620, 622.
Лепета Яковъ запорожскій козакъ 377.
Лефсинъ запорожскій козакъ 376.
Липовая колонія 143.
Литва 114, 179, 337, 446, 471—480, 483, 484, 504, 511.
Лиховка село 204, 370.
Лишняя балка 53.
Лишній порогъ 45.
Лжесимеонъ Алексѣевичъ, самозванецъ 131.
Лобода козакъ 31.
Лободиха рѣчка 49, 130.
Логовикъ Василій священникъ 96.
Лодыжинъ городъ 464.
Лозоватая рѣчка 419.
Лозоватое озеро 142.
Лозовое село 368.
Лозовскій оврагъ; зимовникъ 205.
Лозовый оврагъ 394.
Лопатиха рѣчка 49.
Лоповъ Андрей золотописецъ 302.

Лоханка балка 53.
Лоханскій порогъ 45.
Лохвица городъ 351.
Лубны городъ 583.
Лугань рѣчка 35, 49, 206.
Луганчикъ рѣчка 206.
Луковатое озеро 416.
Лукьяновъ Родіонъ, рыльскій помѣщикъ 462.
Лупыносъ запорожскій козакъ 318.
Лучинъ село 431.
Львовъ городъ 64, 509, 583.
Лыбинъ козакъ 31.
Лысая гора 49, 431.
Лысый козакъ 31.
Лысиця козакъ 184.
Лычково село 360, 368, 382, 384, 385, 639.
Лычковская паланка 204.
Лютая балка 53.
Лютецкая крѣпость 21.
Лѣсная рѣчка 49.
Лягуша Демьянъ козакъ 421.
Ляхъ Иванъ козакъ 179.

М.

Магалычъ городъ 468.
Магденко помѣщикъ 429.
Мазепа гетманъ 20, 93, 133, 134, 300, 360, 361, 401, 413, 414, 469, 555, 601.
Мазничное озеро 416.
Макарово селеніе 205.
Макаровъ Иванъ козакъ 181.
Максимовъ Прокопъ запорожскій полковникъ 624.
Малашевичъ Иванъ, кошевой атаманъ 18, 28, 133, 135, 223, 301, 347, 416, 613, 619, 620. См. Мелашевичъ.
Малый войсковой старшина 419, 421.
Малышевскій островъ 90.
Малюта козакъ 318.
Манчапрасъ, куренной атаманъ 264.
Маріуполь городъ 205.
Марія-Казиміра, жена Яна Собѣскаго 505.
Маркевичъ Павелъ іеромонахъ 364, 377, 415.
Маркушевъ городъ 64.
Мартынова колонія 143.
Мартыновъ козакъ 421.
Мартюкъ козакъ 371.
Маслова рѣчка 49.
Махина козакъ 318.

Махиновскій козакъ 386.
Маячки рѣчки 205.
Медовецъ село 204.
Межигорскій монастырь 181, 341, 342, 348, 351, 352, 362, 364, 367, 376, 398—405, 412, 415, 418, 419, 555, 584, 586, 618.
См. Кіево-Межигорскій монастырь.
Межирѣчье село 368, 396, 426.
Мелашевичъ Кость козакъ 24.
Мелесъ епископъ 397, 407, 408.
Мелецкій коронный гетманъ 277.
Мелитополь городъ 438.
Менгли-Гирей ханъ 441, 454.
Мертвоводъ рѣка 15, 16, 26, 38, 39, 41, 49, 55, 64, 68, 197, 600.
Месемврія 574, 578.
Метелиха рѣчка 49.
Меченко войсковой судья 399.
Мечетная балка 206.
Мигійскій перевозъ 68.
Мигійскій Ташлыкъ, рѣчка 49, 68.
Мигіи село 48, 204.
Микитина плавня 47.
Микитино село 65, 118, 135, 141, 151—153, 156, 204, 431, 590, 593, 600, 641, 642.
Микитинская Сичь 112, 151, 155, 158, 361.
Микитинскій перевозъ 67, 90, 152, 154, 240, 598, 600.
Микитинъ—Рогъ 49, 67, 118, 283, 358; шляхъ 65.
Миликлія султанша 459.
Минихъ фельдмаршалъ 14, 30, 72, 91, 122, 144, 194, 300, 301.
Миницкій самозванецъ 365.
Миргородъ 583.
Мишуринорогская переправа 67.
Мишуринъ-Рогъ 65, 67, 204, 365, 368, 369, 583, 601.
Міюсская коса 21; Міюсскій городъ 11, 17.
Міусчикъ рѣчка 205.
Міюсъ, Міусъ, рѣка 11, 13, 17—25, 39, 395, 576.
Мовчанъ козакъ 31, 385, 625.
Мочабиловка село 630.
Могилевъ село 205, 362, 366, 368, 383.
Мокроновскій панъ 179.
Мокрый-Омельникъ рѣчка 48.
Молитва козакъ 31.
Молочныя-Воды рѣчка 19.
Мокостырища урочище 115.
Монастырскій островъ 47.
Монастырько камень 47.
Монтовтъ панъ 508.
Морозова пани 284—288, 296, балка 206.
Морской Чулекъ рѣчка 39.

Московка, Мокрая и Сухая, рѣчка 22, 49, 59, 115, 126.
Моторный козакъ 391.
Мотронинскій лѣсъ 55, монастырь 341, 348.
Мошенскій монастырь 348.
Мошка козакъ 31.
Мраморное море 576.
Музурманъ рѣчка 49.
Музычина колонія 143.
Муравскій шляхъ 62—64, 68, 573, 580.
Муромцевъ губернаторъ 175.
Мустафа-бей-Селихтаръ 14.
Мѣловая балка 33, село 165, 204.
Мягкій козакъ 374.

Н.

Набоковка село 204.
Надтока, Надточій гетманскій козакъ. 606.
Наумовка колонія 143.
Недайвода рѣчка 65.
Неживый запорож. старшина 206; священникъ 384.
Неижмакъ козакъ 318.
Некленовка рѣчка 23.
Неклеса козакъ 390.
Ненасытецкій порогъ 45, 46, 432; ретраншементъ 365, 375.
Непійпиво козакъ 318.
Неплюй козакъ 378.
Нерубай лѣсъ 55, 56.
Нерыдай-мене мате козакъ 184.
Нестеренко полтавскій сотникъ 27.
Нестеровка крѣпость 35.
Нехвороща мѣстечко 429.
Нехворощанскій монастырь 403.
Нечитайло козакъ 31.
Низъ, Низовье, 10, 87, 90, 109, 116—118, 231, 424, 489, 492, 532, 551, 561, 578, 588.
Никитинская застава 38, 95, 227, 589, пустошь 425, Сичь 298.
Никитинскій перевозъ 194.
Никитинъ-Рогъ 14, 141.
Николаевка-Рудевка село 348, 366, 393, 395.
Никополь мѣстечко 61, 118, 150, 152—156, 158, 175, 361.
Новая Сичь 94, 113, 135, 137, 140, 141, 175, 170—175, 200.
Новобогородицкая крѣпость 93, 360, 390, 413, 605.
Новгородъ—Волынскъ 550.
Новоградъ крѣпость 14, 99.
Новомосковскъ городъ 205, 268.
Новосамарь слобода 368.

Новоселица слобода 205, 366, 419, 426, 427, 643; Новоселовка 205.
Новосербія 34—37, 96, 578, 586.
Новосѣченскій ретраншетентъ 139.
Новый-Кодакъ городъ 204. См. Кодакъ.
Ногай войсковой старшина, 372.
Носачъ войсковой судья 233, 234.
Носова балка 23.
Носоковка островъ 67.
Носоковская переправа 67.
Носъ козакъ 31, 371.
Нѣжинъ городъ 93.

О.

Овечій бродъ 68.
Одаровка селеніе 205.
Одесса городъ, онъ же Хаджи-бей 61, 74, 75, 144.
Одинковка, она же Куликово, село 356, 391.
Ожаровская коса на рѣкѣ Бугѣ 48.
Окатый запорожскій козакъ 643.
Олексіенко куренной атаманъ 399.
Ольшанка рѣчка 64.
Омельникъ, Мокрый и Сухой, рѣчка 36, 44, 48, 54, 55, 62, 69, 70, 196, 638, 643; село 368.
Омельницкій козакъ 24.
Омеловая рѣчка 49.
Онуфріевка село 638.
Онуфрій Назаровичъ куренной атаманъ 156.
Опалиха рѣчка 640, 641.
Орамъ-Тимуръ, ханъ 438.
Орель, рѣка 8, 10, 11, 14, 32, 33, 39, 42, 44, 48, 49, 57—59, 62—64, 68—71, 197, 205, 231, 356, 360, 362, 383—385, 414, 428, 429, 431, 432, 561, 630, 639.
Орельская паланка 203, 205.
Орликъ село 368, 370.
Орликъ Филиппъ, гетманъ 346.
Орлова рѣчка 49.
Орловъ-кутъ 419.
Ортинскій или Хортицкій островъ 119. См. Хортица.
Орчикъ село 426.
Орша городъ 495, 498.
Осиковатая балка 23, 25.
Осланъ городъ 540. См. Арсланъ городъ.
Осницкая коса 48.
Осокоровка рѣчка 48; село 204, 432.
Осокорово озеро 142.
Остеръ рѣка 423; городъ 422.

Островъ-Затонъ, слобода 365.
Остролуцкій священникъ 395.
Острый козакъ 351.
Очаковъ крѣпость 11, 18, 38, 42, 64, 66, 72, 90, 94, 141, 158, 206, 250, 439, 442.
Охмечъ деревня 468.

П.

Павлова скала 48.
Павловъ запорожскій полковникъ 625.
Павловскъ городъ 23.
Павлоградъ городъ 59.
Павлюкъ козакъ 642; рѣчка, 49, 141, 162.
Паисій іеромонахъ 94, 347, 412.
Палій Семенъ полковникъ, Палій Петръ и Иванъ 261, 293, 318, 469.
Паліивщина урочище 47, 261.
Панчовка крѣпость 35.
Панчоха зап. козакъ 264, 379.
Панькова рѣчка 49.
Паньковка село 426.
Парасуковъ московскій посолъ 463.
Пекарскій шляхтичъ 291.
Пенько Янъ староста 500.
Перевизка урочище и село 68, 204, 366, 642.
Перевизская паланка 202, 204.
Переволочна крѣпость, перевозъ 113, 117, 142, 584, 601, 606; рѣчка 14, 34, 65, 601, Сичь 112.
Перволочанскій шляхъ 65, 583; перевозъ 601, 602.
Пересунька зап. козакъ 17.
Перекопъ городъ 11, 63, 64, 90, 278, 360, 468, 439, 542, 457, 580, 590, 591. Перекопская башта 591, 592.
Переметовка село 205.
Пересунька запорожскій козакъ 17.
Перехристъ запорожскій козакъ 180.
Перещепино село 96, 366, 396.
Переяславскій курень 200; ошибочно напечатано переславскій.
Переяславскій Михайловскій монастырь 362.
Переяславъ городъ 633.
Перунъ островъ 47.
Пестъ запорож. козакъ 373.
Песчаная Самарь 203.
Песчаное урочище 30.
Песчаный бродъ 39, 55, 68.
Петренко крестьянинъ 55.
Петриковка, Петровская, Петровка, село, 32, 39, 42, 82, 205, 382, 368, 643.

Петрикъ гетманскій канцеляристъ 360, 605.
Петрова станція 642.
Петровское-Балабино село, 392.
Петрушина туба, коса 21, 23.
Кіево-печерскій монастырь 349, 349.
Пивтора-кожуха козакъ 318.
Пимлинъ войсковой асаулъ 625.
Пинчюкъ запорожскій козакъ 92.
Пироговскій крестьянинъ 171.
Писаревскій священникъ 370.
Письмичевка село 233, 396, 366.
Писчевичъ Александръ 172, 200.
Пишмичево зимовникъ 233.
Пишмичъ войсковой асаулъ 233.
Плакущій запорожскій козакъ 31.
Плахтіивка село 35.
Плетениха рѣчка 49.
Плетеницкій лиманъ 16, 49, 50.
Плеса село 205.
Плиха зап. козакъ 390.
Плохой зап. козакъ 163.
Плясунъ зап. козакъ 377.
Погорѣлый островъ 50.
Погребнякъ мастеръ 387, 389.
Подгорнее село 368.
Подгороднее село 394.
Подгорыни урочище 206.
Подкова Иванъ 122.
Подолія 11, 65, 481, 489, 516.
Подпильная рѣчка 49, 66, 95, 132, 136, 137, 140, 141, 154, 160, 162, 163, 172, 174, 363, 419, 547.
Подпиленская Сичь 113, 136, 170.
Покровское село 156, 158, 172, 174, 175, 267, 395, 547.
Покотило зап. козакъ 222.
Полковничья село 205.
Половица село 204, 396, 416.
Половиніцино село 205.
Полозово село 368.
Полозъ зап. козакъ 378.
Полонскій зап. козакъ 644.
Поль, археологъ, 54, 269 309.
Пономарево зимовникъ 204.
Полтава 576.
Попасные буераки 234. 235, 640.
Попельницкій священникъ 370.
Поповъ яръ 205.
Порохня священникъ 234, 368, 374, 386, 389; полковникъ 395.
Порошенко запорожскій козакъ 377.

Потапенко войсковой писарь 625.
Потемкинъ князь 133, 152, 191, 238, 304, 409; островъ 50.
Потоки городъ 516.
Потоцкій князь 515, 516, 581.
Похила запорож. козакъ 24, 250.
Похиловскій мостъ 638.
Поцецело село 561.
Прерадовичъ сербъ 35.
Прилука зап. козакъ 390.
Прислипа зап. козакъ 180.
Пристѣна хуторъ 419.
Прогноево урочище 206.
Прогноинская паланка 203, 206.
Прогноинскъ городъ 201.
Прогной озеро 142, 162, 203, 541.
Продайково озеро 384.
Проданивка село 205.
Проклъ іеромонахъ 94.
Пропасная балка 53.
Протовча рѣчка 120, 205, 383, 419, 641.
Протовчанская паланка 203.
Протычанская скала 48.
Прудкій зап. козакъ 390.
Прядивка село 205.
Пугачъ скала 48, 167.
Пустихлонъ докторъ 91.
Пустовойтовка село 351.
Пустынный Самарско-Николаевскій мон. 268; см. Самарско-Николаевскій монастырь.
Пушкаровка село 205, 640.
Пшеничный зап. полковникъ 391.
Пышневка слобода 205, 366, 396.

Р.

Разбойники камни 47.
Раздора зап. козакъ 347.
Разумовскій гетманъ 32, 33, 189, 350, 423, 580, 585, 615, 619—621.
Раково село 204.
Ревовка село 205, 366, 368, 383.
Ревунецъ рѣчка 148.
Ревунъ рѣка 148.
Ревунча рѣчка 148.
Ремезовъ купецъ 303.
Рибасъ адмиралъ 144.
Ризниченко козакъ 374.
Рогачикъ рѣчка 49, 65, 67, 438, 591, 601,

Рогачицкая переправа 67.
Роговъ подъячій 607.
Рогозяный-Дѣдъ кошевой 184.
Родина рѣчка 418.
Розстёбинъ островъ 123.
Рожинскій гетманъ 199.
Романково село 65, 67, 96, 365, 368, 371, 375.
Романковская переправа 67.
Романковъ курганъ 130, 359, 365.
Романовскій войсковой писарь 417.
Романовъ островъ 47.
Ромны городъ 351.
Росса, Роксолана, султанша 459.
Росколупа зап. козакъ 641.
Россолода старожилъ 76, 265, 269.
Росошь балка 23.
Рубанъ зап. козакъ 624.
Рудевка село 368.
Рудостамовъ, дьякъ 608.
Рудь зап. козакъ 347, 348, 393.
Рѣзникъ зап. козакъ 31.
Рѣчище 49, 123, 144, 147, 148, 151.
Рѣшетило зап. козакъ 24.
Рѣшетнякъ зап. козакъ 156.
Рябой зап. козакъ 24, 639, 640, 641.
Рябошапка зап. козакъ 421.

С.

Савуръ—могила 96.
Савченко, козакъ 31.
Сагайдака лижко 121, попилище Сагайдака 121.
Сагайдакъ, урочище 40, 41, 121.
Сагайдакъ, рѣчка 49.
Сагайдачный, Петръ, вождь запорожскихъ козаковъ 120, 121, 293, 494, 499, 603.
Садило, козакъ 31.
Садки урочище 432.
Саксагань, рѣчка и слобода 54, 55, 65, 66, 379, 638, 642.
Саковичъ, Кассіанъ, ректоръ 293.
Саламасный, козакъ 31.
Салафаилъ, іеродіаконъ 403.
Самара, городъ 8, 10, 33, 71, 93, 96, 200, 205, 222, 234, 240, 356, 357, 362, 386, 389, 410, 416.
Самара, рѣка 14, 17, 22, 25, 27, 29, 30, 32—35, 38, 48, 49, 57— 63, 68—71, 95, 197, 210, 357, 359, 392 363, 392, 393, 411, 414—416, 419, 424, 431, 546, 561, 605, 618, 635,

Самарская товща 205.
Самарская паланка 203, 204.
Самарскій перевозъ 240.
Самарина балка 23.
Самарско-Николаевскій монастырь 29, 94, 130, 341, 345, 348, 349, 357—364, 367, 376, 383, 385, 387, 391—395, 402, 403, 406, 410, 413—422, 425, 426, 428, 430, 618, 632, 635.
Самарчикъ, рѣчка 205, 357, 411, 419, 618, 639, Самарчикъ, городъ 368.
Самсикъ, Стефанъ, козакъ 374.
Самойловичъ, гетманъ Малороссіи 10, 58, 88, 138, 224, 286, 299, 300, 605, 634.
Самоткань рѣчка 36—39, 48, 69, 70, 561.
Самуилъ іеромонахъ 417.
Санбекъ рѣка 21.
Саромацкая рѣчка 23.
Сверчовскій, козацкій вождь 292, 294, 488.
Свинскъ, городъ 93.
Свитоватая балка 206.
Святоша козакъ 318.
Святая рѣчка 49.
Святая-Горькая рѣчка 65.
Святогорскій Теплинскій монастырь 39.
Семеновская коса 23.
Семеновскъ городъ 23.
Семеновъ мысъ 48.
Семеновъ сотникъ 32, писарь 625.
Семеновъ Рогъ 40, 55, 432.
Семенчиковка селеніе 205.
Семи-Палка козакъ 184.
Сенюковъ Афанасій Емельяновъ 385.
Середняя скеля 121.
Сердюковка селеніе 205, 366, 396.
Серебреникъ Иванъ Андреевичъ 390.
Сергіевъ скитокъ 392.
Сибирь—страна 249, 305.
Сигизмундъ I, король польскій 7, 204.
Сигизмундъ-Августъ, польскій король 114, 115, 486, 487, 489, 496.
Сигизмундъ III, король польскій 291, 492—495, 499, 502.
Сигизмундъ IV, король польскій 497.
Синельниковъ Иванъ Максимовичъ, премьеръ-маіоръ 175.
Синопъ городъ 409.
Синюхинъ-бродъ 68.
Синюха рѣка или Синія—воды, 9, 11, 14, 15, 35, 37, 42, 49, 64, 68, 432, 471, 536, 587.
Синявскій, Антонъ козакъ 369.
Сирковка селеніе 205.

Сирота, козакъ 31.
Сирко, Иванъ кошевой атаманъ См. Сѣрко, 299, 462, 398, 399, 569, 634, 637.
Сичевой (Низшій и Высшій)—шляхъ 65. 66
Сичь 27, 31, 34, 37, 38, 42. 48, 58, 61, 64, 66, 91—95, 108—124 130—142, 145, 152—154, 158. 177—194, 196, 200. 203, 207, 208 211—236. 239, 241—243. 246—250, 255, 261—263. 167, 278, 280—283.
Сѣчь 293, 294, 295, 299, 305, 308, 310, 315, 316, 317, 318, 320. 321, 322, 323, 324, 326. 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 343, 346, 348, 349, 350, 352, 356, 358, 359, 360 361. 363, 364, 368. 371, 375, 376, 316, 397. 399, 401, 403—405, 407, 408, 417, 418, 422, 424, 428. 429, 431, 432.
Сичь--городокъ 209, 10, 11, 27.
Сичь Новая 65.
Скаженая, рѣчка 162.
Скалозубово урочище 432; Скалозубъ островъ 47.
Скарбная—рѣчка 49. 137, 162, Скарбный островъ 47.
Скелеватый, мысъ 48.
Скелевскій Рогъ, урочище 40.
Славяно-Сербія 35, 36.
Славяно-сербскъ городъ 394.
Слезинскій боръ 484.
Случъ рѣка 42.
Смецкій, новосѣченскій оберъ-провіантмейстеръ 624.
Смирна, городъ 469.
Смола, Иванъ, войсковой пушкарь 371.
Смоленскъ, городъ 10, 609.
Собѣскій, Яковъ 177, 283, 505, 506, 637.
Сова, скала 48, козакъ 644.
Совута-запорожецъ 143.
Совутина скеля 196; колонія 143.
Сокальскій, Владиміръ архимандритъ 233, 349, 350.
Соколанскій-перевозъ 68.
Соколанъ или Соколы, селище 68, 204.
Соколиный лѣсъ 55.
Сокольскій редутъ село 205.
Соллогубъ помѣщикъ 179.
Соломчино—озеро 148.
Солоная рѣка 19, 38, 39, 41, 59, 65. 85, 638.
Солонецкая (Верхняя, Средняя, Нижняя), рѣчка 49, 53.
Солонецкое озеро 50.
Соленое-озеро 419.
Солонцы, балки 582.
Сомова-рѣчка 49.
Сомко Якимъ гетманъ 280.
Сорокъ могилъ, урочище 640, 641.

Сосѣнъ городокъ 467.
Кіево-Софійскій монастырь 403.
Спичино озеро 148.
Станиславовъ мысъ 582.
Становой островъ 47.
Старосамарь село, 27—32, 360, 368, 391, 413.
Старая Сичь 159.
Старая Сысина-рѣчка 136.
Стародубъ-городъ 93, 588.
Старый Кодакъ село 204.
Степная станція 65.
Стефанъ Баторій 7, 8, 277.
Стецовка крѣпость 35.
Стешинъ бродъ 68.
Стовба Федоръ войсковой старшина 419.
Столбы-скала 146.
Столовая балка 23.
Стодола, полковникъ Пугачева 426.
Сторча-Усъ козакъ 184.
Строцинскій Романъ козакъ 374.
Стрѣлка, урочище 169.
Стрѣльчья забора 47.
Стрѣляй-Баба козакъ 184.
Стукаловъ островъ 47.
Стуконосъ козакъ 31.
Стягайло Иванъ кошевой атаманъ 131, 399.
Субботово, село 118.
Сугаклей, рѣчка 55.
Сугаклей-Камышеватый, рѣчка 37, 49, Сугаклейчикъ 55.
Судіевка селеніе 205.
Сумы городъ 63.
Супа Антонъ, козакъ запорожскій 156.
Сура Мокрая, рѣка 48, 55, 89, 196, 233, 641; Сура Сухая 180; Сура Камышеватая 639.
Сурское-Клевцово село 377.
Сурской порогъ 45.
Сусла Иванъ козакъ 464.
Сухая балка 205.
Сухій Моисей, войсковой судья 222, 417.
Сухина полковникъ богурусланскій 381; козакъ 391.
Сушкова Марія Афанасьевна, помѣщица 424.
Сысина рѣчка 49, 175, 547.
Сычъ Василій Григорьевичъ кошевой атаманъ 171, 180, 574.
Сѣднево, мѣстечко 113, 117.
Сѣдневская Сичь 112.
Сѣдловскій Яковъ, атаманъ запорожскій 427.
Сѣрко Иванъ Дмитріевичъ, кошев. атаманъ 55, 112, 130, 131, 138, 157, 159, 194, 223, 224. См. Сирко.

Сѣркова гатка 39.
Сѣркова могила 39.

Т.

Таванскій байракъ 39.
Таванская-рѣчка 43.
Тавань-островъ 47, 67, 136, 442, 540 541, 543, 606.
Таволжанская-балка, забора 53, 47, 67.
Таганрогъ, рѣка, городъ 23, 96, 395, 641.
Тамерланъ, ханъ татарскій 290, 291.
Тарамское село 204.
Таранъ Антонъ, Семенъ, Стецько, Василій, Федоръ козаки—31, 159, 250, 635.
Тарасенко Андрей, писарь войсковый 230.
Тарасовка, село 204, 431.
Тарасъ, рѣчка 49, 68.
Тарговица, рѣчка 55, 64.
Тарловскій Кириллъ Николаевичъ, дикій попъ, 392, 393, 419, 420, 422—428.
Татарія (Крымъ) 63, 65, 98.
Татарка—рѣчка 49.
Татарская переправа 67.
Ташлыкъ Большой Сухой—балка 12, 15, 48, 39. Мигейскій, рѣка 38, 39, 49, 68. Черный, рѣка 37.
Текели Петръ Абрамовичъ генералъ-маіоръ 195, 198, 335, 381.
Темерникъ, рѣчка 19, 20, 24, 25, 39.
Темная долина, рѣка, 55, 432.
Темное урочище 431.
Темрюкъ-пятигорецъ, вождь козацкій 277.
Тендеръ, коса, островъ 541, 561.
Тендетникъ Степанъ козакъ 29. 30.
Тенфановъ Иванъ столяръ 303.
Терещенко Иванъ козакъ 390.
Терновая, рѣчка 55.
Терноватая балка 23.
Терновка, рѣчка, село 204. Малая 55, 363, 368, 393 426, 640, 642.
Терновскій бродъ 68.
Терса—Нижняя и Верхняя, рѣчка 59, 348, 643.
Тилигулъ рѣка, 536, 561.
Тимошевичъ Василій войсковой судья 351.
Тимофеевъ Николай войсковой судья 376, 596.
Тишкевичъ Василій староста 499 568.
Ткачевъ, островъ 47.
Товія іеродіаконъ 403.
Товстоногъ Федоръ козакъ 159.
Токмакъ рѣка и могила 16.

Толкачъ козакъ 318.
Томаковка островъ 47, 114, 116, 117, 119, 130, 147, 148, 149. 150, 151, рѣчка 48, 148, село 204, 370, 366, 368, 377, 431.
Томаковская Сичь 112.
Тонконогъ Иванъ, козакъ запорожскій 24.
Топчій Андрей козакъ 370.
Торецъ Сухой, рѣчка 59. 43.
Тоттъ, баронъ 98, 100.
Трапезонтъ заливъ 403, 542.
Тресаги, урочище 35.
Третьякъ старшина козацкій 347
Трехтемировскій монастырь 362, 405.
Трехтемировъ—городъ 7, 8, 356, 491.
Тритузное село 204.
Тройницкое урочище 368, 369.
Троицкая слобода 395.
Троицко-сергіевская лавра 292.
Троицкъ—городъ 21, 22, 23.
Тройчатая—крѣпость 39.
Трутъ Грицько, козакъ 264.
Тузлеръ городъ 458.
Тукало Яковъ, кошевой атаманъ 223, 416.
Туровъ городъ 496.
Турція 9, 11, 12, 14, 17, 24, 39, 42, 62, 63, 133, 279, 295, 414, 417, 458, 462, 463, 464, 490, 492, 501.
Тыхоступъ, запорожскій козакъ 31.
Тѣльный, запорожскій козакъ 31.
Тягинь, Тягинка, рѣчка 49, 68; балка 53; островъ 47.
Тягинская балка, переправа 67, забора 47, крѣпость 442.
Тяпкинъ Василій московскій посолъ 58, 63, 71, 131.
Тясминъ, рѣка 27, 35, 204.

У.

Удовицкій, Василій Трофимовичъ, козакъ, священникъ, 373, 374.
Украйна 17, 20, 62, 63, 64, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 98, 101, 102, 104, 106, 116, 142, 318, 337, 346, 347, 359, 360, 375, 397, 141, 433, 435, 454, 462, 468, 484, 485, 489, 493, 494, 496, 502, 511, 512, 516, 522, 525, 529, 539, 538, 552, 556, 558, 566, 569, 572, 577, 578, 580, 587, 589, 600, 604.
Украинцевъ, Емельянъ Игнатьевичъ, русскій думный дьякъ 12, 88.
Умань, городъ 64, 581, 582.
Успенскій Нехворощанскій Заорельскій монастырь 421, 322.
Успская переправа 67,
Усть-Міусъ, село 368.
Усть-Самара 27, 28, 29, 365.

Усть-Самарская крѣпость 27, 29, 31, 390.
Усть-Самарскій перевозъ 30, 31.
Усъ, Михаилъ, зап. писарь 625.
Ушаковъ, Симонъ, граверъ 386.

Ф.

Фалѣевка, село 68, 204, 432.
Федоровскій Василій, козакъ 421.
Федоровъ Филиппъ, кошевой атаманъ 417—419, 430, 591.
Федоровъ Григорій кошевой атаманъ 552, 581, 596.
Ферманъ, купецъ 303.
Фети-Гирей, предводитель татаръ и ногайцевъ 415.
Фецъ и Марокко 460.
Фроловъ, поручикъ 621.

Х.

Хаджи-бей, село, теперь Одесса 537, 591.
Хаджи-Девлетъ-Гирей ханъ 337, 441.
Хаджи-Ибрагимъ-Капыджи-паша, турецкій комиссаръ 17.
Хазлевъ, городъ Козловъ, Евпаторія 458.
Хандалей Андрей козакъ 347.
Ханенко Михаилъ кошевой атаманъ 413, 462.
Харкунъ Илья козакъ 372.
Харсютино село 204.
Хащевое урочище 419.
Хвастово городъ 469, 261.
Херсонъ, городъ 61, 79.
Хижнякъ козакъ 348.
Хиртица, Хитрицкій, островъ 113, 120.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ, 8, 33, 34, 54, 117, 118, 155, 156, 219, 244, 262, 263, 279, 283, 291, 293, 298, 346, 356, 358, 520, 521—523, 604, 635; Тимофей 283; Юрій 462.
Ходавская Софья, шляхтянка 422.
Холодная, балка 205.
Холодовъ яръ 206.
Холодъ Степанъ, запорожскій асаулъ 625.
Хорватъ Иванъ, сербъ 34, 35.
Хоролъ городъ 583.
Хорошій яръ 206.
Хортица, Большая и Малая, Хордецкій, Хорчика, островъ, 47, 90, 114 — 116, 119—127, 135, 141—145, 223, 277, 431, 487. Хортицкая рѣчка 127.
Хортицкая Сичь 112, балка 53.
Хотинъ, крѣпость 277.

Хрипунъ Дмитрій крестьянинъ 155.
Христіанъ, король саксонскій 158.
Хруловая, рѣчка 49, Хруловой лиманъ 50.

Ц.

Цапрыга островъ 47.
Цапъ-паша 468.
Царевская рѣчка 49.
Царичанка рѣка 205.
Царская пристань 143, 144, 173.
Царьградъ 62 городъ 404, 463, 468, 470, 542, 543, 572, 574
Церковный мостъ на р. Базавлукѣ 638.
Цыбулевъ городъ 56, 66.
Цегловатая селеніе 205.
Цесарскій асаулъ 399.

Ч.

Чабанъ, куренной атаманъ 596.
Чабуръ рѣка 42.
Чайка рѣка 13, 165.
Чалый Савва, козакъ 48, 381.
Чандаръ городъ 468.
Чапли село 205.
Чаплинка рѣчка 49.
Чаплинская Каменка, село 205.
Чаплинскій бродъ 68.
Чапля Иванъ, козакъ 170.
Чартайскій бродъ 68, 536, 537.
Чартала, рѣчка 68.
Часныкъ козакъ 184.
Чачаклей, рѣчка 55, 536, 537.
Чекересъ Степанъ, козакъ 422.
Чемерисъ Стефанъ, полковой старшина 374.
Чепига Иванъ, кошевой атаманъ 388.
Червоный, лиманъ 49.
Черепаха козакъ 318; рѣчка 21.
Черкассы, городъ (замокъ) 115, 260. Черкаскъ 21, 359, 484.
Черниговъ, городъ 93, 113, 516.
Чернечій лиманъ 50.
Чернечье, село 205, 419, 635; пекло 363.
Чернетчина, селеніе 205.
Черное море 9, 10, 12, 18, 40, 44, 53, 62, 100, 106, 141, 310, 348, 353, 354, 409, 468.

Чернухино село, 394, станція 368.
Чернухинъ оврагъ 205.
Черноуховка, селеніе 205.
Черный Леско козакъ 272, Иванъ 385.
Черный лѣсъ и шляхъ 10, 27, 55, 56, 64, 82, 62, 569.
Чернышевка село 76, 78, 148, 149, 269.
Чернышевскій лиманъ 148.
Чертецкая балка 23.
Чертковъ, генералъ-губернаторъ 393, 423, 425, 426.
Чеснокъ Петръ Ивановичъ, козакъ 469, 470
Чигиринъ, городъ 7, 8, 27, 180, 277, 359, 462 Чигринъ—Дубрава 516.
Чисто поле 52, 89.
Чонградъ крѣпость 35.
Чорна-Ислах-черный шляхъ 64, 573, 582, 583.
Чорный Митрофанъ, крестьянинъ 171; козакъ 31.
Чортомлыцкая Сичь 110, 130, 131, 133, 135, 158, 160, 166, 176, 371, 359, 569.
Чортомлыкъ рѣка 65, 90, 132, 159, 160, 161, 163, 254, 639, 641, 642.
Чортомлыцкое Днѣприще 132.
Чортомлыцкій островъ 131, 135, Чортомлыцкій-Рогъ 161.
Чубъ Стефанъ, куренной атаманъ 376.
Чувилинъ оврагъ 377.
Чувилино село 368.
Чугуевецъ Иванъ, войсковой писарь 135, 136, 628.
Чудновъ городъ 462.
Чумакъ Иванъ козакъ 390.
Чумацкій (крымскій) шляхъ 64.
Чута, лѣсъ 55, 56.
Чюленка, рѣчка 21.

Ш.

Шавулиха, рѣчка 49.
Шангирейскій рентраншементъ 368, 396.
Шафрановъ Андрей Осиповичъ, куренной писарь 24.
Шанцевая колонія 143.
Шарый Гаврило козакъ 181.
Шахъ Яковъ козакъ 122.
Швець козакъ 31.
Швыдкій Иванъ, войсковой толмачъ 417; Швыдкій Григорій 580.
Шевичъ Иванъ новосербъ 35.
Шекеренко Афанасій козакъ 371.
Шемякинъ, директоръ таможенный 577.
Шемаевъ инженеръ-поручикъ 307.
Шемаха городъ 470.

Шестерня зимовникъ 204.
Шикъ аптекарь 191.
Широкая балка 53, колонія 143.
Широкій зимовникъ 205.
Шіянъ Иванъ и Яковъ, козаки 158.
Шкода козакъ 184.
Шкура Мартынъ козакъ 872.
Шкурта козакъ запор. 31.
Шматъ козакъ 184.
Шнаутсъ Антонъ золотыхъ дѣлъ мастеръ 303.
Шовковый козакъ 31.
Шолохово село 368, 378.
Шолковый яръ 206.
Шолмошъ крѣпость 35.
Шпаковъ шляхъ 64, 582.
Шрамъ запорожскій козакъ 640.
Шрамовъ бродъ 641.
Штыря козакъ 184.
Шульга козакъ 31, 347, 348.
Шуглѣевка или Шульговка селеніе 205, 366, 368, 383.

Щ.

Щербацкій Тимофей, митрополитъ кіевск. 370, 371, 376, 395.
Щербина Павло 222; козакъ 31.
Щербопянъ козакъ 31.
Щигелскій польскій панъ 509.
Щурово урочище 205.

Э.

Эффенди-кочъ-Мегметъ турецкій паша 12.
Эрдышъ городъ 470.

Ю.

Юрьевка мѣстечко 393.

Я.

Язловецкій, Юрій корон. гетманъ 488.
Якименко, козакъ 31.
Яковенко, Карпъ, козакъ 420.
Яковлевъ, Лукьянъ, кошевой атаманъ 610; Петръ, полковникъ 133; челядникъ 463.

Ялы Мокрые, Большіе и Малые, рѣчка 22, 85, 59.
Ямпольскій, Пафнутій, іеромонахъ 181.
Янчулъ, рѣчка 48, 59.
Ярославка, село 365.
Ясеноватое, селеніе 205.
Яссы, городъ 94, 362.
Яфа, Мордухай, раввинъ 504.
Яшный, камердинеръ Тарловскаго 427.

Ѳ.

Ѳедченко, запорожскій козакъ 31.
Ѳедоровичъ Иванъ, старшина запорож. 24.
Ѳедоровъ, Никифоръ, священникъ 395.
Ѳедоровъ, Филиппъ, кошев. атам. 194, Григорій 189, 238, 341, 416.
Ѳедоръ Ѳомичъ, кодацкій настоятель 234.
Ѳеоктистъ, архимандритъ 389.
Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій 494.

„PRAVOSLAVNI WOSTOK"
L'Église orthodoxe
BUCAREST

